

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет»

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции

г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года

Часть I

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2015

ББК 72я43
К 90

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

К 90 **Культура, наука, образование: проблемы и перспективы:** Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. — Ч. I. — 473 с.

ISBN 978–5–00047–234–7

Часть I издания включает статьи участников конференции секций «История идей и история общества», «Отечественная история и методика обучения истории», «Документационное обеспечение в системе управления», «Актуальные вопросы филологии и массовых коммуникаций», «Когнитивно-дискурсивная парадигма: теория и практика». Авторы освещают актуальные проблемы всеобщей истории, теории истории, историографии, проблемы отечественной истории и документоведения.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ББК 72я43

ISBN 978–5–00047–234–7

© Издательство НВГУ, 2015

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 30.03.2015
Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 59,0
Тираж 300 экз. Заказ 1682

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

Содержание

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Бузова О.В. ТРОЛЛИНГ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	13
Бурханов Р.А., Дмитриева А.В. ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТАФИЗИКА: ЕЕ ПРЕДМЕТ, ФОРМЫ, РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ	15
Бурханов Р.А. КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ МАКСА ШЕЛЛЕРА	19
Герасимов Е.В. СТРУКТУРА ГЕНДЕРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНСТРУКТА	24
Гумерова Г.А., Никифорова А.А. Н.А. БЕРДЯЕВ О КРИЗИСЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	26
Гутов Е.В. БИНАРНОСТЬ «РУССКОЙ ДУШИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	29
Гутова А.Е. ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КАРЕН ХОРНИ	32
Гутова С.Г. МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	34
Емельянов Б.В., Ионайтис О.Б. ЦЕНзуРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ	36
Ибрагимова О.В. СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	38
Исаев А.А. MODERN UNIVERSITY: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТОВАР	41
Комова В.А. ДИХОТОМИЯ ГОРОД – ДЕРЕВНЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	45
Лицук А.А. МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ	47
Матыцин К.С. КВАДРАТ SATOR КАК ЧЕРНОКНИЖНЫЙ СИМВОЛ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	50
Мясоутов О.В. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ	53
Нуриева Д.А. ВОЙНА И МИР: ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ ТВ-ПРОПАГАНДЫ	54
Полищук В.И. КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО	57
Савельева И.Н. КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	59
Слячкус Х.В. СТРУКТУРА НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	60
Тагирова А.В. ИДЕЯ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДАХ ГУСТАВА РАДБРУХА	64

Топчий Д.В. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	65
Целищева З.А. СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУУМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ.....	67
Чурсинова М.А. ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	70

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Бельцер А.А. ЕДИНЫЙ СЕВЕР АНГЛИИ? ЙОРКШИР И АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ТЮДОРОВСКОЙ АНГЛИИ.....	73
Баймулдина Н.С. О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА	75
Беспалова Л.Н. РОЛЬ О. БИСМАРКА В ПРИНЯТИИ ЗАКОНА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в.	77
Василенко Л.В. СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВЫХ АВИАНОСЦЕВ И ИХ УЧАСТИЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	79
Гайсина Л.Р. ГОРОДСКИЕ УЛИЦЫ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ.....	82
Глеб М.В. ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПРОЕКТ «НОВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК»	84
Горбунова С.В. ОБУЧЕНИЕ КАЗАХОВ В НЕПЛЮЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ (КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ) (1825–1866 гг.).....	87
Гордиенко Д.О. СЕРДЕЧНОЕ НЕСОГЛАСИЕ: АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1625–1688 гг.	89
Гришакова Л.В., Мокринских А.С. ЖАН ПОЛЬ МАРАТ – ТЕОРЕТИК «НЕПРЕРЫВНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ.....	95
Гусева М.А. ОТНОШЕНИЯ ГОРОДА И УНИВЕРСИТЕТА КЕМБРИДЖА В XIII–XIV ВЕКАХ (к вопросу о разделении властных полномочий).....	98
Девятайкина Н.И. ТЕМА СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЫ-ФОРТУНЫ В ТРАКТАТЕ ПЕТРАРКИ («О средствах против превратностей судьбы»).....	100
Демичев К.А. ПРОБЛЕМА ЗАДОЛЖЕННОСТИ И ОБЕЗЗЕМЕЛИВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПАНДЖАБА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.....	103
Демичева И.Ю. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК МАЙЯ I тыс. н. э.	105
Добровольский Е.С. ОППОЗИЦИОННЫЕ СИЛЫ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ/ГДР И ВЫБОР СОЦИАЛИЗМА В 1949–1952 гг.	107
Евсеев В.А., Луангиослуачакул Култхида ТЕАТР ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОСТЕЙ (С. Пипс о жанрах театральных пьес).....	110

Жолудов М.В. К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ 1832 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	112
Ивонин Ю.Е. МАКСИМИЛИАН I БАВАРСКИЙ ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.....	116
Ивонина Л.И. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ФРАНЦИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	119
Игудисман М.Н. ШОТЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА ВИЛЬГЕЛЬМА III ОРАНСКОГО	123
Королева О.В. ПРАВЫ ВОСТОЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI в.	125
Креленко Д.М. ИСПАНСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	127
Креленко Н.С. МЭРИ МОНТЕГЮ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....	131
Лабутина Т.Л. АНГЛОМАНИЯ РУССКИХ ЦАРЕЙ ИВАНА ГРОЗНОГО И БОРИСА ГОДУНОВА	135
Малкин С.Г. «ХАЙЛЕНДСКИЙ РУБЕЖ»: ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII вв.....	138
Малюгин О.И. «SUPERBUS TYRANNUS»: ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О ВОРТИГЕРНЕ	143
Обидина Ю.С. ГИПНОС И ТАНАТОС – ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	146
Овчинников В.М. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА НАД ПРОТИВНИКОМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ	148
Пискунова Е.П. ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР И ИДЕЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАТАЛИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОЯЛИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ	153
Подкатнова И.В. ПРОЯВЛЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В УЧЕНИЯХ БРИТАНСКИХ ФИЛОСОФОВ- СЕНТИМЕНТАЛИСТОВ XVIII ВЕКА.....	157
Праздников А.Г. ФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ ЙОРКИСТОВ В 1471 ГОДУ	160
Романова М.И. АБОЛИЦИОНИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УИЛЬЯМА УИЛБЕРФОРСА В 1787–1807 гг.....	162
Сабитова Л.Р. АНГЛИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В XVI–XVIII вв.: ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРЕСОВ	165
Савельева А.В. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	168
Савченко Н.М. ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ В ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	170

Sallés Vilaseca N. ON THE ORIGIN OF THE POLITICAL DEFENSIVE CONTACTS BETWEEN SPAIN AND RUSSIA, 1717–1719.....	173
Сергеев Е.Ю. ЛОРД КЕРЗОН – ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.....	175
Соколов А.С. ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА ИШТВАНА БЕТЛЕНА В ВЕНГРИИ (1927 г.): ОПЫТ СТАБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ.....	177
Терехов О.Э. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В 1949–1963 гг.	181
Тимченко В.В. РОЛЬ ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ XIII–XIV вв.....	186
Торопчин Г.В. АВСТРАЛИЯ В АНЗЮС: ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ПРИОРИТЕТОВ.....	188
Турыгин А.А. ПАНГЕРМАНЦЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВО КАНЦЛЕРА БЕТМАН-ГОЛЬВЕГА.....	191
Царёва Ю.И. РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН И ПОРЧА МОНЕТ ПРИ ГЕНРИХЕ VIII (1509–1547).....	194
Чернова Л.Н. НИК БРЕМБР: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛОНДОНСКОГО ОЛИГАРХА XIV ВЕКА.....	197
Чореф М.М. К ИСТОРИИ ТАВРИКИ – КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ ВИЗАНТИИ И ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА.....	200
Чугунова Т.Г. БИБЛИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ТВОРЧЕСТВЕ АНГЛИЙСКОГО РЕФОРМАТОРА XVI в. У. ТИНДЕЛА.....	203
Шаповалов М.С. ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ИЗРАИЛЕ НА МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ 1990-х гг.....	206
Шмелёв Д.В. ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ СЛЕВА: Р. БЮРОН И ДВИЖЕНИЕ «OBJESTIF 1972».....	210
Шмелёва Л.М. РИМ И ФИДЕНЫ: ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕТРОПОЛИИ И КОЛОНИИ.....	212
Шупляк С.П. ГРОБНИЦА СВ. ИАКОВА: УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ СВЯТЫНИ ЕВРОПЫ.....	214
Якубова Л.А. СИСТЕМА РОДИТЕЛЬСКИХ ОТПУСКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.....	216

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Авимская М.А. СЛУЖБА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА В ГОДЫ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ.....	219
Акульшин П.В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВОРЯНСТВА ПЕНЗЕНСКОЙ, РЯЗАНСКОЙ, ТАМБОВСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.....	221
Артамонова Л.М. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГИ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. (на примере Самары).....	223

Бирюкова А.Б. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭЛИТЫ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ДОРЕФОРМЕННОЙ ПРОВИНЦИИ (по материалам Поволжских губерний)	227
Бодрова Е.В. О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВИВШИХ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В РАЗВИТИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РФ	230
Гребенюков В.И. «ВЕЛИКАЯ ЗАМЯТНЯ» В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В XIV ВЕКЕ, ИЛИ ЗАЧЕМ ПОШЛИ НА КУЛИКОВО ПОЛЕ МОСКВИЧИ, РОСТОВЦЫ, ЯРОСЛАВИЧИ, БЕЛОЗЁРЦЫ?.....	232
Григорьев А.Д. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ В XIX ВЕКЕ И СССР В XX ВЕКЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ	234
Калинов В.В. О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЭК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	240
Кириллюк Д.В. В ПОИСКАХ СТОЛОВ И ТЕТРАДЕЙ: ШТРИХИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ШКОЛ ЯМАЛА В 1958–1966 гг.	241
Косых Е.С. ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.	244
Кузнецова А.А. 1968 ГОД В ИСТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА	247
Кузнецова О.В. ПРЕСТУПНОСТЬ КАК АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОЦЕЛИННИКОВ.....	249
Мауль В.Я. ЗАГОВОР ОТ ИМЕНИ ЦАРЯ (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян)	251
Мендюков А.В. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ.....	254
Николаев Н.Ю. ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Н. МИЛЮКОВА В 1914–1917 гг.	257
Панкратова О.Б. СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИЛЛЮСТРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА.....	260
Панфилов В.В. РПЦ И РУССКАЯ АРМИЯ В БОРЬБЕ С НАПОЛЕОНОМ (на примере священников 24-й пехотной дивизии)	263
Платонова Н.В. РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЧЕТОВОДСТВА В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ	264
Прищепа А.И. ФИЛИАЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЗОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СУРГУТЕ.....	271
Смирнов Ю.Н. А.И. ТЕВКЕЛЕВ И ВЫРАБОТКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНОВ РОССИИ НА ЮГО- ВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1730-е ГОДЫ	274
Стась И.Н. СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА В ГОРОДАХ НЕФТЯНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1960–1980-е гг.)	277
Стрелец М.В. ФЕНОМЕН М.В. ФРУНЗЕ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.....	280

Неделькин Е.В., Хапаев В.В. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ БАЛАКЛАВСКОГО РАЙОНА В 50-е ГОДЫ XX ВЕКА.....	286
Чирков М.С. ПРАВОСЛАВИЕ И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (середина 1940-х – начало 1980-х годов).....	288

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

Агапов М.Г. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПОЛЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА» П. БУРДЬЕ.....	292
Волошин Д.А. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ: СОВЕТСКИЕ АПОЛОГЕТЫ «ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ» В МАТЕРИАЛАХ МЮНХЕНСКОГО ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР.....	295
Воронцов Б.Н., Соболева О.Ю. ОБ УНИКАЛЬНОСТИ И НЕПОВТОРИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА В «ИНТУИЦИИ СОВЕСТИ» А.А. УХТОМСКОГО.....	298
Галямичев А.Н., Семёнова А.А. ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....	299
Ерохин В.Н. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОПИСАНИЯ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ.....	303
Зайцева Т.И. ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ В НЕМЕЦКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	306
Зольников М.Е. ГЕРОИНИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ЭПОСА В ТРАКТОВКЕ НЕМЕЦКИХ РЕЖИССЕРОВ И КИНОКОМПОЗИТОРОВ 1920-х гг. (Брунхильда).....	308
Кузь В.В. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	311
Корсунская Л.Г. ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ.....	314
Косов А.В. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	316
Лихоманов К.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРАВОВЫХ ИСТОЧНИКОВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС ДЛЯ МЕДИЕВИСТОВ (на материале ранних монографий А.Я. Гуревича).....	317
Макаров Л.Д. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА РУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЯТСКОГО КРАЯ.....	320
Милевский О.А. Д.А. КЛЕМЕНЦ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЫВЫ.....	323
Миронов В.В. ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ М. УАЙТА И АНГЛИЙСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.....	327
Моисеева Н.А. ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.....	330

Мостяев Ю.Н. АНГЛОЯЗЫЧНАЯ МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ИНДИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	333
Платонова Д.В. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО.....	336
Пяткова С.Г. ЖУРНАЛ «РУССКИЙ АРХИВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ	338
Свешников А.В. АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ АВГУСТИНА АВРЕЛИЯ В РАБОТЕ М.А. БАРГА «ЭПОХИ И ИДЕИ».....	341
Степаненкова З.В. МЕСТО В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО В ДИСКУССИИ О ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	344
Фоменко С.В. О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СЕКРЕТНЫХ СОГЛАШЕНИЙ (на примере событий 1939 г.)	347
Хлынина Т.П. «ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ» И СТРАТЕГИИ ВОСКРЕШЕНИЯ ПРОШЛОГО (на примере воспоминаний детей Сталинграда).....	350
Чиркова Н.В. ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	353
Яковлев М.В. РЯДОВЫЕ ГРАЖДАНЕ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ.....	356

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Алексеева Л.В. РЫБОДОБЫЧА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1941 гг.)	357
Делицой А.И. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРА СЕМЬИ УРАЛЬСКИХ ИНЖЕНЕРОВ 1920-х гг.....	359
Евсеев В.Н. ЖИЛИЩЕ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА.....	362
Зубов В.Н. Е.Н. КУШЕВА И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОСТОЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА	365
Клименко А.И. ТИПЫ ДЕРЕВЯННЫХ КУПЕЧЕСКИХ ОСОБНЯКОВ ТЮМЕНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	368
Сапожникова Н.В. «КОГДА ПУШКИ МОЛЧАТ, УСТУПАЯ ДОРОГУ МУЗАМ»: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....	371
Солодкин Я.Г. О ДВУХ ВИДАХ РАСПРОСТРАНЕННОЙ РЕДАКЦИИ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ.....	373
Солодкин Я.Г. В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ЕРМАКА (о некоторых спорных вопросах присоединения к России «Сибирской земли»).....	376
Супрович С.В. ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ.....	379

Терентьева Н.В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII–XIX ВВ. В ТРУДАХ В.А. МОИСЕЕВА.....	383
Цысь В.В., Цысь О.П. ОБ УЧАСТИИ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНО- СИБИРСКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТОБОЛЬСКОГО УЕЗДА И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	385

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Булюлина Е.В. ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	389
Быкова А.Г. СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ХРАНИЛИЩ ДОКУМЕНТОВ В ВЕДОМСТВЕННОМ АРХИВЕ: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	391
Жабина Т.А. РОЛЬ ПРИКАЗОВ В СИСТЕМЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ.....	394
Кишкилева Е.А. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	395
Котова Е.В. КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ В РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН.....	396
Савельева А.В. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ «ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» В ЭЛЕКТРОННОМ ДОКУМЕНТООБОРОТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.....	398
Спичак А.В. ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	400
Судник Т.В. ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ПРИУТОВ ДЛЯ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.	402
Угрюмова М.В. ХОДАТАЙСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	405
Яковлева О.Ф., Якубова Л.А. ИНВЕСТИРОВАНИЕ В АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ХМАО – ЮГРЫ: ДОКУМЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ.....	408
Якубова Л.А. ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В АВТОНОМНОМ УЧРЕЖДЕНИИ ХМАО-ЮГРЫ «ЦЕНТР КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ВETERANОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ «ВОЗРОЖДЕНИЕ».....	410

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Белькова А.Е. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЁМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (манипулема, языковая игра, квалификатор).....	414
Булгакова С.А. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПЛАН–КОНСПЕКТ УРОКА	417
Галимуллина Н.М. ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК РЕСУРС ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ЦЕЛЬ, ФУНКЦИИ, МЕХАНИЗМЫ	419

Жесткова Е.А., Клычёва А.С. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА.....	422
Колесова Н.Н. О КУЛЬТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА.....	424
Корнейчук Ю.В. «РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА» А.А. БАРСОВА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДОВ КОНЦА XVIII ВЕКА.....	425
Культышева О.М., Поротикова Ю.В. СЛЕДЫ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА И М.И. ЦВЕТАЕВОЙ.....	427
Макашева С.Ж. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА.....	431
Мухина А.С. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА (на материале периодического издания для подростков «Маруся»).....	432
Никишина С.А. ПОРТРЕТ ЧИНОВНИКА СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА.....	434
Никишина С.А., Петрова И.В. В ЧЕМ СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА? (о лексеме <i>счастье</i> в русском языке).....	437
Жесткова Е.А., Стрижева К.Н. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТАРОСЛЯВЯНИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА.....	440
Шагбанова Ю.Б. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»: ОПЫТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.....	443
Шевченко Н.И. К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ МЕТОДАХ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИМИДЖА В СМИ.....	445
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ	
Баликаева М.Б. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ ПОСРЕДСТВОМ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ.....	448
Балкунова А.С., Рянская Э.М. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	450
Махутова Г.М. ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	452
Мелехина Е.В. РОЛЬ ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ.....	454
Шакиев В.А., Исмагилова Т.В., Михайлов В.С. ПОЗИТИВНЫЕ СТОРОНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕЖВУЗОВСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	455
Новикова Л.В. ПЕРЕВОД САЙТА КАК ВИД ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ.....	458
Паньчак О.В. ОСОБЕННОСТИ НИКООБРАЗОВАНИЯ В ОБЗОРЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА Э. БЕНВЕНИСТА.....	460

Степанова М.А. ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ: «СУВЕРЕНИТЕТ» (на материале «Валдайской речи» президента РФ В.В. Путина 24.10.2014 г.)	463
Тихонов Д.Б. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОРТФОЛИО КАК ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ И РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ ОДАРЕННОСТИ	465
Трофименко М.П. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ	467
Трошкина В.И. ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	470

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 008

О.В. Бузова

г. Нижневартовск, Нижневартровский государственный университет

ТРОЛЛИНГ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современное общество немислимо без виртуального пространства сети Интернет, в котором пользователи-люди, реализуют свои таланты, удовлетворяют потребности общения, играют и в целом строят мир по подобию реального, в котором царят те же принципы и нормы, что и в настоящей жизни. «Зеркальный» мир, в котором отражается все, что происходит в обществе, показывает нам и негативные стороны его развития. Однако законодательная база, которая выстраивалась вокруг человеческих отношений веками, становится уязвимой в условиях новой реальности личности. Использование термина виртуальность обусловлено спецификой пребывания человека в неосозанном, имитирующем реальное пространство мире глобальной сети Интернет.

На протяжении последних десяти лет в России наблюдается значительный рост Интернет пользователей и вместе с тем, все большее количество наших соотечественников устремляет свой взор в сторону возможностей использования сети в качестве инструмента заработка. Рунет наполнен всевозможными магазинами, объявлениями с предложениями создать сайт и даже своеобразными, с учетом специфики Интернета, коммерческими биржами труда (SuperJob.ru, RabotavGorode.ru, Job.ru). Поскольку в сети стали осуществляться действия купли-продажи, естественной необходимостью стало создание виртуальных денег (Биткойн). А вместе с товарно-денежными отношениями в сеть Интернет пришел и иной аспект человеческой деятельности – девиантное поведение. Мошенничество в особых формах, кража личности, нарушение авторских прав и многое другое стало привычным явлением в сети Интернет.

Как и в реальном мире в сети присутствуют свои правила поведения, нарушение которых ведет к различным наказаниям. Начиная от блокирования сообщений пользователя, заканчивая удалением его из сообщества или группы. Однако эти наказания не всегда бывают действенными, ведь в сети все виртуально и значит при желании, можно создать несколько клонов самого себя, то есть зарегистрировать несколько пользовательских страниц. Информация при этом может быть идентичной личности или полностью выдуманной. Поэтому преград на пути к моветону, кроме личных представлений об этичном, практически нет. В связи с частыми проявлениями дурного тона, в Интернете выделили наиболее популярные типы: троллинг, флейм, спам. Эти явления требуют тщательного осмысления и изучения, ведь все они формируются в социокультурной среде виртуального пространства, а значит, попадают в поле интересов ученых разных областей (психология, социология, культурология, лингвистика, право).

Важность исследования Интернет-пространства отмечают в своих работах многие авторы, при этом обозначая наиболее острые темы: соответствие поведения человека в реальном и виртуальном мире, компьютерная преступность, информационная безопасность, контроль за личной жизнью со стороны технических служб Интернета, особенности опосредованного общения [4, с. 4–6]. Не остается без внимания и вопрос этики пользователей сети Интернет. Эта направление научного исследования зиждется на информационной этике или киберэтике. Однако имеет свои особые черты, и культурологический аспект этого явления включает в себя систему ценностей, образцы социального поведения и восприятия мира [5, с. 60–62]. В основе этики сети Интернет лежит концепт свободы. Со времен античности свобода была актуальной темой философской мысли, она поднималась Платоном и Демокритом Аристотелем и Сократом, другими древнегреческими мыслителями. Свобода была прежде всего связана с счастьем человека, его благом, представлением о добре и зле. В работе Платона «Государство» автор указывает на то, что моральные качества личности напрямую сопряжены с типом общества, то есть государственным управлением, в котором она пребывает [8].

В условиях виртуального пространства Интернет ограничение в виде границ государства отсутствует, все пользователи равны, соответственно в этом случае качества личности зачастую не

имеют зависимости от типа общества, кроме тех случаев, когда выход в Глобальную сеть ограничен самим государством в силу политических причин. Это наблюдается в частности в Северной Корее, где доступ в Интернет имеют 1,2 тысячи человек в основном чиновники и представители бизнеса, настроенные проправительственно, при общей численности населения на момент переписи 2013 года в 24,9 миллиона человек [12]. В этой связи актуально учение о праве Аристотеля, который считал, что оно строится на справедливости, то есть равномерном, законном распределении политической свободы среди добродетельных граждан в отношении одного к другому [2, с. 15].

Если обратиться к учениям Демокрита, то, по его мнению, все в этом мире имеет причину, и нет никакой случайности, а значит, нет никакой свободы, так как все делается по необходимости и все имеет свою причину, чтобы стать поистине свободным, по его мнению, нужно избавиться от причин, а вместе с тем от страхов, иллюзий и грусти [7].

В сети Интернет каждый человек имеет возможность скрыть свою личность, с помощью специально созданного профиля, то есть страницы с персональными данными, которые могут быть ненастоящими. Это позволяет исключить причины сдержанности личности: страхов и комплексов, предвзятости. Чувство свободы позволяет вести себя на просторах сети так, как хочется пользователю, пренебрегать общепринятыми нормами поведения.

Существуют различные формы нарушения сетевой этики. Особенно популярной разновидностью выступает троллинг.

Термин не относится к научному дискурсу, он появился в виртуальных сообществах Интернета и закрепился у участников общения, а затем стал использоваться для обозначения определенной коммуникативной деятельности пользователей Глобальной сети. С точки зрения различных областей научного изыскания определение понятия «троллинг» имеет свои особенности. Так в рамках лингвистического исследования троллинг определяется, как заведомо деструктивный диалог с целью довести до словесного бессилия оппонента или группу лиц [6, с. 187–193].

В социологических изысканиях под троллингом понимается разновидность человеческой деятельности, которая служит достижению каких-либо целей: экономических или личностных [1, с. 47–48].

В общем виде явление «троллинга» можно определить «как процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса Интернет-взаимодействия» [3, с. 49]. Различают подклассы троллинга: социальные, религиозные, профессиональные, политические, психологические и интимные [6, с. 187–193]. В результате анализа коммуникаций пользователей в различных Интернет-сообществах, автор приводит примеры троллинга:

Социальный троллинг. Под постом «Ставь лайк, если любишь свой город!» в популярном публице Нижневартовска «Типичный Нижневартовск» с численностью подписчиков 40 000 человек, появилась записи следующего толка (текст приведен в оригинале): «меня такие посты тупые вообще бесят, че к чему, лайкну и че дальше? Лайкни картинку если любишь, лайкни если помнишь, лайкни и тебе будет сопутствовать удача, лайкни твоя мама будет здорова.че за...ппц какой то». Пример религиозного троллинга взят из ветки общения православного сайта: «Подскажите, пожалуйста, знающий и начитанный народ, меня уже несколько лет беспокоит одна тема, уж с кем я только не общался, но дать ответ вразумительный мне так и не смогли :(В Бога я верю искренне и непоколебимо. Я верю, что все мы созданы благодаря Высшей силе, все наши поступки известны наперед Высшей силе и эта же Сила нас во всем руководит. При этом мы все обязаны этой Высшей силе, т.к. все, что имеем этой силе и принадлежит. Т.е. все наши вещи, чувства, мысли – все принадлежат Создателю. Следовательно, Создатель или Бог является исключительно безвозмездно отдающим источником не требуя ничего взамен. Дать что либо Богу я не могу, т.к. это уже принадлежит Ему, за что, естественно, Ему низкий поклон и огромное СПАСИБО!...объясните, пожалуйста, несколько вещей:

1) Отдай десятину Богу – так Богу, или на новый Мерседес, к примеру, настоятелю Киево-Печерской Лавры? У Бога есть все богатства и все, что только не пожелаешь. Кому же пойдет моя десятина?

2) Пожертвования – то же самое. Бог отдает, а религия, получается, хочет забрать. Но кому забрать? У Бога все есть.

3) Божий суд – насколько я понимаю, судить – это одна из низших ступеней развития человека, но не духовной личности. Как может Бог судить? [10].

Оба примера подтверждают то, что троллинг прежде всего используется для разжигания конфликта, провоцирования участников общения.

Интернет плотно вошел в нашу жизнь, стал инструментом общения, получения прибыли, да и в целом клонировал реально существующие объекты. На просторах Глобальной сети человек получил некую свободу, которая характеризуется отсутствием сдерживающих факторов, таких как законы, границы государства, принятые нормы поведения в обществе, стереотипы, личные страхи. Но вместе с тем, человек стал уязвим, так как то, что с одной стороны ограничивало его и всех других людей, с другой – защищало от агрессии, оскорблений, форм девиантного поведения. Как следствие в Интернет пространстве пользователи без каких-либо препятствий, могут грубить, нецензурно выражаться, проявлять свои худшие стороны.

Троллинг, как форма коммуникаций, стал не просто общением, а инструментом воздействия на людей. При этом последствия столкновения незрелой личности с этим явлением может привести к необратимым последствиям. Пример Ханны Смит, четырнадцатилетней девочки, покончившей с собой из-за травли в Интернете, показывает, что троллинг – это не просто форма общения, а социокультурное явление, сформированное на просторах сети Интернет [9]. При этом причины его возникновения лежат в социальных и этических проблемах общества.

Литература

1. Акулич М.М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского университета. – 2012. – № 8. – С. 47–48.
2. Бурханов Р.А. История политических учений: от Античности до Нового времени: Краткий конспект лекций / Р.А. Бурханов, В.Н. Руденкин. – 2-е. изд. – Нижневартовск: Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. – 167 с.
3. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 1. – С. 49.
4. Коваль Е.В. Этнос информационного общества: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Саранск, 2011. – 133 с.
5. Козлова О.А. Культурологический аспект оценочного действия // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 60–62.
6. Котов В.И. Троллинг, как жанр Интернет коммуникации // Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий (Megaling'2013): сб. тр. научн-практичн. конф. – Киев: Украинский информационный фонд, 2012. – Вып. 8. – С. 187–193.
7. Лурье С.Я. Демокрит: тезисы, перевод, исследования: однотомное издание. – М.: Институт истории СССР, 1970. – 663 с.
8. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1 / Платон. – М.: Мысль, 1968. – С. 81113.
9. В Британии рекламодатели разорвали контракты с владельцем Ask.fm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/101893. – Вести FM. – (Дата обращения: 18.01.2015 г.).
10. Пример троллинга по специфика форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoslavie.org.ua/threads/primer-trollinga-po-specifike-foruma.6021/>. – Православие org.ua. – (Дата обращения: 18.01.2015 г.)
11. Северная Корея восстановила доступ к Интернету после 9-часового отключения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/12/23/nkoreablockout/>. -LENTA.RU. – (Дата обращения: 18.01.2015 г.).

УДК 1(075)

Р.А. Бурханов, А.В. Дмитриева

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТАФИЗИКА: ЕЕ ПРЕДМЕТ, ФОРМЫ, РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Философия – древнейшая область знания и форма духовной культуры. Это система рациональных воззрений на мир, место и роль человека в этом мире, уяснение многообразных видов и способов их взаимоотношения. Как форма мировоззрения философия имеет не только особый предмет познания, но также специфический способ осмысления, степень интеллектуальной разработанности изучаемых проблем, разработанную методологию исследования.

Ядром философии является метафизика – концепция, изучающая сверхчувственные начала бытия вообще или какого-нибудь вида бытия. Обосновывая сами принципы и условия философствования, она пытается рассуждать о бытийной сущности мироздания. Ее предметом являются: бытие, материя, природа, Бог, бессмертие, душа, истина, свобода и т.п. Метафизика питает все многообразие философских рассуждений, она есть бытие, мышление, становление. В этих трех измерениях познания заключена суть метафизики, то, что генерирует и формирует содержание этого учения [10, с. 3–5]. Традиционно метафизика в качестве онтологии мира, Бога и экзистенции все-

гда пыталась понять *сущее как таковое* – реальность, конституирующую себя в Абсолюте. Высшая цель такого познания состоит в том, чтобы созерцать и мыслить абсолютно сущее. В метафизике бытие как таковое является горизонтом мировоззренческого вопрошания. Вопрос о бытии и его смысле, как изначальный и самый глубокий в метафизике, ставится и решается во всей определенности: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?» [13, с. 87]. Другой стороной этой проблемы является вопрос о *существовании самого человека*.

Метафизика стремится познать мир в целом, рассматривая его сквозь призму предельных оснований бытия. Являясь учением о том, что обладает сверхопытным и доопытным характером, она включает в себя положения о трансцендентном или трансцендентальном. При этом метафизика трансфизически не выводит исследователя за пределы опыта, но пытается помочь ему правильно объяснить опыт в целом. Таким путем она стремится выйти за пределы явлений и постигнуть скрытое в них и позади них, не отвергая при этом самих явлений. По своему содержанию метафизика имманентна, но не трансцендентна, и в качестве теории и методологии служит толкованием опыта людей, определением условий и принципов его познания [5, с. 68–69].

Таким образом, метафизика есть теория о том, что носит сверхфизический характер, т.е. совокупность рассуждений о мире, которые описывают в нем то, что принципиально ненаблюдаемо в опыте. Любое метафизическое учение толкует об абсолютном, вневременном. Не в том смысле, конечно, что существует какой-то абсолютный, вневременной мир, о котором мы не правомочны рассуждать в терминах бытия и небытия, поскольку, употребляя эти термины, мы всегда говорим о чем-то эмпирическом, опытным. А в смысле *трансцендирования* или полагания *трансцендентного*.

Трансцендирование есть смысложизненное и цележизненное устремление к трансцендентному. Это способность индивида или сообщества людей выходить за границы и рамки любой культуры, идеологии, социума и находить основоположения бытия, принципиально не зависящие от того, что случается в пространстве и времени с культурой, обществом, идеологией или социально-политическим движением. Как «проект» самого себя человек трансцендирует к возможной полноте бытия. Но, трансцендируя, человек полагает трансцендентное как горизонт, границу своего бытия, познания и действия. «Трансцендентность... содержания познания означает, очевидно, что познание по своему содержанию совпадает с сущим-по-себе, т.е. с сущим как оно есть...» [11, с. 211].

Человек как существо метафизическое включается в метафизику мира двояким способом: через отношение бытия к человеку и через отношение человека к бытию. Само существование, как и возможность познания сущего, – непостижимый дар, то, что от человека принципиально не зависит: ведь создать свое бытие он не в состоянии [4, с. 3–4]. Именно поэтому в истории мысли наблюдается «ускользание метафизики... в темноту существа человека» [12, с. 120].

В истории философии метафизика существовала в различных формах: онтологии – учения о сущем, космологии – учения о сущности мира, психологии – учения о душе, философской антропологии – учения о человеке, теологии – учения о сущности и существовании Бога. В своих размышлениях метафизика всегда толкует о соотношении имманентного, данного чувственно, и трансцендентного, данного умозрительно, а также эмпирического существования и истинного бытия. При этом спекулятивная метафизика стремится объяснить действительность, исходя из всеобщего высшего абстрактного принципа, а индуктивная метафизика – дать общую картину мироздания через конкретное обозрение всех частных наук.

Выполнить обширный перечень своих задач метафизика пытается через познание глубин бытия и многообразия форм его проявления, а также через толкование всеобщей связи сущего. Философские системы могут быть метафизическими, а могут и не быть ими, т.е. содержать в себе такие рассуждения или не содержать их. Существовали философские учения, которые претендовали на то, чтобы быть, например, только теориями познания, однако были и такие, которые имели в себе и метафизические утверждения.

Но что значит высказывать метафизические суждения? Почему они вообще появляются в философии? Известный отечественный философ М.К. Мамардашвили назвал такие утверждения «онтологическими» («бытийственными»), поскольку они, толкуя о бытии, принципиально не могут быть выведены из опыта и сами являются условиями опыта, ибо не вытекают из единичных восприятий и наблюдений [8, с. 120–121]. Сформулированные в виде постулатов, тезисов о бытии, они являются мировоззренческими условиями того, что люди вообще могут иметь какой-то опыт. Следовательно, онтологические утверждения о бытии и мире – это способы организации и струк-

туры нашего опыта, а метафизические высказывания – рассуждения о предпосылках и условиях того, как человек вообще может что-либо мыслить.

Так, в классической метафизике было сформулировано положение о принципиальной возможности познания. Оно основано на допущении предмета, который полагается как сверхчувственный, недоступный для опыта. Такое утверждение в принципе метафизично. Почему? Потому что другие, нефилософские, неметафизические способы познания его не предполагают. Вся наука, к примеру, физика, химия или теоретическое естествознание, его содержать не может по определению, поскольку научное познание всегда опытно: оно говорит о том, что люди в принципе могут наблюдать в пространстве и времени. Внеопытного, сверхопытного научного познания просто не существует.

Значит, метафизические высказывания, во-первых, суть условия полагания бытия как человеческого бытия, а во-вторых, суть условия того, что люди вообще могут познавать, конструировать свой мир и его преобразовывать. Скажем, рассуждение о бессмертии человеческой души – это метафизическое, «запредельное» утверждение, ибо реально наблюдать свое бессмертие в этом мире мы не в состоянии.

Но метафизическими утверждениями будут охватываться и те явления, события и вещи, которые для нас вовсе не «запредельны». Возьмем фундаментальные положения новоевропейского теоретического естествознания – понятия пространства и времени, всеобщей связи и идеала научного познания, полноты и всеохватности истинного знания и т.п. – или основоположения теоретического обществознания – рассуждения о социуме и природе, культуре и цивилизации, всемирной истории и предназначении в ней человека и т.д., которые начали формироваться в европейской мысли уже в эпоху Просвещения. Все эти основоположения были сконструированы и развиты учеными в значительной мере под влиянием метафизики.

Термин «метафизика» впервые стал употреблять в I в. до н.э. Андроник Родосский, назвавший так совокупность трактатов Аристотеля о «бытии самом по себе». Позднее так стали именовать предмет исследования, который Стагирит считал «первой философией», изучающей «первые начала и причины», или «теологией», «наукой о божественном».

Сформировавшиеся в античности платонизм и аристотелизм подготовили почву для возникновения внутри христианского мировоззрения Средних веков представлений о посюстороннем и потустороннем мирах (метафизика трансцендентного). На смену этим догматическим построениям в Новое время пришла «критическая» метафизика (метафизика трансцендентального), которая в учении И. Канта воспроизводила гносеологический дуализм между феноменом и ноуменом, явлением и вещью самой по себе.

Со временем понятие метафизики приобрело особое значение. Им стали обозначать *учения о началах бытия вещей и принципах их познания*, т.е. фундаментальные вопросы онтологии и гносеологии. Но термин этот также применялся для характеристики *методологии исследования*. «Метафизическим» философы называли познание, опирающееся на интеллектуальное умозрение, а не на чувственное созерцание; это сущностное видение, сущностное созерцание, но созерцание не эмпирическое, а умозрительное, сверхопытное [2, с. 5]. До XVIII в. метафизика трактовалась как онтология – учение о бытии, пока Христиан Вольф в трактате «Первая метафизика, или Онтология» (1730 г.) не разграничил значения этих понятий и не предложил считать онтологию метафизикой бытия и вещей, являющуюся основой метафизики вообще [9, с. 319].

Аристотель сформулировал принципиальное отличие общей онтологии и философских оснований отдельных наук: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое... Эта наука не тождественна ни одной из... частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового...» [1, с. 119]. В отличие от совокупности частных наук, где каждая дисциплина изучает отдельную область действительности, в метафизике постижение мироздания предполагает *идею о единстве всего сущего и идею о мире в целом* [10, с. 10].

Итак, исходный предмет и проблемное поле метафизики – *знание о необходимой и всеобщей мировой связи*. Но не сама по себе всеобщая и универсальная связь, которая дана в нашем конкретном возможном опыте, а происхождение и формы знания об этом внеэмпирическом, но необходимо мыслимом целом, составляет предмет метафизики.

Категории метафизики – не формулы всеобщих и универсальных свойств определенной области действительности, но фундаментальные мировоззренческие понятия. В метафизических рассуждениях мыслителей они каждый раз ухватывают мироздание в целом, т.е. содержат в себе пре-

дельные значения и смыслы о фундаментальных свойствах сущего. Но всякий раз они также охватывают понимающего человека и его бытие. Поэтому в метафизике нет познания целого без суждения о человеке и его экзистенции. Сюда также относится и проблема сущности человеческой свободы. Следовательно, «метафизическая мысль есть... мысль, нацеленная на целое и захватывающая экзистенцию» [12, с. 125].

Вместе со становлением метафизической проблематики в философии сформировались понятия «имманентное», «трансцендентное» и «трансцендентальное». Имманентным для людей, отмечали исследователи, является то, что содержится *в пределах* круга его сознания идеальности; то, что содержится *за этим кругом*, – трансцендентно. Но трансцендентное не есть ничто, иначе имманентное не осознавало бы себя самозамкнутым, ограниченным. Трансцендентное – это некая пограничная область для имманентного, его граница и предел. Имманентное – это опытное, эмпирическое, обусловленное чувственностью, на которое направлены трансцендентальные принципы познания и действия.

В метафизических учениях европейских философов имманентное противопоставляется как трансцендентному, так и трансцендентальному. «Основоположения, применение которых целиком остается в пределах возможного опыта, – пишет И. Кант, – мы будем называть *имманентными*, а те основоположения, которые должны выходить за эти пределы, мы будем называть *трансцендентными*. <...> Поэтому термины *трансцендентальный* и *трансцендентный* не тождественны» [6, с. 338]. Трансцендентное, есть нечто сверхопытное, выходящее за сферу опыта и его возможностей. Немецкий мыслитель полагал, что «существует... безграничная, но и недоступная всей нашей познавательной способности сфера, а именно сфера сверхчувственного, в которой мы не находим для себя никакой... почвы» [7, с. 173]. Итак, трансцендентное – это не особая онтологическая реальность, в которую можно «войти» и из которой можно «выйти» по своему разумению. Трансцендентное мы сами полагаем как результат и границу наших размышлений и действий; оно может быть выявлено только в процессе трансцендирования, поскольку граница трансцендентного одновременно есть и граница имманентного.

Трансцендентальное – это такое доопытное, которое конституирует чувственно данное, эмпирическое, тем самым делая возможным опыт и познание вообще. В ходе трансцендирования происходит расширение человеческого опыта, его познания и практики. «Что такое трансцендирование? – пишет М.К. Мамардашвили. – Это выход человека за данную ему стихийно и натурально ситуацию, за его природные качества. Причем такой выход, чтобы, обретя эту трансцендирующую позицию, можно было бы овладеть чем-то в себе» [8, с. 26].

Трансцендентное всегда находится за сферой чувственности и всех возможных представлений человека. «Поэтому логически до конца продумать трансцендентное, выходящее за пределы мысли, очевидно, невозможно» [3, с. 92], поскольку его символом выступает радикальное «не», как отрицание всего существующего. Можно лишь осмыслить сам факт существования трансцендентного, умозрительно зафиксировать его в понятиях, которые, следовательно, не будут иметь под собой никакой эмпирической основы. В свою очередь, будучи априорным, трансцендентальное конституирует эмпирическое, чувственно данное, делая возможным познание вообще.

Следовательно, метафизика вовсе не сводится к совокупности догматических положений о том, как «выйти» в область трансцендентного или «вернуться» оттуда, поскольку человек в принципе не может покинуть пределы чувственно данного ему мира. Внутри философского знания метафизика не является обособленным «знанием о трансцендентном». Как совокупность «онтологических» утверждений она непосредственно вплетена в ткань философских (и в определенной степени даже научных) положений, в каждом типе культуры, в каждой цивилизации составляя базисные бытийственные предпосылки такого рода познания.

Таким образом, задачи метафизики в философии и культуре состоят в том, чтобы, во-первых, определить границы имманентного человеку мира, отделить его культурно-историческую сущность от природного, эмпирического бытия; во-вторых, вычленив и проанализировать те присущие ему «сущности» и «причины», которые конструируют данный человеку мир, где он живет и действует, и, в-третьих, установить некие закономерности, посредством которых можно было бы изменить фундаментальные параметры человеческого бытия.

Исторически философия возникла из вопрошания о первых основаниях и конечных целях мироздания. Она призвана помочь людям постигнуть смысл их жизни. Но мировоззренческое вопрошание выходит за рамки повседневности. Оно проявляется в постижении мироздания в целом.

Ведь философский вопрос: «Что есть нечто и почему?» уже является *вопросом о бытии*. Онтология есть философская наука о бытии как таковом, а не о сущем как таковом, хотя бытие как такое есть все же бытие сущего. Ставить вопрос о бытии и отвечать на него – главная задача любого метафизического учения. По основному своему устремлению философия в той или иной степени была, есть и будет метафизикой (хотя сегодня это зачастую оспаривают или просто забывают). Отсюда возникает важнейший вопрос: «Какова связь метафизики с культурой вообще и определенным типом культуры?».

Аристотель в «Метафизике» пишет, что от природы все люди стремятся к знанию, самым полным выражением которого выступает метафизика («первая философия»), т.е. исследующая сущее само по себе [1, с. 65–70]. В «Критике чистого разума» И. Кант по сути воспроизводит это положение Стагирита, определяя метафизику как *metaphysica naturalis* – природную склонность зрелого человеческого разума, т.е. его способность ставить и разрешать спекулятивные вопросы, выходящие за сферу потенциального опыта [6, с. 117–119]. При этом оба мыслителя соотносят возможности метафизики с *природой* разума людей, что свидетельствует о неизбежности метафизики для представителей *homo sapiens*, ее укорененности в культуре.

В современную эпоху метафизика ищет новые философские ориентиры путем рационального постижения и критического анализа присущих нашей цивилизации *универсалий культуры*. Трансцендирующий разум стремится подвергнуть анализу глубинные основания культуры – ее мировоззренческие универсалии. А поскольку разум в любую эпоху конституируется в соответствии с господствующими в данной культуре универсалиями, он тем самым оценивает и анализирует собственные возможности.

Важное место среди универсалий занимают *категории* – всеобщие понятия, в которых отражаются градации вещей и типы их отношений, – которые в совокупности образуют сложные системы и подсистемы взаимосвязей, своего рода «концептуальные сетки», задающие возможные структуры и способы действия ума людей. Они являются *предельными основаниями*, универсальными формами, условиями возможности культуры. Выявить и рационально познать эти предельные основания нашей культуры – важнейшая задача современной метафизики.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 63–367.
2. Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 5–50.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
4. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
5. Губин В.Д. Философия: актуальные проблемы / В.Д. Губин. – 2-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2006. – 370 с.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
7. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 5. – С. 161–527.
8. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – С. 5–170.
9. Онтология // Философский словарь: основан Г. Шмидтом. – 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа / пер. с нем. / общ. ред. В.А. Малинина. – М.: Республика, 1983. – С. 319.
10. Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. – СПб.: Лань, 2003. – 480 с.
11. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. – М.: Правда, 2000. – С. 181–559.
12. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Мир философии: книга для чтения: в 2 ч. – М.: Политиздат, 1992. – Ч. 1. – С. 118–125.
13. Хайдеггер М. Введение в метафизику. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 301 с.

УДК 101.1: 36

Р.А. Бурханов

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ МАКСА ШЕЛЕРА

Большим вкладом в развитие европейской мысли стало создание *Максом Шелером* (1874–1928 гг.) проекта *современной философской антропологии*, на основе которой немецкий мыслитель пытался построить *концепцию образования*. Главной задачей этой мировоззренческой науки он считал выявление и познание сущности Человека и его отношения к бытию, миру и Богу.

Стремление Шелера дать четкий ответ на вопрос: «Что такое человек, и каково его положение в мире?» во многом способствовало становлению нового, постнекласического способа философствования. «Я имею в виду, – писал он, – фундаментальную науку о *сущности* и *сущностной структуре человека*; о его отношении к царству природы... и к основе всех вещей; о его метафизическом сущностном происхождении и его физическом, психическом и духовном появлении в мире; о силах и властях, которые движут им и которыми движет он; об основных направлениях и законах его биологического, психического, духовно-исторического и социального развития, их сущностных возможностях и их действительностях» [4, с. 70]. Только такая антропология способна оказать помощь естественным, социальным и гуманитарным отраслям знания, изучающим человека, которые благодаря ей обретают мировоззренческое основание и цели своих исследований.

Исходный пункт учения Шелера – взятые в метафизическом единстве «дух» (Geist) и «порыв» (Drang), где человек выступает вершиной поступательного развития органической природы. В ее фундаменте лежат «чувственные порывы» растительной массы, над которыми надстраиваются «инстинкты» животных, далее следует «ассоциативная память» у их высших представителей, а завершает эту пирамиду «практический интеллект». Из данных элементов образуется и психика людей. Но в отличие от растений и животных человек способен сопротивляться жизненным импульсам, сознательно ограничивая свои «естественные порывы». Это парадоксальное свойство его природы объясняется наличием духа, творческим центром которого является личность. При этом дух понимается как абсолютная субстанция, познающая мироздание и раскрывающая его тайны [6, с. 154–160, 164–165]. Следовательно, человеку присущи три основные черты: 1) жизнь, объединяющая его со всей органической природой, 2) дух, который проявляет себя в открытости миру и формах объективности, 3) личность как всеобщая и единственная форма наличного бытия духа.

Современная философия, подчеркивал Шелер, не должна противопоставлять рациональное и чувственное, теоретическое и практическое, априорное и апостериорное, поскольку разум, чувства, воля существуют у людей в неразрывном единстве. Фундаментом теории познания выступает система «материальных априори» – совокупность ценностей, определяющих сущность человека. «Материальное априори» может быть постигнуто только в созерцании, его нельзя вывести логически. Оно не «вмещается» в узкую сферу интеллекта, поскольку проявляется во всех сферах опыта, а не только в его рационализированных структурах.

В своих исследованиях немецкий мыслитель исходил из *феноменологии*, главными понятиями которой, по его мнению, являются восприятие и интуиция. Сферу интуиции Шелер располагал за пределами возможных логических форм и чувственных компонентов. Феноменология рассматривалась им как продуктивный метод, раскрывающий метафизическую значимость основанного на эмоциях опыта, ценностных актов, коммуникации, а также «сердца» как целостного духовного явления. В отличие от явления феномен указывает на себя самого, а не на лежащую за его пределами некую «сущность», подчеркивал немецкий мыслитель. Феноменологическая редукция должна зафиксировать «чистый» феномен, как имманентный сознанию непосредственно данной предметности, априорно существующей вне восприятия людей.

В его феноменологической аксиологии ценности мыслятся как объективные феномены, диктующие людям правила и нормы должностования и оценок, которые образуют особую сферу трансцендентных надэмпирических сущностей. Это не столько понятия, сколько феномены, самообнаруживающие себя в актах эмоциональной интуиции, которые не существуют вне направленности на них сознания [2, с. 381].

Ядром теонормной антропологии Шелера стало положение о первичности «материальных априори» чувственности по отношению к «формальным априори» рассудка, где в единое целое сплавлены категории теоретического разума и императивы практического разума. «Исследую ли я индивида, историческую эпоху, семью, народ, нацию или любые иные социоисторические единства на предмет их интимнейшей сущности, – самым глубоким образом я познаю и пойму ее тогда, когда познаю всегда неким образом расчлененную систему ее фактических ценностных оценок и ценностных предпочтений, – отмечал философ. – А подлинная сердцевина этого этоса – это *порядок любви и ненависти*, форма строения этих господствующих и преобладающих страстей...» [7, с. 341]. Феноменология Шелера служит фундаментом не только философской антропологии, но также аксиологии и этики. Его философско-этическая конструкция основана на приоритете любви над ненавистью и приоритете любви над познанием. В сфере духа эти чувства имеют свое априорное содержание, так же независимое от эмпирического опыта, как и законы мышления. Философ

утверждает «...первенство акта любви как по сравнению с познанием, так и по сравнению со стремлением и желанием» [8, с. 454].

Шелер отвергает классическое понимание человека как «animal rationale» – «разумного животного» – и не считает разум ведущим началом человеческого духа. Личность, утверждает он, – во все не субъект мыслящего разума или рассудка («ens cogitans») и не субъект разумной воли («ens volens»), это прежде всего субъект любви, любящее существо («ens amans»). Сведение личности только к разумной деятельности равносильно ее обезличиванию, поскольку акты разумной деятельности людей сверхиндивидуальны, они характеризуют человека только как родовое существо. Однако личность – это конкретное единство чувственных, рассудочных и разумных актов, в основе которых лежит ценностно окрашенная эмоциональность духа [2, с. 382].

Для Шелера «сердце» – это микрокосм человеческих ценностей. Логика «сердца», т.е. ориентированной на ценности чувственности, существенно отличается от логики «головы», т.е. ориентированной на объективное познание рассудка. «Сердце» содержит в себе законы мироздания, согласно которым реальность дана нам как ценностный мир. «Сердце» способно слепо или разумно любить и ненавидеть, как способен рассудок слепо или разумно судить о вещах и явлениях. Душа имеет присущий ей «порядок», свою логику и математику, которая так же объективна и непреложна, как объективны и непреложны правила и выводы логики и математики. «Порядок сердца» изначально определяет человеку любить, а не ненавидеть. Поэтому ненависть понимается Шелером как недостаток любви, ее существенное ценностное искажение. В основе каждого акта ненависти лежит ущербный акт любви, без которого ненависть теряет смысл.

Философ признавал основополагающую роль культурных ценностей. В исследовании культуры он отвергал «классовую логику», выступая как защитник «духовной элиты», отборной, подвижной, деятельной, дающей нации образованность и силу [5, с. 99]. Критикуя марксизм, Шелер утверждал, что культура в принципе не может быть классовой, хотя в истории и существовали словесные представления о тех или иных культурных ценностях. «Культура, возникшая из «класса», вообще не существует и никогда и нигде в мире не существовала», – писал он. – Классовые идеологии суть *антиподы* культуры и науки – это их фальсификации, а вовсе не “корни”» [9, с. 502–503].

Философско-антропологические изыскания Шелера воплотились в его рассуждениях о *формах знания и образовании*. Немецкий мыслитель различает три вида знания, проистекающих из трех стремлений человеческого духа: во-первых, научное, или позитивное, знание, т.е. «знание контроля», для деятельностного овладения природой во внешней среде или внутри человека; во-вторых, философское, или образовательное, знание, т.е. «знание культуры», формирующее личность; в-третьих, религиозное, или священное, знание, т.е. «знание спасения», которое дает метафизика с целью превращения человека из раба Божьего в Его со-работника в ходе истории. Отдельные виды знаний принципиально не сводимы друг к другу и, следовательно, не могут быть поглощены, превзойдены или замещены другими его видами. Каждая форма знания в определенной степени необходима человеку в его индивидуальной и общественной жизни.

Научное знание, связанное с инстинктами самосохранения, власти и господства, а также продолжения рода, считает философ, является базисным видом знания. На этом уровне люди стремятся познать внешнюю и внутреннюю природу, чтобы с помощью понятий и категорий овладеть ее процессами, поставить под контроль, преобразовать в собственных целях и предсказать их вероятностное развитие. «Это – знание позитивной “науки”, *знание ради господства*, или *знание ради достижений*» [3, с. 42]. Развивая это знание, человек хочет обеспечить свою безопасность, создать благоприятные материальные условия своего существования посредством рационального хозяйствования и политико-правового регулирования групповых, классовых, государственных и социальных отношений.

Но одного только позитивного знания, деятельностного и целерационального, направленного на практическое изменение мира и производство полезных вещей, человеку как родовому существу никогда не бывает достаточно. Волюнтаристское овладение силами природы, господство над ней неизбежно нарушает естественный порядок вещей. Активное вмешательство людей в ход событий не только вскрывает сущность вещей, но также скрывает ее. Это происходит еще в ходе выбора объекта и предмета исследования. В результате установка на покорение природы, полагает Шелер, приводит к тому, что наука познает не столько сущность вещей, сколько их явленность

человеку, физически-телесные образы предметов, обусловленные инстинктивным и рассудочным способом естественного отношения человека к миру [1, с. 300–306].

Этим и объясняется безграничный прогрессивный характер научной деятельности: чем больше человек рационально познает мир, тем больше расширяется круг вопросов позитивного знания. Вроде бы человек все ближе приближается к конечной цели научного познания: условия его физического существования становятся безопаснее и комфортнее, а сам духовный труд насыщается знаниями, проникая в глубины бытия. Но выстраивая свою жизнь только на базе науки и техники, люди производят и масштабные риски, которые в конечном счете становятся глобальными, вызывая экологические катастрофы, усиливая этнические и классовые противоречия, порождая социальные конфликты, провоцируя политические революции, приводя к религиозным и межконфессиональным столкновениям.

Вот почему люди нуждаются в более высоком уровне познания, которое сам немецкий мыслитель называет «философским», «сущностным», «образовательным», «личностным». Одним словом, – это знание, формирующее культуру, способствующее становлению и развитию личности, ее глубокому и разностороннему образованию. Философское, или образовательное, знание занимает более высокое, чем научное знание, место в ценностной иерархии Шелера. Это знание в виде философии, основанное на феномене удивления (Аристотель), впервые ставит под сомнение очевидность так называемых научных истин, в частности, «естественное мировоззрение» человека как представителя западной цивилизации и вообще все «инстинктивно-моторное» мироотношение человека как жителя Земли.

Исследуя природу, философия имеет дело не с анализом пространственно-временных явлений, а с вопросом о сущности и каузальных связях вещей этой сущности и в конечном итоге с целью и смыслом того, что дано в явлении. Другими словами, «...философия начинается с сознательного отключения всех возможных *связанных с вожделением и практическими действиями установок духа*, в которых нам только и дано случайное действительное бытие, реальность вещей, а также с сознательного включения технического принципа выбора предмета знания в соответствии с порядком возможной овладеваемости» [3, с. 44–45].

От «образовательного знания», рассуждает далее немецкий мыслитель, путь человека лежит к «метафизическому и священному знанию», как «знанию спасительному», в котором его личностное ядро хочет приблизиться к высшему бытию, глубинной основе всех вещей. Иначе говоря, к тому знанию, где абсолютная основа мироздания в той мере, в которой она «узнает» через нас мир и самоё себя, приходит к смыслу и цели своего становления вне пространства и времени. Цель людей – не только достижение жизненных благ, комфорта, индивидуальной свободы. Высшей ценностью бытия людей, полагает Шелер, является святость, которая раскрывается через образование и труд. Труд приобщает человека к цивилизации, образование ведет его к высшим образцам духа. Духовный опыт индивида приводит его к святости, стремление к которой заложено в нем априорно. Кроме святости образование связано с идеалами добра, красоты, милости, любви и признания. Следовательно, «...“гуманистическая идея *образовательного знания*... сама должна подчиниться идее *спасительного знания* и... служить ей. Ибо всякое знание в конечном счете *от Божества – и для Божества*» [3, с. 47].

Идеи Шелера о формах знания и образовании получили воплощение в его *концепции уравнивания*. Согласно данной теории, с начала XX столетия человечество вступило в эпоху тесной взаимосвязи социокультурных, национальных, государственных, геополитических и других процессов. Выравнивание уровня развития культурных, полукультурных и диких народов; выравнивание высокоцивилизованных и относительно примитивных видов ментальности; выравнивание развития и сфер применения профессиональных, гуманитарных и метафизических знаний, а также физического и умственного труда, – вот далеко неполный перечень задач, стоящих перед этой новой эпохой. Философ считал, что такое выравнивание прежде всего происходит в мировом масштабе, в частности, между западной и восточной культурой, женской и мужской ориентацией, дионисийским и аполлоническим началом и т.д.

Смещение этносов и рас, ослабление сословных и классовых перегородок, эмансипация женщин, взаимопроникновение культур, синтез цивилизаций, наконец, выравнивание специфически естественных способностей, физических и психических, которые имеются у индивидов и человеческих сообществ, и самое главное – выравнивание уровня и характера образования самих людей, были для Шелера признаками начавшегося и неукротимо разворачивающегося глобального про-

цесса. Этот период мировой истории, который немецкий мыслитель обозначил термином «мировая эпоха» (Weltalter), подразумевая под этим не только «временную эпоху» (Zeitalter), характеризуется стремительными преобразованиями, разрушительными социальными катаклизмами, конфликтами, войнами и революциями. Будучи несопоставимыми со всеми переломными событиями предыдущих времен, они превосходят по глубине, масштабу и всеохватности все перемены в истории человечества. «Это не только изменение вещей, обстоятельств, институтов, фундаментальных понятий, форм искусства и почти всех наук – это *изменение самого человека*, самого способа внутреннего построения тела, инстинктов, души, духа...» [5, с. 100–101]. Не эпохи возрастающей напряженности или мертвящего застоя и не эпохи партикуляризации человеческих сил, а эпохи уравнивания являются для людей самыми обильными на страдания, слезы и кровь!

Внутри этой эпохи уравнивания, подчеркивает Шелер, глубоко и потенциально опасным для человечества является стремительно нарастающий дисбаланс между *культурами знания* Запада и Востока. Среди трех форм знания Запад односторонне культивировал и развивал научно-техническое базисное знание, нацеленное на практическое изменение окружающего мира позитивными и техническими науками. Образовательная и спасительная формы знания, столь рельефно представленные в культуре Востока, в новоевропейской философии и культуре отошли на второй план. «Но и из этого знания ради господства и знания, ориентированного на труд, в этот период культивировалась только *одна* возможная *половина*: та часть, что предназначена служить овладению и управлению *внешней* природой... Однако *внутренняя* техника жизни и души... отступила далеко назад перед целью овладения внешней и мертвой природой в самом организме» [3, с. 42–43]. Ситуация ухудшилась благодаря доминированию в современной культуре научно-технического мировоззрения, для которого характерно «разбухание» фундаментальных понятий специальных дисциплин до всеобщих мировоззренческих категорий, в течение многих веков генерировавшихся только внутри философии. Вследствие этого в полной мере проявила себя «анархия» специальных наук, которые безуспешно претендуют на то, чтобы быть философскими дисциплинами.

Шелер опасался, что в будущем неконтролируемый ход многообразных процессов рационализации может породить материалистический, гедонистический и в конечном итоге аморальный менталитет в обществе, где будет мало места субстанциальной общечеловеческой солидарности. Ценностный и нормативный стандарты современной западной культуры генерализованы и абстрагированы, с тревогой констатировал он. В таком обществе нормы и правила массовой культуры нивелируют и обедняют образовательные стандарты, направленные на формирование личностного начала в человеке. Вот почему западноевропейская и англо-американская культуры не могут служить всеобщими образцами для развития иных культур!

Литература

1. Малинкин, А.Н. Макс Шелер о реформе высшего образования в Веймарской республике / А.Н. Малинкин // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. – СПб.: Алетей, 2011. – С. 296–307.
2. Чухина, Л.А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера / Л.А. Чухина // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 379–398.
3. Шелер, М. Формы знания и образование / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 15–56.
4. Шелер, М. Человек и история / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 70–97.
5. Шелер, М. Человек в эпоху уравнивания / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 98–128.
6. Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 129–193.
7. Шелер, М. Ordo amoris / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 339–377.
8. Шелер, М. Любовь и познание / М. Шелер // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. – СПб.: Алетей, 2011. – С. 435–458.
9. Шелер, М. Университет и народный университет / М. Шелер // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. – СПб.: Алетей, 2011. – С. 478–526.

СТРУКТУРА ГЕНДЕРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНСТРУКТА

В то время как гендерная проблематика стала магистральной в научных исследованиях и СМИ, методологическая путаница, связанная с различием пола и гендера снизилась. В современной культурологии и социологии смысловое содержание этих социокультурных концептов определено, что позволяет обратиться к различным смысловым полям, в которых существуют эти концепты. Концепт «пол» принято относит к биологическим характеристикам, отличающих мужчину от женщины. Это определение подчеркивает различия мужских и женских хромосом, анатомии, гормонов, репродуктивной систем и других физиологических особенностей. Социокультурный концепт «гендер» относится к тем социальным, культурным и психологическим особенностям, которые связаны с мужчинами и женщинами, как существующих в определенных социокультурных контекстах. Пол делает человека мужчиной или женщиной. Гендер вносит различие в маскулинный или фемининный типы личности. Пол – это врожденная характеристика, поскольку человек рождается с ним, а гендер – это приобретенный статус, потому что он усваивается личностью в процессе ее социализации.

Итак, основываясь на научном понимании отличий пола и гендера, мы рассматриваем гендер как социокультурную систему гендерных ценностных ориентаций, образов, представлений, норм, моделей поведения, регулирующую жизнедеятельность как индивида, так и общества в целом [4, с. 37].

Рассматривая гендер как социокультурный конструкт, мы выделяем в нем следующие элементы:

1. биологический пол. Это мужской или женский пол, который приписывается социальной средой, в которой родился человек.

2. гендерная социокультурная дифференциация. Это социокультурный процесс разделение людей на половые категории, результатом которой является гендерная полярность и гендерная иерархия. Традиционными культурами осуществлялся процесс приписывания половых категорий на основании принципа иерархии и бинарных оппозиций «мужское-женское», «доброе-злое», «светлое-темное». За мужчиной закреплялось доминирующее положение, а женщина рассматривалась как подчиняющаяся мужчине. В современной культуре наблюдается обратная тенденция, при которой женщина пытается занять лидирующее положение и завоевать доминантную позицию. Мужчина в этой ситуации рассматривается как равный женщине человек. Полос гендерной иерархии меняется в сторону женского начала, особенно эффективно существующего в условиях городской, урбанизированной культуры.

3. социокультурные гендерные стереотипы – это паттерны восприятия и представления «идеальных» мускулинного и феминного гендеров, основанные на предшествующем социокультурном опыте и оказывающих воздействие на гендерный аспект социализации индивида.

4. гендерные ценностные ориентации. Гендерная ценностная ориентация – это оценочное отношение человека и социальной группы к системе гендерных ценностей, характерных для культуры данного общества. Посредством социокультурных гендерных стереотипов и ценностных ориентаций создается гендерное сознание носителей данной культуры.

5. гендерная идентификация – это «процесс осознания и принятия личностью определений мужественности и женственности» в рамках «существующей гендерной системы, категоризация себя и другими как представителя того или иного пола» [2, с. 34]. На наш взгляд, понятие «гендерная идентификация» лучше описывает данный процесс, чем понятие «гендерная идентичность», являющаяся результатом гендерной идентификации.

В качестве теоретико-методологических основ конструирования гендера как социокультурного концепта выделяют следующие пять подходов к гендеру:

1. Функционалистский подход.

Ценности и стереотипы, связанные с гендерными ролями, браком и семьей занимают центральное место в функционалистской концепции социального равновесия.

Социальное равновесие поддерживается путем присвоения различных социальных ролей для мужчин и женщин. Начиная с эпохи охоты и собирательства и натурального хозяйства, характерного для большинства доиндустриальных обществ, гендерная ролевая специализация рассматривается в контексте функциональной необходимости.

В современном обществе, на первый взгляд, действуют аналогичные гендерные принципы, в соответствии с которыми супруги взаимно дополняют друг друга и выполняют специфические, непересекающихся роли.

Если наблюдается слишком много отклонений от этих социальных ролей или когда их слишком много и они перекрываются, социокультурная система семьи выходит из состояния равновесия и дестабилизируется, что затрудняет ее выживание. Сторонники функционализма утверждают, что гендерное противоречие, возникающее в связи с неопределенности мужских и женских социальных ролей, является основным фактором развода.

2. Марксистская гендерная теория.

Марксистская гендерная теория, анализирует гендерные конфликты в их связи с социальным порядком и социокультурными изменениями. В отличие от функционалистов, которые считают, что социальный порядок поддерживается с помощью значения консенсуса, теоретики марксизма и неомарксизма утверждают, что он сохраняется через властное доминирование одного социального класса над другим.

Возникшая на основе работ Карла Маркса (1818–1883), гендерная теория марксизма основывается на предположении, что в обществе происходит постоянная борьба за власть и господство, что проявляется в системе гендерных отношений.

Фридрих Энгельс (1820–1895), сотрудник Маркса, применил эти положения к семье и, как следствие, к гендерным отношениям и ролям. Он предположил, что отношения «ведущий-ведомый» или «эксплуататор-эксплуатируемый», сложившиеся между буржуазией и пролетариатом, характерны и для домашнего хозяйства.

3. Теория культурной антропологии.

Теория культурной антропологии признает, что «гендерные роли», предполагающие разную степень участия мужчин и женщин в социальной, экономической, политической и религиозной жизни варьируются от культуры к культуре. Данная теория основывается на том, что степень и характер гендерной асимметрии сильно варьируется между различными культурами [1].

В основе социо-культурного антропологического исследования гендерных ролей и мужского или женского доминирования лежит предположение, что концепты «мужчины» и «женщины» являются преимущественно культурными конструкциями, а не природными объектами. Природные особенности пола и естественные процессы репродукции являются лишь неоднозначным фоном для культурной организации гендера и сексуальности.

4. Символический интеракционизм.

С точки зрения символических интеракционистов, гендерное взаимодействие является процессом, который регулируется нормами, которые в значительной степени определяются культурой. Контекст гендерного взаимодействия, как правило, является ключевым фактором, определяющим эффективность выполнения гендерной роли. Степень влияния биологического фактора по-разному оценивается в рамках различных культурных традиций. Представители одних культур утверждают, что различия между мужчинами и женщинами являются практически полностью биологически обоснованными, в то время как представители другие культур уделяют мало внимания биологическим различиям.

Символические интеракционисты утверждают, что такой социокультурный концепт, как гендер, как и пол, этничность и раса, не существует объективно, но является результатом процесса социального конструирования. Люди назывались «женщинами» или «мужчинами» в зависимости от определенных черт, определенных как женские или мужские.

5. Феминистская гендерная теория.

Феминистская гендерная теория возникла в качестве основной модели, которая значительно изменила проблемные области гуманитарных наук. Феминистская теория гендера не только преодолела разрыв между микро- и макро- уровнями анализа гендера, но способствовала уменьшению андроцентристского смещения в культурологии, социологии и в других гуманитарных науках в целом. Феминистская теория использовалась, чтобы бросить вызов установившемуся в науке статус-кво, которое невыгодно женщинам [3, с. 91].

Одним из наиболее важных положений феминистской теории гендера является ее внимание к гендерной виктимизации, то есть к многочисленным притеснениям, с которыми сталкиваются женщины, которые находятся в неблагоприятном положении из-за характерных сочетаний гендера, расы и социального класса.

Одним из важнейших направлений феминизма, особенно важным для дальнейшего раскрытия нашей темы является «культурный феминизм». Он делает акцент на расширение прав и возможностей женщин, подчеркивая те положительные качества, которые связаны с выполнением женских социальных ролей таких, как воспитание, уход, кооперация и др. Его цель состоит в укреплении социального и экономического положения женщин и приобретении ими достаточно высокого социального статуса.

Итак, рассмотренные выше теоретико-методологические подходы к созданию гендера как социокультурного концепта позволяют утверждать, что гендерная теория в целом предполагает четкой различение понятий «биологический пол» и «гендер». Гендер рассматривается как постоянный процесс приписывания культурой и социумом пола. Результатом этого процесса являются воспроизводящиеся гендерные отношения, которые рассматриваются некоторыми представителями гуманитарной науки как отношения неравенства и гендерной виктимизации женщин. Мы не согласны с этой точкой зрения и утверждаем, что традиционные гендерные отношения, основывающиеся на терминальных духовно-нравственных ценностях, выполняют важные позитивные функции:

1. традиционные гендерные отношения позволяют сохранить гендерную иерархию, что укрепляет семейные отношения и уменьшает количество разводов, а также уменьшает процент матерей-одиночек.

2. традиционные гендерные отношения препятствуют гендерной виктимизации женщин и закрепляют за женщиной важную социальную роль главного человека в доме.

3. традиционные гендерные отношения препятствуют возникновению и распространению неблагоприятных для общества психологических и социальных болезней (гомосексуализм, лесбиянство, наркомания и т.д.).

4. традиционные гендерные отношения институционализируются и легитимизируются традиционными сакральными институтами и организациями (церковью) и вместе с ними поддерживают установившийся в обществе социальный, культурный и политический порядок. Следовательно, традиционные гендерные отношения влияют на уменьшение социальной нестабильности и дезорганизации.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, под гендером мы понимаем как процесс создания на микро- и макро- уровнях маскулинности и феминности человека, так и результат гендерной социализации, определяющий степень соответствия гендерных образов, стереотипов и ценностных ориентаций сложившимся в обществе гендерным ценностям.

Литература

1. Гендерная асимметрия — непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах жизни. Источник: Гендерная асимметрия // Словарь гендерных терминов. — URL: <http://www.owl.ru/gender/016.htm> (дата обращения: 20.01.2015); См. также: Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. — М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1988.

2. Дежина Т.П. Трансформация гендерных стереотипов в семейных практиках жителей Дальнего Востока: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Дежина Татьяна Петровна. — Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2007. — С. 34.

3. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. — СПб.: Буланин, 2000. — С. 91.

4. Тищенко Ю.Г. Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи: социологический анализ. Дис. на соиск. к. с. н. — Ставрополь. 2014. — С. 37.

УДК 008.2

Г.А. Гумерова, А.А. Никифорова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

Н.А. БЕРДЯЕВ О КРИЗИСЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тема кризиса культуры в русской философии всегда являлась предметом теоретического беспристрастного исследования. Кризис культуры для России, которая по сути только входила в начале века в семью культурных европейских государств, переживался гораздо острее, непосредственнее, потому что мощные силы, грозившие опрокинуть культуру, в России проявились наиболее отчетливо [1, с. 98].

Русский культурный ренессанс начала XX века явился одним из самых утонченных эпох в истории развития русской культуры. Это была эпоха, связанная с творческим подъемом поэзии и философии после периода упадка. Но вместе с тем русскими душами, как отмечал Н.А. Бердяев, овладели предчувствия надвигающихся катастроф. Религиозные философы все больше проникались апокалиптическими настроениями. Пророчества о близящемся конце света, может быть, реально означали не возведение конца мира, а приближение конца старой, императорской России. Этот кризис во многих странах был прежде всего связан, согласно О. Шпенглеру, с переходом от культуры к цивилизации [2, с. 154].

С точки зрения самого Н.А. Бердяева, никакой обязательной последовательной смены культуры и цивилизации, как утверждает О. Шпенглер, нет.

Н.А. Бердяев считал, что цивилизация действует разрушительно на культуру, обезличивает ее. Всеохватывающее господство цивилизации является одним из важнейших признаков кризиса культуры. Социологический кризис культуры связан с тем, что аристократическое начало, свойственное всякой высокой культуре, подвергается величайшей опасности со стороны демократизации, уравнивания, со стороны все возрастающего господства масс. Аристократической была греко-римская культура, культура Ренессанса, она никогда не была для массы человечества, никогда не являлась удовлетворением ее запросов и требований. Народность культуры вовсе не означала ее соответствия уровню народных масс, народность была выражением духа народа, гений мог его выражать лучше, чем масса. Но сейчас, по мере усиления господства масс, которое принимает то форму буржуазной демократии со всегда скрытой и замаскированной диктатурой денег, то форму авторитарного государства, культурная элита попадает в очень тяжелое положение. В первом случае она зависит от капитала и вульгарных вкусов толпы, во втором – от власти, от ее претензий на организацию духовной жизни народа. «Мы живем в эпоху «социального заказа». А именно он масс определяет, чем должны быть культура, искусство, литература, философия, наука, даже религия. А вот социального заказа на высшую качественную культуру, на духовную культуру, на настоящую философию, на настоящее искусство по-прежнему нет. Социальный заказ существует главным образом на технику, на прикладное естествознание, на экономику, нет заказа на то, что связано с духом и духовностью» [3, с. 73–74].

В жизни общества, считал Н.А. Бердяев, духовный примат всегда принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а именно в культуре осуществляются цели общества. А высоким качественным уровнем культуры может быть измерена ценность и качество общественности. От демократизации же культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она становится более дешевой, более доступной, более широко развитой, более полезной и комфортабельной, но, в то же время, более плоской, некрасивой, лишенной стиля. Именно в этот момент, культура переходит в цивилизацию. Демократизация неизбежно ведет к цивилизации. Высшие подъемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован в уравнительном процессе. В этом плебейском веке природы творческие и утонченно культурные чувствуют себя более одинокими и непризнанными, чем во все предшествующие века. Никогда не было такого острого конфликта между вершинами культуры и средним ее уровнем, как в наш буржуазно-демократический век. Ибо в прежние века конфликт этот ослаблялся более органическим складом культуры. Но в культуре, утерявшей «органичность», отступившей от иерархического своего строения, в культуре по своему строению «критической» этот конфликт становится невыносимо мучительным [4, с. 356].

Бердяев же, являясь аристократом и по происхождению и по мышлению, тем не менее, считал, что возможен в будущем возврат к некоей всенародной и истинно демократической культуре. Он считал, что коммунистическая культура как России, так и национал-социалистическая культура Германии – наиболее уродливые формы проявления культурной жизни. Диктатура над духом не только лишает творчество свободы, но она подкупает творцов культуры и требует от них предательства, располагает их к «сервиллизму» и заставляет исполнять из-под палки государственные заказы. Интеллектуальному слою грозит гибель или исчезновение за ненужностью, превращение в послушных чиновников идеократического государства. Высший культурный слой давно уже живет замкнутой изолированной жизнью, оторванной от широкого социального базиса. К сожалению, как писал Н.А. Бердяев, идея органической культуры – это идея романтическая, и власть техники наносит ей непоправимые удары. Мир идет к единству, организованному технически, отдаляясь от органического растительного единства.

Что же касается органического кризиса культуры, то он, по Бердяеву, заключается в том, что всякая культура есть организм и имеет, следовательно, свои периоды расцвета, высшего подъема и упадка. Всякая культура исчерпывает себя, иссыкает и склоняется к закату. На самом высоком этапе своего развития культура отрывается от онтологических основ, отделяется от жизненных истоков, истончается и начинает отцветать. Но осень любой культуры – это не просто упадок, но одновременно самая прекрасная и утонченная пора. Здесь достигается наибольшая острота познания и наибольшая сложность. Именно надломленная культура на стадии своего декаданса обнаруживает со всей остротой, не ведомой культуре цветущей, противоречивость жизни, борьбу добра и зла, неизбежность победы зла в эмпирическом, объективированном мире.

В стремящейся к закату культуре возрастает недовольство этим миром, тоска по другим мирам. Культура внутренне перегорает, в ней зарождается новое откровение. Так, по мнению Н.А. Бердяева, мистическая тоска по иным мирам возникла в эпоху заката античной культуры и выразилась в появлении таких течений, как неоплатонизм и неопифагорейство. А внутри самой римской культуры зародилось христианство, которое поначалу представлялось варварством, поскольку было не имманентно, а трансцендентно существующей культуре. Новый свет христианства погасил иссякающий свет дряхлеющей культуры и вначале воспринимался многими как тьма.

Кризис культуры особо остро переживался со стороны русских мыслителей, а также всех представителей русской высокой культуры. В самом строе русской души, как полагал Н.А. Бердяев, существует сопротивление тем действиям, которые создают буржуазную, срединную культуру. На почве такой культуры Россия может быть лишь второстепенной, малокультурной и малоспособной к культуре страной. Всякий творческий порыв русская душа привыкла подчинять религиозной, или моральной, или общественной правде. Русский человек хочет, ни мало, ни много, полного преобразования жизни, спасения мира. Русский человек пытается взять на себя бремя мировой ответственности и потому не может творить ценности культуры так, как творятся они в германском или латинском духе. Все это не позволяет ему жить радостной культурной жизнью, поскольку он во все вносит трагизм и все время пытается удержаться на грани пропасти, за которой кончается культура.

В строгом, европейском смысле слова, как считал Н.А. Бердяев, в России почти, что и нет культуры, нет культурной среды и культурной традиции. В России, особенно в низших ее слоях, шевелится первобытный хаос. «Но на вершинах своих Россия сверхкультурна: там заостряется мировой кризис культуры. Великая и утонченная культура Запада не знает того, что знает Россия. Наше национальное самосознание все еще смутно и хаотично, и потому не всегда оно отличает сверхкультурную правду России от докультурного хаоса России. Историческая задача русского самосознания – различить и разделить русскую сверхкультурность и русскую докультурность, логос кризиса культуры на русских вершинах и дикий хаос в русских низах» [5, с. 301].

На почве буржуазной культуры Россия, по мнению Н.А. Бердяева, никогда не будет талантлива. Ее призвание в том, чтобы быть одновременно Востоком и Западом, сопоставлением двух миров. Россия призвана с последней остротой поставить проблему отношения религиозного сознания к творчеству и культуре. Русский человек безмерно свободнее западного в своих исканиях, поскольку последний подавлен величием своей старинной культуры, и для него труден свободный полет. Русский же человек сильнее в своих творческих порывах.

Анализ кризиса культуры не только не являлся повторением основных идей, выдвинутых О. Шпенглером в «Закате Европы» (многие признаки кризиса культуры, например, появление массового общества были высказаны ими, в частности, Бердяевым, задолго до появления книги Шпенглера), но, наоборот, в значительной степени дополнял его теорию исследованием особенностей кризисных явлений в России. Те направления, которые были выявлены в российской действительности, – особое, докультурное состояние общества при явных признаках наличия цивилизации, появление специфически антикультурного феномена так называемой «интеллигентщины», кризис высшего культурного слоя, отчуждение от высокой культуры широких слоев народа – позднее обнаружили и стали типичными во многих странах мира по мере того, как органическое единство культуры сменялось технической организованностью общества.

Кризис культуры – является кризисом аристократическим, а не демократическим. Вражда революционеров к буржуазной культуре никакого кризиса, с точки зрения Бердяева, не предполагает. Она означает всего лишь некультурность, зависть к культуре. Революционеры хотят, чтобы культура была популярнее, доступнее, демократичнее, дешевле, чтобы из н

ее исчезло все аристократическое, малодоступное, слишком сложное и глубокое. Они хотят упрощенного правописания, упрощенного языка, упрощенной мысли. Но кризис культуры только в правописании невыразим. Социалисты и революционеры пытаются применить к культуре чисто экономические категории, т.е. вывести всю сложность и многообразие культурной жизни из соответствующего уровня экономического развития, из степени развития «базиса» общества. Но это как раз и мешает войти внутрь культуры и узнать ее специфическую, ни к чему не сводимую жизнь. «Революционные демократические и социалистические движения отбрасывают назад в сфере культуры, понижают качественный уровень культуры и ослабляют интерес к проблеме культуры. Ваши «пролеткульты» означают лишь то, что культура пролетает мимо вас и вы мимо нее. Вас интересует лишь революционное «просвещение» масс. Но и более высокое «просвещение». Просвещение XVIII века, шло мимо подлинной культуры и готовило падение культуры» [6, с. 257].

В итоге деятельности таких «пролеткультов» формируется только «полупросвещение», самодовольное и наглое, ни перед какими святынями не склоняющееся, глубоко противоположное культуре. Оно, по мнению Бердяева, понижает культуру и громит ее, но никакого внутреннего кризиса культуры не осознает и к углублению этого кризиса не ведет, потому что вообще не ведет ни к какому углублению. Кризис культуры не имеет ничего общего с революцией. Революция – это просто погром культуры, она есть лишь внешнее следствие глубокого подспудного кризиса, вызревавшего в культуре десятилетиями. Существует духовная, аристократическая революция, происходящая иногда в культуре, но она происходит совершенно в другом измерении, нежели революция социальная.

Литература

1. Гумерова Г.А. Идеиные истоки русской философии культуры XX века // Вестник Ишского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. – № 3 (15). – 2014. – С. 98.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) // Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 154.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995. – С. 73–74.
4. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 356.
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 томах. – Т. 1. – М., 1994. – С. 301.
6. Бердяев Н.А. О культуре // Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990. – С. 257.

УДК 101.1 : 316

Е.В. Гутов

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

БИНАРНОСТЬ «РУССКОЙ ДУШИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. <...> Творчество русского духа также двоится, как и русское историческое бытие»

Н.А. Бердяев. Судьба России.

Приведенное в качестве эпиграфа высказывание содержит не только указание на внутренние противоречия «души России», но и единственный путь, которым – по мысли автора – можно раскрыть ее подлинное содержание. Весьма схожие – по принципу бинарной оппозиционности – характеристики «русской души» предлагаются целым рядом отечественных мыслителей XIX–XX вв., от Н.В. Гоголя и славянофилов до Н.О. Лосского, И.А. Ильина и Г.П. Федотова и др. При всей широте философского и культурософского охвата данной проблемы в отечественной философии мы почти неизбежно сталкиваемся с таким бинаризмом, который как будто исключает саму возможность дефиниции этого предмета. Соответственно, традиционные исследования «русской души» зачастую сводятся к чистой дескрипции с ярко выраженными оценочными экспликациями.

В качестве яркого примера этого подхода можно привести изыски Н.А. Бердяева, ставшие в последние десятилетия едва ли не каноническими. В цитированном нами сборнике «Судьба России» (1914–1918) он последовательно фиксирует «антиномии русского духа»:

– «безгосударственность», анархичность и аполитичность – этатизм, великодержавность и бюрократизм;

– отсутствие шовинизма, «исповедание сверхнациональных идеалов», универсализм – национальный мессианизм, одержимость богоизбранностью «святой Руси», имперский национализм (русификация, антисемитизм, конфессиональная сегрегация);

– тяга к странничеству и богоискательству, «небуржуазность» и нонконформизм – «неслыханный сервилизм и жуткая покорность», отсутствие прав и достоинств личности, «инертный консерватизм», «крепкий быт и тяжелая плоть», и т.д. [1, с. 15].

Можно легко найти сходные – если не по самим характеристикам, то по логике – дескрипции «русской души» у многих его современников. Так, Г.П. Федотов в статье «Национальное и вселенское» (1928 г.) дает противоположную характеристику смысла русской культуры, но также через призму антиномизма: «Нет более распространенного недоразумения среди нас, как смешение “православного” и “русского”. Православное это вселенское, это для всех. Русское – только для нас... Отсюда иногда мы готовы утверждать как русское то, что является призванием христианства восточного, а иногда выдаем за православное, вселенское, общеобязательное исторические особенности лишь нашего, русского пути» [2, с. 448–449]. В другом тексте он предлагает в качестве девиза русской интеллигенции как выразителя «русской идеи» слова св. Ремигия: «*Incende quod adorasti. Adora quod incendisti*». Им вторит Н. О. Лосский: «В жизни каждого народа воплощены пары противоположностей, и их особенно много среди русских людей. <...> Самая увлекательная... задача состоит в том, чтобы найти такое основное свойство, из которого вытекают два противоположных свойства, так что отрицательное свойство есть как бы оборотная сторона той же медали, у которой лицевая сторона – положительная» [3, с. 238].

Как видно из приведенных слов, здесь антиномизм и бинаризм даны в качестве методологического принципа, раскрывающего исходную интуицию этнокультурной идентичности (сам Лосский основным свойством «русской души» полагает как раз интуитивизм, пронизывающий все стороны личностных и социокультурных отношений). С ним согласен И.А. Ильин, утверждающий: «Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего* сердца. Сердца, созерцающего *свободно* и *предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия, и *мысли* для осознания и слова» [4, с. 420]. Дело в том, что процитированные выше философы не только являются поборниками интуитивизма, но и понимают интуитивное знание как непосредственное, предопределенное самой структурой бытия. Так, Лосский утверждает: «Если... сознание опирается на непричинное отношение между субъектом и предметом, на координацию между субъектом и всем мировым бытием, то самолично предстать в качестве членов этого отношения с характером восприятия могут не только материальные трансубъективные предметы, но и любые другие, например, чужое я, чужие психические состояния и т.п. В строении сознания и знания, ни в субъекте, ни в предмете знания нет никаких препятствий для такого восприятия, и потому непосредственное свидетельство сознания, что чужая душевная жизнь дана в восприятии, может и должно быть принято интуитивистом» [5, с. 188].

Учитывая свойственный этому типу философствования принцип аналогии «персонального я» и «мира как органического целого», можно выявить не только методологические основания бинарной аналитики «русской души», но и своего рода парадоксальность самой стратегии и результатов такого исследования. Эта парадоксальность, на наш взгляд, проявляется в том, что указанные мыслители следуют установкам трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, но только в исходном шаге феноменологического дискурса, когда Я поставляется в центр мышления, а мир воспринимается как процесс и результат его интенциональной и конститутивной активности. В сфере же онтологии сохраняются установки классической метафизики, прежде всего, презумпция самоидентичности бытия, в том числе – и бытия личности (индивидуальной или сверхиндивидуальной).

Памятуя о принципе аналогии между индивидуальным и всеобщим, мы можем признать, что великая тайна «русской души» попросту не существует в силу несуществования самой этой души (по крайней мере, как некоего самотождественного, непрерывно функционирующего целого).

Между прочим, методологически ангажированный принцип аналогии восходит к самым истокам отечественной религиозно-философской традиции в ее недогматических формах. В частности, еще Г.С. Сковорода подобным образом выстраивал референтные ряды категорий-символов. Начиная с постулирования исходного тождества: «Всяк есть то, каково сердце в нем, всему в человеке

глава есть сердце – оно и есть истинный человек», он продолжает: «Что есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что есть мысль, если не корень, сердце и зерно всея нашей плоти-крови и прочей наружности?» [цит. по: 6, с. 72–73]. И далее: «Истинный человек один во всех нас и в каждом целый», а посредством символической референции выясняется, что это суть «древо жизни», или Иисус Христос [цит. по: 6, с. 74]. Характерно, что в его философии столь же отчетливо явлен и бинарный антиномизм (в учении о «нутряном» и «земляном» человеке, о «зрении духа» и «зрении плоти» и т.д.) именно как основной принцип мышления, снимаемый лишь в «видении сердца», т.е. в акте мистической интроспекции.

В свете этих мотивов, видимо, являющихся атрибутивными для интуитивистской традиции отечественной мысли, можно выстроить свой символический ряд: русская идея – русская душа – русское сердце. И всякий раз, когда мы сталкиваемся с философской рефлексией любого из членов этого ряда, мы обнаруживаем не столько аналитическую работу с целью отчетливой дефиниции и категориально-логической развертки системы понятий, но лишь с символической референцией. А в рамках последней неизбежно возникает замкнутый круг: символическая аналогия не позволяет выйти за пределы квази-логических отождествлений по принципу *seο ipso*.

Из вышеизложенного можно сделать ряд важных заключений. Во-первых, (и это наиболее очевидно) проблема русской души ставится и решается в контексте интуитивистской дискурсии «непосредственности», «самоочевидности», «самотождественности». В силу этого, методы и инструменты познания заранее тождественны своему предмету («чужим аршином не измерить!»). Во-вторых, основным методологическим инструментом здесь является бинарный антиномизм, действие которого сказывается в уклонении от логически релевантных дефиниций в пользу эмоционально и ценностно нагруженных дескрипций, которые, в сущности, являются метонимическими. В-третьих, результат интуитивистской рефлексии в обозначенном выше русле также тождествен предмету и процессу; любой компонент символического ряда «идея – душа – сердце» актуализируется так или иначе через своего рода номиналогическую инсинуацию, т.е. символическое же отождествление с рядоположенным компонентом. Можно сказать, что отечественные исследователи «русской души» вплотную подошли к открытию ее гетерогенной природы, но предпочли сохранить это открытие в тайне (в том числе, и от самих себя), придав своим построениям форму гомогенного дискурса.

Сама же гетерогенность данного предмета наиболее ясно проявляется в трех аспектах:

1. «Русская душа», действительно, бинарна и антиномична – не как «диалектическое единство и борьба противоположностей», а лишь в силу того, что сама по себе, вне ситуации столкновения и противостояния с какой-либо «Другой душой» (голландской, немецкой, французской, эфиопской и пр.) просто не существует как нечто стабильное и самотождественное.
2. «Русская душа» есть великолепный образчик несамотождественности и проявляется, прежде всего, в растрачивании своей «щедрости» во всех направлениях и без какой-либо позитивно-полезной цели; возможно, именно *не-прагматизм* есть ее неявная субстанция.
3. «Русская душа» реально существует и осуществляет себя именно в дискурсе саморефлексии и озабоченности собственной таинственностью и непостижимостью; это и есть, с одной стороны, сфера ее реализации, а с другой стороны, – причина, в силу которой, этнокультурная идентичность русских прослеживается по каким угодно параметрам, но только не по этническим характеристикам.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1990.
2. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
3. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М., 1991.
4. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И.А. Соч.: В 10 т. Т.2. кн.1. – М., 1993.
5. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М., 1995.
6. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т.1. ч.1. – Л., 1991.

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КАРЕН ХОРНИ

История психоанализа как научно-философского движения современности, несмотря на свою относительную краткость, изобилует множеством драматических поворотов. Быть может, это следствие привязанности его основоположника – Зигмунда Фрейда – к древнегреческой мифологии и трагическому искусству. С другой стороны, логично предположить, что психоаналитическая теория как таковая появилась и получила свое развитие именно как один из ответов на так называемый «вызов времени». А в дальнейшем этой специфической отрасли современной интеллектуальной и (не будем забывать) клинично-терапевтической практики не оставалось ничего иного, как постоянно следовать этим вызовам и давать на них свой ответ – каждый раз новый.

Следует признать, что психоанализ в своем историческом развитии проходил и проходит те же стадии, что и научно-теоретическая мысль в целом. По крайней мере, очевидно, что сформулированные Фрейдом и его ближайшими сподвижниками (К.Г. Юнг, А. Адлер, О. Ранке и др.) в первых десятилетиях XX в. фундаментальные положения психоаналитической теории очень скоро стали не только предметом широкой критики «извне» и «изнутри», но и оказались плодородной почвой для формирования целого ряда ответвлений и модификаций. К слову, в современности насчитывается более 60 различных школ и направлений психоанализа (речь идет только о тех, которые имеют более или менее выраженную теоретическую базу).

Особенностью этой внутренней трансформации психоаналитической мысли было то, что З. Фрейд изначально ориентировался на эталоны естественнонаучного (в данном случае – медико-психиатрического) знания в построении основной теоретической модели взаимосвязи сознательной и бессознательной сфер индивидуальной психики. В этом плане его можно считать представителем натуралистической или позитивистской парадигмы в психологической науке. Однако позднее он, как известно, он предпринял попытку «нагрузить» уже сформированные концепты философско-культурологическим содержанием. А точнее, дедуцировать определенную модель социокультурных процессов из готовой схемы психофизиологической жизни индивида. И в этом плане он поступает уже как типичный метафизик.

В результате, классический фрейдизм в своей философско-культурологической экспликации репрезентировал тот тип социально-гуманитарного знания, который не позволяет объективно оценивать социокультурную динамику, принимая наличные факторы и условия функционирования социума и культуры за данность. Как следствие, искажается антропологическая перспектива: человек мыслится как носитель некой «сущности», которая так или иначе предопределяет его роль и статус в социокультурной системе.

В 1920–30-х гг. в Европе и США формируется интеллектуальное движение, часто обозначаемое как «неофрейдизм». Одним из стимулов его становления является осознание необходимости корректировки принципиальных постулатов фрейдизма за счет осмысления роли социокультурных факторов в формировании индивидуальной и коллективной психики. Актуальность этой задачи, безусловно, определялась теми масштабными социальными и культурными сдвигами, которые мир пережил в результате Первой мировой войны и становления массового общества.

Одним из признанных лидеров неофрейдизма является Карен Клементина Хорни (1885–1952), оказавшая самое существенное влияние на развитие психологической и социальной науки как в континентальной Европе, так и в США.

В основу своей концепции К. Хорни положила признание особого значения культуры в жизни общества и каждого отдельного индивида. Действительно, исследование проблем личности, которое является базой для психоаналитической практики, не может существовать без учета влияния культуры на психическое здоровье и зависимости различных типов неврозов от особенностей культуры. Таким образом, культура, взятая как конкретная культурная система, является одним из центральных понятий в исследованиях Хорни, что позволяет отнести её к традиции философии культуры.

В своих работах К. Хорни считала важным исследование специфики мужской и женской психологии, рассматривала проблему противостояния полов и специфику брачных отношений. Она стремилась доказать, что существует равенство в отношении психического здоровья среди муж-

чин и женщин. В этом вопросе ее позиция расходится с некоторыми идеями классиков психоанализа. Так в теории Фрейда подчеркивается, что причины женской пассивности, подражательности, эмоциональности кроются, прежде всего, в ощущении женщиной своей физической недостаточности. Женщина, говорит Фрейд, завидует мужчине и стремится стать им.

Одним из важнейших концептов классического фрейдизма является «эдипов комплекс» как системообразующий фактор в жизнедеятельности и личности, и социума. Хорни признавала этот фактор, но лишь как частный, не исчерпывающий случай. Более того, она считает, что Эдипов комплекс не столько биологически детерминированное явление, сколько продукт «истории детства» как истории внутрисемейных отношений.

Рассматривая специфику гендерных отношений, Хорни выделяет ряд ключевых моментов. Мужчина почитает женщину как Мать, которая заботится, жертвует собой; но восхищение женщиной соседствует с завистью тому, чего сам мужчина не может (например, деторождение). Эти комплексы компенсируются «рождением» политики, религии, искусства; как результат – культура приобретает мужской оттенок. Другой компенсатор мужских комплексов – социальное и культурное ущемление женщин, что зачастую закрепляется юридически (напомним, что ситуация гражданского неравенства мужчин и женщин вполне типична для стран Запада в первой половине XX в.).

Часто отношение мужчины к женщине ассоциируется со страхом смерти: кто способен дать жизнь, тот вправе её отобрать. Мужчина испытывает страх перед женщиной как сексуальным существом, так как женщина отбирает у него силу во время контактов. Сексуальность женщины больше страшит, чем привлекает мужчину, который опасается оказаться несостоятельным или унизиться перед ней. Он предпочел бы находить в женщине просто сексуальный объект, или хотел бы видеть ее непорочной, лишенной сексуальных влечений, т.к. в этом случае она для него безопасна (примером подобного комплекса в культуре является католический культ Девы Марии).

Хорни оспаривает позицию естественного принижения женщины, выступает за равенство полов. И проблема здесь заключается не только в том, что лучшие (мужские) умы затратили немало энергии и интеллектуальных усилий на доказательство принципиального превосходства маскулинности. Действительно важно то, что «хлипкое самоуважение среднего человека» заставляет его снова и снова выбирать в качестве «женственного типа» именно инфантильность, незрелость и истеричность, тем самым делая женщин подобного типа доминантой социокультурной сферы.

Но враждебность полов проявляется и со стороны женщины. Отчасти это связано с опытом детства. В детстве девочка ущемлена больше мальчиков, для неё существует больше запретов, формирующих настороженность, недоверие, неуверенность, чувство вины, страх перед физической силой. Девочка интуитивно чувствует, что её будущее зависит не от неё, а от кого-то другого, от таинственного события, которого она ждет и которого боится. Компенсация этих переживаний происходит через уход в мужские манеры поведения, в «мужскую роль», что нередко отмечается в определенный период детства, но позднее исчезает.

К заслугам К. Хорни относится и то, что она расширила представления о типичных отклонениях женской психики от нормы, проявляющихся в комплексах кастрации, маскулинности, фригидности, предменструальном напряжении и т.п. Здесь она критически использовала идеи не только Фрейда, но и его видной последовательницы Хелен Дойч. Не вдаваясь в узко специальные моменты этой критики, отметим как наиболее важные два ее направления:

- опровержение свойственного фрейдовской теории представления о том, что женская психология является лишь своего рода зеркальным отражением мужской, т.е. производной от нее (для Хорни это – не более достоверное представление, чем наивный маскулинный миф о ребре Адама);
- корректировка методологии анализа типично женских девиаций (в частности, требование учитывать не только анатомические и физиологические факторы, но и культурные, социально-психологические).

Принципиально важным мотивом в научно-философском творчестве Карен Хорни является его направленность не только на конкретную диагностику и индивидуальную психотерапию, но и на диагностику социальных проблем, должную способствовать оздоровлению общества в целом. По мысли исследовательницы, результатом такой терапии должно быть и преодоление различных устойчивых форм женской деструктивности, формирование открытой системы равноправных социокультурных взаимоотношений.

В этом плане представляется вполне обоснованным отнести ее научно-философское наследие к той версии психоанализа, которую справедливо определяют как гуманистическую.

Литература

1. Хорни К. Наши внутренние конфликты. – СПб, 1997. – 224 с.
2. Хорни К. Женская психология. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. – 222 с.

УДК 316

С.Г. Гутова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время общество отчаянно рефлексировать, совершая очередную попытку обнаружить в сложившейся ситуации некоторые закономерности или хотя бы знаки, которые указывали бы человечеству, что мы идем в правильном направлении, что прогресс в социуме существует, при этом он имеет определенную, желательную гуманную цель. Несмотря на это, в обществе на бессознательном уровне присутствует эсхатологическое предчувствие, которое отчасти представлено в продуктах творческой деятельности наших современников и в более плоском, упрощенном виде как самостоятельное явление в информационных потоках. Подтверждением тому может служить распространение жанра антиутопии в литературе и кино, нигилизм в вопросах политики и морали, постепенный переход традиций и религиозных верований в игровую, искусственно реализуемую форму.

Карл Ясперс, размышляя о сущности человеческого бытия, сказал: «Человек всегда больше, чем он знает о себе» [4, с. 133]. Возможно, это предполагает, что общество, сознательно находясь в плену иллюзий, одновременно смирилось с неизбежностью своей гибели. Большинство людей, проживающих в условиях относительного комфорта и вымышленной свободы, неизбежно испытывают тягу к апокалиптическим настроениям, впускающим в их скучную реальность нечто таинственное и мистическое. Не сталкиваясь напрямую с жизненными трудностями и серьезными катаклизмами, многие даже испытывают разочарование, когда самые худшие прогнозы, истерично навязанные телевидением, не оправдываются.

В качестве важной характеристики современного общества можно выделить такое явление как ювентизация, которая осуществляется сразу по нескольким направлениям. Вал. А. Луков дал следующее определение данному явлению: «Ювентизация – понятие для обозначения таких социальных изменений и нововведений, которые являются результатом активной деятельности молодежи» [2, с. 255]. Однако далее ссылаясь в своей работе на исследование П.-Е. Митяева, он замечает, что сущность подобной активности сводится к включению молодежи в процессе социализации в уже сложившуюся в данном обществе систему общественных отношений. Это приводит к тому, что молодежь, становясь полноправной частью общества, меняется сама и активно преобразует все социальное пространство [2]. Этот процесс охватывает и личную и общественную жизнь человека, заставляя молодых людей «бояться старости», а старшее поколение усиленно подражать молодежи. Последствия увлечения идеей «всеобщего омоложения» пока еще трудно точно и достоверно описать, но некоторые моменты уже сегодня становятся очевидными. Во-первых, социальная структура современного общества, в том числе и российского, оказывается подвержена такому негативному процессу как инфантилизация.

Если предположить, что сегодня быть молодым – это модно, а главное очень выгодно, то вместе с этим надо учитывать и воспроизведение всех главных характеристик молодежи в поведении представителей старших поколений. Некоторые особенности образа жизни молодых людей, являются для них только временной характеристикой и не могут рассматриваться исключительно как отрицательные в социальном плане. Так, например, отсутствие жизненного и трудового опыта, финансовая и психологическая зависимость от родителей, поиск себя и навязчивое стремление к самоидентификации (отсюда и тяга к субкультурным образованиям), для молодежи являются нормой, а вот уже для людей среднего возраста эти «проявления молодости» будут представлять серьезную проблему в плане реализации своих основных обязанностей. Можно согласиться с вы-

сказыванием И.Н. Ананьевой о том, что: «Инфантилизм нашего времени процветает благодаря некоторым особенностям времени: объективному процессу расширения временных рамок детства, распространившейся без меры родительской гиперопеке, тенденции к облегченному воспитанию. Это феноменальное поле есть совокупность внешних признаков и причин, вызывающих к жизни инфантильное самосознание» [1].

Таким образом, социальная инфантильность современной молодежи имеет множество причин. К внешним причинам, искусственно навязанным государством можно отнести: обучение в школе до 11 класса; неограниченный возраст обучения в вузах; отсутствие уголовной и правовой ответственности до определенного возраста; финансовая поддержка со стороны государственных органов, которая иногда достигает рубежа 35 лет.

Но, одновременно с перечисленными причинами, существуют и глубоко личные, индивидуальные источники инфантильности, связанные с особенностями формирования личности ребенка. К ним относятся: чрезмерная опека со стороны родителей, не позволяющая на раннем этапе развивать чувство ответственности и долга; различные формы аддикции: от игромании до полного растворения в социальных сетях; отсутствие опыта в преодолении элементарных жизненных трудностей.

Задержка в развитии, замедляющая этап взросления для большинства молодых людей усугубляется еще и сложной экономической ситуацией, в которой они особо остро чувствуют свою беспомощность, зависимость от внешних обстоятельств. Например, при устройстве на работу после завершения профессионального обучения, от них требуется наличие опыта в данной сфере, который они естественно еще не могли приобрести и поэтому за помощью приходится обращаться к тем, кто имеет связи и влияние, а значит, уже состоялся в социальном плане. Создание семьи также требует помощи со стороны старшего поколения родственников, поскольку материальное обеспечение часто отстает от реальных потребностей молодых родителей с детьми. Следовательно, можно предположить, что семья у молодежи постепенно окажется на периферии ценностных предпочтений.

Общественное мнение уже не играет серьезной роли в формировании устойчивых жизненных приоритетов и ценностей среди молодежи, а значит, молодому поколению становится все сложнее выстраивать взаимоотношения с внешним миром, требующим принципиальности и последовательности в вопросах принятия ключевых решений, свободного выбора. Такие «взрослые дети» поглощают информацию без использования специальных фильтров, сознательно сформированных у людей старшего поколения. Следовательно, ими легко манипулировать, направлять и главное навязывать все новые и новые искусственно раздуваемые потребности, не имеющие ничего общего с экзистенциальными потребностями человека, делающими его не просто востребованным в физическом и социальном плане, но и по-настоящему счастливым.

Молодость более всего ассоциируется у людей со свободой, поскольку дети однозначно, благодаря мощному воспитательному процессу зависимы больше других поколений. Даже в самом благополучном обществе дети неизбежно программируются, их физическая и моральная зависимость ослабевает, как правило, после окончания школы, хотя иногда затягивается и на большой промежуток времени. Подросток наиболее остро ощущает насущную потребность свободного выбора, но в семье и в школе есть целый арсенал практик, не позволяющих ему оставаться самим собой. Это происходит в силу необходимости именно в данный возрастной период подавить бунт нашего «Я» и таким образом, сформировать максимальный гражданский конформизм, сделать людей послушными, то есть нормальными.

Конечно, эта часть социализации зачастую не проходит гладко и не всегда социальным институтам удается контролировать должным образом свободное развитие детей, особенно творческих и склонных к девиантным формам поведения. В таком случае какая-то часть молодежи продолжает бунтовать, но до определенного момента, поскольку жизненные цели, которые впоследствии для старших поколений являются самыми надежными якорями повседневности, в конечном счете, также задает общество. Допустим одна из таких целей это – семья. Тогда действительно, для ее создания желательно иметь финансовую независимость, а это уже предполагает наличие постоянного заработка. Поэтому, наличие детей и жены в декрете, к примеру, для молодого, еще не стоящего твердо на ногах человека может означать либо постоянную помощь родителей, либо выбор сферы деятельности, в первую очередь обеспечивающей нужный доход. Казалось бы, ничего в этом неправильного нет, все в рамках сложившихся традиций. Однако, если речь идет о свободе

человека (особенно творческого, ищущего), то должен ли он жертвовать своими приоритетами ради семьи? Проводить большую часть жизни на работе, которую он с трудом терпит, вместо того чтобы заниматься любимым, но не приносящим доход делом. Таким образом, становится понятным, почему в современном цивилизованном мире, где сознательно распространяется миф о самодостаточной, творческой личности, индивидуальности удовлетворяющей, прежде всего свои потребности, как высшей ценности, молодые люди все позже стараются вступать в брак, а иногда и вовсе отказываются от полноценной семьи, сосредотачиваясь на карьере, саморазвитии и личном успехе.

Профессор И. М. Ильинский, изучая проблемы молодежи в современном мире, обратил внимание на один очень важный момент, отмечая, что нам сегодня: «Необходима современная, отвечающая запросам XXI века, концепция молодежи, которая, в свою очередь, не может быть создана без новой философии возраста... Между тем, общество и темпы его развития изменились столь разительно, что представления о возрастах должны вновь стать предметом философствования, предметом теории жизни – индивидуальной или общественной. Если связь возрастных категорий (дети, молодежь, взрослые, старики) с процессами жизни уже очевидна, то роль, которую должна играть каждая из групп в социальных процессах сегодня при сохранении главной позиции за «зрелым человеком», не столь понятна, как кажется» [2]. Таким образом, само понятие «молодежь» требует сегодня переосмысления, и это касается не только возраста, но так же роли и места молодежи в современном обществе, ее дальнейших перспектив и возможностей. Человечество все более ориентируется на будущее и в этом плане необходимо осознавать, что модель завтрашнего дня формируется современной молодежью уже сегодня.

Литература

1. Ананьева Ирина Николаевна. Психологические проблемы социального взросления молодежи и механизмы преодоления юношеского инфантилизма // Вестник КАСУ. – № 5. – 2009. – С.58-63. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/21/> – свободный.
2. Ильинский, И. М. Молодежь в процессе развития // Культура мира и демократии. Культура мира : учеб. пособие. – М. : [б.и.], 1997. – С. 187–200.
3. Луков Вал. А. Ювентизация. //Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 255–256.
4. Ясперс К. Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы – М.: Алгоритм, 2008 –272 с.

УДК 10(09)4

Б.В. Емельянов, О.Б. Ионайтис

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЦЕНзуРА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Цензура философской литературы является важной исследовательской проблемой истории любой национальной философии, проясняющей те «степени свободы», которыми она обладает. Если иметь в виду Россию, то отечественная философия имела такую свободу в малой степени, поскольку государство и церковь в царское время следовали известной формуле – «польза от философии не доказана, а вред несомненен». Цензура представляет своеобразный экзистенциал русской философии, без исследования которого охарактеризовать национальные особенности не представляется возможным.

Большинство историков русской философии, говоря о цензуре философии, имеют в виду лишь цензурование философской литературы как отечественной, так и иностранной. Мы же считаем, что помимо такого цензурования можно говорить о цензуровании в виде наблюдения за преподаванием философских дисциплин и запрещение их в учебных заведениях.

Цензура печатных изданий в России началась в XVIII в. при Петре I, который книгоиздательскую деятельность отдало в руки государства, оставив церкви наблюдение за книгами религиозного содержания. Вплоть до царствования Екатерины II примеры запрещения философской литературы можно отнести в основном на счет Синода, а в середине ее царствования началось уже государственное цензурное преследование в начале масонской литературы, а затем книг французских просветителей. Запрещение их произведений продолжалось и в XIX в. [5].

¹ Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00118а.

Именно в XIX в. вначале Александром I, а затем Николаем I в 1804, 1826, 1828 гг. утверждаются уставы светской и духовной цензуры, в параграфах которых определяются причины запрещения философской литературы не соответствующей видам правительства и церкви. Издаваемые цензурными комитетами списки запрещенных изданий зарубежных и отечественных философов из года в год увеличивали свои объемы. Так, к примеру, в списке Петроградского комитета по делам печати при Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел содержится около двух тысяч запрещенных цензурой книг. Из русских философов и социологов в нем книги Н.Я. Грота, Н.К. Михайловского, М.М. Филиппова, Г.В. Плеханова, письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю, книги о А.И. Герцене, Л.Н. Толстом, декабристах. Часть книг запрещалась для «обращения в публичных библиотеках и общественных читальнях». В одном из списков таких книг, составленных в Главном управлении печати, запрещено держать в библиотеках все сочинения Добролюбова, Михайловского, Писарева, Чернышевского, Плеханова, Де-Роберти, Сеченова [1].

Парадоксальная на первый взгляд ситуация с цензурой сложилась в XX в. у большевиков. Они в своей программе, принятой на II съезде РСДРП после победы пролетариата обещали «неограниченную свободу слова и печати», но после своей победы в октябре 1917 г. забыли об этом обещании. 27 октября 1917 г. за подписью председателя Совнаркома Ленина был опубликован «Декрет о печати», в котором свобода слова и печати отменялась со ссылкой на необходимость борьбы с буржуазной идеологией. Хотя временный характер этого декрета неоднократно утверждался, он по своей сути так и не был изменен. Правительство «в целях создания в РСФСР единого государственного аппарата печатного слова» всю издательскую деятельность решило национализировать, создав Государственное издательство РСФСР. При Госиздате был создан специальный Политотдел, «политредактора» которого проверяли политическую благонадежность присылаемых рукописей.

Обобщив первый опыт работы Политотдела по цензурному преследованию инакомыслия, большевики декретом Совнаркома от 6 июня 1922 г. создали специальный орган цензуры, назвав его Главным управлением по делам литературы и издательства (Главлит). По справедливому утверждению современного исследователя «факт организации Главлита в 1922 г. можно рассматривать не как определенный поворот в отношении идеологии и культуры, а как логическое продолжение политики незаконной власти тоталитарного типа, более всего испытывающей страх перед свободой слова и свободой мысли» [3; 8].

У большевиков по отношению к цензуре был двойной стандарт: официальная пропаганда за весь период существования СССР заверяла, что у нас цензуры нет, а реально Главлит и его органы «на местах» душили любые проявления инакомыслия, нестандартного, несанкционированного партией и официальной идеологией мышления. Ханжески, например, звучат слова циркуляра Главлита от 1926 г., что «в СССР цензуры нет, а употребление в печати слова «цензура», «цензор» неправильно.

Часть философской литературы не соответствующая канонам марксистской философии запрещалась и уничтожалась, а часть по решению Главлита помещалась в так называемые «спецхраны» библиотек и пользоваться такой литературой можно было по специальному разрешению. В спецхран попали труды всех (!) религиозных философов как отечественных, так и зарубежных. И не только их труды, но и богословские журналы, в которых они печатались: «Православное обозрение», «Вера и разум», «Богословский вестник» и др. До 1987–1989 гг., когда спецхраны прекратили свое существование, в их фондах насчитывались сотни тысяч (!) названий книг. Это были книги и журналы «белых» периодов Гражданской войны, репрессированных деятелей партии и правительства (Л. Троцкого, С. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина и др.) и все издания, где они упомянуты, среди которых все 5 изданий книги Ленина «О Троцком и троцкизме», 15 книг Луначарского, три книги Горького, 180 книг и брошюр Н. Бухарина; вся эмигрантская литература, в том числе труды русских философов Н. Бердяева, И. Ильина, В. Зеньковского, Н. Лосского и других; издания на иностранных языках в основном общественно-политического и философского содержания [4]. Главлит в содружестве с органами госбезопасности выпускал специальные списки лиц и их трудов, подлежащих изъятию из свободного обращения, самый известный из которых «Список лиц, все книги которых подлежат изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети согласно приказам Главлита в период с 1938–1950 гг.», включавший более 500 авторов [2, с. 25].

Правительственное наблюдение за преподаванием и преследование преподавателей, чье мировоззрение не соответствовало идеологическим установкам правительства, еще одна сторона цензуры как экзистенциала отечественной философии. Такое наблюдение, преследование, а порой и запрещение преподавания философии в учебных заведениях страны осуществляло Министерство просвещения. Самыми впечатляющими примерами негативизма этого Министерства по отношению к философии было изгнание в 1816 г. из Харьковского университета профессора философии И.Б. Шада, запрещение преподавания философии в Московском университете профессору И.И. Давыдову в 1820 г., разгром Казанского университета Магницким, «дело» профессоров Петербургского университета в 1821 г., наконец, запрещение преподавания философии в университетах в 1850 г.

В советское время практика наблюдения за преподаванием философии было продолжено. Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. были отменены ученые степени и звания профессоров и доцентов, в 1919 г. закрыты юридические и историко-филологические факультеты, имеющие кафедры философии; в 1920 г. в вузах прошла тотальная «чистка» по удалению «старых» профессоров. Из вузов были удалены известные русские философы Н. Бердяев, Н. Лосский, Л. Лопатин, В. Несмелов, М. Тареев, С. Франк, Г. Шпет и многие другие, а в 1922 г. многие из них были выдворены за пределы России. Коммунистическая партия своими директивами обязала преподавание философии в высшей школе осуществлять «только коммунистами» [8, с. 51–52]. Вплоть до 1990-х годов вузовские преподаватели философии, как правило, были членами КПСС и, находясь в номенклатуре парткомов вузов, райкомов и горкомов партии, выполняли все постановления ЦК КПСС касающиеся философии и идеологических вопросов [7]. Если философы такие предписания не выполняли, имели свою точку зрения на решение тех или иных философских проблем, они подвергались «чистке», увольнению, политическим преследованиям и репрессиям. Так продолжалось во все годы господства марксистской идеологии, цензурования и преследования философии [6].

Литература

1. Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. – СПб., 1903.
2. Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. – СПб., 2003.
3. Горяева Т. Культура и цензура: Мифы и реальность, или история борьбы против правды // История советской политической цензуры: Документы и комментарии. – М., 1997.
4. Джимбинов С. Эпитафия спецхрану // Новый мир. – 1990. – № 5.
5. Емельянов Б. В. История царской цензуры. Ст. 1. Борьба с французским просвещением // Известия Уральского федерального университета. – Серия 3. – 2013. – № 3 (118).
6. Емельянов Б. В. От серебряного века к железному: политические судьбы русской философии начала XX века // Русская философия: Новые исследования и материалы. – СПб., 2001.
7. Квитка И. И. Русская философия XX века и политика. – Тюмень, 1999.
8. Кошарный В. П. У истоков советской философской науки. – М., 1981.

УДК 008

О.В. Ибрагимова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Синергетика рассматривает сложноорганизованные эволюционирующие миры – естественные и искусственные, физические и биологические, экологические и социальные. При этом на первый план выходит проблема «совместимости» методологий. Синергетика осознается как междисциплинарное направление, благодаря своей способности «перекрывать» научное разнообразие, выступая в качестве интегратора естественнонаучного и социогуманитарного знания. Когда синергетика вступает в синтез с методами других наук, то можно говорить о синергетическом перекрытии, при котором принимается специфика каждого из методов. Тем самым синергетика способствует развитию других наук.

Современная концепция закономерностей развития мировой культуры, основанная на их синергетическом осмыслении, изложена в работах М.С.Кагана. Выстраивание целостной историко-культурной концепции на основе методологии синергетики – это достаточно смелый шаг, так как однозначной оценки синергетический подход в гуманитарных науках еще не получил. Ученым

предпринята попытка привести разработанную основоположниками синергетики программу изучения саморазвития в соответствие с более сложной структурой антропосоциокультурных систем, которая обусловлена внегенетическим и, тем более, немеханическим характером детерминации процессов развития; переосмыслением соотношения закономерности и случайности, основанным на опровержении традиционного пренебрежения науки к случайности; переосмыслением роли личности в истории, связанным с важным значением фактора свободы для развития культуры и общества; духовным характером человеческой деятельности как высшей формы психической активности, признанием духовности порождением культуры, инструментом культуры и культуросо-зидающей силой; исторической формой бытия социокультурной реальности. Системно-синергетический подход повторяет тот путь, который в свое время проделала системная методология: преодоление полного неприятия до понимания того, что без системного подхода вместо гуманитарной науки существует лишь гуманитарное знание. Если системный подход был первым шагом навстречу новому пониманию целостности культуры, то ее постижение принадлежит уже синергетике как теории самоорганизации сложных систем, находящихся вдали от равновесия.

С появлением культурологии в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины все пространство общественнознания затронули глубокие преобразования. Культурология обладает своим способом описания культурных явлений и процессов, сохраняет и развивает широкий «культурологический взгляд», который уже с XIX века присутствовал в философско-культурологических и комплексных исследованиях.

Внедрение отечественной культурологии в систему наук о культуре шло по «десантному» принципу, также быстро она была утверждена в качестве научной специальности. Однако возникли и сложности: дисциплина уже существовала, а статус культурологии еще не был определен. Связано это было с тем, что внутренние подразделения-дробления гуманитарного знания разрушили существовавшие долгое время проблемные и предметные поля разных дисциплин, поэтому такая ситуация предполагала осмысление перспектив методологии социально-гуманитарного знания в целом.

Противоречивый поток идей по поводу возможностей культурологии горячо обсуждался на многочисленных дискуссиях. Это способствовало формированию ее собственного понятийного и категориального аппарата, поиску соответствующего методологического инструментария. Проблема предмета и метода, как основная для определения познавательных границ любой дисциплины, соответственно по-разному решалась в становящихся, порой очень далеких друг от друга, направлениях культурологического знания.

В настоящее время уже обозначились контуры познавательной методологии культурологии как науки. Сегодня развитие ее социального, и гуманитарного направления во многом связывается с междисциплинарностью, синтетическим, системным и системно-синергетическим подходом.

Преодолению разного рода трудностей, таких, как механическое перенесение методов, сложившихся в ходе развития точных наук, на гуманитарную сферу, способствует методологическая рефлексия. По мнению М.С.Кагана «...именно она позволяет выявить особенности применения в данной сфере принципов, работающих в естественно-научной сфере» [2, с. 21].

Культурология – самостоятельное направление научно-теоретического знания, в котором современные социокультурные процессы и явления получают многостороннее объяснение. Внешняя интегративность («понемногу ото всех») переросла в сложную систему междисциплинарных взаимодействий. Интегративность культурологии связана с познанием социокультурных объектов, так как они гораздо сложнее природных и технических. Восстановить культуру как целое сегодня невозможно без культурологических построений, включающих представления о закономерном характере культурных феноменов и наблюдение устойчивых характеристик культуры.

Однако линия на интегративность культурологии как науки, формирующейся на стыке социального и гуманитарного знания о человеке в обществе и изучающая культуру как целостность, получила не менее серьезное обоснование (работы Е.Я. Александровой, И.М. Быховской, Л.П. Воронковой, Б.С. Ерасова, С.Н. Иконниковой, А.Я. Флера и др.). Междисциплинарность культурологии в ряде исследований простирается в основном на сферы социогуманитарного и философского знания, что само по себе также достаточно объемно, но расширение ее возможностей видится и через включение синергетических моделей.

Усложнение мира культуры, связанного с креативной сущностью человека, его творящего, затрудняет соблюдение монометодологичности исследования, а в иных случаях – делает его невоз-

возможным. В частности, познание социокультурных процессов, неустойчивость и нелинейная динамика которых не только поддерживаются воздействием внешних причин, но и определяется внутренней самоорганизацией, а также корректируется людьми требует междисциплинарных решений.

Синергетический подход, основанный на междисциплинарности, с признанием взаимодополнительности разных типов познания соответствуют культурологии как интегративной по своей сути науке, предмет которой - культура – относится к типу сложных систем.

Нетрудно предположить, насколько кардинально изменяются процессы познания культуры и выводы при синергетическом подходе к анализу разных явлений, если ключевыми характеристиками синергетического мышления являются циркулярность, самореферентность, автопоэтичность, коммуникативность, ориентация на широкий междисциплинарный диалог.

Принятие новых мировоззренческих оснований и методологических принципов синергетики отразилось на понимании и объяснении процессов развития культуры, сказалось на обновлении категориального и понятийного аппарата культурологии. Так, отказ от линейной трактовки культурно-исторического развития способствовал обращению представителей социогуманитарного знания к новым методологическим подходам, в рамках которых возможно было бы передать сложность и многообразие социокультурных процессов. Теория самоорганизации заявила себя в качестве одного из эффективных инструментов анализа культуры как системы высшего уровня сложности, нелинейно развивающейся и пребывающей в состоянии неравновесности. Важное значение сыграло понимание целостности и бесконечности мира. И в этом проявилось влияние синергетики на изменение мировоззренческих принципов, создающих основания для разработки концепций целостности культуры, изучения проблемы культурного многообразия.

Если синергетика объясняет процессы самоорганизации в социальных системах, усиление форм проявления порядка или хаоса, сложные процессы перехода от одного неравновесного состояния к другому, показывает «точки роста», прогнозирование будущего, то культурология помогает проникнуть в их содержательное, ценностно-смысловое наполнение. Плодотворность такого синтеза очевидна.

Поэтому обращение культурологии к синергетике в ее методологическом и философском измерении позволяет преодолевать границы традиционных подходов к исследованию феноменов культуры. Речь идет о создании синергетикой коммуникативного пространства между группами общенаучных и общеполитических гуманитарных методологий. Если культурология занимает свое место в первой группе, то вторую группу составляют диалектика, системно-структурный подход, синергетика и герменевтика, основанные на мыслительном моделировании, являющиеся, прежде всего, логиками разных картин мировосприятий.

Особенности применения основных принципов синергетики для исследования культуры открывают перед учеными возможность по-новому осмыслить все многообразие теорий и подходов, сложившихся в науках о культуре. Способность синергетики «перекрывать» научное разнообразие проявляется в ее междисциплинарных и интегративных возможностях, что позволяет исследовать не только отдельные явления культуры, но и постигнуть культуру как специфическую функцию и модальность человеческого бытия [1, 198]. Особый ракурс синергетический подход задает комплексным и синтетическим исследованиям по проблемам типологии культуры, динамики социокультурных процессов, кризиса культуры и т.д.

Литература

1. Балакшин А.С. Методология исследования культурной политики // Философия. Культурология Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2010. – № 4.
2. Каган М.С. Взаимоотношение наук, искусства и философии как историко-культурная проблема // Гуманитарий. Ежегодник. – № 1. – СПб., 1995.

MODERN UNIVERSITY: ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТОВАР

Начиналось все патетически: философия как *genius loci* университетской традиции... В истоке своем университет понимался как строго регламентированная корпорация преподавателей и студентов. Но и основываясь на безусловной академической субординации, это профессиональное сообщество призвано было стать территорией свободы. И в этом – субординация *versus* свобода – не было противоречия. Речь здесь шла о вполне достижимом – о внутренней свободе и свободе суждений, если угодно – свободе ума. Более того, в той мере, в которой члены университетской корпорации соответствовали требованиям академической традиции, они способны были открыть для себя и возможность экстерриториальности. Столь редкая в наше время форма творческой и профессиональной жизни была заключена в самой сущности университета как идеи. В отличие от государства и церкви, «объективирующих», соответственно, власть насилия и веры, университет предполагает подчинение только одной власти – власти знания. А идею университета и закон аудитории, в пространстве которой мысль существует только в исполнении, в западную средневековую культуру принесла именно философия.

Изначальное название университета – «*studium*» («учебное заведение с универсальной программой») постепенно уступило место понятию «*universitas*», которое служило обозначением корпорации преподавателей и студентов, т.е. строго регламентированного объединения людей, сложившегося по поводу получения и передачи знаний. Университетская корпорация объединяла общеобразовательный факультет искусств и высшие факультеты: теологический, юридический, медицинский. Функции факультетов заключались в организации лекций, диспутов и присуждении ученых степеней, дающих право на преподавание. Наиболее значимым фактором, определившим генезис университета как сообщества, институции и шире – феномена культуры, можно считать диспуты, где правом возражать против выдвинутого тезиса мог воспользоваться любой из участников [2, 332]. По-видимому, именно свобода возражений со временем и конституировала презумпцию ума в качестве основания экстерриториальности университетского человека.

Поскольку семь свободных искусств, составлявших программу общеобразовательного факультета, *de facto* были философскими практиками, то и факультет искусств заслуживал названия философского факультета. Будучи формой заботы об универсуме, философия смогла совместить здесь диаметрально противоположные принципы формирования знаний – всеобщую связанность вещей и объективность конкретно-научного подхода. Философская компетенция как диалектическое единство интуиции сущности и определенности знания была предпосылкой получения профессии.

Если придерживаться традиции, то и в рамках российской системы высшего образования обучение философии должно оставаться фундаментом, на котором строится корпус университетского образования. Однако на деле этот фундамент, что называется, ушел в землю. Университетская философия безвозвратно разошлась со своим собственным призванием, сохранив позиции разве что в перечне дисциплин, прилагаемом к диплому. Превратившись в «философию учебников», она в итоге оказалась «лишним» предметом в дисциплинарных предпочтениях современного российского студента.

В недавнем прошлом, когда философия в нашей стране самоидентифицировалась как «диалектический» и «исторический» материализм, реальность подменялась идеологией, представлявшей не просто «ложное» сознание, а нечто подобное коллективному помешательству [4, 71–78]. Идеология в ту пору захватила и сам язык, вследствие чего он перестал быть средством мышления. В настоящее же время, когда затруднена даже самоидентификация, ненужность философии может быть объяснена только ее заброшенностью. Не удивительно, что ныне те, чье кредо раз и навсегда сложилось в эпоху «марксизма-ленинизма», позволяют себе эксперименты с самим понятием «философия»: так рождаются морфологические выкидыши, наподобие «философики». Видимо не случайно лингвисты иногда называют постфиксы «прилепами».

Однако еще большее недоумение вызывают не столько вечно живые марксисты-ленинцы, травмированные опытом постижения диамата, сколько отказ от философии живых людей – тех, кто еще «способен к изменению», над кем, казалось бы, не довлеют параноидальные соображения «социалистического реализма». Почему же мыслящие люди отказываются от философии, уступая

интрузии поверхностных культуртрегерских практик, подыскивая ни к чему не обязывающие «эквиваленты» философии? Впрочем, если «культуролог сегодня в России действительно больше, чем философ», то стоит ли удивляться тому, что само будущее философии в университете становится проблемой. Тяжесть последствий подобной «уступчивости» со временем будет только нарастать, в особенности, если вспомнить, что университет для философии и философов – это, действительно, последний приют.

В нашей стране всё имеет иную размерность – вероятно, сказывается необъятность просторов. Так, замусорив одно место, российский обыватель может перейти на другое. Не поэтому ли западная философия все реже становится «первоисточником» для российских эпигонов, и все чаще сублимируется в нечто менее обязывающее и более подвижное – некую философию культуры, а чаще и «просто» – культурологию (теорию, лишенную саморефлексии как имманентного начала всякого философского мышления)?

Европеец, даже если бы и имел такую возможность – мусорить там, где живет, вынужден наводить порядок на своем месте, чтобы жить здесь дальше. Европейцу некуда перейти, некуда сбегать – нет места. Будь иначе, Европа, быть может, была бы такой же, как и Россия. Отсюда и актуальность *genius loci*, и экстерриториальность в культуре и философии, и сама философия, и университеты, наконец. Всего этого, пожалуй бы, не было, если бы не способность, не сходя с места, оказаться в прошлом, вновь ощутить ту пуповину, которая всегда связывает европейца с античной традицией.

По-видимому, для российского человека связь с традицией в принципе проблематична – переходя с места на место, мы каждый раз оказываемся в точке, где нет прошлого. Скажем, если, предполагая существование связи между университетом и философией, мы мысленно «вернемся в прошлое», то что мы там увидим, помимо мумии диамата? Увы, по сути, ничего.

Вряд ли трагически погибший Э.В. Ильенков или застывший в состоянии «внутренней эмиграции» М.К. Мамардашвили хотели ассоциировать себя с подобной «действительностью». Как тут не поверить в апологию покинутости: «нужно одиночество, чтобы была мысль...».

В интервью П. Бонэт (1988), имея в виду начало 50-х гг. и вновь переживая свою прежнюю тоску по философским текстам, М.К. Мамардашвили скажет: «...наша порядочность... измерялась просто выбором соответствующих тем и сюжетов. В мое время на философском факультете МГУ... всякий человек, который занимался историческим материализмом, был нами презираем, поскольку мы признавали только тех, кто занимался логикой и эпистемологией <...> Сам знак того, что ты занимаешься какой-то болтовней, называемой историческим материализмом, свидетельствовал о том, что ты – мерзавец» [7, с. 364].

По сути, диамат, каким бы странным на первый взгляд это ни показалось, был иным полюсом той же тотальности – сублимированной жажды власти: «человеческое, слишком человеческое...». С той только разницей, что власть эта была и остается наиболее «экономической» – это власть над умами, когда «объект» принуждения, мотивированный хозяином его разума, всё делает сам. Пресловутая «законная претензия философа на власть»... М. Хайдеггер – К. Ясперсу: «...вспомнил слова Ф. Ницше, которые Вы, конечно, знаете: “Сотня глубоких одиночеств в совокупности образует город Венецию” – это его очарование. Картина для людей будущего». <...> Вспомните также слова Лессинга о ветряных мельницах [“И вольно господам ссориться; их воображение превращает ветряные мельницы в великанов”]. В сравнении с тем, что мыслится в том и другом случае, по существу мыслью будущего, мы просто гномы» [6, Письмо, с. 132, 254].

Настроения собеседников совпадают: «То, что Вы говорите о нас как о “гномах”, – отвечает К. Ясперс М. Хайдеггеру, – вполне созвучно моему ощущению. Иногда я употребляю это же выражение, которое, насколько мне известно, первым использовал Я. Буркхардт. Но я сознаю и какая гордость заключена в том, чтобы войти в пространство великих, осмелиться в каком-нибудь закоулке негромко сказать свое скромное слово и заметить, что не принадлежишь к их кругу, однако был среди них, причем иначе, нежели большинство твоих современников. Потому-то мы знаем, насколько мы малы. Но вместе с тем – какое притязание: ты находился в общении с ними!» [6, Письмо, с. 133, 254].

Причем здесь нравы «великих гномов»? И что дальше? Дальше – трагедия взаимности – персональной и метафизической. Все, как в жизни, – человеческой, слишком человеческой жизни...

Более чем 20 лет спустя, К. Ясперс в своей «*Philosophische Autobiographie*» так описывает последнюю встречу с М. Хайдеггером: «...За столом он сказал слегка сердитым тоном: это безобра-

зие, что существует столько профессоров философии – во всей Германии следовало бы оставить двух или трех “Кого же?” – спросил я. Никакого ответа... “Как может такой необразованный человек, как Гитлер, управлять страной?” – “Образование совершенно не важно, – ответил он, – вы только посмотрите на его великолепные руки!” <...> От той силы, к которой теперь примкнул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого и, как уже не раз в моей жизни, думал о “Cautel!” Б. Спинозы. <...> В мае 1933 г. Хайдеггер уехал в последний раз. Больше мы никогда не виделись”...» [6, с. 347–348].

По-видимому, К. Ясперс не считал последующую переписку «местом встречи». Точка невозврата была пройдена еще в 1933 году. Наверное, не только смерть может разлучить людей; в каком-то смысле, есть вещи и пострашнее смерти – они разлучают при жизни. Например, подлость, которая всегда с нами... И как тут различить: претензия ли это, которую мы адресуем Другому или еще один приступ саморефлексии...

«Образование совершенно не важно...», если есть руки – руки, которые по локоть крови... Насколько одно не связано с другим – это ли не повод, и это ли – не оправдание? Воистину прав тщедушный и, одновременно, мужественный Р. Декарт: доказать можно всё, потому что на момент доказательства в языке есть все нужные слова. Призрачная связь слов как замена реальности и всё, абсолютно всё – возможно.

Искушает ли величие М.Хайдеггера как философа его очарованность претензией фашизма на чистоту крови и тотальность власти? Способно ли одно искупить что-то другое, если они – абсолютно не связаны? И как это все помещается в душе человека или сознании философа? Не мешает ли человек философу и наоборот? О чем, в этом смысле, говорил все тот же Р. Декарт: великодушные – это способность вместить весь этот мир, как он есть, не меняя его?

Страдала ли душа М.Хайдеггера, вместив в себя столь разные вещи, – соблазн причастности власти, лишь слегка скрытой флером обаяния ницшеанской «белокурой бестии», и соблазн языка, неумолимо влекущего к истине Бытия? И страдала ли душа К. Ясперса, вместив в себя столь несовместимое – ревность к чужой мысли и облегчение праведника, пережившего творческую смерть при жизни? И каким, в итоге, был его суд над М. Хайдеггером – вынужденным или добровольным?

Вместо эпилога «великим гномам»: Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу, Freiburg im Breisgau, 7 марта 1950 г.: «Дорогой Ясперс! Я не приезжал в Ваш дом с 1933 года не потому, что там жила еврейская женщина, а потому, что мне просто было стыдно...» [6, с. 271].

Причем здесь «гномы»? И дает ли одному из них близость к великим право утверждать, что образование совершенно не важно? Ведь это то самое «второе рождение», которое только и позволяет человеку стать другим, оставаясь самим собой. Непростые вопросы. К примеру, Х. Ортега-и-Гассет – человек с куда меньшим самомнением, чем М. Хайдеггер, но с не меньшим достоинством, чем К. Ясперс, также не считал образование священной коровой, с легкостью формулируя «принцип экономии в образовании» или, иными словами, некой разумной достаточности науки в сфере университетского образования: первая и центральная функция университета – приобщение, прежде всего, к тем областям знания, которые имеют важнейшее значение для культуры. Нужно сделать среднего человека лишь хорошим профессионалом, а отнюдь не исследователем: «Скандальный вывод: наука в собственном смысле слова, т.е. научное исследование, не относится напрямую к неотъемлемым первичным функциям университета и не должна никоим образом включаться в них» [5, с. 91–92]. <...> «Нужно вывернуть университет наизнанку..., радикально реформировать его», чтобы «вместо утопического желания обучать тому, что нужно, ...обучать только тому, чему можно научить, т.е. тому, что можно выучить...» [5, с. 79–80]. Почти кошунственные мысли для всякого, кто прошел испытание академической цензурой. Но *post factum* Х. Ортега-и-Гассет оказался прав.

Такое «образование» не просто восторжествовало, к примеру, в постсоветской России, но оно является, за редким исключением, единственно возможным. В большей части провинции – по определению. Наука в среднем российском университете давно уже стала средством легитимации посредственности, всё превращающей в товар: выбор дисциплин и аудитории, публикации, научные степени и звания, и даже самое возможность работы. Наука здесь может быть чем угодно, но данное «нечто» неизменно позиционируется как свидетельство некоей исключительности. Торговцы образованием, преодолев первичную постсоветскую робость, уже и сами уверовали в свою ученость – всегдашняя инверсия действительности и реальности, и субстантивация верований,

многократно усиленная тотальностью экранной культуры. По сути, это наука эпохи нового Средневековья, обладающая практически таким же спектром допущений и таким же уровнем необязательности, как и религия, которая не спасает. Но не это ли констатировал Х. Ортега-и-Гассет: «Средний студент настолько не способен исправно усвоить то, чему его хотят научить, что признание этого провала стало составной частью университетской жизни... Сегодня фактически признается нормой считать притязания университета изначально нереалистичными. Поэтому его настоящая институциональная жизнь признается фальшивой; фальсификация самого себя стала сущностью института. <...> Принцип лицемерия пронизывает все уровни и структуру современного университета» [5, с. 91].

Современный университет как «образование для среднего человека», по мнению Х. Ортега-и-Гассета, призван «вернуть» культуру, вытесненную ориентацией на научное исследование, и реализовать «принцип экономии мышления»: университет «не должен позволять среднему студенту напрасно тратить часть своего времени, воображая, что он станет ученым. Для этого научное исследование как таковое следует исключить из... минимума университетской структуры» [5, с. 113].

Рубеж XX–XXI вв., по мнению Б. Ридигса – автора исследования «The University in Ruins» (1994), характеризуется отсутствием государств с дееспособной идеологией. Одержимые идеей тотального регулирования, они незаметно для себя самих стали заложниками транснационального правительства, которого нет. По-видимому, это нечто «саморегулируемое» – реализация того состояния, что традиционно приписывается рынку.

Производство знаний в современном университете остается неопределенным. Причина неопределенности, как считает Б. Ридингс, – взаимосвязанный кризис легитимации: знания, производимого в гуманитарных науках, и университета как института культуры: «Больше уже не понятно – ни каково место университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества...» [1, с. 11]. Мутация западного представления об университете определяется «американизацией» как процессом, синонимичным «глобализации».

Б. Ридингс полагает, что «американизация», по сути, есть «повсеместное навязывание правила денежных отношений вместо идеи национальной идентичности», иными словами, это «конец национальной культуры». Здесь денежные отношения являются лимитирующим фактором всех инвестиций в общественную жизнь. В период модерна *raison d'être* университета обеспечивается его национально-культурной миссией. Ныне же, она повсеместно терпит крах. Университет больше не связан с судьбой национального государства, поскольку он не является творцом, защитником и ретранслятором идеи национальной культуры.

Университет становится транснациональной бюрократической корпорацией – либо связанной с транснациональными инстанциями управления (ЕС); либо функционирующей как самостоятельная транснациональная корпорация. Центральная фигура университета – администратор, а не преподаватель. При этом задачи университета определяются обобщенной логикой «учёта», согласно которой университет должен стремиться к совершенству во всех аспектах своей деятельности. Помимо обезличивающей глобализации и девальвации идеи национального государства, кризис поддерживается утратой традиционными гуманитарными дисциплинами (прежде всего, философией) центрального места в жизни университета.

Болонский процесс, осуществляемый ныне в рамках российской системы образования, также является проводником глобализации. Какова же цель глобализации? – Так проще управлять! «Проще» – в смысле возможности экстраполяции принципов и методов управления, инвариантных специфике объекта, на любые материальные и социальные объекты, их совокупности и системы. Беда только в том, что университет, будучи по своему духу средневековой корпорацией, не может управляться как промышленное предприятие или офис.

Мы – свидетели исчезновения критической и социальной функции университета; он больше не участвует в историческом проекте человечества, который нам достался от Просвещения, – историческом (модернистском) проекте культуры. Теперешнее состояние университета – это «состояние постмодерна». Ф. Лиотар определял его как «состояние знания и культуры современных наиболее развитых обществ после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в кон. XIX в.» [3, с. 9]. Статус знания изменяется по мере вхождения общества в постиндустриальную эпоху. Доминирующую роль приобретают тенденции формализации знания как результат социокультурных пандемий XX в., которые вполне способны привести к тому, что

«университет рискует исчезнуть» [3, с. 13). Формализация знания подрывает веру в господство разума, в право и социальный прогресс и, в целом, в Просвещение как проект модерна.

Если Ф. Лиотар видел выход в отходе от тотальности и возврате к самоценности индивидуального опыта, сосуществованию множества языков и стратегий диалога, то Б. Ридингс идет дальше и отказывается от термина «постмодерн», он предпочитает называть университет «постисторическим», подчеркивая, тем самым, что университет пережил себя, оставшись лишь осколком эпохи модерна, где он служил опекуном критического сознания.

Можно только согласиться с Б. Ридингсом: возврат к утраченной миссии либерального образования вряд ли возможен. Под угрозой находится и сама автономия знания – оно уже не является самоцелью, поскольку больше нет субъекта, способного воплотить данный принцип. Нет больше и главного героя – героя-студента, с которого когда-то начиналось приключение либерального образования, нет и героя-профессора, которым всё заканчивалось.

Jack Barzun – автор исследования «The American University: How It Runs, Where It Is Going» (University of Chicago, 1993) – открыто предлагает сформировать в университете автономную страту «неакадемических администраторов» – некий «второй слой», который, узурпировав власть, в эпоху модерна принадлежавшую знанию, и будет ее новым держателем.

Экспорт принципов производственного менеджмента в академическую среду, унификация (краткосрочные контракты, нивелирующие академические свободы под соусом «эффективности»), редукция преподавания и исследования к формальным критериям (рейтингам, индексам цитирования и т.п.) – вот настоящее и будущее современного университета. Казус, таким образом, заключается в том, что диспут как свобода возражений, породив университетскую традицию, пережив инквизицию, расцвет и упадок национальных государств, уступил свои демократические полномочия административному догматизму, а свободу ума – ограниченности должностных инструкций. Национальное государство исчезло, но насилие как форма его существования и чиновники как его адепты, прижились в самом, казалось бы, непригодном для этого месте – в стенах modern university.

Понятие «университет» перестало быть определением сообщества, вектором единения здесь стал утилитаризм, отношения найма и несвободы. Образование превратилось в оказание образовательных услуг, а они, в свою очередь, в один из самых ходовых товаров. Пост-исторический университет по инерции все еще требует от своих адептов соблюдения академических принципов, но сам их уже не соблюдает. Победа «Universitas» над «Studium» так и не стала «вечным двигателем» культуры, в очередной раз подтвердив справедливость закона сохранения энергии, эмоций и массы веществ, иными словами, превосходство физических законов над социальными.

Литература

1. Билл Ридингс. Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута. – М., 2010.
2. История философии: Запад – Россия – Восток (Кн. 1. Философия древности и средневековья). – М., 1996.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М., 1998.
4. О феномене советской философии, см., в частности, реферат И.Н. Балабановой на кн. Evert van der Zweerde. «Soviet Philosophy – the Ideology and the Handmaid» в сб.: Истор.-филос. исслед.: методол. асп. // М-лы конф. молодых ученых / Под. ред. А.И. Алёшина. – М.: РГГУ, 1997.
5. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Пер. с исп. М.Н. Голубевой, А.М. Корбута. – М., 2010.
6. См.: Martin Heidegger / Karl Jaspers. Briefwechsel. 1920-63 Jahre / Hrsg. Von W. Biemel und H. Saner / Пер. И. Михайлова под ред. Н. Федоровой: Переписка (1920-63 гг.). – М., 2001.
7. См.: Мамардашвили М.К. «Мой опыт нетипичен» // Как я понимаю философию. – 2-е изд. – М., 1992.

УДК 130.0

В.А. Комова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ДИХОТОМИЯ ГОРОД – ДЕРЕВНЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Одним из аспектов, характеризующих социокультурный облик России, является специфичная форма организации ее культурно-географического пространства – поля человеческой жизнедеятельности. «Каждый народ видит Единое устройство Бытия (интернациональное) в особой проекции...» [2, с. 11]. Анализируя типологию характерных российских поселений, можно выделить два

важнейших их вида: город и деревня. Изучению и анализу дихотомии этих феноменов будет посвящена данная работа.

Следует отметить, что среди исследователей, занимающихся вопросами изучения организации пространства, существуют сторонники как городского, так и деревенского жизнеустройства.

Еще со времен античности приверженцы одной или другой стороны бескомпромиссно доказывали свою правоту, отвергая оппонентов. У основателя культурно-исторической школы Геродота мы еще находим попытки достигнуть компромисс, рассматривая существующие между городом и деревней отношения. Но Римские сторонники городской культуры уже ожесточенно спорили с представителями иной, «природной, естественной» деревенской жизни. К примеру, в произведениях Цицерона наблюдается крайнее обострение данной проблемы. Будучи на стороне приверженцев городской культуры, Цицерон подчеркивал характерный для государственного устройства империи системообразующий фактор главного города и поэтому конфронтация «город – чужбина» часто встречается в его работах. Учетливость, образованность, гуманность городского гражданина, по Цицерону, противопоставляется грубости, агрессивности, безграмотности жителя села. Противоположную точку зрения представлял Вергилий, акцентировавший внимание на паразитирующем образе жизни знати и рассматривавший сельскую жизнь как идеал, лишенный подобных перегибов.

Позже исследователи стали называть город «пространственно связным образованием, воплощавшим в себе особый образ жизни (стремительной, светской, анонимной) с отчетливым пространственным и социальным разделением труда внутри его, со специфическим отношением к деревне, стране в целом и к «внешнему миру»...» [1, с. 57], акцентируя внимание на прогрессивных (в отношении организации человеческого жизнеустройства) характеристиках города.

Существующая дихотомия «город–деревня» давно изучается и российскими учеными. Так, А.Г. Левинсон, отмечает, что город «выступает как отрицание патриархального деревенского существования» [3, с. 12], указывая тем самым на более высокий статус города по сравнению с деревней. Исследователь В.В Скоробогачкий, анализируя особенности возникновения российских городских поселений, отмечает, что «относительно однородное ранее пространство (социальное, экономическое, геополитическое, культурное) взрывается, его выделенные точки (города) приходят в движение. Ценностное закрепление иерархической организации пространства культуры и преимущества городского образа жизни перед сельским делает этот ход развития необратимым» [5, с. 10]. Такой активный процесс противопоставляется абсолютно естественному, спонтанному процессу возникновения сел и деревень.

Цивилизационные процессы, происходящие в обществе, увеличивают разрыв между городом и селом.

Для людей город привлекателен, в первую очередь, в экономическом отношении: наличием рабочих мест, развитой инфраструктуры, транспортных путей, возможностей разнообразной организации досуга. Такие блага позволяют человеку прогнозировать свою жизнь с определенной долей вероятности. Но городской стиль жизни определяет ряд оговорок, которые снижают возможности личного выбора. Главный минус города – это навязанная масс-культура, часто порождающая далеко не самые высокие уровни чувственного сознания. Это влечет за собой гипертрофированное стремление к наживе, власти, получению удовольствий и отказу от морально-нравственных ценностей, а также способствует обезличиванию человека, копированию стереотипного поведения и сознания.

Деревня же привлекательна своей экологией, наличием природных мест отдыха, отсутствием промышленных предприятий, загрязняющих окружающую среду. [4, с. 48–49]. Кроме того, село продолжает оставаться носителем истиной народной культуры, древних ремесел и обычаев, что является важнейшим пластом культурно-исторической реальности.

Важной особенностью вектора городской культуры является его направленность на замещение нерукотворных природных объектов созданными образцами «новой природы», появляющимися как следствие целенаправленной человеческой деятельности. Примерами таких замещений являются городские парки и скверы, появившиеся взамен лесам, а также места для занятий спортом непосредственно в городской черте: «Принадлежностью культуры является гимнастика, турнир, агон; принадлежностью цивилизации – *спорт*». [6, с. 21]. Замена объектов природы является лишь фоном параллельно идущему глобальному процессу отказа от естественных культурных ценностей в пользу цивилизационных урбанистических процессов, а это не может не настораживать:

«Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью...» [6, с. 21].

Анализируя противопоставление города и села, невозможно не заметить, что существует несколько плоскостей рассмотрения этого вопроса. В одной из них проблема представлена так: существует идеальный город, с действующими в нем непреложными законами морали и человеческого общежития, с процветающей культурой и экономикой, с грамотным и продуктивным разделением труда и ему противопоставлена идеальная деревня с аграрной общиной, живущей по обычаям и традициям, унаследованным от предков. Имеет место также другая плоскость, в которой недостаткам города противопоставляют недостатки деревни. Но наиболее всесторонне охватывают существующую проблему и такие варианты, при которых сравниваются «плохой город и хорошая деревня», а также «хороший город и плохая деревня». В любой плоскости существует множество аргументов как в пользу одного, так и другого оппонента.

Несмотря на то, что потенциальных возможностей в городе больше, что труд городского жителя легче, нельзя однозначно утверждать, что урбанизация – это только благо, т.к. при таких условиях жизни велики риски размывания культурных устоев и традиций, предусмотрительно сохраненных российской деревней. Будущее России – в компромиссе между городом и селом, в их продуктивном сотрудничестве и взаимовыгодном сосуществовании.

Литература

1. Аймин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. – 2002. – № 3–4 (34). – С. 57.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. – М., 1995. – С. 11.
3. 2. Левинсон А. Город и ценности // Опыт социологии // М., 1999. – С. 12.
4. Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание. – М.: Логос, 2001. – 384 с.
5. Скоробогачкий В.В. Провинция как проблема: исходные определения и модель исследования // Чиновник. Вып. № 3, 99 (6). – // <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article>.
6. Шпенглер О. Закат Европы / Пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. – С. 21.

УДК 930.2

А.А. Лицук

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ

Для истории культуры мемуары – один из самых важных источников, так как через него говорят с нами те, кто был создателем и свидетелем своей эпохи. И не просто говорят, а раскрывают душу, поясняют свои замыслы, раскрывают суть произведений, которые создали. Но что мы можем считать воспоминанием, как работать с таким источником как мемуары? Теория мемуаристики стала развиваться не так давно, но, несмотря на это, определенный комплекс идей уже выработан. Так, общее определение мемуаристики давал известный исследователь А.Г. Тартаковский, говоря о мемуарах «...как повествованиях о прошлом, основанных на личном опыте и собственной памяти автора» [7, с. 22–23]. И, действительно, мемуаристика является овеществленной исторической памятью, одним из показательных средств духовной преемственности поколений.

В мемуарном творчестве историзм и субъективизм переплетаются множеством линий, поэтому «...при типологическом изучении мемуаристики как вида исторических источников необходимо подчеркнуть, что индивидуализация – это не только выделение себя в коэкзистенциальном целом, осознание своей обособленности от сосуществующих одновременно других личностей и относительной самостоятельности внутри социальной группы, но и осознание своего места в эволюционном целом, т.е. в историческом процессе или, более конкретно, в чередующихся поколениях» [4, с. 320–321].

При исследовании мемуаристики нужно отметить факторы, понимание которых значимо для анализа данного феномена культуры. Особенность мемуаристики – ретроспективность, которая может быть как короткой, так и насчитывать несколько десятилетий. И чем больше разрыв между событиями, описываемыми в воспоминаниях, и временем написания самого текста – тем больше вероятность неточности изложения ситуации. Чем больше проходит времени, тем более вероятно проявление «ошибок памяти», искажений, которые в экспериментальной психологии носят название «мечтательной лжи», когда «...в памяти, затуманивается далекое прошлое, и желаемое выда-

ется за действительное» [5, с. 386]. Кроме того и мотивы мемуаротворчества достаточно разнообразны: от целей, связанных с личностно-семейной сферой жизни (воспоминания для детей, опыт самопознания и т.п.), до откровенно публичных (фиксация собственной роли в политических событиях, сведение личных счетов с бывшими противниками и т.п.).

Мемуарная литература отражает историческое самосознание авторов, но вместе с тем она отражает и саму суть культуры, являясь ее истинным лицом: «...культура исторична по своей природе. Само ее настоящее всегда существует в отношении к прошлому (реальному или сконструированному в порядке некоей мифологии) и к прогнозам будущего. Эти исторические связи культуры называют диахронными. Как видим, культура вечна и всемирна, но при этом всегда подвижна и изменчива. В этом сложность понимания прошлого (ведь оно ушло, отдалилось от нас). Но в этом и необходимость понимания ушедшей культуры: в ней всегда есть потребное нам сейчас, сегодня» [6, с. 9].

Рассматривая эволюцию мемуарной литературы, мы можем заметить следующее: если в XVIII в. большинство мемуаров можно разделить на две группы – мемуары-автобиографии и мемуары о событиях, то в XIX в. процесс усложнился – и в большинстве текстов мы видим слияние двух первоначальных типов. Этот процесс свидетельствует об усложнении мировоззренческих позиций авторов мемуарных сочинений.

По принципам жанровой стратификации мемуарную литературу можно сгруппировать следующим образом:

1. Жанр энциклопедических мемуаров. Это, обычно, различного рода справочники, словари, персональные энциклопедии, хроники. Характерная черта подобных текстов – скрупулезное изложение материала, но при этом остается важным то, что автобиография и мемуары как таковые есть реконструкции истории личностной индивидуальности и это делает интересным подобные мемуары, а не скучным формальным изложением материала, фактов, цифр.

2. Исторический (или исторически-научный) жанр. Для сочинений подобного рода характерно ориентация на научность изложения материала, документальную подтвержденность выводов. В данном случае, как, впрочем, и в других жанрах мемуаров, но в данном случае более всего, автор сталкивается с проблемой биографической реконструкции, которая может быть представлена как ряд следующих этапов: 1) поступок и ситуация; 2) биографический факт; 3) биографическое объяснение; 4) этические долженствования; 5) повествовательная изобразительность. При этом следует, помня, что мемуарист в этом случае часто выступает в роли биографа, учитывать то, что «...для биографа поступок выступает первичной целостностью в том смысле, что его невозможно разложить на составляющие части без опасности утери этой целостности, следовательно, утери смысла индивидуальности биографического персонажа» [1, с. 51]. И так как поступок совершается всегда в определенной ситуации (исторической, культурной и т.п.), то неизбежно включение анализа этой ситуации в воспоминания о том или ином герое эпохи.

3. Жанр портретный мемуаров. Это повествование о конкретных деятелях культуры, к примеру. Главная цель таких мемуаров – дать духовный портрет персонажа. Автор мемуаров, в данном случае, становится на позиции биографа. И сталкивается с проблемой, которая для биографа всегда актуальна – где грань между наукой и искусством в биографии? Причем в большинстве случаев, ситуация усложняется тем, что по отношению к описываемым персоналиям автор мемуаров испытывает (или испытывал, что так же не остается без следа) те или иные чувства.

4. Художественные мемуары. Допускают художественный вымысел. Эта группа мемуаров требует особой оговорки. В истории мемуаристики Серебряного века особой популярностью пользовались мемуары, сочетающие в себе реальность и художественный вымысел. Пример тому – сочинения Андрея Белого.

Можно классифицировать мемуары по другому принципу – принципу временной отдаленности от описываемых событий:

1. «Непосредственные», то есть созданные сразу же «по горячим следам» событий, впечатлений и т.п. В таких воспоминаниях много деталей, мелочей, которые и создают эффект свежести воспоминаний. Это дневники, письма, путевые заметки и т.п.

2. «Опосредованные», то есть созданные спустя какое-то время после описываемых событий. Память обычно в таких случаях останавливается не на сиюминутных сюжетах, а охватывает наиболее важные события времени.

И.Л. Сиротина предлагает «культурологическую» классификацию мемуаров и выделяет следующие группы [7, с. 231]:

1. Мемуары-летописи, которые созданы сразу же после события. Это записки, путевые заметки, дневники.

2. Мемуары-воспоминания, созданные на основании наиболее запечатленных в памяти сюжетах. Это автобиографии, исповеди, литературные портреты.

3. Художественные мемуары, в которых переплетаются личные воспоминания и записи, публикации как личные так и других лиц разных лет, письма чужие и свои, мемуары собственные и иных авторов. Это, как правило, художественно и литературно обработанные, отредактированные тексты.

Из вышеизложенного следуют и этические императивы, которые принято применять к авторам биографий, мемуаров и т.п. Можно назвать как основные следующие императивы:

1. Императив непереписываемости биографической книги. Высказанное слово остается жить навсегда, входит в культурную традицию. Например, мифы, озвученные в автобиографиях, мемуарах могут навсегда стать реалиями истории. Порой такие мифы с большим трудом преодолеваются. Порой долгое время в оценке тех или иных исторических персонажей многие выводы базируются на мифологизированных дневниках, воспоминаниях и т.п. Пример тому, история интерпретации записей о Распутине (кстати говоря, тоже герое рубежа веков XIX и XX) в воспоминаниях А. Вырубовой [2] или Ф. Юсупова [8].

2. Императив безответности. Герой, о котором пишет в своих воспоминаниях автор, часто уже сам не может ответить на обвинения и т.п. в свой адрес. Мемуары и воспоминания обычно пишутся спустя время от тех событий о которых идет речь. Часто биограф выносит вердикт, оценку (порой радикальную) прошедшим событиям от лица настоящего. Но могли ли знать герои событий о том, что будет? И что бы они сами ответили спустя время на те вопросы, которые им задало будущее, но будущее уже без них?

3. Императив персонификации. В мемуарах, автобиографиях персонифицируется не только личность автора, но и сама эпоха. Мы можем согласиться с мнением, что «...высказывание, гласящее, что биография есть также и автобиография ее автора и того времени, когда она писалась, меньше всего метафора – в нем выражен существенный смысл традиции биографического письма. Биограф несет этическую ответственность и перед современностью» [1, с. 61].

Таким образом, мемуарные тексты в современной культурологии обладают большим исследовательским потенциалом и могут выступать ценными источниками культурологического анализа.

Литература

1. Валиевский А. Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: Биографический альманах. – М.; СПб., 1995. – № 6.
2. Вырубова А. Воспоминания. – М., 2009;
3. Данилевский И. Н. Источниковедение: теория, история, метод. – М., 2000. – С. 320–321.
4. Захарова Л. Г. Мемуары, дневники, частная переписка второй половины XIX в. // Источниковедение в СССР XIX – начала XX вв. – М., 1970. – С. 386.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – С. 9.
6. Сиротина И. Л. Культурологическое источниковедение: проблемы мемуаристики. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. – Санкт-Петербург. Серия «Symposium». – Вып. № 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 231.
7. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. – М., 1980. – С. 22–23.
8. Юсупов Ф., кн. Мемуары: В 2 кн. – М., 2002.

КВАДРАТ SATOR КАК ЧЕРНОКНИЖНЫЙ СИМВОЛ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Одно из первых описаний квадрата SATOR в качестве чернокнижного символа в русской культуре встречается у русского этнографа И.П. Сахарова. В конце XIX века он описывает обряд посвящения ведьм и называет квадрат SATOR «заклинательной песней над духами», значение которой понимали только ведьмы [5, с. 97].

В таком качестве он также встречается и в современной массовой культуре. Например, слова «SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS», составляющие палиндром или магический квадрат звучат в музыкальной теме, написанной современным российским композитором И.Е. Корнелюком, в телесериале В.В. Бортко «Мастер и Маргарита» 2005 года, который был снят по одноименному роману М.А. Булгакова. В сериале эти слова связаны с нечистой силой и их произносят сатиры, посвящая Маргариту в ведьмы.

Квадрат SATOR имеет древнее происхождение и первоначально он не был связан с колдунами и ведьмами. Наоборот, ему приписывали свойства защиты от ведьм, злых духов, болезней, пожаров и т.д. [3, с. 431–433]. Как заклинание против духов или для подавления их гордости квадрат SATOR предстаёт перед нами в европейском магическом трактате Средневековья или эпохи Возрождения «Большой ключ Соломона» в качестве «второго пентакля Сатурна» [10, с. 54]. Квадрат SATOR фигурирует также у иезуита Афанасия Кирхера в его труде «Arithmologia» XVII века, где квадрат вписан в шестиконечную звезду или гексаграмму [7, с. 220]. Известно, что гексаграмма в еврейской культуре символизирует «Звезду Давида» или «печать Соломона». Тождественность «печати Соломона» с квадратом SATOR подтверждается и тем фактом, что в России под «печатью Соломона» подразумевается квадрат SATOR [3, с. 432].

«Печать Соломона» отсылает нас к легендам, сказкам и апокрифам о царе Соломоне, в которых он повелевает злыми духами при помощи перстня, на котором выгравировано имя Бога. Связь «печати Соломона» и квадрата Сатор прослеживается в греческом апокрифе «Завещание Соломона» («Testamentum Salomonis»): «Возьми, о Соломон, царь, сын Давида дар, который Саваоф, Всевышний, послал тебе. Им ты свяжешь всех демонов земли, мужского и женского рода; и с его помощью ты построишь Иерусалим. Ты [должен] носить эту печать Бога. И эта выгравированная печать на кольце, которое тебе послано, есть Пентальфа» [6, с. 16]. Здесь мы видим, что под «печатью Соломона» понимается пентаграмма (которая также приводится у А. Кирхера, которая изображена рядом с гексаграммой). Тождество гексаграммы и пентаграммы мы связываем с тождеством ветхозаветного Бога с новозаветным (Христом). Факт этого тождества мы обнаруживаем у христианских каббалистов XVI века, в первую очередь у И. Рейхлина, который ассоциировал пентаграмму с пентаграмматоном, חַשְׁמֶלֶת (транслитерация: HShVH), обозначающим Христа [9]. Квадрат SATOR состоит из пяти слов, в каждом по пять букв. Число пять здесь является ключевым, и квадрат SATOR может служить эквивалентом пентаграммы или пентальфы.

По мнению некоторых исследователей, квадрат SATOR представляет молитву «Pater» Noster», которая может быть записана в виде креста [8, с. 2]. Крест, символ Иисуса Христа, печать Соломона, пентаграмма, гексаграмма – все эти символы представляют собой защиту против нечистой силы.

Возникает вопрос: благодаря чему квадрат SATOR мог трансформироваться в культуре из символа Бога и защиты в чернокнижный символ?

Британский славист, В.Ф. Райан, ссылаясь на В.И. Даля, пишет, что колдуны и ведьмы делятся на «прирожденных» (то есть те, у которых колдовской дар по рождению) и «ученых» (то есть те, которые приобрели колдовской дар при жизни). При этом он также указывает, что западная ведьмовская истерия повлияла на формирование образа ведьмы в России в XVII веке, и вера в то, что ведьма или колдун состоит в союзе с дьяволом, была уже оформлена в XIX веке [3, с. 128–134]. По нашему мнению, квадрат SATOR трансформировался из символа Бога в чернокнижный символ в русской культуре, исходя из следующих причин:

- 1) В.Ф. Райан в своей книге «Полночь в бане» указывает, что утверждение И.П. Сахарова о том, что песню SATOR исполняли деревенские ведьмы, «возможно, недостоверно» [3, с. 433]. В таком случае мы имеем дело с поздней мифологизацией, которая повлияла на фольклор и популярную культуру, в которой квадрат SATOR предстал как символ колдов-

ства. Вполне вероятно, что в народном сознании конца XIX века, уже отчасти десакрализованном (в котором сакральные символы, не обладающие уже «жизненной силой», отжившие, но все еще присутствующие в культуре переходят в разряд фольклора) или наоборот глубоко вовлеченном в конфессиональность и ортодоксальность, все непонятные, окруженные тайной символы считались чернокнижными.

- 2) Известно, что квадрат SATOR использовался в качестве амулета против болезней и напастей, таким образом, если человек прибегал к «магии» квадрата, то его в профанном обществе, участвующим также в формировании народной культуры, могли считать колдуном или ведьмой. Присутствие квадрата SATOR в качестве символа «печати Соломона» в русской книжности может представляться так: тот, кто читает книги с присутствующим в них квадратом SATOR, тому открывается мудрость подобно той, что открыл Бог Соломону. Но, с другой стороны, если человек становится посвященным в мудрость, то он становится подобным Богу, знающим добро и зло, как заповедовал змей Эдема, что автоматически создает ему в народе репутацию чернокнижника.
- 3) Квадрат SATOR и печать Соломона как единый символ обладает амбивалентным дуалистическим характером. Так, анаграмматический метод, при помощи которого составлена молитва «Pater Noster» позволил получить химику и медику XVIII века И.Х. Виглебу заклинания или обращения к Сатане, которые представлены в его труде «Onomatologia curiosa, artificiosa et magica ...»:

«Satan oro te pro arte, a te spero.
Satan ter oro te, opera praesto.
O Satan! oro e te, rapta reportes.
Satan oro te, reo portas patere.
Satan oro te, et appare e rostro.
Satan ter oro te, reparato opes.
Satan aspera oro te, pro te ero.
Satan Pater oro, stare te pro eo.
Satan pereo apro, restat, oro te.
Satan asta toro prope, ore et re.» [11, 39–40].

Таким образом, квадрат SATOR мог быть молитвой «Отче Наш» («Pater Noster»), прочтенной наоборот, или другими «антимолитвами», которые могли произноситься при посвящении дьяволу. Исходя из этой мысли, можно сделать вывод: для того чтобы получить символ Дьявола, всего лишь нужно «перевернуть» символ Бога (например крест или пентаграмму) либо неправильно его растолковать, как в случае с квадратом SATOR. Такая трактовка будет восприниматься как надругательство над Богом. Как пишет исследователь древнерусских сюжетов о договоре человека с нечистой силой О.Д. Журавель: «Подобно тому, как отрицание от дьявола означало посвящение себя Богу, отрицание от Бога мыслилось как предание себя дьяволу как божеству, как служба и «моление» ему, то есть в сходных «религиозных» категориях» [1, с. 67].

- 4) Квадрат SATOR может подразумеваться как ключ к заключению договора с дьяволом. Об этом могут свидетельствовать магические трактаты по черной магии (гримуары) и апокрифы, которые были написаны в эпоху Средневековья и Ренессанса. В одном из них, «Красном Драконе», написано следующее: «Именно Ключ великого царя Соломона открыл нам верный способ заключать договоры [с духами], при помощи коих сам он обрел свои несметные богатства, и наслаждался прелестями столь многих женщин, и постиг самые сокровенные тайны естества; и посредством этих договоров можно вершить любые добрые и любые злые дела» [2, с. 158].

Стоит также предположить, что амбивалентное понимание квадрата SATOR исходит из понимания зла. Если зло персонифицировано, мыслится как нечто, что имеет личность, то с таким злом можно заключить договор. И наоборот, если зло выступает в качестве неведомого, неизвестного, безличного, того, что внушает страх, например болезнь, то с таким злом договор заключить невозможно. По христианским представлениям, такое неведомое зло все же находится под властью Бога и ведомо ему, и квадрат SATOR, который традиционно представлял имя Бога, в таком случае понимался как оберег, нежели как чернокнижный символ. Но стоит заметить, что существует переход от неведомого зла к персонифицированному злу. Такой переход мы встречаем в «Сисиневых легендах», отраженных в русских заговорах, изображениях (лубок, народные иконы) и амуле-

тах-змеевиках, сюжет которых созвучен сюжету легенд соломоновского цикла [3, с. 352–361]. Особенность молитв и заговоров против лихорадки заключается в том, что в них содержится перечисление имен демонов, персонификаций болезней. Таким образом, человек, знающий имена демонов имел власть над ними, так как появление имени есть переход от безличного (не проявленного) зла к личному (проявленному). В таком случае в русской культуре квадрат SATOR мог пониматься как символ, в котором заключены имена демона либо он сам. Описание заключенного в перстень демона мы можем встретить в «Русских достопамятностях», описывающих Сухареву башню. В них говорится, что крестьянин из села Завидова, Г.Д. Книголюбов, живший в XIX веке, указывает, что в ней находилась (наряду с «черными книгами») «печать Соломона», и дает ее описание: «Соломонова печать на перстне слова Sator, agero tenet opera rotas, а внутри дух заключен, на кольце разные фигуры. Можно сим перстнем делать разное: к себе печатью превратить, невидим будешь, от себя отвратить, видим будешь и все очарования разрушить, власть над сатаной получишь; кольцом к себе превратить, то разные превращения сделаешь, снимешь с руки, ударишь обо что, то сатана выскочит, что тебе хочется, все исполнит и прочия можно сим кольцом делать, и хитр, мудр, памятливы и все знать будешь, если на руке его имеешь» [4, с. 14].

Размышляя о квадрате SATOR, можно сделать вывод о том, что в русской народной культуре он стал представлять собой как имя Бога, так и имя дьявола, либо вовсе стал черномagicеской формулой или магическим перстнем без внутреннего содержания и смысла, но с главной функцией, при помощи которой человек начинает повелевать духами или демонами. И здесь уместно также сравнить квадрат SATOR с другими эквивалентными символами в русской культуре, ставшими символами народной русской демонологии. Например, также как и квадрат SATOR, слово Абракадабра являлось заклинанием против болезни или лихорадки. В русской культуре Абракадабра стала также и «чародейской песней», которая «поется при полете ведьм на шабаш» и «при каждом звуке вылетает по одному духу из ада» [5, с. 98]. Стоит заметить, что в русском чернокнижии слово Абракадабра имеет форму ромба, аналогичную некоторым изображениям квадрата SATOR [5, с. 98]. Другим аналогичным символом на наш взгляд может считаться цветок кочедыжника (папоротника). Приведем описание И.П. Сахарова: «Цвет кочедыжника имеет силу: владеть нечистыми духами, повелевать землею и водою, отыскивать клады, делать неведимкою» [5, с. 93].

Таким образом, квадрат SATOR вошел в русскую народную культуру, став символическим пространством (включающий другие символы или ассоциирующийся с ними), с которым связано все непонятное, таинственное и мистическое, но одновременно притягательное для человека, находящегося внутри русской культуры.

Литература

1. Журавель О.Д. Сюжет о договоре с дьяволом в древнерусской литературе. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
2. Истинный гримуар. Красный дракон / Пер. с англ. Анны Блейз. – М.: Издательство «Ганга», 2012.
3. Райан В.Ф. Баян в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.
4. Русские достопамятности. Выпуск 01. Снегирев И.М. – Сухарева башня в Москве, 1862.
5. Сахаров И.П. Сказания русского народа. – 1885.
6. Conybeare F.C. Jewish Quarterly Review. University of Pennsylvania Press. – 1898.
7. Kircher A. Arithmologia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=oIA_AAAAcAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (обращение: 12/12/2014).
8. Moeller W.O. The Mithraic Origin and Meanings of the Rotas-Sator Square. Leiden E. J. Brill. – 1973.
9. Reuchlin J. De Verbo Mirifico. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=kBB-TAAAAcAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (обращение: 12/12/2014).
10. Ryan W.F. Solomon, SATOR, Acrostics and Leo the Wise in Russia. // Oxford Slavonic Papers. New Series. XIX. 1986.
11. Wiegand J.C. Onomatologia curiosa, artificiosa et magica, oder natürliches Zauber-Lexicon, in welchem vieles Nützliche und Angenehme aus der Naturgeschichte, Naturlehre und natürlichen Magie nach alphabetischer Ordnung vorgetragen worden. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=Yrw5AAAACAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (обращение: 12/12/2014).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ

Современное российское общество стоит перед выбором ценностных и политико-стратегических альтернатив своего дальнейшего развития. Государство нуждается в модернизации, о чем постоянно заявляют высшие руководители страны. В связи с этим повышается роль политического сознания в политической жизни. В период социальных изменений политическое сознание становится важной частью процесса трансформации, а его изменение обуславливает перемены во всех сферах социального бытия. Особенно данная проблема приобретает огромное значение в кризисных ситуациях, что мы сейчас и можем наблюдать.

В условиях модернизации необходим глубокий анализ природы, сущности и особенностей развития политического сознания современного российского общества, так как все социальные изменения влекут за собой активизацию политической жизни, что во многом усиливает значение субъективного фактора в политическом процессе.

Российское общество подвергается все большему воздействию модернизационных тенденций, которые охватывают политическую, экономическую, социальную и духовную сферы его жизни. В результате большую нагрузку испытывают фундаментальные, цивилизационные основы общества.

В условиях модернизации в обществе, наряду со следованием в своем развитии историческим традициям, наблюдаются противоположные ориентации на заимствование модернизационных практик извне. Это обстоятельство актуализирует проблему содержания политического сознания, от которого будет зависеть стратегический вектор будущего развития России и выработка курса ее дальнейшего реформирования.

На данном этапе наше общество переживает сложный период с характерными для него противоречивыми процессами социальных изменений, специфическим образом отражающимися в общественном сознании и, прежде всего, в политическом сознании. Процесс модернизации приводит к кардинальным преобразованиям социальной структуры общества, качественно изменяя условия существования его основных слоев. Намечается устойчивая тенденция обострения противоборства основных общественных сил по поводу конкретного социально-политического содержания модернизации и направленности реформ, проводимых в ее рамках. В обществе существуют разные альтернативные подходы к развитию.

Более конкретно актуальность проблемы формирования политического сознания современного российского общества в условиях модернизации обусловлено следующим.

Прежде всего, актуальность обусловлена необходимостью выбора парадигм политического мышления и политической практики, обеспечивающих гарантию поступательного и демократического развития общества в условиях модернизации.

Не дать обществу впасть в стагнацию, а также позволить извлечь максимальную пользу из процесса модернизации – решение этих задач требует целенаправленного формирования политического сознания общества.

Важнейшими проблемами в данной области выступают диалектика развития политического сознания в условиях модернизации, а также ее негативные и позитивные последствия. Очень важно оформление методологических основ практики развития политического сознания общества, адекватного задачам модернизации России.

Актуальность формирования политического сознания предопределяется потребностью обоснования стратегии дальнейшего развития России в современном мире со стороны общества.

Диалектика развития современного российского общества характеризуется на сегодняшний день усилением кризисных явлений в отдельных его сферах. Страна, с одной стороны, стоит на пороге модернизации. С другой стороны, начинать этот процесс ей приходится под мощным давлением извне, преследующим своей целью окончательное ослабление России.

Таким образом, сейчас важно решение вопроса об оформлении и реализации стратегии дальнейшего развития общества и государства, создание условий для проведения модернизации, где

конструктивная роль политического сознания станет надежным гарантом поступательного развития нашей страны. Перед экспертным сообществом, в частности перед философской наукой, стоит задача исследования диалектики развития политического сознания российского общества. Необходим анализ поливариантности его развития, а также сценария тех конструктивных изменений и действий, которые позволят преодолеть все кризисные явления с наименьшими потерями и обеспечить устойчивое и поступательное развитие России.

Еще одно важное основание актуализации роли политического сознания в современном обществе состоит в изменении способа бытия социальности, которое связано с технологическими, аксиологическими и институциональными переменами.

Современное общество позволило во многом технизировать процесс формирования идей в общественном сознании, что, в свою очередь, породило ряд проблем, связанных с необходимостью контроля над технологиями. Недопустимо низведение идей до уровня простой информации или, тем более, нерасшифрованных образов. Препятствовать этому может только зрелое и обладающее высокой критической культурой политическое сознание общества.

Особую роль политическое сознание приобретает в период становления гражданского общества, когда качественно преобразуется его роль и функции в общественном процессе. Являясь субъективным компонентом политики, политическое сознание отражает степень восприятия политической реальности субъектом и рационального к ней отношения. Отражение политики, осуществляемое в чувствах и умственных образах, в знаниях и оценках предшествует политическим действиям и придает им целенаправленный характер. Политическое сознание определяет поведенческий подход к политике и является стержнем политической культуры.

Формирование политического сознания необходимо для осуществления эффективной государственной политики, для предвидения поведения людей в политическом процессе, непосредственными участниками которого они являются.

Современное российское общество еще во многом расколото по множеству оснований. В современных условиях необходимо формирование консолидированного подхода по отношению к путям и источникам выхода из кризиса. Вероятность негативного развития событий в силу усиления давления извне будет сохраняться до тех пор, пока не будет решена проблема целостности российского общества, в том числе и через утверждение идеологии примирения и толерантности, идеологии созидания, понимаемой и принимаемой большинством россиян.

С учетом сказанного возникает потребность в глубоком анализе феномена политического сознания в условиях модернизации со стороны экспертного сообщества. Он представляется важным и продуктивным. Кроме этого, экспертному сообществу еще предстоит решить ряд методологических и прикладных проблем, которые связаны с необходимостью дальнейшей политики по воспитанию патриотизма среди россиян, особенно среди молодежи, сознательного исполнения гражданского долга, высокой нравственности, демократичности и правосознания.

Литература

1. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. – М.: «Akademia»-Наука, 1999.
2. Козлова Н.Н. Традиционные ценности и цели модернизации // Модернизация в России и конфликт ценностей. – М., 1993.
3. Устрялов Н.В. Проблема прогресса. – М., 1998.

УДК 93/94

Д.А. Нуриева

г. Казань, Казанский Федеральный Университет

ВОЙНА И МИР: ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ ТВ-ПРОПАГАНДЫ

Предвыборная кампания, информационное противостояние со странами Запада, военные события на Украине – 2014 год предоставляет исследователям современного российского телевидения широкие возможности для осмысления практики воздействия на массовую аудиторию.

По данным исследования Института социологии РАН [6], в феврале 2014 года почти треть россиян (27%) считали, что «нынешняя власть должны быть заменена во что бы то ни стало», рейтинг президента страны с 2008 по 2013 годы рекордно снизился на 30%. С такими данными государ-

ственная власть России подходила к Единому дню голосования, когда избирались главы 30 субъектов страны и депутаты законодательных органов 14 регионов. Итоги выборов однозначны: лидером по числу набранных голосов стала действующая партия власти, а в большинстве регионов страны главный пост остался за прежними главами. Как удалось руководству страны сохранить прежний курс?

Специалисты утверждают – на политический выбор гражданина влияют четыре фактора: личный опыт избирателей, межличностные коммуникации, общественные институты и средства массовой информации.

Традиционно телевидение становится ареной политической пропаганды. Действуя скрыто, пропаганда имеет своей конечной целью формирование определенной идеологии. Так, известный российский исследователь С.А. Зелинский отмечает, что любая идеология строится на манипулировании массовым сознанием, от эффективности которого зависит управление группой людей, пришедших к власти, той или иной страной [1, с. 48]. Академик А.А. Зиновьев продолжает, говоря, что функция идеологии заключается в формировании у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, идеология навязывает людям определенные алгоритмы сознания [2]. Каким образом телевидение сегодня поддерживает существующий властный режим и помогает формировать необходимую идеологию? Ответ на вопрос может быть дан, в частности, при изучении новостных программ центральных российских каналов. Автор данного исследования для определения ключевых методик воздействия на массовое сознание избрал вечерние новостные программы Первого канала за период, непосредственно предшествующий Единому дню голосования. Объектом изучения стали выпуски программы «Время» с 1 августа по 1 сентября 2014 года.

Обратимся к работе исследователя манипулятивных методик ТВ С.Зелинского. Согласно его концепции, посредством телесигнала становятся возможными такие виды манипулирования массовым сознанием, как фабрикация фактов, отбор материала событий реальности, серая и черная информация, большие психозы, утверждение и повторение [1, с. 201–203]. Целью настоящего исследования является определение ключевых невербальных методик воздействия на массовое сознание, то есть рассматриваются характеристики видеоряда (поиск ключевых символов), а также особенности формирования «повестки дня» как одного из важнейших методов формирования общественного сознания. Особенности лингвистического ряда находятся вне поля настоящего исследования.

За период с 1 августа по 1 сентября 2014 года автором исследования был проанализирован 31 выпуск программы «Время» на Первом канале (в совокупности более 600 видеоматериалов). Первый вывод, сделанный на основе проведенного контент-анализа, касается тематического наполнения вечерних выпусков новостей, или же сферы формирования повестки дня. Каждый выпуск программы (без исключения) в обязательном порядке включал следующие позиции:

- Боевые действия на востоке Украины
- Поддержка беженцев с востока Украины в России
- Личные встречи президента страны с главами регионов России
- Благоустройство Москвы

В каждом третьем выпуске новостей была отмечена апелляция к теме оборонного комплекса страны (учения миротворцев, новая подводная лодка, новый отечественный ракетоносец и пр.), теме Первой мировой войны. В 50% программ так или иначе упоминалась Православная Церковь. Трендом второй половины августа стала тема западных санкций в отношении России (каждый выпуск, начиная с 10 августа), а также связанная с ней тема российского производства. Так, с 10 августа в непеременимый «тематический набор» для телезрителей вводятся новости о запуске нового производства, достижениях в сельском хозяйстве и т.п. (так же каждый выпуск без исключения).

Таким образом, в указанный период на 85–90% выпуски программы «Время» состояли из одинакового набора тем, формируя *единообразную повестку дня*. Изо дня в день центральный канал российского ТВ ретранслировал одну и ту же информацию в схожем ключе, незначительно меняя контекст информации. «Закон повторения» как основной закон пропаганды был сформулирован теоретиком журналистики и публицистики Доффатом. Лебон писал: «Повторение внедряется в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий»[3].

Исходя из приведенных выше данных, формулируется вывод о том, что основным методом формирования идеологии, воздействия на массовое сознание в предвыборный период на россий-

ском телевидении становится метод формирования единообразной повестки дня (или иначе – *закон повторения*). То есть программирование аудитории ведется при помощи многократного повторения одних и тех же тем.

Это дает основание для следующего вывода – об использовании характерного видеоряда, то есть о воздействии на зрителя посредством определенного видеоряда. Проведенное исследование показало, что ключевыми визуальными символами предвыборного периода 2014 года стали:

- Боевые действия, снятые на непрофессиональную телевизионную технику (эффект «очевидца»: видео с мобильных устройств и т.п.);
- Дети в ситуации стресса (беженцы, дети с серьезными заболеваниями) при освещении украинских событий;
- Дети в ситуации благополучия (нашедшие приют в России);
- Военная техника (как демонстрация величия и военной мощи страны);
- Производство: новые станки, чистые цеха, рабочие;
- Церковь;
- Визуальный ряд, соответствующий символу «Обновление»: реконструкция архитектурных ансамблей, ремонт и строительство дорог, сдача домов.
- Отдельный блок – личность Президента.

– автором исследования отмечено, что при создании материалов с участием лидера страны журналисты преимущественно используют крупные и средние крупные планы, реже – средние планы, еще реже – общие средние и общие. Характерно это как для сюжетов о встрече президента с главами регионов (при этом собеседники главы государства снимаются средними и более общими планами), так и в событийных репортажах.

Описанные выше позиции являют собой визуальную доминанту эфира Первого канала предвыборного периода – 2014. Частота «мелькания» визуальных кодов, их повторяемость и, что немало важно, узнаваемость и доступность для восприятия массового зрителя становятся одними из главных методов манипулирования общественного сознания в предвыборный период. Зритель получает «простые» истины, описанные одним и тем же видеорядом, причем в многократном повторении. Так российское ТВ сегодня создает «вечные темы», то есть *мифы*. Политолог Автандил Цуладзе отмечает, что за внешним разнообразием скрывается довольно ограниченный *набор шаблонов*, которые вырабатывают у зрителей определенные стереотипы восприятия информации, формируют установки часто помимо их воли [4, с. 260].

Важным в оценке невербального воздействия на общественное сознание, является анализ верстки информационных выпусков. Кроме отмеченного выше единообразного формирования повестки дня, значительно меняется и общий аксиологический фон сообщений. Снижение «проблемности» материалов – лишь один из аспектов. Меняются кардинально принципы верстки теле новостей. Если традиционно первые позиции в выпусках занимают сообщения о российских ЧП, то, к примеру, в выпуске от 11 августа сообщение о сильном циклоне на Сахалине занимает 10 позицию в программе, т.е. размещено во второй половине выпуска новостей. Так же страшный ураган в Башкирии, унесший жизни нескольких человек, оказывается восьмой из 14 позиций выпуска. Таким образом, редакция расставляет информационные приоритеты, выдвигая на первый план необходимые визуальные символы и контексты, и «скрывая» другие.

Таким образом, можно говорить о программировании российскими каналами сознания массовой аудитории. В предвыборный период – 2014 в новостных выпусках Первого канала были использованы одни из самых простых и эффективных методик управления общественным сознанием:

- «сужение» повестки дня до четко выверенного «тематического набора» (события на Украине, беженцы в России, Президент, обновление и благоустройство, обороноспособность страны);
- многократная повторяемость тематического ряда;
- повторяемость визуальных символов / программирование при помощи видеоряда.

Так, более всего в эфире Первого канала демонстрировались кадры боевых действий с Востока Украины (снятых в режиме *realvideo*), кадры детей в ситуации стресса и, как противопоставление этому видеоряду, кадры новых заводов и магистралей, православной церкви, военной техники на учениях, личности лидера страны.

Этот комплекс невербальных методик, как впоследствии показали результаты выборов, в том числе оказал воздействие на выбор электората. Подтверждают это и напрямую не связанные с

Единым днем голосования, цифры: 84% респондентов в ходе опроса поддержали продуктовые антитанки России (даже при условии роста цен на продукты) [5]. А значит «веселые» кадры новых заводов и продуктового изобилия на фермах, умело противопоставленные боевым кадрам из Украины, и «приправленные» темой великодержавности (демонстрация боевой техники и благоустройства, крупных планов президента страны), формирует эффективный шаблон восприятия окружающей действительности у большей части телевизионной аудитории.

Литература

1. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. – СПб.: ИТД «Скифия», 2008. – 280с.
2. Зиновьев А.А. // Государственная служба. 3 (17). – Май-июнь 2002.
3. Гюстав Лебон. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.
4. Цуладзе А. Политическая мифология. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 384 с.

Источники

5. Антироссийские санкции: причины и последствия. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2649. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114934>.
6. Средний класс в современной России: 10 лет спустя: Аналитич. Доклад. – М., 2014. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Sredny_klass/full.pdf.

УДК 130.2

В.И. Полищук

г. Ишим, Тюменский государственный университет (филиал в г. Ишиме)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО

Раздел культурологии, который принято называть философией культуры, есть комплекс идей и представлений о соотношении внутреннего (неверифицируемого) опыта мышления и мира культурных ценностей. Этот мир не нужно понимать только как внешний, видимый, он может быть и внутренним, т.е. содержанием сознания. И всё же по отношению к неверифицируемому опыту мышления он будет тем же внешним, то есть названным, означенным, но, оставаясь самим собой, «расположенным» в сознании.

Проблема соотношения внутреннего и внешнего, естественного и искусственного (культурного), применительно к сознанию человека, была впервые поставлена в V в. до н.э. древнегреческими софистами и Сократом. С полным правом их можно назвать первыми философами культуры, а постмодернизм XX века, который решает, в сущности, эту же проблему, – современной софистикой [2]. И о древней, и о современной софистике нельзя судить по отдельным проявлениям и высказываниям. Историческая роль античных софистов состояла в том, что своим появлением они предопределили коренной переворот в способе мышления, который привёл к рождению собственно философии. Идеалом такой философии стали известные слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей». В соответствии с ним в философии стал преобладать не образ культурного человека, а человеческий образ культуры.

Если софистика древности предопределила собой переворот в мышлении, то и современная софистика – постмодернизм – должна исполнить ту же роль. Вполне определенно можно утверждать, что появление постмодернизма свидетельствует о своеобразной девальвации образа культурного человека, сформировавшегося под влиянием Просвещения и классической – рационалистической – философии Нового времени. В странах Западной Европы этот образ давно уже не имеет какого-либо решающего значения. Например, политическая эмиграция из послереволюционной России видных представителей культуры и философии воспринималась российской интеллигенцией как кризис отечественной культуры, но западная интеллигенция ничего катастрофического в этом не видела. Никакого насилия над мыслью и духовной культурой не видела западная интеллигенция в СССР и в 30-е годы прошлого столетия, когда, казалось бы, любая свободная мысль была под запретом. Когда в 1968 г. советские войска вторглись в Прагу, а в Чехословакии были ликвидированы все общественно-политические и литературные журналы, чешская интеллигенция восприняла это как трагедию национальной культуры. Но, как писал один из её представителей, если бы подобное – ликвидация журналов – произошло в Англии или Франции, англичане и

французы даже не заметили бы этого: «В Париже даже в самом культурном обществе на званых обедах обсуждают телевизионные программы, а не литературные обзоры» [1].

В СССР и в странах бывшего «социалистического содружества» просвещенческий образ культурного человека, благодаря влиянию партийно-просветительской идеологии, задержался на несколько десятилетий. Но в постсоветской России он претерпел те же изменения, что и на Западе. Культура личности определяется сегодня не числом прочитанных книг, а числом – если говорить о книгах – написанных, не духовным содержанием и нравственными принципами, а внешними и очевидными признаками: социальным статусом, званием, должностью, имуществом, принадлежностью к определённому слою, модными на сегодня интересами, связями и моралью. Да и о самой личности можно сегодня сказать, что она не развивается, а конструируется и собирается, подобно механизму.

Впрочем, всё это не в диковинку. Сдвиги в мышлении, в представлениях человека о самом себе и о культуре время от времени происходят и повторяются. В своё время о таких сдвигах свидетельствовали древнегреческие софисты, сегодня – философы постмодернизма. Когда-то античная софистика открыла субъективную реальность как внутренний мир человека, противопоставив её тем самым реальности объективной, внешней. Современная софистика, похоже, её закрывает, то есть устраняет само противопоставление: нет ничего внутри человека, чего бы не было вовне. Всё внутреннее должно быть внешним, сказанным и названным, всё – наружу и на продажу!

Но такова логика развития западной (техноморфной) культуры: всё незримое, в конечном счёте, должно стать зримым, неявленное – явленным. Если восточная культура в том виде, в каком она ещё сохраняется хотя бы на уровне представлений, по-женски терпима к недосказанному и вообще к несказанному, то западная «не терпит пустоты», она по-мужски стремится только к сказанному и явленному. И это понятно: человек – раб и инструмент культуры, её *instrumentum vocalis*. Чтобы безупречно исполнять свои инструментальные роли, он должен быть «прозрачным» и не таить в себе невыявленное содержание. Он не должен быть криптогенным (от греч. *kryptos* – тайный, скрытый и *genos* – род, происхождение), он должен быть культурогенным. От него уже не требуется даже разумности, то есть быть *HOMO SAPIENS*ом. Точнее, его разумность должна быть открытой и предсказуемой – культурной, а не стихийной. И можно вполне определённо утверждать, что мы являемся свидетелями появления новой генерации человека – *HOMO CULTURUS*. Он проводит эксперименты над своим интеллектом, дурманя его чудовищными идеями и заглатывая невероятные объёмы информации, над психикой, меняя едва ли не каждый день свои убеждения и играя совершенно чуждые своему естеству роли, над телом, вплоть до изменения пола. Похоже, что Культура, ставшая для *homo culturatus* Природой и Богом, продолжает лепить человека. Лепить из него свои всё более совершенные инструменты, используя при этом, в отличие от прошлого, свой собственный – культурный – образ человека.

Вопрос о статусе Культуры, играющей роль и Бытия, и Природы, и Творца, можно, конечно, отнести к философским. Но в последнее десятилетие ушедшего столетия, когда произошла «разгерметизация» отечественной духовности и образовался философский вакуум, именно культурология взяла на себя функции философии. Философию не могли заменить ни попытки выдать за неё историю философии, ни обращения к постмодернизму, исполняющему роль, как уже было отмечено, современной софистики и имеющему, как и древняя софистика, вполне ощутимый культурологический привкус. Культуролог сегодня в России действительно больше, чем философ [5]. И сегодня происходит не «институционализация культурологии», и не «выделение её из философии», как полагают многие авторы [6], а культурологизация философии, ничего практически не сказавшей о своём особом статусе. Как и прежде, философия остаётся всё тем же инструментом критики, а всё позитивное, что приписывали ей по неведению или из тщеславных соображений профессора от философии, взяла на себя культурология – квинтэссенция культуры.

Сама же культура не «отступает», не «исчезает» и не «погибает». Эти метафоры относятся, скорее, к вчерашним представлениям о культуре. Уходят из жизни те, кто считал себя её творцами. Им на смену приходят инструменты культуры, запросто не только перепоручившие технике роль творца культуры, но и самозабвенно отдавшиеся ей. И это понятно: на ступени цивилизации человек уже просто не может быть автором. В лучшем случае он может быть только агентом техники, которая и берёт на себя роль подлинного творца культуры.

А что же с человеком, с его человечностью? С ним, как и всегда, одни проблемы. Какое-то время «звучащий гордо», он явно не удержался на высоте, которую стремился покорить. Ему, по-

видимому, вполне подходят роли инструмента культуры и агента техники. В конце концов, хорошо и творчески исполнять свою роль – это ничем не хуже, чем в вечном смятении чувств и мыслей искать её. А тому, кто хочет служить Богу, а не культуре или технике, дорога к храму по-прежнему не заказана.

Литература

1. Кундера, Милан. Трагедия Центральной Европы [Текст] // Проблемы Восточной Европы. – Вашингтон, 1994. – № 41–42. – С. 82.
2. См.: Land G. The Challenge of Postmodernism // Dialogue. – 1996. – Vol. 8. – P. 6.
3. Ларин Ю.В. Природа человека в проекции культуры [Текст] // Философия и культура. – 2014. – 11. – С. 1634–1640.
4. Полищук В.И. Культурология сегодня «снимает» философию? [Текст] // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы I Международной научной конференции / Отв. Ред. В.И. Полищук. – Нижневартовск, 2003. – С. 11–13.
5. См.: Савчук В.В. Культуролог в России больше, чем философ? // Ступени. – 1997. – № 10.
6. Философия культуры. Становление и развитие [Текст] / СПб., 1998. – С. 427.

УДК 339

И.Н. Савельева

г. Екатеринбург, Уральский государственный экономический университет

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кросскультурное взаимодействие оказывает огромное влияние на экономическое развитие в эпоху глобализации. По мнению американского исследователя в области кросскультурного менеджмента Л. Харрисона, «просвещенная политика может с течением времени продуцировать культурные изменения, которые, в свою очередь, вызовут политический плюрализм и экономическое развитие» [2].

В то время как в отечественной научной среде только формируется традиция изучения влияния культуры на экономическое поведение, зарубежная литература представляет нам многообразие концепций и эмпирических исследований в этой области. Фундаментальные работы Э. Холла, Р. Льюиса, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарса, Л. Харрисона, М. Киртона и др. требуют своего осмысления и практического использования в российских условиях.

Наиболее популярными теоретическими концепциями, являющимися методологической основой для эмпирических исследований в российской науке, являются концепции Г. Хофстеде и Р. Льюиса. Так, в своих работах Г. Хофстеде называет несколько основных социокультурных факторов, определяющих специфику предпринимательской деятельности: уровень индивидуализма/коллективизма в культуре; дистанцию власти; избегание неопределённости; маскулинность/феминность, конфуцианский динамизм. Под влиянием этих факторов в каждой культуре формируются относительно устойчивые модели и паттерны предпринимательской активности. Российскими исследователями предпринято несколько попыток верифицировать гипотезы Г. Хофстеде применительно к российской деловой культуре [1; 3]. Тем не менее, существующие немногочисленные исследования дают противоречивые результаты, имеют описательный характер и не предлагают практических решений для предприятий в части управления внешнеэкономической деятельностью.

Прикладные вопросы способна решить модель английского исследователя Р. Льюиса [4]. Определение профиля деловой культуры иностранного партнера основано на классификация деловых культур на моноактивные, полиактивные и реактивные. Данная модель отличается простотой и технологичностью в использовании и пригодна для тестирования кросскультурных компетенций предприятий – участников внешнеэкономической деятельности.

Анализ публикаций и интервью с представителями предприятий, занятых внешнеэкономической деятельностью, позволяет сделать вывод о том, что исследование культурных факторов – не абстрактная затея, культурное взаимодействие нужно рассматривать как бизнес-процесс, которым необходимо управлять и который не может быть оставлен на волю случая.

Попытки рассматривать культурное взаимодействие как бизнес-процесс могут стать перспективным направлением прикладных исследований в области кросскультурного менеджмента. Со-

гласно технологии управления бизнес-процессами, кросскультурное взаимодействие необходимо рассматривать как составляющую вспомогательных и управленческих бизнес-процессов во внешнеэкономической деятельности.

Рассматривая кросскультурное взаимодействие как часть управленческих бизнес-процессов, следует включить его как предмет анализа и обсуждения в процессе разработки стратегии внешнеэкономической деятельности предприятия. На этапе стратегического анализа тестируется такая важная компетенция предприятия, как кросскультурная осведомленность, предполагающая знание базовых культурных ценностей и типичных моделей поведения представителей на различных зарубежных рынках. Учет данного бизнес-процесса позволит обоснованно выбрать зарубежные рынки не только с позиции привлекательности, но и учесть степень кросскультурной осведомленности при определении конкурентоспособности предприятия.

На этапе определения видения, формулирования миссии компании, постановки стратегических целей и разработки стратегических мероприятий в области внешнеэкономической деятельности требуется максимальный учет кросскультурных факторов, поскольку от особенностей деловой культуры иностранного партнера во многом будет зависеть успех реализации внешнеэкономической стратегии предприятия.

Кросскультурное взаимодействие как вспомогательный бизнес-процесс отчетливо проявляется в оперативном управлении внешнеэкономической деятельностью. На данном этапе от предприятия требуется освоение другой, не менее важной, компетенции – кросскультурной сензитивности. Данная компетенция позволит не только избежать многочисленных ошибок и разногласий от начала переговоров до реализации и оценки эффективности внешнеэкономического проекта, но и поможет сформировать устойчивое взаимодействие в межкультурной команде.

Рассматривая кросскультурное взаимодействие как бизнес-процесс, предприятие повышает свою конкурентоспособность посредством формирования компетенций кросскультурной осведомленности и сензитивности, совершенствует программу управления рисками предприятия на различных зарубежных рынках. Инвестирование ресурсов в развитие организационных навыков предприятия позволит заставить культуру работать «на себя», а не «против себя».

Общие тенденции глобализации экономики и развития информационных и коммуникационных технологий, повышение роли факторов культуры в обеспечении конкурентоспособности предприятий делают перспективным направлением прикладных исследований изучение кросскультурного взаимодействия как бизнес-процесса в области внешнеэкономической деятельности.

Литература

1. Пивоваров С.Э., Максимцев И.Л. Сравнительный менеджмент. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 480 с.: ил.
2. Harrison L. E. (2006 a) The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself. – Oxford University Press, 2006. – P. 272.
3. Hofstede G. web-site [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://geert-hofstede.international-business-center.com>.
3. Richard Lewis Communications. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.crossculture.com>.

УДК 008

Х.В. Слячкус

г. Тюмень, Тюменский государственный нефтегазовый университет

СТРУКТУРА НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Фундаментальная роль народной художественной культуры рассматривалась в теории культуры многими учеными, среди них Л.Н. Коган, Л.И. Михайлова, Б.Н. Путилов, В.С. Цукерман и др. Однако в отечественной науке наибольшее распространение получила деятельностная трактовка М.С. Кагана, при которой культуру определяют как совокупность материальных и духовных результатов деятельности человека. Ведь, по своему первоначальному смыслу культура являла собой результат обработки и возделывания почвы, а также результат работы человека над окружающим миром и самим собой.

М.С. Каган в научной работе «Морфология искусства» выделял художественную культуру как самостоятельный вид человеческой деятельности, отмечая при этом, что ее определяет такая важная особенность, как единство материальной и духовной деятельности человека. Он рассматривал

художественную культуру как продукт художественной деятельности людей и совокупный способ [1, с. 27]. В другой работе – «Философия культуры» -М.С. Каган выделял 3 главные подсистемы культуры:

1. Материальная культура, суть которой заключается в переработке природного «сырья», неорганической и органической материи.

2. Духовная культура осмысливает природу в философских теориях, религиозных представлениях, научных концепциях, нравственных принципах.

3. Художественная культура, цель которой перевод природной реальности в «реальность» искусства, образно моделирующей пространственно-временные формы бытия [2, с. 69].

Составные компоненты, которые выделяются в данных подсистемах, свидетельствует о системном подходе к рассмотрению данного понятия. Термин «народная культура» предполагает, что данная культура (область национальной или этнической культуры) противопоставляется некой иной области культуры. Нужно отметить, что народная культура рассматривается как культура социально ограниченного сообщества или нескольких сообществ, являет собой нижние уровни социума – носителей этнической или национальной культуры.

Каждый этнос имеет свою культуру, традиции, обычаи, что, соответственно, находит отражение в традиционной народной художественной культуре, которая является одной из составляющих глобальной системы художественной культуры общества и активно взаимодействует со всеми ее образованиями. Народная художественная культура предстает в этих связях как многомерный феномен, имеющий сложные пограничные образования, как с народной культурой в целом, так и с элитарным и массовым искусством. В настоящее время традиционная народная художественная культура трактуется как сфера проявления устойчивых традиций, образцов, ценностей, сформировавшихся в рамках древнейшей культуры и ставших базисом для традиций, образцов, ценностей, формирующихся в последующие эпохи. В результате, создав единый комплекс, они прочно закрепились в культурно-историческом опыте народа.

Народная художественная культура рассматривается в культурологии как одна из подсистем художественной культуры. Традиционная народная культура определяет и нормирует все аспекты жизнедеятельности общины: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов общества, тип семьи, воспитание детей, характер жилища, освоение окружающего пространства, тип одежды, питания, отношения с природой, миром, предания, верования, поверья, знания, язык, фольклор как знаково-символическое выражение традиции [3].

Исследователи уделяют внимание отдельным направлениям, жанрам, стилям, и даже объектам народной культуры, фольклора, причем, чаще всего, заимствованных из «классического» прошлого. Фольклор являет собой важнейшую часть национальной культуры. В разных этнических традициях прослеживается общность определенных явлений в развитии устного народного творчества [4, с. 4].

В отношении к предметному полю фольклора исследователь Б.Н. Путилов выделяет 5 позиций, и мы разделяем его позицию:

1. Фольклор включает всю совокупность, все многообразие форм традиционной культуры.

2. К фольклору относится комплекс традиционной духовной культуры, выражающийся в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях.

3. Фольклор включает только комплекс духовной культуры, относящийся к искусству.

4. Фольклор – это, в первую очередь, сфера словесного искусства.

5. К сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии [5, с. 23].

Для выявления сущности народной культуры, прежде всего, необходимо определить исходные понятия, такие как «культура» и «народ». Культура – это показатель общественного развития, характеризующий меру формирования и реализации сущностных сил человека в процессе и результатах его деятельности [6]. Определяя субъект народной культуры, необходимо обратиться к исходному термину «народ». В философском энциклопедическом словаре термин «народ» интерпретируется как связанная одинаковым происхождением и языком культурная общность людей, являющаяся подлинным и единственным носителем объективного духа, которая строится на основе типического восприятия жизни и общности (одинаковости) бытия [7, с. 284].

Известно, что понятие «народ» в научной литературе применялось, по меньшей мере, в трех значениях:

- самый широкий смысл термина – как все население определенной страны;
- как обозначение разных форм этнических общностей;
- с точки зрения исторического материализма – в качестве синонима понятия «народные массы», т.е. социальной общности, объединяющей те слои и классы, которые по своему объективному положению способны решать задачи прогрессивного развития общества. Исследуя роль народной художественной культуры, В.С. Цукерман определял ее как важнейший компонент, один из ведущих видов народной культуры, а народное искусство – как составную часть народной художественной культуры, сформировавшейся в глубокой древности. По мнению исследователя, народ – первый художник и поэт, музыкант и танцор. В условиях первобытного общества все население составляло трудящиеся массы, и, следовательно, никакого другого искусства, кроме народного, не могло существовать [8, с. 5].

В энциклопедическом словаре по культурологии, мы можем найти интерпретацию народной культуры как культура, созданной анонимными творцами, не имеющей профессиональной подготовки, любительской (но не по уровню, а по происхождению), и коллективной. Структура народной культуры включает мифы, легенды, сказания, эпос, сказки, песни, танцы [9, с. 326]. В отечественной культурологии термин «народная культура» широко используется и с ним связывают, как правило, деятельность социальных низов общества, представителей простонародья. Например, Л.Н. Коган в одной из многочисленных работ отмечал, что «народной культурой называют культуру, непосредственно созданную людьми физического труда – ядром народных масс каждой исторической эпохи» [10, с. 27].

На наш взгляд, В.С. Цукерман наиболее полно рассматривает структуру народной культуры. В докторской диссертации он определяет материальную, духовную, экологическую и культуру социального управления с их отдельными элементами. Принимая в целом такую структуру народной культуры, он утверждает, что деление ее на материальную, духовную и социальную представляется устаревшим, поскольку абсолютно любая культура имеет субъективную основу. По мнению В.С. Цукермана, народная культура синкретична, ее материальные, духовные и социальные элементы тесно переплетены и составляют единое целое [6].

Л.И. Михайлова, точка зрения которой представляет собой особый интерес, для определения понятия «народная художественная культура» и ее места в общечеловеческой культуре считает необходимым рассмотреть содержания и структуры таких понятий, как «культура», «художественная культура», «народ» и др. Культура пронизывая все сферы человеческой деятельности, является качественной характеристикой общественной жизни, жизнедеятельности людей, развития человека и общества, связи с прошлым, настоящим и будущим. Сам термин «народная художественная культура» применяется довольно редко, преимущественно исследователи используют понятие «народное художественное творчество», хотя, безусловно, они не синонимичны. Народная художественная культура – это элемент всей художественной культуры, представляющей собой часть общества [11, с. 62].

Итак, художественная культура каждой эпохи выражается не только в творческой деятельности поколений, но и унаследованных ими способов и форм художественной деятельности предшествующих поколений, полученных и усвоенных художественных ценностей предшествующих эпох: способы и средства восприятия произведений искусства (включая их способы хранения, распространения, репродукции, пропаганды, а также формы художественного образования и методы исследования искусства), ставшие традициями. Таким образом, художественная культура – это не только художественное производство (творчество), но и хранение созданного, его распространение, использование и усвоение.

Культуру и ее структурные компоненты можно рассматривать с позиции разных подходов. К примеру, аксиологическое понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей рассматривает народную художественную культуру как специфическое социальное явление, реализующее и воплощающее сущностные силы человека. Однако ее нельзя рассматривать лишь как совокупность готовых продуктов. Она являет собой непрерывный процесс возникновения, становления, самодвижения и изменения. Ведь даже прошлое наследие культуры не остается статичным, а находится в постоянной динамике: переосмысливается, переоценивается и обнаруживает новые возможности в современном контексте.

Деятельностный подход также не может достаточно полно выразить все многообразие явлений народной культуры. Рассмотрение ее как творческого аспекта человеческой деятельности представляется довольно узким, так как отражает лишь один процесс производства, в то время, как она является неразрывным единством процессов хранения, распространения, потребления и освоения. В связи с чем, структура народной культуры представляется сложной многоэлементной целостной системой, вбирающей в себя не только традиционные этнические, бытовые, но и современные формы выражения знаний, ценностей, норм и образцов жизнедеятельности народа. Введение современных форм в ее структуру означает, что мы рассматриваем ее как постоянно развивающуюся и не ограничивающуюся рамками реликтовой культуры [11, с. 71].

Многообразие трактовок позволяет рассматривать художественную культуру в целом и народную в частности, в предметах искусства (произведениях) и накопленных ценностях, а также в художественной культуре субъекта как уровне созидания, восприятия и освоения произведений. Художественная культура, представляя собой область культурологии, интерпретируется как совокупность процессов и явлений духовной практической деятельности, выполняющих функции распространения и освоения произведений искусства и материальных предметов, обладающих эстетической ценностью.

В структуру народной художественной культуры с этой точки зрения составляют:

произведения искусства, созданные народом;

совокупность знаний, ценностей, норм, созданных народом;

художественные знания, восприятие, художественное мастерство и другие элементы, указывающие на опыт художественной деятельности, индивида, группы, общности и определяющие особенности производства, хранения, распространения, потребления, произведений искусства и актуализируемых знаний, ценностей, норм, образцов жизнедеятельности.

Соответственно, для трактовки народной культуры с точки зрения изложенных выше позиций первостепенное значение имеет понимание субъекта, то есть носителя культуры. Именно его ценности, идеалы, стереотипы поведения, образ и стиль жизни выражаются, декларируются, предписывают или, напротив, накладывают запрет, не рекомендуются для членов сообщества, представляющих данную культуру, перенимая ее от предков и передавая потомкам. В такой позиции ясно обнаруживается существенное различие между народной культурой прошлого и более поздним, а также современным ее вариантом. Но при этом, есть основания рассматривать все эти разнообразные феномены как народную культуру.

Народная культура – это многовековой опыт народа, сформированный в предметах искусства, труда и быта; это традиции, обряды, обычаи, верования; это мировоззренческие, нравственные и эстетические ценности, определяющие лицо нации, ее самобытность, уникальность, ее социальную и духовную особенность. Традиционная народная культура основана на трех ключевых категориях: культура – традиция – народ. Именно благодаря традиции сохраняется историко-культурная память поколений. Традиционная национальная культура являет собой важную составляющую российской культуры, без которой Россия не сможет состояться как цивилизация, она всегда будет тем базисом, который формирует чувство любви к Родине, семье, к своему народу, гордость за ее великие достижения.

Литература

1. Каган М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. – Л.: Искусство, 1972.

Каган М.С. Философия культуры. – СПб: ТОО «Петрополис», 1996.

2. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. – СПб: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998.

3. Померанцева Э.В., Чистов К.В. Русская фольклорная проза и межэтнические процессы // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. – М.: 1979. С. 21–44.

4. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: «Наука», 1994.

5. Цукерман В.С. Народная культура как социальное явление: Автореферат дисс... доктор филос. наук. – Свердловск, 1984.

6. Философский энциклопедический словарь. – М., 1999.

7. Цукерман В.С. Народная художественная культура в условиях социализма – ЧГИИК, 1989.

8. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на Дону: Изд-во «Феникс», 1997.

9. Коган Л.Н. Народная культура в историческом развитии системы культуры // Изучение истории культуры как системы. – Новосибирск, 1983. – С. 83–102.

10. Михайлова Л.И. Народная художественная культура: детерминанты, тенденции, закономерности социодинамики. – 5-е изд. – М.: Вузовская книга, 2012.

ИДЕЯ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДАХ ГУСТАВА РАДБРУХА

Философия права Густава Радбруха (1878–1949) основывается на философии ценностей Иммануила Канта (1724–1804), а в частности на неокантианской философии.

На основе трансцендентальных учений И. Канта возникли философские течения, господствующим из которых являлось неокантианское течение в философии. Неокантианство возникло в конце XIX-начале XX века в Германии. Неокантианцы трансформировали учение Канта, в частности отказались от «вещи-в-себе», они отождествляли бытие с миром Разума как такового, частичным выражением которого, по их мнению, выступает человеческий мир (культура, наука и т.п.) [1, с. 213].

Наибольшую известность получили две школы неокантианства – Марбургская во главе с Г. Когеном (1842–1919), П. Наторпом (1854–1924) и Э. Кассирером (1874–1945), и фрайбургская (баденская), идейными вдохновителями которой были такие философы как – В. Виндельбанд (1848–1915) и Г. Риккерт (1863–1915).

Г. Радбрух родился в немецком городе Любеке. Он изучал право в Мюнхене и Берлине, в возрасте 25 лет стал преподавать в Гендельберге и через некоторое время стал профессором. Являясь выдающимся юристом и задумываясь о природе права он рассматривал право с точки зрения трансцендентальной философии права. У Радбруха сводится к аксиологической конструкции неокантианского типа, согласно которой право может быть понято только из априорной идеи права, которая и определяет цель права. В своих трудах «Законное неправо и надзаконное право» (1946), «Философия права» (1914) он излагает свое видение этого вопроса.

В свою очередь, эта «идея права» состоит из «объединения» трех основных ценностей: справедливости, целесообразности и правовой стабильности, исследование которых и является целью философии права, в отличие от теории права, которая решает задачу объяснения, систематизации действующего права. Метод философии права, по Радбруху, это особый подход: обязательный элемент метода – релятивизм, который является категорией теоретического разума (не практического). Это дает возможность нахождения многочисленных философских обоснований. В своей книге «Философия права» Радбрух пишет, о том что релятивизм допускает множественность мировоззренческих обоснований. Философ отмечает, что «с точки зрения релятивизма при доказательстве окончательного ценностного суждения нет необходимости приводить своего мнения лишь потому, что все обоснования в равной степени ставятся под сомнение.» [2, с. 24].

Больше всего Г. Радбрух стремится к идее права. Под идеей подразумевается кантианское понятие о «совершенстве, к которому можно приближаться, но невозможно полностью достигнуть». Вся суть права, заключается в достижении справедливости; она рождает право.

Второй составной частью идеи права является целесообразность, когда цели права достигаются наилучшим образом и с максимальной эффективностью. Ставя вопрос о целесообразности, Радбрух указывает на неоднозначность ответа. Ответ будет носить лишь относительный характер и может быть получен благодаря систематическому изучению различных правовых, государственных и партийно-политических воззрений.

Еще одной составляющей частью идеи права, по Радбруху, является правовая стабильность или безопасность (Rechtssicherheit). Стабильности права требует позитивность права: если невозможно установить, что справедливо, то необходимо постановить, что должно быть справедливо [2, с. 87].

Из всех перечисленных элементов правовой идеи, целесообразность – считается относительным, релятивистским по своей сути. Два других элемента – справедливость и правовая стабильность – стоят выше противоречий государственно-правовых воззрений. Густав Радбрух считал, что само наличие правопорядка важнее, чем факт наличия справедливости и целесообразности.

В труде «Законное неправо и надзаконное право» (1946) Радбрух использует неокантианское понятие справедливости, как содержательного элемента идеи права и сущности понятия права. Сама справедливость, ее смысл раскрывается через принцип равенства; этот принцип, по мнению Радбруха, отсутствует в позитивном юридическом праве, который является «законным неправом». Разумные ориентиры для правовых отношений, такие как справедливость и равенство, кроются в трансцендентальном понимании права.

Философское правопонимание Радбруха, основой которого служат справедливость и равенство, четко разграничивает право от «законного неправа». Он подчеркивает, что право нечто более ценное, чем установление; продукт разума, а не потребности. «Установление, – пишет он, – которому не присуща воля к тому, что обходится так: «равное равно, неравное неравно», может быть позитивным, может быть целесообразным, даже необходимым и поэтому также и абсолютно законно признанным, но ему должно быть отказано в имени право, так как право есть лишь то, что по меньшей мере имеет своей целью служить справедливости» [3, с. 569]. Хотя прослеживается концепция «естественного права», трактуемая многими неокантианцами, тем не менее у Радбруха различие права и закона проводится и трактуется с точки зрения философских воззрений, а не юснатуралистических позиций. Право – есть, не что иное как, «идея права», а не «естественное право» в полном смысле этого понятия.

Идеи справедливости, выраженная в знаменитой «формуле Радбруха», способствовала послевоенному ренессансу естественного права не только в Германии, но и во всей западно-европейской правовой мысли. Данную «формулу» можно определить как теоретическое предписание завершенного логического суждения для решения практических правовых проблем [4].

«Формула Радбруха», после окончания Второй мировой войны неоднократно использовалась Федеральным конституционным судом ФРГ для правовой оценки нацистского законодательства. «Формула Радбруха» применялась судами, в частности при признании «несправедливыми» нацистских законов, в судебных процессах 1989-1999 гг., связанных с охраной Берлинской стены по фактам, имевшим место до воссоединения Германии. «Идея права», идея «надзаконного права», направленные на критику юридического позитивизма, способствовали росту теоретического и практического интереса к идеям естественного права, их послевоенному «возрождению» [4, с. 63].

В своей статье «Законное неправо и надзаконное право», автор пишет, что «конфликт между справедливостью и правовой стабильностью мог бы быть разрешен в том смысле, что позитивное и облеченное властной санкцией право имеет приоритет даже тогда, когда оно по содержанию несправедливо и нецелесообразно. Исключение составляют лишь ситуации, когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как «несправедливое право» отрицает справедливость» [5, с. 233–234].

Литература

1. Бигун В.С. Разговор пяти путников о смысле правосудия. Философско-правовая притча // Антропология права : философський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : Статті учасників Міжнародного «круглого столу» . – Львів : Галицький друкар, 2010. – 696 с. – С. 62.
2. Бурханов Р.А. Трансцендентальная философия Иммануила Канта. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Пед. Ин-та, 1999. – С. 213.
3. Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. – М.:НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 569.
4. Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право / Радбрух Г. Философия права. – Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 235.
5. Радбрух Г. Философия права. – Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2004. – С.24.

УДК 316

Д.В. Топчий

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном образовательном пространстве, безусловно, одной из приоритетных задач является формирование личности, поскольку общепризнанным для развитых государств во всем мире является ориентация на гражданское общество, основной ценностью которого провозглашается свобода человека. Но полноценным носителем свободы может быть только определенный тип личности, основной характеристикой, которого является высокий уровень образования, воспитания и культуры в целом. «Личность не может существовать изолированно, она сама является продуктом множества социальных взаимодействий, общество ее создает, развивает, контролирует и дает ей возможность реализоваться» [2, с. 28].

Классическое толкование образования связано с процессами развития и саморазвития личности, а также с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях,

умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру. Образование понимается как необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры [4].

Развитие человека в современном мире предполагает постоянное участие в образовательном процессе, которое включает не только профессиональное совершенствование, но и становление универсальных качеств личности. Этому может способствовать диалог в системе образования, где существенное место занимает новая форма отношений между теми, кто учит и теми, кто учится (сегодня в разных ситуациях не исключается, что они могут меняться местами и, например, молодежь может обучать новаторским технологиям своих бывших учителей).

Формирование личности – сложный процесс, зависимый сразу от нескольких факторов: культурных, национальных, религиозных, экономических, социальных и политических. Формирование внутреннего мира личности осуществляется в течение всей жизни индивида и поэтому требует постоянного взаимодействия различных институтов социализации, важнейшим из которых до настоящего времени была семья. Однако на современном этапе сложившаяся форма семейно-брачных отношений не может охватить все стороны развития индивида и ей на помощь приходят другие институты, среди которых особое место занимает система образования. Сегодня она включает в себя не только процесс передачи знаний, умений, навыков, но и возможность включения в новейшие коммуникационные связи, усваивание и реализацию передовых технологий в науке, производстве и повседневной жизни. В классических образовательных учреждениях акцент ставится на отношениях между преподавателями и учащимися, а так же на отношениях между самими учащимися. Одной из приоритетных задач педагога в таком случае является привитие определенных качеств, которые будут способствовать полноценному развитию гармоничной личности и формированию гражданской позиции.

В современном обществе, ориентированном на принципы демократии, принято считать, что одно из важнейших качеств образованного, «правильно воспитанного» человека является толерантность. Чтобы определить путь для развития толерантного отношения нужно ответить на следующий вопрос. Что же такое вообще толерантность и является ли она обязательным условием в становлении современной гармонично развитой личности?

Представление о толерантности в мировой культуре имеют интересную историю. Например, в Древнем Риме широко использовался глагол *tolerare* (выносить, переносить, сносить) в качестве существительного со значением «терпение». В эпоху раннего христианства уже был известен термин *tolerantia*, но в данном случае речь идет лишь о терпении, а не об определенном отношении к инаковому. В развитом средневековье толерантность трактуют как терпимое отношение к неверным. А XXI век характеризует её как активную нравственную идеологию, которая направлена не на покорное восприятие мнений, идей и действий других, а на готовность к терпимости во имя взаимопонимания и взаимодействий между народами, социальными группами, людьми с национально-культурной, религиозной или социальной средой [5].

По мнению В.А. Лекторского «каждая культура, ценностная и познавательная система не только вступает в борьбу с другой системой, но так или иначе пытается учесть опыт другой системы, расширяя тем самым горизонт своего собственного опыта» [3, с. 52]. Современная реформа образования, происходящая в нашей стране в последние годы, предполагает, что учреждения, занятые формированием культурных образцов в образовательном и воспитательном процессе, должны огромное внимание уделять межличностным отношениям, т. к. большинство конфликтов рождается на почве личностной нетерпимости. Формированию толерантного сознания в образовательном пространстве будет способствовать развитие диалога культур, которое может осуществляться посредством изучения таких дисциплин гуманитарной направленности как: теория и история культуры, культурология, история искусств, философия культуры и многих других. Одновременно сохраняют свое значение и культурно-досуговые и просветительские мероприятия, например, проведение совместных праздников, направленных на ознакомление с культурой разных народов, воспитание уважительного отношения к традициям, религии, различных народов.

Толерантность как стратегия межкультурной коммуникации основывается на идеях ненасилия и мирного сосуществования, которые квалифицируются в современном западном сознании как высшие ценности и блага. Стоит отметить, что толерантное отношение – это не только терпимое, но и уважительное, а в идеале взаимоуважительное отношение к представителям различных национальностей, культур, и даже мнениям отдельных людей. Прививать такое качество личности как

уважение, в первую очередь необходимо в семье, т.к. это – первичный институт социализации, но и образовательные учреждения должны уделять изучению этого вопроса огромное значение, так как формирование полноценной личности во многом зависит и от действий профессиональных педагогов.

Образовательная система это такое пространство, в которое попадает каждый современный человек. Педагог в силу своей профессиональной деятельности способствует его дальнейшей социализации, а, следовательно, и формированию личности. В таком случае, в процессе обучения уместно применять диалогический подход, формирующий качество толерантности. «Интегративный подход к изучению диалога сделал его «ключом», способом становления толерантности как уважения и принятия культур разных народов. Диалог «открывает» познание жизни «как участие в диалоге» с миром, людьми, самим собой» [1, с. 19]. Интегративный подход как нельзя лучше отражает становление толерантного отношения между представителями различных культур и этнических групп, т.к. сплочение и принятие другого возможно при двусторонней заинтересованности в общении.

Таким образом, в современном образовательном пространстве формирование определенных личностных качеств, таких как толерантность, открытость мышления и ориентация на диалог является важным компонентом становления личности в целом. Необходимо учитывать тот факт, что в системе образования активно продолжается социализация, прививаются важные человеческие качества, ценности, культурные нормы, которые, в свою очередь, формируют определённый образ жизни, отношение к миру, гражданскую позицию.

Литература

1. Галицких Е.О. Диалог в образовании как способ становления толерантности. – М.: 2004. – 240 с.
2. Гутова С.Г. Образование как социальный институт и его значение для современной культуры // Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАО-Югры, НВГУ// Материалы Всероссийской научно-практической конференции. г. Нижневартовск, 26 марта 2014 г. – С. 28–34.
3. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме, критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. – URL: <http://www.ozhegov.org> – 25.01.2015.
5. Шалин В.В. Понятие «толерантность», терминология, семантика, категории, функции // Толерантность и культура межнационального общения. – Краснодар, 2009. – 307 с.

УДК 008 (091)

З.А. Целищева

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУУМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ

Говоря о понятии символа, используя его в семиотическом контексте культуры, важно учитывать мировоззренческий аспект самой культуры. В процессе изучения западноевропейских средневековых символов возмездия встал вопрос соотношения сохранившихся в этой эпохе остатков предшествующих культур. Частое совпадение значений символов в различных культурах объясняется нормами коллективного мышления, согласно мнению К. Леви-Строса о «неизменности человеческого мышления» [3, с. 164].

В этом смысле интересна идея разумности, целесообразности и историчности средневекового символизма, выдвинутая П.М. Бицилли, т.к. простейшие геометрические символы восходят к очень глубокой древности, которые в праисторические времена составляли первичный графический язык человечества. Следовательно, существует культурно-символический и сакральный исток средневековой культуры.

Средневековая христианская культура воспринимала и разрешала проблему соотношения категорий добра и зла с позиции онтологической и космической значимости, исходя из платоновского понятия блага [8, с. 143]. Основываясь на Ветхом и Новом Завете, эта культура сформировала свое видение на человека, на его место и роль на земле, о его предназначении, о сущем, о добре и зле, сводя их к конкретным символическим формам. Таким образом, христианство объясняло наличный порядок мирового бытия как результат грехопадения человека, а человеческую земную жизнь и деятельность – как испытание и искупление общего греха людей. Христианство настаивало на невозможности рационального познания метаисторического смысла добра и зла в силу многих

обстоятельств, таких как греховность человека, его слабость, непросветленность созерцания, несовершенство и уязвимость [8, с. 143]. История человечества это и есть подготовка к метаистории (Божьему Царству).

В процессе развития и укрепления христианства происходило выделение существенных и закономерных признаков категорий добра и зла, перевод их в область трансцендентальных (выходящих за пределы) понятий, требующих особого подхода, объяснения и понимания. Это возможно было осуществить лишь посредством откровения, благодати и прозрения.

В то же время не было четких границ между кардинально противоположными категориями. А именно, состоянию греха, т.е. нахождения в сфере зла, соответствовал прием раскаяния, переводящего душу, состояние человека в противоположную сферу – добра. Раскаяние как бы выступало в качестве спасительного «мостика», такими же «мостиками» являлись исповедь, причастие, покаяние и крещение.

Сама возможность арифметического приравнивания «дела» и «мзды» исходила из понимания абстрактных идей как объектов. «Дело» мыслилось как объект, существующий самостоятельно, независимо от действующего. «Вся “бухгалтерия” основана на том, что сопоставляются величины соизмеримые, – писал П.М. Бицилли, – а соизмеримы они потому, что смутно мыслятся в одном плане, и именно как «вещи” с определенной «плотностью”, с определенным «весом”, имеющие бытие в пространственном мире» [1, с. 79].

Исследователи средневековой культуры отмечают в ней совпадение субъективной и интерсубъективной сфер, что делало человека нечувствительным к восприятию жизненного ритма, заставляло его ощущать мир неподвижным [1, с. 139]. Единство средневековой картины мира было обусловлено присутствием Бога, как Абсолюта, которому принадлежало все сущее. Земной и небесный миры были иерархичны, в них все предметы располагались не в зависимости друг от друга, а согласно от их отдаленности или приближенности к Абсолюту. То же касалось и событий, которые не выстраивались в причинно-следственные связи, а соотносились напрямую в волей Бога, провиденциализмом и т.д.

С точки зрения средневековых эсхатологов, вся история это одно сплошное целое, это и поле борьбы зла и добра, начавшейся с грехопадения и имеющей свой конец только в кончине мира. С XIII в. стала господствовать точка зрения иахимизма (окончание жизни в пределах земного существования). У хилиастов и эсхатологов общий источник идей – «Откровение Иоанна» [1, с. 140–141], однако с учетом их различных подходов к его пониманию.

Исторический период воспринимался как система символов, предвосхищавших события последующего периода. Историчность мышления присуща мистическому богословию позднего средневековья. Мистики переработали в духе историзма идейное наследие А. Августина и внесли в созданные им формы новое содержание. «Вековечное состязание двух градусов они обратили в процесс вырастания Божьего града непосредственно из земного, и в этом им раскрывался новый смысл мировой истории», – писал П.М. Бицилли [1, с. 179].

На языке символов понимался не только исторический период, а потусторонний и посюсторонний миры. Для средневекового человека было естественно, понятно и доступно слушать проповедников, когда они часто использовали в своей речи символы, значение которых не объясняли. Человек не был причастен к процессу символизации, он мог лишь догадываться о его значении.

Символ мыслился как текст в плане выражения и содержания, т.е. был единым заключенным в себе значением и с четко выраженной границей, позволявшей выделить его из семиотического контекста (символ храма, колокола, свечи, огня, покрытой головы женщины в храме и т.д.). По своей природе символы архаичны и восходят к дописьменной эпохе, где определенные (простейшие) знаки представляли собой закодированные мнемонические (доступные для запоминания) программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива и передаваемые через поколения. Известно, что символическое сознание является наиболее ранней формой сознания [2, с. 207]. Однако, несмотря на это, понимание и трактовка символов остается проблемой и точкой пересечения различных подходов, философских позиций и взглядов.

В средневековой литературе, философии и теологии широко развивались традиции символического знания. Для философско-теологической литературы средневековья был характерен предметный символизм – процесс восприятия любого объекта становился религиозно-значимым актом, решающее значение здесь имела церковь, так как он преимущественно ориентирован на практику церковного богослужения [9, с. 305]. Каждый объект, событие и т.д. воспринимались как воля и

творение Бога. Литургический символизм является разновидностью предметного символизма. Особый интерес вызывает средневековая литература, в силу своей сопричастности с символизмом. Сочинения св. Бонавентуры – выдающегося теолога и философа XIII в., одного из учителей католической церкви, являются вершиной философского символизма средневековья [9, с. 307].

Символы возмездия средневековой культуры представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума. Они несут в себе глубокую информацию о понимании средневековым человеком смысла жизни, своего места в мире, о добре и зле, о грехопадении, об искуплении грехов, спасении и воскресении и т.д. Само понятие «возмездие» в рамках средневековой культуры можно рассматривать как кару за совершенное зло в отношении Бога, Церкви и общества. Символы возмездия выходили за рамки только лишь своего символического значения, так как в них «входили иррациональные и трансцендентальные величины» [7, с. 7].

Являясь важным элементом памяти средневековой культуры, символы перенесли тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой. Неизменные (канонизированные) символичные схемы выполняли функцию механизмов единства: сохраняя память культуры о себе, они не давали ей разделяться на изолированные хронологические пласты [5, с. 193]. Единство основного набора символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определили национальные и ареальные границы западноевропейской средневековой культуры.

Смысловые значения символов средневековой культуры характеризуются их широтой и неоднозначностью (амбивалентностью), т.к. здесь важно учитывать те связи, в которые вступали символы с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением и контекстом. Это и позволяло создавать тот смысловой резерв, с помощью которого символ мог вступать в неожиданные связи, меняя свою сущность и деформируя текстовое окружение. Благодаря символу люди связывали между собой два мира: эмпирический и духовный (истинный). Земной мир для средневекового человека был лишь тусклым отражением небесного (в значении божественного). Символы выполняли также коммуникативную функцию, с их помощью люди передавали символическое (духовное) содержание отдельных объектов и с их помощью мыслили.

Символ в отличие от знака не указывает и не ограничивается одним или несколькими значениями (в этом универсальность символа), он содержит в себе духовную значимость и культурный код свойственный для той или иной эпохи с учетом ее специфических черт, отличающих ее от других культур. Религиозное сознание людей средневековой культуры было обращено к божественному миру, они понимали и объясняли его для себя с помощью символов, которые были своеобразным языком (ключом) к духовному миру.

В рамках рассматриваемого вопроса, связанного с понятием культурного континуума, существует два подхода. В XI веке возник спор между номинализмом и реализмом. Спор разгорелся на почве основного христианского догмата о триединной сущности Бога. Бог считался единым, но в то же время триединным в лицах: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Святой Дух. Однако возникшая полемика вышла за рамки данного вопроса и вылилась в рассмотрение диалектики единого и общего. Реализм выступал за идеалистическую концепцию связи общего и единичного. Номинализм видел материалистическое решение данного вопроса.

Доказательством бытия Бога занимался Ансельм Кентерберийский. Согласно его учению, если человек мыслит о Боге, значит, Бог есть в действительности. Таким образом, мысль и бытие тождественны. То есть общие понятия «универсалии» существуют в действительности. Общее («универсалии») существует в реальности так же как бытие, отсюда Бог – реально существующее «общее».

Обобщил данный подход к пониманию сущности средневекового символа в своем труде «Семносфера» Ю.М. Лотман. Средневековое общество он охарактеризовал как «общество высокой знаковости» [6, с. 403]. Автор выделяет определяющую роль противоположности материального и идеального понимания, иконический принцип образования знака, иерархичность символической системы, использование символа как средства замещения.

Основу средневековой эпохи составили элементы культур античности, христианства и варварства, что обусловило ее внутреннюю противоречивость. Это внутренне, а иногда и внешнее противоречие преодолевалось благодаря символизму, который соединял в единое целое, упорядочивал в иерархии все элементы средневековой культуры, не давая ей распасться на отдельные части.

Литература

1. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры [Текст] / П. М. Бицилли. – СПб. : Мифрил, 1995. – 244 с.
2. Вирт Г.Ф. Хроника Ура Линда [Текст] : древнейшая история Европы / Г. Ф. Вирт. – М. : Вече, 2007. – 624 с.
3. Леви-Строс К. Структура мифов [Текст] / К. Леви-Строс // Вопросы философии. – 1970. – № 7. – С. 152–164.
4. Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века [Текст] / Г.Ч. Ли; пер. с фр. А. В. Башкирова. – Смоленск: Русич, 2001. – 640 с. – (Популярная историческая библиотека).
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи [Текст]: в 3 т. Т. 1: Символ в системе культуры: ст. по семиотике и типологии культуры.– Таллинн: Александра, 1992. – 475 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
7. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст].– 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
8. Романчук Л. Творчество Годвина в контексте романтического демонизма [Текст]. – Днепропетровск : Полиграфист, 2000. – 181 с.
9. Столяров А.А. Соотношение веры и разума: два подхода к решению проблемы в средние века [Текст] // История философии. Запад – Россия – Восток. : в 2 кн. Кн. 1. Философия древности и средневековья / под ред. Н.В. Митрошиловой. – М., 1995. – С. 295–309.

УДК 008

М.А. Чурсинова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Межкультурная коммуникация и ее процессы в эпоху глобализации являются краеугольным камнем в развитии этносоциальных отношений.

Глобализация не является стихийным процессом, своему появлению она обязана промышленной революции, волне миграций по всему миру, значительным увеличением числа установленных межкультурных контактов.

Глобализация, как утверждает исследователь Г. Шахназаров – это переход от мирового сообщества в мировое общество [3, с. 185]. Глобальной культуре, по мнению Б.Р. Могилевич, присуща транснационализация всех форм существования человека; XX век продиктовал единообразие стиля жизни для миллиардов людей, что выражалось в изменении социально-нравственных норм поведения, институтов брака, образования, семьи [2, с. 69].

Расширение межкультурных контактов обусловлено стремлением установить связь с другими культурами с целью достижения понимания, инновационных поисков и способов их принятия. Установление равноправия и отношения между индивидами, этническими группами и государствами является результатом диалога культур. Глобальная культура как мультикультурное общество обладает обязательным элементом локализации. Другими словами, содержание глобального должно быть выражено посредством локальной формы. Глобализация культуры становится проявлением этого процесса, который подразумевает обмен продуктами человеческой жизнедеятельности и социальными ресурсами. Межкультурная коммуникация глобальной и локальной культур обусловлена функционированием механизмов всеобщего взаимодействия культур. Процессы глобализации тесно связаны с культурой. По утверждению П.А. Сорокина, культура – есть коммуникативный процесс, в котором участвуют, по меньшей мере, два индивида, поведение которых обусловлено в рамках общей культуры [1, с. 37]. П.А. Сорокин считает, что общечеловеческая культура отвечает двум взаимоисключающим типам – «умозрительному и чувственному», а также вводит промежуточный «идеалистический» тип. Главенствующую роль в «умозрительной культуре» отдают духовному началу, а не материальному во всех областях деятельности человека.

В чувственной культуре, напротив, добро выражается в материальных ценностях, следовательно, над моральными принципами довлеют обстоятельства. Умозрительная и чувственная культуры не могут существовать самостоятельно в чистом виде, поскольку в одном ряду с ними стоит «идеалистическая культура», которая совмещает материальные и духовные характеристики и рассматривает продукт творческой деятельности человека как самосовершенствование и улучшение материального мира.

В современном мире получило свое распространение новое явление и понятие – «глобальная культура». Феномен глобальной культуры стал моделью межкультурной коммуникации ввиду интеграции различных культур, в результате которой рождается новый тип межкультурной лично-

сти, обладающий следующими чертами: уважение ко всем культурам, понимание чувств, мыслей и верований представителей других культур. Следует отметить, что для межкультурной личности характерен отказ от стереотипизации мышления и этноцентричности. Межкультурная личность, не утрачивая своей базовой культуры, станет двигателем положительных перемен в социальном плане, что является необходимым условием для мирного сосуществования людей из различных этносоциальных групп.

Результатом деятельности межкультурной личности станет примирение культурных различий и их объединение [6, с. 26; 5, с. 13–23]. Большинство исследователей полагают, что одним из наиболее важных изменений XX и XXI вв. стал феномен глобальной культуры, который возник, благодаря новым средствам связи, развитию туризма и ролью СМИ.

Одним из негативных последствий образований глобальной культуры стоит считать утрату этнических особенностей, моральных ценностей, краха традиционных культур. Ученые, которые занимаются изучением проблемы понятия «глобальная культура», использовали термины «культурный империализм»; «синхронизация», в ключе последствий влияния глобализации на самобытность этнокультур. Согласно их точке зрения, «глобальная культура» несет в себе элемент варварства, влекущий за собой приведение культур к единой культуре, то есть её унификацию.

Унификация культуры протекает посредством воздействия СМИ на общественные массы. Средства массовой информации, телевидение предлагают единый (одинаковый) продукт, который потребляет индивид каждой этносоциальной группы, что превращает весь мир в «глобальную деревню». Распространению паттернов (моделей культур) способствуют путешествия и туризм в развитых странах. Исследователь У.Ганнерс ввел понятие «глобальная ойкумена», ойкумена (от греч. οἰκεο – населяю) – регион, где постоянно происходит культурное взаимодействие, культурный обмен, объяснение реалий и феноменов той или иной культуры, их перевод на язык другой культуры.

Культуры традиционного характера складываются в обществе в пределах определенной территории, соответственно, они существуют благодаря воспроизводству при непосредственных контактах в одном временном промежутке. Современные культуры, напротив, отрицают конкретный временной и пространственный отрезок, чему способствуют современные технологии в коммуникационной сфере, которые разрывают пространство и время [4].

Последствия процессов глобальной культуры могут иметь следующий прогноз:

- 1) Замещение глобальной культурой локальную.
- 2) Сосуществование культур свидетельствует о плюрализме социокультурных установок.
- 3) Культурный синтез – это принятие другой культуры, признание её существования, интеграция локальной и глобальной культур как релятивистский подход к коммуникации.
- 4) Отрицание – преобладающее этноцентрическое начало по отношению к процессам межкультурной коммуникации, которое включает следующие этапы: изоляция, диффамация и сегрегация.

Неоспоримо важным фактом является то, что межкультурная коммуникация при взаимодействии глобальной и местной культур принимает различные формы в странах с «вариативными» формами культуры. Взаимовлияние регионов в процессе коммуникации между глобальной и местной культурой ведет к успешной межкультурной коммуникации и избежанию культурных конфликтов. Неприятие и игнорирование различий в межкультурном плане становится причиной конфликтов в социокультурном плане. Социализация обречена считаться «провальной» если индивид не будет пытаться учитывать законы успешной межкультурной коммуникации, одним из главных условий ее успешного осуществления межкультурной коммуникации является толерантное отношение к другим этническим группам, культурам, языкам и носителям языков. Именно в эпоху глобализации исследователи стали рассматривать межкультурную коммуникацию как механизм успешного социального взаимодействия разных этно-социальных групп. Стали известны новые этапы развития глобализации, которым присущи коммуникативные процессы между глобальной и локальной культурами.

В настоящее время одной из насущных проблем является разрешение социокультурных конфликтов, которые не могут быть решены в одностороннем порядке и требуют усилий конфликтующих сторон. Согласно принципам межкультурной коммуникации, культурный диалог является универсальным средством сосуществования индивидов.

Литература

1. Жуков В.Ю. Основы теории культуры: Учебное пособие для студентов вузов. – СПб.: СПбГАСУ, 2004. – 227 с.
2. Могилевич Б.Р. Современный этап глобального межкультурного взаимодействия / Б.Р. Могилевич // Известия ВГПУ. Сер. соц.-экон. науки и иск-во. – № 8(32). – 2008. – С. 69–72
3. Шахназаров Г. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pre et Contra. – 2000. – Г. 5. – № 4. – С. 185.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. Образы глобального мира и теории глобализма. – [http://polbu.ru/sztompka_sociology/ch31_i.html].
5. Adler P.S. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // Intercultural Communication: A Reader. Belmont. – CA: Wadsworth, 1987.
6. Oksaar E. Sprache, Gesellschaft und Interkulturelle Verständigung // Sprache, Kulturr und Gesellschaft: Kongressberichte der 14. – Tübingen, 1984.

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (415).05

А.А. Бельцер

г. Самара, Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства

ЕДИНЫЙ СЕВЕР АНГЛИИ? ЙОРКШИР И АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ТЮДОРОВСКОЙ АНГЛИИ

«Северная проблема», проблема роли и места северных земель в структуре тюдоровского государства уже давно находится в центре внимания исследователей. Английский Север в тюдоровскую эпоху включал в себя обширный регион от реки Трент до англо-шотландской границы. В состав северных территорий входили епископство Дарем, графства Камберленд, Уэстморленд, Нортумберленд и Йорк. Йоркшир был самым южным из северных графств и занимал весьма значительную территорию. Именно с Йоркшира и начинался английский север.

Начиная с тюдоровской эпохи, за северными землями закрепилось реноме диких, отсталых, территории беззакония. Английская историография традиционно показывала постепенное приручение севера, наведение там порядка и верховенства закона. В последние десятилетия все больше раздается голосов в пользу реабилитации севера. Историки, например, Б. Бекингсейл, опровергают все характеристики, данные северным землям еще тюдоровскими историографами [1, с. 67–83]. Единственным районом, за которым пока еще признается «дурная слава» – англо-шотландское пограничье. Йоркшир же в описаниях многих современных исследователей не сильно отличается от других английских графств. С другой стороны, исследователи подчеркивают дробность английского севера. Например, по мнению Р. Хойла, в северной Англии можно выделить несколько субрегионов, весьма непохожих друг на друга [4, с. 28–54]. Такого же мнения придерживаются и историки, изучающие северо-восточную Англию [3, с. 27–47]. В то же время исследователи подчеркивают, что на севере английского королевства сложилась одна «северная» идентичность. Соответственно возникают вопросы – почему так получилось, что же тогда объединило цивилизованный Йоркшир и дикое пограничье? Почему современники считали и графство Йорк и пограничные земли частью единого региона?

Попробуем предложить следующие варианты ответа на этот вопрос.

- 1) Земли севернее Трента входили в состав единого диоцеза – архиепископства Йоркского. Конечно, несколько выделялось епископство Даремское – весьма богатое и влиятельное, обладавшее особыми иммунитетными привилегиями. Однако именно принадлежность к сфере ответственности архиепископа Йоркского служила маркером северной идентичности. Например, в июне 1535 года Ричард Лейтон писал Кромвелю о том, что Йоркский диоцез не инспектировался со времен Уолси и нуждается в реформировании. «Нет лучшего способа вбить Королевскую власть (как Верховного главы церкви) в головы невежественных людей Севера, кроме как показать, что король намеревается реформировать и исправить обрядность. Они более суеверны, нежели добродетельны, за долгое время привыкли к безумным фантазиям и церемониям, которые они почитают более, чем Бога или своего государя, будучи далеки от истинной религии» [7, № 955]. С пограничьем архиепископство связывал и тот факт, что его земельные владения включали в себя и иммунитет Гексам, расположенный в приграничной зоне, на территории графства Нортумберленд.
- 2) Жители графства Йорк и приграничных графств совместно принимали участие в обороне шотландского пограничья. После походов Роберта Брюса большие шотландские армии уже не доходили до Йоркшира, но мелкие разбойничьи отряды все же иногда туда проникали. Время от времени страдали жители графства Йорк и от набегов английских горцев – обитателей Тайндейла и Риддесдейла. В случае угрозы войны с Шотландией на границу из Йоркшира отправлялись значительные воинские контингенты. Например, в 1571 году мировые судьи Йоркшира получили предписание от Северного совета набрать сто пятьдесят пехотинцев для Берика и пограничья [10, с. 92–100]. Графство Йорк служило и базой снабжения северных земель. Поэтому проблема защиты пограничья была актуальна и близка не только жителям при-

границных Камберленда и Нортумберленда, но и все-таки весьма далекого от шотландской границы Йоркшира. В объединившем, так или иначе, весь север Благодатном Паломничестве сетования на беззащитность пограничья от шотландцев занимали весьма важное место среди мотивов.

- 3) Землевладение. Целый ряд пограничных лордов, особенно Перси, обладали значительными земельными владениями в графстве. Это приводило к активному использованию держателей и вассалов из Йоркшира для обороны границы. В переписке пограничной администрации с Вестминстером немалое место занимают сетования по поводу нежелания держателей графов Камберленда и Нортумберленда из Йоркшира и Уэстморленда выступать на оборону пограничья [8, с. 96].
- 4) Административная служба. Тюдоровское правительство активно использовало йоркширских дворян на службе в пограничной администрации и системе местного управления в пограничных землях. Из их числа назначались стражи марок и их заместители, капитаны пограничных крепостей, мировые судьи и судьи ассиз. Например, такие видные деятели пограничной администрации как Уильям Юр и Уильям Эллеркер были родом из Йоркшира. Если мы посмотрим на состав мировой комиссии Нортумберленда и Камберленда, например, в 1525 году, то увидим, что как минимум треть от ее состава происходила из графства Йорк. Если же учитывать выходцев из других регионов Северной Англии, Уэстморленда и Дарема, то дворяне Камберленда и Нортумберленда будут составлять менее половины мировых судей [6, № 1610].
- 5) Йоркшир как единое целое с пограничными землями воспринимался тюдоровской центральной администрацией и жителями южной и центральной Англии. Так, в описании Англии, составленном джентльменом из Оксфорда Джорджем Рейнсфордом, в состав Северной страны включены земли от Темзы до Твида. Столицей Севера является город Йорк [2, с. 90]. В более раннем описании состояния северных земель после Благодатного Паломничества, составленном Ральфом Сэдди, Йоркшир также служит вратами на север. Сэдди описывает земли графства Йорк и севернее как единый регион, буйный и беспокойный [9, с. 526–528].

Тюдоровское правительство также признавало единство Йоркшира и приграничья в рамках «северной страны». В случае волнений на севере или англо-шотландской войны обычно назначался наместник, которому подчинялась вся территория севернее реки Трент. В 30-х годах XVI века был институционализован Северный совет, в сферу компетенции которого попали графства Йорк, Дарем, Уэстморленд, Камберленд и Нортумберленд. Основным местом заседаний Северного совета стал Йорк [5, с. 201–209].

Объединены северные земли были и в системе судопроизводства по общему праву. Они составляли так называемый «северный округ». Дважды в год в округ навевывались судьи ассиз для разбора наиболее важных и сложных дел.

Таким образом, графство Йорк было связано с пограничными землями достаточно тесно и разнообразно. Эти связи, долгая традиция, восходящая еще, возможно, к англо-саксонским временам, а также политическая практика тюдоровской эпохи и приводили к тому, что такие разные в экономическом и социальном плане графства оказались объединены в представлении современников в одно целое.

Литература

1. Beckingsale B. The Characteristics of the Tudor North // Northern History. – 1969. – Vol. 4. – № 1. – P. 67–83.
2. George Rainsford's "Ritratto d'Ingliterra" (1556)/Ed. by P.S. Donaldson // Camden Miscellany. – L., 1979. – V. XXVII. – P. 49–111.
3. Holford M., King A., Liddy C.D. North-East England in the Late Middle Ages: Rivers, Boundaries and Identities, 1296–1461 // Regional identities in North-East England, 1300–2000 / Ed. by A. Green and A.J. Pollard. – L., 2007. – P. 27–47.
4. Hoyle R. Pilgrimage of Grace and the Politics of 1530s. – Oxford, 2001.
5. Instructions to the Council in the North Parts, 1544 // Elton G. Tudor Constitution. Documents & Commentary. – Cambridge, 1960. – P. 201–209.
6. Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. – 21 vols. – L., 1862–1921. – Vol. 4.
7. Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. – 21 vols. – L., 1862–1921. – Vol. 8.

8. Original letters illustrative English History/Ed. by H. Ellis. 3rd series. 4 vols. – L., 1846. – V. 2.

9. State Papers of Henry VIII. – L., 1831. – Vol. 1.

10. The manuscripts of sir George Wombwell, the Duke of Norfolk, lord Edmund Talbot, miss Buxton, mrs Hartford& mrs Wenthworth of Wolley// Royal Historical Manuscript Commission. – L., 1903. – V. 2.

УДК 32

Н.С. Баймулдина

г. Алматы, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Культурно-исторические связи России и Казахстана развивались на протяжении нескольких столетий и имеют уже давние сложившиеся традиции, касающиеся самых разнообразных сторон жизни двух народов. Крепнут современные экономические и политические связи, способствуя углублению и дальнейшему развитию культурных взаимодействий.

В данном контексте наиболее перспективным является традиция осмысления и приобщения к ценностям духовной культуры русского и казахского народов. Свидетельство тому – творчество ишимской поэтессы Нины Ющенко (Н.Д. Свяжениной), хорошо знающей быт и культуру двух народов; сама она родом из Казанского района Тюменской области, т.е. из места компактного проживания казахов, из приграничной с Казахстаном территории, где особенно интенсивно проявляется межличностное, хозяйственно-экономическое и культурно-историческое взаимодействие этносов. Исторически возникшая полиэтничность приграничных районов формировала толерантность, уважение к другой этнокультуре, желание понять ее специфику и вклад в общечеловеческую культуру. О культуре и быте казахов Приишимья Н.Д. Ющенко-Свяженина написала несколько очерков, вошедших в ее книгу «Земля надежд» (2004): «Письма в республику Казахстан», «По заветам великого предка», «Бек-Булат» и др. Лирика поэтессы характеризуется глубоким пониманием мировосприятия русских и казахов, живущих в Приишимской степи рядом несколько столетий и впитывающих позитивные черты соседнего народа. По наблюдению российского литературоведа В.Н. Евсеева, «“степные” стихи Нины Ющенко отмечены способностью мгновенно охватывать массу деталей, но при этом фиксировать (в образной системе стихов, в языковом материале) не сиюминутное в казахской жизни, а со-природное и со-родственное бытие, которое пестовалось веками и в котором просвечивают масштабы казахской степи (величавость и миропорядок), а также типические черты быта и бытия этноса, его ценности – общечеловеческого значения» [5, с. 356].

В приграничных районах Казахстана и России наглядно проявляется исторически развивавшаяся связь двух стран – не только в культуре, но и в экономике, быте, в постройках, что явилось, в частности, результатом освоения русскими сибирских и казахстанских территорий, начиная со времени вхождения Казахстана в Российское государство (середина XVIII столетия). Так, культура Приишимья Северо-Казахстанской области исторически тесно переплетена с хозяйственно-экономическими традициями юга Тюменской области. По наблюдению С. Ж. Макашевой, у русских поселенцев по мере заселения территорий Сибири «сложились определенные традиции хозяйственно-экономической культуры, расположения поселений, жилых строений и хозяйственных построек – во многом в связи с особенностями... “вмещающего ландшафта”» [7, с. 106]. Жилые дома обычно ставились на высоком берегу, а хозяйственные пристройки для содержания животных, так называемые «стайки», располагались ближе к реке. Когда-то типичные для русского Приишимья жилые постройки – одностопные и двустопные дома, пятистенки – характерная особенность и традиционного жилья Петропавловска, сохранившаяся вплоть до второй половины XX века. Архитектурные памятники г. Петропавловска (центра Северо-Казахстанской области) связаны со становлением и процветанием купеческого сословия в Сибири и на севере Казахстана. Магазины Черемсинова, Пайщикова, Шамсутдинова в Петропавловске, как и особняк с торговыми помещениями И.М. Тюхова в Ишиме, – яркие свидетельства культуры, сформированной купечеством Приишимья. Фигурная кладка по фронтону дома купца Смолина в Петропавловске имеет такой же замысловато-нарядный рисунок, как и хозяйственный особняк, принадлежавший ишимским купцам В.Н. Перминову и И.Г. Родионову.

В плане межкультурных взаимосвязей требует своего дальнейшего осмысления и изучения фольклор приграничных районов России и Казахстана, отражающий верования, уклад жизни и культурные традиции двух народов, в частности и сибирского казачества. Фольклоризм творчества российских и казахских писателей в свое время был прямым свидетельством их стремления пробиться к самим истокам культуры народов. Фольклор интенсивно осваивался в литературных произведениях сибирских писателей еще в XIX веке, например, в творчестве П.П. Ершова, хорошо знавшего быт казаков («приграничного народа»), отношения с «Киргиз-Кайсацкой степью», написавшего поэму-балладу «Сибирский казак» (1835) – «типичный образец фольклоризма мышления и поэтики в ранний период творчества» поэта [4, с. 184]. О современном состоянии фольклора русского населения Казахстана написаны крупные труды [см.: 1; 8]. В рамках нашей темы примечателен один из выводов в исследовании Г.И. Власовой: «Типология обрядовых структур проявляется не только в близкородственных славянских этносах, она маркирует традиционные типы празднования славян и казахов. Сходство типов празднования, ритуально-магических комплексов календарной и свадебной обрядности славян и казахов обусловлено универсальными типологическими параметрами, контактными и этнокультурными связями» [1, с. 329].

Изучение фольклорных аллюзий в творчестве казахстанских писателей является одним из перспективных направлений литературоведения Казахстана и России. С другой стороны, сама литература всегда была «барометром» состояния культуры и взаимодействия народов, особенно литература России и Казахстана, и для литературоведов двух стран это неоспоримый факт. Бережное отношение к традициям русской культуры демонстрируют работы казахского литературоведа Б.У. Джолдасбековой. Монография Б.У. Джолдасбековой «Русская литература Казахстана» является основательным исследованием, в котором рассматривается феномен русской литературы как отдельной и вместе с тем органичной составляющей литературы Казахстана. Автор книги правомерно утверждает: «Понятие “Русская литература Казахстана” неотделимо в нашем сознании от многовекового опыта развития литературного процесса как Казахстана, так и России, и тесно связано с евразийской идеей» [3, с. 6].

Наибольший интерес в перспективе развития русско-казахских отношений вызывает русскоязычная литература Казахстана. Она развивалась раньше и развивается сейчас интенсивно, о чем свидетельствует недавно изданная «Антология русскоязычной литературы Казахстана» (2014). Составители антологии, ссылаясь в «Послесловии» на утверждение президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева («Сама география создает образ страны пограничной, самой судьбой рожденной жить в двух измерениях: Европы и Азии – в обрамлении десятков культур, самобытных традиций и обычаев»), констатируют: «Русскоязычная литература составляет лучшую и большую часть многонациональной культуры Казахстана, поэтому понятен интерес к ее слагаемым» [2, с. 269].

Культурные связи между Россией и Казахстаном постоянно укрепляются. Так, в Тюменской области этим постоянно обновляющимся связям способствуют Дни казахской культуры и традиционные празднования: «Устойчивой традицией в Дни казахской культуры становится приглашение гостей из Казахстана, поездки тюменских делегаций на празднование Наурыз в г. Петропавловск, экскурсии на выставки по казахской культуре: связи между Казахстаном и Тюменской областью достаточно прочны» [6, с. 187].

Перспективы расширения культурных связей между Казахстаном и Россией видятся в сохранении и развитии исторически сложившихся хозяйственно-экономических и добрососедских гуманитарных отношений между странами.

Литература

1. Власова Г.И. Календарный и свадебный фольклор восточных славян Казахстана (на материале записей XX века). – Астана: ТОО НПФ «ЭКО», 2007. – 368 с.
2. Джолдасбекова Б. Антология русскоязычной литературы Казахстана: монография / Б. Джолдасбекова, Н. Томанова, Ж. Баянбаева, А. Азизова, К. Тагтимбетова. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 272 с.
3. Джолдасбекова Б. У. Русская литература Казахстана. – Алматы: «Қазақ университеті», 2008. – 358 с.
4. Евсеев В.Н. «Песня казачки» П.П. Ершова (к вопросу о фольклоризме раннего творчества писателя) / В.Н. Евсеев, С. Ж. Макашева // От текста к контексту. – 2013. – № 1. – С. 183–190.
5. Евсеев В.Н. Казахский этномир в лирике Нины Ющенко / Человек в языке: интерпретативная парадигма: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора А.Р. Бейсембаева / редколл. Маняпова Т.К. и др. – Павлодар: Типография Сытина, 2011. – С. 356–366.

6. Евсеев В.Н. Региональные электронные СМИ и печатные издания о казахах Тюменской области / В.Н. Евсеев, С.Ж. Макашева // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспективы: Материалы III международной научно-практической конференции (Тюмень, 7–8 июня 2010 г.): в 2 ч. / под ред. И.С. Карабулатовой, И.С. Корепанова, А.П. Сунцова. – Ч. 2. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2010. – С. 185–189.

7. Макашева С.Ж. Река в жизни русских старожилов Обь-Иртышского Севера // Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке: концептуальное мышление и идентификация личности: сборник докладов Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.Б. Храмцов. – Т. 2. – Тюмень: РИО ФГБОУ ВПО «ТюмГАСУ», 2012. – С. 105–111.

8. Цветкова А.Д. Русская устная мифологическая проза Центрально-Северного Казахстана. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2006. – 264 с.

УДК 34

Л.Н. Беспалова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

РОЛЬ О. БИСМАРКА В ПРИНЯТИИ ЗАКОНА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в.

Культуркампф в Германии охватывает период с 1871 по 1887 гг. Эта борьба преимущественно представлена как обострение ранее возникшего противостояния между государством и церковью, говоря точнее между прусским государством, т.е. бисмарковской империей и католической церковью. Многие истолкователи видят в нем столкновение двух культурных миров, «форм жизни» или цивилизаций, национально-этатистского, требующего новых веяний и прогресса культурного либерализма и основанной на традиционных нормах и ценностях католической культуре [5, с. 53]. Контраст еще больше увеличивается и дифференцируется, если рассматривать его под конфессиональным, социальным и географическим углом. В культуркампфе вновь вскрылись жесткие конфессиональные противоречия без возврата к конфессиональному периоду реформации и контрреформации. «Протестантская или постпротестантско-северогерманская буржуазная культурная нация» требовала общественного господства в империи Гогенцоллернов, сталкиваясь при этом с католической церковью и протестантской ортодоксией, при этом с преимущественно католически настроенными культурами Западной и Южной Германии. С социальной точки зрения культуркампф означал начало тяжелого соперничества между либеральной культурной и чиновничьей буржуазией и еще цеплявшимися за традиционные религиозные ценности, в финансовом и общественном плане отодвинутые назад так называемые массы, которые выживали в основном за счет сельского хозяйства и кустарного производства в маленьких городах [6, с. 51].

Начавшись вскоре после создания партии Центра, «культуркампф», который Бисмарк характеризовал как «борьбу за власть между монархией и духовенством», достиг своего апогея в 1873 г., когда прусский ландтаг принял знаменитые «майские законы», за которыми последовали и другие законы против католической церкви. В соответствии с ними государство контролировало назначение на все церковные должности, католическое духовенство лишалось права надзора за начальными школами, священники не могли заниматься политической агитацией, запрещалась деятельность ордена иезуитов и близких к нему духовных орденов и конгрегаций. В 1874 г. был введен обязательный гражданский брак в Пруссии, а в последующие два года – во всей империи.

При этом О. Бисмарк 15 ноября 1849 г., т.е. четверть века назад, в первый год своего депутатства во вновь образованном Соединённом ландтаге прусского королевства, произнёс острую парламентскую речь, направленную против введения закона о гражданском браке. Он называл гражданский брак «истинною потребностью только для евреев-реформаторов», «оскорблением чувств народа» ради подражания передовым европейским государствам. В 1849 г. О. Бисмарк обосновал свою позицию следующим образом: «В образцовых конституционных государствах, во Франции и в Бельгии, гражданский брак существует между прочим рядом с конституцией; поэтому многие из нас готовы стыдиться называться пруссаками до тех пор, пока гражданский брак не будет введен у нас... Ведь иностранное всегда представляется нам достойным подражания» [1, с. 29].

Как писал Р. Сементковский, борясь с католическим духовенством, О. Бисмарк вынужден был отречься от своих прежних воззрений, отстаивая отмену обязательности церковного брака [3]. Поэтому он, не желая, чтобы общественность видела именно в нем инициатора данного закона, передал инициативу представителю национал-либеральной партии Адальберту Фальку. По своим воззрениям Фальк был умеренным либералом, сторонником сильной государственной власти, реши-

тельным противником политических притязаний церкви, в особенности католической, сторонником объединения Германии и германизации ненемецких элементов страны. Это побудило О. Бисмарка, вступив в борьбу с католическим духовенством и партией центра, поручить именно ему в январе 1872 г. пост министра народного просвещения и культов. Первым его делом было проведение закона о государственном контроле над школами (Schulaufsichtsgesetz), подорвавшего влияние как католической, так и евангелической церкви на низшие школы Пруссии. Он сурово преследовал польские школы. Вместе с тем, однако, Фальк принял длинный ряд мер для реформирования как низшего, так и высшего образования Пруссии; число школ и иных учебных заведений было значительно увеличено, материальное положение учителей поднято, они сделаны более независимыми от вмешательства властей [4, с. 279–280].

Уже в 1872 г. рейхстаг обратился к имперскому правительству с составленной Фальком резолюцией, в которой предлагалось введение закона о гражданском браке и регистрации актов гражданского состояния. Когда это не удалось – вероятно потому что в Пруссии ввиду различных законов в разных частях страны не смогли договориться о соответствующем семейном праве и Бисмарк не хотел выглядеть как инициатор – депутат Фальк предложил свой собственный законопроект, заручившись экспертной поддержкой своего партийного коллеги, ученого, автора учебников по церковному праву Пауля Хиншиуса. Последний пояснял некоторые технические пункты закона. Но после обсуждения в экспертной комиссии и небольших поправок принятие закона, несмотря на тщательную предварительную подготовку, сорвалось на IV сессии рейхстага в 1873 г. из-за отсутствия кворума [9, с. 486].

17 декабря 1873 г. на заседании палаты депутатов лидер крайних правых, основатель газеты «Neue Preussische Zeitung» (Kreuzzeitung), известной своим ультраконсервативным направлением, Людвиг Э. фон Герлах упрекнул О. Бисмарка в непоследовательности, процитировав его речь о гражданском браке, которую тот держал 24 года назад. Бисмарк не стал оправдываться, заявив, что не считает постыдным менять свои взгляды, исходя из потребностей государства: «... я никогда не стеснялся изменить свою позицию, если меня вынуждают обстоятельства, или в чем-то уступить, убедившись, что мои интересы не соответствуют интересам страны. Я уже 12-й год возглавляю правительство, это руководство начиналось при тяжелых и бурных обстоятельствах и продолжается до сих пор; я доволен тем, что меня за тот ранний период, на который ссылался господин докладчик, нельзя упрекнуть, что я кардинально не ошибся в своем видении и оценке наиболее значимых для государства вещей.

Как министр я не придерживаюсь политики ни одной из фракций, но я научился свои личные убеждения подчинять потребностям государства. Я ... считаю плохой верностью убеждениям ту, про которую на государственной службе говорят «вместе с водой выплеснуть ребенка», «пусть государство идет ко дну, это мое убеждение, и я не могу иначе». Это всегда напоминает мне о фальшивой матери в притче о Соломоне, которая была согласна разрезать ребенка...

Мое личное отношение к сегодняшнему состоянию вопроса о гражданском браке таково, что я не с готовностью, а неохотно и после длительной борьбы решил совместно со своими коллегами обратиться с предложением к его величеству об осуществлении этого проекта и поручиться за него. Я не должен заниматься здесь догматикой, я должен проводить политику. С точки зрения политики я убежден, что государству в положении, когда революционное поведение католических епископов его разрушает, исходя из принципа самозащиты необходимо издать закон, защищающий от причинения ущерба часть подданных его величества... Это уступка, потому что государство, издавая этот закон, хочет, насколько это возможно, сгладить конфликт. В этом заключается, по крайней мере, одно достоинство, по крайней мере передышка, которая должна дать время для осознания того, что государство вместо того, чтобы проводить жесткую борьбу с епископами и их сторонниками, создает мирные воды, в которых может спастись искусственно поднимаемая волна. Учитывая обстоятельства, я считаю, что государство этим законом реализует потребность в самозащите, и я намерен за это поручиться, как и за многое, что не соответствует моим личным убеждениям, а именно тем, какие я имел в юности. Я государственный деятель, который подчиняется общественным потребностям и требованиям государства в интересах мира и благополучия своего отечества» [7].

Обязательный гражданский брак был введен в Пруссии 9 марта 1874 г. «Законом о засвидетельствовании гражданского состояния и о форме заключения брака», т.е. еще до принятия общеимперского закона. Для распространения действия закона на всю Германскую империю П. Хин-

шиус существенно изменил некоторые его пункты. Так, в качестве главного недостатка, который был обнаружен в ходе многочисленных обсуждений, выделялось то, что П. Хиншиус не предусмотрел единой для всей империи регламентации семейного права, которое, могло служить лишь как субсидиарное там, где закон, принятый законодательным органом земли, прежде еще не предоставлял возможности для гражданского брака. К тому же проект, по сути, ограничивался формальными определениями и не содержал четких предписаний ни относительно норм семейного права, ни относительно брачной правоспособности [8, с. 186].

6 февраля 1875 г. в Берлине был, наконец, принят «Имперский закон о засвидетельствовании гражданского состояния и о заключения брака».

Одним из последствий принятия закона стало покушение на О. Бисмарка в июле 1874 г. во время пребывания на курорте в Бад-Киссингене. Некий Кульман, подмастерье-бондарь, ранил его выстрелом из пистолета в правую руку. Р.И. Сементковский увидел в этом акте проявление ненависти простого народа к политическому деятелю, «пренебрежительно относившемуся к священным чувствам людей» и «покушавшимся на их свободы» Кульман действительно был католиком, чем О. Бисмарк воспользовался для яростных нападок в рейхстаге на партию Центра [2, с. 411].

Впоследствии католикам удалось вернуть практически все утраченные права и привилегии, но закон о гражданском браке сохранил свою силу. При этом, он стал не только одним из немногих успешно реализованных проектов Бисмарка в рамках политики культуркампафа, но и ознаменовал собой реализацию в Германской империи ранее провозглашенных конституционных принципов.

Литература

1. Бисмарк О. Избранные речи Бисмарка до учреждения Северо-Германского союза (1847–1867). – СПб., 1898. – 172 с.
2. История Европы. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. Т.V. – Москва, 2000. – 676 с.
3. Сементковский Р.И. Отто Бисмарк. Его жизнь и государственная деятельность. – М., 2011. – 92 с.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1890–1907. Том XXXV. – СПб., 1902. – 476 с.
5. Якубова Л.А. Лейбористская партия Великобритании в оппозиции (1979–1997 гг.): модернизационные процессы и формирование новых социальных установок Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2011. – 11 (113). – С. 53–60.
6. Becker W. Der Kulturkampf in Preussen und in Bayern. Ein vergleichende Betrachtung / Zedler, J. Der Heilige Stuhl in den internationalen Beziehungen. 1870–1939. – München, 2010. – P. 51–59.
7. Rede des Minister-Päsidenten Fürsten von Bismarck bei der Berathung über die Civilehe in der Sitzung des Abgeordnetenhauses vom 17. Dezember 1873 (gegen den Abgeordneten von Gerlach, welcher auf eine von dem Fürsten von Bismarck vor 25 Jahren gegen die Civilehe gehaltene Rede Bezug genommen hatte).// Provinzial – Correspondenz. – 23. Dezember 1873. – № 52. Адрес в интернете – <http://amtsprese.staatsbibliothek-berlin.de/>.
8. Stefan R. Kirchenrecht und Kulturkampf: historische Legitimation, politische Mitwirkung und wissenschaftliche Begleitung durch die Schule Emil Ludwig Richters. – Tübingen, 2002. – 297 s.
9. 20 Sitzung. 9 Januar 1882. / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. – Band. II. 1881–1882. – 950 s.

УДК 355/359

Л.В. Василенко

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВЫХ АВИАНОСЦЕВ И ИХ УЧАСТИЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Авианосец – это боевой надводный корабль, оборудованный для базирования, взлёта и посадки боевых самолётов и вертолётов [4, с. 13].

Ударной силой авианосца является авиация, которая размещается на нём, что позволяет авианосцу доставлять самолёты в нужный район действий, чуть ли не на «пистолетный выстрел». Данная особенность позволяет авианосцу решать широкий спектр задач не только тактического, но и стратегического характера.

Следует отметить, что бурное развитие XX века привнесло в военную сферу значительное количество новшеств, способствовавших увеличению ударной мощи и поражающих способностей вооружений. Можно отметить, что одним из таких новшеств, например, стало появление в 1906 году в Англии в области морских вооружений принципиально нового типа линейного корабля «Дредноут», располагавшего десятью 305-мм башенными орудиями главного калибра и мощной

бронёй, детища английского адмирала Джона Фишера, сконструировавшего этот корабль, ставшего поистине революционным для своего времени [1]. Но уже в 1910 году в состав флота Великобритании начинают поступать супердредноуты (головной корабль этой серии – «Орион»), созданные по инициативе того же Джона Фишера. Отличительной особенностью этого класса кораблей являлось наличие ещё более мощного однотипного артиллерийского вооружения (десять орудий в пяти башнях калибра 343-мм.) [2]. Другим новшеством, по своему содержанию ставшим революционным (правда его революционная сущность обозначилась далеко не сразу), явилось создание нового класса кораблей – авианосца. Идея создания корабля, несущего на борту самолёты, появилась в умах морских офицеров различных стран после выдающегося изобретения братьев Орвилла и Уилберга Райт (США). В результате упорной работы и смелых экспериментов Орвилл и Уилберг Райт 17 декабря 1903 года осуществили полёт на примитивном летательном аппарате, который смог пролететь на высоте 3 метра расстояние в 40 метров, продержавшись в воздухе всего 12 секунд.

Демонстрационные полёты братьев Райт производили на публику и общественное мнение различных стран глубокое впечатление. Под их воздействием во многих флотах мира стали появляться идеи использования летательных аппаратов в военных целях, что нередко приводило к выдвижению смелых проектов. Летательные аппараты очень быстро совершенствовались, а в целом росли авторитет и роль авиации. Так, например, один из американских пионеров авиации Гленн Кёртисс спроектировал самолёт, на котором в мае 1910 года совершил полёт дальностью 142,5 мили от Олбани до Нью-Йорка за 2 часа 50 минут. Кроме того, чтобы раскрыть возможности самолёта, он даже демонстрировал первые опыты бомбометания (сбрасывание свинцовых трубок на цель) на озере Кеука в штате Нью-Йорк.

В 1910 году под влиянием этих демонстраций командование ВМС США проявило интерес к самолёту с намерением использовать его для разведывательных целей, однако не видело подходящей модели для её применения на флоте. Уже 14 ноября 1910 года американский пилот – участник демонстрационных полётов Юджин Б.Эли по просьбе командования флота совершил успешный взлёт с крейсера «Бирмингем», для чего над баком крейсера (носовая часть корабля) соорудили деревянную платформу размером 83х24 фута (25,2х7,3 метра) [3]. В декабре 1910 года Г. Кёртисс предложил флоту бесплатно обучить морских офицеров управлению самолётами, что и было сделано. 18 января 1911 года Юджин Эли осуществил посадку уже на борт крейсера «Пенсильвания». Для этого была сооружена деревянная платформа размером 119,5х31,5 фут (36х9,6 метра). Одним концом эта платформа опиралась на кормовую башню крейсера. В качестве дополнительных тормозов использовались мешки с песком по 50 фунтов (22,5 кг), расставленные вдоль бортов на расстоянии 1 метра и соединённые канатом на высоте 3,5 метра. Кроме этого, самолёт был оснащён тремя парами крюков, которые должны были цепляться за эти канаты во время посадки. Посадка завершилась успешно, а затем Эли после небольшого перерыва взлетел с крейсера и благополучно вернулся на аэродром. Важно отметить, что в этих экспериментах использовались самолёты с шасси. Они показали возможность успешного применения самолётов, базировавшихся на аэродромы, на кораблях, тем самым положив начало морской авиации. В этом же году К.Кёртисс построил гидросамолёт, способный, опираясь на поплавки, осуществлять взлёт и посадку на воде, а позднее разработал для него и шасси. Этот самолёт – Triad A-1, имевший и колёса, и поплавки, был незамедлительно закуплен флотами США, Великобритании, России, Германии, Японии.

21 апреля 1914 года американские морские лётчики приобрели первый боевой опыт в Мексике в ходе инцидента в Веракрусе. В нём принимали участие американские линкор «Миссисипи» и крейсер «Бирмингем», имевшие на своём борту 5 гидропланов. Лётчики совершали разведывательные полёты над позициями мексиканцев. В ноябре 1914 года базой гидропланов стал линкор «Северная Каролина».

В Великобритании развитие морской авиации и её носителей шло значительно успешнее. Полёты Ю. Эли вызвали большой интерес командования английского военно-морского флота. На первых порах осуществлялась подготовка пилотов, приобретались самолёты, хотя существовал определённый скепсис по отношению к авиации и её использованию на флоте. Уже 10 января 1911 года лейтенант ВМФ Ч.Р. Сэмсон взлетел с борта броненосца «Африка» на биплане Шорт С 27, имевшего колёса и поплавки. В мае 1912 года в ходе военно-морского смотра лейтенант Ч.Р. Сэмсон успешно взлетел с палубы броненосца «Хайберния», шедшего на скорости 10,5 узлов. В конце

1912 года было принято решение о перестройке старого крейсера «Гермес» для базирования двух гидросамолётов, которые совершали взлёт на роликах с короткой взлётной палубы корабля, сооружённой на баке. Успешно прошли в дальнейшем испытания и самолёта со складывающимися крыльями.

В 1913 году Адмиралтейство закупило торговое судно, чтобы использовать его в качестве носителя (авианосца) для 10 гидросамолётов. Завершить перестройку корабля к началу Первой мировой войны не успели.

Был создан в 1912 году Королевский Лётный Корпус (КЛК), из которого выделили морскую авиацию под названием Королевской Морской Воздушной Службы (КМВС).

С началом Первой мировой войны КМВС своими самолётами поддерживала флот. Из-за небольшой дальности действия гидросамолётов Адмиралтейство приняло решение создать корабли для транспортировки гидросамолётов, для чего были закуплены 3 парохода, способных нести по 4 гидроплана, и старый лайнер под 10 самолётов. После реконструкции бывший лайнер имел полётную палубу длиной до 100 метров при скорости корабля 22 узла. Благодаря этим усилиям КМВС стала успешно осуществлять разведку для армии, бомбила ангары дирижаблей противника, отгоняла немецкие цеппелины. В конце 1914 года вступил в строй гидроавиатранспорт «Арк-Роял» водоизмещением 7020 тонн, при скорости 10,5 узлов он мог нести 10 гидросамолётов. Пароходы, переделанные под базы гидросамолётов, имели большие трюмы, откуда на палубу или с корабля на воду при помощи кранов извлекались самолёты. С «Арк-Рояла» самолёты уже могли запускаться с платформы, установленной на борту. Английские авианосные силы во главе с «Арк-Роялом» участвовали в боевых операциях на Средиземном море против Турции, где также впервые было опробовано применение торпед с самолётов.

В 1917 году в строй был введён авианосец «Фьюриес», переделанный из линейного крейсера водоизмещением 19100 тонн. Он имел скорость 31,5 узел и мог нести до 20 самолётов. Осенью 1918 года в строй вошли ещё 2 авианосца: «Винидиктив» и «Аргус», усилившие авиационную группировку Великобритании на Северном море, но Первая мировая война уже заканчивалась.

Во Франции развитию авиации также придавалось повышенное внимание. Её морской компонент, базировавшийся на берег, достиг во время войны внушительной цифры (до 3 тыс. самолётов). Не лишним будет отметить, что значительная часть создававшегося самолётного парка Франции передавалась союзникам. В 1916 году 3 небольших парохода были переделаны под транспорты гидросамолётов, которые могли нести две машины. В 1917 году был переоборудован ещё один пароход, который был способен нести один гидросамолёт.

Япония в предвоенные годы также уделяла повышенное внимание развитию авиации, осуществляла подготовку лётных кадров и создавала самолётный парк за счёт поступления техники из Англии и Франции. У Японии имелся 1 транспорт «Вакамия-мару» водоизмещением 7500 тонн, способный нести 2 целых и 2 разобранных самолёта. Этот транспорт принимал участие в боевых действиях по осаде Циндао на территории Китая. Его самолёты потопили 1 немецкий минный заградитель, осуществляли разведку и патрулирование прибрежной зоны.

В Германии созданию авиатранспортов внимания уделялось мало, больший упор делался на строительство дирижаблей, которых было построено около 200 единиц. Тем не менее, 2 парохода «Ансвалд» и «Санта Елена» были переделаны в авианосцы. На носу и корме этих пароходов были построены деревянные ангары, в которые размещали гидропланы. Эти транспорты вступили в состав флота Германии в августе 1914 года. Переоборудованные пароходы могли нести по 3–4 самолёта.

В России в 1915 году был создан авиатранспорт «Орлица», переоборудованный из парохода «Императрица Александра». «Орлица» могла транспортировать до 5 гидропланов. Самолёты опускались на воду и поднимались на корабль при помощи кранов. Этот авиатранспорт имел необходимый запас топлива и бомб для самолётов, а также располагал слесарными мастерскими. «Орлица» осуществляла поддержку сухопутных войск возле мыса Рагоцен в 1915 году.

Таким образом, можно отметить, что создание и развитие авианосцев в морских государствах в предвоенные и годы Первой мировой войны осуществлялось по пути развития и совершенствования как самолётов, так и кораблей, транспортирующих их. Если первоначально предпочтение отдавалось гидросамолётам из-за их способности взлетать с воды, для чего они поднимались на корабль и опускались на воду при помощи кранов, то позднее по мере улучшения тактико-технических характеристик самолётов (скорости, веса бомбовой нагрузки) предпочтение стало

отдаваться самолётам, имеющим шасси, для чего палуба носителя самолётов освобождалась от надстроек, делалась сплошной, что позволяло самолётам осуществлять взлёт и посадку непосредственно на корабль. Именно это обстоятельство и трансформировало авианоситель в авианосец.

Литература

1. Балакин С., Кофман В. Дредноуты. – М., 2004.
2. Козлов Б.К. Линейные корабли типа «Орион». 1909–1930 гг. – Самара, 2006.
3. Полмар Н. Авианосцы. В 2 т. – Т. 1. – М., 2001.
4. Советский энциклопедический словарь. – М., 1982.

УДК 297

Л.Р. Гайсина

г. Нижневартовск, Нижневартовский филиал Омского государственного технического университета

ГОРОДСКИЕ УЛИЦЫ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

Российские улицы второй половины XIX – начала XX вв. имели мостовые нескольких типов. Самой распространенной была булыжная мостовая, сложенная из круглых и овальных камней. В Петербурге, например, основным типом покрытия на центральных улицах, площадях и набережных была деревянная, или так называемая торцевая мостовая. Широкое распространение имели также мостовые с покрытием из щебенки. Но большинство улиц городов императорской России вообще не имели искусственного покрытия, и представляли собой обычную проселочную дорогу, а ухабы и ямы в лучшем случае заделывались булыжником [11, с. 9]. То же самое можно сказать и большинстве «новых» частей в городах Средней Азии. Только в Ташкенте производилось плановое замощение улиц.

В Ташкенте обустройство дорог началось только в 1870 г., и продвигалось довольно медленно. Процесс этот активизировался лишь в 80-х гг., когда были спланированы улицы для замощения гравием. Но опыт этот оказался весьма неудачным, так как показал, что гравий быстро выбивался, и дорога в зимнее время года представляла собой ряд ям, наполненных грязью. Ф.К. Гирс по итогам ревизии 1882 г. писал: «...вообще городское благоустройство в Ташкенте возбуждает нарекание со стороны жителей. Город содержится грязно, в особенности неудовлетворительно сооружение и поддержание мостовых» [5, с. 114].

Именно материалы ревизии дали дополнительный импульс для дальнейшего развития дорожного строительства. С 1884 г. городское управление меняет тактику и решает сразу строить мостовые и не увлекаться шоссировкой улиц.

В 1907–1908 гг. был составлен генеральный план замощения города. На заседании городской Думы было решено мостить улицы не во всю ширину, а узкой полосой, шириной в 3–4 сажени, что было дешевле. В 1906 г. было шоссировано 4029 квадратных саженей дорог, в 1907 г. – 6224, в 1908 г. – 10283, в 1909 г. – 16342, в 1910 г. – 16425, 1914 г. – 21983, а всего было шоссировано 140065 квадратных саженей [13, д. 451, л. 7].

Тротуары первое время отсутствовали. Поэтому ташкентская городская дума в 1883 г. обязала домовладельцев русской части города обустроить тротуары и мостиков через арки.

В начале 1909 г. в «русской» части города насчитывалось 40 верст шоссированных улиц из 117 верст всей длины улиц. Из-за проблем с финансированием производилось мощение только среднего полотна улиц [7, с. 181].

В «новом» Туркестане шоссирование и мощение улиц почти отсутствовало, так как в этом не было особой необходимости из-за особенностей очень твердого грунта, который не размывался дождями. Только в 1909 г. была произведена шоссировка дороги от города до железнодорожной станции на протяжении 4,5 верст. В Аулие-Ате мощение улиц производилось с помощью мелкой гальки. С 1902 г. стали появляться тротуары из плитняка. В «новом» Чимкенте тротуары из жженого кирпича стали появляться только перед началом Первой мировой войны, но далеко не на всех улицах [6, с. 131, 170, 194].

В большинстве прямые, довольно широкие улицы европейских частей были окаймлены вереницей деревьев, посаженных вдоль неглубоких канавок с проточной водой. Основными деревьями были пирамидальный тополь, белая акация, карагач (вязь), китайский ясень (айлантус), тутовые деревья (шелковица). Встречались вязы обыкновенные и пробковые, так называемые «укусные

деревья», ясени и всевозможные тополя, начиная от длинных, как башня минарета, и кончая развесистыми серебристыми. Как отмечал И.И. Гейер, древесная посадка придавала городам оригинальную и вместе с тем красивую внешность [4, с. 218].

Помимо этого в крае старались акклиматизировать бегонии и другие деревья юга России. Довольно скоро улицы Ташкента, Самарканда, Маргилана и других больших городов были засажены белой акацией, кленом, бегонией, гледичию и другими деревьями. Большую роль в озеленении сыграли казенные питомники в Самарканде и Маргилане [8, с. 20].

Озеленение проводилось во всех городах Русского Туркестана. Так, например, по свидетельствам путешественников, благодаря густой зелени, которая буквально закрывала весь город, улицы Асхабада представляли из себя «аллеи хорошо распланированного парка» [10, с. 16]. Е. Марков лестно отзывался об улицах «нового» Самарканда: «...столько воздуха, столько свежести, влажности, сколько весны и жизни в этих так называемых «городских улицах», журчащих ручьями и более напоминающими своими полчищами деревьев – великанов, бесконечными перспективами своих аллей какой-нибудь громадный парк для прогулок, чем прозаическое местопребывание русской военной и гражданской администрации» [9, с. 280].

Растительность была не только на городских улицах, но и во дворах частных домов. Чуть ли ни при каждом домике имелся отдельный садик, что придавало многим улицам «приветливый дачный характер» [10, с. 16]. Во дворах обычно высаживались фруктовые деревья, в тени которых горожане проводили свободное время. Многие дома имели на дворе маленькие пруды, которые пополнялись арычной водой. В начале XX в. Э.С. Вульфсон писал: «Вон замелькали по сторонам улиц сплошные сады, засаженные виноградом, грушами, яблоками, сливами, черешнями, гранатами, орехами и сады эти окаймлены в один или два ряда тутом, тополями и карагачевыми деревьями. Путник глядит и не налюбуется: непривычны его глазам такие богатые дары природы, такая цветущая, роскошная картина» [3, с. 5].

Администрация края в качестве рекомендации населению предлагала делать посадки деревьев везде, где это было возможно. «В первые три года, пока население недостаточно еще ознакомилось с нашими требованиями и вообще с русскими властями, эта мера проводилась осторожно, больше советом, чем приказанием. Но вскоре советы превратились в приказания под контролем администрации», – писал Г.А. Арандаренко [1, с. 596].

В жаркое время года особенно актуальным становился вопрос о поливке улиц. Летом, несмотря на поливку некоторых улиц, в городах было очень пыльно. В «новом» Асхабаде поливка улиц была затруднена острой нехваткой воды в летнее время. Одним из самых удачных в этом отношении был «новый» Маргилан (с 1907 г. – Скобелев). И.И. Гейер писал, что Маргилану могли бы позавидовать многие европейские города, задыхающиеся в пыльной и душной атмосфере [4, с. 248]. В Ташкенте улицы увлажнялись в сухое время года дважды в день: рано утром и под вечер. Поливка производилась арычной водой.

Вопрос об уличном освещении составлял важную часть городской инфраструктуры. Даже центральные и торговые районы столицы и больших городов императорской России освещались скудно, не говоря уже об окраинах и провинциальных городах. Как правило, подвесных фонарей, освещавших проезжую часть улицы, вообще не было. В Петербурге основным источником света являлось электричество, лишь на окраинах горели керосиновые фонари. В других городах чаще всего встречались газовые и керосинокалильные фонари [11, с. 20]. Именно такие получили распространение в «русских» городах Туркестана.

Самое большое число фонарей было в «новом» Ташкенте. Так, в 1887 г. уже насчитывалось 506 обычных линейных фонарей-коптилок. Осенью 1905 г. была произведена реформа в деле освещения, вместо фонарей-коптилок вводились керосинокалильные фонари. В 1907 г. в городе существовало 209 керосинокалильных фонарей. В 1909 г. насчитывалось 297 фонарей, к концу этого же года 319, к 1 января 1911 г. уже до 500. В 1912 г. число керосинокалильных фонарей достигло 522, из них на улицах было 472, в учреждениях и на военных территориях – 28, в запасе – 22 [13, д. 176, л. 1].

Имелись также и керосиновые фонари, и их было значительно больше. В своем большинстве они располагались в туземной части. Так, в 1909 г. в Ташкенте было 858 керосиновых фонарей, из которых лишь 134 располагались в «новой» части, остальные в «старой» [12, с. 76].

В других городах Средней Азии городское освещение было развито намного слабее. Так в «новом» Туркестане фонари-коптилки появились только в 80-х гг. В 1906 г. они были заменены керо-

синокалильными фонарями, которых в 1911 г. было лишь 19. Освещение городских улиц «нового» города Аулие-Ата было введено в 1886 г. До 1905 г. город освещался фонарями-коптилками, после были введены керосинокалильные фонари, которых в 1911 г. было 35 и оставалось коптилок 84. Простые керосиновые фонари в «новом» Чимкенте появились в 80-х гг. С 1905 г. город начал освещаться керосинокалильными фонарями, которых было 25, а фонарей-коптилок осталось всего 59 на окраинах [2, с. 194].

Основным транспортом был, конечно, конный, хотя большинство населения предпочитало передвигаться пешком. Тем не менее, использовались тяжелые дорожные тарантасы, длинные дроги, шарабаны. Извозчиками были преимущественно местные жители, хотя встречались и казаки.

В 1901 г. в Ташкенте начала ходить конка, а в 1912 г. было открыто трамвайное движение [7, с. 182]. Наиболее состоятельные люди, а также высшие чиновники стали пользоваться и автомобилями. В конце XIX – начале XX вв. на улицах Ташкента гуляли на велосипедах, а излюбленным местом велосипедистов столицы края был Ташкентский общественный парк. О популярности велосипедов можно судить по такому факту, что в 1909 г. в городе было 614 велосипедистов, а в 1910 г. их число уже возросло до 762 [14, с. 97].

В целом, «новые» города, несмотря на некоторые недостатки планировки и благоустройства, не походили ни на русские губернские города, ни на «туземные», азиатские. В своем большинстве города утопали в зелени; на приезжих производили приятное впечатление чистота улиц, прекрасные аллеи и парки, изящные белые домики. Находясь в древнейших среднеазиатских городах, «новые» части были все же европейскими, русскими городами. Новые части олицетворяли дух Европы в Азии, новый образ жизни, новое мышление, новое развитие, и улицы этих городов наглядно соединяли европейские и азиатские мотивы.

Литература

1. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874–1889. – СПб., 1889.
2. Вошинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. – СПб., 1914.
3. Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – М., 1908.
4. Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. – Ташкент, 1908.
5. Гирс Ф.К. Отчет ревизирующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, Тайного советника Гирса. – СПб, 1884.
6. Добросмыслов А.И. Города Сыр-дарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан. Аулие-Ата и Чимкент. – Ташкент, 1912.
7. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Ташкент, 1911. – С. 181.
8. Маев Н. Туркестанская выставка 1890 г. Путеводитель по выставке и ее отделам. – Ташкент, 1890.
9. Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской и Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2 тт. и 6 ч. – Т. 2. – СПб., 1901.
10. Олсуфьев А.А., Панаев В.П. По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. – СПб., 1899.
11. Ривош Я.Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. – М., 1990.
12. Ступаков Е.И. Адрес-справочник Туркестанского края. – Ташкент, 1909.
13. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. – Ф. И-37. Оп.1.
14. Шадманова С. Роль рекламы в социально-экономической жизни Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // Евразия. Россия-Узбекистан: история и современность. – Ч. VIII. – № 1 (февраль). – 2010.

УДК 82

М.В. Глеб

г. Минск, Институт истории Национальной академии наук Беларуси

ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПРОЕКТ «НОВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК»

В начале XXI в. мировое сообщество среди многих других тенденций и течений переживало и так называемый «имперский ренессанс», подъем интереса к проблемам, связанным с имперским мироустройством и мироощущением. Практически одновременно об идее империи (либо об идеях, крайне схожих с идеей империи, однако категорично абстрагирующихся от данного термина) начали рассуждать ученые, общественные деятели и политики как англо-саксонского мира, так и Российской Федерации.

Использование либерально-имперской или близкой к ней риторики в начале XXI в. рассматривается на трех наиболее ярких примерах: Великобритании, США и Российской Федерации. Имен-

но в этих государствах были сформированы наиболее четкие и интересные концепции, связанные с идеей либеральной империи и ее отдельными составляющими. В данном исследовании рассмотрим идеи, которые легли в основу американского варианта.

На рубеже второго и третьего тысячелетий имперская риторика в США получила значительную интеллектуальную поддержку в среде так называемых «неоконсерваторов» («неоконов»). Термин означает бывших либералов, перешедших на консервативные позиции, в первую очередь, в вопросах, касающихся проведения внешней политики. В отличие от традиционных консерваторов, неоконсерваторы поддерживают сильную государственную власть, глобализацию, выступают за уменьшение влияния религии.

Зарождение неоконсерватизма относят к 1960-м гг. и связывают с такими именами как Ирвин Кристол и философ Лео Штраус. Последний оказал значительное влияние на формирование мировоззрения таких влиятельных представителей американского истеблишмента как политики Пол Вулфовиц и Алан Кейс, издатели Уильям Кристол и Джон Подгорец, писатель Сол Беллоу. Основными СМИ, придерживающиеся неоконсервативных взглядов, выступают *Commentary* и *The Weekly Standard*.

По окончании «холодной войны» неоконсерваторы в лице Н. Подгореца (популярный журналист, отец Д. Подгореца), его жены и известного писателя М. Дектер, Ч. Краутхаммера (журналист, более 30 лет работавший в *The New Republic*, *The Washington Post* и *Weekly Standard*), П. Вулфовица, Д. Муравчика (политолог) и некоторых других общественных деятелей выступили с идеей о том, что ресурсы и силы США должны быть направлены на сохранение их гегемонии в мире. Согласно меткой фразе У. Кристола, осуществлять «гуманную глобальную гегемонию» (*benevolent global hegemony*). В 1990-х гг. данная позиция получила теоретическое развитие, воплощение в плане внешней политики, предложенном заместителем министра обороны П. Вулфовицем, но не практическую реализацию. С приходом к власти Д. Буша в его окружении оказалось более 20 неоконсерваторов [1]. Только среди внешнеполитического ведомства представитель неоконсервативного движения Кондолиза Райс в 2001–2005 гг. являлась советником по национальной безопасности президента США, в 2005–2009 гг. госсекретарем. Стивен Хэдли в 2001–2005 гг. работал заместителем советника по национальной безопасности президента США, в 2005–2009 гг. стал советником по национальной безопасности.

Официальный «мозговой центр» неоконсерваторов «Проект новый американский век» работал в Вашингтоне в 1997–2009 гг. как некоммерческая образовательная организация во главе с У. Кристолом и Р. Каганом. Помимо Кристола и Кагана, директорами проекта являлись Б. Джексон, М. Джерсон и Р. Шунеманн (на сате проекта в числе директоров значился также Л. Лерман, историк и руководитель частной инвестиционной компании [4]). Среди подписавших программный документ проекта были такие знаковые фигуры как Р. Чейни, Ф. Фукуяма, Д. Рамсфельд, Н. Подгорец, П. Вулфовиц.

В заявлении о принципах от 3 июня 1997 г. авторы проекта объявляли об отсутствии продуманной стратегии внешней политики США и предлагали альтернативу в виде поддержки глобального лидерства Америки. Обстоятельства рассматривались как благоприятные (победа Запада в «холодной войне»), но оставалась проблема политической воли («Имеется ли у Соединенных Штатов решимость создать новое столетие, благоприятное для американских принципов и интересов?»). Примером для подражания для авторов проекта выступила политика администрации Рейгана, заключавшаяся в наличии сильных вооруженных сил, проведении внешней политики, последовательно продвигающей американские принципы за границей, осуществлении руководства страной с учетом глобальной ответственности США. Предвосхищая вопросы о пределах и полномочиях распространения вышеупомянутых принципов и ответственности, Кристол и Каган отмечали историческую преэминентность глобальной роли США, в частности, в Европе, Азии и на Ближнем Востоке.

Конкретными предложениями проекта стали:

- значительное увеличение затрат на оборонные нужды («если мы собираемся соблюдать свои глобальные обязательства и модернизировать наши вооруженные силы в будущем»),
- усиление связей с демократическими союзниками и противостояние режимам, враждебным американским интересам и ценностям,
- продвижение дела политической и экономической свободы за границей,

- принятие ответственности в виде уникальной роли США по сохранению и расширению международного порядка, благоприятного для нашей безопасности, нашего процветания и наших принципов [5].

Составить представление об идеях, поддерживаемых участниками проекта «Новый американский век», можно из меморандумов, аналитических статей и публикаций в СМИ, а также выступлениях в сенате. Наиболее актуальными темами являлись: положение дел в Ираке, проблема национальной безопасности, реформирование НАТО и политика в отношении Европы, Китая и России. Отношение членов проекта к европейской проблематике достаточно четко очертил Роберт Каган в опубликованной в июне 2002 г. в *Policy Review* статье «Сила и слабость» [3]. Разграничивая Европу и США по принципу отношения к вопросу о применении силы, автор указывает на стремление Европы к решению мировых проблем путем переговорных процессов либо сотрудничества, к мирной «стратегической культуре». В то же время, сталкиваясь с внешними угрозами, Америка понимает, что «настоящая безопасность, защита и продвижение либеральных ценностей по-прежнему зависят от владения и использования военной силы». Экскурс в историю использования силы европейскими государствами демонстрировал очевидную связь между имперским статусом государства и использованием силовых методов во взаимодействии с соперниками и зависимыми. Однако Каган отрицает даже возможность сравнения политики США и европейских государств: «Соединенные Штаты – чудовище (в оригинале – behemoth. М.Г.) с совестью. Это не Франция Людовика XIV и не Англия Георга III... Соединенные Штаты это целиком и полностью либеральное и прогрессивное общество, и если американцы и верят в силу, то лишь как в средство продвижения принципов либеральной цивилизации и либерального мирового порядка» [3]. По мнению Кагана, с 1940-х гг. Европа смогла позволить себе отказаться от силовой политики, поскольку была ограждена мощной защитной стеной в лице США и НАТО. Взлелеянный таким образом внешнеполитический идеализм европейских государств, тем не менее, не отражает реального положения дел в мире. Вторя идеям британского политика Р. Купера, Каган рассуждает о «джунглях», в которых приходится действовать американским политикам и существование которых (а также необходимость усиления своих оборонных потенциалов) рано или поздно придется признать европейцам.

Если представители проекта «Новый американский век» призывали европейцев разделить американский взгляд на мир, то с представителями других государств разговор, по их мнению, должен был проходить более категоричным образом. В ходе выступления Б.Джонсона перед комиссией Сената по международным отношениям 17 февраля 2005 г. на тему демократии в Российской Федерации, один из директоров проекта предложил несколько мер, направленных «в ответ на угрозу, которую представляет собой антидемократическая Россия» [2]. Они включали в себя публичную критику действий руководства страны, ограничение участия России в советах международных организаций (НАТО, G-7 и т.п.), разработка «совместных с НАТО и Европейским Союзом стратегий деятельности в связи с искоренением демократии в России и ее имперскими интервенциями за границей» [2].

Важнейшим элементом проекта представляется наличие ряда идей, в последующие несколько лет ставших краеугольным камнем идеологии и политики американской администрации: «моральная ясность» и превентивная война. «Моральная ясность», свойственная рейгановской политике, по мнению авторов проекта, должна была стать двигателем современной американской внешней политики. «Проект новый американский век» провозгласил: «История XX в. должна была научить нас важности того, чтобы сформировать обстоятельства до возникновения кризиса, и осознать угрозы прежде, чем они достигнут огромных размеров» [5]. Необходимость осуществления действий по предотвращению критических ситуаций в мире в дальнейшем получила свое воплощение в концепции превентивной (или презэмптивной) войны, в наиболее четком виде сформулированной в период администрации Дж. Буша-младшего.

Идеи проекта «Новый американский век» оказались востребованными республиканской администрацией в начале XX в. Интегрировав понятия либеральных ценностей, прав человека и политики силы, они обосновали право и возможность США на активные действия по переустройству мира. И хотя в 2009 г. основатели проекта заявили о его закрытии, практически одновременно Кристал и Каган стали основателями нового «мозгового центра» – Внешнеполитической инициативы, посредством которого продолжают оказывать значительное влияние на американскую внешнеполитическую мысль.

Литература

1. Dorrien G. Benevolent Global Hegemony: William Kristol and the Politics of American Empire // Logos. A journal of modern society & culture. Spring 2004. Volume three – issue two. – Mode of access: <http://www.logosjournal.com/dorrien.htm> – Date of access: 11.04.2013.
2. Jackson B. Democracy in Russia. Project Memorandum. // New American century – Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/russia-20050217.htm> – Date of access: 20.01.2009.
3. Kagan R. Power and Weakness // New American century – Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/kagan-20020520.htm> – Date of access: 20.01.2009.
4. Lewis E. Lehrman // New American century – Mode of access: <http://www.loc.gov/websites/wayback/20030604170628/http://www.newamericancentury.org/lewislehrmanbio.htm> – Date of access: 20.01.2009.
5. The project for the new American century // New American century – Mode of access: <http://www.newamericancentury.org/statementofprinciples.htm> – Date of access: 20.01.2009.

УДК 93/94

С.В. Горбунова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ОБУЧЕНИЕ КАЗАХОВ В НЕПЛЮЕВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ (КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ) (1825–1866 гг.)

Современная казахстанская историография связывает зарождение образования в казахской среде исключительно со стремлением колониальной администрации создать прослойку верных чиновников из среды самих казахов.

Конечно, нельзя отрицать заинтересованность российских властей в подготовке грамотных администраторов из среды самих казахов. В кочевом обществе казахов, не имевших собственной письменности, все административно-политические и судебные дела решались устно. Отношения с российскими органами власти требовали, безусловно, письменного оформления. Российская администрация вначале нашла выход в привлечении сначала татарских мулл, а затем чиновников – татар по происхождению к ведению дел с казахами. Татарский язык на основе арабской графики стал официальным дипломатическим языком, который использовался в отношениях с правящей элитой казахского общества. Следует отметить их значительное влияние переводчиков на ханов и влиятельных «ордынцев», которые не владели русским языком и поэтому в определенной степени зависели от своих письмоводителей-переводчиков.

Однако с самого начала процесса присоединения Казахстана к России прослеживается курс на «вводление гражданственности» среди казахов. Инструментами этой политики были не только «замирение», прекращение междоусобиц и нападений на русскую пограничную линию, но и поощрение земледелия, распространение ислама (при Екатерине II стало считаться, что исламизация религиозно индифферентных казахов («магометан только по имени») поможет «просвещению» номадов), и также развитие образования [2, с. 82–84].

Другое дело, что Казахстан был далеко не приоритетным направлением российской политики, и вплоть до 20-х гг. XIX в. подданство казахских ханов носило номинальный характер. Поэтому и большинство проектов по просвещению номадов так и оставались нереализованными предложениями.

Тем не менее, в 1789 г. была открыта первая школа для казахских детей в Оренбурге. В ней они обучались татарской грамоте и началам ислама под руководством мулл. Предполагалось учредить такие школы по всей пограничной линии, разделявшей казахов и российское население. Однако и в Оренбурге никогда не набиралось положенных по штату 64 учеников. Российская администрация в сам ход обучения не вмешивалась; она только выделяла деньги на жалование муллам и содержание учеников, наградами и подарками побуждала родителей отдавать детей в школу и т.п. [5, с. 306–307].

Начало собственно русскому образованию среди казахов было положено основанием Неплюевского военного училища. Еще в 1806 г. оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский предложил учредить в Оренбурге военное училище для детей казахов, башкир и «всех вообще азиатцев». Так как в 1804 г. уже было принято решение об открытии оренбургской гимназии и уездного училища, столичные власти пошли пока излишним иметь в городе еще одно учебное заведение. Однако острая нехватка грамотных казачьих офицеров и чиновников пограничных ведомств за-

ставляла Г.С. Волконского и сменившего его П.К. Эссена вновь и вновь ходатайствовать об открытии военного училища. Наконец, 9 февраля 1824 г. Александр I утвердил это предложение, и 2 января 1825 г. военное училище было торжественно открыто. В честь первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева ему было присвоено имя Неплюевского [6, с. 16, 34]. Безусловно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что училище было открыто на деньги, пожертвованные сыном И.И. Неплюева.

Неплюевское военное училище стало преемником Татарской школы, в которой с 1744 г. велась подготовка детей казаков и военных чинов к службе переводчиками, таможенниками и др. Но, в отличие от Татарской школы, Неплюевское училище было основано как учебное заведение, предназначенное не только для детей чиновников и офицеров Оренбургского края, но и для всякого «свободного состояния людей», включая детей «инородцев»: татар, башкир и казахов. Главными его целями было провозглашено «сближение азиатцев с русскими», «внушение первым любовь и доверие к русскому правительству» и «доставление краю просвещенных деятелей». А.В. Васильев утверждал, что именно для лучшей реализации идеи совместного обучения детей русских и «инородцев» первым директором училища был назначен Г.Ф. фон Генс – руководитель Оренбургской пограничной комиссии, которая была основным органом, занимавшимся отношениями с Младшим жузом [1, с. 12].

Неплюевское училище изначально было рассчитано на 80 воспитанников: 40 – приходящих и 40 «казеннокоштных», в число которых входили преимущественно «азиатцы», включая и казахов.

Основную часть первых воспитанников составили выходцы из Букеевской Орды. Принято объяснять это, прежде всего, позицией Джангира – хана Букеевской орды, который сам получил русское образование и достаточно долго жил в доме астраханского губернатора Андреевского. Но нужно учитывать и тот фактор, что Букеевская Орда находилась внутри российской территории (в отличие от всей остальной части Казахской степи, которая была вплоть до 1864 г. отгорожена от России пограничной линией), и ее население находилось в гораздо более тесном соприкосновении с русской цивилизацией.

Число казахских детей из других частей Степи было незначительным вплоть до середины 40-х гг. XIX в. В основном, это были дети влиятельных султанов. В целом же, на 1 января 1839 г. в Неплюевском училище обучалось 77 русских и всего 17 «азиатцев» [3, д. 4796, л. 3]. Это объясняется не только тем, что долгое время казахи «не хотели ... ни учиться в учрежденных для них школах, ни молиться в возведенных ради них мечетях» [4, с. 19], но и слухами в степи, что детей в училище обратят в православие и принудительно заберут на военную службу.

Обучение в училище состояло из трех двухгодичных курсов, т.е. было рассчитано на шесть лет. Учебная программа была неоправданно насыщенной и сложной. Воспитанники изучали 6 языков (русский, татарский, арабский, персидский, немецкий и французский), топографию Оренбургского края, общее правоучение, алгебру, геометрию, тригонометрию, ботанику, зоологию, минералогия, общие начала физики, рисование, черчение, полевую фортификацию, начала артиллерии, занимались «военными эскерциями» и гимнастикой. Оренбургская пограничная комиссия справедливо отмечала, что «эта разносторонность и сложность предметов ведет к ... совершенно поверхностному изучению их» [9, д. 5242, л. 19].

В 1844 г. Неплюевское военное училище было преобразовано в Неплюевский кадетский корпус с европейским и азиатским отделениями («эскадронами»). Каждое отделение было рассчитано на 100 воспитанников. Срок обучения составлял 8 лет (4 класса по 2 года в каждом). В программу, как и раньше, входили иностранные языки, но их количество резко сократилось: в европейском отделении изучали немецкий и французский, в азиатском (в котором обучались русские и «азиатцы» совместно) – арабский, персидский и татарский языки. В каждом отделении изучались математика, минералогия, ботаника, зоология, история, география, земледелие, лесоводство, чистописание и рисование, но в азиатском программа была несколько легче с учетом слабой начальной подготовки воспитанников. Кроме того, преподавались закон Божий и магометанское вероучение соответственно для европейского и азиатского отделений [1, с. 19–20].

Все воспитанники по-прежнему проходили военную подготовку, а также обучались танцам и гимнастике.

Для детей султанов, старшин и других «почетных ордынцев» выделялось 30 бесплатных мест (они финансировались за счет взимаемого с казахов билетного сбора) [8].

Важно отметить отсутствие какой-либо сегрегации. Все воспитанники – русские, татары, башкиры, казахи – вместе обучались, жили в одних и тех же спальнях, вместе обедали, вместе занимались военной подготовкой.

Питание всех воспитанников должно было не противоречить «вкусам азиатцев», то есть не нарушать религиозных запретов. Каждую неделю директор Неплюевского кадетского корпуса подавал начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса рапорт со сведениями о количестве воспитанников и «расписанием блюд для обеда и ужина». Так, в рацион воспитанников на одной из недель 1839 г. входили: супы с говядиной (каждый день – разные: из вермишели; из сорочинской крупы (риса); щи; моркови и просяной крупы и т.д.), жаркое из баранины и «к оному огурцы» все семь дней; пирожки (3 раза – из баранины, 2 раза – из капусты и яиц и 2 раза – из моркови и яиц) и различные каши [3, д. 4796, л. 10-10 об.].

В 1866 г. Неплюевский кадетский корпус был преобразован в военную гимназию, и прием детей казахов в нее был остановлен, поскольку было признано нецелесообразным давать освобожденным от воинской повинности казахам военное образование. При этом по-прежнему всячески поощрялось образование казахов в уже открытых к тому времени гражданских учебных заведениях.

Считается, что до 1866 г. закончили Неплюевский кадетский корпус 37 казахов [7, с. 121] (большая часть учащихся отсеивалась). По окончании учебного курса они имели право поступать как на гражданскую, так и на военную службу. Обычно выпускники-казахи занимали должности в Степи и в самой оренбургской администрации. Среди них – М.-С. Бабаджанов, братья Сейдалины, братья Джантюрины, М.-Г. Тяукин, которые не только стали довольно влиятельными персонами в Степи, но и занимались научной и просветительской деятельностью.

Литература

1. Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург, 1896.
2. Горбунова С.В. Причины имперской политики «исламизации» казахов //История идей и история общества: Материалы II Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2004.
3. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 6. – Оп. 10.
4. Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. – Спб., 1874.
5. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, Орд и степей. – Спб, 1832. – Ч. 2. – С. 306–307.
6. Севастьянов С.Н. Князь Г.С.Волконский как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1897. – Вып. III. – С. 16, 24.
7. Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). – Уфа, 2002.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). – Т. XIX. – № 17988.
9. Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 4. – Оп. 1.

УДК 32

Д.О. Гордиенко

г. Самара, Самарский государственный институт культуры

СЕРДЕЧНОЕ НЕСОГЛАСИЕ: АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1625–1688 гг.

Долгая история взаимоотношений между Англией и Францией, за исключением эпохи союзных отношений, начавшейся в конце XIX в., и достигшей апогея в годы Первой Мировой войны, справедливо может восприниматься как тяжелое и надрывное противостояние, в котором два государства выясняли отношения сначала в территориальном, затем геополитическом спорах. Этот путь, занимающий практически полностью всё II тысячелетие, обычно ассоциируется с двумя Столетними войнами: Столетней войной 1337–1453 гг., сутью которой была борьба Плантагенетов и Капетингов за французские владения английского королевского дома, конфликт этот логично начинать с 1066 г. и заканчивать некоторыми событиями второй половины XV в.; и так называемой Второй Столетней войной 1689–1815 гг., в которой Лондон и Париж боролись в целом за геополитические и экономические интересы в Европе и колониях, основная фаза этого противостояния завершается с удалением Наполеона I с политической сцены, но отдельные проблемы во взаимоотношениях, геополитические претензии и недоверие, сохраняются на протяжении всего XIX в., и

даже не смотря на заключенный союз – так называемую Антанту (сердечное согласие), – длится до начала Первой Мировой войны.

Между тем, в истории взаимоотношений двух великих стран Западной Европы есть достаточно длительный период, когда Лондон и Париж связывали искренние, построенные на принципе «против кого дружим», союзные отношения. Начиная с 1560-х гг. администрация Елизаветы I начинает сложное и петляющее, но сближение с Францией, ослабленной начавшимися религиозными войнами. Союз этот был направлен против засилья в Европе Австрийского Дома, и в основном, против его старшей, испанской ветви. Несмотря на многочисленные проблемы во взаимоотношениях союз этот достиг своего апогея после окончательного воцарения во Франции Генриха IV. Одним из основных союзников Лондона и Парижа на данном этапе выступали борющиеся за свою независимость Соединенные Провинции (Генеральных Штатов).

В начале XVII столетия ситуация в этом далеком от идиллии тройственном союзе начала изменяться. По мере начинающегося ослабления испанской державы и необходимости возобновления более тесных торговых отношений Лондона и Мадрида/Лиссабона, английская Корона после воцарения в 1603 г. Якова I все более склоняется к нормализации отношений с «монархией, над которой никогда не заходит Солнце».

В первой четверти столетия англичане наконец сумели встать на путь хоть какого-то поступательного развития в процессе строительства своей колониальной империи в Северной Америке (предыдущие попытки основать непрерывно существующие колониальные поселения оканчивались для англичан крахом). В связи с этим во взаимоотношениях Лондона и Парижа появляется раздражающий фактор, фоном просуществующий до самого конца периода – борьба за влияние на атлантическом побережье Северной Америки, на территориях современных северо-восточных штатов США и Канады [11, с. 457–458; 1]. Этот регион по возрастающей был для двух королевств, откровенно слабых, по сравнению с великими державами Европы (в политическом – Испанской монархии, в экономическом – Голландии) необычайно важным в перспективе. Именно отсюда в Европу начинает поступать большое количество ценных строевого леса и меха. У побережья Ньюфаундленда идет активная ловля рыбы, занимающей важное место в рационе питания европейцев позднего средневековья и раннего Нового времени. Англия и Франция в связи с делами в североамериканских колониях получают зону соприкосновения их геополитических интересов.

В это же время, особенно к концу 1620-х гг. намечается глобальное примирение и начинающееся экономическое сотрудничество между двумя вчерашними смертельными врагами, о мире между которыми никто и подумать не мог – Испания и Соединенные Провинции начинают сложный путь к миру и сотрудничеству. Первая треть XVII в. это начало взлета коммерческой мощи голландцев, превращение свободных Нидерландов в фактически первую европейскую талассократию Нового времени.

В этой ситуации все три союзника времен религиозных войн во Франции, борьбы за независимость Нидерландов и Армады 1588 г. оказываются в ситуации необходимости переоценки роли друг друга.

Между Англией и Голландией начинается с возрастающей ожесточенностью торговое соперничество [5, с. 44–48], британцы начинают активно пытаться забраться в логово и «священную корову» благополучия Соединенных Провинций – Острова Пряностей и район современной Индонезии [16, с. 7]. Эти «кавалерийские наскоки» английских купцов заканчиваются «амбойнской бойней», на которую Лондон не может адекватно ответить.

Ко временам воцарения на английском престоле второго суверена из дома Стюартов Карла I, Англия располагала количественно слабым по сравнению с голландцами военно-морским флотом и не имела сухопутной постоянной армии. Соединенные Провинции, наоборот, были страной с сильным флотом и очень большим количеством «купцов», которые могли быть мобилизованы в случае начала войны. Армия Соединенных Провинций, благодаря неусыпным заботам штатгальтеров из рода принцев Оранских, была весьма сильной в количественном отношении и считалась эталонной в качестве регулярного войска у европейских государей.

Франция, приходящая в себя после полувековой смуты религиозных войн и первых лет регентства Марии Медичи при малолетнем Людовике XIII, только к середине 1620-х гг., стараниями набирающего политический вес кардинала Ришелье, становится на путь роста своей державности, строительства и укрепления флота, равно как коммерческого, так и военного; Париж уделяет много времени созданию в королевстве более многочисленной постоянной армии. Однако, как и у ан-

гличан, французам не хватает средств для этого титанического по напряжению ресурсов строительства фискально-милитаризованного государства.

В сложившейся ситуации, несмотря на имевшее место недопонимание и раздражение, имевшее место в начале царствования Карла I, Англия и Франция осознавали сохранения своего союза, направленного по инерции на нейтрализацию испанской угрозы (уже скорее испанского фактора, но уже не угрозы) и возможного столкновения с голландцами. Последние продолжали оставаться вынужденными союзниками против общей угрозы «католической реакции», но воспринимались в Лондоне и Париже в качестве более чем потенциального коммерческого и геополитического соперника, конкурента, наличие которого спланивало две страны. Англия и Франция еще долгое время будут слабее Голландии, их состояние не позволит бросить этому «новому Карфагену» вызов. Тем более, фактором, сохранявшим мирное сосуществование треугольника Англия – Франция – Соединенные Провинции, была общеевропейская катастрофа, именуемая Тридцатилетней войной 1618–1648 гг. Тем более, что в ряде случаев, европейская историографическая традиция выводит начало длительного противостояния против Габсбургов непосредственно с начала революции в Нидерландах, удлинняя этот глобальный конфликт на пол века ровно [18, с. 566]. В ходе сложившегося противостояния Франция и Голландия выступали в рамках антигабсбургской коалиции, а Англия, заняв в целом нейтральную позицию, симпатизировала, как на уровне общественного мнения, так и правящей династии (следует вспомнить о родстве Якова I и «зимнего короля Чехии» Фридриха Пфальцского).

Открытое противостояние между Англией и Францией с Соединенными Провинциями станет целесообразным только после завершения Тридцатилетней войны и приведения армии и флота в состояние, когда они могут бросить вызов голландцам.

Новый этап в англо-французских отношениях, переживавших кризис в годы правления Якова и регентства Марии Медичи, начался в самом конце царствования Якова Стюарта. К этому времени потерпел фиаско план брака принца Уэльского Карла на одной из дочерей короля Испании Филиппа III. Король Англии благосклонно отнесся к идее женитьбы младшего сына на дочери Генриха IV Французского Генриетте-Марии. Этот план был реализован уже после смерти Якова в марте 1625 г. и воцарении Карла I. Брак в Париже по доверенности был совершен в этом же году. Тем самым молодой Стюарт показывал важность подкрепления необходимого сближения между Лондоном и Парижем. Однако, уже в следующем году, между Англией и Францией началась война.

Этот конфликт обычно связывают с романтическими любовно-авантюжными чудачествами Джорджа Вильерса, 1-го герцога Бекингема, любимца первых Стюартов, желавшего вернуться к своей любви – королеве Анне Австрийской, – на коне победителем. Однако, в реальности, подоплека этого конфликта была более приземленной и дурно пахнущей – камнем преткновения между двумя странами стали проблемы в Северной Америке и протекционизм английской Короны, пытавшейся потеснить французских рыболовов из богатых сельдью и треской районов. Англичане попытались использовать фактор «любимого мозоля» Парижа того времени – начали оказывать вооруженную помощь лидерам гугенотского сопротивления. Апогеем этого, по сути, полупиратского конфликта между английскими и бретано-нормандскими каперами, стала экспедиция английского флота на помощь осажденной войсками короля Людовика Ла-Рошели в 1627 г. В ее ходе английский десант завяз в боях за остров Рё, являвшийся по сути, ключом к обороне столицы протестантской федерации. Откровенные проблемы английских вооруженных сил вызвали ряд внешнеполитических проблем. Так, венецианский посол в Риме Анцола Контарини, в донесении от 27 ноября 1627 г., помимо прочего, отметил, что высшие чины папского двора, получая известия о неудачах Бекингема на острове Рё, начинали строить далеко идущие планы о возможности поднятия мятежа и помощи католической коалиции мятежникам в Ирландии, что, несомненно, вызовет большие трудности у англичан [12, с. 608].

Эта неудача выявила проблемы в организации действия английского королевского флота и провальность существующей в королевстве системы национальных сухопутных вооруженных сил. В Англии начался политический кризис. Корона, ко всему прочему, оказалась в глубоком финансовом кризисе и получила долг, более чем в два раза превышающий ординарный годовой доход. Однако, Карл I и его советники пошли на нормализацию отношений с Францией и определили в качестве большей угрозы Соединенные Провинции. Туманный Альбион стал пытаться усилить власть Короны, раздобыть денег и реформировать и численно увеличить военно-морской флот.

Наместник Ирландии виконт Уэнтворт принялся экспериментировать с созданием постоянной армии. Франция, наведя относительный порядок на юго-западе королевства, активизировала помощь (в основном финансовую) участникам антигабсбургского сопротивления. В сложившихся условиях разгорающегося пожара всеевропейской войны (в 1635 г. Франция вступила в активную фазу противостояния с Испанией) и надвигающихся проблем на Британских островах, для Парижа и Лондона голландцы оставались скорее другом, нежели врагом.

Именно в рамках этой линии Карл I выдал свою старшую дочь Марию за штатгальтера Вильгельма II Оранского. Корона сошла с перепутья выбора внешнеполитических приоритетов 1630-х гг. – Соединенные Провинции, определенные как конкурент, в условиях надвигавшейся (в августе 1642 г. начавшейся) гражданской смуты стали пусть и пассивным, но союзником. Более того, затем Карл I стал брать у голландцев деньги, использовавшиеся для борьбы с парламентариями [13, с. 13].

Отношения Парижа и Лондона после 1642 г. вошли в фазу надлома и неопределенности. Теоретически французы не могли идти на восприятие английской стороны в условиях политической нестабильности времен I Гражданской войны, поддержка короля была пустой тратой средств, а поддерживать парламентариев означало бы уронить авторитет и престиж законной королевской власти во Франции, где Корона в это время боролась с мятежниками. После победы парламентариев, тем более после политического успокоения в Англии, а затем и на просторах кельтских окраин, когда режим, олицетворяемый Оливером Кромвелем достаточно крепко стал на ноги, Париж, равно как и другие европейские столицы, так или иначе, начал выстаивать отношения с Лондоном как геополитическим игроком, на основе традиционной за последние более чем полвека [17, с. 90].

К этому времени окончательно оформляется общая линия восприятия голландцев *все таки противниками*, как в Париже, так и в Лондоне. Учитывая большую развитость англичан в вопросах наращивания коммерческого, морского и колониального могущества, нежели подданных юного Людовика XIV, для Англии голландцы выступали в роли врага *уже сейчас*, столкновение с которым откладывать было нельзя. К концу 1630-х гг. голландцы захватили большую часть португальской Бразилии, поставив под угрозу здесь английские интересы. Более того, активность голландских купцов в пределах английских колоний в этом районе была пугающе велика. Голландцы откровенно вытесняли англичан в торговых операциях, совершаемых на территории английских колоний этого региона [8, с. 228–229]. В годы гражданских войн, в условиях ослабления власти Лондона в английской Вест-Индии, голландцы стали опасно сильны в этих английских колониях [16, с. 13–14]. Лондон к началу 1650-х гг. получил сильную обстрелянную сухопутную армию и достаточный, что бы попытаться бросить вызов талассократии Соединенных Провинций, военноморской флот. Интересно, что при прочтении донесений венецианских дипломатов, в тм числе из Англии, то сам конфликт, как его предыстория, так и начало войны, воспринимаются сугубо как столкновение коммерческих интересов двух стран [14, с. 275–289]. Париж же оставался втянутым в серию военных конфликтов – войну с Испанией и внутреннюю смуту, что бы еще и бросаться в авантюру войны с голландцами. Тем более, что война эта была бы по преимуществу сухопутной, ибо Франция располагала в это время слабым флотом. Сильная сухопутная английская армия оберегала Туманный Альбион от идеи голландского десанта внушительной силы. В ходе I англо-голландской войны на территорию Англии высаживались лишь небольшие отряды голландцев, которые, повторяя действия французов во времена Столетней войны, лишь жгли прибрежные селения, но углублялись в глубь страны и не создавали угрозы Лондону или другим крупным портам, арсеналам и прочим важным стратегическим местам в Трех королевствах. В целом в первую войну идея голландского десанта не была кошмаром для англичан, в отличии от второй и третьей войн.

Для Парижа схватка англичан и голландцев была привлекательна не только как помощь Лондона в дело большой геополитики, в которой Голландия – укрепляющая свой пока еще экономический (но затем и политический) союз с Испанией, подпитывала Мадрид в продолжающейся изнурительной войной с Францией, – Лондон ослаблял Нидерланды и как конкурента начавшего свой разбег французского меркантилизма, который начав пробу впервые при Ришелье, вторично проявил себя при великом Кольбере. По мнению ряда специалистов, именно стремление французов потеснить голландцев в акватории Индийского океана и способствовало принятию решения о вступлении в войну [7, с. 538]. Для Парижа Лондон ослаблял голландцев, создавал нишу, которую частично могли попытаться заполнить собой французские купцы. Но не стоит воспринимать дей-

ствия французской дипломатии однозначно поддерживающей только одного из двух партнеров по геополитической игре – во время II англо-голландской войны Людовик XIV выступил на стороне Голландии против Англии; однако войска короля, чье Солнце уже начало восходить, большие усилия проявили на сухопутном театре боевых действий, замиряя епископа Мюнстерского, то есть проявляя аппетиты французского королевства в пограничных, важных для Парижа территориях, предвосхищая тем самым действия Тюренна в 1670-х гг. и сожжение Палатината позднее. Так же следует учитывать, что заметное усиление англичан в Северной Америке, в которой голландский Новый Амстердам стал английским Новым Йорком, учитывая существующее вне европейских *особых взаимоотношений* Парижа и Лондона, не могло не волновать администрацию Людовика XIV. Чрезмерное склонение чаши весов в пользу Англии было не выгодно Франции. Так же и однозначно Париж не был готов сразу порвать с голландцами – пока была хоть какая то возможность оттянуть эту войну, к которой Людовик был не готов, его дипломатия старалась усидеть на двух стульях – остаться союзником протестантских Нидерландов и не начать *всерьез* воевать с Англией [2, с. 150–151].

Однако, события приведшие к III англо-голландской войне, отводили в расчетах и Парижа, и Лондона, однозначно союзные роли. Возможное чрезмерное ослабление Англии в предыдущей войне ставило Францию в условия войны один на один с Соединенными Провинциями. Данное обстоятельство могло привести к возрастанию для Франции потерь как материальных, так и людских; Париж стремился разделить риски потерь со своим английским союзником. Однако и Лондон, отчетливо осознавая ситуацию, учтя опыт предыдущей войны, в некотором роде порожденной эйфорией от побед середины 1650-х гг., рад был заполучить мощного союзника на континенте. Действительно, если при разборе событий III войны, абстрагироваться от истории боев на море, где у союзников возникали серьезные неприятности [6, с. 230–278], то именно на континенте голландцы были вынуждены столкнуться со всей мощью «гиганта великого века» – сухопутной армии Людовика XIV, ведомой великими полководцами «века минувшего и грядущего»: еще Конде и Тюренн и, уже, герцог Люксембургский, Буффлер и прочие [15]. По сути, Лондон переложил на Людовика чуть ли не основную тяжесть по разгрому голландцев. Именно действия армий Людовика приведут к коллапсу отлаженного хозяйства Соединенных Провинций (открытие шлюзов). В сухопутной войне Карл II ограничился посылкой крайне незначительного контингента, который французы из вежливости уважали (герцог Монмут, бастард Карла и правнук Генриха IV Французского, получал, иногда, на день командование французскими войсками при осаде Маастрихта летом 1673 г.). Это при том, что в самой Англии, как и в предыдущей войне, ввиду возможного голландского десанта, производились значительные военные приготовления и резко увеличивалась (на военное время) армия.

Англия вышла из войны в 1674 г., предоставив Парижу честь еще четыре года воевать с Голландией, то есть ослаблять могущество Соединенных провинций чужими руками. Несмотря на это, в какой то степени, предательство, для дипломатии Людовика XIV, в условиях набирающих обороты попыток реализации того, что впоследствии назовут «естественными границами», становится жизненно важным или удержать Англию в качестве союзника, или (что то же не мало важно) удержать от открытого выступления против Парижа вместе с противниками гегемонистских планов Версаля. Со второй половины 1670-х гг. английская внешняя политика с виртуозным мастерством реализует аморальный и действенный план Карла II: декларация Людовику XIV тайного союза с Францией, подтверждения взятых ранее обязательств Дуврского секретного договора (в том числе и по обращению Альбиона в католичество) и, в то же время, поиска и, в какой то степени, сколачивания антифранцузской коалиции. и все это в условиях продолжающегося усиления экономической мощи той страны, которую через тридцать лет официально назовут Великобританией [10, с. 2].

Складывалась парадоксальная ситуация – Карл II брал от Людовика XIV и тратил их, в первую очередь, на усиление английского государства, в том числе военно-морского флота. В Версале многие нюансы этой игры во многом воспринимали правильно, но велика была вера в то, что подобными действиями удастся если не удержать вовсе, то хотя бы отсрочить вступление англичан в активную антифранцузскую коалицию.

Если англо-французские отношения при Первых Стюартах еще пытаются анализировать (и оценивать) исходя из логики событий еще второй половины XVI – первой трети XVII вв. и многое в них выглядит логичным, то в ситуации с событиями после весны 1660 г. акцент в понимании

сути происходящего смещается к вульгарной цветовой гамме домино – черное и белое. Если англо-голландские войны так же еще хоть как то можно объяснить с позиции геополитического сближения Лондона и Парижа, то по остальным вопросам как в царствование Карла II, так и его брата Якова, позиция в традиционной западной историографии, так и в советской (или русской либеральной дореволюционного периода) откровенно упрощена. Так, продажа Карлом английского анклава Дюнкерк французам представлена банальной нехваткой денег продажным королем и его двором, отдающим за гроши врагу «пистолет, нацеленный в грудь Франции». Но проблема в том, что к 1662 г. Стюарты не располагали действенной и многочисленной сухопутной армией, чтоб удержать город в том случае, если французы захотят его отнять силой. К тому же, в этот год начинается танжерская эпопея британской Короны в Северной Африке – Танжер расположенный на пересечении старых караванных путей на континенте и ставший еще в конце XV в. важной морской базой на пути океанских караванов, был более важен для англичан, более обещающим геополитические дивиденды. Не случайно, что обретение англичанами Танжера так взбесило голландцев [3, с. 226]. И дело тут вовсе не в «любовных интригах» Карла II, который «человек тщеславный, погрязший в любовных интригах», и к тому же еще и «не понимал реального положения...» [2, с. 146–147]. Не понимающий реального положения вещей Карл, в ситуации раннего Танжера, убалтывая Париж идеей ослабления Испании через помощь еще борющейся за независимость Португалией, умудрился отправить в Португалию 4 тыс. контингент из, по большей части, англичан (многие распущенные недавно солдаты-республиканцы), оплачивая их кровь французскими деньгами – 200 тыс. фунтов, но в счет этих войск и получив Танжер и Бомбей [2, с. 139].

Яков II, сменивший своего старшего брата на престоле в феврале 1685 г., в целом продолжил курс своего предшественника. Однако, новый король оказался в какой то степени в положении, в котором был его отец к концу тридцатых годов в отношениях с Соединенными Провинциями: Франция, в свете развивающегося геополитического противостояния, скорее уже враг, чем друг, но внутренняя ситуация в Англии такова, что вынуждает Корону не выступать активно против Парижа; более того, Яков вынужден просить у своего двоюродного брата Людовика денег на покрытие некоторых расходов. По иронии, последние, шли, в том числе на содержание увеличивающейся регулярной армии – той армии, большая часть которой после Славной революции поддерживает Вильгельма III, а затем сойдется с французами в бою на равнинах Фландрии. Даже такой консервативно настроенный по отношению к Поздним Стюартам специалист как Ю.В. Борисов отмечает: «Золотой поток не иссякал. А серьезных преимуществ французская дипломатия не получала» [2, с. 103]. Правда суммы, приведенные мэтром отечественной дипломатии, красивы и впечатляющи в ливрах, но более скромны в пересчете на фунты стерлингов. А главное – виноваты в провалах французской дипломатии не только парламент и протестантское большинство – сами суверены, в первую очередь Карл II и не собирались реально действовать в ущерб национальным интересам!

Англо-французские взаимоотношения XVII столетия, в период между 1625 и 1688 гг. развивались в рамках жесткого учета национальных интересов. В первую очередь этот тезис стоит отнести к механизмам принятия решений по формированию внешнеполитического курса для Лондона, ибо в случае с Англией, как в англоязычной (начиная еще со времен Стюартов), так и в отечественной, русской и советской традиции, именно в этот период сложились многочисленные стереотипы о предательском курсе Лондона, ведущего свою внешнюю политику в угоду Парижу [4, с. 277]. До самого конца столетия, пока Англия не сумела развить до определенных пределов свой уровень экономического развития, создать хоть в какой то мере отвечающие современным требованиям фискальный аппарат, развить до должного уровня национальный военно-морской флот и создать действенную регулярную армию, страна не могла идти на открытое противостояние с Францией, тем более Францией Людовика XIV, находившейся в положении ведущей европейской державы. Так же стоит учитывать, что до определенного момента, внешнеполитические интересы Англии и Франции соприкасались в негативном восприятии в качестве врага сначала Испании, затем Соединенные Провинции. Ко временам позднего Карла II Англия стала осторожно отходить от союза с Францией, откровенно шантажируя своей позицией по отношению к Парижу. Во многом именно такую линию внешнеполитических отношений продолжил Яков II, которого проблемы внутривластные, в виде катастрофы осени 1688 г., вынудили стать, по сути, французской марионеткой, средством ослабления антифранцузского альянса в условиях Войны аугсбургской

лиги. Англия и Франция вышли на уровень открытой и не завуалированной условностями схватки за господство в проблемных вопросах, продлившейся до разгрома Наполеона в 1815 г. [9].

Литература

1. Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. – 567 с.
2. Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. – М.: ООО «Центр Образовательной Литературы», 2002. – 384 с.
3. Гордиенко Д.О. Португальский брак Карла II Стюарта: «Второе дыхание» старой колониальной империи // Время, событие. исторический опыт в дискурсе современного историка: XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. 15–17 апреля 2009 г. Ч. 1. – Н. Новгород: НГПУ, 2009. – 312 с. – С. 225–230.
4. История дипломатии: в 5 т. Т. I. – М.: Государственное Издательство политической литературы, 1959. – 899 с.
5. Киселев А.А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 332 с.
6. Созаев Э.Б., Махов С.П. Схватка двух львов. Англо-голландские войны XVII века. – М.: Вече, 2011. – 384 с.
7. Ames G.J. Colbert's Indian Ocean Strategy of 1664-1674: A Reappraisal // French Historical Studies. – Vol. 16. – No. 3 (Spring, 1990). – P. 536–559.
8. Beer G.L. The origins of the British colonial system, 1578–1660. – N.Y.: Macmillan, 1908. – 460 p.
9. Black J. European Warfare in a Global Context, 1660–1815. – L., N.Y.: Routledge 2007. – 240 p.
10. Black J. Trade, Empire and British Foreign Policy, 1689–1815: Politics of a Commercial State. – L., N.Y.: Routledge 2007. – 232 p.
11. Boshier J.F. Success and Failure in Trade to New France, 1660–1760 // French Historical Studies. – Vol. 15. – No. 3 (Spring, 1988). – P. 444–461.
12. Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice: in 38 vols. – L., 1864–1947. – Vol. XX. – L.: Institute of Historical Research, 1914. – 776 p.
13. Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice: in 38 vols. – L., 1864–1947. – Vol. XXVI. L.: Institute of Historical Research, 1925. – 389 p.
14. Calendar of State Papers Relating to English Affairs in the Archives of Venice: in 38 vols. – L., 1864–1947. – Vol. XXVIII. – L.: Institute of Historical Research, 1927. – 407 p.
15. Ekberg C.J. From Dutch to European War: Louis XIV and Louvois Are Tested // French Historical Studies. – Vol. 8. – No. 3 (Spring, 1974). – P. 393–408.
16. Lloyd T. Empire: A History of the British Empire. – L., N.Y.: Hambleton and London, 2009. – 267 p.
17. McNally M. Ireland 1649-1652: Cromwell's Protestant Crusade. – Oxford: Osprey Publishing, – 2009. – 97 p.
18. Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire: in 2 vols. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – Vol. I. – Maximilian I to the Peace of Westphalia, 1490–1648. – 772 p.

УДК 9(44)

Л.В. Гришакова, А.С. Мокринских

г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

ЖАН ПОЛЬ МАРАТ – ТЕОРЕТИК «НЕПРЕРЫВНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ

«Ни одно имя не вызывало столь ожесточенных споров современников, не порождало у них столь противоречивых чувств – любви и уважения у одних, и жгучей ненависти у других» как имя Жан Поля Марата [8, с. 7].

Ж.-П. Марат – врач и физик, публицист и революционер. С начала Французской революции он активно включается в борьбу и воздействует на общественное сознание силой пера. С сентября 1789 г. он издает газету «Друг народа», в 1792 г. после провозглашения республики она получила название «Газета Французской республики». «Ежедневная газета, в которой будет содержаться призыв законодателя к началам, в которой будет срываться маска с плутов, вероломных предателей, изменников, в которой будут разоблачаться все заговоры, в которой будут разрушаться все ловушки, в которой при приближении опасности будут бить в набат» [13, с. 190]. Именно в таких выражениях и определил Марат ту цель, которую он поставил перед «Другом народа».

Свою задачу в этот период Марат видит в том, чтобы пробудить сознание народа, вдохнуть в него веру в свои силы и поднять его на борьбу: «Несчастный народ!.. Оплакивай же, оплакивай свою несчастную судьбу: ты вполне заслужишь весь её ужас, если окажешься настолько трусливым, что не сумеешь прибегнуть к имеющемуся у тебя средству спасения – оно в твоих руках!» [9, с. 84].

Отечественная историография богата работами посвященными вождю Великой Французской революции конца XVIII в. В них Ж.-П. Марат больше рассматривается как практик революции. Меньше внимания историки уделяли ему как теоретику революционной борьбы.

Взгляды и тактика Марата высоко оценивались основателями марксизма. Так, Ф. Энгельс в статье «Маркс и «Новая Рейнская Газета» (1848–1849 гг.)» писал: «...Мы во многих отношениях бес- сознательно подражали великому образцу подлинного... «друга народа»..., подобно нам, он не считал революцию завершённой, а хотел, чтобы она была объявлена непрерывной» [11, с. 317].

Основным теоретическим наследием Ж.-П. Марата, где он обосновывает необходимость революционной борьбы, являются «Цепи рабства», памфлеты и его статьи в газете «Друг народа» (позже «Газета Французской республики»). До революции, в работах «Цепи рабства» (1774 г.) и «План уголовного законодательства» (1780 г.), он провел глубокий анализ корней социального неравенства. «Кажется, таков уже неизбежный удел человека – нигде и никогда не сохранять своей свободы: повсюду государи идут к деспотизму, народы же – к рабству», «Государи продвигаются к деспотизму различными путями [8, с. 75]. Чтобы поработить народы, они стараются разорить своих богатых и развращенных подданных, так же как они раньше старались обогатить бедных и неиспорченных; таким образом, привив им потребность к роскоши, государи затем лишают их средств удовлетворить ее» [8, с. 167]. За пятнадцать лет до начала Французской революции, в «Цепях рабства» Марат изложил теорию восстания.

«Единственной законной целью всякой политической ассоциации является всеобщее счастье» [9, с. 24]. Чтобы его достичь необходимо свергнуть деспотизм. Угнетаемые должны подняться на вооруженную борьбу против угнетателей. Для Марата сопротивление угнетению – это обязанность, долг, право народа, единственное средство его спасения. Причем борьба должна носить именно вооруженный характер. Чтобы восстание (революция) было успешным, оно должно стать всеобщим.

В связи с этим ключевые задачи революции Марат видел в установлении политического равенства и улучшения материального благосостояния населения Франции. Здесь он имел в виду улучшение благосостояние той части нации, которая и совершает революцию. Движущими силами революции считал «только низшие классы общества: рабочих, ремесленников, мелких торговцев, плебс, неимущих» [10, 82]. «Неверно, что вся нация в целом выступила против деспотизма, ибо он по-прежнему окружен своими приспешниками – дворянством, духовенством, судьями в мантии, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами и их ставленниками» [10, с. 82].

В основе политической системы Марата лежит положение, которое играет роль ядра – способствовать всей массе народа, «единственной, подлинно любящей свободу», участвовать в политической жизни [13, с. 199].

Лучшей формой политического режима, по мнению Марата, является демократия. Однако установить прямое демократическое правление в таком большом государстве как Франция невозможно. Поэтому Марат не был республиканцем. Он был сторонником не прямой (представительной) демократии. Наиболее приемлемой формой государственной власти считал демократическую конституционную монархию, где король был бы первым исполнителем законов. Стремился к всемерному ограничению прав монарха и исполнительной власти. «Права граждан во сто крат более священны, чем права короны» [9, с. 35].

Марат пессимистичен, по его мнению, представители народа попытаются создать для него новые оковы. В связи с этим он предлагает поставить депутатов под контроль суверенного народа: за ним останется право отзыва депутатов и право решения важных вопросов через всенародное голосование (референдум). Таким образом он пытается сгладить недостатки представительной демократии, как можно больше приблизить ее к прямой демократии.

В августе 1792 года Марат был избран депутатом в Конвент от Парижа. В статье «Новый путь автора» Марат заявлял «... Если я принял место депутата в Национальном Конвенте, то только в надежде лучше служить этим отечеству... Мое единственное честолюбие – помогать спасению народа; если он будет свободен и счастлив – осуществляться все мои желания» [10, с. 148]. И сразу же начинает войну против контрреволюционных сил. Он считал, что низвергнув монархию и аристократию, революция еще не завершила свой путь. «Деспотизм разрушен, королевская власть упразднена, но их приспешники не уничтожены: интриганы, честолюбцы, изменники, заговорщики продолжают строить козни против отечества, свобода имеет еще полчища врагов. Чтобы победить их, нужно раскрыть их планы, обнаружить их заговоры, помешать их интригам; нужно их разоблачить и наказать в наших лагерях, наших секциях, наших муниципалитетах, наших директориях, наших судах, в самом Национальном конвенте» [10, с. 148]. В сложных условиях для спасения Франции Марат 26 августа 1792 г. в памфлете «Марат, Друг народа, – славным парижанам»

требует создать временную высшую исполнительную власть из трех человек – триумвират [10, с. 120].

Уже упомянутое высказывание Ф. Энгельса о том, что Марат «хотел, чтобы она [революция] была объявлена непрерывной», раскрывает позиции Друга народа как теоретика революции. Для Марата стабилизация является возвратом к «деспотизму» в другом виде. Его историческая заслуга состоит в том, что он изо всех сил пытался ускорить развитие революции, став теоретиком «бешенных толчков» [13, с. 201].

Законность восстания была провозглашена в «Цепях рабства» вместе с апологией «огней возмущения», из которых появляется свобода; а сама Революция убедила Марата, что «политическая машина когда-либо возвышается лишь благодаря бешеным толчкам»: «Перестаньте же напрасно терять время на обдумывание средств обороны: у вас остается только одно из них – именно то, которое я рекомендовал уже столько раз: всеобщее восстание и народная расправа» [9, с. 235].

Марат оказался намного дальновидней всех близких к нему деятелей Революции (Дантона, Робеспьера и т.д.). Он проповедовал средства бешеной борьбы, которые Революция была вынуждена применить для своей защиты в последующие годы. «Революционным целям – и средства революционные...» [13, с. 202]. Марат пишет о революционном насилии: «Не бойтесь этого слова, только силой можно прийти к торжеству свободы и обеспечить общественное спасение» [13, с. 203]. Он оправдывает систему террора. Но террор должен быть ответным огнем, которым обязана обзавестись Революция, чтобы не погибнуть самой. Это устрашение необходимо, чтобы не проливать «потоки крови», Марат предлагает «пролить несколько капель». Марат пояснял: «Никто не питает большего омерзения к пролитию крови, чем я, но чтобы помешать пролитию потоков, я настаиваю на пролитии нескольких ее капель». По его убеждению «деспотизм свободы» покончит силой с деспотизмом королей и «несколько своевременно отрубленных голов надолго сдержит врагов общества и на целые столетия избавит великую нацию от бедствий нищеты и ужасов войны» [9, с. 132].

На предмет роли и организации революционных масс, Марат наивно верит в начале Революции в спонтанность масс. Но впоследствии, он выдвигал тезис о том, что некоторые клубы (Клуб Кордельеров, Клуб Якобинцев) должны организовывать массы и вести их к дальнейшему развитию Революции. Затем он предлагает создать централизованную организацию, ведущую Революцию к своему пику, – «Общество поборников закона». Целью этого общества он определяет, как способ «...добиваться неуклонной кары за те преступления, которые угрожают общественной или личной безопасности и свободе и которые угрожают благоденствию народа» [9, с. 239]. Это прообраз будущего Комитета общественной безопасности.

Последним этапом революции, в понимании Марата, является диктатура. На некоторое время, диктатор (или диктаторы – «триумвират») сосредотачивает в своих руках всю полноту власти для «наказания дурных граждан» [10, с. 120]. Для французов, по мнению Марата недостает зрелости, а также настоящего веса, поэтому явится диктатор, который решит назревшие проблемы, а затем вернет власть в руки суверена-народа.

Эта теория заложила основы будущего понимания марксистского понятия о классовой диктатуре.

Марат был мастером революционной тактики. Значение и сила его выступлений заключалась в том, что он ясно и четко определял основные вопросы, за решение которых необходимо было бороться в интересах революции. Глубоко понимая задачи революции, Марат в «Цепях...» и «Друге...» пытался пробудить среди широких слоев революционное самосознание.

Марат указывал, что только путем массового восстания народ сможет добиться удовлетворения своих экономических и социально-политических надежд. Борьба против властей, которые не защищают интересы нации – неотъемлемое право, обязанность и долг народа.

Считая, что только массовое вооруженное восстание может привести к победе революции, Марат на всем протяжении своего творчества уделял много внимания вопросам подготовки и организации такого восстания. Он неоднократно писал, что для успешного развития восстания необходимо, чтобы оно было всеобщим, согласованным, решительным, целеустремленным. Главное – действовать решительно и без колебаний. В этом залог успеха восстания.

Таким образом, еще задолго до начала Революции во Франции Марат в «Цепях рабства» разработал теорию вооруженного восстания. Бился в непрекращающемся сражении с врагами в качестве Друга народа, указывая путь, по которому необходимо было идти. Безостановочно призывал

массы к усилению сопротивления, обогатил практическим опытом теорию революционной борьбы. Марат говорил о себе: «Я часовой свободы», «Я око народа». Именно так можно определить его место в истории.

Литература

1. Валовой Д., Валовая М., Лапшина Г. Дерзновение. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С. 60–78.
2. Далин В.М. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах // Вопросы истории. – 1956. – № 9. – С. 45–58.
3. Левандовский А. П. Сердце моего Марата: Повесть о Жане Поле Марате. – М.: Политиздат, 1975. – 478 с. – (Пламенные революционеры).
4. Манфред А.З. Марат. – М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ). 1962. – 352 с.
5. Манфред А.З. Жан Поль Марат и его произведения / Манфред А.З. Великая французская революция. – М.: Наука. 1983. – С. 231–279.
6. Марат Ж.П. Памфлеты / Под ред. со вступит. статьей и коммент. Ц. Фридлянда. – М.-Л.: Academia, 1934. – 856 с.
7. Марат Ж.П. Памфлеты / Под общ. ред. Ф. Кон. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 135 с.
8. Марат Ж.П. Избранные произведения. Т. 1 / [Отв. ред. акад. В. П. Волгин]. Сост.: Акад. В.П. Волгин и А.З. Манфред. Пер. С.Б. Кана. Вступ. статья А.З. Манфреда. Коммент. В.М. Далина. – М.: Академия наук СССР, 1956 – 360 с.
9. Марат Ж.П. Избранные произведения. Т. 2 / [Отв. ред. акад. В.П. Волгин]. Сост.: Акад. В.П. Волгин и А.З. Манфред. Пер. С.Б. Кана. Вступ. статья А.З. Манфреда. Коммент. В.М. Далина. – М.: Академия наук СССР, 1956 – 316 с.
10. Марат Ж.П. Избранные произведения. Т. 3 / [Отв. ред. акад. В.П. Волгин]. Сост.: Акад. В.П. Волгин и А.З. Манфред. Пер. С.Б. Кана. Вступ. статья А.З. Манфреда. Коммент. В.М. Далина. – М.: Академия наук СССР, 1956 – 420 с.
11. Маркс К., Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 2. – М.: Издательство политической литературы, 1952 – 607 с.
12. Молчанов Н. Монтаньяры. – М.: «Молодая гвардия» (ЖЗЛ), 1989 – 560 с.
13. Постигание французской революции (Историко-политологическое исследование). Сборник. Пер. авт. вст. ст., прим. Вышинский Н.В. / Под ред. Андерсона К.М. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 336 с.
14. Серебрянская Е.З. Марат и его революционная публицистика // Вопросы истории. – 1958. – № 10. – С. 187–195.
15. Солтановская Т.Г. Тактика Ж.-П. Марата в период деятельности Законодательного собрания и борьба народных масс за свержение монархии // Французский ежегодник 1959. – М.: Наука, 1960. – С. 121–155.

УДК 93/94

М.А. Гусева

г. Иваново, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. академика Д. К. Беляева

ОТНОШЕНИЯ ГОРОДА И УНИВЕРСИТЕТА КЕМБРИДЖА В XIII–XIV ВЕКАХ (к вопросу о разделении властных полномочий)

Университет Кембриджа, возникнув внутри города, вынужден был выстраивать отношения с окружающей его городской средой, муниципальными властями. Важным аспектом данных отношений было разделение властных полномочий между сторонами. Интересно представляется рассмотреть данную проблему на примере XIII–XIV веков – времени становления отношений города и университета Кембриджа.

Отдельно отметим, что в отечественной медиевистике история Кембриджа и его университета является еще малоизученной [1, с. 159–160]. В основном в центре внимания исследователей находилась деятельность университетских гуманистов, в меньшей степени рассматривались вопросы становления университета, его отношений с церковью, судьбы выпускников. При этом практически неизученной остается проблема отношений муниципальных властей Кембриджа и университета, разграничения их властных полномочий [3].

В англоязычной историографии различные стороны жизни Кембриджского университета исследованы более полно [1, с. 160]. Однако вопрос о взаимоотношениях города и его «ученого сообщества» рассматривался лишь в рамках общих изысканий, посвященных жизни средневековых университетов Англии [4, с. 6, 7]. В центре внимания зарубежных исследователей в большей степени находились вопросы истории отдельных университетских колледжей, особенностей преподавания дисциплин, отношений университета и церкви, повседневной жизни студентов. Таким образом, проблема разграничения властных полномочий города и университета Кембриджа остается еще недостаточно исследованной как в отечественной медиевистике, так и в зарубежной. Все это делает данный вопрос актуальным для нашего рассмотрения.

Известно, что в 1231 году «ученое сообщество» Кембриджа получило свое официальное признание. Эта дата и стала отправной точкой для построения своей системы отношений между городом и университетом, решения общих проблем.

В частности, одним из первостепенных вопросов для обеих сторон была необходимость осуществления контроля над приезжими в Кембридже, проживанием школяров на городских квартирах. Известно, что первоначально университет не имел своих помещений, школяры арендовали жилье у горожан. Пользуясь этим, местные жители нередко завышали арендную плату. Это вызывало конфликты. Поэтому уже в первом своем официальном послании университету Генрих III указал, что рента за проживание школяров в городских квартирах не должна повышаться в течение всего срока найма [5, с. 41]. Ее собирала коллегия из двух университетских магистров и двух горожан. При этом каждый школяр Кембриджа должен быть прикреплен к «своему магистру». Шерифу города совместно с канцлером университета предписывалось наказывать «дерзких и заносчивых» школяров.

Муниципальная хартия 1268 года требовала избрать в каждом городском приходе двух уважаемых местных жителей, которые раз в две недели совершали обход «своей» территории и выявляли подозрительных людей. Если же иногородний проводил в Кембридже более трех ночей, то данные выборные лица обязаны были выяснить причины, побудившие его задержаться в городе [5, с. 51].

Следующим шагом в решении данной проблемы стало соглашение муниципалитета и университета от 1270 года [5, с. 52–53]. Оно вводило принцип личной ответственности владельцев сдаваемых квартир за «своих» постояльцев, привлекало к решению проблемы обе стороны. Так, с этого года в Кембридже стала действовать коллегия, в которую входили как представители города, так и университета [4, с. 263–264]. От города 10 человек (семеро горожан и трое жителей окрестностей); от университета – пятеро школяров-англичан, трое родом из Шотландии, двое из Уэльса, трое из Ирландии. В обязанности коллегии входило рассмотрение конфликтных ситуаций между горожанами и школярами. Помимо этого, в каждом городском доме, где проживали школяры, университетские власти назначали принципалов (старших). Указанные лица отвечали за спокойствие в доме. Любые нарушения вышеназванных предписаний и спокойствия в Кембридже карались довольно жестко, вплоть до изгнания из города или исключения из университета.

Конечно, вышеназванные меры не решили всей проблемы, однако способствовали налаживанию определенных отношений между магистратом и университетом. К тому же число домов в городе, принадлежащих университету Кембриджа, росло, что делало вопрос проживания школяров на городских квартирах менее острым [5, с. 78, 81, 89].

Другой значимой проблемой в отношениях города и «ученого сообщества» был вопрос поддержания правопорядка в Кембридже. Обе стороны упрекали друг друга в лояльности по отношению к «своим» правонарушителям. В анналах Кембриджа мы находим многочисленные жалобы университета о пренебрежении городскими бейлифами своими обязанностями. В ответ на данные послания Генрих III в своем письме указал, что школяры и клирики могут быть заключены в тюрьму города не только по решению муниципальных властей, но и по первому требованию канцлера университета. Подобные распоряжения короля относятся к 1242, 1255 и 1269 годам [5, с. 44, 46, 52].

Требования незамедлительного ареста любых правонарушителей, будь то клирик, школяр или горожанин, содержала и хартия Кембриджа 1268 года [5, с. 50]. Так, если проступок совершал клирик или школяр, то они подвергались аресту и содержались в муниципальной тюрьме. Однако их преступления разбирал не городской суд, а канцлер университета. Таким образом, данная категория правонарушителей оказывалась неподсудной для муниципальных властей, что, безусловно, усложняло поддержание порядка в городе. С 1353 года канцлеру университета было дано право самостоятельно разрешать вопросы, связанные с проступками переплетчиков, переписчиков и торговцев канцелярскими товарами. Исключением являлись уголовные преступления [5, с. 103–104].

Важный аспект отношений города и университета – это контроль над местными ярмарками, сбором акцизов и штрафов. Очевидно, что столь «доходные» привилегии привлекали внимание обеих сторон. Первоначально город пользовался данными привилегиями единовластно. Однако вскоре университет стал его конкурентом, чему немало способствовало крупное столкновение горожан и студентов в 1381 году. Данный конфликт был одним из череды волнений, охвативших большую часть Англии и известных как восстание Уота Тайлера.

Волнения в Кембридже вспыхнули 15 июня 1381 года, когда горожане разгромили и разграбили ряд церковных зданий, домов клириков и университетского руководства [2, с. 240–249]. Столк-

новения горожан, школяров, клириков продолжались несколько дней и имели большие последствия для города. Так, по результатам разбирательств Кембридж был лишен права самоуправления и всех привилегий [5, с. 122–123]. Только год спустя он получил монаршее прощение и вернул свои свободы, но уже в урезанном виде [5, с. 124–125]. Кембридж потерял экономически важную для себя привилегию – контроль над ценами и качеством товаров на местном рынке, ярмарке Стербридж, а также возможность судопроизводства по различным нарушениям на рынке и ярмарке. Заметим, что еще в 1378 году король разрешил канцлеру университета, в случае попустительского поведения городских властей, самостоятельно рассматривать вопросы о нарушениях правил торговли на местном рынке [5, с. 116–117].

Однако город не собирался сдаваться. И в 1384 году вновь поднял вопрос о принадлежности права взимания платы с сыпучих продуктов, продаваемых в Кембридже и его округе, права сборов акцизов на рынке Стербридж [5, с. 128]. Обе стороны, магистрат и университет, утверждали, что данные привилегии принадлежат именно им. Однако король, после консультаций с Парламентом, оставил указанные права за университетом. А городу направил письмо с требованием соблюдения всех экономических и юридических свобод университета. Штраф за нарушение предписания составил 100 фунтов [5, с. 129].

На следующий год город пережил два крупных пожара, которые уничтожили большую часть Кембриджа. Многие его жители потеряли все и нуждались в помощи. В этой связи корпорация Кембриджа обратилась к своему сеньору-королю с просьбой освободить ее от уплаты фирмы и других платежей, отдельно оговорив возможность вернуть городу некоторые привилегии, переданные ранее университету. В ответ на это обращение Ричард II разрешил корпорации Кембриджа использовать все королевские сборы по своему усмотрению, но отказал в возврате привилегий [5, с. 129–130]. Следующее королевское послание подтвердило все свободы университета.

Итак, как мы видим, отношения города и университета в XIII–XIV веках проходили период своего становления. При этом оба сообщества стремились сохранить и приумножить свои свободы, привилегии. Однако постепенно «ученое сообщество» Кембриджа стало завоевывать все большие привилегии. Город же был вынужден на какое-то время уступить.

Литература

1. Евсеев В.А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. – Иваново, 2010. 228 с.
2. Кирилловой А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV вв. // Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV–XV вв. – М., 1969. – С. 240–249.
3. Лычагин А.В. Эволюция взаимоотношений английских университетов с церковью, государством и городской средой в XII – первой половине XV вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2001. – 34 с.
4. Cobban A.B. The Medieval English Universities: Oxford and Cambridge to c. 1500. – Los Angeles, 1988. – 465 p.
5. Cooper Ch. H. Annals of Cambridge. Cambridge, 1842. 500 p. Vol. I.
6. Platt C. The English Medieval Town. London, 1976. 219 p.
7. Rashdall H. The University of Europe in the Middle Ages. Cambridge, 2010. 832 p. Vol. II. Part. II.

УДК 82

Н.И. Девятайкина

г. Саратов, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

ТЕМА СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЫ-ФОРТУНЫ В ТРАКТАТЕ ПЕТРАРКИ («О средствах против превратностей судьбы»)¹

Тема судьбы из числа вечно актуальных для общества, мира ученых, отдельного человека. Каждый век ищет ей свои трактовки. В эпоху Ренессанса тему «открыл» итальянский поэт и мыслитель Франческо Петрарка (1304–1374). В названии его самого большого латинского трактата «De remediis utriusque fortuna» ключевое слово – судьба / фортуна.

Исследователи не обходили вниманием это сочинение, но долгое время не относили его к числу ключевых для понимания позиции ренессансного гуманиста [1]. Ситуация начала меняться, когда вышел в свет не один десяток монографий, авторы которых использовали подходы культурной антропологии, герменевтические и иные современные методы осмысления текста и породившей его эпохи. Значимые научные материалы дали прошедшие по всей Европе симпозиумы, кон-

¹ Статья написана при финансовом содействии РГНФ Пр. 14-01-00509.

ференции, выставки, в связи с 700-летием Петрарки, особенно посвященные его латинскому творчеству [2]. В России на юбилей Петрарки первым откликнулся «Диалог со временем», в котором в 2004 г. были опубликованы материалы о Петрарке (в том числе – итальянских авторов) [12], статья о трактате [10] и переводы некоторых его диалогов [11].

Самым большим событием, связанным с трактатом, стала его билингвальная публикация во Франции [8]. В статьях и материалах первого десятилетия нового века трактат чаще всего фигурирует среди других латинских трудов Петрарки. В. Пакка обратил внимание на особое место и одновременно концептуальную неизученность проблемы фортуны у гуманиста и путей ее обогащения в сочинении [5]. Значительное внимание трактату при исследовании его политической позиции уделил Дж. Ферру [3], а при определении степени влияния на сочинения заальпийских гуманистов – П. Лурден [4]. Первенство Петрарки как зачинателя диалога подчеркивает Дж.М. Ансельми [1]. Однако оценки трактата остаются противоположными: от традиционной характеристики как наиболее средневекового [7, с. 1252–1256] до признания его первостепенной важности для понимания гуманистической концепции мира и человека. Иными словами, текст продолжает притягивать к себе взоры исследователей и переводчиков, которые констатируют далекую от исчерпания и всестороннего исследования научную ситуацию [9]. В особой степени это можно отнести к двум предисловиям сочинения, первое из которых стало предметом исследования в данной статье.

В статье предпринята попытка выявить, насколько предисловие содержит хотя бы контуры авторской концепции судьбы, а главное – в чем суть советов читателю по поводу того, как он должен действовать перед лицом счастливой судьбы и почему надо с ней «бороться».

Первый посыл, связанный с фортуной, звучит так: «Когда я думаю о делах и судьбах людей (*Cum res fortunisque hominum cogito*) и о внезапных рискованных поворотах событий, то не нахожу ничего более хрупкого и более беспокойного, чем жизнь смертных» (здесь и далее большие пассажи приводятся в переводе Л.М. Лукьяновой) [6, с. 1]. Итак, понятие появляется в первой фразе предисловия. Затем оно фигурирует более двух десятков раз. Из чтения становится ясно, что рассуждения о фортуне – следствие наблюдения за «жизнью смертных», а в самой жизни – осмысления частных и общественных обстоятельств.

Разберемся, в каких же «ликах» выступает в предисловии фортуна. Начнем с того, что не рисуется ее образ как «колеса», введенный, напомним, философом Боэцием (480–524), «последним римлянином». Образ был прочно усвоен. Колесо присутствует в десятках, если не сотнях средневековых и ренессансных миниатюр, украшавших сочинения. «Мастер Петрарки», создавший 261 ксилографию-иллюстрацию к изданию трактата в Германии, в начало помещает именно колесо с фигурами, подбрасываемыми вверх или увлекаемыми вниз, как самый узнаваемый символ.

Образ не статичен. Он позволяет выстроить иерархию характеристик – по степени нарастания их грозности. После колеса, которое «катит по кругу» (*in gyrum rotat*), упоминается о «колесе, которое стремительно катит многих» [6, 1,4]. В определение добавляется представление о внезапности и словно бы неотвратимости движения колеса, о том, что оно втягивает в себя многих, т.е., переводя на язык повседневности, фортуна так или иначе вмешивается в жизнь большого числа людей, она – постоянное грозное /угрожающее явление вселенского масштаба. Дважды употребляется определение «вихри» судьбы, усиливающее представление о внезапности перемены и их трудно одолимой силе. К нему добавляется «дыба», настраивающая на мысль, что фортуна может не просто возвысить или сбросить вниз, но и подвернуть испытаниям, сродни пыткам.

Общими описаниями свойств фортуны и привычными суждениями по ее поводу Петрарка сполна отдает дань традиции. А затем уводит читателя к иной теме. Ее контуры кратко можно охарактеризовать так: судьбой можно «управлять»; больше опасности человек должен ждать от процветающей фортуны; орудием победы над ней может стать только и единственно добродетель-доблесть (*virtus*). Заявка раскрывается пояснениями-комментариями: «Мы ведём с судьбой сразу две войны: одну – против враждебной фортуны, другую – за счастливую; и с той и другой стороны нам грозит равная опасность». (*Duplex enim nobis est duellum cum fortuna et utrobique quodammodo par discrimen*) [6, с. 3].

Здесь ключевые слова – «равная опасность». По заявлению автора, таким образом вопрос до него не ставили, да и в целом об опасности процветающей фортуны писалось мало. Если это так, то новизна Петрарки как раз во внимании к этой стороне вопроса. И она не только декларирована. 122 диалога первой книги, где разговор между собой ведут Радость, высказывающая удовольствие

текущим состоянием дел и похваляющаяся ими, и Разум, в каждом случае доказывающий примерами, что все может обернуться полной противоположностью.

Некоторые важные моменты в прояснение того, почему нельзя доверять благоприятной фортуне, Петрарка обозначает на примере истории Аццо да Корреджо, синьора Пармы и его друга, которому был посвящен трактат. Тот, настоящий баловень судьбы, имевший знатное происхождение, прекрасное образование (Болонья), богатство, власть, дома, счастливую семью, замечательную жену и детей, друзей, железное здоровье («медноногий»), едва ли не в одночасье лишился всего, так внезапно, что люди не верили в это «чудо судьбы». Он потерял власть, очутился в тюрьме, потом в изгнании, лишился земель, домов, золота; его дочери и сыновья были брошены в тюрьму, младший сын погиб, многие друзья казнены, иные оказались предателями. Он сам трижды стоял на пороге смерти, сумел ее победить, но вышел из борьбы согбенным стариком, не способным без помощи слуг сесть на коня.

За пределами предисловия Петрарка рассматривает еще десятки причин – природных, социальных, политических, этических, психологических, эстетических, которые не позволяют увериться в прочности счастливой судьбы. В развитии главного тезиса в предисловии утверждается, что «ласковая судьба ужасней, чем грозная»; что судьбой управлять можно, но трудней «благоприятной, чем враждебной» («*difficilius prospere fortune regimen existimo quam adverse aliquantoque, fateor, apud me formidolosior et, quod constat, insidiosior est fortuna blanda quam minax*») [6, с. 3]. Жизненным проявлениям этой ситуации посвящены все диалоги.

Но главной частью концепции становится вера в одолимость судьбы. «В вечной войне с судьбой добродетель может сделать нас победителями», как сказано в начале предисловия. Рассуждения Петрарки органически связаны с его большой гуманистической концепцией человека как центра мира и наилучшее творение Бога и природы. Эти взгляды он развивает в одном из самых известных диалогов трактата, названном «от противного» – «О печалях и несчастьях», где доказывает возможность одоления судьбы и обретения счастья через добродетель. Судьба выглядит там не всемогущей, человек, в глазах гуманиста, сильнее ее. Петрарка оптимистично полагает, что добродетель, как главное условие преодоления натиска фортуны, достижима каждым. Кстати, уже в предисловии Петрарке важно сказать, какими именно качествами должен обладать человек, чтобы сопротивляться судьбе и неустанно следовать добродетели.

Подведем некоторые итоги. Предисловие, рассмотренное в статье, можно назвать особой «единицей» петрарковского текста и одновременно его зеркалом. Изложенные в нем суждения о судьбе претендуют на концептуальную новизну сразу в нескольких пунктах: в отказе от следования авторитетам; прямой критике философов-предшественников, прямой же заявке на новое, использовании в качестве «материала» истории людей. Характеристика фортуны в предисловии выглядит многосторонней и развернутой; собственно, единого определения автор не дает, оно складывается из отдельных суждений. Цельной, философски систематизированной концепции фортуны Петрарка не предложил. В ее компонентах обнаруживается влияние стоицизма, в том числе – в выборе персонажей-участников диалогов. Но Петрарка явно сместил центр внимания из поля общих суждений на человека, объявив его добродетели сильнее фортуны, а его слабости – причиной подчинения ей.

Плотная тематическая связь тезисов предисловия с диалогами основных книг позволяет указать на важный общий момент: понятие «фортуна» наполняется в тексте реальным содержанием, впитавшим в себя исторические обстоятельства эпохи и условия жизни разных групп общества. Оно отражает все сложности перехода к раннему новому времени.

Литература

1. Ariani M. Petrarca // *Storia della letteratura italiana* / Ed. E. Malato. – Roma, 1995. – Vol. 2. – P. 632–643.
2. Ferrau G. Petrarca e la politicita signorile // *Petrarca politico: atti del Convegno: Roma-Arezzo, 19–20 marzo 2004*. – Roma, 2006. – P. 43–79.
3. Laurdens P. Un aspect de la fortune du De remediis de Petrarque en Europe du Nord: de l'illustration à la mise en emblèmes // *Francesco Petrarca, da Padova all'Europa: atti del convegno internazionale di studi, Padova, 17–18 giugno 2004*. – Roma, 2007. – P. 233–249.
3. Pacca V. Sulla concezione petrarchesca della fortuna // *Intersezioni*. – 2003. – XXIII. – 1. – P. 5–24.
4. Petrarca Fr. *De remediis utriusque fortunae*. – Cremonae, B. de Misintis ac Caesaris Parmensis, 1492.
5. Petrarca Francesco // *Enciclopedia del Medioevo*. – Milano: Garzanti, 2007. – P. 1252–1256.
6. Petrarque Fr. *Les remedes aux deux fortune* / Texte et trad. par Ch. Carraud. – Paris, 2002. – Vol. 1–2. – 1167 p; 803 p.
7. Špička J. *Strategie dialogu v Petrarkově "De remediis"*. Brno, 2005 (diss.)
8. Девятайкина Н.И. Проблемы войны и мира в диалогах трактата Петрарки «О средствах против превратностей судьбы» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. – М, 2004. – Вып. 13. – С. 16–26.
9. Петрарка Ф. Диалоги из трактата «О средствах против превратностей судьбы» / Пер. с лат. Л.М. Лукьяновой, В.В. Беляева. – С. 29–40.

УДК 93/94

К.А. Демичев

г. Нижний Новгород, Нижегородский институт управления РАНХиГС

ПРОБЛЕМА ЗАДОЛЖЕННОСТИ И ОБЕЗЗЕМЕЛИВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПАНДЖАБА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Одной из главных проблем, которая возникла перед правительством Пенджаба после перехода Индии под прямое управление Британской короны, стало нарастающее обезземеливание сельскохозяйственного населения провинции. Этот процесс был связан с увеличением задолженности сельских производителей, вызванной, в первую очередь, увеличением размера поземельного налогообложения взимаемого в фиксированной денежной форме. Впрочем, как отмечал И.П. Минаев, проблема высоких налогов, которые «не смягчаются даже в голодные годы, чего не было при туземных правителях», была характерна и для других районов Британской Индии [3, с. 41, 43].

Сами англичане считали, что задолженность райотов увеличивается, в первую очередь, из-за их неоправданных трат и неумения планировать свои расходы, а так же из-за произвола ростовщиков [5, с. 221]. Тем не менее, британские чиновники были вынуждены признать, что закрепление земли в частную собственность и введение фиксированного обложения создало предпосылки для будущей задолженности крестьянства [1, с. 32].

В некоторых юго-восточных округах провинции главной причиной задолженности стала культивация монокультур, так как производители оказались в сильной зависимости от поставщиков семян, которые одновременно являлись и скупщиками урожая (причем, скупка производилась по ценам, которые были гораздо ниже рыночных) и ростовщиками. В ряде округов (Джелам, Сиалкот, Шахпур и т.д.) рост долгов был обусловлен частыми переделами земли, которые не были известны в добританский период. Например, в округе Джелам, раздел семейных земель между взрослыми наследниками, в соответствии с британскими инструкциями, стало «главной причиной бедности там, где она существует» [7, с. 173]. Очевидно, что небольшие хозяйства были наиболее уязвимы во время неурожая и стихийных бедствий, так как их хозяева, как правило, не могли самостоятельно восстановить хозяйство и обеспечить выплату поземельного налога.

В сложившейся ситуации, землевладельцам ничего более не оставалось, как прибегнуть к займу у ростовщиков, причем единственной гарантией возврата кредита была признана их земельная собственность, стоимость которой быстро увеличивалась в связи с превращением Пенджаба в крупнейшего производителя сельскохозяйственной продукции и развитием транспортных коммуникаций. В свою очередь, ростовщики охотно шли на кредитование крестьян, так как в связи с ростом стоимости земли, а так же в результате того, что появилась реальная возможность взыскания долгов через суд, земля стала привлекательным объектом для вложения их денежных средств.

Следует отметить, что англичане отлично понимали опасность перехода сельскохозяйственных земель к несельскохозяйственным группам населения провинции. Уже в 1858 г. было принято решение, согласно которому для продажи наследственных сельскохозяйственных земель за долги, требовалась санкция специального уполномоченного подразделения, а с 1859 г. судебного специального уполномоченного [11, с. 293]. С 1866 г. все вопросы, связанные с оборотом земельной собственности были переданы под юрисдикцию финансового специального уполномоченного, который принимал окончательное решение о каждом случае принудительного отчуждения за долги.

Мероприятия британской администрации не оказали того воздействия, на которое рассчитывали англичане. Процесс перехода земли к представителям торгово-ростовщических каст продолжался, а, кроме того, широко распространилась практика залога. Если в 1874–75 г. под залогом находилось 1 458 545 акров земли, то в 1877–78 г. ее количество выросло до 1 972 897 акров, составив 10% всей обрабатываемой площади провинции [1, с. 29]. Что касается продаж земли, то в 1875–1878 гг. из 432 038 акров проданной земли, 175 020 акров, то есть 40,5% перешло к неземельческим классам. При этом необходимо отметить, что в рассматриваемый период похожая ситуация наблюдалась и в Хиндустане, где ростовщики стремились к приобретению сельскохозяй-

ственных земель «...отчасти из-за доходов с нее, отчасти из-за тех преимуществ, которые дает владение землей при займах деньгами и зерном» [4, с. 231].

Продажа земли за долги, которая чаще всего осуществлялась на добровольной основе, а, следовательно, не могла быть ограничена финансовым специальным уполномоченным, возросла во время голода 1868–69 года. В этом году было продано 770 438 акров, что составляло около 30% всей земли проданной в период с 1868–69 по 1878–79 гг. [1, с. 30].

В конце 70–80-х гг. XIX в. задолженность сельскохозяйственного населения Панджаба продолжала увеличиваться, хотя по различным округам ситуация была неодинакова. В Лудхиане, несмотря на некоторые трудности связанные с выплатой поземельного налога задолженность райятов была невелика, в то время как в Равалпинди задолженность имели около 10% сельского населения [8, с. 27]. Данные по округу Гургаон (подразделение Дели) за 1879 г. свидетельствуют о том, что ростовщики стремились, как можно дольше, не взыскивать оплаты долга с заемщиков, для того, чтобы те, продолжали пользоваться их услугами, тем самым, увеличивая объемы задолженности обеспеченной землей. Показательно, что за 15 месяцев было заложено около 5% сельскохозяйственных земель, в результате чего под залогом оказалось 17% всех земель округа. Причем, британские чиновники отмечали, что эти земли вряд ли будут когда-либо выкуплены [6, с. 219]. Достаточно сложная обстановка была в Сиалкоте, Гуджранвале и Шахпуре. В округе Гурдаспур (подразделение Амбала) сложилась самая тяжелая ситуация, так как $\frac{3}{4}$ всех земледельцев имели большие долги. Таким образом, из всего сельскохозяйственного населения округа, только $\frac{1}{4}$ часть могла выплачивать поземельный налог, не прибегая к займу у ростовщика. Что касается сельскохозяйственной задолженности представителей отдельных каст, то самая высокая задолженность наблюдалась у раджпутов, которые, как правило, в силу кастового обычая не могли лично заниматься обработкой земли, вследствие чего сдавали свои наделы арендаторам и постоянно брали кредиты у ростовщиков (Лахор, Хишиарпур и т.д.) [9, с. 99].

Обычная ставка по кредиту составляла от 21 до 25% годовых, за исключение ссуд на драгоценности, которые доходили до 12% [10, с. 301].

Следует отметить, что одной из причин роста задолженности сельскохозяйственного населения стала психологическая неготовность большей части земледельцев к новой системе экономических отношений, сложившейся в результате преобразований правительства Панджаба. Увеличение стоимости земли, превращало ее собственников во владельцев существенного капитала, что создавало предпосылки для ее заклада. Причем, обеспечение кредита земельной собственностью побуждало ростовщиков активизировать свою деятельность по развитию кредитования, что нередко заставляло землевладельцев существенно превышать свои возможности [5, с. 221].

В 1886 г. вышла книга С.С. Торбарна «Мусульмане и ростовщики в Панджабе», в которой автор проанализировал проблему задолженности сельского населения в северо-западных округах провинции. Торбарн указал на то, что земледельцы-мусульмане «...постепенно опускаются до положения долговых рабов или крепостных у индусов ростовщиков» [Цит. по 2, с. 83].

Работа Торбарна вызвала огромную озабоченность у правительства Индии и генерал-губернатора, так как северо-западные округа Панджаба занимали особое положение в системе обороны Британской Индии. С одной стороны, из воинственных мусульманских племен (аваны, гаккары, тиваны и т.д.) осуществлялось комплектование индо-британской армии [Цит. по 2, с. 82], а с другой стороны представители индусских торгово-ростовщических каст, были интегрированы в торгово-производящую систему колониальной Индии, что обуславливало определенную поддержку со стороны англичан.

В сложившейся ситуации британское правительство руководствовалось соображениями безопасности своей северо-западной границы. В 1888–89 г. в Панджабе было проведено исследование сельскохозяйственной задолженности, которое подтвердило выводы Торбарна, относительно увеличения количества отчуждений и росте задолженности. К этому времени в собственности торгово-ростовщических каст находилось 15% пахотных земель, и еще 13% было у них под закладом. При поддержке двух финансовых специальных уполномоченных, С.С. Торбарн предложил запретить любое отчуждение земли представителями торгово-ростовщических каст без официальной санкции. Однако это предложение было поддержано только в 1897 г. новым лейтенант-губернатором провинции Маквортом Янгом. В сентябре 1899 г. в Совет при генерал-губернаторе Индии был представлен проект билля «Об отчуждении земли». Проект был одобрен и получил силу закона с 8 июня 1900 г. (закон XIII) [10, с. 347].

В соответствии с законом «Об отчуждении земли» в каждом округе Панджаба были установлены «сельскохозяйственные племена» земледельцев, которые держали землю или имели по прямой мужской линии предков, зарегистрированных, как владельцев или, как арендаторов (наследственные и «по желанию») при первом регулярном урегулировании. Члены «сельскохозяйственных племен» не имели право продавать или же отчуждать любым другим способом земельную собственность без разрешения британской администрации, никаким лицам, не принадлежащим к представителям зарегистрированных «сельскохозяйственных племен» деревни или округа. Кроме того, членам «сельскохозяйственных племен» было запрещено осуществлять заклад их земель у лиц не являющимися членами того же самого племени или группы племен, за исключением случаев, когда установленная законом форма, предусматривала сроки залога и гарантировала сохранение за владельцем земли права собственности [10, с. 347].

В целом, закон № XIII от 1900 г. был направлен на защиту сельскохозяйственного населения Панджаба от возрастающей долговой зависимости перед представителями торгово-ростовщических каст, что приводило к обезземеливанию и переходу земельной собственности в руки несельскохозяйственных категорий населения провинции. Однако принятие закона «Об отчуждении земли» вовсе не означало быстрого снижения задолженности земледельцев. Исключение представителей торгово-ростовщических каст из сферы земельного кредитования, привело лишь к тому, что эту нишу заняли выходцы из земледельческих каст (прежде всего джаты), которые и раньше занимались кредитными операциями в Амритсаре, Гурдаспуре, Фирозпуре и Лудхиане [10, с. 301].

Литература

1. Бенедиктов А.А. Индийское крестьянство в 70-х гг. XIX в. (экономическое положение и борьба против феодального и колониального гнета). – Сталинабад, 1953.
2. Гольдберг Н.М. К вопросу о возникновении пенджабских контингентов индийской армии и их социальном составе // Историк-марксист. – 1940. – № 6. – С. 75–89.
3. Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885-1886. / Вступит. ст. А.П. Баранникова. – М., 1955.
4. Павлов В.И. Формирование индийской буржуазии. – М., 1958.
5. The Imperial Gazetteer of India. 1881 / Ed. By W.W. Hunter. Vol. I. – London, 1885.
6. The Imperial Gazetteer of India. 1881 / Ed. By W.W. Hunter. Vol. V. – London, 1885.
7. The Imperial Gazetteer of India. 1881 / Ed. By W.W. Hunter. Vol. VII. – London, 1886.
8. The Imperial Gazetteer of India. 1881 / Ed. By W.W. Hunter. Vol. XII. – London, 1886.
9. The Imperial Gazetteer of India. 1901. Vol. XVI. – London, 1908.
10. The Imperial Gazetteer of India. 1901. Vol. XX. – London, 1908.
11. Trevaskis H.K. The land of the Five Rivers. An economic history from the earliest time to the year of grace 1890. – Oxford, 1898.

УДК 93/94

И.Ю. Демичева

г. Нижний Новгород, Московский гуманитарно-экономический институт Нижегородский филиал

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК МАЙЯ I тыс. н. э.

Вопрос функционального назначения статуэток являлся и является при анализе терракот одним из основополагающих. С момента выделения в ряду археологических находок новых категорий предметов ставится вопрос об их назначении. Поэтому даже при первичном осмотре выявленных фигурок делались предположения об их вероятном использовании.

Уже во второй половине XX в. исследователи выделяют несколько направлений функционального назначения статуэток. К предметам религиозно-культурного назначения статуэтки относят Р.Пинья, Г. Уилли, Р. Рэндс и Б. Рэндс [8, с. 66; 15; 9]. Подтверждением тому является сам факт нахождения фигурок в погребениях и использование их как предмет погребального инвентаря. В.И. Гуляев отмечает, что таким образом статуэтки могли свидетельствовать о практике у майя культа предков [1, с. 153].

К ритуальным предметам терракоты Мезоамерики (включая майяские) относят Э. Брамфил, Дж. Хэндон, Дж. Маркус [83, с. 143–166; 6, с. 894–918; 7, с. 285–291]. Дж. Маркус также отмечает, что статуэтки могли применяться женщинами во время отправления обрядов, или находиться в жилищах как образы божеств покровителей [7, с. 287]. Об использовании статуэток в качестве

предметов культа упоминает в своей работе М. Батлер [4, с. 640]. Такая практика, по-видимому, продолжает существовать у майя довольно длительное время. Например, об идолах из камня, глины и дерева, которым поклонялись, неоднократно упоминает Диего де Ланда [2, с. 307]. Кроме того монах-францисканец обращает внимание, что таких идолов клали вместе с покойником, как подношение [2, с. 321]. Таким образом, статуэтки использовались во время обряда погребения, являлись элементом погребального инвентаря и использовались в качестве домашних «идолов».

Утилитарно-практическую функцию выполняли статуэтки, изготовленные в виде музыкальных инструментов. Они широко представлены по всему региону майя. Практически повсеместно распространены свистульки, реже свистки, флейты. Достаточно редко встречаются сурдинки, элементы трещоток, погремушки, керамические барабаны [14, с. 274; 5, с. 24–31]. Косвенно активную эксплуатацию подобных музыкальных инструментов подтверждает высокая степень их повреждений и поломок [14, с. 284]. Д. Триадан отмечает, что большая часть статуэток Агуатеки найдена вблизи частей построек, где проживали женщины и дети. По мнению исследовательницы, это является показателем того, что терракоты производились и активно использовались в основном этими группами населения [14, с. 285]. Музыкальные инструменты майя довольно широко представлены и на расписной полихромной керамике [13, с. 437]. Детально их изображения прописаны на фресках Бонампака [12, с. 158].

Нередко сами терракоты, выполненные в виде музыкантов, представляют разные категории музыкальных инструментов: ударных, духовых и шумовых. Группа ударных в зависимости от размера инструмента состоит из барабанов трех видов. Высота первого достигает груди музыканта, второго доходит до пояса, третий – помещается под мышкой. Духовые инструменты представлены большими трубами, шумовые – погремушками. Примечательно, что среди фигурок профессиональные музыканты представлены только изображениями мужчин. Чаще среди терракот встречаются свистульки, реже флейты и погремушки. Интересно предположение об использовании терракот как элементов украшений – подвесок или кулонов [14, с. 274]. Они могут быть выполнены в виде головы человека с круглыми сквозными отверстиями в области височных долей. Отметим, что косвенно свидетельством ношения подобных кулонов служат изображения нагрудных украшений на самих терракотах. Встречаются фигурки знатных мужчин, на шее которых с помощью жгута крепится массивная подвеска-личина.

Тезис об использовании терракот в качестве детских игрушек выдвигали еще Г. Уилли, Р. Рэндс и Б. Рэндс [15, с. 8; 9].

На сегодняшний день это направление продолжает разрабатывать Л. Раскейнски и Д. Триадан [10; 14, с. 286]. Д. Триадан отмечает, что по ее наблюдениям в позднюю классику статуэтки как правило, клались только в женские и детские погребения (кроме территории о-ва Хайна). Это положение может указывать на то, что дети использовали их в качестве игрушек. Некоторые подобные фигурки относятся к типу марионеток, которые имеют подвижные части. Манипуляция над ними могла оказывать существенное влияние на развитие у детей младшего возраста мелкой моторики.

Многие статуэтки могли совмещать в себе разные функции. Так, большая часть терракот, обнаруженных в погребениях, являлась свистульками, т.е. они одновременно использовались как музыкальный инструмент в процессе погребальной церемонии и как элемент погребального инвентаря [8, с. 65; 1, с. 153].

Таким образом, они выполняли и утилитарно-практическую и религиозно-культурную функции. Г. Рейхел-Долматоф вообще предполагает, что с момента изготовления до окончательной утилизации статуэтки могли менять свое назначение [11, с. 229–241].

Возможны случаи неудачного изготовления фигурок или наличия брака при их производстве. Такие статуэтки могли доделываться или переделываться, теряя при этом изначально отведенное им назначение.

Таким образом, по функциональному назначению условно статуэтки можно разделить на три большие группы. Фигурки первой группы в основном выполняли религиозно-культурную функцию, статуэтки второй группы большей частью имели утилитарно-практическое назначение. Терракоты, относящиеся к третьей группе, могли совмещать в себе две представленные выше функции. Несмотря на разную степень и частоту использования фигурки, несомненно, занимали немалое место в жизни населения майя.

Литература

1. Гуляев В.И. Забытые города майя. Проблема искусства и архитектуры. – М., 1984.
2. Ланда Диего де. Сообщение о делах в Юкатане. Пер. Р.В. Кнорозова // Священные письма майя. – СПб.: Амфора, 2000. – С. 245–350.
3. Brumfiel Elizabeth M. Figurines and Aztec State: testing the effectiveness of ideological domination // *Gender and Archaeology*, edited by Rita P. Wright. Philadelphia. University of Pennsylvania Press. – 1996. – P. 143–166.
4. Butler M. A Study of Maya Mouldmade Figurines // *American Anthropologist*, New Series, Vol. 37. – 1935. – № 4. – Part 1. – P. 636–672.
5. Healy P.F. Music of the Maya. *Archaeology*. – 1988. – № 41(1). – P. 24–31.
6. Hendon J.A. Status and power in Classic Maya society: an archaeological case study // *American Anthropologist* 93. – 1991. – P. 894–918.
7. Marcus Joyce. The importance of context in interpreting figurines // *Cambridge Anthropological Journal*. – 1996. – № 6. P. 285–291.
8. Piña R.C. Breve estudio sobre la funeraria Jaina, Campeche. Gobierno del Estado de Campeche, Campeche. – 1948.
9. Rands R., Rands B.C. Pottery figurines of Maya Lowlands // *Archaeology of Southern Mesoamerica*. University of Texas. – 1965.
10. Ruscheinsky Lynn M. The social reproduction of gender identity through the production and reception of Lowland Maya figurines. Unpublished Ph.D. dissertation, Department of Art History, Visual Art and Theory, University of British Columbia. – 2003.
11. Reichel-Dolmatoff Gerardo. Anthropomorphic figurines from Colombia, their magic and art // *Essays in Pre-Columbian Art and Archaeology*. Cambridge. Harvard University Press. – 1961. – P. 229–241.
12. Schele L, Miller E M. The blood of kings. Dynasty and ritual in maya art. – New York, 2006.
13. The Maya Vase Book. A corpus of rollout photographs of Maya vases. Vol. 3. U.S.A. – New York, 1992.
14. Triadan Daniala. Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala // *Latin American Antiquity*, Vol. 18. – 2007. – № 3. – P. 269–293.
15. Willey G.R. The artifacts of Altar de Sacrificios. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University. Vol. 64, № 1. U.S.A. Massachusetts. Peabody Museum Cambridge. – 1972.

УДК 93/94

Е.С. Добровольский

г. Череповец, Череповецкий государственный университет

ОППОЗИЦИОННЫЕ СИЛЫ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ/ГДР И ВЫБОР СОЦИАЛИЗМА В 1949–1952 гг.

После поражения фашизма во Второй мировой войне Германия была поделена между державами-победительницами на зоны оккупации. Управление каждой зоны строилось на свойственных тому или иному государству началах. Восточная Германия или Советская зона оккупации (СЗО) в 1945–1949 гг. стала прообразом Германской Демократической Республики (ГДР). Только партийно-политическая система «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле» [1, с. 175] отличалась от других стран социалистического лагеря. Только в ГДР существовала многопартийность. Наряду с партией власти Социалистической единой партией Германии (СЕПГ) была оппозиция в лице двух буржуазных партий – Христианско-демократического союза (ХДС) и Либерально-демократической партии Германии (ЛДПГ). Выясним, в чем была необычность политической структуры ГДР, была ли действительно альтернатива социализму у политиков буржуазных партий?

Основание ГДР 7 октября 1949 г. «знаменовало собой завершение на ее территории антифашистско-демократического этапа революции и переход к социалистическому строительству» [3, с. 108]. Выбор был сделан, но его оформление заняло еще 2–3 года. Это время буржуазные партии старались использовать в своих целях, борясь с коммунистами. Например, «многие функционеры ХДС, как зафиксировано в докладной записке заместителя Главного начальствующего СВАГ А.Г. Русских от 28 июня 1949 г., считают, что развитие Восточной зоны идет по пути стран народной демократии и что заверения руководящих деятелей СЕПГ о закреплении антифашистско-демократического порядка являются лишь тактическим маневром» [8, с. 476].

Поэтому ХДС и ЛДПГ стремились открыто или завуалировано получить в свои руки рычаги власти. Для этого они стремились на совещании в октябре 1949 г. добиться проведения выборов в Народную палату и в другие властные органы по партийным спискам, рассчитывая получить большинство голосов, а СЕПГ, как партия, не сможет, по их мнению, сохранить свою руководящую роль [4, с. 40].

В этой сложной ситуации можно говорить о сопротивлении курсу СЕПГ со стороны ХДС и ЛДПГ. По мнению Б.В. Петелина, «их возможности были ограничены. Цензура со стороны СВАГ и СЕПГ препятствовала распространению информации о политике ХДС и ЛДПГ» [6, с. 53]. Вальтер Ульбрихт на организационной конференции СЕПГ 7 июня 1949 г., заявил, что среди этих партий, при поддержке американских и британских властей, распространяется реакционная политика против трудящихся, которые уже выбрали социализм.

29–30 мая 1949 г. в СЗО прошли выборы в III Народный конгресс, которые впервые проводились по единому списку, т.е. с заранее согласованным распределением мест между партиями (СЕПГ – 25%, ХДС и ЛДПГ – по 15%, остальные партии по 7,5%). Кроме того съезд принял конституцию ГДР. Гонения и нападки на «правых» руководителей партийных организаций ХДС и ЛДПГ, а также на священников, которые не устраивали коммунистов, продолжились.

Несмотря на эти меры, уже на первых после образования ГДР выборах, которые состоялись 15 октября 1950 г., существовал единый список Национального фронта – союза всех партий и массовых организаций, т.е. по существу, не было никаких реальных возможностей выбора. В Народной палате ХДС и ЛДПГ получили по 60 мест. В Палате земель, где было всего 34 депутатских места, ЛДПГ получила 9 мест, а ХДС – 7 [7, с. 80]. По мнению Н.В. Павлова уже тогда «на выборах практически завершился процесс закрепления СЕПГ у власти и превращение других политических партий в сателлитов СЕПГ [5, с. 250].

СЕПГ отчетливо сознавала и понимала усилия реакционных сил ХДС и ЛДПГ, сохранявших в максимально возможной мере свою самостоятельность, на непризнание роли СЕПГ как руководящей силы в обществе. Поэтому социалисты видели в них потенциальных конкурентов. Когда вопрос встал о формировании в советской зоне государственности, политическая борьба приняла особо острый характер. Буржуазно-политические партии претендовали на то, чтобы получить высшие посты в государстве.

Поэтому активизировалась легальная оппозиция, прежде всего силы ЛДПГ и особенно ХДС. Лица, подобные Хикману (ХДС), требовали ревизии проведенных в Восточной Германии демократических преобразований, выступали против признания границ по Одеру-Нейсе. Он и его единомышленники были и против сотрудничества с СССР, требовали роспуска Демократического Блока, рассчитывая путем раскола демократических сил и проведения выборов по альтернативным партийным спискам одержать победу, т.е. «конституционным путем» захватить власть.

В этой борьбе окрепла роль прогрессивных сил О. Нушке и его сторонников в ХДС, Г. Лоха и И. Дикмана – в ЛДПГ. В результате мелкобуржуазные партии стали действительно представлять интересы средних слоев, склонных к сотрудничеству с СЕПГ [4, с. 45–46].

В правительственном кабинете Отто Гротеволья христианские и либеральные демократы получили 7 министерских постов (у СЕПГ – 17).

- 1) Заместитель министра-президента Герман Кастнер (ЛДПГ);
- 2) Заместитель министра-президента Отто Нушке (ХДС);
- 3) Министр иностранных дел Георг Дертингер (ХДС);
- 4) Министр финансов Ганс Лох (ЛДПГ);
- 5) Министр труда и здравоохранения Леопольд Штайдле (ХДС);
- 6) Министр торговли и снабжения Карл Хаман (ЛДПГ);

7) Министр почт и телеграфа Фриц Бурмейстер (ХДС) [9, с. 576–577]. Успех был очевиден – лидеры оппозиционных партий стали заместителями премьер-министра ГДР.

Тем не менее, в самих буржуазных партиях не было единства в вопросе участия в правительстве ГДР. Шла борьба между «прогрессивными и реакционными элементами». Известно, что большинство рядовых членов ХДС потребовало от Центрального правления участвовать в правительстве только при условии, если в зоне будет изменена политика кадров и члены ХДС наравне с членами СЕПГ будут допущены на работу во все органы, в том числе и в полицию; если печать СЕПГ прекратит нападки на ХДС и перестанет называть членов ХДС реакционерами; если прекратится ругань и «необоснованные» обвинения против ХДС Западной Германии [9, с. 580].

Руководство буржуазных партий продолжало лавировать. Дальнейшее встраивание ХДС в общественно-политическую жизнь ГДР продолжалось на партийной конференции союза 19–21 октября 1951 г. в Майсене, где Нушке и Гёттингом были одобрены «22 тезиса христианского реализма». В них формулировались новые положения партийной идеологии в соответствии с «христианским социализмом» и «социализмом из христианской ответственности». Пропаганда марк-

сизма-ленинизма в ХДС должна была увязаться с «христианской лексикой». «Не для того, чтобы критиковать марксизм, а, наоборот, – укреплять марксистскую идеологию внутри партии» – пишет Б.В. Петелин [7, с. 81].

Предлагая новый термин – «социалистические христиане», руководство ХДС призвало к тесному сотрудничеству христиан с «прогрессивным лагерем» в ГДР. В 18–19 тезисах марксизм-ленинизм признавался в качестве государственной идеологии, которую должны признать и ХДС. При этом шли ссылки на успешный советский опыт решения экономических проблем, что стало возможным благодаря учению Карла Маркса.

Михаэль Рихтер, рассматривая содержание «тезисов» указывал на их «призывной», «лозунговый» характер, с большой долей эклектики, то есть смеси философских, религиозных, исторических, политических фактов и высказываний. «Христианский реализм», говорилось в 13-м тезисе, это «суммарный опыт прогрессивных христиан всех времен и народов», а «современный реалист» должен принять как единственно верные основные положения марксизма, так как коммунистическое движение существует и в интересах христиан. ХДС, говорилось в 21–22 тезисах, признает ведущую роль СССР, и борьба за мир против западных поджигателей войны становится для нее центральной задачей [12, с. 320].

На эту пропагандистскую кампанию в ГДР жестко отреагировала пресса ФРГ. По мнению тогдашних обозревателей, все идеологические усилия сводятся к одному: «Христианский реализм» есть сталинизм в христианском макияже» [7, с. 82].

Решения второй партийной конференции СЕПГ 9–12 июля 1952 г., на которой была «закреплена победа догматического марксизма в его тоталитарном виде» в СЗО нашли «радостное понимание» в правлении ХДС. «Христианский социализм был отброшен за ненадобностью» – пишет Б.В. Петелин. Но не всеми, так в течение июля-августа 1952 г. в Тюрингии были арестованы без каких-либо веских причин более 30 реакционных членов ХДС и им сочувствующих» [7, с. 83].

16–18 октября 1952 г. в Берлине собрался 6-й съезд ХДС ГДР. На нем выступил Нушке, сказавший, что партия поддерживает решения второй партийной конференции СЕПГ. «Для каждого христианина нашего народа, – сказал Нушке, – построение социализма имеет решающее значение, что будет непременно доказано в рядах ХДС». Съезд был призван продемонстрировать новый облик союза, который, оставаясь христианским, больше не является буржуазной партией.

Вскоре газета «Neues Deutschland» опубликовала для населения ГДР обращение руководства ХДС ГДР, где признавалась ведущая роль СЕПГ и необходимость дружбы с СССР, что становилось центральной задачей в деятельности ХДС [10, с. 133]. Эти новые положения, а также тесное сотрудничество с «миролюбивым лагерем» против «милитаристского лагеря» западной демократии были закреплены в партийных решениях ХДС ГДР на съезде. Вскоре такую же тактическую линию в своей политике избрала и ЛДПГ [11, с. 58]. Партии присоединились к НДПГ и НПКГ, которые уже при своем учреждении в 1948 г. признали руководящую роль СЕПГ.

Таким образом, сталинская модель политического режима не была воспроизведена до конца, поскольку некоммунистические партии не были распущены. СЕПГ нашла новый вариант – так называемую «социалистическую многопартийную систему». Своим существованием партии, входящие в контролируемый СЕПГ Национальный фронт демократической Германии, создавали видимость плюралистической демократии, поддерживали контакты на Западе и были связующим звеном между СЕПГ и населением [2, с. 490]. Хотя можно согласиться и со словами К. Зонтхаймера о том, что ГДР с самого начала являлась однопартийным государством, находящимся в руках коммунистической СЕПГ, так как в осуществлении своей власти она не была ограничена даже конституцией.

Литература

1. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2002.
2. История Германии: учебное пособие в 3-х тт. / Под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. – М., 2008.
3. История Германской Демократической Республики 1949–1979. – М., 1979.
4. Орлова М.И. ГДР: Рождение и крах. – М., 2000.
5. Павлов Н.В. История современной Германии, 1945–2005. – М., 2006.
6. Петелин Б.В. Восточногерманский ХДС и социалистический выбор ГДР 1945–1952 годов // Власть и общество в условиях диктатуры: Исторический опыт СССР и ГДР. 1945–1965: материалы науч.-практ. конф. (Архангельск, 12–16 сентября 2007 г.). – Архангельск, 2009.

7. Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр – Якоб Кайзер – Отто Нушке. 1945–1952 гг. – Череповец, 2014.
8. СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945–1949: Сборник документов. – М., 2006.
9. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из российских архивов: В 4-х т. Т. IV. 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. – М., 2012.
10. Lukas R. Zehn Jahre Sowjetische Besatzungszone. Politik – Wirtschaft – Kultur – Rechtswesen. – Düsseldorf, 1955.
11. Neubert E. Geschichte der Opposition in DDR (1949–1989). – Bonn, 1989.
12. Richter M. Die Ost-CDU 1948–1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. – Düsseldorf, 1991.

УДК 94(082)

В.А.Евсеев, Луангиослуачакул Култхида
г. Иваново, Ивановский государственный университет

ТЕАТР ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ **(С. Пипс о жанрах театральных пьес)**

Начало Реставрации знаменовало собой новый этап в развитии английского театра, ибо в это время ослабевает строгий пуританский надзор над сферой отдыха и развлечений. Сразу с воцарением Карла II публика буквально ринулась в театры [2, с. 515]. Пионерами в новых направлениях сферы досуга становится придворная знать и лондонская городская элита [2, с. 502]. К последней можно причислить Самюэля Пипса – английского чиновника морского ведомства, автора знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев в правление поздних Стюартов.

Дневник С. Пипса, который он писал с 1660 по 1669 гг., рассказывает нам о целом ряде значительных события 1660-х годов (англо-голландская война 1665–1667 гг., чума 1665 г., великий пожар в Лондоне в 1666 г.). Вместе с тем он дает подробный отчет не только о знаменательных событиях, но и о событиях своей личной жизни (встречи с людьми, посещение театра и т.д.). Его дневники до сих пор привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей [3; 6; 7].

Лондонские театры эпохи Реставрации сыграли важную роль в развитии социальных связей, особенно высшего лондонского общества. Здесь можно провести параллель и с тем взлетом театра Мольера в правление Людовика XIV, когда монарх и придворная знать стали проявлять интерес к новому виду досуга – театру, а не к обычным придворным шутам. Теперь театры Парижа стали задавать театральную моду в Западной Европе. Хотя на рубеже XVI–XVII вв. первенство было за лондонцами. Если первые стационарные театры появились в Лондоне уже во второй половине XVI века, то в провинциальных городах их не существовало до первой половины XVIII века [1, с. 201; 4, с. 147].

В начале правления Карла II театры Лондона вмещали около 600 зрителей, как правило, аристократическую элиту, поэтому драматурги эпохи Реставрации вынуждены были приспособиться к вкусам своей праздной аудитории, ограничиваясь созданием комедий нравов и героических трагедий. Самые дорогие места были в частных ложах – 4 шиллинга, в партере – 2 шиллинга 6 пенсов, самые дешёвые – на двух галереях – от 1 шиллинга 6 пенсов до 1 шиллинга [8].

Среди этой городской элиты, посещающей театры, был и С. Пипс. Он был настоящим театралом и постоянно ходил в театр. По подсчетам исследователей (Дж. Р. Таннер) С. Пипс 351 раз посетил театр в течение девяти лет и пяти месяцев ведения его дневника. С. Пипс смотрел все виды и жанры театральных спектаклей, но ему особенно нравилась комедия [7, с. 110].

Одной из его любимых комедий являлась пьеса «Сэр Мартин Мар-алл» (Sir Martin Mar-all, or The Feign'd Innocence) – комедия Дж. Драйдена, которая написана на основе французской комедии Мольера. С. Пипс 15 августа 1667 года первый раз смотрел эту комедию, а 19 августа снова ходил на этот спектакль и, комментируя ее, отмечал, что она наиболее цельный кусок радости, который является абсолютным фарсом с начала и до конца из всех когда-либо написанных комедий: «Смеялся до того что, голова болит весь вечер и всю ночь от смеха, в жизни никогда не смеялся как этот раз» [5, Vol. VII, с. 65]. С. Пипс по многу раз смотрел пьесы, которые очень любил. С августа 1667 и до мая 1668 г. он восемь раз ходил в театр, чтобы посмотреть пьесу «Сэр Мартин Мар-алл». Хотя в дневнике пишет, что ходил на нее десять раз «...saw Sir Martin Marr-all, where the house is full; and though I have seen it, I think, ten times...». Он ее постоянно хвалил, отмечая, что удоволь-

ствие от пьесы велико как всегда. Несомненно, она самая лучшая комедия из всех, когда-либо написанных [5, Vol. VIII, с. 24].

«Сэр Мартин Мар-алл» представляет собой одну из комедий нравов, в которой источником смешного является внутренняя суть характеров и нравов высшего света, смешная и уродливая односторонность, гипертрофированная черта или страсть (т.е. порок, недостаток). Этот жанр является сатирической комедией, которая высмеивает все эти человеческие качества. С. Пипс работал чиновником морского ведомства и был знаком со многими придворными, с которыми поддерживал приятельские отношения. Поэтому он чувствовал себя действующим лицом, ибо сюжет пьесы построен в его чиновничьем воруящем мире. Хотя сам он не был аристократом, он уже привык к этому обществу, хорошо знал его традиции и «социальные ценности», поэтому мог хорошо понимать смысл комедии. Можно сказать, что С. Пипс любил сатиру в комедии нравов, так как этот жанр пьесы отражал мир, в котором он жил. Посмотрев спектакль, он мог не только смеяться, но и проникнуть в социальную сущность, ибо комедия отображала различные явления и стороны жизни.

Согласно его дневнику, С. Пипс считал, что главная цель спектакля – развлекать зрителей. Неудивительно, что его любимый жанр – комедия нравов. Кстати, С. Пипс ценил не только удовольствие, но и остроумие в самой пьесе. Ему больше нравились спектакли, показывающие интересные мысли, имеющие глубокое значение, чем пьесы простые с неглубоким юмором. Можно считать, что театр в восприятии С. Пипса не просто развлекательное место, но самое возвышенное искусство.

8 июня 1661 года С. Пипс впервые смотрел комедию «Варфоломеевская ярмарка» Б. Джонсона, который был одним из его самых любимых драматургов. Он считал ее, наиболее замечательной пьесой, однако замечал, что «в содержании слишком много богохульных и оскорбительных слов» [5, Vol. II, с. 47]. Тем не менее, в том же году он еще три раза смотрел её. 2 августа 1664 года С. Пипс писал, что спектакль ему очень приятен и он считает, что это лучшая комедия в мире [5, Vol. IV, с. 193]. Согласно его дневнику, С. Пипс смотрел в итоге «Варфоломеевскую ярмарку» шесть раз.

К трагедии С. Пипс не очень хорошо относился. Он не любил «Доктора Фауста» К. Марло, которого он смотрел 26 мая 1662 года в старом театре Красного Быка «...so wretchedly and poorly done, that we were sick of it...» [5, Vol. II, с. 230]. Он считал что, «Малфиская Герцогиня» Дж. Уебстера «печальная пьеса» [5, Vol. VIII, с. 155]. Когда С. Пипс первый раз смотрел «Трагедию Девушки» Ф. Бомонта и Дж. Флетчера, посчитал ее «слишком грустной и тоскливой» [5, Vol. II, с. 33], но после четвертого раза, 15 апреля 1668 года он изменил свое мнение, назвав ее хорошей пьесой [5, Vol. VII, с. 342]. Кстати, есть еще другие трагедии, которые С. Пипсу понравились, он даже их похвал, но не так сильно как комедии.

С. Пипс дружил с Дж. Драйденом, и его трагедии обычно положительно комментировал. С. Пипс смотрел «Индийскую Королеву» [5, Vol. IV, с. 27], «Конкурирующие Дамы» [5, Vol. IV, с. 194], «Индийский Император» [5, Vol. VII, с. 72, 180, 356], «Королева-девушка» [5, Vol. VI, с. 192], и все они ему понравились. С. Пипс, очевидно, любил пародию в героической драме Дж. Драйдена и последний стал мастером данного жанра. Используя сражения в своих пьесах для создания драматических ситуаций, Дж. Драйден отделил события от эмоционального воздействия.

В период Реставрации французский неоклассицизм был высоко оценен, т.е. в традиции театрального искусства, пьесы должны следовать правилу драматургии, которых придерживался классицизм. Это правило называется «Три единства», т.е. единство действия, места и времени. Несмотря на то, что Дж. Драйден критиковал пьесы У. Шекспира, и осуждал, что в пьесах не соблюден закон построения драмы, пьесы У. Шекспира по-прежнему оставались популярными. В театре постоянно продолжали играть спектакли на пьесы У. Шекспира, но иногда их стиль и сюжет изменяли.

Хотя С. Пипс сам прочитал многие оригинальные пьесы У. Шекспира, он тоже наслаждался адаптированными версиями пьес У. Шекспира. Он не оценивал пьесы в соответствии с классическими правилами, а по другим критериям, т.е. сюжет, игра актеров, музыка, танцы, и даже внешность актеров.

С. Пипс 41 раз смотрел 14 различных пьес У. Шекспира, но не каждый раз ему всё нравилось. В отличие от комедии нравов, С. Пипс не очень любил комедии У. Шекспира. К примеру, он совсем плохо относился к «Двенадцатой ночи» [5, Vol. II, с. 95], «Сну в летнюю ночь» [5, Vol. II, с. 326], и

даже к трагедии «Ромео и Джульетте» [5, Vol. II, с. 185]. Он считал, что в пьесах слишком много романтических слов о любви, и в сюжетах мало практического значения для общества. Возможно, что С. Пипс не любил юмор в комедии У. Шекспира, так как, у него социальный контекст уже совсем отличался от того, что был во времена У. Шекспира. Он лучше ценил сатиру в комедии своей эпохи, чем вкус Елизаветинской драмы.

Однако С. Пипс отлично относится к историческим пьесам и трагедиям У. Шекспира. Ему особенно понравились «Отелло», «Макбет» и «Гамлет» [5, Vol. II, с. 82]. В 1666 году С. Пипс смотрел «Макбет» десять раз, и написал, что она «самая отличная и разнообразная пьеса» [5, Vol. VI, с. 110], т.е. каждый раз он смотрел разные версии спектакля, но не ту оригинальную версию, которая написана У. Шекспиром. Возможно, что одна из этих версии была написана У. Дэвенантом. В спектакле использовались новые устройства, исполнялись танцы и песни, характеристика спектакля больше похожа на оперу, чем на простой драматический спектакль. Кстати, С. Пипс вообще считал историческую пьесу и трагедию У. Шекспира очень выразительными. Например, 11 октября 1660 года С. Пипс смотрел «Отелло», и к нему хорошо относился «...to the Cockpitt to see “The Moore of Venice,” which was well done...», хотя девять лет спустя выставлял ему оценку «средний уровень» [5, Vol. VIII, с. 189].

С. Пипс просмотрел огромное количество спектаклей и разработал свой жесткий стандарт для оценки новых пьес. В его критерии оценки входили: драматургическая конструкция, инвенция, и самое главное – хорошее актерское искусство. Так, например, он считал, что пьесы Б. Джонсона и пьесы Дж. Драйдена – образцы совершенства конструкции и инвенции. Сохранив большую часть своей сущности, такие сатирические пьесы увлекательно видоизменили теорию драмы Аристотеля.

Можно констатировать, что С. Пипс наслаждался в первую очередь комедиями, героическими драмами, и пьесами эпохи Реставрации. Особенно он выделял пьесы Б. Джонсона, которые строятся в соответствие с правилом классических единств. Он был самым счастливым, когда смотрел популярные пьесы в переполненном театре – он был так взволнован действием обратной связи между актерами и энтузиазмом большого количества зрителей. Короче говоря, он был очень тонким ценителем театрального искусства и более остро проницательным, чем многие другие его современники, и представляет собой изображение в миниатюре театрала 1660-х годов.

Литература

1. Евсеев В.А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. – Иваново, 2010. – 228 с.
2. Евсеев В.А. Инновации в сфере досуга английского городского общества эпохи Реставрации // Социальные связи и их трансформация в Западной Европе XVII века. – Кемерово, 2014.
3. Ступников И. В. Английский театр: конец XVII – начало XVIII века. – М.: Искусство.
4. Borsay P. The English urban Renaissance: Culture and Society in the provincial town. 1660–1700. – Oxford, 1989.
5. Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. ed. H.B. Wheatley. 8 vols. – London: Bell, 1952.
6. Tomalin C. Samuel Pepys: The Unequalled Self. – London: Viking, 2002.
7. Webber B. G. Samuel Pepys and John Evelyn as Restoration Virtuosi. – Vancouver: University of British Columbia, 1962.

Электронные ресурсы

8. Theatre from Restoration through Romanticism Restoration and 18th century: www3.nothern.edu/wild/th100/CHAPT14A.HTM – дата посещения – 15.01.13.

УДК 93/94

М.В. Жолудов

г. Рязань, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ 1832 г. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Во время реформационного кризиса 1830–1832 гг. произошло резкое размежевание членов палаты общин британского парламента на сторонников и противников избирательной реформы. Палата общин раскололась на два лагеря, которые заняли по отношению друг к другу четко очерченные и взаимоисключающие позиции. О серьезности этого противостояния говорил тот факт, что если в 1804 г. в палате общин насчитывалось сто восемьдесят «независимых» депутатов, то в 1831 г. таких депутатов было всего пятнадцать [8, с. 7]. Хотя внутри этих лагерей (либерального и

консервативного) существовали определенные разногласия (например, между вигами и радикалами в либеральном лагере относительно степени радикальности и завершенности парламентской реформы), стороны все же понимали необходимость сохранения единства для достижения своих целей в вопросе о реформе.

Политические усилия либеральной коалиции, объединившейся под лозунгом проведения парламентской реформы, в ноябре 1830 г. привели к власти кабинет лорда Грея, выполнив, таким образом, одну из главных функций парламентской партии: она сформировала правительственный кабинет, чтобы с его помощью добиться осуществления своих политических целей.

Либеральная коалиция, появившаяся в начале 30-х гг. XIX в. в британском парламенте, еще очень мало походила на современные политические партии. У нее отсутствовали самые элементарные по нынешним понятиям атрибуты политической партии: не было программы и устава партии, не было фиксированного членства, не было системы локальных организаций, не проводились регулярные конференции или съезды. У нее не было даже общепризнанного официального лидера. Тем не менее термин «партия» постоянно был в обращении (особенно после 1832 г.) у тогдашних политиков и публицистов, если им необходимо было обозначить разнородную, но в то же время взаимосвязанную группировку реформаторов в палате общин. Правда, сама эта партия называла себя в те времена по-разному: «либеральной», «вигской», «умеренной», «конституционалистской», «радикальной», «передовой» и тому подобное [7, с. 39].

У либеральной партии 30-х гг. XIX в. отсутствовала какая-либо написанная программа. В этом она значительно уступала консервативному лагерю, так как уже в 1834 г. Р. Пиль выступил с общенациональным избирательным манифестом, так называемым Тамуэртским манифестом, который сыграл роль первой партийной программы консерваторов. Либералы не последовали примеру своих политических оппонентов, так как представляли из себя коалицию и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересы всех сторон. Первая либеральная программа была представлена У. Гладстоном лишь в январе 1874 г. А до этого времени либералы использовали вместо стройной программы целый набор политических лозунгов, наиболее популярными из которых были следующие: «Реформа», «Сохранение мира», «Сокращение государственных расходов», «Свободная торговля», «Веротерпимость» и т.д.

Коалиционный характер партии определил отсутствие общепризнанного лидера партии. На этот факт указывал Т.Б. Маколей, когда в 1834 г. давал характеристику либеральной партии: «Сильнейшая партия, без всякого сомнения, это та партия, которую я называю левым центром, партия, которая идет дальше, чем большинство членов нынешнего министерства, однако не так далеко, как это делают Хьюм и Уортбуртон (лидеры левых радикалов. – М.Ж.). Эта партия сильнее всех остальных партий государства вместе взятых... Но она не имеет лидера» [5, с. 165].

По мнению многих современников, наиболее приемлемым кандидатом на роль лидера партии был лорд Олторп. Он был популярен среди различных слоев британского общества и среди всех политических сил, входивших в либеральную коалицию, он обладал политическим тактом, был лишен социальных предрассудков, имел интересные идеи в вопросах о подоходном налоге и «хлебных законах». Но лорд Олторп имел два необычных для политика изъяна: отсутствие политических амбиций и нежелание работать в правительстве.

Взгляды лидеров либеральной партии по главным политическим вопросам порой существенно отличались друг от друга, хотя почти все они уверяли сторонников в своей лояльности к конституционному строю страны. Так, лорд Рассел заявил в 1835 г.: «Конституции этой страны во всех ее проявлениях я остаюсь преданным по чувству, убеждению и долгу» [5, с. 165]. А лорд Дарем следующим образом определял задачи своей политической деятельности: «Я хочу объединить как можно большее число британцев под началом существующих учреждений страны – трона, палаты лордов, палаты общин и государственной церкви» [5, с. 165]. Однако Рассел и Дарем по-разному собирались защищать конституционные устои Великобритании. Так, Дарем в отличие от Рассела не возражал против введения тайного голосования, сокращения срока деятельности парламента и более широкого избирательного права. Различны были и методы практической политической работы лидеров либерального лагеря. Лидеры правого вигского крыла либеральной партии (граф Грей, виконты Мелбурн и Пальмерстон, лорды Олторп и Рассел) были выходцами из родовитых аристократических кругов Великобритании и традиционно занимались «чистой» политикой, входя в правительственный кабинет и занимая высокие парламентские и государственные должности. Политической агитацией и налаживанием контактов с массами занимались радикалы и левые виги

(Брум, Бэрдетт, Дарем и др.). Они постоянно выступали в прессе и на массовых митингах, публиковали резкие политические памфлеты. Брум и Дарем были главными авторами журнала «Эдинборо ревью», ставшего, по существу, печатным органом либералов. Именно в среде радикалов и левых вигов возникла мысль о создании постоянно действующих местных партийных организаций [6, с. 90].

В 1830–1832 гг. во многих населенных пунктах Великобритании активно действовали созданные по инициативе радикалов так называемые «политические союзы», обеспечившие массовую народную поддержку борьбе за проведение парламентской реформы и сыгравшие роль местных политических организаций реформаторов. «Политические союзы» были неформальными организациями и включали в себя людей, не являвшихся избирателями. «Союзы» не имели официальных связей с реформаторской коалицией в палате общин, и в 1832 г., выполнив свою политическую функцию, они прекратили свою деятельность.

Ситуация существенно изменилась после принятия нового избирательного закона. В Акте 1832 г. содержалось положение о регистрации избирателей – сторонников той или иной партии. Уже в том же 1832 г. появились первые регистрационные общества: у либералов – Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов – Ливерпульская консервативная ассоциация. Важность появления нового элемента политической системы прекрасно понимали лидеры обеих партий. Дарем в одном из своих публичных выступлений в 1834 г. отмечал: «Первейшим делом для нас сейчас является создание и оформление политических ассоциаций в каждом городе и каждом селении империи. Если они появятся, то нас никогда вновь не предадут ни безумные тори, ни робкие виги» [6, с. 91]. Р. Пиль в письме Ч. Арбартноту от 8 ноября 1838 г. указывал на огромное значение регистрационных организаций: «Появился совершенно новый элемент политической власти – более могущественный, чем государь или палата общин, а именно – регистрация избирателей» [2, с. 77]. Однако сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Одной из главных причин такой ситуации являлось то, что в большинстве избирательных округов выборы членов парламента были безальтернативными. Борьба между кандидатами была редким явлением вплоть до середины 80-х гг. XIX в. Лишь к концу века двум ведущим британским партиям удалось создать более или менее совершенную сеть избирательных ассоциаций.

Принятие Акта о реформе вызвало потребность в создании центральных координирующих органов партий. В 1832 г. по инициативе герцога Веллингтона был образован клуб «Карлтон» – политический клуб консерваторов, обладавший значительным влиянием в консервативной партии. В 1834 г. умеренные радикалы создали так называемый Вестминстерский клуб, который вскоре стал именоваться Вестминстерским клубом реформ. Но ввиду известной политической несамостоятельности радикалов этот клуб оказался нежизнеспособным и просуществовал лишь до 1838 г. Роль штаб-квартиры либеральной партии стал играть созданный в 1836 г. клуб «Риформ», объединивший как радикалов, так и вигов, то есть всех тех, кто не был консерватором и стоял на реформаторских позициях [4, с. 405]. Создание клуба «Риформ» стало важным шагом на пути консолидации либеральных сил Великобритании. Однако «Риформ» и «Карлтон» в 30-е гг. XIX в. действовали как непрофессиональные партийные центры, своего рода дискуссионные клубы, в которых проходили «обкатку» предложения, представляемые затем партиями в парламенте. Они не имели тесных связей с провинцией. Лишь через полстолетия «Риформ» и «Карлтон» получили статус официальных национальных партийных центров либералов и консерваторов.

Либеральная партия Великобритании 30-х гг. XIX в. представляла весьма аморфную парламентскую коалицию. Состав ее постоянно менялся. В момент появления коалиции в середине 1830 г. в нее вошли виги, каннингиты, радикалы, ультратори и даже несколько тори, недовольных политикой герцога Веллингтона. Однако еще до принятия билля о реформе ультратори и тори покинули коалицию, а каннингиты фактически слились с группировкой вигов. Таким образом, к 1832 г. в либеральную партию входили главным образом виги и радикалы.

Вигское крыло доминировало в либеральной партии на протяжении 30-х гг. XIX в. Либеральные правительства почти целиком состояли из вигов. Лидерами либералов в палате общин и палате лордов были также виги. А по мнению известного британского политолога второй половины XIX в. У. Беджгота, «повиновение лидерам есть основа парламента [1, с. 89]». Серьезную поддержку либералам оказывали представители «старой» вигской партии.

Виги были сильны своей сплоченностью и клановостью. Это была партийная группировка кланового типа. Вигские семьи поддерживали друг с другом традиционные, насчитывающие не одно

столетие связи; выбирали себе жен и мужей из узкого круга претендентов. Один из ведущих апологетов вигизма сэр Ф. Бэринг в работе «Первый лорд Нортбрук» (1840) так определил суть этого явления: «Вигизм означает существование группы людей, связанных между собой знатностью и богатством, сплоченных родственными чувствами, так же как и высокой нравственностью; виги в трудные времена поддерживают священный огонь свободы, а когда народ восстает, то идут вместе с народом, но не до крайностей. Виг подобен поэту, им нельзя стать, им надо родиться. Вигом стать так же сложно, как стать евреем» [3, с. 97].

В конце 20-х гг. XIX в. виги, как парламентская партия, находились на грани исчезновения. Даже на февральской (1830 г.) сессии парламента они были разобщены, у них не было партийного лидера. Деятельность партии ограничивалась приемами у лорда Олторпа, чего было явно недостаточно для проведения какого-либо определенного курса в палате общин. Поэтому виги довольно легко восприняли радикальный лозунг о парламентской реформе, справедливо полагая, что прийти к власти они смогут лишь на волне борьбы за парламентскую реформу или посредством реформированного парламента. Виги пошли на сближение с радикалами и с их помощью провели избирательную реформу 1832 г., придав ей умеренный характер. Именно тогда либералами стали называть тех левых виков, которые выступали за продолжение радикальных перемен (Брум, Дарем и их сторонники). Закон 1832 г. фактически уничтожил «старую» вигскую партию. Лорд Рассел писал в 1839 г.: «Я всегда считал, что вигская партия, как партия, будет уничтожена биллем о реформе» [5, с. 157]. Так оно и вышло. Но, с другой стороны, билль дал вигам шанс на выживание в новых условиях.

После 1832 г. либеральное правительство лорда Грея проводило в основном умеренно-консервативную политику, мало отличавшуюся от той, которой бы на его месте придерживался торийский кабинет. Сам Грей писал об этом следующим образом: «Мы старались проводить эти мероприятия по реформе, строго следуя консервативным принципам, желая прикрыть слабые стороны правительства и оградить его от нападков противников» [5, с. 158]. Лишь один вопрос радикального характера был вынесен правительством на рассмотрение палаты общин – вопрос о реформе ирландской церкви. И этот вопрос впервые расколол либеральное большинство палаты общин на «старых» виков и тех, кто к ним примкнул в начале 30-х гг.

Некоторые из «старых» виков были напуганы стремлением радикалов к дальнейшей демократизации избирательной системы страны. Они рассматривали реформу 1832 г. как «окончательную» меру и больше не желали никаких изменений. В 1834 г. по этой причине Стенли и Грэм, влиятельные члены кабинета лорда Грея, вышли из состава правительства, посчитав его деятельность излишне радикальной. Грэм в письме Гренвиллу следующим образом объяснял свой поступок: «Я стал представителем моего родного графства как член старой вигской партии, связав себя обещаниями поддержать парламентскую реформу, но я остался явным сторонником протестантской церкви и противником тайного голосования, коротких парламентав и всех тех лозунгов, с помощью которых нападают на королевскую и аристократическую власть. Не следует удивляться моему выходу из партии виков. Они (виги. – М.Ж.) сохранили имя, но, как мне кажется, изменили своим принципам. Я же сохранил свои принципы, но равнодушен к имени» [5, с. 159]. Однако далеко не все «старые» виги отвернулись от либерального правительства. Большинство продолжало его поддерживать. По мнению Н. Гаша, это произошло из-за сильно развитого у виков чувства клановости и исторической традиции антиторизма [5, с. 160–161].

Выход из партии Стенли, Грэма и их сторонников, с одной стороны, стимулировал развитие правительственного кризиса, который повлек за собой отставку кабинета лорда Грея и приход к власти консервативного правительства. Но, с другой стороны, уход ряда правых виков укрепил либеральную коалицию, сделав ее более гибкой и открытой по отношению к радикалам.

В сложных условиях политического кризиса 1834 г. либеральной коалиции удалось сохранить единство. Уже в феврале 1835 г. в Личфилд-хаузе по инициативе Дж. Рассела было проведено совещание представителей оппозиционных группировок (виков, английских и ирландских радикалов). Совещание, целью которого являлась выработка плана совместных действий по низложению правительства консерваторов, продемонстрировало сплоченность либеральной коалиции и способствовало возвращению либералов к власти в том же 1835 г., хотя не обошлось без конфликтов. Так, некоторые «старые» виги (например, Грей и Ланздаун) возражали против участия в соглашении такой одиозной, на их взгляд, фигуры, как лидер ирландских радикалов-рипилеров О'Коннел. Однако, как показало время, О'Коннел проявил себя преданным союзником. По справедливому

замечанию Н. Гаша, личфилдское соглашение создало прочную основу для оформления «реальной» либеральной партии [5, с. 171].

Личфилдское соглашение показало стремление вигов и радикалов к компромиссу. Виги, используя либеральные идеи умеренного реформаторства, пытались, и безуспешно, направить радикальные настроения в либеральной коалиции в поддающиеся управлению рамки. К 1835 г. группировки радикалов и рипилеров в палате общин существенно ослабли. Многие крайние радикалы переходили на более умеренные, либеральные позиции. Размеры независимой радикальной группировки постепенно уменьшались на протяжении 30-х гг. XIX в. К парламентским выборам 1837 г. независимых радикалов в палате общин осталось всего лишь несколько человек. Журнал «Энньюэл реджистер», анализируя расстановку политических сил в палате общин накануне выборов 1837 г., выделил три группировки в либеральной коалиции (332 чел.): английские и ирландские радикалы (80), либералы (100), виги (152) [5, с. 168]. Однако эти подсчеты надо признать весьма приблизительными, так как очень трудно было различить грань между радикалом и либералом.

Таким образом, во второй половине 30-х гг. XIX в. определилась особая тенденция в процессе формирования либеральной партии Великобритании, выразившаяся в сглаживании крайностей во взглядах различных группировок либеральной коалиции и переходе как правых вигов, так и левых радикалов на более умеренные, центристские позиции. Это явление подметил журнал «Вестминстер ревью»: журнал отмечал, что в результате парламентских выборов 1837 г. в палате общин уменьшилось количество как «чистых» вигов, так и крайне левых радикалов, одновременно увеличилось число умеренных радикалов, которые составляли большинство партии реформаторов. По мнению журнала, эти люди представляли средние и высшие круги британского общества, поддерживали идею сохранения в Великобритании конституционной монархии, палаты лордов и палаты общин, выступали против всеобщего избирательного права. Многие из них были приверженцами государственной английской церкви, но видели необходимость проведения умеренной церковной реформы и призывали к веротерпимости. Эти люди настаивали на введении принципа тайного голосования в избирательную систему страны, сокращения срока деятельности парламента, ликвидации или объединения небольших избирательных округов, отмене «хлебных законов» и проведении радикальной реформы ирландской церкви. «Вот такие мнения в основном преобладали среди новых членов палаты общин, – констатировал автор статьи в «Вестминстер ревью», – и эти люди выражали наиболее общие тенденции в реформаторских настроениях» [5, с. 169].

Литература

1. Беджгот В. Государственный строй Англии / Пер. с англ. – М., 1905.
2. Bulmer-Thomas I. The Growth of the British Party System. Vol. 1. 1640–1923. – L., 1965.
3. English Party Politics. Vol. 1. 1600–1906. – L., 1970.
4. Gash N. Politics in the Age of Peel. A Study in the Technique of Parliamentary Representation. – L., 1953.
5. Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics. 1832–1852. – Oxford, 1965.
6. Jennings W.I. Party Politics. Vol. 2. The Growth of Parties. – Cambridge, 1961.
7. Southgate D. The Passing of the Whigs. 1832–1886. – L., 1962.
8. Stewart R. Party and Politics, 1830–1852. – L., 1989.

УДК 93/94

Ю.Е. Ивонин

г. Смоленск, Смоленский государственный университет

МАКСИМИЛИАН I БАВАРСКИЙ ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ¹

В 2006 г. в одной из самых богатых земель ФРГ Баварии отмечали двухсотлетие основания королевства Бавария. Королевский титул баварский курфюрст Максимилиан I Иосиф получил «милостью Франции», что обязало его поставить свои войска Наполеону Бонапарту во время похода на Россию в 1812 г. Но вскоре наполеоновские войны закончились поражением великого завоевателя. Бавария оставалась королевством, но во время объединения Германии вошла в Германскую империю Гогенцоллернов, оставаясь в таком качестве до 1918 г. Попытки баварской династии Виттельсбахов стать императорами Священной Римской империи или королями происходили в

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00270.

течение средних веков и раннего Нового времени неоднократно. Были попытки герцогов Баварских стать курфюрстами, т.е. войти в коллегия князей-выборщиков императора. Одна из таких попыток имела место во время Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. и была связана с деятельностью Максимилиана Баварского. Восстание чешских сословий против Фердинанда Штирийского, ставшего вскоре императором под именем Фердинанда II, и избрание ими чешским королем курфюрста Пфальцского Фридриха V привело к столкновению чешскими повстанцами, с одной стороны, и сторонниками императора и Католической Лигой, с другой стороны.

Сложившейся ситуацией воспользовался с целью укрепления своего положения в Империи Максимилиан Баварский. Ослабление императорской власти в любом случае увеличивало влияние Баварии на политику императора, так как половина имперской армии нанималась баварским герцогом. Максимилиан, как и его предшественники, лавировали между императорско-католической партией и позицией имперских чинов, имея тем самым достаточное поле для маневров [7, с. 199–200; 8, с. 2–3].

Любопытно, что еще в феврале 1618 г. курфюрст Пфальцкий приезжал в Мюнхен, чтобы побудить Максимилиана выдвинуть свою кандидатуру на избрание императором. Обычно историки рассматривают этот эпизод как несерьезный, но если рассмотреть внутреннюю политику баварского герцога, то можно заметить, что она давно развивалась в направлении укрепления абсолютистского стиля управления в Баварии и, следовательно, баварского суверенитета. Максимилиан не имел цели распространения католицизма, скорее, он хотел получить титул курфюрста и присоединить к своим владениям Пфальц, что усилило бы его позиции по отношению к Австрии. Вообще герцоги Баварские уже с начала XVI в. укрепляли свое положение как территориальных князей абсолютистского типа, в чем особенно преуспел Максимилиан I. Если герцог Вильгельм V оставил Максимилиану герцогство в состоянии банкротства, то первым делом тот укрепил финансовую базу территории. Баварская династия Виттельсбахов пользовалась еще большим уважением среди ряда немецких князей, чем Габсбурги, и могла конкурировать с ними в борьбе за императорский трон. Заметим, что курфюрсты Пфальцские принадлежали к другой ветви дома Виттельсбахов. Поправив финансовые дела, Максимилиан использовал свои финансы при заключении союзов, когда проводилась совместная политика. Захват Донауверта был давней целью баварской политики из-за не совсем ясных и спорных династических прав. Вопрос заключался только в том, как на это отреагируют протестантские чины. По сути дела, как заметил Д.Альбрехт, возник конфликт между обновленным католицизмом под главенством Баварии и кальвинистскими чинами. Но союз католических чинов был возможен только при условии согласия Габсбургов [6, с. 81–93; 1, с. 2–3; 2, с. 35–41, 63, с. 227, 396, 403–404; 9, с. 62]. Необходимо также заметить, что курфюрст Пфальцкий после беседы с Максимилианом решил, что католические чины не пойдут на конфликт с протестантами и что сам Максимилиан отнюдь не против выдвинуть свою кандидатуру на трон императора и согласен действовать вместе с протестантскими чинами в направлении расширения свобод имперских чинов. Но запланированный на конец мая 1618 г. съезд курфюрстов не состоялся, так как 23 мая произошла знаменитая пражская «дефенестрация» [2, с. 449–450, 485–487].

Максимилиан Баварский провел довольно сложную дипломатическую игру, в результате которой войска Католической Лиги и Испании смогли беспрепятственно войти в Верхнюю Австрию и Чехию, а Фридрих Пфальцкий остался без помощи Протестантского Союза в случае нападения на него противников. Бавария получила также поддержку римского папы. Но на этом дипломатические ходы Максимилиана Баварского не прекратились. Уже после того, как император пожаловал ему титул курфюрста, он сделал попытку примирения с Фридрихом Пфальцским. Осенью 1623 г. капуцин Александр Халес от имени Максимилиана, папы и папского нунция Баньо вел на эту тему переговоры с тестем Фридриха английским королем Яковом I. Несколько позже произошли изменения во внешней политике Франции в связи с приходом к власти кардинала Ришелье, что повлияло на позицию Максимилиана Баварского. Переговоры испанских дипломатов в Мюнхене в 1624–1626 гг. о включении Баварии в испанскую партию закончились безрезультатно. Новоиспеченный курфюрст стал все более и более поглядывать в сторону Франции [1, с. 90–94, 106–107, 128–157, 172; 2, с. 521, 661].

Между тем в отличие от папы Григория XV новый папа Урбан VIII не только субсидировал Максимилиана Баварского, но и имел противоречия с домом Габсбургов, что привело к сближению Баварии с Францией при посредничестве папской курии. В 1629–1631 гг. довольно активно

проходили баварско-французские переговоры о создании союза. На Регенсбургском совещании курфюрстов в 1630 г. римская курия продвигала кандидатуру Максимилиана Баварского на выборах римского короля, но из этого ничего не получилось. Императорский двор был недоволен позицией Баварии, поскольку Франция поддерживала Швецию. В то же время Максимилиан, видевший в действиях имперского полководца Альбрехта Валленштейна опасность для своего положения, вел переговоры с испанскими дипломатами и склонялся к сближению с императором в целях ослабления Валленштейна. После объявления Реституционного Акта 1629 г., восстанавливавшего секуляризованные владения католической церкви в Империи, перед Максимилианом встала дилемма: либо придерживаться строго конфессиональной политики и сближаться с Веней, либо занимать самостоятельную позицию между Габсбургами и Францией. Одновременно баварский курфюрст пытался отколоть курфюрста Иоганна Георга Саксонского от сближения с Швецией. 30 мая 1631 г. в Фонтенбло был тем временем подписан баварско-французский договор о взаимной финансовой и военной поддержке [1, с. 197, 203, 209–262, 284, 340, 365, 378–379; 2, с. 717, 759, 826].

Гибель шведского короля в битве при Лютцене оказалась некоторым рубежом в отношении германских князей к императору. Протестантские чины в Гейльбронне подписали договор с шведами и согласились признать французского короля Людовика XIII в качестве их протектора в союзе с шведским правительством, возглавляемым канцлером Акселем Оксеншерной. Поскольку Бавария сильно пострадала от шведского вторжения, Максимилиан не мог соблюдать нейтралитет, даже при гарантии французского правительства. Урожай 1633 г. был плохим, и когда баварская армия отправилась на зимние квартиры, назревали столкновения между ней и крестьянами. Максимилиан вышел из положения, только отправив войска в спокойные местности. В этой обстановке для баварского курфюрста стало очень важным получение военной поддержки со стороны императора и ненавидимого им Валленштейна, тем более, что открыто рассчитывать на помощь Франции было нельзя. Между тем члены Гейльброннского союза видели шансы для его выживания на пути сближения с Францией [9, с. 340–341, 352–353; 5, с. 100–101; 2, с. 845].

К моменту подписания Пражского мира 30 мая 1635 г. получилось так, что курфюрст Саксонский Иоганн Георг оказался в положении вынужденного союзника императора и Максимилиана Баварского. Если бы он отказался подписать Пражский мир, единственным выходом для него было бы сближение с Францией. Пражский мир был подписан на волне имперского патриотизма, наиболее ретивые католики не смогли навязать радикальные решения. В свою очередь, для Максимилиана Баварского подписание Пражского мира означало роспуск Католической Лиги и подчинение ее армии императору. В награду за это Фердинанд II утвердил Максимилиана в статусе курфюрста и предложил овдовевшему и бездетному баварскому князю в жены свою дочь эрцгерцогиню Марию Анну, которая была моложе жениха почти на сорок лет. Брак таким образом стал компенсацией за ратификацию Пражского мира. В результате количество противников императора в Империи ограничилось находившимся в эмиграции Фридрихом Пфальцским, ландграфством Гессен-Кассельским и герцогством Брауншвейг-Люнебургским. Герцог Георг Брауншвейг-Люнебургский открыто себя не позиционировал, формально даже признавал Пражский мир, но в то же время убеждал курфюрстов незамедлительно возобновить переговоры о мире с Швецией. На Регенсбургском совещании курфюрстов 1636–1637 гг. говорилось даже о том, император и курфюрсты готовы начать переговоры с шведами в Вене. Но были и другие мнения. Максимилиан Баварский даже выступил с инициативой начать немедленное наступление на Париж, чтобы заставить Ришелье закончить войну, которую Франция уже начала против Испании [7, с. 229; 9, с. 395–396, 405; 4, с. 252–254].

Впрочем, вскоре становилось ясно практически всем участникам войны, что ни Франция, ни Швеция не присоединятся к Пражскому миру. После взятия французскими войсками Брейзаха в 1638 г. и банкротства Испании, которой имперские чины отказались предоставить помощь, в 1641 г. в Гамбурге был подписан договор, согласно которому начались прелиминарные переговоры. В военных действиях имело место равновесие сил. Только благодаря сильному давлению на Максимилиана Баварского новому императору Фердинанду III, давшему понять тому, что будет поддерживать Максимилиана в пфальцском вопросе, удалось помешать рейхстагу в Регенсбурге в 1640 г. принять решение о разрыве союза с Испанией. Еще сильнее на позицию Максимилиана оказало поражение испанцев от французов в мае 1643 г. в битве при Рокруа. Он стал придерживаться идеи сепаратного мира Империи с Францией, хотя было маловероятным, что Вера будет

вести переговоры о мире с Францией, исключив из них Испанию. Хотя передаче статуса курфюрста от Пфальца к Баварии сопротивлялись многие силы, Максимилиан рассчитывал на поддержку Франции во время Вестфальских переговоров и готов был оказать военную поддержку французской армии. Первый министр Франции кардинал Джулио Мазарини полагал, что лучше всего работает компромиссный вариант, т.е. Максимилиан станет восьмым курфюрстом, а Пфальцу будет возвращен статус курфюршества. Собственно, так и произойдет в решениях Вестфальского конгресса 1648 г. Получение Максимилианом курфюршества означало фундаментальный успех его конфессиональной и территориальной политики [5, с. 128–140; 2, с. 979, 1114, 1116; 3, с. 462–468].

Литература

1. Albrecht D. Die Auswärtige Politik Maximilians von Bayern 1618–1635. – Göttingen, 1962.
2. Albrecht D. Maximilian I von Bayern. – München, 1998.
3. Albrecht D. Bayer und die Pfälzische Frage auf dem Westfälischen Friedenskongress // Der Westfälische Friede. Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von H. Duchhardt. – München, 1998. – P. 461–468.
4. Haan H. Der Regensburger Kurfürstentag von 1636/1637. – Münster, 1976.
5. Kampmann Chr. Europa und das Reich in Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. – Stuttgart, 2008.
6. Lanzinner M. Maximilian I von Bayern. Ein deutscher Fürst und der Krieg // Der Dreißigjährige Krieg. Facetten einer folgenreichen Epoche / Hrsg. von P. Hartmann, F. Schuller. – Regensburg, 2010. – P. 81–93.
7. Press V. Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. – München, 1991.
8. Ruppert K. Die Kaiserliche Politik auf dem Westfälischen Friedenskongress (1643–1648). – Münster, 1979.
9. Wedgwood C. The Thirty Years War. – L., N.Y., 1998.

УДК 93/94

Л.И. Ивонина

г. Смоленск, Смоленский государственный университет

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ФРАНЦИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Еще в XVI столетии Европа начала долгий переход от «традиционалистской» средневековой социальной системы к новому обществу, основанному на гражданстве и рыночной экспансии. Необходимым элементом этого перехода было государство, основанное на социальном дисциплинировании. Важную роль в нем играла религия: она делала это государство более сакральным перед тем, как оно стало более светским. Постепенно возникало относительно однородное общество подданных с внушаемыми формами поведения, мышления и менталитета. Государства укреплялись, монополизируя военную силу, финансы и церковь, а их вооруженное соперничество на европейской арене принимало религиозную окраску. Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. характерной чертой жизни европейского общества стал конфессионализм, сопровождавшийся принуждением к религиозному единообразию, что в современном понимании равноценно религиозному фундаментализму [11, с. 641–681; 12, с. 6–8]. Христианские церкви – католическая и протестантские течения – вступали в союзы с государствами раннего Нового времени, сила которых давала им возможность управлять религиозными делами.

В 1618–1648 гг. в Европе шла война, которую позже назовут Тридцатилетней. Она стала первой в мировой истории общеевропейской войной, где столкнулись и получили полное либо частичное разрешение противоречия эпохи перехода от средневековья к Новому времени, и совместила в себе все – борьбу средневекового и нового, рационального и конфессионального, прогресса и регресса. Это колоссальное событие было настолько многомерным и многоплановым, что ряд историков вслед за современниками войны становились на позиции гиперкритицизма. Мол, Тридцатилетняя война – это не целостное временное событие, не борьба регресса и прогресса, не следствие религиозного рвения или государственного прагматизма, а лишь локальные вооруженные конфликты [13, с. 3–5]. Война как бы растворяется во времени: она есть, и ее нет. И ни один из существующих взглядов на нее и подходов к ней не чувствует себя достаточно сильным, дабы объявиться единственно верным. Это лишний раз подчеркивает эклектику эпохи Барокко, в которой все, подобно самому барочному храму, сплетается в многоформенную и загадочную композицию. Анатомия Тридцатилетней войны – это анатомия Барокко, где каждому, кто заинтересуется ею, открывается масса неординарного и противоречивого.

¹ Статья написана при поддержке гранта РФНФ № 14-01-00270.

В Тридцатилетней войне принимали прямое или косвенное участие все страны Европы. Реалии «конфессионального века» привели к делению государств континента на католический и протестантский лагеря и образованию в начале XVII в. двух религиозно-политических блоков – Протестантского союза и Католической Лиги, армии которых столкнулись на полях сражений этой войны. Ее рациональная суть заключалась в разрешении долгого противостояния двух путей государственно-политического развития континента – универсалистского и антиуниверсалистского, существовавших в Западной Европе с начала XVI в. Первый из них представляла Священная Римская империя, которая с восшествия на престол императора Карла V Габсбурга в 1519 г. охватила огромную часть Западной Европы – германские земли, Испанию, Нидерланды, Франш-Конте, Южную Италию. В 1555 г. Аугсбургский религиозный мир зафиксировал конфессиональный и территориальный статус германских княжеств, а в 1556 г. Империя разделилась на владения австрийских и испанских Габсбургов. Однако попытки подчинить князей и всю Европу в XVII в. оставались грозной политической реальностью.

Историческим фундаментом второго пути был многовековой процесс складывания европейских государств в этнических границах и возвышение в них королевской власти, в особенности во Франции, а в рамках самой Империи Габсбургов – укрепление территориальной власти немецких государей. Важной внешнеполитической задачей этих держав и территорий являлась ликвидация наследия Империи Карла V и противодействие ее возрождению.

На протяжении всего XVII в. Франция переживала процесс утверждения абсолютной власти династии Бурбонов и роста политического влияния этого государства на континенте. Еще первый Бурбон – Генрих IV, будучи гением политических манипуляций, интуитивно чувствовал, как обернуть трудности в стране, только вышедшей из хаоса религиозных войн, к своей собственной выгоде и выгоде всех французов. Он понимал, что развитие большой по территории материковой страны, окруженной со всех сторон владениями Габсбургов, требовало сильной в военном отношении и централизованной монархии. Получилось так, что огромную роль в укреплении французского королевства и становлении его гегемонии на континенте сыграли именно события Тридцатилетней войны. Решающую роль в политическом и военном управлении этими событиями сыграли два кардинала – Ришелье и Мазарини, и два полководца – Тюренн и Конде.

Лишь в период с 1610 по 1624 г., когда Францией управляли вдова Генриха IV Мария Медичи, а с 1617 г. молодой и нерешительный король Людовик XIII, централизация государства несколько ослабла. Положение исправилось лишь с приходом к власти кардинала Ришелье в 1624 г., успешно боровшегося с сепаратизмом гугенотов и аристократии. Имея территориальные притязания на земли Эльзаса и Лотарингии, католическая Франция старалась поддерживать равновесие сил между католическими и протестантскими князьями Германии и строгое соблюдение законов имперской конституции. При этом охотно использовался лозунг «исконной немецкой свободы». Кроме того, Франция стремилась подорвать позиции испанских Габсбургов в южных Нидерландах и Северной Италии, а также добиться от Испании территориальных уступок на границе в Пиренеях и Испанских Нидерландах. Политика Ришелье была целенаправленной, лишь формы и методы ее проведения были подчас противоречивы. Основными ее задачами были внутри страны – достижение единства Франции, на международной арене – нанесение решительного удара против Габсбургов в тот момент, когда в войне будут ослаблены как противники Франции, так и ее союзники.

Несмотря на поставленную цель достижения гегемонии Франции в Европе, Ришелье был одновременно поборником идей европейского равновесия и естественных границ. Он мечтал о создании в будущем системы коллективной безопасности на континенте. Ему чужда была политика экспансионизма, которую впоследствии проводили Людовик XIV и Наполеон Бонапарт. В последнее время историки выделяют в политике Ришелье четыре основных аспекта, сформулированные самим кардиналом-министром: мир в христианстве, всеобщий мир, безопасный мир, скорый мир [7, с. 35–37, 88–90, 111–114]. Но оценка мира в политической теории кардинала представляла собой альтернативу универсалистским устремлениям Священной Римской империи и Испании. Мир – это гарантия спокойствия в христианстве, но под главенством Франции. Однако Ришелье не считал Францию воинственным государством, способным выдержать длительную войну, для чего ей и нужен был мир. Поэтому внешнеполитическую концепцию первого министра Франции можно оценивать как реалистическую. Его политика всегда была очень гибкой – он исключительно умел сообразовываться с возникшими внезапно обстоятельствами. Подобную гибкость, если не большую, он заметил в итальянце Джулио Мазарини, которого и призвал во Францию в 1639 г.

Середина XVII столетия стала тяжелым для всех европейских государств временем. Ощущение внутренней нестабильности начало появляться уже с середины 30-х гг., в начале четвертого периода Тридцатилетней войны. На протяжении второй половины 30-х гг. Францию потрясли мощные антиналоговые крестьянские выступления, превратившиеся в настоящие внутренние войны. Это были крупные движения в масштабе всей страны. А мелких крестьянских и городских восстаний было неисчислимое количество. В Провансе на XVII век приходилось 400 крестьянских волнений. Из этого количества 66 вспыхнули в пятилетие между 1648 и 1653 гг. – во время пика французского кризиса. В Аквитании из 500 волнений за столетие более половины происходило между 1653–1660 гг. Очень часто на восстания крестьян подстрекали сами сеньоры [10, с. 440–449].

Существует мнение, что в войнах абсолютных победителей не бывает. Тридцатилетняя война, поглотившая экономические и людские ресурсы, политическую и духовную энергию многих государств, способствовала в той или иной степени временному ослаблению как побежденных, так и победителей. Экономический и финансовый кризис, ускоренный и усиленный войной, непосильное, но вынужденное налогообложение, людские потери, ужесточение внутренней политики и неумелая дипломатия правительств ряда стран могли породить ощущение нестабильности и дисбаланса, необходимости перемен и реформ, приводящей к выступлению против существующих властей. Нитью, на которую можно нанизать политические потрясения в различных странах Европы, явилась именно Тридцатилетняя война, ставшая одной из причин, катализатором и проявлением в международной сфере европейского кризиса XVII в.

В политической жизни кризис отражал потрясение основ существующих государственных режимов, потребность в их трансформации или вовсе уничтожении. Уже в 1640 г. начались восстания за независимость в Португалии и Каталонии, охотно поддерживаемые Францией, что существенно ослабляло боеспособность испанской армии. А к концу Тридцатилетней войны антигосударственные движения в форме смут, восстаний и даже революции охватили Англию, Шотландию, Ирландию, Францию, значительную часть Германии, Чехию. Кризис распространился и на Восточную Европу – на Украине антипольское восстание поднял Богдан Хмельницкий, было неспокойно в России и Османской империи.

Современники этих событий терялись в догадках о причинах, вызвавших такое потрясение общественных основ. Чаще всего, конечно, ссылались на волю божью. Но приводили и другие причины: к примеру, ученый-иезуит Джованни Баттиста Риччиоло писал о влиянии на землю изменений числа солнечных пятен. По его мнению, так проявлялся промысел господень. Теория Риччиоло, да и похожие рассуждения и впечатления других его современников, нашли свое отражение в концепции современного американского историка Дж. Паркера. Согласно Паркеру, XVII в. являлся «малым ледниковым столетием», характеризовавшимся необычной концентрацией экстремальных климатических явлений: в одних частях света и странах – продолжительной засухой, в других – длительными дождями и наводнениями, а в третьих – пиком сейсмической активности и землетрясениями. Все эти явления породили демографический упадок, эпидемии, войны, мятежи и революции, поскольку ответом на них стали «неверные политические шаги религиозных и политических лидеров», приведшие в кризису в глобальном масштабе [10, с. 7–26]. Причины ухудшения жизни люди той эпохи пытались искать и в отдельных личностях, правителях, королях и их министрах – непосредственных исполнителях воли божьей. Такой фигурой во Франции до 1642 г. являлся кардинал Ришелье, после – кардинал Мазарини.

Признаки разраставшегося европейского кризиса, начинавшие уже проявляться и во Франции, Мазарини заметил еще до того, как стал первым министром. И, выполняя дипломатические поручения Ришелье, он делал все возможное, чтобы привлечь к Франции наибольшее число союзников и умиротворить новые военные конфликты. Во время гражданской смуты – Фронды (1648–1653) – противники Мазарини внутри Франции обвиняли его в том, что он намеренно затягивал войну. Однако только обстоятельства, напрямую не зависящие от усилий и воли кардинала, могли помешать более быстрому завершению мирных переговоров в Мюнстере и Оснабрюке, начавшихся в 1644 г. Несмотря на внутренние трудности, ему удалось извлечь для Франции на Вестфальском конгрессе в 1648 г. максимальные выгоды [4, с. 77–91; 6, 212]. И в дальнейшем вся его политика сдерживания, умиротворения и создания системы безопасности на французских границах целиком соответствовала цели достижения политической гегемонии Франции на европейском континенте.

Ибо все, что делалось Мазарини, было выгодно, прежде всего, французскому королевству, а не идеальному «христианскому сообществу».

Даже исключительно искусная политика во время войны должна подкрепляться военными победами, если государство стремится к превосходству над другими странами, или, по крайней мере, желает занимать место в ряду первых держав Европы. Поэтому дипломатия Ришелье и Мазарини гармонично дополнялась успехами на полях сражений Тридцатилетней войны, достигнутыми выдающимися полководцами – маршалом Тюренном и принцем Конде.

В историю войн XVII в. Тюренн вошел как первый полководец не только Франции, но и всей Европы. Основными чертами его военного гения были стратегическая осторожность и логическая аккуратность, соединенные с блестящим броском в небольших сражениях и спокойным отношением как к победе, так и к поражению. Французский полководец являлся родоначальником маневренной стратегии, корни которой находят в действиях шведской армии короля-полководца Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне. Основной стратегический метод Тюренна заключался в выходе на коммуникации противника и отсечении его от баз снабжения. При разработке кампаний он тщательно анализировал обстановку и проявлял большую предусмотрительность. Особое значение придавал организации снабжения армии и надежному обеспечению коммуникаций. Вместо традиционного равномерного распределения сил по фронту, т.е. линейной тактики, он обычно сосредоточивал основные усилия на одном из флангов для нанесения главного удара. Виконт был мастером достижения победы внезапным нападением [3, с. 3–7; 5, с. 55–58; 8, с. 313; 9, с. 33, 56, 72].

Во всех войнах, в которых участвовал принц крови Великий Конде, он демонстрировал, прежде всего, высокое тактическое искусство. Он был способен вести и методическую позиционную войну, и азартно атаковать крепости. Его тактические идеи были тщательно изучены Наполеоном, в частности, «фиксации» противника на главном направлении, изучении его слабых сторон в других местах для прорыва либо окружения, своевременное использование кавалерии и артиллерии. Отличительной чертой этого прославленного воина являлись его знаменитые «вдохновения» (ярким примером была битва при Рокруа в 1643 г.) – внезапные озарения, как надо действовать в данный момент, благодаря которым он не раз побеждал противников, превосходивших его в силах. Как отмечал кардинал де Рец, «от него на войне ничто не может укрыться, и ничто не может обмануть». Но, как военный, он всегда оставался кондотьером эпохи Барокко, полководцем долгой и кровавой Тридцатилетней войны [1, с. 205; 2, с. 7–10].

В результате Тридцатилетней войны в Европе впервые возникло реальное равновесие сил, а Франция, как гарант Вестфальского мира наряду со Швецией, обрела свои «естественные границы». Она обладала главным признаком великой державы второй половины XVII – первой четверти XVIII вв. – политической гегемонией, основанной на сильной государственной власти и военной мощи, и относительным экономическим благополучием. Относительным, ибо экономически опережавшие другие страны Англия и Нидерланды не имели в то время большого политического влияния. Ведь централизованное, бюрократизированное и во многом милитаризованное управление государством Классической Европы, тогда было искусством возможного. Утвердившийся после Вестфальского мира новый политический порядок преломлялся через высшую государственную власть и сцепление всех ее звеньев: институционализации, бюрократизации, божественного и естественного права, постоянного контроля и социального дисциплинирования не только простых подданных, но и дворянства, бюрократии и военных. Все это олицетворяла Франция в эпоху Короля-Солнце Людовика XIV.

Литература

1. Мемуары кардинала де Реца. – М., 1998.
2. Béguin K. Les Princes de Conde. Les Princes de Condé : Rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand Siècle. – Champ Vallon, 2003.
3. Berenger J. Turenne. – P., 1987.
4. Croxton D. Peacemaking in Early Modern Europe. Cardinal Mazarin and the Congress of Westphalia 1643–1648. – Princeton, 1999.
5. Guthrie W.P. The later Thirty Years War. From the battle of Wittstok to the Treaty of Westphalia. Westport (Connecticut). – London, 2003.
6. Lettres du Cardinal Mazarin pendant son ministère / Par M. Chéruel. Т. III. – P., 1858.
7. Lettres, instructions diplomatique et papiers d'état du cardinal de Richelieu / Par Avenel. Т. VIII. – P., 1860.
8. Lynn J.A. Giant of the Grand Siècle. The French Army 1610–1715. – Cambridge, 1997.

9. Observations on the Wars of Marshal Turenne, dictated by Napoleon at St. Helena. – P., 1823.
10. Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. – New Haven: Yale University Press, 2013.
11. Schilling H. Confessional Europe//Handbook of European History 1400–1600. Vol. II / Ed.by T. Brady, H. Obermann, J. Tracy. – Leiden, N.Y., Köln, 1995.
12. Schilling H. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. – Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007.
13. Wilson P.H. Europe's Tragedy. A History of the Thirty Years War. – L., 2009.

УДК 93/94

М.Н. Игудисман

г. Смоленск, Смоленский государственный университет

ШОТЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА ВИЛЬГЕЛЬМА III ОРАНСКОГО

После вступления на английский престол 11 апреля 1689 года перед Вильгельмом III Оранским стояли острые проблемы, терзающие страну. Одной из ключевых было восстание сторонников сверженного Якова II, получивших название «якобиты», а так же усмирение непокорной Шотландии и Ирландии. Лидером якобитов в это время был *Джон Грэм Клаверхауз, Висконт Данди*. Он был высокий, красивый, харизматический человек, связанный с маркизом Монтрозом, тем самым, который в свое время поднял армию Нагорья для Карла I. Клаверхауз, сделавший себе имя на борьбе против воинственных протестантов стал близким другом Якова II. В апреле 1689 года штандарт повстанцев был поднят около Данди. Затем якобиты поднялись в горную местность. Король Вильгельм быстро послал генерала Хью Мак-Кея с армией, состоящей из жителей нижней Шотландии, на подавление восстания. Грэм слышал, что Мак-Кей начал подъем в высокогорные районы через долину около Блэр-Этола, и решил напасть в проходе Килликрэнки. Но восстание было стремительно подавлено, и правительство взяло под контроль север страны.

В 1689–1691 годах Вильгельм предотвратил попытку реставрации Якова II в Ирландии, нанеся ему поражение при Бойне 1 июня 1690 года. Борьба за установление гегемонии в Шотландии разгорелась между Францией и Англией в XVII веке особенно сильно. Вильгельм понимал, что после фактического разрыва коронной Унии 1603 года между Англией и Шотландией возросла угроза со стороны горного народа. И этим обстоятельством хотела и могла воспользоваться Франция.

Конечно, и в Шотландии в это время шли ожесточённые споры между кланами. В государстве сформировались две полярные по своим интересам политические группировки, выступающие за дальнейший путь развития государства либо в качестве союзника Франции, либо суверена Англии. И, несмотря на победу Вильгельма, на Британских островах оставалось немало сторонников свергнутого короля Якова II. И, конечно же, Франция, давнишний недруг Англии, всячески помогала Якову.

В мае 1689 года Вильгельм с согласия парламента объявил войну Людовику XIV. Последовавшие боевые действия, обычно именуемые войной Аугсбургской лиги, вылились в сражения на многих театрах, в том числе и в Ирландии, откуда Яков II при поддержке французов намеревался снова завладеть тронem. Единственную важную победу в этой войне Вильгельм одержал 1 июля 1690 года на реке Бойн (близ Дрохеды, Ирландия). Он проиграл французам две битвы во Фландрии – 3 августа 1692 года при Стеенкеркене (близ Дюнкерка) и 29 июля 1693 года при Неервиндене (близ Лувена), однако сковал крупные французские силы. Сокрушительная победа командовавшего англо-голландским флотом адмирала Эдварда Рассела над французским флотом при Ла-Уге (29 мая 1692 года) спасла Англию от вторжения.

Таким образом, покровительствуя каперам, Вильгельм добился значительных успехов на море, уничтожив французский флот в битве при Ла-Гойе. Но на этом война не завершилась.

Параллельно Вильгельм осуществлял карательные экспедиции в непокорную Шотландию. Одно из таких событий – резня в Гленко 13 февраля 1692 г. Ее истоки лежат в клановой вражде, которая, развиваясь десятилетиями, и обретя основу в королевской политике, привела к трагической развязке. Клановая вражда была всего лишь одним из факторов, приведших к трагедии. Поддерживая то одни, то другие кланы, английская корона в лице Вильгельма, занявшего трон в результате Славной революции, старалась разрушить клановую солидарность, составлявшую основу шотландской родовой идентичности [3, с. 112].

Потребовав от кланов присяги верности, Вильгельм рассчитывал укрепить их лояльность короне в противовес изгнанным Стюартам. Однако Мак-Яны, маленький клан в Хайленде, хотя и принесли присягу, сделали это с шестидневным опозданием. В результате показательной карательной акции мужчины, женщины и дети, общей численностью 38 человек были убиты, лишь несколькими удалось спастись под покровом темного зимнего утра. Они ушли в заснеженные холмы. Для самого Вильгельма эти события сделали окончательно невозможным признание его авторитета на севере.

Еще одним событием, непосредственно предшествующим Унии, но, казалось бы, противоречащим логике ее подготовки, стала «Дарьенская авантюра», отразившая не только экономический уровень страны, но и показавшая национальные амбиции шотландцев, а также их отношение к южному соседу. По свидетельству ряда историков, Дарьен был вызван деградирующим чувством собственной национальной значимости в период после свержения Стюартов, а сама Дарьенская компания прославилась под именем Шотландская Восточная Индийская Компания [2, с. 31]. Основа этого предприятия была заложена в 1695 г. созданием Компании шотландской торговли с Африкой и Индией. Ее возникновение связывалось с надеждами лондонских и эдинбургских купцов на разрушение монополии Английской восточной торговой компании. Во главе предприятия стоял Уильям Патерсон, известный как основатель Банка Шотландии и на протяжении как минимум десятилетия до того осуществлявший неоднократные попытки способствовать продвижению шотландцев на Американском континенте. Однако на территориях южнее тропиков все его предприятия оканчивались неизменным провалом, так же, как и немногочисленные попытки его шотландских коллег.

Однако успех английских начинаний давал надежду многим шотландцам, которые, рассчитывая извлечь прибыль из торговли с колониями и, считая себя «не хуже, чем Англия, Голландия и другие страны Европы», запросили у Вильгельма патент на деятельность на Карибах [2, с. 32].

Уже в 1690-е годы среди многих влиятельных шотландцев было распространено убеждение, что заморская торговля – это «золотая бочка», которой пользуются европейские державы и которая способна быстро привести Шотландию к процветанию. Дарьен, общий капитал которого оценивался в 400 тыс. фунтов, что составляло четверть всего национального капитала Шотландии, вызвал немыслимый ажиотаж среди шотландцев, которые устремились «изо всех уголков королевства в Эдинбург, богатые и бедные, хромые и слепые» [2, с. 33]. Но Компания была не только амбициозным экономическим предприятием, это была еще и попытка, призванная утвердить национальный дух, показать, что «варварский север» способен конкурировать не только с Англией и с другими развитыми государствами Европы, но и нести собственную культуру. Именно поэтому на суда, отправленные в первую экспедицию, помимо тюков с льняным полотном, шерстью и другими продуктами, которыми собирались торговать в Америке, было загружено полторы тысячи экземпляров Библии и два ревностных шотландских священника. Это был первый шаг к единению всего населения Шотландии, от гор до английской границы, когда все шотландцы, в том числе и горцы, впервые ощутили свою принадлежность к общей нации.

Однако эта попытка экономического прорыва на колониальные рынки была провалена англичанами, которые чинили предприятию всяческие препятствия – губернаторы английских колоний в Америке по указанию из Лондона наложили строгий запрет на сообщение с новой колонией, не выпускали туда кораблей и пресекали ее снабжение продовольствием [1, с. 53].

Излишне говорить, что крах Дарьена был зафиксирован в народной памяти как попытки враждебной стороны, препятствующие развитию Шотландии.

В 1701 году умер живший в изгнании Яков II Стюарт, и французский король признал его сына законным королем Англии – Яковом III. Английский парламент в ответ принял решение об увеличении расходов на военные нужды. Все это сделало возобновление военных действий неизбежным, однако до мая 1702 года, когда началась война за Испанское наследство, Вильгельм не дожил. Он скончался в Кенсингтонском дворце 19 марта 1702 года от последствий падения с лошади. Так как его брак с Марией оказался бездетным, то престол перешел к ее младшей сестре Анне, его кузине и свояченице, согласно «Акту о престолонаследии и Статуту об устройстве государства» (1701), отстранившему от власти католическую ветвь Стюартов в пользу протестантской Ганноверской династии.

Литература

1. Daiches D. Scotland and the Union. – L., 1977.
2. Whatley C.A. Scottish Society 1707–1830. Beyond Jacobitism, toward industrialization. – Manchester; New York, 2000.
3. Апрыщенко В.Ю. Англо-шотландская Уния 1707 г: память, забвение, идентичность // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 1. – Ростов-на-Дону, 2006.

УДК 93/94

О.В. Королева

г. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ПРАВЫ ВОСТОЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI в.

Культура любого народа представляет собой сложную систему ценностей, каждый элемент которой имеет определенный смысл для той или иной социальной общности. Все возрастающий в науке интерес к формированию национальных идентичностей требует изучения исторических контактов и взаимодействий, в процессе которых рождались и распространялись национальные мифы, стереотипы, предрассудки.

При контактах с «другими» люди выносят суждения о чужих культурных ценностях, используя в качестве образца и критерия культурные ценности собственного этноса. Так, и первые английские путешественники при встрече с неизвестными им странами к востоку от Инда воспринимали и оценивали восточные культуры, как и поведение их представителей, через призму своей культуры. Идеи авторов записок о путешествиях со временем становились расхожими представлениями многих людей, внедрялись в массовое сознание, превращались в повседневные представления.

Исследователи склонны утверждать, что европейцы испытывали больше сложностей при описании местных жителей, нежели при описании городов, улиц, домов, что объясняют более сложной природой этого предмета наблюдения. К. Базили, объясняя причины поверхностного суждения западных путешественников о восточном человеке, говорил: «Чтобы изучать человека, нужны годы и опыт, это не пейзаж, который в минуту очертишь» [1, с. 301]. Тем не менее, механизмы восприятия и жителей, и их окружающей среды (топоса) сходны. И те, и другие являются «феноменами сознания путешественников» [3, с. 42]. При формировании образа восточного жителя велика роль культурных, эмоциональных и психологических элементов.

То, что увидели английские путешественники начала XVII в., либо хотели увидеть на Востоке, отклонялось от норм, обычаев, типов поведения собственной культуры. Эти «чужие» люди не соответствовали не только сакральным, но и морально-нравственным ценностям англичан. Многие поступки и качества восточных людей казались странными европейским путешественникам и совершенно неприемлемыми для «цивилизованного» общества.

Так, например, Джон Сэрис был поражен дикостью японских горожан, которые после приведения приговора в исполнение пришли проверить лезвие своих *катана* на трупах казненных. Причем, по его словам, желающих было очень много. После этого тела, порубленные на мелкие кусочки, бросили на съедение диким птицам [9, с. 369]. Не только англичане, но и представители других европейских народов отмечали подобную «дикость» в своих записках. Карлетти, по его словам, неоднократно был свидетелем того, как, «несчастное тело» становилось объектом «забавы ради испытания мечей». Он пишет: «В наших глазах это выглядело нечестивостью, отчего... волосы вставали дыбом. Но они относятся к этому как к любимому занятию, (...), почти также, как мы препарлируем мертвые тела в интересах медицины» [11, с. 159]. Представляя японцев «дикими» и «безжалостными», европейцы, кажется, напрочь забыли такую «любимую привычку» европейского города, как публичная казнь, когда «созерцания мучений преступника на эшафоте, костре или виселице... обуславливались стремлением поразвлечься» [6, с. 354]. Возмущенные обычаем самураев испытывать меч на трупах преступников, англичане забыли, что их соотечественники в Оксфорде совсем недавно вооружались ножами для резки хлеба и нападали на преступника на пути к месту казни.

Ставя собственную культуру в центр мира, англичанин был уверен в абсолютно непоколебимой «праведности» его брата по вере. Поэтому, столкнувшись с «несправедливостью» в восточных странах, он обвинял китайцев в Бантаме и индусов во готовности пойти на «всевозможные

ухищрения, которые только можно придумать» ради собственной выгоды. Так, Т. Герберт характеризовал индусов в Могольской Империи «лукавыми, как дьявол, за внешним спокойствием и дружелюбием которых скрывается лицемерие, большими мошенниками в отношении доверчивых торговцев» [7, с. 411]. Англичане апеллировали к христианскому принципу, согласно которому страшным грехом считалось присвоение чужого имущества и обман. В то же время для самого европейского горожанина богатство было главной целью деятельности человека, а средства, чтобы обзавестись им, могли быть любыми – торговля, обман и хитрая афера [2, с. 94].

В то же время, качества, которые в глазах англичан выглядели похожими на их собственные, вызывали их одобрение. Например, христианский принцип «не убий» они соотносили с индийским принципом непричинения вреда живым существам – ахимсой. Поэтому индусы, не употреблявшие в пищу мясо и заботившиеся о животных, в их записках представлены людьми «милосердными» и «добрého нрава».

Нередко первое впечатление англичан от восточных горожан складывалось от того, какой прием они встретили в восточных городах. Так, самыми гостеприимными и вежливыми, на их взгляд, были японцы, поскольку сам даймё Хирадо пришел на берег встречать английский корабль и способствовал развитию торговых отношений англичан с японцами. Англичан подкупали честность, преданность и учтивость японцев. Это делало японцев непохожими на другие «варварские» народы Востока в глазах путешественников, которые в некоторых случаях представляли их достойными и культурными людьми. Также англичане отметили сыновнюю почтительность китайцев, которая, несмотря на свою чрезмерность, вызывала у них восхищение. Для европейцев, не знакомых с синтоизмом и конфуцианством, все эти положительные, на их взгляд, качества японцев и китайцев были проявлением их «добрého нрава».

Объясняя явления чужой культуры путем сравнения привычного и непривычного, английские путешественники пытались вписать их в свою систему представлений о морали и нравственности. Но, несмотря на их стремление показать превосходство английской культуры над «варварской» восточной культурой, они в своих записках отмечали, что при всей своей специфике система ценностей «чужих» обществ имеет общие черты с ценностями их общества. Так, путешествовавший по Яве Э. Скот противопоставлял трудолюбивых китайцев «высокомерному» аборигенному населению. По его сведениям, китайцы не гнушались никакой работы и «усердно» трудились как «рабы», без выходных и праздников. Ему также импонировала целеустремленность китайцев, которые в «чужой» стране продвигались быстрее по карьерной лестнице, оставляя позади ленивых яванцев и добираясь до высоких государственных постов [10, с. 166].

В целом, отношение первых английских путешественников к неевропейским ареалам подспудно всегда оставалось двойственным. Их культура могла отождествляться с «дикостью» и «варварством» и в этих образах символизировать вселенское зло. Но, вопреки своим средневековым истокам, «дикарь» становился добродетельным, «варвар» – героем.

Поскольку первые английские путешественники в большинстве своем были торговыми представителями по роду занятий и «разведчиками» по сути, то они имели преимущественно прагматический интерес к Востоку. Поэтому «знакомство» с ним протекало в обстановке приспособления «другого» к собственным нуждам и интересам, его «приручения». В стремлении повысить свой «престиж» и отделить «своих» от «других» англичане не избежали поверхностных обобщений и упрощений воспринимаемого. В своей работе «Ориентализм» Эдвард Э. Саид пишет, что «Быть Белым человеком – ... это предполагает необходимость занять осмысленную позицию по отношению и к белому, и к не-белому миру... Это означает особого рода суждения, оценки, жесты» [5, с. 350].

Утверждение К. Базили того факта, что, чем дальше мы изучаем человека, тем лучше его узнаем, спорно. Это во многом зависит от того, с какой целью мы его узнаем – хотим ли понять его, либо «прогнать» его по своей оценочной шкале, сравнивая с собой. Несмотря на то, что контакты англичан с Востоком со временем становились все теснее, но ближе и понятнее им он не становился. П. Маршалл и Г. Уильмс, исследовавшие представления европейцев о «Новых Мирах» в эпоху Просвещения, отмечали, что образ Индии в глазах англичан в начале и конце XVII в. практически не изменился. Так, английский путешественник Джон Овингтон, путешествовавший в Индию в 1689 г., описывал Индию почти теми же словами, что и капеллан Эдвард Терри, живший там в 1616–1619 гг. [8, с. 18]. А. Ерофеев, рассматривая европейское восприятие индийца в XIX в., показывает, что до этого времени Индия так и осталась неизвестной и непонятой страной [4, с. 94].

Литература

1. Базили К. М. Босфор и новые очерки Константинополя. – СПб., 1836. – Ч. 1.
2. Ванина Е. Ю. Ценностный мир средневековья (Опыт сравнения Индии и Западной Европы) // Ценностные ориентиры индийского общества / Под ред. Л.Р. Полонской и др. – М., 2003.
3. Гладышев А. В. Путешествие из Франции в Южную Россию в первой половине XIX в. // «Курорт» в дискурсивных практиках социо-гуманитарного знания. Материалы международной Научной конференции (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). – Ставрополь-Пятигорск-Москва, 2007. – С. 42–57.
4. Ерофеев Н. А. Европейский колониализм и стереотип индийца в XIX в. // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 6. – С. 85–94.
5. Саид Эдвард В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. яз. А. В. Говорунова. – СПб., 2006.
6. Тогоева О. И. Казнь в средневековом городе: зрелище и судебный ритуал // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М.: Наука, 1999. – С. 354.
7. Herbert T. Sir. Thomas Herbert Baronet, his travels, begun in 1626, into divers parts of Africa and Asia Major and in India... // Navigantium atque itinerantium bibliotheca, or, a compleat Collection of voyages and travels... / Ed. by. Harris John. Vol. II. – London, 1705. – P. 404–486.
8. Marshall P. J., Williams G. The Great Map of Mankind Perceptions of New Worlds in the Age of Enlightenment. – Cambridge, 1982.
9. Saris J. The eighth voyage set forth by the East Indian Societie... under the command of Captaine John Saris... collected out of his own Journall // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 4. – P. 334–384.
10. Scot E. A Discourse of Java, and of the first English Factory there, with divers Indian, English, and Dutch Occurrences; written by Mr. Edmund Scot, containing a History of Things done from the 11th February, 1602, till the 6th October, 1605, abbreviated // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. Part 1. Book 3. – P. 164–185.
11. They come to Japan of European Reports on Japan, 1543–1640 / Ed. by Michael Cooper. – London, 1965.

УДК 93/94

Д.М. Креленко

г. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ИСПАНСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Международная ситуация периода Второй мировой войны, расклад взаимоотношений между странами, участвовавшими в войне и занимавшими нейтральную позицию, представляют очевидный интерес, как исторический, так и политический. Задача данной работы заключается в том, чтобы попытаться уточнить позицию Испании в этот период.

Думается, начать следует с того, что на протяжении всей войны Испания официально сохраняла статус нейтрального государства. Казалось бы, получив в период борьбы за власть в стране значительную поддержку со стороны Гитлера и Муссолини, Франко должен был энергично проявить свою приверженность покровителям. Между тем, 4 сентября 1939 г. Ф.Франко, будучи главой испанского государства (вождем, каудильо), подписал декрет о нейтралитете [6, с. 90]. Позиция Испании имела две формы: непосредственный нейтралитет и провозглашенный 12 июня 1940 г. статус невоюющей страны [10, с. 97]. Вслед за этим дипломатическим маневром испанские войска 14 июля заняли крепость Танжер, находившуюся ранее под международным контролем. Франко воспользовался тем, что дальнейшее осуществление международного контроля летом 1940 г. было затруднительно из-за того, что представители наций, осуществлявших власть в Танжере, принадлежали государствам, находящимся в состоянии войны. В этой ситуации переход этого важного стратегического пункта в руки нейтральных испанцев представлялся приемлемым вариантом для заинтересованных сторон [11, с. 79].

Вторым действием Франко, не соответствующем представлениям о поведении нейтральной страны, была отправка на советско-германский фронт «Голубой дивизии». Юридически Испания оставалась вне конфликта, поскольку дивизия была добровольческой. Организационно она входила в состав 16 армии вермахта как 250 пехотная дивизия, таким образом, она представляла собой инструмент не испанской, а германской внешней политики. Так оценивает это испанский автор. Если бывшим противникам в гражданской войне «левым» каудильо уготовил расстрелы и тюрьмы, то для убежденных фашистов, активистов фаланги, предоставлялась почетная гибель на заснеженных полях России. Франко не любил экстремистов любых мастей и полагал, что Испания только выиграет, если избавиться от них.

В конце 1943 г. Франко, отчасти под давлением союзников СССР, отчасти осознав полную бесперспективность войны против России, счел за благо отозвать остатки дивизии домой. Известно, что влияние на развитие событий государство может оказать как прямыми действиями, так и сво-

им бездействием. По-настоящему серьезную помощь Франко мог бы оказать странам Германии, вернув в этот момент Испании захваченную некогда англичанами крепость Гибралтар. Такую услугу Рейху испанцы оказывать не стали. Базы ВВС и ВМС Великобритании исправно функционировали в течение всей войны, обеспечивая англичанам определенную стабильность на Средиземноморском театре военных действий и возможность контроля над огромной акваторией Атлантики.

Чтобы оценить какое значение имел Гибралтар в ходе войны, стоит напомнить такой эпизод, как «охота на «Бисмарк» в конце мая 1941 г. Тогда самолетам, взлетавшим с авианосца «Арк Роял», базировавшегося в Гибралтаре, удалось серьезно повредить гитлеровский линкор, после чего потерявший ход «Бисмарк» был достигнут и уничтожен кораблями английского флота [3, с. 138].

Другой случай связан с переброской на Мальту, подвергшуюся массированному воздушным ударам немецкой авиации, истребителей с авианосцев, выходящих из Гибралтарской базы. Наконец, наличие на Гибралтарской скале аэродрома, способного принимать морские патрульные самолеты, позволило английским ВВС и ВМС осуществлять сравнительно безопасную проводку конвоев со стратегическими грузами вдоль западного побережья Африки.

Словом, роль этого опорного пункта в деле борьбы на Средиземноморье и океанских коммуникациях в Атлантике трудно переоценить. Можно с полной уверенностью сказать, что гипотетическая возможность утраты Великобританией контроля над Гибралтаром особенно в тяжелейший период 1940–41 годов грозила неисчислимыми последствиями: потерей способности сопротивления в Северной Африке, утратой связи с колониями из-за удлинения маршрутов морских перевозок при значительной нехватке торгового тоннажа. Не исключено, что подобное развитие событий могло поставить Великобританию перед необходимостью искать выхода из войны. Другими словами, теоретически в руках Франко имелась возможность вывести из войны одного из трех главных членов Антигитлеровской коалиции. Он этой возможностью не воспользовался сам и не позволил осуществить Гитлеру.

События развивались следующим образом: изначально декларированный Франко нейтралитет вызвал недоумение в Берлине. Однако, учитывая трудное положение, в котором страна находилась после гражданской войны, в Германии сочли, что Франко, очевидно, рассчитывал вступить в войну позже, оправившись после затяжного внутреннего конфликта. Даже выраженное испанским руководством откровенно прохладное отношение к нападению на Польшу не поколебало уверенности Германии в своем пиренейском союзнике.

Справедливости ради надо отметить, что такая уверенность имела под собой определенное основание. Каудильо продемонстрировал летом 1940 г. далеко идущие экспансионистские планы. Очевидно, это было связано с впечатлением от молниеносного разгрома Франции. В этот период Франко активно зондировал мнение Берлина относительно возможности вступления Испании в войну на стороне Германии и Италии. Впрочем, кажется сомнительным, что Франко собрался воевать под воздействием обстановки военной истерии или только морочил голову своему немецкому «другу».

Дело в том, что цену за свое возможное вступление в войну испанцы запросили просто непомерную. Франко требовал от Гитлера гарантировать его притязания на часть Алжира, французское Марокко, расширение территории Испанской Сахары до 20 параллели, а также на французский Камерун [10, с. 97]. Кроме того, для операции против Гибралтара, запланированной в первую очередь, у Германии запрашивались следующие материалы: 200 танков, 40 пикирующих бомбардировщиков Tu-88, 200 тяжелых артсистем. А сверх того, 800 000 т зерна, 100 000 т хлопка, 25 000 т каучука, 625 000 т химических удобрений и еще многое другое в столь же внушительных объемах [12, с. 138].

Интересно, что даже в случае выполнения Гитлером всех заказов каудильо, точные сроки вступления Испании в войну не определялись. Выполнить же перечисленные условия было, если не невозможно, то достаточно затруднительно. Выполнение их предполагало серьезные осложнения отношений Германии с вишистской Францией и требовало значительных изъятий сырья из экономики и военных материалов из скудных запасов вермахта.

Можно предположить, что Франко, слышавший трезвомыслящим политиком, сознательно поставил перед Гитлером такие условия. Любая реакция давала беспроигрышный результат. Если Германия поставит все требуемое, Испания с минимальными издержками получит Гибралтар и огромные колонии в Африке. Если нет, то испанское руководство, ссылаясь на объективные труд-

ности разрушенной страны, откажется от ведения войны и ничего не рискует потерять. Причем откровенная гипертрофия запросов заставляет думать, что именно второй вариант представлялся Франко предпочтительнее.

Так и случилось. Назначенную цену в Берлине сочли непомерной, и от услуг Франко решено было отказаться, сделав ставку на воздушное наступление против Англии. Думается, что приняв такое решение Гитлер, совершил одну из серьезнейших ошибок. Прозрение пришло к фюреру очень скоро, как только стало понятно, что «выбомбить Англию» из войны не удастся. В этой связи особую важность приобрел Средиземноморский театр военных действий, а вместе с ним и Гибралтар.

Уже в августе 1940 г. активизировались попытки давления на Испанию с целью заставить Франко вступить в войну или же добиться разрешения пропустить гитлеровские войска к Гибралтару. Однако, решимость проявленная Англией, продолжавшей упорное сопротивление, произвело впечатление на Франко. Желание поучаствовать в войне, если оно и было у него, заметно побавилось. Опасаясь прямо отказывать Гитлеру, Франко перешел к политике проволочек и обещаний относительно намерений вступить в борьбу. Миссия адмирала Канариса, предпринятая с целью ознакомления с намерениями и возможностями Испании, с одной стороны, и визит в Германию главы МИД Испании никаких результатов не дали [9, с. 529–531]. Испанская сторона упорно отказывалась связывать себя какими-либо обещаниями.

На основании миссии Канариса германский генштаб принял решение готовить собственную операцию против Гибралтара с возможно меньшим участием испанцев. Так появился первый немецкий план захвата Гибралтара, получивший название «Феликс». Видимо, в отношениях с Лондоном Франко был более откровенным. Во всяком случае, англичан уведомили, что «Испания останется в стороне от европейского конфликта, если только она не будет подвергнута нападению» [7, с. 94].

Тем временем попытки Гитлера добиться от Франко вступления в войну не прекращались. Фюрер решил, что сумеет убедить каудильо при личной встрече, которая была назначена на 23 октября 1940 г. К платформе станции Эндай на франко-испанской границе поезд Франко прибыл с часовым опозданием. Согласно принятой в отечественной и зарубежной историографии версии, каудильо опоздал намеренно. Эта точка зрения была поставлена под сомнение лишь однажды Р.Серрано Суньером, известного своими прогерманскими настроениями, который даже сорок лет спустя после происшедшего утверждал, что опоздание было случайным [4, с. 29].

Так или иначе, первая и единственная встреча двух диктаторов прошла безрезультатно с точки зрения Гитлера. В ходе 9-ти часов переговоров фюрер изложил каудильо суть плана «Феликс», который предполагал пропуск через испанскую территорию 20 дивизий вермахта, предназначенных для штурма Гибралтарской крепости. Испанской армии при этом отводилась вспомогательная роль. Осуществить операцию планировалось 10 января 1941 г., и именно в этот день Испания должна была объявить войну Соединенному Королевству [8, с. 120]. В речи Гитлера содержалось также требование передать для нужд германского флота опорные пункты на Канарских островах [2, с. 213].

В ответ каудильо заявил, что изложенный проект не может быть осуществлен, поскольку задает национальные чувства испанцев, захват Гибралтара дело испанской армии, которые немецкая сторона должна соответствующим образом обеспечить и снарядить. Свое мнение он счел необходимым дополнить замечанием, что преодоление пиренейский перевалов зимой дело очень трудное, а вступление на испанскую землю иностранных войск может вызвать национальное движение, сходное с антинаполеоновской народной войной (гверильей) [7, с. 96]. Из всего круга обсуждаемых вопросов Франко, по сути, согласился согласовать только один – график военных поставок из Германии. Все прочие вопросы, несмотря на старания Гитлера, остались без ответа. С этим Франко и уехал, оставив Гитлера продумывать свое первое за время существования Третьего рейха дипломатическое поражение.

Разочарование в союзнике подтолкнуло Гитлера отдать приказ о создании нового плана по захвату Гибралтара. На этот раз план военной операции под кодовым названием «Изабелла» был снабжен политическим дополнением. Абвер изучал возможности устранения Франко и замену его пронемецки настроенным генералом Муньосом Грандесом [1, с. 72]. Учитывая эти нюансы, называть Гитлера и Франко союзниками достаточно проблематично. Штабные разработки «Изабелла–

Феликс» из-за несговорчивости Франко остались на бумаге. Такая же участь постигла более поздний вариант операции на Пиренейском полуострове, известный как план «Илона» («Гизела»).

Очевидно, что с 1942 по 1943 гг. Франко перестал рассматривать Испанию как сторонницу Германии. Более того, уже 13 ноября 1942 г. У.Черчилль, информируя Сталина о ходе операции «Факел» писал: «Политическая реакция Испании и Португалии была в высшей степени удовлетворительной, опасность того, что порт Гибралтар и аэродром будут приведены в негодность, пока перестала причинять беспокойство» [5, с. 74].

Эпизод с полным непротивлением Франко высадке союзников в Северной Африке очевидно продемонстрировал особую позицию Испании. Уже в этот период союзнические отношения с Германией стали очевидной фикцией, несмотря на тесное экономическое сотрудничество и громкие прогерманские лозунги в газетах и на собраниях «фаланги».

В сентябре 1942 г. германофила Р.Серрано Суньера на посту шефа испанского МИД сменил известный своими симпатиями к Англии Ф. Гомес Хордана. Последнее означало фактический отказ от прогерманского приоритета во внешней политике [10, с. 111]. 10 октября 1942 г. Франко, проигнорировав возмущение Берлина, заявил о переходе Испании от статуса невоюющей страны к нейтралитету [7, с. 193].

Основное, что связывало Испанию с рейхом – это достаточно тесное экономическое сотрудничество. Но это вряд ли может быть расценено как проявление союзнических отношений. Тем более, что испанское стратегическое сырье поставлялось как в Германию, так и в Англию. Значительную долю в испанском товарообороте играли США. Кроме того, поставки сырьевых материалов в Германию шли частично в счет погашения военных долгов Испании, а частично в обмен на вооружение и боевую технику. Таким образом, часть произведенной германской промышленностью военной продукции как бы выводилась в нейтральное поле. Причем, это были, как правило, дефицитные боевые средства: зенитные и противотанковые пушки, истребители, пикирующие бомбардировщики.

Известно, что когда в 1944 г. госдепартамент США требовал от Испании прекратить экспортировать вольфрам в Германию в обмен на военное снаряжение, а Черчилль просил Рузвельта не заниматься глупостями [7, с. 193]. Прагматичный британец понимал, что германской промышленности предстоит еще переработать испанское сырье. Причем под бомбежками англо-американской авиации, в условиях энергетического дефицита и других сложностей военного времени. В то время как в Испанию уходит готовая боевая техника, которую можно было бы использовать против воздушных налетов союзников и союзнической высадки в Нормандии или в боях на Восточном фронте. Таким образом, суверенное право испанского государства свободно осуществлять товарообмен с любой страной при вдумчивом рассмотрении прослеживались и выгоды для Антигитлеровской коалиции.

Что касается духовной близости с фашистскими режимами и первоначально декларируемая Франко неприязнь к демократии и ненависть к большевизму, то следует учесть, при каких условиях возник и утвердился франкизм. Ведь франкистская диктатура была рождена как антикризисная система в условиях борьбы с тупиковой ситуацией, в которую завела страну либерально-демократическая Вторая республика. В этой борьбе наиболее яростными противниками традиционалистов, на которых опирался Франко, были ультраевые и коммунисты, а наиболее решительную поддержку ему оказала фашистская «фаланга». Поэтому испытывать любовь к демократии и коммунистам Франко не мог, как не мог не испытывать тяготение к режимам, носившим тоталитарный характер.

Однако руководствовался каудильо не симпатиями и антипатиями, а исключительно национальными интересами своей страны, главным среди которых был мир. Учитывая тяжелое положение своей Испании, он вел политику, направленную на то, чтобы избежать участия в мировом военном конфликте. Вольно или невольно он тем самым оказал услугу Антигитлеровскому блоку. Достаточно сравнить значение нормально функционировавшего Гибралтара с участием в боевых действиях дивизии под № 250.

Наличие или отсутствие возможности эксплуатации англичанами Гибралтарской крепости в определенный момент определяло, насколько эффективно будет участие Великобритании в борьбе против гитлеризма. Отказавшись от излишних амбиций, Франко не сделал попытки вернуть Гибралтар Испании, более того, он не допустил такой попытки со стороны Германии. Насколько реально для Испании было достичь этого собственными силами, свидетельствуют примеры падения

в тот период таких английских укрепленных баз как Сингапур и Тобрук под ударами противника не более сильного, чем Испания.

Представляется, что удачнее всего выразил свое отношение к испанской позиции во Второй мировой войне У.Черчилль: «Следует делать различия между человеком, который сбил вас с ног, и тем, который вас не трогал» [13, с. 613]. В целом политика Франко в годы Второй мировой войны была взвешенной и осторожной. Каудильо хватило здравого смысла не связывать прочно позицию Испании с судьбой стран агрессивного блока. Поэтому, когда державы-победительницы решительно и жестко перекраивали послевоенный мир, франкистский режим был сохранен.

Литература

1. Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. – М., 1984.
2. Гольдер Ф. Военный дневник. – М., 1969. – Т. II.
3. История Второй мировой войны 1939–1945 годов. – М., 1974. – Т. III.
4. Красиков А. От диктатуры к демократии: опыт Испании // Эхо планеты. – 1990. – № 35–36.
5. Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1957.
6. Пожарская С.П. 94От 18 июля 1936 года долгий путь. – М., 1977.
7. Пожарская С.П. Тайная дипломатия Мадрида. – М., 1971.
8. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – М. 1956.
9. Casas de la Vega R. Franco militar. – Madrid, 1995.
10. Payne S. Franco. El perfil de la historia. – Madrid, 1995.
11. Seguela M. Franco – Petein. – Barcelona, 1994.
12. Suares F.L. Francisco Franco e su tiempo. – Madrid, 1984. – Т. III.
13. Churchill W. The Second World War. – London, 1954. – V. 5.

УДК 93/94

Н.С. Креленко

г. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

МЭРИ МОНТЕГЮ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Английское Просвещения, возникшее в послереволюционное время, было лишено ниспровергательных настроений, отличающее все варианты этой идеологии в странах континентальной Европы. Ни пафос разоблачения старого жизненного уклада, а внедрение новых ценностных ориентиров, учение о том, как жить в изменившихся условиях составляет стержень английского Просвещения.

В частности, необходимо отметить значимость проблем личностного поведения и самореализации. «...Просвещение в Англии означало собственно прагматизм... Это была философия целесообразности, искусство хорошей жизни...» [3, с. 9]. Признавая, что «английское Просвещение целиком сосредоточилось на концентрированной безудержной защите прав...», не надо забывать, что в глазах общества интерес представляли «права» одной половины человеческого рода – мужской [3, с. 9]. Женщинам оставалось приспосабливаться к существующему порядку вещей, исхитряться извлечь для себя нечто, что способно сделать их существование более комфортным.

Для понимания Просвещения интересны не только те, кто разрабатывал и обосновывал теоретические основы идеологии, но простые «пользователи». В данном случае речь пойдет о Мэри Монтегю, одной из колоритных фигур, которая, вполне может быть воспринята как представитель, точнее представительница английского Просвещения.

Мэри Уортли Монтегю (19.05.1689–21.08.1762), в девичестве Мэри Пьерпонт (Пирпонт) появилась на свет в мае 1689 г. Она была старшей дочерью в семье Эвелина Пьерпонта пятого герцога Кинстона и Мэри Филдинг. Семейство Пьерпонт было и знатным и очень богатым. Мать девочки умерла, когда ей было 4 года, следующие четыре года ее воспитывала бабушка Пьерпонт, а после ее смерти, основным воспитателем девочки стала богатая отцовская библиотека. Вместе с младшим братом, которому приглашали учителей, изучала латынь, древнегреческий, французский. В своей «Автобиографии» она утверждала, что латынь выучила самостоятельно.

Кроме античных классиков юная Мэри подобно большинству своих современниц зачитывалась авантюрно-лирическими сочинениями, вошедшими в историю как «прециозные романы». Герои и героини любимых романов свои чувства и поступки излагали в письмах Следуя этому примеры

Мэри вела активную переписку со своими знакомыми барышнями, среди которых особое место заняла Анна Уортли Монтегю. Современники отмечали точный и изящный слог юной Мэри. Видимо, чтобы быть на уровне, Анна обращалась при написании писем за помощью к своему брату, Эдварду, выпускнику Кембриджа, незадолго до того вернувшемуся из «большого путешествия» на континент. После внезапной смерти Анны переписка между Эдвардом и Мэри продолжилась.

«Роман в письмах» протекал неровно, заинтересованной стороной выступал скорее молодой человек. В своей «Автобиографии» леди Мэри утверждала: «Летиция (то есть она сама) легко увидела, что она завоевала его сердце» [2, с. 21]. Слова эти написаны много времени спустя, и должны продемонстрировать, что к браку она относилась как к неизбежности, из которой надо постараться извлечь максимум пользы.

Когда в 1711 г. встал вопрос о замужестве, герцог Кингстон отверг кандидатуру Эд. Уортли Монтегю. Мэри решила проблему с помощью бегства и тайного брака. Этот поступок обозначил характер двадцатилетней девушки и ее способ решать жизненные проблемы.

Когда в 1715 г. Эдвард Уортли стал членом парламента от Вестминстера, чета Монтегю переехала в Лондон, где привлекательная внешность и острый язычок Мэри сделал ее заметной фигурой в столичном обществе. В том же году Мэри заболела оспой, и, хотя осталась жива (а в ту пору умирал от этой болезни чуть не каждый второй), но нежной кожи и длинных пушистых ресниц она лишилась. А еще спустя год (в 1716 г.) Э. Монтегю был назначен послом ко двору султана и супруги отбыли на Восток. Все время путешествия и период пребывания при дворе султана Мэри Монтегю вела активную переписку с родными и знакомыми, оставшимися в Англии. Среди ее корреспондентов, в частности, были поэт А. Поуп, критик и издатель Дж. Аддисон.

Вот когда проявился ее эпистолярный дар, умение метко и красочно комментировать увиденное, что должно было не только отразить ее впечатления, но позволить ей продемонстрировать собственное красноречие. Благородная леди писала о разном: рассуждала об управлении страной, о нравах и времяпрепровождении, о посещении гарема султана, о положении женщин, о языке цветов, об одежде. Так, рассказывая в письме сестре о посещении вдовы султана Мустафы, леди Мэри восторженно описала роскошный костюм, а особенно великолепную диадему хозяйки, сервировку стола и обед, включавший 50 перемен блюд. И завершила свой рассказ она словами о том, что пусть адресат не думает, что это пересказ сюжета сказочных историй 1001 ночи.

Автор постоянно проводила сравнения между двумя культурами, британской и турецкой. По мнению леди Мэри восточный женский костюм, придающий анонимность женской фигуре и скрывающий ее лицо, позволяет турчанкам вести довольно бесконтрольную жизнь, конечно, если у них есть средства и служанки, которым можно доверять. Укутанные в бесформенные одеяния дамы могут встречаться с мужчинами на нейтральной территории, чаще всего в торговых рядах, заводить любовные интриги, оставаясь неузнанными своими избранниками, что избавляет их от угрозы возможной нескромности поклонников [4, с. 365].

В марте 1718 г. леди Мэри родила дочку. В одном из писем сестре она писала, сравнивая нравы двух стран о том, что «в Турции более презираема замужняя женщина, не имеющая детей, чем в Англии девушка, которая обзавелась ребенком до брака» [2, с. 273].

Через одну из своих корреспонденток леди Мэри познакомила лондонских дам с языком цветов (*селамом*). Она послала посылку, где в определенном порядке были уложены семнадцать предметов, среди которых цветы, пряности, жемчужина, золотая нить, спичка, кусочек мыла и другие предметы, приложив письменную расшифровку на турецком и английском языках некоего отвлеченного объяснения в чувствах.

Не обошла она вниманием и характеристику политических нравов, отмечая, что «управление здесь полностью в руках армии; и Великий повелитель с его абсолютной властью, такой же раб, как любой его подданный, и трепещет перед неодобрением янычар...» [2, с. 263]. Впечатления английской дамы, отразившиеся на страницах ее корреспонденции, почерпнуты из разных, зачастую случайных источников, а потому суждения достаточно поверхностны, но преподнесены с большим апломбом, отличаются парадоксальностью суждений и поданы легко и метко сформулированы.

Посольская миссия Э. Монтегю закончилась безрезультатно, это стало очевидно уже в 1717 г., но уехали супруги из Стамбула в 1718 г. ближе к осени. Леди Монтегю с сожалением покидала страну, где ей было интересно, откуда она имела массу возможностей удивлять лондонских зна-

комых занимательными и остроумными историями. Возвращаться в Англию пришлось «в объезд», потому что в Европе опять разгорелись военные действия.

Любознательная леди Мэри старалась везде ознакомиться с местными достопримечательностями. После константинопольской Святой Софии итальянская архитектура ее не впечатлила, она лишь порадовалась встрече с работами своих любимцев Гвидо Рени и Корреджо. В Париже ей очень понравились театральные постановки. А вот парижские моды вызвали у нее иронические замечания по поводу «фантастического абсурда в одежде» и макияже. Столица Франции показала М. Монтегю более красивым и удобным городом, чем Лондон, который по ее мнению превосходил Париж только размерами [4, с. 367].

По возвращении в Лондон отношения супругов строились по обычной для аристократической среды тех времен схеме: каждый жил своей жизнью. Сэр Эдвард сосредоточился на политических интересах. Леди Мэри принимала самое живое участие в литературной жизни Лондона. Писала стихи пьесы, эссе о морали, о положении женщин. Кроме того, она покровительствовала молодым дарованиям, среди которых самой яркой фигурой был ее племянник по материнской линии Генри Филдинг, блестящий драматург, автор бессмертного «Тома Джонса, найденныша».

Леди Мэри привлекла к себе внимание тем, что познакомила общество с *селамом* (языком цветов) и, главное, стала популяризировать оспопрививание (*вариоляцию*). Она сделала прививки собственным детям. Убедила короля Георга привить своих детей. Вариант оспопрививания, привезенный Мэри предшествовал тому варианту вакцинации коровьей оспы, который был разработан доктором Э. Дженнером, и получил распространение в конце века.

Главным ее «козырем» были турецкие впечатления. Своей старшей подруге М. Эстелл она показала рукописный том, объединивший ее письма и заметки, написанные в период ее большого путешествия. М. Эстелл советовала ей издать эту рукопись, но леди Мэри не согласилась на это, сделав несколько копий для друзей. Позднее, после смерти М. Монтегю «Турецкие письма» были изданы в 1763 г. под названием «Путешествие по Европе, Малой Азии и Северной Африке». Эта книга, известная под названием «Письма из турецкого посольства», считается одним из ранних образцов жанра «путевых заметок».

Именно в 20-х гг. сложилась ситуация, заметно усложнившая положение М. Монтегю в обществе. Прежде всего, обрисовалась история, в которой фигурировали письма леди Мэри и некий шантажист, прибывший с угрозами разоблачения из Франции. Лирическая линия дополнялась темой меркантильной: леди Мэри, конечно же, не могла остаться вне участия в самой грандиозной финансовой пирамиды своего времени, вошедшей в историю как «Компания Южных морей». Легкомысленный век рококо имел строгую шкалу дозволенного и недозволенного, и если нечто недозволенное случалось, следовало избегать огласки. Общество придерживалось позиции Тартюфа: «В проступке нет вреда, в огласке только вред. / Смушать соблазном мир – вот грех, и чрезвычайный, / Но не грешно грешить, коль грех окутан тайной» [5, с. 157]. В данном случае публичного скандала удалось избежать. Спустя двадцать лет всезнающий любитель редкостей всякого рода Х. Уолпол писал своему приятелю, что ему показали десять писем леди Монтегю и ее французского любовника. Оценивая прочитанное, Уолпол заметил, что «большинство из них остроумны и выдержаны прекрасном стиле... очень примечательно, насколько женщины пишут лучше, чем мужчины» [2, с. 301].

Это был первый сигнал для леди Мэри, как важно быть благоразумной и осторожной, но она к нему не прислушалась. После возвращения с Востока достигла своего пика дружба с А. Поупом. Семья Уортли даже затеяла покупку соседнего с Поупом загородного дома, принадлежавшего известному художнику Г. Кнеллеру. Тогда же Поуп заказал Кнеллеру портрет леди Мэри. В 1723 г. пылкая дружба между ней и великим поэтом, выросшая из галантной переписки времен путешествия на Восток, постепенно осложнилась. Что стало причиной ссоры трудно определить наверняка. Многие годы поэт в письмах позиционировал себя другом и обожателем блистательной дамы. Их отношения строились как «роман в письмах», что предполагало остроумные словесные пассажи, обмен любопытной информацией, несколько преувеличенная эмоциональность и подчеркнутую доверительность. Письма Поупа начинались с почтительного обращения «Мадам» и заканчивались словами «Ваш друг и обожатель». Оба корреспондента были вполне довольны друг другом. Хочется привести реплику относительно роли писем в эпоху Просвещения (которая, ко всему прочему, была также эпохой рококо): «Письма, которые писались друзьям – а тогда все писали

письма – не более как зеркала. В них человек придавал себе такую позу, в которой ему хотелось быть увиденным другими» [8, с. 64].

При живом общении словесная игра выглядела иначе, место наложенной на бумагу проекции образа адресата занял многомерный реально существующий человек, общающийся с теми, кто другому участнику «дуэта» может быть неприятен. Скорее всего, именно столкновение реальных характеров стали причиной конфликта. Согласно семейной легенде Монтегю дело обстояло следующим образом. Поэт однажды выразил свои пылкие чувства. Вполне возможно, это было одно из проявлений галантной игры. Партнерше в такой ситуации следовало отреагировать согласно правилам игры галантного века: изобразить смущение, сочувственный упрек. А леди Мэри начала неудержимо смеяться. Этот искренний, но обидный для внешне очень неказистого, болезненного поэта, смех убил все добрые чувства, дружба-флирт превратилась в яростную ненависть. Последовала литературная дуэль, в которой поэт продемонстрировал свое очевидное превосходство.

Отношение окружающих к Мэри Монтегю приобрело оттенок неодобрения, ею стали тяготиться. Существует подборка отрывков из писем «добрых знакомых», весьма критически отзывавшихся о том, как выглядела и вела себя леди Мэри. Например, леди Страффорд (считалась близкой приятельницей) жаловалась в письме мужу (от 1734 г.), что «леди М. Уортли приходила сегодня утром, одета была в сак (просторное платье) и все свои драгоценности... я с трудом дождалась пока она уйдет» [2, с. 357].

Из разрозненных отрывков складывается впечатление, что наличие «всех своих драгоценностей» в сочетании с просторным дневным платьем, категоричность высказываний, неуместные, как представлялось, в будничном разговоре экскурсы в метафизику раздражали. Лейтмотивом этих язвительных отзывов звучит мысль: слишком много философствует, умничает. Тут на память приходит предостережение Ф. Фенелона об опасности, грозящей слишком ученой женщине: «Без сомнения, следует опасаться, чтобы из девушки не вышло такой ученой, которая в глазах других была бы смешна» [7, с. 155]. Леди Мэри «стала смешна» в глазах людей своего круга.

В конце 30-х гг. леди Мэри отправилась на континент. К этому времени дочь была вполне удачно выдана замуж за графа Бьюта. Что касается сына, то проблемы с ним начались в период его обучения в школе, откуда он периодически убегал, и продолжались долгие годы. Формальным поводом к отъезду послужили проблемы со здоровьем. В респектабельных изданиях респектабельного викторианского времени отмечалось, что супруг поддержал ее намерение отправиться в теплые края и собирался присоединиться к ней, но парламентские обязанности и другие дела не позволили ему сделать это. Объяснение может быть разным, ситуация из тех, в которой принято «сохранять лицо». Однако, достаточно очевидно, что это была добровольная ссылка.

Развод, пусть даже в скрытой форме обществом не одобрялся, особенно учитывая, что супруга не собиралась тихонечко сидеть в поместье, финансово супруга завесила от мужа (жена по английским законам считалась собственностью мужа вместе со всем ее приданным), а политическая карьера зятя требовала внешней благопристойности в семействе. Этот декорум проще было соблюдать, если один из «разъехавшихся» супругов отбывал на континент. «Большое путешествие» леди Мэри становилось выходом их положения.

Первые годы объездила всю Италию (Флоренция, Венеция, Рим, Неаполь, Генуя), бывала в Женеве. «В конечном счете, она осела в Ломбардии, откуда вела письменную переписку с дочерью и неизменно просила присылать ей побольше романов, без которых не мыслила прожить и дня» [6, с. 13]. Книги, как многие ее современники почитала очень высоко.

С мужем она продолжала переписываться. Делились впечатлениями о разном: о политике, о кредиторах сына, о посещении обнаруженных под Неаполем римских городов. Тон общения самый доброжелательный и доверительный. Но вернулась леди Мэри в Англию только после того, как в 1761 г. умер Эвард Монтегю-старший. Она была доброжелательно принята при дворе нового короля Георга III. Умерла М. Уортли Монтегю 21 августа 1762 г.

Она оставила довольно большое число опубликованных работ: проза, стихи, эссе. Стихи правильные, но не выдающиеся, эссе передают общие настроения просвещенного общества того времени. В памяти осталась как автор «Писем из турецкого посольства». А это, собственно объединенные тематически письма, именно письма составляют изюминку творческого наследия М. Монтегю. Нет в них чувствительных описаний, нет причудливых метафор и продуманных острот. Она просто и ясно излагала на бумаге свои впечатления, соображения, воспоминания, умела удачно выразить то, что хочет донести до читателя.

Прожив далеко не складную жизнь, совершив целый ряд непродуманных шагов, Мэри Уортли Монтегю сумела достаточно успешно приспособиться к существовавшим общественным отношениям, продемонстрировав в женский вариант поведенческой практики человека Просвещения, в которой сочетались природная импульсивность и декларативный рационализм, не случайно в названии одной из книг, посвященных ее судьбе она названа «кометой Просвещения» [1, с. 13].

Литература

1. Grandy I. Lady M. W. Montagu: Comet of the Enlightenment. Oxford Univ. – Press, 2001.
2. Paston G. Lady Mary Wortley Montagu and her times. – L. 1907.
3. Porter R. The Enlightenment in England // The Enlightenment in National Context / ed. by R. Porter and M. Feich. – Cambridge, 1981.
4. The Letters of lady Lady Mary Wortley Montagu / Ed/ by mrs. Haly. – Boston, Roberts Brothers, 1884.
5. Мольер Ж.-Б. Тартюф // Мольер Ж.-Б. Комедии. – М., 1972.
6. Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. – М., 1984.
7. Фенелон Ф. О воспитании девиц // Хрестоматия гендерной истории Западной Европы. Кн. VII. – М., 2008.
8. Фукс Э. История нравов. Галантный век. – М., 1994.

УДК 93/94

Т.Л. Лабутина

г. Москва, Институт всеобщей истории РАН

АНГЛОМАНИЯ РУССКИХ ЦАРЕЙ ИВАНА ГРОЗНОГО И БОРИСА ГОДУНОВА

В отечественной и зарубежной науке прочно утвердилось мнение о том, что «окно» в Европу первым открыл Петр I. Между тем, устойчивые дипломатические, торговые и культурные связи Московского государства с западными странами были установлены еще в правление династии Рюриковичей. Сотрудничество с Западом, в первую очередь с Англией, с одной стороны, приобщало Россию к новой культуре, а с другой, – оказывало негативное влияние на менталитет, идеологию и политику ее правящей элиты, включая монарха. Особенно наглядно процесс вестернизации стал заметным в правление Ивана IV и Бориса Годунова. О том, как данный процесс зарождался, и пойдет речь в нашей статье. Заметим, что указанная проблема в исторической науке поднимается впервые.

Задолго до Ивана Грозного Московское государство уже завязало сношения с Западом, хотя таковые ограничивались потребностями политики и торговли, пока еще «не разрастаясь в общую культурную связь» [6, с. 9]. С прибытием в 1553 г. экспедиции Р. Ченслера началась новая веха в истории взаимоотношений России и Запада. Свое внимание царь целиком переключил на англичан. Он даровал им беспрецедентное право на беспошлинную (как оптовую, так и розничную) торговлю на всей территории России, предоставил монопольное право пользоваться северным путем, разрешил торговать в Нарве, Казани, Астрахани, а также дозволил транзитную торговлю в Персию. Англичанам разрешили основать канатные дворы в Холмогорах и Вологде, заниматься рыбным и китовым промыслом, а также искать железо и строить завод на Вычегде. Свои товары английские купцы продавали с огромными барышами, тогда как русское сырье закупали по дешевой цене. В короткое время Московская торговая компания получила огромные прибыли, от 300 до 400 процентов [9]. Неудивительно, что королева Елизавета Тюдор высоко оценила «заслуги» русского царя, который своей политикой открыл поистине баснословные источники обогащения для английского купечества: Иван Грозный получил от королевы Орден Подвязки [4, с. 24].

В беседах с англичанами Иван восхвалял их смелость и лояльность к своей королеве. Он восхищался их мастерством и умением, приглашая к себе на службу из Англии аптекарей, ювелиров, архитекторов, столяров, плотников. Первые двадцать кораблей, украшенных скульптурами львов, драконов, слонов, единорогов, а также диковинными цветами, были построены для Грозного англичанами. В войске Ивана IV, наряду с поляками, шведами, голландцами, стали появляться и выходцы с британских островов: шотландцы и англичане. Первые врачи при царском дворе также были родом из Англии. Один из них – Роберт Яков, прозванный в России Романом Елизаровым, находился «в большом доверии у Грозного и помимо своих врачебных обязанностей исполнял разного рода конфиденциальные поручения». Более того, именно этот доктор сделался своего рода «дипломатическим агентом» королевы, подробно информируя ее обо всем, что происходило при царском дворе [4, с. 25].

В середине 1560-х годов в англо-русских отношениях наметились осложнения. Военные неудачи в борьбе за Ливонские земли заставили Ивана Грозного задуматься о военно-политическом союзе с Англией, который он намеревался скрепить династическим браком с королевой Елизаветой. Царь также высказывал пожелание в случае внутренней смуты в государстве получить политическое убежище в Англии. У Вологды, писал английский посланник Дж. Горсей, Иван Грозный построил множество судов, барж и лодок, «куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях». Бежать царь предполагал не с пустыми руками. Он намеревался «в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море – прямом пути в Англию» [1, с. 109].

Около года правительство Англии вместе с королевой обсуждало предложения русского царя. Наконец, 18 мая 1570 г. Елизавета объявила о своем решении: в случае мятежа в Московии принять царя с его семьей в Англии. Что же касается проекта военно-политического союза, равно как и династического брака, то положительного ответа на данные предложения царя англичане не дали.

Между тем, Иван Грозный не оставлял своих попыток породниться с английской аристократией. Будучи женатым седьмым браком на Марии Нагой и не разведенным с шестой своей женой – Василисой Мелентьевой, он, тем не менее, весной 1582 г. снарядил посольство Федора Писемского в Англию с целью переговоров о возможном браке с племянницей королевы Мэри Гастингс. Несмотря на то, что посольство в Лондоне, как отмечал Горсей, «приняли с почетом» и королева разрешила повидать «невесту» и даже «написать ее персону для передачи государю», из данной затеи ничего не вышло. Быть может, причиной тому послужил отказ Грозного считать детей от намечавшегося брака с английской аристократкой своими возможными престолонаследниками.

Как бы то ни было, но слухи о возможной женитьбе царя на англичанке и, как следствие этого брака – изменение престолонаследия, не на шутку взбудоражили общественное мнение. «Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича – семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, – свидетельствовал Горсей, – изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения» [1, с. 84]. Ближайшее окружение царя было недовольно не только стремлением Грозного заключить династический союз с английской аристократкой, но и всей его покровительственной политикой по отношению к англичанам. Как подчеркивал американский ученый Э. Симмонс, «проанглийские симпатии» Ивана вызывали негодование ряда министров и знати, приближенной ко двору. Они подозревали в действиях своего царя «скрытые мотивы». На взгляд Симмонса, многие западные историки не без основания усматривали в действиях царя Ивана англomанию [8, с. 8]. Среди бояр возник заговор, жертвой которого оказался Грозный. Примечательно, что когда английский посланник Боус явился ко двору, дьяк Андрей Щелкалов встретил его словами: «Ваш английский царь умер!» [2, с. 238] Так стремление Грозного породниться с королевским домом Англии завершилось трагедией для самого русского царя.

Политику, направленную на более тесное сотрудничество с Англией, продолжил Борис Годунов. Еще до вступления на царский престол он сумел завязать отношения с английским двором. Благодаря его усилиям, царь Федор Иоаннович выдал английским купцам жалованную грамоту, сохранявшую их прежние привилегии в торговле. В результате, английские купцы освободились от уплаты пошлин на сумму более, чем 2000 ф. стерл. в год. Симмонс признавал: англичане получили торговые привилегии, каковых не имели прежде [8, с. 27]. В знак признательности своему «лорду-покровителю», как стали величать Годунова англичане, купцы вручили ему богатые дары: 9345 золотых монет, 71 изумрудов, золотой перстень, 14 позолоченных серебряных стопок, 2 запонки с камнем, 100 жемчужин, а также золотую запонку с портретом королевы. Примечательно: Годунов настолько доверял англичанам, что даже подумывал, как в свое время Грозный, об эмиграции в Англию. «Правитель отослал свои богатства в Соловецкий монастырь, – свидетельствовал Дж. Горсей. – Он хотел, чтобы в случае необходимости они были там готовы к отправке в Англию, считая это самым надежным убежищем и хранилищем». В случае побега Годунова Англия «получила бы большую выгоду от огромной ценности этого богатства», заключал Горсей с долей цинизма [1, с. 109].

Проанглийские симпатии Годунова сделались еще более очевидными после его вступления на престол в 1598 г. Королева Елизавета, прознав о воцарении «английского доброхота Бориса»,

незамедлительно направила грамоту, в которой упоминала его «прежнюю любовь и раденье» к ее подданным, торгующим в Московском государстве, и выражала надежду, что и впредь любовь Годунова к англичанам «неподвижна будет» [7, с. 260]. И действительно, все трения в коммерческих отношениях между странами при Годунове были быстро упразднены.

Откровенно проанглийские симпатии Годунова проявились и в его династических планах. Как бы продолжая традицию матримониальных проектов Грозного, царь Борис также решил породниться с иностранными аристократами, хотя и не сам лично, но через детей – дочь Ксению и сына Федора. Королева предложила в невесты царевичу Федору дочь английского графа Дэрби. Однако, поскольку «невеста» оказалась на несколько лет старше «жениха», ее кандидатуру отклонили. Тогда Елизавета прислала для ознакомления царю целый список своих родственников, чтобы Борис Годунов сам лично мог выбрать подходящие партии для детей. Но англичане со своими предложениями припозднились: в Москве уже ожидали жениха для Ксении – датского принца Иоанна [5, с. 86–89]. Когда же скоропостижная смерть принца расстроила готовящийся брак, Годунов вновь обратился к Елизавете с просьбой о возможных претендентах для своих детей. Однако ответа он так и не дождался, поскольку к тому времени королева скончалась, и на английский престол вступил новый монарх – Яков I Стюарт.

Неудачей обернулось и еще одно предприятие царя, направленное на более тесное сотрудничество с Англией: отправка «студентов» на обучение за границу. В 1601–1602 гг. Годунов послал в разные страны 18 «студентов», в том числе четверых в Англию, однако ни один из них после обучения не пожелал возвратиться на родину [5, с. 91–92].

История взаимоотношений Годунова с иностранцами подтверждает, что наибольшие симпатии он проявлял именно к англичанам. Не случайно, большинство ученых, включая современных, называли Бориса Годунова «царем-англоманом» [4, с. 25]. Близость Годунова к англичанам даже породила в народе после его смерти поверие, будто царь не умер, а уехал с казной под видом купца в Англию. Однако Борис Годунов не успел покинуть отечество, хотя, как и Грозный в свое время, не раз помышлял об этом. 13 апреля 1605 г. Годунов скончался. По утверждению Н.И. Костомарова, он был отравлен.

Итак, подведем итоги. Западное влияние в культурной жизни России сделалось очевидным в XVI веке. Особое предпочтение со стороны царей отдавалось англичанам. Поскольку Московское государство находилось в ту пору во вражеском окружении, то естественно, что Иван Грозный и Борис Годунов были признательны британцам за их «прорыв блокады». В результате зарождение англomanии в годы правления этих государей представляется закономерным и объективным процессом.

Литература

1. Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. – М., 1990.
2. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю.Толстым // Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. – СПб., 1875.
3. Загородняя И.А. Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII веке // Россия – Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений. – М., 2003.
4. Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. – Казань, 1891.
5. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. – СПб., 2011.
6. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. – Л., 1925.
7. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 38. – СПб., 1883.
8. Simmons E.J. English Literature and Culture in Russia (1553–1840). – Cambridge, 1935.
9. Tudor Economic Documents Principal Navigation. Vol. II. – Glasgow, 1973.

«ХАЙЛЕНДСКИЙ РУБЕЖ»: ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII вв.

Историография якобитского движения и умиротворения Горной Шотландии, несомненно, обширна. Вместе с тем, о географическом воображении британцев в контексте решения «Хайлендской проблемы» исследований значительно меньше. И практически отсутствуют работы, в которых этот аспект интеллектуальной истории окраинной политики Соединенного Королевства был бы изучен не только в качестве идеологической формы, но и аналитического инструмента интеграции и модернизации Горной Страны. Возвращение к традиционным сюжетам британской истории с географической и картографической точек зрения одновременно позволяет обнаружить скрытый смысл взаимосвязанных мер по сбору, систематизации, комментированию и применению сведений о физической, социально-экономической, политической, культурной географии Горного Края в процессе расширения британского присутствия и решения «Хайлендской проблемы».

Таким образом, вооружившись современными методами изучения ментальной географии и картографии, и имея ввиду накладываемые ими ограничения на процесс исторического познания, можно по-новому сформулировать основные вопросы, связанные с решением «Хайлендской проблемы» в процессе воображения ее географических границ и создания картографических образов.

Во-первых, необходимо понять, как соотносились между собой параллельные процессы формирования региональной и национальной идентичности в Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII вв. Речь идет о гэльской окраине как внутреннем «Другом», о намеренном позиционировании края как отличавшегося от остального королевства и противостоявшего нормам и ценностям британского юнионизма. Особый исследовательский интерес представляет то, как такая воображаемая география и отражавшая и/или, наоборот, игнорировавшая ее картография проявлялись в связанных процессах национально-государственного и имперского строительства в британских владениях. При этом целесообразно уяснить, в какой мере такое «отстающее» пространство формировалось через противопоставление «модернизирующейся» в целом стране, а в какой мере формирование национальной и имперской идентичностей шло обратным путем – задаваясь оппозицией с «отклоняющимся» от провозглашенных Англо-шотландской унией норм регионом.

Во-вторых, необходимо пересмотреть традиционное представление о картографических практиках раннего Нового времени как действиях, связанных с накоплением географических знаний. Новую историю картографии, рассматривающую картографические труды как дискурсы доминирования или как поле конкурентной борьбы между сторонниками различных интерпретаций оспариваемого ими пространства, следует дополнить исследованием таких актуальных в процессе умиротворения Горной Страны и решения «Хайлендской проблемы» аспектов картографирования, как сбор агентурных сведений, в том числе этнографического свойства. Если читать карты Хайленда не только как отражения географической реальности и/или проекции пропаганды властей, но и как результат совместных усилий «шотландских» чинов и их местных агентов по географическому воображению гэльской окраины, можно выявить неочевидные в ином случае связи между расширением британского присутствия в крае и его интеллектуальной колонизацией, ростом политического контроля и участия в этом процессе заинтересованных представителей местных элит.

Умиротворение Горной Шотландии сопровождалось не только увеличением числа британских гарнизонов, но и формированием определенного корпуса текстов (записки, рапорты, мемориалы, описания, отчеты, травелоги, памфлеты, военно-политическая корреспонденция), отражавшего восприятие края в Англии и значительной части Нижней Шотландии и послужившего идеологическим обоснованием для политики Лондона на гэльской окраине. Их разбор помогает понять, как на Горную Страну и горцев смотрели из Лондона, как британские чины «прочитывали» действительность Горной Шотландии, в какой степени такое «прочтение» формировало политику Лондона в крае.

При этом едва ли не важнейшей задачей правительственных информаторов о положении в Горной Стране являлось определение ее границ: и не столько географических, сколько культурных,

политических, религиозных, этнических. Отсутствие в Лондоне четкого, ясного и непротиворечивого образа Горного Края на фоне мятежного характера ее обитателей привело к тому, что изложение географических, исторических, политико-экономических, этнографических сведений стало не только наиболее распространенным способом представить край министрам, но и определило набор тем, в рамках которых формировались первые и самые устойчивые представления о положении в крае и политика королевства в отношении гэльской окраины. Эти комментарии можно рассматривать еще и как типичную для эпохи продолжавшихся географических открытий и отражавших их хорографических сочинений разновидность «карт» этого мятежного края: аналитическая литература была своеобразной энциклопедией Хайленда.

Современники ясно осознали энциклопедическую природу картографии в век Просвещения. Так, «Энциклопедия» Ж.Л. Д'Аламбера и Д. Дидро, например, сама понималась как дорожная карта Просвещения, а слово *mappe monde* (карта мира) являлось ключевой метафорой в их описании собственной работы. Д'Аламбер при этом описывал «Энциклопедию» как «своего рода карту земных полушарий, которая должна показать главные стороны, их положение и взаимную зависимость и дорогу, разделяющую их, в виде прямой линии; дорогу, часто прерывающуюся тысячу препятствий, которые могут быть в каждой стране известны только местному населению или путешественникам и которые могли бы быть указаны только на специальных, очень подробных картах. Этими специальными картами и будут различные статьи «Энциклопедии», а древо или наглядная система – картой земного шара» [3, с. 229].

В XVIII в. – время завоеваний и открытий при неразделенности научных дисциплин – география вполне могла включать всевозможные описания и комментарии и была тесно связана с «наукой подчинения», устанавливая соотношения Великобритании с ее гэльской периферией в частности, и Европы с остальным миром вообще. Перефразируя Л. Вульфа, начиная с атласов и заканчивая энциклопедиями, география устанавливала границы «просвещенной» Европы и наносила ее карту в сознании эпохи Просвещения [2, с. 289]. Как и обычные карты, сочинения «о положении в Горной Стране» были призваны упорядочить другие отрасли знания помимо географии – по истории, этнографии и политэкономии Горного Края, – содействуя его интеллектуальному освоению и военно-политическому подчинению.

При этом потребности военного времени (мятежи якобитов в 1689–1691, 1715–1716, 1719, 1745–1746 гг.) актуализировали стремление Лондона описать Горный Край, то есть, при сложившихся обстоятельствах, еще и составить надлежащую карту предстоящих военных кампаний. Расширение британского присутствия в Горной Шотландии и активная внешняя политика Лондона за океанами, сообщавшая особое военно-стратегическое значение гэльским окраинам, на протяжении «долгого» XVIII в. обеспечивали картографам постоянную занятость, делая географию неотъемлемой частью любого сочинения «о положении в Горной Стране».

Составление отчетов и описаний Хайленда оказывалось необходимой практикой политизации географического пространства Горного Края, где политика всегда была геополитикой, а географическая (топографическая, этнографическая) карта становилась языком этой геополитики, дискурсом, в котором властные отношения это еще и отношения пространственные. При этом географическое воображение британских комментаторов в этом процессе играло особую роль, сопрягая в сознании ответственных за умиротворение Горного Края чинов колониальный опыт королевства, образы неочевидного британского единства в контексте заключенной в 1707 г. Англией и Шотландией унии и потребности Лондона в понимании, определении и сокращении границ «Хайлендской проблемы».

Естественные отличия Хайленда от пасторальных пейзажей Англии и Нижней Шотландии уже формировали ощущение географической особенности Горного Края. Форт Уильям, например (сейчас небольшой городок), располагается в 9 м над уровнем моря, в то время как гора Бен-Невис возвышается на 1343 м от берега, хотя их и разделяли всего 6 км; температура при этом понижается на 6 градусов через каждую 1000 м в сочетании с частыми в этих краях осадками и порывистым ветром. Суровая и неприветливая природа Горной Страны, казалось, предполагала те же характеристики и для социальной и политической природы этого края.

Между тем, хотя географическая, социальная, экономическая, политическая, культурная карты Шотландии во многом определялись разделявшим Верхнюю и Нижнюю Шотландию «Хайлендским рубежом» Грэмпианских вершин, сам Хайленд длительное время сопротивлялся географической локализации и никогда не был просто географическим объектом на политической карте, де-

монстрируя характерную текучесть военно-политической, социально-экономической и этнокультурной географий Горного Края. Даже употреблявшееся британскими чинами название края, Хайленд, не передавало содержание гэльского термина «Gaidhealtachd». Последний означал лингвистическое и культурное родство, первый характеризовал географию края. Гэльское понятие «Galldachd» так же не являлось эквивалентом англоязычного обозначения шотландских Низин, Лоуленд [8, с. 5; 14, с. 144]. Двухязычие, характерное для графств, включавших округа в Нижней и Верхней Шотландии, делало процесс географического определения Горной Страны еще менее однозначным. Около 30% шотландцев в конце XVII в. владели гэльским языком [13, с. 30–31]. Но не все из них проживали в Горном Крае и употребляли его повседневно.

Вместе с тем, в аналитических комментариях в зависимости от контекста Хайленд очень быстро перешел из разряда исключительно географической категории в категорию с культурным, лингвистическим, этнографическим, политическим, социально-экономическим содержанием, подражая бинарную оппозицию Лоуленду. Хотя в памяти горцев сохранилось представление о более широкой географии родного языка, включавшей когда-то ряд округов и в Лоуленде, что отразилось в различии «гойлов» (Goill), лоулендеров, и «сассенахов» (Sasannaich), англичан [14, с. 144].

Этот факт подтверждает, что географическое воображение британских комментаторов, разделяя Шотландию на Верхнюю и Нижнюю, Хайленд и Лоуленд, решало не только картографические задачи, но и политические, укрепляя юнионистское видение Соединенного Королевства. Особенно заметен этот факт на фоне того обстоятельства, что сами горцы и в середине XVIII в., употребляя понятие «Хайленд», имели в виду географию, а не языковые и культурные практики. Как сообщал в 1749 г. инспектор конфискованных имений в Хайленде: «Все эти земли, а именно Кнойдэрт, Моррирс, Мойдэрт, и Эрисэйг являются самыми гористыми и трудноодолимыми частями во всей Горной Шотландии и обычно зовутся жителями соседних земель Хайлендом Хайленда» [10, с. 67].

Таким образом, географическое воображение комментаторов представляло Горную Шотландию в свете этнокультурных особенностей ее обитателей. С этой точки зрения остальной текст сочинений «о положении в Горной Стране» можно рассматривать как расширенный комментарий к лингвистической, этнической, культурной, социально-экономической географии края, понимавшейся как география «Хайлендской проблемы». Границы мятежа, источником которого Хайленд считали в остальном Соединенном Королевстве до окончательной ликвидации военной угрозы якобитизма в 1759 г., определялись, следовательно, в том числе как пределы распространения насильственных практик – кража скота, главным образом, и вымогательство – «подъем» (lifting) и «черная рента» (blackmail) в более простительном к подобным проявлениям шотландском варианте английского языка.

Таким образом, понятным Короне и ее правительствам и принятым в холлах Вестминстера языком авторы рекомендаций по умиротворению Горной Страны отстаивали собственное представление о пространственных пределах ее мятежности и способах сокращения этих опасных для королевства границ. Опыт службы в Северной Британии в сочетании с политической школой «шотландских» чинов порождал компромисс между политической риторикой и реальностью края, способствуя воображению Хайленда в аналитических сочинениях конца XVII – первой половины XVIII вв. в рамках культурной географии и этнической картографии.

В этом смысле географическая неопределенность в установлении границ «Хайлендской проблемы» представляла собой типичный колониальный случай. Картографы и комментаторы были вынуждены активно воображать эту сложную и с трудом поддававшуюся упрощению на письме и карте реальность: «Законы здесь никогда не применялись, никогда споры не решались властью судьи. Судебный исполнитель не смеет и не может выполнять здесь свои обязанности, и многие селения лежат милях в тридцати от местожительства людей, облеченных законной властью. Короче говоря, здесь нет порядка, нет власти, нет правительства!» [6, с. 344]. В результате чины, как в центре, так и на периферии королевства, представляли границы края не только как культурно и этнически определяемый «Хайлендский рубеж», но и как границу правоприменительных практик (наследственная юрисдикция магнатов и вождей отменена актом парламента только в 1747 г.).

Благодаря такой логике географического воображения и администрирования они получали, несомненно, большее пространство для маневра и дополнительное время для забвения или решения «Хайлендской проблемы». Признавая наличие разделенной юрисдикции в королевстве, зафиксированной в договоре об Унии и привязанной к географии Горного Края, Лондон вплоть до

последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. выстраивал отношения с гэльской окраиной не на унификации и принуждении. Напротив, интеграционные процессы до определенного момента базировались на признании и принятии уникального правового статуса Хайленда, который не только подтверждал наличие «Хайлендской проблемы», но и позволял точнее определить ее географию, а, следовательно, и пути ее решения.

В качестве инструмента окраинной политики и решения «Хайлендской проблемы» картография Горной Страны, таким образом, не могла быть лишь военно-политической. В диалоге власти и знания в деле определения «Хайлендского рубежа» военные и политические карты края дополнялись сведениями о культурной географии, этнической картографии и географии законности, отражавших распространение «цивилизации» и устанавливавших региональное единство и специфику этого края. В этой связи представляется весьма примечательным то обстоятельство, что практически во всех записках и отчетах ответственных чинов политические, экономические и социокультурные границы Горного Края на бумаге, как правило, совпадали географически с отделявшими Верхнюю Шотландию от Нижней горными кряжами, а хронологически – с уже миновавшей остальное Соединенное Королевство эпохой «тирании и варварства» (культурная география подразумевала такой темпоральный аспект), образуя «Хайлендский рубеж».

Скорейшее стирание этих границ являлось для британцев, живших к югу от этой воображаемой черты, одним из неперемennых условий окончательного объединения Англии и Шотландии и, следовательно, окончательного определения карты Великобритании. На языке сторонников реформирования Горного Края этот процесс сопровождался призывом «завершить унию». На языке географов он соответствовал призыву «завершить европейскую географию». Попытки Великобритании провести интеллектуальную колонизацию гэльских окраин в этом смысле вполне соответствовали более общей тенденции просвещенных европейских держав картографически подчинить «варварскую» периферию в контексте интеграционных проектов.

Хайленд в отчетах чинов и агентов правительства конца XVII – первой половины XVIII вв. – пример трансформации стратегии регионального господства в целях соответствия новым требованиям и обстоятельствам расширения британского присутствия в Горной Стране. При этом дискурс официальных властей выступал как дискурс культурный и геополитический. С одной стороны, фоном для описаний гэльской Ирландии и гэльской Шотландии был интенсивный процесс самоидентификации англичан и шотландцев в процессе формирования новой британской идентичности. С другой стороны, разговор об этих окраинах был связан с угрозой иностранного вторжения. В результате для правительственных комментаторов эти области являлись в культурном и политическом смысле частью единого целого. Этот факт подтверждается эффективным использованием языка в качестве аналитического критерия при конструировании внутренне однородного ареала: ирландский язык оказывался структурообразующей этнокультурной особенностью гэльской Ирландии и Горной Шотландии. Томас Пеннант, например, один из самых известных натуралистов Великобритании второй половины XVIII в., составляя «Карту Шотландии» (1777 г.) все еще подумывал, не обозначить ли «Хайлендский рубеж» исходя из особенностей лингвистической географии (ирландский язык) [12, с. 124].

Однако не одни языковые и культурные особенности придавали гэльским окраинам целостность. Они почти точно совпадали с театром якобитских войн Вильгельма Оранского (первых, в длину их череде между 1689 и 1759 гг.) и, соответственно, с эпистолярным пространством его комментаторов в Горной Стране, администраторов и генералов. Война не только приковывала внимание к отдельным местностям и географическим названиям, но так же устанавливала связи и соотношения между ними (и вместе с тем была одним из способов поддержать и навязать сопернику свое определение региона). Якобитские войны 1689–1691 гг. превратили в единый театр военных действий почти всю Ирландию и Горную Шотландию, поместив их на одну военную карту – география войны также способствовала формированию неразделенного представления о гэльских окраинах.

География «Горной войны» командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Маккея с самого начала включала и карту Ирландии (как и его «Война в Ирландии» неизменно затрагивала и Горный Край) [7]. По мнению М. Фуко, «некоторые пространственные метафоры являются одновременно географическими и стратегическими, и это вполне естественно, ибо география выросла в тени войск. Между географическим и стратегическим дискурсом наблюдается круговращение понятий. Регион географов – это военный регион (от *regere* – править)» [4, с. 160].

О том же в определенном смысле пишет Пьер Бурдьё, когда утверждает, что конкуренция географических образов «конституируется борьбой за определение “региональной” или “этнической” идентичности» [1, с. 45–60]. В этом смысле, перефразируя известное выражение Карла фон Клаузевица, можно сказать, что география – это продолжение политики другими средствами.

Северный канал и Ирландское море, таким образом, скорее объединяли, чем разделяли ирландский и хайлендский берега не только в экономической, политической, культурной реальности, более характерной для XVI – первой половины XVII вв., но и в репрезентациях конца XVII – первой половины XVIII вв. От шотландского Кинтэйра до ирландского Энтрима – чуть больше 24 км, и такая географическая близость на фоне подтверждаемых этнографией выводов провоцировала восприятие Горной Страны как части гэльской Ирландии. Не исключено, что такое игнорирование или преувеличение было следствием несовершенства картографических приемов и методов этнографического анализа, но в контексте борьбы с якобитами такая картографическая условность приобретала политический смысл.

Еще в 1698 г. парламентарии Англии обсуждали невероятную «вероятность» прибытия из Ирландии в Хайленд Александра МакДонелла, 3-го графа Энтрима, и «подъема» им «20.000 имени или клана МакДонелл» в Горной Стране против Короны [11, с. 184–188]. При этом, примеры такой «интернациональной» помощи современникам уже были знакомы, и еще встретятся позже (как ирландская «бригада» Эллэсдэйра Макколы под началом «Великого Маркиза» Монтроза в Хайленде в 1644–1645 гг., или ирландская бригада под началом лорда Джона Драммонда на стороне «милого принца Чарли» под Каллоденом 16 апреля 1746 г., как будто подтверждая единство ирландских и шотландских гэлов в мятежах и восстаниях).

Для географического воображения британцев такое «смещение стилей», впрочем, не являлось чем-то совершенно особенным. Так, например, в 1708 г. в Лондоне хорошо известный британской публике картограф Герман Молл наряду с картой Шотландии (ставшей основой для «Новой карты Шотландии» Саттона Николса 1710 г.) издал карту «Московии, Польши, малой Татарии и Черного моря» [9, с. 83–85]. Подобное сочетание различных земель не вполне соответствовало географической традиции, однако события Северной войны сделали такую карту и необходимой и возможной.

В 1712 г., год спустя после окончательного поражения венгерского мятежа Ференца Ракоци, Молл напечатал карту, посвященную «Его Милости Джону, герцогу Мальборо, князю Миндлхейму», представлявшую «страны, принадлежащие Австрийскому Дому», то есть «Новую карту Германии, Венгрии, Трансильвании и Швейцарии». Однако это была не просто новая карта, но новый способ составлять карты: соединив в одном названии Венгрию и Германию, она воспевала триумф Габсбургов и поражение Ракоци, носившего еще и титул князя Трансильванского [2, с. 242, 247].

В 1714 г., Молл вновь издал карту Шотландии, ставшую основой для «Новой карты Шотландии» Томаса Тэйлора 1715 г. [9, с. 85]. Маршруты мятежных горцев в 1715–1716 гг. многие могли проследить именно по этим изданиям, представлявшим Шотландию страной, разделенной не «Хайлендским рубежом», а границами графств. Впрочем, эта альтернативная интерпретация шотландской географии отражала скорее перспективное будущее, чем реалии настоящего, в прямом и переносном смысле слова, «поскольку карты графств Шотландии, составленные Моллом, – как заметил в 1743 г. картограф Артиллерийской палаты Уильям Эдгар, – не только недостаточны, но также зачастую ошибочны во многих местах» [5]. География Хайленда все еще оставалась предметом не только политических, но и академических споров.

Как заметил Э. Хобсбаум, некоторые регионы – скорее область политики, чем географии, скорее область политических программ, чем реальности. Другое дело, что сконструированные регионы не перестают от этого обладать меньшей реальностью. Связывая общими характеристиками Ирландию и Горную Шотландию, вильямиты и ганноверцы переводили карту современных им войн на язык региональных обобщений. При этом в глазах современников Девятилетняя война 1689–1697 гг. (составной частью которой оказалась война с якобитами в 1689–1691 гг.) воспринималась как «Война за английское наследство», так что картографам теперь приходилось иметь дело с войной в говорящей на «ирландском» языке Горной Стране – против шотландцев – за Англию – с культурной и политической географией Британских островов одновременно. Регионы могут конструироваться культурными и геополитическими факторами, обозначаясь культурными границами или геополитическими рубежами. В 1689–1759 гг. Хайленд интерпретировали с обеих точек зрения одновременно.

Такая вариативность географического воображения Хайленда отражала не только ту степень неопределенности, с какой многие «шотландские» чины, их агенты и информаторы сталкивались в Горной Стране (как правило, те из них, что являлись в крае чужаками). Воображаемая география соответствовала поворотам хайлендской политики Лондона, по-своему отражая процесс интеграции этой гэльской окраины как на уровне конкуренции образов Хайленда, так и в восприятии его «цивилизации» британской читающей публикой.

Литература

1. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. – № 3. – 2002. (впервые работа опубликована в 1980 г.).
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003.
3. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М., 2002.
4. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М., 2004.
5. Edgar W. A New and Correct Map of Loch-Lomond, with the Country Circumjacent being Part of Dumbarton-Shire, Argyle-Shire and Stirling-Shire, 1743 // *British Library. Maps K. Top.* 48.47.
6. Graham N. An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.] // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. – Edinburgh, Glasgow and London, 1822.
7. Mackay H. Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. – Edinburgh, 1833.
8. Murdoch S. Language Politics in Scotland. – Aberdeen, 1995.
9. The Early Maps of Scotland to 1850. Vol. I. // Ed. by Donald Grant Moir, Harry R.G. Inglis. – Edinburgh, 1973.
10. The Highlands of Scotland in 1750. – Edinburgh, 1898.
11. The Journal of the House of Commons. Vol. 12. – London, 1802.
12. Walters G. Thomas Pennant's Map of Scotland, 1777: A Study in Sources, and an Introduction to George Paton's Role in the History of Scottish Cartography // *IM*, Vol. 28 (1976).
13. Withers C.W.J. Gaelic in Scotland 1698–1981: the Geographical History of a Language. – Edinburgh, 1984.
14. Withers C.J.W. The Historical Creation of the Scottish Highlands // *The Manufacture of Scottish History* / Ed. by I. Donachie and C. Whatley. – Edinburgh, 1992.

УДК 93/94

О.И. Малюгин

г. Минск, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

«SUPERBUS TYRANNUS»: ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ О ВОРТИГЕРНЕ

В наиболее разработанной версии истории об Артуре, которую в XII веке представил на суд читательской аудитории Гальфрид Монмутский в своей «Истории королей Британии», немалое место занимает Вортигерн – правитель бриттов, при котором началась проникновение на остров саксов во главе с Хенгистом и Хорсой (НКВ, 94–105). Гальфрид подробно рассказывает о приходе Вортигерна к власти, его взаимоотношениях с саксами, женитьбе на Ровене и, по сути, предательстве интересов своих бриттских подданных. Для Гальфрида эти события служат прологом к началу артуровской истории – начиная со строительства Вортигерном крепости и последовавшего затем пророчества Мерлина (НКВ, 106–118).

Эти события, хорошо известные по более поздним сказаниям артуровского цикла, помещаются Гальфридом в контекст исторических событий, происходивших в Британии на протяжении V столетия. При этом мы можем констатировать, что исторические сочинения сохранили для нас имена лишь нескольких людей, живших в то время. Показательно, что Гильдас, наш основной источник сведений о пост-римской Британии, вообще ограничивается упоминанием одного лишь Амвросия Аврелиана, когда рассказывает о перипетиях борьбы бриттов и саксов. Другие произведения говорят чаще о церковных лидерах, таких как Агрикола или Патрик.

Если внимательно прочитать все тексты, созданные в V–VI столетиях, то в них мы не обнаружим имени Вортигерна. И это будет весьма интригующе, если учесть ту роль, которую он играет в более поздних сочинениях. Гальфрид значительную часть для своего произведения почерпнул из труда, приписываемого Неннию, – «*Historia Brittonum*», где Вортигерну уделено много внимания,

говорят о Вортигерне также составители «Англосаксонской хроники», Вильям Мальмсберийский, упоминается он в надписи на колонне Элисега (IX в.).

Это позволило некоторым исследователям утверждать, что Вортигерн никогда не существовал и является личностью легендарной, появившейся на страницах текстов, созданных уже в VIII–IX веках. И главный аргумент в таких построениях – это молчание о Вортигерне Гильдаса, нашего основного информатора о тех событиях.

Повествуя о приходе саксов, Гильдас, как уже было сказано, не называет имени Вортигерна, он оперирует термином «*superbus tyrannus*», который совместно с «советниками» пригласил в Британию для защиты своего королевства от северных варваров саксов, впоследствии обративших оружие против бриттов: *«Тогда были ослеплены все советники вместе с надменным тираном и избрали такую защиту – а скорее погибель – отечества, так что эти дичайшие, нечестивого имени саксы, Богу и людям мерзкие, были введены, словно волки в овчарню, на остров для сдерживания северных народов»* (DEB, 23).

Отношение Гильдаса к «*superbus tyrannus*» сугубо отрицательное, причем использование в отношении его прилагательного *infaustus* может подразумевать, что кончина этого тирана была весьма печальной.

Однако также Гильдас молчит на страницах своего труда и об Артуре, чье имя он не называет, хотя в историчности Артура ныне существует мало сомнений. Потому многие исследователи склонны отождествлять Вортигерна с «*superbus tyrannus*» Гильдаса и обсуждать причины, по которым последний не называет его по имени. Даже Д. Дамвилль, который в целом крайне скептически настроен в отношении британской истории V столетия, склонен считать Вортигерна исторической личностью [1, с. 185].

До нашего времени сохранилось 4 относительно полных рукописи с текстом «*De Excidio*». В двух из них, на которых обычно основаны современные издания этого текста, нет имени «*superbus tyrannus*», он остается анонимным. В двух других – Кэмбриджской рукописи X (текст Гильдаса в ней датируется XIII веком) и Авраншской рукописи (датируется XII веком) это имя имеется. В Авраншской рукописи говорится «тиран Вортигерн» (*tyranno Uortigerno*), а в рукописи X – «тиран Вортигерн, вождь бриттов» (*tyranno Gurthigerno britannorum duce*).

Первая реакция исследователей на такое расхождение – признание имени Вортигерна в этих двух текстах позднейшей интерполяцией переписчиков (так считал еще в конце XIX столетия Т. Моммзен). Однако против такого мнения можно привести слова Беда, который в VIII веке говорит о Вортигерне, сначала в работе «Об исчислении времен» (в форме «*Uertigernus*»), а затем и в «Церковной истории» («*Uurtigernus*»). Это позволяет ряду исследователей предположить, что Беда знал какой-то вариант труда Гильдаса, более полный, чем дошедшие до нашего времени.

Дополнительным аргументом в пользу такой точки зрения может служить обнаружение еще одного фрагмента труда Гильдаса – в рукописи MS 414 из муниципальной библиотеки Реймса. Этот текст, датируемый предположительно IX столетием, весьма близок к Авраншской рукописи и при этом не повторяет ее ошибок. Но, к сожалению, главы 23 в этом тексте нет, отрывок начинается с главы 27, потому с определенностью судить о том, называл ли Гильдас имя тирана, мы не можем. Можно лишь утверждать, что вероятность того, что Гильдас изначально указал имя Вортигерна, которое позднее при копировании пропало из текста ряда рукописей, весьма высока.

Тем не менее, единства среди исследователей на этот счет нет. Наряду с отрицанием историчности Вортигерна в целом, существует ряд других гипотез, стремящихся объяснить появление этого слова в более поздних текстах. Так, некоторые специалисты склонны считать, что «Вортигерн» – это не имя собственное, а титул. В таком случае «вортигерн» означал «главнокомандующий» или (по аналогии с ирландским *ard-ri*) «верховный король», и «*superbus tyrannus*» у Гильдаса – это простой перевод термина на латынь. Кеннет Джексон, оспаривая такую гипотезу, отмечал, что, во-первых, мы неплохо знакомы с кельтской терминологией, в которой нет никаких следов такого титула, а во-вторых, контекст, в котором употребляется слово Вортигерн, не оставляет сомнений, что это имя собственное [3, с. 36–37]. Также можно отметить, что нам известны и другие кельтские имена с окончанием *-gern* (к примеру, Кентигерн), никакого отношения к социальной терминологии не имеющие.

Имеются и попытки отделить «*superbus tyrannus*» Гильдаса от Вортигерна, известного нам по более поздним текстам. Один из вариантов предлагает Роберт Хамфрис, который считает возможным существование двух различных Вортигернов – одного, идентичного «*superbus tyrannus*»

Гильдаса, а второго – одного из родоначальников королевской династии Повиса, отмеченного на колонне Элисега. В более позднее время произошло слияние этих двух исторических персонажей, при котором превалирующей стала личность именно персонажа «De Excidio» [2].

Еще один вариант – поиск иного кандидата на должность «*superbus tyannus*». В данном контексте весьма любопытна гипотеза Ф. Рено, который в ряде публикаций попытался отождествить его с западноримским императором Валентинианом III [6, с. 84–87]. Автор, правда, сам признает хрупкость своей теории, указывая, что нам неизвестно, чтобы Валентиниан когда-либо посещал Британию, к его времени вышедшую из-под римского контроля. Главный его аргумент – только император мог приглашать варваров-федератов для поселения в границах империи, потому фраза Гильдаса должна относиться именно к императору, а не к местному, пусть даже и романизованному, правителю. Аргументация подобного рода во многом опирается на текст «*Notitia Dignitatum*», составленной в окончательной форме в 20-х годах V столетия. В ней перечисляются военные подразделения и официальные должности по римским провинциям, в том числе содержатся сведения относительно британских провинций. Это дает повод утверждать, что в это время на острове еще присутствуют римские войска и чиновники. Однако критики такой точки зрения справедливо указывают, что текст «*Нотии*» составлялся на протяжении длительного времени, и британская секция отражает реалии IV столетия, если не конца III-го. Наличие римских войск в Британии после 410 года не подтверждается ни письменными текстами, ни данными археологии.

Как уже было сказано, первым автором, называющим имя Вортигерна, был Беда Достопочтенный. Согласно общему мнению исследователей, его рассказ об «*adventus saxonum*» преимущественно основан на тексте Гильдаса. Беда добавляет мало подробностей к рассказу своего предшественника, но они весьма важны. Во-первых, это имя Вортигерна (HE. I, 13), во-вторых, имена предводителей германцев – это Хенгист и Хорса (HE. I, 14). Важно отметить, что в *Chronica Majora* Беда приводит кельтскую форму его имени – «*cum rege suo Vertigerno*», тогда как в «*Церковной истории*», законченной через 6 лет, – уже англосаксонский вариант – «*cum suo rege Uurtigerno*». Можно предположить, что Беда пользовался различными источниками информации, как кельтскими, так и англо-саксонскими [5, с. 252–253]. Наверняка, именно из устной англосаксонской традиции (скорее всего, кентской) он почерпнул имена Хенгиста и Хорсы (проблема историчности которых также долгое время волновала умы ученых). Вне зависимости от того, были ли эти воспоминания исторически верны или нет, они представляют традицию аутентичную, и если мы признаем, что и в кельтской, и в англо-саксонской традиции упоминается имя Вортигерна, это весьма серьезный аргумент в пользу Беды, отождествившего «надменного тирана» с Вортигерном [4, с. 44].

Второй раз в «*Церковной истории*» Беда упоминает Вортигерна, когда ведет речь о смерти короля Этельберта Кентского. Перечисляя предков Этельберта, Беда говорит: «*Отца Эрика звали Хенгист, который вместе со своим сыном Эском, будучи призваны Вортигерном, первыми пришли в Британию, как мы уже об этом сообщали*» (HE. II, 5).

Однако Беда не сообщает других деталей о короле Вортигерне, кроме самого факта призвания им саксов. Закономерно возникает вопрос: «Почему?». Можно рассмотреть два варианта. Во-первых, никакой особой, дополнительной информации устная традиция не сообщала, потому Беда и не приводит иных подробностей. Ситуация достаточно невероятная, с учетом того внимания, которое сказители раннего средневековья питали к деталям (либо реальным, либо вымышленным). Дополнительно можно указать и на тот факт, что в более поздней исторической традиции (начиная с Ненния) история Вортигерна и саксов наполнена подробностями, почерпнутыми как из уэльских, так и англо-саксонских преданий [подр. см.: 2]. Логично предположить, что эти рассказы формировались, начиная уже с V столетия, и в распоряжении Беды были уже достаточно подробные повествования.

Тогда возможно второе предположение. Зная эти подробности, Беда решил не упоминать про них в тексте своего труда по каким-то причинам, которые для нас могут навсегда остаться неведомыми. Быть может, эти детали не укладывались в схему, которой следует Беда в своем труде. Историк рассматривал англо-саксонское завоевание бриттов как Божье провидение, отдавшее кельтов-христиан под власть язычников-германцев, которым суждено было стать избранным народом. И тогда вполне логично, что детали этой устной традиции, не воспринятые Бедой, вполне укладывались в концепцию Ненния, также опиравшегося на кельтские источники и гораздо больше внимания уделявшего истории Вортигерна.

Таким образом, можно констатировать, что реальная историческая фигура Вортигерна в трудах историков V–VIII веков (Гильдас и Беда) предстает крайне схематично, несмотря на тот факт, что в народных легендах ей уделялось гораздо большее внимание. Причиной такого молчания историков, скорее всего, послужили внутренние мотивы каждого из этих авторов. В последующие же века Вортигерн становится одним из наиболее излюбленных персонажей британской исторической традиции, прежде всего на кельтских землях.

Список сокращений

DEB – Gildas. De Excidio et conquestu Britanniae.
НKB – Galfrid of Monmouth. The History of the Kings of Britain.
НВ – Nennius. Historia Brittonum.
HE – Bedae Venerabilis. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum.

Литература

1. Dumville D.N. Sub-Roman Britain: History and Legend // History. – Vol. 62. – 1977. – P. 173–92.
2. Humphries R. From Superbus Tyrannus to Gwrtheyrn Gwrtheneu: the development of the Vortigern tradition in early medieval Wales [mode of access: https://www.academia.edu/4207043/From_Superbus_Tyrannus_to_Gwrtheyrn_Gwrtheneu_the_development_of_the_Vortigern_tradition_in_early_medieval_Wales; date of access: 24.01.2015].
3. Jackson K. Varia: II. Gildas and the names of the British princes // Cambridge Medieval Celtic Studies. – Vol. 3. – 1982. – P. 30–40.
4. Kirby D.P. Vortigern // Bulletin of the Board of Celtic Studies. – Vol. 23. – 1970. – P. 37–59.
5. Miller M. Bede's use of Gildas // The English Historical Review. – Vol. 90. – 1975. – P. 241–261.
6. Reno F.D. Historic figures of the Arthurian era : authenticating the enemies and allies of Britain's post-Roman king. – Jefferson, N.C. : McFarland & Co., 2000. – xi, 346 p.

УДК 167.7 + 930.1

Ю.С. Обидина

г. Йошкар-Ола, Марийский государственный университет

ГИПНОС И ТАНАТОС – ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Отождествление сна и смерти является одним из культурных архетипов. Л.Л. Селиванова отмечает, что «сравнение смерти со сном очень древнее и принадлежит всему человечеству. У Гомера в «Илиаде» Гипнос и Танатос – близнецы, у Гесиода – дети ночи [2, XIV, с. 231, XVI, с. 672; 1, с. 141–169]. Греки считали, что одним из свидетельств особого расположения богов является быстрый уход из жизни, причем этот прекрасный дар в виде особой милости боги посылают во сне. Так произошло с Трофонием и Агамедом, которые в качестве награды за свой труд тихо и безболезненно скончались во сне [9, Frg. 2–3; 10, с. 14; 12, I. 114]. Похожим образом во сне умер поэт Пиндар, испросив себе у Аммона то, что является лучшим для человека [11, с. 110].

У Гомера состояние сна воспринималось как пограничье между жизнью и смертью. Во-первых, божество Гипнос-сон – брат-близнец Танату-смерти. Во-вторых, бог Гермес, отводящий психею к «пределам тумана и тленья», также именуется у Гомера «наводящим на бодрых сон», и «отверзающим сном затворенные очи у сонных» [3, XXIV, с. 3–4].

В-третьих, смерть часто представлена у Гомера как особая разновидность сна. Для этого поэт использует соответствующие эпитеты: «сон долгий», «сон медный» [2, VIII, с. 70, XI, с. 241]. В-четвертых, загробные тени-психеи нередко сравниваются с сонными ведениями: Одиссей сравнивает психею своей матери с «тенью или сонной мечтой» [3, XI, с. 208]. В-пятых, именно во сне являются души непогребенных – во сне явилась Ахиллу душа Патрокла [2, XXIII, с. 65–68]. Афина создает призрак, чтобы утешить Пенелопу, и он, по сути, представляет собой не что иное, как психею. И видит этот призрак-психею Пенелопа тогда, когда находится в «безмолвных вратах сновидений» [3, IV, с. 795–842].

Каким образом сон и душа взаимодействуют между собой – сон накрывает душу, либо сама душа отправляется ко сну, – у Гомера не совсем ясно. В «Илиаде» в качестве активной субстанции выступает сон – «нисходит на ресницы и душу» [2, XIV, с. 105]. В «Одиссее» же, наоборот, активность проявляет душа – душа Алкиноя покидает сон, когда царь феаков просыпается [3, VIII, с. 2].

Однако, сон и смерть, за редким исключением являются амбивалентными явлениями и разведены по разным полюсам [2, III, с. 2–58; 3, X, с. 66–69]. Сну отведен полюс максимума, он представляется положительным явлением: у Гомера он «кроткий», «мироносец», «сердечных тревог

укротитель», «сладкий» [2, XVI, с. 454; 3, XVIII, с. 188; 2, XXIII, с. 62–63]. Именно во сне людям являются благожелательные боги.

Таким образом, греки в олицетворении сна и смерти передавали глубинное понимание процесса умирания, *представляя смерть последним и самым продолжительным сном*. Новый смысл в гомеровскую идею тождества сна и смерти привнес Сократ [7]. При этом Сократ, взяв за основу известную древним грекам религиозно-мифологическую идею тождества сна и смерти, дополняет ее логическим содержанием и представляет в новом свете. Его концепция сна-смерти изживает архетипичный страх и нивелирует его суть рациональным пониманием смысла.

Еще дальше в своих размышлениях об амбивалентности сна и смерти пошел Платон. Причем в его концепции сном мыслится не смерть, а жизнь. Возможно, на его позицию наложило отпечаток орфическое учение, однако, не стоит исключать и попытку рационального истолкования утвердившейся в сознании греков мифологемы.

Древнегреческая традиция сохранила и другие свидетельства тождества сна и смерти. Так, например, Пиндар говорит, что «Тело всякого человека подчиняется законам всемогущей смерти. Но остается живым образ вечной жизни, ибо он дарован богами. Он дремлет, когда члены тела бодрствуют, но когда человек засыпает, он часто являет во сне будущую радость или грядущую перемену» [9, Фр. 116 В]. Еще красноречивее об этом свидетельствует Ксенофонт: «Именно во сне душа являет свою божественную природу и наслаждается созерцанием будущего, и происходит это потому, что во сне она становится свободнее. После смерти душа становится, видимо, еще более свободной, ибо сон – это наиболее близкое к смерти состояние реальной жизни» [5, с. 8; 7, с. 21]. Е. Доддз отмечает, что аналогичные рассуждения встречаются также у Платона и в одной из ранних работ Аристотеля, сохранившейся во фрагментах [4, с. 141].

В.В. Никитаев считает, что отождествление сна и смерти встречается во многих культурах в разные периоды человеческой истории. При этом речь идет не только о сходстве внешних признаков обоих состояний, но и их глубинного понимания. Практически для всех древних культур характерно представление о том, что в своих сновидениях человек может посещать загробный мир, или, наоборот, сновидения из загробного мира могут его посещать [8, с. 126].

Не стали исключением и древние греки. Души умерших в их представлениях являются живым во сне или в видениях и приносят вести из подземного мира. Часто люди сами отправляются во сне в загробный мир и, вернувшись, рассказывают живым, что они видели там. В некоторых случаях путешественник оказывается там вместе со своей материальной оболочкой, иногда же о том, в духовном или телесном обличье было совершено путешествие, в рассказе ничего не упоминается. Большинство случаев все же связано с путешествием души в загробный мир в то время пока тело человека находится в состоянии экстаза, сна, оцепенения или даже смерти. Подобные рассказы встречаются в древнегреческой классической литературе. Повествования Лукиана выражают возможно и не верования своего времени, но уж точно взгляды своего автора. Евкрат смотрит через расщелину в Аид и видит, как мертвые покоятся на ложах из лилий в обществе своих родных и знакомых. Среди них он узнает Сократа с лысой головой и большим животом, а также своего отца, одетого в то платье, в котором его похоронили. Клеодем дополняет повествование Евкрата рассказом, как однажды, во время жестокой лихорадки, будучи покинуты всеми домочадцами в комнате за закрытыми дверями, перед ним предстал юноша в белом одеянии поразительной красоты, и повел его сквозь трещину в земле в Аид. Клеодем убедился в явственности места своего путешествия, увидев там Тантала, Тития и Сизифа. После юноша привел его в судилище, где заседали Эак, Парки и Эринии, и Клеодем предстал перед Плутоном, читавшим имена людей, жизнь которых должна была вскоре окончиться. Плутон был гневен и сказал провожатому юноше: «Нить этого человека еще не пришла к концу, и он не должен умереть; приведи ко мне Демиламедника, который уже пережил нить своего веретена». Клеодем очнулся, почувствовал себя свободным от мучавшего его недуга и осознал, что Демил, его пораженный болезнью сосед, должен умереть. И действительно, спустя лишь немного времени раздались голоса родных, оплакивающих Демила [6, с. 30].

Рассказы Плутарха, хотя и более серьезные, напоминают рассказы насмешливого Лукиана Теспезий лежит три дня как мертвый и, вернувшись к жизни, рассказывает обо всем виденном им в подземном мире. Антилл был болен и не подавал уже никаких признаков жизни. Но после пробуждения он не только избавился от всех следов болезни но и сообщил, что действительно был мертвым, но вернулся к жизни по приказанию Аида. Царь мертвых, в свою очередь, приказал при-

вести к нему Никандра, известного кожевника. Тот действительно заболел лихорадкой и умер на третий день [10].

Современная наука во многом объяснила подобные аналогии. Большую роль при этом сыграло описание переживаний посмертного опыта с развитием реаниматологии и изучением отчетов о клинической смерти. Люди, пережившие клиническую смерть, рассказывают о том, что они видели, при этом рассказы были похожи на рассказы снов. «Полет или падение, встреча с умершими ранее близкими друзьями и близкими, «светящееся существо», живые картины прошлого и т.п. (с обязательными индивидуальными и культурными вариациями), как и способность до определенного момента слышать происходящее вокруг, – все это скорее подтверждает справедливость отождествления сна и смерти, чем противоречит ему» [8, с. 126].

Кроме того, В.В. Никитаев отмечает, что различие в подобиях сна и смерти – существуют, и притом весьма значительные. Дело в том, что сопоставимые со сном характеристики смерти носят предельный характер, и с точки зрения реальности, и с точки зрения конечности [8, с. 126–127].

Сны играли настолько важную роль в мировоззрении древних греков. Что были включены в религиозные обряды. Кроме того, сны подразделялись и по степени воздействия на человека. Для благоприятных учреждались различные празднества, для страшных, не благоприятных, вводились очищения.

К снам причисляли и различного рода видения. Однако их не смешивали с фантазмами: последних почитали обманчивыми, в то время как сами сны считались истинными, основанными на физических и психических законах нашего организма.

Таким образом, Смерть и Сон, по мнению древних греков, – явления одного порядка, но наделенные различными качественными и количественными характеристиками. Осмысление этих категорий позволило грекам во многом предвосхитить достижения современной научной мысли.

Литература

1. Гесиод. Теогония, 211-225 // Эллинские поэты в переводе В. Вересаева. – М., 1963. – С. 141–169.
2. Гомер. Илиада; Пер. Н.И. Гнедича; изд. подг. А.И. Зайцев. – М., 1990.
3. Гомер. Одиссея; пер. В.А. Жуковского; под ред. И.М. Тронского. – М., 1985.
4. Доддз Е.Р. Греки и иррациональное. – М.–СПб., 2000.
5. Ксенофонт. Киропедия / Пер., ст. и прим. В. Г. Боруховича и Э. Д. Фролова. Отв. ред. С.Л. Утченко (Серия «Литературные памятники»). – М., 1976.
6. Лукиан. Избранное. Пер. с древнегреч. – М., 1962.
7. Мордовцева Т.В. Идея смерти в культурфилософской ретроспективе. – Таганрог, 2001.
8. Никитаев В.В. Герменевтика смерти // Философские науки. – 2004. – № 4.
9. Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты; изд. подг. М.Л. Гаспаров. – М., 1980.
10. Плутарх. Застольные беседы; пер. Я.М. Боровского. – Л., 1990.
11. Селиванова Л.Л. Гипнос и Танатос – близнецы-братья (посмертный опыт Эра – Plato. Resp. X. 614 b – 621 c) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. – М.–Магнитогорск, 1999.
12. Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. – М., 2000.

УДК 93/94

В.М. Овчинников

г. Смоленск, Смоленская государственная медицинская академия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА НАД ПРОТИВНИКОМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ

Там был отменно крепкий бастион,
Как крепкий череп старого солдата.
Он пушками вгустую заряжен,
Изрезан весь ходами казематов,
Творенье хитроумного Вобана,
Стоял он безо всякого изъяна.

Лорд Байрон

В условиях технологического скачка, сопряженного с событиями военной революции в Европе, Франция заявляет о своих претензиях на гегемонию в Европе во второй половине XVII столетия. Король-Солнце желает дать законы Европе, именно так он рассуждает в своих мемуарах [7, с. 45],

однако для этого требовались кардинальные изменения в структуре вооруженных сил, в соответствии с новыми веяниями в стратегии и тактике, основанными, в первую очередь, на богатом римском опыте. Во Франции утверждается римский принцип технологического превосходства над противником, который становится частью военно-политической концепции абсолютизма. Выражается это, прежде всего, в создании французами вслед за голландцами разветвленной сети фортификационных сооружений. Конечно, французские условия значительно отличаются от голландских, где крепости становятся не залогом стабильности или орудием политического давления, как во Франции, а скорее необходимым условием существования. При всем этом еще ранние представители итальянской фортификационной школы выдвигают идеи создания протяженных линий укреплений, столь необходимых Франции.

Основой формирования концепции «нового лимеса» были три так называемые системы Вобана, изложенные в его трактате «Об атаке и обороне крепостей». Хотя ко времени Вобана постепенная атака крепостей при помощи земляных подступов и сап уже применялась, а французский инженер де Виль в значительной мере ее усовершенствовал, тем не менее, именно Вобан считался во Франции истинным «отцом постепенной атаки», как Эрар-де-Бар-ле-Дюк – «отцом фортификации» вообще. Основная идея постепенной атаки Вобана была в том, чтобы подаваться вперед медленно, но верно, с наименьшими потерями, что весьма ярко выражалось афоризмом: *«побольше пота, поменьше крови»* [1, с. 87].

Достигнуто было это Вобаном тем, что он сначала уничтожал огонь крепостной артиллерии и затем продвигал вперед пехоту при помощи прикрывающих ее подступов и длинных окопов или траншей, названных им параллелями [14, с. 36–38]. Правда, параллели не представляют изобретения Вобана, так как они были уже применены при осаде Кандии и их предлагал де Виль; земляные подступы тоже применялись до Вобана (при осаде Мелюна в 1420 г.). Однако заслуга Вобана состояла в том, что он систематизировал всю постепенную атаку, выработал методику ее ведения, усовершенствовал ведение сапных работ, дал правила для производства тихих сап, спусков в ров, переходов через рвы и т.д.

Вся сущность теории постепенной атаки фортификационных сооружений, разработанной Вобаном, основываясь на его богатом практическом опыте, ярчайшими примерами которого являются осада Маастрихта в 1673 г., осада Люксембурга в 1684 г., осада Ата в 1697 г. и ряд иных выдающихся осад. Она может быть представлена следующим образом: вне радиуса действия так называемого дальнего картечного огня обороняющихся, то есть на расстоянии более 600 метров (традиционно ориентируются на 630 метров, хотя ряд авторов рекомендуют возведение первой параллели на расстоянии от 1 до 1,5 километров от позиций противника) возводится длинная охватывающая фактически весь наступательный фронт траншея – первая параллель [8, с. 21–46]. Приблизительно на половинном расстоянии между ней и фронтом – вторая, в районе подошвы гласиса – третья, на гласисе, у его гребня, – именуемая траншей венчания. Параллели связываются друг с другом зигзагообразными подступами, предназначенными для дальнейшего ведения земляных работ, причем подобная форма была ориентирована на защиту как от артиллерийского огня противника, так и от вылазок с его стороны за счет использования широкого фронта преведущих параллелей и прикрытия траншей друг другом [20, с. 25–28].

Кроме всего этого, Вобан усовершенствовал постепенную атаку в артиллерийском отношении тем, что первым указал, что главным объектом действия осадных батарей должна быть артиллерия обороны, а потом уже крепостные постройки (эту мысль уже в XIX столетии пропагандировал Э.И. Тотлебен); при этом перевеса над артиллерией обороны он достигал не столько числом орудий, сколько соответствующим распределением батарей и их охватывающим расположением [1, с. 88]. Вобан располагал осадные батареи на продолжении фасов атакующего фронта, за счет чего добивался значительного увеличения масштабов поражения, применяя, в первую очередь, продольный огонь и рикошетируемость, отчего сами батареи подобного типа получили именование рикошетных, и стали, без сомнения, очень важным этапом как в развитии фортификации, так и артиллерийского дела [20, с. 59].

В.В. Яковлев подчеркивал: «Чтобы оценить предложения Вобана по атаке и обороне крепостей, достаточно сказать, что его указаниями и теми началами, какие он положил в основу осадных действий, пользовались до Порт-Артура (1904 г.) включительно; в мировую войну, если и не пользовались приемами Вобана полностью, то потому, что атака и оборона крепостей вследствие различных обстоятельств протекали в совершенно особых условиях» [1, с. 89].

Еще одним важным фактором развития Вобановской концепции обороны значительных пространств, которая к концу его жизни выходит на геополитический уровень, становится практика использования минных зарядов, эксперименты с которыми начались в Турнэ, и впоследствии нашли развитие в трудах Бернара Белидора. Так или иначе, основная заслуга маршала де Вобана состоит в создании полномасштабной концепции обороны Франции, известной как *Pre sape*, что, в том числе, связано с его активной практической деятельностью в качестве генерального инспектора фортификации [11, с. 109].

Будучи одним из самых ярких сторонников бастионной системы, Вобан на протяжении всей своей жизни, сопряженной с участием в многочисленных осадах, постоянно усовершенствовал свою методику строительства фортификационных сооружений, что и позволило его последователям во многом условно разделить оные на несколько основных систем, стараясь вывести общие начала расположения крепостных фронтов. Таким образом, искусственно были выведены три так называемых системы Вобана. Первая из них известна под названием простой, а две другие – под названием первой и второй усиленных систем или ландауской и неф-бризакской систем (по именам построенных Вобаном крепостей Ландау и Неф-Бризак).

Простая система Вобана характеризуется следующим: длина линии полигона, на которой строится фронт, – от 315 до 420 метров; перпендикуляр вниз – для построения фронта – имеет длину от 1/6 до 1/8 длины линии полигона. Вобан намеренно отказался от ярусных флангов, предложенных Паганом, считая их нецелесообразными сделав их максимально простыми, периодически применяя для их защиты орильоны, располагая их как прямолинейно, так и вогнуто [19, с. 84–89].

Ключевой особенностью в непосредственном начертании флангов является тот факт, что они не перпендикулярны к куртине, а идут по хордам дуг, описанных радиусом, равным расстоянию между вершинами плечных углов. Бастионы намеренно увеличены, по сравнению с предшественниками и создавались пустыми, или же с кавальерами внутри. Равелин получал значительный выпуск наружу: фасы его направлялись в точки, находящиеся в расстоянии 10 м от вершин плечных углов. Фронт значительно усиливался за счет равелина и комплекса наружных построек, ключевым элементом обороны на данном участке являлась теналь – отдельное, длинное, узкое укрепление в виде входящего угла, возводившееся перед куртину и фланками и предназначавшееся главным образом для прикрытия их от огня артиллерии, а также для защиты пехоты находящейся на валгангах. Как утверждает целый ряд военных специалистов, теналь наиболее целесообразно рассматривать в качестве усовершенствованной части фоссебреи, находящейся перед куртину и фланками главного вала. На первом этапе своей деятельности в качестве военного инженера Вобан располагал теналь в виде бастионного фронта, располагая ее фасы по оборонительным линиям, а фланки и куртину – параллельно соответствующим частям главного вала; для компенсации опасности продольного поражения из окопов противника, устроенных на гребне гласиса, теналь получила начертание в виде входящего угла, стороны которого идут по направлению оборонительных линий [19, с. 90–94].

Еще одной характерной особенностью простой системы Вобана является полное усиление одежд, включая использование контрфорсов, что позволяло обезопасить крепостной фронт от прямого открытого штурма. Подобные принципы не могут рассматриваться как инновация в области фортификационного искусства, однако с иной позиции, в частности с политической точки зрения, перед военным министерством Людовика XIV открывались весьма широкие возможности, что делало подобную систему весьма привлекательной для сведения локальных систем укреплений в единую многоэшелонированную линию обороны государства.

Усиленные системы Вобана появились уже в тот период, когда идея железного пояса обороны государства была не только популярна, но и активно проверялась на практике, ибо Король-Солнце по сути вступил в противоборство со всей Европой, и ему как никогда ранее нужны были плацдармы для нанесения в будущем ударов по Империи. Новые принципы создания так называемых укрепленных мест были использованы при создании укреплений Бельфора, Ландау и Неф-Бризак. В первой усиленной (Ландауской) системе куртина выведена за пределы бастионов и соединена с ретраншементами, результатом чего стало появление общего ретраншемента, на концах которого расположены двухъярусные тур-бастионы (состоящие из казематов на первом уровне и открытых оружейных или артиллерийских площадок на втором уровне обороны). Как подчеркивает В.В. Яковлев, идея тур-бастионов отнюдь не нова: «она встречалась раньше у итальянцев Кастриотто (1584 г.). Марки и Веронезе (1589 г.)» [1, с. 92]. Недостаток вобановских тур-бастионов,

по мнению ряда авторов, заключался в том, что они тесны, что решает гарнизон мобильности, увеличенные стены лишены защиты против артиллерии, а кроме этого, присутствует несколько ошибок строительного характера, например, опора сводов казематов на лицевые стены, что чревато обрушением всей конструкции. Кроме этого, Вобан отказался от комплекса внутренних построек, расширил рavelин, поместив внутри его редюит [19, с. 86–89].

Вторая (неф-бризакская) усиленная система Вобана в очень незначительной степени отличается от первой, что связано, в первую очередь, с традиционным следованием Вобаном его принципа, основанного на учете окружающего рельефа местности: куртина между тур-бастионами имеет бастионное начертание, под ее фланками устроены казематы, рavelин имеет еще больший выпуск вперед, а внутри него расположен не каменный, а земляной редюит в виде люнета [18, с. 19].

Без сомнения, в более поздней Неф-Бризакской системе достигает своего пика внедренный ранее принцип эшелонированности обороны, что достигается путем создания значительного количества вспомогательных построек, в значительной степени подверженных артиллерийскому огню (в том числе рикошетному), также это повышает возможности ведения минной войны на уровне главного вала (в первую очередь, между теналью и фланком главного вала) и т.д. [1, с. 93].

При всем этом многочисленные историки и военные специалисты, изучающие грандиозное наследие той эпохи, фактически в один голос подчеркивают, что инженерный талант Вобана выявился, в первую очередь, в его поразительном искусстве применять их к обстановке и к местности, вследствие чего некоторые их недостатки, указанные теоретически, как, например, рикошетируемость отдельных верков, на местности исчезали. В этом искусстве применения фортификационных форм к обстановке и местности у Вобана едва ли найдутся соперники, и в этом отношении время этого знаменитого инженера, относящееся ко второй половине XVII века, может быть названо эпохой Вобана [1].

Стоит подчеркнуть, что в тот период мощные фортификационные сооружения рассматривались, как мы полагаем, не в качестве узлов обороны, а скорее, наоборот, в качестве плацдармов для дальнейшего ведения наступления. Один из очевидцев оккупации Страсбурга написал в 1681 г. следующие строки по данному вопросу: «...этот город – одно из колес повозки, на которой французы въездают в Империю...» [12, с. 50]. Кроме этого, они препятствовали действиям мародеров в приграничных областях. Стоит также упомянуть, что, с учетом возрастания роли снабжения в ведении боевых действий, крепости становились чрезвычайно важными сооружениями, обеспечивающими подвоз всего необходимого войскам. В таких условиях невероятно важным был контроль над основными транспортными артериями того периода – реками.

Именно о важности контроля водных перекрестков и переправ на границах указывает интендант из Лотарингии Тюрго, который подчеркивал: «Крепости настолько эффективно контролируют территорию, что позволяют легко заблокировать любой участок водного пути, намного меньшими силами, чем потребуются противнику...» [3, с. 115]. Как видно, французы, как и римляне, активно пытались использовать естественную преграду – Рейн, для контроля приграничных территорий, пользуясь римской концепцией лимеса.

Конечно, осады в тот период были делом невероятно дорогостоящим, а Людовику нужны были блестящие победы, стремительные и впечатляющие. Именно в таких условиях появляется военная концепция маршала де Вобана, основанная, как мы полагаем, на богатой античной практике.

Стоит заметить, что Вобан в большей степени известен как выдающийся фортификатор, однако его перу принадлежит несколько произведений политической направленности, при рассмотрении которых параллельно со знаменитой книгой «Об атаке и обороне крепостей», можно выделить ряд основных положений его военно-политической доктрины. Она развивалась в рамках концепции абсолютизма и имела ярко выраженную практическую направленность.

Основополагающим принципом данной доктрины была безопасность государства, что можно трактовать как залог стабильности экономической и политической системы страны. Как известно, Себастьяном де Вобаном было построено и модернизировано более 300 крепостей, что обуславливает его внимание к теоретическим аспектам использования протяженных систем фортификационных сооружений. Именно по этой причине в трудах всемирно известного инженера прослеживается интерес к концепции римского лимеса.

При этом учитывается и тот факт, что в новых условиях крепости становятся в большей степени оружием политическим, нежели просто системой защиты особо важных территорий. Подобная трактовка новой роли фортификационных сооружений подразумевала под собой также активное

технологическое развитие вооруженных сил государства. Пользуясь выражением самого Вобана, лишь тогда люди стали осознавать изящество великого, все тонкости войны [2, с. 98].

Естественно, также стоит упомянуть и о том, что линии обороны применялись, в том числе, и для удержания новых территорий. Мы полагаем, что это попытка воспользоваться римской практикой «политической ассимиляции» новых территорий. Тем не менее, огромную роль играла и оборонительная доктрина Вобана, которая подразумевала под собой создание именно по римскому образцу мощной системы пограничных укреплений. Уже к началу войны за испанское наследство было создано четыре системы укреплений, прикрывающие территорию всех Нидерландов, пространство от Меца до самого моря. Прибрежным территориям уделялось самое пристальное внимание, в своих воспоминаниях он отзывался об Ипре и крепостях в Южных Нидерландах: *«эти два места являются нашим козырем против противника, идущего с моря, так как с самого начала легче будет сдержать его основной удар»* [16, с. 173].

Также активно применялась практика, унаследованная еще от Ришелье, который использовал цитадели в потенциально опасных городах, как фактор сдерживания, что было исключением в рамках общей доктрины. Именно по этой причине Бордо лишился своих укреплений после восстания 1675 г., а Париж – еще в 1670 г. [4, с. 422; 9, с. 43]. По той же самой причине была возведена грандиозная цитадель Лилля в 1667 г., по сути, это было актом политическим. Как видно, ориентируясь на римские образцы, была создана глубокоэшелонированная (для своего времени, конечно), линия обороны Франции и ее новых европейских территорий. Уничтожение старых укреплений и возведение цитаделей было, как мы полагаем, в первую очередь, идеологическим актом, нежели политическим.

Вероятно, именно Вобан, несмотря на огромный практический опыт, был одним из идеологов кабинетной войны, когда вся военная машина была подобна механизму, от эффективности работы которого зависела стабильность существования государства. Стандартизируя ведение боевых действий, подчиняя его определенным канонам, любая кампания была подобна драматическому произведению, где повествование разворачивалось шаг за шаг по известной ранее схеме.

Более того, некоторые ученые видят в развитии вобановской концепции имитацию механистической картины мира, описанной Ньютоном: «Вобана считали гением механики, систематизации и теоретического анализа, его проекты кажутся нам идеальными, потому что одним из параметров каждого элемента укреплений было также и время, в течение которого последний будет захвачен, что дает возможность очень легко выделить в рамках каждой его крепости несколько линий обороны, соответственно, каждая из стадий обороны может быть предсказана и просчитана заранее...» [10, XXXIV].

Подобное рассмотрение этого процесса позволяет утверждать, что появление подобной концепции ознаменовывает собой завершение формирования военной машины по примеру римской, являющейся частью государственного механизма в качестве одного из его институтов. Это требовало проведения целого комплекса реформ в области экономики и налогообложения, что маршал де Вобан довольно подробно описал в своем трактате «О королевской десятина» и «Политических рассуждениях мессира де Вобана».

Для политической стабильности государства также очень важным, по его мнению, является планомерное размещение войск на территории всего государства. Маршал ратовал в большей степени за улучшение подготовки войск, нежели за увеличение их численности. Соответственно, создавая систему коммуникаций, как-то: сеть дорог, казарм для войск и госпиталей, как для военных, так и для гражданских лиц, он пытался нормализовать работу французского военного механизма, что позволяло относительно безболезненно включить его в общегосударственную систему.

Итак, со значительной долей уверенности можно утверждать, что для раннего Нового времени характерно создание протяженных и хорошо укрепленных линий фортификационных сооружений, с разветвленной сетью полевых лагерей и казарм, насыщенных артиллерий, которые были призваны нейтрализовать значительные силы противника и лишить его «наступательного порыва». В подобной стратегии довольно четко прослеживается использование римской практики создания цепи грандиозных защитных сооружений (как стационарных, так и временных) – «лимеса» в период применения Римской империей стратегии мобильной защиты. По этой причине военные специалисты в период «военной революции» в Европе стали довольно активно рассматривать вопрос «об укрепленных местах», ориентируясь, в том числе, на богатую римскую военную практику, в частности, на реализацию концепции технологического превосходства над противником [15; 6; 5;

13; 17]. Кроме этого, значительный интерес для европейских военных специалистов и политиков представлял политико-идеологический аспект доктрины «римского мифа», направленный на использования военного механизма государства в целях пропаганды и применения протяженных линий фортификационных сооружений для политического давления на противников. Таким образом, формируется агрессивная доктрина абсолютизма, основанная на римских принципах милитаризации государственного механизма и активной пропаганды территориальной экспансии государства, выраженной в так называемой дипломатии силы, в которой система *Pre carre*, как продолжение и развитие римской доктрины лимеса, играет весьма существенную роль, запуская механизм военно-технологической гонки в рамках увеличения в прогрессии европейских межгосударственных конфликтов.

Литература

1. Яковлев В.В. История крепостей. – СПб., 2000.
2. Blomfield R. Sebastien Le Prestre de Vauban, 1633–1707. – New York, 1971.
3. Corvisier A. Les Frangaisets Varme'e sous Louis XIV deapres les memoires des intendants, 1697–1698 Vincennes. – P., 1975.
4. Contamine P. Histoire militaire de la France, tome 1: Des origines à 1715. – Paris: Presses Universitaires de France, 1997.
5. Dogen M. Architectvra militares moderna. – Amstelodami, 1647.
6. Memoires de Montecuculi Generalissime des troupes de L'Impereur. – P., 1760.
7. Louis XIV. Memoires de Louis XIV pouil' instruction au Dauphin. – P., 1860.
8. Ostwald J. Vauban under siege Engineering Efficiency and Martial Vigor in the War of the Spanish Succession. – Boston, 2007.
9. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. – Cambridge, 1988.
10. Pollak M. Military Architecture, Cartography and the Representation of the Early Modern European City: A Checklist of Treatises on Fortification in the Newberry Library. – Chicago, 1991.
11. Pujos B. Vauban. – Paris, 1994.
12. Rousset C., Histoire de Louvois, 4 vols. – P., 1862–64. – Vol. 3.
13. The history of Henri de la Tour D' Auvergne Viscount de Turenne Marshal-General of France. – L., 1735.
14. Truttman P. Fortification, architecture et urbanisme aux XVII ume et XVIII ume siecles. – Service Culturel de la Ville de Thionville, 1976.
15. Vauban S. Manire de fortifier de Mr de Vauban. – Amsterdam, 1689.
16. Vauban S. Oeuvres Militaire du Marechal de Vauban. – P., 1794.
17. Ville, Antoine de. Les Fortifications du Chevalier de Ville. – Alyon, 1640.
18. Ville de Neuf-Brisach. Neuf-Brisach, cite fortifiee de Vauban. – P., 1989.
19. Viollet-le-Duc, E. Histoire d' une forteresse. – Paris: Editions Berger-Levrault, 1874.
20. Wenzler C. Architecture du bastion: l'art de Vauban. – Rennes: Editions Ouest-France, 2000.

УДК 93/94

Е.П. Пискунова

г. Волгоград, Волгоградский государственный университет

ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР И ИДЕЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАТАЛИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОЯЛИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ

Французская монархия существовала более тысячелетия, менялись династии, видоизменялась ее форма, но сами монархические устои казались вечными. Революция ниспровергла эти представления, поставив нацию перед выбором, который оказался не в пользу династии Бурбонов. Лишь незначительная часть ее приверженцев отстаивала их интересы. Роялизм, – общественно-политическое течение сторонников восстановления во Франции королевской власти Бурбонов, – возникает в 1789 году и проходит сложный путь развития.

В зависимости от своего отношения к революции роялисты разделились на «умеренных» и «крайних». Умеренные роялисты признавали значение происходящих с 1789 года во Франции событий и прогрессивность первых революционных завоеваний, понимая, что полный возврат к старой системе невозможен. Поэтому будущую Францию они видели конституционной монархией. Крайние роялисты отказывались признавать революцию, считая ее ошибкой, которую необходимо исправить. Их идеал – абсолютная монархия и полное возвращение к старому режиму. Внутри этих течений также не было единства. Они распались на ряд группировок, имевших разные программы, разные методы борьбы, ориентировавшиеся на разных лидеров.

Для крайних роялистов характерна враждебная позиция в отношении всех сторонников восстановления королевской власти, не принимающих их взгляды и методы борьбы. Несовпадения во мнениях приводили к тому, что представители различных течений наотрез отказывались сотрудничать друг с другом. Это был еще и период бесконечных внутренних раздоров, ослаблявших движение, компрометирующих его в глазах европейских держав-союзниц, и так и не позволивших роялистам стать единой партией.

Организовать интервенцию и с помощью иностранных держав восстановить порядок во Франции – таким был основной план действий роялистов на начальном этапе эмиграции. Успехи революционной армии и неудачи коалиции способствовали разочарованию в этом методе борьбы. Неудачей заканчивались и попытки поднять восстание внутри страны. Вандейская война, достигшая наибольшего подъема в марте-декабре 1793 года, к 1799 году еще не была окончательно потушена, но уже не могла достигнуть масштаба прошлых лет.

Кроме того, часть эмигрантов продолжал мучить вопрос о допустимости борьбы против своей родины в рядах чужой армии. Они стремились найти оправдание в том, что их родины уже не существует, поскольку без короля и дворянства нет отечества, но для большинства этот довод не был достаточно убедительным. Все чаще возникали мысли, что реставрация монархии должна быть осуществлена каким-то другим путем. В 1796 году была опубликована работа, в которой эти идеи нашли наиболее стройное и законченное выражение. Работа называлась «Рассуждения о Франции» и вышла в свет без имени автора, однако очень быстро стало известно, что им является савойский эмигрант граф де Местр.

Граф Жозеф де Местр родился в 1753 году в савойском городе Шамбери. Окончив в 1774 году Туринский университет по отделению права, он начинает службу в судебном ведомстве в Шамбери. Воспитателями де Местра были иезуиты, оказавшие на него глубокое влияние. Впоследствии, он любил говорить, что только благодаря им, он не сделался оратором Учредительного собрания. В юности, как и многих, его увлекали произведения Руссо. Идеалы просветителей, в конечном счете оказались чуждыми его мировоззрению, но знакомство с ними не прошло для де Местра бесследно, так как он по свидетельству исследователей его творчества, перенял у них сам метод мышления, глубоко рационалистический [1, с. 18].

Сильное впечатление на де Местра произвели также сочинения Сен-Мартена и мартинистов. Основная идея мартинистов об истечении всего сущего из Бога и о наказании за попытку творить независимо от Бога нашла затем отражение в произведениях де Местра. Но он никогда не принимал мистицизма Сен-Мартена, поскольку на протяжении всей своей жизни оставался убежденным католиком и защитником католической церкви. Будучи человеком очень религиозным, он серьезно занимался богословием, и с течением времени религия все больше выступала для него на первый план.

После того, как войска революционной Франции в 1792 году занимают Савойю, он оказывается в числе подозрительных лиц и был вынужден покинуть страну. С 1793 года он оказывается в эмиграции. В Швейцарии он знакомится с видным идеологом роялизма Жаком Малле дю Паном. «Человек, личность и взгляды, которого я одинаково уважаю», – напишет о нем де Местр в одном из писем [3, с. 22]. Некоторое время он живет в Лозанне. Независимость его взглядов и критическое отношение к деятельности французских эмигрантов вызывают с их стороны настороженное отношение к нему. Роялисты, жившие рядом с де Местром в Лозанне, даже называли его «якобинцем». Затем он перебирается в Турин, где поступает на службу и исполняет обязанности управляющего канцелярией и начальника верховного королевского суда.

Именно в период эмиграции его взгляды складываются окончательно, и он начинает писать. В 1793 году он выпускает четыре «Письма савойского роялиста своим соратникам», опубликованные при поддержке Малле дю Пана. В 1796 году выходят его «Размышления о Франции», быстро принесшие ему славу писателя и мыслителя.

Революция, по мнению де Местра, дело Божественного Провидения. То, что она совершилась именно во Франции не случайно. «У всякого народа, как и у всякой личности, есть своя миссия, которую он должен выполнить» [2, с. 17]. Миссия Франции заключалась в том, чтобы она, как первая страна в Европе, должна была стоять во главе христианского мира Европы и вести его по пути Божьему. Но Франция забыла свой долг. Вместо того, чтобы нести идеи христианства, она, через своих философов-просветителей, распространяла среди европейских народов нечестие,

стремление к установлению независимости от Бога. За это она должна понести возмездие. Революция – это не только кара, но и очищение, именно в этом заключается ее главный смысл.

Де Местр считает, что в революции нет невинно пострадавших. «Невинных жертв меньше, чем нам кажется. Нельзя считать невинными тех, кто разрушал религиозную веру народа, кто с помощью метафизических софизмов посягал на основы государственного строя. И разве не заслуженно гибли на эшафоте ученые, сеятели революционных и безбожных идей? Странно ожидать от Провидения снисхождения к преступнику только потому, что он знатен, знаменит или учен, когда именно в силу учености своей он наиболее и виновен» [2, с. 53].

Крайне резко де Местр рисует картину разложения старого порядка. Монархия, духовенство, дворянство, все одинаково запятнали себя ошибками и преступлениями. Людовик XV своим поведением скомпрометировал королевскую власть в глазах страны, духовенство обмирянилось и забыло о своих обязанностях. Но с особой резкостью он отзывается о дворянстве: «Французская революция имеет главной причиной вырождение дворянства... Роль некоторых дворян во французской революции в тысячу раз ужаснее всех других событий революции. Не было более страшного знамения, поражающего приговора, произнесенного над французской монархией» [2, с. 131]. Де Местр не намерен исключать из числа виновных эмигрантов, крайних роялистов, с ненавистью относящихся к революционерам. Он замечает, что между теми и другими не слишком большая разница, а причины эмиграции гораздо более давнего происхождения, чем сама эмиграция. «У иных дворян в Кобленце на совести более тяжкие упреки, чем у любого дворянина левой в собрании, называвшим себя Учредительным» [2, с. 132].

Круг виновных велик и не ограничивается только проявившими себя. Все те, кто не желал революции, но тем не менее поддержал ее своей пассивностью тоже виновны и тоже заслуживают наказания. Таким образом, виновным оказывается весь французский народ. Он посягнул на королевскую власть и на самого короля. «Каждая капля крови Людовика XVI будет стоить Франции целых потоков крови; может быть четыре миллиона французов заплатят своею головой за страшное народное преступление – за противорелигиозный и противообщественный мятеж, увенчанный царубийством» [2, с. 26].

Ни в одном событии человеческой истории, по мнению де Местра, Божество не проявляет себя с такой очевидностью как в революции. Она ясно показывает бессилие человеческой воли. Люди поступают одновременно и по желанию и по необходимости. Им кажется, что они делают, что хотят, на самом деле они не могут отойти или, тем более, нарушить общий ход исторического движения. «Революционный поток несся по разным направлениям; и наиболее заметные деятели революции достигали некоторого могущества и известности, только следуя его течению в данный момент. Лишь только они пытались ему воспротивиться или хотя бы просто отойти и стать в стороне, позаботиться о себе, как они тут же исчезали со сцены» [2, с. 21]. Не люди руководят революцией, а революция пользуется людьми в своих собственных целях. Она совершается сама по себе.

Наказание, которое несет революция, уже наступило. Оно выражается в том, что убийцы обратились к взаимоистреблению. Сами того не осознавая, они своими действиями выполняют волю Провидения. От руки самой революции последовательно гибнут все ее деятели. Таким образом, Провидение возлагает на самих революционеров тяжелую миссию наказания, и тем самым избавляет короля от необходимости карать. Кара неизбежна и необходима, но, если ее будет осуществлять восстановленная королевская власть, то она покроет себя кровью и поставит себя тем самым в совершенно невозможное положение. Тогда все повторится вновь. Если же ограничиться только казнями вождей, справедливость удовлетворена не будет. «И тут мы снова можем дивиться порядку, господствующему в беспорядке. Для всякого, кто хоть немного поразмыслит, очевидно, что главные виновники революции могли пасть только под ударами своих же сообщников» [2, с. 27]. Таким образом, «все порожденные революцией чудовища трудились лишь для королевской власти» [2, с. 32]. После того, как они окончательно уничтожат друг друга, придет ее пора. Монархия должна вновь возродиться во Франции незапятнанной, невинной ни в чем, принеся с собой мир и спокойствие. Поэтому необходимо отказаться от мысли об интервенции: реставрация не может быть совершена внезапно и насильно. Она должна естественно произойти изнутри.

«Господство коалиции над Францией и раздел этого королевства будет одним из величайших зол, которое может постигнуть человечество, – писал Жозеф де Местр в одном из писем. – Я вижу в разделении Франции начало двух веков резни, неизбежное огрубение человеческого рода и даже

смертельную рану для религии» [3, с. 34]. Он пишет о своей согласии с утверждением Малле дю Пана о том, что французские солдаты не являются палачами эмигрантов, а лишь подданными палачей. «Я не понимаю, как француз может не испытывать известного чувства удовлетворения, при виде своей нации одинокой, с толпой недовольных внутри, не только сопротивляющейся Европе, но еще унижающей ее и доставляющей ей много забот. Толпа ветреников хотела бы видеть императора в Париже, чтобы скорее вернуть свои земли; но не следует порицать и тех, кто говорит: я предпочитаю страдать несколько дольше, лишь бы отечество мое не пострадало и не было расчленено...» [3, с. 28].

Эти же идеи де Местр излагает в «Рассуждениях о Франции». Успех коалиции означал бы завоевание и раздел Франции, уничтожение ее влияния и ослабление короля. Но если роялисты откажутся от интервенции, если будет заключен мир, то на первый план выйдет внутреннее движение в самой стране. Революцию, по мнению де Местра, убьет мир. Как только он наступит, республиканская форма правления, созданная во время войны, погибнет, поскольку она не коренится в природе французского народа.

Единственной подходящей формой правления для Франции является монархия, она же – лучшая форма правления вообще. Непосредственное народовластие де Местр считает неосуществимым. Все попытки установить его в конечном итоге оборачиваются торжеством анархии и разложением государства. В демократии с народным представительством неизбежен захват власти представителями и насилие большинства над меньшинством. При аристократической форме правления интересы государства приносятся в жертву интересам сословия. Монархия остается самой древней и самой совершенной политической формой. «Монархия – воплощение отечества в одном человеке, в излюбленном и священном носителе и представителе идеи родины» [2, с. 122].

При монархическом строе, утверждает де Местр, злоупотреблений бывает меньше всего, потому что у монарха меньше всего личных побуждений их совершать. Однако, он соглашается, что они все же бывают. Одним из способов избежать их в будущем он считает необходимость создания независимого суда. Это ни в коем случае не означает ограничения королевской власти. Король сам не произносит никаких приговоров, судебная власть передается им в руки специальных судей. Король, таким образом, не вмешивается в частные интересы подданных и не дает повода обвинить себя в том, что под видом суда может совершать насилие. Монарх абсолютен и не может ни с кем делить свою власть, но он осуществляет ее не деспотично, а определенным образом, будучи связан священными законами издавна присущими данной нации. Эти законы и есть подлинная конституция, с которой должен считаться любой правитель государства, ведь она выражает дух и состояние его народа. Любое нарушение такой конституции опасно и может принести гибель.

Человеческие силы ничтожны по сравнению с силой исторической традиции, утверждает де Местр. Поэтому человек не может создать конституции, ее не может сочинить какое-либо собрание. Сами по себе написанные законы не имеют никакой обязательной силы, не могут создать никакого порядка. Только если они закрепляют существующий ранее неписанный строй они получают какое-то значение. Нельзя дать народу те или иные права и свободы, если их основы не присущи ему с древнейших времен. «Истинная конституция может быть только разрешением задачи – даны: население, нравы, религия, географическое положение, политические отношения, богатства, хорошие и дурные качества известной нации, требуется найти подходящие законы» [2, с. 84]. Все французские конституции, считает де Местр, написаны для «человека», и поэтому не годятся для Франции. «Я видел на своем веку французов, итальянцев, русских, благодаря г.Монтескье, я знаю, что можно быть персом, но с человеком я еще не встречался, если он существует, то остается мне неизвестным» [2, с. 87]. Конституция, созданная для всех народов, не годится ни для одного.

Для Франции же вообще ничего сочинять не надо, надо лишь обратиться к тому, что существовало всегда. Дворянство не должно забывать о своем главном назначении: быть опорой трону. Оно лишь орудие монархии, продолжение ее власти. Дворянству предназначено быть исполнителем и истолкователем распоряжений государя, передавать их от центра на места, следить за их распространением и соблюдением повсюду. Поэтому высшее сословие в государстве должно заботиться не о правах, а об исполнении своего долга, и умея распоряжаться, в первую очередь должно уметь повиноваться [2, с. 102].

Огромное значение для благополучия государства имеет забота о защите религии. Если король заботится о распространении «законного христианства», то он тем самым обеспечивает себе долгое и счастливое царствование.

Реставрация королевской власти во Франции должна стать возвращением к истинному порядку, к вечным ценностям, столь важным для благополучного существования нации. «Восстановление монархии, которое называют «контрреволюцией», вовсе не будет «противоположной революцией», но станет «противоположностью революции» [2, с. 166].

Таким образом, Жозеф де Местр формулирует идею исторического фатализма. Революция является карой Провидения, происходит по определенным законам, и поэтому любое вмешательство извне должно быть отвергнуто. Старый порядок был установлен согласно с Божественным законом, и рано или поздно, все вернется к нему, поскольку ничего лучше создать невозможно.

Роялисты, уставшие от бесконечной и безрезультатной борьбы со своим народом, не могли не принять идей Жозефа де Местра. К ним постепенно склонялась значительная часть крайних роялистов, видящих безнадежность войн и заговоров, но по-прежнему желавшая восстановления старого режима. Они также получили распространение среди сторонников ограничения монархии, не принимавших лишь рассуждения де Местра об абсолютизме. Даже те, кто не разделял религиозных воззрений писателя, верили в неизбежность восстановления монархии в силу необратимых внутренних процессов, происходящих в стране. Терпеливо ждать, когда все само собой образуется, было гораздо удобнее для тех, кто оставался во Франции или мечтал о возвращении туда, ведь это давало возможность спокойно жить при любом режиме, зная, что он обязательно исчезнет, после того, как сыграет предназначенную ему историей роль.

Литература

1. Lescure A.-M. Le comte Joseph de Maistre et sa famille. 1753–1852. – Paris, 1893.
2. Maistre J. de. Consideration sur la France // Oeuvres de Joseph de Maistre. Vol. I–VII. – Bruxelles, 1838. – V. VII.
3. Maistre J. de. Memoires politique et corespondance diplomatique de J. de Maistre. – Paris, 1858.

УДК 159.923.2.

И.В. Подкатнова

г. Коломна, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

ПРОЯВЛЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В УЧЕНИЯХ БРИТАНСКИХ ФИЛОСОФОВ-СЕНТИМЕНТАЛИСТОВ XVIII ВЕКА

В настоящее время ценности играют важнейшую роль в формировании подрастающего поколения, являясь ориентиром поведения индивида, определяющим его жизненные приоритеты, идеалы и развивающим его внутреннюю нравственную культуру.

В британской педагогической литературе встречаются различные определения понятия «ценности». Традиционное их понимание, как фундаментальных основ поведения человека было усовершенствовано современными британскими учеными, которые подошли к пониманию данного термина с философской точки зрения. Так, советник образования, основатель международной организации «Ценностное воспитание» (The International Values Education Trust) доктор Нейл Хоукс утверждает, что ценности не только направляют нашу деятельность, но и определяют «качество» наших решений и поступков, а значит, ценности выступают в виде *добродетели*, которая идет от сердца, открывая духовный мир человека. Таким образом, «наша добродетель, выражаясь в действиях, определяет наши жизненные ценности и приоритеты» [3, с. 60], полагает ученый. Другой исследователь ценностей Р. Дикин Крик солидарна с доктором Н. Хоуксом и также рассматривает ценности как добродетель, которая формирует культуру человека в его взаимоотношениях с обществом [2, с. 8913]. Таким образом, ценности, определяя культурный и духовный базис человека, формируют его как высоконравственную личность, осознающую свои действия и поступки, готового к постоянному самосовершенствованию.

Важно подчеркнуть, что в XVIII веке Великобритания не имела собственных философских школ, занимающихся разработкой проблематики ценностных ориентиров, в отличие от Германии. Однако, в этических учениях британских философов-сентименталистов завуалированно развивалась система ценностей, необходимая для становления каждого индивида.

В данной статье представляется интересным рассмотреть проявление ценностей в учениях британских философов-сентименталистов XVIII века, которые полностью или частично основывали мораль на «моральном чувстве».

Основателем этого течения по праву является воспитанник Дж. Локка – Энтони Эшли Купер, III лорд Шефтсбери (1671–1713), который ввел само понятие «моральное чувство», представляющее собой высшую, присущую только человеку форму нравственного сознания, благодаря которой индивид способен оценить как свои собственные поступки, так и одобрить или осудить поступки других людей. Сторонники этического сентиментализма утверждали, что «многочисленные движения, склонности, страсти, отношения и соответствующие им поведение и обычаи людей в разных жизненных ситуациях представляются духу с разных точек зрения, давая ему возможность с готовностью судить о том, что хорошо и что плохо для биологического вида или общества» [4]. Таким образом, «моральное чувство» предстает как некая ценность, которая, направляет духовно-нравственное развитие индивида, являясь неотъемлемым средством духовного преобразования самого человека, общества и всего мира в целом.

Будучи последователем и учеником Дж. Локка, Э.К. Шефтсбери, однако, отвергал его этический рационализм и провозглашал моральное чувство основанием нравственности. При этом обнаруживается двойственность в его понимании разума. С одной стороны, философ рассматривает «разум-родитель», который как бы формирует чувства и эмоции у человека. Тогда с этой точки зрения разум занимает приоритетное место в жизни индивида и выступает в качестве ценности. С другой стороны, философ вводит понятие «разум-рассудок», который обладает лишь способностью восприятия чувств и эмоций. В этом случае, разум противопоставляется моральному чувству, так как оно непосредственно, самоочевидно и осуществляется на уровне интуиции. Мыслитель считает, что «все ... расчленения основаны на природе и само их распознавание естественно и идет от одной только природы» [6, с. 219], а значит, именно моральное чувство несет в себе неотъемлемую пользу и имеет большую ценность.

Необходимо отметить, что будущее человека Э.К. Шефтсбери видит в единстве и взаимосвязи человека и природы. Все самые лучшие качества, которым обладает индивид, а именно благожелательность, забота, сострадание, бескорыстие являются врожденными качествами личности. Эта естественность, с которой человек выбирает, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет, передает его органичность с природой. ««Ясным внутренним ощущением» воспринимаем мы заключенный в вещах порядок, «единство строения»; сами вещи при этом выступают как «части, составляющие единое Целое»» [6, с. 141], полагает Э.К. Шефтсбери. Таким образом, человек чувствующий, стремящийся к гармонии и единству с природой, предпочитающий духовные удовольствия и осознающий лежащую на нем ответственность за счастье и благополучие других людей, предстает у философа также в качестве важнейшей ценности.

Прямым продолжателем и защитником идеалов Э.К. Шефтсбери, в свою очередь, стал известный шотландский философ-моралист Френсис Хатчесон (1694–1746).

Рассуждая о моральном чувстве, мыслитель отмечает его неоспоримую ценность и соглашается с Э.К. Шефтсбери в том, что это некая познавательная способность, которая направлена на постижение моральных действий, отличных от тех, что основаны на выгоде. Интересно, что философ не отождествляет моральное чувство с какими бы то ни было идеями, полагая, что это лишь особенность духа давать положительную и отрицательную оценку событиям, которые мы наблюдаем, до того момента, как мы сумеем извлечь из них пользу: «Мы подразумеваем под ним только predetermined способность нашего духа воспринимать приятные или неприятные идеи действия, когда они представлены нашему наблюдению, предшествующую любым мнениям о выгоде или потере, которые следуют из них самих» [5, с. 144].

В своем учении Ф. Хатчесон также затрагивает главные ценностные категории – добро и красоту. Так, философ вводит понятия: «нравственная доброта», что предстает в виде идеи человека, одобряющей деяния других людей, не получающих при этом никакой выгоды, и «нравственное зло» – идея человека, вызывающая отвращение к корыстным действиям и поступкам. При этом эти идеи никак не могут быть объяснены и должны лежать в основе человеческих взаимоотношений, определяя их мнения, суждения и взгляды на окружающую действительность. В свою очередь, красота у Ф. Хатчесона есть некая «идея, возбужденная в нас» [5, с. 57], которая является восприятием чувственного образа предмета, духа, обладающего чувством прекрасного. Из этого можно заключить, что Ф. Хатчесон рассматривает понятия добра, зла и красоты не как обычные качества предмета, а как ценностные универсалии, возникающие в духе и воспринимаемые человеческим сознанием благодаря моральному чувству.

Более того, Ф. Хатчесон верит, что люди всегда будут любить, тех, кто обладает моральными и нравственными качествами, такими как честность, бескорыстие, верность, а наличие так называемых естественных и природных благ – дома, сада, здоровья – не обязательно будет вызывать у людей подобные чувства: «Мы обнаружим, что необходимо любим и одобряем обладателей первых качеств; однако владение вторыми вообще не предполагает любви к их владельцу, а часто вызывает прямо противоположные чувства зависти и ненависти» [5, с. 128]. Таким образом, Ф. Хатчесон, также как и Э.К. Шефтсбери отмечает превосходство моральных ценностей, утверждая, что, несмотря на изменения ценностных ориентиров от эпохи к эпохе, меняются лишь формулировки, но не принципы, составляющие ядро общечеловеческой морали. И лишь истинно нравственные ценности – добро и красота доставляют подлинное удовольствие человеку, не имея в своей основе мысли о выгоде или пользе, что заметно отличает их от естественных благ, где польза следует за удовольствием.

Идеи Э.К. Шефтсбери и Ф. Хатчесона нашли отклик в «Проповедях» англиканского епископа Джозефа Батлера (1692–1752), который, рассматривая человеческую природу, отмечает ее двойственность. С одной стороны, человек по своей природе стремится заботиться о благе окружающих людей и общества, а, с другой стороны, – о своих частных интересах и собственном счастье. Следовательно, мы находим благожелательность и себялюбие, которые тесно взаимосвязаны и заключены в каждом человеке. Однако, именно умение быть естественным своей природе, проявление истинных ценностей: благожелательности, сочувствия и заботы о близких делает человека, как считает Дж. Батлер, по-настоящему моральным: «Любовь к ближнему ведет к добродетели, и именно она способна обуздать порочность» [1, с. 44].

Более того, кроме благожелательности и себялюбия Дж. Батлер выделяет рефлексивную способность человека или совесть, как особую ценность, которая помогает ему разбираться в правильности своих действий и поступков и воздерживаться от нанесения вреда другим людям; ведь совесть, как считает философ, есть некий «внутренний закон человека, который решительно направляет его к добродетели, и тем самым определяет ценностный базис жизни индивида в обществе» [1, с. 22]. Следовательно, совесть – это высшая инстанция, которая идет от сердца человека, устремляя его на путь справедливости и обоснованности своих деяний.

Таким образом, выделяя благожелательность и совесть как истинные ценности по отношению к эгоизму и разуму, Дж. Батлер продолжает начатую Э.К. Шефтсбери и Ф. Хатчесоном критику эгоизма, что, несомненно, относит его в ряды философов сентименталистского направления.

Суммирую все изложенное, важно отметить, что в учениях британских философов-сентименталистов XVIII столетия ярко проявляется любовь к человеческой природе, его чувствительности, сердечности и душевным переживаниям. В качестве важнейшей ценности выступает моральное чувство как существенная нравственная императива, оценивающая события и поступки людей положительно или отрицательно. В свою очередь, духовно-нравственные ценности такие, как единение с природой у Э.К. Шефтсбери, добро и красота у Ф. Хатчесона, благожелательность и совесть у Дж. Батлера способны сформировать человека истинно духовного, умеющего сострадать и заботиться о ближнем, бескорыстно любящего и почитающего природу, готового нести ответственность за свои поступки перед обществом, а также стремящегося к постоянному саморазвитию. Следовательно, формирование этих ценностей у подрастающего поколения в процессе обучения и воспитания в современной действительности способно преодолеть ценностный вакуум в обществе и воспитать новое поколение достойных граждан своей страны.

Литература

1. Butler J. 11-12: The Love of our Neighbour [Text] // Five Sermons. – 2010. – P. 22, 44. [Электронный ресурс]: <http://www.earlymoderntexts.com/pdfs/butler1726.pdf>.
2. Crick R.D. Integrating the personal with the public: values? Virtues and learning and the challenges of assessment [Text] // International research handbook on Values Education and student wellbeing. – Springer, 2010. – P. 891.
3. Dr. Hawkes N. From my Heart: Transforming Lives through Values [Text] / Dr. Neil Hawkes. – Independent Thinking Press an imprint of Crown House Publishing, 2013. – P. 60.
4. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней [Текст]. – Электронный ресурс: <http://www.cyclopedia.ru/93/216/2677362.html>.
5. Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели: I трактат. О красоте, порядке, гармонии, целесообразности [Текст] // Эстетика. – М.: «Искусство». – 1973. – С. 57, 128, 144.
6. Шефтсбери А. Моралисты. Раздел II // Эстетические опыты. – М.: Искусство, 1975. – С. 141, 219.

ФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ ЙОРКИСТОВ В 1471 ГОДУ

В 1471 г. состоялся завершающий акт борьбы Ланкастеров и Йорков за английский престол. В октябре 1470 г. Эдуард IV вынужден был бежать из Англии на трех кораблях. С ним было небольшое количество придворных (брат короля герцог Ричард Глостер, шурин Энтони Вудвиль граф Риверс, лорд-чемберлен Уильям Гастингс и Уильям Фиеннес лорд Сэй), общее же число сопровождавших составляло от 700–800 чел. [16, с. 100–101; 6, с. 283] до 2 тыс. чел. [7, с. 462]. Эдуард IV находит убежище у мужа своей сестры герцога Бургундского Карла Смелого, во владениях которого и на деньги которого беглый английский король набирает отряды солдат для возвращения на родину.

В марте Эдуард отплывает из Флишинга в Зеландии на 17 или 18 кораблях [16, с. 104; 6, с. 290]. О численности его армии в источниках содержатся противоречивые сведения: 1 тыс. чел. [5, 660], 1,5 тыс. чел. [7, с. 463], 2 тыс. чел. [14, с. 136; 6, с. 290]. Последние цифры выглядят более правдоподобными в сравнении с тем количеством людей, которые прибыли с Эдуардом из Англии, однако они принадлежат историкам XVI в., а не современникам описываемых событий. Еще один из них, автор «Хроники Уоркуорта», говорит о 900 англичанах и 300 наемных фламандских мушкетерах [15, с. 13]. Исходя из этого можно предположить, что из Англии с Эдуардом прибыло не более 700–800 солдат, остальные сопровождающие были слугами. Тогда, благодаря поддержке герцога Бургундского, ему удалось увеличить их количество в 1,5–2 раза. Слишком же большое, по сравнению с этой армией, количество кораблей объясняется тем, что 14 из них были ганзейскими кораблями, которые должны были лишь сопровождать флот и ждать в течение 15 дней у побережья на тот случай, если вторжение не увенчается успехом [16, с. 104].

Среди отплывших из Флишинга были как англичане, так и иностранцы. С Эдуардом были такие дворяне, как сэр Роберт Чемберлен и сэр Гилберт Дебенхам [3, с. 37]. Оба они являлись выходцами из Саффолка, оба находились на королевской службе с 1460-х гг. В Донкастере к армии присоединился Уильям Саттон (Дадли) со 160 людьми [4, с. 157]. Это был третий сын Джона Саттона лорда Дадли и духовное лицо – владелец нескольких пребенд. Не известно, каким образом он оказался на континенте, но его помощь была впоследствии вознаграждена Эдуардом IV: в том же году Уильям получил пребенду часовни Виндзорского замка [2, с. 274], стал канцлером королевы [13, с. 185], деканом Винзора [1, с. 125] и членом королевского совета [9, с. 311]. В 1476 г. он стал епископом Дарема.

Четырнадцатого марта Эдуард IV высадился в Рейвенспере в Йоркшире. Местное население отнеслось к нему враждебно [15, с. 13–14; 3, с. 40], Кингстон-на-Гулле отказался его впустить [3, с. 40], а Йорк открыл ворота, чтобы пропустить армию Эдуарда, лишь после того, как он заявил, что не имеет притязаний на английский престол, а хочет лишь вернуть наследство своего отца [15, с. 14].

Впервые после высадки Эдуард получил поддержку англичан, лишь достигнув Уэйкфилда 20 марта [3, с. 45], но особенно же – в Ноттингеме, куда он пришел 23 марта. Тут к королю присоединились сэр Уильям Парр из Уэстморленда и сэр Джеймс Харрингтон из Йоркшира с двумя отрядами общей численностью 600 чел. [3, с. 45–46], сэр Уильям Стэнли (300 чел.) и сэр Уильям Норрис [15, с. 14], сэр Томас Боро из Линкольншира и сэр Томас Монтгомери из Эссекса [6, с. 292]. Любопытно, что сэр Уильям Стэнли – младший брат лорда Томаса Стэнли, против которого сэр Джеймс Харрингтон удерживал замок Хорнби во время реставрации Генриха VI [13, с. 409], однако под знаменами Эдуарда представители этих двух враждующих семейств оказались вместе. Видимо, именно в Ноттингеме армия Эдуарда достигла 2 тыс. чел., что позволило ему открыто объявить себя королем Англии и Франции [15, с. 14; 2, с. 292]. Хотя в источниках может содержаться ошибка, и численность армии могла увеличиться больше, потому что вскоре, при приближении Эдуарда IV, от Ньюарка отступили, не решившись вступить в сражение, герцог Экзетер, граф Оксфорд и лорд Бардольф, незадолго до этого собравшие в восточных графствах 4 тыс. чел. ополчения [3, с. 46]. Такая же сила была у графов Уорика и маркиза Монтегю, укрывшихся в Лестере, и отклонивших вызов Эдуарда на битву [15, с. 14]. Более того, король смог осадить графа Уорика в Ковентри 29 марта, хотя у последнего к тому времени было уже 6 или 7 тыс. чел. [3,

с. 48]. Возможно, графу удалось к тому времени соединиться с частью сил, собранных другими лордами, держащими сторону Генриха VI.

Переломным моментом, окончательно предоставившим преимущество в силах Эдуарду IV, стало его воссоединение с мятежным братом, герцогом Джорджем Кларенсом. Отношения между братьями испортились в 1469 г., после того, как Кларенс стал зятем графа Уорика и начал интриговать вместе с ним против Эдуарда. В 1471 г. герцог от имени Ланкастеров собирал ополчение в Западном Мидлендсе [10, с. 146] или в Глостершире и Уилтшире [11, с. 442], в результате чего под его командованием оказалось 4 тыс. чел. [3, с. 50], 7 тыс. чел. [15, с. 15] или даже 12 тыс. чел. [16, с. 105]. Уоркуорт говорит, что граф Уорик уклонялся от встречи с Эдуардом IV, потому что ожидал подхода именно этих сил [15, с. 14]. Однако 3 апреля они присоединились не к графу, а к королю. Это стало возможным благодаря посреднической деятельности матери и сестер короля и герцога, а также архиепископа Кентерберийского и епископов Батского и Лондонского (в источнике Эссекского, ошибочно) [7, с. 464; 3, с. 50].

Теперь у Эдуарда было достаточно сил для того, чтобы идти в Лондон. Туда король входит 11 апреля. Тут его силы в третий раз значительно возрастают, так как теперь уже многочисленные сторонники начинают стекаться под знамена вернувшегося в свою столицу монарха. Наиболее влиятельными союзниками были представители семейства Буршье: архиепископ Кентерберийский Томас Буршье, Генрих Буршье граф Эссекс, Джон Буршье лорд Бернерс [15, с. 15], Гэмфри Буршье лорд Кромвель и его двоюродный брат и тезка сэр Гэмфри Буршье, лидер группы кентцев [8, с. 92]. На следующий день из Саффолка прибыл лорд Джон Говард [13, с. 167]. Коммин сообщает, что у Эдуарда в Лондоне было более 2 тыс. скрытых сторонников, из которых 300 или 400 – оруженосцы и рыцари [16, с. 104]. Уоркуорт говорит, что в столице армия короля возросла до 7 тыс. чел. [15, с. 15], однако в последовавшей 14 апреля битве при Барнете силы йоркистов составляли 9 тыс. чел. [3, с. 67].

После победы, одержанной при Барнете, Эдуард IV начал вновь укреплять свои вооруженные силы, так как ему предстояло столкновение еще с одной вражеской армией, собираемой в западных графствах сторонниками экс-королевы Маргариты Анжуйской. Для этой цели он использовал обычную в таких случаях практику комиссий по сбору ополчения (Commissios of Array). С 18 апреля по 11 мая были созданы такие комиссии для 22 графств Центральной, Западной и Юго-Западной Англии, а также для Кента [2, с. 283–285]. В Северной Англии они не были созданы, скорее всего, из-за невозможности в нужные сроки осуществить там мобилизацию и доставить войска по назначению. В Восточной Англии позиции Эдуарда IV могли быть не достаточно сильны (не смотря на поддержку Говардов). Этим же может быть объяснено отсутствие комиссий в таких графствах, как Беркшир, Сарри и Сассекс, или же это связано с недостаточной полнотой архивов. Обращает на себя внимание то, что Эдуард IV рассчитывал на поддержку западных графств, где, как ему было известно, собирали свои силы ланкастерцы.

Не все комиссии могли осуществить свою работу, так как решающая битва при Тьюксбери произошла уже 4 мая. Нам также не известна численность армии Эдуарда IV, но она смогла одержать победу над армией Ланкастеров, которая по данным Филиппа де Коммина могла достигать 40 тыс. чел. [16, с. 106] (хотя это, скорее всего, преувеличение). Однако мы можем составить некоторое представление о том, какая поддержка была ему оказана. Сохранился список из 43 дворян, посвященных в рыцари после битвы при Тьюксбери [12, с. 105]. Среди них было по три представителя из Кента и Норфолка, по два – из Девоншира, Йоркшира, Камберленда, Лестершира, Миддлсекса, Стаффордшира, Сарри, Шропшира, Эссекса, по одному – из Глостершира, Дорсетшира, Кембриджшира, Ланкашира, Линкольншира, Ноттингемшира, Саффолка, Сомерсетшира, Уилтшира, Уэстморленда, Херефордшира, Хертфордшира, Кармартеншира, Монмутшира и из Ирландии (происхождение 4 человек не установлено). Таким образом, среди оказавших поддержку Эдуарду IV были как дворяне из графств, в которых должны были действовать комиссии по сбору ополчения, так и те, куда такие комиссии не направлялись.

В ходе кампании 1471 г. Эдуард IV использовал два основных способа формирования армии: поддержку последователей и набор ополчения. В первые дни после высадки Эдуард IV не получил поддержки от англичан и не был уверен в своем успехе, почему и были наняты ганзейские суда. Очевидно, это связано с влиянием в северных графствах Невиллей. Но достигнув центральных графств, где многие его вассалы (особенно лорд Гастингс) имели своих сторонников, он решился открыто объявить о своих правах на престол. Переломным моментом стал переход на сторону

Эдуарда его брата Джорджа Кларенса. Обращает на себя внимание то, с какой легкостью (насколько позволяют судить источники) несколько тысяч человек ополчения, набранных для поддержки ланкастерского режима, перешли на сторону йоркистов. По всей видимости, большинство простых людей, не по своей воле набранных в ополчение, индифферентно относились к обеим враждующим сторонам. Также вряд ли можно сказать, что апрельско-майские комиссии по сбору ополчения сыграли существенную роль в деле пополнения армии короля. Во-первых, для осуществления их деятельности было недостаточно времени (некоторые из них были сформированы уже после битвы при Тьюксбери), во-вторых, состав участников битвы показывает, что степень представленности графств в рядах йоркистов не зависела от того, была ли направлена в них соответствующая комиссия. И наоборот, численность армии значительно возросла после прибытия Эдуарда IV в Лондон, когда к нему стали стекаться многочисленные сторонники. Таким образом, комплектование армии йоркистов в 1471 г. опиралось на механизмы, традиционные для эпохи так называемого «незаконнорожденного феодализма».

Литература

1. Barnard F.P. Edward IV's French Expedition of 1475. – Oxford: at the Clarendon Press, 1925.
2. Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1467–1477). – London, 1971.
3. The Chronicles of the White Rose of York. A Series of Historical Fragments, Proclamations, Letters, and other Contemporary Documents Relating to the Reign of King Edward the Fourth (Second edition). – London, 1845.
4. Clive M. This Sun of York: A Biography of Edward IV. – New York: Alfred A. Knopf, 1973.
5. Fabyan R. The New Chronicles of England and France / Ed. by H. Ellis. – London, 1811.
6. Hall E. Chronicle of Lancaster and York / Ed. by H. Ellis. – London, 1809.
7. Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland: With the Continuations by Peter of Blois and Anonimous Writers / Trans. from the Latin with notes by H. Riley. – London, 1854.
8. Kendall P.M. Richard III. – New York, 1956.
9. Lander J. R. Crown and Nobility 1450-1509. – Edward Arnold, 1976.
10. Oman C. England and the Hundred Years War. 1327-1485. – London, 1898.
11. Oman C. The History of England. From the Accession of Richard II to the Death of Richard III (1377–1485). – London, 1906.
12. Paston Letters. 1422–1509. Vol.3 / Ed. by J. Gairdner. – London, Exeter, 1904.
13. Ross C. Edward IV. – Berkley; Los-Angeles: University of California Press, 1974.
14. Three Books of Polydore Vergil's English History, comprising the reigns Henry VI, Edward IV, and Richard III / Ed. by H. Ellis. – London: Camden Society, 1844.
15. Warkworth J. Chronicle of the First thirteen Years of King Edward the Fourth. – London: Camden society, 1839.
16. Филипп де Коммин. Мемуары. – М.: Наука, 1986.

УДК 94

М.И. Романова

г. Хабаровск, Дальневосточный государственный гуманитарный университет

АБОЛИЦИОНИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УИЛЬЯМА УИЛБЕРФОРСА В 1787–1807 гг.

В 1787 г. появилось первое английское общество борцов за уничтожение рабства. Его возникновение ознаменовало переход к новому этапу аболиционистского движения, когда оно приобрело организованный характер, а его лидеры сосредоточили все свои усилия на парламентской деятельности.

Важной фигурой среди аболиционистов в этот период стал парламентарий, богатый купец У. Уилберфорс. Несмотря на принадлежность к англиканской церкви он, разделял точку зрения аболиционистов-нонконформистов на несовместимость рабовладения с идеями христианской морали. А как купец, Уилберфорс был недоволен монопольным положением рабовладельцев-плантаторов. Этим воспользовался Дж. Уэсли, убедивший его создать парламентскую группировку аболиционистов. Дело в том, что большинство членов «Аболиционистского общества» не имели права заниматься политической деятельностью, поскольку до 1828 г. нонконформистам запрещалось становиться членами парламента.

Будучи тори и университетским другом Питта-младшего, Уилберфорс сумел заинтересовать аболиционистскими идеями молодого премьера. Трудно точно указать, какими мотивами Питт при этом руководствовался, поскольку он не оставил прямых свидетельств на этот счет. Известно, что премьер-министр, начавший свою политическую карьеру как виг, а затем примкнувший к то-

ри, стремился к созданию коалиционного кабинета. Поэтому возможно Питт посчитал, что аболиционизм будет способствовать позитивному взаимодействию виггов и тори. Для него, как для глубоко верующего человека, существование работорговли было, в первую очередь, моральной проблемой. Питт мог полагать, что и тори, и вигги, будучи христианами, должны были одинаково отрицательно относиться к рабовладению, и, таким образом, аболиционизм положил бы начало процессу объединения парламентских группировок. Это предположение подкрепляется личными убеждениями самого премьера. В тот период Питт был не только правоверным христианином, но и активным сторонником гражданских свобод. Поэтому идеи аболиционизма могли быть ему близки не только как политику, но и как человеку.

12 мая 1789 г. при поддержке Питта-младшего Уилберфорс выступил в Палате Общин с предложением отмены работорговли [1, col. 42–68]. Его речь получила большую известность и была опубликована либеральными изданиями [6]. Поскольку выступление У. Уилберфорса стало своеобразным манифестом аболиционистов конца XVIII – начала XIX вв. следует остановиться на основных его положениях.

Он утверждал, что существование работорговли – это позор для Англии, в котором «мы должны признать себя виновными» [1, col. 41–42]. Уилберфорс говорил о работорговле как о «национальном преступлении». Он заявлял, что «нация, должна приложить все усилия, чтобы облегчить судно государства от такого груза вины и позора». Как евангелист, Уилберфорс считал, что все люди должны испытывать вину за совершенные ими грехи. Потому он взывал к совести соотечественников, утверждая, что работорговля – «самое грязное пятно, когда-либо запятнавшее наш национальный характер», и предлагал «как можно быстрее его стереть» [9, с. 5–6, 91–92, 107].

Уилберфорс прямо указывал на парламент как на главного виновника: «Когда я, как парламентарий, упрекал плантаторов Вест-Индии и работорговцев, они отвечали мне, что именно Британский Парламент уполномочил их вести эту торговлю... Мне на это было трудно что-либо возразить» [2, с. 41–101].

Далее Уилберфорс перешел к аргументам о необходимости отмены работорговлю. В качестве основополагающих, он выдвигал этические соображения: «Даже если правы те, кто упорно утверждает, что разграбление Африки необходимо для процветания Вест-Индии, я не поддержу их, поскольку не может процветать то, что основано на грабеже и кровопролитии». Уилберфорс обращался к «чувству гуманности» работорговцев, которые «не должны совершать таких действий, противоречащих божественной доктрине». Как сторонник фритрейда он считал, что торговля Англии с «варварскими странами» (к ним Уилберфорс относил Африку) должна была способствовать их культурному расцвету. Но в Африке, по его мнению, «превращение людей в товар, в предметы потребления принесло насилие, опустошение и беззаконие». Он указывал, что практика работорговли способствовала развращению племенных вождей, развитию у них «личной жадности и чувственности» [1, col. 42–46].

В своей речи он говорил об ужасных условиях содержания рабов и о том, что при перевозке их смертность превышает 50% от числа купленных в Африке, а также о высокой смертности рабов на плантациях Вест-Индии. По его мнению, причинами этого были: «Во-первых, плохое медицинское обслуживание. Во-вторых, гибель при подавлении беспорядков. Третья причина смертных случаев в Вест-Индии – чрезмерный труд, соединенный с неподходящим продовольствием... Еще одна причина смертности рабов – ужасная распущенность их манер. Рабы, рассматриваемые своими владельцами как рогатый скот, без любого учреждения брака... станут, несомненно, развратны; и, пока не будет предпринято попыток изменить такую ситуацию этот источник смертности останется» [1, col. 46–47].

У. Уилберфорс доказывал, что отмена работорговли, с одной стороны, улучшит жизнь плантационных рабов, а с другой, – не повлияет отрицательно на доходы плантаторов. Он говорил, что «все эти причины смертности среди рабов, несомненно, имеют средство излечения, и это средство – отмена работорговли... если торговлю рабами отменяют, то хозяева вынуждены будут проявлять усердную заботу об их здоровье, морали, учреждениях брака и многих других вещах, о которых рабовладельцы пока не думают, потому что они станут абсолютно необходимыми. Количество рождений среди рабов Вест-Индии, таким образом, увеличится естественно, и это сделает ненужными новые поступления негров из Африки. Каждое поколение будет лучше и больше предыдущего, и, в конечном счете, Вест-Индия станет самостоятельно получать прибыль, обходясь без работоргов-

ли. «По правде, говоря, – заключал Уилберфорс, – я не вижу ничего, что мешало бы вест-индским плантаторам не согласиться с отменой работорговли» [1, col. 47].

Таким образом, Уилберфорс прибегал не только к моральным, но и к экономическим аргументам в попытке убедить рабовладельцев в том, что они не понесут убытков от отмены работорговли. В его доводах был определенный резон, если учитывать внешнеполитическую ситуацию того периода (последствия войны за независимость Североамериканских колоний, колониальное соперничество с Францией), которая сделала работорговлю дорогостоящим предприятием и соответственно привела к росту цен на рабов.

Однако сторонники аболиционизма столкнулись с серьезной оппозицией в лице парламентских сторонников вест-индских плантаторов, во главе которых стоял отец будущего английского премьер-министра и лидера либеральной партии У. Гладстона – сэр Дж. Гладстон, также имевший плантации в Вест-Индии. В числе противников Уилберфорса оказались и представители Лондонского Сити, и, вопреки ожиданиям Питта-младшего, большинство тори. Их аргументы сводились к следующему. Никто не отрицал нравственной необходимости отмены работорговли. Однако все они выдвигали причины, по которым рассмотрение этого вопроса необходимо было отложить на неопределенное время. Следует отметить, что все доводы противников отмены рабства носили экономический характер. Они считали работорговлю и рабский труд выгодными для экономики Англии.

Так, лондонский олддермен Ньунхэм заявил, что, хотя он «как любой человек желает отмены работорговли, исходя из соображений гуманности»; все же, как представитель города Лондона, он «не может дать свое согласие на это, поскольку торговля рабами является... источником дохода для многих его жителей». Ньунхэм предостерег «господ-парламентариев от опрометчивого решения положить конец работорговле как выгодной отрасли нашей национальной торговли» [2, с. 67–68].

Торийский депутат лорд Пенрайн выразил сомнение в справедливости высказывания Уилберфорса, что сахар можно дешево выращивать на плантациях без сохранения работорговли, обеспечивавшей постоянный приток бесплатной рабочей силы. Он заявил: «Это нереально, поскольку плантаторы уже пробовали обойтись без закупок рабов (*в период конфликта с Североамериканскими колониями – М.Р.*) и пробовали напрасно. Поэтому, несмотря на возвышенные цели предложения об отмене работорговли, оно не может пройти.... Иначе это ударит по собственникам в Вест-Индии, которые лишились бы доходов на сумму не менее 70-ти млн. фт. стерлингов» [2, с. 85].

Еще один важный аргумент против принятия закона об отмене работорговли привел богатый купец Генри Круджер. Выразив согласие с У. Уилберфорсом в том, что этот закон стал бы актом гуманности, он обратил внимание парламента на то обстоятельство, что правительственной казне «придется возмещать убытки, которые понесут работорговцы и плантаторы в результате отмены торговли рабами. Эти расходы составят, по крайней мере, 60 или 70 млн. фт. ст.». Необходимость этих выплат он мотивировал тем, что «поскольку работорговля была санкционирована в соответствии с законами этой страны, её граждане в случае отмены этих законов могут выдвигать справедливое требование компенсации понесенных убытков. Это практика каждой цивилизованной нации» [2, с. 100–101].

Доводы противников Уилберфорса показали торийскому большинству убедительными, и его законопроект был отвергнут парламентом. Поскольку тори выступили против отмены работорговли, У. Уилберфорс был вынужден вступить в коалицию с вигами Ч. Фоксом, Р. Шериданом, У. Гренвиллем и Г. Брумом. Но вигская оппозиция была немногочисленна, и когда в 1791 г. Уилберфорс попытался вновь теперь уже при поддержке вигов выдвинуть законопроект об отмене рабства в британских колониях, его предложение было отвергнуто Палатой общин 163 голосами против 88 [7, с. 96, 206, 220, 339, 592].

Тогда Уилберфорс попробовал получить поддержку вне стен парламента. В 1792 г. он вместе с Г. Шарпом организовал сбор подписей под петицией с требованием отмены торговли рабами. В «Сообщении относительно отмены работорговли» представленном Шарпом и Кларксоном членам «Аболиционистского общества» от 23 января 1792 г., указывалось на желательность того, чтобы под этой петицией стояли подписи представителей различных социальных групп и особенно «хозяина от мэра Лондона, разных корпораций и территориальных округов» [5]. Из этой инструкции ясно, что уже в тот период аболиционисты пытались придать своему движению общественный характер и заручиться поддержкой широких социальных слоев.

За очень короткий срок (менее двух месяцев) «Аболиционистскому обществу» удалось собрать 400 тыс. (!) подписей под петицией об отмене рабства [4, с. 61]. Это был безусловный успех аболиционистов. Количество подписей впечатлило парламентариев, и петиция была принята к рассмотрению в марте 1792 г. [3].

Однако использовать этот успех противники работорговли не смогли, так как конфликт Англии с революционной Францией в 1793 г. снова ослабил их позиции. Выступления аболиционистов против работорговли воспринимались как поддержка революционных идей, так как жирондисты и якобинцы выдвигали аналогичные лозунги и уже добились отмены рабства во французских колониях. Несмотря на то, что У. Уилберфорс и его сторонники продолжали бороться за отмену работорговли, собирать подписи под петициями и регулярно выступать в парламенте с подобными заявлениями, в течение 13-ти лет депутаты не принимали этот законопроект к рассмотрению. Только в 1805 г. Палата общин согласилась принять закон, по которому запрещался как ввоз рабов в Англию, так и участие англичан в работорговле [8, с. 592].

Литература

1. Debate on Mr. Wilberforce's Resolutions respecting the Slave Trade // Cobbett, W. The Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the year 1803. In 36 vols. – L.: T. Curson Hansard, 1806–1820. – V.28.
2. Debates on the slave trade // The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803. / Ed. by William Cobbett. In 36 vols. – L.: T.C. Hansard, 1806–1826. – V.28.
3. Gisborne, Th. Remarks on the late decision of the House of Commons respecting the abolition of the slave trade. – L., 1792.
4. Oldfield, J. R. Popular Politics and British Anti-Slavery: the Mobilization of Public Opinion against the Slave Trade, 1787–1807. – L.: Frank Cass, 1998.
5. Report on impending ending of slave trade. // Sharp, G. London Committee. January 23, 1792.
6. The Morning Star, 78 (Wednesday, 13 May 1789).
7. The Parliamentary Debates commenced with the year 1803, and the contents are set forth in the following Chronological Table: History Conquest to 34 Geo. II. – 1066 to 1800. In 40 vol. / Ed. by William Cobbett. – L.: Printed by T.C. Hansard, 1803. Vol. 27 (1791).
8. The Parliamentary Debates. First Series. In 41 vol. / Ed. by William Cobbett. – L.: Printed by T.C. Hansard, 1803/4–1820. – V. 5.
9. Wilberforce, W. A letter on the abolition of the slave trade: addressed to the freeholders and other inhabitants of Yorkshire – L.: L. Hansard for T. Cadell & W. Davies, 1807.

УДК 94

Л.Р. Сабитова

г. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

АНГЛИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В XVI–XVIII вв.: ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРЕСОВ

«Восточный вопрос» был и остаётся одной из дискуссионных научных тем. Термин, введенный в дипломатический лексикон на Веронском конгрессе Священного союза (1822), стал синонимом противостояния ведущих европейских держав в регионе Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, который находился под управлением слабеющей Османской империи.

Одной из стран, принимавших самое деятельное участие в решении «Восточного вопроса», была Великобритания. «Восточное направление» изначально занимало особое место в её торгово-экономических и дипломатических устремлениях. Первый всплеск британского интереса к Востоку проявился еще в эпоху Крестовых походов. Однако в период Средневековья англичанам не удалось закрепиться на Святой Земле. Их опередили французы, основавшие здесь собственные государства и военно-религиозные ордена. Впрочем, все они были также разгромлены и изгнаны мусульманами.

После окончания Столетней войны (1453) правители Британии вновь вспомнили о богатом и потерянном для христиан Востоке. Наиболее яркое тому подтверждение – текст «Маленькой книжечки об английской политике». Её автор здраво рассуждал о бесперспективности континентальных войн и необходимости расширять торговые связи, в том числе на самом прибыльном – ближневосточном – направлении [9, с. 50–57]. Подобные намерения были ни в малой степени подкреплены региональными событиями. С середины XV столетия хозяевами Ближнего Востока стали турки-османы, сменившие здесь угасшую и побеждённую Византию. В условиях изменившихся

внешних обстоятельств европейские государства не оставляли надежд восстановить свои региональные позиции, утрата которых угрожала их торгово-экономическим интересам. Поэтому первоочередной задачей для христианских держав стало установление дипломатических отношений с новой восточной империей – Османской.

Первыми этой цели добились французы. В 1535 г. они заключили политический союз с Турцией и получили султанские «Капитуляции» – значительные торговые привилегии. Франко-турецкий союз обеспокоил Англию. В 1579 г. она также добилась предоставления капитуляционных прав. В 1583 г. в Стамбул отправился первый английский посол – Уильям Харборн [5, с. 159]. Получив от королевы Елизаветы I патент на торговлю во владениях султана, часть лондонских купцов объединилась в Левантийскую компанию. С этого момента ближневосточные дела Англии, временно подчинённые экономической выгоде, были почти полностью переданы в руки частных лиц [3, с. 638]. Само же лондонское правительство преимущественно сосредоточилось на колониальном освоении Нового Света. В рамках XVII в. ближневосточное направление британской внешней политики также оставалось вспомогательным: этот вектор политики склонял английских дипломатов к подписанию с турецкой стороной дружественных, ни к чему не обязывающих договоров, которые поддерживали престиж английской короны.

В начале XVIII столетия «восточная» политика Британии существенно переменялась. Изменения были вызваны начавшимся ослаблением Османской Порты. Например, решения Карловицкого конгресса (1699) вынуждали Стамбул принимать во внимание интересы ведущих государств Европы и вести с ними не всегда равный политический диалог. При этом противостояние европейских дипломатов при султанском дворе долгое время не затрагивало интересов английского посла, который по-прежнему позиционировал себя в качестве представителя Левантийской компании [6, с. 42]. Без сомнения, причина такого поведения была связана с внутривосточным состоянием английского государства, только что пережившего революцию, гражданскую войну и смену правящей династии. Впрочем, ситуация вскоре изменилась. Уже на рубеже XVII–XVIII столетий в западной части Средиземного моря появилась первая английская эскадра. С 1704 г. английские военные корабли постоянно базировались в захваченном испанском Гибралтаре. В 1757 г. была учреждена должность главнокомандующего британским флотом на Средиземном море, что подчеркивало важность этого региона для внешнеполитических амбиций англичан. В 1759 г. средиземноморской базой британцев стала также испанская Минорка.

К началу Семилетней войны (1756–1763) дипломатическая деятельность англичан в Стамбуле существенно активизировалась, хотя по-прежнему зависела от европейской системы союзов. Так, в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Англия предпочитала поддерживать Россию, зная, что ее традиционная соперница, Франция, будет помогать Турции [1, с. 39–58]. Но вскоре оценка британским правительством ситуации в Восточном Средиземноморье стала более самостоятельной. К тому же у Лондона на Востоке появился новый соперник.

В 1783 году внешнеполитический курс Лондона на Ближнем Востоке получил своего нового идеолога – премьер-министра У. Питта-младшего. Любопытно, что, будучи безусловным врагом Франции, этот политик видел главным противником Англии в Восточном Средиземноморье отнюдь не Францию, а Россию. Именно он сумел безошибочно предсказать стратегические цели Российской империи в регионе: получить выход в Средиземное море через Проливы и базу на одном из островов греческого Архипелага [7, с. 156].

Случай продемонстрировать англо-русское соперничество не замедлил представиться. Франция, спровоцировав русско-турецкую войну 1787–1791 гг., не смогла, ввиду начавшейся революции, поддержать Порту. В этой ситуации Англия впервые открыто выступила противником России в регионе. Так, она в ультимативной форме потребовала у Петербурга вернуть Турции захваченные территории и принять свое посредничество в мирных переговорах. Категоричный отказ русских вести «подконтрольные» переговоры спровоцировал дипломатический конфликт, едва не переросший в войну. Победило благоразумие умеренных британских политиков, не желавших терять Россию в качестве торгового партнера. Свою роль сыграли также дипломаты и некоторые из членов правящего Кабинета, не видевших смысла начинать полномасштабные военные действия с целью помочь Турции, поскольку именно она первой объявила войну России [2, с. 257–261].

Вскоре ближневосточные дела вновь отошли для Лондона на второй план. В Европе началось вооруженное противостояние с революционной Францией. Вдохновителем этой борьбы также выступил У. Питт-младший. Однако сама Англия воевать в Европе не собиралась, предоставив эту

сомнительную честь своим континентальным союзникам – Австрии и Пруссии. Пользуясь благоприятной внешнеполитической ситуацией, сама Англия захватила французские колонии в Вест-Индии, после чего начала укрепление позиций в акватории Средиземного моря. Для выполнения этой задачи была предпринята попытка объединения с еще одной морской державой – Испанией, но этот союз так и не сложился. Тогда Англия вернулась к проверенной стратегии захвата опорных пунктов. В 1793 г. британцы попытались закрепиться на территории Тулона, являвшегося важной базой военно-морских сил Франции. Для этого они приняли участие в начавшемся здесь роялистском восстании, но акция потерпела поражение. Любопытно, что именно в этой «баталии» прославился самый опасный враг Британии – Наполеон Бонапарт. В 1796 г., следуя прежним планам, Лондон сделал ставку на антифранцузское восстание на Корсике, но также безуспешно. Позднее, в 1797 г., по итогам Итальянского похода генерала Бонапарта, англичане лишились возможности укрепиться в портах Апеннинского полуострова. Оставшись без военно-морских баз, британский флот был вынужден на некоторое время переместиться на Запад, в Гибралтар.

Решающая битва за Средиземное море между ведущими европейскими государствами – Францией, Англией и Россией – началась после создания второй антифранцузской коалиции, сформированной в 1798–1799 гг. в ответ на вторжение Наполеона в турецкие провинции – Египет и Сирию. В этой ситуации Англия и Россия выступили «спасителями» Османской империи. Однако обе державы имели в регионе Восточного Средиземноморья собственные стратегические интересы. Неудивительно, что в действиях союзников не было согласия. Наиболее яркой иллюстрацией англо-русского соперничества на Средиземном море послужили действия двух знаменитых флотоводцев – Г. Нельсона и Ф.Ф. Ушакова [4; 10]. Попытки вбить клин между русским и турецким командованием, «перетянуть» освобожденные русскими Ионические острова под британский протекторат, а также захват англичанами Мальты привели к выходу России из состава коалиции и разрыву англо-русских отношений.

Вывод из Восточного Средиземноморья европейских сил, провозглашенный статьями Амьенского мира (1802), фактически упрочил преобладание в этом регионе Британии. Более того, страна получила неопределимые преимущества для будущей ближневосточной экспансии. Отныне, прикрываясь отстаиванием интересов Турции, Лондон получил возможность легко оправдывать своё региональное присутствие, а также закрепление в новых опорных пунктах, призванных дополнить стратегическую миссию Гибралтара. Первым наиболее важным завоеванием британцев в восточной части Средиземного моря на данном этапе стала отбитая у французов Мальта.

Литература

1. Anderson M.S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // *The English Historical Review*. – 1954. – Vol. 69. – No. 270. – P. 39–58.
2. Black J. *British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793*. – Cambridge University Press, 1994.
3. Childs R. J. The evolution of British diplomatic representation in the Middle East // *Journal of The Royal Central Asian Society*. – 1939. – Vol. 26. – № 4. – P. 634–647.
4. Nelson H. *The Dispatches and Letters of Vice Admiral Lord Viscount Nelson, with notes by Sir Nicholas Nicolas*. – London: H. Colburn, 1845. – Vol. 3.
5. Skilliter S.A. The organization of the first English embassy in Istanbul in 1583 // *Asian Affairs*. – 1979. – Vol. 10. – No. 2. – P. 159–165.
6. Sutton R. *The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714)*, ed. by A.N. Kurat. – London, 1953.
7. Егоров А.А. Уильям Питт-младший и некоторые аспекты внешней политики Великобритании в 80-е годы XVIII в. // *Британские Исследования*. – Ростов-на-Дону, 2006. – Вып. 2. – С. 150–165.
8. Капитуляции, или привилегии, пожалованные турецким султаном английским купцам для торговли в Османской империи (1580 г.) // [Электронный адрес] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения 12.03.2013).
9. *Маленькая книжечка об английской политике* / Пер. со среднеангл. – Брянск: «Курсив», 2012.
10. Официальная корреспонденция адмирала Ушакова // [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения 12.03.2013).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В свете современных политических событий особую актуальность приобрела проблема формирования и функционирования государственной власти в отдельных странах мира. В рамках данного вопроса отдельный интерес представляет государственная власть США, поскольку она получила неоднозначную оценку в отечественной и американской исторической литературе.

В.В. Согрин отмечает, что в советский период было достаточно много исследований, посвященных анализу политической власти и системы США. Они отличались друг от друга тем, что среди них были и весьма поверхностные, и очень серьезные. Однако всем им была присуща общая идеологическая установка – превосходство советской социалистической демократии над американской буржуазной.

В постсоветский период получила распространение кардинально противоположная оценка, которая заключалась в том, что власть в США принадлежит народу, а решающую роль в ее реализации играет средний класс [4, с. 3].

В настоящее время исследователи обращаются к анализу государственной власти США в рамках изучения социально-экономических, культурных и других проблем развития США в отдельные исторические периоды [2].

Под государственной властью следует понимать власть, которая осуществляется при помощи различных (в том числе и специальных) средств и методов.

По мнению В.В. Согрина, в США существует несколько основных точек зрения на американскую государственную и политическую власть. Первая из них доказывает, что США являются образцовой демократией. Главными признаками американской демократии признаются народный суверенитет, приравняемый к народовластию, верховенство гражданского общества в отношении государства, политический плюрализм и разделение властей, федерализм.

Согласно второй, противоположной точки зрения, американское политическое правление является элитарно-олигархическим.

Третья распространенная точка зрения рассматривает американскую политическую власть как плюралистическую. Согласно этой позиции, в США соперничает множество социальных и политических групп, взаимодействие которых рождает реальную политическую власть.

Четвертая точка зрения определяет американское политическое правление как гибридное, в котором присутствуют и народовластие, и плюрализм [4, с. 4].

На основе этих точек зрения можно выделить несколько основных характеристик и функций государственной власти США: интегрирование и достижение согласия разных, в первую очередь крупных, социальных интересов; многогранность, которая в разных пропорциях включала элитарный, плюралистический и демократический компоненты.

Приведенные выше рассуждения отечественного американиста применимы в основном к характеристике сегодняшней государственной и политической власти США. Что же касается второй половины XIX в., то в это время американское государственное и политическое правление являлось элитарно-олигархическим. Реальная власть в США принадлежала только узкому правящему классу. Однако это не значит, что данный класс полностью игнорировал интересы других социальных слоев и групп. Особенно это касается последней четверти XIX в.

Более высокую политическую самостоятельность, в сравнении с предшествующими периодами, проявили и средние слои общества. По этой причине период наибольшего воздействия на политическую власть верхнего класса оказался и периодом наивысшего политического соперничества разных социальных групп.

Важную роль в системе государственной власти играла президентская власть, которая влияла не только на политическую систему США, но и на законотворчество [3].

Согласно американской Конституции, президент – это глава исполнительной власти, имеющий ряд прав:

- предлагать на рассмотрение Конгресса необходимые, целесообразные меры или направления развития американского государства [6, Article II. Section 1];

- издавать административные акты четырех основных видов: послания, обращения, приказы и реорганизационные планы [1];

- с согласия Сената заключать международные договоры;
 - с согласия Сената назначать послов, других полномочных представителей и консулов и т.д. [5, с. 98].
- Президент США имел и ряд обязанностей, в числе которых:
- контролирование процесса исполнения законов [6, Article II. Section 3];
 - представление Конгрессу сведений о состоянии государства и др. [5, с. 98–99];

В результате во второй половине XIX в. президент США оказывал существенное влияние на законотворчество и непосредственно участвовал в принятии основных направлений развития американского государства.

Важнейшей частью государственной власти США являлся Конгресс. Он, согласно американской Конституции, важнейший законодательный и представительный орган страны. Конгресс состоял из двух палат – Сената и Палаты представителей.

Нижняя палата Конгресса (Палата представителей) включала в себя членов, избираемых каждые два года народом отдельных штатов. Она имела право избирать своего спикера и других должностных лиц, предъявлять обвинение в порядке «импичмента» [6, Article I. Section 2]. В права членов Палаты представителей входила разработка биллей по изысканию доходов [6, Article I. Section 7].

В состав верхней палаты (Сената) входило по два сенатора от каждого штата. Сенаторы избирались на шесть лет законодательным собранием соответствующего штата. После выборов они делились на три равных класса: места сенаторов первого класса были вакантны по истечении второго года, второго класса – по истечении четвертого года, третьего класса – по истечении шестого года. Эти правила были установлены для того, чтобы одна треть Сената могла переизбираться каждые два года.

Президентом Сената являлся вице-президент США, но право голоса он имел лишь тогда, когда голоса сенаторов делились поровну. На случай отсутствия вице-президента Сенат избирал временного президента, а также других должностных лиц [6, Article I. Section 3].

В американской Конституции обозначены права американского Конгресса в целом. Основными из них являются: осуществление займов в счет США; регулирование торговли с иностранными нациями, между отдельными штатами и с индейскими племенами; чеканка монеты, регулирование ее стоимости; издание законов, необходимых для осуществления полномочий Конгресса и т.д. [6, Article I. Section 8].

Отдельное внимание следует уделить судебной власти. По Конституции, Судебная власть США принадлежала Верховному суду и низшим судам, которые учреждались Конгрессом. В документе четко определялось, что все преступления, за исключением «импичмента», подлежали суду присяжных. Все судебные разбирательства происходили в том Штате, где было совершено преступление.

Таким образом, американская государственная власть представлена тремя ветвями – законодательной, исполнительной и судебной. Она включала во второй половине XIX в. различные характеристики, которые позволяли идентифицировать ее, выявить все достоинства и недостатки.

Литература

1. Запольский С.В. Система непрерывной кодификации законодательства в США: опыт восьмидесятих годов. URL: <http://www.koroboff.spb.ru/EUROPE/851400386.html> (дата обращения: 15.01.2009).
2. Савельева А.В. Внутренняя политика США второй половины XIX в.: выбор социально-экономических приоритетов // Известия Алтайского государственного университета: Алтайский гос. ун-т. – Барнаул. – 2011. – № 4/2 (72). – С. 179–182.
3. Савельева А.В. Социально-экономические приоритеты государственной власти США во второй половине XIX века. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманист. ун-та, 2010. – 226 с.
4. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2.
5. Степанова В.В. Новая история стран Европы и Америки. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998.
6. The Constitution of the United States. URL: <http://www.archives.gov> (дата обращения: 12.03.2009).

ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ В ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Проблема конституционной реформы была на политической повестке с начала 1980-х гг. С сентября 1982 г. по апрель 1983 г. по инициативе председателей обеих палат итальянского парламента были созданы исследовательские комитеты с целью изучения институциональных проблем. С октября 1983 г. по январь 1985 г. под председательством А. Боцци работала двухпалатная парламентская комиссия по конституционной реформе. Ее работа завершилась безрезультатно, хотя и был подготовлен проект пересмотра многих статей первой части Конституции, в частности вопросов укрепления исполнительной власти, ограничения нормотворческой деятельности Парламента и усиления дифференциации полномочий обеих палат.

Затем была создана двухпалатная Комиссия по конституционной реформе, сначала под председательством Ч. Де Мита, а затем Н. Иотти. Комиссия приступила к работе в результате принятия Конституционного закона № 1/1993, который возложил на нее задачу пересмотра только второй части Конституции. Предложения Комиссии в основном касались «рационализации» существующей парламентской формы правления (с усилением роли Председателя Совета министров) и нового разграничения властных полномочий между центром и регионами. Проект был представлен в Парламент в январе 1996 г., когда Президент О.Л. Скальфаро уже принял решение о его роспуске вследствие результатов референдума, проведенного 18 апреля 1993 г., и принятия новых законов о выборах обеих палат.

Конституционным законом от 24 января 1997 г. была создана двухпалатная комиссия по конституционным реформам (Бикамерале Д'Алема). 30 июня 1997 г. комиссия утвердила текст проекта реформы, рассмотрев 42 тыс. поправок. Проект, который предусматривал переход от парламентской республики к президентской, сокращение количества членов палат парламента, более четкое разграничение функций Палаты депутатов и Сената, внесение элементов федерализма в государственную структуру, был представлен в Палату депутатов в начале 1998 г. для обсуждения, внесения возможных поправок и принятия (в первом чтении). Поначалу, несмотря на многочисленные дискуссии и трения среди депутатов, удалось достичь согласия, особенно по вопросам о федеративном устройстве и о роли Президента Республики. Однако в дальнейшем оппозиция в лице «Вперёд, Италия!» отказалась от одобрения проекта. Споры продолжались до июня 1998 г., когда было принято политическое решение о его замораживании. Проект был снят с повестки Палаты депутатов, и фактически повсеместно был признан его провал. В июне 1998 г. Парламент официально объявил о роспуске Комиссии. Несмотря на это, процесс реформ не остановился.

Левоцентристское правительство Дж. Амато (2000–2001) представило собственную конституционную реформу, утвержденную в одностороннем порядке, и одобрило референдум в 2001 г. Избирателей попросили ответить, одобряют ли они изменения положений Конституции, касающихся передачи больших полномочий регионам в вопросах сельского хозяйства, образования, здравоохранения и налогообложения (табл. 1).

Таблица 1

Результаты референдума 7 октября 2001 г. [4]

	Количество голосов	%	
			От числа избирателей
Проголосовавшие	16 843 420	34,05	
«За»	10 433 574	64,21	
«Против»	5 816 527	35,79	

До конституционной реформы 2001 г. статья 114 (раздел V, Часть II) гласила: «Республика делится на области, провинции и коммуны». Согласно новой формулировке, «Республика состоит из муниципалитетов, провинций, крупных городов, областей и государства. Муниципалитеты, провинции, крупные города и области – это автономные образования с собственными статутами, полномочиями и функциями в соответствии с принципами, определенными в Конституции» (конституционный закон № 3 от 18 октября 2001). Реформа изменила устройство и отношения итальянских институтов в соответствии с принципами автономии и субсидиарности. Эта новая система называется «Равноправный институциональный плюрализм» (*pluralismo istituzionale paritario*), что

означает, что государство, области, провинции, крупные города и городские советы отличаются по функциям, но равны в своем Конституционном статусе. Никто из них не имеет права навязывать свой политический выбор другим.

Согласно новому конституционному закону наименьший уровень правительства имеет «предпочтительную позицию». Эта предпочтительная позиция ясна в принципе субсидиарности. Но она видна и в том, что государству дается законодательная власть только в определенных сферах: внешняя и оборонительная политика; координация на европейском уровне; гражданство; правосудие; гражданский и уголовный кодекс; защита окружающей среды; равная защита на национальном уровне гражданских и социальных прав. Совместные законодательные полномочия распространяются на инфраструктуру, социальное обеспечение, политику занятости, городское и территориальное планирование. Сельское хозяйство, ремесла, торговля, туризм, промышленность, местный транспорт, общественные работы подлежат исключительной юрисдикции областей [1, с. 4]. «Предпочтительная позиция» относительно законодательной власти в настоящее время отведена областям. Что касается административной власти, на основе субсидиарности предпочтительная позиция у городских советов над провинциями; провинций над областями, и так далее.

Закон об осуществлении реформы был принят Парламентом в 2003 г. (№ 131/2003) [2, с. 1–5]. Цель создания новых институциональных механизмов состояла в том, что в новой, более «федеративной» Италии области должны участвовать в политических решениях центрального правительства.

Предложенный правоцентристской коалицией проект Конституционной реформы 2005 г. включал федеральную реформу итальянского парламента, полу-президентскую форму правления на центральном уровне и дальнейшие меры по обеспечению региональной децентрализации. Однако проект потерпел поражение на референдуме, проведенном в 2006 г., затянув, таким образом, процесс федерализации (табл. 2).

Таблица 2

Результаты референдума 25 июня 2006 г. [5]

	Количество голосов	%	
			От числа избирателей
Проголосовавшие	26 110 925	52,46	
«За»	9 970 513	38,71	
«Против»	15 783 269	61,29	

Проект Л. Виоланте 2007 г., против которого проголосовала Партия Итальянских коммунистов и воздержалась партия С. Берлускони «Вперед, Италия», включал в себя следующее: сокращение количества депутатов с 630 до 512 и сенаторов с 315 до 225; усиление полномочий исполнительной власти; отнесение

к исключительной юрисдикции Палаты депутатов экспертизы и утверждения государственных бюджетов и расходов государства; изъятие из полномочий Президента роспуска Сената [7, с. 12].

Новая эра конституционной реформы началась с назначением президентом Дж. Наполитано 12 июня 2013 г. Комиссии по конституционной реформе. Это была техническая комиссия, состоящая в основном из видных профессоров конституционного права. Комиссия завершила свою работу 18 сентября 2013 г. Предложения были направлены на модернизацию закона о выборах, формы правительства и парламента. Предложения Комиссии, однако, не получили большого резонанса из-за внезапного падения правительства Э. Летта. Тем не менее, новое правительство М. Ренци выдвинуло конституционные реформы на первый план. 8 апреля 2014 г. премьер-министр предложил новый законопроект № 1429 – «Положения об уменьшении количества членов парламента, сдерживании расходов учреждений, упразднении Национального совета по экономике и труду и пересмотре раздела V части второй Конституции».

Законопроект № 1429 порывает с моделью совершенного бикамерализма, оставляя право вотума доверия Палате депутатов и правительству, исключая Сенат. Более того, роль Сената в законодательном процессе также будет сокращена. Только несколько типов законов будут одобряться Сенатом, а именно конституционные законопроекты и поправки к конституции. Сенату республике поставлена задача представлять местные органы власти и осуществлять связь между Европейским Союзом, государством и другими конституционными органами Республики. Законопроект направлен на усиление влияния правительства в законодательном процессе [3, с. 8–12].

8 августа 2014 г. верхняя палата проголосовала 183 голосами за законопроект. Протестное движение «5 звезд», Лига Севера, левая партия «Левые, Экология, Свобода», являющиеся частью оппозиции, покинули Сенат в знак протеста.

26 августа 2014 г. законопроект был передан на рассмотрение в Палату депутатов под № 2613, а 13 декабря 2014 г. Комитет по конституционным вопросам Палаты депутатов завершил его рассмотрение. Был одобрен ряд изменений, включающих в себя следующее: 1) новый Сенат будет состоять из 100 сенаторов, избираемых региональными советами среди своих членов и мэров соответствующих территорий. Президент лишился права назначать пять сенаторов; 2) относительно законодательного процесса, объясняются те случаи, когда законодательная функция осуществляется совместно обеими палатами. Палате депутатов предоставляется больше времени для рассмотрения законопроектов, определенных как приоритетные (70 дней вместо 60, с возможностью отсрочки); 3) переформулирован и несколько увеличен кворум для избрания Президента на основании количества туров голосования; 4) внесены изменения в Статью 117 Конституции в части, относящейся к разделению законодательных полномочий между государством и регионами; 5) заявлен принцип прозрачности в организации государственного управления, обеспечивающий эффективность и беспристрастность деятельности всех госслужб; 6) отменены изменения о назначении судей Конституционного суда, тем самым сохраняется нынешняя система избрания в парламенте на совместном заседании (а не двумя палатами в отдельности, как предусматривалось реформой, утвержденной в Сенате) [6].

Таким образом, в Италии назрела необходимость проведения насущных конституционных реформ. Однако до сих пор они были осуществлены лишь частично. Во время работы двухпалатной комиссии (1997–1998) итальянские партии не договорились о проекте Конституционных реформ, и к этой идее вернулась правящая левоцентристская коалиция. Важная конституционная реформа 2001 г., одобренная ею, дала больше полномочий итальянским регионам и ограничила вмешательство центральной власти. Следовательно, Италия сделала первые шаги к федеративной системе. Эта реформа была изменена парламентом в 2005 г., однако изменения были отклонены на референдуме 2006 г. и поэтому не имели никаких последствий. В настоящее время Итальянская Республика движется к масштабной реформе раздела V Конституции. Законопроект уже одобрен Сенатом и Комитетом по конституционным вопросам Палаты депутатов. 16 декабря состоялось собрание Палаты депутатов. По состоянию на 8 января 2015 г. законопроект находится на рассмотрении Ассамблеи Палаты депутатов. После утверждения законопроекта в парламенте будет создан референдум для подтверждения конституционных изменений.

Литература

1. Caravita B. Italy toward a federal state? Recent constitutional developments in Italy. – Camden (NJ): Rutgers University. 2004.
2. Disposizioni per l'adeguamento dell'ordinamento della Repubblica alla legge costituzionale 18 ottobre 2001, Legge n. 3: Legge n. 131, 5 giugno 2003 // Gazzetta Ufficiale. – 2003. – 10 Giugno. – N. 132.
3. La Riforma del Senato e del Titolo V nell'A.S. N. 1429 d'Iniziativa del Governo: Note di sintesi / a cura di: L. Borsi. Roma: Senato della Repubblica. – 2014.
4. Referendum Costituzionale 07/10/2001 // Archivio Storico delle Elezioni: Ministero dell'interno Dipartimento per gli Affari Interni e Territoriali. – URL: <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=F&dtel=07/10/2001>.
5. Referendum Costituzionale 25/06/2006 // Archivio Storico delle Elezioni: Ministero dell'interno Dipartimento per gli Affari Interni e Territoriali. – URL: <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=F&dtel=25/06/2006>.
6. Riforma della Costituzione (AC 2613): concluso l'esame in Commissione // Ministro per le Riforme Costituzionali e i Rapporti con il Parlamento. Roma. – URL: <http://riformecostituzionali.gov.it/primo-piano.html>.
7. Tentoni L. La «bozza Violante» // La Stampa. – 2010. 5 aprile.

**ON THE ORIGIN OF THE POLITICAL DEFENSIVE
CONTACTS BETWEEN SPAIN AND RUSSIA, 1717–1719**

The topic of Russian-Spanish relations before the establishment of a *mission permanente* in 1730 has been better studied in Russian and French literature than in Spanish literature. When it comes to the negotiations that went on from 1717 to the last month of 1719, regarding the common opposition of Philip V of Spain and Peter the Great to the so-called Quadruple Alliance, a great amount of the now available literature in Spain –and all Western Europe, for that matter– has been built upon the research of two main authors: Émile Bourgeois (author of the trilogy *La diplomatie secrète au XVIIIe siècle* in 1909) and Claude Nordmann (who penned *La crise du Nord au début du XVIIIe siècle* in 1956). Bourgeois's and Nordmann's studies, which were indeed chief contributions to this field, present nevertheless a common, comprehensible flaw: Russian sources were ultimately out of reach for both authors. They based their respective approaches mostly on French (the *Archives Diplomatiques du Ministère des Affaires Étrangères* in Paris) and British sources (the Stuart Papers kept at Windsor Castle and the archives of the Public Record Office) carrying information about the Czar and King Philip V's possibly concerted moves, and they got to work with only a handful of direct documents from the Russian-Spanish negotiation itself. Specifically Nordmann had access to a Russian memoir under the title «О дипломатических отношениях России с Испанией. 1717–1720» (RGADA, f. 15, op. 1, d. 12), which was written based on the documents extracted and compiled in RGADA, f. 58, op. 1, d. 25. The original documents cited in RGADA, f. 58, op. 1, d. 25, at their turn, have been taken from original letters which can be found in full in several rolls at the same archive, spreading through *fonds* 50 (Relations with Holland).

The so-called «О дипломатических отношениях России с Испанией» memoir, in Russian, was at some point translated into French and made its way to the *Archives Diplomatiques des Affaires Étrangères* at Paris, where it can still be consulted and gave way to subsequent documents by the keepers of the Archives (for instance, MD Espagne 151). Finally, this French version of the document was translated into Italian in 1865 by Stefano Bersani, and the Italian version along with a copy of the French version were left in the archive of the *Collegio Alberoni* in Piacenza, Italy, classified as Doc. I. A. 15. It is this last version which would be eventually perused by Nordmann [6, p. 11].

The memoir is definitely a key document in understanding the mutual usefulness of Philip V and Peter I's contacts [5, c. 333], yet it is not without errors, mistakes, and contradictions. Some of them were amended by Nordmann in his work, owing to the confrontation with English and French materials. Some other mistakes –misunderstandings, rather– linger in subsequent Western literature, only to be corrected by more specific studies which have gone through extensive original archival material either in Spain or in Russia, and which raised awareness either of broader aims in the direction of foreign affairs by Peter the Great (most relevantly the doctoral dissertation by A.A. Sterlikova, to which I will come back later on in this paper), or of specific and highly relevant documents that come to contradict the aforementioned memoir (for instance, the instructions to Aleksandr Naryshkin issued in April 1719) [4, p. 53–55].

The French translation of the «О дипломатических отношениях России с Испанией» memoir is an almost word-by-word rendition of the Russian original. In its first page, before using any direct quotations from archival material, this document traces back Russian-Spanish negotiations to an idea advanced by the Spanish Ambassador in Paris, the Prince of Cellamare, in the context of quickly degrading relations between Spain and England, France and Austria. Most importantly, it assumes that these contacts were from the start designed by cardinal Alberoni (then in a position resembling that of a prime minister of Philip V of Spain), wishing to reconcile Russia and Sweden in order to use their combined military strength against Great Britain and the Emperor; and it states that the Swedish minister Goertz came to agree with him in this plan. However, the document itself contradicts this interpretation of the origin of the negotiations in its first quotation from Boris Ivanovich Kurakin's *relatsiia* from the Hague which was received in St Petersburg on the 2nd May 1718, in which the then Russian ambassador to the United Provinces exposes the visit of the Spanish ambassador, who went to his house to enquire about the possibility of a future peace between Russia and Sweden. The report of this event reveals a degree of ignorance on the side of the Spanish ambassador which does not fit into the narrative of a plot orchestrated originally in Madrid. It is not a pretension of ignorance either, as can be confirmed through close examination of his papers and private correspondence in the Archivo General de Simancas and in the British Library.

In fact, Spanish sources confirm that any interest from Spain towards Russia needs to be dated only back to February 1717, owing to the discovery of the Gyllenborg affair and the publications of his papers on the Swedish-Jacobite plot to restore the Jacobite pretender to the throne of England, Jacob III Stuart. It is right after this that all ministers abroad receive the order to report promptly about the course of the Northern War, and the first secret agents are sent across the continent so that the Spanish king can be better informed. This rules Alberoni out of the shortlist of the designers of this Jacobite plot, by the way: indeed, not even the published papers of Gyllenborg carry any mention to the King of Spain; it was the pro-Jacobite leanings of Marquis of Monteleon, then Spanish ambassador in London, which made England suspicious of Spanish involvement [3, p. 174]. But during those years the Spanish official policy towards Great Britain was one of complacency, marked by several gestures including the two Doddington treaties of commerce.

In the same way, Alberoni must also be discarded as the main author of the idea of reconciling Russia and Sweden in the later stages of the Northern War. Only the sheer amount of British suspicion after the Jacobite attempt of 1715 and the very effective European-wide blaming of Alberoni after 1719 could justify any accusation against the Cardinal and minister of Philip V of Spain. This will come as no surprise to Russian and Russian-speaking historians, who have long known of the interest of Peter the Great to accelerate the end of the Great Northern war by entering in peace negotiations with Carl XII of Sweden. It is not only the conferences in the Isles of Aland that I refer to, but to the whole of the contacts that were established starting in 1714 to 1718 to hasten the end of the conflict at least on the Czar's side. An incredible work of tracing them out to the beginning of the Aland conferences has been done by A.A. Sterlikova, and she throughoutly proved the Czar's initiative on this sphere. Consequently, there is no room left to look upon Peter the Great as a passive observer of a supposed Jacobite plot to bring together the Czar and Carl XII against George I of the United Kingdom. The Jacobite plot was indeed real, but – obviously – it did not have the upper hand on the course of the negotiations, as Nordmann makes it appear; it was instead a device by which Peter the Great tried to achieve his far-more-practical goal. Along with it, it is necessary to correct the usual image of opposition of Peter the Great against the king of Great Britain, which arose from British diplomatic sources who feared that the Czar could pose a threat to George I's power. Indeed he *could* have – but by February 1717 Peter I did not have any need to openly challenge someone who since the treaty of Greifswald in 1715 was an ally. The failed joint descent in Scania in 1716 and the troops garrisoned in the Duchy of Mecklenbourg were already taking a toll in the Northern Alliance. Risking open war against Great Britain was most probably out of the question.

Nordmann's fixation on a Spanish origin of the idea of the peace conversations between Russia and Sweden has found a great echo on the subsequent literature about Cardinal Alberoni's ministry and foreign politics, which is not supported by any Spanish archival sources (or Russian, aside from the memoir). In fact, it was only through the channel of the Jacobites, first, and the Spanish diplomatic structure, later on, that Alberoni had any information about the negotiations at Aland. Until July 1718 he had believed that there was a possibility of Swedish intervention on Great Britain; in August 1718 he noted that there was nothing more to expect from Carl XII and that maybe Spain had a chance if he could set an alliance with Peter the Great [7, p. 315]. The Czar had made a good and lasting impression to Cellamare during his visit to Paris, and Kurakin in The Hague and Schleinitz, the Czar's plenipotentiary in Paris, seemed receptive to Spanish overtures. The political negotiations for a common defence were then started.

The role of Schleinitz is also obscured by the wide use of the «О дипломатических отношениях России с Испанией» memoir. The Russian plenipotentiary in Paris played an important part at getting confidences from Cellamare, on the one hand, and he was in charge of making sure that the French Regency took seriously the mediation role that had been agreed in the secret clauses of the French-Russian treaty of August 1717. The archivists who prepared the f. 58, op. 1, d. 25 compilation, which aimed to summarize the first Russian-Spanish negotiations, did only peruse materials from *fonds* 50, but left aside all the documents in *fonds* 93 (comprising all the references to the secret agent sent from Spain to St Petersburg, Patrick Lawless, in late 1718). Luckily B. S. Bobiliov went through this *fonds* 93 rigorously and many of his observations have since made its way to the best informed Russian literature [1, c. 90–94].

To conclude, I would like to emphasise that Nordmann's and Bourgeois's task is no less admirable than it was, and they righteously deserve being held as key works in the study of diplomacy and foreign relations in the 1715–1719 period. But it is important to keep in mind their shortcomings, since they studied the foreign policy of two monarchs only through the reports of British and French espionage, leaving

Spanish and Russian sources mostly untouched. It is the duty of a later time in History to strive to amend them taking advantage of the advanced starting point they provided.

Bibliography

1. Бобылев В. С. Документы Центрального государственного архива древних актов о русско-испанских отношениях периода Северной войны. // Вопросы историографии и источниковедения социально-политических проблем истории СССР. – М., 1982.
2. Bourgeois, Émile. Le secret des Farnese. Philippe V et la politique d'Alberoni. – Paris, Colin, 1909.
3. Coxe, William. España bajo el reinado de la casa de Borbón: desde 1700, en que subió al trono Felipe V, hasta la muerte de Carlos III, acaecida en 1788. – Madrid, P. Mellado, 1846.
4. Espadas Burgos, Manuel. Corpus diplomático hispano-ruso, 1667-1799. –Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores. Escuela Diplomática Española, 1991.
5. Крылова, Т. К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. Сборник статей. – М., 1940. – С. 327–352.
6. Nordmann, Claude. La crise du Nord au début du XVIIIe siècle. – Paris: Pichon et Durand-Auzias, 1956.
7. Rossi, G. F. Cento studi sul Cardinale Alberoni. Volume I. – Piacenza, Collegio Alberoni, 1978
8. Стерликова, А. А. Русская дипломатия в 1714 – начале 1718 гг.: Поиск выхода из Северной войны. – СПб., 2006.

УДК 94

Е.Ю. Сергеев

г. Москва, Институт всеобщей истории РАН

ЛОРД КЕРЗОН – ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

150-летие со дня рождения лорда Джорджа Натаниэля Керзона, которое в январе 2009 г. отметили все почитатели его незаурядной личности, вызвало необходимость осветить роль этого, по выражению современников, «последнего рыцаря Британской империи» в истории международных отношений конца XIX – начала XX в.

Напомним, что получив блестящее гуманитарное образование в Итоне и Оксфорде, Керзон совершил несколько продолжительных путешествий как исследователь стран Востока по Персии, Афганистану, Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии, Русскому Туркестану, Китаю, Корее и Японии на рубеже 1880–1890-х гг. Их итогом стали фундаментальные монографии, не потерявшие своего значения вплоть до сегодняшнего дня [3–6].

В этих трудах Керзону, которого по праву называли одним из главных идеологов активной, наступательной политики по обеспечению рубежей колоссальных колониальных владений Великобритании, удалось обосновать целый ряд положений, имеющих практическое значение, к примеру, необходимость достижения «естественных границ» и создания пояса «буферных государств» между территориями, которые контролировали великие державы: Великобритания, Франция и Россия.

В предвоенные годы красной нитью все его речи пронизывала мысль, высказанная еще 24 мая 1906 г., в день Британской империи на обеде в честь губернатора Капской колонии лорда А. Милнера: «Поскольку я верю, что империя остается идеалом для лучших людей, что она занимает место в умах и сердцах большинства ее народов, являясь источником благоденствия для мира, в столь знаменательный день, я полагаю, что такое собрание англичан, как это, может не только без всяких угрызений совести, но с гордостью и удовлетворением поднять тост за британские владения!» [8, с. 7].

Последовательно защищая имперские устои, Керзон вдохновенно говорил о том, что «подлинный империализм» (the true imperialism) должен базироваться на моральных ценностях: для жителей метрополии в качестве таковых выступали «дисциплина, воодушевление и вера», а для населения колониальной периферии – «чувство партнерства в осуществлении великой идеи и священная сопричастность достижению благородной цели» [7, с. 151-165].

Так, выступая 11 декабря 1907 г. в городской ратуше Бирмингема как почетный президент Института Бирмингема и Мидленда, Керзон открыто провозгласил себя «империалистом», который был призван Всевышним сначала изучать империю, а затем и служить ей, и которого это служение наполняет религиозным трепетом в настоящем и самыми светлыми надеждами в будущем. Прибегнув к образному сравнению Британской империи с Сатурном, окруженным несколькими кольцами, он заявил, что, если тело самой планеты аналогично метрополии, то первое из колец составляют самоуправляющиеся «белые» доминионы, второе – так называемые «колонии короны», а за

ними лежат Индия и совокупность других владений британцев в виде протекторатов, кондоминиумов (вроде англо-египетского Судана) и тому подобных зависимых территорий. По мнению Керзона, империализм – это вовсе не милитаризм, джингоизм, безудержная экспансия или вообще материализм. Он осуждал как космополитизм американского образца, так и социализм, основанный на марксистском понимании современного мироустройства. Из этих слов становилось очевидным, что для Джорджа Натаниэля как апологета Британской империи главным являлось не внешнее проявление грубой силы или воинственной мощи, а глубокое чувство сопричастности всех ее подданных к обеспечению прогресса и процветания самого большого в истории сообщества различных народов и племен. Он неоднократно подчеркивал, что без империи Англия превратится в небольшую третьестепенную европейскую страну наподобие Бельгии, которая, хотя и обладала славной историей и великой культурой, но не пользовалась, по мнению Керзона, уважением других государств [8, с. 50].

Не случайно поэтому восприятие Керзоном на посту министра иностранных дел, который он занимал с октября 1919 до января 1924 г., России, как «красной», так и «белой» основывалось на нескольких принципах. Во-первых, он с недоверием относился к большевистскому режиму, который в своей деятельности открыто пренебрегал нормами международного права, ограничивал свободы граждан, только что сбросивших со своих плеч ярмо царского деспотизма, и попирали христианскую мораль, выступавшую для Джорджа Натаниэля «альфой и омегой» всякого цивилизованного общества. Во-вторых, он столь же, если не в большей степени, подозревал лидеров Белого движения в намерении восстановить «единую и неделимую» самодержавную империю – многолетнего опасного соперника Лондона на просторах Азии, угрожавшего вплоть до заключения англо-русской конвенции 1907 г. самому существованию Британской Индии [2]. В-третьих, кошмаром для Керзона и всей властной элиты Соединенного Королевства могло стать скоординированное выступление против диктата Антанты побежденной Германии и большевистской России, которые при поддержке националистов в странах Востока от Турции до Китая были способны нанести колоссальный ущерб интересам столь горячо почитаемой Керзоном империи. Все эти соображения способствовали проведению Форин офис под руководством Керзона антибольшевистской политики, стержнем которой выступал давнишний геополитический проект Джорджа Натаниэля, связанный с окружением Советской России поясом «буферных», зависимых от Великобритании государств. Впрочем, справедливости ради следует подчеркнуть, что, разделяя до определенной степени прагматичный подход Ллойд Джорджа к отношениям с Москвой в экономической сфере, Керзон всегда был далек от недооценки вклада россиян в развитие цивилизации и места России на международной арене.

Идеальной моделью послевоенного мироустройства для лорда Керзона явилась бы ситуация, когда Великобритании не пришлось бы тратить силы и средства на урегулирование конфликтов в Европе, а европейские политики в свою очередь «не совали бы свой нос» в дела Британской империи. Из этой установки он логически делал вывод о том, что необходимо минимизировать усилия, которые требовались англичанам для разрешения проблем Центральной и Восточной Европы, сфокусировав внимание, используя современную терминологию, на реконструкции геополитического пространства Ближнего и Среднего Востока, прикрывавшего подступы к Британской Индии [11, с. 83; 12, с. 82]. Поэтому ключевыми игроками в Европе, с точки зрения Керзона и большинства его коллег, выступали французы и немцы, от политики которых во многом зависели безопасность и благосостояние Соединенного Королевства. Характерно, что Керзон, поддерживая суверенитет государств Балтии, Финляндии, Польши и республик Закавказья, выступал против как их чрезмерных территориальных претензий друг другу, но особенно к России, так и значительного усиления позиций, а тем более установления патроната Германии или Франции над указанными странами.

Выше уже говорилось о том, что Керзон никогда не изменял мнения о характере советского режима, названного им на очередной Имперской конференции, проходившей в июне 1921 г., «достойным сожаления». Единственное изменение в свое представление о большевизме он внес незадолго до своей отставки с поста министра иностранных дел в начале 1924 г., когда признал, что советский порядок стабилизируется, потому что «все личности или организации, способные помериться с ним силой, уничтожены» [9, с. 210]. Очевидно, что для главы Форин офис как представителя консервативного британского истеблишмента большевизм выступал в качестве конкурирующей системы политического устройства, бросившей вызов либеральной демократии и обладаю-

щей притягательной силой в глазах колониальных народов. Другими словами, по мнению Керзона и всей властной элиты Соединенного Королевства, за немногими исключениями, большевизм самим существованием не только подрывал основы Британской империи, но и ставил под сомнение «великую цивилизаторскую миссию» англосаксов в глобальном масштабе. Отнюдь неслучайно, один из видных политиков Альбиона писал еще в мае 1919 г., что «все будущее Европы зависит от урегулирования ситуации в России» [10, с. 207].

Отставка лорда Керзона с поста главы Форин офис не изменила его мнения о Советской России. Он до конца своих дней был убежден, что «чем меньше мы будем иметь дела с большевиками, тем будет лучше для нас» [1]. Но к середине 1920-х гг. политику в коридорах Уайтхолла определяли уже другие люди.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 069. Референтура по Англии. Отрывки и обзоры британской прессы, 1924 г. – Times, 27, 28 October, 1924.
2. National Archives of the United Kingdom. Public Record Office (PRO). CAB 23/11. Cabinet minute, 25 July, 1919; *ibid.* CAB 23/15. – Cabinet minute, 25 September, 1919.
3. Curzon G. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question.* – London: F. Cass, 1889.
4. Curzon G. *Persia and the Persian Question.* – London: Longman & Green, 1892. – Vol. 1–2.
5. Curzon G. *Problems of the Far East. Japan – Korea – China.* – Westminster: A. Constable, 1896 (1st ed., 1894).
6. Curzon G. *The Pamirs and the Source of the Oxus.* – London: The Royal Geographical Society, 1897.
7. Curzon G. *The True Imperialism // The Nineteenth Century and After.* – 1908. – Vol. 63. – № 371.
8. Curzon G. *Subjects of the Day. Being a Selection of Speeches and Writings by Earl Curzon of Kedleston.* – London: Allen and Unwin, 1915.
9. Northedge F. *The Troubled Giant.* – New York – Washington: Praeger, 1966.
10. Rose I. *Conservatism and Foreign Policy during the Lloyd George Coalition, 1918–1922.* – London: F. Cass, 1999.
11. Sharp A. *Adapting to a New World? British Foreign Policy in the 1920's.* – In: Johnson G. (ed.) *The Foreign Office and British Diplomacy in the Twentieth Century.* – London-New – York: Routledge, 2005.
12. White S. *Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924.* – London: Macmillan, 1979.

УДК 94

А.С. Соколов

г. Рязань, Рязанский государственный радиотехнический университет

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА ИШТВАНА БЕТЛЕНА В ВЕНГРИИ (1927 г.): ОПЫТ СТАБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

Огромные изменения на карте Европы и мира в целом (появление новых стран, в том числе Венгрии) вызвали сложные нарушения устоявшихся хозяйственных связей. Трианонский договор (4 июня 1920 г.) лишил Венгрию 72% ее территории. Она была разделена между странами-наследницами Австро-Венгерской империи – Чехословакией, Румынией и Югославией. От Венгрии были отторгнуты 64% ее населения (в том числе 3 миллионов этнических венгров), 88% лесных ресурсов, 83% производства чугуна и 67% банковско-кредитной системы. Территория нового венгерского государства, определенная условиями мирного договора, составила менее 30% владений венгерской и хорватской короны в составе Габсбургской монархии, с 325 тыс. кв. км она сократилась до 93 тыс. кв. км. Численность населения уменьшилась с 18 млн до 7,6 млн человек. Несмотря на то, что по Трианонскому договору Венгрия получила независимость, страна оказалась разделенной, а ее экономика находилась в упадке. На Венгрию были возложены огромные репарации, странами победительницами в Первой мировой войне. Венгрия лишилась значительных запасов железной руды, цветных металлов, водных и лесных ресурсов.

В марте 1919 г. в Будапеште была провозглашена Советская республика, которая вступила в гражданскую войну, подорвавшую и без того тяжелое экономическое положение страны. Революционный правительственный совет принял решение о национализации банков, шахт, крупных промышленных и торговых предприятий, средств транспорта. Был установлен 8-часовой рабочий день, повышена на 25% зарплата, введены ежегодные оплачиваемые отпуска, всеобщее государственное страхование для рабочих и служащих и т.д. [2, с. 238]. В результате расходы советского правительства значительно превысили его доходы. Некоторые банкноты, достоинством 25 и 20

крон, стали печатать на белой бумаге вместо традиционной синей. Крестьяне считали «белые» деньги неполноценными и отказывались принимать их. В результате в стране возник курс «синих» денег к «белым», и на черном рынке они обменивались по данному курсу [7, с. 78]. На четвертом месяце существования советского правительства через почтово-сберегательные кассы были выпущены новые бумажные деньги, номиналом в 5, 10, 20 и 100 крон [1, с. 1]. Они были объявлены единственным законным платежным средством. Инфляция захлестнула страну, и советская власть пала в августе 1919 г. Социал-демократическое правительство провело денационализацию, однако Венгрия находилась на грани экономической катастрофы. Новое «профсоюзное» правительство во главе с Д. Пейдлой восстановило дореволюционные размеры заработной платы рабочим и служащим. После падения советской власти социал-демократическое правительство часть денежных знаков аннулировало, часть признало и объявило законным средством, часть изъяло обменяв по расчету 20 за 100 [4, с. 529]. Другие денежные знаки (1 и 2 кроны старого образца), хотя и были аннулированы правительством, но все же остались в обращении вследствие недостатка в разменных знаках. Населению было достаточно трудно разобраться в этом «винегрете». К 1920 г. сельскохозяйственное производство сократилось наполовину, а промышленность выпустила лишь 35% от продукции, произведенной в 1914 г. К концу 1920 г. покупательная способность венгерской кроны составляла лишь 10% от ее стоимости в середине 1919 г. Жизненный уровень большинства населения составлял 20–40% от довоенного показателя. Треть трудоспособного населения оказалась безработной. В феврале 1920 г., после румынской оккупации, регентом страны был избран адмирал Миклош Хорти. Для Венгрии, униженной нищетой, поражениями и потерей территорий, герой Первой мировой войны М. Хорти стал своеобразной консолидирующей фигурой. Однако сам он не был хозяйственником и не мог непосредственно заниматься вытягиванием страны из экономической пропасти.

В апреле 1921 г. Хорти поставил во главе своего правительства графа Иштвана Бетлена, оказавшегося одним из наиболее работоспособных политиков Венгрии 1920–1930-х гг. Как говорил о нем сам регент, в фигуре Бетлена, происходившего из старой семьи трансильванских протестантов, удачно сочетались консервативные традиции с либеральными реформаторскими взглядами. Премьер-министр устраивал и аристократию и буржуазию. Бетлен, укрепил власть консервативных сил, проведя ряд мер. Он объединил две ведущие партии в новую Объединенную партию, начал диалог с социал-демократами. В Венгрии установился режим цензовой демократии с сильными авторитарными началами, идущими от регента и премьер-министра. Экономическая стабилизация стояла в ряду наиболее важных правительственных задач. В промежутке между 1913 г. и концом 1921 г. количество денег, находящихся в обращении, увеличилось в 64 раза. За товары, которые в 1914 г. можно было приобрести в среднем за 100 крон, теперь надо было выложить 8620 крон [8, с. 133]. В 1921 г. нарушения монетарных стандартов, вызванные войной, революцией, контрреволюцией, красным, а затем белым террором вызвали в народе такое уныние, что любой человеку, имевший деньги, первым делом стремился перевести их в более надежные активы – иностранную валюту, акции, антиквариат, ювелирные изделия. Первую попытку финансовой стабилизации предпринял в самом начале 1921 г. банкир, ставший министром финансов д-р Роланд Хегеди. Он открыто заявлял, что его главной задачей является восстановление доверия к кроне. Он создал национальный эмиссионный институт, отделенный от исполнительной власти, и предпринял меры для обеспечения роста доходов. Однако осуществленное им повышение налогов не дало заметных результатов. Крупной психологической ошибкой был запрет на изъятие с банковских депозитов более 20% хранящихся там денег. В результате крестьяне перестали доверять свои деньги каким бы то ни было финансовым учреждениям и хранили их дома, что окончательно подорвало денежную систему государства. Хегеди объяснял свои неудачи падением немецкой марки, плохим урожаем и неопределенностью в вопросах репараций. Одним из его последних распоряжений на посту министра был выпуск в обращение дополнительно 960 млн крон, чтобы повысить жалованье государственным служащим, которое намного отставало от зарплаты рабочих. Это привело к новому витку инфляции. В июне 1922 г. закончился период, в течение которого новый министр финансов Миклош Каллаи еще мог навести порядок в венгерском бюджете. Начиная с января денежная эмиссия возросла на 28%, индекс цен – 36%. Ортодоксальные финансовые круги вину за инфляцию возлагали на «недостаточное доверие к ним со стороны Цюриха» и указывали на то обстоятельство, что обесценивание валюты шло значительно более быстрыми темпами, чем печатание новых денег. По их мнению, денежная эмиссия могла быть в лучшем случае лишь со-

путствующим обстоятельством инфляции. Венгерские финансисты пришли к выводу, что нет ничего плохого в том, чтобы покрывать бюджетный дефицит бумажными деньгами, и их печатание даже необходимо, чтобы не возникло дефицита наличности при очередном повышении цен. В конце июня 1922 г. в народе ощутимо стало усиливаться недовольство растущей стоимостью жизни. Забастовки муниципальных мусорщиков и ассенизаторов в Будапеште вынудили правительство провести общее повышение зарплат для всех категорий работников в пределах от 12 до 75%. М. Каллаи вынужден был открыто признать, что для этого необходимо напечатать новые деньги. Девальвация кроны продолжалась стремительными темпами. Летом 1922 г. к одной золотой кроне приравнялось 190 бумажных крон, а через год уже 1820 [5, с. 193]. На инфляции наживались земельные магнаты, спекулянты, банкиры и всякого рода авантюристы. Буржуазия получала у государства крупные займы, которые через несколько месяцев погашались многократно обесцененными бумажными банкнотами. За 1921–1923 гг. было учреждено около 7 тысяч банковских домов. Займы давались под очень высокий процент, поэтому, как отмечалось в одной из газет «мелкий торговец и промышленник не могут получить соответствующих кредитов». В сентябре, когда денежная масса выросла на 25% по сравнению с августом, а курс опустился до 11 тысяч крон за фунт, министерство финансов заявило, что новая денежная эмиссия не должна привести к обесцениванию денег, так как всего лишь отражает прирост национального продукта за счет сбора нового урожая. По примеру Австрии правительство в панике создало новую организацию по контролю за валютными операциями – валютную биржу. Установление искусственного обменного курса, который был ниже рыночного, никак не стимулировало население расставаться со своими валютными запасами. В результате торговцы остались без валюты, которая была необходима для погашения иностранных кредитов. В ноябре цены поднялись на 60%. Правительство существенно повысило тарифы на пассажирские и грузовые перевозки по железной дороге. Такая мера тут же непосредственно отразилась на ценах на все товары. Английский верховный комиссар в Будапеште Хоулер сообщал: «Все слои общества потеряли ориентиры в соотношении цен. Покупая бутылку вина за 5 тысяч крон, венгры лишь пожимают плечами и вполголоса бормочут себе что-то под нос про Трианонский договор, но при этом выражают бурный протест против повышения на пять крон платы за проезд в трамвае» [8, с. 138]. К концу 1922 г. стало очевидно, что рост цен превышает возможности к выживанию для большей части населения и что поддерживать стабильный курс кроны становится невозможным. Инфляция парализовала жизнь страны. Реальная заработная плата составляла около 55% довоенного уровня и вследствие инфляции неуклонно уменьшалась. В конце 1922 г. заработная плата рабочего-металлиста составляла 12 260 крон, в то время как прожиточный минимум – вдвое больше – 24 561 крон. Заработка едва хватало на полмесяца. Многочисленные группы населения были обречены на нищенское существование. В результате безработицы рабочие питались почти что из мусорных куч [5, с. 194]. В стране начались забастовки шахтеров.

С 1923/1924 финансового года правительство Бетлена вынуждено было более трети расходов покрывать с помощью печатного станка. Темпы, которыми обесценивалась венгерская крона превосходили темпы инфляции по причине панического бегства от населения от теряющей свой вес валюты. Инфляция увеличивалась с каждым днем. 31 декабря 1923 г. в обороте было бумажных банкнот на сумму 931,3 млрд. крон, а 30 июня уже 2893,7 млрд. крон. За один доллар в Будапеште нужно было платить соответственно 21 750 и 83 350 крон. В мае – июне 1924 г. инфляция кроны достигла кульминационного пункта – одна золотая крона равнялась 19 100 бумажным [5, с. 203]. Инфляция кроны подрывала экономические устои Венгрии – возрос дефицит государственного бюджета, начались массовые банкротства, сокращалась внешняя торговля. Падение курса кроны ухудшило и без того тяжелое положение венгерской экономики. В стране бездействовало 39% машиностроительных и металлургических предприятий, 20% предприятий работали неполную неделю. За первое полугодие 1925 г. промышленное производство сократилось в среднем на 45%. Венгрия стояла перед экономической катастрофой. Министр финансов М. Каллаи в письме министру иностранных дел Дарувари, имея в виду прежде всего инфляцию, охарактеризовал внутреннее положение в стране, как находящиеся на грани правительственного кризиса. В феврале 1924 г. М. Каллаи подал в отставку. Положение было настолько серьезным, что вначале на место М. Каллаи нашли только временно исполняющего обязанности министра. Им стал министр торговли Людвиг Валко. Статс-секретарь министерства финансов Бела Шобер 1 января 1924 г. признавал, что «Венгрия только с помощью иностранного займа может избежать угрожающего ей ... финан-

сового хаоса» [3, с. 204]. В мае 1923 г. Бетлен решил последовать примеру Австрии и обратился к Лиге Наций с просьбой о займе. Этот шаг имел следствием усложнение внутренней ситуации – лидер оппозиционной «партии защиты прав» Д. Гембеш и его сторонники вышли из проправительственной партии в знак протеста против того, что Венгрии ставят на колени перед внутренним и международным еврейским капиталом, – и затяжные, в течение нескольких недель, переговоры в Лондоне, Париже и Риме. Из-за противодействия Франции, Венгрия, поддержанная Италией и Британией, смогла получить около половины искомой суммы – 250 млн. золотых крон под не слишком выгодные условия, 7,5% годовых, что в два раза превышала обычный для того времени процент по займам банков Нью-Йорка.

Репарационная комиссия приняла решение отложить арест имущества Венгрии, проявившей неспособность выплачивать союзникам то, что требовалось в соответствии с условиями мирного договора. Венгрия в перспективе должна была расплатиться по своей доле долгов, накопленных Австро-Венгрией. После того, как все эти договоренности были приняты, в Будапешт прибыл американский специалист по финансам Джереми Смит для непосредственного контроля за ходом процесса стабилизации [7, с. 88]. Пагубные последствия «займа оздоровления» были столь очевидны, что журнал «Мадяр культура» признавал, что заем оказался тяжелым бременем для Венгрии, что он «не только ставит государство под строгий финансовый контроль, но и вынуждает его принимать такие меры, которые, хотя и временно, но означают отказ в большей или меньшей степени от нашего суверенитета» [5, с. 205]. Заем, 1924 г., размещенный главным образом в Англии, США, Франции и Швейцарии, открыл широкий доступ иностранному капиталу к природным богатствам Венгрии. Венгерский парламент передал правительству полномочия, необходимые для того, чтобы увеличить налоги и сократить расходы. В течении нескольких месяцев 1924 г. была осуществлена финансовая стабилизация, и крона оказалась привязана посредством фиксированного валютного курса к английскому фунту. За период с середины 1924 г. до середины 1926 г. размер депозитов венгерских банках вырос почти в семь раз. Казна пополнялась за счет косвенных налогов и таможенных пошлин. Существенную роль в деле стабилизации сыграло и сокращение расходов, связанное, со снижением численности государственных служащих. В 1925 г. благодаря низкому налоговому бремени и достижению финансовой стабильности, гарантировавшей заработной платы рядовым гражданам, а также сохранность инвестиций предпринимателям, в экономике страны впервые с довоенного времени наметился стабильный рост. В 1925 г. в Венгрии был восстановлен золотодевизный стандарт [6, с. 262]. С 1 января 1927 г. обесцененную крону заменила пенге, формально имевшая золотое содержание, но не подлежавшая реальному обмену на золото. 12 500 крон подлежали обмену на 1 пенге. Гарантией стабильности пенге была независимость центрального банка. Весьма характерным для экономико-политического развития Венгрии было то, что на новых деньгах надписи оказались сделаны на языках всех народов, входивших ранее в состав короны святого Стефана. Иностранные долги Венгрии в 1924–1928 гг. росли в два раза быстрее, чем до войны. Ежегодно они увеличивались в среднем на 442 млн. пенге [5, с. 205]. В 1927 г. промышленное производство Венгрии приблизилось к довоенному уровню [3, с. 89]. В 1931 г. в условиях Великой депрессии Венгрия отказалась от системы золотого стандарта.

Литература

1. Варга Е. Денежный вопрос при диктатуре пролетариата в Венгрии [Текст]: статья / Варга Е. – Красная новь. – 1921. – № 2.
2. Всемирная история: В 24 т. Т. 20 [Текст]: монография / Бадак А.Н. – Мн.: Современная литература, 1999.
3. Всемирная история: в 10 т. Т. 9. [Текст]: монография / Жуков Е.М. – М.: Изд-во соц.-эк. лит-ры, 1962.
4. Денежное обращение и кредит. Т.1 [Текст]: монография / Воронин С.В., Шмелев К.Ф. – Пг., 1922.
5. История Венгрии: В 3-х т. Т. 3. [Текст]: монография / Пушкаш А.И. – М.: Наука, 1972.
6. Моисеев С.Р. Возникновение и становление центральных банков [Текст]: монография / Моисеев С.Р. – М.: Кнорус, 2013.
7. Травин Д., Моргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 2 [Текст]: монография / Травин Д., Моргания О. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004.
8. Фергюсон А. Когда умирают деньги [Текст]: монография / Фергюсон А. – Минск: Попурри, 2012.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В 1949–1963 гг.

Введение в 1948 году новой немецкой марки и связанные с этим экономические меры создали экономико-политическую модель устройства социального рыночного хозяйства. Теоретики и практики концепции социального рыночного хозяйства усматривали в нём «третий путь» между необузданным либеральным рыночным хозяйством и государственным управлением экономикой, система получила название «рейнский капитализм». Принципом социальной политики ФРГ было взаимное доверие населения и правительства. Основным закон ФРГ провозглашал принципы социального государства. Параграф 1 статьи № 20 «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством» [6, р. 3] и параграф 1 статьи № 28 «Конституционный строй в землях должен соответствовать принципам республиканского, демократического и социального правового государства в духе настоящего Основного закона» подчёркивали социальный характер государства [6, р. 4].

Социальная политика в системе социального рыночного хозяйства Германии базировалась «на системе обязательного социального страхования, организуемой и финансируемой «социальными партнерами», часто называют по месту возникновения германской, по имени родоначальника моделью Бисмарка, а по содержательному акценту – моделью трудовых достижений» [1, с. 204]. Германская модель социального рыночного хозяйства с самого начала ее реализации предполагала активное участие государства в социальной сфере. В «эру Аденауэра» 1949–1963 гг. правительство и бундестаг разработали и приняли несколько десятков законов по различным аспектам социальной сферы, которые заложили основу социальной политики и социального государства в ФРГ. В дальнейшем большинство этих законов дорабатывались и дополнялись, некоторые уже в период нахождения К. Аденауэра на посту бундесканцлера.

Возрождение социальной политики в ФРГ происходило не на пустом месте. К. Аденауэр, правительство, парламентская фракция ХДС/ХХС не были сторонниками полной ликвидации социального законодательства принятого ранее, даже если оно относилось к годам Третьего рейха. Напротив, К. Аденауэр и министры постоянно подчеркивали социальную направленность политики кабинета. Тем не менее, кардинально изменившиеся социально-экономические и политические обстоятельства внесли много нового в социальную политику.

Возвращение к лучшей жизни, от «времени нужды», началось только через несколько лет после окончания войны. Этому способствовал быстрый экономический подъем, который особенно зримо проявился в 1950-е гг., и вошел в истории Западной Германии как «экономическое чудо». Характерной чертой растущего благосостояния в эти годы стал рост общественного продукта в денежном эквиваленте: 10,5% в 1950 г., 8,8% в 1951–1952 гг., 8,3% в 1953 г. и 12,1% в 1955 г. [7, р. 75]. «Экономическое чудо» послужило базисом не только для восстановления Германии, но и стало основой для реконструкции и расширения социальной политики в направлении создания государства всеобщего благосостояния. Растущее число рабочих мест, с 1949 по 1955 гг. было создано 4,2 миллиона новых рабочих мест, и вместе с ними рост заработной платы, достаточно быстро принесли немалый доход в бюджет государства. Это существенно расширило возможности государства в социальном вопросе и позволило финансировать социальное страхование и принимать новые социальные программы, например закон 1952 года «О возмещении ущерба причиненного войной». Успешному проведению социальной политики в «ранней» ФРГ также способствовали политические предпосылки: Основной закон 1949 года, обязывавший проводить политику по формированию основ социальной и правовой демократии, а также соответствующая воля, возможности и действия политиков, особенно из блока ХДС/ХСС и СДПГ.

Перед бундестагом первого (1949–1953 гг.) и второго (1953–1957 гг.) легислатурных периодов в области социальной политики стояло множество задач: оценка экономических и социальных последствий войны, восстановление социального страхования, создание трудового законодательства, основанного на принципе социального партнерства для того, чтобы нейтрализовать возможность возникновения конфликта между буржуазными партиями и коалицией, состоящей из СДПГ и профсоюзов, которая стремилась следовать более радикальным, а зачастую и социалистическим путем в проведении экономической и социальной политики. Иными словами: основные направления социальной политики подсказывало сама политическая и экономическая ситуация, обуслов-

ленная усилиями федерального правительства создать социальный мир в стране. Поэтому правительственные кабинеты под руководством К. Аденауэра предпочитали не отказываться от всех значимых мероприятий в области социальной политики, не считаясь при этом с финансовой стороной вопроса.

В первую очередь было необходимо «залечить» последствия Второй мировой войны. Для решения этой задачи были приняты: 1 октября 1950 года «Закон о снабжении жертв войны» (Bundesversorgungsgesetz) и 14 августа 1952 года «Закон о компенсации ущерба, причиненного войной» (Lastenausgleichsgesetz), составивший законодательную основу для получения компенсации более чем десяти миллионов изгнанных и беженцев с восточных территорий Третьего рейха. 12 марта 1951 года был принят закон о создании федеральных и земельных структур по вопросам снабжения жертв войны.

В скорейшем принятии «Закона о снабжении жертв войны» были заинтересованы два союза, объединявших жертв Первой и Второй мировых войн в Германии: Имперский союз инвалидов, вдов и сирот (организация ветеранов Первой мировой войны, насчитывал 450000 членов) и Союз инвалидов, вдов и сирот Германии (насчитывал 1,1 млн. членов). На момент окончания Второй мировой войны в Германии по разным данным проживало около 2, 5 млн. инвалидов от 1,5 до 2,5 млн. вдов. Законом предусматривалось два вида пенсионного страхования жертвам войны: пенсия по инвалидности, которая начислялась в зависимости от степени инвалидности (закон устанавливал 6 степеней инвалидности) и составляла от 10 до 75 марок ежемесячно, для тяжело раненых от 40 до 90 марок. Пенсия по потере кормильца изначально задумывалась законодателями как дополнительный доход для тех людей, которые ее будут получать. Она составляла от 80 до 130 марок [5, р. 792, 796–797]. На 1 января 1958 года количество получающих социальную помощь по «Закону о снабжении жертв войны» составило 3,787 млн. человек, а федеральный бюджет выделял в среднем около 3,5 миллиардов марок ежегодно на финансирование этого закона.

Правовой основой для «Закона о компенсации ущерба, причиненного войной» послужило постановление Экономического совета Тризонии от 24 мая 1949 года «Об окончательном урегулировании вопроса о компенсации ущерба, причиненного войной», в котором определяя компенсации исходя из паритета стоимости марки после финансовой реформы 21 июня 1948 года, причем перерасчет ущерба шел исходя из стоимости дореформенной рейхсмарки. Постановление регулировало компенсационные меры изгнанным немцам с бывших восточных земель Третьего рейха. К осени 1946 года таких насчитывалось около 8 млн. Люди продолжали прибывать на территорию будущей ФРГ в течение второй половины 1940-х гг., затем началось бегство населения из ГДР.

Однако ряд нерешенных социально-экономических вопросов репатриантов, политическое давление Союза изгнанных, побудили правительство и бундестаг в начале 1950-х гг. вновь обратиться на эту проблему репатриантов. Правящая коалиция и оппозиция по-разному представляли сущность будущего закона. Социал-демократы считали, что закон должен послужить точкой отчета для возрождения социальной политики, христианские демократы рассматривали закон как восстановление ранее существовавшей структуры собственности репатриантов. В конечном итоге был найден компромиссный вариант между этими двумя подходами.

Непосредственно разработкой закона занималось министерство финансов. Закон выделил четыре основных направления, согласно которым происходило возмещение ущерба: общее возмещение военного ущерба, пенсии инвалидам войны для перемещенных лиц, возмещение по потере жилища, возмещение потери финансовых средств. Для возмещения общего военного ущерба перемещенные лица разделялись на 15 категорий и в зависимости от категории должны были получить компенсации от 5000 марок. Первоначально под действие закона попадало около 3 мил. человек, которым следовало возместить ущерб в размере 37 миллиардов марок. Пенсия по инвалидности определялась в размере 85 марок. Возмещение по потере жилища – 800–1400 марок. «Закон о компенсации ущерба, причиненного войной» был одним из самых динамичных социальных законов ФРГ. Первое его дополнение, по предложению фракции СДПГ, произошло в 1953 году через год после его принятия. По состоянию на 30 сентября 1957 г. по закону было выплачено 24,555 миллиарда марок компенсации ущерба, а до 1975 г. порядка 98,6 миллиардов марок.

В этом ряду также находится политика массового жилищного строительства, проводимая федеральным правительством. Министр жилищного строительства Эберхард Вильдермут в своей речи «Основные черты программы жилищного строительства» от 10 ноября 1949 года говорил: «К настоящему времени в федеративной республике не хватает по меньшей мере 4-х миллионов квар-

тир вследствие военных разрушений и притока беженцев. Кроме этого, дефицит жилого фонда может увеличиться из-за того, что в ближайшие 20 лет ожидается прирост индивидуальных домохозяйств минимум на миллион единиц. Для того чтобы жилищная проблема была успешна решена, ежегодно необходимо строить не менее 250 тысяч квартир» [3].

С принятием бундестагом в 24 апреля 1950 года «Первого закона о жилищном строительстве» (Erste Wohnungsbaugesetz), в 1956 году Второго закона о жилищном строительстве (Zweite Wohnungsbaugesetz) и ряда других законодательных актов в ФРГ началось массовое строительство доступного жилья. Вкратце строительные программы и блока ХДС/ХСС и ведущей оппозиционной партии СДПГ можно сформулировать так: жилищное строительство должно стать массовым и дешевым. И те и другие считали, что жилищное строительство должно оставаться в частных руках, но пользоваться широчайшей поддержкой государства. Обе партии также отвергали идею строительства крайне дешевого временного жилья. За двенадцать послевоенных лет было возведено 5 млн. единиц жилья общей площадью более 250 млн. кв. м. Доля государственной поддержки строительного сектора колебалась от 30 до 50% от общего объема инвестиций.

Чтобы определить порядок выделения государственных субсидий, закон о жилищном строительстве делил возводимое жилье (под термином «жилье» понималась не только квартира в многоквартирном доме, но и отдельный дом на одну семью) на три категории. В первую попадало так называемое социальное жилье, возведение которого определялось как приоритетное направление строительной политики. Площадь социальной квартиры не могла превышать 65 кв. (установленная социальная норма – 32–65 кв. м.). Ко второй категории относилось массовое жилье, чьи владельцы получали финансовые льготы. Площадь жилья второй категории не могла превышать 80 кв. м (в случае с многодетными семьями до 120 кв. м). К третьей категории жилья, не получавшего от государства никаких прямых льгот, относилось так называемое свободно возводимое жилье. Такие квартиры и дома могли превышать максимальные размеры, установленные для первых двух категорий [2, p. 85].

То, что к инвестициям в социальное жилье были допущены частные инвесторы, и то, что все инвесторы имели равные права на компенсационные государственные платежи, стало одним из самых передовых и прогрессивных элементов немецкой жилищной политики. Именно благодаря этому решению в Германии удалось в быстрые сроки возвести достаточное количество социального жилья, и уже к началу 1960-х гг. проблема доступного минимума была полностью решена,

Важное значение имела унификация существовавшего социального законодательства и привидение его в соответствие с Основным законом ФРГ. Правительство и бундестаг дифференцировали существующее социальное страхование по профессиям и объединили больничные кассы, многочисленные добровольные общества страхования по безработице в федеральную службу трудоустройства и страхования по безработице. Это нововведение преследовало цель – стимулирования инициативы снизу в области социального законодательства. Федеральное правительство в развитии социального страхования исходило из идеи формирования паритетных отношений между работодателями и работниками. Христианские демократы проводили такую политику в противоположность требованиям оппозиции, профсоюзы и СДПГ, законодательно закрепить, как это было с 1883 по 1933 гг., самоуправление в медицинском страховании на случай болезни, и в целом расширить права профсоюзов. В начале 1950-х гг. конфликт между правительством и парламентско-профсоюзной оппозицией закончился принятием двух законов: 21 мая 1951 года «Закона о соучастии рабочих в наблюдательных советах и правлении предприятиями горной и металлургической промышленности» (Montan-Mitbestimmungsgesetz) и 11 октября 1952 года «Закона о правах и обязанностях рабочих и предпринимателей в наблюдательных советах предприятий» или как его еще называют «Закон об управлении предприятиями» (Betriebsverfassungsgesetz).

Проблема нового порядка в отношениях между предпринимателями и рабочими стала активно дебатироваться впервые послевоенные годы. В их основе стояла проблема более активного участия (нем. Mitbestimmung соучастия) рабочих в управленческих структурах предприятий. В первые годы существования ФРГ, в условиях быстро меняющегося экономического порядка, формируемого принципами социального рыночного хозяйства буржуазные партии (речь идет о блоке ХДС/ХСС), союзы предпринимателей сочли необходимым пойти на уступки профсоюзам в этом вопросе.

Политика в отношении рабочего класса, учитывая мощь и влияние немецких профсоюзов, была одной из важных частей социальной политики христианских демократов в целом. Перечислим не-

которые законы, которые регулировали трудовые отношения и права наемных работников не только рабочих, но служащих. 2 августа 1951 года был принят «Закон о регулировании размера заработной платы в праздничные дни», устанавливающий размер зарплаты в государственные праздничные дни. Согласно закону, работник должен получить 2/3 от 100% заработной платы за каждый праздничный день в течение полугода после его окончания. 10 августа 1951 г. был принят «Закон о запрещении необоснованного увольнения рабочих и служащих». 8 января 1963 г. был принят «Закон о продолжительности отпусков», который вводил минимальный оплачиваемый отпуск продолжительностью 15 рабочих дней, для работников, имеющих 35-й трудовой стаж продолжительность отпуска составила 18 рабочих дней.

Серьезные дебаты вызывала проблема продолжительности рабочего времени. Федеральное правительство в этом вопросе продолжало руководствоваться «Законом о регулировании продолжительности рабочего времени» от 1938 г. установившем в Германии 48 часовую рабочую неделю. В решении вопроса регулирования рабочего времени между правительством и профсоюзами шла упорная борьба, с преимуществом исполнительной власти. Профсоюзы в 1955 году выдвинули амбициозную программу по установлению 5 часовой рабочей недели. Особенно после того как 28 января 1956 г. был принят «Закон о регулировании продолжительности рабочего времени торговых предприятий». Однако положительные изменения начались только в металлургической промышленности, охватывающей порядка двух миллионов рабочих. С 1 января 1957 г. продолжительность рабочей недели для металлургов была снижена с 48 до 45 часов. Окончательный переход к 40 часовой рабочей недели произошел в металлургической промышленности с 1 июля 1965 г.

Активное возрождение социальной политики в 1950-х гг. существенно увеличило круг лиц охваченных различными формами социального страхования. Особенно этот рост был заметен в 1949–1957 гг. Однако несмотря на увеличение социальных выплат и быстрый рост экономики, раскол между бедными и богатыми в ФРГ образца 1950-х гг. оставался весьма значительным. Об этом с сожалением говорил министр труда с 1949 по 1957 гг. Антон Штрох в 1956 году в период обсуждения пенсионной реформы. В частности, размер пенсии до проведения пенсионной реформы 1957 года составлял 30% от заработной платы рабочих или оклада служащих, что было меньше официально установленного прожиточного минимума.

Эта ситуация, давление оппозиции, а также соображения предвыборного характера перед парламентскими выборами в бундестаг осенью 1957 года подвигли правящую коалицию под руководством христианских демократов и при деятельном участии К. Аденауэра приступить к разработке пенсионной реформы. С первых лет строительства ФРГ проблеме обеспечения пожилых и нетрудоспособных уделялось достаточно большое внимание. Л. Эрхард, будучи министром экономики, прямо связывал успехи экономической политики государства с возможностью гарантировать должный, достойный уровень жизни всем тем, кто не по своей вине – вследствие преклонного возраста, болезни или как жертва двух мировых войн – не может больше непосредственно участвовать в производственном процессе. В 1953 г. канцлер объявил о подготовке широкомасштабной социальной реформы, начало которой, правда, затянулось по причине споров между министерствами финансов и труда о том, кто будет ею руководить.

Начало широкой дискуссии о будущей реформе положил меморандум известного боннского экономиста Вильфрида Шрайбера от 30 декабря 1955 года, в котором он обосновал необходимость перехода к так называемой «динамической ренте» в пенсионном обеспечении. Шрайбер писал «Исходя из идеи о том, что пенсия по старости должна изыматься из общественного продукта, она может быть упорядочена на основе простого акта солидарности между лицами трудоспособного возраста и пенсионерами. Для этого следует сделать следующее: каждый работающий должен отчислять соответствующие страховые пенсионные взносы на содержание пенсионного обеспечения с расчетом на то, что его собственная старость также будет гарантирована страховыми отчислениями лиц трудоспособного возраста; это означает ничто иное, как перераспределение функции общественной солидарности между пожилым и молодым поколениями, что особенно важно для укрепления семьи и развития общественной солидарности» [4].

Меморандум Шрайбера был взят за основу двух отдельных законов: «Закона о новом регулировании пенсионного обеспечения рабочих» и «Закона о новом регулировании пенсионного обеспечения служащих» (Rentenreform), которые были приняты бундестагом 23 февраля 1957 года. «План Шрайбера» был взят за основу при формировании нового порядка пенсионного страхова-

ния, хотя некоторые важные принципы были отвергнуты (так, например, не было принято предложение о «юношеской пенсии» и вместо предлагаемой системы трех поколений сохранилась система двух поколений). Против нового пенсионного законодательства выступили многие организации: союзы предпринимателей, объединения банков и сберкасс, Федеральный банк, представители СвДП и др. Весьма критически по аденауэровским планам пенсионной реформы высказывался и Эрхард. Основные опасения сводились к угрозе обесценения немецкой марки, снижению склонности к сбережениям и инвестированию и, прежде всего, – к невозможности финансировать «динамические» пенсии в будущем в связи с назревавшими уже тогда демографическими проблемами.

Реформа стала результатом совместных решений правящей коалиции и социал-демократической оппозиции. Реформа, по словам А. Штроха, была нацелена на то, чтобы каждый гражданин мог самостоятельно формировать свою будущую пенсию, исходя из своего профессионального и социального положения. Работник, который в течение 40 лет отчислял пенсионные взносы и имел зарплату не ниже средней, должен был получать пенсию в размере 60% от средней заработной платы. Право на пенсии по старости получали лица, достигшие возраста 65 лет и уплачивавшие страховые взносы в течение не менее 15 лет. Лицам, не работающим по найму, то есть обладающим большей экономической свободой, предоставлялось право самостоятельно решать вопрос о страховании экономических и социальных рисков. Рабочие и служащие, работающие по найму, не должны нести ответственность за экономический риск хозяина-предпринимателя, поэтому они нуждаются в защите, в том числе государственной страховой. Вовлечение предпринимателей в систему принудительного страхования выглядело бы нелогичным: с одной стороны государство предоставляет человеку свободу создать свое дело, расширить его, но исключительно под личную ответственность, а с другой стороны – эту же ответственность за экономический и социальный риск с предпринимателя снимает путем принудительного страхования.

Общественное внимание особо привлекли два концептуальных положения пенсионной реформы: во-первых, ее динамический характер, приведение в соответствие пенсионных взносов в зависимость от роста заработной платы и оклада служащих. Эта мера должна была, по мысли разработчиков реформы, стимулировать увеличение общественного продукта, а следовательно прямым образом способствовать возрастанию благосостояния будущих пенсионеров. Во-вторых, осуществление пенсионной реформы предполагало резкое повышение существующего размера пенсий. Законом предусматривалось повышение пенсионного содержания пенсий по старости до 60% от средней заработной платы, пенсий по потере кормильца до 81%, пособий для сирот до 57%, пенсий для различных категорий служащих 66%, 91% и 40%. Это позволило значительно повысить уровень жизни пенсионеров ФРГ, которые до принятия закона находились в тени экономического бума 1950-х гг.

Пенсионная реформа 1957 года получила наименование «договора поколений» в том смысле, что согласно ее принципам достаточно высокий уровень пенсионного обеспечения должен был финансироваться работоспособным населением. Реформа стала компромиссом между блоком ХДС/ХСС и социал-демократами. Реформа также ликвидировала существовавшее различие в пенсионном обеспечении между рабочими и другими профессиональными группами. Исследователи называют пенсионную реформу 1957 года главным творением христианско-демократической партии в области социальной политики, которая закрепила новую модель социальной политики в ФРГ.

Таким образом, пенсионная реформа 1957 года обозначила новый этап социальной политики кабинетов К. Аденауэра, ознаменовавший начало трансформации «социального капитализма» в подлинную систему «государства всеобщего благоденствия, которое к концу 1950-х гг. стало социально-экономической реальностью «ранней ФРГ».

Литература

1. Григорьева И.А. Исторические предпосылки и особенности развития немецкой модели социальной политики // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.
2. Erstes Wohnungsbaugesetz vom 24 April 1950 // Bundesgesetzblatt. – 1950. – № 16.
3. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 3: Bundesrepublik 1949–1957. Bewältigung der Kriegsfolgen, Rückkehr zur sozialpolitischen Normalität // Nr. 3/11. Der Bundesminister für Wohnungsbau Eberhard Wildermuth Grundsatzprogramm Bonn, 10. November 1949. // 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

4. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 3: Bundesrepublik 1949–1957. Bewältigung der Kriegsfolgen, Rückkehr zur sozialpolitischen Normalität // Nr. 3/158 Memorandum von Wilfrid Schreiber: Zur Reform der gesetzlichen Rentenversicherung /// 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

5. Gesetz über die Versorgung der Opfer des Krieges (Bundesversorgungsgesetz) // Bundesgesetzblatt. – 1950. – № 53.

6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Bundesgesetzblatt. – 1949. – № 1.

7. Schmidt, Manfred G. Sozialpolitik in Deutschland. Historische Entwicklung und internationaler Vergleich. – Wiesbaden, 2005.

УДК 94

В.В. Тимченко

г. Ставрополь, Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования

РОЛЬ ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ XIII–XIV ВВ.

В указанный период одной из главных забот городов-государств этого региона, ведущих войну, являлись гарнизоны крепостей. Так, в произведении флорентийского купца, хрониста и государственного деятеля Джованни Виллани (1274–1348) «Новая хроника или история Флоренции» мы читаем, что в 1224 г. в округе-контадо города на Арно произошло следующее: «взбунтовались обитатели замка Феггине в Вальдарно, богатой и густонаселенной крепости, не пожелавшей подчиниться флорентийской коммуне. В этом же году, когда Подеста во Флоренции был мессер Герардо Орланди, коммуна снарядила поход на Феггине, разорила его окрестности, но сам замок взять не удалось» [1, с. 136]. Столкнувшись с подобной проблемой, и имея целью хотя бы частично сохранить доминирующее положение в этом регионе, флорентийцы оставили «гарнизон в замке Анчиза, из которого флорентийские отряды могли непрерывно нападать на Феггине» [1, с. 137]. Прочитанные отрывки свидетельствуют об очень важном процессе военной истории Северной и Средней Италии в XIII–XIV вв. – концентрации боевых действий вокруг небольших, но хорошо укрепленных пунктов – замков и крепостей.

Такая же ситуация, если верить продолжившему хронике старшего брата Маттео Виллани (ум. 1363), имела место и в середине XIV в., во время войны между городом на Арно и враждебным ему феодальным кланом контадо Убальдини. Этот автор пишет, что в 1349 г. флорентийцы «пошли вокруг Сузинаны (крепости, принадлежавшей Убальдини – *В.Т.*), разрушая дома и поля в округе; и попытались ее завоевать, но нашли крепость и форты столь хорошо подготовленными к обороне, что оставили ее стоять, и отправились к Вальданыелло, и там дали сражение, но не смогли завоевать его из-за крепости, которая была очень хорошо подготовлена к защите; и лишь разграбили поля и виллы вокруг» [9, р. 32]. Как видим, и здесь главным препятствием для флорентийских войск являлись укрепленные пункты.

Таким образом, этот регион, подверженный постоянным конфликтам между городами, в которых были широко представлены операции, связанные со штурмом, осадой и обороной замков и небольших крепостей, уже с середины XII в. являлся своего рода военным экспериментальным полем, очень плодотворным [7, р. 291]. Ко времени начала походов в Италию германского императора Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250) конструирование эффективных метательных и разрушающих стены машин, устройство мостов, окапывание вокруг войсковых лагерей в сельской местности, являлись уже текущей практикой, как и отводы больших потоков воды, использование греческого огня и шахтных галерей [8, р. 983–997]. Благодаря этим обстоятельствам, в Италии предпоследнего десятилетия XIII в., термин «инженериус» (лат. – *ingegnerius*, ит. – *ingegnere*), обозначающий специалиста по подобным работам, стал общеупотребимым [7, р. 290]. Военный инженер должен был знать и уметь использовать два природных элемента – воду и огонь, которые были крайне важны в формах военных действий, наиболее характерных для Италии XIII–XV вв., поскольку гидравлика и пиротехника требовали соответствующих знаний и навыков [5, р. 29].

Например, в июле 1238 г., войско упомянутого выше Фридриха II приступило к осаде Брешии [6, р. 110]. При этом, «испанец по имени Каламандрино, человек, знающий в метательных машинах (ит. – *briscola, trabucchi*), которого Эццелино да Романо (правитель Вероны, Падуи и Пьяченцы – *В.Т.*) отправил плененного в лагерь императора», попал в руки брешианцев [6, р. 11–12]. Результаты его присутствия в городе были очевидны, едва лишь осаждавшие пошли в атаку: на пе-

редвижных башнях, которые приблизились к стене, находились привязанные заложники-брешианцы, но «Каламандрино, пустив в ход свои машины, «забросал башни камнями» и – уточняли хронисты – «поскольку он был наилучший инженеруис, он добился того, что разрушил их, не повредив пленникам» [8, р. 987]. Разумеется, после нескольких бесполезных попыток Фридрих оставил это предприятие. Так, благодаря «наилучшему инженеру» войско вынуждено было отказаться от захвата города, весьма посредственно укрепленного.

Без военных инженеров, возможно, являвшихся выходцами из Италии, не могли обойтись и следующие действия уже упоминавшегося Фридриха II, предпринятые им в 1248 г. во время осады Пармы: «он велел выстроить бастион (имеется в виду временное укрепление – *В.Т.*) наподобие настоящей крепости со рвами и изгородями, башнями и прочными домами, и назвал его Викторией (от лат. – *victoria* – победа – *В.Т.*). Парма была отрезана от всего мира и запасы провизии пришли в ней к концу, так что она не могла больше держаться» [1, с. 156]. Как видим, в предстоящем захвате этого города император отводил ведущую роль именно инженерному сооружению – «бастиону». Немаловажно также отметить, что после перелома в ходе операции и его противники «заняли бастион со всем его снаряжением и провиантом... забрав свои трофеи, сожгли укрепление дотла, чтобы не осталось и следа построек» [1, с. 156–157]. Другими словами, осознавая важность такого рода укреплений, пармезанцы избрали основной целью вылазки именно бастион, а не, скажем, за некоторое время до этого покинувший Викторину кортеж Фридриха [1, с. 155–156].

В Падуе в 1256 г. среди замученных противниками Эццелино осаждающих появилась фигура некоего брата-минорита – «магистра-инженериуса», сконструировавшего «метательные машины и тараны (ит. – *gatti, arieti*), чтобы взять город и крепость»; он был по принадлежности к ордену связан с папой и изготовил орудия для приступа, которые «с одной стороны испускали огонь, который вооруженные люди помещали с другой» [3, р. 31]. Впоследствии, благодаря этому приспособлению «сильнейший город был быстро взят натиском людей» [7, р. 232].

Если верить «Новой хронике» Дж. Виллани, подобный специалист, с чьей помощью в 1220 г. флорентийские войска захватили замок Мортеннана, принадлежавший Скварчалуپی – враждебному клану контадо города на Арно, «был навечно освобожден вместе со своим потомством от всех повинностей коммуны» [1, 132]. Это обстоятельство подтверждает возрастание в XIII в. той роли, которую военные инженеры играли в сражениях, а также осознания данного факта современниками.

В 1251 г. во время очередного обострения конфликта между гвельфами и гибеллинами, последние «взбунтовали против флорентийской коммуны замок Монтайя в Вальдарно» [1, с. 166]. Во время осады последнего для противодействия прибывшему гибеллинскому подкреплению, их противники «оставив на своих бастионах вокруг замка пехотинцев и достаточное количество стражи, прервали осаду» [1, с. 167]. Таким образом, и здесь мы видим широкое использование инженерных сооружений при осаде. Более того, для сдерживания гарнизона Монтайи, хотя и в течение, судя по всему, небольшого отрезка времени, было достаточно воинов, защищавших возведенные флорентийцами бастионы. Из этого можно заключить, что эффективность работы военных инженеров в середине XIII в. была достаточно высока, если давала такой выигрыш в военной силе.

Маттео Виллани отмечал, что в 1351 г., в ходе начального этапа войны 1350–1447 гг. между Флоренцией и Миланом, его сограждане снабдили принадлежащие им крепости Скарепию и Борго, помимо продовольствия и оружия, «добрыми мастерами, чтобы изготавливать всякое приспособление для защиты» [9, р. 133–134]. И так как, судя по фактам, приведенным ранее, действия военных инженеров при осаде и обороне крепостей в ряде случаев были достаточно значимы, то можно предположить наличие специалистов подобного профиля и среди этих «мастеров». Таким образом, военные инженеры сохраняли свою значимость и во второй половине XIV в., когда значительное влияние на итальянском театре военных действий приобрели кондотьерские «компании Удачи» [2, р. 30–56].

Ещё более убеждают нас в этом сведения, которые сообщает флорентийский купец и хронист Грегорио Дати (1362–1435), говоря о битве 1396 г. за Мантую между Флоренцией и Миланом. В качестве одного из основных моментов подготовки к ней он называет тот факт, что «все мастера мира были от больших дел в настоящее время призваны и трудились с одной и с другой стороны, вся надежда на победу как с одной, так и с другой стороны в настоящее время была сосредоточена на этом деле» [4, р. 52]. Помимо свидетельства важности труда подобных мастеров этот автор также описывает их работу: «Граф (противник флоренции герцог Милана Джан галеаццо Висконти граф Вирту (1351–1402) – *В.Т.*) приказал построить галеоны по реке (р. По, на которой стоит

Мантуя – *В.Т.*) выше во многих местах, чтобы спустить их навстречу силе указанного моста (укрепления, возведённого флорентийцами для защиты Мантуи – *В.Т.*), и многие другие галеоны приказал соорудить в другом месте, чтобы прийти снизу и ударить с каждой стороны, он приказал разрушить горы, чтобы пошли широкие потоки по их ущельям; заставил срубить лес на бревна для башен и сооружений... вся надежда на победу как с одной, так и с другой стороны в настоящее время была сосредоточена на этом деле; потому что флорентийцы рассчитали, что если они удержат мост и победят сопротивление Графа, то им можно будет ринуться на все его земли в любые дни... Когда все эти вещи устраивались с каждой стороны, пришло время приступить к делам. Прежде чем уже спуститься по реке По вниз со стороны Графа 100 галеонам и двум баркам, полным бочками со смолой и хворостом, способным полыхать огнем, чтобы устроить большой пожар, когда они достигнут мантуанского моста, и сжечь его; а там в свою очередь было предусмотрено средство в виде многочисленных бочек с водой на мосту, которые уже были заготовлены для тех, чтобы тушить огонь и пробивать их, и бочек с камнями и другими средствами» [4, р. 51–52]. В приведённом отрывке ясно представлены свидетельства деятельности военных инженеров. Так, в нём упоминаются: изменение русла реки и планирование местности с целью облегчить прохождение судов, использование пиротехники, равно как и средств защиты от неё, а также возведение временных укреплений для осады и обороны Мантуи. Кроме того, обращает на себя внимание отмечаемая хронистом важная роль подобных работ в этом, одном из ключевых сражений войны 1350–1447 гг. между Флоренцией и Миланом.

Показательно также, что флорентийцы победили в рассматриваемой битве в том числе и потому, что более активно использовали достижения военной инженерии своего времени: «Проследовала в положенное время вся сила войска (миланского – *В.Т.*), которая оставалась в землях графа, чтобы ударить по мантуанскому мосту, дабы позволить им (своему арьергарду – *В.Т.*) пройти по воде многими способами и по земле; но и это было предусмотрено (с противной стороны – *В.Т.*) заготовкой изгородей и укреплений» [4, 53].

Таким образом, военные инженеры в Северной и Средней Италии XIII–XIV вв. представляли собой важных специалистов. Они были широко задействованы в операциях, связанных со штурмом, осадой и/или обороной замков и крепостей. Если учесть, что военные действия в этом регионе концентрировались преимущественно вокруг этих, последних, становится понятным, насколько велико было их значение.

Спектр применения военных инженеров был достаточно широк и включал в себя: работу с метательными машинами, использование гидравлики и пиротехники с целью разрушения укреплений и поражения их защитников, подведение под стены подкопов, планирование местности с целью облегчения прохождения осадных приспособлений, возведение временных оборонительных сооружений.

Литература

1. Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / пер. с ит., статья и примечания М.А. Юсима. – М., 1997.
2. Balestracci D. Le armi, i cavalli, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma. –Bari, 2003.
3. Bargigia F. L'esercito senese nei più antichi libri di Biccherna (1226-1231) // Bulletino senese di storia patria. – CIX, 2002. –P. 9–87
4. Dati G. Istoria di Firenze di Goro Dati dall'anno 1380 all'anno 1405. A cura di Luigi Pratesi. – Norcia, 1904.
5. Neri S. «Albertus inzignerius», ungrandecostruttore del Duecento // I portici di Bologna e l'ediliziaticivilemebioevale. A cura di F. Bocchi. – Bologna, 1990.
6. Settia A. A. Castelli e villaggi nell'Italia padana. Popolamento, potere e sicurezza fra IX e XIII secolo. – Napoli, 1984.
7. Idem. Comuni in guerra. Armiedesercitinell'Italiadellecittà. – Bologna, 1993.
8. Idem. Zone strategiche e borghinuovi: aspettidellaguerranell'etacomunale // Studistorici. – N 31. – 1990. – P. 983–997.
9. Villani M. Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. XI. – Trieste, 1858.

УДК 32

Г.В. Горюпин

г. Кемерово, Кемеровский государственный университет

АВСТРАЛИЯ В АНЗЮС: ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ПРИОРИТЕТОВ

Целью настоящей статьи является многомерный анализ особенностей участия Австралийского Союза в трёхстороннем договоре АНЗЮС и влияния этого пакта на внешнюю политику Австра-

лии. При этом данный феномен следует рассматривать с учётом его зависимости от глобальных исторических условий, внутренней и внешней конъюнктуры на протяжении нескольких десятилетий, а именно с момента принятия договора в 1951 г. по начало 2010-х гг. Использование проблемно-хронологического метода позволяет провести разбиение указанного периода на этапы. Помимо этого, предполагается также проследить влияние факторов, обусловивших изменения в структуре отношений между акторами – участниками пакта, а также в непосредственной имплементации пунктов договора.

Для начала представляется необходимым обратиться к истории подписания пакта. Договор о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и Соединёнными Штатами Америки (англ. Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America) был подписан 1 сентября 1951 г. в г. Сан-Франциско, США [9]. В отечественной и зарубежной научной литературе встречается и другое наименование данного документа – Тихоокеанский пакт безопасности.

В силу договор вступил 29 апреля 1952 г. Стоит отметить, что в советской историографии встречается мнение, согласно которому договор АНЗЮС являлся аналогичным двустороннему военному договору между США и Филиппинами от 30 августа 1951 г. [13, с. 571]. Основной целью пакта стало создание системы коллективной безопасности с участием трёх государств. Страны-участницы условились, согласно ст. IV договора, считать вооружённое нападение на одну из стран-участниц нападением на каждую из трёх этих стран. В качестве главного координирующего органа учреждался Совет, состоящий из министров иностранных дел или их заместителей.

Предпосылкой для создания такого военно-политического объединения послужило формирование биполярной системы международных отношений, в частности, её азиатско-тихоокеанской региональной подсистемы: в тексте договора упоминается присутствие американских вооружённых сил на Филиппинах и в Японии [9]. Принадлежность Австралии и Новой Зеландии к англосаксонскому миру, участие этих стран (ещё являвшихся по состоянию на начало 1940-х гг. британскими доминионами) во Второй Мировой войне на стороне союзников по антигитлеровской коалиции также обусловили сближение с США.

В целом, поддержание прочных связей с Соединёнными Штатами на фоне антикоммунистической риторики было частью внешнеполитической стратегии правительства Р. Мензиса (1949–1966 гг.) На первом этапе существования трёхстороннего блока (1950–1970 гг.) АНЗЮС стал своего рода площадкой для координации совместных операций с США. Австралийский военный контингент участвовал уже в Корейской войне 1950–1953 гг. [7], а также в некоторых конфликтах, сопровождавших процесс деколонизации азиатских стран. Одним из наиболее явных проявлений влияния АНЗЮС на внешнюю политику Австралии стало участие вооружённых сил страны, в том числе Королевских военно-воздушных сил и Королевского военно-морского флота [11], в войне во Вьетнаме уже в 1960–1970 гг. Потери Австралии составили 521 человек.

В то же время, с точки зрения регионального развития, продолжались попытки расширить американское влияние на другие страны. Страны АНЗЮС были включены в созданный в 1954 г. пакт СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), распущенный лишь в 1977 г. [10] Кроме того, в 1971 г. было создано очередное военно-политическое объединение, по форме весьма напоминающее АНЗЮС. Речь идёт об АНЗЮК: помимо обозначенных в названии соответствующего договора стран (Австралия, Новая Зеландия, Великобритания), в сферу действия пакта были также включены Малайзия и Сингапур. Начал реализовываться план по созданию объединённых вооружённых сил, при этом целью декларировалась защита Сингапура и Малайзии от внешней агрессии. Тем не менее, этот блок, в отличие от АНЗЮС, оказался недолговечным: после прихода к власти в Великобритании лейбористского правительства в марте 1974 г. британские войска были вскоре выведены из региона, и уже к 1975 г. блок был распущен. Не в последнюю очередь на ситуацию повлияли и трения между членами блока по вопросу вывода вооружённых сил из обеих стран (лейборист Г. Уитлэм, ставший австралийским премьером в 1972 г., инициировал возвращение домой австралийских войск в 1974 г., что вызвало недовольство Новой Зеландии), а также предвыборная кампания 1975 г. в Австралии [2, р. 84].

Роспуск СЕАТО и АНЗЮК, наряду с достижением «разрядки» международных отношений в глобальном масштабе в середине 1970-х гг., позволяет выделить второй этап развития АНЗЮС (середина 1970-х – середина 1980-х гг.) 1983 г. был ознаменован проведением полного пересмотра участия страны в АНЗЮС австралийским правительством, по результатам которого был сделан вывод о полной поддержке договора [5, р. 179]. На встрече Совета договора в Вашингтоне в этом

же году австралийский представитель уверил партнёров в приверженности Австралии принципам АНЗЮС [3, р. 62].

Однако некоторая стагнация, вызвавшаяся в достаточно долговременном отсутствии проведения совместных военных операций, была прервана в середине 1980-х гг. В 1984 г. власти Новой Зеландии (а именно новый премьер-министр страны, лейборист Дэвид Лонги) заявили о недопущении в новозеландские порты и новозеландские территориальные воды кораблей с ядерным вооружением на борту. Это касалось в том числе и судов военно-морских сил США [8], что привело к резкому охлаждению двусторонних отношений Соединённых Штатов Америки и Новой Зеландии. Таким образом, Новая Зеландия провозгласила территорию своей страны зоной, свободной от ядерного оружия. В 1985 г. американскому кораблю «USS Buchanan», способному нести ядерное оружие, было отказано в заходе в новозеландские порты. В 1987 г. Конгрессом США был принят так называемый «закон Брумфильда» (по фамилии конгрессмена-республиканца, предложившего его), лишавший Новую Зеландию статуса союзника США. Это означало отказ США от негативных гарантий безопасности (в том числе и «ядерного зонтика») в пользу Новой Зеландии.

В такой ситуации устоявшаяся с годами система двусторонних связей между каждым из участников АНЗЮС претерпела серьёзные изменения: такие двусторонние связи сохранились лишь отдельно между Австралией и Новой Зеландией и между Австралией и США. Таким образом, Австралийский Союз оказался своего рода связующим звеном, обеспечивающим само существование блока. Впрочем, это не позволило Австралии и США избежать определённых трений вокруг АНЗЮС в конце 1980-х гг.: правительство австралийских лейбористов не давало согласия на использование акватории Тасманского моря для проведения американцами испытаний новых разработок МБР [14, с. 202]. Тем не менее, отказ США от подобных планов сделал возможным продолжить взаимодействие стран в рамках АНЗЮС.

Вторую половину 1980-х гг. можно считать началом нового этапа существования АНЗЮС. С одной стороны, это предопределено трансформацией, вызванной новозеландско-американским разрывом, с другой, стремительными изменениями структуры международных отношений на глобальном уровне. С окончанием «холодной войны», как будет показано ниже, существенно изменились и задачи организации.

Третий, современный этап развития АНЗЮС, представляется возможным разделить на два подэтапа. На протяжении первого из них (1990-е гг.) происходило приспособление организации договора к реалиям постбиполярного мира, что накладывалось на стремление американского президента-демократа Б. Клинтона и лейбористских правительств Австралии налаживать скорее экономические связи внутри региона. Тем не менее, ещё в 1991 г. вооружённые подразделения государств АНЗЮС приняли совместное участие в войне в Персидском заливе. В конце 1990-х гг. австралийско-новозеландское взаимодействие стало условием урегулирования конфликта в Восточном Тиморе.

Что касается второго подэтапа, то водораздельной чертой, ознаменовавшей его начало, можно считать террористические акты 11 сентября 2001 г. в США. Австралийское правительство либерала Дж. Говарда (1996–2007 гг.) оказало о готовности оказания всесторонней поддержки США. Австралийский вооружённый контингент (наряду с новозеландским) принимал участие в военных операциях в Ираке и Афганистане. Таким образом, можно сделать вывод об изменении основного направления деятельности организации в сторону консолидации военно-политических усилий в войне с международным терроризмом, а также проведения совместных военных учений.

В заключение стоит сравнить оценки эволюции АНЗЮС и его восприятия в самой Австралии и извне. В западной литературе встречаются разные точки зрения относительно влияния новозеландского демарша на судьбу и статус организации. Уже в 1980-е гг. новозеландские специалисты, в частности, Дж. Хенсли, начали использовать в своих работах словосочетание «распад АНЗЮС» [6]. Тем не менее, австралийские эксперты, соглашаясь с правомерностью употребления термина «распад», говорят о «возрождении» деятельности организации уже в современности, имея в виду, прежде всего, австралийско-новозеландский компонент [4]. В российской же науке встречается трактовка АНЗЮС в его нынешнем виде как двустороннего американско-австралийского договора [12]. Соответственно, можно сделать вывод о существенных изменениях в структуре и задачах блока АНЗЮС, произошедших благодаря влиянию внешних (распаду биполярной системы и началу войны с терроризмом) и внутренних факторов (политическая ситуация в Австралии).

Литература

1. Anzelini L., Castro S. Los Estados medianos y la arquitectura de seguridad internacional: Apuntes estratégicos para el caso Argentino / L. Anzelini, S. Castro. – Postdata. – Vol. 17. – № 2. – Buenos Aires: Ciudad Autónoma de Buenos Aires, 2012. – С. 37–85.
2. Australia and Britain: Studies in a Changing Relationship / Ed. by A.F. Madden and W.H. Morris-Jones. – London: Taylor & Francis e-Library, 2005.
3. Castles I. Year Book Australia 1995 / I. Castles. – Canberra: Australian Bureau of Statistics, 1994.
4. Dobell, G. Kiwi and kangaroo (part III): the ANZUS resurrection / G. Dobell. – The Strategist | The Australian Strategic Policy Institute Blog. – <http://www.aspirategist.org.au/kiwi-and-kangaroo-part-iii-the-anzus-resurrection/> (дата обращения: 25/01/2015).
5. Donnini F.P. ANZUS in Revision: Changing Defense Features of Australia and New Zealand in the Mid-1980s / F.P. Donnini. – Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University Press, 1991.
6. Hensley G. Friendly Fire: Nuclear Politics and the Collapse of ANZUS, 1984-1987 / G. Hensley. – Auckland: Auckland University Press, 2013.
7. Korean War, 1950–53 / Australian War Memorial. – Режим доступа: <https://www.awm.gov.au/atwar/korea/> (дата обращения: 25/01/2015).
8. Lange David Russell – Nuclear Politics / Te Ara Encyclopedia of New Zealand. – Режим доступа: <http://www.teara.govt.nz/en/biographies/611/lange-david-russell/page-4> (дата обращения: 25/01/2015).
9. Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS] / Australasian Legal Information Institute (AustLII). – Режим доступа: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.htm> (дата обращения: 25/01/2015).
10. The Australia, New Zealand and United States Security Treaty (ANZUS Treaty), 1951 / U.S. Department of State. – Режим доступа: <http://2001–2009.state.gov/r/pa/ho/time/cwr/102768.htm> (дата обращения: 25/01/2015).
11. Vietnam War 1962–75 / Australian War Memorial. – Режим доступа: <https://www.awm.gov.au/atwar/vietnam/> (дата обращения: 25/01/2015).
12. Буденкова А.В. Договор безопасности АНЗЮС: история, современное значение и перспективы: (Юбилейный выпуск «Australian Journal of International Affairs». Vol. 55. 2001. № 2) / А.В. Буденкова. – Восток, 2004. – № 2. – С. 199–201.
13. Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма / Н.Н. Иноземцев. – М.: Госполитиздат, 1960.
14. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период администрации Б. Обамы / Отв. ред. Б.А. Ширяев, И.В. Цветков, Я.В. Лексютина. – СПб.: СПбГУ, 2012.

УДК 32

А.А. Турыгин

г. Кострома, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ПАНГЕРМАНЦЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВО КАНЦЛЕРА БЕТМАН-ГОЛЬВЕГА

Слова американского историка начала XX века Роланда Ашера, наполненные военной и политической риторикой, что в войне «немцы гибнут не иначе как за господство германской расы в Европе и мире» и «не остается сомнений, что правительство последовательно формирует общественное мнение» (1913) [22, 1f.], без сомнения и дальше могут оставаться просто словами, иллюстрирующими мнение американских интеллектуалов о Германии, если не обратить внимание на то, что в них *par excellence* скрыто ошибочное представление о консенсусе между правительством и апологетами германского расизма и национализма – пангерманцами.

Начало войны пангерманцы встретили с воодушевлением: «Пробил священный час!» – под таким заголовком вышел особый номер *Alldeutsche Blätter* [8, p. 285]. Лидер Пангерманского союза Генрих Класс писал: «Война как очистительный рок способствует нашему оздоровлению. Также как он, совершенствующий целое и единичное, война устраняет всё гадкое и нелепое. Будь благословенна война, которая пробудит в народе всё самое величественное, бескорыстное и самоотверженно. Война очистит душу народа от пороков мелочного эгоизма» (1914) [15, 182 f.].

Как показывают исследования Р.Чикеринга, пангерманцы ждали и готовились к войне, полагая, что она «воспламенит здоровый инстинкт» немецкого народа [13, p. 299]. Подтверждением этому являются дискуссии о войне, инициированные Пангерманским союзом и развернувшиеся накануне открытого военного конфликта. Их идея состояла, во-первых, в определении пределов и границ насильственной экспансии Германии в Центральной Европе, во-вторых, защите немцев от внутренних врагов, пока идет война. Психологическое смещение элементов обороны и нападения, по мнению Р.Чикеринга, составили сущностные основы идеологии Пангерманского союза в годы Первой мировой войны [11, p. 23–24]. Это касается и целей войны, сформулированных пангерманцами еще накануне военных действий. Как раз сравнивая военные цели Пангерманского союза

и правительства отчасти можно понять, существовал ли консенсус, или имело место принципиальное расхождение?

Изучению военных целей Пангерманского союза накануне и в годы Первой мировой войны посвящены многочисленные работы отечественных и западных специалистов [1; 3; 7; 18; 20]. Они затрагивали как внутреннюю, так и внешнеполитическую сферы.

Внутриполитические планы Пангерманского союза связывались с программными заявлениями об «оздоровлении» немецкого народа [12; 14]. Причем понятие «народа», интерпретируемое пангерманцами по расовым и культурным основаниям, отличалось от понятия «нация», к которому больше и чаще апеллировало правительство. Для пангерманцев оно было шире, выходило за пределы государственных границ, и соответственно прямого правительственного контроля. Восприятие народа как коллективного субъекта вписывалось в концепцию пангерманского варианта организованного национализма, представлявшего собой «инструмент интеграции в консервативном смысле» [21, р. 376]. Внутриполитические задачи, которые ставили пангерманцы, особенно в годы войны, оставались для них предельно важными, так как давали возможность влиять на правительственные решения специфическим образом (формирование нужного пангерманцам общественного мнения средствами пропаганды, материальная и идеологическая поддержка, вербовка агентов). Оставаясь принципиально внеинституциональным элементом политической системы рейха (идеология «надпартийности»), не представляя собой политической партии, Пангерманский союз выбрал свою специфическую внутриполитическую тактику [16, р. 396–413]. Если правительство доступными ему политическими средствами апеллировало в основном к нации, как объединению граждан, проживающих в пределах государственных границ, то объектов внимания пангерманцев стал народ, воплотивший в большей степени идею германства, как социальная и биологическая общность, говорящая на одном языке, имевшая общие культурные и исторические традиции. Если обращения правительства к нации имели официальный, декларативный и малопонятный для части населения тон, то пангерманцы в своих выступлениях использовали понятную лексику, сопряженную с элементарными, естественными потребностями народа в комфорте, безопасности, необходимости развития. Риторика пангерманизма в этой связи, особенно в годы войны, все чаще вращается вокруг понятия «народное тело» (*Volkskörper*). Применительно к «телу» проще было объяснить теории пангерманизма о «жизненном пространстве», «месте под солнцем», «крови и почве» – терминах сугубо научных, введенных в оборот философами ранней геополитики. Как раз это «тело» в дальнейшем окажется зараженным «болезнями», вызванными поражением Германии в войне, определив новый вектор пангерманской идеологии. К интерпретации концепта «тела», с помощью которого можно было бы понять внутриполитическую программу пангерманцев, потсдамский историк Й. Ляйхт предложил использовать модель Фуко о биополитике [5; 6; 19].

Предметом особых расхождений с правительством у пангерманцев стали задачи внешней политики и военные цели Германии. По мнению К. Ярауша, если в вопросах конечной цели войны противоречий не было, вопросы тактики оставались принципиальным камнем преткновения [18, р. 437].

Внешнеполитическая программа пангерманцев была оформлена накануне войны. В пространной «Памятной записке о национальных, экономических и социально-политических целях Германии в войне» Генриха Класса, опубликованной тиражом более чем 2000 экземпляров, речь шла об аннексии «большого пространства» и последующей расовой селекции как принципиальной и главной цели войны, а также установлении стратегического господства над расово-«чуждыми» элементами (народами) посредством их раскола и насильственной депортации: «Если необходимо, то Германия должна игнорировать так называемые принципы международного права... Естественная потребность заставляет нас пойти на всё, а государственные дела предназначены не для слабонервных и впечатлительных. Они связаны с тем, что в суровой реальности необходимо думать об обеспечении блага своего народа» [12, 241 f.].

«Если Германия одержит победу и добьется аннексии территорий, населенных французами или русскими, – людьми нам враждебными, – то, безусловно, возникнет вопрос, пойдет ли стране на пользу её новое положение?... Отвечая на него, важно помнить, что особое положение немцев внутри Европы состоит в том, что он как бы стянут узами; при значительном росте немецкий народ может задохнуться в них, если не получит притока воздуха. В этом случае следует признать, чтобы противник на Западе или Востоке очистил для нас землю от своих людей» [15, р. 180, 182 ff.]. В отношении восточной границы с Россией Класс отметил, что «нам потребуются такие тер-

ритории, которые обеспечат лучшую границу и предоставят землю для заселения» [15, р. 195]. Таким образом, принципиальный план Класса в отношении аннексированных территорий шел дальше простого «онемечивания» [12, р. 249] населения, пангерманцы одними из первых стали говорить о «зачистке» территорий и депортации населения, чем в дальнейшем воспользуются национал-социалисты. Внешнеэкономические цели связывались пангерманцами с созданием в Центральной Европе единого экономического пространства под руководством Германии [13, р. 301–415]. Вместе с расширением европейского пространства, пангерманцы вовсе не исключали активизацию внешней колониальной политики [12, р. 55], к примеру, увеличение африканских владений [17].

Отношения с правительством у пангерманцев накануне войны развивались достаточно стабильно: «Естественным и желаемым состоянием стало бы соединение доброй воли и духовных сил в форме национального фронта, поддержанного правительством» – писал Класс Теобальду Бетман-Гольвегу в 1909 г., практически сразу после его избрания того канцлером империи [18, р. 443]. Канцлер рассматривал пангерманизм как проявление «духа времени», полагая что «чрезмерное проявление пангерманизма в значительной мере было лишь эхом тех страстных выпадов шовинизма в странах Антанты, который – в отличие от Германии – находил там почву в официальной политике» [2, р. 16]. По мнению канцлера, пангерманская реакция была лишь следствием брошенного Германией вызова: «Германия должна быть разрушена» – так, «в форме трезвых деловых соображений» звучал клич, исходивший из лагеря стран Антанты [2, р. 16]. «Сентябрьская программа» (1914) о военных целях Германии фактически совпадала с программой военных целей пангерманцев, хотя и содержала более умеренные формулировки: «Обеспечение безопасности границ Германской империи на западе и востоке в течение максимально длительного времени. Для этой цели Францию необходимо ослабить так, чтобы она не смогла стать вновь великой державой; отодвинуть Россию от немецких границ и не позволять ей больше влиять на нерусские народы-вассалы... Бельгия в любом случае, даже оставшись внешне государством, должна стать вассалом... Люксембург станет частью немецкого федерального государства» [9, р. 61–63].

Если первоначально канцлер признавал, что пангерманизм не оказывал влияния на правительственную политику, занимая мысли консерваторов и национал-либералов, то позже между правительством и Пангерманским союзом начался открытый конфликт.

Принципиальные разногласия возникли по поводу подводной войны (*U-Boot-Krieg*). Для Бетман-Гольвега война была скорее средством социального империализма, так как канцлер стремился к усилению прежде всего экономического могущества Германии: «Необходимо достигнуть экономического единства благодаря общим таможенным соглашениям... Такой союз необходимо создать в Центральной Европе. При формальном равноправии его членов он должен находиться под руководством Германии и существовать во имя стабильности и процветания страны» [10, 181 f.]. Поскольку программа строительства флота, инициированная А.Тирпицем, должна была быть закончена только в 1917 г., требовались дополнительные источники финансирования дорогостоящего строительства подводных лодок. Правительство Бетман-Гольвега всячески старалось отсрочить начало подводной войны, в том числе из дипломатических соображений. После первых поражений германской армии в войне, по мнению вице-адмирала А.Михельсена, «канцлер опасался энергичным вступлением наших лодок вызвать Англию на еще более суровые методы против немецкой торговли, не сознавая, очевидно, того, что это было неизбежным развитием плана войны; он боялся восстановить против Германии нейтральные державы – опасение, мало на чем основанное. Бетман даже не соглашался на предложение установить блокаду лодками побережья Франции, потому что таким актом, по его мнению, нарушалось снабжение Бельгии Америкой. Как известно, основная причина отрицания подводной торговой войны коренилась в продолжении Бетманом его двойной примирительной политики по отношению к Англии и от такого взгляда он не мог отделаться до самого конца своего правления, хотя при объявлении войны вынужден был сам сознаться в крушении своей политики» [4, р. 35].

Отказ канцлера от поддержанной пангерманцами подводной войны, привел к резкой критике его кабинета. В ответ на политику канцлера пангерманцы, подстрегаемые промышленниками и финансистами, входящими в Пангерманский союз и получавшими госзаказы на производство оружия, начали критику правительства, формируя необходимое общественное мнение. В сочинении «Если бы я был императором» Класс под псевдонимом «Даниэль Фриман» открыто осуждает нерешительность правительства и излагает идею «диктатуры». По мнению К.Ярауша, кристалли-

зация конфликта между пангерманцами и правительством проявилась в мифотворчестве, связанном с внутренними и внешними «врагами империи», слабостью и нерешительностью руководства, необходимости диктатора («фюрера») [18, р. 451]. Результатом мифотворчества и антиправительственной агитации пангерманцев становится обвинение канцлера в неспособности объединить страну, высказанное консерваторами и генералитетом (Гинденбург и Людендорф отказались от дальнейшей совместной работы с Бетманом-Гольвегом, заявив о своем намерении уйти в отставку). Оставшись в изоляции, канцлер подал прошение об отставке.

Литература

1. Асадулина И.Г. Экспансионистская программа Пангерманского союза (1891–1914 гг.). Дисс. канд. ист. наук. – М., 1978.
2. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне / перевод с немецкого В.Н. Дьякова; с предисловием В. Гурко-Кряжина. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925.
3. Иностранцев М.А. Германский империализм и пангерманизм, как причины Всемирной войны 1914–1918 гг. – Томск, 1919.
4. Михельсен А. Подводная война 1914–1918 гг. – М.-Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1940.
5. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 гг. – СПб.: Наука, 2005.
6. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 уч. году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010.
7. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. – М., 1961.
8. Alldeutsche Blätter. 24 (1914). (Sondernummer vom 3. August 1914).
9. Bihl W. (Hrsg.). Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.
10. Cartarius U. (Hrsg.): Deutschland im Ersten Weltkrieg. Texte und Dokumente 1914–1918. – München, 1982.
11. Chickering R. Die Alldeutsche erwarten den Krieg, in: Jost Dülffer / Karl Holl (Hrsg.): Bereit zum Krieg. Kriegsmentalität im wilhelminischen Deutschland 1890–1914. Beiträge zur historischen Friedensforschung. Göttingen, 1986.
12. Claß H. Denkschrift betreffend die national-, wirtschafts- sozialpolitischen Ziele des deutschen Volkes im gegenwärtigen Kriege. – München, 1914.
13. Claß H. Wider den Strom. – Leipzig, 1932.
14. Claß H. Zweck und Ziele des Alldeutschen Verbandes, in: Handbuch des Alldeutschen Verbandes. – München: J.F. Lehmann, 1908.
15. Frymann D. (Claß H.) Wenn ich der Kaiser wäre. Leipzig. 5. – Aufl., 1914.
16. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. – Hamburg: Hans Christians Verlag, 2003.
17. Heyden U, van der. Rote Adler an Afrikas Küste. Die brandenburgisch-preußische Kolonie Großfriedrichsburg in Westafrika. – Berlin: Salignow-Verlag, 2001.
18. Jaraus K. Die Alldeutsche und die Regierung Bethmann Hollweg. Eine Denkschrift Kurt Riezlers vom Herbst 1916 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 21. – 1973.
19. Leicht J. Heinrich Class (1868–1953). Die politische Biographie eines Alldeutschen. – Paderborn, 2012.
20. Mommsen Wolfgang J. Der Geist von 1914. Das Programm eines politischen Sonderweges der Deutschen, in: Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Gesellschaft und Kultur des deutschen Kaiserreiches. – Frankfurt am Main, 1992.
21. Stegmann D. Zwischen Repression und Manipulation. Konservative Machteliten und Arbeiter- und Angestelltenbewegung 1910-1918. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der DAP/NSDAP // Archiv für Sozialgeschichte (12) / 1972.
22. Usher G. Roland. Pan-Germanism. – Boston-New-York: Houghton Mifflin Company, 1913.

УДК 94

Ю.И. Царёва

г. Москва, Московский педагогический государственный университет

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН И ПОРЧА МОНЕТ ПРИ ГЕНРИХЕ VIII (1509–1547)

Тезис о том, что рост цен в Англии в период правления Генриха VIII произошел в результате увеличения поставок золота и серебра из Нового Света, что привело к обесцениванию денег, возник в процессе оформления количественной теории денег. На долгое время исследования многих философов, экономистов и историков сосредоточились на нахождении универсальной формулы, показывающей соотношение роста денежной массы и роста цен [4; 6; 7; 8; 11].

В качестве факторов, увеличивавших денежную массу, исследователи называют открытие процесса амальгамирования, позволяющего добывать благородные металлы из более бедных руд. Однако, современный канадский историк Джон Манро в статье «Деньги, цены, заработные платы и инфляция в Испании, Южных Нидерландах и Англии в период Революции цен, 1520–1650», справедливо утверждает, что небывалый рост цен затронул только те страны и области, где предпринималась порча монеты. Революция цен затронула в основном южные районы Англии, где цены

возросли почти в 7 раз за период 1520–1650 гг. (если взять период 1501–10 как базовый) [6, р. 16–17]. Порча монеты преследовала одну основную цель: увеличение общей денежной (монетной) массы за счет ухудшения пробы или уменьшения веса. На протяжении вот уже почти полутора столетий историки пытаются ответить на вопросы: обусловила ли порча монет рост цен на продукты или рост цен из-за обесценивания драгметаллов, сделал необходимым увеличение массы денег за счет ухудшения их качества? И, если все эти процессы взаимосвязаны, то какой из них преобладает? К. Маркс считал, что цены не потому высоки или низки, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а, наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки [11, с. 88–89].

Почему инфляция не росла пропорционально на все виды товаров и почему не усугублялась сразу же после «Великой порчи монет», проведенной Генрихом? Ведь пик инфляционных процессов пришелся как раз на правление Марии Кровавой. Этот факт объясняется историками по разному: неравномерностью распределения доходов среди населения [6, р. 29–32], падением уровня жизни в связи с ростом населения на протяжении правления Генриха VIII [10, с. 217]. Однако, такие объяснения не снимают большого количества вопросов. Например, известно, что к 1300 году население Англии было более 4,5 млн. человек и резко, более чем вдвое, сократилось вследствие эпидемий чумы. К началу правления Генриха VIII численность англичан достигла 2 млн. человек, и продолжала расти до 1551 г. (см. таблицу 1), после чего произошла стагнация. Однако рост цен в этот период продолжался [10, с. 220].

В понимании реформ Генриха VIII важным является тот факт, что до 1530 из Нового Света ввозилось преимущественно золото, и лишь со 2-й трети XVI в., после открытия серебряных рудников в Мексике и Перу, это соотношение изменилось в пользу серебра. Поэтому первая монетная реформа, проведенная в августе 1526 г. касалась лишь золотых монет. И историки, и нумизматы единодушны в оценке реформы, в основе которой лежит высказывание Ф. Ч. Дица: «порча монет 1526 г. была вызвана чисто экономическими причинами» [3, р. 137–191]. Генрих VIII в обход Парламента сделал попытку выслать в 1526 году комиссии с целью сбора налога размером 1/6 часть доходов от мирян и 1/4 часть – от священнослужителей, но получил отказ. Тогда Генрих прибег к порче монет для устранения дефицита бюджета.

Современный отечественный историк, сотрудница Эрмитажа, М.В. Муха, подробно рассмотрела монетные реформы Тюдоров, опираясь прежде всего на нумизматический материал. Во время начала выпуска Генрихом VIII монет между денежными системами Англии и континентальной Европы имелось значительное несоответствие. Отношение золота к серебру на континенте было 1 к 14, в то время как в Англии – 1 к 12 [12, с. 60]. Следствием этого, по мнению исследовательницы, явилась утечка английских золотых монет за границу с целью извлечения прибыли. В 1510 г. Генрих VIII издает Статут, подтверждающий в очередной раз запрет на вывоз за пределы королевства слитков драгоценных металлов и монет. В то же самое время, иностранные золотые монеты, особенно, французские экю, ценящиеся в 4 шиллинга и 4 пенса, были весьма распространены в Англии [12, с. 62]. На самом деле процесс вывоза золота из Англии показан достаточно односторонне. В Восточной Европе (Германия, Чехия) соотношение серебра к золоту к 1500 г. составило 10, 8 к 1 [13, с. 54]. Сохранилось письмо одного из финансовых агентов к Т. Уолси от 1519 г., в котором тот обещает выменять во Франкфурте серебра для чеканки монет по более выгодному курсу – согласно его заверениям, при покупке получится экономия по 20 пенсов с марки [5, р. 195]. Получается, что Уолси искал дополнительные источники поставок для поставок серебра на монетный двор, искал рынки на которых можно было обменять золото на серебро по наиболее выгодному курсу.

В августе 1526 года Т. Уолси попытался остановить утечку золота за границу, увеличив стоимость золотых номиналов на 10%. Согласно Прокламации 22 августа предусматривалась чеканка новых монет, так называемых «розенкрейнцеров», эквивалентных французскому экю, что значительно облегчало процесс денежных расчетов. В Прокламации содержится также предписание о порядке выплаты долгов Короны, после 22 августа только новой золотой монетой.

Утечка английского золота на континент продолжалась, несмотря на усилия Уолси, и очевидно были необходимы более решительные меры. Стоимость золотых монет постоянно росла: энджел с августа месяца подорожал на 5 пенсов (3,5%). В ноябре 1526 года Т. Уолси предпринял ряд мер для преодоления кризиса. Они включали восходящую переоценку английской золотой монеты на 2%. Чтобы восполнить все увеличивающийся дефицит золота, с которым не справлялся энджел,

начали чеканку новой золотой монеты «нобль с Георгием» (6 шиллингов 8 пенсов или 1/3 фунта), золотой кроны (5 шиллингов) и полкроны (2 шиллинга 5 пенсов) [1, р. 46]. Введен закон, по которому иностранная золотая монета теперь обращалась только в качестве слитка, а не законного платежного средства [3, р. 141].

«Великая порча» началась в 1544 году, когда содержание серебра в монетном сплаве понизилось более чем на половину. Золото подвергалось менее резким переменам, но и его содержание в монетах уменьшилось на 1/7 часть [12, с. 67].

Тауэрский монетный двор был реорганизован и расширен в 1545 году. Были также открыты отделения Королевского монетного двора в Саутворке, Бристоле, Йорке и Кентербери. Это говорит о больших объемах нового чекана (1544–1551 гг.), доход от которого английские исследователи оценивают в 1 275 000 ф.ст. [7, р. 36; 1, р. 178].

Последний период правления Генриха VIII был отмечен прогрессирующим снижением качества чеканки. В 1546 г. содержание серебра от 1526 г. упало на 35,5%. В Брабанте в результате порчи монет, проводившейся 12 раз с 1500 по 1650 г., содержание серебра упало на 48,5%, однако не наблюдалось такого небывалого роста цен как в Англии [6, р. 42]. Стопа в Англии выросла в 4 раза, т.е. из унции чистого серебра теперь чеканилось не 240 пенни, а в 4 раза больше. Появились уродливые, медно-красные монеты, особенно распространенные среди тестонов. Генрих получил в народе прозвище – «Старый Медный нос» [12, с. 72]. Монеты часто были плохо прочеканены. Положение усугубилось смертью Генриха VIII и приходом к власти лорда-протектора Сомерсета. Он продолжал чеканить монету под именем Генриха VIII. Попытки повысить содержание серебра в монетах в январе 1549 г. привели к снижению веса монет вдвое. Великая порча закончилась лишь в августе 1553 г., когда монетам вернули 83,3% серебра, содержавшегося в них в 1542 г., т.е. до реформы [7, р. 40–42].

Видимо в данном случае, порча монет рассматривалась Генрихом VIII не как монетная реформа, но как необходимая фискальная мера, позволившая увеличить доход казны. Снижение содержания серебра проводилось и ранее Эдуардом IV в 1464–1465 гг. и Генрихом VII в 1492 г., но целью этих реформ была защита собственного монетного чекана, т.е. устранение разницы между реальной стоимостью собственных монет и монет соседних государств [2, р. 285; 7, р. 18].

Более всего от порчи пострадали мелкие номиналы, такие как тестон, гроут, полугроут, пенни и полупенни, которые чеканились для оплаты армии и долгов короны перед иностранными кредиторами. Инфляция стала непосредственным *результатом*, но не была пропорциональна баснословным доходам казны от проведения порчи монет.

Разница между Англией и континентом в отношении золота к серебру обусловила порчу серебряных монет в большей степени. В 1547 г. на Антверпенской бирже прекратили принимать английские серебряные монеты. С другой стороны, утечка золотых монет еще более усугубилась [12, с. 82].

Однако, в то время, как во Франции цены поднялись в среднем на 150%, в Англии они повысились на 250%, а заработная плата, возросшая в Англии на 75%, в Европе повысилась лишь на 25% [4, 180]. Получается, что уровень жизни в Испании и Франции стал куда более низким, чем в Англии.

Таблица 1

Население Англии, 1525–1601 гг., млн человек

Год	Население
1525	2,26
1541	2,77
1551	3,01

Источник: Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1541–1871. L., 1981.

Таблица 2

Индексы (1451–1475 гг.= 100)

Год	Цены потребительской корзины	Ее эквивалента в заработной плате каменщиков
1450	102	98
1490	106	94
1510	103	97

1530	169	59
1550	262	48

Источник: Phelps Brown E.N., Hopkins S.V. Seven centuries of the prices of consumables compared with builders «wage-rates» // *Economica*. № 92. Nov. 1956. N.s. Vol. XXIII. P. 298.

Литература

1. Callis C. The Tudor coinage. – Manchester, 1978.
2. Cavill P.R. The debased coinage of 1492 // *British Numismatic Journal*. – № 77. – 2007. – P. 283–286.
3. Dietz F.C. English government finance, 1485–1558. – University of Illinois press, 1920.
4. Hamilton E.J. American treasure and the price revolution in Spain, 1501–1650. – Cambridge, 1934.
5. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. Ed. by S. Gardiner. V. III, p. 1. – L., 1962.
6. Munro J.H. Money, prices, wages, and «profit inflation» in Spain, Southern Netherlands, and England during the Price Revolution era, ca. 1520- ca. 1650. – University of Toronto, MPRA Paper, No 10849, 2008. – P. 1–60.
7. Munro J.H. The coinages and monetary policies of Henry VIII (r. 1509–1547): contrasts between defensive and aggressive debasements. – Working paper. – 2010. University of Toronto.
8. Phelps Brown E.N., Hopkins S.V. Seven centuries of the prices of consumables compared with builders «wage-rates» // *Economica*. – № 92. – Nov. 1956. – N.s. – Vol. XXIII. – P. 293–314.
9. Wrigley E.A., Schofield R.S. The Population History of England, 1541–1871. – L., 1981.
10. История Великобритании под ред. О.Моргана. – М., 2008.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд., т. 13. – М., 1959.
12. Муха М.В. Монетные реформы в эпоху Тюдоров. – СПб., 2002.
13. Hammer P. Zur En Hammer P. Zur Entstehung des Talers (нем.) // *Geo. – Alp.* – 2007. – Т. 1. – С. 53–57.

УДК 94

Л.Н. Чернова

г. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

НИК БРЕМБР: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛОНДОНСКОГО ОЛИГАРХА XIV ВЕКА

Последние три десятилетия XIV столетия – очень непростой период в истории Англии и Лондона: политические неурядицы, уход харизматичного Эдуарда III и неоднозначное правление Ричарда II, интриги королевского окружения, борьба группировок, религиозное брожение и социальные потрясения [17, с. 753]. За всеми этими процессами и событиями стояли реальные люди, «большие» и «маленькие», со своими интересами, симпатиями, страстями, переживаниями. Это были люди, порожденные условиями своего времени, но они жили, совершали поступки, так или иначе реагируя и воздействуя на происходящее [16].

Один из таких персонажей – лондонский олдермен 1372–1388 гг. Николас Брембр, богатейший, амбициозный и весьма противоречивый человек своего времени, оставивший заметный след не только в лондонской, но и в английской истории XIV столетия.

О происхождении Ника Брембра мало что известно. Он был сыном сэра Джона Брембра из Кента [7, р. 35]. Возможно, что Ник имеет отношение и к сэру Томасу Брембру, в 1347–1355 гг. находившемуся на королевской службе. Его первое появление в качестве олдермена и шерифа Лондона относится к 1372 г. К этому времени Ник Брембр стал полноправным горожанином и членом ливрейной компании бакалейщиков, тесно сотрудничал с торговцами вином из Гаскони, удачно вкладывал средства в торговлю шерстью [15, с. 89–104] и приобрел три манора в Кенте, а позже два манора в Миддлсексе [6, р. 476]. В муниципалитете Ник Брембр представлял городской район Бред-стрит, где проживал в огромном по тем временам доме [4, р. 293].

В Лондоне того времени лидирующие позиции в экономической и политической жизни занимали две конкурирующие фракции. С одной стороны, это так называемые «виктуаллеры» – члены влиятельных компаний, связанных с торговлей продовольствием, в среде которых задавали тон богатейшие купцы из ливрейных компаний бакалейщиков, торговцев рыбой, вином и т.д. Лидерами этой могущественной группировки, пользовавшейся особым расположением короля, были лондонские олдермены – торговец рыбой сэр Уильям Уолвот, бакалейщик сэр Джон Филпот, а с конца 70-х гг. XIV в. и сэр Николас Брембр [8, р. 18] – последовательный сторонник Ричарда II в его борьбе против «партии» Джона Гонта, герцога Ланкастерского. Эти купцы, «сговорившись друг с другом», взвинчивали цены на зерно, с помощью личного влияния и финансового давления вынуждали королевскую власть издавать выгодные для них указы. Вот только некоторые факты, подтверждающие финансовую зависимость короны от столичных купцов. За период 1371–1380 гг.

Джон Филпот предоставил королю займов на 40 тыс. марок, в том числе, на 10 тыс. ф. в октябре 1373 г. [9, р. 20]. В сентябре 1377 г. Николас Брембр, Уильям Уолворт, Джон Филпот и бакалейщик Джон Хэддл предоставили короне ссуду в 10 тыс. ф., за что получили все пошлины на шерсть, овчины и шерстяные ткани в Линне, Халле, Бостоне, Ипсвиче, Ярмуте, Чичестере. Кроме того, Брембр и Филпот ссудили королю в октябре того же года еще 5 тыс. ф. под пошлины от Лондонского порта и драгоценности короны. В конце 1383 г. Ник Брембр предоставил короне ссуду в размере 1333 ф., а в 1385 г. – около 667 ф. [13, р. 326].

Соперниками этих олдерменов и стоящей за ними группировки выступали купцы из не менее могущественных компаний торговцев предметами роскоши и суконщиков во главе с Джоном де Нортхемптоном и Ричардом Лайенсом [13, р. 326]. Они выступали за ликвидацию монополии на торговлю продуктами питания, которой обладали «виктуаллеры», что должно было привести к снижению цен на основные продукты на рынках Лондона. Это требование обеспечило им симпатии со стороны «малых» ремесленных гильдий, большинства бедного люда. Время от времени о своей поддержке «партии Нортхемптона» заявляли Джон Уиклиф и Джон Гонт [8, р. 18].

На фоне сложной политической обстановки в последние месяцы жизни Эдуарда III беспокойно было и в Лондоне. После городских волнений, вызванных проповедями Джона Уиклифа, мэр Адам Стэбл, сторонник Нортхемптона, был смещен с должности 21 марта 1377 г. по распоряжению короля, в тот же день мэром был избран Ник Брембр. 29 марта 1377 г. он торжественно принес клятву и присягу на верность городу в Гилдхолле и Ричарду II в Тауэре (он был переизбран мэром и в следующем году, а затем в 1383–1386 гг.) [2, р. 333].

Стремительному возвышению Ника Брембра во многом способствовал его брак в 1369 г. с Айдонией, старшей дочерью крупнейшего импортера вина, олдермена, мэра Лондона 1357–1358 гг. Джона де Стоди и Джоан, внучки и сонаследницы знаменитого Джона де Джизорса, торговца пряностями и вином, олдермена и мэра английской столицы в XIII в. [14, с. 196–199]. Женившись на Айдонии, Ник Брембр не только обеспечил себе вхождение во влиятельную среду лондонских виноторговцев, но и продолжил укреплять свое положение, финансовое и политическое, а также семейный бизнес, в том числе, за счет продуманной матримониальной политики. Именно Брембр в ноябре 1379 г. устроил брак Джоан, младшей дочери сэра Джона Стоди, с Томасом Гудлейком, который к тому времени успешно участвовал в коммерческих делах Ника. Брембр – видимо, в благодарность за оказанные услуги и гарантии лояльности в будущем – поспособствовал назначению Томаса ко двору малолетнего Ричарда II, на должность смотрителя королевских охотничьих угодий и парков Ислворт в Миддлсексе [12, р. 90–91].

Не без участия Ника Брембра в 1370 г. был заключен брачный союз еще одной дочери Джона Стоди, Маргарет, с купцом Джоном Беллингемом, вовлеченным в коммерческие дела семьи Стоди. А после его неожиданной кончины в 1375 г. Маргарет к марту 1376 г. была выдана за Джона Филпота [11, р. 230]. Брембр всячески стремился заключить длительный союз с этим необычайно богатым и влиятельным человеком. Известно, например, что Филпот с 1371 г. был поверенным в делах сэра Ричарда, герцога Арундела, и действовал в качестве его коммерческого агента в Лондоне и финансового советника [12, р. 89]. После смерти сэра Ричарда в 1376 г. Филпот, назначенный одним из душеприказчиков, продолжал консультировать по финансовым вопросам наследников Арундела [9, р. 8–9].

После 1377 г. Брембр и Филпот доминировали в муниципалитете Лондона, поочередно занимая должность мэра во время богатого на события десятилетия. На фоне острейшей борьбы фракций в Сити, когда богатые олигархи столкнулись с угрозой со стороны «партии» Джона Нортхемптона и серией серьезных конфликтов с Джоном Гонтом и другими членами Королевского совета, Филпот представал как привлекательная и популярная фигура. Его личная храбрость и тот факт, что он практически в одиночку взял на себя финансовые расходы, связанные с двумя крупными сухопутными и морскими операциями против французов, обеспечили Джону поддержку в городе. Вместе с тем, он продемонстрировал преданность королю, активно участвуя в подавлении восстания Уота Тайлера 1381 г., за что Ричард II даровал Филпоту рыцарство [3, р. 389].

Смерть летом 1384 г. Джона Филпота явилась жестоким ударом для Брембра. Он также был посвящен в рыцари в 1381 г., но, в отличие от Филпота, не получил признания. У него оказалось слишком много врагов среди горожан и еще больше – среди влиятельной знати, которую все больше не устраивало правление Ричарда II. И эти враги вскоре проявят себя.

А пока Брембр был озабочен поисками новой брачной партии для леди Филпот, обладавшей огромным состоянием. В 1387 г. она вышла замуж за королевского чиновника Джона Фиц-Никола и друга Ника Брембра. Возможно, что брак был вызван желанием короля Ричарда II устроить судьбу преданного подданного за счет другого подданного. В любом случае у Брембра появился шанс угодить венценосному покровителю.

Между тем, для сэра Николаса Брембра наступили трудные времена. С 1383 г., при поддержке короля, он занимал должность мэра. Уже в ноябре того же года компаниям лондонских торговцев рыбой и бакалейщиков король вернул все их монопольные права [5, р. 226], отмененные ранее Джоном Нортхемптоном: «община вновь столкнулась с удорожанием продуктов питания» [8, р. 19]. Но Нортхемптон не собирался сдаваться. В начале 1384 г. он неоднократно предпринимал попытки вернуть себе власть. «Чтобы не допустить распространения восстания в Лондоне» [8, р. 20], мэр Брембр приказал арестовать Нортхемптона и 500 его сторонников, явившихся в Чипсайд на церковную службу. После этого Нортхемптон предстал перед королем, который и решил его дальнейшую судьбу: он был приговорен к смертной казни, но спустя некоторое время – к пожизненному заключению в замке Tintagel. В 1387 г. приговор был смягчен: ему предоставили свободу перемещения по всему королевству, запретив приближаться к Лондону ближе, чем на 80 миль [8, р. 20].

После падения Нортхемптона Брембр, еще трижды (вплоть до 1386 г.) становившийся мэром, своей политикой, сопровождавшейся многочисленными злоупотреблениями, коррупционными скандалами, обвинениями в тирании, вызвал сильнейшее недовольство в Сити. К тому же, к этому времени сумели укрепить свое положение противники короля – главного покровителя Брембра. Третьего февраля 1388 г. в Вестминстер-холле собрался так называемый «Беспощадный парламент», объединивший противников Ричарда II. 14 февраля сторонники монарха – Майкл де ля Поль, де Вер (граф Оксфордский, герцог Ирландский), главный королевский судья Роберт Треси-лиан и архиепископ Йоркский – были объявлены виновными в измене, и все, за исключением архиепископа, приговорены к смертной казни. Три дня спустя обвинение в измене было предъявлено Николасу Брембру. Когда он заявил, что невиновен, и предложил доказать свою невиновность при помощи судебного поединка, король попытался заступиться за него, но пятеро апеллянтов со звоном бросили к ногам Брембра свои рыцарские перчатки, вслед за которыми посыпались перчатки многих других. По формально-юридическим причинам в судебном поединке Брембру было отказано. Разгорелись ожесточенные споры, с разных сторон выражались серьезные сомнения относительно виновности Брембра в каком-либо преступлении, караемом смертью, но после трехдневного «бесчестного и циничного» судебного разбирательства он был осужден и предан казни [10]. Так трагически оборвалась насыщенная событиями жизнь Ника Брембра. Он был похоронен в Лондоне, в часовне церкви Серых монахов.

Итог борьбе между «партиями» Джона Нортхемптона и Ника Брембра подвел лондонский муниципалитет: постановлением 1390 г. было запрещено публично упоминать имена этих олдерменов и мэров [5, р. 364]. Представители правящей элиты постарались навсегда вычеркнуть из памяти крайне неприятную для них страницу истории вместе с главными действующими лицами.

А в 1391 г., после смерти Джона Фиц-Никола, Маргарет, чья судьба так заботила Ника Брембра, теперь уже без его участия вышла замуж за искусного ювелира [1], клиентом которого были Джон Гонт и его сторонники при королевском дворе, Адама Бамме. Любопытно, что в свое время он поддерживал мэра Нортхемптона в его борьбе против Брембра. Однако, будучи расчетливым и искушенным в политике человеком, он предусмотрительно оставил Нортхемптона за два года до его падения, избежав тем самым ответных мер со стороны Брембра после его возвращения в должность в 1385 г. [8, р. 24–25]. В 1390 г. Адам Бамме был избран мэром [2, р. 335] и не только фактически, но и формально вошел в круг ведущих лондонских олигархов, окончательно примирив Ника Брембра и его противников.

Литература

1. Adam Bamme. URL: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1386-1421/member/bamme-adam-1397> (дата обращения: 10.01.2015).
2. Barron C. M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. Appendix I: Mayors and Sheriffs.
3. Beaven A. B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. – L., 1908. V. 1.
4. Calendar of Letter-Book G. A. D. 1352–1374. – L., 1905.
5. Calendar of Letter-Book H. A. D. 1375–1399. – L., 1906.

6. Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258–1688 / ed. by R. Sharp: in 2 vols. – L., 1889. – V. 2.
7. Dictionary of National Biography. Errata, 1904. – URL: [http://en.wikisource.org/wiki/Brembre,_Nicholas_\(DNB00\)](http://en.wikisource.org/wiki/Brembre,_Nicholas_(DNB00)) (дата обращения: 10.01.2015).
8. Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384–1425 / ed. by R.W. Chambers and M. Daunt. – Oxford, 1931.
9. Given-Wilson C. Wealth and Credit, Public and Private: The Earls of Arundel 1306–1397 // English Historical Review. – 1991. – No. CCCCXVIII. Jan.
10. Nicholas Brembre's treason trial. URL: <http://www.executedtoday.com/2010/02/20/1388-nicholas-brembre-mayor-of-london/> (дата обращения: 10.01.2015).
11. Nightingale P. A medieval mercantile community. The Grocers' Company and the politics and trade of London. New Haven. – L., 1995.
12. Rawcliffe C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431) // Medieval London Widows, 1300–1500 / ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. – L., 1994.
13. Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). – Chicago, 1948.
14. Чернова Л.Н. Замужество в жизненном пространстве горожанки рубежа XIV–XV веков // История идей и история общества. – Нижневартовск, 2011.
15. Чернова Л.Н. Леди Филпот в матримониальной политике правящей элиты Лондона XIV–XV вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – М., 2009. – Вып. 17.
16. Чернова Л.Н. Лондонское купечество второй половины XIV–XVI вв.: эволюция социального облика // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 6 (29) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000785-2-1> (дата обращения: 18.12.2014).
17. Юсим М.А. Западная Европа в позднее Средневековье. Англия // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – М., 2012.

УДК 94(4)

М.М. Чореф

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

К ИСТОРИИ ТАВРИКИ – КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ ВИЗАНТИИ И ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

В конце VII в. в Таврике расселились хазары. По свидетельству св. Никифора Константинопольского, около 679 г. они напали на «все селения за Понтом Эвксинским... и достигли моря» (Nikerph. Brev. 35, 31–32). В начале VIII в., хазары, судя по биографии Юстиниана II, контролировали Боспорский пролив (Nikerph. Brev. 42; Theph., А.М. 6196). Однако из древних тестов не понятно, оказывали ли они постоянное влияние на ситуацию в приморских городах или нет.

Проблема в том, что основными источниками информации по этому вопросу являются памятники археологии, единая трактовка которых, к сожалению, пока еще не выработана. Так, А.И. Айбабин, исследовав следы разрушений и пожаров в портовом районе Боспора, в Тиритаке и в Илурате, датирует эти события VII в. и объясняет их хазарским вторжением [2, с. 185]. Археолог полагает, что завоевание было столь основательным, что каган разместил свой гарнизон даже в бывшей столице Боспорского государства [2, с. 186]. В тоже время А.И. Айбабин считает, что кардинальной смены населения в этом городе не произошло. В нем остались греки, аланы, готы, евреи и др. Основываясь на материалах Ж. Даррузеса [21, р. 20, 32, 232], ученый полагает, что хазары позволили жителям Боспора сохранить свои религиозные общины [2, с. 189–190].

А.И. Айбабин основывается на выводах И.А. Баранова, который, изучив поселение Тау-Кипчак, пришел к выводу, что хазары, расселившись в Восточной Таврике, перешли полукошачьему аильному образу жизни [4, с. 83–84; 5, с. 112–118; 6]. По мнению С.А. Плетневой, подобные сельбища создавались при переходе к оседлому хозяйству [17, с. 37–38]. В таком случае, появляются основания рассуждать о заселении Таврики хазарами и их союзниками. А это, по мнению А.И. Айбабина, свидетельствует об установлении над ней хазарского протектората [2, с. 196, 226].

Ученый считает, что хазары могли она время владеть и Херсоном [1, с. 6]. Он пишет, что: «После инцидента с Юстинианом II Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружеские отношения с Хазарией» [1, с. 6]. Однако, как верно заметил С.Б. Сорочан, древним историкам не были известны случаи захвата хазарами византийских городов (Nikerph. Brev., 35, 31–32). Историк акцентирует внимание на том, что войско кагана, приглашенное жителями Херсона для борьбы с карателями Юстиниана II, дважды подходило к стенам

города и ни разу в него не вошло [19, с. 331]. Действительно, это трудно объяснить, исходя из посылки о существовании хазарского протектората.

Рассматривая историческую ситуацию, С.Б. Сорочан приходит к выводу о возможности возникновения в конце VII–VIII вв. «кондоминиума или совместного владения, установлением которого на территории Крымского полуострова могли завершиться трудности и разногласия между Хазарией и Константинополем» [19, с. 331]. По мнению ученого, этот режим подразумевал совместную защиту региона, цивилизованный раздел между государствами собранных налогов, а также общее использование портов [19, с. 332].

Сразу же заметим, что предположение украинского историка нам видится достаточно логичным. Однако мы не можем не учесть следующие обстоятельства. Дело в том, что, судя по «Бревиарию» (Nikerph. Brev. 42) и «Хронографии» (Theoph., А.М. 6196), какой-либо согласованности действий византийской и хазарской администраций в Таврике не наблюдалось. В качестве примера разберем выделенные их авторами события из биографии Юстиниана II. Он, опасаясь херсонитов, решивших выдать его константинопольским властям за мятежные речи, бежал к хазарам, которые его с радостью приняли. Очевидно, что тут и речи нет о проявлении дружбы между государствами. Но куда интереснее ситуация с Валгицей и Папацем. Удивительно, но их убийство не было своевременно обнаружено и не отомщено. Дело в том, что если Папац управлял Фанагорией – городом, в котором жил Юстиниан II, то Валгице нужно было еще добраться из Боспора [19, с. 339]. Примечательно и то, что их убийца не опасался за свою участь только на территории хазарской Тамани. Однако он не рискнул пристать к берегам Таврики.

Попытаемся истолковать эти события. Судя по отсутствию единой первоначальной реакции по вопросу о мятежном поведении Юстиниана II в Херсоне, хазары и византийцы не были союзниками. Сам же факт двойного безнаказанного убийства не позволяет нам считать Валгицу и Папаца важными чиновниками. Похоже, что ими пожертвовали в политических интересах. Мы имеем все основания видеть в них рядовых исполнителей воли кагана, а не его полномочных представителей. Очень важно и то, что убийца на территории хазарской Тамани не опасался мести. Однако, проплывая мимо берегов Таврики, Юстиниан II вел себя по-иному. Единственным объяснением этому может быть только то, что византийская зона влияния в ней сохранилась.

Но самый интересный, с нашей точки зрения, момент истории правления Юстиниана II – само восстание в Херсоне. Дело в том, что арест анонимного тудуна – представителя кагана, очевидно, меньшее преступление, чем ранее совершенное двойное убийство. Однако хазары жестоко за него отомстили. Может даже сложиться впечатление, что у них кардинально изменились приоритеты. Но это не так. Во-первых, само положение империи в конце правления Юстиниана II оставляло желать лучшего. И в Херсоне вполне мог появиться «тудун – архонт Херсона», исполнявший функции представителя кагана. Во-вторых, хазары в тот момент не ждали удара. В результате тудун остался в городе. Очевидно, что его присутствие, по их мнению, не могло быть поводом для столкновения. Похоже, что хазары изначально считали себя нейтральными. Так что Юстиниан II не стремился отвоевать у них Херсон. Он, действительно, собирался отомстить его жителям.

Немаловажно и то, что при Исаврах вернулись к практике ссылок в Херсон политических врагов правящих императоров [8, с. 84–85; 12, с. 288–294; 20, с. 143]. А этот факт убеждает нас в сохранении status quo, т.е. порядка вещей, сложившегося до второго правления Юстиниана II [3, с. 201]. Полагаем, что хазары были заинтересованы во взаимовыгодных торговых связях с византийской Таврикой и довольно долго не стремились завладеть ее территорией. Учтем и то, что у нас нет эпиграфических свидетельств их проникновения в Южную и Юго-Западную Таврику.

Правда, нам могут возразить, напомнив, что А.Ю. Виноградовым и А.В. Комаром по негативу из ИИМК, некогда хранившемся в Бахчисарайском музее, была издана закладная плита неизвестных. Ученые предположили, что этот артефакт был найден в Юго-Западном Крыму и принадлежал хазарам [9, с. 129–132, рис. 2; 10, с. 41–46, рис. 1]. Мы же, в свою очередь, заметим, что надпись не обязательно происходила из горной части полуострова. Дело в том, что первый директор Бахчисарайского музея У. Боданинский организовывал экспедиции не только по горному району. Он изучал древние памятники и в восточной части Крыма [15, с. 142], а, как помним, он был заселен хазарами. К слову, его негативы и дневник [7] и сейчас хранятся в фондах Бахчисарайского музея.

Тоже самое можно сказать и о надписи Илиха и Гапра, которую А.Ю. Виноградов и А.В. Комар также атрибутируют как хазарскую [9, с. 128–129, рис. 1; 10, с. 52–53, рис. 2]. Дело в том, что, по

словам самих ее издателей, она «носит явные черты упадка эпитафического искусства» [10, с. 53]. Так что есть все основания отнести ее к более позднему периоду. Мы основываемся на выводах А.Ю. Виноградова, сделанных им по поводу другой грекоязычной надписи, в которой также упомянуто лицо с тюркским именем. Речь идет о плите Ла.ули-бея, датированной им XIV–XV вв. [11, с. 431–432, № 1; 18, с. 126–128]. Полагаем, что подобные памятники были оставлены крымскими тюркоговорящими христианами – урумами. Так что нахождение подобных текстов на Южном берегу более чем вероятно.

Считаем нужным заметить, наши выводы основываются не только на разборе свидетельств средневековых хроник и эпитафических памятников. Мы учитываем современные трактовки археологических находок, выполненной Ю.М. Могаричевым и А.В. Сазановым [13, с. 104–174; 14, с. 39–166]. Эти ученые также склонились к мысли, что влияние хазар на жизнь приморских городов византийской Таврики было минимальным.

Ситуация изменилась только в 780-х гг. Судя по Житию св. Иоанна Готского, хазары захватили Дорос, что вызвало в 784 (785 или в 786) гг. восстание местных жителей [14, с. 12, 202].

Последнее обстоятельство позволяет сделать исторические выводы. Судя по материалам этого Жития, местные жители самостоятельно обороняли византийские владения в Таврике. В таком случае, необходимость сохранения их лояльности побуждала василевсов не спрашивать с них слишком строго даже за значительные отклонения от предписанных Центром религиозных правил. А жители византийской Таврики, в свою очередь, оставались верноподданными иконопочитателями (Theod. Stud. Ep., № . 48, 151), ни разу за весь период иконоборчества не выступив против Константинополя [14, с. 11–65].

Литература

1. Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Международная конференция: Тез. докл. – Симферополь, 1997. – С. 5–9.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 1999. – 352 с.
3. Артамонов М.И. История хазар – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
4. Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII–первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. – Велико Търново, 2000. – Т. 7. – С. 83–84.
5. Баранов И.А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // АДСВ. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1979. – Вып. 16: Социальное развитие Византии. – С. 112–118.
6. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья: салтово-маяцкая культура. – Киев: Наукова думка, 1990. – 165 с.
7. БГИКЗ. КП 9569. – Д. 386.
8. Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК / Ред. А.И. Маркевич. – Симферополь, 1912. – № 46. – 376 с.
9. Виноградов А.Ю., Комар А.В. Две «хазарские» надписи из Юго-Западного Крыма // РА. – 2005. – № 3. – С. 128–132.
10. Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпитафики // ССб. / Отв. ред. Н.М. Куковальская. – Киев; Судак. 2005. – Вып. II. – С. 38–56.
11. Виноградов А.Ю. «Разряд» и «часть». Как нам обустроить Феодоро? // ССб. / Отв. ред. Н.М. Куковальская. – Киев; Судак. – Вып. 2. – С. 431–437.
12. Могаричев Ю.М. К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа // Ροιζιός: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. – Харьков, 2013. – Т. 2. – С. 288–294.
13. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. – Симферополь: Антиква, 2009. – 334 с.
14. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.В. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь: Антиква, 2007. – 348 с.
15. Непомнящий А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стило, 2012. – 464 с.
16. Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. – 2002. – Т. 1. – С. 110–124.
17. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. – М.: Наука, 1982. – 190 с.
18. Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи / Мат. подг. А.Ю. Виноградовым // Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С. 123–130.
19. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2005. – Ч. 1. – 677 с.
20. Успенский Ф.И. История Византийской империи. – Л.: Аврора, 1927. – Т. II. Первая половина. – 358 с.
21. Dargouzés J.A. A. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. – Paris: Institut français d'études byzantines, 1981. – 538 p.

Список сокращений

АДСВ	Античная Древность и Средние века
БГИКЗ	Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
РА	Российская археология
ССб.	Сугдейский сборник

УДК 22.013

Т.Г. Чугунова

г. Нижний Новгород, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

БИБЛИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ТВОРЧЕСТВЕ АНГЛИЙСКОГО РЕФОРМАТОРА XVI в. У. ТИНДЕЛА

В наше время Библия является одной из самых издаваемых в мире книг, ежедневный тираж которой составляет 32876 экземпляров [2]. Трудно представить, что до Реформации Библия существовала в небольшом количестве экземпляров и была представлена на языках, доступных только для образованных людей (древнееврейском, древнегреческом, латинском). В Новой Британской энциклопедии Библия называется «сборником книг, оказавшим самое большое влияние на историю человечества» [5, р. 194]. Тем не менее, надо признать, что ни одна другая книга в истории человечества не являлась объектом столь жестокого преследования и ненависти, как Библия. Священное Писание сжигалось на кострах, за его чтение и распространение людей сажали в тюрьмы, пытали и казнили.

Несмотря на жестокие преследования, люди продолжали изучать Слово Бога. Примером такой преданности является жизнь и творчество английского реформатора XVI века Уильяма Тиндела (1494–1536). Желая сделать Библию доступной для своих соотечественников, Тиндел решил перевести ее на английский язык, но не с Вульгаты, как сделал его предшественник Джон Виклиф, а с оригиналов – древнееврейского и древнегреческого текстов. Согласно постановлению Оксфордского синода 1408 года, известным под названием «Оксфордские конституции» Эрунда, переводить Библию на родной язык и читать на нем без разрешения епископа запрещалось [3, vol. III, р. 242–248]. Тиндел надеялся получить подобное разрешение у лондонского епископа Кутберта Тунсталя, однако последний отказал молодому ученому. Вынужденный работать на чужбине (Германии, Нидерландах) и вести трудную жизнь беженца, Тиндел тем не менее смог создать перевод, на который как на камертон настраивались все последующие английские переводы Библии. В 1526 г. в Вормсе вышло полное издание его перевода Нового Завета. В 1530 г. в Марбурге был издан перевод Пятикнижия Моисея. В 1534 г., находясь в Антверпене, Тиндел переиздал перевод Нового Завета, внося в него существенные коррективы. В 1536 г. английский реформатор, так и не успев закончить перевод Ветхого Завета, был арестован нидерландскими властями, обвинен в ереси и казнен.

Тиндел не только перевел Библию, он считал ее одним из самых достоверных исторических источников, заслуживающих гораздо большего доверия, чем многие светские исторические труды. Священное Писание для Тиндела имело статус единственного источника и критерия правильности суждения обо всех происходящих событиях древней и современной ему истории. Не имея никакого намерения проверить историческую точность Библии путем сравнения ее с другими древними трудами, Тиндел попытался выстроить параллели и аналогии библейской и современной ему истории. Так, например, реформатор часто сравнивает библейских книжников и фарисеев с современными ему властью имущими: «Наши книжники и фарисеи притворяются в старейшин народа, лордов, аристократов и светских служителей и во всех, кто любит сей свет, как они...» [11, р. 340]. Современные прелаты, по его мнению, ведут себя точно так же, как ветхо-и-новозаветное духовенство, имея лишь новые титулы и предметы одежды [11, р. 340].

Сравнение – один из излюбленных методов описания исторических событий английским реформатором. Изображая противоположных персонажей Ветхого Завета: Каина и Авеля, Измаила и Исаака, Тиндел намекает на противостояние между папистами и реформаторами: «Будет в церкви плотское семя Авраамово и духовное, Каин и Авель, Измаил и Исаак, Исав и Иаков, работник и верующий, великое множество званых и малое стадо избранных. И плотское воспреследует ду-

ховное, как Каин Авеля, Измаил Исаака и так далее, и великое множество будет преследовать малое стадо, а Антихрист будет лучшим христианином» [6, р. 291]. Таким образом, ссылаясь на истории Ветхого Завета, изображающие преследование сыновей Божиих, он приравнивает к ним преследуемых властями и католической церковью протестантских реформаторов, имея в виду и себя в этом числе. «Христос обетовал нам преследования за веру. Истории Ветхого Завета суть тому примеры», – пишет Тиндел [6, р. 289]. Несмотря на все опасности, реформатор убеждает своих сторонников не оставлять Слова Божия, руководствуясь советом Христа апостолам в Евангелии от Матфея, 10:19: «Когда будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать, потому что в тот же час дано будет вам, что сказать» [9, р. 141]

Опираясь на библейские сюжеты, Тиндел дает самую низкую оценку деятельности современных ему служителей церкви и светских властей: «Лжецы и лицемеры воцарились над нами за наши грехи, они, словно книжники и фарисеи, Пилат, Ирод, Кайафа и Анна, сплотились против Господа нашего Иисуса Христа, а оружие их – воровство, ложь и обман» [6, р. 249]. Реформатор утверждает, что ни Моисей в Ветхом Завете, ни ученики Христа в Новом Завете не служили ради награды в отличие от современного ему духовенства [9, р. 139]. Богослов считает, что как в древние времена израильтяне испрашивали своих духовных лиц, опираются ли те на закон Божий, так и современный христианин должен соотносить практику и доктрину католической церкви с библейскими канонами [9, р. 177]. На основании Второго послания Петра (гл. 2), где говорится о лжеучителях, которые введут пагубные ереси, отвернувшись от искупившего их Христа, Тиндел утверждает, что «в папскую ересь вкралась тьма сект пестрой совести и в пестрых плащах, нахваливающая тысячу путей спасения, что есть продажничество Христа» [6, р. 289].

Чтобы доказать свою правоту в избличении самого главного представителя духовенства, римского понтифика, Тиндел вновь прибегает к библейским сюжетам, неоднократно проводя различия между папой и Христом. Так, например, реформатор пишет: «Христос не судья и не разделитель этого мира (Лк. 12), а вот папа судит, делит весь мир, берет империи и все королевства и дает их кому хочет. Христос сказал, что блаженны нищие Духом (Мф. 5), так что первый шаг к царствию Христа – смириться и унизиться, чтобы смочь в сердце творить служение всем людям и пострадать от того, что все люди потопчут тебя. Папа же сказал, что блаженны гордые и высокомерные, что могут заявить претензию и подчинить всех себе и исполнить волю свою и не страдать ни от кого. Христос сказал, что блаженны кроткие и нежные, как голуби. Папа же благославляет тех, кто может собрать вокруг себя весь мир хлопотами в боях и доблестно отстаивать его дело, чтобы ему самому оставаться чистым от кровопролития, приходя на епископство» [11, р. 353]. Тиндел рекомендует своим читателям ничего не делать без Священного Писания, ибо «что сделано без Слова Бога, то идолопоклонство» [10, р. 86]. Д. Миллюс называет Тиндела современным апостолом Павлом [4, р. 151]. Такое же сравнение мы встречаем у английского протестантского историка XVI века Дж. Фокса [3, vol. V, р. 114].

Используя библейские примеры, Тиндел пытается дать анализ современному и предыдущему курсу английской внутренней и внешней политики, а также объяснить многие события европейской средневековой истории. По мнению реформатора, как израильтяне испытали бедствия (изложенные во Второзаконии), нарушив Завет с Богом, так же и англичане перенесли гражданскую войну ради утверждения их законного короля Ричарда II [7, р. 53]. Реформатор надеялся, что его обращение к примерам из библейской истории позволит правильно решить вопрос о разводе короля Генриха VIII, вызвавшем огромный резонанс в английском обществе. Все университеты Европы включились в обсуждение бракоразводного процесса английской королевской четы. Тиндел считал, что тоже имеет право изложить свое мнение по столь щекотливому делу. Реформатор долго размышлял над этим вопросом, изучал Священное Писание, консультировался с учеными людьми, но не мог найти оправдание разводу короля. По мнению Тиндела, брак Генриха VIII являлся законным и не мог быть расторгнут [12, р. 328-329]. В своем известном трактате «Практика прелатов» богослов предупреждает короля не игнорировать «открытой правды истории», совершая тем самым непростительный грех против Святого Духа.

Примечательно, что у этого трактата есть еще подзаголовок: «Может ли его королевское величество развестись с королевой по причине того, что она была женой его брата». Правильный ответ на этот вопрос лежит, по мнению Тиндела, в текстах Священного Писания [12, р. 237]. Реформатор пытается убедить Генриха VIII, что было бы богохульством неправильно читать историю и Слово Бога [12, р. 237]. Обращаясь к Второзаконию 25:5, он указывает на то, что если один брат

умрет, не имея сына, то другой брат должен взять его жену к себе в жены [12, р. 323]. На этом основании прежний брак Генриха VIII, взявшего в жены Екатерину Арагонскую после смерти его брата Артура, Тиндел не считал незаконным. Однако, реформатор не анализирует и не цитирует стих 21 главы 20 книги Левит, где говорится: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они» [1, Лев. 20:21]. В любом случае, никакие доводы Тиндела и других известных людей, включившихся в обсуждение данной проблемы, не смогли повлиять на мнение короля, решившего почти через двадцать лет супружеской жизни и, имея дочь в этом браке, разорвать брачные узы. В «Практике прелатов» реформатор настаивает на изучении Священного Писания как исторического источника [12, р. 243]. Настоящее и прошлое, современная и библейская история объединяются в его представлении в единое целое, и в своем апокалиптическом заключении он предостерегает: «И не говорите о том, что я вас не предупреждал» [11, р. 344].

Отдавая предпочтение библейским текстам, Тиндел выражает недоверие историческим хроникам. «Верьте Священному Писанию, – рекомендует он своим читателям, – но не рассказам о Робин Гуде, «Деяниям римлян» или хроникам» [9, р. 176]. Реформатор утверждает, что духовенство извратило или уничтожило часть хроник для сокрытия своих злых дел [9, р. 181]. Многие хроники, по его мнению, изначально были написаны необъективно, из них были вычеркнуты нелестные отзывы летописца о духовенстве [9, р. 181]. Несмотря на все ухищрения клириков, Тиндел все же находит в хрониках немало примеров, иллюстрирующих их «делишки» и дает читателю полный отчет об их махинациях.

Тиндел, как и многие протестантские реформаторы, критиковал традиционный схоластический метод четырехсмысленного толкования каждого слова Писания. «Паписты говорят, что Писание можно понимать в четырех смыслах: буквальном, тропологическом, аллегорическом и анагогическом. Буквальный смысл папистами игнорируется. Папа присвоил его себе, замкнув ключами глупых и никому ненужных церемоний, или отвратил людей от него силою меча. Паписты говорят, что тропологического (морального – *Т.Ч.*) смысла вполне достаточно, чтобы уяснить, что и как нужно делать. Аллегория якобы хороша для укрепления веры, а анагога – для надежды на лучшее будущее. Термины «тропология» и «анагога» суть папистские выдумки и не имеют исторического значения... Для нас Писание имеет лишь один буквальный смысл. Именно буквального смысла многих не совсем ясных или фигурально выраженных библейских мест должен доискиваться настоящий верующий», – пишет Тиндел [9, р. 166]. Однако Тиндел все же делает реверанс в сторону аллегорического толкования и добавляет: «Библия часто пользуется сравнениями, аллегориями и прочими образными оборотами речи... Мы имеем право заимствовать фигуральные выражения и использовать их в повседневной речи и в проповеди... Сравнение или пример запечатлевает нечто в человеческом сердце более, чем простая речь... Аллегория все равно, что фундамент под домом и надо использовать ее лишь там, где библейский текст дает к тому повод» [9, р. 166]. На самом деле Тиндел искал способ, позволяющий буквальному смыслу превалировать над аллегорическим. Он хотел предложить читателю метод, который позволит ему достигнуть сути Писания без привлечения вспомогательного текста.

Как же изучать Писание? Правильный подход для понимания Священного Писания, по мнению Тиндела, состоит в смирении человека для вхождения в него Святого Духа. В «Притче о нечестивой Маммоне» реформатор пишет: «Правильное толкование Писания возможно лишь посредством вмешательства благодати Божией, причем Бог, давая таковую верующим, стремится к тому, что они в свою очередь будут распространять Слово Божие во славу Иисуса Христа» [10, р. 68]. Тиндел считал, что без веры, Священное Писание является закрытой книгой для христианина, поскольку такой человек будет интерпретировать его со слепотой и фантазиями [10, р. 66]. Служители католической церкви были очень осторожны в предоставлении каждому христианину текста Библии. Протестантские реформаторы, в том числе и Тиндел, напротив, разрешили каждому верующему остаться наедине с текстом Священного Писания, которое, по их мнению, служило единственным источником суждения о Боге. И, тем не менее, Уильям Тиндел предостерегает христиан о том, что каждый человек будет толковать Священное Писание согласно своему собственному воображению, как поступает гончар со своей глиной. Поэтому, предлагая читателям самим изучать и постигать божественные истины, он все же он не отказывается и от услуг духовных лиц, которые должны разъяснять верующим «темные места» Священного Писания. Тиндел более всего

остерегался, что превращение Библии в объект индивидуальных размышлений неграмотных мирян приведет к утрате истинной веры.

Итак, Уильям Тиндел не отвергал историчность библейского повествования, напротив, Священное Писание являлось для него не только Словом Бога, но и некоей исторической хроникой. Английский реформатор не являлся историком в современном смысле этого слова, он, прежде всего, являлся теологом-интерпретатором истории. С помощью Библии Тиндел пытался ответить на многие вопросы современной истории, смысл которой у него сводился к противостоянию веры и неверия, божественного и мирского, святости и греха. «Те, чьи жизни не озарены светом Писания, ищут впотьмах дверь и не находят, и толкутся во мраке, словно в тумане, ведомые болотными огнями, и не могут выбраться на правильную дорогу из леса, даже если эти суеверы наденут свои шапки шиворот-навыворот... Они воспринимают Писание как собрание загадок, которые они решают с той точностью и аккуратностью, с каковой слепой бросает камень в ворону, и объясняют их посредством догадок, ибо все они отошли от истинного знания, – писал реформатор [8, р. 388]. В отличие от многих своих коллег-богословов, использовавших метод библейской критики, У. Тиндел никогда не сомневался в истинности Священного Писания, оно для реформатора было боговдохновенно, подлинно и непротиворечиво.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 2001.
2. Опарин А.А. Судьи, приговорившие себя. Археология Нового Завета. Ч. I. Слушается дело... Библии. URL: <http://nauka.bible.com.ua/sud/sud1-03.htm> (дата обращения: 09.05.2014).
3. Foxe J. Acts and Monuments of Matters Happening in the Church / Ed. By J. Pratt. 8 vols. – L., 1877.
4. Millus D.J. Howe diligently wrote he to them: Tyndale's Own letter «The Exposition of the First Epistle of Saint John» // Moreana. – 1991. – Vol. 28. – № 106–107. – P. 145–153.
5. The New Encyclopaedia Britannica. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Vol. 2. – 1987.
6. Tyndale W. An Answer into Sir Thomas More's Dialogue // The Whole works of W. Tyndall, John Frith and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one tome together, being before scattered now in print here exhibiten to the Church / Ed. by J. Foxe. – London: Printed by J. Daye, 1573 (далее – WW). – P. 247–339.
7. Tyndale W. An Exposition upon the V. VI. VII chapters of Matthew Gospel // Tyndale W. Expositions and Notes on Sundry Portions of the Holy Scriptures together with the Practice of Prelates / Ed. by Henry Walter. Parker Society. Vol. 43. – Cambridge: The University Press, 1849. – P. 1–132.
8. Tyndale W. The Exposition of the first Epistle of S. John // WW. – P. 387–429.
9. Tyndale W. The Obedience of a Christian man and how Christian rulers ought to governe // WW. – P. 97–183.
10. Tyndale W. The Parable of the Wicked Mammon // WW. – P. 59–96.
11. Tyndale W. Practice of papistical Prelates // WW. – P. 340–377.
12. Tyndale W. Practice of Prelates. Whether the kinges grace maye be separated from his queen because she was his brothers' wife // Tyndale W. Expositions and Notes on Sundry Portions of the Holy Scriptures together with the Practice of Prelates / Ed. by Henry Walter. Parker Society. Vol. 43. – Cambridge: The University Press, 1849. – P. 237–344.

УДК 93/94

М.С. Шаповалов

г. Омск, Омский институт водного транспорта

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ИЗРАИЛЕ НА МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ 1990-х гг.

К началу 1990-х гг. арабо-израильский конфликт постепенно перешел в стадию урегулирования. Американский политолог Д. Ньюс писал: «политическая ситуация на Ближнем Востоке – это мозаика внутренне тесно связанных между собой проблем. Попытки изолировать части мозаики могут дать эффект на короткий промежуток времени, но в конечном итоге те, кто хотел бы привести стабильность в регион должны рассматривать все ближневосточные проблемы в их взаимосвязи» [1, с. 15]. В данной статье, вопреки наставлениям Ньюса, мы остановимся лишь на одной составляющей мозаики конфликта – внутривнутриполитическом факторе в Израиле.

Как справедливо отмечал З. Гейзель, «политические партии в Израиле являются основным инструментом политической борьбы» [3, с. 77]. Из несколько десятков различных партий в Израиле 1990-х гг. можно было выделить две лидирующие с устоявшимся традиционным электоратом: Авода (Партия Труда) и «национально-либеральное движение» Ликуд. Одним из центральных вопросов внутривнутриполитической борьбы израильских партий было урегулирование арабо-израильско-

го конфликта. Руководство Аводы была готово к подписанию с арабскими соседями мирных договоров, включающих возврат территорий – «за исключением жизненно важных дел Израиля» [2, с. 121]. Руководство Ликуда напротив, видело в таких уступках прямую угрозу безопасности Израиля. Первый российский посол в Израиле А. Бовин писал о позиции одного из лидера правых Б. Нетаньяху: «вопрос не в том, нужен ли мир Израилю. Конечно нужен. Вопрос в том, какой именно мир нужен Израилю. Арабы не хотят реального мира. Они вынуждены сесть за стол переговоров из-за давления внутренних и внешних обстоятельств. В этом принципиальная слабость мирного процесса и того мира, который он может породить» [2, с. 124].

Это различие во взглядах на мирный процесс в 1990-х гг. определяла темпы объективного хода мирного процесса. В марте 1990 г. был сформирован очередной правый кабинет Шамира. Перед ним стояла задача – остановить начавшуюся в 1987 г. интифаду, сначала Шамир сделал ставку на традиционные силовые методы решения конфликта, но это лишь обострило противостояние. Под давлением США и СССР, Шамир вынужденно пошел на проведение осенью 1991 г. Мадридской мирной конференции по Ближнему Востоку. В итоге ее работы участники: Сирия, Ливан, Иордания, Израиль, а также представители палестинцев (не являвшиеся членами ООП) обсуждали вопросы использования пресной воды, экологии, экономической кооперации, но по главному вопросу мира на Ближнем Востоке участники сошлись лишь в одном, что переговоры будут в дальнейшем продолжены. Встречи в декабре 1991 г. в Вашингтоне также ничего не дали. Осязательных сдвигов в процессе урегулирования не было, камнем преткновения стало несогласие правительства Шамира вести переговоры с ООП, которая, по их мнению, была террористической организацией, что делало переговоры по сути бессмысленными, т.к. в них не участвовала ключевая сторона. Шамир не смог остановить интифаду и, не дожидаясь вотума не доверия, распустил правительство, назначив новые выборы на июнь 1992 г.

В предвыборной агитации лидер партии Авода И. Рабин, заявил, что если партия Труда придет к власти, то переговоры будут не только продолжены в рамках мадридской формулы, но и ускорены. Это заявление возможно стало решающим, и на выборах 1992 г. из 120 мест в Кнессете 44 получила партия Авода, Ликуд набрал голосов на 32 места. Главой правительства был выбран Рабин. Новый премьер, выступая в Кнессете, заявил: «Мир изменился, пали идеологии, и мы должны проститься со своим статусом изолированного народа. Мы должны подключиться к переговорам о мире и международном сотрудничестве. Это будет главной целью нашего правительства» [2, с. 537]. Рабин пошел на переговоры с ООП, как с единственным представителем палестинского народа, тем самым отрыв дорогу мирному процессу.

За 4 года кабинет Рабина сделал исторические шаги на пути к миру. В конце 1992 г. в Осло начались прямые закрытые контакты Израиля с ООП. 9 сентября 1993 г. лидер ООП Ясир Арафат признал право государства Израиль на существование, 13 сентября был подписан набор положений по созданию временного органа палестинского самоуправления (Совета) на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа на переходной период, не превышающий 5 лет, 4 мая 1994 г. подписано соглашение по введению режима автономии в Секторе Газа и Иерихоне. 17–18 мая 1994 г. Сектор Газа и Иерихон перешли под контроль палестинцев, в июле в Газу из Туниса переехал Арафат. 26 октября 1994 г. было заключено иордано-израильское полномасштабное мирное соглашение. Шли переговоры по выводу израильских войск из Сирии. Наконец. Переговоры об окончательном урегулировании должны были начаться не позднее 4 мая 1996 г. и закончиться до 4 мая 1999 г. Это были крупные дипломатические победы Аводы, которые очерчивали уже конкретные даты окончательного мира. Процесс палестинского урегулирования шел настолько хорошо, что один из руководителей итальянской коммунистической партии А. Рубби резюмировал: «с этого момента началось строительство нового государства и новой системы отношений, основанных на сосуществовании и сотрудничестве с другими государствами и другими народами региона. Началась иная борьба и иная история» [6, с. 349]. Заметим, что очередные выборы главы правительства также должны были начаться в мае 1996 г., поэтому Рабин стремился заключить соглашение о мире, до выборов.

Президент США Б. Клинтон вспоминал позднее: «Как пояснил мне Рабин после подписания палестинско-израильского соглашения 13 сентября 1993 г. он стал понимать, что территория которую Израиль оккупировал в 1967 г. больше не нужна для обеспечения безопасности страны и по существу стала источником нестабильности» [4, с. 609]. Однако, на протяжении всего мирного процесса в израильских городах совершались террористические акты – радикальными палестинскими

организациями, не признававшими саму возможность вести переговоры с Израилем, тем не менее, переговоры не останавливались. Рабин говорил: «Мы ведем диалог с палестинцами, как будто нет терроризма, и мы боремся с терроризмом, как будто не существует мирного диалога» [2, с. 537].

Террористическими актами воспользовались противники переговоров из блока Ликуд. Б. Нетаньяху, занявший место лидера Ликуд после ухода Шамира, позднее писал: «в июне 1992 г. правительство, сформированное Партией труда...наивно сбросив со счетов провозглашенную ООП конечную цель (уничтожение Израиля)... впервые попыталось удовлетворить ряд требований ООП в надежде достичь с ней договоренностей... Не прошло и полутора лет после заключения договоренностей в Осло (которые правительство Партии труда провозгласило «кладущими конец террору»), как террористические акты против Израиля достигли небывалых размеров» [5, с. 143]. Одним из важнейших стимулов, появившихся у исламских террористов после создания в Иране исламской республики, было создание анклава ООП в Газе в результате соглашения, заключенного между Израилем и ООП в 1993 г. в Осло [5, с. 142].

В своих выступлениях некоторые лидеры Ликуда подчеркивали, что Осло – это предательство израильского народа, обвиняли Рабина в связи с палестинцами. В Иерусалиме проходили многочисленные массовые митинги правых. Израильцы были психологически не готовы к таким быстрым и кардинальным изменениям, арабы, которые позиционировались последние 40 лет больше врагами, чем соседями, неожиданно стали если не друзьями, то партнерами. Из этого массового сознания и говорили лидеры Ликуда. В итоге на одном из таких митингов 4 ноября 1995 г. Рабин был убит ортодоксальным студентом. За этим событием последовала серия терактов со стороны палестинцев, что еще больше усугубило политический кризис в Израиле.

На первый взгляд убийство Рабина было выгодно именно правым, казалось, у них появилась возможность вернуть власть в Кнессете, на практике общественное мнение считало именно правых виновными в убийстве премьера. Министр иностранных дел и приемник Рабина Шимон Перес сознательно не стал проводить досрочные выборы. В ситуации безвластия, Перес занял место премьера до истечения срока полномочий кабинета.

Кабинет должен был дать ответ терактам, мирные переговоры, хотя и продолжались по инерции, но не приносили ощутимых результатов. В этой ситуации Перес отдал приказ о начале операции «Гроздь гнева», в течение двух недель израильские войска обстреливали позиции ливанских фундаменталистов, пока одна из ракет не попала в убежище мирных жителей. Правые умело воспользовались ситуацией и обрушились с критикой на Переса. Этот необдуманный шаг премьера привел в 1996 г. к власти хоть и с минимальным перевесом 0,9% голосов Нетаньяху кандидата от блока «Ликуд»-«Цомет»-«Гешер», который в предвыборной компании делал ставку на изменение курса мирного урегулирования. Он прямо заявлял, что вести переговоры с Арафатом не будет. В Кнессете ситуация также изменилась теперь Авода набирала 34 места, а Ликуд 32 [2, с. 538].

В годы премьерства Нетаньяху изменил сам подход к мирным переговорам. Очень хорошо эту ситуацию показал кризис вокруг Храмовой горы. Проблема, связанная с этим святым местом для евреев и мусульман, заключалась в том, что находится Храмовая гора на территории восточного арабского Иерусалима, и посещение ее евреями становилось большой трудностью, Перес вел переговоры с мусульманскими лидерами, по вопросу изменения статуса Храмовой горы для мусульман и открытию древнего тоннеля соединяющего еврейские поселения с горой. Но переговоры были прерваны выборами. Новый же премьер Нетаньяху не стал вести переговоры, а просто открыл тоннель, который проходил около фундамента мечети аль-Акса, арабы считали, что евреи используют тоннель для разрушения их мечети, начались протесты. Ситуация обострилась еще больше, когда весной 1997 г. Израиль огласил план строительства еврейского квартала в Восточном Иерусалиме. Плюс к этому, Нетаньяху пересмотрел карты по договоренностям в Осло и добавил на них израильский коридор к Самарии. Успел испортить отношения Нетаньяху и с соседями, когда послал группу убить лидера Хамас в Амман, тем самым, нарушив суверенитет Иордании.

Неудивительно, что именно в период кабинета Нетаньяху достигает пика внутривнутриполитическая борьба в Израиле. В 1997 г. в День памяти, погибших за дело еврейской государственности, группа евреев молившаяся у Стены плача подверглась нападению ультраортодоксов евреев, спустя неделю они же разгромили еврейскую пивную в Иерусалиме. Летом 1997 г. левые провели митинги по поводу попыток Ликуда ограничить палестинское население Иерусалима.

Под давлением левых и несостоятельности силовых методов, Нетаньяху пришлось пойти на переговоры. В октябре 1998 г. было достигнуто соглашение, предусматривающее передачу Израи-

лем 13,1% оккупированной территории палестинцам, в ответ Палестинский совет аннулировал те положения Хартии, которые призывали к уничтожению государства Израиль.

Но ни миротворческая, ни силовая политика правых не приносила мира, результате на выборах 1999 г. к власти пришел Эхуд Барак и партия Авода. Фактически нужно согласиться с З. Гейзелем, что «выборы 1999 г. закончились для Ликуда полным провалом, партия получила только 19 мандатов» [3, с. 507]. Барак незамедлительно разморозил мирный процесс. 4 сентября 1999 г. был подписан меморандум, устанавливающий новый срок для окончательного урегулирования 13 сентября 1999 г., при условии, что переговоры должны были проходить не более года. В это же время были выведены израильские войска из Южного Ливана, а в июле 2000 г. впервые затронут вопрос о переходе Восточного Иерусалима к палестинцам.

Правые силы в Израиле, после ухода Нетаньяху, возглавил А. Шарон. 28 сентября Шарон в сопровождении израильской охраны отправился на территорию комплекса мечети аль-Акса в Восточном Иерусалиме, чем спровоцировал начало второй более кровавой Интифады. Последние исследования доказывают, что Барак был уведомлен о поездке Шарона и возможно даже был ее инициатором. Так или иначе, затяжной конфликт с палестинцами спровоцировал очередной внутривнутриполитический кризис, потребовавший досрочных выборов. Последняя попытка выйти на соглашение еще до выборов в Израиле была сделана в ходе интенсивных переговоров во второй половине января в египетском городе Таба. Итог их, было краткое совместное заявление от 28 января, признающее, что под давлением обстоятельств и нехватки времени оказалось невозможным достичь взаимопонимания по всем вопросам. Этим заявлением стороны хотели подтолкнуть израильский электорат к выбору в пользу Барака. Но на выборах победил Шарон, который положил конец переговорам и сделал окончательную ставку на силовое решение проблемы. Мирные переговоры в очередной раз были заморожены.

В заключение следует сделать несколько замечаний. Во-первых, в политической жизни Израиле 1992–2001 гг. сложилась уникальная ситуация, когда по новому избирательному закону глава правительства выбирался прямыми выборами граждан, что еще более усиливало борьбу между партиями, а также придавало остроту личных дуэлей израильских политиков. Сама политическая система способствовала кабинетной чехарде, за 10 лет в Израиле сменилось 5 правительств, что, безусловно, не способствовало мирному процессу.

Во-вторых, попытки лидеров Аводы «быстро» привести к завершению арабо-израильский конфликт, с одной стороны из-за размаха предлагаемых уступок не нашли понимания внутри Израиле, с другой сторон, еще меньше понимания проявили палестинские партнеры.

В-третьих, внутривнутриполитическая борьба 1990-х гг. в Израиле была неразрывно связана с палестинской проблемой, различные политические силы играли на вопросе безопасности граждан в своих интересах, зачастую не задумываясь о последствиях принятых решений. Политические противники всячески стремились обострить конфликт в период кабинета противника, что приводило не только к приостановке мирного урегулирования, но и к человеческим жертвам с обеих сторон.

При этом, на протяжении 1990-х гг. сам мирный процесс был более чем объективен. Два раза Ближний Восток стоял на грани мира, первый раз этому помешало убийство Рабина, второй – поездка Шарона. Ситуацию урегулирования очень хорошо отражают слова Ясира Арафата: «Мы как два канатоходца, которые не могут отступить назад, а продолжение пути становится все труднее и труднее и теперь главное не свалиться с каната».

Литература

1. Американцы о внешней политике США. – М., 1982.
2. Бовин А.Е. Записки ненастоящего посла. – М., 2001.
3. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. – М., 2013.
4. Клинтон Б. Моя жизнь. – М., 2005.
5. Нетаньяху Б. Война с терроризмом. – М., 2002.
6. Рубби А. Палестинский марафон. – М., 2001.

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ СЛЕВА: Р. БЮРОН И ДВИЖЕНИЕ «OBJECTIF 1972»

Р. Бюрон был известным и авторитетным политиком послевоенной французской христианской демократии. До войны активный участник католических организаций и профсоюзного движения, участник Сопротивления, пропагандировавший идеи «лейборизма по-французски», летом 1944 г. он стал одним из основателей новой партии христианско-демократического толка – Народно-республиканского движения (МРП) и лидером ее левого фланга. Неоднократно выступал на съездах партии и на заседаниях ее руководящих органов по социально-экономическим и европейским проблемам. На рубеже 40–50-х гг. Р. Бюрон стал активным деятелем различных проевропейских организаций левого толка (например, «Движения за Соединенные Штаты Европы»). Он выступал против войны в Индокитае. В июне 1954 г. вследствие своей поддержки П. Мендес-Франса, левого кандидата на пост премьер-министра, Р. Бюрон был на время исключен из состава парламентской фракции партии МРП. В 1958 г. он поддержал возвращение к власти генерала Ш. де Голля и эволюцию алжирской политики Франции, участвуя в подписании Эвианских соглашений 1962 г. В начале 60-х гг. Р. Бюрон дистанцируется от правого курса руководства партии МРП во главе с Ж. Леканюэ. В 1963 г. он впервые не был избран в состав руководящих органов партии. Тем не менее, он поддерживает переговоры христианских демократов с Г. Деффером по созданию Федерации демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС). После провала переговоров и создания «Демократического центра» вместо МРП Р. Бюрон окончательно покидает партию. На президентских выборах 1965 г. он призывает в первом туре голосовать за Ж. Леканюэ, но во втором туре поддерживает социалиста Ф. Миттерана.

Между тем, контакты между левыми христианскими активистами и сторонниками Г. Деффера продолжились в течение зимы 1965–1966 г. как в рамках общих с социалистами собраний, так и в рамках движений «европейской левой». Один из участников этих собраний Ф. Лакамбр отмечал: «Надо было снабдить некоторых левых активистов, ранее перехваченных МРП и дезориентированных ее крушением, возможностью участвовать в строительстве социализма. Надо было обрушить некоторые преграды между различными левыми группами, замкнувшимися в своем шовинизме и идеологических школах... Надо было создать крупную социалистическую партию, способную найти соответствующее соотношение сил с ФКП, единственное средство сделать левую кредитоспособной в глазах общественного мнения». Эти активисты, по словам Р. Бюрона, были разочарованы эволюцией программы «Демократического центра», которая воспроизводила, по их мнению, «классические темы старой правой, либеральной на экономическом уровне, атлантической в политическом плане, даже немного окрашенной расизмом в отношении стран третьего мира» [4, р. 76–78].

В декабре 1966 г. по инициативе Р. Бюрона были созданы «группы исследований и политического действия», которые позже получили название «Objectif 1972». Имелась в виду дата очередных президентских выборов (Ш. де Голль был повторно избран президентом в декабре 1965 г. на семь лет). В их перспективе предусматривалось объединение социалистических течений и групп как во Франции, так и в Европе, выработка новой программы. Активисты движения высказывались за «социалистическое общество» и не гнушались лозунгов классовой борьбы. Сам Р. Бюрон говорил о социалистическом и федералистском выборе своего движения, считая неизбежным сотрудничество с коммунистами [3; 1, р. 213–215; 5, № 1, mai 1967].

В декабре 1967 г. состоялся первый национальный конвент «Objectif 1972». Главными вопросами, которые обсуждались, стали единство и модернизация левых, биполяризация, отказ от «центристского выбора» (в том числе из-за антикоммунизма центристов), отказ от вступления в ФДСЛС, проблемы научно-технической революции. Была представлена первая команда движения: Р. Бюрон (председатель), Ж. Мاستиас (генеральный секретарь), Ж. Робен, Ж. Шарль, Ф. Лакамбр, Ж. Розенталь, Ж.-П. Прево, Р. Тромелен, Ж. Сави, Б. Сеньёр, Ж. Офредо, Ж.-Л. Бресон [5, № 7, janvier 1968].

В сентябре 1969 г. Р. Бюрону были представлены разработанные доктринальные предложения. Затем они обсуждались на региональных конвентах движения. 28 февраля 1970 г. секретарь дви-

жения Ж. Офредо представил итоговый доклад на III национальном конвенте, который затем лег в основу коллективной книги под руководством Р. Бюрона «Политика для завтрашнего дня. Размышления о другом обществе» [1].

Основные идеи, представленные движением, вращались вокруг следующих проблем.

Во-первых, это концепция человека, который предстает как «социальное существо», опирающееся на «естественные группы» (например, семью). Отсюда старая христианско-демократическая идея: необходимо освободить человека от внешних принуждений, чтобы ничто не препятствовало его эволюции и расцвету личности [1, р. 15]. В этом вопросе главное внимание предлагалось уделить «экономическому освобождению» человека. «Завтра, в другом обществе, – отмечалось в книге, – отношения между людьми не будут основываться на эталоне денег, основы любой ценности, то есть на отношениях между торговцами, которые их производят. Придет час, когда будет возможным, наконец, заменить традиционные финансовые счета, еще необходимые сегодня, счетом социальной ценности производства. Решающий шаг будет сделан, чтобы изменить природу экономической системы» [1, р. 28]. Позднее Р. Бюрон также писал: «Я уверен, что самые могущественные в техническом и военном отношении цивилизации будут навязывать свои ценности другим. Я убежден, что мир придет к катастрофе. Но так как я не люблю идею катастрофы, так как я имею вкус к жизни, все то, что блокирует жизнь, является для меня злом и врагом. Я буду бороться настолько смогу против того, что мне кажется неизбежным. Я очень пессимистичен. Я убежден, что западные технократы создадут нечто вроде мирового фашизма, опирающегося, конечно, на западные ценности. Я буду бороться всеми своими силами против этих технократов» [2].

Во-вторых, не менее традиционное для французской христианской демократии отрицание экономического либерализма и капиталистической системы. Не отрицая их роли в создании индустриального общества, авторы книги подчеркивают, что в новых условиях нужен иной тип организации. Четыре базовых принципа лежат в его основе: знание через образование, федералистская организация отношений между людьми, «общество приема» (т.е. уравнивание шансов и стартовых возможностей, помощь нуждающимся и наиболее предприимчивым и т.д.), концепция свободы и ответственности [1, р. 34–35, 79].

В-третьих, политическая стратегия. Р. Бюрон и его единомышленники предлагают две стратегии для французских социалистов: 1) организовать по образцу американской левой, чтобы оспаривать извне «одномерный режим»; 2) завоевание власти через мобилизацию в европейском и мировом масштабе, создание новых структур, имплантацию на местах, политическое воспитание граждан [1, р. 155].

Однако отставка Ш. де Голля в апреле 1969 г. и избрание президентом голлиста Ж. Помпиду заставила «Objectif 1972» скорректировать стратегию. Движение отказывается от участия в политической борьбе и выборах, от автономии по отношению к другим левым партиям, начинает активно сближаться с социалистами [5, № 22, octobre 1969]. Формы активности «Objectif 1972» состояли в демонстрациях против произвола властей, против колониальных войн, протесты против «антисоциальной» политики правительства. Движение группировалось в департаменте Майенн (депутатом от которого был долгое время Р. Бюрон), а также имело поддержку в других 40 департаментах, главным образом в профсоюзных, студенческих и преподавательских кругах.

В феврале 1970 г. «Objectif 1972» и итальянская «Ассоциация культурной политики» организовали серию встреч в Риме о перспективах и стратегии европейских левых. Движение постоянно поддерживало контакты с представителями европейских левых партий и групп.

В феврале-марте 1970 г. состоялся III национальный конвент движения, на котором было решено отказаться от поста председателя и ввести «коллективные секретариат» [5, № 27, mars-avril 1970]. Но Р. Бюрон остался его бесспорным лидером.

Съезд Социалистической партии в Эпине в июне 1971 г. побудил движение в очередной раз приспособить свою стратегию и задачи. 18 марта 1971 г. Р. Бюрон участвует в крупном митинге «Союза левых сил», состоявшемся в Париже, наряду с руководителями Коммунистической и Социалистической партий, призывая христиан примкнуть к левой. Он живо реагировало на события съезда в Эпине, приняв в нем участие. В ноябре 1971 г. «Objectif 1972» после жарких дискуссий меняет название и реформирует структуры (появляются федеральный комитет с представительством от 10 регионов и руководящий комитет, фиксируется статус региональных ячеек), став «Objectif socialiste» [5, № 38, septembre 1971, № 39, octobre 1971; 6, № 1, décembre 1971]. Взяв курс на поддержку стратегии «Союза левых сил» на парламентских выборах 1973 г., движение все тес-

нее идеологически сближалось с социалистами. Об этом, свидетельствует, например, совместное заявление Центра коммунистической инициативы, «Objectif socialiste», ОСП под названием «Шесть часов для социализма» [6, № 8, juillet 1972].

Смерть Р. Бюрона в апреле 1973 г. стала моральным ударом для его сторонников. Новым руководителем движения становится Андре Жансон, выходец из социалистических кругов. Снова был взят курс на возврат к автономии и интеллектуальной деятельности. В движение интегрируются «Центр исследований и социалистических инициатив», «Социалистический фронт» (производное от Конвента республиканских институтов, некогда руководившегося Ф. Миттераном). Теперь снова речь идет о том, чтобы остаться структурами исследования, образования и приема, продолжая ассоциироваться с левыми силами. Первоначальная цель – занять пространство между коммунистами и социалистами – была отброшена. На рубеже 1973–1974 гг. движение вовлекается в дискуссии о самоуправлении. По инициативе А. Жансона создается «Комитет связи за социалистическое самоуправление», объединивший крайне левые группы и сторонников Объединенной социалистической партии (ОСП) М. Рокара. В ноябре 1973 г. перед участниками «Objectif socialiste» ставится выбор – или членство в Социалистической партии, или вступление в ОСП. Оставшись в меньшинстве, социалистические активисты во главе с Ж. Офредо покидают движение.

На президентских выборах 1974 г. движение поддержало кандидатуру Ф. Миттерана, но выступило умеренным критиком Совместной программы левых сил [6, № 28, avril 1974]. В октябре того же года А. Жансон активно участвует в социалистических собраниях (assises du socialisme), призванных выработать и актуализировать стратегию левых сил. В апреле 1975 г. IV национальный конвент движения принял решение о новой смене названия на «Социалистические перекрестки» и руководства движения [6, № 37, avril-mars 1975]. Но лишенное финансовых средств, движение окончательно прекратило свое существование к 1977 г.

Литература

1. Buron R. Demain, la politique. Réflexions pour une autre société. – P.: Denoel, 1970. – 256 p.
2. Buron R. Par goût de la vie. – P.: Cerf, 1973. – 112 p.
3. Haoudji G. Un groupe d'étude et d'action politique: Objectif 1972, Objectif socialiste, 1967–1974, mémoire de maîtrise d'histoire de l'Université. – Paris I, 1997. – 255 p.
4. Launay M. Robert Buron. – P.: Beauchesne, 1993. – 208 p.
5. Objectif 1972.
6. Objectif socialiste.

УДК 94

Л.М. Шмелёва

г. Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

РИМ И ФИДЕНЬ: ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕТРОПОЛИИ И КОЛОНИИ

Римская колонизация началась в царский период, когда было выведено пять колоний из числа римских малоземельных граждан: Фидены, Остия, Сигния, Свесса Помеция, Цирцеи. Все они находились очень близко к Риму [5, 46]. Так, колония Остия, расположенная в устье Тибра находилась в 30 км. от города, Фидены – приблизительно в 8 км. от Рима [11; Strabo. V. 3, 2; 11]. Колонии этого времени носили военный характер и должны были защищать границы Рима от набегов соседей. Такие колонии состояли из римских граждан [5, с. 66].

Взаимоотношения Рима и его колоний начинались со времени основания нового поселения, когда колония становилась независимой общиной. В процессе основания колонии активное участие принимали органы власти римской civitas. Однако для ранних период процедура вывода колоний не известна [8]. Метрополия участвовала в жизни колоний в военном и законодательном плане (защита колоний и установление законодательства). Колония должна была оказывать помощь Риму – выставлять воинские контингенты по требованию метрополии [8]. В то же время колонии, особенно в царский и раннереспубликанский периоды, проводили собственную внешнюю политику и могли выступать против метрополии [4, с. 47–48]. Это можно объяснить смешанным характером населения колоний, в которых проживали поселенцы из разных общин Лация [10, р. 327–329]. Были колонии, которые всегда поддерживали метрополию, например, Крустумерия [10, р. 327; 8].

Одной из наиболее ранних колоний, выведенных Римом в царский период, были Фидены [Liv. I. 27; Plut. Rom. 23.7]. Город располагался по данным Страбона в 30 стадиях (приблизительно 5 км.) от Рима на высоком холме между реками Тибр и Аниен [Strabo. V. 3.2]. Фидены были основаны латинами [Dion. Hall. II. 53.4], возможно выходцами из Альбы. Тит Ливий приводил другую версию, согласно которой Фидены были этрусским городом [Liv. I.15.1].

Фидены находились под влиянием этрусского города Вейи, для которых территория Фиден была удобным плацдармом в Лации, а также позволяла контролировать торговые пути, на перекрестке которых находились Фидены [9, p. 211; 10, p. 327]. Кроме того связь Вейи-Фидены демонстрировала, что Вейи во многом были связаны с Римом и Лацием, что демонстрируется параллелями в состоянии некрополей в Вейях и городах Лация [10, p. 327].

Первое столкновение Рима с Фиденами традиция относит ко времени правления первого римского царя Ромула [Liv. I. 14-15; Plut. Rom. 23. 6-7]. Фидены потерпели поражение от римлян, после чего по сообщению Плутарха, Ромул сделал Фидены римской колонией, поселив там 2500 колонистов [Plut. Rom. 23. 7]. Таким образом, город превратился из латинского или этрусского в римский [Liv. I. 27].

Следующее столкновение относится ко времени царствования Тулла Гостилия [Liv. I. 27–29]. В его царствование была завоевана Альба [Liv. I. 25-26]. По сообщению Ливия, диктатор Альбы стал тайно склонять жителей Фиден к войне с Римом. «Фиденяне, жители римского поселения, дали склонить себя к войне с Римом, получив от альбанцев обещание перейти на их сторону» [Liv. I. 27.3]. Сражение между римлянами и фиденянами окончилось в пользу первых. Дионисий Галикарнасский передавал, что на следующий год вновь было сражение между римлянами и фиденянами, и вновь римляне одержали победу и осадили город Фидены. «... они были вынуждены сдаться царю на тех условиях, которые он выдвинул» [Dion. Hall. 31.6]. Виновные в отпадении были казнены, остальным было оставлено имущество и государственное устройство [Dion. Hall. III. 31.6].

Во время правления Тарквиния Гордого Фидены были заняты сабинянами [Dion. Hall. IV. 51]. После своего изгнания из Рима Тарквиний Гордый собирал коалицию для войны с Римом. Ему, как передают источники, удалось убедить Фидены выступить против Рима [Dion. Hall. IV. 52]. По данным Дионисия Галикарнасского в 505/504 г. до н.э. сабиняне были побеждены и, в 499 г. начата осада Фиден [Dion. Hall. V. 40–43; Liv. II. 19]. Далее Дионисий указывает на важность Фиден в Латинской федерации, так как на собрании в Ферентинской роще представители Ариции предложили пойти войной на Рим из-за захвата Фиден [Dion. Hall. V. 61.6; 9, 211]. Фидены были захвачены римлянами в 498 г. до н.э., и туда были выведены колонисты [Liv. IV.17.1].

В 438–435 гг. до н.э. Фидены выступили на стороне Вей в войне против Рима [Liv. IV. 17–22]. Ливий писал в связи с этим, что фиденяне убили римских послов, выяснявших причины перехода Фиден на сторону Вей [Liv. IV. 17.2]. В 435 г. до н.э. Фидены были взяты римлянами [Liv. IV. 22.6].

В 428 г. до н.э. «на владения римлян совершали набеги вейяне. Прошел слух, что в этих грабежах принял участие и кое-кто из фиденян... Тех, о ком не было точно известно, почему в указанные дни они отсутствуют в Фиденах, выслали в Остию. Было увеличено число поселенцев, и им была передана земля погибших на войне», – писал Ливий [Liv. IV. 30.4].

Во время очередного столкновения Рима с Вейями фиденяне оказали последним поддержку [Liv. IV. 31. 1–3]. По словам Ливия, это было решение народа [Liv. IV. 31.7]. Фиденяне убили римских колонистов, которые прибыли в Фидены в 428 г. до н.э. В результате Фидены были взяты, пленных фиденян римляне продали в рабство [Liv. IV. 34.4]. В Фидены были поселены римские граждане. Это было последнее выступление колонии против метрополии Рима.

Таким образом, Фидены, основанные латинами, стали римской колонией в VIII в. до н.э., но проводили самостоятельную внешнюю политику, в которой ориентировались больше на крупный этрусский город Вейи, чем на интересы своей метрополии – Рима. Римляне не вмешивались во внутреннее устройство своей колонии, но пытались поставить территории фиденян под свой контроль, так как через них проходили важные торговые пути.

Литература

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т.1. – М., 2005. – 271с.
2. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Т.2. – М., 2005. – 274с.
3. Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. 1. М., 2002.
4. Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III – II вв. до н.э. – М., 1971. – 160 с.

5. Нечай Ф. М. Рим и италики. – Минск: Университетское, 1963. 194 с.
6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания.
7. Страбон. География / пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского / Под ред. О.О. Крюгера, общ. ред. С.Л. Утченко. – М., 1994.
8. Юдин А.В. Некоторые аспекты взаимоотношений римских колоний с метрополией в V–III вв. до н.э. // <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1153971&s=>
9. Francesco di Gennaro, Letizia Ceccarelli *FIDENAE*. Santuari Urbani e del Territorio // Proceedings of the Conference Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Rome, 19–21 February 2009, Marroni E. (ed.), Loffredo Editore Napoli, 2012. – P. 211–226.
10. Pietro Barbina, Letizia Ceccarelli, Francesca Dell’Era e Francesco di Gennaro. Il Territorio di Fidenae tra V e II secolo A.C. // Suburbium II. Il suburbio di Roma dalla fine dell’eta monarchica alla nascita dell ville (V–II secolo A.C.) / V. Jolivet et alii (eds.). – Rome, 2009. – P. 325–345.
11. The earliest Ostia: 1400–400 BC // <http://www.ostia-antica.org/intro.htm#21>.

УДК 930.85/94

С.П. Шупляк

г. Минск, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

ГРОБНИЦА СВ. ИАКОВА: УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ СВЯТЫНИ ЕВРОПЫ

Непосредственное формирование христианской традиции паломничества берет начало в IV в. При правлении императора Константина I, когда был возрожден Иерусалим (уже как христианский город), начали возводиться христианские святыни на местах важнейших событий жизни Иисуса Христа. Именно они стали первым и главным объектом тогдашних паломничеств христиан. В Раннем средневековье для христиан Западной Европы (пережившей бурные события падения Западной Римской империи, создания новых государств и становления новой средневековой западноевропейской цивилизации) паломничества в Палестину становятся важной частью их религиозной жизни.

Формирование западноевропейской христианской традиции паломничества имело две составляющие. Первая (самая ранняя) – паломничества в Палестину. Вторая – паломничества к объектам в самой Западной Европе. Топография первых объектов паломничества по сути сводилась к святыням Рима. Мощный толчок развитию паломничества в Западной Европе был дан бурным развитием культа святых, прежде всего, раннехристианских мучеников (к которому в процессе христианизации западноевропейских народов добавлялись миссионеры-мученики, прославившиеся аскетизмом монахи и монахини, а также миряне из разных социальных слоев, служившие примером религиозного благочестия). Одним из важнейших объектов паломничества становится Сантьяго-де-Компостела.

К IX в. небольшое поселение Сантьяго-де-Компостела на севере Пиренейского полуострова начало приобретать черты христианского паломнического центра. Это основывалось на поверии, что в городе находятся мощи апостола Иакова. Иаков, как и его брат, Иоанн, сыны Зеведея, рыбаки, были одними из первых спутников Христа. Иаков прошел с Иисусом весь трагический путь, а после его смерти, по преданию, как апостол проповедовал в Испании. Возвратившись в Иудею, он был казнен по приказу царя Иудеи Агриппы [3, с. 19]. Тело мученика было перенесено его последователями к морю, где оно было помещено в лодку. Как гласит церковное предание, по воле Бога лодка совершила путешествие от побережья Палестины к берегам Галисии. Живший в этой местности монах-отшельник Пелайо, следуя за некоей путеводной звездой, обнаружил этот ковчег с мощами, которые оставались нетленными. Тело было захоронено, а место погребения получило название Компостела (лат. «Campus Stellae», «Место, обозначенное звездой»). Уже начиная с IX в. гробница святого становится пунктом посещения пилигримов [2, с. 141].

Для возникновения места поклонения именно в этом районе существовали различные причины. С одной стороны, это могло быть обусловлено борьбой с маврами маленького христианского королевства Астурия. С другой – важную роль играла и внутренняя нестабильность в Астурии, которая угрожала ее единству и создавала условия для усиления здесь франкского влияния. Все это подготавливало почву для «открытия» апостольской могилы, которая могла бы консолидировать христианские силы и повысить государственный статус Астурии. Открытие могилы приходится на правление короля Альфонсо II (791–842 гг.), стремившегося к увеличению авторитета своей дер-

жавы. Выражением этого стали привилегии и финансовая поддержка, а также обширное строительство церквей и монастырей. Все это привело к тому, что уже к началу X в. культ св. Иакова стал широко известным в Западной Европе.

Интересно то, что могила св. Иакова «чудесным» образом была найдена также и во франкском городе Везеле. Однако пальму первенства по количеству паломников сохранял все же испанский город. Особой причиной формирования места мощного притяжения верующих именно на севере Пиренейского полуострова была начавшаяся Реконкиста.

Значение могилы апостола в одно время было так сильно, что оно осознавалось даже на мусульманском юге полуострова. Так во время походов мусульманского военачальника Аль-Мансура (Мухаммада ибн Абу Амира) в 997 г. на север, были захвачены и обложены данью многие христианские города, однако город Сантьяго-де-Компостела из-за авторитета находящихся там святых мощей, избежал такой участи [4, с. 86].

В 1075 г. при короле Альфонсо VI над могилой Иакова начали возводить кафедральный собор, тот самый, который видят и по сей день все паломники, идущие в город. В период с XI по XIII вв. Сантьяго-де-Компостела постепенно становится одним из наиболее посещаемых святых мест в Европе.

Огромное количество пилигримов устремлялось сюда в религиозном порыве. В качестве доказательства совершенного путешествия люди забирали на память раковины морского гребешка, которыми изобилует здешнее морское побережье. Эта раковина становится символом Сантьяго-де-Компостела. А та же самая раковина, нашитая на суму пилигрима, показывала пункт назначения паломничества.

Эмблемы в виде ракушек были официальным знаком того, что паломник посетил гробницу св. Иакова в Сантьяго [6, р. 2]. В конце XII в. настоящую ракушку стали заменять небольшим свинцовым значком. В первую очередь, это было продиктовано торговыми интересами церкви. В большинстве случаев это был небольшой свинцовый диск с символическим изображением святого, предметов, ассоциировавшихся с его жизнью или моментами, связанных с чудесами, которые творил святой.

Иакова Компостельского, который совершил дальнейшее странствие, начали почитать покровителем паломников. В изобразительном искусстве он предстает то в образе путника с украшенной ракушками шляпе, с посохом и сумой, то как апостол в тоге и со свитком среди поклоняющихся богомольцев [7, р. 62–64].

Когда паломничества в Сантьяго-де-Компостела становятся достаточно частыми, правители христианских королевств Пиренейского полуострова и вместе с ними испанские соборы приняли постановления, направленные на обеспечение безопасности паломников. Так, в 1072 г. король Леона Альфонсо VI, а также и король Арагона и Наварры Санчо V постановляли защищать паломников и не взимать с них дорожные налоги. Предоставление защиты паломникам провозглашали решения соборов в Леоне в 1114 г. и Паленсии в 1124 г., а также в Компостеле в 1114 г. [5, р. 84]

Обретение мощей св. Иакова сделало Сантьяго-де-Компостела одним из важнейших европейских паломнических центров. Особенно популярными были паломничества к этому городу из южной Галлии и королевств Пиренейского полуострова. Наиболее важная часть дороги, ведущей к городу, пролегла по северу полуострова. Дорога получила название «Путь Святого Иакова» (исп. «El Camino de Santiago»).

Начинается строительство странноприимных домов на пути к святому центру, среди которых выделяется приют-госпиталь св. Кристины на перевале Сомпорт. Приют играл важную роль для паломников, идущих через Пиренеи.

С конца X в. в церковную практику входит новое правило прощения грешника, предвосхитившее индульгенцию и идею Чистилища. Оно декларировало возможность смягчения преступления в случае наличия раскаяния, которое могло проявиться в добрых делах грешника. И в первую очередь – в совершении паломничества.

Выбор пункта назначения паломничества грешников разрабатывался одним из наиболее известных инквизиторов, доминиканцем из Тулузы Бернардом Ги (1261–1331 гг.). В труде «Practica Inquisitionis Hereticae Pravitatis» («Руководство инквизиции по еретическому злу») Бернардом Ги было четко выделено девятнадцать центров почитания для совершения малых паломничеств и четыре центра для совершения великих. Среди последних, наряду с Кентербери, Кёльном и Римом, присутствовало и Сантьяго-де-Компостела.

Важная роль паломничеств на север Испании подтверждается и литературными произведениями. Великий итальянский поэт Данте в 1293 г., отмечал, что истинными паломничествами назывались те, которые совершались именно на север Пиренейского полуострова [1, с. 171–172].

Из источников по истории паломничеств в Сантьяго-де-Компостела в жанровых рамках итинерария (путеводителя) можно выделить одно объемное собрание описаний испанских средневековых паломничеств, названное *Codex Calixtinus*. Состоящее из пяти томов, оно дает разнообразные данные об организации, дорогах, истории возникновения паломничеств в Компостела. К интересным особенностям источника следует отнести содержащиеся в нем молитвы, описания «чудес св. Иакова», а также партитуры гимнов паломников (одни из самых древних). Данный труд датируется XII в. и первоначально приписывался папе Каликсту II [5, р. 13]. Там же содержится длинная молитва *Veneranda dies*. По мнению многих историков, в этом произведении содержится большой пласт информации о паломничествах в Компостелу, о целях путешествия и опасностях в пути.

Даже на современном этапе паломничества остаются одними из активно развивающихся явлений духовной культуры. Так, одну из важнейших святынь Западной Европы, гробницу св. Иакова в Сантьяго-де-Компостела, по данным городского архива, в 2009 г. посетило около 145 тыс. паломников, в 2010 – 270 тыс. пилигримов со всего мира.

Литература

1. Данте Алигьери. Новая жизнь / Данте Алигьери ; [пер. с итал. А. Эфроса]. – М.: СПб.: Нева, 2005. – 182 с.
2. Даркевич В.П. Аргонаты Средневековья / В.П. Даркевич. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Университет, 2005. – 254 с.
3. Свенцицкая, И.С. Судьбы апостолов. Мифы и реальность / И.С. Свенцицкая. – М.: Вече, 2005. – 347 с.
4. Уотт У.М. Мусульманская Испания / У.М. Уотт. – М.: Наука, 1976. – 215 с.
5. Birch D.J. Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: continuity and change / D.J. Birch. – Woodbridge: The Boydell Press, 2000. – 250 p.
6. Edwards P. Pilgrimage and literary tradition / P. Edwards. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. – IX. – 218 p.
7. Lanzi F. Saints and their symbols: recognizing saints in art and in popular images / F. Lanzi, G. Lanzi. – Collegeville : Liturgical Press, 2004. – 237 p.

УДК 94

Л.А. Якубова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

СИСТЕМА РОДИТЕЛЬСКИХ ОТПУСКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

На протяжении первого десятилетия XXI века в Великобритании проблемы семейной политики вышли на передний план. Интерес к этой сфере вызван необходимостью британских граждан, в основном – женщин, сочетать работу по найму с семейными обязанностями. Важность обращения правительств консерваторов и лейбористов в указанный период к семейной проблематике также продиктована увеличением женской занятости, необходимостью поддержки работающих родителей.

Одним из компонентов подобной поддержки со стороны государства в Великобритании выступает система родительских отпусков, которая включает следующие элементы:

1. *Материнский отпуск* (Maternity leave), существуют также названия в литературе «Отпуск по беременности и родам», «Декретный отпуск» относится к оплаченному отпуску в течение преродового и послеродового периодов.

Материнский отпуск, начиная с апреля 2007 г., был увеличен до 9 месяцев, а пособие по материнству поднялось до 112,75 ф. ст. в неделю. Длительность декретного отпуска, положенного работающей женщине, – один год. Первое полугодие декретного отпуска называется *Ordinary Maternity Leave* и начинается за 11 недель до предварительной даты родов или позже, по желанию женщины. Во время данного периода за женщиной сохраняются все права и привилегии, которые у нее были во время работы (например, служебная машина). Второе полугодие декретного отпуска называется *Additional Maternity Leave* и наступает после рождения ребенка. Срок декретного отпуска не зависит от того, сколько времени женщина проработала на данного работодателя, работает ли она на полную ставку или нет [2].

В обязанности работодателя также входит отпускать работающую беременную женщину на приемы к врачу или акушеркам в рабочее время без вычета оплаты или необходимости для женщины отрабатывать это время.

Законодательство Великобритании дает право женщинам с детьми до 6 лет (или с детьми-инвалидами до 18 лет) на более гибкий график работы, включая совместную работу двух сотрудников на одном рабочем месте (*job-share*) и работу из дома по согласованию с работодателем. Чтобы воспользоваться этим правом, женщина должна проработать на данного работодателя как минимум 26 недель [2].

Женщинам, работавшим на том же месте до беременности и зарабатывавшим не меньше 90 ф. ст. в неделю (до вычета налогов), положены безвозмездные декретные выплаты от работодателя, которые называются *Statutory Maternity Pay*. Эти выплаты производятся в течение 39 недель и состояют: в течение 6 недель – 90% зарплаты, в течение оставшихся 33 недель – 117.18 ф.ст. в неделю или 90% зарплаты женщины, если она ниже указанной суммы. Частные работодатели при этом могут платить рожаящим женщинам больше, чем предусмотрено по закону. Если женщина решила не возвращаться на работу после декретного отпуска, она не обязана возвращать декретные выплаты своему работодателю. Однако, если работодатель выплатил больше положенного по закону минимума с условием, что женщина вернется к работе после декретного отпуска – эти излишки могут быть обязательны к возвращению, в случае если женщина передумала возвращаться на прежнее рабочее место. Условия дополнительных выплат должны быть согласованы обеими сторонами до начала декретного отпуска в трудовом контракте или приложении к нему.

Тем женщинам, которым не положены безвозмездные декретные выплаты (зарабатывавшим до беременности меньше 90 ф.ст. в неделю, поменявшим работу во время беременности и индивидуальным предпринимателям), положено государственное пособие по беременности и родам (*Maternity Allowance*) в сумме 117.18 ф.ст. в неделю в течение 39 недель. Для получения данного пособия женщина должна обратиться в местный государственный центр трудоустройства (*Jobcentre Plus*).

Всем беременным женщинам (с начала беременности и до истечения года после родоразрешения) по закону положены бесплатные лекарства по рецепту и бесплатное обслуживание у дантистов Национальной Службы Здравоохранения. Если женщина планирует грудное кормление своего ребенка после выхода на работу из декретного отпуска, она должна письменно проинформировать своего работодателя заранее, чтобы он смог подготовить для этого подходящие условия. В обязанности работодателя входит определение возможных рисков для женщины и ребенка в имеющихся условиях, организация удобного и безопасного места кормления и отдыха.

2. *Отцовский отпуск* (Paternity leave) – отпуск, предоставляемый работодателем отцу. Отпуск подобного рода намного короче материнского отпуска, является дополнением к последнему.

Молодым отцам, проработавшим на своего работодателя как минимум в течение 26 недель к моменту, когда до примерной даты родов остается 15 недель, и зарабатывающим как минимум 90 ф.ст. в неделю, положен оплачиваемый отпуск по отцовству после рождения ребенка. Длительность отпуска по отцовству – до 2-х недель, а его оплата составляет 117.18 ф.ст. в неделю или 90% зарплаты мужчины, если она ниже указанной суммы. Молодой отец имеет право взять свой отпуск по отцовству сразу же или в течение 8-ми недель после рождения ребенка [2].

Мужчинам, не попадающим в вышеуказанную категорию, отпуск по отцовству (оплачиваемый или за свой счет) может быть предоставлен работодателем по предварительной взаимной договоренности.

Правительство консерваторов занимается разработкой закона о дополнительном отпуске по отцовству (*Additional Paternity Leave*). Этот закон будет предусматривать дополнительные 26 недель для отцов в течение второго полугодия жизни ребенка, если мать ребенка вышла на работу. Предполагается также, что безвозмездные декретные выплаты, не использованные матерью ребенка, будут выплачиваться отцу.

3. *Родительский отпуск* (Parental leave) – гендерно нейтральные отпуска, которые следуют обычно за отпусками по беременности и родам и дают возможность родителям воспользоваться льготами и преимуществами системы отпусков, распределяя между собой или выбирая, кто будет пользоваться ими. Обычно большую часть отпуска предоставляется матери для обеспечения физического выздоровления и восстановления после родов [3].

Мужчины и женщины, проработавшие на своего работодателя как минимум год, имеют право на 13 недель родительского отпуска за свой счет на каждого ребенка. Родительский отпуск предоставляется работодателем на следующих условиях: в год можно взять только 4 недели от родительского отпуска на каждого ребенка и это время должно быть взято по одной целой неделе. Возможно использовать свой родительский отпуск до достижения ребенком 5-ти лет (или в тече-

ние 5-ти лет после усыновления). Родители детей-инвалидов имеют право на 18 недель родительского отпуска, который можно использовать до достижения ребенком 18-ти лет. Если в компании или учреждении существует специальный график родительских отпусков, информация об этом должна быть зафиксирована в трудовом контракте [3].

4. *Отпуск по уходу за ребенком (childcare/child caring leave)* – отпуска, которые развивались как дополнение к отпуску по беременности и родам или как разновидность родительского отпуска.

Родители имеют право на получение 55 ф.ст. из своей недельной зарплаты в виде детских ваучеров (*Childcare Vouchers*), которые могут быть использованы на оплату няни, яслей, клубов после занятий в школе, а также лагерей во время школьных каникул [1].

В настоящее время правящий консервативный кабинет Гордона Брауна разрабатывает и предлагает следующие мероприятия по усовершенствованию системы родительских отпусков:

- ввести новую систему гибкого родительского отпуска, который предоставляет отцам и матерям право использовать вторую часть отпуска, который лейбористы предполагают увеличить до 12 месяцев по своему собственному выбору;

- расширить право требовать гибкий рабочий график на всех родителей с детьми до 18 лет и превратить государственный сектор в мирового лидера по предоставлению возможностей гибкого найма;

- ввести универсальное медицинское обслуживание на дому, чтобы помочь семьям справиться с проблемами, связанными с рождением ребенка;

- увеличить численность приходящих на дом медицинских работников на 4200 человек, чтобы матери были обеспечены гарантированным уровнем поддержки в течение первых пяти лет после рождения ребенка.

Литература

1. Childcare: Targets and Achievements. URL: http://womenandequalityunit.gov.uk/work_life/childcare_targets.htm (дата обращения: 20.01.2015).
2. Family Policy in the UK // www.york.ac.uk/inst/research/nordic/ukpolicy.pdf (дата обращения 18.01.2015).
3. Parental Leave. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Parental_leave (дата обращения: 20.01.2015).

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 908

М.А. Авимская

г. Сургут, Сургутский государственный университет

СЛУЖБА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА В ГОДЫ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ

Одно из важных мест в создании комфортных условий труда рабочим на любом предприятии занимает организация качественного медицинского обслуживания. Необходимо отметить, что служба здравоохранения на железнодорожном транспорте к середине 60-х гг. накопила большой опыт работы.

Первоначально на строящейся железной дороге Тюмень – Сургут ЗСНГК курсировала передвижная амбулатория, обслуживающая линейных работников. На крупных железнодорожных станциях, таких как Тобольск, Сургут, Нижневартовск и Ноябрьск, постепенно организовывали медицинские пункты [2, л. 261]. Одновременно развивалась и санитарная служба. К сожалению, не все медицинские учреждения на трассе соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям, часть из них даже не была полностью укомплектована кадрами [5, л. 9].

В марте 1967 г. состоялся XII пленум ВЦСПС, где прозвучала критика в адрес органов здравоохранения, профсоюзов и хозяйственных организаций, которые «еще не полностью используют имеющиеся возможности для дальнейшего улучшения охраны здоровья, медицинского обслуживания трудящихся, развития сети медико-санитарных учреждений» [10, л. 401].

В своем постановлении «Об улучшении медицинского обслуживания трудящихся на предприятиях промышленности, строительства и транспорта» пленум обязал Министерства здравоохранения, строительства и транспорта развивать и совершенствовать медицинское обслуживание, организовать санитарно-гигиеническую помощь транспортным строителям, с учетом уровня заболеваемости и климатических условий. Органы здравоохранения должны были прикрепить территориальные поликлиники к промышленным предприятиям, не имеющим своих медицинских учреждений [10, л. 402–403].

Контроль над выполнением данного постановления взял на себя Центральный Комитет профсоюзов рабочих железнодорожного транспорта [2, л. 261].

В ходе очередной проверки Президиум ЦК профсоюзов отметил, что на новостроящейся железнодорожной линии Тюмень – Сургут сложилась неправильная практика планирования строительства объектов непроизводственного назначения. Не во всех подразделениях управления «Тюменьстройпуть» имелись фельдшерские пункты, хотя на санитарно-бытовые нужды ежегодно государством выделялось более 50 тыс. руб. [6, л. 95].

Здание больницы на станции Тобольск находилось в аварийном состоянии, и было совершенно не пригодно к дальнейшей эксплуатации. Некоторые постройки слабо вникали в работу медучреждений, не интересовались их нуждами и запросами, не оказывали должной помощи [9, л. 34–35].

В этих условиях Президиум ЦК профсоюзов предложил дорпрофсожу Свердловской железной дороги совместно с управлением «Тюменьстройпуть» принимать активное участие в планировании средств для обеспечения комплексного строительства по железнодорожной линии Тюмень – Сургут, а дорпрофсожу сибирских строителей транспорта проявлять больше требовательности к руководству управления за ходом выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 января 1968 г. по железнодорожной линии Тюмень – Сургут в части обеспечения опережающего строительства жилых домов и объектов здравоохранения [7, л. 72, 76].

Такой требовательный подход ЦК профсоюзов к сохранению здоровья строителей отражался и на работе СЭС. Сотрудниками Тюменской областной СЭС проводилась большая работа по снижению заболеваемости и временной утратой трудоспособности транспортных строителей. Методическую и практическую помощь линейным фельдшерским пунктам оказывала врачебно-санитарная служба, отделенческая больница Тюмени. Периодически организовывались целевые смотры транспортных строителей на туберкулез [9, л. 34].

Подобные действия способствовали поддержанию минимальных санитарных норм в подразделениях строительного управления «Тюменьстройпуть».

Однако, несмотря на эти принятые меры, район строительства новой железной дороги являлся неблагополучным по заболеваемости брюшным тифом, острой дизентерией и другими острыми кишечными заболеваниями, особенно в весенне-летний период [8, л. 191].

В этой ситуации руководство строительного объединения издало приказ о проведении профилактических прививок против брюшного тифа и столбняка всем рабочим и служащим стройки, а также членам их семей по всех станционных поселках железной дороги Тюмень – Сургут – Нижневартовск. В качестве профилактической меры организовывали регулярную очистку поселков от зимних накоплений мусора и нечистот, строго следили за поддержанием санитарных норм на объектах общественного питания и торговли, в детских учреждениях и источниках питьевого водоснабжения [8, л. 192].

В связи с общим ростом численности населения ЗСНГК, учреждения здравоохранения испытывали недостаток и в медикаментах. К тому же из-за нехватки санитарного автотранспорта и его слабой проходимости в таежно-болотистой местности не всегда вовремя доставлялись к месту эпидемий специалисты-медики [9, л. 34].

В этих условиях Тюменский облисполком и обком КПСС обратились в Министерство здравоохранения РСФСР с просьбой «увеличить ежегодные фонды до 150 санитарных машин повышенной проходимости, пересмотреть снабжение области дефицитными препаратами, а также увеличить фонды на кислородные баллоны, дезинфицирующие средства, перевязочный материал..., выделить для области необходимое медицинское оборудование» [4, л. 14].

Учитывая особенности региона, Министерство изыскало возможность частично удовлетворить просьбу руководства властных органов области.

В середине 1970-х гг. позитивные изменения коснулись и других вопросов медицинского обслуживания транспортных строителей Среднего Приобья. К примеру, общая заболеваемость на 1000 человек сократилась с 712 дней в 1972 г. до 513,6 дней в 1974 г. Уменьшилась также заболеваемость бронхитом, пневмонией и заболеваниями нервной системы [9, л. 34].

Однако достигнутый уровень развития сферы здравоохранения не решал всех имевшихся проблем на строительстве новой железной дороги. Так, на XXVII окружной партийной конференции, состоявшейся в 1983 г., главный врач окружной больницы И.Г. Полукеева говорила о том, что во всех больницах ХМАО остро не хватает младшего медперсонала. К уходу за тяжелобольными медучреждения вынуждены были привлекать родственников и студентов медицинского училища. Еще более остро во всех больницах стоял вопрос о нехватке кадров вспомогательных хозяйственных служб: питания, прачечных, обслуживания электросетей и электрооборудования. Даже в окружной больнице в течение трех лет не было электрика [3, л. 53].

Учреждения здравоохранения так же остро испытывали недостаток врачей-педиатров. Для решения этой проблемы в Тюменском медицинском институте был открыт педиатрический факультет с ежегодным приемом 100 человек [4, л. 29].

Безусловно, медицинское обеспечение транспортных строителей зависело от уровня развития сферы здравоохранения в округе. В течение двадцати лет уровень развития здравоохранения в ХМАО значительно окреп: так, число больничных учреждений с 1965 по 1985 гг. возросло с 52 до 76 единиц; число больничных коек на 10 тысяч человек в указанный период увеличилось с 74 до 107 единиц; число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий – с 18 до 104; численность врачей всех специальностей на 10 тысяч человек выросла с 11 до 31 чел., а численность среднего медперсонала – с 65 до 119 чел. [1, л. 168–169].

В целом к середине 1980-х гг. в сфере медицинского обслуживания транспортных строителей железной дороги Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой в годы освоения ЗСНГК произошли заметные позитивные изменения. На линии были построены больницы на крупных станциях, организованы здравпункты при предприятиях и депо. Вместе с тем общий уровень медицинского обслуживания не соответствовал потребностям строителей. Его недостатки особенно остро ощущались в обстановке тяжелых условий труда строительных рабочих железнодорожной магистрали.

Литература

1. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5474. Оп. 20. Д. 6643.

3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2574. – С. 53.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 202. Д. 92.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 207. Д. 35.
6. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1870. Оп. 2. Д. 23.
7. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1870. Оп. 2. Д. 163.
8. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1870. Оп. 2. Д. 228.
9. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1870. Оп. 2. Д. 262.
10. Справочник партийного работника. Вып. 7. М., 1967.

УДК 94

П.В. Акульшин

г. Рязань, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВОРЯНСТВА ПЕНЗЕНСКОЙ, РЯЗАНСКОЙ, ТАМБОВСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Происхождение основной массы поместного дворянства Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний дореформенной эпохи восходило к XV–XVII вв. Ее первоначальное ядро составили представители родов, которые вели свое происхождение от бояр и служивых людей великого княжества Рязанского княжества. По мере перехода его частей под власть московских князей уже с конца XV в. в там получали земельные пожалования служивые люди, происходившие из других русских земель.

Важным фактором, повлиявшим на дальнейшее формирование местного дворянства, стало расширение границ Российского государства, плацдармом для чего с конца XVI в. служили бывшая территория Рязанского княжества, составляющие тогда Рязанский, Каширский и Тульские уезды. На протяжении первой половины XVII в. на вновь освоенных землях, примыкающих к ним, были образованы десять новых уездов: Епифанский, Лебедянский, Ряжский, Веневский, Данковский, Дедиловский, Касимовский, Кадомский, Темниковский, Шацкий. Во второй половине этого столетия, после сооружения Козлова (1635 г.) и Тамбова (1636 г.), а затем Пензы (1663 г.), граница расселения продвинулась еще дальше на юго-восток. В расположенных на берегах правых притоков Оки – Цны и Мокшы Кадомском, Темниковском, Касимовском и Шацком уездах, вошедших после губернской реформы 1775 г. в состав смежных уездов Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний, вплоть до 1917 г. существовало устойчивое землевладения потомков золотоордынской знати.

На протяжении XVII в. власть, нуждаясь в воинских контингентах, искусственно сдерживала развитие феодального землевладения на этих территориях. В 1637, 1672, 1675, 1686 гг. появлялись указы о запрете раздачи земель московским служивым людям в «заказных городах», к которым относились большинство приокских уездов. В связи с потребностями обороны во вновь образованных уездах юга страны не раз происходило «верстание» и «прибирание» в дети боярских людей «разных чинов». Среди них были как представители старых дворянских родов, переселившиеся из других уездов, так и получившие земельные пожалования выходцы из других групп населения, порой даже из «тяглых людей». Первые такие массовые записи в «дети боярские» были связаны со строительством первых крепостей на Белгородской черте – Козлова и Тамбова в 1630-х гг. [3, с. 81–96].

Этот процесс по времени совпал с распадом на территории издавна заселенных уездов организацией уездного дворянства в виде «служивого города». В конце XVII в. такие замкнутые корпорации сохранились только в семи юго-западных уездах, которые вошли впоследствии в состав Орловской, Курской и Воронежских губерний. В семи существовавших в приокской лесостепи в XVII в. уездах (Веневском, Данковском, Дедиловском, Касимовском, Кадомском, Темниковском) в силу преобладания здесь дворцового землевладения и служивых «инородцев» подобная корпорация в ее классическом виде вообще не сложилась. Ее остатки в приокской лесостепи прослеживались только в одном Лебедянском уезде [2, с. 75].

Начало формирования массива земельных владений столичного и элиты провинциального дворянства, сохранившийся вплоть до начала XX в., относится к моменту завершения Азовских походов Петра I. «Наряду с весьма крупным землевладением старомосковских родов и княжеской аристократии на протяжении петровского и послепетровского времени в Центральном Черноземье

интенсивно формируются обширные владения «новой знати», а также части провинциальных фамилий», – отмечал на основе анализа материалов Белгородской и Воронежской губерний первой половины XVIII в., куда входила и часть рассматриваемой нами территории, С.В. Черников [8, с. 144]. Раздачи и приобретение земель путем покупки и захватов продолжался заселенных на протяжении XVII в. уездов здесь вплоть до конца XVIII в. Последние раздачи казенных и дворцовых земель частным лицам на территории Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний пришлось на период правления Павла I.

История землевладения отдельных родов позволяет сделать предположение, что приобретения новых владений на территории вновь освоенных уездов при сохранении уже имеющегося ядра имений. Это сопровождалось расчисткой лесов, освоением пустошей, захватом казенных и выморочных земель. В ходе такой «внутренней» колонизации возникла раздробленность землевладения по разным, порой весьма удаленным друг от друга, уездам, характерная для местного дворянства вплоть до середины XIX в.

Идеализированный образ такого помещика, осваивающего в эпоху Екатерины II дикий лесной край, описал на примере своего деда известный мемуарист и географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Принадлежавшие Семеновым с XVI в. владения в Пронском уезде его предок дополнил во второй половине XVIII в. землями на границе Рязанской и Тамбовской губерний, создав поместье, которое вплоть до 1917 г. оставалось родовым гнездом его потомков [6, с. 14–15].

Завершение формирования феодального землевладения было связано со значительными социальными сдвигами внутри служивых землевладельцев. «...Петровская «Табель о рангах» значительно затруднит доступ в ряды дворянства представителям низших сословий по сравнению с положением дел в XVII в.: если ранее сама солдатская служба давала право на небольшие поместья и запись в соответствующие книги и списки, то в начале XVIII в. для этого будет необходим обер-офицерский чин» [3, с. 94.]. С 1678 г. «сотенная служба», то есть непосредственное участие в дворянском ополчении, разрешалась только тем детям боярским, которые имели больше 24 дворов крестьян, или, измеряя в типичных для последующей эпохи единицах, более 100 мужских душ. Остальные «служивые люди по отечеству» стали записывать в приказном порядке в рейтары, копейщики и солдатские полки. Во многих уездах они еще ранее облагались налогами и повинностями [4, с. 210].

В начале XVIII в. значительная часть «детей боярских» вошла в качестве однодворцев в состав податного населения. Наибольшее число однодворцев проживало в Козловском, Тамбовском, Рязском и Усманском уездах, где их насчитывалось к началу XVIII в. около 60 тысяч человек мужского пола [2, с. 105–106]. Исследователь тульского дворянства В.И. Чернопятков отмечал, что на протяжении в XVIII в. потомки одного и того же рода, живущие в конце XVII в. в разных уездах, могли иметь разный сословный статус. Те из них, кто сохранял в «старинных» уездах хотя бы небольшие поместья, считались представителями «благородного сословия». Их же родственники, оказавшиеся мелкими землевладельцами в более южных уездах, причислялись к однодворцам. Они хотя и сохраняли некоторое время такие привилегии как право владения землей и крестьянами, а также службы в ландмилиции, вместо исполнения рекрутской повинности, добиться в XVIII в. причисление к составу «благородного сословия» они уже не могли [9, с. 36].

Эти изменения способствовали превращению наиболее приближенных ко двору и материально обеспеченных провинциальные «служивых людей по отечеству» в более замкнутую группу, потомки которой и составили ядро провинциального дворянства в последующие эпохи. На протяжении XVIII-первой половины XIX в. «благородное сословие» рассматриваемых губерний продолжало пополняться как за счет представителей дворянства других регионов, так и за счет выходцев из других групп населения, выслуживших дворянство. Это «новое» дворянство не представляло собой отдельной группы и быстро ассимилировалось среди основной массы местного «благородного сословия». Примером этого являются единичные случаи получения дворянства крупными купцами-предпринимателями Баташовыми, Мальцевыми, Хлебниковыми, Полторацкими, Рюмиными. Уже во втором поколении их потомки полностью идентифицировали себя с дворянством, пользуясь среди него благодаря большим материальным богатствам значительным влиянием.

Тем не менее, если брать общее размещение «служивых людей по отечеству» к середине XVII в., то по «сметам» на эти уезды приходилось около 60% на черноземный уезды, составив на территории 10 уездов около 5 тысяч человек, в то время как на уезды нечерноземного центра приходилось около 30%, а на северо-западные уезды – 10% учтенных воинов [5, с. 123–126]. К

середине XVII в. Рязанский уезд выделялся среди более ста существовавших уездов Российского государства по численности проживающего в нем дворянства. Здесь на относительно небольшой территории исторического ядра независимого княжества, проживало около 10% всех боеспособных дворян государства и почти половина дворянства приокских уездов. Дворянская корпорация этого уезда в середине XVII в. была сопоставима с числом всех служивших «по московским уездам». В этом отношении с Рязанским уездом мог сравниться только Костромской, в котором имелось около 1000–1400 боеспособных дворян. Кроме Рязанского уезда среди приокских территорий высокой численностью дворянства отличались прилегающие к нему Каширский и Тульский уезды, в которых число «служивых людей по отечеству» составляло, соответственно, около 700 и 400 человек [5, с. 123–126].

К 1700 г. в 16 существовавших тогда уездах, вошедших впоследствии в состав Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний, насчитывалось более 7 тысяч владельцев поместий и вотчин. Как и в середине предшествующего столетия, многочисленностью проживающего дворянства выделялись: Рязанский, на которой приходилось до 1/3 местного дворянства, Каширский и Тульский уезды. Потомки этих родов впоследствии были внесены, как правило, в V и VI части родословных дворянских книг губерний. В Рязанской губернии такие роды составляли к началу XX века до 44% всех внесенных семейств. По численности древность дворянских родов, внесенных в эти части родословной книги, она занимала одно из первых мест среди великорусских губерний. В Пензенской губернии, территория которой была заселена позже, такие роды составляли всего 24% дворянских семейств, занесенных в родословную книгу. Причем большинство из них были занесены также в родословные книги Рязанской и соседних губерний [1; 7].

Распределение дворянских фамилий по частям родословных книг Пензенской и Рязанской губерний

Губерния	1 часть	2 часть	3 часть	4 часть	5 часть	6 часть	Всего
Пензенская	69 (5,5%)	438 (34,6%)	447 (35,3%)	11 (0,9%)	42 (3,3%)	258 (20,4%)	1265
Рязанская	70 (3,2%)	598 (27,2%)	554 (25,5%)	31 (1,5%)	48 (2,2%)	877 (40,4%)	2142

Потомки землевладельцев «приокской лесостепи» XVII–XVIII вв., составили вплоть до 1917 г. устойчивое ядро «благородного сословия» Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний.

Литература

1. Алфавитный список дворянских родов Рязанской губернии. – Рязань, 1893.
2. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1977.
3. Лаптева Т.А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстание в дети боярские представителей других сословий) // Отечественная история. – 2003. – № 5.
4. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служивые люди. Люди кабальные и докладные. – СПб., 1909.
5. Роспись воинских сил Русского государства, 1634 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII–первая половина XVIII в. – М., 1989.
6. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. – СПб., 1916.
7. Список дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии к 1902 г. – Пенза. 1902.
8. Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. – Рязань, 2003.
9. Чернопяттов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 2. – М., 1909.

УДК 908

Л.М. Артамонова

г. Самара, Самарский государственный институт культуры

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГИ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв. (на примере Самары)

Даже в период, когда уездные города не имели собственных типографий для печатания книг, газет, журналов, распространение печатной продукции в них шло, благодаря как потребностям образованных жителей, так и усилиями властей. Для Самары изучение этого периода затруднено гибелью библиотек и архивов в многочисленных и страшных пожарах XVIII–XIX вв. Исключениями, позволяющими заглянуть в общественную и культурную жизнь города, связанную с книжной

и газетно-журнальной традицией, являются дневники и воспоминания И.А. Второва, а также некоторые уцелевшие документы городского головы П.С. Синягина. Эти два жителя Самары относились к сословным группам, которые играли ведущую роль в уездном городе. Один принадлежал к дворянско-чиновной среде, другой представлял интересы купечества и мещанства. В отдельных делах архивов Самарской и Ульяновской областей (ЦГАСО и ГАУО), Республики Татарстан (НАРТ), а также Российского государственного исторического архива (РГИА) сохранились материалы об участии школы и церкви в распространении книги и периодики в уездной Самаре.

Старейшие библиотеки Самары возникли в годы работы Оренбургской экспедиции (комиссии), штаб которой в 1737–1743 гг. размещался в этом городе [19, 981]. Они носили научный характер, формировались видными учеными И.К. Кириловым и В.Н. Татищевым, ее возглавлявшими [18, с. 172], но прекратили существование здесь после выезда комиссии из Самары. Часть этих книг находится в областном музее в Екатеринбурге [16].

И.А. Второв, первый писатель живший и работавший в Самаре, не получив систематического образования, всеми своими знаниями был обязан книгам. «Склонность моя к наукам, – писал он, – ... была непреодолима. Я читал с жадностью всякие книги, какие мне тогда ни попадались» [12, с. 497–498].

У Второва была хорошая библиотека, составленная частью из книг, привезенных из поездок, частью из приобретенных в Самаре. Книготорговля тут была делом довольно беспокойным. В 1790-е гг. после появления «Путешествия» А.Н. Радищева, ареста книгоиздателя Н.И. Новикова, запрета тираноборческой трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим» вводится жесткая цензура, не без выгоды обернувшаяся для взяточников. Купец Пономарев не мог свободно выставить в Самаре издания, даже не попавшие под запрет. Второв в 1794 г. вступился за книготорговца, которому досаждали «цензоры» – вымогатели, мешающие «приохочивать людей к распространению просвещения» [10, с. 174–175].

Кроме книг, значительную часть личной библиотеки Второва составляла периодика. Он выписывал ее на немалую сумму в 60 руб. в год. В том числе из литературных изданий он получал «Вестник Европы», «Северный вестник», «Московский курьер», «Новости литературы». Когда в 1835 г. Второв переезжал в Казань, больше всего хлопот причинила упаковка и перевозка книг, которые «требовали отдельной комнаты» [14, с. 137–138]. Собрание Второва легло позже в основу казанской публичной библиотеки (Национальной библиотеки Республики Татарстан).

Второв «не только сам для своей библиотеки, подписывался на все журналы, петербургские и московские, но для распространения их составлял компании из своих знакомых...», которых не раз просил «о вербовке охотников на чтение периодических изданий». В одной из подобных компаний в Самаре «было положено прочитанные книги по окончании года жертвовать в библиотеку уездного училища» [13, с. 595]. Эта библиотека стала с 1820-х гг. первым в Самаре общественным книгохранилищем, которое в 1850 г., насчитывая уже 310 названий в 661 томе, к сожалению, погибло при пожаре. Школа способствовала распространению не только публичных книжных собраний, но и индивидуального чтения. С 1787 г. в Симбирской губернии, куда входила уездная Самара, принято было отмечать «отличившихся успехами учеников награждением книжек за подписанием директора» училищ [11, л. 9 об.].

Для Второва одной из важнейших характеристик его знакомых является их отношение к книге. Так, он упоминает, что самарский судья А.Ф. Чеканов «имел у себя книги, не прочь был почитать их», а городничий «был человек совсем иного закала, книг он никаких не читал. Карамзина ни во что не ставил, но любил стихи и даже был охотник их декламировать». Лекарь Баумгартен русской литературы не читал, но, увидев библиотеку Второва, стал охотно беседовать о немецких писателях, с некоторыми из которых его собеседник оказался знаком по переводам. Второв поддерживал дружеские отношения с помещиками Молоствовыми, которые интересовались литературой и имели дома библиотеку [12, с. 525, 527, 534].

К уездному периоду истории Самары относится появление и других частных библиотек местных дворян, а также библиотеки в Благородном собрании. Местом проведения собраний самарского дворянства стало здание уездного училища. В ходе собраний читались «выписываемые обществом журналы и газеты», которые затем также отдавались в библиотеку училища.

В некоторых домашних библиотеках содержался подбор книг, выходивший за обычные рамки. Так, в собрании Д.А. Путилова важное место занимала медицинская литература. Семья Путило-

вых была в числе самарских дворянских родов, в которых были давние культурные традиции. Именно на средства его брата А.А. Путилова в Самаре появилось в 1825 г. уездное училище [1].

Прадед братьев Путиловых по материнской линии М.А. Богданов упомянут в «Оренбургской топографии» П.И. Рычкова еще в 1762 г. как «любопытный читатель книг» [15, с. 316]. Его библиотека продолжала пополняться потомками: Богдановыми, Путиловыми, Чарыковыми [7, с. 63].

В доме Путиловых бывал, впрочем, как и в других здешних домах, А.Н. Островский в начале 1849 г., представивший своим чтением новую пьесу «Банкрот» («Свои люди – сочтемся») и сам познакомившийся с образованными людьми Самары [9]. Число последних постоянно росло. Среди них были и авторы, сотрудничавшие в центральных периодических изданиях. Например, молодой самарский чиновник, а в будущем известный публицист Н.В. Шелгунов, публиковал в журналах «Библиотека для чтения» и «Сын Отечества» статьи по лесоводству [24, с. 67].

В отличие от любителей и энтузиастов чтения купец 3-й гильдии П.С. Синягин был обязан заниматься распространением периодических изданий по своей должности городского головы. Он был должен извещать горожан о подписке на официальные или полуофициальные издания и убеждать жителей принять участие в этой подписке, что ему не всегда удавалось.

4 сентября 1835 г. в самарскую городскую думу пришло извещение симбирского губернатора о намерении Общества поощрения лесного хозяйства издавать с 1836 г. «Лесной журнал» и о поддержке этого начинания Департаментом государственных имуществ, который просил «обвести об издании того журнала по Симбирской губернии и оказать содействие к приглашению подписчиков на оный журнал». Распоряжение губернатора было доведено головой до сведения купцов Самары. На него последовал следующий ответ: «Самарское 3-й гильдии купеческое общество дало сие подписку самарскому купецкому старосте Куполеву в том, что мы объявленное нам предписание... слышали, но подписаться на приобретение лесного журнала никто из нас не желает, о том и подписуемся» [21, л. 65, 67].

Не было ожидаемого отклика и на обращение губернатора к самарскому голове от 19 декабря 1835 г.: «Статский советник Воейков доставил ко мне при письме несколько билетов на Литературные прибавления, издаваемые при Русском инвалиде. Уважая просьбу сего сочинителя, действующего по благонадежности своей на пользу изувеченных воинов, и желая по возможности содействовать к подписке на сие его сочинение, я препровождаю к Вам один из означенных билетов, прося покорнейше и Вас со своей стороны принять деятельное в сем участие». Синягин оказался в затруднительном положении, о чем и сообщил: «Билет здешнему купечеству предложен был и прошено от них принять в сем участие как действующего на пользу изувечных воинов с изъявлением в том к подписке, но из них никто по убедительной моей просьбе желания к сему не изъявил; почему... билет принял на имя свое и представляю при сем... за него деньги ассигнациями 35 руб.» [21, л. 83, 85 об.]

В оправдание самарского купечества, которое не проявило интереса к «Литературным прибавлениям», издаваемым А.Ф. Воейковым, заметим, что они вообще не пользовались популярностью в России. Терял популярность сам «Русский инвалид», ставший из газеты Комитета по содействию раненым и престарелым воинам коммерческим изданием, у которого благотворительные задачи отошли на второй план. Следует учитывать и то, что частые сборы на благотворительные нужды делали купцов осторожными в отзыве на все новые и новые обращения по данному поводу, тем более в отношении мероприятий непривычных и непонятных.

Более настойчиво продвигалась подписка на официальный «Журнал Министерства внутренних дел». Необходимость такого издания не ставилась под сомнение, да и отказ от подписки на него выглядел бы неблагонамеренным поступком. В апреле 1835 г. Синягин, получив соответствующее извещение губернатора, сообщил, что он, «сореvнуя пользе Отечества», тотчас о нем «распорядился купечеству и мещанству объявить, на каковое мое предписание жители г. Самары, купцы и мещане, положенную сумму 25 руб. пожертвовали» [21, л. 22]. Так подписка на один экземпляр этого издания была проведена в складчину.

На следующий год губернатор, ссылаясь на просьбу министра внутренних дел «содействовать успеху того издания, коего польза не может быть подвержена сомнению», прислал Синягину уже «4 билета на получение журнала Министерства внутренних дел», по прежней цене в 25 руб. [22, л. 16] Подписка на сей раз была проведена индивидуально. Синягин прислал рапорт о ней с указанием поименно купцов Н.С. Тенева, П.Р. Малыгина, мещанина И.А. Абросимова, а также самого Синягина [22, л. 15].

Самым большим успехом из официальных изданий пользовалась «Коммерческая газета», выпускавшаяся Департаментом внешней торговли. Число ее подписчиков в Самаре достигало нескольких десятков человек, хотя цена была достаточно высокой – те же 25 руб. в год с доставкой [21, л. 9].

Интересно, что среди подписавшихся на газету, было немало неграмотных глав купеческих и мещанских семейств. Как правило, за них подписывались взрослые сыновья, не отделившиеся от родителей. Они (многие в возрасте 40 и более лет) не были домовладельцами, потому не считались настоящими членами «градского общества», хотя могли иметь собственные семьи, вести отцовское или свое дело. Среди самарских купцов и мещан в середине XIX в. грамотными были чуть более 20%, в основном мужчины 20-40-летнего возраста [4, с. 189]. Новое более образованное поколение самарского купечества и стало читателем специализированного издания для коммерсантов [23].

Росту грамотности способствовало создание в городах народных училищ при Екатерине II [6], распространение уездных и приходских училищ при Александре I и Николае I [2], хотя у провинциальных купцов и мещан вплоть до середины XIX в. сохранялись застарелые предубеждения и «нелюбовь к общественному образованию» [17, с. 18]. Промежуточным этапом к чтению серьезных книг и журналов стала лубочная литература, популярная у простого народа и детей [3, с. 26–27].

Церковь также не оставалась в стороне от распространения светской книги и прессы. Самарское духовное правление в 1850 г. было озадачено представлением «в консисторию сведений: в свое ли время и исправно ли получались и получают, как в градских, так и в сельских приходах Губернские ведомости, чрез кого и как, и если нет, то где именно». Обычным делом было обеспечение школ, опекаемых церковью, учебными пособиями, а храмов – просветительскими изданиями. Так, в 1850 г. в духовное правление прислано 16 книг «о всенародном распространении грамотности в России для раздачи по церквам» [5, л. 29–30].

Распространение книги и периодики в уездном обществе конца XVIII – первой трети XIX вв. шло различными путями. Литературно-художественные издания приходили через читателей, которые находили в них удовлетворение собственных духовных потребностей и стремились приобщить к ним окружающих. Правительственная администрация, должностные лица оказывали поддержку официальной и близкой к ней по духу печати. Появился свой читатель у специальной и научной литературы. Еще скромные успехи проникновения печатного слова в уездный город до реформенной России готовили постепенно ту среду, в которой будут развиваться просвещение, наука, литературная жизнь, библиотечное дело, журналистика с середины XIX в., когда Самара стала губернским городом [20] и с другими городами страны вошла в пореформенную эпоху.

Литература

1. Артамонова Л.М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. – 2011. – № 7. – С. 86–88.
2. Артамонова Л.М. Школьные реформы XVIII – первой половины XIX века в процессе российской модернизации // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 2.2 (93). – С. 57–64.
3. Бирюкова А.Б. Круг чтения горожанина-провинциала в первой половине XIX века (по материалам поволжских губерний) // Ното legens в прошлом и настоящем: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Нижний Тагил, 2007. – С. 25–30.
4. Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. – Самара, 2009. – 324 с.
5. ГАУО. Ф. 134. Оп. 36. Д. 266.
6. Ибнеева Г.В., Кинзябулатова Г.Р. Начало школьной реформы в Казанском наместничестве (1786–1788 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № 3–1. – С. 79–86.
7. Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.). – Самара, 2008. – 550 с.
8. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 955. Л. 7 об.; Д. 968. Л. 1–2, 4.
9. Носков А.И. Александр Николаевич Островский в Самаре // Самарский краевед. – Самара, 1994. – С. 126–136.
10. Путешествие в прошлое. – Самара, 1992. – 288 с.
11. РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1184.
12. Русский Вестник. – 1875. – № 4.
13. Русский Вестник. – 1875. – № 8.
14. Русский Вестник. – 1875. – № 9.
15. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – 406 с.
16. Сафронова А.М. Оренбургская коллекция иностранных книг в составе библиотеки Горного ведомства Екатеринбург // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. – 2010. – Т. 76. – № 2. – С. 76–91.

17. Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. – 2014. – № 1. – С. 12–21.
18. Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 3–1. – С. 171–175.
19. Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 979–983.
20. Смирнов Ю.Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2013. – № 3. – С. 331–336.
21. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 2.
22. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 3.
23. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 27.
24. Шелгунов Н.В. и др. Воспоминания. – М., 1967. – Т. 1. – 510 с.

УДК 241.13

А.Б. Бирюкова

г. Самара, Самарский государственный технический университет

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭЛИТЫ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ДОРЕФОРМЕННОЙ ПРОВИНЦИИ (по материалам Поволжских губерний)

Разветвление культурной инфраструктуры в дореформенных поволжских городах (создание библиотек, губернских ведомостей, открытие типографий, расширение книжной торговли), формирование системы светских и духовных образовательных учреждений, поставлявших высокообразованные кадры в епархии региона, во многом предопределили появление плеяды ярких личностей – священников и выходцев из духовного сословия, участвовавших в культурно-интеллектуальном строительстве дореформенной провинции [5]. Наиболее интенсивно этот процесс протекал в губернских городах, где была сосредоточена элита духовенства – высший слой священнослужителей, которому принадлежали ключевые посты в провинциальной церковной иерархии (архиереи, ректоры духовных семинарий, кафедральные протоиереи).

С конца XVIII в. в социокультурном облике провинциальных архипастырей стали проявляться новые черты, свидетельствовавшие о качественных изменениях, затронувших высшую страту духовного сословия империи. Ярким доказательством высказанного тезиса является список тамбовских архиереев XVIII – начала XIX вв., составленный местным священником Тимофеем Лысогорским: «Епископ Тамбовский Феодосий при Екатерине II за взятки... был судим... Еп. Феодил, преемник Феодосия, тоже был судим за взятки при императоре Александре Павловиче... Еп. Феодилакт – добрейший человек. Еп. Арсений – человек умнейший. Еп. Николай – по учению превосходный, по доброте сердца – примерный и по любви к нам сердобольный отец» [4, с. 82].

В первой трети XIX в. обширные поволжские епархии претерпели серьезные структурные преобразования. В 1828 г. была создана самостоятельная Саратовская епархия (ранее являвшаяся частью Пензенской), в 1832 г. была образована Симбирская и Сызранская епархия, а в 1851 г., когда была создана Самарская губерния, – Самарская и Ставропольская епархия [22]. Основные усилия преосвященных были сосредоточены на организационном строительстве своих «вотчин», поэтому архипастыри не имели возможности уделять должного внимания научным занятиям. Так, к примеру, в 1819 г. Саратовскую и Пензенскую епархию возглавил епископ Амвросий (Орнатский) хорошо известный своими работами по истории монастырей и капитальной «Историей российской иерархии», вышедшей в 6 частях в 1807–1815 гг. Заботы о нуждах епархии, а также противостояние с пензенским губернатором П.Ф. Лубяновским [8, с. 150–156], отнимавшее много сил, не позволили ему продолжить научные изыскания.

Впрочем, начиная с 1830–1840-х гг. среди высшей страты провинциального духовенства обнаруживается целая плеяда имен, вошедших в анналы истории отечественной науки и оказавших существенное влияние на изменение культурных ориентиров образованных горожан-провинциалов. Самым именитым ученым-архипастырем Поволжья был Саратовский архиепископ (1832–1847 гг.) Иаков (Вечерков). Его можно назвать одним из первых краеведов Саратовского края, собирателем редких рукописей, деятельным корреспондентом РГО [16, № 23; 42; 45]. Архиепископ содействовал поисковой научной работе, подвигая своих подчиненных к сбору географических и историко-этнографических сведений, которые легли в основу «Статистического очерка Саратов-

ской епархии» (1845 г.) [16, № 23]; Как историка преосвященного привлекали сюжеты, связанные с изучением Кипчакской Орды [10]. Он инициировал раскопки недалеко от Царицына, которыми занимались преподаватель духовной семинарии Г.С. Саблуков и протоиерей города Царева И. Шиловский [13, с. 327, 328]. Обнаруженные ими археологические артефакты передавались архиепископу, который содействовал созданию первого в Саратове музея при семинарии [12, с. 23]. Иаков также оказывал поддержку А.Ф. Леопольдову – редактору Саратовских, а затем Самарских губернских ведомостей, автору нескольких крупных работ по истории и статистике Саратовского края [5, с. 64–65].

подавляющее число внештатных сотрудников губернских ведомостей, как и корреспондентов РГО, были священнослужителями, преподавателями духовных школ, выпускниками семинарий. Так, с саратовской газетой сотрудничали протоиерей А.А. Росницкий (он же являлся корреспондентом РГО) [16, № 25, 55], преподаватели духовной семинарии Г.С. Саблуков и И. Палимпсестов. Постоянным автором «Симбирских губернских ведомостей», сотрудником РГО, а с 1862 г. членом Симбирского статистического комитета был преподаватель духовной семинарии Д.Н. Орлов. Переехав в Самару, он продолжил заниматься сбором историко-этнографических материалов, а также возглавил редакцию местных епархиальных ведомостей (1867 г.) [19; 20, с. 67].

Сложная конфессиональная обстановка в епархиях Поволжья, увеличивающееся число староверов и сектантов способствовали активизации миссионерской деятельности священнослужителей, вынуждали церковные власти искать пути повышения образовательного уровня пастырей, а это, в свою очередь, сказывалось и на научных интересах городского духовенства. В Симбирской духовной семинарии по инициативе архиепископа Феодотия (Озерова) «учение о вероисповеданиях и существующих в России расколах» преподавалось как отдельная дисциплина [19]. Автором «Истории раскола Пензенской епархии» являлся один из самых высокообразованных и интеллектуальных представителей элиты городского духовенства, профессор Пензенской духовной семинарии Иаков Бурлуцкий [6]. Крупнейшим специалистом по истории старообрядчества и сектантства Саратовского Поволжья был выше упомянутый архиепископ Иаков, составивший в 1830–1840-е гг. «Записки» «О разных сектах» и «Расколе беглопоповской секты по Саратовской епархии» [16, № № 42, 45]. Кроме того, он собирал старообрядческие книги и рукописи, которые впоследствии передал семинарской библиотеке [12].

Одним из ближайших его сподвижников был благочинный саратовских церквей Г.И. Чернышевский, с которым, впрочем, у преосвященного складывались не простые отношения. Среди многочисленных заслуг Г.И. Чернышевского следует отметить две научные работы, написанные им в конце 1830-х – начале 1850-х гг. Это «Историческая записка об обращении Средне-Никольского (на Иргизе) раскольнического монастыря в единоверческий» (1839 г.) и «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии» (1851–1856 гг.), которое было составлено Г.И. Чернышевским по синодальной программе, разосланной в 1850 г. всем архиереям [9, с. 92–93]. Работа над церковно-историческими и историко-статистическими описаниями велась во многих епархиях уже в 30–40-е гг., еще до издания соответствующего циркулярного указа Синода. В Саратове, как показано было выше, инициатором сбора информации по данной теме был архиепископ Иаков. Кроме Иакова и Г.И. Чернышевского к этой теме обращался А.Ф. Леопольдов [9, с. 99].

В Симбирске церковно-исторические изыскания «сперва по собственной воле, потом... по поручению Симбирского Преосвященного (Феодотия – А.Б.)» [Цит. по: 11, с. 33] проводил профессор местной духовной семинарии, известный ученый К.И. Невоструев. Материалы, собранные им во время пребывания в Симбирске по истории и археологии края, включая историю обитателей Самаро-Симбирского Поволжья, были изданы 1850–1870-е гг., а его сочинение «Историческое обозрение Симбирска от первых времен до его возведения на степень губернского города» [17] вышло в свет только в начале XX в.

В Пензе одним из первых историков-краеведов, собиравшим сведения по церковной истории края, был протоиерей кафедрального собора Ф.П. Островидов. Несколько его трудов были опубликованы в 40–50-е гг. в местной газете, а работа «О началах распространения христианства в пределах Пензенской епархии» вышла в свет уже после его кончины в 1866 г. [18, с. 422]. Неудачным был как на пастырском служении, так и в научной деятельности, младший коллега Ф.П. Островидова, профессор (первоначально выпускник, а в последствии ректор) Пензенской духовной семинарии Иаков Петрович Бурлуцкий. Закончив Московскую духовную академию (как и

К.И. Невоструев), он вернулся в Пензу. Выпускники этого высшего духовного заведения, в 1840 г. получали в стенах «alma mater» навыки серьезной научно-поисковой работы, которые реализовали уже в полной мере на месте своего духовного служения. Отец Иаков на протяжении многих лет редактировал местные епархиальные ведомости, одновременно являясь их корреспондентом [18, с. 75]. Его работы по истории епархии и народной религиозности [7] до сих пор не потеряли своей актуальности.

Таким образом, к 1840-м гг. научная деятельность стала неотъемлемой частью образа жизни элиты провинциального духовенства. Подобная тенденция была закономерным следствием роста образовательного уровня духовного сословия. Так, в середине XIX в., по наблюдениям Л.М. Артамоновой, в 8 училищах уездных городов Самарской губернии все 7 священников и 1 дьякон были выпускниками семинарий, законоучителя приходских училищ Самары Николай Цареградский и Михаил Ястребов получили степень магистра в Казанской духовной академии, «а законоучитель самарского уездного училища Иоанн Халколиванов (протоиерей кафедрального собора Самары, член губернского статистического комитета – А.Б.) – степень магистра в Московской духовной академии» [2, с. 69].

Православные священнослужители в уездных городах, как правило, в большей мере занимались не наукой, а просвещением и благотворительностью [1], обустроивали духовные и светские учебные заведения на местах [3]. Поволжские материалы «в целом дают возможность для широких выводов о важной роли служителей церкви в становлении российской школы нового времени» [23, с. 18]. Впрочем, активизация церковно-исторических исследований и сбор РГО историко-этнографического материалов привели к тому, что не только городские, но и сельские священники в 1850-е гг. стали основными его информаторами как в поволжских губерниях [21], так и в других регионах России [20].

Таким образом, занятия научными исследованиями уже в предреформенное десятилетие перестали быть исключительно прерогативой городских священников. Они вошли в культуру повседневности разных страт провинциального православного духовенства, хотя преимущественно являлись занятием его образованной элиты.

Литература

1. Артамонова Л.М. Бугурусланский священник Иоанн Милордов и становление народного образования в русской провинции первой половины 19-го столетия // Наука и культура. – 2014. – Т. 1. – С. 8–11.
2. Артамонова Л.М. В начале Самарской науки: самарские учителя середины XIX века и их ученые занятия // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Междунар. научно-практической конференции 23–25 мая 2013 года. – Самара, 2013. – С. 65–75.
3. Артамонова Л.М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 8.2 (99). – С. 110–117.
4. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. – СПб., 2007. – 311 с.
5. Бирюкова А.Б. Статус интеллектуальной деятельности в социокультурном слое городского духовенства (по материалам дореформенных городов Среднего Поволжья) // Интеллектуальная элита России: История, Современность, Перспективы: материалы 38-й Всеросс. заоч. науч. конф. – СПб., 2005. – С. 57–67.
6. Бурлуцкий И.П. История раскола в Пензенской епархии. – Пенза, 1873. – 51 с.
7. Бурлуцкий И.П. Чудотворные и особопочитаемые иконы Пензенской губернии // Пензенский временник любителей старины. – 1991. – Вып. 1. – С. 5–6; Вып. 2. – С. 13–14; Вып. 3. С. 13–14; Вып. 4. – С. 20; 1992. Вып. 11. – С. 26–27.
8. Жмакин В.И. Амвросий Орнатский. Архиепископ Пензенский // Русская старина. – 1883. – Т. XXXIX. июль. – С. 129–178.
9. Захарова И.Е. Работа Г.И. Чернышевского над составлением «Церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии» (1850–1856 годы) // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Сер. История. Международные отношения. – Вып. 2. – С. 92–99.
10. Иаков (Вечерков) Исследование о месте Сарая, столицы Кипчатской Орды. – Казань, 1842. – 24 с.
11. Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. – Самара, 2002. – 278 с.
12. Лебедев А.А. Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский и его рукописное собрание // Труды СУАК. – Саратов, 1911. – Вып. 30. – С. 1–96.
13. Лебедев А. Рукописные собрания в Саратове // Труды СУАК. – Саратов, 1909. – Вып. 25. – С. 319–334.
14. Майорова А.С. Роль православного духовенства в формировании общественно-культурной среды Саратова в конце XVIII – первой половине XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asv.gov.ua/content/nauka/editions/20/2013-20/236-248.pdf> (дата обращения: 14.01.2015).
15. Майорова А.С. Саратовская духовная семинария и её роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Право. Международные отношения. – 2005. – Т. 5. – Вып. 1/2. – С. 21–28.
16. Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Р. XXXVI (Саратовская губерния).

17. Невоструев К.И. Историческое обозрение Симбирская от первых времен до его возведения на степень губернского города. – Симбирск, 1909. – 40 с.
18. Пензенская энциклопедия. – Пенза, 2001. – 759 с.
19. Симбирская духовная семинария. К 170-летию со дня основания [Электронный ресурс] // Ежегодные Розовские чтения. URL: <http://rozov.ulsu.ru/ind1.htm> (дата обращения: 04.09.2014).
20. Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. – 2014. – № 1. – С. 12–21.
21. Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8.2 (109). – С. 65–73.
22. Смирнов Ю.Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2013. – № 3. – С. 331–336.
23. Якунин В.Н. История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 16–22.

УДК 34.096

Е.В. Бодрова

*г. Москва, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина,
Московский государственный университет приборостроения и информатики*

О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВИВШИХ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В РАЗВИТИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РФ

Весьма сложная геополитическая и экономическая ситуация, сложившаяся в нашей стране в 2014 г., определяет чрезвычайную актуальность темы. Нефтегазодобывающая промышленность – ключевая отрасль экономики нашей страны.

Характеризуя период с начала 2000-х гг. по весну 2014 г., мы можем констатировать общее торможение модернизационных процессов в РФ, непоследовательность, несистемность, недостаточную эффективность реализуемых стратегий правительства, «утечку умов» и капиталов за рубеж, недостаточность ассигнований на образование и науку, отказ от активной государственной промышленной политики. Дискуссионными и в настоящее время остаются вопросы определения наиболее оптимальной модели государственного управления промышленной сферой, необходимости утверждения Закона о промышленности, выбора приоритетов, вовлеченности общества в модернизационные процессы и др.

Между тем, уже в третьем квартале 2013 г. темпы роста российской экономики оказались практически нулевыми. Анализ оценок сложившейся ситуации и прогнозов экономистов в этот период демонстрировал в основном их пессимизм, они подчеркивали отсутствие у государства созидательной ориентации, промышленность уже потеряла к этому времени с начала года 142000 рабочих мест, фиксировалось нежелание бизнеса и государства инвестировать в производства. Эксперты Всемирного Банка видели выход в преодолении нашей страной структурных экономических проблем. Экономика должна быть диверсифицирована, но власти не занимались этим ни до кризиса 2008 года, ни после [4].

Главным стратегическим просчетом, с нашей точки зрения, является ставка на превращение валютных доходов в золотовалютные резервы, а не инвестирование в модернизацию ТЭК, развитие нефтяного машиностроения, нефтепереработки, нефтехимии, нефтеразведки, нефтяной науки и нефтяных технологий, структурных преобразований в экономике в целом. Одной из серьезнейших проблем остается отставание высокотехнологичных отраслей.

Помимо внешних факторов, действующих негативным образом на состояние НГК, не преодолены внутриотраслевые блокирующие факторы: высокая степень износа основных фондов; низкая степень инвестирования; монозависимость экономики и энергетики страны от природного газа; несоответствие производственного потенциала ТЭК мировому научно-техническому уровню, включая экологические стандарты; слабое развитие энергетической инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; отставание ежегодных объемов прироста запасов, осуществляемых за счет геологоразведочных работ, от объемов добычи топливно-энергетических ресурсов; низкие темпы геолого-разведочных работ при освоении месторождений топливно-энергетических ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, полуострова Ямал, континентального шельфа арктических морей; недостаточная эффективность эксплуатации действующих месторождений в части наиболее полного и комплексного извлечения топливно-энергетических ресурсов; требующий со-

вершенствования механизм регулирования недропользования от поисковой стадии до завершения разработки и ликвидации месторождений.

Одновременно отметим, что за последние годы сформировался комплекс программных документов российского НГК, были проведены налоговые реформы отрасли, которые, по замыслу правительства, должны стать стимулом для освоения новых месторождений, позволят увеличить добычу. Изменения налоговой политики были беспрецедентными. За последние три года затраты на инновации в НГК находились на уровне лучших международных компаний и, зачастую, даже превышали их. Но, опережая зарубежные компании по доле затрат на НИОКР к выручке, наши компании, как отмечал Министр энергетики А.В. Новак, примерно в 5–10 раз уступали им в количестве зарегистрированных патентов [1].

Одним из факторов, оказавших значимое воздействие на мировой нефтегазовый рынок, стала «сланцевая революция», споры о которой приобрели все большую остроту в связи с событиями на Украине. Дискуссионными остались также вопросы: диверсификации экспорта, гипертрофированно большой доли вывоза сырой нефти в сравнении с нефтепродуктами, практическое отсутствие конкурентного рынка, проблема недостаточной эффективности использования нефтегазовых доходов, налоговая политика, наиболее оптимальная модель государственного участия в развитии сырьевого сектора экономики. Анализируя сложившуюся ситуацию, эксперты сходились в последние годы в одном – невозможно выстроить долговременную стратегию устойчивого роста, формирования конкурентоспособной и инновационной экономической модели развития, основываясь только на преимущественном использовании природных ресурсов. Центр экономического анализа формулирует вывод о том, что при возрастании доли производства сырьевых экспортных товаров в общем объеме экспорта на 25%, экономический рост на душу населения в перспективе замедляется на 0,5-1% в год [2]. Для экономического развития стран, имеющих экспортно-сырьевую модель экономики, характерен неровный темп, особая, иногда сокрушительная, зависимость от внешних колебаний. События весны 2014 г. со всей очевидностью это доказали.

Торможение инновационных процессов в нефтегазовом комплексе РФ, усиливающаяся глобализация и радикально меняющаяся геополитическая ситуация во многом обуславливают высокий уровень нестабильности и характер государственной социально-экономической и внешней политики.

Опыт свидетельствует о том, что государственное регулирование методами тарифной, ценовой, налоговой и таможенной политики позволяет достаточно эффективно осуществлять контроль баланса топлива и энергии и способствует динамичному развитию национальных экономик. Это может способствовать изменению закрепившейся за РФ сырьевой специализации, созданию современных нефтеперерабатывающих производств, перевооружению нефтяной и газовой отраслей, активизации геологоразведки, диверсификации потоков сырьевых ресурсов, снижению весьма значительной доли сырой нефти в экспорте. Последние заявления и разрабатываемые документы, включая новую Энергетическую Стратегию, свидетельствуют о понимании безальтернативности и значимости таких проектов. Так как в настоящее время доля РФ в производстве высокотехнологичной продукции для нефтяной отрасли составляет 2%, компании вынуждены импортировать наукоемкие технологии, затрачивая миллиарды долларов. В этой ситуации также требуется государственное влияние для обеспечения активизации инновационных процессов с целью усиления конкурентных позиций НГК как внутри страны, так и на мировом рынке. Нефтегазовый комплекс может и должен выступить в роли локомотива модернизационных процессов в России, отмечалось на совещании под председательством президента РФ, посвященном ТЭК, в мае 2014 г.

К настоящему времени утверждено значительное количество правительственных документов, ориентированных на импортозамещение и технологический прорыв, но модернизационного взлета не наблюдается. Исторически справедливо напоминают о важности учета отечественного и зарубежного опыта разработки и реализации мощных национальных проектов, специфике российской модели модернизации, значимости социокультурного фактора [3].

Таким образом, от содержания и эффективности государственной политики в нефтегазовой сфере во многом зависит не только политическое и экономическое будущее, но и внешнеэкономические и геополитические позиции России. Несмотря на благоприятные прогнозы относительно добычи и экспорта углеводородного сырья, российский НГК подвержен широкому спектру серьезных проблем, способных замедлить экономическое развитие страны в целом. В настоящее время известные ученые, эксперты, предприниматели предупреждают об опасности импортопотребле-

ния, накопления, угрозы экономической безопасности и отсутствию времени. Для изменения сложившейся ситуации в условиях сочетания кооперации с конкуренцией в мировой экономике очевидна значимость точности и скорости при принятии решений.

Литература

1. В Правительстве России обсудили вопросы инновационного развития ТЭК [Электронный ресурс] // Энергоназор и энергобезопасность. URL: <http://www.iestream.ru/news/sobitie/1399-v-pravitelstve-rossii-obsudili-voprosy-innovacionnogo-gazvitiya-tek.html>.
2. Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под общ. ред. Б.З. Мильнера. – М., 2010. – С. 46.
3. Калинов В.В. Государственная научно-техническая политика (1985–2011 гг.). Монография. – М.: Изд-во МосГУ, 2011. – 456 с.
4. ТЭК и экономика России: вчера, сегодня, завтра (1990–2010–2030) / Под ред. Ю.К. Шафраника. – М., 2011. – 487 с.

УДК 94

В.И. Гребенюков

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

«ВЕЛИКАЯ ЗАМЯТНЯ» В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В XIV ВЕКЕ, ИЛИ ЗАЧЕМ ПОШЛИ НА КУЛИКОВО ПОЛЕ МОСКВИЧИ, РОСТОВЦЫ, ЯРОСЛАВИЧИ, БЕЛОЗЁРЦЫ?

Среди многих проблем Российской истории одной из наиболее важных и в то же время противоречивых является тема Золотой Орды. Она всегда вызывала живой интерес и в определенной мере была и остается политизированной. В отношении роли Золотой Орды российские историки, в основном, придерживались негативной точки зрения, что приводило к искажению истории. Последние годы начали менять ситуацию и помогли выявить некоторые ранее скрытые проблемы. Расширился круг участников дискуссии. Подключились не только ученые Российской Федерации, но и исследователи Азии, Европы, США.

Новейшие исследования российских и зарубежных учёных по истории золотоордынского государства показывают, что его материальная и духовная культура является неотъемлемой частью исторического и культурного наследия России и СНГ. Золотоордынская цивилизация вырастает в очень серьезную, глобальную тему, без которой трудно понять средние века, историю Евразии и Восточной Европы. Русско-ордынские отношения существовали почти 200 лет. И за это время, как ордынское государство, так и Русь претерпевали целый ряд исторических изменений. И все эти изменения стояли в прямой связи с эволюцией не только русских государств, но и с эволюцией самой Орды. Поэтому знание истории Золотой Орды, знание основных этапов и коренных фактов в развитии золотоордынского государства является необходимым условием для понимания русской истории.

Созданное в 1243 году государство монголов в Восточной Европе – Золотая Орда – как и любое другое государство эпохи военной демократии, требовало постоянного притока сверхдоходов для поддержания престижа вождей. Последнее обстоятельство было еще более важно в связи с замещением династии Ашина, правившей в Степи с VII века, династией Чингизидов. Прибытие в ставку Бату-хана Ярослава Всеволодовича стало спасительным кругом для завоевателей. Возведение на престол Гуюка (1246–1248) (1242–1251 – период междуцарствия), врага Бату-хана, не оставило шансов Ярославу Всеволодовичу. Усиление Бату, наиболее значимого соперника Великого хана Гуюка, за счет союза с Северо-Восточной Русью, не входило в планы правящей ветви династии. Смерть Ярослава Всеволодовича не могла изменить избранную стратегию Бату-хана – союз с Русью. Два старших сына умершего Великого князя Владимирского отправились в Каракорум и вскоре заняли свои места на Руси согласно завещанию Ярослава Всеволодовича. Старший Александр получил духовный центр Руси, столицу православной митрополии – Киев и «кошелек» Руси – Новгород Великий. Андрей стал великим князем Владимирским, блюстителем отчины предков.

Позицию Ярослава Всеволодовича легко понять, мира между Рюриковичами не было. События на Липице 1216 года, унесшие жизни тысяч славянских воинов со всех воюющих сторон, ярчайшее тому подтверждение. Потомкам Юрия Владимировича Долгорукого всеми силами необходимо было удержать свою отчину. Монгольский погром катастрофически подорвал силы Северо-

Восточной Руси. Основной доход правящего сословия – дань с покоренных финно-угорских народов собирать было некому. Монголам же необходимы были постоянные материальные подпитки. Объединение усилий Чингизидов и Рюриковичей-Юрьевичей было обоюдной необходимостью.

Выбором Андрея Ярославича стал Даниил Романович Галицкий, дочь которого стала супругой владимирского князя. Выбор союзника был не совсем удачный. Владения Даниила так же пострадали от монголов, но материальной основой его власти было собственное славянское население, платившее налоги на содержание государственной власти в силу традиции, облеченную, в свое время, княгиней Ольгой в форму закона – во избежание кровопролития между народом и его правящим сословием.

Не случайно, Даниил Романович не сразу определился с приоритетом внешнеполитических связей. Попытка принять королевскую корону из рук Папы Римского, делало его положение в княжестве чрезвычайно шатким – к его традиционным соперникам, боярам, могли добавиться церковные иерархи. Не случайно, после долгих раздумий он все же принял ярлык из рук Батухана.

Возможные надежды Андрея Ярославича на помощь Даниила Романовича, были пресечены Неврюевой ратью, посланной наследником Бату – ханом Сартаком. Какова роль Александра Ярославича в организации подавления инициативы младшего брата? Видимо вопрос этот риторический. Оценку поступкам князя дала Русская православная церковь, причислив его во время работы Соборов 1547 и 1549 годов к лику святых. Этот акт открывает огромный пласт отечественной истории, позволяя увидеть ее без прикрас и в то же время во всем ее величии. Указанный период был временем осознания значимости шагов предпринятых в свое время предками Ивана IV Грозного – Ярославом Всеволодовичем и Александром Ярославичем.

Преодолев период становления, правители Золотой Орды обязаны были принять во внимание интересы основного этноса государства – тюрок. Помимо утраты языковой специфики – монгольского языка, новая знать должна была расстаться и с традиционными верованиями правящего меньшинства – монголов, с христианством и шаманизмом. Хан Узбек сделал единственно возможный выбор в пользу ислама, веры большего числа подданных державы. Последствия этого шага – подъем всех сторон жизни Золотой Орды.

Время неурядиц пришло в Золотую Орду вместе со смертью хана Джанибека в 1359 году. Это было начало междоусобной войны, получившей в русских летописях название «Великой замятни».

Перемены в Золотой Орде волновали всю Восточную Европу. В 1362 году литовский князь Ольгерд в битве у Синих вод открывает дорогу к власти темнику Мамаю. Поверженные Ольгердом противники Мамаю позволили темнику установить фактический контроль над большей частью Золотой Орды. Волга стала границей его владений на востоке. Оставалось договориться с Москвой о признании владительных прав Мамаю. Деятельную помощь Мамаю оказывал Ольгерд. Две осады Москвы в 1368 и 1370 гг. были стремлением принудить ее к признанию Мамаю. Под давлением и ввиду угрозы утраты самостоятельности в 1372 году Москва заключила мир с Литвой и согласилась принять послов Мамаю. Но Москва во второй половине XIV века лишь Москва. Точку поставили нижегородцы в 1374 году, перебив посольство Мамаю, направлявшееся в Москву. Путь на Куликово поле был открыт.

Что не устраивало Москву и ее союзников? Молодая династия Гедиминовичей прибрала к рукам большую часть бывшей Киевской Руси и активно добивалась от Константинополя учреждения собственной православной митрополии. Потомки Всеволода Большое Гнездо должны были выбирать, или им оставаться рюриковичами, или предпочесть чингизидов. В улусе Джучи им было привычнее и безопаснее. Кроме того, создание прецедента узурпирования власти Мамаем, признание рождения новой династии, делало Северо-Восточную Русь легкой добычей и для Мамаю и для Ольгерда. Предпочтение было отдано наведению порядка в Золотой Орде, а Куликово поле заявило о потенциале нового этноса – великороссов. Были обозначены и претензии Москвы на первенство в Золотой Орде.

Из того, что осталось за пределами интересов основных исследователей проблемы, можно отметить очевидное стремление не видеть в происходивших событиях совершенно отчетливые тенденции:

1. За время Замятни в Орде сменилось более 25 ханов. Потомки Бату-Хана сошли с исторической арены... за исключением потомков побратима хана Сартака – Александра Невского.

2. Единственный и реальный центр борьбы русских земель за освобождение от ордынского владычества – Великое княжество Литовское и Русское. Все деяния этого государства либо замалчивались, либо выдавались как сугубо враждебные русским национальным интересам. Более пристального изучения требует тема нежелания Константинопольского патриархата учредить митрополию в Великом княжестве Литовском и Русском.

3. Москва не была и не могла быть центром борьбы за освобождение от Ордынского владычества. Москву можно рассматривать, применительно к исследуемому периоду, как один из центров борьбы за верховенство в Золотой орде и все имеющиеся факты лишь подтверждают эту мысль. А позднейшие события, включая сам факт образования государства Российского, его территорию, однозначно свидетельствуют о Москве как о наследнице не только Золотой Орды, но всего Улуса Джучи.

4. Ничего не было predetermined, но одно можно утверждать: Москва сумела стать центром восточно-европейского православия, и это стало ее главным и определяющим успехом. Распад Золотой Орды в середине XV века дал Москве уникальный шанс стать центром возрождения Улуса Джучи. Москва эти шансом воспользовалась. Поменялось название, иным стал доминирующий этнос, но сохранилась юридическая преемственность, об этом никогда нельзя забывать.

УДК 94

А.Д. Григорьев

г. Москва, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ В XIX ВЕКЕ И СССР В XX ВЕКЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ

Индустриализация или процесс создания крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства и прежде всего в промышленности является одной из важнейших характеристик социально-политического и экономического развития страны. Несмотря на сложившуюся традицию отнесения индустриализации к периоду 1926–1940 гг., в действительности она охватывает значительно более длительный период XIX и XX столетий. Сам вопрос о факте и времени окончания индустриализации дискусионен и, начиная с девяностых годов XX века, стал предметом полемики ученых (См., например [8]).

Процесс индустриализации в нашей стране включает в себе несколько исторических фаз повышенной активности, из которых наиболее яркой и результативной явилось время первой, второй и незавершенной третьей пятилеток. Период 1926–1940 гг. интегрировал в себе промышленное наследие минувших десятилетий и хозяйственно-экономическую природу советского строя.

Отдельные очаги машинно-фабричного производства: демидовские заводы, петровские судостроительные верфи, горно-добывающие предприятия Урала и Алтая – стали возникать и развиваться еще в конце XVII – первой половины XVIII веков. Но первые достаточно крупные шаги в направлении индустриализации России относятся ко второй половине XIX века.

Реформирование Александром II основ государственного устройства империи: раскрепощение крестьян и создание земства, введение всеобщей воинской повинности, учреждение суда присяжных и судебных уставов и др. – стимулировали развитие производительных сил, создали социально-экономические предпосылки для вступления страны на путь индустриализации. За период 1861–1913 гг. Россия демонстрирует устойчивое промышленно-экономическое развитие. Его наибольшая активность приходится на последнее десятилетие XIX и начало XX веков. Важнейшей компонентой технического развития страны было железнодорожное строительство.

К началу восьмидесятых годов протяженность железных дорог превысила 20 тысяч километров; их среднегодовой прирост за 1865–1875 гг. составил 1,5 тысяч километров. Во время промышленного подъема девяностых годов в год строилось более 2,5 тысяч километров. С 1893 по 1902 гг. вступило в действие 27 тысяч километров железных дорог, а их общая протяженность превысила 55 тысяч километров. В 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, которая в основном была закончена в начале XX века [13, с. 109].

Важнейшим показателем развития промышленности, в первую очередь машиностроения, являлось использование на производстве паровых машин. С 1890 по 1900 гг. суммарная мощность па-

ровых двигателей возросла с 125,1 тыс. л. с. до 1294,5 тыс. л. с. В 1913 г. по сравнению с 1900 г. продукция машиностроения увеличилась на 50% [12, с. 23].

Летопись развития железных дорог, машиностроения, других отраслей индустрии показывает, что в России была смещена характерная для развития Западной Европы последовательность формирования системы крупного капиталистического производства – от легкой промышленности к отраслям, производящим средства производства, а затем – к паровому транспорту.

Обратная, в отличие от Запада, последовательность этапов промышленного развития: вначале паровой транспорт, далее тяжелая, а затем легкая промышленность – явилась своего рода «ассоциативным импульсом» для советского руководства, выдвинувшего, а затем постоянно развивавшего тезис о специфике социалистической индустриализации и ее отличии от капиталистической. В наиболее развернутой форме концепция социалистической индустриализации была изложена в речи И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. «Советский метод индустриализации страны – отметил он – коренным образом отличается от капиталистического метода индустриализации. В капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности. Так как в легкой промышленности требуется меньше вложений и капитал оборачивается быстрее, причем получение прибыли является более легким делом, чем в тяжелой промышленности, то легкая промышленность становится там первым объектом индустриализации. Только по истечении длительного срока, в течение которого легкая промышленность накапливает прибыли и сосредотачивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжелой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжелую индустрию для того, чтобы создать условия для ее развертывания. Но это – процесс длительный, требующий большого срока в несколько десятилетий, в течение которого приходится ждать развития легкой промышленности и прозябать без тяжелой промышленности. Понятно, что Коммунистическая партия не могла стать на этот путь. Партия знала, что война надвигается, что оборонять страну без тяжелой индустрии невозможно, что нужно поскорее взяться за развитие тяжелой индустрии, что опоздать в этом деле – значит проиграть. Партия помнила слова Ленина о том, что без тяжелой индустрии невозможно отстоять независимость страны, что без нее может погибнуть советский строй. Поэтому коммунистическая партия нашей страны отвергла «обычный» путь индустриализации и начала дело индустриализации страны с развертывания тяжелой индустрии» [11, с. 17].

Таким образом, сопоставляя периоды дореволюционной и советской индустриализации, можно констатировать обратную для обоих этапов последовательность протекания промышленного развития по сравнению с Западом и обоснованно говорить о специфике не только социалистической, а в целом отечественной индустриализации. Водораздел проходит не между социалистическим и капиталистическим путями промышленного развития, а между индустриализацией нашей страны и стран Запада в XIX и XX столетиях. Эта специфика сопряжена с исторической уплотненностью отпущенного на индустриализацию времени, ситуацией «догоняющей страны», более поздним началом промышленного прорыва как Российской империи, так и Советского Союза.

Пореформенная Россия, приступившая к индустриализации намного позже мировых промышленных лидеров, демонстрировала, во-первых, более высокие темпы развития, чем США и страны Западной Европы, а во-вторых, опережающий рост тяжелой промышленности. При увеличении производства в стране всей промышленной продукции с 1890 по 1900 гг. в 2 раза производство продукции тяжелой промышленности возросло в 2,8 раза, а легкой – в 1,6 раза [4]. В 1909–1913 гг. среднегодовой рост промышленной продукции составил 8,8%: в отраслях, производящих средства производства 13%, предметы народного потребления – 6,2% [12, с. 33].

Форсированной индустриализации России содействовали: использование производственно-экономического опыта зарубежных стран, высокая обеспеченность природно-энергетическими ресурсами, дешевая рабочая сила, активное инвестирование производства западными государствами (доля иностранного капитала в российской промышленности составляла около 47%), финансирование государством промышленного строительства, целевые иностранные займы. Важным фактором индустриализации являлась ее поддержка и протекционизм со стороны политической, промышленной и научной элиты империи. Активными сторонниками индустриализации были С. Ю. Витте, А. П. Столыпин, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, И. Х. Озеров и др.

В то же время промышленное строительство России испытывало и немалые трудности, в том числе: недостаточное развитие внутреннего рынка, нехватка научно-инженерных кадров, земель-

но-патриархальный менталитет населения, отрицательное отношение к индустриализации крупных землевладельцев.

Несмотря на технико-экономический подъем, Россия не смогла достичь паритета со странами Запада по абсолютным показателям промышленного развития. Увеличив к началу XX в. более чем в 2,5 раза добычу угля, страна, тем не менее, добывала угля в 20 раз меньше, чем США, в 14 раз меньше, чем Англия, в 6 раз меньше, чем Германия, в 6 раз меньше, чем Франция. В 1900 г. в России производилось в расчете на одного жителя почти в 4 раза меньше чугуна, чем во Франции, в 10 раз меньше, чем в США, в 13 раз меньше, чем в Англии [4]. В 1913 г. в России на душу населения вырабатывалось 13 кВт-ч электроэнергии, а в США – 236 кВт-ч.

В целом Российская империя отставала от наиболее промышленно развитых стран Запада, но ее никак нельзя считать отсталой страной, поскольку она входила в группу индустриальных государств-лидеров. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1913 г. Россия по производству всей промышленной продукции занимала в мире пятое место, а в Европе – четвертое, по добыче угля – соответственно шестое и пятое, нефти – второе и первое, торфа – первое и первое, по выплавке чугуна – пятое и четвертое, стали – пятое и по совокупному показателю машиностроения – четвертое и третье места [14, с. 111].

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. объясняется не пролетаризацией России, в которой общее число рабочих составляло на 1913 г. лишь 14,6% населения, а стечением ряда крайне неблагоприятных для политического режима империи обстоятельств: 1. развязыванием капиталистическим миром первой мировой войны; 2. безынициативностью, инертностью и коррумпированностью высшей власти; 3. неспособностью Государственной думы проводить консолидированную внешнюю и внутреннюю политику; 4. отсутствием общественного согласия и подорванностью национальных основ духовности и жизнеустройства; 5. хорошо организованными дестабилизирующими ситуация действиями радикально-революционных объединений; 6. материальной поддержкой западными банкирами Я. Шиффом, Ротшильдами, Варбургам и др. антигосударственных сил внутри России [3, с. 18].

Тяжелая для российской государственности ситуация была использована большевиками профессионально и в высшей степени результативно. Великолепное чувство исторического момента – знаменитое ленинское «Завтра будет поздно» – позволило им менее чем за сутки практически бескровно взять в руки власть и стать хозяевами и Зимнего и Смольного. Но это была не революция рабочего класса, а переворот фанатически жаждавшей власти группы интеллектуалов, увлекших за собой зажигательной революционной риторикой балтийских матросов и солдат петроградского гарнизона.

Концепция исторического забегания в будущее, преждевременность советской власти, возникшей не в результате исторического процесса объективного развития, а установленной путем революционного экстремизма, всегда активно разрабатывалась западными советологами. В начале девяностых годов XX столетия она становится предметом анализа и отечественных ученых. Так, известный специалист в области социальной истории А. П. Бутенко утверждает, что «одной из главных отличительных черт XX века, которая лучше всего объясняет события столетия, логику и смысл их развития, было огромное историческое забегание – забегание в будущее, начатое в 1917 году в послеоктябрьской России» [1]. Принять данную точку зрения – значит признать, что октябрьское и послеоктябрьское опережение «кремлевскими мечтателями» объективного хода истории стало причиной огромных трудностей и потрясений, пережитых страной и народом. Это полностью относится и к индустриализации, которая капиталистической интервенцией против Советской республики и братоубийственной гражданской войной была ввергнута в состояние полной стагнации.

Промышленное производство за период 1918–1921 гг. сократилось в четыре раза. Падение объема валовой продукции в ежегодном процентном выражении выглядит следующим образом: в 1917 г. объем составил 77% от уровня 1913 г., в 1918 г. – 35%, в 1919 г. – 26% и в 1920 г. – лишь 18%. В 1920 г. выплавка чугуна составила 2,4% от уровня 1913 г., добыча руды – 1,7%, выплавка меди – 0%, азотной кислоты было получено 4,4%, производство паровозов – 14,8%, вагонов – 4,2%, плугов – 13,3%, сахара – 6,7%, хлопчатобумажной пряжи – 5,1%. За три года войны и внутренней смуты было разрушено около 4 тысяч мостов. В целом события 1918–1921 гг. нанесли стране несравнимо больший урон, чем Первая мировая война [3, с. 25].

Четырехлетнее военно-революционное лихолетье повергло страну в состояние хаоса и полной стагнации, в состояние, которое можно определить лишь как системную хозяйственно-экономическую катастрофу. Революционный эксперимент с Россией загнал ее в историческую ловушку: внутри страны – полная разруха, снаружи – враждебное капиталистическое окружение, назад в прошлое пути нет, поскольку нет прошлого, выход один – пробираться вперед сквозь тернии, полные неизвестности, и естественно, что вся тяжесть грядущего похода ложилась на плечи многострадального народа, того самого народа, которого четыре года назад никто не спросил, а хочет ли он того, что уже случилось и что его ждет впереди.

Ситуация, в которой оказались и страна, и ее лидеры, представляла собой реальную и большую угрозу. Исходившая от капиталистических государств потенциальная опасность не являлась мифом, плодом больного воображения, жупелом для непосвященных. Поведение новой советской власти и внутри страны, и на международной арене (чего стоят лишь ее отказы от соблюдения финансовых договорных обязательств царской России) позволило иностранным державам сформировать достаточно цельное и ясное представление о советском руководстве. Западная дипломатия не питала иллюзий в отношении устремленности государства рабочих и крестьян к мировой революции и экспансии им «классовой солидарности» с пролетариатом крупнейших капиталистических стран.

Знаковой идеологической доктриной молодого советского руководства являлась постоянно озвучиваемая им концепция мировой революции. Ее разработчик и проводник Л.Д. Троцкий полагал, что только с помощью «перманентной революции» можно добиться устойчивого поступательного движения. Иначе – крах, одним не вытянуть затеянного. Однако уже к 1924 г. волюнтаристичность идеи «всемирного революционного костра» начала становиться все более очевидной, а рабочие и коммунистические партии как реальный в понимании Кремля фактор его поддержки и буферная сила между старым и новым миром оказались слабыми, мало что могущими реально сделать в пользу «русских братьев по классу» объединениями. Как правило, они сами ждали помощи.

Произведенная идеологическая рокировка в пользу построения социализма в одной отдельно взятой стране, что политически было закреплено на XIV конференции РКП (б), состоявшейся в апреле 1925 г., лишь усиливала чувство уязвимости и незащищенности. Следствием этого было постоянное «разогревание» тезиса о капиталистической угрозе, являвшееся достаточно результативным средством поддержания в стране, прежде всего среди молодежи, состояния мобилизационной готовности.

Оказавшись один на один со всеми опасностями, как и всегда в таких случаях, руководство Советской республики обращает свой взор к единственной реальной опоре – Красной Армии. Концепция взаимоотношения власти и главной военной силы была лаконично и четко сформулирована В. И. Лениным на XI съезде партии: «Мы действительно должны быть начеку, и в пользу Красной Армии мы должны идти на известные тяжелые жертвы... Перед нами весь мир буржуазии, которая ищет только формы, чтобы нас задушить» [10, с. 112]. В дальнейшем тезис о капиталистической опасности стал важнейшим обоснованием многих крупных внутри- и внешнеполитических акций, предпринятых руководством Советского Союза.

Высказанная Лениным мысль о жертвах в пользу Красной Армии обернулась для военных вполне реальными мерами по улучшению условий их службы и быта. Внимание к содержанию армии и флота проявлялось и прежде, начиная с 1918 г. Удовлетворение их потребностей было для государства приоритетной задачей. О том, какое внимание уделялось снабжению Красной Армии, свидетельствуют следующие цифры. В соответствии с планом государственного распределения товаров и продуктов на 1920 г., тяжелейшей среди всего лихолетья, Красной Армии было выделено: муки 25% от общего количества, которым располагало государство, фуражного зерна, жиров, мыла и хлопчатобумажных тканей – 40%, крупы – 50%, мяса, рыбы и сахара – 60%, мужской обуви – 90%, табака – 100% [3, с. 25]. При этом снабжение городов и особенно деревень промышленными товарами в ряде случаев упало до нуля.

Достойное обеспечение Красной Армии было необходимо, но без принятия созидательных мер оно становилось лишь дополнительной экономической нагрузкой. Нужно было срочно выходить из экономического кризиса, и единственный путь к этому пролегал через восстановление народного хозяйства. Программы восстановления и последующего промышленно-экономического разви-

тия были объединены в единый первый в истории страны и мира общегосударственный план, известный как план ГОЭЛРО (подробнее см. [4]).

Рассчитанный на десять лет, план предусматривал восстановление и развитие экономики, важнейших отраслей промышленности и, в первую очередь, тяжелой индустрии, как необходимые предпосылки и условия успешного строительства социализма. Как общегосударственная программа план ГОЭЛРО носил директивный характер для всех промышленных комиссариатов и ведомств. В законодательном порядке определялись тенденции, структура и пропорции развития народного хозяйства, важнейших отраслей тяжелой индустрии, крупнейших экономических регионов страны.

План представлял собой пример системного подхода к восстановлению (Программа А) и последующему развитию (Программа Б) всей индустрии страны, а не только ее энергетического потенциала. Обе части плана были выполнены в намеченные сроки – в 1926 и 1931 гг. соответственно. По ряду важнейших характеристик задания были перевыполнены.

Общепризнанный успех плана ГОЭЛРО свидетельствовал о серьезных политических и экономических достоинствах советской системы. Предпосылки к развертыванию подобной программы существовали и прежде, но в условиях развития Российской империи по капиталистическому пути сдерживающие факторы оказались сильнее. Ими были: а) противоречие между общегосударственной стратегией отраслевого строительства и существовавшими механизмами хозяйствования (рыночные отношения, частная собственность на землю и т.д.); б) отсутствие общегосударственного органа, который обеспечил бы разработку и реализацию программы развития в масштабах всей страны; в) безынициативность и инертность государственной власти, что усугублялось объективными трудностями, связанными с событиями Первой мировой войны.

Выполнение плана ГОЭЛРО показало, что:

1. Максимальный эффект в достижении поставленной в масштабах государства цели (в данном случае разработка и реализация плана) обеспечивается в случае единства политических, социально-экономических, научно-технических и идеологических интересов руководства страны, широких народных масс и тех специалистов, которые генерируют и претворяют в жизнь объединяющую всех идею.

2. Индустриальный прорыв в рамках программы ГОЭЛРО стал возможен благодаря наличию и включенности в ее реализацию таких объективных и субъективных факторов, как: организационно-политический ресурс, и, прежде всего, сила и воля большевистского руководства страны; отечественный промышленно-экономический потенциал; самодостаточная материально-ресурсная база; территориальная уникальность страны как по занимаемой площади, так и по климатическому и рельефному многообразию; российская научно-техническая школа; объединение высококвалифицированных специалистов-единомышленников, русский национальный менталитет, несущий в себе соборно-общинное начало и послушно-доверительное отношение к верховной власти.

3. На крутых поворотах истории тоталитарно-централизованное начало в деле государственно-хозяйственного строительства дает результаты, которые нельзя получить в условиях политических и экономических свобод.

4. Реалии, связанные с планом ГОЭЛРО, свидетельствуют об уязвимости и дискусионности важнейшего постулата марксизма о народе как главном творце истории. Определяющая роль в разработке и реализации первой программы социально-экономического строительства Советской России принадлежит конкретным политическим и научно-техническим лидерам, прежде всего В.И. Ленину и Г.М. Кржижановскому, сумевшим четко сформулировать цели и задачи плана, разработать методы их решения, мобилизовать все имеющиеся ресурсы на реализацию намеченного, обеспечить повседневную бесперебойную работу руководимых ими коллективов.

С выполнением в 1925–1926 гг. Программы А в основном завершилось восстановление разрушенной индустрии. В 1926 г. по отношению к 1913 г. валовая продукция промышленности достигла 98%, добыча нефти составила 90%, а угля 89%. Спустя год валовая продукция промышленности уже на 11% превзошла уровень 1913 г.; машиностроение дало продукции на 1/3 больше довоенного показателя; в 1,5 раза возросла мощность электростанций [13, с. 137–138].

Успехи восстановительного периода необходимо рассматривать в контексте курса на ускоренную социалистическую индустриализацию. В советском руководстве не существовало разногласий по вопросу о необходимости ее проведения. Ленинская концепция капиталистического окружения и исходящей от него угрозы постоянно озвучивалась наследниками вождя как аргумент в

пользу скорейшего развития страны. «Мы не можем длительно существовать в качестве самостоятельной, в хозяйственном отношении, страны, не превращающейся в колонию мирового капитала, уклонившись от решительной и быстрее индустриализации и реконструкции всего нашего хозяйства», – отмечал друг и соратник Ленина, председатель комиссии ГОЭЛРО и созданного на ее основе Госплана академик Г.М. Кржижановский [7, с. 18–19].

Если необходимость индустриализации никем не оспаривалась, то методы ее проведения стали предметом бурных дискуссий. Существовало три главных концепции промышленного развития Советского Союза. Первая предполагала проведение так называемой «сверхиндустриализации» с использованием трудовых армий, формируемых путем мобилизации рабочих, установлением на производстве жесткой военной дисциплины, финансированием промышленных программ в ущерб населению, и прежде всего крестьянству, и так находившемуся в бедственном положении. Главный идеолог казарменной индустриализации Л.Д. Троцкий отмечал, что никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходную эпоху. Именно поэтому он делал ставку на милитаризацию труда.

Сторонники принципиально иного подхода – Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и др. – ратовали за минимизацию государственного принуждения, ослабление нажима на частника и вовлечение его капиталов в социалистическое строительство через рыночные механизмы, соответствие целей индустриализации и возможностей их достижения, выравнивание темпов развития тяжелой и легкой промышленности, активизацию экспорта товаров и сырья и закупки на вырученные средства техники.

Третий подход, интегрировавший в себе ряд положений двух первых в смягченном варианте и занимавший как бы промежуточное положение между ними, политически был одобрен на XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г. и после этого стал официальной государственной программой индустриализации страны. Концепция ее развития была сформулирована И.В. Сталиным следующим образом: «Существо индустриализации состоит не в простом росте промышленности, а в развитии тяжелой индустрии и прежде всего ее сердцевины – машиностроения, ибо только создание тяжелой индустрии и собственно машиностроения обеспечивает материальную базу социализма и ставит страну социализма в независимое от капиталистического мира положение» [6, с. 107]. В рамках программы индустриализации предстояло «переоборудовать на основе новой техники старые заводы и фабрики; создать отрасли индустрии, которых в стране не было; построить металлургические, машиностроительные, станкостроительные, автомобильные, тракторные и химические заводы; наладить собственное производство двигателей и оборудования для электростанций; увеличить добычу металла и угля; создать новую военную промышленность; построить заводы современных сельскохозяйственных машин и тем подвести материально-техническую базу под сельское хозяйство; обеспечить переход миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств к крупному колхозному производству» [13, с. 137–138].

Программа индустриализации была полностью выполнена в период первого, второго и третьего пятилетних планов. Главным историческим достижением стал выход СССР к концу второй пятилетки по суммарному производству промышленной продукции на первое место в Европе и второе в мире. Маховик индустриального могущества Советского Союза, раскрученный в первую, вторую и третью пятилетки, обеспечил победу в войне с фашистской Германией, послевоенное ракетно-ядерное равенство с Западом, возможность сохранения в период семидесятых – восьмидесятых годов всего достигнутого прежде.

Литература

1. Бутенко А. Цена страха // Независимая газета, 1999, 27 августа.
2. Гвоздецкий В.Л. Вопросы теории планирования народного хозяйства в плане ГОЭЛРО // ВИЕТ. – 1980. – № 4.
3. Гражданская война 1918–1921. Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. – М.: Изд-во «Военный вестник», 1928.
4. Дьяков А.Ф., Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО в отечественной энергетике XX столетия // Строители России. XX век. Электроэнергетика. – М.: Мастер, 2003.
5. Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России. – М.: Akademia, 2003.
6. Краткая биография И.В. Сталина. – М.: Госполитиздат, 1947.
7. Кржижановский Г.М., Горев А.А. и Есин В.З. Четыре года электрификации СССР. – М., 1925.
8. Лельчук В.С. 1926–1940 годы: завершенная индустриализация или промышленный рывок // История СССР. – 1990. – № 3.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3.

10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
11. Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года // И. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. – Челябинск: ОГИЗ, 1946.
12. Соловьева А.М. Развитие паровой энергетики в промышленности России в XIX в. // История СССР. – 1978. – № 2.
13. СССР. Энциклопедический справочник. – М.: Советская энциклопедия, 1982.
14. Шершов С. Ф. Ленинско-сталинская электрификация СССР. – М.-Л.: ГЭИ, 1951.

УДК 94

В.В. Калинов

г. Москва, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина

О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЭК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мы согласны с экспертами, утверждающими, что в условиях поиска оптимальных механизмов реализации модернизационных стратегий, реструктуризации экономики, критической важности для страны точного выбора приоритетов при разновекторности существующих проектов (от «новой индустриализации» до «новой приватизации» с целью поиска «эффективного собственника») возрастает необходимость научно-теоретического осмысления исторического опыта разработки и реализации государственной социально-экономической политики РФ [2, с. 104–106].

Вопросы активизации инновационных процессов в ТЭК находятся в последние годы под постоянным контролем Правительства. Еще в августе 2012 г. на заседании Правительства, посвященном этому вопросу, Министр энергетики РФ А.В. Новак предложил пересмотреть показатели эффективности, ориентированные не только на объемы вложений, но и результативность внедрений. Им было предложено: использовать такой инструмент, как корпоративные венчурные фонды, которые управляются профессиональными инвестиционными управляющими и постоянно осуществляют просмотр и отсев новых идей; учесть опыт норвежских компаний, которые экспортируют современные инновационные технологии и услуги для мировой нефтегазовой отрасли в объёме более 20 млрд долларов в год. Суть предложений – в создании электронной биржи идей, технологий и проектов, подкреплённых конкретными долгосрочными заказами [5].

11 марта 2013 г. А.В. Новак представил проект государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики». Отметив, что ТЭК в настоящее время обеспечивает 30% валового внутреннего продукта страны, 50% доходов бюджета и почти 70% экспортного потенциала, министр обозначил основные направления его развития, представленные в программе, в числе которых – развитие нефтегазовой отрасли. Это направление особенно актуализируется, по мнению министра, в связи с вызовами, которые стоят перед страной: снижение импортозависимости крупнейших североамериканских рынков углеводородов, усиление межтопливной конкуренции, включая масштабные замещения газа углём в европейской энергетике и значительное увеличение роли газа как моторного топлива, и, в-третьих, опережающий рост спроса на энергоносители в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и глобализация газового рынка за счёт увеличения доли СПГ. Особо подчёркивалось, что на реализацию программы развития нефтегазового комплекса не предусматривается привлечение государственных средств, она полностью будет финансироваться из внебюджетных источников [3].

В 2014 г. сложившаяся геополитическая ситуация и экономическая ситуация еще более актуализировала обозначенные ранее проблемы. Решение намеченных задач способно обеспечить доходную часть бюджета, запустить механизмы инновационного и высокотехнологического роста как самой нефтегазовой отрасли, так и смежных секторов. С этой целью необходимо совершенствование налоговой системы, лицензионной политики. Кроме того, государство призвано обеспечить стимулирование инновационных процессов: внедрение новейших технологий, доведение отечественных разработок до мирового уровня (создание технологических комплексов по бурению и добыче углеводородов на континентальном шельфе арктических морей, эффективное использование нетрадиционных запасов природного газа и др.); совершенствование системы защиты авторских прав на результаты НИР; повышение достоверности прогнозных исследований; использование лучшего зарубежного опыта и потенциала международного сотрудничества; сохранение и развитие кадрового потенциала и отраслевой науки; обеспечение интеграции науки, образования и

бизнеса; создание кластеров. При этом необходимым условием модернизации НГК и ее следствием является комплексное развитие отечественной индустрии – машиностроения, металлургии, химической промышленности, IT-технологий и др. Государству требуется совершенствовать законодательную базу и налоговую систему, формировать благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций и одновременно совершенствовать механизмы их использования, осуществляя гибкую политику в национальных интересах.

В 2011 г. академик А.Н. Дмитриевский писал: «Сегодня Россия добывает около 500 млн. т нефти в год. А в это же время перерабатывается на отечественных НПЗ около 250 миллионов. Если учесть, что сырая нефть никак не может быть использована в народном хозяйстве, мы просто обречены на вывоз из страны примерно 250 млн. тонн сырой нефти... Первоочередной отраслью, остро нуждающейся в инновациях научных, технологических, технических, является отечественная нефтяная промышленность, традиционно воспринимаемая как лидер сырьевой экономики. Говоря яснее, огромные нефтяные ресурсы, аккумулированные в недрах нашей страны, не могут быть взяты без мощного потока инноваций. Впору ставить вопрос о создании принципиально нового типа экономики – экономики ресурсно-инновационного типа... Если мы начнем развивать новые технологии, прежде всего нефтехимию, газохимию, мы будем получать больше денег за свое уже не сырье, а продукцию. И сможем эти средства инвестировать в новые высокие технологии – в машиностроение, энергетическое машиностроение, электронную промышленность, нанотехнологии, что позволит России не только бережно относиться к использованию своих ресурсов, продавая их дорого, но и на этих ресурсах сделать рывок в технологическое будущее» [4, с. 35–38].

Таким образом, усиление государственного участия и регулирования в нефтегазовой сфере может способствовать изменению закрепившейся за РФ сырьевой специализации, препятствовать созданию экспорториентированных производств с невысокой глубиной переработки нефти, снижению весьма значительной доли сырой нефти в экспорте. Так как в настоящее время доля РФ в производстве высокотехнологичной продукции для нефтяной отрасли составляет 2%, компании вынуждены импортировать наукоемкие технологии, затрачивая миллиарды долларов. В этой ситуации также требуется государственное влияние для обеспечения активизации инновационных процессов с целью усиления конкурентных позиций НГК как внутри страны, так и на мировом рынке.

От содержания и эффективности государственной политики в нефтегазовой сфере во многом зависит не только политическое и экономическое будущее, но и внешнеэкономические и геополитические позиции России. Главное, по справедливому мнению академика А.Э. Канторовича, «дело не в том, сколько мы добыли тех или иных полезных ископаемых, дело в том, что мы с ними сделали» [1, л. 72].

Литература

1. Архив Государственной думы Федерального собрания РФ (Архив ГД ФС РФ). Ф. 10100. Оп. 196. П. 5. Д. 92.
2. Бодрова Е.В. К вопросу о причинах торможения российской модернизации // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2014. – № 4(23). – С. 104–106.
3. В Правительстве России обсудили вопросы инновационного развития ТЭК // *Энергонадзор и энергобезопасность*. [Электронный ресурс] // URL: http://www.minenergo.gov.ru/press/min_news/14417.html (дата обращения: 14.12.2014).
4. Дмитриевский А.Н. Ресурсно-инновационная экономика: история, проблемы, перспективы // *Энергетическая политика*. – 2011. – № 2.
5. Министр энергетики РФ А.В.Новак: Топливо-энергетический комплекс – локомотив российской экономики [Электронный ресурс] // URL: http://www.ruscable.ru/news/2012/08/20/Ministr_energetiki_RF_AVNovak_Toplivno-energetiche/ (дата обращения: 14.12.2014).

УДК 94

Д.В. Кирилук

г. Сургут, Сургутский государственный университет

В ПОИСКАХ СТОЛОВ И ТЕТРАДЕЙ: ШТРИХИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ШКОЛ ЯМАЛА В 1958–1966 ГГ.

Повседневная жизнь общеобразовательных учреждений Ямало-Ненецкого национального округа в 1958–1966 гг. была наполнена множеством забот. Их значительная часть, как и в прежние

десятилетия, была связана с попытками решения порой элементарных материально-технических проблем: обеспечения школ пригодными для обучения зданиями, освещением, топливом, буфетами и столовыми и т.д. В числе подобных трудностей находились и вопросы оснащения местных школ мебелью и учебно-письменными принадлежностями.

Нужно заметить, что общее количество школ Ямала в исследуемый период не только не возросло, но напротив, сократилось. Если в 1958 г. в крае насчитывалось 67 школ, то в 1966 г. – только 59 [1, с. 2; 3, с. 1]. То есть количество школ в регионе фактически снизилось к уровню 1945 года! При этом количество учащихся, в связи с началом газового освоения региона, стало стремительно возрастать. Если в 1958 г. в школах насчитывалось всего 7294 ученика, то в 1966 г. – уже 13719 человек [1, с. 3; 3, с. 1]. Рост ученических контингентов составил, таким образом, почти 100%. Средняя наполняемость одной окружной школы выросла за 8 лет, таким образом, со 109-ти до 233 учащихся, что потребовало от властей Ямало-Ненецкого округа новых мер по обеспечению детей партами, стульями и канцелярскими товарами.

Проблема заключалась в том, что в годы хрущевской «оттепели» школы округа так и не были обеспечены современными школьными площадями. Большинство из них продолжали ютиться в старых, деревянных зданиях 1930-х годов постройки, которые за 20 лет эксплуатации из-за сильных морозов и ветров оказались значительно изношенными. 11 зданий (9,5% от всего фонда) и вовсе находились в аварийном состоянии [1, с. 5].

Исключительно сложное положение сложилось также с обеспечением пригодными помещениями интернатов Ямала. Поскольку специальных зданий для них не было, воспитанников селили в совершенно непригодные помещения: в клубах, жилых домах, пустующих помещениях различных организаций. В среднем на одного воспитанника интерната в крае приходилось только 1,3 кв. м. площади, в то время как по санитарно-гигиеническим нормам эта цифра должна была быть в 3 раза выше – 4 кв. м [1, с. 6]. Более того, это означает, что фактически на одного воспитанника в Ямало-Ненецком округе в годы «оттепели» приходилось меньше квадратных метров жилой площади, чем даже в конце 1940-х гг. для спецпереселенцев Тюменской области [6, с. 102]. Это порождает сомнение в справедливости некоторых утверждений сургутского исследователя А.С. Иванова о трагичности жилищного положения репрессированных. Всего же по округу из 40-ка интернатов девять находились в аварийном состоянии и даже не подлежали ремонту, 11-ть – в непригодных помещениях, остальные требовали капитального ремонта [1, с. 6].

Подобные условия работы школ и интернатов округа сами по себе способствовали образованию больших неудобств в повседневной жизни учителей и учащихся. Размеры классных комнат были чрезвычайно малы, тогда как количество самих школьников, как мы уже упомянули выше, заметно увеличилось. Все это приводило к тому, что местные педагоги были вынуждены большую часть своего времени проводить в очень тесных помещениях, а дети – ютиться по 2–3 человека за одной партией.

Государственно-партийное руководство Ямала, а также директора школ пытались как-то разрешить данную проблему. Однако местные общеобразовательные учреждения сильно страдали из-за элементарного недофинансирования. Расходы окружного отдела народного образования в 1964 г., к примеру, показывают, что на приобретение оборудования и мягкого инвентаря в регионе тратилось в 10 раз меньше средств, чем на заработную плату работникам системы образования, что составляло лишь одну тридцатую общего бюджета отдела [2, с. 1].

Поэтому к середине 1966 г. «мебельная болезнь» провинциальных ямальских школ стала настоящей головной болью для краевых властей. Наиболее сложное положение в данном вопросе сложилось в школах Красноселькупского и Пуровского районов. Как минимум четыре школы и интерната этих районов – Харампуровская, Халесовинская, Толькинская и Раттовская в середине 1960-х гг. были неудовлетворительно обеспечены твердым и мягким инвентарем, а школьная мебель требовала ремонта, классные доски – замены, хронически не хватало тумбочек, стульев и столов [4, с. 9].

Дело дошло даже до совсем удивительных случаев. Например, в 1966 г. во время проверки Куттопьюганского интерната Надымского района инспекторами местного района в комнатах воспитанников вообще не оказалось ни столов, ни стульев. «Спрашивается, где должен готовить уроки воспитанник интерната?» – вопрошал один из проверяющих. Более того, выяснилось, что за год до данной проверки необходимая мебель имела [4, с. 48]. По сути, речь велась о халатном руководстве со стороны директора этого интерната. Во всяком случае, в округе в это же время имелись

примеры совсем иного отношения к проблемам подведомственного учреждения со стороны его руководителя. Так, Шугинская восьмилетняя школа-интернат за короткое время превратилась под руководством нового директора Н.Н. Андреевой в чистое и теплое учреждение, где дети ходили в помещении интерната в тапочках [4, с. 48–49].

Вместе с тем, надо признать, что подобные факты были единичными. Из-за невнимательности и бесконтрольности со стороны директоров школ и заведующих интернатами твердый инвентарь не сохранялся и своевременно не ремонтировался. Более того, в конце рассматриваемого периода, по мнению руководителей этих учреждений в Пуровском районе, учебно-материальная база школ региона нуждалась уже в серьезном укреплении [4, с. 37].

Обеспеченность местных школ и интернатов учебным оборудованием и техническими средствами обучения также отличалась на Ямале существенными недоработками. В крупных населенных пунктах округа, таких как Салехард, к концу рассматриваемого периода имелось в наличии немалое число единиц учебного оборудования. Так, в 1966 г. только в общеобразовательных учреждениях окружной столицы на балансе числилось 11 киноаппаратов «Украина-4», 6 киноаппаратов «Школьник», 31 магнитофон, 16 эпидиаскопов, 18 фильмоскопов, 19 проигрывателей, 5 универсальных проекторов, 15 фотоаппаратов, 5 радиол и 2 – «экзаменатора» [4, с. 68].

Тем не менее, положение дел в школах других населенных пунктов Ямала было гораздо менее радужным. Местный кинопрокат далеко не всегда в 1958–1966 гг. своевременно обеспечивал заявки школ на новые фильмы. В первую очередь, это происходило, конечно же, из-за плохой обустроенности городов Тюменского Севера, отмеченной в работах тюменского исследователя В.П. Карпова [6, с. 84]. Кроме того, в рассматриваемое время существовала практика равномерного распределения фильмов между районными отделами народного образования, где они долго задерживались [4, с. 68]. Стихийный же характер многих новых населенных пунктов края, выявленный в новейших исследованиях И.Н. Стася, не позволял полноценно спланировать потребности тех или иных школ в новых фильмах, как и в самих проекторах [7; 8, с. 156].

Однако, как указывают документы, даже имеющееся в школах края оборудование и учебно-наглядные пособия использовались с низкой эффективностью. Часть имущества к концу рассматриваемого периода находилась в «бесхозном состоянии», то есть не хранились в едином месте и в каком-либо логичном порядке [4, с. 37]. Неслучайно, в том же 1966 г. в школе рабочей молодежи г. Салехарда был выявлен случай, когда местные учителя-физики не использовали аппарат «МАГ», который стоял в учреждении покрытый пылью за ненадобностью [4, с. 69]. Объяснение этому следует искать, в том числе и в неумении многих учителей и воспитателей пользоваться имеющимся оборудованием и материалами. Все это вынуждало руководство школьным образованием региона рекомендовать директорам и завучам школ организовать обучение учителей навыками пользования магнитофоном, проектором и киноаппаратом [4, с. 68].

Наконец, еще одной проблемой, с которой долгие годы не могли справиться советские партийно-государственные органы Ямало-Ненецкого национального округа, а также местные общеобразовательные учреждения, было обеспечение школ края учебно-письменными принадлежностями. Именно в середине 1960-х гг. учащимся было разрешено писать авторучками. Однако в очередной раз школы советской провинции с заметным опозданием обеспечивались данным товаром. Не стали исключением и школы Ямала. Неслучайно местные работники народного образования в это время задавались вопросами: «где взять авторучки»? и «где купить чернила для авторучек»? Ведь в продаже у местных торгующих инстанций не было даже деревянных ручек, а также практически отсутствовали цветные карандаши, краски, кисточки и тетради для рисования [4, с. 11].

Но особенно плохо обстояло дело с наличием книг. В который раз местные органы школьного образования могли лишь сокрушаться: «у нас в стране ежегодно издается для детей сотни наименований книг. Мы должны иметь в поселковых и школьных библиотеках книги для всех школьных возрастов, рекомендованные для внеклассного чтения, а на самом деле это далеко не так» [4, с. 11]. Более того, судя по дальнейшим комментариям окрону, в регионе не хватало даже книг о В.И. Ленине и других «замечательных людях». Руководство школьным образованием намеревалось добиваться того, чтобы такие книги были в каждом доме, каждая семья имела дома библиотеку [4, с. 11]. То есть ничего это к концу рассматриваемого периода в округе не имелось.

Дополнительно осложняла материально-технические проблемы школ и низкая культура многих учащихся и воспитанников интернатов Ямала. Даже имеющееся в школах региона имущество далеко не всегда бережно хранилось и использовалось. Лишь в одном из интернатов края – Мужев-

ском интернате, где обучалось всего 60 воспитанников, по данным окружного отдела народного образования, воспитатели уделяли много внимания выработке у детей бережного отношения к общественному имуществу. За 5 последних лет работы в этом интернате не было сломано ни одной табуретки, а все товары, поступавшие в интернат, бережно хранились [4, с. 13]. Власти края справедливо считали, что залогом такого успеха была хорошая работа воспитателя Ф.С. Денисовой, более десяти лет работавшей в данном заведении.

В других школах и интернатах края немалая часть государственного имущества выходила из строя или терялась по причине небрежного обращения со стороны учащихся и воспитанников. Неслучайно, по мнению Ямало-Ненецкого окрону, если бы кто-нибудь провел учет того имущества, которое ежегодно ломается или бьется по вине учащихся, то общие суммы исчислялись бы тысячами рублей [4, с. 14]. Для того, чтобы решить данную проблему, руководство школьного образования региона предлагало перейти к практике закрепления вещей за конкретными детьми, чтобы имелась возможность взыскать в случае преднамеренной порчи ребенком вещи или ее утери с родителей или с самого ребенка стоимость этой вещи. Кроме того, предполагалось опираться в решении данной проблемы и на народную педагогику [4, с. 14]. Любопытно также, что в отсутствие бережного отношения к школьной собственности обвинялись и сами учителя и воспитатели [4, с. 37].

Таким образом, в 1958–1966 гг. неотъемлемой частью повседневной жизни школ Ямало-Ненецкого национального округа была нехватка столов и стульев, школьных парт, книг и элементарных канцелярских товаров (ручки, карандаши, тетради и т.д.). В совокупности с нехваткой современных школьных зданий, просторных классных комнат и типовых зданий интернатов это еще больше осложняло работу учителей и воспитателей края, которые, перед лицом важных государственных задач, поставленных советской школе в 1958 и 1966 годах, не только были вынуждены трудиться в стесненных условиях, но и буквально «на пальцах» объяснять учащимся учебный материал. Лишь общая бедность региона и особенности советской идеологии делали эти трудности менее чувствительными.

Литература

1. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО). Ф. 98. Оп. 1. Д. 187.
2. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 264.
3. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 276.
4. ГАЯНАО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 279.
5. Иванов А.С. «Изыять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). – М., 2014. – 294 с.
6. Карпов В.П. Советский человек в пространстве Тюменского нефтегазового Севера /В. П. Карпов //Горные ведомости. – 2012. – № 10 (101). – С. 74–90.
7. Стась И.Н. Города или гостиницы? Вопрос о строительстве городов газовиков в Ямало-Ненецком округе в конце 1960-х гг. //Режим доступа: http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=163051.
8. Стась И.Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960–1990-е гг.) / И.Н. Стась // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. – С. 156–158.

УДК 94

Е.С. Косых

г. Стерлитамак, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.

В начале 1920-х гг. Россия остро нуждалась в зарубежной технике, технологии и капиталах для восстановления и модернизации промышленности, поэтому решено было пойти на некоторые экономические уступки иностранным предпринимателям, хотя это противоречило курсу на мировую революцию. Одной из наиболее приемлемых форм таких уступок были концессии.

Впервые концессионный вопрос официально встает весной 1918 г. во время заключения Брест-Литовского договора с Германией. Тогда было подписано финансовое соглашение о выплате возмещения за национализированное имущество. Одним из условий обеспечения этих обязательств было предоставление Германии нефтяных и других концессий [4, с. 673–674]. Концессии предла-

галось рассматривать уступку за сепаратный выход из войны, национализацию иностранной собственности и аннулирование дореволюционных долгов.

В 1918–1919 гг. оживленную дискуссию в печати вызвал проект Великого Северного железнодорожного пути: строительство железной дороги от Котласа через Северный Урал до Оби с участием иностранного капитала [8, 65]. Часть большевиков соглашалась с необходимостью экономического компромисса с Западом, вторая считала концессионную политику «изменой собственному делу», «малодушием», «неверием в творческие силы пролетариата» [5, с. 20].

Большинство лидеров партии, в частности, Ю. Ларин, К. Радек, не рассматривали политику концессий как долгосрочную, так как в скором времени ожидалось начало мировой революции, которая освободила бы советскую власть от ее тяжелых обязательств по концессиям, поэтому вполне допустимы были концессионные договоры на 100, 200 и даже 299 лет [9, с. 472].

Однако реальные политические и экономические условия для предоставления концессий возникли только после окончания гражданской войны. В январе 1920 г. народным комиссаром внешней торговли Л.Б. Красиным были составлены «Тезисы о концессиях»: в условиях товарного голода он рассматривал концессии как плату за иностранные товары, как вспомогательное средство восстановления экономики. 23 ноября 1920 г. был принят «Декрет о концессиях». Появление декрета дало толчок оживленному обсуждению концессионного вопроса на страницах печати, в партийных и советских кругах. В отношении к концессиям присутствовала двойственность: стремление использовать капиталистов сопровождалось боязнью капитализма [6, с. 118].

Одним из основных сторонников привлечения иностранного капитала был В.И. Ленин. В концессиях он видел один из способов ускорения восстановления экономики страны, осуществления плана электрификации. Правда, концессии должны были стать лишь дополнительным, вспомогательным средством: «В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой степени) состояние производства» [7, с. 224]. Кроме того, несомненную пользу должны были дать государству платежи концессионера, использование передового технического опыта Запада. Ленин рассматривал концессии как важнейшее средство связи с мировой экономикой.

Иностранный капитал, несмотря на неоднократные предложения большевиков, в широком масштабе не пошел в экономику советской России: советский режим казался ему слишком нестабильным и непредсказуемым. Советские финансовые, административные, судебные органы не были связаны твердыми правовыми нормами, они действовали по указке правительства, руководствовавшегося политическими соображениями.

Единственной страной, которая пошла на концессионные отношения с Советской Россией, была Германия. Более двух тысяч инженеров и техников прибыло в Россию после подписания Рапалльского договора в 1922 г. Они активно содействовали восстановлению советской промышленности. Были созданы лесные и продовольственные концессии: «Мологолес», «Маныч» Ф. Круппа, организованные при посредстве бывшего канцлера Вирта. Германские концессии были созданы по политическим мотивам и не обладали солидной финансовой базой, а за некоторыми из них скрывались военные предприятия: «сельскохозяйственная концессия» Круппа, концессионное предприятие Штольценберга в Самарской губернии и др. занимались выработкой газов, производством снарядов и аэропланов для рейхсвера и Красной Армии [1, с. 109–110].

В 1923–1924 гг. в партии сохранялись оптимистичные настроения, что концессии, безусловно, нужны, но необходимо проявлять осторожность при их предоставлении. О широкомасштабном привлечении иностранного капитала речь уже не шла. Пока продолжался промышленный рост, такая позиция в глазах многих большевиков имела оправдание [3, с. 4]. Ведь восстановление шло почти исключительно по «социалистическим» рельсам. Но в 1925 г. основные восстановительные ресурсы были исчерпаны. Снижение доходов от экспорта хлеба оставило промышленность без импортного оборудования и сырья. Остро встала проблема об источнике новых капиталов. Концессионный вопрос вновь стал актуальным.

11 августа 1925 г. по постановлению СНК СССР в составе Главного концессионного комитета была образована комиссия по наблюдению за выполнением концессионных договоров. Комиссия должна была заниматься не столько тем, как концессионеры соблюдают свои обязательства, сколько защитой интересов концессионеров от излишней придирчивости органов государственного управления и профсоюзов. Правительство поручило Госплану разработать план концессионных объектов, чтобы увязать его с общесоюзными планами и как-то узаконить концессии в системе

народнохозяйственных связей. Были образованы новые концессионные комиссии в Риме, Токио, Париже, Стокгольме (до этого времени концессионные комиссии были в Лондоне и Берлине), а также при СНК РСФСР.

В 1924–1929 гг. Главконцеском был в ведении А.И. Рыкова как председателя СНК. Рыков был сторонником и защитником концессионной политики. Он не раз сожалел, что «большие разговоры» о концессиях привели к «маленьким результатам» [10, с. 22, 112, 140]. Особые надежды Рыков возлагал на США. Ф.Э. Дзержинский как председатель ВСНХ в отношении концессий придерживался прагматической точки зрения: допускать их с осторожностью, но использовать их в полной мере.

Как бы ни были различны взгляды на нэп в целом и концессии, в частности, все большевистские лидеры были согласны в том, что только крупномасштабная индустриализация позволит Советской России догнать Запад в экономическом и военном отношении. А для этого был необходим мир: чтобы сконцентрироваться на внутреннем развитии и чтобы получить займы и западную техническую помощь. Однако к концу 20-х гг. многие стали склоняться к тому, что возможным является не только начать строительство социализма, но также и завершить его в рамках Советского Союза с опорой на собственные силы.

В 1925–1928 гг. Совнарком во главе с А.И. Рыковым утверждает постановления о льготах иностранному капиталу, поручает Госплану разработать перспективный план концессий в связи с планом первой пятилетки, заключает ряд крупных договоров с иностранными предпринимателями (с А. Гарриманом, компанией «Лена Голдфилдс» и др.). В июле 1928 г. после разгрома Троцкого и его сторонников и дискредитации его концепции мирохозяйственной связи с Западом СНК неожиданно принимает постановление «Об активизации концессионной политики СССР». Иностранному капиталистам предлагались весьма заманчивые вещи: их приглашали в транспорт, обрабатывающую, горную, топливную промышленность и др. Всего более ста крупных объектов. Подавляющая часть их вошла в первый пятилетний план [12, с. 3–4]. Концессионерам обещали таможенные, налоговые и иные льготы.

Концессии были средством приобретения западной технологии в конце 20-х – в 30-е гг. Она использовалась в бурении нефтяных скважин, синтезе химических веществ, производстве электротурбин и генераторов, тракторов и др. В СССР работали специалисты ведущих компаний мира: АСЕА из Швеции, «Стандард Ойл» и «Дженерал Электрик» из США, «Крупп» из Германии, «Метрополитен Виккерс» из Англии. Западные фирмы строили и снабжали оборудованием Магнитогорск и Кузнецк, Уралмаш и ГАЗ. Гордость СССР – ДнепрогЭС строился под наблюдением американской компании «Купер Инжиниринг».

Иностранному предпринимателям предлагались лесные, горнодобывающие и сельскохозяйственные концессии различных отраслей, но нефтяные первоначально отвергались. Нефть считалась стратегическим сырьем, добычей которого должно заниматься только государство. Однако зарубежные предприниматели проявили большой интерес именно к добыче нефти. В 1921 г. вышло «Постановление о нефтяных концессиях». Но большого значения оно не имело: ни одной нефтяной концессии так и не было предоставлено.

Только на Дальнем Востоке, на Северном Сахалине, нефтяные месторождения были предоставлены в концессию. Это было одним из условий советско-японской конвенции 1925 г. об установлении дипломатических отношений. СССР передавал японцам в эксплуатацию в течение 45 лет восемь нефтяных месторождений. Их эксплуатацией занималось акционерное общество «Кита Карафутто Сейки Кабушики Кайша». Добыча нефти к середине 30-х годов стабилизировалась на уровне 160–180 тыс. тонн в год. Японские концессии на Сахалине просуществовали до 1944 года.

Полный объем западной экономической и технической помощи неизвестен. Американский историк Э. Саттон считает, что 95% советских промышленных предприятий получали западную помощь в форме машин, технологии, прямой технической помощи [2, с. 348]. Легенда об «экономической изоляции», о «блокаде» «родины социализма» не выдерживает никакой критики. Помощь Запада позволила советской власти быстро восстановить экономику в 20-е гг. и осуществить план первой пятилетки.

Прямые вложения иностранного капитала в экономику СССР были невелики. На 1 октября 1928 г. инвестированный концессионерами капитал составил около 60 млн. руб. В общем объеме продукции промышленности СССР доля продукции концессионных предприятий составляла около 1% [11, с. 319]. Но в ряде отраслей значение концессий было велико. К концу 1927 г. они добы-

вали 40% марганца, 35% золота, 62% свинца, производили 22% одежды, 40% всех моторов и 100% шарикоподшипников.

Первоначально большевики предоставляли концессии только «надежным», идеологически сочувствующим капиталистам, они должны были внушить доверие другим потенциальным инвесторам. Такими были концессии А. Хаммера, лесная концессия «Молога» Й. Вирта, марганцевая концессия А. Гарримана.

Концессии были инородным элементом в советской экономике. В начале 30-х гг., когда был взят курс на автаркию, большинство концессий было ликвидировано. Далеко не все концессионеры получили компенсации. Арманд Хаммер смог вывезти прибыль, полученную от концессии, а шведские предприятия «Сепаратор», «СКФ-Шарикоподшипник» не смогли перевести доход за рубеж. А. Гарриману, «Мологолесу» было возмещено до 25% всех инвестиций, а «Интернешнл Харвестер» и «Вестингхаус» были национализированы без компенсации. По остроумному замечанию современника, концессии в России были видом спорта богатых людей, которые могли себе позволить дорого заплатить за свой опыт.

Литература

1. Mueller G. Rapallo Reexamined: A New Look at Germany's Secret Military Collaboration with Russia in 1922 // *Military Affairs*. – 1976. – October. – № 40.
2. Sutton A. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930*. – V. 1. – Stanford, 1968.
3. Держинский Ф.Э. *Промышленность СССР – основа социалистического строительства*. – М.: Центр. упр-е печати ВСНХ СССР, 1925.
4. *Документы внешней политики СССР*. Т. 1. — М.: Политиздат, 1957.
5. Ларин Ю. У колыбели // *Народное хозяйство*. – 1919. – № 11.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.
8. *Народное хозяйство*. – 1919. – № 9.
9. Пленум ВСНХ 14–23.09.1918. Стеногр. отчет. – М.: РИО ВСНХ, 1919.
10. Рыков А.И. *Статьи и речи*. Т. III. – М., 1929.
11. СССР. *Год работы правительства*. (Материалы к отчету за 1928/29 г.). – М., 1930.
12. Югов А. *Политика концессий // Социалистический Вестник*. – 1928. – № 20.

УДК 94

А.А. Кузнецова

г. Сургут, Сургутский государственный университет

1968 ГОД В ИСТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА

Для Новосибирского Академгородка 1968 год был ознаменован несколькими громкими событиями, представленными партийными и государственными властями как «явно антисоветские и антикоммунистические». Эти события явились частью движения за права человека в СССР и сумели внести собственный вклад в развитие диссидентского движения.

Первый, и, наверное, самый значимый эпизод произошел в феврале 1968 года, когда 46 ученых Академгородка написали коллективное письмо в защиту Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова, Алексея Добровольского и Веры Лашковой – активистов самиздата. Арест последних, как известно, стал одним из поводов для демонстрации 22 января 1967 года на Пушкинской площади, а «дело четырех» – причиной протестной кампании против политических преследований, развернувшейся в диссидентских кругах в 1967–1968 годах.

Ученые Новосибирска выражали обеспокоенность тем, что в демократическом Советском Союзе людей судят за закрытыми дверями, однако в письме даже не было слова «протестуем». Поэтому «подписанты» не могли подумать о том, какой серьезный оборот примет это дело. Кроме того, по невыясненной причине, это письмо было опубликовано в «New-York Times», а также озвучено на радиостанции «Голос Америки», где были оглашены все фамилии «подписантов».

Против ученых Академгородка началась массированная «проработочная» кампания: партийные и общие собрания, заседания ученых советов и т.д. Для некоторых «подписантов» это дело закончилось увольнением «по собственному желанию», кого-то понизили в должности, некоторые встречали препятствия в публикациях, в защите диссертаций и т.п.

История этого письма мало исследована, и часто протестная акция учёных трактуется едва ли не как «революционная», хотя цели такой общественности Академгородка не преследовала – скорее, это был акт гражданской сознательности [4].

Следующим событием стал фестиваль бардовской песни, прошедший в начале марта 1968 года. Данный фестиваль был организован любительским клубом «Под интегралом», возглавляемым А. Бурштейном – преподавателем НГУ. На него было приглашено 27 авторов, из них 11 являлись лауреатами городских или всесоюзных песенных конкурсов и слетов. С 7 по 11 марта было дано 16 концертов.

Но главным приглашенным исполнителем стал Александр Галич. Проведение фестиваля породило определенное недовольствие идеологических служб. Песни А. Галича, по словам секретаря Новосибирского обкома КПСС, были «пронизаны злопыхательством в отношении к советской действительности, выпадами против нашей идеологии и морали. Все они имели ярко выраженную сионистскую окраску. Песни Галича аморальны, пошлы, идейно порочны в своей основе». Своими идеологизированными выступлениями он превратил фестиваль в событие большой политики, которое имело долговременный резонанс, выходящий далеко за пределы Новосибирска [2]. Позже Александр Аркадьевич поплатился за свое выступление. В 1971 году он был исключён из Союза писателей СССР, членом которого он был с 1955 года, а в 1972 году – из Союза кинематографистов, в котором состоял с 1958 года.

После проведения фестиваля, активисты клуба «Под интегралом» были обвинены в антисоветской деятельности: Анатолия Бурштейна лишили кафедры в университете, многим организаторам фестиваля пришлось искать другое место работы. Само существование клуба стало отныне невозможным.

Бардовский фестиваль сыграл значительную роль в формировании эстетических ориентиров и общественно-политических взглядов больших групп интеллигенции 1960-х гг. не только в Новосибирском научном центре, но и в других городах восточных регионов России [1, с. 152].

Несмотря на произошедшие события, Академгородок не переставал быть идейным выразителем оппозиционных общественных настроений. Так, уже 27 мая 1968 года самодеятельный театр «Студия» при Доме культуры «Академия» предоставил зрителю пьесу «Все есть, что есть». Автором пьесы был аспирант Института катализа СО РАН Г.С. Яблонский. Он же был премьер-министром клуба «Под интегралом» и на тот момент уже был исключен из членов КПСС за подпись «письма 46-ти». Художественный руководитель ДК «Академия» Воложанин Н. А. информировал членов местного комитета СО АН СССР, что режиссер готовит «интересную пьесу, которая будет сюрпризом для общественности городка».

На просмотр пьесы пришло свыше 200 человек. Оформлением сцены занимался самодеятельный художник Янович, по оценке председателя Обкома профсоюза работников просвещения ВШ и НУ В. Купчинского, «человек безыдейный, бывший комсомольский работник» [3]. На сцене были размещены портреты К. Маркса, Н.С. Хрущева, Мао Цзедун, немецкого писателя и поэта Б. Брехта и портрет одного из бардов. Также на сцене находилось два лозунга: «Все есть, что есть» и «В Америке не пропадем!». Художник объяснил обстановку на сцене современным оформлением спектакля: «Мы вольны думать и делать, что хотим. Это новое, смелое направление в изобразительном искусстве».

В виде миниатюр на сцене разыгрывались отдельные эпизоды из эпохи Маркса и до наших дней, на сцене «появлялись» Джонсон, Эйзенхауэр и др.

Режиссера спектакля обвинили в попытке «возродить традиции западноевропейского буржуазного театра «Абсурд». Художественный совет ДК «Академия» подверг спектакль резкой критике и запретил его постановку [3].

Хотя этот эпизод не прогремел на всю страну и не вышел за ее пределы, можно судить о том, что оппозиционеры чувствовали поддержку общественности и продолжали заниматься деятельностью, не согласовывающейся с идеологическими взглядами Советского Союза.

Таким образом, 1968 год стал для Новосибирского Академгородка одним из важнейших в истории развития диссидентской деятельности этого региона. Действия оппозиционно настроенной части общества Академгородка позволяют нам судить о готовности к защите своих прав и свобод, а также к сотрудничеству с диссидентами центрального региона страны. В результате жесткой реакции властей, несогласным пришлось уйти на длительное время в «подполье», однако они не перестали заниматься своим делом. Новосибирский Академгородок несколькими событиями, впи-

савшимися в один год, сумел внести собственный вклад в развитие диссидентского движения в стране.

Литература

1. Борзенков А.Г. Бардовский фестиваль 1968 г. в Новосибирском Академгородке через призму документов / Вестник НГУ. Т. 2. Вып. 2, 2003., Серия: История, филология. – Новосибирск. – С. 152–165.
2. ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 667. Л. 31–32.
3. ГАНО. Ф. 4. Оп. 68. Д. 64. Л. 67–69.
4. Протестная весна 68-го. Как 46 учёных пытались добиться гласности. // Сиб. фм: интернет – журнал. URL: <http://sib.fm/interviews/2012/03/21/protestnaja-vesna-1968-go> (дата обращения 22.01.2015).

УДК 94

О.В. Кузнецова

г. Оренбург, Филиал РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина в г. Оренбурге

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОЦЕЛИННИКОВ

История повседневности – одно из самых перспективных научных направлений в истории. Новые подходы к анализу не раз поднимаемых проблем позволяют по новому взглянуть на исторический процесс, главным объектом которого становится не социум вообще, а отдельная личность в частности.

Подобный новый взгляд не обошел и предпринятую в 1954 году целинную кампанию. Её анализировали с разных сторон, но совсем недавно появилась возможность увидеть целину глазами самих пионеров-первооткрывателей.

В данной статье мы попробуем осветить лишь небольшой аспект повседневной жизни целины, связанный с таким явлением как проблема преступности.

Возникновение проблемы преступности в повседневной жизни связано со многими факторами. В условиях формирования нового социообразования на целинных землях Оренбуржья в 1954–1965 гг. одной из причин стало отсутствие нормального функционирования сети культурно-просветительных учреждений. На новом месте происходило становление новой инфраструктуры, выстраивалась новая система взаимоотношений между бывшими горожанами и местным населением, определялись новые повседневные-бытовые приоритеты. Но в период реализации самой кампании социальная составляющая шла на втором месте, то есть по остаточному принципу. Это привело к масштабной неустроенности новоселов, в том числе и невозможности достойно организовать свое свободное время.

Недостаточный уровень образования среди рядовых первоцелинников, отсутствие места и необходимого инвентаря для проведения досуга (шашки, домино) приводили к примитивным способам использования свободного времени. Приведем типичный пример неустроенности досуга в первый год целинной кампании: в совхозе «Тоцком» Тоцкого района после работы молодежь собирается в так называемом красном уголке – пустая комната, где кроме двух скамеек ничего нет. Из справки инструктора обкома: «Молодежь называет это место «курилкой», ибо здесь, кроме того, чтобы собраться и покурить, заняться ничем» [2, л. 15]. Такие условия вызывали узкую вариативность проведения досуга и чаще всего вынуждали целинников ограничиваться танцами, употреблением алкоголя и «драками среди молодежи» [1]. Так, в 1954 году в целинных совхозах Адамовского района «Озерном» и «Тобольском» молодежь не знает чем заняться, «напившись пьяными, врываются в общежитие девушек, нередки были случаи скандалов и драк» [3, л. 174].

Особенно актуальна такая ситуация для первых лет целинной кампании, что становилось здесь причиной всплеска преступности.

Ещё одной важной причиной являлся неоднородный социальный статус первоцелинников, по которому их можно разделить на несколько категорий: рабочие промышленности, колхозники, реэмигранты из Китая, мобилизованные войны и административные заключенные, рабочие совхозов. Исходя из предшествующих исследований, самая значительная категория прибывших на освоение целины в 1954–1957 гг. – рабочие промышленных предприятий, преимущественно моло-

дежи, набор которых происходил в специально созданных городских комитетах. Именно они составляли более половины вновь прибывших.

Не вносили гармонии в отношения и присутствие такой категории как реэмигранты из Китая. Советское население в них видело остатки прежней царской России, не доверяло и старалось ограничивать контакты. Не редки и конфликты на почве неприязни по идеологическим и культурным приоритетам.

Изучение сводок органов МВД и КГБ по борьбе с преступностью привело нас к выводу, что ситуация в целинных районах сложилась достаточно сложная (табл. 1.)

Таблица 1

Преступность в целинных районах на 1956 г.

Наименование районов	Всего преступ.	Из них молод.	Всего привлеч.	В т.ч. в МТС и совх.
Адамовский	66	38	39	20
Домбаровский	46	32	33	18
Ново-Орский	55	34	37	23
Тепловский	43	25	25	22

[6, л. 78]

Представленные данные свидетельствуют о высокой доле преступлений, приходящихся на молодое поколение. Из исследованных 4 целинных районов совершено преступлений молодежью в Адамовском районе 57%, в Домбаровском – 76%, в Ново-Орском – 62%, Тепловском – 58%. То есть во всех указанных районах молодежная преступность составляет более половины. Абсолютное большинство привлеченных к ответственности – прибывшие на освоение целинных и залежных земель в совхозы и МТС области.

Исследование преступлений показывает, что их основной причиной является злоупотребление спиртными напитками. Из справки уполномоченного прокуратуры: «100% хулиганских проявлений и умышленных убийств совершается в нетрезвом состоянии» [8, л. 23].

Как показывают документы, росту преступности способствовала и свободная розничная торговля алкогольной продукцией. В связи с высоким уровнем потребления алкоголя среди населения к концу 1950-х начинается упорядочение продажи алкоголя в розничной торговле. Тогда же наблюдается активная борьба с самогонварением, сам факт которой свидетельствует о распространении подобного явления в среде целинников. Из справки о выполнении приказа министра торговли РСФСР от 31.12.1958 № 432 «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками», несмотря на все принимаемые меры, реализация ликероводочных изделий не только не сокращается, но, наоборот, растет. Так, в 1959 году по области при фонде водки и водочных изделий на 1427,7 тыс. дкл. фактически продано 1455,8 тыс. дкл., а в 1960 г. при фонде 1404 тыс. дкл. выбрано 1499 тыс. дкл. Вина продано в конце 1960 г. на 22,8 тыс. дкл. больше, чем в 1959 г. На селе предпринят ряд мер по сокращению мест продажи спиртными напитками. Запрещена продажа водки в ларьках, киосках и лавках, на дому [7, л. 1]. Важно, что острота проблемы открытой торговли спиртными напитками не снялась в целинных районах вплоть до рубежа 1950–1960-х гг. Так, не редкостью алкогольные изделия продавали прямо в столовых, где обедали целинники, там же происходило распитие принесенных спиртных напитков [7, л. 27].

Не смотря на предпринимаемые меры, с течением времени ситуация в целинных районах продолжает оставаться не менее острой. Так, по данным проверки Чкаловского областного комитета КПСС на 1958–1960 гг., большая часть преступлений по-прежнему совершается молодежью, преимущественно хулиганства и кражи личного и государственного имущества [5].

К 1964 году развитие кривой преступности происходило неодинаково. В Адамовском и Кваркенском районах происходит спад преступлений на 11,3% и 24% по сравнению с 1963 г., а в Домбаровском, наоборот, наблюдается рост преступлений на 40,2%, причем 60% уголовных дел приходится на совхозы района. По-прежнему преобладают кражи и хулиганство, но со значительным перевесом первой категории преступлений [10, л. 22, 42, 49].

Ситуация осложняется ещё и тем, что к середине 1960-х гг. стала проводиться практика высылки тунеядцев из городов в совхозы на отделения. Последние продолжали вести привычный образ жизни: пьянки, кражи, самовольный отъезд с места поселения, «чем разлагающе действовали на других рабочих совхозов (совхозы «Буртинский», «Бурлыкский», «Беляевский»)» [10, л. 30].

Высокие показатели преступности во второй половине 1950-х, особенно по Адамовскому району, свидетельствуют об остроте проблемы неустроенности организованного досуга, когда молодежь в свободное время принадлежит сама себе. Некоторая стабилизация числа преступлений и даже снижение её происходят только к середине 1960-х гг. и связаны с расширением сети культурпросвет учреждений, способных организовать досуг целинников, и включением общественности в борьбу с преступностью.

Типичными преступлениями на протяжении всего изучаемого периода были: кражи личного и государственного имущества, по последнему пункту нередко обвинялись продавщицы магазинов, завывавшие фактическую цену товаров; хулиганство, получившее наиболее широкое распространение в целинных совхозах; привлекает внимание то, что среди характерных особо опасных дел на рубеже 50–60-х гг., особенно в Адамовском районе, выделяются избиения в нетрезвом виде и изнасилование, а также развращение малолетних детей [9, л. 12, 20]. Возможно, последнее совершалось ранее судимыми лицами и свидетельствовало о половых извращениях, возникших в результате полового голода, причиной которого стала гендерная диспропорция в целинных районах.

Так в первые годы освоения целины мужчины преобладали на женщинами на 17–25% по каждому из изучаемых целинных районов. К началу 1960-х гг. Эти цифры соотношение полов почти сравнялось, но на целине, в силу тяжелой физической работы требовались мужчины. Непродуманность политики по организации жизни первоцелинников и привели к столь тяжелым последствиям.

Таким образом, высокий уровень преступности в целинных районах – показатель неустроенности досуга. И, несмотря на многочисленные заверения очевидцев (В. Боброва, А.П. Романова) [1; 4] и исследователей целинной кампании (А.И. Якушев) [11, л. 32], деклассированные элементы в среде целинников присутствовали не только в самые первые годы освоения, но и в последующий период вплоть до начала 1960-х гг.

Столь высокие показатели и значительное омоложение преступности в большой мере отражались на повседневности всех первоцелинников. Главным признаком такой взаимосвязи стало масштабный всплеск возвращающихся с целины уже в первые годы освоения.

Литература

1. Бобров В. Зимняя радуга // Гостиный двор – 2004. – № 6. – С. 76.
2. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 9. Д. 229. Л. 15.
3. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 9. Д. 298. Л. 174
4. Романов В. П. На оренбургском хлебном фронте. – Оренбург, 1998. – С. 25.
5. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 786. Л. 6; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1370. Л. 69.
6. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1159. Л. 78.
7. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 906. Л. 1.
8. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1370. Л. 23.
9. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1373. Л. 12, 20.
10. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 33. Д. 158. Л. 22, 42, 49.
11. ЦДНИОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 474. Л. 32.

УДК 94

В.Я. Мауль

г. Нижневартовск, Филиал Тюменского государственного нефтегазового университета

ЗАГОВОР ОТ ИМЕНИ ЦАРЯ (о некоторых чертах психологии Чигиринских крестьян)

Несмотря на интригующе закрученный сюжет, образование и деятельность «Тайной дружины» во второй половине 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии, не часто оказывались объектом специального интереса историков. Обычно эти события трактовались как уникальный, но эпизод в целостной истории революционного народничества, либо рассматривались как типовое явление в ряду массовых крестьянских движений пореформенного времени. В первом случае исследовательский акцент смещался в сторону поведения группы революционеров, попытавшихся с помощью подложных царских грамот разбудить стихию народного бунта. Во втором – тщательно изучалось хозяйственное положение бывших государственных крестьян юго-западной окраины

империи, и анализировалась степень обоснованности их стремления силой добиваться справедливого земельного передела.

Понятно, что в реальной обстановке крестьянских волнений на Чигиринщине оба этих фактора тесно и взаимно переплетались, обогащая друг друга социальными смыслами и политическими контекстами. А потому «Чигиринский заговор» давно уже обрел недооцененную наукой эвристическую самостоятельность.

Вызывает искреннюю досаду, что в историографии исключительно редко обращалось внимание на те специфические обстоятельства, в силу которых долго и покорно сносившие административный произвол мирные труженики села вдруг обнаружили в себе яростную бунтарскую энергию, удивительную способность к социальной мобилизации, структурной самоорганизации и строгой конспирации.

Результатом их активности стало образование подпольной организации «Тайная дружина», численностью более тысячи человек, с целью «возстать против чиновников и дворян» и «в одну назначенную для того ночь перерезать всех начальников, панов, попов и богатых крестьян, а также и жидов», а затем изменить порядок «землевладения путем насильственного захвата не принадлежащих крестьянам земель» и раздела их «по ровну между всеми жителями данной местности» [6, л. 81, 110об–111; 9, с. 245].

Как не раз бывало в нашей истории и прежде, во второй половине 1870-х гг. ключевую роль в разжигании страстей сыграли не столько объективные социально-экономические причины, сколько субъективно переживаемый конкретный повод, позволивший «дружинникам» ощутить правомочность собственных притязаний и действий. Не случайно, отказываясь подчиняться требованиям властей, они в то же время «считали себя верными государевыми слугами», и ни в коей мере «не помышляли о революционной борьбе с самодержавием» [10, с. 149].

В накаленной атмосфере всеобщего негодования сотни рядовых жителей Чигиринского уезда с готовностью отозвались на прозвучавшие от царского имени призывы «не верить ни попам, ни дворянам», а «единодушно с оружием в руках» «свергнуть с себя дворянское иго и освободиться от тяжких угнетений и непосильных поборов» [4, л. 38, 38 об].

Психологическая почва для столь позитивной реакции была заранее подготовлена массовым брожением умов, вызванным бытованием монархических слухов о том, «что дело крестьян о переделе земли не пропадет, что о нем доложено уже два раза Государю Императору и что скоро они получат желаемое». Более того, последовавшая «уже 3 года назад о том бумага» от самодержца, будто бы «утаивается Волостными правлениями и Церковно-служителями» [4, л. 32, 149 об].

В качестве ходатаев по делам сельских обывателей выступили несколько молодых революционеров, якобы «уполномоченных» на то самим венценосцем. По мнению известного народника и публициста С.М. Степняка-Кравчинского, это была «старая «самозванщина», облеченная в новую канцелярскую форму. Такой безсовестной мистификации и вместе с тем такого могущественного орудия для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумала ни одна забубенная воровская головушка из разинской или пугачевской ватаги» [12, с. 37].

Однако нас не интересует мотивация самозванных «царских комиссаров» Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского, побудившая их к рискованным авантюрным приключениям. К тому же, телеология их поступков хорошо известна из собственных признаний. В научном плане более продуктивной представляется постановка вопроса о природе и содержании факторов, обеспечивших такой феерический успех мистификации, что крестьянское движение в Чигиринском уезде приняло «форму хронического недуга», который развивался «без остановочно и настолько быстро, что едва ли число привлекаемых ежедневно к дознанию сокращает общую сумму подлежащих допросу в качестве обвиняемых» [4, л. 166 об].

Поставленная герменевтическая задача выглядит насущной еще и потому, что до сих пор наукой не было предложено сколько-нибудь внятных и адекватных вариантов ее решения. Едва ли к ним можно отнести тривиальную «хрестоматийную» ссылку на забитость и невежество «темной» сельской массы, задавленной суровыми буднями жизни и будто бы зараженной вирусом «наивного монархизма» [8, с. 206–207; 11, с. 218].

На современном уровне развития историографии подобные «объясняющие» модели были решительно отвергнуты наукой. По мнению И.Л. Андреева, «универсальность этого тезиса просто подкупает. Наивный монархизм, как отмычка, пригодная ко всем замкам». Историк уверен, что «определение «наивный» как бы снимало саму проблему», а потому «легко разглядеть в этом объ-

яснении ущербность. Оно ничего не объясняет! Наивный – значит простодушный, почти детский – здесь и размышлять не над чем» [1, с. 112; 2, с. 48–49].

Обозначенное «историографической революцией» последней трети XX столетия требование равноправного диалога с минувшими эпохами стало доминантой смены устаревшей исследовательской «оптики» более совершенным методологическим «инструментарием». В свете новых научных парадигм по-иному теперь формулируется «миссия» историка, долженствующего проникнуться культурной семантикой изучаемого мира, понять взгляды и ценности тех людей, которые его населяли. Стремление выявить психологические мотивы и аксиологические смыслы поведенческих реакций чигиринских крестьян в событиях второй половины 1870-х гг. побуждает нас уважительно прислушаться к их собственным «голосам», «довериться своим «собеседникам» (изучаемым персонажам, их сподвижникам, противникам и сторонним наблюдателям), а потому взять за основу их критерии» и оценки происходившего [14, с. 74–75].

В научной литературе давно обосновано положение, что неотъемлемой чертой традиционного сознания являлся народный монархизм. Эта краеугольная идея детерминировала осмысление всех без исключения сторон окружающей реальной действительности и себя в ней. Но в каждом конкретном случае культ монарха получал специфическое преломление и порождал своеобразные формы, нередко становясь катализатором социального протеста. События, произошедшие во второй половине 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии, также воочию продемонстрировали прочность и устойчивость монархических убеждений в структурах народной ментальности.

По условиям времени рационально мыслящими атеистами, носителями научного мировоззрения чигиринские крестьяне, конечно же, быть не могли. Напротив, их неоднократные признания говорят о них как убежденных православных монархистах. Размышляя о вступлении в тайную организацию, они сомневались лишь до тех пор, пока не уверялись в наличии на это «богоугодное» дело «царской санкции». После чего, по словам крестьянина д. Погорельцы С. Шутенко, «мы подумали, что от Бога и Царя отказываться нельзя..., а потому порешили исполнить волю Государя» [5, л. 261 об].

Впрочем, крестьянские умы сильно смущал конспиративный характер «Тайной дружины», создаваемой для борьбы за реализацию «царских заповедей» в интересах земледельцев. Познакомившись с текстом «устава», крестьянин И. Притула «пришел к тому заключению, что имевшаяся у них царская бумага не действительна, ибо разве Царь не нашел бы в себе силы и стал бы потаенно действовать» [6, л. 81 об].

Крестьянин И. Онищенко также усомнился, что «настоящее дело» хорошее, «и что если такова действительно воля Государя Императора, то она была бы объявлена через начальство, а не хранилась бы в тайне» [6, л. 88 об].

Да и отставному солдату И. Проценко было «ясно, что настоящее сообщество вполне преступно, хотя донести о таковом он не решался», поскольку «и без того солдатам трудно жить в среде крестьян» [6, л. 73 об–74].

Резонные основания высказанным сомнениям действительно имелись. Известно, что исстари культурной нормой массовых выступлений от имени царя всегда была их театрализованная зрелищность, визуально манифестирующая «святую правду» народного протеста. Поэтому, например, вполне вписывались в устоявшийся стандарт откровенные разговоры о существовании «милостивого» царского указа, которые велись чигиринскими крестьянами не только тет-а-тет, но даже во время всеобщих сельских сходов.

Однако при образовании «Тайной дружины», к удивлению многих, пускай и за подписью императора, но ее «устав» всерьез требовал совершенно иного: «Сии общества должны держать себя в самой строгой тайне» [4, л. 38].

Явный разрыв с традицией, словно культурный шок, вызвал нервную реакцию некоторых потенциальных бунтарей. Например, принявший присягу, крестьянин А. Леухин, от тяжелых переживаний «заболел какою то странною невыразимою душевною болезнью», так что «не может спать, метается в разные стороны, трясется всем телом, находит на него какой то страх, боязнь и тоска». Престарелый селянин в ожидании «всякий час смерти» «приготовил себе восковые свечи» и пошел на исповедь [9, с. 232, 233].

Иначе говоря, утробная боязнь даже отблеска сакрального величия становилась доминантой массового недоверия к названным «комиссарам». Снять накал ментального антагонизма способны были аргументы, соответствующие традиционной «картине мира» чигиринских мужиков. В эту

систему доказательств идеально вписывался обряд «святой присяги» как нерушимый ритуал клятвы перед Вседержителем и боевыми товарищами. Неслучайно, почти каждый крестьянин вспоминал о проведении символической идентификации: «Мы не могли им сразу доверить и потому принесли икону спасителя, крест и евангелие, заставили их торжественно присягнуть». Причем, судя по источникам, «царским комиссарам» в разное время и в кругу менявшихся персоналий пришлось повторять эту процедуру как минимум трижды, «после чего, – признавались чигиринцы в обращении к монарху, – не имея больше сомнения и будучи глубоко убеждены, что действуем по твоему высочайшему повелению, начали действовать неустанно» [7, с. 150].

Обитатели сельской глубинки были типичными носителями традиционного сознания, прочно усвоившими святоотеческие наставления духовенства: «Самый страшный грех словом – клятвопреступление. Когда человек клянется ложно, особенно именем Божиим, и призывает Бога в свидетели своих слов, он как бы отдает в заклад свою собственную душу... Клятвопреступник продает свою душу демону» [3].

Им не приходило в голову, что лица, выдававшие себя за представителей венценосной особы, вовсе не заботились о спасении своих нетленных душ, а потому могли иначе относиться к священному таинству и с его помощью стремиться к ложной идентификации в угоду каким-то профанным соображениям. Не удивительно, что «крестьяне были вне себя от ярости, когда перед ними раскрылась мистификация «царского комиссара», особенно они были возмущены священной клятвой, которую он заставил их принести, и ложной присягой, которую он сам принес» [13, с. 122].

В такой ситуации удручающе закономерным оказался финал всей драматической истории: «Большинство крестьян, участвовавших в составлении тайного общества в Чигиринском уезде, сделали чистосердечные признания» [4, л. 151], искренне раскаявшись в содеянном.

Литература

1. Андреев И.Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. – 1999. – № 10.
2. Андреев И.Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание-сила. – 1995. – № 8.
3. <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/16r/rafail/lifeart/46.html>.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 162. Д. 262. Ч. 1.
5. ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476.
6. ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
7. Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг. Сб. док-тов. – М., 1968.
8. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М., 1991.
9. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875-1879 р.р.). – Харків, 1934.
10. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. – 2014. – № 1.
11. Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). – Днепропетровск, 1960.
12. Степняк С. Подпольная Россия. – СПб., 1906.
13. Тун А. История революционного движения в России. – Петроград, 1917.
14. Усенко О.Г. Новые данные о монархическом самозванчестве в России второй половины XVIII века // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2005.

УДК 260.1

А.В. Мендюков

г. Самара, Самарский государственный медицинский университет

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Проблема материального благосостояния приходского духовенства и экономического положения Русской Православной церкви в целом в дореволюционный период остается на сегодняшний день недостаточно изученной. Хотя, как справедливо отмечается в некоторых исследованиях, посвященных анализу историографии по данной проблематике, с 90-х годов прошлого века «происходит процесс переосмысления в светской историографии оценок деятельности РПЦ на всем протяжении отечественной истории» [20, с. 17].

Развитие капиталистических отношений в России в 1861–1917 гг. значительно отразилось на положении Русской Православной церкви, на состоянии ее экономической базы, или, если говорить точнее, церковного хозяйства. Под ним понимаются, во-первых, совокупность тех матери-

альных объектов, которыми распоряжалась церковь (земельные владения, постройки, ценные бумаги и пр.), во-вторых, организационная структура, позволявшая осуществлять экономическую деятельность, и, в-третьих, способы получения дохода в результате использования указанных материальных объектов.

Важную роль в структуре церковного хозяйства играло землепользование. Земля имела особенно большую ценность для сельского духовенства, давая средства к существованию. Каждой сельской церкви отводился земельный участок от 33-х до 99-ти десятин в зависимости от штата причта и плодородности почвы. В средневожжских епархиях на причт приходилось в среднем 30-40 дес. земли [12, с. 67]. В южных степных районах Самарской губернии (Николаевский и Новоузенский уезды) размеры земельных участков церквей достигали 60–90 дес. [8, с. 34].

Сводом законов Российской империи устанавливалось положение, по которому там, «где не отведено церквам земли или где у крестьян менее 4 десятин на душу, обязывать прихожан назначать причту соразмерное вознаграждение ежегодным взносом денег, или доставлениями продуктов по расчислению» [15, с. 6]. В 1890-е гг. в европейской части России церквей, наделённых землёй, было 28 тыс. 769. Из них городские церкви, владеющие землёй, составляли 1 тыс. 117 (3,9%). Всей церковной земли было примерно 1 млн. 671 тыс. 198 десятин, из которых 96 тыс. 194 дес. принадлежали городским церквам (5,8%), а 1 млн. 575 тыс. дес. – сельским (94,2%) [15, с. 7].

Церковное землевладение было тесно связано с крестьянским. До середины XIX века все тяготы земледельческого труда ложились на плечи самих членов причта, что вызывало с их стороны многочисленные жалобы. Духовенство неоднократно высказывало пожелание передать церковную землю в казну или крестьянам, заменив доходы от нее денежной компенсацией [12, с. 28, 36]. Чтобы избавиться себя от хлопот, связанных с обработкой земли, причт стал все чаще прибегать к использованию наемных работников, которые трудились за соответствующую плату. Широко практиковалась сдача земли в аренду местным крестьянам. Земля, полученная от сельского общества, передавалась тому же обществу за арендную плату. По отчёту обер-прокурора Св. Синода, в 1901 г. большинство причтов отдало свои земли в аренду [16, с. 266]. С середины 60-х гг. XIX столетия процессы капитализации начинают утверждаться в церковном хозяйстве повсеместно. Полученный урожай с выгодой продавался, а вырученные средства частью пускались в оборот, частью шли на оплату труда наемных работников и содержание членов причта и их семейств. Чистая прибыль с одной десятины земли среднего качества составляла свыше двадцати рублей в год [12, с. 28, 36]. Причем земля сдавалась в аренду сразу на несколько лет, вопреки официальному законодательному положению. Так, например, крестьянин с. Бессоновки Пензенской губернии Иван Петрушков взял в аренду 160 дес. 450 саж. земли, принадлежащей кафедральному собору Пензы, сроком на 12 лет (с 1901 по 1913 г.). Он должен был выплачивать собору 1 тыс. 300 руб. ежегодно. В случае неуплаты причт имел право отказать в аренде. На арендуемой земле Петрушкову разрешили построить сторожку. Договор об аренде был утвержден членами Пензенской духовной консистории с одобрения епископа [1, с. 1–2]. В феврале 1911 г. причт того же собора в лице протоиерея Владимира Лентовского сдал в аренду крестьянам с. Новые Черкасы землю в количестве 167 дес. 455 саж. сроком на 12 лет, считая с посева парового поля в 1913 г. и кончая посевом ярового поля в 1925 г. Плата составляла 2 тыс. 500 руб. в год, соответственно за весь период – 30 тыс. руб. [2, с. 1]. Самарский архиерейский дом сдавал в аренду купцам Н. Мясникову, И. Смирнову и В. Балакину участок пахотной земли, водяную мельницу у с. Елшанка, рыбные ловли по р. Самара и озерам, а также сенокосные пожни [4, с. 26]. Сенокос сдавался на лето за 30 руб. серебром в год. Дача под загородный архиерейский дом занимала 34 десятины. Там располагались летний деревянный дом, церковь во имя пророка Предтечи и крестителя Иоанна, 3 деревянных флигеля, каменный дом, амбар и прочие деревянные строения [5, с. 6]. Загородный дом епископа был построен в 1867 г. на выделенной городским обществом земле с садом. Сад имел 150 яблоневых деревьев, много вишни, а также пруд [6, с. 4, 6].

В строительстве приходских храмов и домов для духовенства принимали активное участие крестьянские общества. Рабочих подражали в основном члены церковно-приходских попечительств. Проблема жилья всегда очень остро стояла перед духовенством. Ее решение было возможно только с помощью приходских обществ [9, с. 7].

Духовенство возлагало свои основные надежды на помощь государства, на казенное жалованье. Благочинный Сызранского уезда Симбирской епархии в 1896 г. отмечал, что «за последнее время с назначением причтам казенного жалованья (сказались результаты политики К.П. Победоносцева,

направленной на улучшение быта духовенства – А.М.) неудовольствия между духовенством и прихожанами по поводу взимания вознаграждения за требоисправления становятся редким явлением; и в отчетном году не было ни одной жалобы прихожан на свои причты в непосильном требовании последними вознаграждения за требоисправления» [10, с. 90].

Рассмотрение состояния финансовых ресурсов церковного хозяйства позволяет судить о том, насколько удовлетворительным было материальное положение духовенства. Финансы каждой приходской церкви включали в себя, во-первых, церковные суммы, во-вторых, непосредственно капитал причта и, в-третьих, переходящие суммы. Всем им соответствовали разные источники дохода. Церковные суммы складывались из кружечного и кошелькового сборов, продажи свеч, оброчных статей, процентов с капитала и случайных доходов [3, с. 1]. Капитал причта формировался за счет пожертвований и остатка сумм за предыдущий год. Переходящие суммы состояли из пожертвований на разные специфические цели, как-то: содержание беднейших церквей, восстановление православия на Кавказе, миссионерские дела, улучшение быта православных поклонников в Палестине и прочие. Цели, естественно, менялись, но сбор оставался постоянным. На свои нужды причт тратил в основном церковные суммы [3, с. 3–4].

В церкви разрешалось хранить наличными не более 100 рублей, поэтому причт обращал крупные суммы в ценные бумаги коммерческих и государственного банков, получая устойчивый доход в виде процентов [18, с. 131]. Однако в 1882 г. Синод во главе с К.П. Победоносцевым существенно ограничил подобную деятельность духовенства, издав распоряжение о переводе всех церковных вкладов из коммерческих банков в госбанк, причем с меньшими процентами (4% годовых), что принесло выгоду государству. Казна нашла для себя таким образом еще один источник пополнения: забирая у причтов «живые» деньги, государство выдавало обязательства, доход по которым из-за инфляции постоянно снижался [17, с. 38].

Многие приходские священники сетовали на скудное финансовое обеспечение. Более благополучным в этом плане считалось положение тех причтов, которые исправно получали государственное жалованье, а также имели участки земли хорошего качества [16, с. 277–278].

По мнению большинства священников, причины снижения уровня доходов духовенства заключались в дороговизне жизни, уменьшении хлебных сборов и окончательном прекращении их местами после 1905 г., уменьшении пожертвований за требоисправления и жалованья из общественных сумм. Кроме того, сократилось количество прихожан, материально поддерживающих церковь, вследствие увеличения числа приходов и начавшегося переселения в Сибирь. Были и временные причины: неурожай, недород, пожары [13, с. 36]. «В последнее время, – отмечал самарский епископ Михаил, – под влиянием злонамеренных людей прихожанами совершенно не уплачивалось причту жалованья, нередко составлялись приговоры об уменьшении платы за требы и отобрании церковной земли. Все это в дальнейшем может привести к полному обнищанию духовенства, если правительство не обеспечит причты приличным жалованьем от казны» [11, с. 32].

К июню 1910 г. в Пензенской епархии из 762 причтов казенного жалованья не получали 45, в Самарской – из 986 причтов – 265, а в Симбирской – из 701 причта – 171 [19, с. 1693]. Если говорить о России в целом, то из 40 тыс. 980 причтов жалованья были лишены 10 тыс. 996. Чтобы решить эту проблему, требовалось порядка 9 млн. руб. единовременных ассигнований [19, с. 1694]. Но даже если бы удалось выплатить жалованье всем причтам по средней норме, его было бы явно недостаточно.

Таким образом, большинство священников и дьяконов имели от 500 до 1000 рублей годового дохода. Значительная часть священников имела устойчивый доход в 1–2 тыс. рублей ежегодно, что было совсем неплохо, если учитывать, например, что средняя годовая зарплата рабочего была чуть больше 300 руб. [14, с. 34].

В рассматриваемый период церковное хозяйство в Среднем Поволжье претерпело значительные изменения под влиянием развивающихся капиталистических отношений, что рельефнее всего проявилось в выборе тех способов получения доходов, к которым прибегало духовенство. Характер этих способов получения дохода не оставляет сомнений в том, что православная церковь перестала быть чисто феодальным институтом и становилась неотъемлемой частью рождающегося индустриального общества.

Литература

1. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2530.
2. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2656.

3. ГАСО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 478.
4. ГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 286.
5. ГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 388.
6. ГАСО. Ф. 32. Оп. 12. Д. 21.
7. ГАСО. Ф. 32. Оп. 16. Д. 192.
8. ГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 334.
9. ГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 76.
10. ГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 608.
11. ГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 497.
12. ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 927.
13. ГАУО. Ф. 134. Оп. 8. Д. 910.
14. Зырянов П.Н. Русская православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. – М.: Наука, 1984. – 224 с.
15. Кильчевский В. Богатство и доходы духовенства. – СПб., 1908. – 40 с.
16. Мельгунов С. Церковь и государство в России. В переходное время / Сб. статей 1907-1908 гг. // Вып. 2. – М., 1909. – 310 с.
17. Римский С.В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. – 1996. – № 4.
18. Устав духовных консисторий. – СПб., 1911. – 56 с.
19. Церковные ведомости. – СПб., 1910. – № 40.
20. Якунин В.Н. История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. – 2014. – № 3(8). – С. 16–24.

УДК 93/ 94.930.23

Н.Ю. Николаев

*г. Волжский, Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета*

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Н. МИЛЮКОВА В 1914–1917 гг.

Известный либеральный деятель дореволюционной России, министр Временного правительства П.Н. Милюков был не только видным историком, учеником великого В.О. Ключевского, но и энергичным сторонником идей всеобщего мира и разоружения. В своих воспоминаниях Милюков отмечал, что достаточно рано стал интересоваться миротворческими идеями. Сочувствуя идеям политического миротворчества, он внимательно следил за работой Гаагской мирной конференцией 1907 г. В то время Милюков был горячим поборником кодификации международного права, считая ее высшим проявлением повсеместное развитие и распространение третейского разбирательства [3, с. 310–311]. В бытность свою депутатом Первой Государственной Думы Милюков являлся членом межпарламентского Союза мира, в рамках которого работал в комиссии об ограничении вооружений. В этот период он неоднократно публиковал работы, в которых пропагандировал идеи разоружения и установления всеобщего мира [2].

Активная деятельность Милюкова в рамках межпарламентского Союза мира и его активная антивоенная позиция снижали ему репутацию миротворца не только в России, но и за ее пределами. В 1913 г. ему он участвовал в составе международной комиссии в расследовании военных преступлений совершенных в период балканских войн. По славам Милюкова, увиденные зверства отрезвляюще повлияли на его увлечение абстрактным пацифизмом. Вместе с тем он продолжал верить в идеалы миротворчества и надеяться на мирное разрешение международных противоречий вплоть до лета 1914 г. [3, с. 364–365].

Анализируя миротворческие взгляды П.Н. Милюкова, невозможно пройти мимо позиции занятой им в период Первой мировой войны. С момента августовской катастрофы многие либеральные публицисты стали оперировать понятиями, которые были призваны подчеркнуть справедливость и даже необходимость участия России в войне [11, с. 29]. Вчерашние «пасифисты», еще в начале 1914 г. призывавшие остановить безумную гонку вооружений и пресечь милитаристские устремления правительств, с первых месяцев конфликта наперебой бросились доказывать необходимость обуздания агрессивных поползновений Центральных держав [1, с. 417–418].

В этом потоке «священного единения» Милюков не выглядел исключением, хотя стоит признать, что до начала конфликта он призывал к его «локализации», скептически относясь к «моральным обязанностям России по отношению к славянству» [3, с. 385]. Однако с лета 1914 г. он занял совершенно четкую позицию, отстаивая национальный и оборонительный для России харак-

тер войны. Свою задачу историк видел в том, чтобы объяснить «навязанную нам войну, ее происхождение, ее достижимые последствия» [3, с. 392].

Всю полноту вины за развязывание конфликта он возлагал на Германию. Национальное высокомерие, жажда мирового господства, авантюрная внешняя политика Вильгельма II, милитаризация немецкой культуры – все это в совокупности толкало «второй рейх» к мировой войне [7, с. 1–17]. Однако более всего Милюков негодовал относительно нарушения бельгийского нейтралитета, в котором он усматривал вопиющее нарушение основ международного права и откровенную демонстрацию неразборчивости в выборе средств германской дипломатией [4, с. 106–121].

В порыве патриотизма он признавал вполне допустимым реализацию «*vae victis*» в отношении вражеских территорий. Милюков увлеченно рассуждал о бессмысленности захвата чужих земель, пока вплотную не касался российских интересов. В то же время он с негодованием продолжал писать о планах немецких шовинистов построить «Великую Германию», которые подразумевали, в том числе, и расчленение Российской империи [7, с. 9].

В 1915 г. Милюков выступил с масштабной программой национально-государственного переустройства Европы, обосновывая необходимость будущих территориальных приобретений для России. Например, присоединение Восточной Галиции представлялось ему лишь завершением собирательной политики московских князей, то есть «объединением русских народностей в их этнографических границах». Интересы «прочного мира», заявлял Милюков, требовали воссоздания объединенной Польши в ее этнических пределах, под «скипетром Русского Царя» [9, с. 53–60]. Более того, отчуждение польских земель из состава Австро-Венгрии и Германии стало бы «делом справедливости и делом политического благоразумия». Учитывая автономный статус будущей Польши, историк не без лукавства заявлял, что исправления границ в ее пользу «не должны, конечно, считаться непосредственными приобретениями России» [9, с. 61]. Еще более смело Милюков предрекал послевоенную судьбу Турцию. Интересы российской государственности требовали передачи ей Босфора, Дарданелл и Константинополя с прилегающей территорией. В Закавказье автор предлагал возвратиться к границам, установленным Сан-Стефанским договором 1878 г. Помимо этого следовало отогнуть Турецкую Армению, образовав на этой территории автономное государство подконтрольное Османской империи или России [9, с. 61–65]. При этом Милюков рассматривал реализацию своих геополитических прожектов как необходимое условие установления прочного и долгого европейского мира, укрощения гегемонистских устремлений Германии, прекращения гонки вооружений и обеспечения национально-государственного развития малых народов [9, с. 66].

Более детально планы послевоенного территориального разделения стран Центрального блока, с картами, таблицами, подробным анализом различных мнений, он представил в ежегоднике газеты «Речь» на 1916 г. Милюков призывал отказаться от шовинистических крайностей, которые он видел, к примеру, в призывах возродить прежнее раздробленное состояние Германии. В подобных суждениях он видел источник будущих политических «осложнений». Тем не менее, согласно его «программе» Германия лишалась Эльзас-Лотарингии, части территорий на Рейне (Саара) и своих колоний [10, с. 109–128]. Он безоговорочно приветствовал достигнутые между союзниками в 1915 г. договоренности относительно послевоенного присоединения к России проливов и Константинополя. Турецкий суверенитет над автономной, населенной армянами провинцией полностью исключался и устанавливался за Россией. Собственно турецкую государственность, по его мнению, следовало ограничить Западной Анатолией, а огромные ближневосточные владения Оттоманской империи передавались союзникам [10, с. 38–56]. Судьбу Австро-Венгрии Милюков рассматривал через призму освобождения малых народов. Он предлагал слияние Сербии с Хорватией-Славонией и образование Югославии. Созданное Чехословацкое государство, связанное специальным «соединительным коридором» с Югославией, не только отрезало Венгрию от Австрии, но и «давала бы выход славянским товарам к Адриатике». Польша восстанавливалась в своих этнических границах. Италии передавались Южный Тироль, Триест, Истрия, Далмация и учитывались ее интересы при разделе Турции [10, с. 56–108].

Конечной задачей мировой войны Милюков видел в установлении «*прочного и длительного* (курсив автора) мира». Все воевавшие стороны, указывал он, включая государства Центрального блока, предполагали итогом войны создание «лучшей международной организации Европы и всего мира». По мнению Милюкова, помочь этому могло, прежде всего, серьезное усовершенствование международного права, которое должно было развиваться в двух направлениях. Во-первых,

следовало расширить компетенцию третейского международного суда «на самые важные спорные случаи..., из-за которых происходят войны между народами». Во-вторых, необходимо было создать силы международного принуждения, которые контролировали бы выполнения принятых судом решений. В результате реализации данных предложений, международное право получило бы обязательную силу, что гарантировало бы прекращение конфликтов и установление всеобщего и постоянного мира [6, с. 39–41].

Сам Милюков считал занятую им позицию глубоко патриотической и отвечающей задачам стратегического развития Российского государства. Он критиковал ту часть пацифистки настроенной общественности, что приемля войну, стремилась оправдать российское в ней участие возвышенными и благородными помыслами. В этих попытках примирить голос совести с оправданием массового убийства, Милюков видел пример идейного лицемерия, выродившегося в популярные вскоре лозунги: «война против войны», «война без победителей», «война без аннексий и контрибуций» и пр. [3, с. 392–393]. Еще более резко Милюков отзывался о социалистическом интернационализме, чья антивоенная пропаганда разлагала армию и общество. При непосредственной помощи Германии и посредничестве швейцарских социалистов «циммервальдская и кинтальская зараза» широко распространилась среди общественных и политических кругов России и главной задачей армии и правительства, по его мнению, было переломить эти псевдомиролюбивые настроения [8, с. 3–40]. Неудивительно, что возглавив министерство иностранных дел во Временном правительстве Г.Е. Львова, Милюков еще более активно требовал продолжения войны, клеймя поражение и взывая к союзническому долгу [5, с. 547].

Означала ли подобная метаморфоза тот неприятный факт, что П.Н. Милюков никогда не являлся искренним и последовательным сторонником миротворческих идей? Едва ли подобное утверждение можно назвать справедливым. Скорее перед нами пример известной эволюции взглядов, связанной, главным образом, с изменением международной обстановки. Кроме того, следует помнить, что «прагматичный пацифизм» Милюкова был всегда далек от полного отрицания войны. Он признавал неискоренимость человеческих конфликтов, но полагал, что развитие политической культуры, правосознания, общей образованности выступало естественным фактором уменьшавшим вероятность насильственного разрешения межгосударственных споров. Незадолго до начала Первой мировой войны Милюков разочаровался даже в такой, достаточно умеренной форме миротворчества, по причине несоответствия политической ситуации ценностям «абстрактного пацифизма». Неудивительно, в этой связи, что историк, к тому времени целиком растворившийся в политике, в 1914 г. занял позицию, весьма отличавшуюся от его прежних миролюбивых призывов. Разразившейся конфликт он рассматривал не только как оборонительный, но и способный принести России значительные территориальные приобретения, а также разрешить в благоприятном для нее ключе вековой «восточный вопрос».

Литература

1. Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. – 1914. – № 8. – С. 407–424.
2. Милюков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1911. – 178 с.
3. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
4. Милюков П.Н. Дипломатическая история войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. – СПб., 1915. – С. 43–121.
5. Милюков П.Н. Константинополь и проливы // Вестник Европы. – № 4–6. – С. 525–547.
6. Милюков П.Н. Почему и зачем мы воюем? (война, ее происхождение, цели и последствия). – Пг.: Скоропечатня «Свобода», 1917. – 59 с.
7. Милюков П.Н. Происхождение войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. – СПб.: Изд. Редакции газеты «Речь», 1915. – С. 1–42.
8. Милюков П.Н. Россия в плену у Циммервальда. Две речи П.Н. Милюкова. – Пг.: Скоропечатня «Свобода», 1917. – 44 с.
9. Милюков П. Н. Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны. Сб. статей. Изд. 2-е. – Пг.: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. – С. 53–66.
10. Милюков П.Н. Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. – СПб.: Тип. Петрогр. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1915. – С. 29–128.
11. Шелухаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. – М.: Наука, 1991. – 231 с.

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИЛЛЮСТРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

При изучении политики коллективизации историки очень редко выделяли как отдельный ее сегмент лишение крестьянина избирательных прав. Такие крестьяне получили негласное название «лишенцев».

Абсолютно «белым пятном» в данной теме оказались сами исторические источники – документы крестьян-лишенцев, массивы которых в российских архивах изучены недостаточно. Это объясняется, в том числе, и длительным этапом засекреченности фондов.

При ангажированности и востребованности сейчас исторических тем, связанных с новыми теоретическими и методологическими подходами, историческая наука в лице своих представителей никогда не будет отвергать, что «...исследовательская задача в исторической науке может быть решена лишь при наличии источников, содержащих необходимые сведения об объекте познания». [9, с. 226]. Оставшиеся от борьбы русских крестьян за избирательные права в 30-е годы бумаги говорят сами за себя. Степень их информационной ценности и насыщенности сложно переоценить.

Документы «лишенцев» Семеновского района Ивановской области (сегодня – Островского района Костромской области) по своему составу очень разнообразны: циркуляры, распоряжения и переписка с разными организациями по вопросам лишения избирательных прав, налогам, пожарной охраны, коммунального хозяйства, НКВД, ОГПУ; дела самих «лишенцев» по каждому сельсовету (в 1929 году на территории только что образовавшегося района было 29 сельсоветов); анкеты выселившихся кулаков; протоколы заседаний райисполкома, колхозных собраний, комсомольских, женских организаций, сходов общественности, на которых обсуждались вопросы и принимались решения о выселении раскулаченных.

Они представляют собой толстые папки с бумагами, исписанными карандашом, чернилами разного цвета, каракулями, которые старательно выводила непривыкшая к карандашу крестьянская рука и каллиграфическим почерком, с красивыми писарскими завитушками. Материал для письма – бесформенные листки грубой бумаги, обратные стороны различных агитационных плакатов, листы, вырванные из старых амбарных книг, из ученических тетрадей.

Состав дел формировался в свое время не беспорядочно, а в определенной логике. Каждый гражданин, лишенный избирательных прав, получив об этом извещение сельсовета (указание даты и причины лишения было обязательным), мог в течение нескольких дней после этого, если он был не согласен с таким решением, обжаловать его. К этим первичным документам у каждого лишенца прибавлялись затем его новые заявления в высшие инстанции, решения этих инстанций, новые заявления и дополнительные доказательства и новые решения и. т.д. – весь набор документов, отражающий обычно длительный, иногда в течение нескольких лет, процесс борьбы «лишенца» за восстановление своих прав.

Таким образом, в архивных фондах «лишенцев», сохранилось огромное количество различных справок с места работы об объемах и уплате налогов и сборов, характеристики, «приговоры» одноподдеревенцев, иногда, и нескольких соседних деревень, акты о разделах крестьянского хозяйства с родителями, акты описи имущества лишенца, акты и справки об изъятии имущества и его распродаже с торгов, протоколы колхозных собраний, письма Калинин, Крупской, Сталину, обращения в центральные газеты, в РКИ, в ВЦИК.

Таким образом, документальный материал дает возможность получить сведения о целом поколении крестьян, активный период жизни которых пришелся на страшные и трагические 20–30-е годы XX века. Всего в фонде 65 дел, это – материалы крестьян, которые были лишены избирательных прав и добивались их восстановления.

Документы эти уже сами по себе примечательны тем, что несут пласт во многом новой для нас информации. Они беспристрастно зафиксировали «кто был кто среди «лишенцев», кто как строил свое хозяйство, каким трудом семья становилась «зажиточной», кто «выбивался в богачи».

Во всех этих крестьянских бумагах представлены просьбы о восстановлении в «избирательных правах», отчаянные попытки доказать, как были неправы и несправедливы те, кто лишил их «права голоса». «Лишенец» изыскивал любые способы и слова, чтоб доказать свою «лояльность» вла-

сти, и был готов на все. «Я все время существования советской власти вполне приветствую все существующие законы и постановления. А хотя и жил я с отцом, но патента на право торговли на меня не было...» [2, л. 145]. Неожиданно странная политическая активность крестьян? Казалось бы, зачем это право крестьянину в глухой деревне? «Настоящим прошу окружную избирательную комиссию не отказать в восстановлении меня в правах гражданства. Мне районная избирательная комиссия отказала мотивируясь тем, что я с 1925 года не проявил себя активно не в каких организациях советской власти. Я и не проявил себя не в чем ввиду того что: 1. Я человек совершенно не грамотный даже не окончил сельской школы. 2. Может и проявил бы себя в чем либо, ну как лишенцу меня не допускали ни на какое общее собрание...» [2, л. 145].

Изучение источников приводит к выводу, что право голоса необходимо было не для того, чтобы проявить свою гражданскую позицию или политическое право. Лишение этих прав ставило сельского жителя на грань выживания: он не мог участвовать в потребкооперации, в кооперативной лавке не мог купить ни муки, ни крупы, ни керосина. «Лишение» давало право властям вместо «единого сельскохозяйственного налога» наложить налог «в индивидуальном порядке» или «дать твердое, задание», с которым заведомо не возможно было справиться.

Положение «лишенца» давало право сельсовету описать имущество крестьянина вплоть до чайного стакана и вилки, если они в хозяйстве имеются, арестовать вклады в сберегательной и страховой кассе и облигации, прекратить кредиты, описать и передать его имущество ему же под расписку на хранение и запретить передвижение из района в район. Далее по решению суда за неуплату (недоплату) налога имущество (в 20-е годы) продавалось с торгов в своей деревне, или (в 30-е годы) передавалось в колхоз «в счет паевых взносов бедняков и батраков», вступивших в колхоз без пая. После лишения своего хозяйства, крестьянин должен был далее как-то существовать, но с клеймом «лишенца» крестьянам работу было не найти.

Поэтому, отнюдь не политическая сторона этих «прав» волновала крестьянина – «лишенца», вопрос стоял о выживании его самого и его семьи.

Созданная таким образом рабоче-крестьянской властью ситуация толкала крестьянина мириться с новой политической ситуацией и обстановкой. Его «загоняли» в правильную жизнь, вынуждая отказываться не только от старого способа хозяйствования, не показав еще нового, и даже не столько от него, сколько от самих носителей этих традиционных способов хозяйствования. Выход был один: доказать, что лично ты ничего общего не имеешь с отцом (бывшим торговцем, священником, дьяконом), с дедом (бывшим заводчиком, где он сам в жаре, дыме и саже добывал древесный порошок и спирт), с мужем (сыном мельника, торговца), с женой и сыном (дочерью и внуком бывшего «богача»). И пытались многие это доказать, – рвались корневые родственные связи, отрекались от отца и деда, от жены и мужа, от брата и сестры, от семьи..., чтобы выжить, существовать самому.

Вопиющих документальных доказательств этому много: «Семья моя состоит из трех человек, но судя поэтому как я еще молодой хозяин, начинаю только развивать свое хозяйство и не считаю себя середняком, но пропадает моя молодая жизнь **за кличку фамилии отца**» [1, л. 142]. «Только и счастье попасть членом добровольной дружины в которой я работаю очень с желанием, **а пропадаю я во всей молодой жизни только за отцовскую фамилию**» [2, л. 145]. «А хотя и жил я с отцом, но патента на право торговли на меня не было, а был только член семьи, даже заставило поиметь раздельный акт с отцом, **за которого я вторично говорю и приходится пропадать...**» [3, л. 149]. «Прошу восстановить меня в правах гражданства, то что я в настоящее время пропадаю в жизни **за старую свою совместную жизнь с отцом, так как который был частным торговцем**» [4, л. 151]. В течение трех лет автор этих заявлений борется за восстановление избирательного права в отношении себя. Борьба эта требует все более настойчивых и более резких отказов от отца. Он отрекался от него до тех пор, пока президиум РИКа не посчитал возможным «поверить», что он и в самом деле «живет от отца... совершенно отдельно» и вообще ничего общего с ним не имеет.

Материалы показывают, и показывают ярко, почти не знаемый нами в таких деталях, рушивший бытовой уклад жизни крестьян, внутрисемейные отношения и семейные связи. В каждом документе – отражение больших и малых бед и целых трагедий в жизни каждой отдельной крестьянской семьи. В их совокупности – отражение одной большой трагедии – раскрестьянивания России.

Изучаемые документы зафиксировали для потомков состав хозяйственного имущества крестьян; по его описям, можно судить о занятиях крестьян побочным промыслом, об их умениях и ремеслах. Крестьянские бумаги содержат сведения о традиционных способах хозяйствования, о жилищных и хозяйственных постройках, об орудиях труда, их видах и количестве, о той домашней утвари, которой пользовался крестьянин повседневно и в праздники и о многом другом.

Один из документов семьи Мазиных из с. Семеновского-Лапотного, Семеновской волости, Кинешемского уезда, Иваново-Вознесенской губернии включает 49 пунктов перечисления довольно серьезного хозяйства мельника Я.М. Мазина, который построил водяную мельницу в 1907 г. и был лишен избирательных прав в 1918 году, как собственник мукомольного производства. Он умер, и в 1927 г. был произведен раздел имущества, которое состояло из: «1. Мельница, масляная и толкуша. 2. Дом при мельнице под общей крышей с двором, кладовой, баней и погребями. 3. Людская изба с двором. 4. Кузница с оборудованием. 5. Сарай 12х9 ар. 6. Сарай 12х12 ар. 7. Овин ... 15. Лошадей 2 шт.: жеребец и матка. 16. Коров 2 шт. 17. Телег на железном ходу три. 18. Тарантасов два. 19. Сани троешные. 20. Санки... 29. Сукно для масляной 80 ар. 30. Сеялки... 33. Борона пружинная. 34. Борон железных 2 шт. 35 плугов 3 шт. 36. Весы ... 47. Земля: участок № 1 в Колгановском поле, № 6 в Семеновском поле, № 3 в Колгановском лугу, № 4 пустошка, № 5 кочи на лугу. 48. Хлеб. 49. Сено и солома.» [6, л. 79–80]. В данном документе описывается земледельческое хозяйство мельника.

Такого же характера материал имеется в описи хозяйства крестьянина Шарикова С.И. д. Гаврилово, той же Гармонихской волости Кинешемского уезда. «... 4. новая телега деревянного хода. 5. Колеса старые. 6. Тарантас. 7. Дуга выездная. 8. Дуга старая. 9. Черезсидельник. 10. Клещи новые. 11. Хомут. 12. Сыромять. 13. Пила-ножовка. 14. Узда новая. 16. Узда старая. ... 25. Плуг железный. 26. Плуг деревянный. 27. Шуба суконная. 28. Стульев простых жестких – 10. 29. Диванов деревянных – 2. 30. Столов простых – 2. 31. Шкафов – 2. 32. Полукамод. 33. Часы с боем. 34. Зеркало стенное 35. Тарелок круглых – 10. 36. Вилки старых – 6. 37. Чайных – 11. 38. Ниток белых – 11. 39. Ниток цветных – 5. 40. Ваз столовых – 3. 41. Поднос чайный. 42. Таз посудный, медный» [5, л. 160].

Исследуемые документы так же свидетельствуют об уровне грамотности крестьян и крестьянок, о том, как менялся язык сельских тружеников в эти годы, становясь все более официальным и бюрократическим; как в языковой обиход, в просторечие входил постепенно язык другой (чужой?) – «советский». В заявлениях, письмах, анкетах отражается отношение всех уровней власти к Человеку – его именуют «гражданин» или «товарищ», чаще в сокращенной форме – «гр.», «тов.», а еще чаще – «проситель», «заявитель», «лишенец», «торговец», «заводчик», «служитель культа», или вообще обезличенно-массово: «беднота», «актив бедноты», «бедняцкий актив», «богачи», «кулаки».

Документы «лишенцев» – доказательство сути советской модернизации – борьбы против основы прошлого – против частной собственности, а значит, – против крестьян-хозяев, крестьян – умелых, бережливых, сметливых тружеников, носителей вековых традиций, крестьянского генного кода, который закладывал в каждом новом поколении здоровый консерватизм: «помирать собираешься, а рожь сей».

Эти документы – иллюстрация к предупреждению В.О. Ключевского о том, что «прошлое нужно знать не потому, что оно прошлое, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий».

Литература

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Р. 2666. Оп. 3. Д. 5. Л. 142.
2. ГАКО. Ф.Р. 2666. Оп. 3. Д. 5. Л. 145.
3. ГАКО. Ф.Р. 2666. Оп. 3. Д. 5. Л. 149.
4. ГАКО. Ф.Р. 2666. Оп. 3. Д. 5. Л. 151.
5. ГАКО. Ф.Р. 2666. Оп. 3. Д. 5. Л. 160.
6. ГАКО. Ф.Р. 2666. Оп. 3. Д. 24. Т. 3. Л. 79–80.
8. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003 – 486 с.

РПЦ И РУССКАЯ АРМИЯ В БОРЬБЕ С НАПОЛЕОНОМ (на примере священников 24-й пехотной дивизии)

В российской истории немало примеров героизма, проявленного в битвах с врагом. Зачастую простой народ или люди, не состоящие в регулярной армии, проявляли бесстрашие и мужество перед врагом. К таким можно отнести священнослужителей Русской Православной церкви. Значение их в событиях Отечественной войны 1812 г. весьма велика, поскольку без учета роли церкви, имевшей сильное влияние на духовную жизнь России, невозможно понять природу патриотизма русского народа и некоторые особенности той войны.

Всем известно, что сильную духом армию трудно победить, война за свободу Отечества священна. В этой связи приведем известную цитату из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». И полковые священники выполняли свой духовный долг пастырей, вдохновляя солдат и офицеров русской армии на ратные подвиги. При этом они сами принимали непосредственное участие в сражениях с неприятелем, подвергаясь обстрелам пехоты и артиллерии. Сибирские регулярные полки, которые в 1808 и 1810 гг. были выведены из Сибири, также имели своих полковых священников.

В связи с тем, что православие преследовалось в СССР, тема участия священнослужителей в наполеоновских войнах является слабоизученной. Хотя можно отметить ряд работ, вышедших в последние десятилетия, выделив среди них исследования Л.В. Мельниковой [2]. Актуальность проблемы возрастает сегодня, поскольку воспитание патриотизма молодежи должно происходить во взаимосвязи с приобщением к духовным ценностям и святыням России.

Постоянная опасность смерти и огромная напряженность военной работы требовали духовной поддержки для воинов со стороны священника. Его деятельность не ограничивалась проведением богослужений и погребением умерших, военное духовенство являлось, по сути, руководителем и вдохновителем православного русского воинства.

Еще за несколько месяцев до начала нашествия Наполеона на Россию русское военное командование провело ряд мер по отношению к военному духовенству. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армии» 27 января 1812 г. были введены должности корпусных священников. В 1-й и 2-й Западных армиях были учреждены 29 апреля 1812 г. должности полевых обер-священников, которым подчинялись корпусные священники. В 1-й армии обер-священником являлся протоиерей Преображенского всей гвардии собора Алексей Торопогницкий, а во 2-й – протоиерей лейб-гвардии Финляндского полка Тимофей Таренецкий [3, с. 51]. В то же время в каждом регулярном полку был полковой священник. Таким образом, полностью сформировалась структура военного духовенства в русской армии.

Полковые священники регулярно проводили религиозные беседы, объясняя русским солдатам духовную силу православия, обязанность православного воина защищать свое Отечество. Говоря о духовных наставлениях, необходимо отметить фигуру протоиерея Г.И. Мансветова, составившего сборник «Краткие христианские поучения для воинов...». Мансветов занимал должность священника Ширванского пехотного полка, а затем и всей 24-й пехотной дивизии. Заметим, что в составе этой дивизии находились три сибирских полка – Томский и Ширванский пехотные, 19-й егерский. Солдаты и офицеры этих полков вместе со своими духовными наставниками прошли путь от Немана до Москвы, а затем от Тарутина до Франции.

В «Кратких христианских поучениях для воинов...» Мансветова говорилось, что неустрашимость воина заключается в твердости духа, с которой воин «по гласу царя и его военачальников спокойно идет на все опасности, дабы одолением врага даровать мир Отечеству» [1, с. 38].

Среди священнослужителей 24-й пехотной дивизии особо выделялся отец Василий, получивший в 1810 г. должность полкового священника в 19-м егерском полку. Он обладал незаурядными способностями оратора. Еще 5 января 1811 г. шеф 19-го егерского полка полковник Т.Д. Загорский в «Списке о поведении полкового священника» отмечал порядочность, рассудительность и прекрасное владение искусством красноречия отца Василия, а также его образованность – знание математики, физики, географии и истории, владение иностранными языками – латынью, греческим, немецким и французским. С началом нашествия Наполеона 24-я пехотная дивизия отступила на восток вместе с другими частями русской армии. 15 июля в течение всего дня у д. Какувячи-

но арьергард 1-й армии Барклай де Толли сдерживал атаки превосходящего по численности противника. Отличились в этом бою батальоны 19-го егерского полка, вдохновляемые отцом Василием. По ходатайству командира дивизии генерал-майора П.Г. Лихачева полковой священник В. Васильковский был представлен к награждению «камилавкой» – знаком отличия белого духовенства.

Много месяцев спустя, удерживая Малоярославец, командир 6-го пехотного корпуса Д.С. Дохтуров направил в город 19-й егерский полк. Вместе с офицерами и солдатами 19-го егерского полка в бою за Малоярославец принял активное участие и отец Василий Васильковский, который с крестом в руке воодушевлял идущих в атаку егерей. 31 октября 1812 г. Дохтуров, ходатайствуя о награждении Васильковского, докладывал М.И. Кутузову, что «священник Васильковский в этом бою все время находился с крестом в руке впереди полка и своими наставлениями и примером мужества поощрял воинов крепко стоять за Веру, Царя и Отечество и мужественно поражать врагов, причем сам был ранен в голову» [4, с. 24–25]. За проявленную отвагу отец Василий был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени – это единственный случай награждения священнослужителя таким орденом. Поскольку духовенство получало особую награду за вклад в разгром врага (медный крест с надписью).

Умер отец Василий во Франции 24 ноября 1813 г. во время заграничного похода русской армии. Подвиги его бессмертны, его братья продолжали служить на благо Отечества до окончания наполеоновских войн.

Следует отметить, что и в других сибирских полках были полковые священники, с честью выполнившие свой пастырский долг. В Тобольском пехотном полку им был Ф.П. Сперанский, в Иркутском драгунском – Т.Ф. Мизецкий, в Сибирском драгунском – Е. Малецкий, в Селенгинском пехотном – И.И. Еланский, в 18-м егерском полку – П.Д. Заморский.

В минуту опасности православная вера объединила все сословия. Наряду с регулярной армией с врагом сражались простые люди, священники, ополченцы. В полках же русской армии духовные наставники – полковые священники – помогали воинам преодолеть трудности войны. Сибиряки, сражаясь в составе 24-й пехотной дивизии, вместе со своими священниками проявляли чудеса отваги и мужества. В то грозное время Русская православная церковь была неразрывно связана с духовной жизнью всего русского общества.

Сегодня традиция военного духовенства возрождается. Многие дивизии ВДВ, ракетных и танковых войск российской армии имеют своих духовных наставников – православных священников, мусульманских имамов и т.д. Естественно, что пока это только попытки возрождения должности полкового священника, в русской армии до 1917 г. таковых насчитывалось 3700 человек. Уже эти попытки говорят о том, что современные военные и другие граждане Российской Федерации помнят своих предков, традиции русского общества.

Литература

1. Мансветов Г.И. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. – СПб, 1828.
2. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская православная церковь // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 27–38; *Она же*. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. – М., 2007.
3. Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. – М., 2007.
4. Смирнов А.А. Герой Малоярославецкого сражения (отец Василий Васильковский) // Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции. / Сб. статей. – Малоярославец, 2000.

УДК 94(65.011.8)

Н.В. Платонова

г. Москва, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЧЕТОВОДСТВА В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

В этой статье рассматриваются реформы и эволюция государственного счетоводства в Российской империи. При этом счетоводство понимается как определенный тип знаний и как конкретно-практическая деятельность, связанная с реализацией государством финансово-управленческих функций. Поэтому исследование этой темы должно быть многосторонним, используя различные подходы и методы как собственно политической, экономической и финансовой истории, так и ис-

тории менеджмента и бухгалтерии, сейчас активно развивающейся области исследований [см. 2; 16–17; 19].

В существующей литературе общепринято различать два сектора, где обнаруживается специфика форм и правил счетоводства, соответственно государственный и частный. Однако исторические аспекты государственного счетоводства остаются до сих пор слабо изученными. История бухгалтерской мысли и постановка бухгалтерского учета в частных организациях привлекли наибольшее внимание исследователей. Наглядным примером этого является учебник Я.В. Соколова для студентов, изучающих экономику и менеджмент в российских вузах, в котором дается общий обзор развития бухгалтерской мысли и учета в России с древнейших времен до наших дней [10]. Вопросы торгового учета и организация счетоводства в частновладельческих хозяйствах в России XVIII в. исследовались, в частности, В. Широкиным [14] и М. Конфино [15]. В крупных вотчинах и в предыдущий период существовали вотчинные архивы, хранящие разнообразную, в том числе и учетную документацию. Но лишь со второй половины XVIII в. хозяйственный учет в дворянских имениях стал распространенным явлением. Об этом свидетельствует и то, что с 1760-х гг. в «Трудах Вольного экономического общества» начали регулярно печатать сочинения с рекомендациями помещикам по составлению приходно-расходных книг и подробных описей крестьянских дворов. Эти документы рассматривались как один из существенных элементов обеспечения эффективности хозяйственной деятельности.

Таким образом, в нашей статье мы сфокусируем основное внимание на изучении реформ, проведенных в государственном счетоводстве в России в XVIII в. Целью исследования является выяснить, какое место они занимали в общем процессе модернизации российского государства и финансов страны в указанный период, прояснить ряд основных терминов и понятий, принятых в царских финансах того времени, показать разновидности финансовых документов, их назначение, приемы ведения счетов и учета доходов и расходов в империи. Процесс становления управленческих знаний и навыков в государственных финансах и особенности их администрирования в XVII–XVIII вв., – одним словом, «искусство управлять», нуждаются в дальнейшей разработке, начатой еще в трудах П.Н. Милюкова, Н.Д. Чечулина и С.М. Троицкого [6; 12; 13]. В чем преемственность и различия в подходах Петра I и Екатерины II к решению финансовых проблем, как формировался аппарат служащих, которым поручался сбор государственных доходов (денежных и натуральных), их учет и расходование, как изменялись их отношения с населением и положение на службе? Как осуществлялся контроль за их деятельностью и насколько он был эффективным? Исследуя реформы русского счетоводства в XVIII в., нам предстоит ответить на эти вопросы.

С другой стороны, чтобы понять особенности развития счетных идей и практики в России XVIII в., важно не рассматривать эти реформы изолированно, то есть как исключительно русское явление, а наоборот, сопоставить их с подобными же рода попытками реформ, которые были предприняты в других европейских странах начиная с XVI в. Прежде всего, с помощью сравнительно-исторического подхода следует выяснить характер влияния западноевропейских моделей управления и бухгалтерской мысли на русский реформаторский опыт в XVIII в. Вместе с тем надо иметь в виду, что в счетных реформах нашли отражение не только черты сходства в финансовой политике российской и западноевропейских монархий, но и глубокие отличия в их функционировании как политических режимов, особенности социального строя и экономической жизни. Во Франции, например, королевская власть имела возможность пополнить казну за счет продажи государственных должностей, а также займов у офисье, частных сборщиков налогов и банкиров. В России же государственные займы не практиковались до конца 1760-х гг. Недостаток средств для ведения войны и проведения реформ, как правило, покрывался за счет усиления налогового пресса на податные слои населения.

Ревизский учет

В начале XVIII в. в связи с острой потребностью государства в деньгах Петр I реформировал систему налогообложения. Проведенная в 1710 г. перепись показала, что количество дворов по сравнению с переписью 1678 г. сократилось почти на 20%. Итоги этой переписи, а также необходимость найти стабильный источник для содержания регулярной армии после завершения Северной войны предопределили решение царя о замене подворной системы на подушную.

Ревизский учет населения – это учет податного населения для сбора подушной подати и распределения содержания войск в зависимости от количества душ. Указ о проведении переписи был издан 26 ноября 1718 г. Для подачи сказок устанавливался срок в один год. Но реально они были

собраны только к началу 1722 г. Полученная цифра в 5 млн. душ вызвала подозрения Петра, поэтому было решено назначить ревизию, т.е. проверку сказок, осуществленную силами военных и гвардейских офицеров, обнаружившими почти во всех губерниях значительные утайки душ [Подробнее см. 1]. Сначала, в 1721 г., для крестьян был назначен оклад в 95 коп. с души, затем уменьшен до 80 коп. и окончательно установлен в 74 коп. в 1724 г., когда началось взимание подушной подати. Впрочем, этот оклад собирался только один раз; указом от 8 февраля 1725 г. подушный налог был понижен до 70 коп. с души и в этом размере оставался до царствования Елизаветы Петровны.

Материалы податно-ревизского учета представляют собой целый комплекс взаимосвязанных документов : ревизские сказки (первичные материалы ревизского учета) ; перечневые ведомости по губерниям и уездам ; окладные книги и генеральные таблицы, содержащие сводные данные в общероссийском масштабе ; приходные книги подушного сбора; ведомости о недоимках и др. При проведении первой и второй ревизий формуляр ревизской сказки еще не был выработан. Начиная с третьей ревизии (1762–1765) был введен печатный бланк ревизской сказки, который применялся и в последующие две ревизии. Учету подлежали все лица мужского пола податных сословий с указанием их возраста. Вновь обнаруженных душ между двумя ревизиями учитывали, но умерших не исключали из учетных документов до следующей ревизии.

Ревизские сказки на крепостных людей составлял сам помещик или его управляющий. Сумма подушной подати вносилась им же по числу учтенных у него податных душ. После губернской реформы 1775 г. сбором подушных денег занимались уездные казначейства. Часть сборов направлялась в центр, а часть расходовалась на местах. Окладные книги и сводные ведомости составлялись в казенных палатах и проверялись в коллегиях.

При ревизиях учитывались разные группы податного населения: крестьяне всех категорий, посадские люди, купцы, которые разделялись по характеру деятельности на три гильдии. В 1785 г. Екатерина II заменила подушную подать купцов процентным сбором с объявленных ими капиталов. В ходе первой ревизии старообрядцы были обложены двойным подушным окладом. Коренные народы Сибири ежегодно выплачивали натурой так называемый ясак, который по сути приравнивался к подушной подати. Свободными от подушного налога были духовенство и потомственные и личные дворяне, что стало одной из определяющих черт их сословного привилегированного положения.

Реформы финансового управления и счетоводства

Реализация административных преобразований Петра Великого выразилась в коренной перестройке системы государственного управления и порядка государственной службы. В 1717–1724 гг. учреждение коллегий, подчиненных Сенату, сопровождалось введением новых категорий служащих и строгой регламентацией их деятельности. 28 февраля 1720 г. был издан Генеральный регламент, который определил общую для всех коллегий структуру, штатный состав, порядок производства дел в них, а также новые виды документов и систему письменных сношений, учитывающую строгую субординацию учреждений. *Так, от вышестоящих учреждений подчиненным направлялись указы, а подчиненные направляли в вышестоящие рапорты, реляции и доношения; промемория использовалась для переписки между равными по рангу учреждениями.* В ряде других законодательных актов и прежде всего в Адмиралтейском регламенте 1722 г. были прописаны единые правила составления и оформления книг для записи приходных и расходных операций. Немного спустя эти требования были распространены и на гражданскую службу. Наконец, в 1711 г. и 1722 г. были созданы новые органы финансово-административного контроля – фискалы и прокуроры, которые должны были действовать как в центре, так и на местах.

В основе административной реформы лежали принципы камерализма, заимствованные преимущественно из Швеции. Но царь понимал необходимость преобразований и по собственным наблюдениям. В начале XVIII в. система приказов, которые были одновременно органами отраслевого, судебного и территориального управления, уже не была гибкой и эффективной, как раньше. Она не устраивала Петра, с одной стороны, из-за запутанности счетов между самими приказами и их местными учреждениями и лицами, а с другой – из-за недостаточного контроля за движением сумм и их расходованием. Главная причина этой ситуации – отсутствие единства кассы и централизации в управлении финансами страны, что характеризовало приказную систему.

Важным шагом на пути к финансовой централизации было учреждение Петром I в 1701 г. Ближней канцелярии, которая стала ежегодно составлять общие таблицы государственных доходов

и расходов и требовала от всех учреждений (за исключением Ингермандской канцелярии) присылки в конце текущего года приходо-расходных книг в Москву для проверки. В качестве общегосударственного финансового органа она просуществовала до начала коллежской реформы.

С момента их учреждения Камер-, Штатс-контор- и Ревизион коллегии заняли важное место в новом аппарате управления. Впервые в истории России они разделили между собой три ключевые финансовые компетенции – управление государственными доходами, производство расходов и осуществление ревизии счетов. По замыслу реформатора и в соответствии с практикой западноевропейских камеральных учреждений, эти коллегии должны были объединить свои усилия для ежегодного составления государственного бюджета. Следует отметить, термин «бюджет» не употреблялся в русской финансовой практике вплоть до XIX в. Однако процедуры, связанные с планированием финансовой деятельности и контролем за их исполнением, существовали в Московском государстве с конца Смутного времени. Бюджетные документы составлялись в приказах и носили название росписей. Составление первых росписей доходов и расходов для всего государства относится только к середине XVII в. и до начала XVIII в. все же оставалось эпизодическим. Создание таблицы государственных доходов и расходов 1725 г. стало, таким образом, пробным камнем петровской реформы и своеобразным итогом первых лет деятельности финансовых коллегий.

На практике оказалось, что главной из них стала Камер-коллегия. Она должна была организовывать сбор податей, составить окладную книгу всего государства и определять расходную часть государственной росписи на основании ведомостей, присылаемых ей Штатс-контор-коллегией. 15 декабря 1717 г. ее первым президентом Петр назначил князя Д.М. Голицына [8, т. 5, № 3133]. В 1704–1706 гг. Голицын находился в Польше и Саксонии, с 1711 г. стал киевским губернатором и сенатором, вместе с Генрихом Фиком участвовал в подготовке реформы центрального управления. 13 февраля и 11 декабря 1719 г. были изданы регламенты Штатс-контор – и Камер коллегий [8, т. 5, № 3466], определившие их функции и внутренний порядок работы. Штаты коллегий были укомплектованы вице-президентами, советниками, ассессорами, которые были членами совета в каждой коллегии, а также актуариусами, регистраторами и секретарями, стоящими во главе канцелярии. Состав финансовых коллегий отличался высоким числом приглашенных туда на службу иностранцев. Большинство из них были выходцами из Швеции и бывших ее прибалтийских провинций, присоединенных к России по Нидштадскому миру 1721 г., Пруссии, Шлезвиг-Гольштинии, Дании и владели навыками камерального счетоводства, поскольку ранее они занимали административные и военные должности в этих государствах.

Согласно своему регламенту, Камер-коллегия не имела права устанавливать новые подати, это прерогатива принадлежала Сенату и царю. Сенат являлся высшим административным и судебным органом в государстве. В его состав первоначально входило девять человек, которые должны были решать все дела коллективно. В указе от 2 марта 1711 г. Петр на время своего отъезда на войну с Турцией поручал Сенату : «суд иметь нелицемерный, и неправедных судей наказывать отнятием чести и имения», «смотреть во всем государстве расходов, и ненужные, а особливо напрасные, оставить», « денег как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войны » [3, с. 198]. Эти обязанности Сенат продолжал выполнять и после возвращения царя, а в сущности стал координатором всей государственной политики и контролировал работу всех учреждений. Камер-коллегия ведала откупам и следила за правильным поступлением косвенных сборов, но она не получила функций по организации сбора подушной подати и таможенных пошлин, которые напрямую отсылались в Военную коллегия и Адмиралтейство и в Коммерц-коллегия.

Штатс-контор-коллегия была центральным органом, в обязанности которого входило, согласно регламенту 13 февраля 1719 г., « собирать сведения, в чем особливые государственные расходы состоят, и потом немедленно сочинять из того особливые штаты », т.е. фиксировать предстоящие расходы на армию, флот, управление и двор. Она должна была пересматривать штаты ежегодно и следить за правильным исполнением предписанных расходов. Штатс-контор-коллегия давала подчиненному ей в Петербурге рентмейстеру, или казначею, распоряжения о выдаче денежных средств на те или иные нужды. В коллегии для записи всех ассигновок велся особый реестр, где указывались сумма и назначение платежа. При выдаче денег рентмейстер записывал в своем журнале дату, сумму и кому были выданы деньги.

В ходе областной реформы 1719 г. были созданы местные финансовые учреждения – конторы земских камериров и рентереи. Камереры обязывались информировать Камер-коллегия месячными-

ми и третними ведомостями о поступлении сборов в своих губерниях. Провинциальные рентмейстеры учитывали, хранили и выдавали денежные средства по распоряжению губернатора или камерира. Они составляли месячные ведомости о произведенных расходах и отсылали их в Штатс-контор-коллегию.

В период после смерти Петра I до 1762 г., отмеченный политической нестабильностью, дворцовыми переворотами и фаворитизмом, финансовый дефицит стал постоянным. Финансовые коллегии были реорганизованы, камерирские конторы ликвидированы в 1728 г., а их функции переданы воеводам и губернским учреждениям. Эти обстоятельства негативно сказались на ведении государственной отчетности. Несмотря на строгие предписания из года в год, центральным властям не удавалось своевременно и в полноте получить с мест ведомости и счетные выписки, необходимые для ревизии счетов и работы по составлению государственной росписи. Остро стояла проблема налоговых недоимок, которые продолжали возрастать и к началу 1740-х гг. достигли 5 млн. руб. Государственные реформы, проведенные в царствование Екатерины II, способствовали упорядочению ведения дел в этой области и создали основы для завершения централизации органов управления финансами России.

Вступив на престол в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г., Екатерина II имела вполне определенную политическую программу, основанную, с одной стороны, на идеях Просвещения и, с другой, учитывавшую особенности исторического развития России. Вскоре она расторгла заключенный Петром III союзный договор с Пруссией, но участие России в Семилетней войне (1756–1763) не было возобновлено. В первые же годы своего правления Екатерина II осуществила реформу Сената (1763), сделавшую работу этого учреждения более эффективной. 26 февраля 1764 г. был подписан манифест о секуляризации церковных земель. В казну перешло около миллиона бывших монастырских крестьян, получивших название «экономических», которые были переведены с барщины на полторарублевый оброк. До конца 60-х гг. поступления от оброка составили 1 366 тыс. руб. в год, из которых только треть тратилась на содержание духовенства, а остальные суммы пополнили бюджет государства. В ноябре 1764 г. Екатерина II ликвидировала гетманство на Украине, что соответствовало ее представлениям о необходимости унификации управления на всей территории империи. В том же году по ее указу в Петербурге при Воскресенском монастыре было создано «Воспитательное общество благородных девиц» (Смольный институт), положившее начало женскому образованию в стране.

Императрица была постоянно озабочена состоянием государственных финансов. В 1765 г. она назначила президентом Камер-коллегии А. Мельгунова, поручив ему вместе с генерал-прокурором Сената А. Вяземским «читать доходы». В «Наказе» депутатам Комиссии для составления проекта нового Уложения (1767–1768) Екатерина II изложила свои общие взгляды на финансы и задачи финансовой администрации. Этот документ состоял из 22 глав и 655 статей, посвященных государственному, уголовному и гражданскому праву и суду. Главы 21 и 22 о полиции и о финансовом хозяйстве Екатерина прибавила к «Наказу» в 1768 г. Очень показательны, в частности, следующие статьи:

Ст. 630. Поелико самодержец, счисляет он 1) все доходы имений государственных во всецелом их объятии, 2) налоги на то, чем другие владеют.

Ст. 632. Надлежит, чтобы при сборах столько же точность, сколько умеренность и человеколюбие были наблюдаемы.

Ст. 651. Защищать права, собирать доходы так, чтоб при сборах ничего не пропадало, что в государственную казну войти должно.

Ст. 652. А при расходах, чтобы каждая часть сборов употреблялась на определенные ей издержки.

Ст. 653. Чтоб все расходы, если можно, не превышали доходов.

Ст. 654. И чтобы счета всегда были в порядке и ясными утверждены доказательствами [7, с. 162, 165–166].

Екатерининский «Наказ» не был оригинальным произведением. Более двух третей составлявших его статей были взяты из произведения французского философа Ш.Л. Монтескье «О духе законов», а также из трактата итальянского криминалиста и просветителя Ч. Баккарии «О преступлении и наказании». Кроме того, в нем часто встречаются выдержки из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, сочинений политического экономиста Ф. Кэне и немецких камералистов. В финансовых статьях «Наказа» сильно чувствуется влияние Ф. Юсти и Я. Бильфельда. Императрица не

только была хорошо знакома с их идеями, но и приняла участие в подготовке перевода с французского самого крупного сочинения Бильфельда «Политические наставления», опубликованного в Москве в 1768–1775 гг.

Екатерина II и не скрывала этих заимствований. Она желала убедить своих подданных в том, что Россия будет управляться на основе принципа законности, почерпнутого из трудов выдающихся европейских мыслителей и юристов. В «Наказе» все граждане признавались равными перед законом, а законы являлись единственным ограничением свободы людей в государстве. Екатерина II видела себя в роли просвещенной монархини, способной преобразовать Россию. Она вела переписку с Вольтером и Д'Аламбером, а Дидро посетил России по ее приглашению в 1773 г. Можно обсуждать степень глубины ее проникновения в современные ей философские теории, но вместе с тем следует подчеркнуть, что именно европейское образование и воспитание Екатерины и ее контакты с философами способствовали тому, что она восприняла концепцию «просвещенного абсолютизма» и продолжила европеизацию общественной и культурной жизни страны.

Существенным моментом в реализации этой программы стала губернская реформа 1775 г., в ходе которой финансовые и судебные функции управления были разделены на местах. Согласно «Учреждению для управления губерний», казенная палата «... не что иное есть, как соединенный департамент Камер- и Ревизион-коллегии, которому поручаются в смотрение домостроительные и казенные дела той губернии, как то ведомости о числе народа, ревизионные скаски, сведение о приходе и расходе, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряды...» (Гл. 9, п. 118). И далее: «казенная палата в разсуждении доходов императорского величества старается 1-е, дабы доходы сполна и в настоящее время собраны были, 2-е, дабы доходы куда надлежит, доставлены были, и 3-е, дабы доходы в целости сохранены были» (п. 120) [8, т. 20, № 14392].

С 1773 г. князь Вяземский возглавил Экспедицию о государственных доходах при первом департаменте Сената, которая возобновила работу по составлению общеимперского бюджета. Это стало возможным лишь после того, как ему удалось наладить регулярное получение сведений о государственных доходах и расходах из губерний. В 1769 г. была составлена новая окладная книга доходов государства. Эта работа была продолжена в 1771 и 1773 гг. В 1780 г. в Москве и Санкт-Петербурге были учреждены два казначейства для штатных и остаточных сумм. Казначейства остаточных сумм курировали возврат остатков денежных средств, неизрасходованных в течение года государственными учреждениями. В 1781 г. Экспедиция о государственных доходах была разделена на четыре самостоятельные экспедиции: первая заведовала доходами, вторая – расходами, третья – ревизией счетов, четвертая – взысканием недоимок и начетов. Она не только занималась проверкой отчетных документов казенных палат и центральных казначейств, но и вела централизованный учет всех доходов и расходов государства, систематизируя эти данные в особых бухгалтерских книгах и ведомостях. С 1781 по 1796 гг. Экспедиция составляла ежегодно таблицы государственных доходов и расходов на предстоящий год. Кроме того, в конце каждого года генерал-прокурор Вяземский представлял императрице семь разных таблиц и отчет об исполнении государственной росписи. Все эти преобразования привели к закрытию Штатс-контор-коллегии в октябре 1780 г., Камер-коллегии с 1785 г. и Ревизион-коллегии в 1788 г. Так на центральном уровне произошел переход от коллективного управления финансами к единоначалию. Генерал-прокурор Вяземский соединил в своём лице заведование юстицией, финансами, государственным казначейством и контролем. Учреждение должности государственного казначея должно было увенчать финансовые преобразования Екатерины II, но она так и не была введена до смерти императрицы. Вступив на престол, Павел I назначил 4 декабря 1796 г. первым государственным казначеем многолетнего помощника Вяземского, Алексея Ивановича Васильева.

Начало распространения техники двойной бухгалтерии в России

Во второй половине XVIII в. государственная власть поощряла развитие отечественной промышленности и торговли и содействовала распространению знаний и культуры Просвещения в стране. В этот период в России заметно увеличилось число печатной литературы по экономической тематике. В ней затрагивались как история мировой и русской торговли и теоретические вопросы о значении коммерции в государстве (в трактовке зарождающейся политической экономии), так и практические аспекты торговой деятельности. Предназначенная для воспитания и образования купечества, она формировала образ «совершенного» купца в качестве идеала, достойного подражания, а также позволяла приобщиться к передовым знаниям и навыкам в области торговли [Подробнее о зарождении коммерческого образования в России и распространении первых

печатных книг по торговле и бухгалтерии в XVIII в. см. 5; 18]. В частности, именно с тех пор вошел в употребление сам термин «бухгалтерия», заимствованный из немецкого языка. С началом распространения первой коммерческой литературы связывается и проникновение в Россию итальянской формы ведения счетов, так называемой двойной бухгалтерии.

В 1783 г. вышел в свет первый русский учебник по двойной бухгалтерии [4]. Тираж составил 500 экземпляров, отпечатанных в типографии Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса в Петербурге. На самом деле, речь идет о переводе книги «Ключ коммерции», изданной в Лондоне Джоном Хавкинсом в 1704 г. [Подробнее см. 11]. Выбор для перевода на русский язык именно этой книги не должен удивлять, поскольку Хавкинс был известным английским теоретиком и бухгалтером, а Англия являлась на протяжении всего XVIII в. важнейшим торговым партнером России. Другой учебник по двойной бухгалтерии на русском языке был издан под названием « Почтенный купец, или бухгалтерия... » в 1790 г. и продавался в лавке московского книгопродавца П.М. Пономарева [9]. Он включает в себя три книги, где последовательно, на конкретных примерах, излагаются правила записи счетов по двойной системе, с объяснением принятой классификации счетов, как переносить операции из журнала в главную книгу, как составлять баланс и найти ошибки в счетах, а затем выводить итоговые цифры, показывающие прибыли (барыши) или убытки.

В Западной Европе просвещенные советники и финансисты смогли убедить королевскую власть в необходимости реорганизовать деятельность казны на основе метода двойной бухгалтерии. Попытки ведения королевских счетов по новой системе были предприняты в финансах Франции в годы регенства Филиппа Орлеанского братьями Пари, в испанской монархии в период декретов Нуэва-Планта, в Австро-Венгрии при Марии Терезии президентом имперской Счетной палаты Л. фон Зинзендорфом и И. М. Пушбергом, в Португалии в годы реформ маркиза де Помбаля. Преимуществом новой системы, как подчеркивали реформаторы в своих записках и проектах по реорганизации государственного казначейства, было то, что с ее помощью удавалось узнать о состоянии государственных финансов в любой момент времени, следить за передвижением средств из одной кассы в другую и состоянием их наличности. Действительно, финансово-судебный контроль, осуществляемый счетными палатами во Франции, например, позволял выявить упущения сборщиков, растраты или утайку государственных денег только после достаточно сложной по своей процедуре финансовой проверки по истечении года, которая затягивалась на год и более. Однако, в одних странах предпринятые в королевском счетоводстве реформы не были доведены до конца, в других они были прерваны через несколько месяцев, столкнувшись с недовольствам финансовых кругов, увидевших в этих мерах ограничение своих интересов и привилегий.

В России же подобные идеи и опыты реформирования устройства касс и государственного счетоводства, хотя и были известны, не выдвигались вплоть до середины XIX в. В правящих кругах считали, что система двойного счетоводства предназначалась преимущественно для ведения купеческих счетов с целью определения результатов их операций и поэтому была не пригодна к государственным финансам. Вместе с тем, соединив в ходе своих реформ шведский камерализм с русским самодержавием, Петр I осуществил модернизацию российской финансовой системы. Государственные реформы Екатерины II были менее радикальными, чем петровские, но столь же необходимыми. Они позволили собирать больше налогов в казну, усиливали связи между центром и периферией, вводили более эффективные инструменты и методы финансового управления, которые соответствовали новым условиям России, ставшей империей, и ее внешнеполитическим амбициям. Таким образом, реформами Петра I и Екатерины II были заложены основы имперской системы государственного счетоводства, которая сохранилась в своих главных чертах до падения самодержавия в 1917 г.

К концу XVIII в. счетоводство в царских финансах значительно усложнилось, хотя и велось по-прежнему по простой системе, т.е. взаимосвязь между счетами не устанавливалась и операции по приходу или расходу записывались в одном счете, как правило, в хронологическом порядке. С этого времени бухгалтерский учет практиковался систематически. Он представлял собой систему регистрации, обобщения и передачи финансовой информации на следующих уровнях : бюджетное планирование, текущее счетоводство, составление и представление отчетной документации, ревизия счетов. В отличие от практики двойного счетоводства он был организован так, чтобы фиксировать в первичных документах (приходные и расходные книги) и обобщать в сводных документах (ведомости, экстракты, выписки и др.) одновременно операции, касающиеся 1) государствен-

ных доходов, 2) расходов, 3) денежных остатков и 4) недоимок по разным сборам. С реформами Петра I появились новые объекты бухгалтерского учета, изменились терминология и состав финансовых документов, порядок представления текущей и последующей (в конце года) отчетности. Главным документом для финансовой отчетности теперь становится счетная выписка. Централизованная проверка всех гражданских счетов осуществлялась в Ревизион-коллегии, а позднее в Экспедиции о государственных доходах. Проблема нехватки квалифицированных служащих, особенно в местных учреждениях, все более ощущалась при такой масштабности государственного счетоводства, что усугублялось существованием большого количества налогов и сборов, когда практически каждый из них требовал отдельного учета.

Литература

1. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. – Л., 1982.
2. Бухгалтерский учет в Санкт-Петербурге. 1703–2003. Под ред. Я.В. Соколова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
3. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I / Б.И. Сыромятников (Предисл.). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – С. 198.
4. Ключ коммерции или торговли, : То есть наука бухгалтерии. – СПб. : Печатано иждивением типографшика и книгопродавца Х.Ф. Клеэна, при Императорском артиллерийском и инженерном кадетском корпусе, 1783.
5. Козлова Н. Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Исторические записки. Т. 117. – М., 1989. – С. 288–314.
6. Милуков П.М. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. – СПб., 1892.
7. Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н.Д. Чечулина. – СПб., 1907.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
9. Почтенный купец, или бухгалтерия, показующая каким образом производить собственной, по комиссиям и товарищеской торг, как в государстве, так и вне онаго, водою и 2) в журнале и 3) в главной книге, и пр. – М.: Печатано на иждивение П.М. Пономарева, 1790.
10. Соколов Я.В. Бухгалтерский учет от истоков до наших дней. – М.: Аудит, 1996.
11. Соколов Я.В., Бычкова С.М. «Ключ коммерции» – первая книга по двойной бухгалтерии в России // Бухгалтерский учет. – 2001. – № 17. – С. 70–77.
12. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М.: Наука, 1966.
13. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. – СПб.: Сенатская типография, 1906.
14. Широкий В.Ф. Вопросы торгового учета в законодательных актах и литературе России XVIII века // Труды Ленинградского института советской торговли. – 1940. – № 3. – С. 51–87.
15. Confino M. La comptabilité des domaines privés en Russie dans la seconde moitié du XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1961. – № 8. – С. 5–34.
16. Legay M.-L. (ed.). Dictionnaire historique de la comptabilité publique: 1500–1850, avec la collaboration de Anne Dubet, Joël Felix, Jean-Claude Hocquet, Sébastien Kott, Yannick Lemarchand, Bernard Lutun et Natalia Platonova. – Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010.
17. Lemarchand Y. Introducing double-entry bookkeeping in public finance: A French experiment at the beginning of the eighteenth century // Accounting, Business & Financial History. – 1999. – Т. 9. – № 2. – С. 225–254.
18. Platonova N.V. Accounting, merchants and the commercial literature in eighteenth-century Russia // Y. Levant, R. Sandu, H. Zimnovitch (eds.). *Mélanges en l'honneur de Yannick Lemarchand*. – Paris : L'Harmattan, 2013. – P. 69–89.
19. Previts G.J., Walton P.J., Wolnizer P.W. (eds.). A global history of accounting, financial reporting and public policy, Eurasia, the Middle East and Africa. Volume 14A: Europe // *The Studies in the development of accounting thought*. – Hardcover: Emerald Group Publishing Limited, 2012. – P. 75–107.

УДК 94

А.И. Прищепа

г. Сургут, Сургутский государственный университет

ФИЛИАЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЗОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В СУРГУТЕ

Производственная структура Севера Тюменской области изначально формировалась по узкоотраслевому направлению нефтедобычи. Первым автором разработок системы сооружений нефтегазового комплекса, промплощадок и пионерных рабочих поселков являлся институт БашНИПИнефть (Башкнефтепроект). Промышленные площадки и производственные сооружения были

началом градостроительства во всех новых населенных пунктах Западной Сибири в период ее нефтегазового освоения 1960-х-1990-х гг.

Переход к комплексному проектированию производственной инфраструктуры в увязке с градостроительным освоением новой территории, разработке научных обоснований генерального планирования городов потребовал иных специалистов в области архитектуры и проектно-изыскательных работ на севере Западной Сибири.

12 января 1968 года в памятной записке Председателю Госстроя СССР И.Т.Новикову Тюменский обком КПСС выражал свое неудовлетворение по поводу планировочной работы Башкирского нефтепроектного института. Он обращал внимание на невысокий профессиональный уровень градостроительной документации, разрабатываемой этим институтом, и напоминал о неоднократных просьбах передачи разработки генпланов и детальных планировок новых городов от института «Башнефтепроект» специализированному Ленинградскому зональному научно-исследовательскому институту экспериментального проектирования городов Севера – «ЛенЗНИИЭПу» [6, л. 4].

В 1970 г. в Сургуте был открыт его филиал. Первым его директором был назначен Н.Е. Борисович, главным инженером – Н.С. Пукач. С ними приехали из Ленинграда архитекторы В.И. Лопанов, В.В. Ванин, И.А. Гургунов, инженер Д.П. Дейч [1, л. 5].

Следует сказать, что к этому времени первые руководители Тюменской области Б.Е. Щербина и А.К. Протазанов пришли к выводу о половинчатом характере такого решения и предлагали сосредоточить проектирование всех гражданских объектов в институте «Тюменьгражданпроект» и его «частных мастерских»- в Сургуте, Урае и Нижневартовске. Тем не менее, и такой шаг администрации области позволил существенно приблизить проектирующие организации непосредственно «к месту событий», сделать их продукцию более реалистичной, точнее учитывать региональную специфику, существенно улучшить работу по подготовке проектно-сметной документации, осуществлению авторского надзора за ходом строительства, оказанию помощи строительным организациям. На базе ЛенЗНИИЭПа в 1986 г. будет открыт Западно-Сибирский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ЗапСИБЗНИИЭП) [7, л. 239].

Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ЛенЗНИИЭП) был создан в 1963 г. как главная организация по проектированию и строительству в «северной зоне» страны. Он унаследовал лучшие традиции крупнейших проектных научно-исследовательских институтов и стал достойным преемником Академии строительства и архитектуры, базировавшейся тогда в Ленинграде.

Многие годы институт возглавляли выдающиеся инженеры и ученые А.В. Карагин и В.В. Судаков, крупный зодчий, талантливый архитектор С.Б.Сперанский. Последние десятилетия его генеральным директором являлся Н.Верещагин, прошедший в институте большой путь от техника-конструктора до руководителя института [10].

После открытия за Уралом крупнейших в стране месторождений нефти и газа важнейшей задачей ЛенЗНИИЭПа стало проектно-изыскательское и архитектурное обеспечение крупномасштабного капитального строительства, развернувшегося в обширных нефтегазоносных районах Западной Сибири. В своей деятельности Сургутский филиал ЛенЗНИИЭПа испытывал существенные кадровые и финансовые трудности. В 1978 г. в его штате не доставало 40 специалистов. Серьезной проблемой являлась текучесть кадров. В 1976–1978 гг. из-за неудовлетворительной заработной платы из филиала уволилось 127 человек. Филиал стал поставщиком специалистов в другие организации города, где коэффициент на зарплату был выше. Недопустимо затягивалось в Сургутском филиале ЛенЗНИИЭПа открытие научного подразделения [4, л. 190].

Тем не менее, институт первым начал последовательно осуществлять масштабную застройку территории города, определяя нормативную базу и градостроительную политику, дислокационный и архитектурный образ Сургута. Многие архитекторы, инженеры и ученые института получили всероссийскую известность в процессе разработки в нем многих новаторских проектов. Даже те из них, которые остались нереализованными, оказали большое влияние на архитектурно-строительный процесс в стране.

Новаторский градостроительный подход Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа проявлялся в типовых и индивидуальных проектах отдельных сооружений, их комплексов и всего города. Сургут в полной мере можно назвать продуктом деятельности института как его генерального проектировщика со всеми присущими городу архитектурно-строительными плюсами и минусами. Только за первые семь лет работы филиал ЛенЗНИИЭПа совместно с субподрядными организациями вы-

полнил объем проектно-изыскательных работ на сумму свыше 5,5 млн. рублей. По сравнению с 1971 г. его программа возросла в 4,5 раза и составила в 1978 г. 1 млн 543 руб. по генподряду и 890 тыс. руб. за счет «собственных сил». За этот период коллектив филиала выдал проектно-сметную документацию на строительство жилых домов общей площадью свыше 700 тыс. кв. м., школ на 10 тыс. мест, детских садов на 5 тыс. 600 мест, предприятий торговли на 9 тыс. 835 кв. м. рабочей площади, предприятий общественного питания на 1 тыс. раздаточных места, библиотек на 200 тыс. томов, двух плавательных бассейнов, базы зимних видов спорта, фирменного магазина «Океан» и ряда других жизненно важных для города объектов. В 1978 г. филиал завершил большую и сложную работу по проектированию детальной планировки Восточного жилого района города [5, л. 87].

Трудно переоценить вклад в деятельность Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа Семена Владимировича Билецкого. Профессиональную деятельность он начал в 1959 г. техником-смотрителем. После службы в армии в 1962–1967 гг. учился во Львовском политехническом институте на факультете «Промышленное и гражданское строительство». В Сургуте начал работать с 1966 г. в составе студенческого строительного отряда. После окончания института работал начальником производственного отдела СУ-9 треста «Сургутгазстрой». В августе 1971 г. С.В. Билецкий был избран заместителем председателя Сургутского горисполкома, а в сентябре 1974 г. назначен директором Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа.

Под руководством Билецкого, проработавшего в должности директора института 26 лет, было спроектировано более 80% жилья и соцкультбыта Сургута и поселков городского типа Сургутского района – Лянтора, Федоровского, Пойковского, Барсово. Он был один из немногих специалистов, которые до тонкостей знали проблемы проектирования, реконструкции и строительства в Сургуте.

Под его руководством активно и творчески трудились «поставивший на ногу» многие здания города конструктор Э.К. Чиженков, работавшая в институте со дня его основания конструктор А.А. Ванина, участник разработки почти половины жилых массивов Сургута архитектор В.Б. Блинова и другие сотрудники Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа, благодаря которым Сургут из разрозненных небольших рабочих поселков превратился в современный благоустроенный город [11].

Особое внимание сотрудники филиала уделяли преодолению ведомственной разобщенности в застройке города. В 1978 году на сентябрьском пленуме Сургутского городского комитета КПСС директор филиала ЛенЗНИИЭПа С.В. Билецкий настоятельно заявлял, что «прогрессивные градостроительные замыслы успешно реализуются только при тесном содружестве единого генерального заказчика, генерального подрядчика, генерального проектировщика» [3, л. 90].

Уже тогда, движимый логикой современного градостроительства, С.В. Билецкий в противоречивых условиях командно-административного управления строительным комплексом Западной Сибири, ведомственно-отраслевого характера застройки новых городов последовательно утверждал в Сургуте идею концентрации функций генерального проектировщика, современные принципы архитектурных и планировочно-изыскательских работ.

В значительной степени их реализация зависела от высокого профессионализма, принципиальности и авторитета главных архитекторов города Сургута. За время градостроительства эту должность занимали: А.А. Асеева (1967–1968 гг.), О.В. Шока (1969–1972 гг.), Б.М. Бейдер (1972–1974 гг.), В.И. Арзамасцев (1974–1976 гг.), Б.М. Абелис (1976–1979 гг.), А.П. Аболонкин (1979–1986 гг.), В.Г. Труханов (1986–1989), В.И. Унжаков (1989–2000 гг.), М.А. Чураков (3 месяца в течение 2000 г.), М.В. Данилов (2000–2004 гг.), А.В. Усов (с 2004 г.) [8, л. 90]. Именно они оказывали компетентное влияние на принятие решений по всем вопросам городского строительства, начиная с акта утверждения представляемых проектов до эксплуатации и реконструкции зданий. Главные архитекторы обеспечивали порядок застройки города в соответствии с генеральным планом, преодолевали стихийность в его строительстве, обеспечивали профессиональное управление градостроительной территории.

Особое значение роль главного архитектора Сургута приобрела в период наиболее интенсивного строительства города, пик которого пришелся на 1989 г., когда было введено в строй 340 тыс. кв. м. жилья, а так же в наиболее трудные 1990-гг., в течение которых, несмотря на «строительный обвал» в регионе, Сургут возводил две трети жилищного фонда всего Ханты-Мансийского автономного округа. Не случайно то, что именно в Сургуте в декабре 1985 г. было создано одно из немногих в стране отделение «Союза архитекторов СССР» (10), а главному архитектору г. Сургута

В.И. Унжакову были присвоены высокие звания «Заслуженный архитектор Ханты-Мансийского автономного округа» и «Заслуженный архитектор Российской Федерации» [2, л. 84].

В настоящее время сургутские архитекторы работают в иных экономических условиях. Вместе с тем, острейшая хозяйственная задача, связанная с необходимостью в кратчайшие сроки усилить в Западной Сибири активность жилищного строительства, реализовать в регионе крупномасштабные программы благоустройства, комфортабельности и безопасной жизнедеятельности сибирских городов актуализируют аналогичные проблем ее недавней истории, органически связывают настоящее время с прошлым, нацеливают историческую науку на осмысление позитивного и негативного градостроительного опыта.

Литература

1. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 51.
2. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 89.
3. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 90.
4. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 190.
5. ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 87.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 191. Д. 73. Л. 46.
7. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. – М., 2004. – С. 239.
8. Материалы отдела архитектуры Администрации города Сургута. – Сургут, 2006. – Л. 7, 8, 13, 16.
9. Новый город. 2003. 9 августа.
10. Сургутская трибуна. 1990. 12 мая.
11. Сургутская трибуна. 1990. 12 мая.

УДК 94

Ю.Н. Смирнов

г. Самара, Самарский государственный университет

А.И. ТЕВКЕЛЕВ И ВЫРАБОТКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНОВ РОССИИ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1730-е ГОДЫ

Уже обращалось внимание на то, что замысел Оренбургской экспедиции, который в 1730-е гг. лег в основу стратегии Российской Империи в обширном регионе Заволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, был разработан приверженцами двух основных религий страны, православия и ислама, И.К. Кириловым и А.И. Тевкелевым [15, с. 982]. Вопрос о том, был ли Тевкелев ногайцем, башкиром или татарин, может вызывать споры [4, с. 8, 17], но не имеет принципиального значения. Не вступая в полемику по нему, более важным считаем тот факт, что во взглядах этого видного исторического деятеля отразились настроения, общие для значительной части мусульманского тюркоязычного населения России. Несмотря на этнические и социальные различия, а также разницу в торгово-промышленных, земледельческих или скотоводческих занятиях, для большинства этого населения было характерно осознание связи собственных интересов с общегосударственными. Особенно четко такие связи осознавались в ходе продвижения на новые земли, их хозяйственного освоения и военной защиты, установления надежных коммуникаций с зарубежными торговыми партнерами, рынками сырья и сбыта.

Конкретным военным, дипломатическим, административным и хозяйственным сторонам деятельности мурзы Кутлумухаммеда Мамешева, известного в русском обиходе под именем Алексея Ивановича Тевкелева (1674 или 1675 – 13.04.1766), исследователи уделили немало внимания [1; 2; 5; 19]. Однако его взгляды на имперские геополитические задачи не получили еще достаточного объяснения и оценки. Настоящая статья служит уточнению роли, которую он сыграл в разработке и отстаивании замысла Оренбургской экспедиции. В ней использованы опубликованные источники, материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).

Тевкелев до конца своей жизни гордился тем, что во время переговоров с Абулхаиром, правителем казахского Младшего Жуза, в 1731–1733 гг. выдвинул идею основания Оренбурга, «на что он, Хан, со всею ордою склоняясь, и признавая оное представление мое полезным, просил... письменно о постройке на устье реки Орь города» [19, с. 16]. Правда, Кирилов, в свою очередь, утверждал, что такое предложение Тевкелев сделал по его, Кирилова, совету, данному еще до отправки посольства в казахские степи [8, с. 18]. Однако это не умаляет заслуг Тевкелева в выработке идеи

Оренбургской экспедиции, ставшей частью геополитического проекта Кирилова по расширению пределов и влияния России в Азии и Америке [6, с. 55–56].

Тевкелев искренне претендовал на роль хранителя заветов Петра Великого, полученных из уст самого императора во время Персидского похода 1722–1723 гг., относительно необходимости разработки казахско-среднеазиатского направления политики России на Востоке. Говорил ли сам Петр I, что Киргиз-кайсацкая орда представляет собой «ключ и врата» ко «всем азиатским странам и землям» или Тевкелев приписал ему собственные мысли, уже не столь важно. Ни современники, ни потомки не ставили под сомнение стратегию, записанную Тевкелевым, якобы, со слов великого императора, о необходимости российского протектората над казахами, чтобы «через их во всех Азиатских странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять» [19, с. 15].

Необходимость диверсификации дипломатических и торговых связей со странами Востока, недостаточность одного волжско-каспийского пути туда через Иран, была осознана Тевкелевым на личном опыте еще до Персидского похода. В 1716 г. он оказался практически единственным уцелевшим участником неудачной закаспийской экспедиции А. Бековича-Черкасского. Тогда его, как ни странно, спас провал и арест в Астрабаде как российского шпиона, что помешало ему прибыть в Хиву для встречи с остальными участниками экспедиции и разделить с ними печальную судьбу на плахе или в рабстве [6, с. 78–79]. Тевкелева же из иранской тюрьмы выручил с большими хлопотами русский посланник при дворе шахов династии Сефевидов А.П. Вольнский [2, с. 33]. С того момента Тевкелев утверждает в мысли о том, что наиболее приемлемый для России путь к индийским пределам должен проходить вообще в стороне от Каспия и выводить к Аралу и Амударье по суше через приуральские и казахские степи [16, с. 171].

Поддержав проект Кирилова об основании Оренбурга, Тевкелев все же стоял на более прагматической позиции, ориентировался на более близкие и понятные цели, нежели предлагаемое Кириловым продвижение в Индию, хотя и не возражал против него. В представлении от 21 апреля 1734 г. руководителю внешнеполитического ведомства А.И. Остерману он выражал надежду, что при реализации этого плана «воровские кайсаки перестанут подъезжать под российские города Самару, Сызрань и Черемшан» [8, с. 99]. Почти 30 лет спустя, Тевкелев, вспоминая дела прежних лет, повторял, что в первую очередь его заботили безопасность оседлых жителей степного приграничья, судьбы тысяч несчастных пленников, угнанных кочевниками в рабство «из Закамских мест» [19, с. 17]. При этом он не делал различия между поселенцами из русских, татар, мордвы, чувашей, между приверженцами православия, ислама, язычества.

За Тевкелевым и фактически, и юридически закреплялось положение правой руки начальника Оренбургской экспедиции [7, с. 63]. Еще в инструкции Кирилову от 18 мая 1734 г., самом первом из документов экспедиции, это оговаривалось в специальном пункте: «Полковнику Тевкелеву быть в общем совете и у всех разсужденей и поручить ему главную команду над башкирским и нерегулярным войском, а в потребных случаях командировать (к нему – Ю.С.) и регулярных» [5, л. 6 об., 16 об.].

Об особом статусе Тевкелева, необходимости совместных с ним решений по различным вопросам не раз из столицы напоминали и В.Н.Татищеву, и В.А.Урусову, сменившим Кирилова. В указе от 14 октября 1737 г. это сделано трижды [5, л. 35 об.–36]. Из указа от 20 августа 1739 г. видно, что на передачу же каких-либо полномочий от Тевкелева другим лицам требовалось разрешение на высочайшем уровне [14, с. 55–56].

Роль Тевкелева в оренбургских и связанных с ними делах Татищев признал в своеобразной форме. В 1742 г. он недобро поминал вместе обоих организаторов Оренбургской экспедиции, «которую, как видно, по обману Тевкелева и Кирилова... начали», причем «более для собственной, нежели казенной пользы» [9, с. 38]. Эти оценки из частного письма Татищев повторил в подготовленном к печати «Лексиконе российском», где утверждал, что «сенатской секретарь Кирилов, от беспутных предприятий впадший в великие долги, и, не зная чем отплатиться, начал свою авантюру «по совету с переводчиком Тевкелевым» [18, с. 253].

Обвинения Татищева в адрес Кирилова и Тевкелева были несправедливы. Дело даже не в том, что те не подавали повода к реальным обвинениям в злоупотреблениях. Планы обоих были продиктованы пониманием глубинных основ российской геополитики от Волги до Пянджа и даже шире. Эти планы не случайно получили дальнейшее развитие в отечественной политической и научной мысли и практике XVIII–XX вв. [17].

В силу внутривосточных причин (башкирского восстания, в первую очередь) и не без воздействия внешних факторов (точнее, недостаточного учета всей их сложности при разработке исходных планов), первоначальные масштабные среднеазиатско-индийские цели в деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) сузились до решения текущих вопросов традиционной караванной торговли, освобождения пленников и т.п. Однако и то, что удалось сделать для налаживания торговых и дипломатических контактов России с ее восточными соседями в конце 1730-х – начале 1740-х гг., заслуживает уважения.

Конфликт с Тевкелевым, который не без оснований считал себя одним из начинателей дела освоения заволжско-приуральской «Новой России», стал главным просчетом Татищева в его взаимоотношениях с представителями местных военных властей и гражданской администрации. П.И. Рычков отнес первые проявления разногласий между ними к 1738 г., когда Тевкелев по некоторым делам «возымел противу его (Татищева – Ю.С.) разные мнения, с поступками и рассуждениями его ... несогласные» [13, с. 106].

Однозначные объяснения этого конфликта, встречающиеся в литературе, справедливы только отчасти. Тевкелев был действительно недоволен репрессивными мерами своего начальника против некоторых командиров войск на юго-восточном пограничье, например, в отношении полковника И. Бардукеевича. Он же действовал против мятежников более решительно и жестоко, чем допускал нужным Татищев. Однако предположения, высказанные в литературе, о возможных родственных связях Бардукеевича с Тевкелевым или просто приклеивание тому ярлыка садиста затрагивают только поверхность отношений двух самых ярких после смерти Кирилова деятелей Оренбургской комиссии.

Тевкелев выступил в открытую против Татищева, решив, что тот ставит под угрозу всю стратегию юго-восточной политики империи в том виде, каком она была заложена планами и трудами Кирилова, его сподвижников и сотрудников. Форма, в которую вылился назревавший конфликт, была продиктована сложившимися обстоятельствами. Тевкелев по должности и чину не мог противодействовать Татищеву и тем более добиться его отстранения от дел Оренбургской комиссии, но знал, что положение противника уязвимо при петербургском дворе, а потому выстрелил «протестом» на имя Бирона. Это не означает, что цели, преследуемые временщиком, с одной стороны, и командирами, недовольными поведением Татищева, с другой, были тождественны. Один преследовал личные выгоды и устранял противника окруживших трон иноземцев, другие были озабочены положением дел на юго-восточной окраине и не нашли иного способа изменить политическую линию, проводимую фактическим правителем огромного края. Тевкелев воспользовался тем, что в Петербурге ожидали от Оренбургской комиссии блестящих успехов и приобретений, которые обещал Кирилов. Двор и правительство предпочитали на юго-востоке по-кириловски решительные действия, а не основательность и осторожность Татищева.

За кажущимися мелочными счетами противников в их доносах и оправданиях вырисовывается картина противостояния не только тактических, но и стратегических линий в юго-восточной политике империи. То, что сторонникам решительной экспансии казалось лишь промежуточными шагами (укрепление рубежей по рекам Яику и Самаре, умиротворение Башкирии, заселение Заволжья и Приуралья, развитие торговли и городов и т.д.), для приверженцев более осторожной линии являлось достаточной и конечной задачей.

В пылу спора широкие замыслы Кирилова и Тевкелева выставлялась Татищевым авантюрой, сопряженной с личной выгодой и небрежением казенных затрат. В свою очередь жесткий прагматизм и расчетливость Татищева трактовались его оппонентами как трусость, неспособность к решительным действиям, желание избежать опасностей и тягот походной жизни. Среди 17 пунктов, вмененных в результате следствия и суда в вину Татищеву [11, л. 6–8], первым стояло тевкелевское достаточно справедливое обвинение своего начальника в слишком прочном обосновании со штабом комиссии в тыловой Самаре и нежелании строить по-настоящему Оренбург [12, л. 19, 20 об., 39, 41, 42]. На это самое уязвимое место политического противника обратил внимание граф М. Головкин 11 марта 1739 г. в письме Бирону после разговора с Тевкелевым [10, с. 203].

Урок, данный Татищеву, был хорошо усвоен И.И. Неплюевым, который возглавив Оренбургскую комиссию (1742), решительно приступил к постройке Оренбурга (1743), добился превращения его в центр новой губернии (1744), азиатской торговли и дипломатии. Несмотря на отдельные разногласия с Тевкелевым, Неплюев умело использовал его опыт и энергию, вернув тому в своей администрации роль второго и незаменимого человека [1, с. 65]. Эта роль вполне удавалась Тевке-

леву в 1747–1758 гг., так как в деле продвижения на юго-восток он был не просто исполнителем, а одним из разработчиков геополитической стратегии. Вторая по численности в стране этническая языковая группа населения, тюркская, в лице своего представителя в политической, административной, интеллектуальной элите государства поддерживала стремление к политическому, хозяйственному, торговому продвижению интересов России в Заволжье, Казахстан и Среднюю Азию.

Литература

1. Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. – Уфа, 2008. – 136 с.
2. Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухамед Тевкелев // Сборник РИО. Т. 5 (153). – М., 2002. – С. 32–37.
3. Артамонова Л.М. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730–1770-х годов на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 1. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в. Екатеринбург, 2006. – С. 55–64.
4. Байназаров И.Н. А.И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-е гг. XVIII века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Уфа, 2005. – 25 с.
5. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.
6. Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII – начале XIX в. // Классы и сословия в России в период абсолютизма. – Куйбышев, 1989. – С. 77–86.
7. Кучумов И.В., Смирнов Ю.Н. К 290-летию со дня рождения П.И. Рычкова. Первый труд по истории Башкортостана и его автор // Ватандаш. – 2002. – № 11. – С. 62–73.
8. Материалы по истории России. – Оренбург, 1900. – Т. 1.
9. Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве // Записки имп. Академии Наук. – СПб., 1864. – Т. IV. Приложение.
10. Попов Н.А. Татищев и его время. – М., 1861.
11. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 807.
12. РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 312.
13. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2001.
14. Смирнов Ю.Н. Документы Оренбургской экспедиции (комиссии) о политике России в отношении контактов и торговли со Средней Азией и сопредельными странами Востока // Уральский исторический вестник. – 2013. – Т. 3. – № 40. – С. 47–58.
15. Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 979–983.
16. Смирнов Ю.Н. Самара в планах развития российско-индийских связей и континентальной торговли в 1730-40-е годы // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Н. Сквозников. – Самара, 2014. – С. 169–178.
17. Смирнов Ю.Н. Споры патриотов. Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. – 2011. – № 9. – С. 40–47.
18. Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979.
19. Ханьков Я.В. Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерала-майора Алексея Ивановича Тевкелева // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. – М., 1852. – Кн. 13.

УДК 94

И.Н. Стась

г. Сургут, Сургутский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА В ГОРОДАХ НЕФТЯНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1960–1980-е гг.)

Социальное развитие является важнейшим индикатором урбанизации общества. Чем экстенсивнее урбанизация, тем хуже формируется социокультурная городская среда и инфраструктура. Типичен в этом отношении процесс городского строительства в Ханты-Мансийском автономном округе – регионе нефтегазового освоения в 1960–1980-х гг.

Социальная и коммунально-бытовая сфера обслуживания проектировались в городах нефтяников по ступенчатой системе. В Сургуте намечалась 4-х ступенчатая иерархия: уровень города – жилой район на 25–50 тыс. чел. был – микрорайон на 6–10 тыс. чел. – жилая группа на 2–2,5 тыс. чел. [8, с. 88]. В Нижневартовске, Нефтеюганске, Урае должна была функционировать 2-х ступенчатая организация обслуживания: общегородской центр и микрорайоны. Однако на практике строительство социокультурных учреждений в городах нефтяников велось далеко от нормы, а матрица размещения этих учреждений не совпадала со ступенчатой иерархией. Архивные доку-

менты свидетельствуют, что в середине 1960-х гг. социально-культурное и бытовое обслуживание в населенных пунктах ХМАО находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. Особенно остро ощущался недостаток в объектах культурно-бытового и коммунального назначения, число которых ограничивалось минимумом. Все это вело к существенному сужению досуга горожан региона [9].

Важнейшей составной частью развития социальной сферы являлось здравоохранение. В середине 1960-х гг. все больницы в новых городах нефтяников располагались в деревянных ветхих зданиях, не отвечающим минимальным санитарным требованиям. Только к концу 1960-х гг. началось строительство больниц, поликлиник, противотуберкулезных диспансеров, аптек. Больницы недостаточно обеспечивались врачами, плохо оснащались твердым и мягким инвентарем, медицинским оборудованием и аппаратурой, грузовым и водным транспортом. Отсутствовали детские отделения. В 1968 г. в городах нефтяников обеспеченность объектами здравоохранения составляла всего лишь 10% от установленной нормы [4, с. 26].

В 1970-х гг. улучшилось качество медицинского обслуживания. В 1970 г. при средней обеспеченности в целом по РСФСР 109,5 койки на 10 тыс. чел. по Ураю обеспеченность населения больничными составляла 192,5 койки на 10 тыс. чел., по Сургуту – 129, по Нефтеюганску – 83, в Ханты-Мансийске – 169,3 койки. В последующем этот показатель держался в районе 100 коек на 10 тыс. чел. В 1970 г. обеспеченность врачебными кадрами в городах нефтяников составляла 13–17 на 10 тыс. чел [5, с. 31]. Это были высокие показатели. При этом население городов явно нуждалось в амбулаториях, поликлиниках, аптеках. В конце 1970-х гг. в Нижневартовске обеспеченность больницами была 65% от нормы, поликлиниками – 23,8% [3, с. 128]. Однако число больничных учреждений постоянно росло: 24 (количество коек – 3145) в 1970 г., 33 (4620) в 1975 г., 38 (6410) в 1980 г. [14, с. 130–131, 134]. Ко второй половине 1980-х гг. в городах появилась разветвленная сеть учреждений здравоохранения с крупными окружными и городскими больничными комплексами.

До нефтегазового освоения в ХМАО была примитивной система образования. Школы и детские сады размещались в ветхих и старых строениях. Новые школы и детсады стали возводиться в начале 1960-х гг. Но планы по вводу их в эксплуатацию зачастую не выполнялись. Большинство школ занимались в три смены. Мест в школах катастрофически не хватало. Материальная база существующих школ была очень бедной. Не хватало кабинетов и учителей-предметников.

С 1960 по 1980 гг. число школ в ХМАО даже сократилось – 268 до 246. Это было связано с тем, что мелкие ветхие школы ликвидировались [11, с. 12], а ученики переходили учиться в новые типовые учреждения, которых, однако, не хватало. В Нижневартовске на 1 января 1975 г. потребность в школах обеспечивалась на 56%, а в детских дошкольных учреждениях на 48%. Не соответствовало норме количество мест в дошкольных учреждениях. При норме 90 мест на 1000 чел. в Сургуте их имелось – 35, Урае – 67, Нижневартовском – 45, Нефтеюганске – 51, Мегионе – 34 места [7, с. 71; 6, с. 31]. Только в 1980-х гг. ввод в действие школ значительно вырос – в 1980 г. их было введено на 2702 ученических мест, в 1985 г. – 12112 мест, а в 1990 г. – 10114 мест. Всего к 1985 г. школ в ХМАО увеличилось до 302, а к 1990 г. до 369 [1, с. 161, 164, 175–176].

Распространение школьной сети было важным фактором миграции населения сел в города региона, где к тому же социальная сфера была развита гораздо выше. Югорский специалист в области истории образования Д. В. Кирилук, основываясь на воспоминаниях педагогов, отмечает, что именно лучшее социальное обустройство крупных городов стало причиной их переезда туда [12, с. 154–155].

Вместе с тем, несмотря на урбанизацию, советская действительность обуславливала сохранение в городах сельского образа жизни и менталитета. Опять же показателем пример со школами в условиях политики политехнизации. Историк Д. В. Кирилук выявляет, что в Сургуте уже в 1985 г. каждая школа имела свой земельный участок, а каждая вторая школа – собственную теплицу, что позволяло задействовать школьников в опытно-огороднической работе [10, с. 230]. Естественно, что такие «сельские» мероприятия, тем более среди детей, препятствовали формированию городского образа жизни, консервировали в городах сельские формы хозяйства.

В отличие от школ, на протяжении 1960–1980-х гг. всегда продолжался рост числа детских садов в ХМАО: в 1960 г. – 185, в 1970 г. – 258, в 1980 г. – 331, 1990 г. – 698. Существенно вырос ввод в действие дошкольных учреждений: в 1960 г. введено 194 мест, в 1970 г. – 585, в 1980 г. –

4200, 1990 г. – 7025 [1, с. 161, 164, 175–176]. Большая часть дошкольных учреждений строилась в городах нефтяников.

В 1960-х гг. не получило развитие среднее специальное образование. В 1970 г. в округе было только два средних специальных учебных заведения и три профессионально-технических учреждений. Положение изменилось в 1970–1980-х гг. В 1993 г. в округе стало работать 11 средних специальных и 17 профессионально-технических учебных заведений. Однако в период 1960–1980-х гг. в ХМАО отсутствовали учреждения высшего образования. Первый классический вуз – Сургутский государственный университет – был открыт в 1993 г.

Аналогичные трудности, что испытывали базовые города нефтяников в 1960–1970-х гг., поджидали молодые города нефтяников Лангепас, Когалым, Радужный, Нягань и др., образованные в 1980-х гг. Пионерные микрорайоны в новых городах первое время не имели школ, детских садов, магазинов и домов быта, объектов здравоохранения. Затем их социокультурное пространство формировалось из минимального числа типовых учреждений, принадлежащих в основном ведомственным организациям, и поэтому обслуживающих главным образом своих рабочих. Таким образом, становлению социальной сферы в городах мешала ведомственная разобщенность, которая затрагивала абсолютно всех жителей городов. Тяжелые социальные условия были не только у работников основных отраслей – нефтянки, строительства, энергетики, – но, например, и у железнодорожников [2, с. 127–131]. Нельзя не согласиться с тюменским историком Г.Ю. Колевой, которая верно подметила факт, что до конца 1970-х гг. ведомственный принцип в развитии городов был преобладающим [13, с. 243].

Таким образом, в 1960–1980-х гг. социальное развитие городов нефтяников Западной Сибири отличалось противоречивостью. Высокие темпы роста числа объектов социальной сферы говорили об интенсивном становлении городской среды. Но цифры роста отражали зачастую лишь формальные показатели. Социальные учреждения размещались в неблагоустроенных и приспособленных помещениях. При строительстве жилых микрорайонов иногда совершенно не возводились магазины, кафе, рестораны, столовые, школы, детсады и предприятия быта. Крупные торговые и социокультурные стационарные комплексы, предусмотренные в генпланах, на практике строились долго и в последнюю очередь. Организовывалась ведомственная структура социального и культурного обслуживания, которая заменила проектируемую ступенчатую систему, что вело к формированию в городах нефтяников Западной Сибири разрозненной социокультурной городской среды.

Литература

1. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995.
2. Авимская М.А. Социально-бытовое обеспечение транспортных строителей на Тюменском Севере (середина 1960-х – 1980-е гг.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. – С. 127–131.
3. Архив отдел Администрации города Сургута. Ф. 80. О. 1. Д. 102.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. О. 1. Д. 4917.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. О. 1. Д. 5257.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. О. 1. Д. 5618.
7. Государственный архив Тюменской области. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545.
8. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1933. О. 1. Д. 11.
9. Карпов В.П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013, № 4. – С. 234–239.
10. Кирилук Д.В. Политехнизация и трудовое обучение в школах Ханты-Мансийского округа в 1950–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012, № 4. – С. 226–232.
11. Кирилук Д.В. Развитие общеобразовательной школы Ханты-Мансийского автономного округа (конец 1950-х – середина 1980-х гг.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2005. – 25 с.
12. Кирилук Д.В. Социально-бытовые условия работы учителей Ханты-Мансийского округа в 1960 – 1970-е гг. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции, 17–18 ноября 2010 года. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. – С. 151–156.
13. Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960-1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007, № 1. – С. 237–244.
14. Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области (Статистический сборник). – Тюмень, 1983.

ФЕНОМЕН М.В. ФРУНЗЕ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

2 февраля 2015 года исполняется 130-летие со дня рождения такой масштабной фигуры, как Михаил Васильевич Фрунзе. Он прочно вошёл в историю, убедительно профилировав себя по трём позициям. Первая позиция: феноменальная самореализация в качестве субъекта политических процессов на основании глубоко осознанной ориентации на фундаменталистскую версию в трактовке марксизма. Вторая позиция: один из ярких представителей правящей элиты государства, генетически связанного с настоящей версией. Третья позиция: выдающийся профессионал в плане наполнения реальным содержанием военной функции государства.

Перечисленные позиции выступают в биографии Михаила Васильевича, с одной стороны, как относительно самостоятельные моменты, а с другой стороны, в органической связке. Исходя из временного фактора, представляется логичным вначале акцентировать внимание на первой позиции.

Политический выбор М.В. Фрунзе был прежде всего детерминирован теми реалиями, которые были характерны для родного для него Отечества. В этом Отечестве перманентно накапливались острые противоречия, которые в конечном итоге выльются в системный кризис российского общества, из которого извлекут для себя максимум политических выгод Фрунзе и его единомышленники.

Осознанное восприятие указанных противоречий пришло к Михаилу Васильевичу не сразу. Можно однозначно утверждать, что это никак не прослеживалось в начальный отрезок его жизни, связанный с родным Пишпекком. Кстати, этот главный киргизский город был известен и как Бишкек.

Формирование будущего социал-демократа М.В. Фрунзе связано с главным казахским городом – Верным. Для проницательного читателя отметим, что со временем это русифицированное название поменяется на чисто казахское – Алма-Ата. Но гораздо быстрее произойдут изменения у учащегося тамошней гимназии Миши Фрунзе. Часть гимназистов, включая последнего, регулярно тайком собиралась для расширения своего кругозора за счёт идейного арсенала радикальных ниспровергателей существовавших в тогдашней России порядков. Эти ниспровергатели, проникнутые революционным духом, как магнит притягивали юношу.

Важно отметить, что в лице Фрунзе формировался не только социал-демократ, но и интернационалист. Будучи по отцу молдаванином, по матери русским, живя сначала среди киргизов, а затем среди казахов, юноша не делал различий между титульным и нетитульными этносами, жёстко дистанцировался от воинствующих националистов.

Следующий этап идейно-политического формирования М.В. Фрунзе – петербургский. Его стартовая точка – 1904 год. Петербургский этап начался с пополнения корпуса студентов тамошнего политехнического института. Новый член появился и в столичной организации Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). М.В. Фрунзе довольно скоро заимел репутацию политически неблагонадёжного студента. На волне этой репутации было вполне объяснимо кратковременное лишение свободы. Молодой человек, ранее не испытывавший, что такое арест, повёл себя в этой новой для себя ситуации весьма достойно. Столь же достойным будет его поведение в тот драматический день, когда начала свой отсчёт первая российская революция. Этот день датирован 9 января 1905 года. Главное, чем он запомнился соотечественникам Фрунзе, – расстрел по всем меркам мирной манифестации в российской столице. С верой в позитивные последствия настоящей манифестации её субъектом стал 19-летний Михаил Фрунзе. Но для него эта вера сразу же оборвалась, когда он оказался в числе раненых. Его ненависть к царизму не знала границ.

Реальное участие этого человека в первой российской революции вначале проходило по линии московской организации РСДРП, а затем иваново-вознесенской окружной организации той же партии. Будучи задействованным в Ивановской губернии, впервые проявил себя как лидер работополучателей, что наиболее выразительно прослеживалось в двух аспектах. Первый аспект: генератор идей, исключительно талантливый организатор, искусный тактик в период проведения всеобщей стачки ткачей Ивано-Вознесенска. Второй аспект: целенаправленное использование

заранее подготовленных им в боевом отношении ткачей из Ивановской губернии в событии, которое лидер российских марксистов-фундаменталистов В.И. Ленин назвал «кульминацией первой российской революции». Речь шла о датируемом декабрём 1905 года вооружённом восстании во втором по значимости в политическом ландшафте тогдашней России городе – Москве. Заметим, что первая встреча М.В. Фрунзе с В.И. Лениным произойдёт в столице шведского королевства в 1906 году, после поражения указанного восстания, то есть во время спада революции. Последний сразу же станет для него политическим кумиром и останется таковым до конца жизни.

Будучи единомышленником Ленина, Фрунзе считал, что в революционной борьбе большевиков цель оправдывает средства, что в этой борьбе представляется вполне нормальным выход за рамки правового поля, включая действия, которые не без оснований квалифицировались российским правосудием как государственное преступление. Со стороны революционного деятеля Фрунзе не единожды имело место покушение на убийство в отношении представителей силового блока российской правоохранительной системы. Если бы первоначальные решения российской Фемиды были доведены до логического конца, данный революционный деятель был бы лишён жизни либо 24-летним, либо преодолев четвертьвековой рубеж. Однако наступили моменты принятия более благоприятных для Фрунзе решений. Первый момент – 10 лет каторги. Второй момент – пожизненное заключение. Именно на втором моменте было завязано пребывание Михаила Васильевича в Сибири, которое во многом в лучшую сторону отличалось от сталинского Архипелага ГУЛага. Фрунзе и лица схожей с ним судьбы не подвергались рабской эксплуатации. У них было предостаточно времени, чтобы повышать свой образовательный уровень, чтобы как губка впитывать всё то, что давало детище Фрунзе «Военная академия». Кстати, российские компетентные органы знали о существовании такой структуры, похожей на кружок, но не придали этому факту серьёзного значения. Данные власти по-настоящему не противостояли Фрунзе, когда тот мигрировал с места постоянного поселения в Читу, когда Чита сменилась Москвой. В Чите при желании вполне можно было разобраться, кто такой В.Г. Василенко, кто конкретно направил его в переселенческое управление, чем действительно занимался зачисленный в его штат статистик.

Старт второго квартала 1916 года означал для Михаила Васильевича очередной поворот судьбы, всецело завязанный на белорусском векторе. Вновь использовались подложный паспорт, подложное направление на работу. По первой позиции речь шла о Михаиле Александровиче Михайлове, по другой – о комитете Западного фронта Всероссийского земского союза. Правда, учитывалось, что данный член РСДРП работал в статистических органах. Новоявленный статистик стал вести энергичную пропаганду среди солдат и офицеров указанного фронта. Пропаганда возымела действие. Дело дошло до появления сразу в двух (!) армиях Западного фронта ячеек РСДРП. Порядковые номера армий были известны: 3-я, 10-я. Зато никак не могли быть обнародованы факты существования подобных ячеек.

Новый этап в деятельности большевистского активиста Фрунзе на белорусском направлении наступил после февральской революции 1917 года. Этот этап для него стартовал 4 марта 1917 года и финишировал на исходе жаркого не только в климатическом, но и в политическом смысле лета 1917 года.

Стартовая точка – официальная замена связанной с прежними порядками полиции милицией Всероссийского земского союза по охране порядка. В Минске официальное решение насчёт её временного начальника касалось кандидатуры М.А. Михайлова. Это официальное решение принял гражданский комендант данного ключевого для всего Северо-Западного края города.

Существовавшая доселе полиция не пожелала признать данное решение. Временный начальник милиции действовал весьма решительно, сделав жёсткую ставку на силовой аргумент. «В ночь с 4 на 5 марта 1917 года руководимые М.В. Фрунзе (Михайловым) отряды боевых дружин рабочих вместе с солдатами приданных частей минского гарнизона разоружили полицию города, захватили городское полицейское управление, а также архивное и сыскное отделения и взяли под охрану важнейшие государственные учреждения» [8].

Важно отметить, что 4 марта «считается Днём рождения белорусской милиции. Этот праздник официально утвержден указом Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко от 26 марта 1998 года № 157» [4, с. 2].

Последние три месяца пребывания М.В. Фрунзе в Минске были отмечены его одновременной причастностью к самым разнообразным структурам. Разумеется, их значимость следует оцени-

вать, исходя из конкретно-исторического подхода. Например, в нижеследующей таблице на первом месте стоят Советы, что отражает российские реалии до известных событий, происшедших 3-5 июля 1917 года в Петрограде. Советы располагаются по ранжиру. Наиболее значимым среди всех Советов был именно Минский совет рабочих и солдатских депутатов. Несомненно, что настоящая таблица отражает поразительную многогранность Фрунзе, его уникальную способность быть в нужном месте в нужный час.

Причастность М.В. Фрунзе к значимым структурам в Северо-Западном крае в июне–июле 1917 года

Наименование структуры	Советы		Силловые структуры		Политические партии	Средства массовой информации	
	Минский совет рабочих и солдатских депутатов	Совет крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний	Западный фронт	Городская милиция Минска		«Крестьянская газет»	Газета «Звезда»
Соответствующий орган внутри структуры	Исполнительный комитет	Исполнительный комитет	Солдатский комитет		Минский городской комитет	Редакционная коллегия	Редакционная коллегия
В каком качестве причастен?	Член	Председатель	Член	Начальник	Член	Единоличный редактор	Неединоличный редактор

Подобную таблицу можно было составить и на основании тех сведений, которые содержались в работах представителей советской историографии. Вместе с тем в постсоветской историографии присутствуют и принципиально новые моменты, которые важно иметь в виду, комментируя эту таблицу.

Первый момент: раскрыты особенности работы героя очерка с милицейскими кадрами. Убедительно доказано, что он никогда не оставлял без внимания «жалобы и претензии на ... действия минских милиционеров. Подлинные резолюции М.В. Фрунзе, сохранившиеся на архивных документах, его приказы и обращения к населению через газеты убедительно показывают, как много сил отдавал М.В. Фрунзе повышению политического и культурного кругозора милиционеров, их воспитанию. Отдельные высказывания М.В. Фрунзе в адрес сотрудников милиции носят программный характер и сохраняют свою актуальность и сегодня» [6].

Второй момент: выявлено «стремление М.В. Фрунзе вывести милицию из-под контроля губернского комиссара Временного правительства. Их взаимное противостояние подтверждается архивными документами и данными газетных источников» [6].

Третий момент: по существу обозначился новый этап при «рассмотрении вопроса о роли М.В. Фрунзе в деятельности минской городской организации РСДРП и, в частности, о его отношении к размежеванию большевиков с меньшевиками и бундовцами в объединенной социал-демократической организации, которая существовала в Минске в марте–июле 1917 г. В постсоветских публикациях на основе мемуарных источников обосновывается положительное отношение М.В. Фрунзе к продолжению сотрудничества с другими течениями социал-демократии для совместного решения ряда общедемократических задач. Он не был принципиальным противником размежевания с ними вообще, однако считал, что время для этого еще не настало. В этих публикациях приводится ряд высказываний М.В. Фрунзе из газетных статей и личной переписки, которые прошли мимо внимания советских исследователей. Данные высказывания доказывают терпимость М.В. Фрунзе к другому мнению, его демократизм, готовность к диалогу и сотрудничеству даже после формального размежевания с бывшими соратниками по общей борьбе. В этой связи рассматривается противоположная позиция по данному вопросу руководителя минской большевистской организации А.Ф. Мясникова, ставшая причиной напряженности в отношениях его с М.В. Фрунзе» [6].

Четвёртый момент: впервые сделан вывод о том, что «антибольшевистская кампания, развернувшаяся в стране после июльских событий 1917 года в Петрограде... сузила возможность для редактора «Крестьянской газеты» М.В. Фрунзе влиять на направленность данной газеты» [6].

С момента разгрома корниловщины до начала октябрьского переворота 1917 года Михаил Васильевич продолжал революционную деятельность в Шуе. Его второе пребывание в Шуе кардинально отличалось от первого, связанного с событиями революции 1905–1907 гг.

Во-первых, большевик Фрунзе профилировал себя в условиях демократического политического режима.

Во-вторых, он был един в трёх лицах. Речь шла о по всем меркам первом лице в Шуе. Именно таковым Фрунзе выступал касательно Шуйского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Шуйской уездной земской управы, Шуйской городской думы.

В-третьих, в силу занимаемого положения у него появилась возможность совершенно беспрепятственно обозначиться в общероссийском политическом ландшафте. Эта возможность была реализована во время полноправного участия в работе Всероссийского демократического совещания, проходившего в столице российского государства. Он был единственным в Шуе, кто подходил именно для такого формата участия в настоящем форуме.

С момента октябрьского переворота 1917 года он, прежде всего, направляет свою энергию на выполнение военной функции нового государства. Причастность Михаила Васильевича к самому перевороту чётко и однозначно выразилась в вооруженном противостоянии в Москве. В качестве субъектов данного противостояния, с одной стороны, выступили красногвардейцы, а с другой стороны, белогвардейцы, юнкера. Фрунзе, во-первых, весьма оперативно собрал две тысячи красногвардейцев и, во-вторых, исключительно эффективно использовал для достижения победы в настоящем противостоянии. Отряды красногвардейцев, подобные тому, которым командовал Фрунзе, выступили первокирпичиками в процессе формирования военной структуры государства диктатуры пролетариата.

Как только стала обретать реальные контуры гражданская война, герой очерка заполнил чрезвычайно важную для этого процесса нишу на региональном уровне. На этом уровне многое замыкалось на военном комиссаре. Послужной список Фрунзе на данной должности в порядке её занятия выглядел таким: Иваново-Вознесенская губерния, Ярославский военный округ. Михаил Васильевич на несколько порядков оторвался от остальных военных комиссаров по количественным и качественным параметрам роста красногвардейского сегмента в военной структуре пролетарского государства, в плане снятия проблемного комплекса, связанного с беспощадной войной между белыми и красными [4]. Конечно, в тылу этот комплекс снимать было легче. Максималист по своему складу, Фрунзе твёрдо верил, что у него ещё более убедительно получится на передовой, что для него оптимален статус облечённого руководящими полномочиями фронтвика и, естественно, доводил подобный настрой до вышестоящих партийных, советских и военных органов.

Именно такие максималисты были востребованы в тот момент, когда Кремлю пришлось решать уравнение со многими неизвестными в ответ на ставку Антанты на Колчака. Поначалу эта ставка срабатывала и казалось, что данное уравнение не поддаётся решению. Всё зависело от хорошо продуманного кадрового укрепления на уровне командармов Восточного фронта. «Приказом Реввоенсовета Республики за № 470 от 26 декабря 1918 г. М.В. Фрунзе назначается командующим 4-й армией, которая действовала на южном крыле Восточного фронта...

С назначением М. В. Фрунзе на пост командарма начинается новая глава в его жизни – период боевой полководческой деятельности.

В конце января 1919 г. Фрунзе прибыл в штаб 4-й армии Восточного фронта, который размещался тогда в Самаре. Назначение на столь высокий пост человека, не имевшего до этого опыта вождения войск в фронтовых условиях, могло показаться на первый взгляд не вполне обоснованным. Сам Михаил Васильевич готов был занять в действующей армии более скромный пост. Но Центральный Комитет партии, хорошо знавший Михаила Васильевича и высоко ценивший его исключительные организаторские способности, решил иначе. Потребовалось совсем немного времени, чтобы стало ясно, насколько дальновидным и удачным был этот выбор» [3].

«В марте 1919 года Михаил Фрунзе был назначен командующим Южной группой Восточного фронта (который был разделён на две группы), в состав которой вошли 1-я, 4-я и 5-я армии и Туркестанская армия. Под его умелым командованием Южная группа в ходе последовательно проведённых наступательных операций разгромила противостоявшие ей войска адмирала А. Колчака» [4]. Заметим, что руководство Советской России посчитало вполне заслуженным включить победителя Колчака в корпус кавалеров ордена Красного Знамени. Сам кавалер ордена в момент награждения командовал уже всем Восточным фронтом.

Герой очерка прочно связал себя с историей Туркестанского фронта. Ключевой момент данной связи – командование настоящим фронтом. Соответствующий этап в боевой биографии Фрунзе

стартовал 15 августа 1919 года. Командующий отчётливо представлял себе новый театр военных действий, размышляя не только чисто военными, но и политическими категориями. Он был одержим идеей мировой социалистической революции, считал, что благодаря боевым действиям вверенного ему фронта увеличится число субъектов указанной революции. Естественно, в силу новых полномочий он не мог находиться в стороне от Туркестанской комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР. Общий знаменатель подходов членов комиссии совпадал с убеждениями командующего фронтом. Четыре последних месяца 1919 года и семь первых месяцев 1920 года Фрунзе принадлежал к соответствующему членскому корпусу. В стремлении насильственно расширить сферу распространения социалистической революции на переднем плане оказался стратегически важный для кремлёвских стратегов Бухарский эмират. Кульминацией Бухарской операции фронта стал захват Бухары. Её штурмовали два последних дня лета 1920 года и два первых дня осени 1920 года. Задача, поставленная перед фронтом, была выполнена и с 10 сентября 1920 года Фрунзе уже не командовал Туркестанским фронтом.

Пройдёт 11 дней и прославленный полководец получит новое назначение. Он вновь командующий фронтом. На этот раз речь шла о Южном фронте. Театр военных действий охватывал два региона: Северную Таврию, Крымский полуостров. Южный фронт противостоял белогвардейцам, возглавляемым бароном Врангелем. «Командующий в кратчайший срок – всего за 50 дней – подготовил войска Южного фронта к военным действиям. Затем разработал и провел всего за 20 дней две крупные военные операции в Северной Таврии и операцию по овладению укрепленными районами Перекопа и Чонгара.

Прежде чем перейти в наступление, Фрунзе решил измотать ударные силы технически оснащенного врага в упорных оборонительных боях. До 18 октября войска фронта вели ожесточенные оборонительные бои с врангелевскими войсками в Северной Таврии и на Днестре. В этих боях Южный фронт лишил противника наступательных возможностей...

После стабилизации фронта началась подготовка операции. Фрунзе удалось создать почти тройной перевес в людях и артиллерии...

Южный фронт под командованием Фрунзе провел две последовательные по глубине и времени операции: контрнаступление в Северной Таврии (28 октября – 3 ноября) и Перекопско-Чонгарскую (7–17 ноября), завершившуюся освобождением всего Крымского полуострова...

Фрунзе ... обогатил молодое советское военное искусство новыми способами подготовки и проведения крупной операции. Так, путем глубокого оперативного построения войск фронта, успешного развития тактического прорыва в оперативный (ввод в сражение 1 и 2-й Конных армий) за трое-четыре суток части и соединения Красной Армии в Перекопско-Чонгарской операции прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную позиционную оборону противника. Кроме того, эта же операция дала опыт форсирования Сиваша ночью с целью выхода красных войск в тыл главной группировки, обороняющейся на Перекопе. Следует подчеркнуть, что Михаил Васильевич всесторонне учел опыт генерал-фельдмаршала П. Ласси, когда русские войска под его командованием дважды, в 1737 и 1738 гг., обходили перекопские укрепления крымского хана через Сиваш. В то время Ласси воспользовался временной проходимостью Сиваша.

Постановлением ВЦИК от 25 ноября 1920 г. за проявленную необычайную энергию, за искусное и правильное личное руководство войсками и необычайно быстрый разгром врангелевской армии М.В. Фрунзе был награжден Почетным революционным оружием – шашкой с надписью «Народному герою» [3].

Судьба распорядится так, что герой очерка будет себя проявлять как военный деятель не только в тогдашних границах РСФСР. «Окончание Гражданской войны 1917–1922 годов М.В. Фрунзе встретил на постах уполномоченного Реввоенсовета на Украине, командующего вооруженными силами Украины и Крыма, заместителя председателя Совнаркома Украины и заместителя председателя Украинского экономического совета. Одновременно он являлся членом Политбюро ЦК КП(б)У. Руководил действиями Красной армии при разгроме петлюровщины в 1921–1922 годах в Подольской и ряде других губерний. За разгром войск Врангеля, гетмана Петлюры и ликвидацию бандитизма на Украине Фрунзе был награжден вторым орденом Красного Знамени.

В марте 1924 года Фрунзе назначается заместителем председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам. В апреле того же года – одновременно

начальником штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) и начальником Военной академии. Под его руководством в Советском Союзе в 1924–1925 годах была проведена военная реформа» [7]. «Основное содержание: армия сокращена до 560 тыс. человек, введено смешанное кадровое и территориально-милиционное устройство армии, централизованы органы управления, укреплено единоначалие, принят (1925) закон об обязательной военной службе» [1].

Исследователи биографии Фрунзе из числа военных историков не без оснований видят в нём крупного военного учёного. Об этом свидетельствуют публикации героя очерка, в которых было сформулировано оригинальное видение решения крупных проблем военного строительства в СССР в твёрдой привязке к дальнейшему развитию военной теории. В этих публикациях прослеживается единство теории и практики, сильно чувствуется, что их автор – бывший командарм, бывший командующий фронтом, выдающийся аналитик, делавший выводы на базе системной реконструкции истории Первой мировой войны, а также той войны, где он был одной из ключевых фигур, имевшей в своей боевой биографии только победы. Есть все основания утверждать, что «военно-теоретические разработки Фрунзе оказали большое влияние на формирование единой советской доктрины в середине 1920-х годов» [7]. В соответствующей части наследия Фрунзе заслуживают быть прежде всего отмеченными следующие «работы: ... «Реорганизация Рабоче-Крестьянской Красной армии» (написана в 1924 году совместно с С.И. Гусевым), «Единая военная доктрина и Красная армия», «Фронт и тыл в войне будущего», «Ленин и Красная армия» и ряд других. В январе 1925 года М.Ф. Фрунзе был назначен председателем Реввоенсовета СССР (на этом посту он сменил Троцкого) и народным комиссаром по военным и морским делам. Вёл большую государственную работу, будучи членом ВЦИК и Президиума ЦИК СССР» [7]. Был «членом ЦК РКП(б) с 1921 г., кандидатом в члены Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) с 02.06.24 г.» [5].

Конечно, Михаил Васильевич сделал бы намного больше для своего Отечества, если бы не загадочная смерть, наступившая 31 октября 1925 года. Насчёт физической смерти этого военного и государственного деятеля на сегодняшний день имеется три версии, каждую из которых нельзя однозначно отвергать. «Умер после операции язвы желудка от общего заражения крови (официальное заключение). По другим сведениям – умер от остановки сердца, последовавшей от воздействия анестезии, анестетика хлороформа, непереносимость которого была у Фрунзе. Существует версия, что его смерть не была случайной, а была организована Сталиным, который особенно настаивал на проведении операции» [8].

Память о Михаиле Васильевиче широко увековечена на постсоветском пространстве. Известно, например, что его имя носят один из районов белорусской столицы, одна из станций минского метро, проспект в Витебске, что в Минске ему установлен памятник у Администрации Фрунзенского района.

Литература

1. Военная реформа 1924–1925 // Советский энциклопедический словарь. – М.: издательство «Советская энциклопедия», 2009. – С. 237.
2. День белорусской милиции – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/День_белорусской_милиции. – Дата обращения: 12.08. 2014.
3. Жуковская, Д. М. Фрунзе – полководец и военный теоретик / Д. Жуковская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: historicus.ru/frunze. – Дата обращения: 31.08. 2014.
4. История белорусской милиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mvd.gov.by/main.aspx?guid=1701. – Дата обращения: 12.08. 2014.
5. Официальная справка члена ЦК. Фрунзе Михаил Васильевич (21.01(02.02).1885-31.10.1925) // Известия ЦК КПСС. 1990. – № 6. – июнь 1990. – С. 345.
6. Революционная деятельность М. В. Фрунзе в 1917 г. – автореферат и... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Диссертации по гуманитарным наукам – <http://cheloveknauka.com/revolyutsionnaya-deyatelnost-m-v-frunze-v-1917-g#ixzz3KXmoZlpW>. – Дата обращения: 11.01. 2014.
7. Фрунзе Михаил Васильевич // Биографии знаменитых людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bioreoples.ru/polkovod/... – Дата обращения: 12.08. 2014.
8. Фрунзе, Михаил Васильевич – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/... – Дата обращения: 31.01. 2014.8.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ БАЛАКЛАВСКОГО РАЙОНА В 50-е ГОДЫ XX ВЕКА

Балаклава и Севастополь тесно связаны между собой со времени основания последнего в 1783 году: экономически, политически и ментально. Однако, и в XIX, и в XX вв., они неоднократно были разделены административными границами: Балаклава и окружающие ее села выводились из состава земель Севастополя. «Воссоединение» Севастополя и балаклавских земель окончательно произошло только в 1957 году.

В настоящее время Балаклавский район города федерального значения Севастополя – самый большой по территории район города-героя. Его площадь 54,4 тыс. га (544 км²), что составляет 63% общей площади города. В административно-территориальных границах района расположены Балаклавский, Орлиновский и Терновский муниципальные округа, а также город Инкерман [4]. Население Балаклавского района по предварительным итогам переписи населения в Крымском федеральном округе, проходившей с 14 по 25 октября 2014 г., составляет 46700 чел. [5].

В первой половине 50-х гг. XX в. административно-территориальное деление района значительно отличалось от современного. По данным на 1 января 1953 г. в состав Балаклавского района Крымской области, помимо самой Балаклавы, входили следующие сельсоветы:

1. Гончарновский. В его состав входили с. Гончарное (54 хоз. (181 чел.) колхозников, 13 хоз. (42 чел.) рабочих и служащих) и с. Резервное (38 хоз. (141 чел.) колхозников, 1 хоз. (2 чел.) рабочих и служащих).
2. Колхозновский. В его состав входило одно село – Колхозное (44 хоз. (160 чел.) колхозников).
3. Ново-Бобровский. В его состав входило одно село – Ново-Бобровка (51 хоз. (158 чел.) колхозников, 6 хоз. (8 чел.) рабочих и служащих).
4. Оборонковский. В его состав входило одно село – Оборонное (36 хоз. (132 чел.) крестьян, 14 хоз. (39 чел.) рабочих и служащих).
5. Орлиновский. В его состав входили с. Орлиное (177 хоз. (557 чел.) колхозников, 124 хоз. (354 чел.) рабочих и служащих), с. Павловка (51 хоз. (199 чел.) колхозников, 2 хоз. (4 чел.) рабочих и служащих) и с. Тыловое (13 хоз. (43 чел.) колхозников).
6. Передовский. В его состав входило одно село – Передовое (135 хоз. (446 чел.) колхозников, 18 хоз. (46 чел.) рабочих и служащих).
7. Пригородненский. В его состав входили с. Пригородное (25 хоз. (77 чел.) колхозников, 118 хоз. (416 чел.) рабочих и служащих), с. Ушаково (24 хоз. (78 чел.) колхозников, 1 хоз. (2 чел.) рабочих и служащих), с. Золотая Балка (38 хоз. (139 чел.) колхозников, 6 хоз. (20 чел.) рабочих и служащих), Кадыковский комбинат (287 хоз. (756 чел.) рабочих и служащих), 1-е отделение с/х «Профинтерн» (62 хоз. (190 чел.) рабочих и служащих), 2-е отделение с/х «Профинтерн» (48 хоз. (135 чел.) рабочих и служащих), 3-е отделение с/х «Профинтерн» (64 хоз. (136 чел.) рабочих и служащих), 4-е отделение с/х «Профинтерн» (34 хоз. (80 чел.) рабочих и служащих) и 5-е отделение с/х «Профинтерн» (16 хоз. (34 чел.) рабочих и служащих).
8. Родниковский. В его состав входили с. Родниковое (73 хоз. (296 чел.) колхозников, 6 хоз. (15 чел.) рабочих и служащих) и с. Подгорное (22 хоз. (78 чел.) колхозников).
9. Родновский. В его состав входили с. Родное (74 хоз. (283 чел.) колхозников, 3 хоз. (6 чел.) рабочих и служащих), с. Хворостянка (19 хоз. (54 чел.) колхозников) и с. Кучки (15 хоз. (38 чел.) колхозников).
10. Россошанский. В его состав входило одно село – Россошанка (52 хоз. (167 чел.) колхозников).
11. Терновский. В его состав входили с. Терновка (118 хоз. (439 чел.) колхозников, 5 хоз. (25 чел.) рабочих и служащих) и с. Гористое (33 хоз. (136 чел.) колхозников, 1 хоз. (1 чел.) рабочих и служащих).
12. Флотский. В его состав входило одно село – Флотское (58 хоз. (202 чел.) колхозников, 2 хоз. (8 чел.) рабочих и служащих).
13. Чернореченский. В его состав входили с. Черноречье (114 хоз. (415 чел.) крестьян, 7 хоз. (19 чел.) рабочих и служащих), с. Штурмовое (68 хоз. (267 чел.) крестьян, 16 хоз. (47 чел.) рабочих и служащих) и с. Морозовка (9 хоз. (33 чел.) рабочих и служащих).

14. Широковский. В его состав входило одно село – Широкое (89 хоз. (295 чел.) колхозников, 655 хоз. (1085 чел.) рабочих и служащих).

15. Южновский. В его состав входили с. Южное (15 хоз. (43 чел.) рабочих и служащих), с. Снитовское (15 хоз. (43 чел.) рабочих и служащих), сан. Меллас (32 хоз. (80 чел.) рабочих и служащих), под. х-во «Мухалатка» (23 хоз. (51 чел.) рабочих и служащих), сан. Форос (115 хоз. (376 чел.) рабочих и служащих), под. х-во «Форос» (23 хоз. (70 чел.) рабочих и служащих).

Всего в вышеперечисленных сельских Советах было 1421 хозяйство колхозников и 1746 хозяйств рабочих и служащих, в которых соответственно проживало 4918 чел. колхозников и 4176 рабочих и служащих [1, л. 2].

По данным на 1 января 1954 г. в административно-территориальном делении Балаклавского района не произошло значительных изменений, за исключением появления в составе Пригородненского сельского Совета Оздоровительной колонии, в которой было 61 хозяйство (187 чел.) рабочих и служащих. Также, на территории Чернореченского сельсовета было основано новое село. Первоначально оно фигурировало в документах под названием Новый Поселок [2, л. 3]. Однако 26 мая 1954 г. исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся Балаклавского района утвердил решение общего собрания членов колхоза «Коммунар» о присвоении новому поселку названия Хмельницкое в честь гетмана Войска Запорожского Богдана Зиновия Михайловича Хмельницкого (1595/6 – 1657 гг.). Это решение было приурочено к 300-летию воссоединения Украины с Россией.

В 1954 г., в рамках объединения сельских Советов в более крупные, проводившегося в масштабах всей страны, были упразднены пять сельсоветов Балаклавского района: Колхозновский, Ново-Бобровский, Оборонковский, Россошанский и Флотский, а находившиеся там села переданы в состав оставшихся десяти:

Название сельсовета	Населенный пункт	Хоз.	Чел.
Пригородненский	Пригородное	243	967
	Флотское	55	221
	Золотая Балка	42	164
	Ушаково	28	95
	Оздоровительная колония	34	137
	Кадыковский комбинат	272	855
	1-е отделение с/х «Профинтерн»	69	257
	2-е отделение с/х «Профинтерн»	42	177
	3-е отделение с/х «Профинтерн»	47	182
	4-е отделение с/х «Профинтерн»	40	125
	5-е отделение с/х «Профинтерн»	9	44
Чернореченский	Черноречье	148	424
	Оборонное	48	172
	Морозовка	11	29
	Хмельницкое	87	302
	Штурмовое	88	406
Терновский	Терновка	161	583
	Гористое	47	176
Родновский	Родное	102	398
	Хворостянка	32	126
	Кучки	8	28
Гончарновский	Гончарное	85	367
	Резервное	61	144
Орлиновский	Орлиное	360	1266
	Павловка	53	220
	Тыловое	16	59
Родниковский	Родниковое	83	310
	Россошанка	51	185
	Колхозное	44	151
	Подгорное	26	85
Передовский	Передовое	151	557
	Ново-Бобровка	53	178

Широковский	Широкое	452	1498
Южноковский	Снитовское	25	59
	Сан. «Меллас»	30	78
	Южное	9	23
	Мухалатка	18	116
	Сан. «Форос»	203	389
	Под. х-во «Форос»	30	119 [3, л. 3]

Указом Президиума Верховного Совета УССР «О некоторых изменениях в составе районов Крымской области и г. Севастополя» от 24 апреля 1957 г., а также Распоряжением Севастопольского горисполкома от 10 мая 1957 г., в третий раз (первый – 1921 г., второй – 1930 г.) был создан Балаклавский район города Севастополя (и, соответственно, упразднен одноименный район Крымской области) с включением в его черту Балаклавы и лишением ее статуса отдельного населенного пункта [6, с. 18]. В результате, административные границы Севастополя были увеличены на 458 км² и расширены на 23 километра к юго-востоку – вплоть до мыса Сарыч.

Литература

1. ГАГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 154.
2. ГАГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 169.
3. ГАГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 175.
4. Закон города Севастополя № 17-ЗС от 3.06.2014 г. «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе». URL: <http://sevastopol.gov.ru/17-zs-ot-3-06-2014.html>
5. Население, учтенное при переписи в Крымском федеральном округе (предварительные итоги) URL: <http://gosstat.crimea.ru/per-itogi.pdf>.
6. Никитина И.В. Балаклавский район г. Севастополя. К вопросу об истории административно-территориальных изменений. (1921 год – настоящее время) // VIII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 1 июня 2007 г.). – Симферополь: ЧП «Еврострой», 2007. – Ч. 2. – С. 15–21.

УДК 94(23/28)

М.С. Чирков

г. Самара, Самарский государственный институт культуры

ПРАВОСЛАВИЕ И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (середина 1940-х – начало 1980-х годов)

Взаимоотношения власти и Церкви в послевоенный период отечественной истории (вторая половина XX века) в Среднем Поволжье представляют собой одну из малоисследованных проблем исторической науки. Данный сегмент получил незначительное освещение в исторических трудах [1; 2; 8; 10; 11; 12]. Между тем, многие аспекты послевоенного бытия советских граждан, особенно деревенских жителей, можно рассматривать через призму отношений властных структур с Русской Православной Церковью. Антирелигиозная политика и пропаганда 1920–1930-х годов привела к массовому закрытию молитвенных домов во многих краях и областях страны. Так, например, в крупной по территории и населению Куйбышевской области к 1941 году функционировало лишь 5 православных храмов (вместо 700 на территории Самарской губернии в начале XX в.) [6, л. 27]. Ради достижения победы советское государство пошло на заключение неформального союза с Церковью – открывало молитвенные дома, возвращало церковную утварь, прекратило репрессии по отношению к религиозным служителям. Таким образом, к середине 1940-х годов советская власть отказалась от политики прямого давления на религиозные общества. Данная ситуация была характерна для первых послевоенных лет. Но, отказавшись от репрессивной составляющей в своей религиозной стратегии, власть, тем не менее, оставила за собой другие рычаги воздействия на конфессиональную ситуацию в стране: административный нажим, ограничения экономического характера, атеистическая пропаганда и пр.

Во второй половине 1940-х–начале 1950-х годов религиозная обстановка в Среднем Поволжье оставалась сложной. За 1944–1948 годах в одной только Куйбышевской области были открыты 37 молитвенных зданий, в том числе 14 православных церквей [7, л. 27]. Годы гонений на конфессиональные общества не могли не сказаться на количестве верующих. И, хотя, в первые послевоенные годы наблюдался относительный приток прихожан в молитвенные дома, общее количество людей было невелико. В православных церквях (при высоком проценте исповедовавших право-

славие) не наблюдалось наплыва паломников. В будние дни церковь посещали 15–20 прихожан, в выходные – 40–50. Значительное увеличение числа прихожан происходило лишь в дни религиозных праздников, и в основном за счет жителей окрестных районов, не имевших своих молитвенных домов. В такие дни церковь могли посещать до 750–800 человек, но в основном это были представители старшего и среднего возраста. Молодых людей (в возрасте до 30 лет) практически не было, а если и были, то приход в церковь они объясняли «интересом к оформлению храма, совершению церковных обрядов» [5, л. 111].

Особую «заботу» о нравственной чистоте советских людей проявляли местные чиновники. Власти важно было показать народу, что социалистический строй крепок и имеет колоссальные резервы для развития [9, с. 46]. Исповедание веры в послевоенных условиях «потеряло» актуальность. Одним из самых значительных «грехов» у членов КПСС считалось хранение в домашней обстановке икон. По подсчетам уполномоченных Совета по делам Русской православной Церкви, в сельской местности почти половина коммунистов имела домашние иконы. Так, например, в селе Старое Семейкино Куйбышевской области таковые имелись в домах 18 членов партии из 43. Местная жительница медсестра М. Кузьмина открыто пропагандировала свои религиозные взгляды. Информаторы сообщали, что «она верит в бога, соблюдает религиозные обряды, а потому, дескать, и неплохо живет» [5, л. 68]. Иконы имелись в домах секретарей комсомольских организаций и райкомов КПСС, секретарей сельсоветов и агрономов, бригадиров и сельских учителей. Некоторые из них не боялись носить православные кресты, запрещали своим детям вступать в пионерские и комсомольские организации.

Среди методов борьбы с верующими, активно использовавшимися советской властью, было прекращение деятельности отдельных церквей, переоборудование их под хозяйственные помещения. Так, в 1949 году в селах Вечканово и Чистовка Куйбышевской области были закрыты православные храмы под предлогом их «обветшания» [6, л. 3, 8]. Однако преобладали в борьбе власти с церковью экономические методы, среди которых самым расхожим было раздельное налогообложение (для служащих, работающих по найму в государственных и кооперативных организациях). При этом, правда, монахи и монахини не облагались налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР [6, л. 1а]. В общем и целом, политика советской власти по отношению к Православной церкви по сравнению с периодом Великой Отечественной войны претерпела существенные изменения: за 1948–1953 годы в поволжских областях не было открыто новых православных храмов, значительно усилилась атеистическая пропаганда.

С началом «оттепели» политика государства в отношении Церкви поначалу не изменилась, но затем, по мере укрепления позиций Н.С. Хрущева в «коллективном руководстве», на православные учреждения стало усиливаться давление. Особенно оно стало возрастать после 1961 года, когда XXII съездом КПСС была принята новая программа партии, обещавшая к 1980 году основ коммунистического общества. Целям усиления идеологической работы послужило новое законодательство о религиозных культах, значительно ущемлявшее права Православной Церкви. 16 марта 1961 года Совет министров СССР издал Постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое изменяло порядок открытия новых церквей и вносило изменения в налогообложение духовенства. В результате перестройки управления Церковью духовенство устранялось от руководства своей финансовой и хозяйственной деятельностью [6, л. 47]. Была издана также серия постановлений партии, призванных усилить контроль за деятельностью духовенства на местах. Власть раздражали факты многочисленных молитвенных собраний, которые проводили священнослужители, в том числе «в частных домах и под открытым небом», что являлось нарушением советского законодательства. Отмечались также факты венчания незарегистрированных гражданских браков, обрядов крещения детей. По данным 1962 года, в городах и районах Куйбышевской области имелось 17 храмов, которые проводили «активную работу по удержанию верующих в лоне церкви» [6, л. 1]. Кроме того, власть была обеспокоена стабильно высокими доходами Церкви. Так, Куйбышевский облисполком Совета депутатов трудящихся отмечал, что только за период с 1953 по 1961 годы доходы православных храмов выросли в два раза: с 6390 тыс. рублей до 13330 тыс. рублей (в дореформенных денежных знаках) [7, л. 28]. В результате усиления контроля за финансовой деятельностью Церкви в 1962 году пострадали 10 священников, в том числе 6 настоятелей церквей, которых обвиняли в «злоупотреблениях служебным положением» и нарушении советских законов [7, л. 12].

В своем желании искоренить так называемые «религиозные предрассудки» власть сама шла зачастую на нарушение законов. Так, например, председатель одного из сельсоветов Клявлинского района Сабанов на сходе граждан летом 1962 года заявил, что церковь в селе Старые Сосны будет закрыта, так как ее посещает малое количество верующих. Этими речами он возбудил чувства большей части верующих, которые бурно выражали свое несогласие с таким решением. Незадолго до этого церковью был заключен договор на ее электрификацию, денежные средства были внесены, но электричество так и не было проведено. Вскоре был наложен запрет на подписку на периодические издания для церкви [5, л. 20].

Значительное внимание власть уделяла исследованию настроений духовенства, следила за их высказываниями в отношении политического режима, внутривнутриполитических событий, успехов советской науки и техники. Так, например, многие священники после завершения работы XXII съезда КПСС выражали обеспокоенность возможностью усиления нападок на Церковь. Священник Покровского собора г.Куйбышева Павел (Малов) говорил: «Делается упор на усиление антирелигиозной пропаганды... в связи с этим партия усилит давление на Церковь и верующих, вплоть до применения экономических, политических и судебных мер». Ему вторил протоиерей собора Андрей (Каленик): «Должен быть нажим на Церковь. Хотя в речах об этом сказано мало, но распоряжения последуют покруче». Священник Михаил (Решетников) разделил настроения предыдущих: «Скорее всего, ударят по дообложению духовенства налогами» [7, л. 20]. Вместе с тем, вера в лучшие времена для Церкви не угасала, и поколебать убеждения православных служителей было невозможно. Игумен Куйбышевской епархии (а впоследствии – митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский) Иоанн (Снычев), отвечая на вопрос, не подверглась ли сомнениям его вера в связи с запусками космических кораблей в околоземное пространство, сказал: «Все, что происходит на земле, и все открытия в науке совершаются по воле Божьей, мудрость которого открывается для человека в той мере, в которой человечество заслужило его перед Богом» [7, л. 59].

Эпоха хрущевской антирелигиозной истерии (с обещаниями «в 1980 году показать последнего попа») ушла в 1964-м, вместе с «добровольной» отставкой главы партии и правительства, однако и в последующие годы, 1970-е и 1980-е, положение Церкви существенно не улучшилось. Со стороны государства продолжался нажим, как административный, так и финансовый, хотя и в более мягкой форме. Особенно явно это прослеживается на примере такого крупного региона, коим являлась Куйбышевская область. Здесь борьбу против Церкви вели как местные партийные и советские чиновники, так и эмиссары Совета по делам религий. Что же с точки зрения «властей претерпевающих» вызывало особые опасения?

Во-первых, это финансовое положение куйбышевских церквей. По подсчетам чиновников, доходы Божьих домов имели тенденцию к увеличению на протяжении всех 1970-х годов: в 1979 году они составили 3,6 млн. рублей, а в 1981 г. уже 3,8 млн. рублей. На долю 4 городских церквей приходилось 82% денежных поступлений религиозных обществ. Самые большие доходы имели Покровский кафедральный собор (973 тыс.) и Петропавловская церковь (955 тыс.) [4, л. 2]. Гарантированная финансовая самостоятельность являлась, с точки зрения власти, залогом успешной миссионерской деятельности православного духовенства.

Во-вторых, это увеличившаяся год от года обрядовая деятельность Церкви. За период 1979–1981 гг. увеличилось число обрядов крещений детей с 23,4 до 27%, венчаний – с 2,4 до 3,2% [4, л. 2]. Подобная тенденция свидетельствовала о том, что православные традиции по-прежнему живучи, хотя число прихожан было невелико (и точки зрения начала XX в., и с точки зрения начал века нынешнего). Но самое страшное, с точки зрения властей, состояло в том, что религиозная агитация нашла отклик в сердцах тех людей, кто по советским канонам должен быть примером для всех остальных – члены партии и комсомольцы. Так, бывший агроном одного из челно-вершинских колхозов и чиновник местного Управления сельского хозяйства, член КПСС Ю.И. Власов обратился в 1982 году в Псково-Печерский монастырь с просьбой принять его в число монашествующих [4, л. 2].

В-третьих, это весьма терпимое отношение к Церкви со стороны многих местных начальников. Так, один из инспекторов Совета по делам религий Ю.М. Дегтярев в 1981 году отмечал пассивность идеологических работников в вопросах контроля за деятельностью православного духовенства, особенно в деле соблюдения законодательства о религиозных культах. «Так, изучение проповеднической деятельности духовенства сводится, как правило, к наблюдению за тем, чтобы в проповедях не было антисоветских и антиобщественных высказываний. Справки по результатам этой работы не составляются, анализ их в делах комиссий содействия отсутствует» [4, л. 3]. Более

того, существуют примеры, когда партийные работники прямо содействуют крещению своих детей и внуков, что, с точки зрения московского чиновника, попросту недопустимо.

В свете этих высказываний, по мнению инспектора, требовалось усилить пропагандистскую работу, призвать местных деятелей к бдительности, четкому соблюдению советского законодательства. В тоже время московский чиновник не мог не отметить и усиление роли верующих в общественно-политической жизни страны. Так, во время работы сессии Генеральной ассамблеи ООН осенью 1981 года в ее адрес верующими г. Куйбышева было выслано 14 писем (в то числе 4 коллективных) с призывами к делегатам принять меры к сохранению мира на Земле. В ноябре 1982 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский Иоанн направил в Президиум Верховного Совета СССР телеграмму с соболезнованиями по случаю кончины Л.И.Брежнева [4, л. 6].

Данные факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что деятели Православной Церкви и сами верующие, последовательно придерживаясь христианских заповедей, отвергли посягательства на духовные ценности православия; выступали за конструктивный диалог с представителями светской власти, что было делом нелегким и проблематичным. Советская власть была недовольна духовным подвижничеством священнослужителей, опасаясь усиления религиозных настроений в обществе. Государство вело борьбу против финансовой независимости православных учреждений. Однако последовательная позиция Церкви, продолжавшей нести в народ слово Божье, позволяла ей сохранять огромный авторитет среди значительной части населения России. Деятельность Русской Православной Церкви закладывала основы для последующего духовного возрождения нашего народа, несмотря на отрицательную позицию советского руководства середины 1960-х – начала 1980-х годов.

Литература

1. Подмарицын А.Г. Местные органы контроля над институтами Русской Православной Церкви в советское время (на примере Самарской/Куйбышевской области) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 33. – С. 125–131.
2. Подмарицын А.Г. Советская атеистическая пропаганда и практика в 50-х – начале 60-х годов XX столетия // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 11 (78). – С. 131–133.
3. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3019. Оп. 2. Д. 57.
4. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 2. Д. 39.
5. ЦГАСО. Ф. 4089. Оп. 1 Д. 28.
6. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 24.
7. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 25.
8. Чирков М.С. Конфессиональная ситуация в Среднем Поволжье во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Конфессии и межконфессиональные отношения в истории и традиции. Материалы Всероссийской научной конференции (Самара, 12–13 декабря 2008 г.). – Самара: Изд-во ПГСГА, 2009. – С. 148–153.
9. Чиркова Н.В. Власть и советское крестьянство в 1945–1985 гг. (по материалам Поволжья и Приуралья). Дисс... канд. ист. наук. – Самара, 2010. – 224 с.
10. Якунин В.Н. История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 16–23.
11. Якунин Вадим Николаевич. История Самарской епархии. Монография / В.Н. Якунин. Тольятти: Изд.-полиграф. центр Поволжского государственного университета сервиса. – 2011. – 625 с.
12. Якунин В.Н. Религиозный фактор в развитии культуры Куйбышевской области (1965–1990 гг.) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 154–160.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПОЛЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА» П. БУРДЬЕ

Концепция «поля культурного производства» П. Бурдьё представляется наиболее релевантным способом разработки и развертывания проблемы интеллектуальной деятельности. Однако применительно к конкретному эмпирическому материалу она в свою очередь сама нуждается в интерпретации и операционализации.

Целью данной статьи является раскрытие концепции «поля культурного производства» П. Бурдьё применительно к изучению неформальных интеллектуальных сообществ как агентов социального пространства.

Изучение неформальных интеллектуальных сообществ осуществляется нами в рамках «социологии интеллектуалов». Точкой отчета возникновения данного направления принято считать социологию знания М. Шелера, предложившего рассматривать знание как одну из объективных форм культуры, и К. Мангейма, который сформулировал идею о знании как продукте коллективного мышления и просветительской функции науки как «свободно парящей интеллигенции».

Социальное пространство, по Бурдьё, включает в себя несколько полей, т.е. исторически сложившихся, автономных систем социальных отношений, со свойственными каждому из них набором практик, специфическими интересами и законами функционирования. Среди прочих Бурдьё выделяет интеллектуальное поле (другие варианты наименования – поле интеллектуальной деятельности, поле культурного производства), в которое, в свою очередь, включает литературное поле, художественное поле, научное поле и т.п.

Бурдьё характеризует интеллектуальное поле как «совершенно особый социальный мир ... в котором, как и в других, есть свои господствующие и подчиненные, консерваторы и авангард, тайная борьба и механизмы воспроизводства» [1, с. 208].

Каждое поле является рынком, где производятся, конвертируются и продаются специфические капиталы (Бурдьё выделяет три категории капитала: экономический, культурный, социальный). В поле интеллектуальной деятельности производятся, конкурируют, конвертируются и просто существуют смыслы. «Производители культуры обладают специфической властью, властью чисто символической заставить видеть или верить, пролить свет, сделать эксплицитным, объективированным опыт, в большей или меньшей степени спутанный, неясный, не сформулированный и даже не формулируемый, о природном и социальном мире и тем самым заставить его существовать ... ниспровержение господствующего определения есть та специфическая форма, в которую выливаются революции в этом универсуме» [1, с. 212].

Агентами интеллектуального поля являются интеллектуалы, их группы, создаваемые ими проекты (открытые лектории, семинары), организуемые ими публичные площадки (кружки, клубы). «Все люди интеллектуальны, но не все они выполняют в обществе функцию интеллектуалов», – пишет А. Грамши. Функция интеллектуалов, по Грамши, заключается в том, что они «помогают ей [общественной группе] осознать свое значение и свою роль как в области экономики, так и в социально-политической области». У каждой общественной группы есть свои (в противовес «традиционным», т.е. профессиональным, Грамши называет их «органическими») интеллектуалы [5, с. 168]. Поэтому последние могут быть как эксплуататорами, так и эксплуатируемыми; как охранителями, так и революционерами; как традиционалистами, так и авангардистами; и т.п.

Бурдьё резко критикует органического интеллектуала Грамши. Для Бурдьё возможен только один тип интеллектуала – университетского ученого, защищенного стенами его кабинета от любого идейно-политического «заражения». Однако как видно интеллектуал Бурдьё в общем-то вписывается в модель Грамши как «традиционный» интеллектуал (точнее, один из подтипов такового).

С другой стороны, Бурдьё предостерегает исследователей от «позитивистского видения, которое для нужд статистики, например, определяет границы с помощью так называемого оперативно-

го решения, произвольно разрешающего во имя науки вопрос, неразрешимый в реальности, а именно: кто интеллектуал, а кто нет, кто «истинный» интеллектуал, в чем проявляется истинная сущность интеллектуала». По мнению Бурдье, для отнесения отдельных представители и/или группы агентов к данному полю «необходимо и достаточно, чтобы они были «в деле», в курсе того, что делалось и делается в поле, а также, чтобы у них имелось «чувство истории» поля, его прошлого и будущего, его последующего развития, того, что еще нужно сделать. Все это является формулировкой «чувства игры», исключая цинизм и требующего, чтобы его приняли в игру» [1, с. 215].

Действительно, с одной стороны, очень важно избежать произвольного конструирования предмета исследования, с другой стороны – работа с конкретным эмпирическим материалам требует более четких дефиниций.

Особый интерес в этой связи представляет исследование современного французского социального историка Шарля Кристофа «Интеллектуалы во Франции», выполненное в бурдианской парадигме. Шарль Кристоф четко различает статус «представителя свободных профессий» и статус «интеллектуала». Рождение французских «интеллектуалов» он связывает с «совершенно конкретным моментом в эволюции элит Третьей республики: со вступлением части университетского авангарда в общественно-политическую борьбу вокруг дела Дрейфуса». Опираясь, с одной стороны, на широкий эмпирический материал, а с другой – на теорию Бурдье (здесь полезно вспомнить, что, согласно Бурдье, позиция агента в социальном пространстве определяется его позициями в различных полях [2, с. 16]), Шарль Кристоф приходит к следующему выводу: «Фигура «интеллектуала» возможна лишь при совмещении в одном человеке атрибутов, относящихся к обоим этим полям [университетскому и литературному]. Речь идет о претензиях на ученость, свойственных университетской среде, и о свободе критики, присущей писателю; о нравственном влиянии на публику (студентов) и о способности создавать общественное мнение (через газету); о символической коллективной солидарности (как в литературном сообществе) и о корпоративной солидарности (как в университете)» [8, с. 22–23, 49, 50].

Другой отличительной чертой интеллектуальной среды являются *интерактивные ритуалы*, методы анализа которых были разработаны во второй половине XX в. американскими микросоциологами И. Гофманом и Р. Коллинзом. В центре их внимания, таким образом, оказывается коммуникация, или, как это определяет Р. Коллинз, занимавшийся интеллектуальными сообществами в философии, «общность человеческих коммуникативных операций» (*generality of human communicative operations*) [9, 875] или «цепочки интерактивных ритуалов» (*interaction ritual chains*) [10]. Характерными чертами интеллектуальной коммуникации, согласно теории интеллектуальных сетей Р. Коллинза являются следующие.

Во-первых, в качестве сакрального (в дюркгеймовском смысле) объекта коммуникаций такого типа предстает «истина». ««Истина» является царствующим сакральным объектом для ученого сообщества, как «искусство» – для литературно-художественных сообществ; эти объекты являются для них одновременно высшими познавательными и нравственными категориями, средоточием высшей ценности, исходя из которой судят обо всем остальном. Как показал Блур на примере математики, интеллектуальная истина имеет все характеристики, установленные Дюркгеймом для сакральных объектов религии: истина трансцендентна по отношению к индивидам, объективна, имеет принудительный характер и требует уважения» [9, с. 19].

Во-вторых, интеллектуальные сообщества «обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными участниками, чем с аутсайдерами» [9, с. 24]. Во многом это обусловлено эзотеричностью (в куновском значении этого слова) языка и проблематики интеллектуальных коммуникаций.

В-третьих, «интерактивный ритуал» (*interaction ritual*) интеллектуальных сообществ включает в себя «ситуации, когда интеллектуалы собираются вместе ради серьезного разговора, причем не направленного на социализацию и не имеющего практического характера» [9, с. 24]. Таковыми ситуациями являются лекции, семинары, конференции, круглые столы и т.п. От всех прочих собраний интеллектуальные отличаются «особой природой фокуса внимания и отношением между выступающим и аудиторией» [9, с. 24].

Ситуации экстраординарной публичной лекции посвятил в свое время специальную работу И. Гофман. Определяющими характеристиками данной формы публичной речи, по Гофману, являются возможность ритуального доступа аудитории к теме, в которой разбирается говорящий и

особая значимость, торжественность события, в процессе которого происходит сообщение аудитории некоторого текста. При этом, утверждал Гофман, на определенном уровне для нас не имеет значения, что за текст передает лектор в ситуации такой лекции – сама эта ситуация служит более высокой цели, передавая, при посредничестве обладающего соответствующей репутацией лектора, осмысленный образ мира. «Даже когда говорящий негласно претендует на то, что только *его* научная дисциплина, *его* методология или *его* данные могут дать верную картину, за этой негласной претензией скрывается другая негласная претензия – утверждение самой возможности существования таких верных картин (*valid pictures*)» [12, с. 195]. На наш взгляд, именно риторика поиска таких «верных картин» представляет собой наиболее характерную черту внутреннего полилога поля интеллектуального производства.

Традиция чтения университетскими профессорами публичных лекций зародилась в России в XIX в. Наиболее яркие представители высшего образованного класса входили в круг «властителей дум» российского общества или, как сказал бы американский антрополог, исследователь различных, в том числе академических, «собраний и сборищ людей», И. Гофман, «стражей когнитивного порядка», символизирующих «общественную поддержку истины и справедливости». Академическая кафедра, точно так же, как и высокий государственный пост, «ставит своего обладателя в особое отношение к реальности. Он воспринимается как представитель реальности. Будучи обманутым или обманывая сам, он наносит ущерб не только собственной репутации – страдает “репутация” самой реальности» [4, с. 574]. Именно поэтому в наиболее сложные периоды истории образованные горожане обращались к людям науки, заметим – гораздо чаще, нежели к государственным мужам, чтобы «обрести ясность» [3, с. 542] «в пределах недвижимого мира (*unkinetic world*), предположительно поддерживаемого на лекциях» [12, с. 162]. Так, открытие в Санкт-Петербургском университете в 1869 г. первых публичных лекториев стало крупным событием общественной жизни эпохи великих реформ. Вместе с тем, для образованной публики это был и особенный вид развлечения, сродни посещению модного спектакля, и способ самопозиционирования: публичные лектории так же, как и полуподпольные кружки, являлись обязательными атрибутами повседневной жизни дореволюционной российской интеллигенции.

В советский период публичные лектории служили важнейшим каналом государственной пропаганды, идеологической индоктринации населения. Несомненно, они выполняли и научно-просветительскую функцию, однако на первом месте, как видно хотя бы из полного названия – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний – созданного в 1947 г. всесоюзного общества «Знание», стояло «распространение политических знаний». В Советском Союзе подлинными «стражами когнитивного порядка» (в данном случае гофмановский термин звучит по-оруэлловски зловеще) были партийные органы. Они мобилизовали на идеологический фронт представителей советской интеллигенции: «инженеров и техников, учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства, работников искусства, печати, радио, культурно-просветительских учреждений», перед которыми ставилась задача изо дня в день разъяснять «трудящимся в беседах и лекциях, в печати, по радио, и телевидению внешнюю и внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского правительства, исторические решения ... Пленумов ЦК КПСС, ... сессий Верховного Совета СССР, принципы пролетарского интернационализма, великие идеи марксизма-ленинизма» [7]. В годы перестройки формат публичных лекций сменился форматом публичных дискуссий, ставших характерной чертой времени. В этих условиях локальные поля интеллектуального производства часто трансформировались в поля общественно-политической деятельности [6].

Итак, интеллектуал – это агент поля интеллектуальной деятельности, т.е. производитель, критик или, наоборот, апологет смыслов (критерий производства); являющийся носителем «академического» габитуса, т.е. системы приобретенных схем поведения, мировосприятия, оценивания – определенного *life-style* (критерий габитуса); действующий в публичной сфере (критерий локализации) «[Понятие «интеллектуалы»] обозначает категорию граждан, которые могут придерживаться противоположных мнений, но которые одинаково считают, что они призваны к участию в публичных дискуссиях – хотя и ради отстаивания расходящихся идеалов» [8, с. 297]. Для того чтобы определить позицию агента как интеллектуальную, необходимо одновременное наличие всех трех критериев.

Агенты интеллектуального поля, – т.е. интеллектуалы, их группы, создаваемые ими проекты (открытые лектории, семинары), организуемые ими публичные площадки (кружки, клубы) – могут быть типологизированы по нескольким основаниям:

Исходя из сказанного, представляется возможным охарактеризовать основные параметры интеллектуального поля:

1. Интеллектуальное поле – это поле производства **культурного капитала** (смыслов, ценностей, мировоззрений);
2. **агентами** интеллектуального поля являются представители различных субполей (искусства, литературы, науки), в те моменты, когда они берут на себя функции общественных деятелей, культуртрегеров, просветителей и т.п. с целью оказания некоего воздействия на общественное мнение;
3. несмотря на то, что агенты интеллектуального поля могут отстаивать различные политические, мировоззренческие, ценностные позиции, они воспроизводят **«правила игры»** интеллектуального поля и, благодаря этому, идентифицируют самих себя и своих оппонентов, следующих тем же правилам, как представителей одного поля;
4. интеллектуальное поле **институционализируется** в форме в форме контактных сетей, кружков, групп, общественных объединений и/или движений, экспертно-консультативных советов и проч;
5. наконец, для интеллектуального поля характерны **«внутренние споры»** именно по поводу фундаментальных ценностей, ведение которых (споров) во многом составляют форму его существования.

Литература

1. Бурдые П. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Пьер Бурдые. Начала. Сборник текстов. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 208–221.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 529–545.
4. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
5. Грамши А. Возникновение интеллигенции // Грамши А. Искусство и политика: в 2-х т. Т. 1. – М.: Искусство, 1991. – С. 168–184.
6. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 472 с.
7. Собрание интеллигенции города Тюмени // Тюменская правда. – 28 декабря 1958. – С. 3.
8. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. – М.: Новое издательство, 2005. – 328 с.
9. Collins R. Interaction Ritual Chains. – Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004. – 464 p.
10. Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge (Mass.); – London: Harvard University Press, 2000. – 1098 p.
11. Goffman E. Forms of Talk. – Philadelphia, 1981. – P. 162.
12. Goffman E. The Lecture // Goffman E. Forms of Talk. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. – P. 160–196.

УДК 94

Д.А. Волошин

г. Армавир, Армавирская государственная педагогическая академия

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ: СОВЕТСКИЕ АПОЛОГЕТЫ «ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ» В МАТЕРИАЛАХ МЮНХЕНСКОГО ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Касаясь псевдонаучной сталинской концепции под названием «теория революции рабов», следует сделать ряд оговорок.

– Действительно, данная методологическая установка была господствующей, но – по отношению к трактовке вполне определенных событий и вполне определенных процессов. Вряд ли она всилу своей исключительной ущербности могла быть безоговорочно включена в общеметодологический инструментарий исследователя.

– Апологеты ТРР, а также многочисленные «сочувствующие», были вынуждены не только обрамлять сталинский посыл красивыми и убедительными теоретическими выкладками; куда важнее было возвести его конкретно-исторический фундамент, подкрепив его результатами историко-ведческого анализа.

– К тому же в научной среде СССР отнюдь не все «шли в ногу со временем». Яркий тому пример – научная деятельность Василия Трофимовича Сиротенко, последовательно и системно отстаивавшего собственную точку зрения. В.Т. Сиротенко, громивший антинаучные публикации и диссертационные исследования тех, кто много позже признавал факт фальсификации истории в угоду режиму, – но оправдывал это необходимостью сохранения личной свободы, научной карьеры – и даже простой возможности заниматься любимым делом.

Тем интересней в данной ситуации представляется взгляд на эту проблему Андрея Степановича Коцевалова, научного сотрудника Института Археологии Академии наук УССР, эмигрировавшего из СССР в 1943 году.

Являясь ординарным профессором греческой филологии Украинского Свободного Университета в Мюнхене и руководителем секции античной истории Украинской Свободной Академии наук, он не мог не заметить удивительных метаморфоз в трактовках истории, воследовавших вслед за сталинскими сигналами, прозвучавшими (по большому счету, совсем «не к месту») в его речи 1933 года и отчетном докладе, озвученном годом позже.

Его небольшая по объему работа «Античное рабство и революция рабов в советской исторической литературе» (ориг. «Das Sklaventum der Antike und die Sklavenrevolutionen in der sowjetischen Geschichtsliteratur»), увидевшая свет в Мюнхене отдельным выпуском Института по изучению СССР, представляет особый интерес. Уже потому, что автор был знаком с советскими реалиями, что называется, не понаслышке; и в то же время, имел возможность (и воспользовался ею) дистанцироваться от них (напомним, сотрудником вышеупомянутого Института мог стать любой научный работник; национальность или политические убеждения при этом не имели значения. За одним маленьким исключением: нельзя было быть членом коммунистической партии или сочувствующим ей).

Потому вполне закономерно общая характеристика, которую дает автор советской исторической науке, напоминает скорее приговор. Он говорит о советских историках античного мира, зашоренных учением Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина о смене формаций, особо подчеркивая их покорное повиновение предписанию Сталина «прежде всего изучать отношения раба рабовладельцу» [4, с. 5]. Иронизирует над громкими фразами коммунистов о процветании науки в СССР, констатируя, что даже великим ученым в СССР негде публиковаться. В доказательство приводит пример статьи С.И. Соболевского, которая, несмотря на круглую дату автора-юбиляра, была опубликована со значительными сокращениями [4, с. 23].

Однако первостепенный интерес в этой связи представляет 3 пункт (или глава) его работы «Восстания рабов и крестьян после Р.Х.» [4, 30–38]. Здесь А.С. Коцевалов (надо признать, небезосновательно) пишет о том, что советские ученые во всякого рода беспорядках, будь то религиозные движения, или волнения, вызванные вторжением варваров, или, наконец, просто грабежи разбойников, видят революции угнетаемых классов – рабов или крестьян [4, с. 30].

Автор вскрывает неточности и противоречия трудов некоторых советских историков, попутно критикуя их преданность устаревшим концепциям. В итоге А.С. Коцевалов приходит к вердикту: «...работы Рановича и особенно Дмитрева устарели, не успев выйти в свет [4, с. 31]. Кстати, в той же работе автор называет некоторые измышления А.Д. Дмитрева и вовсе «фантастическими» [4, с. 8] (в частности, когда речь заходит о толковании последнего слова «latro», заимствованного из греч. *λάτρις* – «наемный раб»).

Касаясь сути известной дискуссии об агонистиках и циркумцеллионах, А.С. Коцевалов отстаивает тезис о чисто религиозном характере восстаний, заявляя о том, что считать все это социальной революцией рабов при участии колонов (Машкин) или колонов при участии рабов (Штаерман) у нас нет никаких оснований.

Сама дискуссия между Машкиным и Штаерман, как полагает автор, лишний раз доказывает, что труды советских ученых, основаны часто не столько на внимательном изучении материала, сколько на априорных схемах исторического материализма в произвольной интерпретации [4, с. 35].

Доводы А.Д. Дмитрева [2, с. 66–80] в пользу того, что восстание вестготов на Дунае в 376 г. сопровождалось движением туземного гетофракийского населения и революцией рабов, – А.С. Коце-

валов считает необидительными. Обращаясь в этой связи к свидетельствам Аммиана Марцеллина, он не находит (в отличие от Дмитрева) в них никакого основания говорить о сочувствии туземцев готам. Если автор и допускает возможность содействия готам со стороны туземцев, то делает это с оговоркой. Как полагает А.С. Коцевалов, то были туземцы, взятые готами в плен, – а потому их помощь (если таковая имела место) готам была не добровольной, а вынужденной [4, с. 35].

Следующий тезис А.Д. Дмитрева – о том, что сведения Зосима также являются доказательством революции рабов, А.С. Коцевалов опровергает с тем же усердием. Напомним вкратце суть отрывка из Зосима: претендент на престол Прокопий и его соучастники вооружили рабов и без особого труда собрали большую толпу их, так как многие из рабов сами добровольно присоединились к ним.

Казалось бы, достаточно очевидный смысл текста приводит А.С. Коцевалова к общему заключению: «переход рабов на сторону неприятеля – явление обычное в античном мире. Конечно, рабы в античном мире во все времена мечтали о свободе, и возможность избавиться от своих господ представлялась им во время войны. Однако переход рабов к неприятелю – результат внешних, случайных причин (войны, осады города и т.д.) и совсем не является признаком какого-то особенного состояния общества» [4, с. 37].

Непосредственно «теории революции рабов» А.С. Коцевалов касается в нескольких абзацах под общим названием «Вторжение Алариха в Рим» [4, с. 38]. Здесь автор приводит высказывания Иосифа Виссарионовича (незабвенные «Все варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» и «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся») и показывает бездоказательную тщетность попыток советских ученых (в лице конкретно Н.И. Голубцовой [1, с. 62–74]) доказать, что с наступлением варваров сочеталась революция внутри империи.

В поисках истины А.С. предлагает лучше присмотреться к западноевропейским и американским ученым, «игнорирующим революцию рабов и полагающим, что вторжение Алариха в Рим в 410 г. – лишь случайный эпизод» [4, с. 38].

«Заключение» работы А. С. Коцевалова [4, с. 49–51] вполне предсказуемо завершает предпринятый «разбор полетов». «Очевидно, – пишет автор, – все попытки советских ученых втиснуть историю античного общества в марксистскую схему исторического материализма терпят крах. Уже исследование терминов для обозначения рабов у В. Ленцмана, Л. Казагановой, А. Дмитрева обнаруживают неумение авторов пользоваться методами лингвистики и их нежелание дать объективное толкование привлекаемых ими литературных и эпиграфических текстов» [4, с. 49].

Формулировки «нельзя согласиться» буквально переполняют данную часть работы. Автор не разделяет попыток советских ученых доказать, что античное общество всецело основывалось на рабовладельческом способе производства, а главными классами-антагонистами для того времени являлись рабовладельцы и рабы. Не импонирует ему и замеченная тенденция преувеличивать значение восстаний в античном мире; вызывает неприятие привычка «во всякого рода беспорядках, будь то религиозные движения или волнения, вызванные вторжением варваров или, наконец, просто грабежи разбойников», искать следы революции угнетенных классов – рабов или крестьян.

Причиной неплодотворных дискуссий и расхождений советских историков, стоящих на одной методологической платформе, А.С. Коцевалов видит в стремлении во что бы то ни стало исходить из марксистских схем, которые к тому же одни из них толкуют так, а другие иначе, и в нежелании основываться исключительно на объективном изучении соответствующих античных текстов.

Последний пункт весьма и весьма примечателен. Ведь именно к обширной источниковой базе апеллировал советский медиевист Василий Трофимович Сиротенко, посвятивший источникам первый том своего диссертационного исследования [3]; а несколько позже – развенчавший псевдонаучную сталинскую теорию в своих известных работах «Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв.» и «История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в.».

Литература

1. Голубцова Н.И. Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим // ВДИ. – 1949. – № 4. – С. 62–74.
2. Дмитрев А.Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов // ВДИ. – 1950. – № 1. – С. 66–80.
3. Сиротенко В.Т. Международные отношения в Европе второй половины IV – начала VI вв. (в трех томах): дисс... д.и.н. – Пермь, 1968. – Т. 1. Источники. – 425 с.

ОБ УНИКАЛЬНОСТИ И НЕПОВТОРИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА В «ИНТУИЦИИ СОВЕСТИ» А.А. УХТОМСКОГО

Жалость и сострадание – ключевые понятия философии А.А. Ухтомского. Чувство жалости рождало у мыслителя сознание трагедийности жизни, что принципиально роднило его взгляды с позицией христианства. Оно «тем отличается от прочих концепций действительности, что истинный смысл жизни открывается в нём не отвлечёнными учениями и словами, не «доктриной», ...а **трагическим пониманием истории мира** и истории отдельной человеческой жизни» [1, с. 112]. Поэтому, считал А.А. Ухтомский, «философия должна говорить и может излагать истину о мире не языком отвлечённых формул, а языком трагедии» [1, с. 111–112]. Подобный взгляд кажется пессимистическим, но сам А.А. Ухтомский называл его «зрячим оптимизмом», противопоставляя как слепому, «свинскому» оптимизму, так и гнилому пессимизму [1, с. 282]. Когда начинаешь понимать действительность, оптимизм становится подлым и мерзким; истинное спасение в чистом и «теплострадательном» чувстве, лишь бы пессимизм не выходил за определённые пределы [1, с. 310–311].

Жизнь трагична потому, что ад и смерть пронизывают её. «Рецепция к тому, что Бытие есть в самом деле трагический процесс, открывается человеку с момента, когда он увидит и переживёт смерть любимого! До этого критического момента человек ещё слеп и глух к действительности и её подлинному содержанию, как котёнок, у которого ещё не успела развернуться кора головного мозга и ещё не открылись глаза» [1, с. 497]. Поэтому-то, признавался Ухтомский, ему и было страшно за людей, когда они радостны и не понимают, что уже растёт то дерево, из которого будет сделан их гроб, уже готова та земля, в которой будут лежать их кости» [1, с. 274].

Думы о смерти естественны для каждого мыслящего человека. Смерть – великий педагог. Ухтомский соглашался с Сократом: смерть – начало мысли, начало философии. При мысли о смерти «открывается душа, чувствовалище души, к тому как бедны люди, как надо жалеть их, как одинаково жалеет и любит Христос и тех, которые всё ещё ходят туда и сюда поверх земли, и тех, которые отходили своё и лежат, сложив рученьки» [1, с. 61]. Смерть понять нельзя, но и не размышлять о ней тоже нельзя. «Замечательно то, – писал А.А. Ухтомский, – что попытки оправдать, «объяснить» смерть исходят всегда из понятия жизни и интересов жизни!» [2, с. 212]. Иначе не поймешь, как достойно прожить жизнь, как облегчить страдания людей в этой жизни, коль скоро им предстоит умереть.

С признанием того, что Авель уже не отзовется на голос матери, что у Рахили нет и более не будет детей, начинается оценка каждого человека как неповторимого, незаменимого существа: другого такого не было, нет и не будет. Гениально выразил это настроение А.Блок в стихотворении «Девушка пела в церковном хоре»:

И голос был сладок, и луч был тонок,

И только высоко у царских врат

Причастный тайнам плакал ребёнок

О том, что никто не придёт назад.

Именно с осознания уникальности и неповторимости каждого человека начинается этика как наука. Если бы человек был бессмертен, он не знал бы ни добра, ни зла, как не знали их Адам и Ева, пока не вкусили от древа познания.

А.А. Ухтомский как диалектик придерживался гераклитовского взгляда на мир: всё течёт, всё изменяется и ничто не повторяется. Поэтому «если всё безвозвратно проходит, если ни одно мгновение бытия и жизни никогда не повторяется, если проходящий мимо тебя человек дан тебе однажды, чтобы никогда и ничем не заменить и не повториться для тебя, – то какова же **страшная**

ответственность человека перед каждым моментом жизни, перед каждым соприкосновением с другим человеческим лицом, перед утекающей перед ним драгоценностью бытия!...В каждый отдельный момент своей жизни человек признаёт суд над собою для всей последующей жизни» [1, с. 243–244].

Обычно мы вполне понимаем то, что одинаково с нами. Между тем каждое лицо индивидуально и уникально. Поэтому надо отдавать себе отчёт в том, что понять другого до конца, до «адекватной ясности» – самая трудная задача [1, с. 492]. Такое понимание едва ли достижимо. А.А. Ухтомский считал иллюзию всепонимания одним из самых вредных настроений человека, как раз более всего мешающей понять ближнего. Человеческое лицо принципиально неинтегрируемо. «Общение с Собеседником и есть процесс живой переинтеграции личного образа, взаимной оценки и понимания друг друга, которое непрестанно подвижно и непрестанно растёт» [2, с. 159]. Но для этого нужно знать себя и свои возможности, а равно и другого; тогда и жалость к нему будет чиста. Решающую роль тут играет не разум, а любовь и интуиция совести. Поэтому Ухтомский и придавал первостепенное значение воспитанию чувств.

Наши встречи с людьми ответственны ещё и в другом отношении. Дело в том, что человек судит о других по тому, как они к нему относятся. Потому-то в этом деле и не может быть «мелочей», «неважных деталей». «К знакомству с человеком надо относиться тем строже, чем оно мимолётнее, – замечает философ. Великое горе, если человек унесёт в свою дальнейшую жизнь неправильное представление о вас. Не вполне обдуманное слово достаточно, чтобы впечатление было неправильным» [2, с. 19]. (Для человека, настроенного романтически и идеалистически, весь мир может рухнуть: он разуверится в людях).

Трагическое восприятие жизни, несомненно, помогает понять ближнего, его бесконечную ценность как неповторимого существа; важно, чтобы оно не было болезненным, патологическим и к тому же сопровождалось любовью и жалостью к людям. К сожалению, к такому восприятию человек приходит только в конце жизни, в период «бытия перед лицом смерти».

Огромным препятствием на пути к человеку, закрывающем «чувствилище души», является утвердившаяся в обществе массовая (потребительская) культура. Она оптимистична, жизнерадостна. Массовая культура атеистична, анти-метафизична; она ориентирует человека на удовлетворение потребностей «здесь и сейчас», лишена видения перспективы. Если культура, согласно голландскому культурологу И. Хейзинге, есть там, где есть размышления о смерти, то это не культура, в лучшем случае полукультура. Человек думает о смерти из потребностей жизни. Следовательно, не думая о ней, он не думает о жизни, собственном предназначении, ведёт бессмысленное существование.

Литература

1. Ухтомский А.А. Интуиция совести. – СПб.: Петербургский писатель, 1996.
2. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.

УДК 94(372.893)

А.Н. Галямичев, А.А. Семёнова

г. Саратов, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Курс «История средних веков в мировой художественной культуре» преподаётся на кафедре истории средних веков Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского в рамках магистерской программы «Западноевропейская цивилизация в средние века и в эпоху Возрождения». Его природа позволяет в органическом единстве решать задачи общекультурной и профессиональной подготовки магистрантов, предоставляя широкие возможности для их самостоятельной работы в процессе осмысления столь обширной и многогранной проблематики.

Богатейшие возможности предоставляет в этом отношении наследие русской культуры Серебряного века, представители которой постоянно обращались к наследию западного средневековья и эпохи Возрождения. Восприятие наследия Ренессанса было при этом отмечено яркими чертами

своеобразия, отразившими особенности общественной, интеллектуальной и художественной жизни России рубежа XIX–XX вв.

Интерес представляет, в частности, своеобразие отражения в творчестве корифеев Серебряного века наследия выдающихся художников Возрождения. Широкие возможности для анализа и самостоятельных суждений магистрантов даёт обращение к фигуре Фра Беато Анджелико, флорентийского художника XV века (1400–1455). Основу наших представлений о художнике составляет «Жизнеописание фра Джованни да Фьезоле, ордена братьев проповедников живописца» из знаменитой книги Джорджио Вазари [2, с. 257–273].

Его имя не принадлежит к числу общепризнанных титанов Возрождения, однако занимает видное место в истории флорентийской живописи XV века. Джорджио Вазари назвал этого художника «Ангельским» (ит. Angelico), имя Фра обозначает брат, Беато – Блаженный [2, с. 262]. Формально к лику блаженных художник был причислен лишь в 1984 г. и стал считаться небесным покровителем художников.

Творчество Фра Беато Анджелико стоит особняком в ряду художников Возрождения, обнаруживая наибольшую среди флорентийцев XV века степень родства с искусством мастеров эпохи готики, но вместе с тем – и несомненную причастность к художественным достижениям Ренессанса.

Живопись Фра Беато Анджелико высоко ценили выдающиеся русские художники В.М. Васнецов и М.В. Нестеров. Об этом свидетельствуют, в частности, те оценки, которые были высказаны ими под непосредственным впечатлением от знакомства с произведениями мастера во время поездок в Италию. М.В. Нестеров писал в своих воспоминаниях о первом впечатлении, произведённом на него художественными сокровищами Флоренции: «Скульптура Микеланджело и фрески в кельях монастыря Св. Марка – всё это теснило одно другое, приводя меня в неопишумый юный восторг. Язычник Боттичелли легко уживался с наихристианнейшим фра Беато Анджелико.

Всё это мне хотелось запечатлеть в памяти, в чувстве, всех их полюбить так крепко, чтобы эта любовь к ним уже не покидала меня навек» [7, с. 118].

В.М. Васнецов в письме к Е.Г. Мамонтовой от 28 мая 1885 г., отправленном из Италии, сообщал: «Во Флоренции я был дня три. Здесь я в первый раз узнал силу Микело Анджело. Его ложе Медичи – живой камень, равный античному. В галерее очень много интересного. В церквах – тоже. Кафедральный собор невозможно скучен внутри. Снаружи хоть пёстр, но без интереса. Был в монастыре, где видел Фра Беато Анджелико. Меня очень всё там тронуло» [3, с. 59].

Творчество Фра Беато Анджелико привлекало также пристальное внимание русских поэтов Серебряного века. В стихотворных строках А.А. Блока, посвящённых Флоренции, фигура Фра Беато Анджелико находит место среди величайших представителей искусства Возрождения и виднейших деятелей флорентийской истории:

Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжён,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Медичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи! [1, с. 241–242]

В словах о сожженном монахе поэт имеет в виду Джироламо Савонаролу. Вершиной признания творчества Фра Беато Анджелико в русской культуре Серебряного века стало написанное в 1912 г. и целиком посвящённое флорентийскому художнику стихотворение Л.Н. Гумилёва, которое открывается следующими строками:

В стране, гиппогриф весёлый льва
Крылатого зовёт играть в лазури,
Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце любило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонарроти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонарроти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутил,
Ту душу, что поверила в блаженство.

На Фьезоле, среди тонких тополей,
Когда горят в траве зелёной маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке, –

На всё, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной,
О да, не всё умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, – совершенно [6, с. 319–320].

С Фьезоле связаны важные страницы жизненного и творческого пути Фра Беато Анджелико. Здесь, в доминиканском монастыре, он в 1418 г. принял монашеский постриг. Здесь формировалось его мастерство живописца, а в конце жизни, в 1450 г., он стал настоятелем монастыря во Фьезоле.

Гумилёв подчёркивает характерные черты выдающегося мастерства флорентийского художника, о секретах которого ходили легенды. На языке поэзии он говорит о необычайной яркости красок и гармоничности света в произведениях Фра Беато Анджелико:

А краски, краски – яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворил цветы
В епископами освящённом масле.

И есть ещё преданье: серафим
Слетел к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал, и состязался с ним

В его искусстве дивном ... но напрасно [6, с. 320–321].

Последняя строфа перекликается с строками Вазари о «Венчании Богоматери» Фра Беато Анджелико: «Самый колорит этого произведения представляется творением руки святого или ангела, подобного тем, что изображены на картине, почему этого поистине святого человека по справедливости и называют братом Джованни Анджелико» [2, с. 262].

Живописные творения Фра Беато Анджелико оказали большое влияние на творческие искания мастеров русской религиозной живописи. Особое место занимали на этом пути росписи и иконы собора Святого Владимира в Киеве, выполнение которых было в 1887 г. поручено В.М. Васнецову. С ними связывались надежды на рождение в России новой религиозной живописи, родственной изобразительному искусству итальянского Возрождения. Ярким свидетельством этих ожиданий являются слова воспоминаний М.В. Нестерова о первом приезде в Киев: «Переехали мост, пошли окраины, «Соломенки», «Демиевки», а там справа синие купола: это и есть Владимирский собор, цель моей поездки. Там Виктор Васнецов, как гласит молва, «творит чудеса». Там мечта живёт, мечта о «русском Ренессансе», о возрождении давно забытого искусства Андреев Рублёвых и Дионисиев» [8, с. 389–390].

В иконах и фресках Владимирского собора присутствует явственное влияние художественных открытий Фра Беато Анджелико, главным источником которых, как ясно осознавали русские художники, был его особый взгляд на мир. Именно это имел в виду В.М. Васнецов, когда писал в письме к Е.Г. Мамонтовой от 27 октября 1889 г., отправленном из Киева: «Как поражают в старинных художниках глубина, непосредственность и искренность изображений их, как они полно и не боязливо решают свои задачи. Уже Вазари счёл необходимым обратить на эту черту творчества Фра Беато Анджелико особое внимание, говоря о его «Мадонне Сан Марко»: «Мадонна своей простотой вызывает у зрителя чувство молитвенного благоговения» [2, с. 261].

Откуда у них эта теплота, искренность и смелость? Не все же они гении? Какие-нибудь Орканья, Беато Анджелико и многие другие далеко не гении, а между тем смогли и осмелились быть самими собой загадку эту разрешить легко, если представить себе, что и в предшествующие века, и в век современный художникам [верили] все окружавшие их люди: и великие, и малые (просвещённые и непросвещённые), глубокие и простые – все верили в то же, что и художник, жили и питали свою душу одними и теми же великими чаяниями. И вот все художники – великие и малые – находили тогда дело по душе и по сердцу, и всякое их от души сказанное слово принималось с радостью и благодарностью. С какой любовной страстью строили они свои храмы, писали свои живописные поэмы, рубли целые миры из камня!» [4, с. 82].

Ещё более ясный, афористически-лаконичный ответ на вопрос о главном секрете великой притягательной силы творчества Фра Беато Анджелико дал Гумилёв в заключительных строках своего стихотворения:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога [6, с. 321].

Говоря о восприятии наследия Фра Беато Анджелико в русской художественной культуре Серебряного века, нельзя ограничиться только проявлениями его признания, поскольку есть достаточно широко известный пример его явного неприятия, которое выражено в стихотворении С. Городецкого. Написанное 6 июля 1912 г. как непосредственный ответ на стихотворение Н. Гумилёва, оно содержит такие строки, адресованные коллеге по акмеистскому «Цеху поэтов»:

Ужель он рассказал тебе хоть мало
Из пламенной легенды христианской,
Когда в свой сурик и своё сусало
Всё красил с простотою негритянской?

Ты только посмотри на ту фигуру,
Что в *Deposizione della Croce*
Разводит ручками! Ужель натуру
Ты видывал тупее и короче? [5]

Думается, однако, что стихотворение С. Городецкого едва ли можно считать в полной мере самостоятельным откликом на творчество флорентийского мастера. Хотя оно и входит в цикл его стихов об Италии (*Canti d'Italia*), но всё же представляет собой прямую полемику со стихотворением Н. Гумилёва.

Живопись Возрождения для С. Городецкого – лишь повод для вызова Н. Гумилёва на продолжение споров, а творения Фра Беато Анджелико – предлог для рассуждений о мировоззренческих поисках акмеизма:

Ты хочешь знать, кого я ненавижу?
Конечно, Фра Беато Анджелико.
Я в нём не гения блаженства вижу,
А мертвеца гробницы невеликой.

Нет, он не в рост Адаму-акмеисту!
Он только карлик кукольных комедий,
Составленной из вечной и пречистой
Мистерии, из жертвенных трагедий.

...

О, неужель художество такое,
Виденье плотоядного монаха,
Ответ на всё, к чему рвались с тоскою
Мы, акмеисты, вставшие из праха?

При этом, как нам представляется, в заключительных строках стихотворения С. Городецкого содержится невольное признание поэтического мастерства Гумилёва:

Нет, ты не прав, взалкавший откровенья!
Не от Беато ждать явления Адама.
Мне жалко строгих строф стихотворенья,
В которых славил ты его упрямо.

Подчёркнутая резкость оценок С. Городецкого, на наш взгляд, скорее подчёркивает особую значимость того места, которое занимает не только гумилёвское стихотворение, но и осмысление творческого наследия Фра Беато Анджелико в духовных исканиях русских художников начала XX века.

Литература

1. Блок А.А. Незнакомка: Стихотворения и поэмы. – М., 2004.
2. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. – М., 1963. – Т. II.
3. Виктор Васнецов: Письма. Новые материалы / Сост. Л. Короткина. – М., 2004.
4. Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников. – М., 1987.
5. Городецкий С. Фра Беато Анджелико // www.nasledie-rus.ru/podshivka/7013.php (Дата обращения: 15.01.2015).
6. Гумилёв Н. Стихотворения. – М., 2002.
7. Нестеров М.В. Воспоминания. – М., 1989.
8. Нестеров М.В. Давние дни: Воспоминания, Очерки. Письма. – Уфа, 1986.

УДК 94

В.Н. Ерохин

г. Нижневартовск, Нижневартровский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОПИСАНИЯ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

К размышлениям о разнице между западными и восточными традициями историописания время от времени обращались известные западные историки. Для западного исторического мышления характерно отчетливо выраженное стремление отличать прошлое от современности, подчеркивание разрыва между ними, позволяющее показать особенности каждой исторической эпохи. При рассмотрении восточного историописания, напротив, видно стремление подчеркнуть связь прошлого с настоящим: одно сосуществует с другим и даже наслаивается на него, в результате чего в восточных обществах широко распространена традиционалистская установка, согласно которой не новшества, а поддержание традиции способно обеспечить воспроизводство общественной жизни.

Впрочем, различия в понимании истории и историописания на Западе и на Востоке не сводятся только лишь к приверженности Востока к традиции и стремлению к новациям на Западе. Исследователями к настоящему времени выделен целый ряд таких различий. В 2002 году была опубликована книга «Западное историческое мышление. Спор между культурами» под редакцией известного германского историка Йорна Рюзена [3]. В этой книге известный британский историк П. Берк опубликовал статью «Западное историческое мышление в глобальной перспективе», в которой сформулировал десять тезисов об отличительных характеристиках западного понимания истории как науки. Его оппоненты из стран Европы, Азии, Африки далее в книге прокомментировали оценки Й. Рюзена, а затем изложили свое обобщенное понимание особенностей подхода к историописанию, которое характерно для восточных культур.

В толковании П. Берка, десять характеристик западного исторического мышления таковы:

1. Подчеркивание категории «развития», «прогресса» для понимания хода истории, «линейный» взгляд на прошлое. Поначалу в античности и до раннего Возрождения с представлениями о прогрессе сосуществовала идея циклического понимания хода истории, затем, начиная с эпохи Реформации, высказывались представления о существовании определенного баланса между циклическостью и прогрессом (Дж. Вико, Э. Гиббон, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби).

2. Представление о том, что прошлое и его изучение не неизменно, и каждый исторический период имеет свой собственный культурный стиль и индивидуальность, подчеркивание необходимого историка чувства культурной дистанции, взгляд на прошлое как на «чужую страну».

3. Отчетливо выраженная идея историзма, которую известный немецкий историк Ф. Майнеке определил как интерес к индивидуальному, специфическому, уникальному в историческом развитии.

4. Интерес к индивидуальному привел западную историографию также к интересу к коллективному. Эти две тенденции сосуществуют, как линейная и циклическая модель истории.

5. Западная историография отличается склонностью к исследованию эпистемологических проблем, проблем исторического знания вообще. Западные историки в конце XVII – начале XVIII века положили начало традиционной взаимосвязи западной историографии и западной науки. Эта связь была одновременно и тесной, и сложной: одни историки объявляли себя учеными, другие всячески отрекались от такого наименования. Дебаты о степени научности истории стали важной чертой западной историографии. Деятельность историка стали уподоблять также детективному или судебному разбирательству.

6. Западной историографии особенно свойственно стремление к историческому объяснению с использованием особых понятий, теорий. Отличительной чертой западного исторического мышления является использование понятия «причинность», и еще целого ряда понятий из методологического аппарата естественных наук. При этом каузальный подход к изучению истории в западной историографии, стремление к выявлению закономерности сочетаются с вниманием к исследованию и истолкованию индивидуальности исторических событий с опорой на герменевтический подход, в результате чего изучение истории строится как сочетание, сложное сосуществование каузального и герменевтического подходов.

7. Западные историки стремятся к объективности, беспристрастности в исследовании. Идеал историка понимается как стремление и умение избежать предвзятости. Влияние стремления к объективности в некоторых случаях ведет к тому, что содержание исторических исследований начинает тяготеть к фактографичности, описанию без оценок.

8. Убеждение в том, что возможно использование количественных методов в изучении истории, причем эта тенденция проявилась в западной исторической науке не только под влиянием появления статистики в Новое время. Скорее, даже появление статистики можно рассматривать как одно из проявлений арифметической ментальности западной историографии.

9. Проявлением сущности западной историографии являются также ее литературные формы. В западной культуре существует долгая и многообразная связь между литературой, культурой, искусством и историографией, могут быть прослежены аналогии между историческими и литературными нарративами. Сознательно или бессознательно, но жанры литературы оказывают огромное влияние на развитие западной историографии, так что в постмодернизме эта связь между историей и литературой подмечена не случайно.

10. Западные историки обладают также специфическим взглядом на пространство и время. В западной историографии изначально, уже у Геродота, проявился интерес к исторической географии. Западноевропейское сознание уделяло много внимания осмыслению колонизации, открытия и захвата новых земель, в чем видна западная склонность к империализму, установлению контроля над новыми территориями.

Все вместе эти перечисленные черты дают «идеальный тип» западного исторического мышления, западных исторических принципов и допущений, в которых представлен баланс характерных для западного историописания черт и тенденций. Эти типологические черты западной историографии в полной мере сложились только в новое время. Подавляющее большинство историков незападных стран разделяют убеждение в том, что западное историческое мышление оказало на другие национальные способы исторических размышлений очень значительное влияние, и на сегодняшний день западное историческое мышление является ведущим среди всех других подходов к историописанию в современном мире [1, с. 8–13].

Используемый в современной исторической науке понятийный аппарат является по своему происхождению западноевропейским. В западноевропейской культуре сложилось рациональное по характеру историописание. Характерные черты рационального европейского историописания довольно удачно охарактеризовал британский историк Р. Дж. Коллингвуд, предложивший четыре критерия рациональности историописания.

1. История – это разновидность исследования или поиска; она должна задавать вопросы и быть ответом на вопросы, а не просто коллекционировать факты и раскладывать из них пасьянсы; научно-историческое исследование – это предметное исследование какого-либо вопроса.

2. История занимается изучением действий в прошлом, совершенных людьми (то есть в объяснении происшедшего не утверждает, что кто-то нечто совершил под влиянием высших сил); по-

этому необходимо искать не сверхъестественные, а внутри-исторические причины происходивших событий и процессов.

3. Историческое исследование основывается на интерпретации источников: история пишется по источникам, но не только переносит механически в текст исторического исследования данные из источников. Историк должен задавать источникам вопросы, чтобы источники раскрыли и то, что не лежит на поверхности, но может быть понято из контекста, в результате толкований, из умолчаний источника и т.д.

4. История служит самопознанию человека и общества и предполагает прагматический критерий оценки тех или иных личностей, происходивших событий: узнать, что такое тот или иной человек, можно, выявив и поняв, что человек сделал, а содержание и значение исторических событий можно понять и оценить по их последствиям. Если в том или ином письменном тексте можно выявить характеристики, присущие этим четырем критериям, изучаемый текст можно отнести к рациональному историописанию [2, с. 20].

В коллективном труде «Западное историческое мышление. Спор между культурами» (2002) коллективом авторов обсуждаются также и особенности не-западного исторического мышления и историописания. В предлагаемых здесь характеристиках действительно подмечены проявляющиеся при написании истории отличия от западного подхода, присущие, в первую очередь, историописанию в рамках разных восточных культур. Отличительные черты не-западного историописания можно свести к следующим характеристикам.

1. Нормативность историографии в том смысле, что историописание в восточных обществах имело характер государственного заказа, официальной истории, и велось лицами, связанными с государством. Например, даже Коран был записан по распоряжению властей в Арабском халифате, оставлена одна его версия, а остальные уничтожены. На Западе же историописание возникло и в дальнейшем развивалось преимущественно вне прямой связи с государством (как частные лица занимались этим делом Геродот и Фукидид, другие античные историки, и в дальнейшем частные лица всегда играли выдающуюся роль в западном историописании). Данная характеристика существенна потому, что в историописании как индивидуальном предприятии относительно больше непредвзятости, возможна относительно большая широта взгляда, нет довлеющей над пишущим необходимости в поиске способов предвзятой аргументации и в апологетике – тенденциозном стремлении обосновать те или иные взгляды, действия, позиции. Индивидуальное историописание, конечно, тоже по-своему тенденциозно, но за индивидуальным мнением не стоит принудительная сила, в результате чего для придания убедительности такому индивидуальному мнению нужно развивать культуру рациональной аргументации, что способствует развитию доказательности историописания. Но по этому пути шло развитие западного, а не восточного историописания.

2. Преимущественное развитие жанра исторических биографий, нарративный стиль, рассказ, а не анализ как доминирующий способ изложения.

3. Рассмотрение направления хода истории как движения циклического или регрессивного, удаляющегося от лучшего или идеального состояния в прошлом. Убеждение, что в общественной жизни нужны не новшества, а следование заветам великих предков, опора на традиции.

4. Доминирование матрицы официальной истории в том смысле, что изначально и очень долго периодизация хода истории строилась по династиям как династийная историография.

5. Долгое господство, причем безальтернативное, теологической парадигмы в историописании, не дающей писать историю как историю людей и искать внутри-исторические причины происходящих событий.

6. Отсутствие интереса у пишущих на исторические темы к эпистемологическим, познавательным проблемам исторического знания, отсутствие стремления к выработке особого понятийного аппарата, особого языка историописания.

В результате инициатива рационального понимания истории Востока пришла с Запада, а восточное историописание в XIX–XX веках стало испытывать все большее влияние западной культуры и не представило для развития исторического знания столь эффективных методологических средств, которые могли бы потеснить или превзойти по своим познавательным результатам западную методологию науки. Этот процесс рецепции западной науки и культуры на Востоке, противоречивый по своему характеру, продолжается и в настоящее время. Восток не может преодолеть свою зависимость от Запада, в том числе, и в понятийно-методологическом отношении.

Литература

1. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. – М., 2012.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
3. Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / Ed. by Jörn Rüsen. – New York-Oxford, 2002.

УДК 94

Т.И. Зайцева

г. Томск, Томский государственный педагогический университет

ИЗУЧЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ В НЕМЕЦКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сформировавшись в последней трети XX века, к настоящему моменту гендерная история прошла в своем развитии немалый путь, итогами которого стали установление влияния на самые различные области исторического знания, а также ее внутреннее усложнение и специализация. В частности, гендерный подход получил немалое развитие в рамках исследований истории средневековой Европы, что, в свою очередь, привело к разработке целого ряда тем и сюжетов, и в том числе анализу особенностей положения отдельных социальных групп.

Цель данной публикации – на примере немецкой и отечественной медиэвистики обрисовать специфику исследовательской проблематики, разрабатываемой в области изучения гендерных отношений правящей элиты средневековой Германии (X–XV вв.).

В качестве источников выступил комплекс исследований немецких и отечественных историков, затрагивающих различные аспекты обозначенной темы. Речь идет о публикациях 1970–1990-х гг., а также трудах начала XXI в., принадлежащих перу не только ученых, работающих в русле собственно гендерной истории; но и медиэвистов, не специализирующихся на гендерной проблематике, но активно обращающихся к вопросам взаимоотношений полов.

Так, в конце 1970-х гг. немецкий исследователь А. Борст в своей монографии, посвященной распространенным в средние века формам жизнедеятельности, охарактеризовал брачные практики в среде правящей элиты [1]. В 1980-е гг. специалист по социальной истории Средневековья, О.Г. Эксле в числе прочих тем на примере деятельности Елизаветы Тюрингской проанализировал характер религиозности женщины-правительницы [27]. О. Борст в рамках изучения повседневной культуры классического Средневековья обратился к институту женского соправления, а также к ряду гендерных сюжетов, связанных с фигурами отдельных правительниц [2]. Изучая процесс эволюции форм господства в средневековой Германии, Б. Штрайх выделил различные варианты существования женских дворов [10].

Непосредственно исследуя женскую историю, Э. Эннен в своей получившей широкую известность монографии рассмотрела два основных сюжета, связанных с правящей элитой Германии – деятельность выдающихся императриц раннего Средневековья; а также брачную политику немецких правящих династий эпохи поздних средних веков, венцом которой стала деятельность Габсбургов [5]. Другая немецкая исследовательница истории женщин, С. Рейтер в своей публикации обратилась к целому комплексу вопросов относительно рассматриваемой социальной группы – от матримониальной практики и деторождения до политического влияния и форм репрезентации представительниц «второго» пола [9]. В 1980-е гг. вышли также статьи У. Либец-Грюн, показавшей отставание Германии в области развития женского литературного творчества, в том числе в среде правящей элиты [6], и К. Опитц о политическом значении бракосочетания различных групп аристократии [7].

В начале 1990-х гг. М. Вайтманн в своей книге о доме Габсбургов подробно остановился на знаменитой брачной политике этой династии [12]. На рубеже 2000-х гг. в рамках исследований социального пространства двора классического и позднего Средневековья к проблеме взаимоотношений полов в среде правящей элиты обратились В. Паравичини [8] и И. Бумке [3]. Исследователи проанализировали важнейшие брачные союзы немецких правителей; осуществление посредством этих союзов французского культурного влияния; наконец, роль женщин-правительниц в формировании и эволюции придворной культуры Германии.

В начале XXI в., уже в рамках собственно гендерной историографии, к названной проблеме обратились Б. Эльперс, рассматривая роль женщин в институтах родства и господства, их значение в сохранении династической памяти, а также сущность и эволюцию института материнского регентства [4]; а также К. Вальш, затронувшая вопросы символической репрезентации и политической ответственности немецких княгинь [11].

В отечественной историографии матримониальные практики немецкой правящей элиты Средневековья были подробно освещены советским историком Н.Ф. Колесницким [21]. Современные медиевисты Н.Ф. Усков на примере Оттона I [26], и О.С. Воскобойников на примере Фридриха II [19], показали особенности организации семейной жизни правителей Германии. В.Д. Балакин представил биографические данные и охарактеризовал политическую роль ряда немецких императриц [14–17].

Из числа работ российских историков-гендеристов следует назвать написанные в 2000-е гг. статьи Е.Ю. Арнаутовой, на материалах агиографии рассмотревшей образы королев и супружеских пар правителей, а также символику телесной красоты представителей правящей элиты [13] и Л.В. Вонсович, на примере фигур знаменитых правительниц раннего Средневековья Адельгейды и Феофано обратившейся к проблеме женской политической власти [18]. К фигуре Адельгейды в числе прочих исторических примеров обратилась Л.П. Репина, разбирая общий вопрос о вовлеченности женщин в эпоху средних веков в сферу политической власти, степень их причастности к «делам государства» [23–25]. Наконец, Н.И. Девятайкина [20] и И.А. Мальцева [22] проанализировали образы ряда немецких правительниц в сочинениях итальянских гуманистов.

В целом, в работах немецких и отечественных германистов второй половины XX – начала XXI в., обращающихся к истории правящей элиты в эпоху средних веков, выделяются два основных сюжета, связанных с гендерной сферой, – распространённые в этой среде матримониальные практики и женская политическая роль. Анализируется политическое измерение процессов заключения браков и деторождения; связанные с социальным статусом особенности супружества и организации семейной жизни; роль женщин в институтах родства и господства, а также сохранения династической памяти. Среди других вопросов – гендерная специфика религиозной деятельности правящей элиты; двор правительницы и способы ее символической репрезентации; материнское регентство и соправление княгинь; наконец, жизнедеятельность отдельных выдающихся фигур.

Литература

1. Borst A. Lebensformen im Mittelalter. – F.–a.–M. [u.a.]: Ullstein, 1979. – 783 p.
2. Borst O. Alltagsleben im Mittelalter. – F.–a.–M.: Insel-Verl., 1984. – 659 p.
3. Bumke J. Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. – München: Dt. Taschenbuch Verl., 2008. – 860 p.
4. Elpers B. Während sie die Markgrafschaft leitete, erzog sie ihren kleinen Sohn. Mutterliche Regenschäften als Phänomen adliger Herrschaftspraxis. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. – Ostfildern: Thorbecke, 2004. – P. 153–166.
5. Ennen E. Frauen im Mittelalter. – München: Beck, 1985. – 320 p.
6. Liebertz-Grün U. Autorinnen im Umkreis der Höfe. // Frauen Literatur Geschichte. Schreibende Frauen vom Mittelalter bis zur Gegenwart. / Hrsg. H. Gnüg, R. Möhrmann. – Stuttgart: Metzler, 1985. – P. 16–34.
7. Opitz C. Vom Familienzwist zum sozialen Konflikt. Über adlige Eheschließungspraktiken im Hoch- und Spätmittelalter. // Weiblichkeit in geschichtlicher Perspektive. Fallstudien und Reflektionen zu Grundproblemen der historischen Frauenforschung. / Hrsg. A.J. Becher, J. Rüsen. – F.–a.–M.: Suhrkamp, 1988. – P. 116–149.
8. Paravicini W. Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters. – München: Oldenbourg, 1999. – 142 p.
9. Reiter S. Weltliche Lebensformen von Frauen im 10. Jahrhundert. Das Zeugnis der erzählenden Quellen. // Frauen in der Geschichte–7. / Hrsg. W. Affeldt, A. Kuhn. – Düsseldorf: Schwann, 1986. – P. 209–226.
10. Streich B. Zwischen Reisherrschaft und Residenzbildung: der Wettinische Hof im späten Mittelalter. – Köln [u.a.]: Böhlau, 1989. – 666 p.
11. Walsh C. Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Representationsverpflichtung und politischer Verantwortung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. – Ostfildern: Thorbecke, 2004. – P. 265–279.
12. Weithmann M. Austrian Haus. // Weithmann M. Stichwort Habsburger. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1993. – P. 14–20.
13. Арнаутова Е.Ю. Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агиографов X века. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. / Под ред. Л.П. Репиной. № 1. – М.: ИВИ РАН, 2001. – С. 46–89.
14. Балакин В.Д. Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Клюнийского. Вводная статья. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. / Под ред. Л.П. Репиной и В.И. Уколовой. – Вып. 3. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 309–311.
15. Балакин В.Д. Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Клюнийского. Комментарии к переводу. // История через личность: Историческая биография сегодня. / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2005. – С. 106–111;

16. Балакин В.Д. Отгон III // Вопросы истории. – 2001. – № 9. – С. 65–84.
17. Балакин В.Д. Творцы священной Римской империи. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 356 с.
18. Вонсович Л.В. Знаменитые женщины средневековой Германии (X–XII века). // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 2. / Ред. И.Р. Чикалова. – Минск, 2002. – С. 63–66.
19. Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). – М.: РОС-СПЭН, 2008. – 559 с.
20. Девятайкина Н.И. Петрарка, императрица Анна и тема знаменитых женщин: гендерный ракурс. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. / Под ред. Л.П. Репиной. № 11. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 258–272.
21. Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. – М.: Наука, 1977. – 199 с.
22. Мальцева И.А. Женские образы в «Истории Богемии» Энея Смильвия Пиколомини // Возрождение: общественно-политическая и историческая мысль, человек в гуманизме: Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. Н.В. Ревякиной. – Иваново: Центр социальной поддержки женщин и семьи, 2003. – С. 41–53.
23. Репина Л. П. Гендерная иерархия и «власть женщин». // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. / Отв. ред. О.В. Дмитриева. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 486–504.
24. Репина Л. П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте. // Диалог со временем. Вып. 19. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 5–27.
25. Репина Л.П. Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте. // Теория и методология гендерных исследований: Сборник материалов. / Сост. Н.Ю. Фетисова. Ч. I. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 173–194.
26. Усков Н.Ф. Кочующие короли: государь и его двор в монастыре. // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. Вып. I. – М.; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 33–67.
27. Эксле О.Г. Бедность и призрение бедных около 1200 г.: к вопросу о понимании добровольной бедности Елизаветы Тюрингской. // Эксле О.Г. Действительность и знания. Очерки социальной истории Средневековья. / Пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 188–232.

УДК 94(4)

М.Е. Зольников

г. Саратов, Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова

ГЕРОИНИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ЭПОСА В ТРАКТОВКЕ НЕМЕЦКИХ РЕЖИССЕРОВ И КИНОКОМПОЗИТОРОВ 1920-х гг. (Брунхильда)

Немецкое кино 1920-х гг. до сих пор вызывает интерес культурной публики и исследователей в связи с большим числом явлений и течений в искусстве, оказавших влияние на него. Это разнообразие породило массу интерпретаций, однако многие темы остаются пока до конца неизученными. Среди них – опыт адресации немецкого кино к средневековым текстам и героям древнегерманского эпоса.

Зигфрид Кракауэр, известный немецкий исследователь, сразу после окончания Второй Мировой войны выявил, какие культурные пласты и эпохи отражены в фильмах Вине (1873–1938), Вегенера (1874–1948), Лени (1885–1929), Мурнау (1888–1931) и Ланга (1890–1976), и пришел к выводу о том, что через них режиссеры выразили подсознательные страхи и предчувствия немецкого народа [5]. Он отчасти затронул и вопрос об особенностях интерпретации героев германского эпоса немецкими режиссерами. Подробнее на этой проблематике останавливался Жорж Садуль в нескольких разделах «Всеобщей истории кино» (1957) [4], однако его фундаментальное исследование посвящено гораздо более широкому кругу вопросов. Немецкое кино рассматривается в общем контексте, только главные персонажи – знаменитый герой, победитель дракона и обладатель сокровищ Нибелунгов Зигфрид, а также знатная германка Кримхильда привлекают его внимание.

В 2013 г. вышел сборник научных статей «Мир античности в немом кино» [6], в нем есть работа Мартина Винклера, в которой он обращается к древней истории противостояния германского племени Арминия и римского военачальника Публия Квинтилия Вара в 9 г. н. э., завершившемся победой Арминия и гибелью римских легионов, которых заманили в Тевтобургский («немецкий») лес, подробнее об этом [3]. Автор ищет в этой победе истоки германского национализма, оказавшего значительное влияние на немецкое кино 1920-х гг.

Как видим, тема обращения режиссеров немом кино к героям древнегерманского эпоса затрагивалась в литературе фрагментарно и остается научно актуальной. Практически вообще вне внимания оказалась и проблема музыкального «сопровождения» фильмов.

В центре рассмотрения данной статьи – фильм знаменитого немецкого режиссера Фрица Ланга (1890–1976) «Нибелунги» (1924), оригинальная музыка, написанная по просьбе режиссера к мо-

менту выхода фильма кинокомпозитором Готтфридом Хуппертцом (1887–1937), а также ранне-средневековый эпос «Песнь о Нибелунгах». Эта поэма была записана неизветным автором в конце XII – начале XIII века. Она повествует о женитьбе могучего воина-«рыцаря» Зигфрида на бургундской принцессе Кримхильде, его убийстве из-за конфликта двух знатных дам и о мести Кримхильды за гибель мужа. Наиболее близкую к оригиналу на данный момент цифровую версию фильма издал «Фонд Мурнау» в 2002 году, музыку Хуппертца исполнил симфонический оркестр Франкфуртского радио под управлением Фрэнка Штробеля.

Одним из ключевых персонажей древнегерманского эпоса была дева-воительница Брунхильда. Попробуем определить, как режиссер и композитор трактуют ее образ, насколько велики отличия от литературной первоосновы, «Песни о Нибелунгах», чем они обусловлены, какие идеи через эту героиню Ланг пытается донести до зрителя.

Позволим себе кратко пояснить сюжет. И в поэме, и в фильме на Брунхильде хочет жениться бургундский король Гунтер. Напомним, Бургундия – область на востоке современной Франции с административным центром на момент событий поэмы и фильма в городе Вормсе. Брунхильда ставит условие – тот, кто претендует на роль ее мужа должен одержать над ней верх в трех испытаниях: броске камня, прыжке в длину и метании копья. А.Я. Гуревич отмечает этимологическое сходство имени Брунхильда (нем. Brunhild) со словом «бой», «поединок» (исл. hildir) [2, с. 188]. Это условие оказывается невыполнимым: дева-воительница от природы сильна и не знает себе равных среди земных людей. Стоит отметить, что в ряде песен «Старшей Эдды» Брунхильда не просто воин, а Валькирия. Король Гунтер для завоевания невесты прибегает к обману, помощи Зигфрида. Этот могучий герой, обладающий сверхъестественными способностями и волшебными предметами, используя накидку-невидимку, помогает ему победить Брунхильду.

После свадьбы непокорная Брунхильда начинает подозревать, что Гунтер только выдает себя за ее победителя, однако снова на помощь королю приходит Зигфрид. Он принимает с помощью волшебной накидки вид короля и в королевских покоях умиротворяет нрав Брунхильды. Обман вскрывается в ссоре Брунхильды с сестрой короля, женой Зигфрида, Кримхильдой. Они спорят, кто из них знатнее, и Кримхильда, пытаясь уязвить соперницу, проговаривается, что ее муж – тот, кто трижды победил Брунхильду. Королева жаждет мести и осуществляет ее: руками верного вассала короля Хагена она расправляется с Зигфридом. Роль Брунхильды в сюжете эпизодична, однако крайне важна – она является одним из главных антагонистов Зигфрида.

Рассмотрим теперь, как ее изображает Ланг. Впервые мы видим Брунхильду в сцене, когда Хаген рассказывает Зигфриду о желании короля жениться. Это высокая статная женщина в воинских доспехах и шлеме с огромными черными крыльями. Любопытно, что «Песнь о Нибелунгах» содержит развернутые описания одеяний героев, однако об этой детали экипировки в ней нет ни слова. Вид могучей со шлемом на голове орлицы придает Брунхильде режиссер Ланг. Похожий шлем с черными крыльями имеет в фильме еще Хаген. Возможно, это отсылка к зловещему сну Кримхильды, жены Зигфрида, в котором она видит, как два черных орла заклевали сокола – с соколом она ассоциирует Зигфрида. Режиссер использует интересный прием: Зигфрид носит только белые одеяния, а Брунхильда и Хаген только темные. Возможно, он ассоциирует их с орлами. Этот прием позволяет определить отношение режиссера к героям и их роль в сюжете.

Брунхильда живет в замке на вершине отвесной скалы, окруженной стеной огня. Режиссер показывает, как дева легко и непринужденно передвигается в условиях сложного рельефа, в то время как остальные персонажи, в том числе и Зигфрид, испытывают значительные затруднения. Создается визуальный контраст: Брунхильда намного сильнее остальных персонажей.

Что же добавляет к образу музыка? Композитор Готтфрид Хуппертц использует развернутую лейтмотивную систему. Почти каждый персонаж в фильме, а также ряд предметов, состояний и явлений имеют свою музыкальную характеристику. Аккомпанемент всей сцены прибытия бургундцев в земли Брунхильды ради сватовства целиком построен на развитии *ее* лейтмотива. Важно отметить, что Зигфрид имеет целых два лейтмотива и каждый раз, когда герой вступает в сражение, звучит по крайней мере один из них. В тоже время в эпизоде с Брунхильдой музыкальной характеристики Зигфрида нет. Даже в сцене, когда огонь, окружающий замок бесстрашной девы, отступает перед Зигфридом, в оркестре звучит тема Брунхильды. Лишь в сцене трех состязаний, в которых Зигфрид не без труда побеждает соперницу, присутствуют интонации одного из его лейтмотивов. Такая же ситуация и в сцене с подменой жениха в королевских покоях, когда Зигфрид умиротворяет нрав Брунхильды – в оркестре звучит видоизмененная, оминоренная тема Брунхильды, в

которую изредка вкрапляются интонации второй темы Зигфрида. Возможно, Хуппертц хотел показать, что несмотря на то, что Брунхильда вновь повержена, ее воля не сломлена, она все также сильна и своенравна и в конечном итоге окажется сильнее Зигфрида. Она использует Гунтера и Хагена, чтобы отомстить и победить хитростью.

В поэме Брунхильда обладает особой физической силой. Там так говорится про Зигфрида: «*Он был силен, но все же Брунхильды не сильней*» [1, с. 435], однако не с такой волей. После сцены в покоях она просит о пощаде: «*Король, – она взмолилась, – не убивай меня / Тебе покорна стану я с нынешнего дня / И больше мужней воле перечить не дерзну*» [1, с. 435]. В фильме она этих слов не говорит, а просто обессиленно лежит, побежденная Зигфридом. Более того, в поэме после того, как она покоряется королю, она теряет и физическую силу: «*Мощь и гордыню прежнюю утратила она. / Равна по силе стала она любой из жен*» [1, с. 436]. Фильм, очевидно, именно это и показывает предыдущим кадром и обессиленной позой героини.

Большую разницу в характерах Брунхильды фильма и Брунхильды-героини поэмы демонстрирует сцена ссоры двух знатных дам. Узнав об обмане, в фильме Брунхильда пытается сброситься с моста: Хаген в последний момент ловит ее. В поэме она лишь плачет и упрекает Гунтера. Ланг показывает, что характер Брунхильды не сломлен. Для нее, как воина, жизненно важно понятие чести. Именно отнятая честь, позор рождают в ней открытую ненависть к Зигфриду. В фильме она несколько раз повторяет то Хагену, то Гунтеру фразу: «Убей Зигфрида». В поэме ее реакция гораздо более мягкая: «*Брунхильда продолжала по целым дням грустить, / И жалость все вассалы почувствовали к ней, / И Хаген доблестный пошел к владычице своей*» [1, с. 456].

Ланг, таким образом, приводит Брунхильду к открытой конфронтации с Зигфридом, перемещает на нее роль главного антагониста. В поэме, как известно, отомстить за свою королеву решает Хаген: «*Он с Гернотом могучим и Ортвином втроем / Лишить героя жизни задумали тайком*» [1, с. 457]. В фильме же он – лишь орудие мести, главный инициатор убийства Брунхильды.

Как видим, Ланг, сохранив физическую силу Брунхильды, многократно увеличил по сравнению с поэмой ее волю. Он визуально и логически противопоставляет ее одному из самых сильных персонажей древнегерманского эпоса Зигфриду. В тоже время ее нельзя однозначно воспринимать как негативного героя, «злодея». В фильме Брунхильда защищает свою честь, их конфликт с Зигфридом – следствие сложного стечения обстоятельств. Жорж Садуль отмечает, что в 1920-е годы немецкое общество находилось в состоянии глубокого кризиса и апатии. В сложный период между двумя мировыми войнами, в эпоху депрессии Ланг, обращаясь к древнегерманскому эпосу, показал мощнейший женский характер. Однако в своих трактовках образа он противоречив: Брунхильда и черная сила, и полная гордости бесстрашия воительница. Она, будто сама Германия, побеждена внешней силой, но осталась непреклонной, не потеряла честь и оказалась способна постоять за себя и отомстить обидчику. Еще более усиливает мощь Брунхильды композитор Готфрид Хуппертц, подчиняя ее лейтмотиву музыку остальных персонажей и даже Зигфрида. Хуппертц глубоко прочувствовал замысел режиссера и подчеркнул наиболее важную для фильма деталь характера героини – непокорность.

Начинавшие свою деятельность национал-социалисты, очевидно прочувствовав авторский посыл, высоко оценили «Нибелунгов» Ланга, однако режиссер отказался делать фильмы под «патриотический» заказ; более того, бежал из Германии сначала во Францию, а затем в Америку.

Литература

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М., 1975. – 751с.
2. Гуревич А.Я. Брунхильд // Мифы народов мира: Т. 1. – М., 1980. – 672 с.
3. Парфенов В.Н., Плева И.Р., Лобачева Г.В. Арминий и «германский миф». К логике политического мифотворчества // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. URL: www.science-education.ru/103-6312 (дата обращения: 18.01.2015).
4. Садуль Ж. Всеобщая история кино: Том 4. Первый полутом. Послевоенные годы в странах Европы. 1919–1929. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 592 с.
5. Красауер S. From Caligari to Hitler. A Psychological History of the German Film. Princeton, 1947. – 432 p.
6. The ancient world in silent cinema / Ed. by Pantelis Michelakis and Maria Wyke. – Cambridge, 2013. – 398 p.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование отечественной историографии раннего (античного) христианства имеет богатую научную традицию; на рубеже XX–XXI вв. исследования в этой области существенно активизировались [4; 8; 10; 14; 16; 17; 18; 19]. Следует согласиться с теми специалистами, которые указывают на необходимость рассмотрения данной проблематики в контексте «истории идей» [15, с. 20]. Действительно, осмысление истории раннего христианства как научной проблемы, в силу её огромного мировоззренческого значения, всегда выходило за пределы собственно научного знания, так что историография раннего христианства в России может рассматриваться исключительно в контексте истории отечественной общественной мысли.

Представляется, что стержневым для осмысления истории раннего христианства в России был вопрос о его соотношении с античной культурой. Его решение детерминировало всю историографию данной проблемы на всем протяжении ее развития. Оно имело концептуальное значение и определяло все конкретно-исторические исследования в данной области. Это обстоятельство, неоднократно уже отмеченное современными исследователями, еще не получило, на наш взгляд, достаточного отражения в изучении отечественной историографии и общественной мысли.

В истории отечественной историографии античного христианства друг другу противостояли две концепции: одни ученые рассматривали христианство как принципиально новую идеологию, не имеющую прямого отношения к культурному наследию Древнего мира, тогда как другие считали его неотъемлемой частью и даже закономерным результатом развития античной культуры.

Обе эти концепции восходят, видимо, к эпохе Ренессанса, когда «столкнулись и в определенной степени смешались традиции средневековой схоластики и воззрений гуманистов...» [3, с. 15–16]. Именно в период Ренессанса гуманистическая мысль отходит от понимания истории как реализации Божественного провидения и воспринимает ее как результат деятельности людей. В этой связи и христианство впервые обретает свою «человеческую» историю, начинает рассматриваться тоже как часть земной истории человечества, имеющая свои закономерности и векторы развития. Именно тогда и возникает вопрос о соотношении христианства как идеологической системы с религией и в целом культурой Древнего мира.

Уже в европейской гуманистической историографии кристаллизуются две основные точки зрения. Впервые мнение о том, что христианство было полной противоположностью античной культуре, высказал, видимо, Н. Макиавелли [13, с. 194–196]. Чуть позже возникает и противоположная концепция: христианство можно рассматривать не как оппозицию античности, но как ее высшее достижение и даже вполне закономерный результат развития античной цивилизации. Одним из первых с такой позиции выступил С. Франк [2]. Эразм Роттердамский также рассматривал христианство как систему взглядов, соответствующую античным и являющуюся высшим достижением античной духовной культуры [3, с. 72].

Историю решения отечественными учеными данного вопроса можно условно разделить на три больших периода. Первый период (середина – конец XIX в.): раннее христианство рассматривается как проявление кризиса античного мира и, одновременно, как принципиально новая идеология, абсолютно противоположная античной культуре и вообще всей античной цивилизации; второй период (конец XIX – середина XX вв.): античное христианство оценивается как непосредственный результат развития античной культуры и, в какой-то степени, ее высшее достижение; третий период (середина XX – по настоящее время): возвращение к первому периоду, возрождение оппозиции «раннее христианство – античная культура».

Русскую светскую историографию с момента ее становления античное христианство интересовало не само по себе, но как отражение тенденций духовного развития античного мира. Наибольшее внимание русских ученых, начиная с Т.Н. Грановского, привлекала именно проблема культурно-исторической преемственности между античностью и средневековьем, первостепенное значение в которой сыграло христианство. Осмысление этой проблемы создавало условия для оценки роли и места России в процессе рецепции Западным, Византийским и Русским Средневековьем античной культуры, для решения актуального во все времена вопроса о тождестве России

и мировой цивилизации. Решить эту проблему можно было только через осмысление вопроса о соотношении раннего христианства и античной культуры.

Первые русские отечественные историки-всемирники (Т.Н. Грановский и его школа), как и их коллеги – представители православного ученого клира, были уверены в том, что раннее христианство было идеологией, противоположной античной цивилизации, ибо сам античный мир уже был не способен к духовному обновлению. Все идеалы, этические нормы, общественные и личные ориентиры, составлявшие самую основу римской цивилизации, были отвергнуты христианством в принципе [5, с. 342]. «Все основы римского общества, – писал С.В. Ешевский, – должны были измениться под влиянием христианства, и принятие нового учения было отречением от всего прошлого...» [6, с. 278]. В дальнейшем, в процессе формирования христианской литературы, начался синтез христианства и учений античной философии. Это, однако, совсем не означало, что христианство прямо вытекало из исторического опыта античности и что его возникновение было подготовлено развитием античного мира. Отечественные мыслители признавали лишь наличие общих предпосылок возникновения христианства, таких как объединение всех народов под властью единой Империи, острый духовный кризис, поиск альтернатив традиционной римской религии и т.д.

Во второй половине XIX в. в европейской и отечественной науке вновь возрождается идея о том, что христианство было продуктом развития античной культуры. Эта мысль стала основной, например, для т.н. новой Тюбингенской школы протестантского богословия и ее крупнейшего представителя Б. Бауэра.

В отечественной науке этого периода также возникает и приобретает все большую популярность идея о том, что христианство было логичным, закономерным продолжением и даже результатом всего культурно-исторического развития античного мира (М.С. Корелин, П.Г. Виноградов и особенно Ф.Ф. Зелинский). К возникновению христианства вело все развитие античного общества: античная философия приходит к идее единого Бога; религиозные предпочтения людей все больше начинают тяготеть к религиям спасения, отличным от традиций римского богопочитания; происходит глубокая деструкция социально-политических систем античности, что создает условия для появления всемирной космополитической религии. «Христианского Бога, – писал М.С. Корелин, – давно жаждало античное общество... Евангелие полностью удовлетворяло всем религиозным и нравственным потребностям... Торжество христианства являлось исторической необходимостью, неизбежным завершением всего предшествующего религиозно-морального развития» [11, с. 183].

Очень продуктивной эта идея оказалась для вновь ставшей актуальной в начале XX в. теории мифа. Ведь если считать христианство одним из неизбежных результатов развития античной цивилизации, то нет необходимости в установлении исторической достоверности его основателя. Поэтому переход русской историографии к этой концепции косвенно подготовил диктат мифологической теории в 1920–50-е гг., хотя утверждать это можно лишь с определенными оговорками. Русские дореволюционные ученые, в отличие от идеологов и практиков атеизма 1920-х гг., все-таки не считали возможным столь механистическое объяснение проблемы происхождения христианства. «Было бы нелепо утверждать, – писал Ф.Ф. Зелинский, – что христианский догмат о триедином Боге имеет своим источником культ капитолийской троицы или что почитание богочеловека в лице императора... имело влияние на христианскую христологию» [7, с. 75].

Итак, осмысление раннего христианства в Советской России началось на фоне отрицательного отношения государства к религии и Церкви, что обусловило практически полное господство мифологической теории.

В развитии мифологической доктрины в отечественной историографии можно выделить три основных этапа.

1) 1920-е гг., «временный союз с “Древсами”» (по выражению В.И. Ленина). Литература о раннем христианстве этого периода была представлена изданиями двух типов: переводные работы западных представителей мифологической теории (особенно А. Древса) и отечественные работы пропагандистского характера. Для данного периода свойственна концепция происхождения раннего христианства в результате синтеза античных и древневосточных культов. Отсюда – центральная идея о мифичности самого основателя христианства и всех евангельских персонажей [12].

2) 1930–1950-е гг. В раннехристианские исследования приходит целая плеяда профессиональных ученых (И.А. Крывелев, А.Б. Ранович, С.И. Ковалев). Вопрос об историчности Христа теряет свою актуальность, потому что к концу 1930-х гг. ее так и не удалось опровергнуть сугубо науч-

ными аргументами. Эта проблема замещается более широкой – проблемой возникновения христианства. Однако решается она опять-таки с позиции тождества христианства и культурно-исторического опыта античности. Причем, было декларировано полное соответствие такого понимания происхождения христианства марксистскому подходу к истории религии.

3) На рубеже 1950–60-х гг. в отечественной историографии раннего христианства происходит коренной перелом. Нарастает вначале осторожная, а затем и открытая критика мифологической теории как не соответствующей современному состоянию науки. Наибольшее значение в отказе от теории мифа, как нам представляется, сыграли три важных обстоятельства:

- кумранские исследования, которые полностью опровергли основной ее тезис: развитие религии не может осуществляться от мифа к человеку, ибо это не подтверждается ни одним случаем из истории древнего мира;
- решение проблемы *Testimonium Flavianum* в пользу теории первоначального ядра [1];
- отказ от идеи соответствия теории мифа марксистскому подходу к истории религии [9].

Это привело советскую мифологическую теорию к постепенному закату на ее третьем этапе (1960–80-е гг.).

Все эти процессы заставили отечественных ученых вновь вернуться фактически к концепции русских историков середины XIX в. о противопоставлении раннего христианства античной культуре. Основной вектор отечественной историографии античного христианства стал исходить из следующих презумпций: у истоков христианства стоял реально существовавший человек, проповедовавший принципиально новые этические идеалы, в основном, чуждые античному миру; можно признавать определенные предпосылки идейного переворота в античной культуре на рубеже новой эры, однако говорить о причинной обусловленности и даже исторической неизбежности возникновения христианства не представляется возможным; христианство возникло как совершенно новая идеология, она не была подготовлена культурно-историческим опытом античности.

Литература

1. Амусин И.Д. Об одной забытой публикации тартусского профессора Александра Васильева // Ученые записки Тартусского университета. – Тарту, 1975. – Вып. 365. – С. 296–301.
2. Андронов И.Е. Себастьян Франк как историк Церкви // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 5 (31). – С. 98–102.
3. Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. – М., 1998.
4. Воробьева Н.Н. Проблема отношений христианской церкви и государства в Римской империи I – IV вв. в освещении отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Омск, 2004.
5. Грановский Т.Н. Лекции из средней истории // ПСС Т.Н. Грановского. – СПб., 1905. – Т. I.
6. Ешевский С.В. Центр Римского мира и его провинции // Сочинения С.В. Ешевского. – М., 1870. – Т. I.
7. Зелинский Ф.Ф. Рим и его религии // Зелинский Ф.Ф. Соперники христианства: Лекции, читанные ученикам выпускных классов Санкт-петербургских гимназий и реальных училищ. – М., 1996.
8. Ионова Т.В. Проблемы эволюции раннего христианства в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Барнаул, 2005.
9. Каждан А.П. Историческое зерно предания об Иисусе Христе // Наука и религия. – 1966. – № 2.
10. Кашаева М.В. Теория интерполяции в отечественной историографии раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Барнаул, 2001.
11. Корелин М.С. Падение античного мирозерцания (культурный кризис в Римской империи). – СПб., 1895.
12. Кузь В.В. Становление советской науки о раннем христианстве // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (г. Нижневартовск, 15–16 апреля 2010 г.) / Отв. ред. В.Н. Ерохин. – Нижневартовск, 2010. – С. 245–248.
13. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Вступит. ст. и прим. И.А. Гончарова. – СПб., 2000.
14. Маклаков С.Ф. П.А. Чаадаев об исторической роли христианства: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. – Кострома, 1995.
15. Метель О.В. «Отвергнутая классика». Советская историография первоначального христианства сквозь призму идейных влияний // Исторический ежегодник. – 2012. – С. 20–33.
16. Погасий А.К. Изучение проблем раннего христианства в Казанском университете и Казанской духовной академии в XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Казань, 1995.
17. Суприянович А.Г. Христианизация Западной Европы в отечественной историографии середины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Казань, 1995.
18. Усольцев С.А. Проблема генезиса образа Христа в отечественной историографии раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Барнаул, 2003.
19. Шаляева Ю.В. Советская историография истории раннего христианства: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск, 1997.

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

В последней трети XX века зримо стали нарастать изменения в практике межкультурного и межцивилизационного взаимодействия народов мира. Так, на фоне глобальных процессов заметно динамизировалось экономическое и общественное развитие ряда стран, принадлежащих к не западным цивилизациям (Индия, Китай, Малайзия, Южная Корея и др.). Во многих регионах планеты происходил поворот общественного сознания к этноцентризму, национальным и цивилизационным ценностям. Одновременно в развитых странах Западной Европы и Северной Америки нарастали дисбалансы в соотношении этно-демографических и расовых групп населения, среди коренных граждан увеличивалась доля эмигрантов или представителей второго поколения выходцев из других стран и регионов мира, которые не желали осваивать принявшую их культуру.

Подобные процессы и тенденции исследователи называют феноменом индигенизации. С.Хантингтон следующим образом раскрывает сущность данного феномена: принятие не западными обществами западных демократических институтов и ценностей, в итоге проложило дорогу к усилению этнонациональных и антизападных культурных движений. Признается, что западной цивилизации так и не удастся трансформировать на свой лад восточные культуры. Скорее наоборот, наиболее адаптивные сообщества Востока, осуществив частичные технологические заимствования, но, не сменив цивилизационной основы, смогли укрепить фундаментальные качества своих культур и вырваться вперед в современном развитии.

Сложившаяся в мире ситуация мотивирует ученых выработать адекватные исследовательские позиции в анализе изменившейся ситуации. С одной стороны сциентистско-технократическое видение прогресса в условиях глобальных изменений, сохраняет своих сторонников, продолжая углубляться. В рамках этой позиции предполагается однополярное развитие мира по образцу развитых стран. Только в этом случае вместо евроцентристского нередко используется американоцентристский подход к разным культурам мира. Но, с другой стороны, в радикально меняющихся условиях жизни, нарастания степени неопределенности мирового развития, многие европейские исследователи ведут поиск новых подходов к изучению, так называемых, традиционных культур. Представленный выше анализ показал, что и в XIX веке немало аналитиков-антисциентистов наделяло традиции большей значимостью для культуры, нежели новшества и прогрессивные изменения. В методологическом плане подобные позиции были характерны для представителей романтической культурфилософии Запада, религиозно-философского анализа в России. Начиная со О. Шпенглера, русских евразийцев, а также исследователей многих стран Западной Европы (Р. Генона, Ю. Эволя, М. Элиаде и др), происходит не только оправдание института традиции, но осуществляется фундаментальный анализ всего традиционного комплекса (обычаев, религиозных верований, эстетических ориентаций, сетевых систем родственных и дружеских отношений и др.) как универсального механизма воспроизводства и динамики любой культуры. Все это говорит о том, что научная мысль принялась за исследование традиционных культур задолго до того, как проявился общественный интерес к ним в развитых странах.

Традициология зарождалась еще в середине XIX века в лоне этнологии, культурной антропологии, философии культуры. Ныне она представляет собой обширное пространство синтетического знания, которое формируется на полифундаментальной основе с использованием разных типов знания и многообразных методов анализа. Важной особенностью изучения традиций выступает то, что в этом процессе ныне участвуют не только американские, западноевропейские, российские исследователи, но и аналитики из других регионов мира. Многие из них имеют возможность не только наблюдать, но и жить в условиях доминирования укорененных традиций собственной культуры.

Ниже охарактеризуем методологические позиции, свойственные изучению соотношения между традицией и модернизацией, философским исследованиям традиционных культур, ориентализму, а также культурологической мысли современной России.

Выяснилось, что традиции, будучи весьма устойчивыми, вместе с тем оказываются способными к изменениям и трансформируются (правда, с неодинаковой скоростью и с разной ритмикой) вне зависимости от того, модернизируется или нет данное общество.

По мнению С. Эйзенштадта, культурные традиции выступают серьезными ограничителями для инноваций и в конечном итоге – критериями эффективности их внедрения. Следовательно, в обществе могут быть осуществлены не любые социально-институциональные изменения, но лишь те, которые не конфликтуют с базовыми традициями. Такое понимание традиции как исключительно прочного и в то же время снабженного адаптационным потенциалом культурного феномена вытекало из научного анализа, основанного на богатой эмпирической базе и подкрепленного точными методами этнологических, социально-политологических исследований.

Во многом сходные результаты анализа продуцировали философские исследования традиций. Философские подходы к изучению традиции (работы Р. Генона, Ю. Эвола, М. Элиаде) опирались на принципы философии жизни, экзистенциализма, философской герменевтики, неотрейдисма. В работах этих авторов современная и традиционная культуры резко противопоставляются друг другу. Именно через духовную (сакральную) традицию, по мнению исследователей, может осуществляться в любой культуре непосредственная связь с истиной. При этом философы констатируют, что эта связь окончательно иссякает в культурах современного Запада. Ю. Эвола прямо выводит происхождение традиции не из сверхъестественного порядка, считая, что она передается из поколения в поколение в формах сокровенной мудрости, магии, ритуала. В забвении вековой эзотерической мудрости, высших ценностей и сакральной традиции Эвола видит причину кризиса западной цивилизации, а также повышенного уровня физических болезней и невротизма человека в техногенной цивилизации.

М. Элиаде в своих исследованиях пытается реконструировать универсальные образцы (паттерны) мифологического сознания, представляющие, по его мнению, устойчивый каркас любой традиции, который коренится в антропологической сущности человека. Методологический подход ученого к трактовке универсалий «аисторичен» и несводим к каким-либо социокультурным основаниям. На примере анализа восприятия времени в традиционных культурах, исследователь восстанавливает один из таких образцов-универсалий – циклическое, а не линейное, как в иудаизме и христианстве, восприятие. Еще один образец Элиаде усматривает в тяготении человека к предельному, сакральному, которое не может быть разрушено даже в условиях техногенной культуры. Важнейшую задачу философии культуры ученый сводил к преодолению разрывов между культурами Запада и Востока.

Но исторический опыт, и особенно катастрофизм и неустойчивость ситуации, в которой оказалось человечество рубежа XX–XXI веков, стимулирует поиск нового понимания истины. Истина при этом осмысливается как знание, учитывающее исторические и современные аспекты жизни, сообразное природе и конструируемому миру людей, отображающее культурную специфику этносов и всего человечества. Знание при этом понимается как проектный инструмент, вырабатываемый в недрах самой культуры для ее воспроизводства и обновления. В новой онтологии знания научная целесообразность трактуется как активный поток привнесения в мир человеческих смыслов, ценностей, обстоятельств, как осознанная свобода людей при выборе вектора и целей своего развития, а также как осуществление этих целей.

Каждая культура вносит свой важный вклад в мировой опыт человечества, необходимый для длительной созидательной жизни людей на планете. Задача современности состоит в адекватной оценке имеющегося богатейшего потенциала знаний, в разработке оптимальных методов его трансляций из поколения в поколение.

Литература

1. Ерасов Б.С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в странах Азии и Африки. – М., 1982.
2. Эйзенштадт Ш. Modernization: Protest and Change. – N.Y., 1966.
3. Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. – М., 1999.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Уголовный кодекс РФ с момента его принятия в 1996 г. и по настоящее время, претерпел достаточное количество поправок (изменений и дополнений), направленных на совершенствование самих норм, а также на наиболее реальное соответствие потребностям общества, с учетом особенностей правоприменительной практики и реально существующих отношений. Отдельные недостатки уголовно-правовых норм были устранены, доработаны (хотя некоторые из них напротив появились с принятием отдельных изменений).

Тем не менее, на сегодняшний день УК РФ нельзя признать совершенным, с точки зрения конструкции отдельных его признаков.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с применением отдельных норм Особенной части УК РФ.

Рассмотрим и сопоставим квалифицирующий и особо квалифицирующий признаки, предусмотренные соответственно п. «в» ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (а именно применение насилия, опасного для жизни или здоровья и причинение по неосторожности иных тяжких последствий).

Понятие насилия, опасного для жизни или здоровья точно определяется в теории и практике уголовного права РФ и не вызывает разногласий и противоречий в толковании. Насилием, опасным для жизни и здоровья признаются действия непосредственно создававшие объективную угрозу причинения легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью либо смерти, но не причинившие данные последствия, а также соответствующие действия, в результате которых умышленно были причинены указанные последствия. При этом, любой вред здоровью, вплоть до тяжкого включительно, полностью охватывается соответствующим признаком (применение насилия опасного для жизни или здоровья) и дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против жизни и здоровья (ст. ст. 115, 112, 111 УК РФ) не требует (за исключением случаев, специально указанных в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, например, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ).

Под «иными тяжкими последствиями» в статьях УК РФ (так же кроме специально оговоренных случаев, например, п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ или ст. 246 УК РФ) понимается причинение тяжкого вреда здоровью, причинение средней тяжести вреда здоровью двум или более лицам, крупный имущественный ущерб и некоторые иные последствия. Именно так толкуется данный признак (содержащийся во многих статьях УК РФ) Пленумом Верховного Суда РФ в постановлениях по различным уголовным делам. Например, см. п. 15 Постановления № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ»; п. 10 Постановления № 14 Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» и др. (Кроме того, относительно данного признака по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ см., например, И.Я. Козаченко, И.Я. Незнамова. Уголовное право. Особенная часть, Учебник для вузов. М., 2000. С.106; Так же: Ю.И. Скуратов, В.М. Лебедев. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. –М., 1999. С. 291 и др.).

Таким образом, тяжкий вред здоровью может относиться как к насилию, опасному для жизни или здоровья, так и к тяжким последствиям.

Тем самым возьмем две ситуации.

В первом случае при совершении похищения человека с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью (квалификация преступления будет происходить по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ). Естественно, при данном признаке, как упоминалось выше, непосредственно само последствие причиняется умышленно (чаще с прямым умыслом и реже с косвенным) (само же насилие как деяние только с прямым умыслом).

Второй случай. Совершается похищение человека с причинением потерпевшему по неосторожности тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ – по признаку «иных тяжких последствий»).

И в первом, и во втором случае причиняется одинаковый вред. Однако, в первом случае он причиняется умышленно, а во втором – по неосторожности. То есть общественная опасность в первом случае явно (на много) выше. Например, по общим нормам, о преступлениях против жизни или здоровья за данные последствия санкции сильно отличаются. В ч. 1 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрена ответственность вплоть до лишения свобода, сроком до восьми лет (преступление тяжкое). А за неосторожное причинение того же вреда здоровью по ч. 1 ст. 118 УК РФ максимальное наказание – арест на срок до шести месяцев (преступление небольшой тяжести).

Однако, как отмечено выше, первый пример будет квалифицироваться по ч. 2, а второй – по ч. 3 ст. 126 УК РФ.

Таким образом, в первом случае при явной (разительной) большей общественной опасности преступления, оно будет квалифицироваться по явно более мягкому составу (максимальное наказание до пятнадцати лет лишения свободы). А во втором случае деяние квалифицируется по более тяжкой норме – по особо квалифицированному составу (максимальное наказание до двадцати лет лишения свободы).

Тождественный казус содержится и в ст. ст. 127, 206 УК РФ.

К сожалению, в уголовном законе достаточно и иных подобных «ляпов».

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым в указанные статьи (ст. ст. 126, 127, 206 УК РФ) внести соответствующие изменения.

Одним из наиболее приемлемых поправок в данной части УК РФ, на наш взгляд, является изменение местами (в частях 2 и 3 ст. 126 УК РФ) признаков «применение насилия, опасного для жизни или здоровья» и «причинение по неосторожности иных тяжких последствий». Либо можно поступить иным способом, специально, выделив из насилия тяжкий вред здоровью и поместить его в более тяжкий (особо квалифицированный состав).

УДК 94(34)

К.В. Лихоманов

г. Саратов, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРАВОВЫХ ИСТОЧНИКОВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС ДЛЯ МЕДИЕВИСТОВ

(на материале ранних монографий А.Я. Гуревича)

Проблема текста уже несколько десятилетий остается в поле самых притягательных гуманитарных сюжетов. В исторической науке его роли многообразны: от носителя информации до «посредничества» между культурами мышления.

Особый вопрос – о терминологии источника. Историк, изучающий памятник письменной культуры, поневоле вынужден переводить его в собственную языковую грамматическую и стилистическую систему. Чтобы избежать смысловых искажений, он должен уделять особое внимание семантическим единицам – терминам, содержащимся в источнике, их внутреннему содержанию, отражающему время создания памятника.

В отечественной гуманитарной науке ко второй половине XX в. сложилось два подхода к интерпретации терминологии источника. Первый – в лоне «аграрной» истории, трудах М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина. Второй подход обязан своему методологическому оформлению М.М. Бахтину и Ю.М. Лотману, уделявшим особое внимание тексту и его терминологии как культурному единству, отображающему мышление его автора и его эпохи.

Одним из исследователей середины прошлого века, сумевшим синтезировать два подхода, стал Арон Гуревич (1924–2006), для которого анализ языковых форм, семантических конструкций и смысловой структуры текста стал одним из мотивов перехода от исследований аграрных отношений к истории культуры.

Напомним, что Арон Яковлевич Гуревич – историк-медиевист и культуролог, специалист по аграрной истории раннего средневековья, исследователь народной культуры и один из основоположников исторической антропологии в современной России.

О научном наследии А.Я. Гуревича написан ряд работ. Еще при жизни учёного вышла монография Л. Шольце-Иррилиц, ставшая одной из первых работ по изучению творчества историка [13].

В 2010 году в Бостоне вышел сборник, посвящённый ему сборник [12]. В России вышло два сборника, посвящённые А.Я. Гуревичу [7; 9]. Среди статей отметим работу С.И. Лучицкой [6], в которой прорисовываются общие контуры научных интересов учёного, разнообразие проблематики и глубина проработки материала. Отдельные аспекты творчества и личности А.Я. Гуревича освещаются также в ряде статей его коллег.

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть, каким образом А.Я. Гуревич пришёл к методологии изучения социальной действительности посредством методов истории культуры (на примере эволюции понимания терминологии исторического источника). Здесь нас прежде всего интересуют «скандинавские» работы А.Я. Гуревича, так как работая именно с письменными памятниками древней Норвегии, он пришёл к коренному перевороту в понимании методов исторического познания. Этот методологический переход наиболее ясно выражен в двух монографиях – «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (1967) [4] и «Норвежское общество в раннее средневековье» (1977) [5], а также статье, датированной 1975 годом, где Гуревич подводил итоги осмысления темы средневекового билингвизма [6].

На работы А.Я. Гуревича оказали существенное влияние ряд факторов, в частности – исследования названных выше аграрников, его учителей (Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина, Н.М. Грацианского). Они не раз сталкивались с проблемой интерпретации терминологии. Достаточно напомнить, например, методологический спор между Н.М. Грацианским и А.И. Неусыхиным, касающимся термина «villa», фигурирующем в «Салической Правде», варварском франкском правовом тексте конца 5-начале 6 вв. Н.М. Грацианский считал «villa» небольшим по своему размеру и составу поселением большой семьи [2, с. 332], А.И. Неусыхин – большой деревней [8, с. 96]. Также мы можем предположить влияние основателя школы «Анналов» Марка Блока (1886–1944), в частности – его монографии «La societe feodale» (1940). Прямые ссылки на труды представителей школы «Анналов» встречаются у Гуревича с конца 1960-х гг.

М. Блок, как позже и А. Я. Гуревич, указывает на характерный для Средневековья «лингвистический раскол», противопоставление языка культуры – латыни – и национальных языков, отводя этому фактору большую социальную роль (*«лингвистический раскол сводится в конечном итоге к противопоставлению двух человеческих групп»*) [1, с. 82]. Историк показал в своих трудах, что есть проблема двуязычия «текстов», которые при своём создании неизбежно «перетекали» из одной грамматико-понятийной системы в другую: *«До XIII в... документы... обычно составлялись по латыни. Но факты, память о которых они старались сохранить, первоначально были выражены совсем иначе. Когда два сеньора спорили о цене участка земли... они, по видимому, изъяснялись не на языке Цицерона... Таким образом, всякая или почти всякая латинская грамота или запись представляет собой результат транспозиции, которую наш историк... должен проделать снова в обратном порядке»* [1, с. 83]. Марк Блок, таким образом, поставил вопрос, ставший важнейшей отправной точкой творчества Гуревича – о важности исследования «родной» терминологии источника.

Гуревич столкнулся с проблемой языка текста ещё во время работы над кандидатской диссертацией. Изучая законы и актовый материал донорманнской Англии, он столкнулся с проблемой билингвизма. Документы составлялись часто на двух языках – англосаксонском и латинском. А.И. Неусыхин, учитель А.Я. Гуревича, также имел дело с таким явлением, не раз прибегал к анализу памятников права на двух языках, однако акцент делал на уточнении *латинской терминологии* [8, с. 54]. Его ученик подошёл к этому вопросу с другой стороны. Он обнаружил неизменное противоречие: при переводе англосаксонских терминов на латынь происходила «подгонка» языковой терминологии под категории римского права. Он показал, что терминология, характерная для обоих языков и принадлежавшая двум социальным реальностям, при переводе искажалась и предлагала столь же искажённую картину социума. В статье 1975 года, подводя во многом итоги изучения памятников, он заключает в отношении аграрно-фискальных обстоятельств: *«Если в буквальном понимании латинского текста грамот, вышедших из канцелярии ранних английских королей, взору историка рисуются земельные владения, поместья, населённые крестьянами-держателями, то при сопоставлении этих текстов с записями на народном языке создаётся совершенно иная картина: податные округа с определённым числом условных фискальных единиц»* [6, с. 32–33].

Для уточнения англосаксонской терминологии историк решил обратиться к скандинавскому материалу, богатому правовыми источниками на германских языках (*«Древненорвежский язык*

записей обычного права... позволяет глубже проникнуть в мышление средневековых скандинавов, развивавшееся вместе с языком») [4, с. 158]. Богатство терминологии было очевидно. Например, индивид обладал целым набором характеристик: (*«Представитель одного и того же социального слоя характеризуется при помощи этих терминов с разных сторон – в качестве члена тех или иных коллективов и групп, в сопоставлении... с другими лицами равного или иного статуса»*) [6, с. 39]. Для понимания терминологического аппарата скандинавских правовых источников не хватало традиционного набора «инструментов» историка-аграрника. Требовались иные подходы. Гуревич нашел один из важных ключей: тексты саг – литературных памятников. Если памятники права раскрывали юридические аспекты жизни норвежцев, то их эпические предания позволяли глубже понять терминологию, увидеть её неоднозначность, показать, что она означала в реальной жизни скандинавов.

Один из ярких примеров – исследование специфической формы земельного владения в средневековой Норвегии – *odal*, напоминающей франкский аллод. На одном из начальных этапов исследования Гуревич обратился к своеобразной «реформе» конунга Харальда Прекрасноволосого (ок. 850–933), объявившего о присвоении всей земли и всего одаля норвежских свободных землевладельцев-бондов. К. Маурер в свое время видел в передаче земли бондов в залог конунгу чем-то вроде уплаты контрибуции [10]. У. Нильсен – упразднение института индивидуальной земельной собственности и установление частной собственности конунга над всеми владениями бондов [11]. А.Я. Гуревич обратил внимание на специфическую природу одаля. Одаль, по его мнению – целая совокупность явлений, имеющая не только и не столько экономико-правовую природу, сколько культурную в сознании его владельцев. В монографии о норвежском крестьянстве 1967 г. А.Я. Гуревич предлагает такое определение: *«Одаль...не только владение семьи, это и родина, «отчина»... личные качества человека, его родовитость и происхождение от... знатных предков и права его на семейное владение мыслились как нечто целостное... одаль – это неотъемлемое достояние семьи, столь же обязательное качество её членов, как и благородство, независимость, свобода»* [4, с. 215]. Кроме того, здесь же А.Я. Гуревич отмечает очень важную для его дальнейшего научного наследия вещь – что в основе института «одаля» лежат не поземельные отношения собственности, а взаимоотношения отдельных индивидов [4, с. 215–218].

Итак, с одной стороны, одаль – категория права, относящаяся к земельному владению, вернее сказать, конкретному земельному участку. Однако, согласно судебникам, недвижимая собственность, подверженная принципу «купли-продажи», обозначается термином *eign* [5, с. 187]. Согласно судебникам, раздел земли одаля и раздел прав одаля – абсолютно разные явления, сопровождающиеся разными ритуалами и актами [5, с. 192]. Следовательно, приходит к выводу Гуревич, этому явлению можно найти и иное толкование, не связанное с чисто экономическими определениями. Если можно так выразиться, одаль был для его владельца некой основой мира, микрокосмом (*«естественная неразрывность, неотдифференцированность, человека и земли... к которой он относился как к непосредственному продолжению своей личности, нашли своё выражение в институте одаля»*) [5, с. 228].

Один пример в связи с эпическими текстами: анализ «Песни о Хюндле» (XII–XIII вв.), в которой главный герой – юный Оттар – чувствует в тягбе из-за наследования одаля. В данном случае историка интересует, как персонажи песни относятся к этому институту, какое толкование они дают юридическим терминам. Согласно содержанию «Песни...», Оттар пытается доказать своё право на владение одалем, перечисляя своих предков, характеризуя их знатность, и – что важно – сливая свою реальную родословную с легендарной, с пантеоном германских героев и богов. Получается, что понятие «*odalborinn*» (беспорный владелец одаля) в сознании Оттара сливается с понятием «знатности» и «родовитости» (*«одаль представлял собой не что иное, как родовитость человека, перенесённую на земельное владение и укоренённую в нём... происхождение от знатных предков облагораживало землю... он был с ней связан многими узами... не в последнюю очередь – психологическими, эмоциональными. То, что тяжба из-за одаля оказывается элементом мифопоэтического построения... лучшее доказательство поэтизации отношений землевладения, отнюдь ещё не ушедших в сферу чисто вещных... отношений»*) [5, с. 336]. Таким образом, по мнению Гуревича, саги содержали объективную информацию о «картине мира» человека средневековья, которая, в свою очередь, отображает и многоликость правовых терминов.

Характеристика способов изучения А.Я. Гуревичем института одаля позволяет нам понять, каким же путем историк пришёл к использованию методов исследования «текста», непривычных для

классической «аграрной школы». Не удовлетворившись общими сведениями судебных актов, содержащих одностороннее толкование терминов, он обращается к источникам литературного характера – сагам. Их анализ помог дополнить сведения правовых памятников, что, со своей стороны, означало перенос исследования из социально-экономической области в область культуры.

Насколько мы можем судить, именно успех подобного анализа подвиг А.Я. Гуревича обратить взор на «континентальные» исторические источники. Стало ясно, что правовые источники, в которых содержатся сведения о социально-экономическом строе эпохи, являются неизбывным продуктом своего времени, своей культуры, «картины мира».

Таким образом, исследование терминологии правовых источников стало для Гуревича одной из поворотных точек в переходе от изучения аграрно-правовой истории к истории культуры.

Литература

1. Блок М. Феодальное общество. – М., 2003.
2. Грацианский Н.М. К толкованию термина *villa* в Салической правде // Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. – М., 1960.
3. Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье // Избранные труды. Норвежское общество. – М., 2009.
4. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии // Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. – СПб., 2006.
5. Гуревич А. Я. Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // История – нескончаемый спор. – М., 2006.
6. Луцицкая С. И. Наследие историка и человека // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 68–83.
7. Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. – СПб., 2011.
8. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе. – М., 1956.
9. *Munuscula*. К 80-ю А.Я. Гуревича. / Сост. Ю.Е. Арнаутова. – М., 2004.
10. Maurer K. *Über die Einziehung der Norwegischen Odelsgüter durch K. Harald Harfagri* // *Germania*. Vierteljahrsschrift für deutsche Alterthumskunde. – Wien, 1869.
11. Nielsen Y. *Studier over Harald Haarfagres Historie* // *Historisk Tidsskrift*. Т., 4. – Oslo, 1907.
12. *Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects*. – Boston. 2010.
13. Scholze-Irlitz L. *Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch*. Frankfurt a. – М., 1994.

УДК 908

Л.Д. Макаров

г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА РУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ВЯТСКОГО КРАЯ¹

Вклад краеведов в исследование археологического наследия Вятского края был предметом изучения ряда авторов, начиная с дореволюционного времени (А.А. Спицын, М.Г. Худяков), в советский период (В.А. Семенов, Г.Ф. Чудова, Л.Д. Макаров, В.В. Ванчиков, Л.А. Сенникова) и в новейшие десятилетия (Т.И. Оконникова, Ю.Е. Вечтомова, О.М. Мельникова, В.А. Бердинских, К.А. Руденко, И.Г. Шапран).

Оживление краеведческих поисков связано с созданием в 1835 г. Вятского губернского статистического комитета (ВГСК), сотрудники которого и местные любители старины уделяли внимание и археологическим находкам, в т.ч. и русским. Большую роль в организации этих работ сыграл бывший здесь в ссылке А.И. Герцен. Он провел первую губернскую экономическую выставку и написал к ней «Систематический указатель», участвовал в подготовке к выпуску первой в крае газеты «Вятские губернские ведомости» (ВГВ), особенно ее неофициальной части. А.И. Герцен редактировал большую часть поступавших в ВГСК материалов, а по мнению Г.Ф. Чудовой, анонимные статьи за 1838–1842 гг. были написаны непосредственно им [35, с. 22–31]. Тема русской колонизации края освещалась им с позиций составителя «Повести о стране Вятской» (ПСВ) [7, № 1, 3]. Огромный вклад А.И. Герцена и в открытие Вятской публичной библиотеки в декабре 1837 г.

В начальный период существования ВГСК поступили сведения о древних памятниках, включая и русские: от протоиерея церкви Воткинского завода В.Е. Блинова – о Подчуршинском и Воткин-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР № 2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

ском городищах; от губернского лесничего Н.С. Иванова – общий обзор вятских древностей; от нескольких анонимных информантов (по просьбе чиновников Коссовича, М.В. Полиновского, Д. Блудова, Е.Ф. Канкрин, Л.В. Перовского) – сведения о находках из Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Слободского, Яранского уездов [6, с. 28–29, 31; 9; 13; 18; 24; 28]. Деятельность ВГСК по сбору древностей продолжалась и позднее, и в печати появлялись отдельные заметки и описания. В их числе были сведения об истории Елабужского уезда, составленные местными краеведами – священником П.Н. Кулыгинским и купцом И.В. Шишкиным, которому помогал его сын, известный художник И.И. Шишкин, а консультировал археолог К.И. Невоструев [6, с. 30–32]. Некоторое оживление по изысканию древностей на Вятке вызвало создание в 1859 г. Археологической комиссии. Так, секретарь ВГСК В.А. Короваев в 1859 г. опубликовал сводку о вятских древностях, разделив их на дорусские и русские [14]. О находках русских монет, бердышей и кольчуг в Котельниче сообщил в 1852 г. местный учитель И.Е. Глушков [8]. В 1866 г. волостным писарем Слободского уезда М. Банниковым был тщательно обмерен и описан Подчуршинский городок [31, с. 182–183]. Вятским краем заинтересовались и профессиональные археологи, в т.ч. уроженец Елабуги К.И. Невоструев (он исследовал результаты раскопок Ананьинского могильника), Р.Г. Игнатъев (изучал в 1873 г. Елабужское городище), П.И. Лерх (раскопки на Подчуршинском городище в 1865 г.) [6, с. 35–37]. Несмотря на отсутствие специального образования, вятский удельный чиновник П.В. Алабин, благодаря общему высокому уровню начитанности и природной смётке, смог сделать выводы по проведенным им раскопкам, весьма близкие к профессиональным [6, с. 33–35; 27]. Это касается памятников и с русскими находками: Елабужского, Скорняковского (Кокшар), Никульчинского, Пижемского, Лебяжского, Подчуршинского, Вятского, Чижевского городищ, Старцевой горы в Сарапуле, Раздерихинских часовни и кладбища, часовен у д. Косогор, с. Жерновые Горы, а также на полпути из г. Вятки в г. Слободской [1; 2; 3].

Взросший уровень краеведческих изысканий проявился в отчете ВГСК за 1873 г., содержащем сведения о древностях Вятской губернии, собранных волостными правлениями по программе из 12 пунктов. В числе 53 памятников были описаны и городища с русскими артефактами: Никульчинское, Скорняковское, Подчуршинское, Елабужское [22, с. 13, 17, 24, 29]. Душой проекта стал секретарь ВГСК Н.А. Спасский, руководивший комитетом с 1872 по 1916 гг., он же опубликовал итоги проведенного опроса [29; 30]. Неутомимый исследователь, помимо руководства ВГСК, издавал «Календари и памятные книжки Вятской губернии», редактировал неофициальную часть ВГВ, участвовал в организации Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК), был активным членом нескольких научных и краеведческих обществ, организовывал выставки, проводил Всероссийскую перепись населения в губернии в 1897 г. и регулярно публиковался в различных изданиях [4, с. 5–6]. Крупным его успехом было издание 3-томного труда «Столетие Вятской губернии» (1880–1881), содержащего и сведения о древнейшем периоде [32]. Вся эта многогранная деятельность показывает огромный вклад Н.А. Спасского в региональное краеведческое движение.

Конечно, приоритет в исследовании древностей Вятского края со второй половины XIX в. перешел к профессиональным археологам (А.А. Спицын, Н.Г. Первухин, М.В. Малахов, С.К. Кузнецов, П.А. Пономарев, Ф.Д. Нефёдов, П.И. Кротов, Л.А. Беркутов, М.Г. Худяков). Однако русскими памятниками никто из них специально не занимался: даже такой знаток как А.А. Спицын ограничивался их топографическим описанием, историей изучения и перечнем находок, что само по себе, конечно, также чрезвычайно важно. Остальные археологи имели дело, как правило, с отдельными артефактами или сооружениями славяно-русского происхождения.

Некоторые описания русских древностей Вятского края публиковались и в общероссийских изданиях. Например, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона изданы статьи [5, с. 730–733] изданы статьи, перепечатанные затем в «Памятной книжке на 1894 год». Так, перу А.Ф. Селиванова принадлежит описание остатков православного монастыря на Елабужском городище, городища Грохань и трех русских городов на Вятке, известных еще в XVI в. С. Герберштейну [26]. В.Е. Рудаков, обращаясь к истории г. Вятки, цитирует ПСВ и русские летописи, а также указывает на постройку крепостей при царе Федоре Иоанновиче [25]. Один из авторов «Живописной России», бывший преподаватель Вятского земского училища М.Л. Песковский, описывая историю Вятской земли в традициях ПСВ, приводит и собственные наблюдения об укреплениях Хлынова. Он считал Елабужское городище местом языческого жертвоприношения, сообщал о находках икон в Чегандинских пещерах, о подземных ходах в Вятке, Кукарке и других городах губернии, выражая надежду на обнаружение в них «целой истории <...> покорения и заселения Вятского

края русскими, борьбы их с аборигенами этой земли и народностями, учинявшими сюда набеги с целью грабежа» [23, с. 69–70, 73–75]. В этой связи любопытно более раннее сообщение П.В. Алабина о находке в 1850-х гг. в ходе, ведущем из Раздерихинского оврага наверх в г. Хлынов, следов пороха и нескольких каменных ядер в 20 фунтов весом [2, № 57].

Интересные сведения о русских городах и слободах на Вятке сообщает в путеводителе «Кама и Вятка» наш земляк и выдающийся этнограф Д.К. Зеленин. И хотя археологических материалов в этой книге немного, зато зафиксирован мощный языческий пласт в обычаях, фольклоре и даже в православных крестных ходах, житиях святых, почитаниях часовен и икон [12, с. 105, 138, 145–156, 161]. Будучи членом ВУАК, Зеленин активно изучал и публиковал исследования по русской культуре Вятского края. Надо отметить, что археологическими изысканиями занимались лишь отдельные члены ВУАК, причем русским древностям уделялся минимум внимания. Так, А.С. Лебедев еще подростком исследовал Пижемское городище, собрал более 600 предметов, среди которых оказалось и несколько древнерусских, в т.ч. керамика и железные наконечники стрел. Он упоминает также женские серьги и железные кресты, цитирует предания о черемисской крепости и языческом капище, более позднем русском подземном ходе, ведущем с городища в г. Кукарку и дает сведения о часовнях на местах битв в с. Жерновогорском и г. Кукарке [15, с. 448–457, табл. 2–4, 10–12, 22, 23].

Учитель истории женского епархиального училища В.Д. Емельянов принимал участие в раскопках средневековых памятников на р. Чепце в 1908 г. В 1909 г. в Сарапуле на Оползине, что на Старцевой горе, были обнаружены две большие коллективные могилы XVII в. – православная и языческо-мусульманская [17]. Антропологическое определение провел казанский профессор М.М. Хомяков, особенности погребального обряда описали краеведы Н.Н. Блинов и Ф.В. Стрельцов, но более полное археологическое заключение дал В.Д. Емельянов [10]. Большое внимание он уделял также охране русских памятников археологии [11]. Смотритель Вятского духовного училища протоиерей И.М. Осокин в ходе церковно-археологических экскурсий 1914–1916 гг. наряду с культовыми памятниками обследовал русские городища и археологические экспонаты в музеях и храмах [19, с. 17–27; 20, 22–23, 41–42, 44; 21, с. 62, 70]. Студент Казанского университета М.Г. Худяков исследовал историю родного ему Малмыжского края, в т.ч. русскую культуру и, в частности, он сделал обмеры первой русской крепости – Адашевского городка, а также обследовал расположение кремля и посада города [33, с. 17–19, 31–33, 36–38] и дал перечень русских находок на территории уезда [34, с. 17, 33–35; 16].

Таковы успехи дореволюционных краеведов в изучении русских археологических памятников Вятского края.

Литература

1. Алабин П.В. Ананьинский могильник // ВГВ. – Вятка, 1859. – № 30.
2. Алабин П.В. Заметки относительно древностей Вятского края // ВГВ. – Вятка, 1865. – № 54–58.
3. Алабин П.В. «Марьян кокошник» // ВГВ. – Вятка, 1865. – № 72.
4. Бердинских В.А. Историки Вятского края. – Киров, 2007. – 106 с.
5. Брокгауз, Ефрон. Энциклопедический словарь. – 1892. – Т. VIIА.
6. Ванчиков В., Сенникова Л. Искатели древностей. Археологические исследования в Вятской губернии в дореволюционный период // По родному краю: сб. краевед. материалов. – Киров, 1991. – С. 26–57.
7. Герцен А.И. Вотяки и черемисы // ВГВ. – 1838.
8. Глушков И.Е. Топографическо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича // Зап. РГО. – СПб., 1862. – Вып. V.
9. Древности губернии Вятской // ЖМВД. – 1844. – Т. IV. – С. 511–516.
10. Емельянов В.Д. Могилы, открытые в г. Сарапуле на Оползине // Тр. ВУАК 1909 года. – Вятка, 1909. – Вып. I. – Отдел III. – С. 72–78.
11. Емельянов В.Д. О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении // Тр. ВУАК. 1910 год. – Вятка, 1910. – Вып. II–III. – Отдел III. – С. 1–17.
12. Зеленин Д.К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. – Юрьев, 1904. – 180 с.
13. [Корнилов Ф.]. Географическое и статистическое описание Слободского уезда // ВГВ. 1839. Прибавл. к № 24, 25.
14. [Короваев В.А.]. О древних памятниках в Вятской губернии // ПКВГ на 1860 год. – Вятка, 1859. – С. 145–152.
15. Лебедев А.С. Пижемское городище // ИОАИЭ. – Казань, 1908. – Т. XXIII. – Вып. 6. – С. 448–457.
16. Макаров Л.Д. Русские древности Вятского края в исследованиях М.Г. Худякова и их изучение на современном этапе // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань, 2004. – С. 128–133.
17. Макаров Л.Д. Об уникальном археологическом памятнике Сарапула (коллективные могилы на Оползине) // Вестник Удмуртского университета: История и филология. – 2014. – Вып. 3. – С. 114–116.

18. О ежегодном ношении в г. Вятку иконы Св. великомученика Георгия Победоносца // ВГВ. 1839. № 26. Прибавл. к. № 52.
19. Осокин И. Отчёт о церковно-археологической экскурсии по церквам Слободского уезда в июле 1914 года // Тр. ВУАК. 1915 год. – Вятка, 1915. – Вып. I. – Отдел I. – С. 17–27.
20. Осокин И. Отчёт об археологической поездке по Яранскому и Котельничскому уездам в апреле и июле 1915 года // Тр. ВУАК. 1916 год. – Вятка, 1916. – Вып. I–II. – Отдел I. – С. 19–45.
21. Осокин И. Отчёт об археологической экскурсии по Вятской губернии в мае-июне 1916 года // Тр. ВУАК. 1917 год. – Вятка, 1917. – Вып. I–II. – Отдел I. – С. 37–73.
22. Отчет о действиях и занятиях статистического комитета за 1873 г. – Вятка, 1873. – 43 с.
23. Песковский М.Л. Вятский край (исторические данные) // Живописная Россия. – М., 1901. – Т. VIII. – Ч. 2.
24. [Полиновский М.В.]. Письмо о вятских древностях графу Канкрину 27 дек. 1838 г. // ЦГА СПб. Ф. 561. № 190. – Л. 132–134.
25. Рудаков В.Е. Город Вятка // ПККВГ на 1894 год. – Вятка, 1893. – С. 111.
26. Селиванов А.Ф. Вятская губерния // ППКВГ на 1894 год. – Вятка, 1893. – С. 104–105.
27. Сеникова Л.А. Археологические исследования П.В. Алабина в Вятской губернии. Археологическое собрание Вятского публичного музея // Алабин П.В., Вятка, музей. (Алабинские чтения). – Киров, 1998. – С. 77–99.
28. Слободской // ВГВ. 1840. № 21. Прибавл. к. № 42.
29. Спасский Н. О значении древних памятников в Вятской губернии для музея Е.В. Государя Наследника // ВГВ. – 1873. – №. 73.
30. [Спасский Н.А.]. О древних памятниках в Вятской губернии // ВГВ. – 1873. – № 76–78.
31. Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. – М., 1893. – Вып. I. – 192 с.
32. Столетие Вятской губернии: 1780–1880: Сб. материалов к истории Вятского края. – Вятка, 1880. – Т. I; Вятка, 1881. – Т. II; Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Приложение к т. II. – С. 111–186.
33. Худяков М.Г. Исторический очерк города Малмыжа // Тр. ВУАК. 1916 год. – Вятка, 1916. – Вып. I–II. – Отдел III. – С. I–IV, I–VI, 1–52.
34. Худяков М.Г. Древности Малмыжского уезда // Тр. ВУАК. 1917 год. – Вятка, 1917. – Вып. I–II. – Отдел III. – С. 1–59.
35. Чудова Г.Ф. В те далекие годы: Очерки по истории краеведения Вятской губернии. – Киров, 1981. – 169 с.

Список сокращений

ВГВ – Вятские губернские ведомости
 ВГСК – Вятский губернский статистический комитет
 ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
 ЖМВД – Журнал МВД
 ИОАИЭ – (ИОАИЭКУ) – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 КГУ – Казанский государственный университет
 МАВГР – (МА ВГР) – Материалы по археологии восточных губернии России
 ПКВГ – Памятная книжка Вятской губернии
 ППКВГ – Памятная книга (книжка) и календарь Вятской губернии
 ПСВ – Повесть о стране Вятской
 РГО – Русское географическое общество

УДК 908

О.А. Милевский

г. Сургут, Сургутский государственный педагогический университет

Д.А. КЛЕМЕНЦ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЫВЫ

В 2014 г. в России торжественно отмечалась очередная годовщина вхождения в ее состав республики Тыва. Многие для изучения этого района внутренней Центральной Азии, ранее являвшегося для науки «terra incognita», сделали российские путешественники последней трети XIX – начала XX вв. Среди исследователей Урянхойского края (так в то время называлась Тыва – *О.М.*) особенно выделяется имя Дмитрия Александровича Клеменца (15.12.1848–08.01.1914).

Судьба Д.А. Клеменца удивительна. Революционер-народник, за противоправительственную деятельность сосланный в г. Минусинск, он не только не капитулировал перед жизненными обстоятельствами, но смог начать фактически новую жизнь, сделав блестящую научную карьеру.

В советской историографии традиционно главное внимание уделялось Д.А. Клеменцу как крупному революционеру-народнику, публицисту и общественному деятелю [1]. Личность Д.А. Клеменца, как ученого тогда изучали весьма фрагментарно [2], и только в постсоветский период ситуация начала меняться [3]. Хотя в мире науки конца XIX– начала XX вв. он был хорошо

известен, как географ и путешественник, отдавший 15 лет жизни изучению Сибири и Центральной Азии [4].

Впрочем, и сегодня отнюдь не все сферы его многогранной научной деятельности оказались в фокусе внимания историков. В частности, несколько недооцененным представляется его вклад в изучение Урянхойского края.

В 1880-е гг. Урянхойский край признавал сюзеренитет Китая и находился от него в вассальной зависимости. В вопросах установления контроля Цинской империи над этими районами внутренней Азии доминирующим был не социокультурный или экономический, а военно-стратегический фактор. Включение кочевой и культурно чуждой Китаю центральноазиатской периферии главной целью ставило ликвидацию опасности вторжения номадов.

Если хозяйственное освоение удаленного от Китая Урянхойского края не входило экономические планы Цинов, то несколько иначе на эти места смотрели российские деловые круги. Как это не раз бывало в нашей истории торговые русские люди постепенно начинают проникать в эти дикие и удаленные от каких-либо политических и экономических центров места. Именно минусинские купцы первыми подняли вопрос о принадлежности Урянхойского края. Во время Илийского кризиса в 1879 г. они предложили российскому МИДу поставить вопрос о принадлежности этой территории и решить эту проблему в пользу России во время переговоров с китайским посланником [5, с. 109].

Вслед за представителями русского купечества в эти доселе малоизвестные места потянулись и путешественники. Д.А. Клеменц был одним из первых российских географов, наряду с Г.Н. Потаниным и А.В. Адриановым, проявивших серьезный научный интерес к изучению Урянхойского края.

В мае-июне 1885 г. Д.А. Клеменц, находящийся тогда в Минусинской ссылке, совместно с местным купцом Г.П. Сафьяновым предпринял первую свою попытку проникнуть в Урянхой. Через перевалы Западных Саян они достигли факторий Г.П. Сафьянова, находящихся на Улуг-Хеме (название Енисея в Тыве – *О.М.*), в долине р. Хемчик и на вершинах Бий-Хема (большого Енисея – *О.М.*). Используя эти фактории как опорные базы, Д.А. Клеменц и совершал первые ознакомительные путешествия по Урянхою [6, с. 5]. Занимался он и картографированием исследуемой местности.

В 1887 г. он совершил свою вторую экспедицию в Урянхойский край. В этом путешествии Д.А. Клеменц расширил ареал исследуемых районов, в частности он изучил и описал район слияния рек Бий-хем и Ха-хем в единый Улуг-Кем (Енисей) [6, с. 6]. Не будем забывать, что при отсутствии дорог речные пути были главной транспортной артерией этих мест и полученные данные имели важное стратегическое значение для дальнейшего продвижения России в глубь внутренней Азии. Проводил Д.А. Клеменц и геологические изыскания, ведь этот район манил сюда торговых людей своими запасами золота. Собирал он и данные о жизни и быте сойотов (тувинцев – *О.М.*).

Размышления о значении Урянхойского края для России он изложил в цикле статей «К вопросу о пограничных делах», напечатанном в «Сибирской газете» в 1888 г. В этих статьях он поставил и серьезные геостратегические вопросы, продемонстрировав глубокое знание предмета исследования. Особое внимание Д.А. Клеменц уделял изучению транспортных путей связывающих Урянхой и Россию. Он отмечал, что с развитием русско- урянхойской торговли верхний Енисей становился важным отправным пунктом дальнейшего русского проникновения вглубь Монголии и Китая, и тем самым открывалась возможность упрочения русского влияния во внутренних районах Центральной Азии. Кроме того, значение Урянхой для России заключалось в естественных богатствах, каковы золото, медная и железная руды, каменный уголь, соль, а также возможность хлебопашества и коноплеводства [7].

Рассматривая возможный сценарий военного конфликта с Китаем, Д.А. Клеменц обращал внимание на специфику административно- территориального устройства Цинской империи, а именно: «Китай имеет одно легко уязвимое место – это вассальные государства, инородческие владения, находящиеся под его державой... В случае, если бы Китай вздумал воевать с нами... долина верхнего Енисея может сослужить не малую службу русским интересам» [8].

Подчеркивая важнейшее стратегическое значение Енисея, как транспортной артерии Д.А. Клеменц отмечал: «Природа словно нарочно открыла нам по Енисею ворота между Саянами в Китай. Мощная река, рвущаяся сквозь каменные горы, как будто говорит нам – покорите меня и перед вами, чуть ли не вплоть до Желтой реки, стоит открытым Китай и его вассальные инородцы» [9].

В заключительной статье этого цикла Д.А. Клеменц давал характеристику сойотам и выдвигал рекомендации, необходимые, по его мнению, для более успешного развития русского дела и усиления влияния не только на верхнем Енисее, но и во всей внутренней Центральной Азии, к числу таковых относились:

«...3) Снарядить экспедицию для исследования течения верхнего Енисея и взять на себя правительству инициативу в деле развития верхнеенисейского судоходства.

Снарядить экспедицию для исследования путей от Улясутая до Калгана и на Желтую реку. В этой экспедиции должно непременно быть лицо, сведующее в военном деле» [10].

Эти статьи, опубликованные в сибирском демократическом издании, да еще и бывшим ссыльным, хотя и не сразу, но все же были услышаны властями.

Фактом, подтверждающим просыпающийся, в том числе и благодаря научной деятельности Д.А. Клеменца, у российского правительства интереса к Урянхою, явилась организация в 1889 г. под руководством Н.Ф. Катанова хорошо оснащенной на средства Российской Академии наук и ИРГО (Императорского Русского географического общества – *О.М.*).

Д.А. Клеменц также продолжал по мере возможностей изучение Урянхоя, причем немалое внимание он уделял и определению маршрутов будущих транспортных коммуникаций в этом труднопроходимом регионе. Например, он поместил небольшое сообщение под названием «Новый путь из Минусинского округа в Бирюсинские золотые промыслы». В нем он указывал, что «в первых числах июля месяца 1889 г., ВСОИРГО (Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества – *О.М.*) минусинский купец Г.П. Сафьянов сделал опыт проложить скотопрогонный тракт из минусинского округа или, говоря точнее, от русских торговых заведений в Урянхойской земле, на Улук-Хеме, к золотым промыслам на р. Бирюсе в Канском и Нежнеудинском округах [11, с. 70].

Приводился им и весь маршрут следования Г. Сафьянова. Значение этого сообщения трудно переоценить – фактически речь шла об открытии проходимой, хотя только в летние месяцы, дороги, связывающей Урянхойский край и районы Енисейской губернии.

В 1891 г., уже перебравшись в Иркутск и начав работать в ВСОИРГО Д.А. Клеменц участвует в Орхонской экспедиции В.В. Радлова на р. Орхон в Восточной Монголии. После разделения этой экспедиции Д.А. Клеменц отправился на запад по территории Монголии, преодолел хребет Танну-ола и достиг Урянхоя, по которому прошел еще 1000 верст, а далее на плоту сплавился по Улук-Кему и Енисею до Минусинска [12, с. 13–23].

Впечатления от этого путешествия легли в основу цикла статей «Письма с русской границы», опубликованного им в «Восточном обозрении» в конце 1891 – начале 1892 гг. В этих очерках Д.А. Клеменц вновь обращался к вопросу об Урянхойском крае. На страницах газеты он рассматривал этапы начавшейся колонизации край русскими и анализировал дальнейшие ее перспективы и возможности. Ведя речь о дальнейшем освоении Урянхойского края Д.А. Клеменц обращал внимание на перспективы его сельскохозяйственной эксплуатации русскими переселенцами [13].

Однако, задачи дальнейшего продвижения российских экономических и геостратегических интересов в Урянхою требовали разрешения спорных приграничных вопросов с цинским Китаем. Д.А. Клеменц был хорошо осведомлен о характере этой запутанной проблемы и понимал, что пока Россия не готова напрямую вступать в конфронтацию с Китаем за этот регион. Исходя из существующей ситуации он предлагал следующее: «Пограничный вопрос в этом крае запутан донельзя... Зачем связывать вопрос о русских поселениях непременно с вопросом о проведении русской границы. Было бы не в пример резоннее, по нашему разумению, добиться решения дела другим путем, выговорить русским право арендовать, занимать земли на долгие сроки на китайской территории» [13].

Экспедиционная и публицистическая деятельность Д.А. Клеменца снискали ему славу ведущего специалиста по Урянхойскому краю и Монголии. Внимание к его экспертным оценкам начинает проявлять и российское внешнеполитическое ведомство. Об этом, например, свидетельствовал фрагмент из письма Д.А. Клеменца Н.М. Мартыянову от 16 мая 1892 г. В нем он сообщал о наметившейся экспедиции, цель которой – инспектирование российско-китайской границы и что он был приглашен на совещание, где выработывалась секретная инструкция для этой экспедиции [14, с. 72].

Не уменьшился у Д.А. Клеменца интерес к изучению Центральной Азии и после того, как он по приглашению В.В. Радлова в перебрался осенью 1897 г. в Санкт-Петербург, где стал хранителем

МАЭ (Музей археологии и этнографии – *О.М.*). По-прежнему, Д.А. Клеменц проявлял интерес и к Урянхойскому краю, так при его непосредственной поддержке, а он с 1901 г. возглавлял Этнографический отдел Русского музея, в 1902 г. состоялась экспедиция Ф.Я. Кона в Сойотию (Тыву – *О.М.*) [15, с. 7–8]. Ее целью было этнографическое изучение сойотов.

И надо признать, что во многом благодаря полученной из различных источников, в том числе и от ученых информации, позиция российского правительства стала склоняться в сторону более решительных действий в Урянхойском вопросе.

Активизации политики России в приграничных с Китаем центральноазиатских районах в начале XX в. Способствовала и обстановка в Поднебесной. Следствием внутренней смуты стала Синьхайская революция 1911 г. приведшая к свержению маньчжурской династии.

В такой обстановке Николаем II 4 (17) апреля 1914 г. и было принято абсолютно логичное и вытекающее из обоюдных российско-тывинских интересов решение об установлении Россией протектората над Тывой. И, несомненно, в том, что российская власть склонилась к такому образу действий, есть и немалая заслуга ученых и в первую очередь Д.А. Клеменца.

Он своими работами не только способствовал привлечению внимания российских властей к этому району внутренней Азии, но одним из первых обозначил его военно-стратегическое значение для России, в случае осложнения геополитической ситуации на Дальнем Востоке. Более того, своих работах Д.А. Клеменц наметил и наиболее важные векторы экономического освоения этого края, которые могли бы послужить дальнейшей более глубокой интеграции Урянхойского края в состав Российской империи.

К сожалению, Первая мировая война прервала этот исторически объективный процесс, который впоследствии был возобновлен, но уже в совершенно иных политических и экономических условиях.

Литература

1. См. напр.: Левин Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. – М., 1929; Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. – Иркутск, 1986; Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. – Красноярск, 1988.
2. См. напр.: Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог // Советская археология. – 1963. – № 4. – С. 3–9; Конаков А.П. Д.А. Клеменц – основатель этнографического отдела Русского музея // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 94. – М., 1968. – С. 45–61.
3. См. напр.: Решетов А.М. Д.А. Клеменц и его связи с польскими этнографами // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei – an excellent Charter in the History of Polish-Japanese Relations / 3 JBPC proceedings. Linguistic and Oriental Studies from Poznan. Monograph Supplement, 7. – Poznan, 2001. – С. 401–411; Дубов И.В. У истоков Российского этнографического музея (К 150-летию со дня рождения Дмитрия Александровича Клеменца) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 6. – С. 112–121; Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). – СПб., 1998; Милевский О.А. «Сибирская Одиссея» Д.А. Клеменца // Культура, Наука, Образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. История идей и история общества. Отечественная история. – Нижневартовск, 2012. – С. 270–274; Панченко А.Б. Народники как историки отечественного народоведения: В.Г. Богораз и Д.А. Клеменц // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – № 4 (19). – 2012. – С. 98–103.
4. См. напр.: Обручев В.А. Д.А. Клеменц, П.П. Семенов-Тяньшанский и Ф.Н. Чернышев как исследователи Азии. – М., 1915; Ануцин Д. Памяти Дм. Ал. Клеменца // Русские ведомости. – 1914. – № 7; Адрианов А.В. Клеменц // Сибирская жизнь. – 1914. – №№ 13, 14, 17, 18, 22, 23; № 2; Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Сибирская жизнь. 1914. № 10 и др.
5. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. – Кызыл, 2000.
6. Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия Восточно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XLV. 1916. – Иркутск, 1917.
7. Клеменц Д. К вопросу о пограничных делах // Сибирская газета. – 1888. – № 32.
8. Клеменц Д. К вопросу о пограничных отношениях // Сибирская газета. – 1888. – № 38.
9. Клеменц Д. К вопросу о пограничных отношениях // Сибирская газета. – 1888. – № 40.
10. Клеменц Д. К вопросу о пограничных отношениях // Сибирская газета. – 1888. – № 42.
11. Клеменц Д. А. Новый путь из Минусинского округа в Бирюсинские золотые промыслы // Известия Восточно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Т. XXI. – 1890.
12. Письмо Д.А. Клеменца на имя академика Радлова // Сборник трудов Орхонской экспедиции. I. Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Имп. Академией Наук экспедиции для археологического исследования бассейна Р. Орхон В.В. Радлова. – СПб., 1892. – С. 13–23.
13. Д.К. Письма с русской границы // Восточное обозрение. – 1892. – № 2.
14. Клеменева Н.А. Письма Д.А. Клеменца к Н.М. Мартьянову // Мартьяновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. 3. – Минусинск, 2005.
15. Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию // За 50 лет. Собр. Соч. Т. 3. – М., 1934.

ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ М. УАЙТА И АНГЛИЙСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Мартин Уайт (1913–1972) считается одним из создателей Английской школы теории международных отношений. Сформировавшись в 1960–1980 гг., и прочно впечатав в арсенал науки о международных отношениях термин «международное общество», Английская школа международной теории оказалась подзабытой в конце XX века после смерти ее первоначальных создателей – Чарльза Мэннинга, Мартина Уайта, Хедли Булла и Адама Уотсона. Между тем, интерес к творческому наследию ее представителей в мировой науке со временем неуклонно растет, а в последние двадцать лет идеи ученых оказались востребованными настолько, что в пору говорить о, своего рода, Ренессансе Английской теории международных отношений.

Объясняется рост интереса к идеям школы по-разному. Одни считают ее необычным вариантом американского реализма, и тогда, школа лишь дополняет общую релятивистскую парадигму анализа международных отношений [1, с. 55–61]. Другие, напротив, считают ее одной из первых попыток конструктивистской интерпретации международной политики [6, с. 32]. Третьи – акцентируют внимание на активной популяризации ее идей в начале XXI века такими известными учеными, как Ричард Литтл и Бэрри Бузан, что лишь дополнительно привлекло к школе внимание в последнее время [4, с. 84].

На фоне таких противоречивых оценок школы в целом, творчество Мартина Уайта представляется показательным. Оно демонстрирует процесс становления автономной теоретической традиции международных отношений. В английском подходе важное место отводилось изучению истории идей европейской общественно-политической мысли. Кроме того, Уайт относился к той категории ученых, кого стали публиковать больше после смерти, нежели знали при жизни. И такая историографическая ситуация весьма показательна для характеристики признания влияния как Уайта, так и Английской школы.

При жизни Уайт публиковался не много. По существу, главной работой, благодаря которой он получил известность, была книга с емким названием «Силовая политика». Немецкий вариант ее перевода (*Machtpolitik*) оставляет гораздо меньше интерпретаций ее названия, нежели российский или английский (*Power politic*) аналоги перевода. Хотя в первоначальной публикации книга насчитывала всего шестьдесят восемь страниц, она стала глоссарием и карманным справочником по международным отношениям для нескольких поколений английских студентов [7]. Появлению книги предшествовал серьезный мировоззренческий кризис ученого. Уайт вырос и получил образование в Оксфорде и под влиянием ряда исследователей сформировался как христианский пацифист в своих взглядах на международную политику. После событий в Абиссинии 1935 года и в ходе второй мировой войны он пережил существенный кризис: он работал продавцом в книжном магазине, ассистировал Тойнби в 1937–1938 годах, был школьным учителем в 1938–1939 гг. пытался уйти на войну, но из-за астмы его не призвали. В военное время он вернулся в Оксфорд и работал в команде Марджери Перхам, занимаясь сюжетами колониального управления и конституционной истории. В этом смысле «Силовая политика» демонстрировала глубокий поворот от пацифистского восприятия мира в сторону хладнокровного политического реализма, с акцентом на силу как главном методе регулирования международной политики.

При определении ключевых категорий международных отношений четко проявлялась авторская позиция Уайта, согласно которой международная политика остается сферой силового взаимодействия государств. Ведущее место среди них занимают Великие державы, что нашло закрепление в XIX и XX веке в международном праве [7, с. 11–22]. Великие державы формируют определенную иерархию в вопросах поддержания международного порядка и несут особую ответственность за его сохранение [9, с. 42]. Подобные оценки, с которыми согласился бы любой реалист, от Ганса Моргентау до Кеннета Уолтца, дают основания видеть в творчестве английской школы реалистское измерение. В послевоенные годы такой подход сформировался под влиянием работы ученого в Королевском институте международных отношений в Чэтем Хаусе. Но, вместе с тем, такие оценки представляют лишь одну из граней в анализе международных отношений в концепции Уайта. Второе издание книги, было осуществлено посмертно в 1979 году и отражало более широкий идейно-теоретический спектр взглядов ученого [8].

В дальнейшем Уайт работал в качестве преподавателя по теории международных отношений в Лондонской школе экономики и прикладных политических исследований – втором образовательном учреждении, после Центра имени В. Вильсона в Эйберсвите в Англии, где стали изучать международные отношения на кафедре профессора Чарльза Мэннинга. Последний этап в его биографии начался в 1961 году, когда он переходит в только что созданный университет в Суссексе деканом школы европейской политики и профессором истории. Поскольку это был уход из столицы и из ведущего в своей сфере образовательного учреждения, то многие из его коллег были удивлены таким решением. Однако до конца жизни Уайт был признателен лорду Фултону за предложение создать «свой» факультет и принять участие в формировании нового университета. Школа европейских исследований была своего рода для Уайта экспериментом [3, с. 53–57]. Изначально здесь он обучал студентов пониманию европейской цивилизации, начиная с греков. Отсюда и характерные названия читаемых им курсов в Суссексе: европейская мысль нового времени, европейская традиция. Он руководил темами, связанными с европейской интеллектуальной историей от античности до Данте и Бурхарда. Эти качественно разные вопросы из различных эпох стали волновать его так же, как и центральная творческая его колея – изучение международных отношений.

Его коллеги по Суссексу отмечали, что он был снисходителен к талантам и нуждам своих молодых учеников. Иногда он скептически относился к энтузиазму, который царил в университете в 1960 годы, но у него был свой собственный энтузиазм – в основе которого изучение международных отношений и интеллектуальной истории [9, с. 7–8]. Для Уайта работа в Суссексе, скорее всего, была счастливым, или, как минимум, творчески плодотворным периодом. Читаемые им учебные курсы пользовались популярностью, его школа имела большое количество студентов, научная проблематика расширялась от истории к современности, и от Западной Европы к России. Он создал семинар в вузе, который назывался «Российские исследования» (Russian Studies). При этом, прилагательное «российские» подчеркивало определенную преемственность между историей до-революционной и советской России.

В течение одиннадцати лет пребывания в Суссексе значительная часть его энергии расходовалась и на административную работу. Он был членом Совета университета, входил в комитет по академическому планированию, был профессором университета в Кенте, председателем британского комитета по внешней политике.

Уайт интересовался вопросами истории политической мысли, которая открыла для него возможность создания собственной теории международной политики. В 1961 году он читает лекцию, которую озаглавил «Анатомия международной мысли» в институте университета международных исследований в Женеве, где связывает историческое изучение и прикладной анализ международных отношений. Здесь он, в частности говорит, что необходима попытка проанализировать политическую философию международных отношений... «Можно возразить, что таковой не существует. Поэтому я предпочитаю термин «международная мысль». «Международная мысль» – это то, что мы найдем в дискуссиях людей на улицах, в оценках популярной прессы. «Международная теория» – это то, что мы видим в научной литературе и надеемся увидеть в дипломатических представительствах и кабинетах министерств иностранных дел». [11, с. 142].

История международной политической мысли с его точки зрения в целом своеобразно фиксировала три традиции международного взаимодействия, которые он называл в своих лекциях, написанных в 1950 годы в Америке, где он замещал один год Ганса Моргентау – реализмом, рационализмом и революционизмом. Символически значимыми фигурами, олицетворявшими эти три направления в истории политической международной мысли он считал соответственно Н. Макиавелли, Г. Гроция и И. Канта. Правда, в лекциях, подготовленных к изданию его учениками, в 1959–1960 году на лекциях в Лондонской школе экономики он выделял четвертую традицию, персонифицированную в наследии Мадзини.

Макиавелли лучше всего в истории политики понимал, что такое государство. Сама природа этого «*stato*» отличалась от полиса и европейского понимания империи универсального типа. Государство мыслилось им, согласно Уайту и как цель практической политики и как идеал, к которому необходимо стремиться.

Аналогичные идеи развивал его учитель и коллега по Британскому комитету – сэр Герберт Баттерфильд. В одной из своих лекций 1975 года, посвященных происхождению принципа государственного интереса, Баттерфильд доказывал, что идея государства, в том виде, в котором о ней размышляли Ришелье и Людовик XIII оставалась идеалом, который только предстояло реализо-

вать в Европе в новое время [5]. Баттерфильд с отточенной техникой знатока исторических источников, что было характерно для Оксфорда с его консервативными традициями историописания и глубокими размышлениями над материалом, воспроизводил контекст, в котором рождались принципы проведения внешней политики и международных отношений нового времени, а Уайт, преподаватель, читавший курс по истории международной политической мысли в Лондонской школе экономики перенес этот контекст на творчество Н. Макиавелли. Он писал в своих лекциях, опубликованных после его смерти в 1991 году: Макиавелли был «действительным основателем реализма. Он сознательно разорвал с теологическим рационализмом, доминирующим со средних веков, и равным образом, с революционизмом, или его предшественниками, которые восходили к христианству» [10, с. 16–17].

Парадоксальным образом данная оценка напоминает оценку Макиавелли и Гоббса, которую в свое время формулировали классики марксизма в работе «Немецкая идеология»: «Начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей нового времени... сила изображалась как основа права; тем самым теоретическое рассмотрение вопросов политики было освобождено от вопросов морали, и по сути дела был выдвинут постулат самостоятельной трактовки политики» [2, с. 295]. Это лишний раз наводит на размышления о правомерности постановки вопроса Уайтом о схожести некоторых положений политической теории разного времени как «царства повторов и репетиций».

В лекциях 1961 года он пояснял, что Макиавелли не случайно выступает символом реализма: «Мы все реалисты в том смысле что, на нас на всех повлияла политическая философия Макиавелли и Гоббса, точно также как их идеи сегодня воспроизводят Э.Карр в Великобритании и Г.Моргентау в США» [11, с. XXXVIII]. В этом смысле реализм – это, в первую очередь, идея национального государства с его апологией войны всех против всех и защитой национальных интересов [11, с. 144–145].

Не менее важную роль играла традиция рационалистская, или гроцианская, по имени известного нидерландского юриста и основателя науки международного права – Гуго Гроция. Эту традицию он считал *via media* в истории политической мысли. Она примиряла крайности реализма и революционизма. Здесь демонстрируется компромиссный характер подхода и своеобразие Британской школы, которую часто относили то к реализму, то к конструктивизму в теории международных отношений.

Если реализм с его этатизмом утверждал идею цикла в международных отношениях, то революционизм исходил из предпосылки линейного и постепенного прогресса. Гроцианство было, напротив, примиряющим подходом, не отрицающим фундаментальную роль государств в международных отношениях, но объясняющим существование международного порядка в них. Здесь истоки уайтовского самостоятельного понимания международного общества как основы изучения истории международных отношений.

Гроцианство, кроме того, признавало человека в качестве субъекта политико-правовых отношений. Вслед за Гроцием, и Уайт склонен был видеть социальную природу в международном обществе, а не только набор внешнеполитических взаимодействий государств. Международное общество построено на базе норм, принципов и институтов ради поддержания порядка в специфическом социальном пространстве. Поэтому, если большинство историков видели в Гроции основателя науки международного права, то для Уайта он пионер в изучении международной политики.

Гроций, кроме того, давал Уайту двойственность в историческом понимании происхождения международного общества: одна из сторон гроцианства делала акцент на христианском происхождении современной международной системы в Европе, вторая сторона – обеспечивала ключ к пониманию трансформации европейского международного общества в общество мировое.

Каждая из этих трех традиций политической мысли оказывалась внутренне многомерной. Есть классический набор представлений реалистов, рационалистов и революционистов, но есть и ответвления. Как говорил сам Мартин Уайт: любая классификация схематична; ее цель обработать сырой материал. Ценность подобных традиций как частей единого спектра проявляется только в точках разрыва. Великие политические мыслители почти всегда переходили границы двух традиций и почти всегда формировали свою собственную систему взглядов [11, с. 258–259].

Значение этой классификации проявляется в том, что ученый показывал возможность перевода исторической интерпретации политической мысли в прикладную политическую теорию. Это как

раз то, чего не хватало американскому дискурсу о международных отношениях и создавало предпосылки для формирования собственной международной теории в Великобритании.

Апелляция к истории европейской политической мысли, таким образом, показывает ряд важных аспектов, свидетельствующих о самостоятельном характере английской школы теории международных отношений, как в вопросах ее генезиса, так и по отдельным проблемам содержания международной теории. В тоже время, обращение к европейской традиции демонстрирует, что недостатки часто выступают продолжением наших достоинств. Формируя самостоятельный набор концептов для анализа и прогнозирования международного общества, сама проблематика приобрела подчеркнута евроцентристский характер, что свидетельствовало о нехватке самостоятельности европейской политики рубежа 1950–1960 годов, когда и происходило формирование концепции Английской школы. Поэтому, не случайно, что центральная для понимания становления школы работа «Три традиции», изданная после смерти задумывалась и была написана Уайтом в Америке.

Литература

1. Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теория, социология. – М.: Академический проект, 2013. – 348 с.
2. Маркс Ф., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М., «Политиздат». 1988. – 574 с.
3. Миронов В.В. Мартин Уайт и вопросы изучения английской школы теории международных отношений // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1(67). – С. 53–57.
4. Burchill S., Linklater A., Devetak R. at all. Theories of International Relations. Burchill S., Linklater A., Devetak R. – Third editions. – N.-Y., Palgrave Macmillan, 2005. – 310 p.
5. Butterfield H. Raison d'état. The Relations between Morality and Government // Electronic Resource (Mode of Access): <http://www.mwmt.co.uk/documents/butterfield.pdf>.
6. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge, Cambridge University Press. – 2001. – 429 p.
7. Wight M. Power Politics. Royal Institute of International Relations. – L., 1949. – 68 p.
8. Wight M. Power Politics. Ed. by H. Bull and C. Holbrood. – Leicester, 1979. – 317 p.
9. Wight M. System of State. Ed. by H. Bull. – Leicester, 1977. – 232 p.
10. Wight Martin. International Theory: The Three Traditions. Ed. by Wight G. and Porter B. Leicester. Leicester University Press. – 1991. – 275 p.
11. Wight Martin. Four Seminal Thinkers in International Theory. Machiavelli, Grotius, Kant, Mazzini. Ed. by G. Wight and B. Porter. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 161 p.

УДК 37.013.43

Н.А. Моисеева

г. Балашиха, Российский государственный аграрный заочный университет

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Президент РАО А.В. Петровский, выступая в своё время на общем годичном собрании академии, утверждал, что наряду с задачей повышения наукоемкости образования важнейшей является задача повышения его культуроемкости [3]. Несомненно, здесь имелось в виду овладение всем тем богатством, которое накопила отечественная культура в области литературы, науки, философии и др. Академиком отмечалось, что в 20-х гг. происходило отторжение всего того, что могло обеспечить наше духовное развитие: талантливых писателей, таких, как А. Платонов, М. Булгаков, Б. Пастернак, М. Цветаева, Л. Замятин, О. Мандельштам и др., – они замещались писателями второстепенными. В философии на многие годы были потеряны имена П. Флоренского, Н. Бердяева, В. Соловьева и других. Это касалось и науки – достаточно вспомнить В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, Л.С. Выготского и др. Эти имена постепенно возвращались в школьные и вузовские программы, но этого явно было недостаточно. Поэтому ставилась задача просвещения в области культуры.

Сегодня актуальность этой задачи не снята, а ограниченность овладением всем культурным богатством мы наблюдаем уже совсем по другим мотивам. Современная школа, к сожалению и сегодня, занимаясь обучением, в полной мере не просвещает и не воспитывает нашу молодежь, т.е. не занимается воспроизводством человечности, нравственности и морали. Как представляется, сегодня чрезвычайно важно задуматься над проблемой активного присвоения объектов культурной среды в среду собственного существования, способствовать развитию общественного сознания.

Общеизвестна сопряженность и взаимосвязь культуры и религии, которые раскрываются в масштабе общественной системы в целом. Вследствие этого, многими предполагается, что в современных условиях в просвещении стоит поставить акценты на религиозную духовность. Но религия, хотя и достаточно существенна, но это часть культуры, которая ею не исчерпывается. Если определить духовную культуру как смысловую систему человеческой жизнедеятельности, то религию можно рассматривать в качестве её разновидности, системы сакральных смыслов. Религия и культура соотносятся между собой как часть и целое, однако эти их значения менялись под влиянием исторических условий и под воздействием мировоззренческих предпочтений. Например, в средние века до эпохи Нового времени религиозное сознание в обществе преобладало, считалось, что религия является единственно реальной духовной культурой. Вместе с тем, под действием просвещения акценты смещались на секулярную культуру.

С аксиологической точки зрения главное значение религии усматривается в её уникальных возможностях ориентации человека на важнейшие истины, «сакральные ценности». Другими словами, религия помогала ориентации в современном мире. Следует признать, соглашаясь с Б. Малиновским, который считал религию одним из институционально закрепленных элементов культуры, несущих жизненно необходимую для общества функцию. Традиционная схема, в которой научное знание вытесняет предшествующее ему религиозное, не объясняет, почему учёные, чей вклад в мировую науку очевиден, продолжали оставаться верующими людьми. Протоиерей Александр Мень приводит длинный перечень этих имён. Действительно, И. Кеплер, И. Ньютон, Б. Пастернак не видели противоречий между религией и естествознанием. А. Эйнштейн подчёркивал значение веры для учёного. М. Планк, Н. Бор неоднократно говорили о связи науки и религии. Интуитивист А. Бергсон, томист Ж. Маритен, органицист А. Уайтхед, экзистенциалисты К. Ясперс и Н. Бердяев считали религию высшей духовной ценностью. Политики М. Ганди и М.Л. Кинг также исходили из религиозных принципов. Верующими были Д.И. Менделеев, К.Э. Циолковский, И.П. Павлов, В.И. Вернадский, А.Д. Сахаров. Убедительная роль религиозной веры, духовного просвещения в жизни этих величайших личностей, которая, вероятно, давала тот духовный опыт, жизненную ориентацию и поддержку, которые способствовали их научному поиску и творчеству.

Тейяр де Шарден писал о «гармонизированной общности сознаний», эквивалентной своего рода сверхсознанию, когда Земля не только покрывается «мирадами крупинки мысли», но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную «крупинку мысли» в космическом масштабе. В.И. Вернадский также смотрел на культуру с планетарной точки зрения, утверждая тем самым поступательное развитие к «ноосфере».

Сегодня, в наш секулярный период развития, хотя и велики религиозные основы нравственности, роль религии содержательно изменилась. Именно на рубеже перехода на качественно иную ступень развития, на уровень общества, основанного на знании, – в современном мировоззрении происходят кардинальные сдвиги. Культура выступает своеобразным управляющим центром всей общественной жизни, и именно в рамках культуры происходит реализация креативной парадигмы человеческой деятельности. Просвещение, меняя сознание, запускает процесс саморазвития общества.

Поскольку парадигма развития культуры заложена в системе образования, расширяя сознание молодежи России, то именно молодые люди нуждаются в социокультурной и научно-просветительской деятельности по формированию мировоззрения и современной картины мира, в правильной расстановке акцентов в соотношении «религия и культура».

Тревога, вызванная представлениями студенческой молодежи о личностных качествах молодых граждан России, прозвучала в выступлении академика РАО Е.В. Бондаревской. По словам ученого, молодые люди охотно говорят о дисциплине и культуре труда экономиста, о самостоятельности и ответственности в принятии решений юристом, о необходимости знания законов, в том числе рыночных, об информационной грамотности, но никто из них не касается проблем нравственности: честности, совести, справедливости, человеческого достоинства, человеколюбия, порядочности, не относит коррупцию, воровство к числу профессиональных рисков [4, с. 108]. Этот пример заставляет задуматься над уровнем нашего сознания. Ведь каждый член современного общества знает «что такое хорошо и что такое плохо», но поступает не всегда согласно этому знанию, а порой как выгоднее, престижнее. Следует подчеркнуть, что безответственность и неприязнь в отношениях между людьми не является врожденными, причина – неразвитость сознания, невоспитанность и

отсутствие воспроизводства человечности, поскольку череда дискуссий, – надо или не надо воспитывать в школе, вузе, – запускала процесс стихийной социализации.

На основании этого, следует полагать, что в философии образования поставленная задача современной школы – школа просвещения – не решена, поскольку: 1) отсутствует подготовка личности к сложным межличностным и социальным отношениям в современном мире; 2) отсутствует социальная и государственная практика воспроизводства человечности, т.е. воспитания нравственности и морали молодого поколения. Другими словами, молодое поколение входит в социальную взрослую жизнь с неподготовленным и неразвитым сознанием, о чем свидетельствует статистика нравственного и правового сознания.

Здесь встают две основополагающие проблемы: во-первых, философско – методологическое осмысление ценности человека и всей системы ценностей и, во-вторых, смысла образования. Во все века обучение и воспитание поручались учебным заведениям. Вербальные средства обучения способствовали развитию мышления, расширению способностей, повышению профессиональной компетентности. Эти же средства применялись и в области воспитания, но не стали эффективными, поскольку здесь необходимо визуальное представление жизненных событий, проживание этих событий в форме обсуждения и саморефлексии. Вербальное воспитание не способствует развитию сознания. В результате такого несоответствия мышление в своем развитии опережало сознание.

Воспитание – есть своего рода культурогенез молодого поколения, акт поддержания равновесия развития сознания и развития мышления. Что же мы имеем сегодня: инфантильность и беспризорность молодого поколения; бедная среда существования молодых, а затем и взрослых; неспособность взрослых к адаптации молодежи в жизненной среде. Поэтому сегодня накопление академических знаний должно идти «в ногу» с просвещением, развитием сознания. Ведь воспитание это многомерное накопление опыта сознания в процессе становления личности. Именно просвещение в большей мере способствует нравственному развитию молодого человека, пониманию социокультурных, политических и экономических процессов в стране и мире, а следовательно адаптации к среде.

Настоящий период характеризуется переосмыслением и изменением системы ценностей, в том числе и ценностей образования. Как пишет исследователь Красин Ю.А.: «Нынешнее глобальное переформатирование социума создает потребность в новом просветительском гуманизме, за которым обязаны встать интеллектуальные силы планеты... Люди в нашем изменяющемся мире нуждаются в гуманистическом просвещении» [1, с. 19]. Долгом и ответственностью опытных преподавателей социально-гуманитарных дисциплин – доцентов, профессоров должна стать не только учебная, но и просветительская работа, посредством социогуманитарных проектов [2, с. 65–70]. Другими словами, в новом обществе, основанном на знаниях необходимо вернуться к проекту Просвещения и его идеалам.

Гуманистическое просветительство имеет давнюю историю. Вспомним эпоху Возрождения, когда просвещение начиналось с деятельности одиночек-гуманистов. А потом просвещение обернулось большими программами общественных преобразований. В советский период нашей истории большую работу по просветительству вело общество «Знание». Сегодня «Просвещение» должно стать социальной практикой воспроизводства человечности.

В нашем Российском государственном аграрном заочном университете (РГАЗУ) просветительская работа имеет 12 лет практики проведения социокультурных гуманитарных проектов. В частности, в проекте «Грани памяти: ученые РГАЗУ и их вклад в российскую науку» была проведена большая исследовательская работа, а затем популяризация среди молодежи научно-исследовательских проектов о рождении, становлении и развитии многих научных направлений в области агрономии, зоотехнии, генетики, охраны водных ресурсов; об открытиях ученых страны: А.Г. Томила, Г.И. Азимова, А.П. Солдатова, В.Т. Горина, А.С. Всяких, А.М. Колосова, Н.П. Яковлева, П.И. Сусидко, Н.П. Макарова, М.К. Каюмова, М.В. Алексеевой и др.

В 2012 году был поддержан руководством университета проект «Научно-просветительский лекторий» для преподавателей, аспирантов и студентов университета, предложенный гуманитарными кафедрами и успешно работающий по сей день. Задачей проекта являлось проведение открытых публичных лекции и обсуждение поставленных проблем на «круглых столах». В проекте принимают участие профессора, приглашенные из разных вузов Москвы: проф. И.А. Гобозов (МГУ им. М.В. Ломоносова), проф. В.В. Бабашкин (АНХ при Президенте РФ), проф. Э.В. Баркова (РЭУ им. Г.В. Плеханова), проф. В.И. Сорокикова (МАИ) и др.; а также профессора и доценты нашего

университета: проф. Л.П. Шичков, проф. Е.К. Еськов, доц. Н.А. Моисеева, доц. Л.В. Бочкова, доц. И.Д. Афонин и др.

В проводимых лекциях и «круглых столах» использовались авторские презентации и видеофильмы, одной из самых примечательных оказалась музыкальная видеозаставка на лекции профессора Э. Барковой «Планета поёт», где многоголосый хор всего мира пел прекрасную возвышенную ораторию. Это было записано композитором благодаря современным технологиям студий звукозаписи и объединило китайцев, американцев, русских и др. представителей разных культур, создав феноменальный хор планеты Земля.

Впереди много креативных идей, главное, чтобы они, просвещая нашу молодежь, формировали у них современное мировоззрение, воспитывали человеческие качества, нравственность и мораль. Это общественно значимая и личностно ценная для каждого из нас цель.

Литература

1. Красин Ю.А. Запрос времени. Потребность в «гуманистическом прорыве» // Гуманизм XXI века. Гуманитарное образование и гуманистическое просвещение. Научное издание. Материалы круглого стола. Москва, март 2012. – М., 2013.
2. Моисеева Н.А. Гуманитарные образовательные проекты как фактор просветительской деятельности // Высшее образование для XXI века. XI Международная конференция. Москва, 27–29 ноября 2014 г. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2014.
3. Петровский А.В. Образование и просвещение: задачи РАО // <http://hr-portal.ru/article/obrazovanie-i-prosveshchenie-zadachi-rao>.
4. Санкин Л.А., Викторенкова С.В. Духовно-нравственное воспитание студентов // Педагогика. Научно-теоретический журнал Российской академии образования. – 2008. – № 10.

УДК 94

Ю.Н. Мостяев

г. Рязань, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ИНДИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Хотя по истории Второй мировой войны, согласно каталогу библиотеки Конгресса США, вышло более 20 тыс. публикаций, до сих пор далеко в отечественной исторической науке не полностью изучены такие проблемы, как место и роль колоний в планах обеих стран, использование экономических и людских ресурсов колоний воюющими коалициями; отношение колониальных народов к войне; влияние войны на дальнейшее развитие колониальных стран. Нельзя уходить и от изучения собственно военных проблем: масштабов, форм и результатов использования вооруженных сил колоний, их идеологической обработки; особенностей ведения боевых действий в сложных климатических и природных условиях тем более с использованием многонациональных контингентов.

Так, в отечественной историографии наименее исследованной областью остается непосредственное участие в боевых действиях вооруженных сил зависимых стран, а также военные действия на их территории. Все это определяет научный интерес к изучению данной темы.

Достаточно интересную группу источников по изучению роли Индии во Второй мировой войне составили мемуары и воспоминания ее участников. Из англо-американской мемуарной литературы ведущих политических деятелей информативны и познавательны воспоминания премьер-министра Великобритании У. Черчилля [26], избранные речи министра по делам Индии Л. Эмери [2], мемуары английских дипломатов Р. Булларда [5], К. Скрайна [15], государственного секретаря США К. Хэлла [7], в которых в той или иной форме оправдывается политика представляемых ими государств. Например, в воспоминаниях У. Черчилля, содержащих обширный материал о политике и стратегии Великобритании в Индии, говорится о политике англичан, направленной, в конечном счете, на использование ее ресурсов и сохранение английского господства над этой страной. Так, во втором томе своих мемуаров он подробно касается ситуации на Ближнем Востоке и, особенно, в Египте летом и осенью 1940 г. Из материалов видно, что английское правительство стремилось не столько усилить там свои войска (преимущественно танковые и артиллерийские части), сколько заставить Австралию, Новую Зеландию и Индию увеличить свои контингенты на Ближнем Востоке. И хотя возросшая опасность со стороны Японии крайне обеспокоила правительства

и командования этих стран, Черчилль отправил им обширные послания, чтобы развеять все их сомнения и ускорить переброску войск в нужный ему регион.

Ридер Буллард много внимания уделял противостоянию России и Великобритании накануне и в годы второй мировой войны, практически не отделяя Индии от общей имперской политики. Клармонт Скрайн, непосредственно принимавший участие в организации поставок по ленд-лизу в СССР через Иран, подчеркивал важную роль Индии, особенно на первом этапе до перехода руководства в руки США. Лейтмотивом этих документов является мысль о «благодарном влиянии» и «огромных заслугах империи» перед индийским народом.

В дневнике Э. Айронсайда, который весной и летом 1939 г. занимал должность генерального инспектора заморских сил Великобритании, а с сентября 1939 г. по май 1940 г. являлся начальником Имперского генерального штаба, имеются замечания о важности английских имперских позиций в мире, в частности на Ближнем Востоке. Автор с самого начала Второй мировой войны усиленно выступал за скорейшее создание крупной британской ближневосточной армии главным образом за счет войск из Индии, Австралии и Новой Зеландии [8, с. 103–105].

Переиздана на русском языке секретная переписка Рузвельта и Черчилля за годы второй мировой войны, раскрывающая понимание крупнейшими политиками XX века индийской проблемы [25].

Вопрос о поставках по ленд-лизу через Персидский коридор в Советский Союз, а также в Индию из Соединенных штатов, подробно освещается в мемуарах И.Р. Стеттиниуса [17], занимавшего в 1941–1943 гг. пост администратора программы ленд-лиза, а затем и госсекретаря США.

Большой материал, раскрывающий стратегические аспекты военно-политического участия Индии во второй мировой войне, содержится в мемуарах и воспоминаниях представителей высшего военного руководства воюющих стран. Значительную роль в понимании данных процессов и явлений играют труды Г. Александра [1], Артура Персиваля [11], Арчибальда Уэйвелла [18], Льюиса Маунтбэттена [9].

Мемуары Г. Александра представляют собой всеобъемлющее издание, имеющее весьма необычную структуру, которое включает в себя сведения о военных действиях в Северной Африке, его отношениях со Стилуэллом в Бирме, бомбардировке аббатства Монте-Кассино, показывает общую политическую и военно-стратегическую обстановку для Великобритании, не выделяя участие индийских войск.

А. Персиваль в своих мемуарах попытался объяснить неудачи в Малайе и сдачу Сингапура недостатком средств для проведения обороны в надлежащий вид и плохой подготовкой индийских частей.

А. Уэйвелл, командовавший английскими и союзными войсками в кампании против итальянцев в Эфиопии и Эритрее, на Среднем Востоке, в самой Индии и против японцев в Юго-Восточной, непосредственно принимал решения, касающиеся Индии и индийских вооруженных сил. В своем дневнике он подробно описал внутривосточную ситуацию в Индии, дал характеристику многим виднейшим деятелям индийского национально-освободительного движения, затронув и военные проблемы страны.

Сведения о военно-стратегических планах нацистской Германии относительно всего средневосточного региона и дальнейших планах вермахта относительно Индии удалось почерпнуть из дневника начальника генерального штаба сухопутных сил вермахта (ОКХ) генерала Ф. Гальдера [20].

Сборники речей и мемуары деятелей национального движения, индийских политиков Махатмы Ганди [21], Джавахарлала Неру [22], его сестры Виджайи Лакшми Пандит [10], Абул Калам Азада [19], Раджендры Прасада [23], Субхаса Чандры Боса [3], дают подробную информацию понимания видения проблемы участия своей страны во Второй мировой войне с точки зрения позиции индийской стороны.

Азад А.К. в своих воспоминаниях дает подробную картину отношения различных слоев населения страны и партий к участию Индии во Второй мировой войне.

В мемуарах и записках военачальников содержится много фактического материала и оценок деятельности и боевых качеств колониальных частей, которые в определенной степени помогают восполнить недостаток официальных документов по этим вопросам. Можно отметить мемуары английских и индийских военных – генерал-майора Дж.Г. Элиота [6], генерал-майора Г. Рован-Робинсона [24], оставившего красочные характеристики высшего британского командования

на Среднем Востоке, майора К.С. Правала [12], бригадира Р. Бристоу [4], участвовавшего со своим полком Догра в боях в Иране и Ираке, Италии, Бирме, на Яве и высоко оценивавшего действия своих однополчан-индийцев, бригадира Дж. Прендергаста – объединяет весьма объективный подход их авторов к определению роли и места Индийской королевской армии и английских военных контингентов в Индии в годы и после Второй мировой войны.

Так, Джон Прендергаст, сражавшийся на протяжении всей войны в составе иррегулярных частей, сипайского батальона 19-й индийской дивизии против Японии в Бирме, в Араканской операции и затем до самого разгрома противника, отмечал высокий боевой дух индийских солдат [13]. Уильям Слим [16] в своей книге, написанной на основе коротких дневниковых записей военного времени, воспоминаний и послевоенных данных, признавался, что его взгляд на события часто ограничен влиянием его окружения, и поэтому полностью объективным быть не может.

Высокую ценность для характеристики боевых качеств и политико-морального состояния индийских солдат имеют воспоминания офицеров, непосредственно служивших в этих войсках в годы войны на низших командных должностях [14].

Мемуары и воспоминания прямых свидетелей участия Индии во Второй мировой войне, несомненно, являются важным источником по изучению данного вопроса, но не лишенного определенной субъективности.

Литература

1. Alexander Earl. The Alexander Memoirs 1940–1945. Field-Marshal Earl Alexander of Tunis. – New York, 1962.
2. Amery L. India and Freedom. – L., 1942.
3. Bose S.Ch. Fundamental Questions of Indian Revolution. – Calcutta, 1987.
4. Bristow R.C.B. Memories of the British Raj. Soldier in India. – L., 1974.
5. Bullard R. Britain and the Middle East. From the Earliest Times to 1950. – L., 1951.
6. Elliott J.G. A Roll of Honour. The Story of the Indian Army 1939–1945. – L., 1965; The Frontier 1939–1947. The Story of the North-West Frontier of India. – L., 1968.
7. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull in 2 vol. – N.Y.: 1948. Vol. II.
8. Ironside E. The Ironside Diaries 1937–1940. – Westport (Conn.), 1962.
9. Mountbatten L. Personal Diary of Admiral the Lord Mountbatten, Supreme Allied Commander, South-East Asia, 1943–1946. – L., 1988; Mountbatten L. Report to the Combined Chiefs of Staffs by the Supreme Allied Commander South-East Asia 1943–1945. – L., 1945.
10. Pandit Vijaya Lakshmi. The Scope of Happiness: a Personal Memoir. – N.Y., 1979.
11. Percival A.E. The War in Malaya. – London, 1949.
12. Praval K.C. The Red Eagles: A History of Fourth Division of India. – New Delhi, 1982.
13. Prendergast J. Prender's Progress. A Soldier in India, 1931–1947. – L., 1979.
14. Shakespeare L.W. History of the Assam Rifles. Gauhati, 1980; 9 Gurkha Rifles: A Regimental History. – New Delhi, 1984; History of 7th Duke of Edinburgh's Own Gurkha Rifles. – Edinburgh-London, 1962.
15. Skrine C. World War in Iran. – L., 1962.
16. Slim W. Defeat into Victory. – L., 1956.
17. Stettinius E.R. Lend-lease. Weapon for Victory. – N.Y., 1944.
18. Wavell A. Speaking Generally: Broadcasts, Orders and Addresses in Time of War, 1939 – 1943. – L., 1946; Wavell A. The Viceroy's Journal. – L., 1973.
19. Азад А.К. Индия добивается свободы. – М., 1961.
20. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. – М., 1969.
20. Ганди М.К. Моя жизнь. – М., 1969; Gandhi Mohandas. Gandhiji's Correspondence with the Government, 1942–1944. – Ahmedabad, 1945.
21. Неру Дж. Открытие Индии. – М., 1989. Кн. 2; A Bunch of Old Letters Written Mostly to Jawaharlal Nehru and Some Written by Him. – N.Y., 1960.
22. Прасад Р. Автобиография. – М., 1961.
23. Рован-Робинсон Г. От Окинлека до Александра. – Лондон, 1942.
24. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. – М., 1995.
25. Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах. – М., 1991. Кн.1–3.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

В этой статье рассматриваются содержание и особенности культурно-экологических проектов К.Э. Циолковского. Они составляют один из важных аспектов его интеллектуального наследия, в котором космическая философия тесно переплетается с философией атомистической и философией человека [О личности и философском творчестве Циолковского см. 1–5; 7; 23]. Его философские взгляды на мир, на проблему жизни и смерти, смысл человеческого существования, а также оригинальные представления о свойствах материи, Вселенной и космосе, взаимодействии человека и природы оказали существенное влияние на развитие русского космизма. Циолковский – один из ярких представителей естественно-научного и проективистского направления в русском космизме, сущность которого состоит в отображении единства человека и космоса как органического соединения земного и космического и в установке на активную преобразовательную роль человека в природе с опорой на детально разработанные проекты этого преобразования [Подробнее см. 6].

Оценка Циолковским современных ему взаимоотношений человека и природы как дисгармоничных прослеживается в таких его сочинениях, как «Монизм Вселенной» (1925), «Этика или естественные основы нравственности» (1903–1928), «Самозарождение» (1929), «Современное состояние Земли» (1929), «Граждане Вселенной» (1933), «Космическая философия» (1935). Как и другие русские космисты, Циолковский размышлял о причинах и последствиях этого состояния. Несовершенство земной жизни и нерациональное поведение человека и является, по мнению ученого, главным фактором экологического дисбаланса, требующего преодоления. В работах «Нирвана» (1914), «Свойства человека» (1917), «Идеальный строй жизни» (1917), «Ступени человечества и преобразования Земли» (1920), «Причина космоса» (1925), «Будущее Земли и человечества» (1928), «Животное космоса» (1929), «Растение будущего» (1929) он дает свое видение устройства Вселенной, гармонично развитого человека и идеального общественного строя. Космическое будущее человечества оказывается неразрывно связанным с преобразованием природы. Выработанная Циолковским программа культурно-экологических преобразований представлена, в частности, в трудах «Полюсы человеческих качеств» (1920), «Научная этика» (1927–1930), «Солнце и завоевание пустынь» (1926), «Ум и страсти» (1928), «Воля Вселенной» (1928), «Любовь к самому себе, или истинное себялюбие» (1928), «Что делать на Земле» (1928), «Права и обязанности человека» (1933), «Права материи и низших существ...» (1934), «Вне Земли», «Цели звездоплавания» [18] и др. При этом сам процесс преобразования мира в интересах высшего разума приобретает планетарные масштабы. Ученый ставит проблему коренного обновления человечества, которое должно осознать свое истинное предназначение в мире, свои подлинные потребности и возможности. Развивая мысль о необходимости совершенствования человеческой природы, Циолковский затрагивает и биологический аспект этой проблемы.

Для обретения Вселенной полного единства и достижения атомами-духами высот жизни «высшей, разумной, могущественной и прекрасной» [12] человеку следует, по Циолковскому, в первую очередь преобразовать самого себя. Он должен заботиться об атомах, составляющих его собственное тело. Такую заботу Циолковский называл «истинным себялюбием» [13].

Для улучшения качества мозга, этого «лучшего вместилища атомов», необходимо повышать уровень заключенных в нём знаний. Каждый человек обязан познавать, углублять знания, расширять область освоенного разумом. Циолковский считал возможности научного познания и научно-технического прогресса принципиально безграничными. Вместе с тем он недооценивал эмоционально-чувственное познание мира и не признавал ценности чисто эстетического наслаждения красотой и гармонией. Мозг нужно увеличить в два-три раза, невзирая на большую голову, которая создаст диспропорцию в человеческой фигуре. «Будет некрасиво, – пишет Циолковский, – но ко всему можно привыкнуть. Красота – вещь условная и субъективная». В будущем, «когда человек поселится в искусственных жилищах, в эфире, т.е. когда уйдет от Земли, победив ее тяжесть, то там, в эфире, между планетами не будет препятствия для объемного развития мозга, если не считать сложности большого мозга и питающих его органов, которые, конечно, положат предел и развитию мозговой массы» [10, с. 140–141].

Органы зрения, по мнению Циолковского, представляют наивысшую ценность для человека, поэтому их нужно ценить и оберегать. Важна также и репродуктивная функция, которую он назы-

вал одним из самых «драгоценных свойств человека», дающее «возможность совершенно и быстро преобразить человечество в лучшую сторону... совершенным потомством вытеснить все несовершенное человечество» [20, с. 118]. Со временем « путем подбора и браков ... останутся члены с глубоким умом, истинными познаниями и множеством хороших физических и умственных качеств» (« Органический мир Вселенной «).

В целях усовершенствования своего организма человеку необходимо изменить и характер своего питания. Циолковский призывал отказаться от пищи животного происхождения и отдать предпочтение растительной, которая менее вредна для здоровья и «не требует столько земли для прокормления человека как животная» [17, с. 225]. Употребление в пищу животных недопустимо еще и потому, что, убивая их, человек причиняет страдания находящимся в них атомам-духам и тем самым умножает страдания во Вселенной.

Изменения должны коснуться и психики человека. В первую очередь человеку нужно научиться контролировать свои эмоции и чувства, т.е. исключать любое эмоциональное напряжение, избегать стрессовых ситуаций и резких перепадов настроения, неизбежно отражающихся на здоровье человека и приносящих страдания атомам-духам (« Нирвана «) [15]. По мнению ученого, ему нужно стать « существом без страстей, но с высоким разумом « («Ум и страсти») [22].

Преобразовав свою психофизиологическую природу, человечество сможет перейти к активной целесообразной деятельности по преобразованию окружающей среды. Циолковский считал, что человек как более или менее совершенное существо не имеет права созерцать несовершенство и страдания на Земле, а обязан творить и вмешиваться в медлительные процессы природы. В очерке «Непротивление или борьба?» (1935) он писал: «Мы боремся с вредными бактериями, растениями, насекомыми, грызунами... Не бороться – значит погибнуть. Неужели вы отдадите себя на съедение волку или вшам?» [14, с. 320].

Существами, подлежащими уничтожению, являются простейшие, отдельные виды насекомых, растений и животных, мешающие процессу совершенствования разума во Вселенной. В уничтожении существ, по мнению Циолковского, ничего антигуманного нет, ибо это по сути не смерть, а лишь распад определённого сообщества атомов-духов (см. «Права материи и низших существ», «Монизм Вселенной»). Уверенность Циолковского в отсутствии смерти как таковой базируется на своеобразном толковании им идеи неуничтожимости жизни, ставшей предметом его размышлений после знакомства с одним из известных священных текстов Древней Индии – Бхагавад-Гитой (Песней Господней).

Для достижения благополучия во Вселенной одного только уничтожения несовершенных земных существ будет недостаточно. Методом селекции должны создаваться полезные человеку и развитые во всех отношениях классы растений и животных [8, с. 16].

Проект экологических преобразований Циолковского предлагает различные варианты реконструкции земного пространства, основанной на высших достижениях науки и техники. Целенаправленное регулирование солнечного излучения путем изменения режима облачности даст человечеству дополнительные источники энергии для создания энергетически автономных жилищ. В этой связи Циолковский разрабатывал идею создания эффективного солнечного нагревателя и его применения к двигателю и в быту [19].

Он рассматривал возможность пересоздания земной атмосферы (на 90% состоящей из кислорода и 10% – из углекислого газа) с «упразднением» излишнего, по его мнению, азота и инертных газов. Он рассматривал способы удержания подобной атмосферы над земной поверхностью с помощью особой кварцевой оболочки [8, с. 20–21]. Путем конденсации влаги из воздуха (с помощью регуляции содержания в атмосфере водяных паров) можно было бы осваивать пустынные территории [см. 9; 16; 21].

Идея регуляции климатических условий тесно связана у Циолковского с идеей освоения мирового океана, на поверхности которого предлагалось создать сеть искусственных плавучих островов, использующих энергию волн. От давления ветра эти острова будут защищаться «сплошной стеклянной крышей» [8, с. 15–16].

Планомерная культивация почвы для интенсивного растениеводства (так называемый «кесонный метод») позволит полностью преобразовать значительные пространства земной суши и увеличит продовольственные запасы.

Земные недра должны быть полностью освоены. Полезные ископаемые сосредотачиваются главным образом в северных, холодных регионах земного шара, поэтому арктические зоны,

«предрасположенные» к промышленному использованию, необходимо оборудовать для производства. Циолковский полагал, что работа промышленная будет непрерывно расти, в то время как земледельческая «займет самое наименьшее время» [17, с. 221; 11, с. 99]. Тропические же зоны – жаркие, богатые, «беспечальные» районы Земли – должны стать местом проживания людей. Там необходимо истребить дикие леса и освободить эти территории от «бесполезных» растений и животных [8, с. 5].

Литература

1. Брюханов В.А. Мировоззрение К.Э. Циолковского и его научно-техническое творчество. – М., 1959.
2. Гаврюшин Н.К. К.Э. Циолковский и атомистика // Труды VII Чтений К.Э. Циолковского. Секция «Исследование научного творчества К.Э. Циолковского». – М., 1973.
3. Гаврюшин Н.К. Космический путь к «вечному блаженству» (К.Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 125–131.
4. Казютинский В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского // Философия русского космизма. – М., 1996. – С. 108–132.
5. Мпельман В.М. «Я хочу привести вас в восторг... от ожидающей всех судьбы»: Космическая этика К.Э. Циолковского. – М., 1991.
6. Платонова Д.В. Экологические идеи в русском космизме : Дис. ... канд. культурологии. – М.: РГГУ, 2004.
7. Фадеев Е.Т. Идея бессмертия человечества у К.Э. Циолковского // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1975. – № 2. – С. 58–66.
8. Циолковский К.Э. Будущее Земли и человечества. – Калуга, 1928.
9. Циолковский К.Э. Вода в сухих и безоблачных пустынях // Циолковский К.Э. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1964. – С. 414–419.
10. Циолковский К.Э. Животное космоса // Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. – М., 2001.
11. Циолковский К.Э. Идеальный строй жизни. – М., 1998.
12. Циолковский К.Э. Космическая философия // Авдеевский В.С. (Ред.). Циолковский К.Э. Космическая философия. – М., 2001.
13. Циолковский К.Э. Любовь к самому себе, Или истинное себялюбие // Авдеевский В.С. (Ред.). Циолковский К.Э. Космическая философия. – М., 2001.
14. Циолковский К.Э. Непротивление или борьба? // Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. – М., 2001.
15. Циолковский К. Э. Нирвана // Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. – М., 1992. – С. 5–18.
16. Циолковский К.Э. Освоение жарких пустынь. // Циолковский К.Э. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1964. – С. 400–407.
17. Циолковский К.Э. Права и обязанности человека // Авдеевский В.С. (Ред.). Циолковский К.Э. Космическая философия. – М., 2001.
18. Циолковский К.Э. Промышленное освоение космоса. Сб. трудов. – М., 1989.
19. Циолковский К.Э. Простой солнечный нагреватель и его применение к двигателю, кухне и др. целям // Циолковский К.Э. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1964. – С. 408–410.
20. Циолковский К.Э. Свойства человека // Авдеевский В.С. (Ред.). Циолковский К.Э. Космическая философия. – М., 2001.
21. Циолковский К.Э. Солнце и завоевание пустынь // Циолковский К.Э. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1964. – С. 391–399.
22. Циолковский К. Э. Ум и страсти // Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. – М., 1992. – С. 87–100.
23. Шаронова А.А. Формирование философских взглядов К.Э. Циолковского. Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. – М., 1989.

УДК 94

С.Г. Пяткова

г. Сургут, Сургутский государственный педагогический университет

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ АРХИВ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ

Истории политической ссылки в Сибирь посвящено значительное количество работ как отечественных, так и иностранных исследователей. Материалы журнала «Русский архив» при этом использовались исследователями либо эпизодически, либо при изучении отдельных проблем из истории России XVIII и XIX вв. [1]. Актуальность изучения темы по материалам историко-литературного журнала «Русский архив» связана с публикацией на его страницах широкого комплекса источников, ранее не издававшихся. Также благодаря деятельности создателя и редактора журнала историка П.И. Бартенева «Русский архив» не только играл важную роль в развитии русской исторической публицистики, но и по числу опубликованных источников стоял на первом месте среди русских исторических журналов [6]. Журнал содержал преимущественно публикации неизданных

мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю русского дворянства в XVIII и XIX вв. Кроме дневников, воспоминаний и записок, «Русский архив» публиковал огромное число документов, деловых бумаг и писем, авторы которых работали на самых различных поприщах – государственном, общественном, научном, литературном. Поэтому журнал «Русский архив» можно рассматривать как важный исторический источник, в том числе по истории политической ссылки в Сибирь.

В ходе исследования были фронтально просмотрены годовые комплекты ежемесячника «Русский архив» за 1863–1917-е гг. (годы издания журнала). Выявленные публикации содержат как эпизодические сведения о ссылке в статьях по истории России XVIII и XIX вв., так и более подробную информацию в специальных публикациях. В данной статье остановимся на анализе специальных публикаций журнала, касающихся политической ссылки. Мировоззренческие основы журнала были близки к умеренно-либеральному направлению, а с 1880-х годов наблюдался постепенный переход к консерватизму, что сказалось и на описании сюжетов о политической ссылке.

Основные жанры публикаций, в которых есть упоминания о ссылке: научно-популярные статьи и историко-юридические очерки по истории Сибири и ссылки, рецензии на книги о ссылке, историографические очерки, рассказы современников о ссылке, официальные делопроизводственные документы (приказы и т.п.), записки о пребывании в ссылке. По тематике публикаций, где есть упоминания о политической ссылке, наибольшее их число посвящено истории политической ссылки декабристов, прежде всего, наказанию декабристов, т.е. периоду истории России XIX века. Это связано с тем, что история декабризма, по мнению Е.Б. Васильевой, была одной из популярнейших тем для отраслевых исторических изданий [1, с. 12], а также с повышенным общественным интересом к истории декабристского движения. Также на страницах журнала встречаются эпизодические упоминания о ссылных поляках (повстанцах 1830-х гг.) и других иностранцах первой половины XIX века (французах, немцах, евреях и др. – противниках России и государственной власти в годы Отечественной войны 1812 г.).

По содержанию и информативным возможностям статьи абсолютно разные, но, как правило, не противоречащие друг другу, а наоборот, дополняющие по различным аспектам политической ссылки. Наиболее содержательные сведения о политической ссылке содержат воспоминания самих ссылных, которые колоритно описывают характеристики и этапы ссылки. Следует отметить, что в содержании отдельных статей авторами не использовались понятия «ссылка» и «ссылные», поэтому в ходе анализа публикаций по формированию представлений о ссылке на страницах журнала мы соотносим их со следующими понятиями: «ссылка» – «наказание», «ссылные» – «изгнанники».

Одна из первых специальных публикаций, где затрагиваются вопросы политической ссылки, появилась в журнале в 1870 г. – «Из записок декабриста Якушкина». Автор подробно описывает свою жизнь в период заключения. Материалы заметок позволяют выявить основные характеристики политической ссылки первой половины XIX в.: вынесение приговора и определение вида наказания и ссылки (Верховным Уголовным судом – декабристам, военной комиссией – полякам); особенности различных видов ссылки и наказаний: арест и пребывание в Петропавловской крепости, казнь некоторых преступников, каторжные работы и поселение в Сибирь; особенности организации и транспортировки до Сибири: годы, пункты переезда, условия пребывания на пересыльных пунктах и переезда на разных этапах (верхом, «пеший ход», «плавание» и т.п.); особенности надзора на разных этапах ссылки (в крепости, в ходе транспортировки, на поселении и каторге); разные характеристики «начальников» и их отношение к ссылным; перемещения в годы ссылки в результате различных помилований (годы, населенные пункты); сроки ссылки. Также анализ статьи позволяет выявить основные проблемы организации политической ссылки. В большей степени они были связаны с началом массовой политической ссылки декабристов, польских повстанцев первой половины XIX века и неугодных 1812 г., нарушениями и злоупотреблениями «начальников» на разных этапах транспортировки арестантов [2, с. 1582]. В основном данные характеристики касались организационно-правовых аспектов политической ссылки.

Кроме того, по материалам статьи И.Д. Якушкина можно выявить социальные характеристики политической ссылки декабристов: представления заключенных о Сибири, местных жителях и о будущей ссылке; социально-психологический портрет ссылных: (отдельные имена и фамилии, возраст, бывшие звания и должности), принадлежность к тайным обществам и политические

взгляды, внешний образ, занятия и деятельность в период ссылки, характер взаимоотношений между ссылными декабристами и другими изгнанниками, отношение местных жителей Сибири к ссылным.

После записок декабриста И.Д. Якушкина в журнале опубликована своего рода рецензия на данную публикацию. Статья П. Свистунова представляет собой с одной стороны историографический очерк об исследованиях декабристской тематики и их ссылке, а с другой стороны, – рецензию на воспоминания декабриста и описание его биографии. Материалы статьи позволяют дополнить характеристики ссылного декабриста, прежде всего, о его деятельности на поселении. Например, несмотря на запреты в Тобольской гимназии ссылный занимался обучением детей [7, с. 1661].

Одна из статей журнала посвящена казни декабристов, где автором Н. Рамазановым приведены рассказы современников Шницлера («почтенного исследователя новейшей русской истории»), Н.В. Путьяты и В.И. Беркопфа (бывшего начальника кронверка в Петропавловской крепости) [4, с. 341]. В рассказах современников показаны условия пребывания арестантов в Петропавловской крепости, описаны жестокости казни отдельных из них, даны общие сведения о ссылных, об их препровождении в Сибирь. Материалы статьи Н. Рамазанова позволяют выявить следующие характеристики политической ссылки декабристов: виды ссылки (поселение в Западную Сибирь – 52 человека, в каторжные работы – 30 человек), основные периоды транспортировки, особенности препровождения и путь следования (по городам) до места изгнания, отношение народа к ссылным в ходе транспортировки (оскорбления и т.п.), условия передвижения. Относительно, социально-психологических характеристик ссылных, то можно выявить отношение арестантов к своей участи: «осужденные на каторгу в Сибирь, как выходя из крепости для выслушания приговора, так и возвращаясь в нее уже в арестантском платье, шли бодро и взорами искали знакомых в толпе» [4, с. 343].

Материалы журнала позволяют выделить территориальные центры политической ссылки в XIX веке. Помимо Сибири здесь есть упоминания и других регионах Российской империи: Казань, Самара, Саратов, Уфа, Оренбург [10], Кавказ [8; 9].

Историко-юридический очерк В. Крыжановского посвящен описанию и анализу состояния местного управления Восточной Сибири в 1822–1887 гг. Автор, рассматривая проблемы местного управления Восточной Сибири, говорил о необходимости его реформирования во второй половине XIX века, на что повлияли следующие изменения: «увеличение народонаселения, медленное, но непрерывное развитие просвещения и общей культуры..., усложнение взаимоотношений разных групп и классов населения» [3, с. 20]. На указанные изменения в регионе, повлияла и массовая политическая ссылка XIX в., которая также нуждалась в преобразованиях.

Таким образом, анализ специальных публикаций по истории политической ссылки на страницах журнала «Русский архив» второй половины XIX – начала XX вв. показал, что ссылка в рассматривалась как карательный орган власти и составная часть всей системы наказаний. Политическая ссылка представлялась как отдельный вид наказания за политическую неблагонадежность. Основные ее причины: участие в восстании декабристов 1825 г., польских восстаниях первой половины XIX в., пособничество армии французов в 1812 г. Авторов в большей степени интересовала тема наказания и ссылки декабристов, начиная с 1826 г. Несмотря на то, что XIX век – эпоха массовой политической ссылки в Сибирь польских повстанцев (в том числе 1860-х гг.), народников и других политических преступников, тем не менее, эти аспекты практически не нашли отражения в публикациях. Авторы, как правило, отмечали о следующих местах и видах политической ссылки: Кавказ (на службу), Западная Сибирь (поселение, жительство), Восточная Сибирь (каторга), Оренбургский край (поселение). Материалы статей позволяют проследить взаимосвязь различных видов ссылки с территорией изгнания.

В основном характеризуя политических ссылных первой половины XIX века, авторы статей оперируют такими понятиями, как «государственные преступники», «осужденные», «изгнанники», «каторжные». По материалам статей можно говорить о существовании определенного деления ссылных на разряды и чины. В связи с мировоззренческой направленностью и спецификой деятельности журнала «Русский архив», проблемы ссылки и системы наказаний на его страницах лишь вскрывались (характеризовались) без особого видения путей их преобразования. В описании сюжетов ссылки в конце XIX века начинает превалировать консервативная направленность, когда

институт ссылки рассматривается как главное орудие борьбы с политическими противниками власти.

Все это свидетельствует о том, что материалы журнала «Русский архив» являются важным историческим источником по истории политической ссылки в Сибирь. Публикации позволяют выявить и охарактеризовать политическую и социальную составляющие представлений политической ссылки на страницах журнала, что свидетельствовало об актуализации проблем ссылки и их общественно-политическом значении во второй половине XIX – начале XX вв. Особая роль при этом принадлежала источникам личного происхождения и делопроизводственной документации, которые публиковались на страницах журнала.

Литература

1. Васильева Е. Б. Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф дис к-та. ист. наук. – Омск, 2008. – 42 с.
2. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. – 1870. – № VIII–IX. – С. 1566–1633.
3. Крыжановский В. О состоянии и изменениях местного управления Восточной Сибири с 1822 по 1887 год // Русский архив. – 1913. – Т. 2. – С. 17–25.
4. Рамазанов Н. Казнь декабристов. Рассказы современников // Русский архив. – 1881. – № 1–2. – С. 341–346.
5. Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. Автореф дис д-ра. ист. наук. – Омск, 2006. – 38 с.
6. Руниверс – электронная библиотека – www.runivers.ru (дата обращения: 02.07.2013 г.).
7. Свистунов П. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах // Русский архив. – 1870. – № VIII–IX. – С. 1633–1668.
8. Соколовский М. К. Отправление нижних чинов, участвовавших в происшествии 14 декабря на Кавказе // Русский архив. – 1907. – Кн. 2. – № 5–8. – С. 106.
9. Юдин П. Л. Декабрист Голицын в Астрахани // Русский архив. – 1913. – Т. 2. – С. 266–278.
10. Юдин П. Л. Ссылки 1812 г. в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. – 1896. – Кн. 3. – С. 5–33.

УДК 930(075.8)

А.В. Свешников

г. Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ АВГУСТИНА АВРЕЛИЯ В РАБОТЕ М.А. БАРГА «ЭПОХИ И ИДЕИ»

Приближающийся столетний юбилей выдающегося советского медиевиста Михаила Абрамовича Барга (1915–1991) дает, как нам представляется, хороший повод, во-первых, вспомнить об этом, безусловно, неординарном ученом, во-вторых, основываясь на материале его творчества, поговорить о некоторых общих тенденциях развития советской медиевистики 1970–1980-х гг. Определяя ее традиционно как «позднесоветскую», которой противостоит формирующаяся традиция «неофициальной советской медиевистики» [11, с. 199–200], современная историография, как нам представляется, несколько упрощает многообразие имевших место различных неоднозначных, порой весьма противоречивых тематических, концептуальных и методологических поисков (условно говоря, «50 оттенков советского»). Знаменитая «война мемуаров» в какой-то степени продемонстрировала сложность этого этапа истории отечественной медиевистики как явления и необходимость его специального изучения. Попытку такого подхода мы и предпримем в нашей работе на основании анализа одной главы монографии ученого «Эпохи и идеи. Становление историзма», посвященной взглядам на историю одного из отцов западной церкви Августина Аврелия.

Общая траектория исследовательского пути М.А. Барга может быть определена как движение от изучения конкретных проблем английского средневековья и раннего нового времени к изучению теоретических проблем исторического процесса и исторического познания [см.: 2–8; 14–16]. Опубликованная в 1987 г. монография «Эпохи и идеи. Становление историзма» стала наряду с вышедшей ранее научно-популярной книгой «Шекспир и история» и опубликованной уже после смерти ученого его ученицей К.Д. Авдиевой совместной монографией «От Макиавелли до Юма. Становление историзма» частью своеобразной авторской трилогии, в которой предпринималась попытка построить оригинальную авторскую концепцию истории западной исторической мысли от ее истоков до формирования традиции профессиональной научной историографии (т.е. от античности до XVIII вв.). Своеобразие концепции М.А. Барга заключается, на наш взгляд, не только

(а может и не столько) в широте охвата, сколько в попытке постулировать зависимость исторической мысли от культуры как глобального контекста и сформированного ей типа мышления, как пишет сам ученый «менталитета». В этой связи работа Барга (в первую очередь первые две части трилогии) оказывается посвящена не столько анализу собственно исторического знания, сколько базовым исторически вариативным мировоззренческим, культурным и философским условиям, это знание определяющим. Если уже в этой точке рассуждения соотнести данную работу М.А. Барга с историографическим контекстом то получится следующее. Во-первых, в сравнении с современными ей историографическими отечественными трудами работа М.А. Барга оказывается гораздо менее описательной [9; 10]. Историк ориентируется на реконструкцию некоей «внутренней логики развития» и ее понимание. В этом плане книга в целом написана достаточно «сложным» «нетрадиционным» языком с использованием философских категорий достаточно высокой степени абстракции. Так же как и другие поздние работы Барга она не дает простой, понятной и четкой картинки. Во-вторых, сам этот «непростого теоретизирования» можно охарактеризовать, на наш взгляд, не столько в качестве индивидуальной особенности авторского стиля, сколько в качестве авторской реакции на общую ситуацию. Ощущение недостаточности существующих теоретических схем, оцениваемых как через чур упрощенные, побуждает советских историков к поиску новых, сложных и потому более адекватных для описания исторической реальности теоретических конструкций. В этом отношении М.А. Барг, пытающийся сохранить базовые концепты советской модели истории («формация», «социальная революция») но при этом нарочито усложнить их, представляется очень показательной фигурой. Кстати сказать, в этом плане показательны, многие коллеги восприняли работы М.А. Барга как некое избыточное, непродуктивное теоретизирование. И наконец, в третьих сам подход М.А. Барга в этой книге, как нам представляется, объясняется не только очевидным влиянием классических «западных» работ, посвященных генезису историзма (Ф. Мейнеке, Дж.Р. Коллингвуд, Б. Кроче), но и реакцией на проявившийся в отечественной историографии 1970–1980-х гг. в качестве «нового» тренда интересе к истории культуры. Для отечественной истории культуры того времени характерно понимание культуры как некоей автономной гомогенной целостности, и этот подход стал фундаментальным основанием анализируемой работы М.А. Барга. Очевидным маркером этого подхода является использованное М.А. Баргом понятие «менталитет», активным пропагандистом которого (с отсылкой к школе «Анналов») в советской историографии 1980-х гг. был А.Я. Гуревич [7, с. 3–4].

Если изучением классического средневековья и нового времени М.А. Барг занимался на протяжении всей своей профессиональной биографии, то для написания разделов, посвященных эволюции историзма в античности и раннем средневековье, историку пришлось обратиться к принципиально новому для него материалу. К числу авторов, которые в первых раз попали в поле внимания историка относятся и великий христианский мыслитель, один из авторитетнейших «отцов Западной Церкви» Августин Аврелий (352–430). Фигура Августина к тому времени прошла существенную эволюцию к советской историографии от вульгарного охаивания в работах 1930-х гг. как «реакционного идеолога католичества» до признания в качестве крупнейшего философа средневековья и, соответственно, вполне respectable объекта изучения в трудах 1970-х. Непосредственным предшественником М.А. Барга в рассмотрении места Августина в развитии западного исторического знания был Е.А. Косминский, посвятивший этой теме специальную лекцию своего курса по историографии средневековья [12]. Но к середине 1980-х гг. рассуждения Е.А. Косминского об Августине уже выглядели явным анахронизмом, и потому М.А. Баргу, принявшему тезис Косминского об определяющей роли Августина для средневекового историзма, приходится идти своим путем при разборе содержания учения философа.

В силу этого в своей работе М.А. Барг опирается в первую очередь на тексты непосредственно двух самых известных творений Августина. Это книги «О Граде Божьем» и «Исповедь», переведенные на тот момент на русский язык. При этом М.А. Барг игнорирует достаточно солидную дореволюционную историографию Августина, а из необъятного моря зарубежной литературы выбирает лишь несколько работ с устоявшейся репутацией классических (например, труды А.-И. Марру). За то есть ссылки на работы С.С. Аверинцева, Г.Г. Майорова, и даже не писавшего непосредственно об Августине А.Я. Гуревича.

Августин предстает для М.А. Барга представителем переходного периода (от античности к средневековью) в истории генезиса европейского историзма. Сама глава, полностью посвященная анализу взглядов Августина, называется «Теология истории раннего христианства». Взгляды Ав-

густина Барг рассматривает в статике как некую систему взаимосвязанных идей, философскую систему.

Барг, реконструируя взгляд Августина на историю, в первую очередь отмечает его теоцентризм, фидеизм, антропологизм, признание «единородности человечества», линейную концепцию времени и пессимизм видения человеческой природы. Он рассматривает Августина в рамках прогресса взгляда на историю, отмечая, с одной стороны, более «прогрессивный» характер суждений великого теолога по сравнению с античными, а с другой стороны, их противоречия и косность в сравнении с современным восприятием истории. «Однако религиозная интерпретация ряда идей, потенциально важных в случае их рационалистического раскрытия, затемняла на протяжении многих столетий возможность их рационалистической и гуманистической трактовки» [7, с. 82]. Другими словами, исследователь упрекает теолога за то, что тот был теологом. Барг подчеркивает, что христианство, «религия сугубо историческая», «историзировало миф», введя разделение сакральной и профанной стороны истории [7, с. 85]. Сложная взаимосвязь этих двух аспектов истории проявилась в учении Августина о двух Градах. При этом история, по мнению Барга, у Августина выступает не как последовательный процесс, со своей внутренней логикой, а как некая «пунктирная» линия с чередой значимых и незначимых событий [7, с. 100].

Принципиальной трудностью, возникшей в данном случае перед Баргом, как впрочем, перед любым исследователем, пытающимся дать краткий содержательный анализ взглядов Августина, являлось то, что несмотря на доступность текстов источников и многовековую традицию изучения учению Августина не является абсолютно прозрачным. Любая попытка описания с неизбежностью превращается в авторскую интерпретацию. В своей интерпретации Барг, например, выпускает проблему теодицеи, явно упрощает учение о Церкви и Боговоплощении и т.д.

Но важным оказывается не столько это. Получается, что в значительной степени проблемы Барга вырастают из его принципиальной установки на объективизм и прогрессизм. Описывая учение Августина, Барг не может опереться ни на традицию церковную, с восприятием Августина как своего, ни на традицию советскую, атеистическую, с критикой Августина как чужого. В этом плане тем же Баскину и Косминскому было намного легче. Они могли критиковать Августина с позиций «истины» марксистского учения. Барг как бы остается с Августином один на один. Стремясь быть «объективным», он должен интерпретировать и критиковать «от своего имени».

В этой связи Барг, пытаясь обосновать свою позицию, опирается как на теорию прогресса. Именно эта имплицитно присутствующая в тексте теория позволяет Баргу, в качестве современного ученого, смотреть на Августина «сверху вниз», искать и находить в его учения противоречия и недостатки. Сама же эта теория предстает в качестве некоего синтеза теорий прогресса XIX века и теорий модернизации.

Таким образом, рассмотренный пример, позволяет нам обозначить в качестве предварительной посылки для дальнейших исследований один принципиальный момент. Получается, что попытки «позднесоветские» попытки модернизировать интеллектуальный и методологический инструментарий советской науки в определенной степени обнажали и актуализировали ее более архаичные основания. В этом плане позднесоветская «интерпретация» 1980-х выглядит более архаичной, чем раннесоветская 1920-х гг., обнажая корни классической социальной философии XIX века, в полной мере советской историографией унаследованные. Теория универсального прогресса выступает в данном случае в «очевидного» и «безусловного», на основании которого можно строить свой анализ при исследовании практически любого сюжета.

Литература

1. Авдеева К.Д., Барг М.А. От Макиавелли до Юма. Становление историзма. – М., 1998.
2. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М., 1984.
3. Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. – М., 1962.
4. Барг М.А. Народные низы в английской революции XVII в.: Движение и идеология истинных левеллеров. – М., 1967.
5. Барг М.А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип марксистской исторической науки. – М., 1973.
6. Барг М.А. Шекспир и история. – М., 1976.
7. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М., 1987.
8. Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII–XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. – М., 1990.
9. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. 2-е изд. – М., 1985.
10. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки/ под ред. И.П. Дементьева. – М., 1990.

11. Копосов Н.Е. Ю.Л. Бессмертный и «новая история» в России // Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. – М., 2005. – С. 193–209.
12. Косминский Е.А. Историография средних веков. – М., 1963.
13. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. – М., 2013.
14. Михаил Абрамович Барг: наследие ученого в современной исторической науке / отв. ред. М.С. Бобкова. – М., 2006.
15. Павлова Т.А., Черняк Е.Б. Михаил Абрамович Барг (1915–1991) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. – М.-Иерусалим, 2000. – С. 248–257.
16. «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. Ред. Л.П. Репина. – М., 2006.

УДК 94

З.В. Степаненкова

г. Сургут, Сургутский государственный педагогический университет

МЕСТО В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО В ДИСКУССИИ О ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Земская реформа 1864 г., заложившая основы местного самоуправления, вызвала оживленную реакцию в среде российских общественно-политических деятелей. Уже в 1860-х годах складываются официально-государственное, либеральное и левое революционно-демократическое направления, по-разному рассматривавшие деятельность земств. Первое ориентировалось на обоснование Положения 1864 г.; второе оценивало реформу положительно, с энтузиазмом намечая ее дальнейшее развитие; третье, не уделяя земской проблематике много внимания, в целом не поддерживало земского самоуправления, не расценивая его как учреждение гражданской свободы [6, с. 47].

Либеральная мысль воспринимала принципы земской реформы с одобрением. Все либеральные теоретики того времени (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, В.П. Безобразов, А.И. Васильчиков и пр.) признавали, что земства являются общественными учреждениями, хотя и не исключали их связи с государственной деятельностью. Высоко оценивалась самостоятельность и всесословность земств, причем в последней виделся путь к сближению сословий. По-разному трактовались лишь пути организации этого сближения [5, с. 66].

К 1870-м гг. наметилось некоторое разочарование в организации и работе земств. Показательна в этом плане позиция А.А. Головачева (1871 г.), отмечавшего, что земства вряд ли могут иметь значение самоуправления. Автор полагал, что признаки, которые характеризуют земство, противоположны признакам подлинного самоуправления (контроль земств администрацией, а не наоборот; подотчетность земств администрации, а не избирателям и независимому суду, отсутствие у земств исполнительной власти, скудость земских средств и т.п.) [5, с. 58–71]. На протяжении 1870-х годов публицистика отмечала вялость работы земств, разочарование общества и прессы в земстве, связывая их с несоответствием земства эталону подлинного самоуправления [5, с. 71].

Во второй половине 1870-х годов в связи с необходимостью преодолеть эти недостатки в работах В.П. Безобразова и, в первую очередь, А.Д. Градовского оформляется концепция, подчеркивающая государственный характер любой деятельности самоуправления, сформировавшаяся под влиянием позитивизма (имеется ввиду социологический позитивизм как одно из направлений позитивистской юриспруденции – З.С.) [5, с. 82]. Окончательно сформулирована она была в начале 1890-х годов профессором Н.М. Коркуновым. Государственная теория, по его мнению, в самоуправлении видит возложение на местное общество осуществления задач государственного управления, службу местного общества государственным интересам и целям. Самоуправление должно в силу этого решать не только местные общественные вопросы, но и государственные. Государственная теория самоуправления противопоставляется общественной, согласно которой самоуправление есть самостоятельное осуществление местным обществом своих собственных общественных интересов [5, с. 32–33].

В силу этого, по мысли В.П. Безобразова, земство нужно было наделить государственными полномочиями и привести его права в соответствие с обязанностями, для чего следовало связать земства с государственной системой [5, с. 81]. А.Д. Градовский также полагал, что сложившаяся двойная иерархия властей ведет только к соперничеству между ними, и предлагал создать учреждения, в которых все элементы местного управления могли бы работать вместе, которые имели бы земское основание и правительственную санкцию. Доказывал Градовский и необходимость

создания мелкой земской единицы, которая стала бы опорой земству и правительству, способствовала бы слиянию сословий [5, с. 82].

Принял участие в обсуждении результатов деятельности земских учреждений и В.В. Берви-Флеровский, известный ученый, публицист и общественный деятель своего времени. Взгляды его изложены в целом ряде работ, особое значение среди которых имеет статья «Записки земца о земских изданиях и земских приемах», опубликованная в 1881 году [1–4]. Стоит отметить, что в предлагаемой работе содержится лишь общая характеристика воззрений В.В. Берви-Флеровского на проблемы земского самоуправления, поскольку более подробно они уже рассматривались автором ранее [7].

По мнению В.В. Берви-Флеровского, любое самоуправление, и местное, и центральное, создается с целью достижения гармонии между интересами личности, общества и государства. В результате его введения «личность все более проникается целями государства, а государство все с большим вниманием относится к интересам личности» [1, с. 293]. С этих позиций мыслитель подходит к оценке реформы и деятельности земских учреждений.

В.В. Берви-Флеровский довольно высоко оценивал деятельность земств, полагая, что общество, или хотя бы образованная его часть, стало воспринимать земства как средство взаимодействия с правительством [4, с. 31–32].

Однако, говоря о практической стороне их работы, мыслитель отмечает целый ряд недостатков.

Так, анализируя работу земских учреждений в области народного образования, медицины, защиты крестьянских хозяйств от разорения исследователь подчеркивает случайный характер распределения ими денежных средств [1, с. 241–242]. Хозяйственная деятельность земств (строительство и ремонт дорог, мостов и т.д.) также демонстрирует их неумение распоряжаться финансовой частью. Нередко земства тратят деньги произвольно, допускают «безмерные и безобразные расходы по хозяйственной части» [1, с. 302].

Рассматривая вопрос об обложении населения налогами, с которого, по его мнению, начинается любое самоуправление, В.В. Берви-Флеровский приходит к выводу, что решается он земствами несправедливо. Отчасти это связано с преобладанием в них крупных землевладельцев, отчасти – с несогласованностью их действий с другими органами, обладающими правом налогообложения. Среди других недостатков в работе земств В.В. Берви-Флеровский отмечает их низкую популярность среди народа [4, с. 35], бессистемность земских публикаций [1, с. 229–230] и т.п.

В целом, анализируя результаты земской реформы 1864 г. как меры, призванной создать в России самоуправление, В.В. Берви-Флеровский приходит к выводу, что она не достигла своих результатов.

Земство лишь ассоциируется в обществе с самоуправлением, хотя не имеет к нему отношения. Полное самоуправление, по мнению ученого, требует, чтобы некая область через лиц, избранных всеобщим голосованием, издавала для себя гражданские и уголовные законы, т.е. устраивала свой социальный порядок, заведовала у себя администрацией и судом. Даже ограниченное самоуправление требует осуществления функций администрации и суда через выборных лиц. Из российского же законодательства четко следует, что правительство отдает в распоряжение земских учреждений лишь некоторые незначительные отрасли хозяйства [4, с. 32].

Кроме того, государство раздробило самоуправление, создало множество не связанных друг с другом «самоуправляющихся единиц в форме волостей, городов и земства», и поставило над ними «плотно организованную бюрократию» [1, с. 290–291], искусственно обеспечив преобладание в них крупных землевладельцев, чтобы сделать их более послушными [1, с. 291].

Чтобы сделать систему самоуправления в стране более действенной, Берви-Флеровский предлагал, во-первых, упростить систему административного-фискального деления страны, на основании которого производится распределение налогов среди населения; во-вторых, связать воедино администрацию и самоуправление, чтобы снять противоречия между ними. Для этого нужно обеспечить возможность перехода наиболее успешных деятелей местного самоуправления в ряды государственных чиновников, бюрократии. Это, по мысли В.В. Берви-Флеровского, должно стать своего рода признанием заслуг земца перед обществом, того, что он способен к мышлению на государственном уровне. Таким путем можно добиться того единства между администрацией и лидерами самоуправления, которое в конечном итоге приводит к гармонизации интересов личности, общества и государства [1, с. 293].

Кроме того, необходимо, чтобы, земства более тесно, чем раньше, сотрудничали с местной прессой, ориентируясь на народные массы в целом [4, с. 36]. С одной стороны эта мера позволила бы земским учреждениям упрочить свое положение, с другой – повысила бы ответственность самих земцев перед избирателями, превратив их в школу развития политического сознания и социальной активности масс.

Исходя из вышесказанного, подчеркнем, что В.В. Берви-Флеровский выступает как сторонник либеральной государственной теории. Критикуя земства, он также отмечает их несоответствие подлинному самоуправлению, также пытается преодолеть противопоставление между земством и государством, связав их воедино, так же как А.Д. Градовский, пытается создать мелкую земскую единицу (сход), полностью осуществляющую раскладку всех сборов и повинностей.

Следует упомянуть и о некотором сходстве взглядов В.В. Берви-Флеровского с воззрениями А.И. Васильчикова, в понимании которого самоуправление состоит из раскладки податей, расходования земских сборов и местного суда и расправы. Главным в нем А.И. Васильчиков считал равномерное подоходное обложение и участие жителей в сметах и раскладках местных повинностей [4, с. 61]. В.В. Берви-Флеровский также видит одну из центральных проблем деятельности земств в раскладке налогов, которая, по его мнению, должна носить, как минимум, прогрессивный характер. Серьезное внимание уделяет он, как видно из вышеизложенного материала, и контролю расходов земских средств. Возможно, что эти черты сходства обусловлены пристальным вниманием обоих мыслителей к опыту США и Англии.

С представителями революционно-демократического направления В.В. Берви-Флеровского сближает, пожалуй, четкое осознание заранее спланированного государством преобладания в земствах крупных землевладельцев, которое делает земства более послушными и заставляет их искать опоры в администрации.

Стоит отметить также, что на формирование взглядов В.В. Берви-Флеровского о местном самоуправлении определенное влияние оказали представители европейской либеральной мысли, в первую очередь, И. Бентам, который как известно не только ввел термин «местное самоуправление», но и разработал его теорию, которую обычно характеризуют как полувыборную и полуправительственную. Такой же подход, связанный с попыткой совместить выборное начало с государственным управлением характерен и для В.В. Берви-Флеровского.

В заключение стоит отметить также, что В.В. Берви-Флеровский оценивает самоуправление вполне в духе современной историографии – как одно из условий формирования гражданского общества, а земства – как средство взаимодействия общества с правительством, что не мешает ему жестко критиковать недостатки их практической деятельности. Подобный критический взгляд необходим для современных историков земства, работы которых, зачастую выполненные в «мажорной тональности», приобретают характер «истории и достижений» [8, с. 32].

Литература

1. Берви-Флеровский В.В. Записки земца о земских изданиях и земских приемах [Текст] / В.В. Берви-Флеровский // Берви-Флеровский В.В. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Изд-во социально-экономич. л-ры, 1959. – С. 228–332.
2. Берви-Флеровский В.В. Оглянемся назад [Текст] / В.В. Берви-Флеровский // Отечественные записки. – 1876. – № 5. – С. 115–148;
3. Навалихин Н. Современное обозрение [Текст] / Н. Навалихин // Дело. – 1871. № 6. – С. 1–36;
4. Флеровский Н. Двадцатилетие реформ 1864-го года [Текст] / Н. Флеровский // Наблюдатель. – 1884. № 12. – С. 24–37.
5. Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты) [Текст] / А.Н. Верещагин. – М.: Международные отношения, 2002. – 192 с.
6. Горбачева Н.Г. Дореволюционная историография земского самоуправления в России [Текст] / Н.Г. Горбачева // Вестник Пермского университета. История. – 2008. – Вып. 7 (23). – С. 46–54.
7. Степаненкова З.В. В.В. Берви-Флеровский о результатах земской реформы [Текст] / З.В. Степаненкова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – Сургут, 2013. – № 4 (19). – С. 80–88.
8. Чернышева Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860–1914 годы) в отечественной историографии [Текст]: автореф. дисс. ...д-ра ист. наук / Е.В. Чернышева. – Челябинск, 2011. – 45 с.

О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СЕКРЕТНЫХ СОГЛАШЕНИЙ (на примере событий 1939 г.)

24 декабря 1989 г. Второй съезд народных депутатов СССР впервые в отечественной истории признал факт существования примыкавшего к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. «секретного дополнительного протокола». Осудив факт подписания и его, и других секретных договоренностей с Германией, съезд объявил их «юридически несостоятельными и недействительными», а также морально негодными, неприемлемыми, несовместимыми с ленинскими принципами советской внешней политики «как по методу их составления, так и по содержанию» [13].

«Содержание» секретных протоколов будет осуждаться за определение «сфер интересов» [13], а «метод» – за то, что переговоры с Германией велись Сталиным и Молотовым «втайне от советского народа, ЦК ВКП (б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР» [10, с. 108], за то, что «пакт родился в глубокой тайне и от дипломатических партнёров СССР, и от советского народа [1, с. 12] и т.п.

Между тем, практически все государственные деятели исходят в своей деятельности из наличия «сфер интересов» отдельных государств, каковыми с неизбежностью являются, например, друг для друга земли сопредельных стран. Фиксирование государством своей «сферы интересов» наряду с прочим нацелено на то, чтобы предотвратить/пресечь на определённой территории нежелательную/опасную, с его точки зрения, экспансию других государств в самых разнообразных её формах. При этом, территории, объявляемые «сферой интересов», не обязательно становятся объектом оккупации.

В реальной жизни также часто возникает «некий довольно ясно определяемый баланс – необходимость выбора между «этикой» и традиционным, старым, как мир, стремлением действовать в угоду собственным, национальным интересам» [9, с. 54]. И эта «реальная политика» то и дело выливается в заключение не афишируемых или тщательно скрываемых соглашений. Проиллюстрируем это событиями 1939 г.

21 марта 1939 г. нацистское правительство официально потребовало от польского правительства согласия на включение в состав рейха «свободного города-государства» Данцига, после чего генеральный комиссар Польши в Данциге заявил комиссару Лиги наций Буркхарту: уже одно «открытие таможенных границ Данцига с Восточной Пруссией означает войну» [6, с. 201].

Сразу же после начала данцигского (польского) кризиса, 3 апреля 1939 г. появилась инструкция верховного командования Германии вооружённым силам на период 1939-1940 гг., одной из трёх частей которой являлся план нападения на Польшу. Относительно плана, говорилось в инструкции, «фюрер распорядился о следующем: 1. Разработка должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г. (курсив везде мой – С.Ф.)» [11, с. 301].

Поэтому вполне понятно, что советское руководство с готовностью пошло на контакты с британским правительством, которое уже 18 марта 1939 г., через 2 дня после поглощения рейхом Чехословакии, предложило совместно подумать над мерами по пресечению дальнейшей гитлеровской агрессии.

Вершиной англо-франко-советского сближения в 1939 г. стали начатые 15 июня в Москве политические переговоры представителей 3-х стран, в ходе которых была достигнута договорённость о заключении трёхстороннего пакта взаимопомощи и на случай прямой агрессии со стороны Германии, и в случае её нападения на одну из малых европейских стран. Переговоры эти чуть не сорвались по вине потенциальных жертв агрессии: часть прибалтов и поляки категорически возражали против их упоминания в англо-франко-советском пакте. Положение спасли французы. 21 июня посол Франции «спросил от своего имени, будет ли соответствовать советской точке зрения, что названия соответствующих стран будут указаны в *отдельном документе, который не подлежит опубликованию*» [6, с. 370]. Как только советское правительство согласилось обсудить идею секретного соглашения, *правительства Франции и Великобритании предложили* проект дополнительного к трёхстороннему пакту соглашения с указанием 11 европейских стран, «независимость или нейтралитет которого одна из трёх заинтересованных стран считает себя вынужденной защи-

щать». В проекте подчёркивалось, что «вышеперечисленный перечень может быть подвергнут пересмотру» и что «*настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию*» [11, с. 476]. Политические переговоры продолжились (хотя и были прерваны 25 июля). А вот военные англо-франко-советские переговоры, начавшиеся 12 августа опять-таки в Москве, оказались сорваны руководством Польши: оно отказало советским войскам во вступлении на польскую территорию с целью открытия против нацистского рейха военных действий сразу на двух фронтах – на Западном и Восточном. (А ведь только это могло привести к быстрой победе над Германией в случае её новой агрессии).

В разгар переговоров в Москве в Лондон прибыл для участия в международной китобойной конференции сотрудник Ведомства по осуществлению четырёхлетнего плана Германии Гельмут Вольтат. 18–21 июля он «был приглашён на беседу» [5, с. 100] сначала Хорасом Вильсоном – главным советником британского правительства по экономическим вопросам, а фактически руководителем внешней политики премьер-министра Чемберлена [4, с. 234], затем министром внешней торговли Хадсоном, а потом вновь Вильсоном. Хадсон внушал Вольтату мысль о необходимости «*разграничения сфер английских и германских интересов и о возможности устранения убийственной конкуренции на общих рынках*» Британской империи, *Китая и России* [5, с. 71]. Вильсон же предложил руководству рейха «Программу германо-английского сотрудничества», вторым пунктом которой значилось «Заявление о взаимном невмешательстве Германии по отношению к Британскому содружеству наций и Великобритании по отношению к Великой Германии». При упоминании нацистского понятия «Великая Германия» Вольтат заметил, что в данном случае речь должна идти «не только о границах государств и владений, но и о *территориях, являющихся сферами особых интересов и экономического влияния*» и что для Германии «это, в частности, распространяется на Восточную и Юго-Восточную Европу». Вильсон не возразил против такой постановки вопроса, сказав лишь, что «этот пункт нуждается в особо тщательной политической формулировке... Англия заинтересована только в том, чтобы сохранить своё участие в европейских делах» [11, с. 512].

3 августа, пригласив в свой дом германского посла, Вильсон вновь заявил, что с английской стороны «будут готовы сделать заявление о невмешательстве по отношению к Велико-Германии. Оно распространится, в частности, и на данцигский вопрос». Хотя, по свидетельству посла, «Вильсон уклонился от того, чтобы высказаться относительно *германской сферы интересов* так же ясно, как он это сделал в разговоре с Вольтатом», «из хода беседы можно было заключить, что это германское требование могло бы обсуждаться в этом пункте программы». Вильсон говорил также: поскольку «вступление в конфиденциальные переговоры с германским правительством связано для Чемберлена с большим риском», «на настоящей стадии требуется прежде всего сохранить строжайшую тайну» [5, с. 134–136].

Поэтому-то 21 августа Гитлер одновременно предложил Москве принять Й. Риббентропа, а Лондону – Г. Геринга [8, с. 69]. Нет никакого сомнения, что в случае появления Геринга в Великобритании на основе вильсоновской программы двустороннего сотрудничества было бы заключено англо-германское соглашение, и часть этого соглашения имела бы характер секретного протокола.

Наконец, имелся некий секретный протокол, «прилагаемый и к англо-польскому договору 1939 г.» [9, с. 51]. (Правда, не совсем ясно, о каком договоре идёт речь: об англо-польском коммюнике от 6 апреля, согласно которому «Англия и Польша окажут друг другу помощь в случае прямой или косвенной угрозы независимости одной из них со стороны третьей страны» [14, с. 112], либо об англо-польском договоре о взаимной помощи, подписанном 26 августа). По свидетельству современного британского историка, наряду с обнародованным разделом англо-польского договора, который «в общих чертах предусматривал обязательства Великобритании защищать Польшу от «агрессии», существовал и другой, *секретный пункт, существенно сужавший круг обязательств, но только на случай агрессии со стороны Германии*» [9, с. 51–52].

Для объяснения бездействия Англии, которая после гитлеровского нападения на Польшу объявит 3 сентября 1939 г. войну Германии, но её вести не будет, главная фигура британского министерства информации граф Пертский попытается убедить Кадогена – постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании, «что настало время сообщить о существовании секретного протокола к договору между Польшей и нами». Но Кадоген ответит: хотя «польское правительство в изгнании и дало согласие на обнародование секретного протокола, “мы всё же решили, что *нецелесообразно делать какие-либо заявления о существовании аналогичного секретного*

протокола и у нас с поляками, ибо это лишь вызовет вопросы, а не существуют ли подобные секретные протоколы и к другим нашим соглашениям...» [9, с. 52].

В итоге историк может задать вполне резонный вопрос: если другим можно было подписывать секретные соглашения, то почему этого нельзя было делать правительству СССР [7, с. 53]?

Секретный советско-германский «дополнительный протокол» от 23 августа состоял из трёх статей (статья 4 лишь констатировала, что протокол будет сохраняться в строгом секрете). Согласно протоколу, «1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР... 2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития... 3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчёркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о её полной политической незаинтересованности в этих областях» [3, с. 321].

Таким образом, речь в протоколе шла о разграничении «сфер интересов», а не «сфер влияния», как это пытался представить, например, Ю. Фельштинский, в 1983 г. составивший и опубликовавший в США на русском языке сборник о советско-германских отношениях 1939–41 гг. (В 1989 г. этот сборник был издан в Вильнюсе [12], а позднее в Москве).

И, конечно же, «секретный дополнительный протокол» не делил территории сопредельных с СССР и Германией государств. Изменение юридического и политического статуса Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии произойдёт «в силу других обстоятельств», которые должны «исследоваться, исходя прежде всего из сложных и противоречивых внутренних процессов, происходивших там в контексте очевидных агрессивных поползновений гитлеровской Германии» [10, с. 108].

Что же касается Польши, то даже второй советско-германский договор 1939 г. – от 28 сентября – вопреки своему названию «О дружбе и границе», определял «на территории бывшего Польского государства» не советско-германскую границу, а лишь *«границу между обоюдными государственными интересами»* двух стран. [3, с. 321]. Не прекращающиеся разговоры о «пятом разделе Польши» [2, с. 282] требуют отдельного обращения к этой теме. Здесь же достаточно указать, что вступление Красной Армии в сентябре 1939 г. на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии было воспринято в Европе в основном как возвращение России её земель, захваченных польской армией в 1920 г., как установление западной границы СССР по той «линии Керзона», что была признана в 1919–20 гг. Антантой в качестве «этнографической границы» между Польшей и Россией.

27 октября 1939 г. на завтраке с советским послом И. Майским Хорас Вильсон, например, посчитал необходимым заявить, что «Польша должна быть восстановлена как самостоятельное государство на своей этнографической базе, но без Западных Украины и Белоруссии» [4, с. 234].

То есть современники событий 1939 г. из числа крупных политиков Запада не позволяли себе обвинять СССР в том, что он ущемил «территориальные интересы» Польши. Шум по поводу «раздела» Польши нацистской Германией и СССР поднимется на Западе только после 1945 г., в обстановке «холодной войны». С конца 1980-х годов, не без влияния Постановления № 979-1 Второго съезда народных депутатов СССР, разговоры об участии СССР в разделе Польши развернулись и в нашей стране. И к сожалению, их поддержало немалое число историков. В конце 1980-х годов советским людям фактически «сказали, что оказывается, этот ужасный Сталин перед самой войной преступно заключил с Гитлером преступный пакт... заключил и начал на пару с Гитлером делить Европу» «Между тем, «если видеть картину в целом, куда-то исчезает злобный СССР, оплот агрессии. Появляется одна из стран, которая точно так же, как и другие, заботится о своей безопасности» [7, с. 54].

24 декабря 1989 г. значительная часть народных депутатов осудила факт подписания «секретного дополнительного протокола» потому, что он противоречил принципам ленинской внешней политики. Пришедшим к власти большевикам, однако, так и не удалось внедрить свои принципы в практику международных отношений. Они, например, выступали за мир без аннексий и контрибуций. Но Антанта, отбросив скомпрометированное понятие «контрибуция», потребовала от по-

беждённых выплаты огромных сумм репараций и уступку части своей территории в пользу победителей. В 1920–30-е годы советская сторона не раз предлагала Западу осуществить полное и всеобщее разоружение с одновременной ликвидацией военной промышленности и роспуском армий. Тем не менее, позволить себе не иметь армию до сих пор решила разве что Коста-Рика да города-государства. Точно так же, как и в прошлом, современные международные отношения во многом базируются продолжают на секретных договорённостях – зафиксированных на бумаге и устных. Принципы ленинской внешней политики пока что продолжают оставаться недостижимым идеалом.

Литература

1. Безыменский Л.А. Предисловие // Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / Пер с нем. – М.: Прогресс, 1991. – С. 11–17.
2. Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 480 с.
3. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / МИД СССР: Редкол.: Бондаренко А.П. и др. – М., Политиздат, 1990. – 432 с.
4. Документы внешней политики СССР. Т.22. В двух книгах. Кн. 2 (1 сентября – 31 декабря 1939 г.). – М.: Международные отношения, 1992. – 688 с.
5. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Том II. Архив Дирксена (1938–1939 гг.). – М., 1948. – 287 с.
6. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т.2. Янв. – авг. 1939 г. – М., Политиздат, 1981. – 415 с.
7. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Второе издание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 704 с.
8. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд, исправ. и доп. – М.: Вече, 2002. – 544 с.
9. Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад: Тайная дипломатия Великих держав / Пер. с англ. А.Л. Уткина. – М., Астрель, 2012. – 574 с.
10. Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. – М.: «Международные отношения», 1991. – 224 с.
11. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сент. 1938 – август 1939 гг.). Докум. и материалы. – М.: Политиздат, 1971. – 736 с.
12. СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. / Сост. Ю. Фельштинский. – Vilnius, «Mokslas», 1989. – 128 с.; СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / Сост. Ю. Фельштинский. – Vilnius, «Mokslas», 1989. – 192 с.
13. Съезд народных депутатов СССР. Постановление от 24 декабря 1989 г. № 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» // <http://russia.bestpravo.ru/ussr/data01/tex11098.htm>.
14. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / Пер с нем. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.

УДК 94

Т.П. Хлынина

г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН

«ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ» И СТРАТЕГИИ ВОСКРЕШЕНИЯ ПРОШЛОГО (на примере воспоминаний детей Сталинграда)¹

Феномен исторической памяти, в одночасье ставший веским аргументом в пользу реальности существования прошлого, все чаще оказывается в эпицентре дискуссий, так или иначе связанных с изучением событий Великой Отечественной войны. Начавшаяся антропологизация ее исследований потребовала расширения традиционно используемого корпуса источников, среди которых оказались и интервью. Интервью с теми, кто не понаслышке знал войну, был ее непосредственным участником, помнил запахи горевших домов и восхитительный вкус редких сладостей. Их рассказы о пережитом должны были ответить на целый ряд вопросов, приоткрывавших занавес повседневного мира войны с его неподдельными трагедиями и маленькими радостями.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

Однако, став полноправными участниками академического нарратива о войне и, казалось бы, решив стоявшие перед ним задачи, рассказы эти со временем превратились в объекты пристального научного анализа. При этом если историков в большей мере волновала «правдоподобность» излагаемых очевидцами событий, то социологи, традиционно работавшие с этим жанром, сосредотачивали свои усилия на выявлении значимости воскрешаемого прошлого для респондента. С течением времени, под обаянием идей «лингвистического поворота» и интертекстуальности, рассказ из традиционной формы повествования стал все больше восприниматься стратегией «совладения с прожитой жизнью» и в этом своем новом качестве мог бы оказаться хорошим подспорьем для понимания механизмов воскрешения прошлого. О том, почему именно тот, а не иной круг сюжетов оказывается памятен его хранителям, насколько отбор этого круга произволен или созвучен современным оценкам того времени, я попытаюсь проанализировать на примере практик сбора воспоминаний детей Сталинграда; а также показать те трудности, с которыми сталкиваются исследователи при воскрешении индивидуальной памяти.

Поддержанный РГНФ проект по культуре повседневности и стратегиям выживания детей в годы Великой Отечественной войны задумывался на материалах Сталинграда – города, ставшего символом сопротивления фашизму и коренного перелома в ходе советско-германского вооруженного противостояния. Статус живой легенды, поддерживаемой всевозможными мемориальными практиками от музея-панорамы Сталинградской битвы до неоднократного сбора и публикаций воспоминаний ее участников, не могли не сказаться «на чистоте» предпринимаемого исследования. Тем не менее, со многими ловушками официальной памяти нам все же удалось справиться. Прежде всего, объектами нашего исследования стала та часть детей войны, чья жизнь оказалась не только опаленной Сталинградом, но и прочно связанной с послевоенной судьбой города. Именно эта родовая взаимосвязь позволила выявить внешние напластования памяти респондентов, приносимые желанием «как можно скорее забыть те страшные годы».

Между тем, несмотря на искренность этого желания, многие из них по-прежнему активно переживают события того времени: большая часть из 200 опрошенных проявила интерес к проводимому исследованию, выразив готовность не только рассказать о жизни в военном Сталинграде, но и ответить на вопросы, связанные с формированием современного облика того времени. Как представляется, готовность такого рода оказалась сродни хоторнскому эффекту, где осознание важности проводимого исследования привело к пониманию личной значимости респондента в рассматриваемой истории. Причем значимости не только непосредственного участника воскрешаемого события, но и хранителя памяти о нем. Усилению этого эффекта способствовали и само глубинное интервью, и практика его проведения, апеллирующая исключительно к индивидуальной памяти собеседника.

При этом не обошлось и без целого ряда коммуникативных и технических сложностей. Главной и несколько неожиданной из них стал поиск респондентов. Планировавшийся вестись через общественные организации и личные связи, он как-то сразу натолкнулся на непонимание со стороны официальных инстанций. Руководители ряда районных отделений этих организаций, согласившихся помочь в нахождении «нужных людей», затребовали перечень задаваемых вопросов. Ознакомившись с ним и найдя его «несоответствующим реалиям того времени», они отказали в предоставлении списков потенциальных респондентов, пообещав при этом, самостоятельно с ними связаться. В итоге, среди полученных адресов – большая часть оказалась «отказниками». Следует отметить, что в ряде случаев именно председатели становились наиболее надежными связными с респондентами: они им звонили, убеждали встретиться, говорили о социальной и научной значимости проводящегося проекта. Тем не менее, наиболее результативными оказались личные каналы – родственники, их знакомые, друзья, которые не только с удовольствием включились в поиск респондентов, но и зачастую становились ими сами. Еще одной трудностью стал поиск «первичных» респондентов – тех, кто не был вовлечен в процесс «публичной жизни памяти»: никогда или, по крайней мере, не часто делился своими воспоминаниями о военном детстве со школьниками, исследователями, журналистами. Таких оказалось не много – 5 из 200 чел.

Не меньшим эмоциональным испытанием для интервьюеров стало установление доверительных отношений с респондентами. Даже договорившись о встрече, они не всегда получали возможность с ними встретиться. Отдельно необходимо отметить трудности содержательного порядка, непосредственно вызванные работой с респондентами. Вопросы, связанные с повседневной жизнью на войне, очень часто наталкивались на их непонимание. Особое беспокойство вызывало

слово «быт», ассоциировавшееся с благополучной, размеренной жизнью, которой «на войне не могло быть по определению. В тех же случаях, когда респонденты соглашались рассказать, что «ели и носили», они нередко испытывали чувство стыда, проявлявшееся в понижении голоса, закрытии рукой диктофона или передвижении вглубь комнаты. Скорее всего, такая реакция на некогда пережитый голод и отсутствие «нормальной одежды» – дань более поздним представлениям о «счастлимом детстве страны Советов», не вписывавшимся в индивидуальные воспоминания детей войны. До многих вопросов интервьюеры просто «не доходили». Часовые беседы «под диктофон» плохо переносились респондентами, чей преклонный возраст и буквально на глазах возрастающая эмоциональная неустойчивость (слезы, появлявшаяся замкнутость, нежелание «ворошить прошлое») требовали срочного сворачивания беседы или перевода ее в плоскость бытовых разговоров о здоровье, семье, болезнях и текущей политике.

Определенные сложности возникали и в процессе самой беседы с респондентами: многие из них отказывались или очень неохотно говорили о себе, своем прошлом и особенно о войне. Одна из интервьюеров, делаясь своими впечатлениями, отметила: «Причины для этого они называют разные: 1. Не считают это интересным для своих потомков. 2. Боятся, что их рассказ не будет складным или его осудят. 3. Считают, что уже много написано о войне и современные историки сделают только хуже, опасаются, что рассказанное ими будет перевернуто. 4. Некоторые уже не один раз давали интервью, записывали воспоминания, но они часто пропадали бесследно. 5. Очень часто отказываются по состоянию здоровья. Погружение вглубь своих самых страшных воспоминаний не проходит без следа на их здоровье. Есть другой тип людей, которые отказываются от интервью не сразу. Они вроде бы соглашались, но под разными предлогами оттягивают момент встречи, а потом говорят, что передумали». Интервьюеры отмечали, что в ряде случаев респонденты рассказывали не о том, что они пережили в реальности, а то, что от них хотели услышать: «Например, я спрашиваю: “Расскажите, Вы писали письма на фронт?”. Они отвечают: “Я не помню, но напишите, что писала”». Переживая, что «что-то напутают в изложении событий войны», они предлагали ранее записанные воспоминания в виде газетных статей, сочинений о них школьников. Иногда их воспоминания полностью воспроизводили отредактированные печатные версии: «Попадают интервью, начинающиеся с уже опубликованных воспоминаний. Вот сейчас сижу, вычитываю текст практикантки. Начало – выверенный эмоционально текст, без грамматических (обычных для устной речи) ошибок. Потом девочка говорит: “Спасибо, что прочитали Вашу статью...” и начинает задавать вопросы...». Практически все из опрошенных «детей Сталинграда» гораздо больше, чем о своем военном детстве, хотели рассказать и рассказывали «о своих успехах в жизни, своих зрелых годах, когда они были квалифицированными и востребованными специалистами, как жили большой дружной семьей, о путешествиях по СССР, о достижениях своих детей и внуков». Подчеркивая, тем самым, что их жизнь состоялась, в том числе, и благодаря суровой школе Сталинграда.

Еще одним фактором, оказавшим значимое воздействие на воскрешение событий интересовавшего нас прошлого, стала сама практика задавания вопросов. Во многих интервью вопросы раздавались заранее, тем самым, фокусируя внимание респондентов и настраивая их память на вполне определенные воспоминания. В ряде случаев они последовательно взбрасывались в разговор в зависимости от определяемого респондентом содержания беседы. Нередко, как уже отмечалось, от каких-то из них приходилось просто отказываться. Они не получали отклика в памяти собеседника или оказывались эмоционально тяжелы для него.

В результате собранные нами воспоминания во многом оказались спровоцированы применяемыми стратегиями воскрешения прошлого, а их сюжетное многообразие определилось личной значимостью пережитого военного детства для респондента и его общественно-исторической оценкой.

Литература

1. Кринко Е.Ф., Курилла И.И., Рыблова М.А., Хлынина Т.П. Детство Великой Отечественной: историография, память, проблемы поля // Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. – Волгоград, 2014. – С. 15–17.

ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В основе всякой цивилизации находится некое культурное ядро, которое в процессе ее динамики подвержено активной трансформации. Мы считаем, что этим основанием культуры является система ценностей. Существенная особенность ценностей состоит в том, что именно они оказываются для человека тем побуждающим фактором, который стимулирует у него творческий порыв, желание созидать новые виды культуры через выражение своего внутреннего состояния, прежде всего – эмоционально-чувственного переживания различных жизненных ситуаций. Огромный мир ценностей представляет собой некую самобытную структуру личностного бытия – аксиосферу [9, с. 87–88].

Комплексный подход к ценностям позволяет осуществить их типологию. Наиболее основательной считается типология М. Шелера, построенная на различных основаниях и отличающаяся сложной метафизической структурой. В ней называются «высшие» и «низшие» ценности, причем их высота определяется в особом акте познания, который называется «предпочтением». Ценности кажутся тем более высокими, чем они долговечнее, чем менее они делимы и обоснованы другими ценностями и т.д. Выделяются ценности: эстетические и этические; жизнь; абсолютные и относительные; личностные и предметные. Личностные ценности рассматриваются как собственные и чужие; как ценности актов, функций и реакций; как ценности убеждения, действия и успеха; как ценности интенции и состояния, индивидуальные и коллективные, самостоятельные и производные. Под предметными ценностями в данной типологии понимались «блага» разного рода. В качестве самостоятельных духовных ценностей были названы ценности «прекрасного» и «безобразного», «справедливого» и «несправедливого»; ценности чистого познания истины, науки и культуры; святого и несвятого [14, с. 305–312].

В отечественном обществоведении первой философской работой, специально посвященной проблеме ценностей, была книга В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» [12]. Впоследствии исследование ценностей и их типологии продолжили и другие философы, социологи. Ценностная проблематика в социальной, политической и правовой сферах нашла свое отражение в фундаментальных трудах второй половины 1990-х гг. У большинства отечественных авторов ценности делятся по их принадлежности к жизни и культуре. Среди последних выделяются материальные, социально-политические и духовные. Следует заметить, что любая принятая типология ценностей носит условный характер, поскольку за ее основание принимается, как правило, какое-либо одно из них, например, различие между жизнью и культурой, формы бытия, сферы жизни общества. Различают также ценности наличные (экзистенциальные), нормативные, целевые, личные и общественные и др. [10, с. 49]. В рамках принятой типологии называются более конкретные формы, виды, классы, группы ценностей. Имеют место также ценности, которые в силу своей специфики вообще не укладываются в метафизические рамки жестких детерминаций. К ним относятся, например ценности времени, экологии, эротики, некоторые другие [11, с. 256].

Духовные ценности, в том числе художественные, создаются на национальной почве и являются предметом законной национальной гордости людей, живущих в тех или иных странах. Эти ценности несут на себе неизгладимую печать своего времени, национальных форм бытия; в них воплощены индивидуальные черты и особенности их создателей. Одновременно духовные ценности интернациональны, являются общечеловеческим достоянием. Они создаются предшествующими поколениями многих стран, вовлеченных в общекультурный процесс, и служат людям не одной эпохи.

Ценности и смыслы западной цивилизации сформулированы европейским Возрождением и Просвещением. Социокультурный смысл Возрождения подтверждает принципиально важную идею французского историка и культуролога Ж. ле Гоффа о том, что Возрождение не есть возвращение. Тенденция такого возврата к античным ценностям была лишь «видимостью» для мыслителей и творцов Возрождения. Они вернулись к гуманистическому принципу Протагора: «Человек – мера всех вещей».

Для античной культуры доминантной системой ценностей выступает эстетическая система. Термины, которые определяют ее смысл и общую направленность мысли, образуют специфику, присущую только античному стилю мышления (логос, космос, ум, единое, идея, материя, форма,

душа, атом, пустота, прекрасное, калокагатия, гармония, субстанция, симметрия, диалектика, логика, категория, ну с, целое и т.д.) [6, с. 95]. Выражение сущности античной эстетической парадигмы звучит в таких метаположениях, как: «космос – это прекрасное», «весь мир гармония и число» и т.д. [2, с. 45–46]. Этот же факт подтверждается общим отношением к понятию прекрасного, созданием эталонов симметрии человеческого тела, стремлением к гармонизации внешней и внутренней красоты человека. Хронологически первой формой организации категориального ряда становится эстетическая система ценностей скорее из-за относительной простоты и близости к чувственно-эмоциональным формам поступления информации. Реализует такой ряд античность, поэтому все основные эстетические категории (красота, мера, гармония, трагическое, комическое) имеют античное происхождение. Для античной культуры они были не только характеристиками и свойствами художественных произведений или явлений природы, но по своей сути представляли собой формообразующие принципы природы, человека, полиса и космоса в целом. В свою очередь, все эти установки предопределяли ценность всех других систем.

Все типы античного мышления, выделенные А.Ф.Лосевым (феноменологический, континуальный, диалектический, диалектико-мифологический), являются выражением эстетической парадигмы, осуществлением ее категориального аппарата. Каждый из них структурируется по законам целостности, завершенности и красоты. Происходит непрерывный поиск гармонии, симметричности, непротиворечивости, подвижности, что указывает на высокую эмоциональность восприятия и способность сопереживания миру.

Сменившая античную христианская система ценностей сформировала человека, который брэнно и суетно страдает в земном, мире, но может обрести подлинный мир при условии осознания первородного греха, покаяния и смирения, неустанного духовного напряжения сопричастности к своему творцу-богочеловеку [1, с. 78]. Кардинальное отличие терминологического аппарата средневекового мировоззрения полностью продиктовано сменой ценностной доминанты. Религиозная система ценностей, которая предопределила не только новую терминологию, но и изменила стиль мышления, открыла содержание, значимость и ценность совершенно иных категорий, игнорируемых античной культурой, освободила мысль от «вещизма» и чувственно-материальной основы, открыв для мысли те предметы, которые только умственно созерцаемы и находятся за пределами наличного бытия и знания.

Термины, несущие основную смысловую нагрузку новой парадигмы, определили специфику средневековья. Происходит полное отрицание античных ценностей: вещественности, телесности, чувственности. Понятие прекрасного сохраняется в принципиально видоизмененной форме. Оно становится атрибутом духовного, абстрактного, непостижимого, неуловимого, до которого можно только дотронуться на мгновение в результате предельной концентрации ума и воли. Такие понятия, как Бог, Свет, Слово, Откровение, вера, дух, истина, трансценденталии, универсалии, тайна, чудо, Творец, троица, номинализм, реализм, экстаз, молитва, благо, логика, чистота и т.д., обусловливали высочайшей степени абстрактность философских поисков средневековья. Таким образом, категориальный аппарат средневековой философии и обыденного мировоззрения изобилует религиозным словарем, что делает очевидным доминанту религиозной системы ценностей. Однако период пассивности и страдания, отчуждения от ближних и ожидания Страшного суда не могла быть бесконечной. Развитие общественных потребностей и производительных сил потребовало динамики человеческой природы – нового человека.

Возрождение было первым ответом на эту потребность. Еще не отвергая внешних символов христианства, оно совершило революционный переворот в мировоззрении: устранило дуализм миров, потребовало от человека действовать «здесь и сейчас», и «если не я, то кто же?». Человек провозглашался уже не как пассивный и страдающий богочеловек, а активный и претендующий на земное счастье человекобог, призвание которого – преобразовать мир и самоутвердиться в нем [3, с. 45]. «Человек есть бог, только не абсолютно, раз он человек; он – человеческий бог. Человек есть также мир, но не конкретно все вещи, раз он человек; он – микрокосм, или человеческий мир. Это – подлинное возрождение гуманизма, но уже не объектно-космического а субъектно-психологического [4, с. 76]. «Внутри истории Нового времени, – отмечает М. Хайдеггер, – человек пытается – и эти попытки составляют историю новоевропейского человечества – во всем и всегда опереться на самого себя в качестве всеобщего средоточия и мерила в господствующем положении... Для этого нужно чтобы он все больше и больше удостоверился в собственных способностях и средствах господства и всегда снова и снова приводил их в состояние безусловной готовности.

Это – история новоевропейского человечества, которая лишь в XX веке впервые в полном согласии со своим внутренним законом выходит на простор сознательного порыва необоримой воли и неуклонно достигает цели» [13, с. 56–67].

В эпоху Нового времени происходит отказ не только терминологии, содержания и проблематики, но и самой средневековой методики освоения мира. Центром мыслительной конструкции вселенной становится сам человек (а не Бог). Образованные в это время метаположения обладают почти магическими свойствами, которые сохраняют свою силу и значение за пределами породившей их эпохи: «Ничто не существует без сомнения» [7, с. 101]; «Все, что недоступно чувствам, недоступно и уму» [5, с. 32]. Так, научная система ценностей становится во главе новой эпохи.

Цивилизационно-культурное измерение европейского общества конца XIX столетия и его перспективы было в центре внимания крупнейшего немецкого философа – Ф. Ницше. Верно уловив бесперспективность пролетариата как человека-массы, неспособного выйти за пределы наличной цивилизации и лишь борющегося за перераспределение ее плодов, он сделал романтическую ставку на «сверхчеловека» – новую аристократию, утверждающую свою волю к власти путем «вечного возвращения» к идеализированным этапам истории (ранним грекам, рыцарству). Поставленный Ж.-Ж. Руссо вопрос: «Становится ли человек лучше благодаря цивилизации?» Ф. Ницше считал смешным..., «так как противоположное ясно как день». Мыслитель усматривал в этом скорее не особенность, а обую закономерность в соотношении цивилизации и культуры. Высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают, – писал он, – не следует обманываться в вопросе о глубочайшем антагонизме между культурой и цивилизацией... Цивилизация желает чего-то другого, чем культура: быть может, даже противоположного».

Триумф современной цивилизации для Ф. Ницше очевиден: «Человек не приблизился к природе..., но сделал шаг вперед к той цивилизации, которую он отвергал. Мы возросли в силе». Однако эта сила – «механичность, обезличивающая сила механического процесса... человек отучается от активности, все сводится к реагированию на внешние раздражения». Тенденция к нивелировке личности – глубоко характерный феномен общества всеобщей купли-продажи. «Всякого рода деловые люди и стяжатели – словом, все, что должно давать в кредит и брать в кредит, вынуждены стоять за одинаковый характер и одинаковые основные ценности». «Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе – беспокойно, насильственно, порывисто, подобно потоку, стремящемуся к своему исходу, не задумываясь, боясь задуматься» [8, с. 143–180].

Успехи техногенной цивилизации в технико-технологических инновациях, в улучшении образа жизни людей, в ее победоносном шествии по всей планете порождали представление, что именно она является магистральным путем развития человечества. Еще пятьдесят лет назад мало кто полагал, что сама линия техногенного прогресса и ее система ценностей приведут человечество к критическим рубежам, что резервы цивилизационного развития этого типа могут быть исчерпаны. Это обнаружилось только во второй половине нашего столетия, когда глубочайшие глобальные кризисы (экологический, антропологический и т.д.) заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса. В начале XXI века добавилось и критическое переосмысление «диалога культур», поставившее сегодня Запад и Восток на грань цивилизационного столкновения. Выход из этой сложной ситуацией и является важнейшей задачей современного человечества, в противном случае существование его самого будет поставлено под большой вопрос.

Литература

1. Августин Аврелий. Исповедь. – М.: Республика, 1992. – 335 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
3. Арнольдов А.И. Человек и мир культуры: введение в культурологию. – М.: Изд-во МГИК, 1995. – 240 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.
5. Гельвеций К.А. О человеке // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 647 с.
6. Купарашвили М.Д. Парадигма мышления и системы ценностей // Философские науки. – 2003. – № 8. – С. 29–44.
7. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 1. – 686 с.
8. Ницше Ф. Избранные произведения в 3 т. Т.1. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: REFL-book, 1994. – 352 с.
9. Смирнов С.А. Современная антропология // Человек. – 2003. – № 4. – С. 40–46.
10. Сохраняева Т.В. Ценности образования на фоне меняющегося образа человека // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 6. – С. 32–47.
11. Тоненкова М.М. Социально-духовные ценности и экология сознания // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 2. – С. 254–258.

12. Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек // Тугаринов В.П. Избранные философские труды. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 344 с.
13. Хайдеггер М. Введение в метафизику // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 448 с.
14. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

УДК 94

М.В. Яковлев

г. Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РЯДОВЫЕ ГРАЖДАНЕ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

В последнее время установки и ценностные ориентации демоса привлекают все больший интерес политологов. Работы Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, основанные на подходах Габриэля Алмонда, Сиднея Вербы, Сеймура Липсета [1, с. 163], позволяют по-новому взглянуть на роль рядовых граждан в процессе демократизации и помогают понять, как эти люди воспринимают демократические ценности и установки, а также определить, как работает механизм превращения социальных установок в реальную демократию.

Инглхарт и Вельцель исходят из посылки, что «существенное воздействие модернизации состоит не в том, что демократия становится приемлемой для элит, а в том, что умножаются способности и желание рядовых людей сражаться за демократические институты» [3, р. 136].

Ученые предполагают, что на постиндустриальном этапе развития вследствие роста социально-экономического развития, повышения уровня образованности, дифференциации рынка труда и профессий происходит усложнение структуры общества, в котором появляется все больше творческих, свободно мыслящих и независимых от власти индивидов: «Повышение уровня образования, расширение потребностей в получении информации и распространении знаний с помощью СМИ помогают людям мыслить более независимо, сокращая ограничения для свободного выбора» [2, р. 29].

Соответственно, при росте общего числа таких индивидов, увеличивается запрос на осуществление гражданских прав и свобод. Так, по мнению Вельцеля, «человек не может быть свободен без гражданских и политических прав» [4, р. 875].

Появление все большего количества информированных и независимо мыслящих граждан, формирование их объединений ставит под вопрос легитимность авторитарных режимов, которые ограничивают политические права и свободы граждан. В таких условиях существование авторитаризма становится неприемлемым по двум, как минимум, причинам: во-первых, «эффективный менеджмент становится более дорогостоящим и ограничивающим институциональные выборы элит» [4, р. 888], и, во-вторых, «как правило, авторитарные элиты имеют достаточно власти для подавления гражданских требований, пока они контролируют войска и готовы применить силу. Однако ресурсы, которые становятся гражданским капиталом, и решимость, с какой граждане направляют их на борьбу за свободу, могут нивелировать силу принуждения со стороны авторитарных режимов» [2, р. 218].

Таким образом, Инглхарт и Вельцель рисуют механизм возникновения под влиянием модернизации демократических установок на микроуровне, которые посредством реализации запроса на политические права и свободу трансформируются в институты демократии на макроуровне. Это положение восходит к методологической традиции Макса Вебера, считавшего, что идеи – это не следствия, а причины перемен, в данном случае демократических.

Литература

1. Яковлев М.В. Значение политико-культурного фактора в концепции демократизации Сеймура Липсета // Наука и образование в XXI в. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г.: в 17 частях. – Тамбов, 2014. – С. 162–163.
2. Inglehart R. and Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 333 p.
3. Welzel C. and Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // Journal of Democracy. – 2008. – № 19. – P. 126–140.
4. Welzel C. Democratization as an Emancipative Process: The Neglected Role of Mass Motivations // European Journal of Political Research. – 2006. – № 45. – P. 871–896.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93/94

Л.В. Алексеева

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

РЫБОДОБЫЧА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1941 гг.)¹

Рыбная отрасль оставалась ведущей в промышленном производстве округа. Рыбное хозяйство обладало определенной структурой, в которой выделялись рыбоучастки, рыбозаводы и комбинаты. Основной государственной организацией, действовавшей на Обь-Иртышском Севере, оставался Обской госрыбпромтрест. Поставку рыбы обеспечивали рыбозаводы, куда приезжали приемщики Рыбтреста. Закупленная рыба отправлялась на консервные предприятия. Число рабочих на рыбозаводах показывает, что это были небольшие предприятия. Рыбозаводы стремились организовывать приемные пункты в местах наиболее выгодных с точки зрения рыбодобычи. Работники рыбозаводов занимались мойкой и сортировкой рыбы, засолкой и отправкой. В Ямало-Ненецком округе работали семь рыбозаводов, на которых рабочая сила, за исключением нескольких человек коренного населения, была представлена государственными рабочими. Большинство рыбозаводов было создано ссыльными крестьянами еще в начале 1930-х гг. [6, с. 35.]. Ежегодно производилась вербовка рабочих в Тобольске. Самый крупный был Тазовский рыбозавод, вылавливавший в 1940 г. 17353 ц рыбы [3, Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 2–5] / Производственная деятельность Тазовского рыбозавода охватывала территорию двух административных районов: Тазовского и Пуровского.

Райсоветы на время путины отправляли на рыбозаводы работников из районных организаций для обеспечения, с их точки зрения, более эффективного труда и результатов [3, Ф. 3. Оп. 3. Д. 31. Л. 100]. Средние цифры по лову рыбы Обьтрестом составляли 60–70 тыс. ц в год. Это составляло 60% всей рыбодобычи Ямало-Ненецкого округа. На окружной партконференции 1939 г. отмечалась плохая работа рыбозаводов. Условия труда и быта на рыбозаводах оставались тяжелыми. В докладной записке начальника политчасти Обьгосрыбтреста сообщалось за 1938 г. о состоянии партмассовой работы в партийных организациях и предприятиях области. В документе подчеркивалось, что подавляющее большинство рабочих – спецпереселенцы [4, Ф. П – 17. Оп. 1. Д. 1799. Л. 14.]. «У рабочих от наколов заболевания пальцев (на мойке рыбы)» [4, Д. 2045. Л. 10.], так как работали без перчаток. Медикаментов для лечения гнойных ран не было. Зарплата рабочих на рыбных промыслах в 1940 г. составляла в Ямало-Ненецком округе от 150 до 200 руб. Трудились 8-часовой рабочий день [7]. Снабжение рыбаков одеждой и обувью осуществляла Ямальская МПС. Ежегодно проблемы с одеждой повторялись, не хватало, прежде всего специальной обуви – бродней. К путине 1940 г. в Надымском районе обувью рыбаки были обеспечены всего на 51% [1, Ф. П – 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.].

Рыбозаготовки составляли важнейшую часть всей хозяйственной деятельности в округе. Планы были очень высокими, и иногда не выполнялись. Невыполнение плана объяснялось причинами: «плохое снабжение ловцов; планы заготовок не доводились до ловцов; слабо использовались ловцы-туземцы; несвоевременный расчет; отсутствие каких-либо преимуществ у колхозников» [1, Ф. П – 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.]. Основным заготовителем рыбы выступал рыбный трест. Накануне Великой Отечественной войны в Ямало-Ненецком округе Обский Госрыбтрест Наркомпищепрома СССР [4, Ф. П – 17. Оп. 1. Д. 1798. Л. 83.] сохранял свои ведущие позиции. Хотя к этому времени в округе имелся Рыбколхозсоюз, но заготовками он почти не занимался [5, Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.]. Колхозный лов занимал в общем объеме рыбозаготовок по Ямальскому округу – 38,3% [4, Ф. П – 17. Оп. 1. Д. 1798. Л. 87]. В 1940 г. заготовки были выполнены на 72,9% и составили 75 767 ц рыбы [4, Д. 2045. Л. 9]. Заготовительные планы ежегодно менялись в сторону их увеличения, но объективных условий для их выполнения не было, так как они не учитывали, ни возможности ресурсов водоемов, ни количество рабочих, ни производственные факторы. Всего до были рыбозаводы Ямала: в 1938 г. – 98 935 ц рыбы, в 1939 г. – 97983 ц рыбы, в 1940 г. – 100 667 ц

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания № 2014/801.

рыбы [1, Ф. П-135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2 об.]. Надо иметь в виду, что в эти показатели входит и рыба, закупленная у колхозов.

Начало войны внесло коррективы в развитие рыбного хозяйства края. Планы добычи возросли. Рыбаки с воодушевлением принимали повышенные трудовые обязательства. Контрольные цифры для округа на 1941 г. составили по добыче рыбы – 125 800 ц [2, Ф. 814. Оп. 1. Д. 165. Л. 29.]. Добычу рыбы осуществляли следующие рыбозаводы: Кушеватский, Мужевский (расположенные южнее) и группа заводов, расположенных в Заполярье (Аксарковский, Пуйковский, Шугинский, Ново-Портовский и Тазовский) [1, Ф. П – 118. Оп. 1. Д. 30. Л. 9–9об.].

Таблица 1

Расположение рыбозаводов округа

Наименование завода	Месторасположение
Кушеватский	Пос. Горки
Мужевский	Мужи
Аксарковский	Пос. Аксарка
Пуйковский	Пуйко
Шугинский	Шуга
Ново-Портовский	Новый Порт
Тазовский	Таз

Тазовский рыбозавод перевыполнил государственный план 1941 г. на 104,4% [1, Ф. П – 727. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.]. Кушеватский рыбозавод выполнил производственный план на 130%, Ново-Портовский – на 127%. Таким образом, из 7 рыбозаводов план выполнили – 3, недодали государству 10 838 ц рыбы. Всего в 1941 г. рыбозаводы Ямала (с учетом закупленной у колхозов рыбы) добыли 110 156 ц сырца [1, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2 об.]. Однако стоит подчеркнуть, что большую часть рыбы добывали все же не государственные рыбозаводы, а колхозы. В 1940 г. колхозы округа добыли 63% рыбы от всего объема рыбодобычи [1, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 237. Л. 152]. На добыче рыбы участвовала во втором квартале 236 рыбацких бригад и звеньев, в третьем квартале – 283. Всего принимало участие в лове 2779 человек, из них женщин 398 (2 квартал), 3069 человек (3 квартал), женщины составляли 530 человек. В 1941 г. колхозы добыли 68% всей выловленной рыбы [1, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 237. Л. 152]. В рыбодобыче участвовал 71 колхоз, план не выполнили 23 колхоза, однако, в целом по колхозам производственные задания оказались выполнены на 111,5% [1, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 245. Л. 13]. В связи с начавшейся войной, рыбаки колхозов взяли на себя повышенные обязательства об увеличении уловов рыбы на 110 160% [1, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 237. Л. 149 об.]. В общем улове добытой рыбы в ЯННО удельный вес ценных видов пород рыб в 1940–1941 гг. был следующим:

Таблица 2

Удельный вес ценных видов рыб в общем улове (в%) [2, Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 110]

Вид рыбы	1940	1941
Осетр	3,4	0,9
Нельма	1,7	2,3
Сиговые	82,4	80,0
Крупный частик	16,0	9,4
Прочие	7,5	7,4
Всего	100	100

Вылов рыбы по районам округа распределился следующим образом:

Таблица 3

Объемы уловов рыбы по районам Ямало-Ненецкого округа в 1940–1941 гг. [1, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 314. Л. 26 об.]

Район	1940	1941
Тазовский	17335	29438
Красноселькупский	2809	5752
Ямальский	26823	22348
Приуральский	18002	20328
Надымский	23632	15813
Шурьшкарский	14875	17960
Всего по округу	104476	115700

Среди районов округа больше всего в 1940 г. добыл рыбы Ямальский, а в 1941 г. – Тазовский. Меньше всего рыбы добывалось в Красноселькупском районе. В 1941 году увеличились объемы подледного лова, хотя следует заметить, что не все районы обеспечили выход рыбаков на зимний лов. Планировалось использовать для подледного лова 1505 рыбаков, фактически участвовало 1256.

Таблица 4

Добыча рыбы в ЯННО (1939–1941 гг.) [1. Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 300. Л. 2]

Год	Объем добычи рыбы в (тыс. ц)	Выполнение Плана (в%)
1939	97,9	
1940	104,4	96,7
1941	115,7	99,5

Сведения, приведенные в таблице позволяют увидеть рост добычи рыбы в 1941 г. по сравнению с предвоенным временем. Для путины 1941 г. были характерны следующие черты: Призыв в Красную Армию рыбаков еще не повлиял на количественное снижение рабочей силы в колхозах, однако привел к увеличению занятости женщин. Были предприняты попытки интенсификации лова, когда в одном месте применялся лов несколькими видами орудий. Начали сдавать рыбу в Фонд обороны. Обнаружились недостатки в снабжении рыбаков орудиями лова, а также продуктами. Не хватало плашкоутов, а также соли для отдаленных пунктов лова, имели место случаи нечестности приемщиков. Началось социалистическое соревнование за перевыполнение планов рыбодобычи в условиях начавшейся войны.

Литература

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области».
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».
3. Казенное учреждение «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа»
4. Казенное учреждение «Исторический архив Омской области»
5. Казенное учреждение «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».
6. Очерки истории Яр-Сале. Тюмень, 1997.
7. Прибыльский П. Рыбное хозяйство Ямальского округа // Омская область. 1940. № 11–12.

УДК 94

А.И. Делицой

г. Сургут, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРА СЕМЬИ УРАЛЬСКИХ ИНЖЕНЕРОВ 1920-х гг.

Инженеры в России в первые десятилетия XX в. были людьми не совсем обычными. Ускоренное развитие промышленности обуславливало огромный спрос на специалистов высшей квалификации, между тем как их численность была намного меньше существующих потребностей. Особенно заметным это было на Урале, в регионе, где насыщенность промышленности кадрами была вдвое ниже, чем в целом по стране. Наиболее важное значение при этом имели горные инженеры, бывшие своеобразной элитой инженерного корпуса. Высокий производственный и социальный статус инженера не сумела кардинально изменить даже Октябрьская революция – большевики были вынуждены дать старым специалистам решающие позиции в техническом руководстве предприятий и трестами, обеспечить их персональными окладами, пайками и т.д.

Жизнь уральского инженера первых лет Советской власти протекала в основном на производстве. Как показали статистические исследования, проведенные региональными профсоюзными и партийными органами в 1925–26 гг., средний рабочий день уральского инженера составлял 9–12 часов, причем в день отдыха (тогда – единственный в шестидневку) он обычно работал более 5–6 часов, а если при этом он вел общественную работу, то его рабочий день мог удлиняться до 15–16 часов [8]. И это – цифры времен НЭПа, с началом же первой пятилетки трудовая неделя инженера стала еще более напряженной и продолжительной.

Однако это вовсе не означало, что инженеры тех лет были узколобыми технократами, задавившими в себе все живое, кроме интереса к работе. Факты говорят о том, что, несмотря на огромную

загруженность, они сумели создать и поддерживать совершенно особый, наполненный системой глубинных смыслов мир семьи.

Инженер проводил внутри своей семьи немного времени, однако при этом его влияние на детей было весьма значительным, что проявлялось, в частности, в том, что зачастую они также заражались фанатичной преданностью отца к технике и выбирали его профессию. Так возникали целые инженерные династии, широко известные на Урале.

О том, что в системе ценностей инженеров тех лет дети играли ключевую роль, свидетельствуют следующие факты. В 1925 г., для закрепления наметившегося альянса между старой технической интеллигенцией и новой властью, был принят ряд постановлений, в которых облегчался порядок поступления детей инженеров и техников в старшие классы школ, техникумы и вузы. Интересно, что при обсуждении одного из этих решений – постановления СНК СССР «Об улучшении быта и условий работы специалистов» (сентябрь 1925 г.) – в Совнарком была особо подчеркнута важность предоставления вышеуказанных льгот, ибо «специалисты часто готовы идти на какие угодно материальные лишения, лишь бы их детям была предоставлена широкая возможность получения образования, в противном случае для них теряется самый смысл существования» [9].

Правда, эпоха НЭПа, конечно же, не была «золотым веком» для инженерных семей. Известный уральский специалист А. Е. Маковецкий, например, отмечал, что даже в самый разгар НЭПа, в 1926–27 гг., дети инженеров могли поступить в вузы «только заручившись письмецом от какого-нибудь влиятельного партийца или от какой-либо подходящей организации к председателю приемной комиссии» [1]. К тому же уже с 1927 г. власть начала постепенный отход от курса на предоставления льгот детям ИТР, что, конечно, не могло не беспокоить техническую интеллигенцию.

Так, уже первая попытка властей действовать в этом направлении – издание в 1927 г. новых правил приема абитуриентов в техникумы, в котором дети инженеров и техников не были упомянуты в списке льготников, вызвало решительный протест Пленума Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников (ВМБИТ) [6]. Однако он остался без внимания руководящих структур.

Резкое изменение отношения режима по отношению к инженерам и их детям хорошо иллюстрирует следующий факт. В апреле 1929 г. в уральской газете сообщался «возмутительный» факт – в школе им. Горсовета была создана дополнительная группа восьмиклассников, причем в ее состав вошли ученики, первоначально оказавшиеся за бортом школы. Среди последних назывались дети инженеров – Мария и Юрий Гассельблат, Цысина, Черкасов [7]. Правда, некоторым из этих детей специалистов все-таки удалось закончить школу. Так, Мария и Юрий Гассельблат, через полтора года в анкете арестованного отца отмечены уже как студенты УПИ. Однако, по мере свертывания НЭПа, положение детей инженеров становилось все более незавидным – они начинали квалифицироваться как дети «буржуазных элементов», а то и «вредителей».

Серьезные испытания ожидали в 20-е гг. семью уральского инженера в случае травмы или внезапной смерти главы семьи. Дело в том, что Советский режим демонстративно отказывался давать мощные социальные гарантии старым «буржуазным» специалистам. Поэтому в случае потери трудоспособности или смерти инженера семье полагалось только мизерное пособие. Обеспокоенные сложившимся положением, инженерно-технические секции профсоюзов неоднократно ставили вопрос о необходимости создания системы более мощных пособий для семей ИТР-овцев, попавшим в беду, однако власть тормозила эти попытки. Особенно тягостное впечатление на уральских специалистов произвели события 1925–26 гг. в Нижнем Тагиле. Технический директор металлургического треста И.Я. Адарюков в возрасте всего 47 лет. Его семья осталась практически без средств существования. УралОМБИТ поставил перед Областным Советом профсоюзов вопрос о необходимости установления пособия для семьи инженера, однако волокита, связанная с этим делом, продолжалась целых десять месяцев, причем жена И.Я. Адарюкова тяжело заболела и угодила в сумасшедший дом [4].

Эта история произвела очень тягостное впечатление на уральских инженеров. В 1928 г. уральский инженер Б.А. Парницкий погиб прямо на производстве. Только это обстоятельство позволило его семье получить пособие в размере 66 рублей – сумму, которая едва позволяла сводить концы с концами [10]. В других несчастных случаях последствия для инженерных семей были более тяжелыми.

Проникнуть в мир семьи уральского инженера времен НЭПа непросто. Как правило, ни сами специалисты, ни их жены и домочадцы не оставляли после себя воспоминаний, свидетельств бы-

тописательского характера. Однако кое-что все-таки можно реконструировать по косвенным источникам. Так, известно, что в среде горным инженеров существовал своеобразный профессиональный праздник – день Св. Макария (т. наз. «макарий»). Он отмечался 17 января (1 февраля по новому стилю). История данного праздника восходит еще к дореволюционным временам. Тогда инженеры в январе заканчивали годовую смету и затем отмечали ее утверждение. Этот день совпадал с церковным праздником. Так Св. Макарий Египетский стал покровителем горных инженеров. Советская власть пресекла религиозные церемонии «макария» – посещение горными инженерами и членами их семьи церкви (инженеры по этому случаю надевали парадный мундир, форменную фуражку с кокардой и шпагу). В 20-е гг. «макарий» праздновался только в виде застолья. Парработник Урала сообщал, что эти вечеринки были весьма свободолобивыми по своему духу, на них нередко звучали смелые антисоветские высказывания [11].

В среде инженерства царили одновременно и прочная солидарность, и нетерпимость к попыткам властей ее разрушить (большевистские информаторы называли это явление «кастовостью»). Инженеры всячески противились стремлению режима ввести в состав корпорации «красных спецов», последних просто бойкотировали. Интересно, что и селиться инженеры предпочитали вместе. В годы НЭПа на Урале был построен целый ряд кооперативных и частных домов, в которых жили исключительно инженерные семьи, самым известным из которых являлся т. наз. «дом инженеров Урала» в Свердловске. Круг общения инженера и его семьи, как правило, тесно переплетались – жены инженеров становились подругами, дети зачастую приобретали друзей там же. В 1928 г. ответственный парработник Урала сообщал о старых инженерах, что они настолько связаны, что сумеют «на <студенческую> практику провести людей, которые в этом отношении имеют дружественные, родственные, отцовские и т.д. связи» [12].

Интересны в этом плане попытки некоторых инженеров нейтрализовать нежелательное влияние на своих детей со стороны советской школы. Так, в первой половине 20-х гг. М.А. Соловов, В.А. Серебряков и ряд других крупных инженеров предпочли отдать своих детей не в государственную школу, а в частную, основанную в Екатеринбурге бывшим инспектором гимназий Эргардом, а когда власти ее закрыли, то специалисты деятельно хлопотали о ее восстановлении, причем, в своем кругу, по некоторым свидетельствам, они заявляли, что это делается ими, чтобы дети могли «избежать разложения, которому... могли подвергнуться в Советской школе» [5].

Быть женой инженера в 20-е гг. было очень непросто. Катастрофическая занятость мужа на производстве приводила к тому, что большая часть повседневной домашней работы лежала на плечах хозяйки дома. Впрочем, в трудовых контрактах технические специалисты того времени, как правило, выговаривали для своих жен и детей целый ряд положений, облегчавших их положение. В сводке материалов к докладу о специалистах в Уралобкоме ВКП(б) отмечалось, что более 50% уральских ИТР (т.е., инженеров, техников и практиков) «даже» не имеют прислуги [8]. Отсюда можно сделать вывод, что в большинстве инженерных семей, по-видимому, была прислуга, причем власть считало ее наличие фактом скорее полезным.

Ценные подробности мира семьи уральского инженера 1920-х гг. доносят до нас документы ОГПУ – здесь мы находим, например, фиксацию того, как в некоторых инженерных семьях восприняли аресты отцов, начавшиеся после фабрикации властями «вредительских» процессов 1928–30 гг. – «Шахтинское дело» и «Промпартия». Так, в одном из протоколов говорится следующее: «Поведение обыскиваемых было корректное и спокойное, за исключением жены, каковая с предъявлением ей ордера разрыдалась, но тут же пришедший ее муж успокоил ее ... В это же время его сын возраста 9-10 лет, услышав, что отца арестовывают, по адресу производивших обыск бросил следующую фразу: «они всегда так делают, придут на обыск, обыщут, а потом арестовывают, я бы им всем морды разбил», после чего отцом был остановлен» [3].

Угроза расправы с членами семьи была, как свидетельствуют жалобы арестованных инженеров, одной из самых активно используемых следователями в застенках ОГПУ. (в 1928–31 гг. там оказалась большая часть верхушки инженеров Урала). Так, вспоминая эти события в 1955 г., одному из уральских специалистов сообщил, что следователь пригрозил, что в случае отказа признать себя участником «Промпартии» его дочери «придется стать проституткой, а сыну – бандитом на большой дороге» [2].

Кстати, признание во «вредительстве», как правило, не спасало от неприятностей семьи инженеров – они выселялись из персональных квартир, дети вышибались из школ I ступени, технику-

мов и вузов и т.д. Так, почти полностью сменил своих жильцов 16-квартирный «дом инженеров Урала», о котором говорилось выше.

В конце 20-х – начале 30-е гг. уникальный, обладающий собственным достоинством мир семьи уральского инженерства был безжалостно растоптан сталинским режимом.

Литература

1. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43927. Т. 14. Л. 221
2. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43927 Т. 23. Л. 12.
3. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43933. Т. 2. Л. 6
4. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43933. Т. 4. Л. 82.
5. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43933. Т. 2. Л. 228.
6. ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 605. Л. 47.
7. Уральский рабочий. 1929. 7 апреля.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 74. Л. 22
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 380. Л. 27.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 56. Л. 11.
11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 56. Л. 24.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 56 Л. 2.

УДК: 72.01

В.Н. Евсеев

г. Тюмень, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

ЖИЛИЩЕ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА

Старожилы, преимущественно выходцы из северо-восточных, центральных уездов европейской России, осваивали в течение двух столетий (конец XVI в. – начало XIX в.) подходящие для поселений земли по берегам рек Обь-Иртышья, в таежных и притаежных зонах, где имелся строевой лес. Вначале строили зимовья и однокамерные избы, строения типа изба – сени, затем заменяли их добротными рублеными многостаяными жилыми строениями.

Типичное деревенское и городское жилище русских старожилов Обь-Иртышья – усадьба с жилым домом и хозяйственными постройками. Главными элементами старожильского срубного дома являлись изба (отапливаемое жилое помещение) и клеть (комната-хранилище без печи), соединенные сенями (трехкамерная связь); позже появилась горница – нехозяйственная («чистая») половина дома. К простейшему типу жилой постройки относился дом «в одну стопу»: четырехстенный сруб (однокамерный) соединял внутреннее пространство дома в одну «комнату» [6, с. 24]. Дома «в одну стопу» строились на Обь-Иртышском Севере вплоть до XX в., преимущественно незажиточными или среднего достатка семьями; вероятно, именно одностопные дома «почти без всяких хозяйственных пристроек» Х. М. Лопарев назвал «лачугами» при описании жилых строений богатого (купеческого) села Самарова (вторая половина XIX в.) [3, с. 90]. В конце XIX в. однокамерные дома ставились и в зажиточных селах по нижнему течению Иртыша, и в бедных деревнях, расположенных по реке Демьянке (деревни Ситниковская, Карабышева), т.е. на южной территории Обь-Иртышья; в отличие от иртышских сел демьянские деревни стояли вдали от торговых путей, здесь не было богатых рыбой «песков» и «соров» [см.: 6, с. 8]. На северных территориях «стопа» дополнялась прирубом к избе со стороны входной двери – сенями («сенцами»). На ранних этапах заселения Обского Севера распространенными жилыми постройками старожильского населения являлись комплексы «изба – сени», «изба – сени – клеть», в них обеспечивалась теплоизоляция жилого помещения в северных условиях. Трехкамерное жилище, в котором обширные сени соединяли две «стопы» – избу и клеть, русские старожилы продолжали ставить в XIX–XX вв.; ср. описание С.К. Паткановым трехкамерного дома демьянских крестьян (д. Ситниковская, конец XIX в.): «Здесь... вся жизнь была сосредоточена в одной комнате, другая же, отделенная от первой сенями, служила зимою кладовой» [6, с. 8]. К середине XIX в. типичное жилище русских на Обь-Иртышском Севере – дом связью и пятистенник («пятистенок», «пятистенка»); эти два типа жилища мещан и казаков доминируют в жилом массиве г. Сургута во второй половине XIX в., по наблюдениям С. П. Швецова, предложившего детальное описание жилых построек северного города на Оби (1880-е гг.) [см.: 8, с. 53–62]. «Связной» дом сургутян – тради-

ционная жилая постройка с избой, сенями и горницей. В доме «связью», отмечал С.П. Неклепаев, «есть чистая комната и кухня, разделенные между собой просторными бревенчатыми стенами», т.е. сенями [5, с. 62]: в отличие от клетки горница – так называемая «чистая половина» дома, жилая комната, не предназначенная для хозяйственной цели; ср. описание этнографом еще одного сургутского дома «связью», состоящего «из двух половин, разделенных сенями»: «в одной половине чистая, светлая комната, в другой большая изба с русской печью» [8, с. 53]. В доме-пятистенке (пятая капитальная стена разделяла дом на две комнаты-«половины») выделялась «кухня», т.е. комната с русской печью – для хозяйственных целей и приема пищи, и «горница»: «пятистенный» дом сургутян, подметил С. П. Швецов, обычно состоял «из чистой комнаты и кухни со стряпушей печью» [8, с. 62]. К дому-пятистенку прирубали крыльцо, небольшие сени и кладовую («казенка» «чулан»); ср.: «К пятистенному дому обыкновенно пристраивается тесовое крылечко с чуланом – “казенкой”» (г. Сургут) [8, с. 62]. Сложившаяся в XIX в. традиция иметь в доме горницу и кухню продиктовала русским старожилам Обь-Иртышья (горожанам и сельским жителям) делить и однокамерный дом дощатой переборкой на две «половины» – хозяйственную и «чистую»: «стопа делится перегородкой на 2 части, из которых передняя – чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играет роль кухни» (д. Ситниковская, конец XIX в.) [6, с. 8].

Значительную часть традиционной избы занимала русская печь. Со стороны входной двери на уровне высоты печи сооружали полаты – дощатый помост, на котором или спали старики и дети (по замечанию С. К. Патканова, «излюбленное место старух и детей» [6, 8]), или сушились и хранились вещи; у входа же, напротив печи, находилось рабочее место хозяина. Со стороны устья печи располагался кутный угол (куть – место хозяйки, отделенное занавесью от остальной части избы и предназначенное для готовки пищи; здесь же помещалась посудная лавка). Напротив печи, по диагонали и на восточной стороне, находился чистый передний (красный, святой) угол, где «располагались божницы – полки для домовых икон.., почетное место хозяина и обеденный стол – божья ладонь» [1, с. 394]. В XIX в. избу в доме связью или хозяйственную комнату в пятистенке начинают разделять не занавесью, а деревянной перегородкой на две части: место для приготовления пищи (печь с кутным углом) и место для приема пищи, отдыха и некоторых хозяйственных занятий – комната с обеденным столом, лавками вдоль стен, иногда кроватью в углу, отделяемой от пространства комнатки занавеской (Сургутский округ) [8, с. 63]. Чистая (нехозяйственная) половина пятистенного дома у горожан и крестьян разделялась деревянной же перегородкой на горницу (чистую и светлую комнату для отдыха хозяев и приема гостей) и небольшую комнату – «бюковушку»; другое старожильческое название – «казенка» (г. Сургут) [см.: 8, с. 62].

На ранних этапах освоения Обь-Иртышья русские насельники строили, вероятно, дома с высоким подклетом (подклетью), как было принято на Европейском Севере, однако со временем здесь сложился локальный тип хозяйственно-жилого ансамбля, центром которого являлся жилой дом. На Русском Севере (Поморье) нижняя часть (первый этаж – подклет) старожильческого дома предназначалась в основном для хранилищ, содержания скота, верхняя часть была жилой (способ теплоизоляции жилых комнат в северном доме – за счет подъема над землей и естественного обогрева от скотных помещений). Для русских насельников Обского Севера эта особенность жилища старожилов Поморья перестала быть в XVIII–XIX вв. строительной традицией. Дому на высоком подклете предпочитали «связь» и «пятистенок», в которых жилое помещение не поднималось над землей; С.П. Швецов подметил, что эти два типа жилища у сургутских горожан не отличались теплотой, причину этнограф-краевед увидел не столько в «плохом устройстве печей», сколько в отсутствии «земляных накатов под полом» («до этого сургутяне еще не додумались») [8, с. 64]. Вместе с тем в XIX в. двухэтажные дома русскими старожилами (зажиточными и купеческого сословия, скупщиками) ставятся по всему пространству Обь-Иртышья: «Большинство домов в Самарове двухэтажные; некоторые из них отличаются красотой...» (дома купцов Шейминых, Земцова, Кузнецова, конец XIX в. – *В.Е.*) [3, с. 90]; «Дома здесь больше двухэтажные, оригинальной архитектуры...» (село Базьяны, начало XX в.) [7, с. 4]. Однако на Обь-Иртышском Севере нижняя часть двухэтажного дома в основном не предназначалась для содержания скота. Здесь располагались хранилища, торговые помещения, жилые летние комнаты, что объясняется спецификой хозяйственной деятельности старожилов и выработанной в новых условиях традицией планировки жилых и хозяйственных построек. В бассейнах рек Обь-Иртышья русские города (Березов, Сургут) и крестьянские селения (Самарово, Реполово, Елизарово и др.) располагались ближе к водотопким местам, к пойменным лугам; здесь принято было называть низменные места, затопляемые

при разливе рек, «сорями», при спаде воды они образуют обширные луга – пастбища для домашнего скота и сенокосные угодья. Жилые дома ставились на «коренном» («увальном») берегу, т.е. на приречных незатопляемых возвышенностях. Хозяйственные постройки, где содержался домашний скот, у старожилов Обь-Иртышья перестали быть придомовыми, скотные дворы («загороды», «загоны») выносились к самой реке, ближе к водою, пойменным лугам и поскотине – выгону для скота [см. об этом: 4, с. 105–111].

Во второй половине XIX в. городские и сельские старожилы-северяне интенсивно заимствовали городские новшества. Больше строится домов с выделением кухни, спальни, горницы, коридора и залы. Полати сменяются кроватями, а лавки, скамьи – стульями и диванчиками, в том числе мягкими, угловыми или вошедшими в моду; например, С. П. Швецов отмечал, что в домах состоятельных жителей г. Сургута (1880-е гг.) обязательно стоит модный диван – «неизбежная “канпель” (род дивана)» [8, с. 63]. Дома обставлялись мебелью, зеркалами, шкафами. Дом украшался деревянной резьбой, крышу венчал резной конек – охлупень, оконные проемы обрамлялись декоративными наличниками и закрывались ставнями – от простых филенчатых до резных многофигурных. Пол устилали ткаными рыночными дорожками и домашнего производства половиками, столы в чистой половине накрывались скатертями, самотканым узорочьем. Северный старожильский дом XIX века демонстрировал, по наблюдениям этнографов, благополучие и состоятельность хозяев: «Общий уровень благосостояния горожан, говоря безотносительно, довольно высок. Горожанин всегда имеет более или менее просторный дом, всегда сыт, тепло одет...» (о Сургуте, 1880-е гг.) [8, с. 51–52].

В архитектонике жилища выделялись сакральные части, чистые и нечистые места, «каждый уровень или элемент наполнялся религиозно-магическим смыслом» [2, с. 20–21].

Традиционное жилище русского старожильского населения Обь-Иртышского Севера было представлено разнообразными формами: от простейших до сложных жилых строений и усадеб. Тип жилых построек диктовался этническими и локальными традициями, климатическими условиями, хозяйственной деятельностью и имущественным цензом русских насельников.

Литература

1. Евсеев В.Н. Традиционное жилище русских // Большая Тюменская энциклопедия / гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. – Т. 4. – Тюмень, 2009. – С. 394–395.
2. Евсеев В.Н. Традиционное жилище русского старожильского населения Обь-Иртышского Севера / В. Н. Евсеев, С. Ж. Макашева // История Западной Сибири: проблемы и перспективы исследования: сб. научн. статей / отв. ред. Г.Р. Кельберер. – Вып. 3. – Ишим, 2011. – С. 7–21.
3. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – 264 с.
4. Макашева С.Ж. Река в жизни русских старожилов Обь-Иртышского Севера // Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке: концептуальное мышление и идентификация личности: сб. докладов международной научно-практ. конференции / отв. ред. А.Б. Храмцов. – Т. 2. – Тюмень, 2012. – С. 105–111.
5. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / Кн. XXX. – Омск, 1903. – С. 29–230.
6. Патканов С.К. По «Демьянке»: бытовой и экономический очерк // Отт. «Зап. Западно-Сибирского отделения географического общества за 1894». – Кн. 16. Вып. 2, 3. – Омск, 1894. – С. 1–64.
7. Скалозубов Н. От Тобольска до Обдорска: из путевого журнала // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1906. – Вып. XVI. – Тобольск, 1906. – С. 1–18.
8. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. – Омск, 1888. – 87 с.

Е.Н. КУШЕВА И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОСТОЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Современной отечественной историографии в большей мере присущ интерес к творчеству историка в условиях идеологической атмосферы. В историографии восточного направления внешней политики «Избранной Рады» Ивана Грозного трудно найти работы, не затрагивавшие в той или иной степени наблюдения видного кавказоведа середины XX века Е.Н. Кушевой, но эти обращения в основном были хаотичными [1; 2; 7; 15; 16; 19].

Наиболее подробно творческий путь Е.Н. Кушевой затрагивают Ю.Д. Анчабадзе и В.М. Панеях, но крайне схематично описывают её исторические воззрения [4; 16]. Представляется, что систематические занятия восточным направлением внешней политики России Е.Н. Кушева начала в 1940–1941 гг. с целью написания диссертации. По признанию исследовательницы, первоначально она концентрировала усилия на изучении темы «с первых десятилетий XVII века», а уже потом «почувствовала необходимость взять 2-ую половину XVI – го, и здесь встали и новые задачи, и необходимость использовать источники иного типа» [7, с. 25–26; 13, с. 154].

Основные этапы эволюции концепции Е.Н. Кушевой по поводу восточного направления внешней политики России середины XVI в. Прослеживаются в публикациях 1943, 1950 и 1963 гг. [9; 11; 12].

Е.Н. Кушева в письме к Б.А. Романову от июня 1946 г. демонстрирует особенности своего подхода, объясняющего длительное отсутствие стройной концепции автора: «написать одну-две главы, самой проверить что выходит, послушать оценку других ... без спешки» [7, с. 25–26]. По получении Институтом истории известий о положительных отзывах о подготовленных к изданию трудах, Е.Н. Кушева принимает в декабре 1948 г. решение об интенсификации исследовательской деятельности, но с осторожностью: «кончить некоторые отдельные и в значительной степени самостоятельные части и постараться опубликовать их. Это нужно и для того, чтобы проверить, как идет дело, и потому, что сейчас ряд лиц работают в близких областях» [7, с. 58, 64, 73, 111, 152, 157]. В марте 1950 г. произошло ещё одно событие: книга А.А. Новосельского, номинированная на Сталинскую премию внезапно её не получает. Но, судя по письменному сообщению Е.Н. Кушевой Б.А. Романову от 4 марта 1950 г., ко времени церемонии награждения статья исследовательницы «Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг.» была отдана И.У. Будовницу в «Исторические записки»: «...я вынуждена печатать её так, как она написана, с большими недостатками. Времени для переработки нет, и откладывать печатание не хочу!». И чуть позже, уже после публикации, в декабре 1950 г., Е.Н. Кушева признавалась: «корректуру я правила в вагоне по дороге в Кисловодск с обязательством отослать её тотчас по приезде авиапочтой», а отсюда опечатки: «Чувство у меня такое, что выполнение не соответствует тому, что можно сделать из темы», «отдельные вопросы, втиснутые в статью, можно бы дать гораздо детальнее, свободнее, под своими заголовками». Из Кисловодска Е.Н. Кушева прибыла в Нальчик, где сделала доклад: «Народы Северного Кавказа и восточная политика Ивана Грозного». Доклад оказался 30-минутным и без обсуждения. Но при обсуждении плана коллективной работы произошёл «дележ глав и разделов... достаточно некрасиво», и Е.Н. Кушева, по её словам, «взяла не большой раздел, не вмешиваясь в дележ» [7, с. 123, 126]. Это было первое размежевание Е.Н. Кушевой с некоторыми кавказоведами, прежде всего с С.К. Бушуевым.

Исследовательница уже в 1951 г. осознала, что при имеющемся объеме работ за 2 года она диссертацию не напишет. Ю.Д. Анчабадзе отметил особенность в воззрениях Е.Н. Кушевой, которая прямо не указывалась, но явно имелась в виду при переписке: «внутренние интенции процесса российско-кавказского сближения были более сложными и противоречивыми, чем те, что рисовались в известных конъюнктурно-политизированных схемах». Е.Н. Кушева рассматривала вразрез с устоявшейся традицией факты обращения горских народов с просьбами о защите и покровительстве к Москве рассматривала не только с учетом политических, но и экономических явлений. Ю.Д. Анчабадзе считает, что Е.Н. Кушева рассматривала приемы внешней политики Русского

государства как типично феодальные: «сношения велись преимущественно с феодальными владельцами...феодалы включались в ряды русской феодальной знати» [4, с. 412].

После смерти И.В. Сталина уже в июне 1953 г. в среде историков вновь чувствовалась напряженность. Е.Н. Кушева решила в данном случае придерживаться кредо Б.А. Романова: «... основное, написать так, как задумано... серьёзное выдерживает испытание времени». Б.А. Романов советовал быть поосторожнее: «Копытное чувство мне подсказывает, что почва в некоторых вопросах сильно колеблется, но конкретно в Вашей сфере я не разбираюсь». Одновременно Е.Н. Кушева была озабочена судьбой работы И.И. Смирнова об Иване Грозном: «Очевидно надо ему менять название книги – а следовательно, в какой-то степени и план её». Ещё на стадии черновой работы Е.Н. Кушева знакомилась с планом монографии: «Хронологические рамки очень облегчают положение Ив. Ив –ча (Ивана Ивановича – В.З.) – о Грозном в книге, видимо, мало говорится». Действительно, книга И.И. Смирнова вышла в 1958 г. «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в.» [7, с. 304, 305, 311, 450].

В августе 1953 г. Состоялась 7 сессия Кабардинского НИИ. с обсуждением работы С.К. Бушуева «История Кабарды с древнейших времен до к. XIX в.». В письме к Б.А. Романову Е.Н. Кушева отзывалась так: «Работа плохая, а автор – беспардонный», – и на сессии она выступила с критикой работы [7, с. 310, 313]. В феврале 1954 г. статья Е.Н. Кушевой «Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг.» была подвергнута публичной критике. С середины 1955 г. исследовательница понимала, что работа над диссертацией должна быть закончена к 1957 г., к 400-летию «добровольного вхождения» Кабарды в состав России. При этом, историк видит своей целью поездок на научные конференции на Северный Кавказ (в частности, Махачкала) «Мне полезно было оценить настроение на местах с тем, чтобы несколько повлиять на него и предостеречь от обычных в таких случаях преувеличений. Всё это делала, конечно, с большой осторожностью». Новый крупный идеологический кризис был связан с ожиданием последствий XX съезда КПСС. Е.Н. Кушева готовилась к ревизии своих воззрений: «Сейчас я взвешиваю, в какой степени испытала влияние антишамилевской кампании...не знаю, как новые веяния отразятся на кабардинском юбилее...». Напряжение Е.Н. Кушевой было таково, что когда в июне 1956 г. из Махачкалы пришло извещение о намерении напечатать её доклад, читанный в 1954 г., исследовательница выражала сомнение о том, «насколько то, что я писала... для местной сессии, выдержало испытание времени... понимаю, что не вполне, но нет энергии, чтобы переделать...» [7, с. 340, 421, 447–448, 458]. Опасения исследовательницы были не напрасны, уже в апреле 1956 г. на совещании по поводу издания «Очерков истории Кабарды», сборников документов по русско-кабардинским отношениям, как замечает исследовательница, «говорить напрямик было невозможно». Е.Н. Кушева призывала обращать внимание на трудности работы с источником. И давление только нарастало. Так, сначала в институте истории в мае, а затем в августовском номере журнала «Вопросы истории» С.М. Дубровский выступил «Против идеализации деятельности Ивана IV. Историкограф объединяет как «идеализаторов» Грозного Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова. Е.Н. Кушева внимательно следила за развернувшейся дискуссией [6; 7, с. 453–454, 456].

Все это привело к тому, что Е.Н. Кушевой пришлось сначала оставить редакторские вставки в её часть «Очерков истории Кабарды» «в первобытном виде», а затем и вовсе перестать рассматривать свою главу как авторский текст. Но вот сборник «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», составленный по инициативе ЦГАДА вместе с Н.Ф. Демидовой и А.М. Персовым, по мнению исследовательницы правдиво отражал действительность [7, с. 468].

Можно наметить два основных среза эволюции взглядов Е.Н. Кушевой на восточную политику «Избранной Рады» – 1950 и 1963 гг. Представляется, что структура статьи переключалась в рассматриваемую главу монографии без изменений: введение, 5-ть глав и заключение.

В статье идеологическая интерпретация была выстроена в духе своего времени – в её основе лежит «законченное учение» «товарища Сталина» «об образовании многонациональных государств на востоке Европы, где «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. В монографии же Е.Н. Кушева обосновывает свои выводы тем, что в первых, «продвижение Русского государства по волжско-каспийскому пути в XVI в. отвечало требованиям экономического развития страны и уже в том же веке повело к возникновению постоянных торговых связей Москвы с рынками Востока, в частности Закавказья»; во-вторых, «не меньшее значение для укрепления связей Русского государства с народами Закавказья и Северного

Кавказа имела агрессия со стороны Турции и Крыма, заставившая народы Кавказа искать защиты у России.» [9, с. 286–287; 12, с. 180]. Так исследовательница, не упоминая И.В. Сталина мастерски обошла вопрос о прогрессивном характере вхождения Среднего и Нижнего Поволжья, как и части Кабарды, в состав Русского государства. Одновременно эта цитата позволяет расширить наше понимание того значения присоединения Казани и Астрахани к России, которое сложилось у исследовательницы окончательно, думается, уже в процессе работы над монографией.

Представляется не случайным, что в вводном разделе первой главы второй части монографии, в отличие от статьи нет упоминания о Иване Грозном и является следствием не столько стилистической правки, сколько отражением дискуссий, за которыми, как уже говорилось, Е.Н. Кушева следила крайне внимательно, с середины 50-х гг. XVI в. относительно преувеличения в предшествующие десятилетия роли Ивана IV в истории.

Е.Н. Кушева привлекла при подготовке монографии монографией новые работы, вышедшие после издания статьи: «Советскими исследователями подробно изучены попытки крымского хана и турецкого султана в 1540–1550-х гг. укрепить своё влияние в Казани», ссылаясь при этом на работы С.О. Шмидта, Г.Д. Бурдея, М.Г. Сафаргалиева, А.А. Новосельского, привлекая работы не только центральные, но и региональные [12, с. 186, 196, 247].

Примечательно, что работы крупных исследователей-кавказоведов Г. Кокиева (1946 г.), Е.П. Алексеевой, И.Х. Калмыкова и В.П. Невской (1957 г.) не содержат упоминания о работах Е.Н. Кушевой [3; 10]. Такое умолчание, как думается, связано с напряженными отношениями, возникшими в ходе работы над коллективными монографиями по истории регионов Северного Кавказа.

Г.Д. Бурдей первым из исследователей подробно проанализировал статью Е.Н. Кушевой, оспаривая некоторые выводы, но в основном соглашаясь с выводами исследовательницы, дополняя её новыми аргументами [5, с. 189–191, 197].

Л.В. Черепнин. обращался к статье Е.Н. Кушевой в своей работе «К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма», которая была опубликована в «Известиях Академии наук СССР» в 1952 г. что позволило ему подкрепить идеологему, оказавшуюся довольно живучей. Эта идеологема состоит из двух частей. Первая: «В поработанных станах (Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. – В.З.) развертывается национально-освободительное движение, приобретающее особенно большое значение в условиях агрессии со стороны султанской Турции». Вторая: «В этих условиях позиция части феодалов указанных территорий (особенно мусульманской националистической знати поволжских ханств), поддерживавших Турцию и пытавшихся использовать в этих целях борьбу народных масс против гнета царизма, имела глубоко реакционный характер» [18, с. 109].

Таким образом, сформировавшаяся к 1950 г. концепция Е.Н. Кушевой о северокавказском направлении в восточной политике «Избранной Рады» нашла отражение не только в современной историографии, но и в идеологической атмосфере тех лет. Судьба же взглядов Е.Н. Кушевой на «добровольное вхождение» Кабарды в состав России в годы «оттепели» не была оптимистичной. Исследовательницу отвлекали от исследовательской работы не только административные дела, но и политические процессы, в которых Е.Н. Кушева почти не участвовала напрямую, но, судя по письмам, напряженно ожидала исхода идеологических кампаний.

Литература

1. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: Том первый: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930. – М., 2003.
2. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. – СПб., 2005.
3. Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкессии к России (к 400-летию юбилею). – Черкесск, 1957.
4. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н. Кушева и русское кавказоведение XX века // Русско-чеченские отношения второй половины XVI–XVII вв. Сборник документов. – М., 1997. – С. 396–416.
5. Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50 годах XVI века // Ученые записки Саратовского госуниверситета им Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 1956. – Т. 57. Выпуск исторический.
6. Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. – 1956. – № 8.
7. Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. – СПб., 2010.
8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1. / Под ред Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова / Сост Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М., 1957.
9. Кушева Е.Н. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // «Исторические записки» (А.Н. СССР). – Т. 34. – С. 237–287.

10. Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. – 1946. – № 10. – С. 45–61.
11. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. – 1943. – № 1. – С. 60–68.
12. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века). – М., 1963.
13. Кушева Е.Н. Научная работа кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта // Историк-марксист. – 1941. – № 6.
14. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения XVI–XVII вв. – М., 1954 г.; Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1. / Под ред Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова // Сост Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М., 1957.
15. Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. – СПб., 2000.
16. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. – М., 1988; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII века. Документы и материалы. – Махачкала, 1958.
17. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII века. Документы и материалы. – Махачкала, 1958.
18. Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. – М., 1981.
19. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. – М., 2011.

УДК: 72

А.И. Клименко

г. Тюмень, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

ТИПЫ ДЕРЕВЯННЫХ КУПЕЧЕСКИХ ОСОБНЯКОВ ТЮМЕНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Значительную часть богатого архитектурного наследия Тюмени составляет распространенный тип застройки, – жилые дома, в большинстве выполненные из традиционного материала – дерева [см: 1]. Среди всего многообразия деревянных тюменских домов, при всей их неповторимой индивидуальности, можно выделить группы, объединенные целым рядом общих признаков и характерных приемов в исполнении. В качестве критериев для классификации объектов в типологические группы рассмотрены: планировка домов, этажность, композиция фасадов, стилистика и др. Основным критерий – объемно-планировочная структура как наиболее общая морфологическая категория, определяющая цельные, образные характеристики объектов.

Тип первый. *Двухэтажный деревянный дом-шестистенок с внутренним крестообразным перерубом.* Один из наиболее старых и распространенных типов жилых домов, пришедших в городскую застройку из закрытых сельских усадеб. Главной особенностью является отсутствие парадного входа в дом с улицы. Двухэтажный, входной пристрой с лестницей, как правило, устраивался по оси дворового фасада, либо примыкал к одной из наружных стен. Внутренние стены смещены от продольной и поперечной осей дома, что позволяло, посредством дополнительной перегородки, организовать коридор-холл, распределяющий входы в жилые комнаты. На фасадах ассиметрия переруба отражалась пряслами стен соответственно по 3 и 2 оконные оси. Исходным вариантом данного типа можно считать квадратный в плане особняк из усадьбы Ф. Ф. Волковой по ул. Осипенко, 34. Входной пристрой, с лестницей на второй этаж, прирублен строго по оси симметрии дворового фасада. Аналогичные дома сохранились по ул. Водопроводной, 37, ул. Береговой, 1 и др. Предпочтительна была и прямоугольная форма плана с таким же ассиметричным перерубом, делящим фасады на простенки в 3 и 2 окна: жилой дом из усадьбы Новоселовых по ул. Дзержинского, 21, дом М. П. Ядрышников по ул. Челюскинцев, 20 – с пристроенной к входному блоку верандой второго этажа. В декоре наличников этого типа домов преобладает глухая плоскорельефная резьба с растительным орнаментом. Яркий представитель этого типа – дом И. С. Ларионова по ул. Тургенева, 12. Основу объемно-планировочной организации дома составляет двухэтажный (квадратный в плане) объем шестистенка с ассиметричным перерубом. С дворовой стороны во всю длину фасада к нему примыкает пониженный двухэтажный пристрой – холодные сени с лестницей и рубленый объем, где располагались кухня и комната для прислуги. Раздельный вход на первый и второй этажи устроен под нависающим балконом с опорой на деревянный столб. Бревчатые фасады дома выгодно акцентируют декор наличников второго этажа, выполненный в технике накладной барельефной резьбы. В развитии этот тип дома прослеживается на примере особняка из усадьбы Барышниковых по ул. Осипенко, 19, украшенного барочными наличниками с объемной резьбой, жилого дома Ивановых по ул. Водопроводной, 26. Последний имеет тот же принцип объемно-планировочной организации и более сложную планировку. Большое количество

жилых комнат потребовало устройства Г-образного коридора и дополнительного входного пристроя со двора.

Тип второй. *Одно-двухэтажный деревянный дом с уличным парадным входом.* Основным типологическим признаком является расположение входного пристроя на всю ширину здания с организацией парадного входа с улицы. Типичные представители – двухэтажные по ул. Дзержинского, 40 и 32. Парадный вход, раздельный на первый и второй этажи, акцентирован на втором этаже либо спаренным окном с двойным наличником, либо одним более широким с наличником, повторяющим рядовые окна, но в увеличенном виде. Основу декора домов составляют барочные наличники с накладной объемно-пластической резьбой. Планировка основного объема в целом сохраняет черты рассмотренного выше типа: смещенный внутренний крестообразный переруб, образующий на главном фасаде сочетание в 3 и 2 оконные оси, и небольшой коридор, объединяющий жилые комнаты. В одноэтажном варианте этот тип представлен выразительным образцом дома В. Ф. Аверкиева по ул. Камышинской, 24 со своеобразным декором наличников в стиле модерн. В развитом виде этот тип дома – особняк С. Г. Селиверстова – Л. Х. Брандта по ул. Комсомольской, 6. Крупный двухэтажный объем с главным фасадом на 7 оконных осей дополнен пристроем с лестницей. Парадный вход с улицы выделен по второму этажу крупным окном. Большое количество помещений в доме не меняет принципа связи жилых комнат через объединяющий коридор, но традиционная анфиладная система уже не прослеживается. Особенностью этого здания является и наличие скрытого антресольного полуэтажа с окнами, выходящими во двор.

Тип третий. *Деревянный одноэтажный дом на кирпичном цокольном этаже.* Этот тип жилого дома широко представлен в архитектурном наследии Тюмени и демонстрирует разнообразие объемно-планировочной структуры и композиционных приемов организации фасадов, равно как и стилистические предпочтения в декоративном убранстве. Особенностью является сочетание невысокого кирпичного цокольного этажа, где размещались службы, и нарочито парадного, высокого деревянного объема с выразительным декором. Простой вариант на примере дома Ф. И. Минина по ул. Водопроводной, 10 представляет собой рубленый пятистенник на каменном цокольном этаже с пристроенным деревянно-каменным объемом сеней с лестницей и парадным входом с улицы. Фасады декорированы скромными наличниками с орнаментальными накладками. Более развитый план и пышный декор наличников в сочетании объемной и плоскорельефной орнаментальной резьбы отличает дом Ф. С. Чираловой по ул. Володарского, 9/ул. Семакова, 8. На невысокий кирпичный цокольный этаж поставлен крупный, вытянутый в плане, семистенный сруб жилого этажа. Короткий фасад по ул. Семакова отмечен уже известным принципом отражения плана в 3 и 2 окна. Длинный фасад по ул. Володарского представлен слабовыраженной симметрией в 7 оконных осей. Объемно-планировочная структура дома сочетает в себе знакомые приемы: симметрично прирубленный к торцу деревянный дворовой входной пристрой и примыкающий к дому объем парадного входа с ул. Семакова. В исторической застройке города встречаются характерные деревянно-каменные особняки, но с организацией входа только со двора, примеры – дома по ул. Водопроводной, 13/ул. Комсомольской, 18 и по ул. Комсомольской, 19 с выразительным декором барочных наличников. Бесспорно лучшим и значительным образцом типологической группы деревянно-каменных жилых домов Тюмени является известный особняк В.П. Буркова по ул. Дзержинского, 30. По абрису плана это квадрат с узким боковым приделом сеней парадного уличного и дворового входов. Широкую центральную часть дома занимают зальные помещения, по бокам расположены более узкие анфилады жилых комнат, образующие со двора своеобразные ризалиты, между которыми устроена широкая открытая веранда. Трехчастная схема плана органично отражена на главном фасаде, выходящем на ул. Дзержинского, бывшую Садовую. Широкая центральная часть фасада украшена тремя высокими полуциркульными окнами с наличниками «ренессансного» типа с объемной резьбой. Равные, узкие боковые части фасада оформлены парами лучковых окон со строгим барочным декором наличников. Ось симметрии активно выделена сложным аттиком с циркульным слуховым окном в центре. Строгую симметрию главного фасада нарушает только характерный, для большинства тюменских домов, боковой придел с крыльцом парадного входа. Спокойная композиция фасада по ул. Хохрякова, хотя и акцентирована центральным аттиком, в большей степени рассчитана на традиционное восприятие пластики фасада за счет ритма одинаковых декорированных оконных наличников.

Тип четвертый. *Деревянный дом с мезонином.* Ранее распространенный тип городского жилого дома в одно и двухэтажном деревянном исполнении, в деревянно-каменном варианте на кирпич-

ном цокольном этаже, с различной компоновкой мезонинной надстройки. К настоящему времени преимущественно сохранились дома последнего вида. Тюменский дом с мезонином – композиция из традиционного высокого сруба, на пониженном кирпичном цокольном этаже, с надстройкой в виде вытянутого прямоугольного объема с двускатной крышей по оси главного фасада. Вход, как правило, устраивался в объеме, пристроенном к дворовому фасаду. Примерами могут служить дом М. С. Керженцева по ул. Пристанской, 1 и дом Ф. И. Ушакова по ул. 25-Октября, 42/ ул. Орджоникидзе, 2. Жилой дом из усадьбы А.И. Колокольникова по ул. Челюскинцев – пример более сложной композиции. Квадратный в плане основной объем дома с боковой пристройкой парадного входа с улицы завершен крестообразным мезонином, акцентирующим ось симметрии фасада, выходящего на реку. В архитектурно-художественном оформлении домов этого типа присутствует классицистическая манера. Примечательный объект этой группы – лучший в Тюмени образец «ампирного» особняка – дом П. Г. Катаева – М. Е. Дементьева по ул. Дзержинского, 26. Типичный полуторазэтажный дом увенчан оригинальным в оформлении мезонином, определяющим главную архитектурную тему в облике здания. Мезонин с широким балконом на кронштейнах и треугольным фронтоном с опорой на небольшие колонки фиксирует ось симметрии главного фасада. «Классическую» фасадную композицию нарушает характерный для Тюмени пристроенный сбоку объем парадного входа с массивным аттиком лучкового очертания, вазонами на фланкирующих столбиках.

Тип пятый. *Деревянный двухэтажный дом в стиле «модерн».* Тип дома с отработанными приемами строительства деревянного жилья, но демонстрирующий иные принципы формообразования и объемно-планировочной композиции, отраженные во внешнем облике. Деревянное наследие модерна в Тюмени (объекты, соответствующие новым композиционным принципам, а не формальным проявлениям стиля в декоре фасадов) представлено единичными образцами. В упрощенном виде это жилой дом из усадьбы М. И. Карташова по ул. Челюскинцев, 3. Планировка дома, отраженная на главном фасаде и объеме здания, отличается от ранее рассмотренных приемов. Часть дома, обращенная в сторону улицы, занимают крупные зальные помещения и сени с парадным входом и лестницей, жилые комнаты ориентированы во двор. Большие залы первого и второго этажей отмечены на главном фасаде углубленной плоскостью с поэтажными рядами в три крупных окна. Слева расположен узкий выступающий пристрой парадного входа, с балконом и высоким своеобразным аттиком на кронштейнах. Справа, в виде ризалита, крупные помещения, выявленные на фасаде единичными широкими окнами. Соотношение пропорций плановых размеров – левого входного ризалита, заглубленной центральной части и правого ризалита – можно определить как 1-3-2. При общей сдержанности структура главного фасада особняка обладает асимметричной, но уравновешенной и активной композицией. Следующий, и пожалуй самый известный, образец деревянного модерна в Тюмени – относительно небольшой, одноэтажный жилой дом с мезонином из усадьбы Н.О. Сергеева по ул. Дзержинского, 12. В нем соединились многие уже известные приемы общей объемной структуры зданий, планировки, композиции частей фасада, но выполненные в активной форме, присущей истинному «модерну». Близкий к квадрату трехчастный план основного объема с центральным ризалитом фланкируется с одной стороны узким выступающим парадным входом с прихожей, с другой стороны – утопленным в сторону двора пристроем с кухней, подсобными помещениями. Это расположение частей здания придает активный характер его плановой структуре. Фасад основного объема имеет трехчастную симметричную композицию, но мезонин с балконом, граненым шатром над ним создают новую и динамичную архитектурную тему, не встречавшуюся в прежних «классицистических» образцах домов мезонинного типа. Пристрой парадного входа (с высокой шатровой крышей) не просто примыкает к основному объему, а становится самостоятельным объемом, включенным в общую планировочную композицию особняка. Динамика архитектурных объемов дополняется формами декоративных элементов своеобразного провинциального модерна.

Объектам, определенным в разные группы, свойственны характерные общие признаки, что может служить основой для изучения региональных особенностей и устойчивых традиций в деревянной жилой архитектуре Тюмени.

Литература

1. Козлова-Афанасьева Е.М. Архитектурное наследие Тюменской области: научный каталог. – Тюмень: ООО «Искусство», 2008. – 488 с.

«КОГДА ПУШКИ МОЛЧАТ, УСТУПАЯ ДОРОГУ МУЗАМ»: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Рождение такого научного направления, как «военная антропология» является не просто закономерным явлением, но и логическим этапом осознания важности пластики научного синтеза тотальной истории и микроистории через персонификацию глобальных потрясений посредством поиска, систематизации и обработки источниковых свидетельств личного происхождения, нередко требующих «третьего зрения», где текстовый пласт нередко зашифрован и мог быть понятен лишь для того адресата, которому и предназначался. Это стало катализатором появления исследовательских проектов по раскодированию подобных материалов.

Две мировые войны продемонстрировали мощную трансформацию характера индивидуального «вхождения» человека в историю посредством эволюции личной переписки. Анализируя солдатские письма времен Первой мировой войны, исследователи отмечают крайне ограниченную информативность эпистолярных коллекций той поры: фронтовые послания, как правило, оказывались по форме «ритуально зеркальными», хотя в силу малограмотности как авторов, так и адресатов письма были ожидаемы как живая связь времен между «тем» и «этим» светом, разделенным на фронтовую короткую жизнь и далекий, такой устоявшийся домашний уют и тепло [1].

Вторая мировая война придала процессу превращения обывателя в «homo historicos» особый трагический динамизм. Заложник военных обстоятельств и плена вырастал в личность, сумевшую преодолеть более чем 70-летний исторический рубеж посредством эпистолярного «озвучивания» событий войны как бы «изнутри», находясь в лагерях «остарбайтеров» на немецкой территории, где с помощью писем в условиях цензуры воссоздавал этнографически яркий мир метафоричных образов ожидания окончания военного безумия и надежды, пусть и иллюзорной, на освобождение. Настоящей научно-исторической сенсацией стала находка так называемой «фрайбургской коллекции». Хотя, полагаем, что случайного здесь крайне мало.

Город Фрайбург (Брайзгау) известен как один из крупнейших научных центров Германии по изучению, в том числе, военной истории. И то, что в 1991 г. при ремонте здания Архива Немецкой Народной Песни именно здесь была обнаружена своеобразная коллекция, переправленная именно сюда в октябре 1944 г. отделом военной цензуры по контролю за письмами «остарбайтеров» – восточных рабочих (главным образом из СССР), является вполне закономерным явлением. Тем более, что фрайбургская академическая школа аккумуляции, хранения и обработки источников является одной из лучших в Европе, а сам Фрайбург – образцовый «научно-статистический центр», учитывая многовековые (с 1457 г.) традиции и всемирно-известные имена нобелевских лауреатов – выпускников старинного Alber – Ludwigs – Univesitat Freiburg. Тщательная выборка письменных фрагментов свидетельствует не только о служебном рвении рядового аккуратиста-цензора, сколько о несомненно проявленном интересе к анализируемому этноматериалу.

Найденная коллекция представлена картотекой из более чем 1300 карточек с цензорскими выписками-купурами из писем за период с 1943 г. по октябрь 1944 г. Ее составителем был, по мнению специалистов, образованный славист, владевший диалектологией, этнографией и фольклористикой. Поэтому коллекция, по всей видимости, формировалась не только в служебных целях. Хотя, с другой стороны, собирание и обобщение подобных наблюдений традиционно входило в функциональные обязанности почтовой цензуры. Но пометки к выпискам из писем не содержали ни одной фамилии или адреса, что дополнительно свидетельствует в пользу вышеназванной версии.

Авторам было важно рассказать о себе и трагизме происходящего в лагерях, тревоге за близких, оставшихся дома, и ожидании конца войны – но способом от «противного»: через особую систему иносказаний, языкового шифр-кода с намеками на узнавание довоенных образов того нереального родного мира, который был оставлен далеко в прошлом. В письмах использовался язык *метафор*, ассоциативно раскрывающих характер ожидаемого конца войны: «большие дожди» – частые бомбежки; «гостинцы – апельсины / конфеты – бомбы с неба; «Анна, Аня» – английские летчики; немцы – «Нина». Фраза «У нас была в гостях Аня, Нина становится все более капризной»

– несла энергию надежды на освобождение. Партизаны – «гости», «колядники», «купцы», «звери из леса»; охранники – «ангелы» или «архангелы». «Цвести», «красить» – огонь, пожар. Самолеты – «буськи» (аисты), железные птицы, кладущие яйца, соловьи, вороны («чорні круки»), черные мухи и т.д. Подтекстовость образов безошибочно расставляла смысловые акценты: «живу як суха береза край великой дороги»; «жду як циган меду и як свяченого яйця», «Мені хочеться вас побачити, як в жару води напитись» [2].

Выписки, собранные в фрайбургской коллекции, оцениваются историками как уникальные историко-этнографические источниковые раритеты, которые, в известной мере, могут быть сопоставимы, по мнению части исследователей, с надписями, оставленными узниками гестаповской тюрьмы «Эль-де» в Кельне. Расчистка стен карцеров и камер позволила обнаружить под слоем штукатурки и краски поразительные документы по истории Второй мировой войны. Но между этими источниками есть и различия. Гестаповские узники ожидали своей участи, уже не питая никаких надежд и переживая крайнюю степень отчаяния, хотя даже там сочинялись стихи, припомнились дорогие сердцу песни, частушки, изречения, пословицы. У авторов «фрайбургских» писем еще теплилась надежда на возможность прихода союзников. Хотя иллюзий на этот счет, вероятнее всего, у остарбайтеров также не было [3].

Персонификация «военной антропологии», представленная солдатскими письмами с фронтов Второй мировой войны, отразила значительные изменения, связанные с социокультурной ситуацией в стране в целом, по сравнению с Первой мировой. С конца XX – начала XXI вв. было издано несколько центральных сборников писем фронтовиков, в том числе с публикацией солдатских посланий в газете «Правда» [4], где эпистолярные тексты соседствуют с включениями материалов воспоминаний, очерков, интервью, дневниковых записей, рисунков, а также любовных писем, что расширяет предметно-тематический абрис рассматриваемой темы. Эту источниковую группу дополняют многочисленные региональные издания эпистолярного наследия военной поры, выпуск которых традиционно приурочивается к юбилейным датам [5].

И хотя в эпистолярных посланиях, написанных в боевых условиях, как правило, «на скорую руку», с неизбежным сохранением как трафаретности написания, так и понятного в условиях военной цензуры содержательного клиширования, смысловое напряжение и динамизм событийного психологизма военной ситуации 1941–1945 гг. превращал их в самые разные информационно-личностные формы. Это были нередко и лаконичные письма-исповеди с авторским намерением успеть сказать родным и близким то, что было упущено автором в мирной жизни. Эпистолярные тексты часто становились признанием в любви; наказом детям и близким исполнить последнюю волю фронтовика; мечтами о послевоенной счастливой судьбе; рассказом о боевых товарищах и лечении в военно-полевых госпиталях. Однако денотативно-смысловым рефреном писем становилась фраза: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...».

Именно такое название получил сборник эпистолярных текстов военной поры, подготовленный к печати в рамках сравнительно недавно появившейся серии «Народный архив», где представлена концепция систематизации результатов научно-исторического поиска «неофициальных» письменных источников, отражающих особенности повседневной жизни и досуговой культуры жителей Обь-Иртышского Севера XX в. В одном из выпусков и были опубликованы фронтовые письма жителей Обь-Иртышского Севера, приоткрывавшие специфичный этно-эпистолярный мир, в том числе, с сохранением авторского стиля и написания, пусть и не вполне литературно «причесанного» [6]. Тем более, что стремление издателей порой подвергнуть тексты редакторской «правке», преследуя, пусть и благородные, но несколько иные, нежели строго научные цели, искажали эпистолярно-смысловую и этнопсихологическую панораму, которая в большинстве случаев оказывается размытой и «поправленной» на уровне графической культуры письма.

Конечно, советская фронтовая цензура, равно как и противника, самым тщательным образом контролировала «письмопоток». Еще до начала войны 2 июня 1941 г. был разработан Проект постановления ЦК ВКП(б) об утверждении положения о главном военном цензоре при СНК СССР, а также увеличении штата этой службы до более чем 41 тыс. чел. Это позволяло возложить контроль на 1 службиста за 150 письмами или 600 телеграммами в день. Однако в ходе войны условия цензуры, естественно, были ужесточены [7]. Права, в опубликованном солдатском дневнике Г.П.Еланцева приведен, видимо, нередкий для того времени факт отсутствия самой возможности опустить в привокзальный почтовый ящик г. Горького свое письмо: «Почтовый ящик был полон, а под ящиком, горкой, чуть не доставая ящика, на снегу лежали письма. Я положил свое письмо на

самую макушку. Идет железнодорожник. Я спросил его, отправляют ли письма. – Кто их будет отправлять? – был ответ. На железнодорожных путях стоят обгорелые вагоны – первые признаки фронта» [8].

Примечательно, что в 2014 г. по инициативе немецкой стороны России был передан весьма специфичный, но и уникальный «презент» времен Второй мировой войны как жест «доброй воли». Им оказался вагон почтовой корреспонденции, захваченный вермахтом в самом начале военных действий на территории СССР. Самое удивительное, что его содержимое не было уничтожено ни Германией, ни бомбами союзников, а дошло в своем первоначальном виде до нашей страны. И здесь есть предмет разговора о научной самоценности таких источниковых раритетов, как почтовая «коллекция», а также об отношении страны и ее научных институтов (полагаем, что речь идет именно о Фрайбурге!), демонстрирующих лучшие научные традиции в тот временной период, когда «пушки молчат, уступая дорогу Музам».

Литература

1. См.: Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. – М., 2005. – С. 242.
2. Балабанова М.Ю. К вопросу о символической стороне жизни остарбайтеров в годы Великой Отечественной войны // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции. Нижний Тагил, 4–5 апреля 2005 г. / Отв. Ред. В.П. Конева. – Нижний Тагил: Изд-во Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, 2005. – С. 66–68; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1967. – С. 137–138.; Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 8. – М., 1980. – С. 236–237.
3. Досталь В. Молчание в темноте (Немецкая этнология в период национал-социализма). // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 5. – С. 95; Марков Г. Народоведение в годы нацизма. Крушение науки. // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 5. – С. 102.
4. Великая Отечественная в письмах / Сост. В.Г. Гришин. 20-е изд. доп. – М., 1998; Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3-х тт. – М., 1995; Последние письма с фронта. Сб. Т.1–4. – М., 1991–1993; Жди меня – письма с фронта / Сост. С.Грибанов. – М., 2001.
5. Письма с фронта рязанцев – участников Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – Рязань, 1998.; Письма с фронта и на фронт. – Смоленск, 1991; Письма огненных лет / Сост. Ф.Н. Вахитов. – Уфа.
6. См.: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...». Фронтовые письма 1941–1945 годов. – М.: Новое издательство, 2005.
7. История советской политической цензуры: Документы и комментарии. – М., 1997. – С. 86.
8. Цит. по: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...». Фронтовые письма 1941–1945 годов. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 13.

УДК 93/94

Я.Г. Солодкин

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

О ДВУХ ВИДАХ РАСПРОСТРАНЕННОЙ РЕДАКЦИИ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

Крупнейшим по объему летописным памятником, сложившимся на востоке России в XVII в., является Сибирский летописный свод (далее – СЛС), объединяющий в большинстве списков Распространенную редакцию Есиповской летописи (далее – РЕЛ) и «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...». Издатели СЛС пришли к выводу, что «основные виды Есиповской Распространенной летописи всегда читаются в соответствующих редакциях свода (Головинской, Нарышкинской, Томском виде)» [1]. Кроме того, Н.А. Дворецкой выделена Миллеровская разновидность этого памятника, промежуточная между его старшей редакцией – Книгой записной (далее – КЗ) – и следующей по времени создания Головинской.

Среди редакций СЛС наиболее широко в рукописной традиции представлена Нарышкинская (далее – НР), один из списков которой, Уваровский (далее – Ув), относящийся к последней четверти XVII в., сохранивший только РЕЛ, «содержит большое число разночтений и значительно отличается от официального текста» [2]. Эти разночтения, обнаруживающие не только обильную стилистическую правку, думается, свидетельствуют о том, что в рукописи, прежде находившейся в библиотеке Демидова, имеется еще один вид РЕЛ.

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания № 2014/801.

Существенные расхождения с текстом, знакомым нам по другим спискам, в Ув наблюдаются уже в оглавлении. Там подобно началу свода утверждается, что Сибирь простирается «даже и до Китайского государства» [3] (о котором летописец сообщает далее, см.: 274, 279, 287; ср.: 280, 281), ермаковцы пришли «в Сибирское царство водным путем стругами», о чем говорится и следом (232. Примеч. 62–67; 239, 240; ср.: 52), Абалак, близ которого отправившиеся на рыбалку казаки были перебиты «кучумлянами», назван, как и далее, урочищем (232. Примеч. 91; 244; ср.: С. 56), сказано об убийстве Ермака «с товарищи» спящими «на перекопи ... на острове без стражи» (233. Примеч. 27) [4]. Как и в основном тексте свода по Ув, в оглавлении упомянуто об осаде Мансуровского городка «в зимнее время» и передаче запасов остяцкими князьями воеводе этого острога (233. Примеч. 43–44; 251, 252). Кроме того, в оглавлении сообщается о «поставлении» Тюмени над Турой «на усть Тюменки реки» (о последней в тексте СЛС умалчивается) (233. Примеч. 43–44; 252; ср.: 36, 75).

Нередко редактор дополнял показания свода. Так, анонимный книжник заметил о Верхотурском волоке: «той каменной волок от Сибири до Соли Каменной» (234. Примеч. 81; ср.: 139) (скорее речь должна идти о Камской, ср.: 225, 280, 281, 337). До реки Иртыша, по сведениям того же «списателя», «яко четыре дни шествия от града Тоболска вверх реки Иртыша». Атаман (оказывается, им был Иван Кольцо, о чем мы узнаем и из Ремезовской летописи (далее – РЛ) [5]) и казаки, сообщившие в Москву о «Сибирском взятии», «принесоша к великому государю многия драгия и узорочныя дары и ясачную казну, объявиша черные лисицы» (о которых упоминается и ранее), а царь Иван распорядился «принять (отписку ермаковцев. – Я.С.) ближнему боярину Никите Романовичю и веле чести во услышание всему синклиту ... думному дьяку» (245. Примеч. 43–47, 53–55). В упоминании о Н.Р. Юрьеве – излюбленном герое многих исторических песен – можно слышать фольклорный мотив. Как утверждается в своде, Грозный пожаловал сеунчиков сукнами, деньгами и кормами. Сочинитель Ув уточнил, что это камки, золотые, «разные пития запасылные»; казаки же, сопровождавшие в Москву царевича Маметкула, получили «добрые» сукна, камки, «питие» (в других разновидностях СЛС говорится про деньги, сукна и корма) (245. Примеч. 88–89, 100–XIV. Примеч. 1; 248. Примеч. 39–40) [6]. В главе о пленении этого царевича сказано, что он стоял на Вагае «не со многими татары улуса своего», и поприща отождествляются с московскими верстами (246. Примеч. 17–18). Согласно Ув, вместе со «славным и ратоборным» Ермаком али 150 атаманов и казаков (250. Примеч. 87). Это известие явно восходит к НЛ (73, 78; ср. 40, 74, 138, 189 [7]), к которому, повторим, редактор обращался и ранее. Он заметил, что Сейдяк прибыл в Сибирь «из Бухарестские земли» (прежде последняя названа Бухарейской, как и в одном списке Томского вида (далее – Т) НР) (237, 246, 251. Примеч. 70; 309. Примеч. 62) [8]. В Ув читаем, что воевода И. Мансуров очутился в бывших владениях Кучума по указу царя Федора, а татар у города Сибири возглавлял Сейдяк (251. Примеч. 94–95; Примеч. 4–10) [9]. В других разновидностях СЛС умалчивается и о том, что кроме остяков, Обский городок осаждали самоеды и другие «языки» «с разных рек» «со всякими бранными оружию лушинострельными и копейными», тогда же пушки было убито много остяков (251. Примеч. 34, 35, 40–41; 252. Примеч. 65). Ряд дополнительных подробностей мы находим в главах, посвященных началу Тобольска. Если верить Ув, Д. Чулков заложил этот город не только по царскому указу, но и «наказу воеводцкому», Сейдяк стал пускать ястребов «на озере за утками» (а не птицами на лугу); фраза «помахав рукою воевода Данило Чулков» приобрела следующий вид: «воевода в то время (пира, на который пригласили Сейдяка, Салтана и Карачу. – Я.С.), помахав, указуя рукою своею на них, татар» (252. Примеч. 14–15; 253. Примеч. 54–55; 254. Примеч. 39–41). Первый тобольский архиепископ Киприан, согласно Ув, ранее настоятельствовавал в Новгороде Великом «на Хутыни» (о чем вслед за Основной редакцией ЕЛ упоминается во многих разновидностях СЛС, см.: 70, 98, 127, 188, 194, 262, 313, 318, 347, 367, 370) «у чудотворца Варлаама», про что сказано и в КЗ (146, 256. Примеч. 38) [10].

Кроме того, в Ув наряду с «болванами» и идолами обитавших в Сибири «поганных» называются «шейтаны», сообщается, что для похода против Кучума ермаковцы получили от Строгановых не только запасы, но и «струги легкие и бранное оружие», в улусе Карачи русские перебили многих местных татар, Ермак и его «дружина» представлены (подобно НЛ) донскими казаками с Волги, покоренные ими «мурзы и тотаровя» превращены в мурз, мулл, «лутчих татарских людей» и князей. С оставлением Кашлыка отрядом И. Глухова, оказывается, «не бысть в Сибири российских людей» (237. Примеч. 81; Примеч. 15; 239. Примеч. 13; 240. Примеч. 28–37; 245. Примеч. 32–33; 250. Примеч. 31).

Иногда лаконичные указания летописца в приобретают в Ув развернутый вид. По словам редактора, «в том их воровстве (о чем мы узнаем и по НЛ) и великому государю челобитье и жалобы на них, тонских (т. е. донских. – Я.С.) казаков, доносица стали большие». Кучума изгнал с престола «ни царь, ни князь, ни царского величества и повеления воевода» (239. Примеч. 63–63; 242. Примеч. 34). Замечание о том, что ермаковцы победили хана, в Ув продолжено следующим образом: «со всем его юртом, овых его татар побиша, но все царство его огню и мечу предаша и многих языков». Как читаем в Ув, атаманы и казаки покорили не только «иноземцов», но и «около царства во многих местах разно живущих многих». Если в других разновидностях свода утверждается, что Сейдяк, Салтан и Карача во время пира в Тобольске хотели русских «предати смерти», то в интересующей нас – «они, бесермены, злым своим агарянским умыслом предати оманом прелестию своей смерти по прежписанному своему прелесному и неправедному умыслу» (244. Примеч. 14, 17–19; 254. Примеч. 39–41). Однажды помимо князцов упоминаются «протчие языки»; редактор так дополнил и название главы о Кучуме и его смерти: «и о конечной погибели всего юрта его» (242. Примеч. 97–98; 254. Примеч. 96–97). Во фразе, которую мы не найдем в СЛС других видов, – «христианы в Сибирском царстве ликоваху, никого же боящееся стопами свободными», – объединены и ранее встречающиеся в Ув выражения, знакомые нам уже по «Сказанию» Саввы Есипова (51, 60, 238, 247, 254. Примеч. 82).

Таким образом, этот список сохранил особый вариант НР, который, судя по упоминаниям о реке Тюменке, расстоянии от Тобольска до реки Ишима, об участии в осаде Мансуровского городка самоедов, да и о Верхотурском волоке, поездке Ивана Кольца в Москву, сложился в Сибири, причем, дополняя отдельные известия свода, правщик порой обращался к не раз использовавшимся в РЕЛ статьям НЛ.

От первой из них зависит и указание Б на завоевание «Кучумова царства» «его (Ермака. – Я.С.) дружинами донскими казаками собранным полком». Только в этом списке мы находим сравнение не с Антеем, а с Аннием и Амбрием (231. Примеч. 3; 238. Примеч. 9; ср.: 50, 82, 180) [11]. Оригинальны указания на осаду ермаковцев в городке мурзы Атика (в ЕЛ Основной редакции и ее вторичных разновидностях при этом сказано «осень бе») (241. Примеч. 98–100; ср.: 53, 83, 110, 131, 182, 306, 360) [12] и то, что царь Иван «повеле взяти их (сеунчиков. – Я.С.) пред себя, они же придоша и подаш государю отписку» (согласно своду по остальным спискам, как и ЕЛ, Иван Васильевич «по[ве]ле у них отп[и]ску принять и чести пред своим царским лицеем») (245. Примеч. 51–55; ср.: 58). Подобно Т [13] и РЛ в Б сообщается, что в момент гибели Ермак «одеян был в два пансыря» (а не «железом», как в ЕЛ и почти всех ее многочисленных разновидностях) (250. Примеч. 80–81; 311, ср.: 131) [14]. Правщик, очевидно, не прибегая к другим источникам, внес и дополнения о том, что об истреблении «погаными» отрядами Ивана Кольца Ермак узнал «от неких вестников» (ср.: 59, 246), Карача осаждал город Сибирь «со многим злоусердием неколико время» (о чем сказано и в Т), татары, бежавшие от этого города, «поведоша обозным татаром у таборов вся бывшая от казаков», захваченного в плен Сейдяка послали в Москву с предосторожностями, дабы «на пути, где в пустых местах идучи дорогою, погани агаряне нашед и не учинили бы никакова дурна» (как читаем в Т, «с великим осторожательством от них бисерменских находов») (248. Примеч. 71–72; Примеч. 22 – 23; 249. Примеч. 44–47; 254. Примеч. 90–91; 310, 313). Подобно Т в Б опущено упоминание (имеющееся, кстати, в НЛ) о возвращении ермаковцев на «Русь» по Соби (250. Примеч. 25–28; 311). Подчеркивая (о чем в других разновидностях свода мы не прочтем), что «окаянный злый сопостат царь Кучюм скончася и живот свой напрасно смерти прида», «списатель» указывает на бегство бывшего хана «в Калмыцкую землю, зовомую Нагаи», тогда как его предшественники различали владения калмыков и ногаев (68–69, 187, и др.). Ошибочно и сообщение Б о нападении на казаков у Абалака «царя Кучюма Маметкулова» (244. Примеч. 62–63; 255. Примеч. 76–92). (Следовало говорить о Маметкуле, который в сибирских летописях представлен сыном или братом «злочестивого» хана). Нередка в Б и стилистическая правка. К примеру, выражение «ратоборством и мужественно» заменено оборотом «рать и оружья и щыты из мужественно и славною» (238. Примеч. 77–78).

Стало быть, расхождения Б со «стандартным» текстом РЕЛ не столь значительны, как в Ув. Некоторые из этих расхождений явились результатом неверного понимания, а то и прочтения текста или его интерпретации [15]. Любопытны разве что известия о личном приеме царем Иваном посланцев Ермака и «дружины», а также двух панцирях, бывших на знаменитом атамане во время его последнего боя.

Наличие трех видов НР свидетельствует о том, что она в отличие от других редакций РЕЛ гораздо чаще подвергалась переработке, отражая сохранение интереса к перипетиям «Сибирского взятия» в восточных уездах России и в конце XVII столетия.

Литература

1. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. / Предисловие // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 36. – М., 1987. – С. 20.
2. Там же. С. 26. См. также: Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). – Новосибирск, 1984. – С. 103.
3. ПСРЛ. Т. 36. – С. 231. Примеч. 9; С. 234. Примеч. 70. Далее ссылки на это издание СЛС приводятся в тексте работы.
4. Про это читаем и в КЗ, Румянцевском летописце вида Б вслед за восходящими к единому протографу Кратким описанием о Сибирстей земли ... и Новым летописцем (далее – НЛ) (40, 73, 74, 78, 138, 189, и др.).
5. Сибирские летописи: Летопись краткая сибирская (Кунгурская) (далее – СЛ). Рязань, 2008. С. 337, 428. С точки зрения Е. К. Ромодановской, об этом сообщается в исторических песнях и преданиях, что отражает «фольклорное переосмысление фактов» (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века/Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель (далее – ЛП). – Новосибирск, 2001. – С. 360 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10)).
6. Ср.: СЛ. С. 30, 75, 300, 301, 338, 428, 429. На известия Ув о Н.Р. Юрьеве и И. Кольцо обратила внимание Н.А. Дворецкая свыше полувека тому назад. См.: Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. – М.; Л., 1957. – С. 474.
7. См. также: ПСРЛ. Т. 14. – М., 1965. – С. 34.
8. В двух списках свода, как и в Есиповской летописи (далее – ЕЛ) нескольких разновидностей, говорится про Бухарскую землю (59, 85, 94, 112, 123, 134, 153, 184, 246. Примеч. 69). См. также: СЛ. – С. 300, 338, 429.
9. Последнюю версию разделял Н. М. Карамзин (Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. – М., 1989. – Стлб. 15).
10. См. также: ЛП. – С. 168.
11. В Т читаем про «Анне» (305).
12. См. также: СЛ. – С. 22, 68. «Слогатель» или не понял смысла соответствующей фразы, или же располагал списком, в котором имелось явно ошибочное чтение.
13. Вспомним, что владельцем Б являлся томский казачий голова Б.И. Серединин.
14. См. также: СЛ. – С. 344, 377, 435. Ср.: С. 338, 345–348, 428, 436–438.
15. Недавно было высказано мнение о том, что упоминаемый в РЕЛ царевич Мед – это скорее всего Ахмед или Мамед, имя которого «оказалось усеченным при переписывании» (Матвеева Н.П., Аношко О.М. Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. – Тюмень, 2014. – С. 21). Однако о «взятии» ермаковцами «царевича Меду» (в ряде списков Маметкула) мы читаем лишь в двух поздних редакциях СЛС (241, 306, 360), тогда как в «Повести» Саввы Есипова и большинстве ее вторичных разновидностей, да и Строгановской летописи сообщается, что в Карачином улусе «царева (Кучума. – Я.С.) меду взяша» или «царева меду (русские. – Я.С.) в струги своя снесоша» (52, 83, 92, 110, 121, 181; СЛ. – С. 20, 67. Ср.: С. 327, 418), т.е. переписчик превратил хана в царевича, мед которого попал в руки атаманов и казаков. К тому же султан с тем или другим именем, указанным тюменскими археологами, за конец XVI в. неизвестен.

УДК 93/94

Я.Г. Солодкин

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ЕРМАКА

(о некоторых спорных вопросах присоединения к России «Сибирской земли») ¹

Вслед за гибелью в начале августа 1584 г. «ратоборного» атамана Ермака его соратники – если верить Погодинскому летописцу (далее – ПЛ), 90 казаков под предводительством головы И.В. Глухова из отряда умершего к тому времени князя С.Д. Болховского – покинули Сибирь. Но вскоре в недавних владениях «салтана» Кучума появилась рать воеводы И.А. Мансурова, а затем были основаны Тюмень и Тобольск, вокруг которых сложились первые уезды новой восточной окраины Московского государства. Каким образом происходило закрепление этих земель за Россией в начале царствования «освятованного» Федора Ивановича, остается не вполне ясным.

В представлении Д.Я. Резуна «московское правительство (узнав об успехах Ермака. – Я.С.) просто не знало, что делать с Сибирью», о чем «свидетельствует и абсолютная неподготовленность первой военной экспедиции князя Болховского на помощь» казачьей вольнице [1]. Опубли-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания № 2014/801.

кованная еще Г.Ф. Миллером январская (1584 г.) царская грамота Строгановым, напротив, показывает, что эта экспедиция снаряжалась весьма основательно.

Выводы о том, что после гибели своего главного предводителя казаки покинули не Сибирь, а только Искер, осенью 1584 г. с ними соединились ратники Мансурова, а следующую зиму русские провели в Тюмени [2], следует отнести к числу домыслов.

По утверждению А. А. Куратова, к полному завоеванию Сибири русскими привел поход 1592 г. [3]. Что за экспедицию, имевшую столь масштабные последствия, имеет в виду историк, сказать затруднительно.

Первым русским укрепленным поселением в Сибири стал, как известно, Обский или Мансуровский городок. Этот острог был заложен осенью 1585 г. на правом берегу Оби, напротив устья Иртыша, служилыми людьми под началом воеводы И.А. Мансурова, посланными за Урал из Москвы, когда, вероятно, там узнали о гибели Ермака. Нередко считается, что гарнизон, оставленный в Обском городке видным дворянином, в 1587 г. сменили стрельцы письменного головы Д.Д. Чулкова, в том же году «срубившие» Тюмень [4]. По-видимому, однако, И.А. Мансуров с отрядом в начале лета 1586 г. вернулся в Москву, оставив годовальщиков в сооруженном несколько месяцев назад городке. Д.Д. Чулков же в 1587 г., покинув Тюмень, поплыл по Тоболу и возле бывшей ханской ставки заложил крепость, в 1599 г. ставшую «начальным градом» Сибири [5]. (Точка зрения, что с возвращением Мансурова в столицу «срубленный» им острог был заброшен, но после возникновения Тобольска в Обский городок начали посылать стрельцов и казаков на годовую службу [6], менее вероятно).

По заключению А. Галиуллина, Тобольск был основан на месте города Сибири (обладавшего ко времени вторжения Ермака во владения Кучума статусом «царствующего града»), а не поблизости от него, и автор Есиповской летописи (далее – ЕЛ), называя Тобольск «старейшиной» среди сибирских городов, имел в виду отнюдь не его главенствующее положение, а скорее всего древность и значение [7]. Однако, как читаем в написанной Саввой Есиповым «Повести о Сибири и о сибирском взятии», Тобольск возник в 1586/87 г. в 15 поприщах от града Сибири, из которого, разгромленный в битве на Чувашевом мысу, бежал Кучум, после чего этот город, оставленный «погаными», беспрепятственно заняли Ермак и его соратники; позднее, вслед за пленением русскими Сейдяка, Салтана и Карачи, город Сибирь был и вовсе заброшен [8]. По словам владычного дьяка, Тобольск сделался «старейшиной» сибирских городов, «понеже бо ту победа и одоление окаянных бусормен бысть», и он «вместо царствующего града причтен Сибири». Согласно ПЛ, сохранившему немало уникальных сведений по истории «Закаменской страны» в 1580-х гг., Тобольск находится в 12 или 15 верстах от «Старой Сибири», являвшейся резиденцией Кучума, в этом городе, заложенном служилыми людьми под предводительством Д. Чулкова, был побежден Сейдяк, «начальный царскаго града Старой Сибири, ... ту в Тобольске взят бысть ... Божиим праведным промыслом», и город, названный «реки ради Тоболы», взамен Старой Сибири «препрослыся начальным градом» [9]. Следует считаться и с тем недавно подчеркнутым А.В. Матвеевым и С.Ф. Татауровым обстоятельством, что для Кучума, который «был по своей сути кочевником», город, называвшийся также Кашлыком и Искером, вовсе не являлся столицей, ею служила любая ставка хана, где стояла его юрта¹⁰.

Летом 1586 г. направленная из Москвы по следу «дружины» Ермака, а затем отряда воеводы И.А. Мансурова рать В.Б. Сукина и И.Н. Мясного «срубила» Тюмень – первый русский город в Сибири [11]. Следом, до конца XVI в., в новом «царстве» московских государей русские служилые люди «поставили» Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тару, Верхотурье, а также Обдорский, Нарымский, Туринский и Мангазейский остроги.

Мнение, будто Д.Д. Чулков, якобы участвовавший в зауральском походе 1586 г., через два года овладел Кашлыком, где пленил Сеид-хана [12], должно считаться заблуждением, как и взгляд, что этот отпрыск династии Тайбугидов был захвачен казаками Матвея Мещеряка, причем в 1578 г. [13].

Многие историки подобно И.В. Щеглову и П.Н. Бучинскому считают, что начиная с 1590 г., когда в Тобольск прибыл первый воевода князь В.В. Кольцов-Мосальский, к этому городу перешел статус главного (столичного) в Сибири, который ранее принадлежал Тюмени [14]. Другие же ученые вслед за Г.Ф. Миллером утверждают, что с 1590 г. Тобольск, прежде подчинявшийся Тюмени, сделался самостоятельным [15], а затем превратился и в «первоименный град» «Сибирского царства» [16]. (Заметим, что А.Т. Шашков писал о получении Тобольском роли столицы «дале-

чайшей государевой вотчины» и в 1590 г., что якобы вызвало строительство новой тобольской крепости, и в 1599 г., когда с приездом туда нового воеводы окольничего С.Ф. Сабурова образовался разряд). Некоторым же исследователям представляется, будто такой статус город, названный «реки ради Тоболы», приобрел уже в XVII в. [17]. На взгляд же В.И. Сергеева, в начале 1590-х гг. центральным русским городом Сибири оставалась Тюмень. Вместе с тем В.И. Сергеев писал о намерении Москвы в то время включить Югорскую землю «в сферу деятельности тобольских воевод» [18].

Напомним, однако, что В.В. Кольцов-Мосальский ведал Тобольском в 1588–1590 гг., и именно к этой поре, если не к 1587 г., следует отнести формирование уезда вокруг города, быстро ставшего «начальным» в «Закаменской стране» [19]. К его администраторам надлежало обращаться уже первым воеводам и головам Сургута [20]. Но официально превращение Тобольска в «большой город» Сибири [21] произошло несколько позднее, в самом начале царствования Бориса Федоровича, когда в заложенный письменным головой Д.Д. Чулковым острог [22] был отправлен государев «сродич» С.Ф. Сабуров.

Примечательно, что ни сибирские, ни московские книжники XVII в. о первоначальном подчинении Тобольска Тюмени не говорят [23]. Документы же предшествующих лет заставляют признать домыслом утверждение, будто на первых порах Тобольск «управлялся приказчиком из Тюмени» [24]. Очевидно, тогда, до самого конца XVI столетия, оба эти «града» являлись равноправными. Стало быть, с мнением об административном приоритете Тюмени относительно Тобольска в первые годы их существования следует расстаться.

Литература

1. Резун Д.Я. Предисловие//Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. – Новосибирск, 2003. – С. 4; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005. – С. 5. Ср.: С. 76.
2. Долгих А.И. Из истории сибирского казачества // Вопросы истории и философии. – Омск, 1970. – С. 164 (Науч. тр. Омской высшей школы милиции. Вып. 4).
3. Куратов А.А. Строгановы // Поморская энциклопедия: В 5 т. Т. 1. – Архангельск, 2001. – С. 399.
4. См.: Березово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург, 2008. – С. 57; Туров С.В. Описание с. Самарова (г. Ханты-Мансийск) 1760 г. из «географической анкеты шляхетного корпуса» // Документ в оперативной и ретроспективной среде: Сб. научно-практических статей. Вып. 2. – Тюмень, 2012. – С. 8.
5. См., напр.: Пять столетий Югры: Проблемы и решения: Итоги и перспективы. – Нижневартовск, 2011. – С. 26. Мнение, что Тобольск превратился в административный центр «Сибирской страны» с начала XVII в. (Колева Г.Ю. Тобольск: этапы развития (XVII – перв. пол. XX вв.)/Тобольск научный – 2009: Мат-лы шестой всерос. научно-практ. конф., посвященной памяти А.А. Дунина-Горкавича. – Тобольск, 2009. – С. 185. Ср.: Березово ... – С. 74), не отличается точностью.
6. Югорск: от легенды до точки на карте. – Екатеринбург, 1997. – С. 58; Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Перизд. – Ханты-Мансийск, 2007. – С. 148, 149.
7. Галиуллин А. Тобольску больше 600 лет? К юбилею города // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX вв. – Тобольск, 2005. – С. 371, 374.
8. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 36. – М., 1987. С. 65–67. Ср.: С. 42. Кстати, как читаем в ЕЛ, Тура получила название «старейшинства ради», будучи «сонмом» трех рек (Там же. С. 44. Ср.: С. 112).
9. ПСРЛ. Т. 36. – С. 129, 133, 136, 137. «Пресловущий первоначальный Сибири», – так отозвался о родном городе С.У. Ремезов (Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Служебная чертежная книга» С.У. Ремезова: Археографический комментарий. Материалы // II Ремезовские чтения: 2005: Провинция в русской культуре. – Новосибирск, 2008. – С. 506, и др.).
10. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Еще раз об отношении отечественной истории к сибирской государственности // Сулеймановские чтения (пятнадцатые): Всерос. научно-практ. конф. «Социально-демографическое и культурное состояние сибирских татар» (Тюмень, 17 – 18 мая 2012 года): Мат-лы и докл. – Тюмень, 2012. – С. 109–110.
11. Недавнее предложение отнести возникновение Тюмени к 1585 г. (Костанов А.И. Документальная история Сибири: XVII – середина XIX вв. – Владивосток, 2007. – С. 26, 57; /Балюк Н.А./ Путеводитель: Тюмень. – Тюмень, 2011. – С. 9; Она же. По тобольскому тракту. Тюмень, 2011. – С. 57), о чем упоминал еще П.В. Павлов (Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. – СПб., 1868. – С. 81), не может считаться оправданным (см., напр.: Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от аграрного к индустриальному обществу. – Екатеринбург, 1996. – С. 119, 120). Вспомним, что в 1585 г. за Урал из Москвы был направлен отряд И.А. Мансурова, выстроивший Обский городок и большей частью покинувший Сибирь весной следующего года, когда столичные власти (видимо, пользуясь сведениями, полученными от «мансуровцев») послали в «восточную страну» рать В.Б. Сукина и И.Н. Мясного.
12. Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР: конец XV – начало XVII вв. / Под ред. И.И. Смирнова. – Л., 1957. – С. 153.
13. Ивонин А. Р. Славяно-тюркское взаимодействие в Северной Евразии (XI–XX вв.). Историко-философские заметки // Фронтир ... – С. 37.

14. Дмитриев А. А. Пермская старина: Сб. исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 6. – Пермь, 1895. – С. 2, 11; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. – Новосибирск, 1982. – С. 36. Ср.: С. 76; Иваненко А. С. Четыре века Тюмени: Очерки живой истории старинного сибирского города. – Тюмень, 2004. – С. 319; Миненко Н. А. Тюмень: Летопись четырех столетий. – СПб., 2004. – С. 52; Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск – живая былина. – С. 11; / Балюк Н.А./ «История Тюменского края в документах»: Справочно-информационный сб. – Тюмень, 2006. – С. 15; Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. – Тюмень, 2006. – С. 48. Ср.: С. 55; Бродников А. Труды и дни зауральского центра // Тобольск и вся Сибирь. № 10: Триста лет учреждения Сибирской губернии. – Тобольск, 2008. – С. 159; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Сибири: Конец XVI–XVII вв. – СПб., 2010. – С. 116; Муратова С.Р., Тычинских З.А. Роль Тобольска в развитии взаимоотношений России и Казахстана в XVII–XVIII вв. // XI Всерос. научно-практ. конф. с международ. участием «Тобольск научный – 2014»: 7–8 ноября 2014 г. – Тобольск, 2014. – С. 180, и др. Подчас считается, что это случилось четыре года спустя (Науменко О.Н. Тобольский тюремный замок: страницы истории. – Тюмень, 2008. – С. 11–12).

15. См., напр.: Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2002. – С. 17; Миненко Н.А. Тюмень ... – С. 45; Павлов А.П. Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич // Власть в Сибири: XVI – начало XX в. – Новосибирск, 2005. – С. 381.

16. Кочемамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). – Тюмень, 1963. – С. 8; Он же. Первые русские города Сибири. – М., 1978. – С. 74; Вилков О.Н. К истории застройки Тобольска конца XVI–XVII вв. // Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер. обществ. наук. – 1969. – № 6. – Вып. 2. – С. 73; Очерки истории Тюменской области. – Тюмень, 1994. – С. 46; Дмитриева Л.В. Сибирский поселенец в городской среде Тобольска конца XVI – начала XVIII вв.: опыт социокультурной реконструкции // II Ремезовские чтения ... – С. 358, и др. Ср.: Очерки истории Коды. – Екатеринбург, 1995. – С. 101.

17. Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха ... – С. 26.

18. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. – 1960. – № 3 (21). – С. 115; Он же. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. – 1970. – № 12. – С. 57. Югорская земля упоминается в одном из документов еще в мае 1610 г. См.: Русская историческая библиотека. Т. 2. – СПб., 1875. – Стлб. 176.

19. Солодкин Я.Г. К истории основания Тюмени и Тобольска // Проблемы истории Сибири XVI–XX веков. Вып. 2. – Нижневартовск, 2006. – С. 51–52. На Поле уезды стали складываться сразу после строительства городов-крепостей (Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. – Воронеж, 2001. – С. 56). Видимо, так было и в Сибири, судя по документам о возведении Пельма, Сургута, Тары, Туринского острога.

20. См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. – М., 1955. – С. 253; Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург, 1994. – С. 116.

21. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). – М., 1907. – С. 241, 242; Разрядная книга 1475 – 1605. Т. 4. Ч. 2. – М., 2003. – С. 54.

22. В оценке С.В. Бахрушина это был даже «небольшой острожек» (Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. – Пг., 1922. – С. 29).

23. См.: ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 34; Т. 36. С. 35, 40–41, 65–66, 73, 74, 88, 96, 115, 126, 136, 138–139, 186, 190, 252–253, 258–259, 312, 315, 345, 365, 368; Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. – М., 1989. – С. 566, и др. Попутно отметим, что вопреки мнению ряда современных тюменских историков, в «Повести о городах Таре и Тюмени» о дате основания первого русского города Сибири умалчивается, а в Книге записной и, добавим, некоторых других редакциях Сибирского летописного свода оно приурочено не к 1583–1588 гг. (Со времен князя Самара ... С. 36. Ср.: С. 41), а к 1584/85. Лишь в Титовской разновидности ЕЛ, ПЛ, Головинской (по большинству списков), Шлецеровской и Академической редакциях этого обширного свода о возникновении Тюмени сказано под 1585/86 г., как и в одном кратком московском летописце самого начала XVII в. (Тихомиров М.Н. Русское летописание. – М., 1979. – С. 231).

24. Резун Д.Я. Очерки ... – С. 36. Взгляд, будто Тюмень и Тобольск были заложены одновременно около 1587 г. (Андреев А.И. Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVIII вв. // Изв. Всесоюз. Географ. общества. – 1940. – № 2. – С. 155), должен считаться необоснованным.

УДК 433.93

С.В. Супрович

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

1. Западноевропейские державы и подготовка Северной войны (Экономические и политические аспекты)

Северная война стала итогом накапливавшихся в течение всего XVII века противоречий между европейскими государствами. Этот конфликт отвечал интересам не только стран, принимавших участие в войне, но и держав Западной и Центральной Европы (Англии, Голландии и Австрии) [7, с. 3].

Англия и Голландия рассматривали Балтийском море как важную артерию в торговле со странами Восточной Европы, в первую очередь с Речью Посполитой и Россией [7, с. 18]. В царствова-

ние Алексея Михайловича англичанам запретили торговать на территории России, за исключением Архангельска (кстати, такие меры по ограничению влияния иностранцев на внутренние дела осуществляли и правители стран Азии и Африки, противодействуя колониальной политике европейских государств) [9, с. 11]. Попытки проникновения на рынки России предпринимали голландские Генеральные штаты, которые добивались разрешения у московского правительства на транзитную торговлю с Арменией и странами Востока (Персией, Индией и Китаем). Но и Нидерланды неудача.

Однако этим торговые интересы западноевропейских держав в России не ограничивались. Замыслы морских держав могли сказаться на стремлении молодого Петра проложить торговый путь на Восток через Каспийское море [8, с. 53; 10, с. 507; 3, с. 310]. Каналами воздействия на юного царя могли послужить Немецкая слобода и тесная дружба Петра с иностранцами, в особенности с голландцами [2, с. 142]. Проект каспийского торгового пути не шел вразрез с интересами России, но все же таил в себе опасность ее экономического подчинения интересам колониальных держав.

Многие историки считают, что объемы «русской» торговли Англии и Голландии являлись незначительными, поэтому о вмешательстве их во внутренние дела России не могло быть и речи. Однако надо учитывать, что английская и голландская Ост-Индские компании, противодействуя друг другу в Индийском океане, искали более короткий и безопасный путь на Восток, надеялись, что через территорию Московского государства можно легко туда попасть. Оно как нельзя лучше подходило для этого, имея широкие полноводные реки; русские власти всецело осуществляли контроль за территориями, по которым проходил торговый путь, т.е. были способны обеспечить проникновение в Персию и Индию. Западные державы, в частности, Голландия, стремились использовать такие географические преимущества Москвы в торговле со странами Востока и по возможности получить доступ в богатую пушниной Сибирь.

Швеция, захватив восточное побережье Балтийского моря и явно зависив торговые пошлины, мешала морским державам в осуществлении своих замыслов в России [7, с. 18–21]. Поэтому перед англо-голландской дипломатией встал вопрос о создании сильной коалиции, состоящей из соседних со Швецией государств (Дании, Польши и России), заинтересованных в ее ослаблении, причем ни одно из них не должно было заметно усилиться и получить существенные политические и экономические выгоды из этого конфликта [7, с. 31]. Такие замыслы соответствовали английской политике сохранения равновесия и ее стремлению «загрести жар чужими руками».

Большую роль в содействии Англии и Голландии на Балтике сыграла Австрия, тоже заинтересованная в создании противовеса Швеции. Отношения Империи со Швецией обострились после Тридцатилетней войны. По условиям Вестфальского мира, завершившего эту войну, Швеция получила Померанию и, вмешавшись в дела Священной Римской империи, изменила баланс сил в «германском мире» не в пользу Габсбургов. Появление сильного соперника на севере Германии – соперника, симпатизировавшего Франции, осложнило задачу Габсбургов по возвращению протестантских княжеств в лоно Империи, тем более, что там уже имелся противник имперской политики – курфюршество Бранденбургское (Пруссия). Сближению Швеции и Пруссии мешало недоверие бранденбургского курфюрста Фридриха I к шведской политике в бассейне Балтийского моря [7, с. 38] (что и явилось причиной предложения Пруссией Петру военного союза в 1697 г. в Кенигсберге). Священная лига (Австрия, Венеция, Россия и Польша), созданная имперской дипломатией для борьбы с Турцией и отвечающая в большей степени интересам Габсбургов в Венгрии, могла стать противовесом Швеции, и это учитывала в своих замыслах и англо-голландская, и австрийская дипломатия.

Затруднения по формированию антишведской коалиции были вызваны смертью польского короля Яна III Собеского. Встал вопрос об избрании его преемника, который бы разделял намерения морских держав и императора. На эту роль хорошо подходил саксонский курфюрст Август II Сильный, находившийся в тесных отношениях с австрийским двором и имевший титул блюстителя императорского престола.

Англо-голландской и австрийской дипломатии удалось подтолкнуть Польшу и Россию к созданию антишведской коалиции.

Начавшаяся война за Испанское наследство отвлекла внимание западноевропейских держав от противостояния Швеции и ее соперников, и члены Великого союза только с 1714 г. смогли обратить серьезное внимание на решение Балтийского вопроса.

После того, как угроза шведского вмешательства в войну за Испанское наследство на стороне Франции исчезла, а усиление России могло круто изменить расстановку сил в бассейне Балтийского моря, английская дипломатия встала на защиту шведских интересов. Поэтому Северная война, по сути дела выигранная Петром в 1709 г. под Полтавой, во многом благодаря позиции Англии продолжалась еще долгое время.

2. Замыслы Августа II (мемориал И.Р. Паткуля) и миссия Г. Карловича в Россию

На протяжении XVI–XVII вв. балтийские страны стремились установить контроль над торговлей на Балтике, в чем больше других преуспела Швеция, оставив не у дел ряд стран и тем самым предопределив скорый военный конфликт в данном регионе.

Остается открытым вопрос о том, кто выступил инициатором этого конфликта. В.А. Артамонов отмечал честолюбивые устремления саксонского курфюрста создать в Центральной Европе могущественное государство; уния Саксонии с Речью Посполитой в глазах Августа II должна была послужить достижению поставленной цели [1, с. 6]. Н.Г. Устрялов находил, что министр Августа II Я.Г. Флемминг вызвал скрывающегося от шведов в Швейцарии влиятельного дворянина И.Р. Паткуля для разработки планов овладения Лифляндией [11, с. 254]. Вместе с тем видный историк не исключал, что И.Р. Паткуль сам мог явиться с таким предложением к польскому королю. Н.Г. Устрялову также думалось, что замыслы Августа захватить Лифляндию родились благодаря одному из условий польского сейма при вступлении саксонского курфюрста на престол – о возвращении отторгнутых ранее у Речи Посполитой земель [11, с. 301–308, 323]. Ученый пришел к выводу, что Паткуль оказался при дворе короля как организатор войны на Балтике.

Мнение Н.Г. Устрялова разделял М.М. Богословский, писавший, что И. Паткуль находился в окружении Августа в качестве тайного советника [4, с. 129, 134].

Следуя этому взгляду, получается, что И. Паткуль был организатором реализации антишведских устремлений саксонского курфюрста, но не их вдохновителем.

В своих мемориалах польскому королю Паткуль высказывал мысль о необходимости склонить к союзу против шведов Россию и Данию, отмечая, что с русским царем договориться нетрудно, ибо Петр сам желает войны со Швецией. Лифляндец советовал сразу оговорить территориальные претензии Московского государства, опасаясь, что царь захочет овладеть всей Прибалтикой. Паткуль предлагал ограничить приобретения России Ингерманландией и Карелией, тогда как Лифляндия и Эстляндия, по его замыслу, должны перейти во владение Августа II [11, с. 301–308]. Благодаря этому польский король «перехватывал» у шведов посредничество в торговле России с Западной Европой, а также получал рычаги политического давления на морские державы. Англии и Голландии, нуждающимся в сырье из стран Восточной Европы, отныне следовало, как это уже случалось [7, с. 48–49], считаться с интересами Августа II, что значительно расширило бы политические возможности польского короля не только в Восточной Европе и на Балтике, но и в пределах Священной Римской Империи. От этого выигрывало бы и лифляндское, и эстляндское рыцарство [11, с. 301–315], к чему, видимо, и стремился И. Паткуль.

Во избежание противодействия оформлению военного союза со стороны шведского правительства, направившего посольство в Москву, Паткуль советовал не медлить относительно переговоров с Петром, которого считал самым стойким союзником. К тому же России в мемориале отводилась наиболее важная роль в готовившейся войне. Паткуль рассчитывал, что Август II сможет воевать за счет сил и средств Московского государства [9, с. 21–22]. Опасаясь, что Петр осознает свои возможности, лифляндец стремился свести оперативный простор для русского царя лишь к Ингерманландии и Карелии, как вскоре выяснилось, наивно.

Желая поскорее втянуть Россию в противоборство со Швецией, тайный советник Августа высказал хитроумную мысль об оказании помощи Москве в примирении с турками. Паткуль считал, что русский царь должен заручиться поддержкой папы римского в переговорах с османами, дав «священному престолу» разрешение на свободный проезд католических миссионеров через Россию в Китай. Взамен Петру надлежало потребовать содействия императора и Венеции русским представителям в Константинополе и оказания России дипломатической помощи вопреки интересам Англии и Голландии [11, с. 309–315].

Дания в глазах Паткуля являлась вторым важным союзником польского короля. Лифляндец считал нетрудным привлечь ее к войне со Швецией, учитывая враждебные отношения датского короля с герцогом Голштинским, но опасался, как бы датчане, пользуясь случаем, не выдвинули условия, которые будут неприемлемыми для Августа II. Паткуль советовал создать ситуацию, в

силу которой Дания сама предложила бы саксонскому курфюрсту военный союз против Швеции, ведь, как считал лифляндский дворянин, легче принимать выгодные условия, чем предлагать их. Чтобы выявить степень враждебного отношения датчан к Швеции, нужно намекнуть им, что царь недоволен присутствием ее короля на южном и юго-восточном побережье Балтики [11, с. 301–308].

Существенную роль в формировании антишведской коалиции И. Паткуль отводил Бранденбургу, курфюрст которого Фридрих I должен был сыграть важную роль в войне со Швецией. За содействие Августу тот мог надеяться на получение королевской короны. В оценке лифляндца бранденбургский двор хитер и проницателен, поэтому там нужно действовать осторожно. Конечно, географическое положение Пруссии заставляло ее тщательно выбирать политический курс и союзников. Примечательно, что И. Паткуль, призывая действовать в Пруссии осмотрительно, указывал на присутствие при дворе Фридриха I тайных шведских осведомителей. Возможно, благодаря своей тайной агентуре в Пруссии правительство Швеции догадывалось о целях «Великого посольства» Петра I (в 1697 г.), и это могло явиться одной из причин, по которым лифляндец покинул курфюршество.

Обращаясь к рассмотрению интересов Австрии, И. Паткуль подчеркивал давний – еще со времен Тридцатилетней войны – антагонизм между Габсбургами и Швецией. По утверждению тайного советника польского короля, австрийцы заинтересованы в устранении влияния Швеции на международной арене, и поэтому император непременно поможет Августу, тем более что саксонский курфюрст с домом Габсбургов находится в теплых отношениях.

Лифляндец, характеризуя в своем мемориале отношение морских держав к войне со Швецией, не учитывал, что та являлась посредницей в торговле на Балтийском море, и, используя свое выгодное положение для политического давления на морские державы, вызывала у последних серьезное недовольство. Паткуль, понимая всю важность для морских держав торговли на Балтике, однако, считал обязательным использовать это в интересах Августа (как уже пытался сделать Петр, находясь в Голландии и Англии в 1697–1698 гг.) [11, с. 301–315; 4, с. 131–132]. Рассуждая об интересах западноевропейских государств на Балтике, Паткуль не считал морские державы заинтересованными в полной ликвидации там гегемонии Швеции.

Составленный И.Р. Паткулем мемориал отражает политические амбиции Августа II и интересы лифляндского дворянства. Но не исключено, что при этом отстаивались интересы морских держав и империи в бассейне Балтийского моря.

Август с Паткулем сомневались в возможности привлечения Речи Посполитой к войне со Швецией, ведь саксонский курфюрст не пользовался широкой поддержкой в Польше. Паткуль советовал ничего не объявлять польскому сейму, где непременно появится оппозиция, и это поможет шведам подготовиться к войне; нужно действовать внезапно, что в случае успеха склонит Речь Посполитую на сторону Августа [4, с. 133; 11, с. 324].

В конце концов, польский король и его тайный советник решили заручиться согласием самого влиятельного человека сейма – кардинала примаса Радзеновского. Убедить его было трудно, потому что он питал неприязнь к Августу. Заявление, что Лифляндия будет присоединена к Польше, и обещание денежного вознаграждения за содействие королю (в размере 100000 рейхсталеров) сделали свое дело: Радзеновский согласился [4, с. 134–135; 11, с. 325–326].

На тайном совете у Августа II 30 июля 1699 г. было решено немедленно отправить в Россию генерала Г. Карловича с целью заключения военного союза, контроля за действиями царя и поддержания в нем воинственного настроения [4, с. 134].

В Москве Карлович и Паткуль стали торопить Петра начать военные действия против Швеции, уверяя, что для обретения выхода к Балтийскому морю лучшего времени еще никогда России не представлялось, а также обещания от имени Августа II склонить к войне Речь Посполитую. Разговор шел и о привлечении Бранденбургского курфюршества к военным действиям. Как писал Н.Г. Устрялов, убеждая Петра начать войну со Швецией, саксонский посланник заявлял, что польский король окажет дипломатические услуги московскому царю при европейских дворах и что некоторые из европейских государств уже изъявили готовность содействовать «видам» царя на Балтике, а с другими ведутся переговоры. Историк не пояснял, какие государства имел в виду Карлович [11, с. 333–335, 342].

11 ноября 1699 г. в Преображенском был подписан и ратифицирован союзный договор, и тем самым сформировалась антишведская коалиция [4, с. 168, 173; 6, с. 15]. 8 августа 1700 г. был заключен мир в Константинополе, а на следующий день русские войска двинулись к шведской границе.

Петр предпринял то, чего так опасался И.Р. Паткуль: царь избрал первоначальной целью военных действий Нарву, зная не хуже польского короля о значении этой крепости для России [5, с. 179–180].

Паткуль и Август II не понимали ее насущных важности политических и экономических устремлений, значимости приобретения для России выхода к морю, недооценили они и проницательности Петра I. Царь соглашался с планами своих союзников, но лишь пока их предложения соответствовали его интересам.

Литература

1. Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). – М., 1990.
2. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. – М., 2007.
3. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. – М., 2007.
4. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 4. – М., 2007.
5. Бороздин А.К. Петр Великий по его письмам в 1698–1703 гг. // Петр Великий. – СПб., 1903.
6. Валишевский К.Ф. Петр Великий. Кн. 3. – М., 1990.
7. Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. – Л., 1986.
8. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. – М., 1984.
9. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. – М., 1950.
10. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – М., 1984.
11. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. – СПб., 1858.

УДК 93

Н.В. Терентьева

г. Нижневартовск, Нижневартровский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII–XIX вв. В ТРУДАХ В.А. МОИСЕЕВА

В историографии государств Средней Азии, вышедших из состава СССР, наблюдается ярко выраженная тенденция к возвеличиванию прошлого своей страны, принижению исторической роли других народов. Внешняя политика Российской империи представляется среднеазиатским ученым «сверхагрессивной» [1; 2; 6]. К сожалению, российским исследователям зачастую сложно противопоставить националистическим взглядам новую версию русско-среднеазиатских отношений в XIX–XX в., которая способствовала бы и переосмыслению роли России в Средней Азии и оградила историю своей страны от намеренного искажения фактов. Одной из причин сложившейся ситуации было то, что в советской историографии существовало своеобразное разделение: проблемами Средней Азии занимались, главным образом, в среднеазиатских научных институтах, а востоковедные центры Москвы и Ленинграда в исследовании проблем истории Средней Азии были достаточно слабыми. В начале 90-х гг. XX в. разработки конкретных вопросов прошлого среднеазиатских народов в российских центрах востоковедения практически прекратились [7, с. 251–258]. Между тем интерпретация развития народов Центральной Азии и процессов становления их национальной государственности с момента обретения бывшими советскими республиками независимости приобрели особое значение как в идеологическом, так и общественно-политическом смысле в этих странах и за их пределами.

Повышению интереса российских исследователей к изучению международных отношений в Центральной Азии способствовало появление новых востоковедных центров. Один из них был создан на Алтае благодаря энергичной деятельности выдающегося ученого-востоковеда Владимира Анисимовича Моисеева.

Как ведущий специалист по истории международных отношений в Центральной Азии XVIII–XIX вв., в своих исследованиях он затрагивал многие дискуссионные вопросы, например, была ли российская политика в Казахстане и среднеазиатских ханствах колониальной или колонизаторской, какова была степень насилия в ходе присоединения к империи новых земель, хуже ли российский империализм британского или французского, могло ли российское влияние «заблокировать естественную эволюцию среднеазиатской государственности». В книге В.А. Моисеева «Россия и Казахстан», куда вошли его многочисленные статьи по вопросам историографии присоединения Казахстана к России, автор убедительно, на основе широкого круга архивных источников, опровергает ряд заключений представителей современной казахстанской историографии [3].

Профессор Моисеев неоднократно приводит цитаты, содержащие русофобские националистические выпады тех, кто еще недавно, состоя в рядах коммунистической партии, призывали жить в дружбе с русским народом, постигать его язык, науку и культуру [3, с. 6].

Под лозунгом возрождения «величия» нации, писал Моисеев, в Казахстане насаждается идеология государственного национализма, которая служит средством изгнания русских из республик, выдавливания их из престижных сфер труда, экспроприации богатств, созданных трудом нескольких поколений советских людей всех национальностей. Абсурдным В.А. Моисееву представляется тезис о создании Советской властью в Казахстане и Средней Азии богатейшего промышленного, аграрного и научного потенциала лишь для эксплуатации этого края как колонии.

Многочисленные территории современного Казахстана, входившие ранее в состав Алтайской, Томской губерний, земли Джунгарии изображаются в современной казахстанской историографии как исконно казахские, что является, в оценке Моисеева, грубейшей фальсификацией. Важные документальные подтверждения выводов автора по этому вопросу содержатся в упомянутом выше сборнике документов по разграничению Алтайской губернии и Казахстана.

Выступая против излишней идеализации казахских героев Аблая, Абулхаира, однако несколько не умаляя их заслуг, В.А.Моисеев приводит многочисленные подтверждения того, что ханы в попытках создания сильного государства опирались на помощь России [3, с. 42]. Ученый не признавал наличия у казахов государственности накануне присоединения к Российской империи. Тогда и в начальный период присоединения к России, заключил В.А. Моисеев, казахское «ханство» представляло собой рыхлый союз родоплеменных образований, неспособный вследствие самой внутренней природы кочевого хозяйства к саморазвитию и созданию государства.

Более всего Владимира Анисимовича огорчал тот факт, что радикальная смена концепции присоединения Казахстана к России происходила без ввода в оборот каких-либо новых документов и без научного, доказательного переосмысления уже известных.

Анализируя современные проблемы межгосударственных отношений России и Казахстана, Моисеев призывал к ответственности государственную власть России за судьбу русских в «ближнем зарубежье». Москва поддерживала президента Назарбаева, наградила его Орденом Андрея Первозванного, несмотря на дискриминацию русского населения в республике, досадовал ученый [3, с. 122].

Резко критиковал Моисеев современных казахстанских историков за искажение истории отношений казахов, России и Джунгарии. В монографии «Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке», отражающей основные положения докторской диссертации В.А. Моисеева, автор объяснил причины обострения отношений с ойратским государством, которое поначалу рассматривалось русскими властями как заслон на пути агрессивных устремлений Цинской империи в Казахстане и Южной Сибири. Дальнейшая политика невмешательства России в джунгарские дела позволила Китаю уничтожить это государство. Главной задачей российской внешней политики в Центральной Азии в оценке В.А. Моисеева было обеспечение безопасности границ и народов, принявших российское подданство. Политика России трактуется китайской историографией как непрерывная «агрессия», а геноцид, устроенный цинскими войсками в Джунгарии над ее населением, как «разрешение противоречий» и «объединение», заметил В.А. Моисеев. Казахские историки, в свою очередь, представляли русское государство «кровожадным северным хищником», которое якобы провоцировало джунгаро-казахские войны и было таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария. Таким образом, публикацией своего исследования по истории взаимоотношений России с последней кочевой империей Центральной Азии Владимир Анисимович отразил удар, нанесенный казахскими историками по российскому национальному самосознанию [4]. Но, несмотря на то, что на конгрессе историков в Элисте профессора Моисеева назвали «главным ойратоведом», Владимир Анисимович потерял интерес к дальнейшему исследованию вышеназванных проблем и стал заниматься изучением международных отношений России и Китая в Центральной Азии.

Монография «Россия и Китай в Центральной Азии», вышедшая из-под пера В.А.Моисеева в 2003 г., была задумана автором как продолжение исследования Б.П. Гуревича «Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв». Привлекая широкий круг архивных и опубликованных материалов, ученый исследовал дискуссионные погранично-территориальные проблемы, предложил периодизацию отношений России и Китая, дал оценку «неравноправным» договорам, выступил против идеализации казахско-китайских отношений. В.А. Моисеев

ев привел убедительные доказательства научной несостоятельности тезисов о «сверхаргессивности» Российской империи в Центральной Азии, об «исторических правах» казахов, китайцев, русских на пограничные территории. Проведенная граница государств оценке В.А. Моисеева являлась итогом длительного сближения владений двух империй в Центральной Азии, результатом международной обстановки и соотношения сил в регионе [5, с. 314].

Большая заслуга принадлежит профессору в подготовке квалифицированных кадров историков-востоковедов, в особенности специалистов по Центральной Азии. Многочисленные труды учеников В.А. Моисеева, посвященные проблемам трансформации кочевого общества у казахов, внутренней политики и международных отношений в Средней Азии, Казахстане, Восточном Туркестане в XVIII–XX вв., коллективные обобщающие труды отчасти восполняют тот вакуум, который возник в отечественном среднеазиоведении в связи с утратой традиционных востоковедных центров после распада СССР.

В последние годы наблюдается некоторое потепление отношений и в политической, и в научной сферах России и среднеазиатских государств. Российские ученые все чаще приглашаются к участию в коллективных трудах по истории Средней Азии. Проект «Казахстан в составе Российской империи: особенности взаимоотношений метрополии и колонии», осуществляющийся в Казахском национальном университете им. аль-Фараби при финансировании Министерства науки и образования Республики Казахстан, для участия в котором приглашены российские ученые, является подтверждением наметившегося сотрудничества в области науки между исследовательскими группами Казахстана и России.

Плодотворно работает Алтайский центр востоковедных исследований (АЦВИ), получивший статус международного, в области изучения вопросов международных отношений в Центральной Азии. Анализируя географию трудов по истории отношений России с сопредельными странами Востока последних лет, стоит признать ощутимый вклад алтайских ученых в исследование среднеазиатской истории. В основе их научного творчества лежат лучшие традиции отечественного востоковедения. И в этом немалая заслуга Владимира Анисимовича Моисеева, оставившего после себя не только свои труды, но и научную школу.

Литература

1. Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. – Ташкент, 1999.
2. Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). – Ташкент, 1997.
3. Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публицист. статей. – Барнаул, 2001.
4. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). – Барнаул, 1998.
5. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.). – Барнаул, 2003.
6. Рахимов Ж. Использование архивных материалов при изучении истории Узбекистана. – Ташкент, 1997.
7. Терентьева Н.В. К вопросу о создании и становлении востоковедных центров в республиках Средней Азии // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В.А. Моисеева. – Барнаул, 2005.

УДК 93/94

В.В. Цысь, О.П. Цысь

г. Нижневарттовск, Нижневарттовский государственный университет

ОБ УЧАСТИИ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТОБОЛЬСКОГО УЕЗДА И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

История Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. является предметом изучения ряда современных исследователей, в частности, В.И. Шишкина, Н.Г. Третьякова, И.В. Курышева, В.В. Цыся и др. [11, 13, 15, 16]

Однако далеко не все аспекты данной темы раскрыты с одинаковой полнотой. Недостаточно, на наш взгляд разработаны вопросы, связанные с внутренней политикой повстанческой власти, в том

¹ Работа выполнена в рамках базовой части Государственного задания № 2014/801.

числе их взаимоотношения с Русской Православной церковью, а также участие самого духовенства в происходивших военно-политических событиях.

Доступные нам источники, прежде всего исходившие из лагеря повстанцев, показывают, что в целом восставшие к религии в самых различных ее проявлениях были настроены достаточно лояльно, но без особого пиетета. С одной стороны это объяснялось левой, близкой к эсерам идеологии руководителей крестьянского движения, всегда прохладно воспринимавших различные институты «старого режима», к числу которых принадлежала и церковь. С другой стороны, нельзя было не учитывать консервативные взгляды части восставших крестьян, а также идеологический и пропагандистский потенциал, который имело православие. В третьих, гонения на религию при большевиках оценивались как преследования свободы совести, завоеванной народом в результате февральской революции и поэтому заслуживающие всяческого осуждения. Духовенство же со своей стороны, вероятно, рассчитывало на хотя бы частичное восстановление отобранных общественно-политических и имущественных прав.

Одним из лозунгов «партизан» (своего рода слоганов по современной терминологии) становятся слова «С нами Бог!» или «С нами Бог и победа!». Подтверждения этому находятся в листовках повстанцев, неоднократно апеллировавших к высшим силам. «Кровь расстрелянных вопиет к Вам и зовет на святое дело возрождения России. С нами Бог! Да здравствует свободная Сибирь! Да здравствуют граждане свободной Сибири!», – призывал начальник гарнизона г. Тобольска В.М. Желтовский [14, л. 21].

«Братья Партизаны, Товарищи Крестьяне! ... Народ уничтожил Деникина и Врангеля, уничтожил Колчака, уничтожит – коммуну. С нами Бог и победа, ибо мы за правое дело!...» [9, л. 82], – отмечалось в другом воззвании.

В качестве официального символа народного антикоммунистического движения устанавливается образец партизанского знамени: «По красному полю зелеными буквами начертаны лозунги: “С нами Бог!” ”Да здравствует Советская власть и Сибирское крестьянство!” “Долой коммунистов!”» [14, л. 21б].

«...Все будем твердо верить мы / Что с праздником весны / С своим девизом – “С нами Бог” / Мы победим врагов» [14, л. 260], – писал в одном из стихотворений неизвестный «партизан».

«Мы хотим, – указывалось в обращении повстанцев к «Гражданам Сибирякам», – чтобы каждый человек верил как хочет: православный по своему, татарин – по своему, и чтобы нас всех не заставляли силком верить в коммуну» [14, л. 73].

Декларируя свободу во всех сферах общественной жизни, повстанцы считали возможным возврат религиозных атрибутов, а также Закона Божия в учебные заведения. Об этом принимается соответствующее решение высшего органа гражданской власти на контролируемой повстанцами территории – Тобольского Крестьянско-Городского совета (далее – КГС).

Постановлением от 8 марта 1921 г. предложено «церковным причтам и соответствующим учреждениям и лицам инославных и нехристианских вероисповеданий производить в метрических книгах записи рождений, смерти и бракосочетаний» [10, л. 8об], имущество и книги передать из исполкомов причтам [2]. В то же время поступившие ранее в отделы ЗАГС ценные бумаги церквей передаются в КГС.

Еще одним постановлением от 8 марта 1921 г. Президиум КГС поручил отделу народного образования разъяснить учителям, что «препятствий к вывешиванию в классах предметов религиозного почитания не встречается» [10, л. 18об] а преподавание религиозных учений (православного, магометанского, иудейского и др.) может производиться в качестве необязательного предмета в стенах школы по желанию родителей, которые для этой цели приглашают священников, мулл, ксендзов и др. Преподавателями Закона Божия могли быть и сами учителя.

Повстанцами признавались церковные праздники. Президиум КГС установил, что на масленице занятия во всех учреждениях г. Тобольска прекращаются в 2 часа 11 марта до понедельника 14 марта [3]. Намечалось также и празднование Пасхи, которая в 1921 г. прошла 18 апреля по старому стилю.

С участием духовенства проходили важнейшие общественно-политические мероприятия, так же как это практиковалось в «докоммунистическую» эпоху. Например, при открытии волостного схода в с. Кугаевском Тобольского уезда в присутствии 150 делегатов и самого председателя Крестьянско-Городского совета – номинального главы гражданской власти на освобожденных территориях: «Неожиданно для многих... появляется церковный причт и совершает молебствие с водо-

святием. Можно по-разному относиться к религиозным обрядам, но при данных условиях этот обряд производит весьма отрадное впечатление; слова молитвы, церковное песнопение в здании, где недавно заседали “комячейки” звучат протестом против изжитого насилия, ими крестьянство кончает с прошлым рабством, сковавшим все проявления не только общественной, но и личной духовной жизни... После окропления священной водой всего здания, собрание приступает к деловой части...» [14, л. 207].

В с. Бронниковское перед открытием волостного схода, состоявшегося 2 марта, граждане выразили желание пригласить священника отслужить молебен в здании волостного самоуправления, «где и был отслужен таковой» о. Н. Гречениным [3].

При попытках формирования регулярных частей Народной армии производилось назначение в воинские подразделения священнослужителей, как это было в армии дореволюционной и в белых частях. При отправке на фронт 31 марта 1921 г. 1-й роты «1-го Тобольского примерно-ударного батальона смерти» чины штаба батальона во главе с командиром, а также все следовавшие на позиции военнослужащие приводятся к присяге полковым священником, после чего совершается молебен «о даровании победы русскому народному воинству над врагами-коммунистами», священником произносится напутственное слово: «Товарищи, вы идете на святое, великое дело защиты святой нашей веры православной, народной свободы и своих домашних очагов. Идите же смело, идите с твердой надеждой на победу, будьте стойки и тверды, и помните всегда и везде, что с нами Бог, а с кем Бог, тот и победит» [14, л. 218].

Погибшие народоармейцы отпевались и погребались в соответствии с православным обрядом. Характерный пример – заметка, посвященная похоронам «геройски погибшего на южном фронте» М.О. Привалова, опубликованная на страницах газеты «Голос Народной армии». Отпевание состоялось в кафедральном соборе. В присутствии высшего военного командования протоиереем Д. Смирновым вместе с двумя другими священниками был торжественно совершен чин погребения, а затем произнесена проповедь, содержащая среди прочего следующие слова: «Нет большей заповеди, нежели заповедь Господа Иисуса Христа, нет больше любви, как та, чтобы душу свою положить за друзей своих... Покойный герой исполнил заповедь Господа своего полностью – он погиб за нас и за наше счастье... Все мы, оставшиеся в тылу и не могущие принять участие в священной войне против тех, кто пограл имя Великого Христа, заповедовавшего нам любить друг друга, должны также принять горячее участие в этой борьбе, кто чем может: пожертвованиями, общественной и государственной работой, личными заботами о раненых и больных воинах и, наконец, нашими молитвами!» [1].

Духовенством оказывалась посильная материальная помощь повстанцам. Братия Абалакского мужского монастыря явилась добровольно вывезти на своих лошадях 5 куб. саж. дров [4]. Игуменом жертвуется «в пользу Народной армии» 50 тыс. рублей [5]. Сестры Ивановского женского монастыря предложили услуги по уходу за ранеными «партизанами» [4]. Кроме того с 24 февраля по 18 марта ими было передано в виде добровольных пожертвований 20 пудов печеного хлеба и 250 коробков спичек [5].

29 марта на квартире у архиепископа Николая (в миру – Покровский Николай Владимирович) состоялось первое заседание Комитета оказания помощи больным и раненым партизанам. Епархиальный архиерей выступил с речью, в которой призывал присутствующих, собравшихся в числе около 100 чел., записываться в ряды Комитета. На его просьбу тут же откликнулось 10 человек. Кроме того, было собрано 15 тыс. руб. пожертвований [6]. 7 апреля 1921 г. в последнем номере газеты «Голос Народной Армии» публикуется статья епархиального архиерея о приносе в город иконы Абалкской Божией Матери [7].

Духовенство немало пострадало в ходе гражданского сопротивления, хотя сведения на этот счет носят пока отрывочный характер. Так, при отступлении коммунистов был убит священник с. Реполово [5]. В Обдорске погиб дьякон Петропавловской церкви, принявший участие в антикоммунистическом восстании 17 марта 1921 года. При наступлении отряда П.И. Лопарева на Самарово 10–11 мая 1921 г. бежавший из Белогорья священник предупредил повстанцев о приближении противника. В списке жителей г. Сургута, принимавших активное участие в антибольшевистском движении, значится настоятель градо-Сургутского Троицкого собора: «[Николай] Кравченко, поп – расстрелян» [12, л. 33]. После взятия Тобольска частями Красной армии был арестован и приговорен к расстрелу архиепископ Тобольский и Сибирский Николай (Покровский). Однако позднее он перешел в обновленчество и был помилован.

Примечательный факт – более заметным становится участие духовенства в вооруженном сопротивлении на стороне восставших ближе к концу движения, когда угроза поражения стала более ощутимой. Чем вызвано подобное явление? Возможно – стремлением руководителей восстания в сложившейся критической ситуации аккумулировать любые доступные ресурсы, в том числе и идеологические. Недостаточным оказалось обращение к абстрактным идеалам свободы, популяризированной большевиками в 1917 году. Более понятным для части крестьян мог быть возврат к традиционным ценностям, в том числе религиозным. Вторая вероятная причина – искреннее заблуждение представителей Русской Православной церкви, считавших положение повстанцев вполне прочным. Тем более что в таком виде рисовала ситуацию на фронтах пропаганда «партизан». Третья – искреннее стремление помочь своей пастве.

О том, в каком положении оказалось духовенство после описываемых событий можно судить по письму священника Семёновской церкви Алексея Мороза, жаловавшегося архиепископу Николаю (Покровскому) о том, что его благочиние осталось без благочиннического совета: «Часть членов эвакуировалась с колчаковцами, часть умерли, убита, разбежалась во время восстания. Много приходов без причтов, во многих богослужения совершаются священниками беженцами из европейской России на незаконных основаниях» [8, л. 77].

В целом же следует отметить, что многие представители Русской Православной церкви, включая высшего иерарха на территории Тобольской и Сибирской епархии, приняли активное участие в Западно-Сибирском крестьянском восстании. Сложно было ожидать иного от людей, оказавшихся при большевистском режиме в положении «париев», третируемых как тунеядцев, лишенных имущественных и политических прав. Однако поддержка церкви (так же как и ранее ее помощь белому движению) не спасла повстанцев от поражения, что для духовенства обернулось новой волной гонений и репрессий.

Литература

1. В.В. Похороны М.О. Привалова // Голос Народной армии. Издание Тобольского Штаба Народной Армии (далее – Голос Народной Армии). – 1921. 30 марта.
2. Голос Народной Армии. – 1921. 10 марта.
3. Голос Народной Армии. – 1921. 11 марта.
4. Голос Народной Армии. – 1921. 15 марта.
5. Голос Народной Армии. – 1921. 20 марта.
6. Голос Народной Армии. – 1921. 31 марта.
7. Голос Народной Армии. – 1921. 7 апреля.
8. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 694. Оп. 1. Д. 254.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 122.
10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 139.
11. Курышев И.В. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921). – Ишим: Изд-во Ишимского гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова, 2010. – 182 с.
12. Сургутский городской архив. Ф. 158. Оп. 1. Д. 115.
13. Третьяков Н.Г. Ликвидация Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года: соотношение карательных и политических акций // Тюменский исторический сборник. Вып. IX. – Тюмень: «Вектор Бук», 2006. – С. 267–273.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142.
15. Цысь В.В. Сургут по д. властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 49–53.
16. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 129–142.

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 930.251

Е.В. Булюлина

г. Волгоград, Волгоградский государственный университет

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Общий объем Архивного фонда РФ по данным на 1 января 2014 г. составил почти 500 млн. единиц хранения.

В 1995 г. Росархивом была разработана и утверждена Концепция информатизации архивного дела России, в целях практической реализации которой в 1996 г. была принята Программа информатизации архивного дела России (1997–2000 гг.) [2]. В результате реализации направлений этой программы была начата разработка и внедрение программного комплекса «Архивный фонд», начал функционировать Интернет-портал «Архивы России», проводилось обеспечение компьютерной техникой архивной отрасли.

С момента завершения программы в Российской Федерации и в архивном деле произошли кардинальные изменения. В 2004 г. был принят Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации», изменивший статус Федеральной архивной службы. Затем (в 2006 и 2010 гг.) был принят целый ряд Федеральных законов, постановлений, распоряжений и указов, которые выдвигают на первый план необходимость анализа существующего положения в области информатизации архивной сферы и выработки единой перспективной программы информатизации Федерального архивного агентства.

В настоящее время Росархивом создана ведомственная Единая Автоматизированная Информационная система (далее – ЕАИС) по учету документов Архивного фонда Российской Федерации. ЕАИС состоит из трех самостоятельных программных комплексов:

- программный комплекс (базовый уровень) «Архивный фонд» предназначен для использования непосредственно в архивах;
- программный комплекс «Фондовый каталог» предназначен для использования отделами (управлениями, агентствами) по делам архивов регионального уровня;
- программный комплекс «Центральный фондовый каталог» предназначен для использования непосредственно в Федеральном архивном агентстве.

Программный комплекс «Архивный фонд» распространен и успешно используется во всех региональных и большинстве муниципальных архивов, что обеспечивает единство учета документов Архивного фонда РФ на всей территории страны независимо от прав собственности на данные документы.

В федеральных и региональных архивах создано и активно используется в читальных залах большое количество разнородных тематических информационных ресурсов (информационно-справочных систем, баз данных, путеводителей и справочников).

Федеральное архивное агентство создало, поддерживает и развивает отраслевой портал «Архивы России», на котором все федеральные и региональные архивы имеют свои страницы; одновременно Росархив и ряд архивов имеют собственное представительство в сети Интернет в виде сайта.

В 2010 г. была разработана Программа информатизации архивной отрасли на 2011–2020 гг. [3] Программа предусматривает:

- перевод государственных услуг, оказываемых учреждениями архивной сферы, в электронный вид (в части социально-правовых запросов);
- повышение уровня внедрения и использования прикладных информационных систем, в том числе комплексных систем межведомственного и внутриведомственного электронного документооборота;
- создание условий для приема на государственное хранение, хранения и использования электронных документов, возникающих в результате развития и внедрения информационных и ин-

формационно-технологических систем обеспечения деятельности органов государственной власти и других организаций;

- создание средств и обеспечение информационно-справочной поддержки и обслуживания населения и организаций;
- развитие полномасштабной системы автоматизированного электронного учета фондов;
- разработку и внедрение новых подходов в вопросах учета, хранения, обеспечения аутентичности цифровой информации, информационной безопасности электронного контента и использования электронных документов, поступающих на государственное хранение от органов государственной власти;
- оцифровку учетной документации архивов и формирование единой электронной системы учета документов Архивного фонда;
- последовательный перевод в цифровую форму документов Архивного фонда РФ с целью формирования страхового фонда и фонда пользования электронными копиями (на первом этапе) особо ценных и уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации, а в последующем – наиболее востребованных архивных фондов;
- развитие средств обработки информации и предоставление услуг в электронной форме, обеспечение доступа граждан и организаций к поисковым средствам и электронным копиям документов Архивного фонда Российской Федерации, в том числе на основе удаленного доступа;
- техническое переоснащение Федерального архивного агентства и федеральных архивов;
- создание и развитие локальных вычислительных сетей (далее – ЛВС) в федеральных архивах, обеспечивающих доступ к защищенному сегменту сети Интернет, систем хранения электронных документов в федеральных архивах и единого Центра хранения электронных документов.

Создание Центра хранения электронных документов (ЦХЭД) позволит значительно сократить финансовые затраты по комплектованию, хранению и организации использования электронных документов по сравнению с децентрализованным хранением электронных документов. Источниками комплектования ЦХЭД будут являться федеральные органы государственной власти, передающие в ЦХЭД электронные документы, а также федеральные архивы, передающие в ЦХЭД копии электронных образов архивных документов, возникающие в ходе планомерной оцифровки фондов в рамках наполнения программного комплекса «Архивный фонд» – «Фондовый каталог» – «Центральный фондовый каталог» и создания НСА архивов. При этом предполагается, что на местах будут сохраняться комплекты электронных копий документов, созданных в архивах. Основным функционалом ЦХЭД (кроме обеспечения централизованного хранения электронных документов) будет являться разработка поисковых систем и организация доступа к цифровым ресурсам для всех пользователей читальных залов и через Интернет. Предполагается также организовать систему резервного ЦХЭД на удалённой площадке в целях обеспечения безопасности электронных документов.

В настоящее время активно развивается Интернет-портал «Архивы России». Программой информатизации предусмотрено также обязательное создание собственных сайтов архивов или модернизация уже имеющихся. Это позволит значительно расширить возможности доступа граждан и организаций к информации о документах Архивного фонда Российской Федерации через сайты архивов, на которых будут размещаться электронные описи (как это сделано сегодня ГАРФ и РГИА). Предполагается также увеличение информационного представительства архивов в соответствующих разделах портала «Архивы России».

Началось функционирование автоматизированной системы «Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации». На портале «Архивы России» размещена пилотная версия Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации, содержащая описания и образы 268 уникальных документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и Российском государственном военном архиве (РГВА). Это примерно половина уникальных документов, выявленных в федеральных архивах. Среди них – Духовные грамоты Дмитрия Донского и Ивана Калиты; Реляция Петра I о победе в Полтавском сражении; приказы по армиям генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова; акт отречения от престола Ни-

колая II; конституции РСФСР и СССР; Декларация и договор об образовании СССР; протокол заседания Центральной комиссии Госплана СССР о методологии составления перспективных планов (1926 г.), явившейся основой составления первого пятилетнего плана (1929–1932 гг.); приказ Наркомата обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад!»); протокол № 1 сессии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) 1949 г., оформившей СЭВ как международную экономическую организацию; конструкторская документация космического корабля «Восток», заверенная подписью С.П. Королева; рабочие тетради Ф.М. Достоевского с черновыми записями романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»; автографы стихотворений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова и др.

В дальнейшем «Государственный реестр уникальных документов Архивного Фонда Российской Федерации» будет систематически пополняться.

С целью предоставления удаленного доступа к цифровому контенту предполагается осуществить постепенное объединение информационных ресурсов федеральных архивов. Одним из примеров подобного работы является межархивный проект «Документы советской эпохи». Проект предполагает интеграцию созданных БД и коллекций оцифрованных копий архивных документов, хранящихся в федеральных архивах и находящихся в открытом доступе, академических документальных публикаций и актуальных монографических исследований. Результат представлен в качестве самостоятельного сайта на портале «Архивы России». Впервые те, кто интересуется спорными и трагическими событиями нашего недавнего прошлого, смогли ознакомиться почти с 400 тысячами электронных копий документов из фондов Политбюро за 1919–1932 годы и Иосифа Сталина, хранящимися в РГАСПИ. В дальнейшем предполагается размещение на сайте наиболее важных и ценных комплексов документов, фондов и коллекций советской эпохи. Будет продолжена оцифровка документов Политбюро за 1933–1991 годы, переведены в электронный вид фонды и других крупных деятелей советского государства – Хрущева, Брежнева, Молотова.

Значительным событием в организации непосредственного доступа к информации о документах Архивного фонда Российской Федерации стало размещение на портале «Архивы России» программного комплекса «Центральный фондовый каталог» с информацией о составе фондов ряда федеральных архивов. Предполагается существенное расширение данного ресурса как за счет сведений о документах остальных федеральных архивов, так, что особенно важно, за счет региональных. Уже с 2012 года органы управления архивным делом субъектов федерации начали передавать в Росархив сводную БД по всем архивам субъекта в едином формате ПК «Фондовый каталог». Аккумуляция данных в ПК «Центральный фондовый каталог» предоставит пользователям реальную возможность прямого поиска информации посредством Интернета.

Литература

1. Архивы России: интернет-портал // <http://www.rusarchives.ru>.
2. Концепция информатизации архивной отрасли // rusarchives.ru/informatization/conception.shtml.
3. Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг. // archives.ru/programs/informatization.shtml.

УДК 930.251

А.Г. Быкова

г. Ноябрьск, ОАО «Газпромнефть – Ноябрьскнефтегаз»

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ХРАНИЛИЩ ДОКУМЕНТОВ В ВЕДОМСТВЕННОМ АРХИВЕ: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сохранность, учёт и оперативное использование архивных документов в повседневной работе организации являются ключевыми задачами ведомственного архива. В этой связи ценным является практический опыт создания электронных хранилищ документов (ЭХД) в ведомственном архиве на примере центрального архива ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз».

Производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз» (далее – ННГ) создано Министерством нефтяной промышленности СССР в составе Главтюменнефтегаза в 1981 году в целях обеспечения ускоренного ввода в разработку и эксплуатацию ряда нефтяных месторождений на Крайнем Севере Тюменской области. По состоянию на 01.01.1994 количество структурных подразделений

насчитывалось всего 110, с общей численностью 47644 работников и географией местонахождения по всей территории Тюменской области.

Архивные функции в каждом структурном подразделении выполнялись самостоятельно. До начала 2000-х годов. 22 августа 2003 года создан центральный архив Общества в качестве самостоятельной структурной единицы с подчинением генеральному директору.

На хранение в архив поступило около 25 000 единиц хранения по личному составу. Образовано 54 фонда по крупным структурным подразделениям, которые имели сложные внутренние структуры. Количество запросов в архив в год выросло с 300 до 3000. Архивные хранилища находились в приспособленных помещениях в 7 зданиях и 3 населённых пунктах: Ноябрьск, Муравленко, Вынгапур. Техническая база составляла 3 ПК второго поколения, 2 принтера, 1 копировальный аппарат. Документы не описаны, требовались срочная реставрация, переформирование и переплёт. Всё это стало причиной для активной работы по применению новых цифровых технологий, форм хранения и использования информации.

Формирование электронного архива было начато параллельно по двум направлениям: перевод бумажных документов в электронный вид и комплектование архива электронными документами.

Для реализации этих задач была обновлена техническая база архива (приобретены ПК, сканеры и принтер сетевые, сервер) и найдены трудовые ресурсы. Для выполнения несложных, однотипных операций привлечены практиканты – студенты учебных заведений по специальностям делопроизводство, операторы ЭВМ [1]. Для выполнения более ответственных работ, связанных с полустойкой экспертизой, оформлением титульных листов, реставрацией можно заключались договоры гражданско-правового характера со сторонними специалистами [2].

Работа проводилась в несколько этапов.

На первом этапе проводился анализ документов архива с целью выявления целесообразности, технической возможности и очерёдности их сканирования.

На втором этапе разработана структура электронного хранилища (ЭХД) документов и порядок его формирования, определены ключевые позиции. В качестве основы ЭХД был использован список фондов и дела фондов.

В итоге, своды документов были сформированы по: фондам (предприятиям), по видам документов, по алфавиту фамилий работников, за все годы с указанием архивных учётных данных (фонд, опись, дело, лист) и топографических шифров (хранилище, стеллаж, полка).

Данные своды сформированы в табличной форме Word или Excel, что позволяет сделать сортировку данных по любому необходимому направлению. Сводные внутренних описей на бумажном носителе используются для работы в хранилище, в электронном – для работы специалистов на своём рабочем месте ПК. Данные своды значительно сокращают время поиска документов и информации.

На третьем этапе осуществлено формирование автоматизированного научно-справочного аппарата (НСА) по фондам в электронном виде в определённом порядке и на общедоступном для специалистов архива сервере, но защищённом от доступа посторонних работников.

Сам процесс формирования ЭХД, в свою очередь, включает комплекс следующих действий: сканирование документов, электронная обработка (проверка качества читаемости, полноты информации, создание закладок для быстрого перехода к необходимой информации), размещение в электронном хранилище.

Практика показала, что наиболее целесообразно в первую очередь переводить в электронный вид документы наиболее часто востребованные, а также наиболее ценные с точки зрения содержащейся информации, поскольку это является огромной работой даже в том случае, когда используются самые современные технические средства.

Для сканирования были выделены следующие, наиболее часто используемые в работе документы:

- а) по личному составу: личные карточки уволенных работников, приказы по личному составу;
- б) по основной деятельности: приказы, указания, распоряжения, решения, протоколы Совета директоров и общих собраний акционеров.

В ходе работы руководством было принято решение не сканировать личные счета работников в связи с трудоёмкостью этого процесса по причине особенностей их формирования. А именно: в определённые исторические периоды они формировались в разных утверждённых типовых формах (списочный состав, индивидуальная карта для начислений) и форматах (А-3, А-4). С началом

применения в 1980-х гг. первых машин ЭВМ, программных обеспечений, отсутствием типовых форм и государственных нормативов, личные счета формировались в виде табуляграмм ежемесячно, сгруппированных по индивидуальному видению и подходу каждой бухгалтерской службой в отдельности, вследствие чего, на хранении оказались дела разных форматов, например, табуляграммы, сформированные на каждого работника за год или за все годы его работы на предприятии; ежемесячно на всех работников предприятия по возрастанию табельных номеров, при этом формат (от А-3 до А-6), способ и качество приклеивания табуляграмм также разнообразен.

В целом, электронный архив ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» формировался и продолжает формироваться в настоящее время путем создания файловых массивов.

Этот способ заключается в том, что организуется хранилище (хранилища) для документов, либо сразу создаваемых в электронном виде, либо переводимых в электронный вид (скажем, из «бумажного» или архива микрофильмов при сканировании). Хранилищем является любой локальный или сетевой диск или более «объемное» устройство, например магнитооптическая или DVD-библиотека.

Для упрощения поиска необходимого документа информация «внутри хранилища» структурируется по вложенным каталогам, сами названия которых говорят пользователю о содержащихся в них документах. Права доступа к разделам информации определяются при администрировании разделов устройства хранения.

При возрастании количества единиц хранения подобно число вложенных папок для удобства поиска тоже придется увеличивать. При дальнейшем увеличении количества вложенных папок и степени вложенности поиск необходимого документа превратится в проблему.

Функционирование электронного архива в Обществе регламентировано в локальных нормативных актах – в «Положении о центральном архиве», должностных инструкциях работников архива.

Рассматривая вопрос создания электронного архива, нельзя обойти вниманием и вопрос о способах хранения электронных документов. Общий объем электронного архива может составлять терабайты информации, с одной стороны, но в интенсивном использовании находится 5% – 10%. Доступ к документам оперативного использования наиболее интенсивен, а объем сравнительно невелик. Доступ к оставшейся значительной части (90%-95%) информации нельзя назвать интенсивным. Документ может быть востребован 1 раз/неделю, месяц, год.

В связи с этим, можно выделить, минимум, две области хранения:

– область оперативного хранения – сравнительно небольшой объем и высокая интенсивность доступа;

– область долгосрочного хранения – большой объем, высочайшие требования к надежности хранения и сравнительно неинтенсивный доступ.

Благодаря такому делению, реализация разделов хранения будет наиболее эффективно с учетом их специфики и при применении совершенно разных аппаратных средств.

Опыт создания и использования электронного архива Общества показывает, что эффект применения электронного архива включает:

1. прямой эффект от внедрения системы (экономия на материалы и рабочее время работников);
2. косвенный эффект (возможность накопления информации, её оперативного поиска, удобный учёт документов, статистика учётных данных).

Таким образом, внедрение системы электронного архива и документооборота в организации, особенно в условиях её значительной территориальной распределенности, позволяют сэкономить до 70% затрат рабочего времени в месяц, что позволяет окупить затраты на дополнительное оборудование (сервер, сканер) и внедрение программного обеспечения (лицензии на программное обеспечение, сопровождение), а в дальнейшем экономить трудозатраты работников.

Литература

1. Договор на организацию и проведение производственной (профессиональной) практики студентов образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования № Д/2136/12-98 от 24.01.201 // Архив ОАО «Газпромнефть – ННГ».
2. Договор на выполнение подрядных работ от 01.02.2012 // Архив ОАО «Газпромнефть – ННГ».

РОЛЬ ПРИКАЗОВ В СИСТЕМЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Документированная информация составляет основу управления, его эффективность в значительной степени базируется на производстве и потреблении информации. В современном обществе информация стала полноценным ресурсом производства, важным элементом социальной и политической жизни. Качество информации определяет качество управления. В современных условиях для повышения эффективности управления необходимо уделять достаточное внимание совершенствованию работы с документами, так как всякое управленческое решение всегда базируется на информации, на служебном документе.

На сегодняшний день одно из ведущих мест среди документов российского делопроизводства занимает приказ. Приказы составляют неотъемлемую часть управления в современных организациях и учреждениях являются фундаментом для развития дальнейших управленческих действий. Следовательно, грамотное составление и оформление приказов напрямую влияет на эффективность работы, организацию и культуру труда управленческих работников.

Данный тезис обосновывают в своих работах следующие исследователи. Понятие приказа на сегодняшний день не включено в государственные стандарты, положения федерального уровня и другие нормативно-методические документы. Таким образом, можно отметить, что нет единого определения приказа, как распорядительного документа.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова рассматривает приказ как официальное распоряжение органа власти (войскового начальника, начальника учреждения), обращенное обычно к подчиненным и требующее выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил и устанавливающее какой-нибудь порядок, положение» [3, с. 508]. Другими словами, приказ есть распоряжение начальника, требующее безусловного выполнения, без обсуждения и согласования.

Определение приказа в кратком словаре видов и разновидностей документов в принципе совпадает с определением в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, лишь расширена сфера его применения на органы государственного управления: «Приказ – распоряжение военного начальника или органа военного управления подчиненными, устанавливающее какой-либо порядок или требующее выполнения определённых действий, являющееся для них законом и подлежащее беспрекословному исполнению; Приказ – документ, выдаваемый органами государственного ведомственного арбитража на принудительное исполнение его решений» [1].

Кузнецова Т.В. рассматривает приказ как «наиболее распространённый правовой акт, издаваемый руководителем учреждения (организации, предприятия), действующий на основе единоначалия, в целях разрешения основных и оперативных задач, стоящих перед данным учреждением. Приказы издаются и по административным вопросам, требующим правового решения» [2, с. 158].

Определения приказа и различного рода поручения, включенные в нормативные акты, словари, альбомы форм, учебные пособия и др. позволяют сделать выводы о том, что приказ является документом командного плана, при котором распоряжения – поручения – обязанности даются в категоричной форме, без констатации условий и договоренностей.

Таким образом, представленная широкая исследовательская основа изучения приказа и его роли в системе управления дает нам возможность рассмотреть тему с различных сторон.

Приказы издавались государственными органами во всех случаях, когда необходимо было принять нормативный или индивидуальный акт по основным вопросам компетенции организации. Распоряжения, указания издавались по оперативным вопросам и для организации исполнения приказов. Приказ мог быть изменен или отменен распорядительным документом самой организации или вышестоящей. Действие распорядительного документа могло быть приостановлено соответствующими компетентными органами. Проекты приказов, затрагивающие интересы других организаций, должны были предварительно согласовываться с ними, в случае разногласий к проекту прикладывались замечания или суть разногласий, которые указывались в сопроводительном письме.

Анализ исторического развития приказа как документа распорядительного характера показал, что в своем развитии приказ как документ системы управления. В период становления и развития

Российского государства, его системы управления приказ как особый вид документа пережил в своем развитии три этапа. Первый этап связан с развитием всей системы делопроизводства в период становления приказной системы центрального управления государством после реформ Ивана IV. Второй этап развития приказа как документа связан с реформами Петра I, когда в государстве установилась коллегиальная система центрального управления. Последний третий этап включил в себя изменения, связанные с реформами Александра I, в связи с введением министерской системы центрального управления. Особую роль приказ приобретает в XIX в., когда в военных, образовательных ведомств и учреждений он становится основным документом в распорядительной деятельности.

В целом, в период функционирования государственной системы СССР, приказ – как особый вид распорядительного документа получил особое развитие. Ни один уровень власти, ни одно учреждение не могло обойтись без разработки, внедрения и исполнения приказа. Это вид документа получил определенную форму, закрепленную нормативно-методическими актами.

В современной системе министерского делопроизводства приказ получил особое развитие, его роль и функции сегодня нельзя недооценить. Выйдя из военных ведомств, приказ четко и конкретно позволил установить особенности его выполнения, контроль за его исполнением во всей сложной структуре федеральных органов государственной власти.

Таким образом, приказ является основой управления, эффективность работы в значительной степени базируется на его создании, контроле, функционировании. В современных системах управления приказ стал полноценным и важным элементом. Качество составления приказа, контроль за ним, определяет качество управления. В современных условиях для повышения эффективности управления необходимо уделять достаточное внимание совершенствованию работы с приказами, так как всякое управленческое решение почти всегда базируется на его основе. Приказы составляют неотъемлемую часть управления в современных организациях и учреждениях являются фундаментом для развития дальнейших управленческих действий. Необходимо обратить внимание, что приказы составляют основу управленческого процесса. Определенное количество управленческих действий строится на основании распорядительных документов – в большей степени – приказов. Следовательно, грамотное составление и оформление приказов напрямую влияет на эффективность работы, организацию и культуру труда управленческих работников. От того, насколько профессионально оформляется документация, зависит успех управленческой деятельности в целом. Понятие приказа на сегодняшний день не включено в государственные стандарты, инструкции по делопроизводству, положения федерального уровня и другие нормативно-методические документы.

Литература

1. Глотова С.А. Развитие распорядительной документации в XVIII веке // Делопроизводство. – 2009. – № 1.
2. Кузнецова Т.В., Санкина Л.В., Быкова Т.А. Делопроизводство (Организация и технологии документационного обеспечения управления): Учебник для вузов. – М., 2003.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М., 1998. Краткий словарь видов и разновидностей документов. – М., 1974

УДК 004.7

Е.А. Кишкилева

г. Нижневартовск, ФСК «Триумф»

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблема предоставления электронных услуг российскому населению является наиболее актуальной в связи с реализацией концепции «электронного правительства». По этой причине многие исследователи обращаются к анализу видов и структуры электронных услуг, предоставляемых не только государственной властью России, но и зарубежных стран. Например, Савельева А.В. рассматривает американский опыт реализации концепции «электронного правительства» [2].

Важно отметить, что трактовка термина «электронное правительство» является одной из дискуссионных проблем. Одни авторы предпочитают описательные определения, т.е. они описывают, какие именно преобразования происходят в обществе и отдельных его структурах благодаря вне-

рению «электронного правительства». Другие избирают прикладной аспект «электронного правительства», т.е. перечисляют разные применения отдельных его инструментов. В научной литературе имеются и технические определения, в которых акцентируется внимание на используемых технологических решениях и специфических программных продуктах. Помимо этого существуют экономические определения, ориентированные на максимальную эффективность управления государством [1, с. 47].

Исходя из этих определений можно констатировать, что «электронное правительство» предназначено для:

- реализации прав граждан на доступ к открытой государственной информации;
- доведения до общественности объективной и достоверной информации о деятельности органов государственной власти;
- осуществления взаимодействия и постоянного диалога государства с гражданами и институтами гражданского общества;
- объединения информационных ресурсов и сервисов органов государственной власти и местного самоуправления с целью укрепления общенационального информационного пространства и т.д.

Отдельное внимание в рамках «электронного правительства» уделяется предоставлению государственных электронных услуг. Однако в настоящее время существует множество проблем в этой сфере. Первая заключается в несовершенстве нормативной правовой базы. Это связано с тем, что информационное развитие в субъектах РФ крайне неравномерно, подходы и стандарты, применяемые в регионах, кардинально отличаются.

Вторая проблема связана с конфиденциальностью информации. В настоящее время «краденые» базы данных многих государственных служб (например, ГИБДД, паспортных столов) продаются практически открыто. Если всю имеющуюся у государства информацию объединить в рамках единых информационной систем и баз данных, то ее кража может привести к еще большему нарушению неприкосновенности информации о частной жизни граждан.

Третья проблема связана с нерациональной организацией взаимодействия собственных информационных систем, используемыми ведомствами, со сферой электронных услуг, которые находятся в Интернете и доступны гражданам.

Четвертой проблемой является то, что электронные услуги дороже традиционных. Как минимум пользователь должен иметь компьютер, подключенный к Интернет. Возможность сдавать баллы через Интернет обходится юридическому лицу ежегодно примерно в десять тысяч рублей – это плата фирме-посреднику за электронную подпись, программное обеспечение и его обслуживание.

Таким образом, в сфере предоставления государственных электронных услуг населению страны имеется ряд проблем, которые необходимо решать, начиная с разработки соответствующего законодательства.

Литература

1. Ачкасов В.А., Чугунов А.В. Демократия и интернет: роль интернет в формировании «просвещенного понимания». – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.
2. Савельева А.В. Нормативное правовое регулирование управления документами в Соединенных Штатах Америки // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I. – С. 246–248.

УДК 004, 005

Е.В. Котова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ В РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН

Актуальность рассматриваемой темы обосновывается необходимостью усовершенствования процесса работы с обращениями граждан, контролем над публичными функциями государственного управления по средствам новейших информационных и коммуникационных технологий.

Кейс-менеджмент – это технология динамического и гибкого управления электронными документами, которая заметно повысит скорость работы сотрудников и сделает ее более комфортной. Система кейсов предназначена для решения задач коллективного взаимодействия в системах электронного документооборота (СЭД), что позволит структурировать внесенную информацию в виде конкретных заданий (кейсов). Практика показала, что в классических СЭД не предусмотрено собирать всю работу по конкретному вопросу в одном месте.

Кейс-менеджмент – совершенно новый подход в управлении электронных документов. В России эта технология только начала свое развитие, а в зарубежной практике не так давно используется в целях значительного улучшения показателей деятельности предприятий. крупнейшая в мире компания IBM по аппаратному и программному обеспечению внедрила технологию кейс – менеджмента в систему «IBM® Enterprise Content Management (ECM)», которая позволяет оптимизировать процессы в области управления персоналом.

Возникающие задачи в процессе выполнения обращения гражданина могут быть определенными и неопределенными. Определенные задачи описаны в деловых процессах организации, т.е. служащий знает, что из себя она представляет и как ее решать. Шаблон для такой задачи может быть легко запрограммирован и в дальнейшем использован. Кейс – менеджмент позволяет при возникновении нестандартной ситуации участникам данного кейса менять все, что требуется, в конкретных жизненных ситуациях и с соблюдением разграничения доступа, например добавлять, изменять, удалять информацию находящиеся в кейсе.

В соответствии со ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Порядок рассмотрения обращений граждан в органы местного самоуправления установлен в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Работа с обращениями граждан складывалась в России на протяжении долгих лет и считается успешной, но, тем не менее, нуждается в модернизации и усовершенствовании.

Система кейс – менеджмента улучшает не только возможность работы с поступившим обращением в системе электронного документооборота, но и так же дает соблюсти необходимую конфиденциальность.

Служащий государственного органа получает обращением и оформляет дело (кейс), далее сотрудник собирает необходимые документы для решения проблемы, которые в свою очередь помещаются в кейс. Кейс является контейнером, который позволяет сотрудникам хранить и извлекать информацию, по каждому зарегистрированному делу.

Обращение сначала проверяют на достоверность, а затем направляют к специалисту в зависимости от категории обращения. В зависимости от категории обращения и его тематики в кейсе образуются шаблоны необходимых документов, ссылки на законодательство и инструкции. В процессе исполнения работы по обращению, несколько документов могут быть созданы и использованы разными участниками, взаимодействующими с данным кейсом.

Сотрудники, работающие с кейсом, могут решать несколько вопросов (задач) по обращению одновременно, в том числе создавать новые или использовать существующие документы. Этими документами могут быть электронные письма, текстовые документы, электронные таблицы, записи голоса, изображения, презентации и многое другое.

Пример документов, которые могут быть собраны в кейсе:

- обращение, с подробным описанием проблемы;
- сопроводительные документы: любые письменные сообщения обратившегося, в том числе дополнительные документы, которые были получены, например копии квитанций, счета-фактуры, письма и фотографии, копии документов;
- телефонные звонки, записанные в кейсе;
- переписка сотрудников по этому делу и т.д.

Вся эта информация должна сохраняться и организовываться в рамках кейса. Этот процесс должен быть гибким и привычным механизмом, подобно структуре папок в файловой системе. Но в отличие от кейсовой системы обработки информации файловая система является не такой гибкой, чтобы хранить и правильно структурировать всю информацию. Например, в кейсовой системе, документ может использоваться в нескольких кейсах. Изменение документа должно быть от-

ражено во всех кейсах, в том числе важно, чтобы сохранялись метаданные, версия кейса и безопасность системы, чтобы отследить полную историю и актуальность состояния кейса.

Для осуществления прочного и эффективного решения кейс-менеджмента требуется программная платформа с большим спектром возможностей, в том числе управление контентом, управление процессами, бизнес-правилами, базами данных. Решения должны интегрироваться беспрепятственно в рабочей среде, где был создан кейс. Пользовательский интерфейс должен обеспечивать гибкость и позволить общаться и сотрудничать участникам созданного кейса. К примеру, сотрудник может позволить динамически добавлять задачи в процессе выполнения кейса.

Объем информации или документов, необходимого для завершения кейса, может быть разным для отдельных случаев одного и того же решения. Определённые случаи требуют больше исследований и документов, чем другие, это означает – кейс может иметь разный объем информации. Документы и информация кейса, как правило, организовано в иерархическую структуру. Документы и файлы, необходимые для разрешения конкретного дела размещаются в тематические папки.

Система с использованием кейс-менеджмента облегчает пользователю работу в нахождении документов, чем в стандартной файловой системе, потому что используется технологии схожие с поисковыми системами в интернете. Поиск осуществляется по метаданным, а метаданные это содержимое самого документа, чем их больше, тем проще найти документ.

Кейс-информация является долгосрочной и может подвергаться изменениям. Когда кейс закрыт, вся информация остается и доступна до тех пор, пока у пользователя есть к ней привилегии. Поэтому кейсы открыты для доработки, если это потребуется.

Сотрудник должен взаимодействовать с другими людьми выполняющими работу по тому же кейсу по средствам мгновенных сообщений, электронной почты и телефонных звонков.

Таким образом, внедрение системы кейс-менеджмента в работу государственных и муниципальных органов будет способствовать централизованному поддержанию и постоянному улучшению качества услуг по работе с обращениями граждан, своевременному решению жизненно важных для человека ситуаций, оптимизации работы отделов госорганов.

УДК 004.75

А.В. Савельева

г. Нижневарттовск, Нижневарттовский государственный университет

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ «ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» В ЭЛЕКТРОННОМ ДОКУМЕНТООБОРОТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Соединенные Штаты Америки являются одной из передовых стран мира в области использования электронных документов и информационных технологий в системе государственного управления. Этот факт отмечают многие исследователи [3, с. 246–248]. Например, Ларин М.В., анализируя зарубежную практику управления электронными документами, приходит к выводу, что опыт США в данной сфере послужил ориентиром для других государств. При этом ученый акцентирует внимание на необходимости дальнейшего исследования и мониторинга американских принципов управления электронной документацией [2].

В рамках определения форм управления электронными документами в США отдельное внимание стоит уделить «облачным технологиям», которые стали предметом изучения ряда российских исследователей. Ермолаева А.В., изучив проблему использования «облачных технологий» в информационно-документационном взаимодействии органов государственной власти и гражданского общества Российской Федерации, приходит к нескольким выводам. Основными из них являются:

– приступая к решению задачи перевода отечественного госсектора в «облака» необходимо проанализировать зарубежный опыт;

– для того чтобы «облачные технологии» позволили обеспечить эффективное информационное взаимодействие между органами власти и обществом необходимо разработать принципы формирования общегосударственных информационных ресурсов;

– в целях качественного предоставления государственных услуг государственные информационные системы должны включать функциональные унифицированные системы документации [1].

Черняк Л. связывает «облачные технологии» с формированием новой государственной услуги. Исследователь отмечает, что история «облаков» достаточно коротка. Однако ясно, что для превращения их еще в одну услугу необходимо, чтобы все их ресурсы были интегрированы.

Понятие «облако» является составной частью понятия «облачные технологии». Под «облачными технологиями» в данной работе понимается целая концепция, согласно которой программы запускаются и выдают результаты работы в окно стандартного веб-браузера на локальном персональном компьютере. При этом все приложения и их данные, необходимые для работы, находятся на удаленном сервере в Интернете.

«Облачные технологии» имеют ряд достоинств и недостатков. В качестве достоинств следует отметить доступность ресурсов, минимизация организационных усилий и взаимодействия с поставщиком услуг. К числу же недостатков необходимо отнести, прежде всего, низкий уровень безопасности хранения информации.

Следует отметить, что впервые необходимость использования «облачных технологий» в системе государственного управления была определена американскими специалистами. В 2011 г. Административно-бюджетное управление администрации Президента США сформулировало указание федеральным органам исполнительной власти о перемещении ими данных и приложений с собственных серверов в «облако». Инициатива «Облако в первую очередь» (CloudFirst) должна была помочь, по замыслам разработчиков, государственным органам максимально использовать имеющиеся у них ресурсы, а так же повысить гибкость информационных технологий и минимизировать затраты.

На протяжении второй половины 2011 г., 2012–2013 гг. и первой половины 2014 г. государственный сектор США применял «облачные технологии» для реализации своей деятельности. Итоги этого были представлены в 2014 г. В это время американская фирма «Meritalk» опубликовала отчет, в котором были собраны детальные отзывы 15 федеральных ведомств, являющихся лидерами в использовании информационных технологий. Именно с деятельностью этих ведомств были связаны первые успехи в освоении облачных вычислений.

По итогам анализа трех лет использования «облачных технологий» был сделан вывод о том, что качество облачных услуг не ниже, а зачастую даже выше качества аналогичных услуг, обеспечиваемых традиционным способом.

Отдельное внимание в отчете уделялось экономии финансовых средств у федеральных ведомств. Она составила 3 миллиона долларов за три года у Национального управления океанических и атмосферных исследований; 75 миллионов долларов у Министерства сельского хозяйства [4].

Однако в отчете косвенно определена основная проблема использования «облачных технологий» в электронном документообороте государственных учреждений – недостаточное обеспечение облачными услугами сохранности различного вида информации.

Таким образом, государственные учреждения США продемонстрировали, что «облачные технологии» позволяют оптимизировать процессы работы с документами, несмотря на их недостатки.

Литература

1. Ермолаева А.В. Проблемы использования «облачных технологий» в информационно-документационном взаимодействии органов государственной власти и гражданского общества // Делопроизводство. – 2013. – № 1. URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?271> (дата обращения: 18.01.2015).
2. Ларин М.В. Управление электронными документами. Зарубежная практика // Делопроизводство. – 2013. – № 1. URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?277> (дата обращения: 18.01.2015).
3. Савельева А.В. Нормативное правовое регулирование управления документами в Соединенных Штатах Америки // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I.
4. Храмовская Н.А. США: обзор трехлетнего опыта американских федеральных органов исполнительной власти по освоению облачных вычислений // Экспертная сеть по вопросам государственного управления «Госбук». URL: <http://www.gosbook.ru> (дата обращения 01.04.2014).

ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Церковно-приходские летописи XIX – начала XX вв. рассматриваются исследователями в качестве особых и чрезвычайно ценных источников по истории русской церковной и общественной жизни того времени (Е.А. Агеева [1, с. 166–195], С.П. Синельников [9, с. 58–69], Н.В. Глухих, А.А. Миронова [2, с. 74–78] С.И. Добренький [7, с. 1–230]). Однако ученые обошли вниманием особенности составления церковно-приходских летописей Тобольской епархии.

В каждой епархии во второй половине XIX в. имелись программы церковно-приходского летописания. Преосвященный Георгий в 1845 г. составил программу ведения приходских летописей при церквях Тобольской епархии [10, с. 409]. В фонде Тобольской духовной консистории ГКУ «ГАКО» хранятся две программы церковно-приходских летописей (Оренбургской и Харьковской епархий за 1865 и 1880 гг.), которыми пользовались при составлении своих правил тобольские епархиальные власти.

С.И. Добренький относит к летописям и «памятные книги». Из просмотренных нами хранящихся в ГКУ ГАКО 29 фондов церковей за 1733–1928 гг. только в четырех были обнаружены две церковно-приходские летописи и две памятные книги.

В результате сравнения правил ведения и практики составления церковно-приходских летописей в церквях Тобольской епархии выяснилось, что самой объемной частью летописей, а значит, и самой важной, была история прихода и информация о прихожанах. В первом пункте во всех программах и летописях основными являются сведения о дате образования прихода и ежегодном количестве прихожан отдельно мужского и женского пола. Первые правила по составлению летописей (1845 г.) [10, с. 409] требовали включения только этих данных, однако с течением времени данный пункт уже предусматривал информацию об истории прихода и описание почти всех сторон жизнедеятельности прихожан, и памятная книга 1845 г. [5, л. 1–19об.] соответствует этим правилам. В программе 1865 г. [3, л. 4–7] появилось указание на подробное описание прихожан (сословие, грамотность, нравственность, занятия и промыслы, религиозность и суеверия), наличие волостного или другого общественного управления, училищ, заводов и фабрик, необычных местностей и др. Однако в самой церковно-приходской летописи 1872 г. [6, л. 1–14] отсутствуют некоторые значимые сведения, такие, как описание и ежегодное количество местного населения. Согласно программе 1880 г. [3, л. 8–13], текст по рассматриваемому пункту должен был делиться на две части – о приходе и о прихожанах, что не было исполнено в летописи 1888 г. [4, л. 1–39] Программа дополнилась данными об упраздненных церквях и монастырях, преданиях о кладах, пещерах и тайниках, особо чтимых праздниках, особенностях проведения обрядов, но это не отразилось на практике.

Пункт, предполагающий сведения по истории церкви, как видно из программ и из самих летописей, был вторым по значимости после пункта о приходе и прихожанах. В программе 1845 г. в данный пункт требовалось включать год постройки, имя святого, в честь которого была возведена церковь, за чей счет, в какую стоимость обошлась постройка, наличие угодий и хramосозданных грамот, которые были выданы епископами на постройку церковью. Со сведениями такого рода начинались пункты «о церкви» всех рассмотренных летописей и программ по их составлению. Эти сведения в полном объеме содержатся в памятной книге 1845 г., однако в пункте «о начале прихода», что позже в программе летописей 1880 г. признается неверным. Программа по составлению летописей 1865 г. содержала данные, кроме вышеперечисленных, об особенных предметах, недвижимом имуществе, приходском училище и оперативную информацию об освещении престола, замене ветхих и покупке новых церковных предметов, отсутствующие в летописи 1872 г. Программа 1880 г. была дополнена информацией о церковно-приходских попечительствах, часовнях, вкладном капитале, выписках из межевых книг, внесенных в приходские и монастырские описные или строительные книги. Эти данные отсутствуют в летописи 1888 г., зато есть другая необычная информация – о растениях в саду.

Сведения о кладбище, относящиеся к истории церкви и прихода, были встречены только в программах 1865 и 1880 гг. и летописи 1872 г., и выделены в отдельный пункт только программе 1880 г.

Часть о составе и перемещениях причта была также важна и включалась во все программы по составлению летописей и сами церковно-приходские летописи. Согласно программе 1845 г., в эту часть следовало вписывать всех священно- и церковнослужителей со времени постройки церкви, а также указания об их доходах. Первая летопись (1845 г.) полностью соответствует таким требованиям и содержит также сведения о земле, принадлежащей причту. В программе 1865 г. были добавлены данные о доме для членов причта и их обучении, что отразилось и в летописи 1872 г., а также о наградах, «подвигах» и заслугах. Третья программа по составлению летописей 1880 г. включала сведения, помимо названных, о лавках, мельницах, документах на право владения имуществом, вкладных капиталах причта, то есть обо всем, что ему принадлежало, а также имя старосты. Однако летопись 1888 г. содержала только перечисление имен священно- и церковнослужителей и места, откуда они прибыли.

Все рассмотренные программы и церковно-приходские летописи Тобольской епархии содержали информацию о ежегодном доходе церкви в отдельном пункте или в пункте о приходе, как и в летописи 1888 г.

Ежегодная динамика количества приходского населения, бракосочетаний, состояния исполнения прихожанами христианских обязанностей отражалась во всех программах и летописях. Исключение составляет летопись или памятная книга 1888 г., в которой отсутствовали данные из духовных росписей.

Сведения о пожертвованиях были включены в «программу для ведения приходских летописей при церквях Тобольской епархии» 1845 г. и в памятную книгу того же времени отдельным пунктом, но ведение этого пункта не стало традицией.

Описание выдающихся событий, произошедших в приходах, включались во все программы и летописи, и, причем имело свои особенности. В программу и памятную книгу 1845 г. они были внесены отдельным пунктом, в программу 1865 г. – двумя пунктами. В пункте «о церкви или храме» должны были содержаться сведения, касающиеся непосредственно церкви (приезд епископа, похищение, пожар и др.), в пункте «необыкновенные события» – остальные происшествия (чрезвычайные явления в природе, необычные роды или смерть и др.). В летописи 1872 г. в пункт «о событиях и происшествиях по церкви и приходу» относили пожары и смятения в народе, отдельным пунктом вписывались посещения церкви и прихода местными Епархиальными Архиереями, а за последним пунктом находим продолжение о войне и засухе. Согласно программе 1880 г., факты посещения церкви и служения в ней епархиального архиерея, а также других «замечательных» духовных и светских лиц, несчастные случаи в церкви (похищения, пожар) должны были вноситься в пункт «о церкви или храме», а события, относящиеся к прихожанам, – в одноименный пункт вместе с необычными природными явлениями. Составители церковно-приходской летописи 1888 г. также разделили эту часть на два пункта: «достопримечательные события» о посещениях церкви епископом и «статистические сведения» об урожае, но опустили данные о прихожанах и природных явлениях.

Итак, церковно-приходские летописи Тобольской епархии XIX – начала XX составлялись в произвольном порядке, могли иметь различное оформление, состав и содержание разделов, что зависело от желания причта. Например, статистические данные в летописях 1845 и 1865 гг. внесены в таблицу в отличие от летописи 1888 г. Части летописи, посвященные приходу, о причту, церкви, благодетелям и достопримечательным событиям включались в летописи в каждой церкви, а остальные, дополнительные, создавались по желанию причта церкви.

Первая программа для составления летописей, принятая в 1845 г., предполагала минимум сведений о церкви, приходе и прихожанах, и первая рассмотренная нами памятная книга 1845 г. практически полностью соответствовала этим рекомендациям. С течением времени процедура ведения летописей усложнялась, требовалось вносить больше информации. С появлением новых правил (в 1865 и 1880 гг.), священно- и церковнослужители продолжали вести летописи, начатые до принятия этих программ, по старым правилам, согласно традиции ведения летописи в каждой конкретной церкви.

Полнота информации зависела от добросовестности священников, которые вели летописи. Из рассмотренных церковно-приходских летописей самой содержательной является летопись за

1856–1890 гг., со сведениями за 35 лет на 39 листах [4, л. 1–39]. Остальные две летописи – за 1803–1886 гг. [5, л. 1–19об.] и 1852–1916 гг. [6, л. 1–14] – включают данные за больший период, а именно за 84 лет и 65 года, но на значительно меньшем количестве листов – 19 и 14 соответственно.

Программы требовали от причтов делить церковно-приходские летописи на две части – историческую и повременную, но такая форма ведения летописей нами не была обнаружена.

Различие в епархиальных программах летописей и нерегулярность их ведения, а также зачастую слабая подготовка для их составления причтов церковью привели к изданию в 1915 г. специального Синодального определения о необходимости регулярного ведения летописей по всем церквам, которое должно было унифицировать их форму. Это распоряжение было напечатано в периодике – в «Церковных ведомостях» за 1915 г. (№ 51) [1, с. 166–195]. Отделение церкви от государства декретом 1918 г. оборвало ведение летописей [8], хотя они в некоторых приходах составлялись еще в конце 1920-х гг., а в отдельных – и в начале 1930-х гг. [7, с. 6]

Из программ летописей можно увидеть, какая информация представлялась важной для Епархиального начальства. Церковно-приходские летописи содержат ценную информацию обо всех сторонах жизни и деятельности приходского населения, запечатлели подробную историю церквей и приходо-в, включают списки церковно- и священнослужителей, данные об их перемещениях по службе, статистические материалы о динамике количества приходского населения, браков, религиозном состоянии жителей (выписки из метрических книг и духовных росписей). Благодаря этим историческим источникам можно узнать о времени посещения церквей епархиальными архиереями, о несчастных случаях, произошедших в церкви, о народных волнениях, о необычных природных явлениях, военных действиях, повальных болезнях, произошедших в приходе, и о многих других любопытных событиях в церкви, приходе и епархии.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Литература

1. Агеева Е.А. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX – начала XX века // Исторический вестник. – 2000. – № 3.
2. Глухих Н.В., Миронова А. А. Церковные летописи XIX века как хроника жизни уральского города // Русская жизнь. – 2008. – № 1.
3. Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области». Ф. 235. Оп. 1. Д. 177.
4. Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1.
5. Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 48.
6. Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3.
7. Добренький С.И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
8. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения 15.01.2015).
9. Синельников С.П. Церковно-приходские летописи конца XIX начала XX в. в Госархиве Волгоградской области // Отечественные архивы. – 2005. – № 4.
10. Сулоцкий А.Н. Соч.: В 3-х т. Т.1. О церковных древностях Сибири / Под. ред. В.А. Чупина. – Тюмень, 2000.

УДК 930.253

Т.В. Судник

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ПРИЮТОВ ДЛЯ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В Тобольской Губернии, как и в других частях Российской Империи вопросами призрения детей занималось множество организаций. Одной из них был Тобольский приказ общественного призрения. В ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» хранится фонд рассматриваемого Приказа за 1788–1894 гг. количестве 1075 единиц хранения. Анализ позволил выделить следующие категории документов:

Распорядительная документация: указы Правительствующего Сената, о налогах и сборах, о чинопроизводстве, об увеличении акциза с вина, спирта и сахара, о принятии иностранцами русского гражданства; указание Иркутского и Тобольского генерал-губернатора; приказы.

Организационная документация: уставы (о проведении переписи населения); положения об учебных округах Министерства народного просвещения; об управлении сиротскими домами; и др.

Учётная финансовая и хозяйственная документация: приходно-расходные книги, сметы, уведомления о пожертвованиях; книги о выдаче жалованья и др.

Таким образом, определено, что призрение детей было основной, но не единственной функцией Тобольского Приказа общественного призрения.

По содержанию, документы по основной деятельности можно классифицировать по следующим группам:

– о принятии в Тобольский воспитательный дом сирот, детей бедняков и брошенных детей (прошения, справки, циркуляры и др.),

– о принятии на содержание приказа общественного призрения брошенных младенцев в богадельни приказа общественного (прошения, письма, доклады и др.),

– об обучении сирот в гимназиях за счёт приказа общественного призрения по предложению Тобольского гражданского губернатора Прокопьева (письма Губернатора и др.)

– положение об управлении сиротскими домами,

– сведения о принадлежащих приказу заведениях (ведомости, справки др.),

– приходо-расходные книги Тобольского воспитательного дома.

Указанные дела включают документы, исполненные как рукописным образом, так и с использованием типографских форм.

Приходо-расходные книги позволяют получить информацию о основных статьях дохода и расхода Тобольского воспитательного дома, например, в книге 1811 г. содержатся сведения о приходах:

«...Принято прислано из Тобольского Губернского приюта предоставленных прошение крестьянином ручным для удовольствия бедных серебром двадцать копеек...»;

и сведения о расходах:

«...По указу приказа общественного призрения данному февраля 4 дня выдано учителю воспитательного дома Ивану Красносельскому пять рублей...»

Дело по предложению Тобольского гражданского губернатора Прокопьева свидетельствует о следующем:

«...Препровождаю при семь Приказ Общественного Призрения, для надлежащего исполнения, список с циркулярного предписания Господина Министра Внутренних Дел от 24 сентября за № 176 с приложенною оном формою списка, о соблюдении правил для приёма в Гимназии Мефизинских пансионеров...»

Приют для детей-сирот сельского населения и воинов в дер. Соколовки Тобольского уезда, который входил в число приютов сельской Российской империи и был создан не только с единственной целью призрения детей, но и был предназначен для подготовки из воспитанников грамотных крестьян, которые могли бы способствовать распространению в деревне новых приемов агротехники. Документы приюта в настоящее время находятся на хранении в ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» в фонде «Уездный отдел по обеспечению судьбы детей погибших» за 1907–1917 гг., количестве 50 единиц хранения, который содержит в себе следующие дела: о выдаче детям пособия; о доставлении сведения о детях; переписка по ходатайству; опись делам; о кредите, расходуемом на воспитание сирот; метрические выписки; списки сирот нижних воинских чинов.

«Приют для детей-сирот сельского населения и воинов в дер. Соколовки Тобольского уезда состоит в велении Попечительного Общества и Ольгинском Приюте Трудолюбия для детей сирот переселенцев в г. Тобольск и находился вблизи Тобольской низшей сельско-хозяйственной школы в 8ми верстах от города Тобольска и в 1/4 версты от дер. Соколовки и помещаются на старом здании с.х. школы. Приют открылся 14 января 915 года, когда были доставлены первые сироты воинов. В начале работы приюта дети жили с надзирательницей при Ольгинском приюте в городе Тобольске, а с 15 августа переведены в помещение означенной выше школы»

Необходимо отметить, что благосостояние данного приюта (как и всех прочих подобных воспитательных заведений), соответственно, условия жизни персонала и детей в приютах зависели и

от хозяйственной деятельности работников приюта, щедрости попечителей, от благотворительной помощи населения. Ценным историческим источником по жизнедеятельности заведения являются документы о хозяйственной деятельности учреждения.

Одним из наиболее информативных документов являлись сметы доходов-расходов, отчеты в табличной форме, которые содержали следующие главы с количеством вещей в рублях: наименование имущества и вещей; за ветхостью подлежащих уничтожению; совершенно новых, поношенных, но годных к употреблению. Также перечислены домашние вещи и мебель, столовые, кухонные, белье и верхнее платье, обувь, упряжка и сбруя, живой инвентарь. «... Всего живого и мертвого инвентаря на 1926 р.78 к.»

Не менее информативными являются сметы, например, «Смета прихода и расхода суммы по содержанию Ольгинского Приюта для детей-сирот переселенцев в г.Тобольск на 1916 год» с приведенными сведениями прихода и расхода в рублях, занесенными в таблицу.

Статьи прихода: пособие департамента земледелия, от продажи цветов, овощей и проч., отпуск для нужд приюта овощей.

Статьи расхода: содержание служащих, единовременные расходы, операционные расходы.

Отчет по приюту для детей сирот сельского населения и воинов в дер. Соколовки Тобольского уезда содержал в себе сведения о: составе служащих, а также о составе и режиме приюта, данные об одежде, долгах и прочие сведения.

В приюте велось планирование работы, о чем, например, свидетельствует «План действий на 1916 г.», которым были предусмотрены следующие мероприятия: «С Мая месяца с открытием навигации предположено доставить в приют 50 детей. Для обеспечения Приюта собственным хозяйством чтобы упрочить его будущность решено купить земли при д. Соколовки площадью в 290 дес с находящимися в нем домами и разными хозяйственными постройками, 3 коровами, 3 лошадьми, кирпичным сараем с 18 000 кирпича 7 дес. озимой ржи , 2 стогами сена и разными запасами за 18 000

Немаловажным источником о жизни приюта являются постановления заседаний правлений и общих собраний. Например, «Постановление заседания правления в 1915 году» содержит следующую информацию: «Доложено – о необходимости скорейшего оборудования Романовского приюта в дер. Соколовки, Постановлено – просить П.Н. Будищева взять на себя труд по оборудованию Приюта и просить Романовский комитет о высылке ассигнованных на содержание этого приюта в 1915г -2000р. И сверх того в виду дороговизны се атериалов, а также и продуктов первой необходимости хадатайствовать об ассигновании на содержание приюта в текущем году еще 1 000 рублей.

Максимальная концентрация сведений о деятельности приюта содержится в отчетной документации:

«Отчет о деятельности попечительного общества при Ольгинском Приюте Трудолюбия для детей сирот переселенцев в г. Тобольске за 1915г.» содержит следующие сведения:

«В отчетном году закончено постройкой двухэтажное здание Ольгинского Приюта и 10-го ноября дети переведены в новое помещение. В приют к отчетному году оставалось 29 питомцев и одна воспитанница Мокрина Останук находилась на излечении в Софийском детском приюте в Кисловодске в течение года выбыло из приюта шесть человек»

Таким образом документы отражают основные функции Тобольского приказа общественного Призрения, в том числе, позволяют судить о существовавшей системе призрения детей в Российской Империи и позволяют определить основные направления работы в этой сфере и являются ценными историческими источниками по деятельности учреждений общественного призрения, опыт которых может быть использован и в организации работы современных учреждений подобного типа. Кроме того, данная документация может быть использована в генеалогических исследованиях.

ХОДАТАЙСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Среди информационно-справочных документов земских органов самоуправления России особое место занимают *ходатайства* (петиции, обращения, прошения), получившие особое распространение как вид письма уже в начальный период деятельности земских учреждений. Так называемые коллективные прошения от уездных и губернских земств, подаваемые в органы государственной центральной или местной власти в письменном виде, земские ходатайства заняли определенное положение во взаимоотношениях земских провинциальных органов с центральной властью. По Положению 1864 г., земское самоуправление получило право ходатайствовать перед правительством «по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд». Предоставление права на ходатайства сыграло значимую роль для развития всей земской деятельности.

Анализу ходатайств уделил внимание теоретик земской истории Б.Б. Веселовский [1]. Земские ходатайства стали интересом экономиста Н.А. Карышева, изучавшего ходатайственные материалы 1865–1884 годов [4]. Земскими ходатайствами в рамках историко-юридических исследований интересуются современные авторы. Например, юрист Ю.В. Чеснокова уделила внимание изучению вопроса о ходатайствах Пензенского земства. Автором были проведены подсчеты, которые свидетельствуют о том, что в течение 1865–1890 гг. земскими учреждениями Пензенской губернии на имя правительства было направлено 106 ходатайств (26,4% от уездных земств, а 73,6% от губернского), которые автор поделила на следующие группы: по вопросам налогообложения, содержания и строительства земских дорог, по вопросам банковской системы [11].

Исследователь Ю.Н. Моногаров детально проанализировал ходатайства Острогожского земства по вопросам начального образования [5].

Примеры просьб в ходатайственных документах были самыми разными, подробный анализ которым также дали Н.А. Карышев и Б.Б. Веселовский. Так, Уржумское уездное земство в 1875 г. ходатайствовало с просьбой учителям собираться на съезды, где бы можно было выяснять свои учительские нужды и изыскивать средства на их удовлетворения. Министерство внутренних дел ответило, что оно находит подобные съезды излишними, а при низком уровне образования учителей народных училищ они могут сопровождаться вредными последствиями как в педагогическом, так и в политическом отношении. Такое ходатайство было не единственным, без удовлетворения остались такие же ходатайства других земских учреждений. Политическая благонадежность образования была для министерства превыше всего.

Еще одним примером в 1870, 1872 и 1873 гг. стали ходатайства сразу нескольких земств, которые спрашивали у министерства народного просвещения – нельзя ли освободить окончивших курс народной школы от позорного телесного наказания. Министерство в свою очередь отвечало, что никак нельзя, потому как народные школы «не могли еще достаточно упрочиться как со стороны педагогического, так и материального своего обеспечения; что объем сведений, сообщаемый ученикам этих училищ, невелик и что едва ли сведения эти могут способствовать ученикам их к дальнейшему развитию и самообразованию и что ввиду этих соображений присвоение ученикам начальных народных училищ каких бы то ни было преимуществ, коими пользуются ученики высших учебных заведений, было бы преждевременно».

Большое количество земств в 70-е гг. XX в. ходатайствовало об усилении земского элемента в составе училищных советов еще одним-двумя членами или о предоставлении председателю или членам управ права заседать в училищных советах по должности или по выбору земских собраний. Но и такие документы министерство народного просвещения отклонило, признав увеличение числа членов от земства в училищных советах «излишним».

Закон 1864 г. запрещал ходатайствовать по политическим вопросам и выходить за рамки «местных польз и нужд», а с 1890 г. в Положении было добавлено и слово «хозяйственные» ходатайства. Ходатайства часто содержали в себе вопросы, связанные с законотворческой инициативой земств, благотворительностью, податным обложением, народным образованием и здоровьем, довольствием.

Кахановская комиссия в свое время систематизировала ходатайства по нескольким десяткам оснований. Карышевская классификация ходатайств состоит из пятнадцати групп. Ходатайства

привлекли и внимание современных авторов коллективного сборника «Земский феномен: политологический аспект», рассмотревшие вопрос о роли ходатайств во взаимоотношениях земств и центральных органов власти[3].

Движение ходатайственных документов в лабиринтах центральной власти было особенно запутанным и крайне медленным. Ходатайство, поступая от гласного, обсуждалось и принималось голосованием на земском собрании, регистрировалось в управе, переходило на рассмотрение губернатора, и только после этого поступало в МВД или другое соответствующее ведомство. Схема движения назад была идентичной. По вопросам согласования ходатайство зачастую из МВД направлялось в дополнительные инстанции – министр, минфин, Сенат, различные ведомственные и межведомственные комиссии. Иногда движение ходатайства по инстанциям сопровождали, имеющие влияние во власти или особо дотошные до решения дел, люди.

В соответствии со всеми нормами ходатайства отклонялись решением Комитета министров, однако их поток уже в первые десятилетия деятельности земств оказался настолько огромным, что отдельные министерства были вынуждены принимать окончательные решения по отклонению ходатайств. В 1896 г. жалобы ряда земств вынудили Сенат вновь указать, что такой правовой прерогативой обладает только Комитет министров.

Зачастую сами земские управы не давали дальнейшего движения ходатайствам. Губернаторы, как и земские управы, нередко также самовольно решали вопрос об отмене хода ходатайства в вышестоящие инстанции. Так, в 1866 г Новгородская губернская земская управа придержала сразу несколько десятков ходатайств[8]. В 1880 г. Санкт-Петербургского губернского земского собрания потребовало от губернатора ежегодно сообщать о «положении, в котором находятся возбужденные земством ходатайства» [9].

С 1900 по 1902 гг. уездные земства были лишены права опрашивать ходатайства в центр, рассмотрение всех уездных «польз и нужд» было передано губернским земствам. Последние, в свою очередь, формально визировали ходатайства, и не желая попадать в немилость центральной власти, зачастую земства складывали в «стол».

В кабинетах МВД волокита, сопровождавшая земские ходатайства, нарастала с каждым годом. Огромное множество ходатайственных документов оставалось без внимания чиновников и принятия какого-либо решения и, соответственно, земства не получали ответы на самые насущные для них вопросы. Так, все тоже Новгородское губернское земство с 1888 по 1898 гг. не дождалось ответов на тридцать с лишним ходатайств[2]. Петербургское губернское земство за двадцать лет (1871–1891 гг.) не получило никаких ответов на сорок ходатайств[7].

Стоит отметить, что Петербургское и Московское губернские земские собрания весьма активно боролись за расширение земских возможностей через ходатайства – как особый вид документа в переписке между центральной властью и земством. Например, в 1866 г. в связи с изданием закона, ограничивавшим налоговое право земства, собрание Московского губернского земства подвергло его критике. Более того, многие земства, обсудив вопрос об этом, возбудили ходатайства, чтобы земству было дано право самим выбирать экспертов[6].

Ходатайства сегодня стали важными источниками по социально-экономической, политической истории территорий Российской империи. В ходатайственных документах содержались самые различные просьбы и информационные данные.

Полнота учета земских ходатайств явилась некоей проблемой. В свое время Н.А. Карышевым на основании свода земских ходатайств Кахановской комиссии, были приведены данные о том, что за 1865–1884 гг. земства России подала 2623 ходатайства [4]. Б.Б. Веселовским было отмечено, что такие цифры «значительно ниже действительных» [1]. Авторам коллективного труда «Земский феномен: политологический аспект» по сборникам постановлений Петербургского губернского земства за 1865–1884 гг. удалось провести иные подсчеты, например, только петербургские земцы направили «в пять раз больше ходатайств, чем это указано в фонде Кахановской комиссии» [3]. Сегодня установить точное число удовлетворенных ходатайств невозможно по ряду причин: ответ на ходатайство мог последовать через годы; обозначенная тем или иным земством просьба могла уже быть удовлетворена в рамках нового законодательства или циркуляра; прошения иногда дублировали друг друга (гласные земских собраний не имели широкой возможности общаться между собой, а волновавшие их проблемы зачастую были присущи большинству органов земского самоуправления) или являлись однотипными.

Проведенный анализ содержания ряда ходатайственных документов земских учреждений свидетельствует о том, что они были неравнозначны по содержанию, объему, структуре. Многие ходатайства подкреплялись приложениями, включавшие в себя информационные или справочные документы, которые по мнению земцев вполне могли служить дополнительными доказательствами и доводами. Общим и неизменным являлось то, что ходатайства составлялись особыми инициативными группами, либо отдельными гражданами, обсуждались на земских собраниях, где принималось первоначальное решение о их дальнейшей судьбе.

На однотипные ходатайства земцев провоцировала центральная власть, тем не менее земцам удавалось проводить и совместные акции по однотипным ходатайствам. В 90-е гг. XIX в. к однотипным ходатайствам земцев зачастую присоединялись самые различные организации. Так, об отмене телесных наказаний для грамотных крестьян одновременно ходатайствовали губернские земства, VI Пироговский съезд врачей, Вольное экономическое общество, IX Всероссийский съезд врачей и испытателей. Одним из методов решения вопроса земства считали дублирование ходатайства до семи раз.

Так, многочисленные предложения и ходатайства Глазовского уездного земства вятской губернии привели к открытию 5 сентября 1904 г. классической четырехклассной мужской прогимназии (с изучением латинского языка) им. императора Николая Александровича [10].

Еще одним примером положительных результатов стали ответы на ходатайства земцев Воронежской губернии, детально проанализированные Ю.Н. Моногаровым [5]. В целях привлечения дополнительных средств, острогожские земские гласные, буквально «завалили» министерство народного просвещения всевозможными ходатайствами и просьбами о выделении дополнительных средств на местную систему земского образования, взамен давая обещания об увеличении собственных денежных субсидий ежегодно на семь тысяч рублей и переводе всего уезда на всеобщее начальное образование в кратчайшие сроки (без указания дат). Несмотря на довольно смелые финансовые требования и весьма туманные обещания острогожского земства, министерство пошло навстречу, отправив в уезд денег, которые на счет земства поступали тремя партиями.

Случались и особые исключения, когда МВД передавало взволновавший какое-либо земство вопрос на обсуждение всех земств. Например, в 1872 г. псковское земское ходатайство о замене хлебного сбора денежным было перенаправлено во все земские губернские собрания. По утверждению Б.Б. Веселовского благодаря земским ходатайствам правительством было внесено пятьдесят узаконений – об учреждении Крестьянского и Дворянских банков; об отмене подушной подати и соляного акциза, о наделении школ землей; о страховании скота; о понижении выкупных платежей; об отмене телесных наказаний крестьян, об освобождении учителей начальных школ от воинской повинности и прочие [1].

Для своего времени ходатайства являлись прогрессивными документами информационно-справочной системы в деятельности органов земского самоуправления. При всех сложностях вопроса о ходатайствах и частых отрицательных ответах на них, земские гласные пользовались возможностью их подавать на всем протяжении деятельности земств. Были периоды, когда случался кратный рост ходатайств от всех земств – двадцатипятилетний и пятидесятилетний юбилейные годы. Именно через ходатайства земским гласным удалось добиться переложения на государство расходов на тюремные, судебные, крестьянские административные учреждения; освободиться от квартирной повинности для постоя войск, заставить мелких чиновников и военнотружущих платить за лечение в бесплатных земских больницах, получать денежные возмещения за воинские перемещения и учения. В свою очередь, в виде ходатайственных документов, составивших сегодня самобытную часть земского документального наследия, государственная система власти стабильно получала информационный документированный поток о земской деятельности и настроении самих земцев.

В целом, ходатайственные документы в деятельности земских учреждений явились передовыми для своего времени. Благодаря внешнему документообороту с центральными и губернскими органами власти у земцев была уникальная возможность, обогащая свой опыт на практике, перенимать все лучшее в оформлении информационно-справочных документов (в том числе и ходатайственных), зачастую превращая их из технического элемента управления в средство влияния.

Литература

1. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – Санкт-Петербург: Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. – Т. 3. – 1911.

2. Государственный архив Новгородской области. Ф. 98. Оп. 3. Д. 310–311.
3. Земский феномен: политологический подход. Сб. результатов исследований «Региональная политика в посткоммунистических странах». – Саппо: Clavik Research Center, Hokkaido, 2001.
4. Карышев Н.А. Земские ходатайства по материалам Кахановской комиссии. – М., 1900.
5. Моногаров Ю.Н. Деятельность Острогжского уездного земства по развитию начального народного образования (1865-1917 гг.). Дисс... к.ист.н. – Воронеж, 2009.
6. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX век. – С. 31. // Электронное периодическое издание «Открытый текст» // <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/nikitin/?id=1199>.
7. Отчет Санкт-Петербургской губернской земской управы за 1892 г. – СПб., 1893. – Приложения.
8. Сборник постановлений Новгородского губернского земского собрания с 1865 по 1877 гг. – Новгород, 1878.
9. Сборник постановлений Санкт-Петербургского губернского земского собрания с 1880 по 1883 гг. – СПб., 1884.
10. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 174–181, 1566.
11. Чеснокова Ю.В. Правовые основы финансирования земских органов самоуправления во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Пензенской губернии). Дис. ... канд. юрид. наук. – Пенза, 2005.

УДК 332.1

О.Ф. Яковлева, Л.А. Якубова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ИНВЕСТИРОВАНИЕ В АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ХМАО – ЮГРЫ: ДОКУМЕНТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Сегодня агропромышленный сектор занимает особое место в экономике как Российской Федерации, так и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это обусловлено специфичностью роли агропромышленного комплекса как производителя продуктов питания, которые являются основой жизнедеятельности людей и воспроизводства рабочей силы, производителем сырья для широкой номенклатуры потребительских товаров и продукции производственного назначения. Поэтому развитию агропромышленного производства в современных условиях придается приоритетное значение.

Одним из основных направлений развития агропромышленного комплекса региона, адаптации предприятий к изменяющимся условиям его ведения является активизация инвестиционного процесса в данной отрасли деятельности. В современных условиях государство оказывает регулирующее воздействие на инвестиционный процесс путем разработки и введения в действие соответствующих нормативно-правовых актов, которые являются фундаментом в управлении инвестиционным процессом, т.к. регламентируют теоретические и практические аспекты привлечения инвестиций в развитие агропромышленного комплекса.

Однако практическая недоработанность механизма документирования процесса инвестирования, недостаточная изученность процесса формирования и движения инвестиционного пакета документов определили актуальность и выбор темы исследования. Методологические и практические вопросы инвестиционного процесса в целом осязаны в трудах В.С. Барда, А.Б. Крутик, Ю.А. Маленкова, Р. Гибсона, И.А. Бланка и др. Специфика инвестиционных процессов в сфере агропромышленного комплекса, изучение проблем внедрения и использования системы планирования, контроля и регулирования деятельности в сфере инвестиционной деятельности отражена в работах А.П. Дороговцева, Г.С. Старовой, Н.Я. Коваленко и др. Однако теоретические и практические аспекты проблемы документирования получения инвестиций в отрасли агропромышленного комплекса остаются нерешенными.

В настоящее время согласно Закону Российской Федерации «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ [4], действует следующий общий механизм документирования процесса получения инвестиций:

1. Подача заявления на инвестирование и его технико-экономическое обоснование.
2. Рассмотрение инвестиционного заявления и проекта.
3. Принятие решения и уведомление субъекта инвестирования.
4. Заключение инвестиционного договора / контракта.
5. Получение инвестиций.

На предприятиях агропромышленного комплекса Ханты-Мансийского автономного округа – Югры указанные этапы процесса документирования получения инвестиций детализирует Закон ХМАО-Югры от 31 марта 2012 г. № 33-оз «О государственной поддержке инвестиционной дея-

тельности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [1], Постановление Правительства ХМАО-Югры от 19.10.2010 № 263-п «О целевой программе ХМАО-Югры «Развитие агропромышленного комплекса, заготовки и переработки дикоросов ХМАО-Югры в 2011–2013 годах и на период до 2015 года» [2], Постановление Правительства ХМАО-Югры от 27.12.2013 № 590-п «О регламенте по сопровождению инвестиционных проектов в ХМАО-Югре» [3].

На основании указанных нормативных актов первый этап механизма документирования инвестиционной деятельности на предприятиях округа заключается в предоставлении заявления на получение субсидии и сопутствующих документов согласно утвержденным срокам [5].

Так, Постановление от 19.10.2010 № 263-п определяет следующий пакет документов, которые необходимо предоставить в Департамент экономического развития: копии учредительных документов (Устав, свидетельство о постановке на налоговый учет, свидетельство о внесении в Единый государственный реестр юридических лиц / индивидуальных предпринимателей, документы о регистрации в органах государственной статистики, договор на открытие банковского счета), документы об отсутствии просроченных задолженностей, справки-расчеты. Форму справки-расчета юридические лица, в соответствии с Постановлением, могут получить в Департаменте, но, по мнению автора, более рациональным было бы приведение ее унифицированной формы в качестве приложения к нормативному акту.

В зависимости от вида деятельности субъекта инвестирования в сфере агропромышленного комплекса органами государственной власти ХМАО-Югры могут быть также затребованы кредитные договоры, договоры купли-продажи.

Порядок предоставления перечисленных документов Постановлением не регламентирует. В соответствии с ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» для получения государственной поддержки на развитие обязательно также предоставление бизнес-плана, который в указанном Постановлении не отражен, но регламентирован и унифицирован Постановлением «О регламенте по сопровождению инвестиционных проектов».

Бизнес-план, как и заявление, в соответствии с Постановлением от 27.12.2013 № 590-п может быть передан в Департамент экономического развития посредством почтовой и/или электронной связи.

Второй этап документирования инвестиционного процесса в сфере агропромышленного комплекса заключается в рассмотрении заявления и бизнес-плана. Постановлением ХМАО-Югры от 19.10.2010 № 263-п «О целевой программе ХМАО-Югры «Развитие агропромышленного комплекса, заготовки и переработки дикоросов ХМАО-Югры в 2011 – 2013 годах и на период до 2015 года» срок рассмотрения документов определен в количестве 5 дней, Постановлением «О регламенте по сопровождению инвестиционных проектов» – 12 рабочих дней. Рассмотрение документов заключается в проверке достоверности предоставленных сведений, в установлении полноты заполнения всех разделов заявки и бизнес-плана, в определении куратора инвестиционного проекта, который будет оказывать информационно-консультационное сопровождение инвестиционного проекта. Однако такой аспект, как порядок возврата документов на доработку при выявлении каких-либо несоответствий и замечаний, нормативные акты не регулируют.

На третьем этапе инвестиционного процесса принимается решение о предоставлении или отказе в предоставлении государственной поддержки. В соответствии с Постановлением ХМАО-Югры от 19.10.2010 № 263-п в получении субсидии может быть отказано юридическим лицам, имеющим просроченные задолженности, не предоставившим необходимый пакет документов для получения государственной поддержки, в отношении которых возбуждено производство по делу о банкротстве, в документах, которых выявлены сведения, не соответствующие действительности. Департамент экономического развития формирует письменное уведомление с содержанием принятого решения и направляет его юридическому лицу в течение 5 дней. В соответствии с Постановлением округа «О регламенте по сопровождению инвестиционных проектов» срок информационного уведомления и заключения о результатах предварительного рассмотрения составляет не более 10 рабочих дней.

Этап заключения государственного договора / контракта, закрепленный ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений», в нормативных актах регионального уровня не отражен, что исключает необходимость в его заключении, а наделяет юридических лиц правом на получение государственной поддержки лишь на основании поданного заявления.

Получение инвестиций, соответствующих пятому этапу процесса документирования инвестиционного процесса, в соответствии с Постановлением от 19.10.2010 № 263-п заключается в перечислении денежных средств на основании принятого решения, срок которого составляет 3 дня.

Таким образом, этапы документирования инвестиционной деятельности в сфере развития агропромышленного комплекса региона представлены определением «базового» состава документов, порядка их предоставления и рассмотрения. Законодательство регионального уровня при наличии довольно широкого круга нормативных актов, по мнению автора, является несовершенным и требует ряда доработок. Так, в нормативных актах имеются расхождения при определении состава документов и порядка их предоставления, при регламентации сроков рассмотрения документов и принятия решения. Не рассмотрен такой важный вопрос как порядок заключения государственного договора, хотя федеральное законодательство ссылается на его наличие при выделении государственной поддержки субъекту инвестирования. Все это привело к отсутствию единого алгоритма процесса сбора, анализа информации и документов и принятия решения, что обусловило необходимость последовательно выполнить следующий ряд задач:

Выявить типовые проблемы процесса управления документированием инвестиционной деятельностью, рассмотреть аспекты совершенствования содержания, оформления и работы с документами, их способов, принципов, этапов, результатов;

Разработать алгоритм (единой методики и инструментов) реализации инвестиционного процесса: составление и порядок предоставления в органы государственной власти региона соответствующего пакета документов, порядок рассмотрения государственными органами документов и принятие решения;

Разработать, утвердить и ввести в действие соответствующий стандарт, желательно на федеральном уровне, который закрепит единые требования к процессу документирования инвестиционного процесса независимо от применения в какой-либо экономической сфере деятельности.

Решение указанных задач будет способствовать эффективному формированию и движению документационных ресурсов инвестиционной деятельности, рационализации работы с ними с наименьшими затратами времени, труда и средств.

Литература

1. Закон ХМАО – Югры № 33-оз «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» от 31.03.2012.
2. Постановление Правительства ХМАО – Югры № 263-п (ред. от 24.11.2012) «О целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Развитие агропромышленного комплекса, заготовки и переработки дикоросов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 – 2013 годах и на период до 2015 года» от 19.10.2010.
3. Постановление Правительства ХМАО-Югры № 590-п «О регламенте по сопровождению инвестиционных проектов в ХМАО-Югре» от 27.12.2013.
4. Федеральный закон № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999.
5. Яковлева О.Ф. Нормативная правовая основа документирования инвестиций на предприятиях агропромышленного и лесопромышленного комплексов Ханты – Мансийского автономного округа – Югры // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I. – 347 с. – С. 255–257.

УДК 651.53

Л.А. Якубова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В АВТОНОМНОМ УЧРЕЖДЕНИИ ХМАО-ЮГРЫ «ЦЕНТР КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Документационное обеспечение учреждений, осуществляющих воинский учет и контроль, представляет собой актуальную проблему и нуждается в дополнительных исследованиях [7]. Информационно-справочные документы предназначены для передачи информации между сотрудниками либо для фиксации каких-либо сведений. Они носят вспомогательный характер по отношению к распорядительным документам, не содержат властных предписаний, не всегда обязательны для исполнения. Информация, содержащаяся в них, может побуждать к действию или может быть

лишь принята к сведению. На основе резолюции руководителя эти документы могут стать основанием для принятия каких-то решений или подготовки распорядительных документов.

К информационно-справочным документам относятся: докладные (служебные) и объяснительные записки, справки, акты, письма, телеграммы, факсограммы и телефонограммы.

Служебное письмо – общее название разных по содержанию документов, пересылаемых по почте, курьером, посредством факсимильной связи, электронной почтой и др.

В автономном учреждении «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «ВОЗРОЖДЕНИЕ» (далее по тексту – АУ «ЦКРВБД «ВОЗРОЖДЕНИЕ») используются следующие виды писем: *письма инструкционные (директивные), гарантийные письма, информационные письма, коммерческие письма, запросы, сопроводительные письма, письма – напоминания, письма – приглашения*. Обычно в АУ «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «Возрождение» такими письмами приглашают на заседания у директора в конце текущего года, посвященное подведению итогов уходящего года [5].

Для письма установлен специальный бланк письма. Письма содержат в себе реквизиты: эмблема организации; код организации; Основной государственный регистрационный номер (ОГРН) юридического лица; Идентификационный номер налогоплательщика/код причины постановки на учет (ИНН/КПП); код формы документа; наименование организации; справочные данные об организации; дата и номер; ссылка на регистрационный номер и дату документа (если письмо является ответом); адресат; заголовок к тексту; отметку о наличии приложения; подпись; отметку об исполнителе [2]. Письма разделяются на входящие и исходящие.

К служебному письму предъявляются такие же требования, что и к составлению остальных ОРД на основе ГОСТ Р 6.30 – 2003.

Перед представлением на подпись проекта письма секретарь обязан проверить соответствие оформления требованиям Инструкции по делопроизводству, наличие реквизитов на письме, указанных приложений к нему, необходимых виз и количество экземпляров.

Письма подписываются директором или его заместителями в пределах их компетенции (в структурных подразделениях – руководством).

Письма, направляемые в адрес органов государственной власти и управления Российской Федерации и стран ближнего зарубежья, подписываются только директором [3].

В АУ «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «ВОЗРОЖДЕНИЕ» служебные письма регламентированы Инструкцией по делопроизводству.

Письмо – самый распространенный вид служебных документов в учреждении. Через письма ведутся преддоговорные переговоры, выясняются отношения между организациями, излагаются претензии и тому подобное. При помощи внутренней служебной переписки происходит официальный обмен мнениями между должностными лицами организации, между должностными лицами и руководством предприятия. Основу внутренней переписки составляют записки – докладная, служебная, аналитическая, объяснительная. А также предложения, справки, сводки, представления, заключения, отзывы, перечни, извещения и др. Здесь же следует назвать и телефонограммы и электронные сообщения, которые являются скорее формами передачи информационно – справочных документов.

В АУ «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «ВОЗРОЖДЕНИЕ» существуют следующие виды документов информационно-справочной системы – это докладная, служебная, объяснительная записки. Справки, акты, гарантийные письма, телефонограммы, телеграммы, факсограммы и др.

Докладная записка – документ, адресованный руководителю и информирующий его о сложившейся ситуации, о каком-либо факте, имевшем место быть. Цель докладной записки – побудить руководителя принять определенные меры. Текст состоит из двух частей: описание сложившейся ситуации и выводы или предложения.

Служебная записка – документ, составляемый работником или руководителем по вопросам материально-технического характера, информационного или хозяйственного обеспечения. Адресуется обычно директору или главному бухгалтеру данного предприятия. Текст записки состоит из обоснования и предложения или просьбы (заявки).

Объяснительная записка – документ, объясняющий причины какого-либо действия, факта, происшедшего. Адресуется в учреждении директору или начальнику отдела. Текст состоит из двух

частей. В первой части отражают события, которые послужили поводом для ее составления. Во второй объясняют причины.

В АУ «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «ВОЗРОЖДЕНИЕ» применяются телефонограммы – документы, передаваемые устно по каналам телефонной связи. Она составляется секретарем. Предприятие получает регулярно документы по факсу. Факс – является копией документа на бумажном носителе, получаемым по каналам факсимильной связи. Так же учреждение отправляет документы по факсу.

Справки в учреждении существуют двух видов: содержащие информацию о фактах и событиях служебного характера и выдаваемые работникам или учреждениям, для подтверждения тех или иных юридических фактов. Справки внешние оформляются на фирменном бланке предприятия и подписываются директором или его заместителем, а при необходимости главным бухгалтером [4]. Внутренние справки подписывает – составитель.

Справка включает в себя реквизиты: наименование организации, выдающей справку; номер и дата выдачи справки; заголовок к тексту (СПРАВКА), включающий указание на лицо, которому выдается справка; текст; подписи должностных лиц; печать.

Содержание справок часто повторяется, поэтому в учреждении существуют бланки формализованного вида, имеющие адресные данные организации и трафаретный текст.

При выдаче справки регистрируются как исходящий документ.

Акт – документ, составленный несколькими лицами для удостоверения определенного факта, события или действия [1].

Акт составляется комиссией, назначенной руководителем организации или вышестоящей организацией. Комиссия действует на основании приказа.

В состав комиссии входят работники, которые в силу своей квалификации или занимаемого положения могут дать объективную оценку фактам, подлежащим обследованию. Составлению акта должна предшествовать всесторонняя проверка тех фактов, которые будут отражены в нем. После составления акта комиссия знакомит всех заинтересованных лиц с его содержанием, эти лица обязаны расписаться в акте, о том, что они ознакомлены.

Текст акта состоит из вводной и констатирующей частей. В вводной части определяется основание для составления акта, и перечисляется комиссия, составившая акт. В констатирующей части акта поясняются сущность, характер, методы и сроки проделанной работы, установленные факты, а так же выводы и предложения по устранению выявленных фактов. Эта часть акта может быть оформлена в виде таблицы. Акт подписывается председателем комиссии, а также всеми членами, которые участвовали в его составлении. Утверждается акт руководителем организации.

Акт оформляется на общем бланке и содержит в себе реквизиты: наименование организации или ведомства; гриф утверждения; наименование вида документа (АКТ); дата; индекс; место составления; заголовок; текст; подписи.

Для составления однотипных актов в АУ «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «ВОЗРОЖДЕНИЕ» разработаны бланки с трафаретным текстом.

Акт о выделении документов и дел на уничтожение – это документ, который разрабатывается по конечным результатам экспертизы ценности документов и соответствующего отбора дел на уничтожение. В общем виде это список разновидностей документов, выбранных к уничтожению, с указанием их количества.

В акте на уничтожение фиксируются номера статей и нормативные документы, к которым относятся эти статьи. На основании данных статей, при условии, что документ не содержит других сведений и определяется срок хранения документов. Указываются годы, за которые отобраны документы в акт о выделении документов на уничтожение.

Запрещено занижать или завышать количество документов по позиции, а так же исключать некоторые позиции, даже если количество документов незначительное – при проверке этот факт легко проявляется. Недопустимо уничтожение документов, срок которых не истек. Если количество документов не будет соответствовать реальности, может быть сделан вывод о незаконном уничтожении документов, и документы формально будут находиться в организации, а это может обернуться серьезными проблемами при запросе. За незаконное уничтожение документов предусмотрена уголовная и административная ответственность.

Акт на уничтожение согласовывается с экспертной комиссией, а при условиях если учреждение входит в зону комплектования государственного, ведомственного или муниципального архива, то

тогда согласование обязательно происходит с ним. Утверждается акт на уничтожение руководителем организации.

В заключение акта на уничтожение документов в обязательном порядке должна присутствовать запись об утверждении описей дел по личному составу организации за все годы, указанные в акте. Также требуется к акту на уничтожение документов приложить акт о проведенном уничтожении документов, с указанием общего количества документов и их веса. При не соблюдении данной технологии акт на уничтожение будет считаться недействительным, т.к. факт уничтожения документов будет не подтвержден.

Протокол – официальный документ, фиксирующий ход обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях.

Протокол совещания в АУ «ЦКРВБД «ВОЗРОЖДЕНИЕ» оформлен на стандартном листе бумаги формата А4 и содержит следующие реквизиты: наименование организации; наименование вида документа и номер; заголовок; дата; текст; подписи [6].

В оформлении протокола есть расхождение с ГОСТ Р 6.30.-2003: фамилии присутствующих указаны не в алфавитном порядке; в повестке дня не указаны наименования должностей.

В результате анализа порядка составления и оформления реквизитов информационно-справочной документации в автономном учреждении Ханты-Мансийского Автономного округа – Югры в «Центре комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «ВОЗРОЖДЕНИЕ», можно отметить, что документы в основном соответствует установленным правилам и нормам. Но имеются нарушения в оформлении протокола, а именно фамилии присутствующих указаны не в алфавитном порядке и т.д., необходимо привести в соответствие с требованиями законодательства.

Литература

1. Акт АУ ХМАО-Югры «ЦКРВБД «ВОЗРОЖДЕНИЕ» от 22.12.2012 № 134 «О выделении к уничтожению документов и дел, не подлежащих хранению».
2. ГОСТ 6.30-2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. – М., 2003.
3. Инструкция по делопроизводству Автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр комплексной реабилитации ветеранов боевых действий «Возрождение». Утверждена директором И.П. Шапор от 25.04.2011 г.
4. Справка АУ ХМАО-Югры «ЦКРВБД «ВОЗРОЖДЕНИЕ» от 24.11.2012 № 345.
5. Письмо от 04.12.2012 № 137.
6. Протокол АУ ХМАО-Югры «ЦКРВБД «ВОЗРОЖДЕНИЕ» от 12.11.2012 № 3.
7. Якубова Л.А. Работа с обращениями граждан в отделе военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району: проблемы и пути их решения / Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I. – 347 с. – С. 257–260.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 659.1

А.Е. Белькова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРИЁМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (манипулема, языковая игра, квалификатор)

В настоящее время происходит выдвижение новой актуальной области научного знания – психологии манипуляции. Поднимаются сложные дискуссионные вопросы о границах эффективного воздействия рекламы и манипулирования общественным сознанием, о возможности и необходимости использования манипулятивных приёмов в рекламе. Реклама является частью нашего жизненного пространства, она постоянно обновляется, предлагая потребителю не только готовые идеи, персонажи, стереотипы, имиджи, по образцам которых масса людей строит своё поведение.

А. Миллер утверждает, что в современном мире реклама формирует идеалы, утверждает ценности, создаёт устойчивые модели поведения для целых поколений людей и является своего рода автопортретом общества, аккумулятором и выразителем общественных настроений, симпатий и фобий [2, с. 6].

Отмечается интерес к рекламе специалистов различных отраслей знания, и прежде всего социологов, экономистов, психологов. Специалисты по рекламе и связям с общественностью, подготавливая рекламные тексты, являются составителями, контролирующим органом, отвечающим за содержание, качество подготовки и оформление [1, с. 261].

Эффект эмоционального воздействия рекламы зависит от ряда факторов:

- содержательной стороны рекламы (вызывает эмоциональные чувства у потребителей);
- новизны и конкретности рекламного обращения (эмоционально воздействует на потребителей);
- насыщения рекламного текста («живость», оригинальность текста сообщения);
- действенности избранных аргументов (доказательность и логичность);
- речевой целесообразности (подбор слов и композиция);
- материальных и духовных потребностей людей.

Языковое манипулирование представляет собой мощное средство давления и навязывания взглядов, соблазна, привлечения и удержания внимания, поддержания интереса. Использование различных языковых средств, которые представляют различные манипулятивные приёмы в рекламе, базируется на темах, которые представляют собой ценность для современного человека и его менталитета: вступление в новый век, участие в решении глобальных проблем, прогресс техники, престижность, образы детей, привлекательных мужчин и женщин, семьи, приоритеты здорового образа жизни, здоровья в целом и т.п.

Реклама, неразрывно сочетает невербальные и вербальные знаки, которые можно описать только в пределах определённой совокупности единиц, конструктов, они вводятся в рекламный текст для реализации его общей целевой установки.

Согласимся с определением Колтышевой Е.Ю., которая считает, что манипулятивный рекламный текст – это текст, в котором импрессивная информация, реализующая коннотацию целевого воздействия на реципиента, и связанные с ней эмотивная и оценочная информации преобладают над фактуальной. Механизм манипулятивного воздействия в рекламном тексте связан с созданием имиджа предмета рекламы и использованием возможностей коммуникативной мимики (маскировочной функции рекламного сообщения) [3, с. 9].

Отражением специфики рекламного текста и залогом успеха рекламы является его грамотно выстроенная композиция, включающая, как правило, заголовок, основной рекламный текст (информационный блок) и слоган (рекламный лозунг): «Вода – основа жизни, чистая вода – основа здоровья. Организм взрослого человека на 60–70%, детский – на 80%, а пятимесячный на 94% состоит из воды. Задумайтесь, насколько всем нам важно пить качественную воду! Позаботьтесь о здоровье своей семьи, пейте только чистую воду. Скидка предьявителю визитки 5%» [4].

В рекламно-информационных изданиях г.Нижневартовска, в частности, в издании «XXI век» встречаются такие рекламные конструкции как: «старый новый рок», «перина Перони», «первый в мире», «номер один», «специальные цены», «новогоднее предложение», «светлое прошлое или полный назад!», «светлее светлого», «атака на старение», «энциклопедия красоты», «восьмое небо», «стол бери» и т.д. [4].

Показателем мастерства копирайтера становится новая организация языковых элементов, нетрадиционные способы номинации, связанные с поисками чего-то необычного, яркого, запоминающегося. Примером может служить реклама Coca-cola, которая использует сказочный сюжет. Адресат видит рождественскую рекламную компанию Coca-cola, которая сопровождается слоганом: «Праздник к нам приходит!!! Всегда Coca-cola! Веселье приносит и вкус бодрящий. Праздник вкуса всегда настоящий!», кроме того, рекламный текст подкрепляется традиционными сказочными персонажами (Санта Клаус, олени, праздничное украшение).

В основе языкового манипулирования лежат коммуникативные установки рекламиста (копирайтера), которые помогают превращать в большей или меньшей степени мир в соответствии с этими установками и создают в конце рекламный миф. Обратимся к примерам:

- «TEINT EFFECT GALBE от NINA RICCI – разглаживающая тональная основа, одевающая кожу в невесомый наряд, лёгкий и нежный, как луч света» (реклама тональной основы от NINA RICCI);
- «Сумасшедшие наряды, смешение красок и стилей – ваше кредо? Порадуйте себя радостным беззаботным ароматом, таким как туалетная вода Be...Spontaneous» (реклама женского аромата от AVON);
- «Gallina Blanka – волшебный бульонный кубик, простая и эффективная формула семейного счастья и благополучия!» (реклама куриного бульона Gallina Blanka);
- «Спящая красавица – сон для красоты! Мы спим и становимся все красивее – от пальчиков ног до кончиков волос! А ведь это возможно. Вот несколько советов, как ухаживать перед сном для ошеломляющих результатов. OLAY Regenerist сыворотка-концентрат молодости для глаз» (реклама сыворотки-концентрата OLAY Regenerist).

Как видим, в данных рекламных текстах обнаруживаются языковые манипулемы. Манипулема – это совокупность языковых единиц и приёмов, которые позволяют реализовать в рекламе её установку. Схематично манипулему можно изобразить так:

[Я(Мы) убеждаю(ем)] + [что X хорошо для потребителя]

или

[Я(Мы) советую(ем)] + [чтобы потребитель сделал X, поскольку X хорошо для потребителя]

Манипулема придаёт особый дискурсивный статус рекламному тексту. Рассмотрим пример, манипулема «SUNplanet – студия красоты и загара открывает Вам свои двери. Попадите на планету солнца!» является обобщённой моделью для следующего рекламного текста: «Предлагаем оригинальную и популярную услугу фотоомоложения в студии красоты и загара SUNplanet». Впервые в городе – 3 вида коллагенария на любой изысканный вкус! Солярий – коллагенарий, коллагенарий и лицевой коллагенарий». Преимущества процедуры фотоомоложения при помощи коллагеновых ламп показаны в следующих конструкциях: «регенерация и выработка природного коллагена; сокращение морщин; улучшение цвета лица и сужение пор; устранение действия УФ-лучей; устранение второго подбородка и т.п.» – это убедительно воздействует на адресата. Манипулемой являются оценочные конструкции «процедура неинвазивна и абсолютно безболезненна», «отсутствие противопоказаний и возрастных ограничений для любых типов кожи»; «положительный результат сохраняется в течение 30–60 дней» [4, с. 4].

Рассмотрим ещё один пример: «Клиника эстетической стоматологии МАЭСТРО – мы в ответе за тех, кого лечим» является обобщённой моделью для следующего рекламного текста: «Внимание к мельчайшим деталям в процессе лечения зубов – основной принцип нашей работы. У наших первых пациентов реставрации успешно функционируют уже 9 лет. Маэстро – высшая ступень мастерства, когда абсолютно свободно используется весь арсенал средств профессии, а также бесконечно оттачивается собственное мастерство». Преимущества клиники показаны в таких конструкциях как: «внимание к мельчайшим деталям ...», гипнотически успокаивает адресата текст: «индивидуальный подход, абсолютная стерильность и постоянный контроль качества; в нашей

клинике проводятся операции любого уровня сложности, в том числе для пациентов, получивших неоднократные отказы в других стоматологических клиниках» [5]. Манипулемой является оценочная конструкция «белоснежная улыбка», метафора «улыбка на миллион долларов».

Ценностью языкового манипулирования наряду с манипулемой, является манипулятивная игра и манипулятивные компоненты (квалификаторы) в рекламном тексте. Языковая игра становится механизмом формирования манипулятивной игры, рассчитанной на определённый эмоциональный эффект у потребителя благодаря трансформациям в значениях слов, неожиданному сочетанию слов, использованию иноязычной лексики и тропов, структурной эффективности компонентов рекламы.

Манипулятивная игра в рекламе – разновидность игры вообще, связанной с сознательным вербальным выражением приверженности к определённому образу жизни, эталона современности. Создание вербального выражения – ключевой момент в манипулятивной игре: «охота на рыбалку», «ноги в руки», «диван Диваныч», «календарь подарков», «территория красоты», «горящие путёвки», «мастерская уюта», «интеллект красоты», «жажда обновления кожи», «самые дешёвые авиабилеты», «шоколадное ателье», «цветочное признание» и т.д. [4]. Данные примеры указывают на то, что выявление оптимальной языковой детерминации – основная цель адресанта рекламного сообщения.

Конкретные языковые единицы, формируя манипулятивную игру, получают статус манипулятивных компонентов рекламы (квалификаторов), в которых реализуется установка всего рекламного текста на манипулирование сознанием адресата. Особенно ярко рассматриваемая установка проявляется в оценочной лексике, частях речи (оценочные прилагательные, существительные, глаголы), иноязычной лексике, метафоре, рекламных слоганах, прецедентных текстах, составляющих содержание языковой парадигмы относительно рекламы. Имитируя непринуждённость речи, рекламодатель стремится создать ощущение непосредственного общения, особая доверительность которого способствует восприятию рекламной информации. В обращении к потребителю преобладает идентификация потребителя-индивидуума: «Каждый пятый позвонив становится нашим постоянным клиентом»; «Позвоните и Вы узнаете какая Ваша скидка...»; «У нас ни одной рекламации!!!»; «Позвоните – мы приедем, оформим, научим, установим, поставим на гарантийное обслуживание». «Наши клиенты: иностранные посольства, представительства фирм «Apple», «SONY». Почему бы Вам не продолжить этот список?» [4].

Таким образом, рекламный текст представляет собой законченное речевое произведение с определённой структурой, которое выступает как коммуникативное сообщение, имеющее прагматическую установку передать адекватный замысел автора, информацию о предмете рекламы и с конечной целью побудить адресата к действию – приобрести товар. Стратегия манипулирования проявляется в рекламных текстах. В основе языкового манипулирования лежит манипулятивная игра, которая связана с понятием языковой игры. Языковое манипулирование актуализируется манипулемой и манипулятивным компонентом (квалификатором). Манипулема определяется как стратегическая вербальная модель рекламного текста, имеющего эмоционально положительную коннотацию со значением «хороший-лучший». Манипулятивный компонент – это лексема или группа лексем, синтаксическая конструкция, которая имеет в своей коннотации выраженное значение «лучший» или проявляется в тексте рекламы в необычных сочетаниях.

Литература

1. Белькова А.Е. Коммуникация в PR-деятельности: основные принципы и классификация материалов // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I. – С. 260–261.
2. Бубнова А.С. Роль разговорного компонента в прагматике французского рекламного текста: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / Бубнова Анна Сергеевна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. – Нижний Новгород, 2010. – 178 с.
3. Колтышева Е.Ю. Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте: на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19, 10.02.04 / Колтышева Елена Юрьевна; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского]. – Ярославль, 2008. – 281 с.
4. XXI век. Рекламно-информационное издание. Вып. № 5–16. – Нижневартовск, 2014.
5. Сайт клиники эстетической стоматологии МАЭСТРО г.Нижневартовск <http://maestro-stomat.ru/filosofija-kliniki.html> (дата обращения 25.01.2015 г.).

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПЛАН–КОНСПЕКТ УРОКА

Глаголы движения в русском языке заслуживают особого внимания. Всего таких глаголов насчитывается четырнадцать пар. Все они существуют и изменяются по своим правилам и только им присущим законам [2, с. 11]. В связи с этим у студентов – иностранцев возникает множество трудностей в изучении именно этих глаголов. Одно из первых затруднений в работе с данными глаголами – это понимание того, что в паре (например: «идти – ходить») глаголов первый глагол обозначает движение в одном направлении, а второй глагол – движение, совершаемое в разных направлениях, или движение туда и обратно. Вторая большая трудность появляется у студентов при изучении глаголов движения с приставками, потому что добавление приставки к глаголу влечет за собой появление дополнительного значения. Исходя из этого, преподаватели РКИ находятся в постоянном поиске максимально доступного варианта объяснения, закрепления и вывода в речь глаголов движения.

Нельзя не сказать, что в настоящее время существует большой выбор учебной литературы по этому вопросу. Это учебные словари (Г.Г. Малышев. Глагол всему голова [2]; С.А. Булгакова, И.Н. Лысенко. Учебный словарь русских глаголов и глагольных управлений для иностранцев [3]) и сборники упражнений для отработки данной грамматики (сборник таблиц и упражнений В.В. Унченко и Н.В. Хозяйкиной [1]; учебное пособие С.А. Хаврониной и А.И. Широченской [4]).

Опираясь на многообразие материала по теме «Глаголы движения» был составлен план – конспект урока по закреплению умений и навыков использования глаголов движения с приставками и без них. Материал предлагаемого урока адресован учащимся и студентам, для которых русский язык является иностранным. Данное занятие может быть использовано в работе со студентами-иностранцами на базовом уровне (А 2). Разработка занятия содержит комплекс упражнений, направленных на повторение изученного материала на элементарном уровне (А 1) и закрепление навыка работы с глаголами движения на базе пройденного материала. При составлении комплекса упражнений учитывалось взаимодействие всех видов речевой деятельности: говорения, чтения, письма и аудирования.

Представленная разработка урока «Глаголы движения. Закрепление» может быть использована в качестве материала для повторения и закрепления навыков работы с глаголами движения, а так же при самостоятельном изучении русского языка как иностранного.

Предлагаемый материал представляет собой пример практического занятия, основной целью которого является закрепление умений и навыков употребления глаголов движения в различных речевых ситуациях. В качестве познавательной цели занятия может выступать развитие умения ориентироваться в предложенном материале (в тексте, в задании). Коммуникативной целью является побуждение к уверенному оформлению своих мыслей в устной и письменной форме в объеме предложения или небольшого текста. Перед данным занятием ставятся следующие задачи: 1) активизировать навыки употребления глаголов движения без приставок в речи; 2) развивать и совершенствовать навыки работы с глаголами движения с приставками; 3) формировать навык составления рассказа на базе пройденного материала.

В ходе занятия применяются групповая, парная, индивидуальная формы организации учебной деятельности.

В качестве основного средства обучения на этом занятии выступает проекционный материал (презентация Microsoft PowerPoint «Глаголы движения и транспорт»), а так же модели транспорта и флаги различных стран.

План-конспект урока:

1. Организационный момент. Оглашение темы урока – «Глаголы движения и транспорт».
2. Фонетическая зарядка. Подготовительное упражнение, направленное на снятие лингвистических трудностей при выполнении последующих заданий – повторение видов транспорта. На экран выводятся картинки с различными видами транспорта, студенты называют их. Делим студентов на две команды. Одна команда называет виды личного транспорта, а другая – виды общественного транспорта.

3. Для активизации уже пройденного материала, работа с глаголами движения без приставок. На экране список глаголов движения без приставок:

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ	
«сейчас» →	«каждый день» → ←
Идти	Ходить
Бежать	Бегать
Ехать	Ездить
Лететь	Летать
Плыть	Плавать
Везти	Возить
Вести	Водить
Нести	Носить

- А) Студентам необходимо объяснить значение каждого глагола.
 Б) Нужно выбрать глаголы, указывающие на наличие транспорта (например, «ехать-ездить»). Устно проспрягать данные глаголы.
4. Для активизации навыков построения фразы с глаголами движения без приставок, работа с моделью «когда + кто + ехать/ездить + на чем + куда». На экране предлагаются схемы для составления предложений, например: *Сейчас + друзья + автобус + центр города* → *Сейчас друзья едут на автобусе в центр города.*
- А) Каждое утро + я + машина + работа
 Б) По утрам + брат + метро + университет
5. Работа с моделью: «на чём + можно / нельзя + что делать?» направлена на закрепление навыка правильного подбора слова для передачи точного смысла высказывания. На экране даны такие глаголы, как *ездить, летать, плавать, возить* и разные виды транспорта. Студенты задают вопросы друг другу:
- А) «на самолёте можно летать? – да, на самолёте можно летать»
 Б) «на машине можно летать? – нет, на машине нельзя летать, на машине можно ездить»
6. Задание на отработку наиболее распространенных фраз с глаголами движения. Составить предложение из данных слов:
- А) день / Каждый / бассейн / я / потому / хожу / что / я / плавать / люблю
 Б) утрам / По / родители / в / водят / детей / школу / сад / и / детский
 В) я / в / Когда / шёл / друга / университет / я / встретил
7. Исходя из необходимости в коммуникативной направленности урока, работа с императивом выделяется в отдельное упражнение. Работа с моделью: «– Лети на самолёте в Америку! – Я лечу на самолёте в Америку». Перед студентами стоят модели транспорта (игрушки) и лежат флаги разных стран. Студент должен составить утвердительное предложение по предложенному императиву и поставить нужный транспорт на флаг нужной страны.
- А) Плыви на корабле в Японию!
 Б) Лети на вертолёте в Китай!
8. Упражнение на повторение значений каждой приставки. На экране представлены возможные приставки к глаголам движения. Студенты объясняют варианты употребления глаголов движения с каждой приставкой. Группа проверяет правильность объяснения каждого студента.
9. Данное упражнение направлено на формирование умения активно включать в свою речь предложения с глаголами движения с приставками. Дать ответ на вопрос (5-7 предложений). Используем карту с обозначенными на ней объектами и модели транспорта (игрушки) для ответа на вопрос. Модель: «– Как добраться до банка? – Чтобы добраться до банка надо перейти дорогу, обойти фонтан, подойти к магазину и т.д.»
- А) Как добраться до больницы?
 Б) Как добраться до стадиона?
 В) Как добраться до магазина?

10. Письменное задание направлено на *формирование* умения составлять текст по предложенной схеме (плану). Дается схема: «общежитие → остановка → вокзал...». Необходимо написать историю в прошедшем времени, используя глаголы движения, например: «Вчера я шёл из общежития на остановку пешком. Потом я поехал на автобусе на вокзал...».
11. Подведение итогов урока.

Таким образом, в ходе данного занятия прорабатываются варианты употребления глаголов движения с приставками и без в различных коммуникативных ситуациях.

Литература

1. Глаголы движения русского языка (сборник таблиц и упражнений слушателям подготовительного отделения для иностранных граждан) / Сост.: В.В. Унченко, Н.В. Хозяйкина. – Д.: Национальный горный университет, 2013. – 53 с.
2. Малышев Г.Г. Глагол всему голова. Учебный словарь русских глаголов и глагольных управлений для иностранцев. Выпуск 2. Первый сертификационный уровень (B1). – СПб.: Златоуст, 2006. – 448 с.
3. Учебный словарь русских глаголов и глагольных управлений для иностранцев. Первый сертификационный уровень / сост.: С.А. Булгакова, И.Н. Лысенко – Белгород: Изд-во БГТУ, 2012. – 43 с.
4. Хавронина С.А. Русский язык в упражнениях. Учебное пособие (для говорящих на английском языке). – 16-е изд., перераб. и дополн. / С.А. Хавронина, А.И. Широоченская. – М.: Рус. яз. Курсы, 2007. – 384 с.

УДК 32.019.51

Н.М. Галимуллина

*г. Казань, Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева – КАИ*

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК РЕСУРС ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ЦЕЛЬ, ФУНКЦИИ, МЕХАНИЗМЫ

Современные возможности информационных технологий стирают границы, различия между жителями различных регионов, обеспечивают практически постоянный доступ к информации. Однако кроме положительных моментов эпоха, когда сам получатель контента может стать соавтором сообщения, благодаря развитию блогов, социальных сетей, форумов порождает и опасности: от распространения непроверенной, неточной информации, которая моментально тиражируется всеми СМИ, с последующим опровержением до сознательного манипулирования общественным мнением, настроениями в обществе. Именно сегодня мы становимся очевидцами развертывания настоящих информационных противоборств как на уровне коммерческой конкуренции, так и на уровне политики как в масштабах избирательной гонки отдельных кандидатов, так и в масштабах государств. Не случайно, эксперты прогнозировали, что «к числу наиболее опасных источников угроз является существенное расширение возможности манипулирования, как сознанием человека, так и целых социальных групп» [6].

Цель «информационных войн» та же, что и войн, введущихся с помощью оружия – воздействие на противника для его поражения и осуществления захвата его территорий и материальных ценностей. Но само явление «информационные войны» известно человечеству давно. Гай Юлий Цезарь обращался к методам психологического воздействия на противника во время своих походов и в галльской, и в африканской войнах. Перед походом в Грецию персидский военачальник Ксеркс сознательно прибегнул для достижения максимального эмоционального воздействия к художественному образу, распуслав слух о многочисленности персидского войска в виде легенды о том, что если все персидские воины выпустят стрелы в воздух одновременно, то они затмят свет солнца. Во II в. н. э. в Китае впервые применили новый прием пропагандистского воздействия – провозглашение справедливого характера войны. Хрестоматийным стал пример из отечественной истории, когда в 1480 г., во время похода хана Большой Орды Ахмата на Москву, не многотысячное войско, полное решимости добиться победы, а лишь его стояние на Угре, информация о нем привела к падению татаро-монгольского ига.

Большой толчок развитию пропагандистского воздействия на психику воинов и гражданского населения дала первая общеевропейская война, вошедшая в историю под название Тридцатилетняя (1618–1648 гг.). достижения гравёрного искусства позволили широко применять листовки, выпускающиеся значительными для того времени тиражами. С печатного станка сходили первые «информационные листовки», извещавшие аудиторию о каком-либо событии. Успешную пропа-

ганду на войска противника и население его страны вели А.В. Суворов и М.И. Кутузов. Уже в описываемый период возникло совмещение официального и пропагандистского заявления.

В то же время можно отметить, что и сегодня для манипулирования сознанием используются известные и апробированные в течение веков (с поправкой на возможности предоставленные прогрессом) методы пропаганды. Психологические предпосылки пропаганды существовали еще в первобытном обществе, собственно о политической пропаганде можно говорить со времени зарождения первых форм государственного устройства, а о современном виде этого явления – с возникновения массовых способов тиражирования информации, повышения сознательности масс и роста значения общественного мнения в политической жизни общества. Многие специалисты по СМИ, в том числе и западные (Ж. Эллюль, Э. Пратканис, Г. Лассуэлл, У. Липманн, М. Пикеринг, Ф. Вебстер и др.) отмечают необходимость пропаганды в любом обществе. Ричард Никсон считал один доллар, вложенный в информацию и пропаганду более ценным, чем 10 долларов, вложенных в создание систем оружия [10, с. 120]. Разберемся в основных характеристиках пропагандистской коммуникации как основы информационных войн современности поподробнее.

Слово «пропаганда» произошло от греческого и латинского (propagation, propagate) – распространять. Но что и как распространяют с помощью пропаганды спустя столетия? Г. Лассуэлл понимал пропаганду как «менеджмент коллективных отношений с помощью манипуляции общественными символами». Давая определение пропаганде, он писал, что цель военной пропаганды – достижение победы с минимумом физических потерь. До войны пропаганда есть замена физического насилия, а в условиях войны – его дополнение. Можно согласиться с мнением, что «в его интерпретации пропаганда получает принципиально иное звучание, а характерное для ее определения понятие «манипуляция» принимает глубоко позитивное значение» [1, с. 20].

Филипп Тейлор, директор Института коммуникативных исследований Лидского университета рассматривает пропаганду как чисто коммуникативный процесс передачи идеи или мнения с особыми целями, при этом коммуникация направлена на то, чтобы служить интересам коммуникатора [9, с. 153]. Г.Джоветт и В. О'Доннелл разграничивают пропаганду и просто коммуникацию на основании того, что в пропаганду они также вписывают цели, которые не входят в число интересов получающего информацию. Эверет Роджерс задает пропаганду как убеждение масс, хотя и уточняет, что пропаганда односторонний процесс, а убеждение – двусторонний. Р. Марлин, разбирая большое число определений пропаганды, предлагает свое собственное, акцентирующее то, что пропагандистское воздействие мешает выработке своих собственных рациональных суждений. В этом контексте полезно ознакомиться с мнением теоретика и практика коммуникационного воздействия Г.Г. Почепцова, который выделяет две возможные картины мира: естественную и навязанную. При этом автор отмечает, что «навязать» определенную модель отдельному человеку, как и целым группам можно с помощью применения тех или иных коммуникационных технологий, в том числе и пропаганды, т.к. «пропаганда и контрпропаганда направлены на поддержание или разрушение картины мира, делая это на системной и постоянной основе» [8].

Какие бы формы и технические средства не применялись бы, суть и предназначение всегда оставались одними и теми же: убедить, привлечь на свою сторону, утратить, заставить поверить во что-либо... Иначе говоря, подействовать на общественное мнение.

Проблематика нашего исследования направляет наш взгляд на особенности коммуникационных технологий в период до, во время и после военных действий. Многие ученые при этом обращают внимание на широкое распространение именно пропаганды, а не других видов коммуникации. Например, академик Г.А. Арбатов, исследуя социально-политические условия, при которых идеологическая борьба и в частности внешнеполитическая пропаганда принимала в прошлом достаточно серьезные масштабы, выделяет, в первую очередь, ситуации, связанные с массовыми войнами, а также с революциями, порожденное ими распространение новых прогрессивных идеалов [3, с. 45]. С ним соглашается Г.Г. Почепцов: «война является примером обязательного введения монолога» [8, с. 125]. Более того возникает особый термин «психологическая война», который наиболее часто употребляется по отношению к информационному обеспечению военных конфликтов.

Пропаганда как ресурс информационной войны делает ставку на эмоциональное влияние, поскольку такие сообщения легче усваиваются и дольше хранятся в памяти. Ж. Эллюля писал: «Люди не говорят прямо: «Поступайте так, а не иначе», но употребляют психологический прием, который вызывает соответствующую реакцию. Этот прием именуется «стимулом»... Теперь уже речь

не идет о том, чтобы распространять идею, а лишь о том, чтобы распространять «стимулы», то есть психологические и психоаналитические уловки, которые вызывают определенные побуждения, чувства и мистические порывы» [2, с. 211]. Ле Бонн писал, что в контексте пропаганды «убедить кого-либо – не значит доказать ему справедливость своих доводов, но заставить действовать в соответствии с этими доводами» [7, с. 185].

Какие методы пропагандистской коммуникации для этого используют? Г.Г. Почепцов приводит такие модели пропагандистской коммуникации [10, с. 191]:

– модель искривленного источника, где пропагандист создает искривленный источник, из которого исходит сообщение, получатель рассматривает эту информацию, как полученную из доступного ему искривленного источника, т.к. ему неизвестен оригинал;

– модель легитимизации источника, когда пропагандист тайно помещает оригинальное сообщение в легитимном источнике, и это же сообщение в другом виде передается пропагандистом получателю под видом иного сообщения в качестве такого, что вышло из другого источника.

Помимо этого используют модель слухового источника: информация используется при отсутствии указания на источник.

Г. Шиллер выделяет такие средства и приемы манипулирования, используемые в пропаганде и информационных войнах, как культивирование видимости достоверности источника, обработка лидеров общественного мнения, учет групповых норм, использование принципа вознаграждения и наказания, монополия источника информации, использование визуальных символов власти, возбуждение эмоций, употребление в контексте слова «мы», создающего ощущение общности, наклеивание «ярлыков», перенос свойств одного объекта на другой, перенос частного фактора в сферу общения [5, с. 13].

В конце 30-х годов в США в Институте анализа пропаганды были сформулированы приемы, известные специалистам как «азбука пропаганды» [4, с. 90].

- 1) приклеивание, или навешивание ярлыков (name calling);
- 2) ссылка на авторитеты, на рекомендации, свидетельства или свидетельствования (testimonial);
- 3) «свои ребята», или игра в простонародность (plain folks);
- 4) перетасовка, или подтасовка карт (card stacking).

Как можно увидеть сегодня, и в политике, и в экономике мы можем наблюдать такие же приемы, которые со временем не утратили популярность и результативность.

Литература

1. Булкина И. В. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Казань, 2000.
2. Войтасик Л. Использование психологии в системе пропаганды // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара: Издательский Дом «БАХРА-М», 2001.
3. Кашлев Ю, Галумов Э. Информация и PR в международных отношениях. – М.: Известия, 2003.
4. Кузнецова Е. В. Институт связей с общественностью как феномен культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Нижний Новгород, 2004.
5. Мельник Г. С. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара: Издательский Дом «БАХРА-М», 2001.
6. Мозолин А. Исследования пропаганды в теориях массовой коммуникации. <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B89440115-2a9a-4c24-a58c-9f7b01525937%7D>.
7. Москвичи С. Стратегии пропаганды и коллективного внушения // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. – Самара: Издательский Дом «БАХРА-М», 2001.
8. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. – М.: Центр, 2003.
9. Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда. – М.: Центр, 2004.
10. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М.: Центр, 1998.
11. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 / РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. – М., 1999.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА

Современное общение наполнено множеством эмоций. Эмоции стали неотъемлемой частью речевой коммуникации. Некоторые исследователи понимают эмоциональность, как свойство личности, а другие – как свойство языкового знака. Восклицательный знак в предложении помогает читателю узнать чувства и эмоции, которые испытывает герой произведения.

Наша речь нужна нам для того, чтобы мы общались. Мы говорим всегда для чего – нибудь, с определенной целью. Когда мы говорим только для того, чтобы передать свои мысли другому человеку, то такую речь можно назвать повествовательной речью. Если мы говорим для того, чтобы сообщить свои мысли и в то же время выразить и чувства, которые овладевают нами по поводу этих мыслей, наша речь будет восклицательной. В тексте восклицательную речь можно увидеть на основе восклицательных предложений. Восклицательные предложения служат средством выражения эмоций высказывания говорящего. В таком предложении совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего. Восклицательная интонация помогает говорящему выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, детали личного отношения [3, с. 45].

Восклицательные предложения – это такие предложения, выражающие эмоции, т.е. эмоционально окрашенные, которые передаются специальной восклицательной интонацией. В конце восклицательного предложения ставится восклицательный знак [6, с. 347].

Восклицательные предложения выражают эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания, а именно чувство радости, гнева, восторга, удивления, страха, сожаления, или грусти. Восклицательные предложения по цели высказывания могут быть:

- повествовательные предложения; например: *«Бог с тобою, золотая рыбка!»* (Пушкин А.С.)
- побудительные предложения; например: *«Обойми меня, друг мой сердечный!»* (Д. И. Фонвизин)
- вопросительные предложения; например: *«Как это так взяли?! – крикнул, побагровев, Давыдов».* (Шолохов М.А.)

Таким образом, каждое восклицательное предложение при разборе должно быть охарактеризовано по цели высказывания (повествовательное, побудительное, вопросительное). На основе этих сведений читателю проще понимать какие именно смысл и чувства передает автор [7, с. 256].

А.С. Пушкин величайший русский поэт XIX века. В филологии Пушкин рассматривается как создатель современного литературного русского языка. В своих сказках, он часто употребляет восклицательные предложения. С помощью них Пушкин А.С. обращает особое внимание на эмоциональную сторону речи, на интонацию, которую правильно должен передать читатель.

Восклицательные предложения в тексте сказок Пушкина играют большую роль. С помощью них автор передает чувства героев, их эмоции. Восклицательные предложения, как говорилось уже ранее, по цели высказывания делятся на: повествовательные, побудительные и вопросительные [1, с. 154]. Для того чтобы наглядно убедиться в том, как в сказках Пушкина функционируют восклицательные предложения разных типов, обратимся к примерам, которые будут рассмотрены ниже. В ходе данного исследования нами были рассмотрены «Сказка о царе Салтане...» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Эти сказки были написаны Пушкиным в период Болдинской осени.

Повествовательных восклицательных предложений в текстах сказок Пушкина довольно много. Все они несут разный смысл и имеют разные грамматические средства оформления. Например: *«Как взмолилась золотая рыбка!»* («Сказка о рыбаке и рыбке»). В этом предложении автор рассказывает о действии рыбки, в тот момент, когда старик поймал ее в сети. Это предложение выражает чувство жалости, золотая рыбка молит о том, чтобы ее отпустил старик. Грамматическое средство оформления этого восклицательного предложения: интонация и восклицательная частица местоименного происхождения: *«как»*.

«Что за страшная картина!» («Сказка о золотом петушке»). Автор выражает чувства царя Дадона, читатель чувствует, что царю страшно, он увидел своих мертвых сыновей. Грамматическими средствами оформления этого предложения являются интонация и восклицательная частица:

«что», которая вносит в предложение восклицательный смысл. Повествовательных восклицательных предложений в обеих сказках много, но особенно они преобладают в тексте «Сказке о рыбаке и рыбке». В этой сказке одно из восклицательных предложений повторяется три раза на протяжении всей сказки. Это свидетельствует о том, что в сказке автор использует лексический повтор, служащий для усиления экспрессивности речи. В тексте «Сказки о золотом петушке» так же используются повествовательные восклицательные предложения, но в этой сказке такой вид предложений не преобладает.

Наиболее распространены в текстах сказок Пушкина – побудительные восклицательные предложения. Данный тип предложений, как уже говорилось ранее, используется для выражения волеизъявлений, направленных на осуществление какой – либо просьбы или приказа. Для восклицательного побудительного предложения характерна соответствующая восклицательная интонация, которая помогает усилить побудительный смысл предложения.

«Смилуйся, государыня рыбка!» («Сказка о рыбаке и рыбке»). Из этого предложения, читатель понимает, что старик искренне хочет, чтобы рыбка сжалась над ним, так как он не по своей воле приходит просить все желания, которые выдумает его жена. Это предложение выражает чувство жалости, читающий вслух человек передает эти чувства интонационно. Побудительное предложение выражено при помощи повелительного наклонения глагола: «смилуйся». Это предложение повторяется в тексте сказки пять раз. Из этого следует, что автор произведения использует лексический повтор, чтобы усилить экспрессивность речи говорящего.

«И кричит: Царствуй, лежа на боку!» («Сказка о золотом петушке»), по цели высказывания предложение – побудительное. Читатель должен прочитать его так, чтобы в его интонации чувствовалось побуждение. В данном предложении побуждение выражено в том, что золотой петушок побуждает царя к отдыху, тогда как он будет остерегать границы его государства от нападения. Побуждение к действию передается при помощи глагола повелительного наклонения: «царствуй» и интонационно.

Обе сказки содержат побудительные восклицательные предложения. Особенно данный тип восклицательных предложений преобладает в тексте «Сказка о золотом петушке».

Восклицательные вопросительные предложения интересны тем, что в конце предложения могут употребляться сразу два знака препинания: восклицательный знак и вопросительный знак. Такие предложения наполнены эмоциональной окраской: вопрос может сопровождаться различными чувствами – негодованием, недоумением и т.д.

Из текстов данных сказок нами было найдено всего лишь одно вопросительно восклицательное предложение: «Что и жизнь в такой тревоге!» («Сказка о золотом петушке»). Грамматическими средствами оформления является интонация и вопросительная частица: «что».

Обе сказки, рассмотренные нами выше, позволяют сделать вывод о том, что в них использованы все типы восклицательных предложений. Все эти предложения выражаются при помощи интонации и вспомогательных слов. Из всего выше сказанного, можно сделать вывод о том, что восклицательные предложения являются основным средством экспрессивности и эмоциональности речи.

Литература

1. Гусев Д.А. Генезис представлений в понимании предназначения народного прикладного творчества в развитии сельского социума // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11–4. – С. 895–898.
2. Жесткова Е.А. Усвоение младшими школьниками традиционных морально-этических ценностей на уроках русского языка // Начальная школа. – 2013. – № 5. – С. 24–28.
3. Жесткова Е.А. Формирование ценностных ориентиров у младших школьников в процессе изучения лексики на уроках русского языка / Е.А. Жесткова, Е.В. Цуцкова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 12. – С. 85–88.
4. Жесткова Е.А. Работа над фразеологизмами на уроках русского языка в начальной школе как средство обогащения речи младших школьников / Е.А. Жесткова, А.А. Князева // Научный поиск. – 2013. – № 4.1. – С. 36–38.
5. Жесткова Е.А. Формирование речевых умений младших школьников при создании сочинения-описания / Е.А. Жесткова, К.Н. Стрижева // Молодой ученый. – 2014. – № 21.1. – С. 173–176.
6. Жесткова Е.А. Лингвокультурологический и когнитивно-дискурсивный подходы в преподавании русского языка в полиэтничной школе // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 3 (56). – С. 77–81.
7. Лекант П.А. Категория рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник МГОУ Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44–48.
8. Непомнящий В. Заметки о сказках Пушкина // Вопросы литературы. – 1972. – № 3. – С. 124–151.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2001. – 544 с.

О КУЛЬТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Проблемы, связанные с формированием культуры профессиональной речи иностранных студентов представляются особенно актуальными.

В настоящее время изменились требования к выпускникам российских вузов. В перечне основных профессиональных умений, которыми должен владеть выпускник, работодатели обязательно выделяют сформированную профессиональную коммуникативную компетентность.

Профессиональная коммуникативная компетентность является комплексным речевым умением, позволяющим правильно выстраивать различные типы текстов на основе знания языковых и речевых средств и применительно к ситуациям реального профессионального общения.

При создании моделей обучения говорению и письму в процессе специальной подготовки иностранных студентов в вузах все чаще используется понятие «профессиональная речь». Изучению профессиональной речи посвящены работы Н.К. Гарбовского, Д.Г. Савова, Е.В. Харченко и других ученых.

Проблемы, связанные с культурой профессиональной речи иностранных студентов вузов, рассматривают в своих трудах современные ученые Е.А. Иванова, Т.В. Самосенкова, Е.Н. Стрельчук и др.

Остановимся подробнее на профессиональной речи медицинских работников. Профессиональная речь медицинского работника – это особый вид коммуникации, сопровождающий осуществление практической деятельности.

О профессиональной речи специалистов, занятых в сфере медицины, пишут многие ученые (Н.В. Гончаренко, В.П. Даниленко, А.В. Коробкова, Н.В.Новикова и др.). Так, В.П. Даниленко и Н.В. Новикова отмечают, что профессиональный язык медицинских работников включает научный язык, профессиональный разговорный язык, язык учебников, язык практики или язык клиники [4, с. 176]. Специалисты, которые трудятся в сфере медицины, используют профессиональный язык в зависимости от ситуации общения.

Иностранные студенты подготавливаются к трудовой деятельности, приобретают знания и умения, необходимые, в том числе, и для профессионального общения. Следует отметить, что профессиональное общение невозможно без культуры речи. Поэтому иностранным учащимся медицинского вуза так важно усвоить нормы культуры профессиональной речи и речевого этикета для успешного общения с пациентами и коллегами.

Преподаватели русского языка как иностранного (РКИ) в медицинском вузе вместе с преподавателями клинических кафедр готовят иностранных студентов к:

1) проведению расспроса больного, т.е. формируют умение задавать необходимые вопросы, понимать ответы, давать адекватные речевые реакции с целью выяснения: а) общего состояния; б) предполагаемых причин возникновения болезни; в) условий, вызвавших появление заболевания; г) характера проявления симптомов заболевания; д) локализации, иррадиации, длительности и повторяемости симптомов;

2) проведению беседы с лечащим врачом о состоянии больного, этиологии заболевания, назначении исследований, результатах обследования, предполагаемой схеме лечения, динамике состояния больного.

Процесс обучения иностранных студентов культуре профессиональной речи включает овладение навыками продуцирования текстов профессиональной тематики с учетом литературных норм.

По нашему мнению, для профессиональной речи медицинских работников наиболее важными качествами являются грамматическая правильность, точность, ясность и доступность, чистота.

Вопрос о чистоте профессиональной речи медицинских работников требует особого рассмотрения. Многие ученые (И.Б. Голуб, О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина и др.) говорят о чистоте как о важнейшем качестве речи. О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина чистой называют речь, в которой нет чуждых литературному языку элементов (слов или словосочетаний) или элементов, отвергаемых нормами нравственности. По мнению ученых, «к таким элементам относятся слова-паразиты, ...диалектизмы и просторечные слова, варваризмы, жаргонизмы, вульгаризмы» [2, с. 38].

Современные ученые в процессе исследования профессиональной речи обращают внимание на осознанное нарушение специалистами такого качества как чистота речи. Так, О.В. Фельде в статье

«Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP (LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES)» подробно рассматривает понятие «профессиональное просторечие». Она пишет: «Профессиональное просторечие – это лингвистический и социально-профессиональный феномен, порожденный экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами».

По мнению О.В. Фельде, «основными функциями профессионального просторечия являются функции выражения принадлежности к относительно замкнутому профессиональному сообществу, облегчения профессионального общения, а также эмотивная с ее производными – волюнтаривной (функцией волеизъявления, приказа) и модальной (функцией оценки, передачи отношения говорящего к высказыванию)». Автор пишет: «Следует отметить устойчивую тенденцию к жаргонизации современной устной профессиональной речи» [5, с. 48–51].

И.Б. Голуб считает, что жаргонная лексика обозначает понятия, которые в общенародном языке уже имеют наименования. Жаргон – разновидность разговорной речи, используемая определенным кругом носителей языка, объединенных общностью интересов, занятий, положением в обществе [3, с. 180].

Во время прохождения учебной практики иностранные студенты слышат профессиональный разговорный язык, в т.ч. профессиональное просторечие. Это происходит из-за того, что медицинские работники в своей профессиональной среде по-особому называют некоторые процессы, явления, события и др. У иностранных студентов постоянно возникают проблемы, связанные с пониманием, усвоением и продуцированием профессионализмов и профессионального просторечия.

Конечно, иностранные студенты не сразу понимают значение услышанного. Но многие из них быстро запоминают и легко воспроизводят слова и словосочетания, которые часто используют в речи сотрудники медицинских учреждений.

Вопрос об использовании в речи профессионального просторечия и жаргонизмов иностранными студентами медицинского вуза является открытым. Нам представляется, что задача преподавателей акцентировать внимание обучающихся на нормированной профессиональной лексике.

В настоящее время происходит взаимодействие медицинской культуры и культуры общения в традиционных и инновационных аспектах. Для будущего врача важно все, что касается его профессии. В.В. Белый пишет: «В подготовке врача роль изучения естественнонаучных и клинических дисциплин неоспорима, однако очень важным является и умение доктора хорошо владеть своей речью, его умение слушать и слышать. Профессиональный уровень специалиста медицинского профиля во многом зависит от степени его владения языковыми нормами устной и письменной речи» [1, с. 27].

Литература

1. Белый В.В. Курс «Культура речи молодого врача» в системе подготовки молодого специалиста // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: матер. III Междунар. науч. конф. / ред. кол.: Н.А. Боженкова (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2012. – С. 25–31.
2. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – 272 с.
3. Голуб И.Б. Культура письменной и устной речи: учебное пособие / И.Б. Голуб. – М.: КНОРУС, 2010. – 263 с.
4. Культура русской речи / Отв.ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Норма, 2009. – 549 с.
5. Фельде О.В. Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP (LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES) // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 9 (66). – С. 48–51.

УДК 81'367

Ю.В. Корнейчук

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

«РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА» А.А. БАРСОВА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДОВ КОНЦА XVIII ВЕКА

Если значимым грамматическим трудом второй половины XVIII века без сомнения считается «Российская грамматика» М.В. Ломоносова, то ученые, в том числе Л.А. Булаховский, называют в числе последующих наиболее авторитетных грамматик «Российскую грамматику» А.А. Барсова.

С.К. Булич отмечает, что грамматика А.А. Барсова, составленная по поручению Комиссии о народных училищах в 1784–1788 гг. так и осталась в рукописи, в полном и окончательном варианте до нас не дошла, со временем оказавшись утерянной. На данный момент существуют три спис-

ка, отличающиеся фактами наличия или отсутствия авторских, А.А. Барсова, правок текста грамматики. Все три списка дополняют друг друга. Два списка, так называемый «Московский список А» XVIII века с собственноручными дополнениями самого автора, и «Московский список Б» начала XIX века, более полный по составу, но более краткий по изложению, хранятся в научной библиотеке Московского университета. Третий список грамматики, так называемый «Ленинградский», хранится в государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Он включается в себя только раздел «О Словопроизводении». Третий список имеет многочисленные исправления и дополнения, сделанные как рукой самого ученого, так и третьим лицом [3, с. 233].

Б.А. Успенский в предисловии к научному труду А.А. Барсова писал, что в «Российской грамматике» «необыкновенно удачно сочетаются смелость лингвиста-теоретика и лингвиста-эмпирика» [1, с. 20].

Отличительной особенностью синтаксиса А.А. Барсова является углубленное рассмотрение теоретических вопросов. Как правило, теоретические сведения в «Российской грамматике» предваряют очередную главу научного труда. Теоретические комментарии самого автора совмещаются с приведением сведений из других наук, таких как логика или философия, однако основное внимание А.А. Барсов все же уделяет собственным теоретическим замечаниям относительно той или иной области синтаксиса. Так во Введении к части V «О Словосочинении» в Примечаниях лингвист пространно рассуждает о заимствовании сведений из логики, о рассмотрении с точки зрения философии свойств, частей и правил грамматики и совмещает это с подробными сведениями из логики, приведенными в сравнении со сведениями из грамматики. По мнению В.В. Виноградова, «эти теоретические положения Барсова представляют ценный вклад в дальнейшее построение русской синтаксической теории» [4, с. 78].

Рассмотрение синтаксиса в «Российской грамматике» А.А. Барсова происходит под сильным влиянием «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. Это проявляется даже на уровне терминологии, в том числе наименования терминов синтаксиса, однако часть терминологии, представленная в грамматике А.А. Барсова, является более приближенной к современной синтаксической терминологии, например, терминологическое наименование частей речи. Л.А. Булаховский отмечает, что А.А. Барсов не отходит далеко от принципов ломоносовской грамматики [2, с. 289]. Однако языковой материал, представленный в научном труде А.А. Барсова более разносторонний, чем в научном труде его предшественника.

В качестве примеров теории об учениях словосочетания и предложения А.А. Барсов прежде всего использует конструкции литературно-книжного языка, но вместе с тем лингвист также приводит примеры из разговорной речи своего времени, кроме того, некоторый языковой материал в грамматике А.А. Барсова взят из диалектов.

Московский список А состоит из следующих частей:

- 1) Часть I. О правоизглашении;
- 2) Часть II. О словоударении;
- 3) Часть III. О правописании;
- 4) Часть IV. О словопроизводении;
- 5) Часть V. О словосочинении.

Сама же пятая часть научного труда А.А. Барсова включает в себя:

- 1) Введение;
- 2) Главу I. О сочинении изменяемых частей;
- 3) Главу II. О сочинении неизменяемых частей речи;
- 4) Главу III. О сочинении частей речи, наипаче же глаголов и предлогов по некоторым особенным обстоятельствам;
- 5) Главу V. О некоторых окрестностях словосочинения.

Таким образом, если сравнить детальность деления теоретического материала у М.В. Ломоносова и А.А. Барсова, то в последнем случае будет наблюдаться большая конкретизация теоретического и практического материала вследствие дробления глав на параграфы, подпараграфы и пункты.

Московский список Б и Ленинградский список «Российской грамматики Антона Алексеевича Барсова» возможно рассматривать в процессе сравнительно-сопоставительного анализа с целью выявить существующие варианты, в том числе и эллиптические формы терминов синтаксиса. Это

обусловлено тем обстоятельством, что Московский список Б дан лишь в качестве текстологических примечаний к полнотекстовому Московскому списку А, а также тем обстоятельством, что в Ленинградском списке отсутствует раздел, посвященный рассмотрению синтаксиса.

Основываясь на теоретических положениях, высказанных в своем грамматическом труде М.В. Ломоносовым, А.А. Барсов более углубленно рассматривает вопросы синтаксиса русского языка, поднятые в грамматике его предшественника, а также расширяет круг синтаксических вопросов. Соответственно «объем синтаксиса у Барсова по сравнению с «Российской грамматикой» Ломоносова значительно расширился. Синтаксис Барсова – это обширное учение не только о сочинении частей речи, но и о предложении, включая и сложное предложение» [4, с. 51].

Таким образом, вводя в область изучения синтаксиса предложение, А.А. Барсов делает его одним из основных объектов изучения русского синтаксиса. Следовательно, синтаксис понимается лингвистом как учение, которое «учить разныя слова, или части рѣчи, правильно, и съ употребленіемъ въ языкѣ принятымъ сходственно, соединять въ одну рѣчь, полный <или хотя нѣкоторый> смыслъ имѣющую» [1, с. 153], то есть как учение о словосочетании и предложении. Учение о предложении лингвиста, в свою очередь, опирается на учение о суждении. По мнению В.В. Виноградова, А.А. Барсов не только не уподоблял грамматику логике, но и первый из российских грамматистов обратил внимание на проблему взаимоотношений грамматического и логического в языке, важную как для «изучения языка и мышления, так и для дальнейшего развития исследованной синтаксической системы русского языка» [4, с. 54].

Автор «Российской грамматики» включает также в область изучения синтаксиса и сложное предложение, но определяет его чаще всего как период, однако полноценной теории о сложном предложении в научном труде А.А. Барсова еще нет – только некоторые наблюдения и замечания в разделе, посвященном словосочетаниям. В.В. Виноградов указывает, что «в синтаксисе А.А. Барсова учение о сложном предложении еще теснее, чем во всех предшествующих грамматиках и риториках, сплетается с учением о периоде» [4, с. 67].

Таким образом, А.А. Барсов в «Российской грамматике» расширил аспекты рассмотрения синтаксиса в своей научном труде, а также акцентировал внимание на соотношении грамматических и логических категорий в языке.

Литература

1. Барсов, А. А. Российская грамматика [Текст] / А.А. Барсов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 778 с.
2. Булаховский, Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис [Текст] / Л.А. Булаховский. – Изд. 2-е, испр. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
3. Булич, С.К. Очерк истории языкознания в России: XIII-XIX вв. [Текст] / С.К. Булич. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 1104 с.
4. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1958. – 400 с.

УДК 821.161.1

О.М. Култышева, Ю.В. Поротикова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

СЛЕДЫ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА И М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Стремление познать античность и освоить ее высочайшие культурные достижения и человеческие ценности характерно для европейского общества и его национальных литератур на определенных этапах их исторического развития. Свое «Возрождение» испытывал каждый из крупных европейских поэтов, связывавших с античностью поиск утраченной гармонии, идей общественно-го обновления или же преодоления косности своего времени и общественной среды.

Был свой путь к античности и у Цветаевой и Мандельштама.

Д. Бад пишет: «О. Мандельштам возник в предреволюционной России как сугубо городской поэт, точнее, поэт северной столицы России. К Петербургу, Петропюлю обращены самые значительные стихи его первой книги. «Камень» объял и «желтизну правительственных зданий», и Адмиралтейство «с ладьей воздушною и мачтой недотрогой, и великое творенье «русского в Риме» – Казанский собор» [1, с. 208]. Как «рассеянный прохожий» или «странный пешеход», поэт прохо-

дит по Петербургу, и его острый взгляд выхватывает то одну, то другую зримые детали призрачного города: «посольства полумира», «зимующие пароходы», заснеженную площадь сената, склад пеньки, всю предвоенную Россию.

Но «чаще всего в фантазии поэта Петербург и Рим причудливо смешиваются, соединяясь в один образ» [3, с. 452]. Каково же отношение поэта к Петербургу-Риму? Внешняя негативная позиция выражена в заключительном четверостишии «Петербургских строф»:

Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

Так же, как Евгений «Медного всадника», Евгений Мандельштама – герой-разночинец, враждебный державному городу и чуждый ему. Из холодного и казенного Петербурга поэт мысленно уходит в прекрасную, светлую Элладу, и образ ее впервые появляется уже в «Камне» («Бессонница. Гомер. Тугие паруса»). Вместе с античной темой в мир «Камня» входит море с его «тяжким грохотом» и ритмом, движимым любовью, сама жизнь с ее ненарушаемыми связями, слово сливается с музыкой:

Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

От мира прекрасных, но чуждых и враждебных каменных громад поэт в «Tristia» уходит в жизнь и революцию. Впервые у поэта появляется нота гражданственности, облеченной в образы эллинской классики:

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Как плугом, океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Это образ великого поворота в мировой истории и в человеческих судьбах, одобрение великого опыта, соединенное с пониманием невиданных жертв и потерь от поворота руля. «Использование античных образов воспринимались первыми исследователями поэзии Мандельштама как проявление свойственный поэту «книжности», обращенности к тому, что уже было в мировой культуре. Поэт старается вжиться в античность и использовать ее достижения» [3, с. 453].

Но результат этого не создание вторичного. Читатель может не знать, что петух, до того как появиться в «Tristia» Мандельштама, уже прокричал в «Tristia» Овидия. Но у Мандельштама другой петух, глашатай новой жизни, смысл который еще не ясен, и он кричит со стен другого акрополя. Подобно тому как в стихах петербургского периода образ Петрополя сливается с образом вечного Рима, в этом стихотворении неожиданно соединяются античные и чисто современные ассоциации. Поэт ставит себя на место Овидия, как это было уже у Пушкина. Но он не тоскует о потерянном Риме. Он угадывает и познает новую для Овидия и для себя «науку расставания», сменившую «науку любви», в звуках украинской ночи и в женском плаче, сливающимся с пеньем муз. Он поет женскую скорбь времен гражданской войны, но его голос не сливается с плачем женщины:

Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

После сборников «Камень» и «Tristia» античные темы и реминисценции исчезают в стихах Мандельштама на 3 года. Но вот Воронеж, открывший поэту второе дыхание, чернозем, прикосновение к которому возвратило поэту силы, как греческому герою. И вновь оживают античные темы – Рим, Эллада. Ведь Воронеж – это период земли, чернозема и глины, напоминающий Мандельштаму рисунок, сделанный на сосуде:

Длинный жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды –
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Ранее Эллада у Манделъштама была одноцветной – черной («черное море», «черным пламенем Федра горит среди белого дня», «страсти дикой и бессонной Солнце черное уйдем»), белой («белые колонны», «белая комната»), зеленой (ветка в клюве слепой стигийской ласточки). Черно-красный мазок в соединении с флейтой, которая свищет, клевещет, злится, воспринимается как предвестие страшной и неотвратимой беды.

Манделъштама не интересовали образы античности сами по себе. Он интересовался человеком своего времени и пытался его понять. В одной из своих статей он назвал человека, рожденного революцией, «ритмическим, выразительным». Манделъштаму казалось, что рождающийся новый мир в каких-то своих началах повторяет первоначальную античную гармонию» [4, с. 142].

Античность занимает значительное место и в творчестве М. Цветаевой. Античные мотивы в ее творчестве начинают прослеживаться в эмиграции. Расставшись с родной Москвой, разрываясь сердцем по Родине – России, она обретает на какое-то время пристанище в таком месте, которое ничего общего с географией не имеет. Это прародина ее духа, Древняя Эллада. Что бы ни говорили, и в первую очередь она сама, о ее германских корнях, но уходят эти корни дальше и глубже. И только в античности умещается легко и свободно и эта личность, и это творчество, и эта судьба – во всяком случае, не в христианской морали и философии.

Есть в стане моем – офицерская прямота,
Есть в ребрах моих – офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть! ...

Сотрем случайные черты, уберем атрибуты, привязанные ко времени и месту, – перед нами амазонка. Перед нами античная героиня – потому что до спора с судьбой не унижалась никогда, по бесполезности этого спора, ревность богов, ибо дар ее был велик и обжигающ, испытала до конца, и последний в жизни поступок, перехватив своей рукой ножницы мойры Атропос, совершила по кодексу доблести античной морали.

«У О. Манделъштама бесконечно притягательны его античные ассоциации, та ворожба, с помощью которой он вызывает тени древности в предреволюционный Петрополь, – но все же это лишь реминисценции, иногда через призму русского классицизма» [6, с. 10]. Интересно свидетельство поэтессы Ирины Одоевцевой, которая вспоминает, как, уже написав стихотворение «Ласточка» и в нем строку «Я так боюсь рыдания Аонид», Манделъштам будто бы справлялся у нее, кто такие аониды. Она, не зная точного ответа, предложила заменить аонид данаидами.

«Но Манделъштам машет на меня рукой:

– Нет. Невозможно. Данаиды звучит плохо... нищий, низкий звук! Мне нужно это торжественное, это трагическое, это рыдающие «ао». Разве вы не слышали – аониды? Но кто они, эти проклятые аониды?

Он задумался на минуту.

– А может быть, они вообще не существовали? Их просто-напросто выдумал Пушкин? И почему я обязан верить вашей мифологии, а не Пушкину?» [6, с. 10].

Предположить, что что-нибудь подобное могло произойти с Цветаевой, просто невозможно. Для нее все это было слишком своим, чтобы путаться. Она ориентируется в мифологических родословных так же хорошо, как в отношениях родственников.

«Источником для трагедий Цветаевой послужил обширный мифологический материал... античный героический эпос и, вероятно, трагедия Еврипида «Ипполит», – считает Л. Мнухин [8, с. 89]. Таков мифологический материал, используемый Цветаевой, причем она безупречно точна в деталях. Тем более явно новое психологическое наполнение, которое она дает этому материалу, пользуясь столь характерной для мифа расплывчатостью психологических мотивов.

Так, например, в «Тесеиде» Цветаевой Афродита мстит Тезею, а не Ипполиту, как у Еврипида. Тезею мстит Афродита Цветаевой, а не Ипполиту, как Афродита Еврипида. Ведь карают не того, кого лишают жизни, а того, кто остается жить – с сознанием вины, с ощущением страшной утраты. И вот в книге второй трагедии Тезей, внезапно «поумневший», говорит над мертвыми телами жены и сына:

Там, где мирт шумит, ее стоном полн,
Возведите им двуединый холм.
Пусть хоть там обовьет – мир бедным им! –
Ипполитову кость – кость Федрина.

Нет у Еврипида этих совместных похорон. У Цветаевой они – обязательны. Вечным сном вдвоем Афродита награждает Федру, выполняет то, о чем та только мечтать осмеливалась. А Тезей?

Высшая ценность Тезея – собственное бессмертие, к которому, казалось, ведет ряд равных Геракловым подвигов, – но оно обесценивается. Может быть, над мертвыми телами сына и молодой жены впервые посещает героя мысль о том, что только любовь придает смысл и цену короткой, обреченной на уничтожение человеческой жизни – потому и ревнуют к ней боги.

Л. Мнухин и Л. Турчинский размышляют: «Что это? Спор с мифом? И да, и нет. Свой психологический узор Цветаева вывела по античной канве, нигде не повредив, не оборвав тысячелетней основы. Ей удалось создавать сложное, не нарушив простого. В психологической наготе античного Поступка увидела она свободу для самых смелых психологических и философских одеяний, но – сквозных, позволяющих видеть очертания мифа.

Миф: человек смертен, боги бессмертны. Человек слаб, боги всемогущи. Горе тому, кого постигнет кара богов. Цветаева: но бессмертные ревнуют к краткости человеческой жизни. Что есть в ней такого, чего нет у бессмертных? Любовь (потому что влечение богов – всего-навсего прихоть, они ничем ради этой прихоти не жертвуют)» [5, с. 111].

Из всех онтологических вещей Цветаевой самая «античная» по духу – «Поэма Лестницы». В ней, противопоставляя современному («мир на потребу») изначальное равенство вещи («равна самой себе»), поэтесса утверждает самоценность всего сущего:

Прочь, ложь и ломанность!
Тю-фяк: солома есмь!
Мат-рас: есмь водоросль!
Все, вся: природа есмь!
Час пахнет бомбою.
Ве-ревка: льном была!
Огнь, в куче угольной:
– Был Бог и буду им!

Бог – в каждой стихии и капля стихии – в каждой вещи... Еще раньше это было в Древней Элладу – детстве человечества. В том детстве, которое является общей родиной всех поэтов.

Таким образом, античные темы придавали поэзии Мандельштама и Цветаевой философскую глубину. Оба они были душевно привязаны к прекрасной и светлой Древней Элладу. Но если для Мандельштама античность была миром, в котором он черпал вдохновение, к которому прибегал для осмысления современности и современного человека (сборник «Камнь» и «Tristia»), то Цветаева держится в пределах античного мифа и мира. В основу ее творений лег обширный мифологический материал, которому она придет новое психологическое наполнение, пользуясь характерной для мифа расплывчатостью психологической деталей (трагедии «Афродита», «Федра»).

Литература

1. Бак Д. Мандельштам и античность [Текст] / Д. Бак // Новый мир. – 1996. – № 4. – С. 208.
2. Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама [Текст]: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи» Комментарий Исследования / Под ред. О.Е. Макаровой, И.Е. Харитончик. – Воронеж, 1990. – С. 452.
3. Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама [Текст] / Под ред. О.Е. Макаровой, И.Е. Харитончик. – Воронеж, 1990. – С. 453.
4. Лесков О.А. О. Мандельштам [Текст] / О.А. Лесков. – М., 2004. – С. 142.
5. М. Цветаева в воспоминаниях современников [Текст] / Л. Мнухин, Л. Турчинский. – М., 2002. – Кн. 1. – С. 111.
6. Муравьева М. Античность в творчестве М. Цветаевой [Текст] / М. Муравьева // Литературное Ежедневное Приложение к газ. «Первое сентября». – 1999. – № 34. – С. 10.
7. Паперный З.С. Слово и судьба. О. Мандельштам [Текст] / З.С. Паперный. – М., 1991. – С. 59.
8. Саакянц А.А. М. Цветаева: Жизнь и творчество [Текст] / А.А. Саакянц. – М., 1997. – С. 89.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Билингвизм – одна из особенностей современной культурной жизни Казахстана. Проблема исследования творчества русскоязычных и двуязычных писателей актуализируется не только в связи с необходимостью изучения динамики языковых процессов. Язык выражает особенности осмысления и познания действительности, принимает активное участие в формировании представлений о мире. Язык – уникальный феномен, который позволяет не только высказать, но и подчас формировать философию отдельно взятой личности, времени и общества в целом.

К сожалению, на наш взгляд, в России недостаточно уделяют внимания изучению русскоязычной литературы Казахстана. Между тем современная казахская литература – самобытное и яркое явление мирового литературного процесса.

Концептуальная культурная парадигма, озвученная Олжасом Сулейменовым, определяет онтологический, гносеологический и аксиологический векторы исканий казахского искусства: «Нет Востока, / И Запада нет, / Есть Восход и закат, / Есть большое слово – ЗЕМЛЯ, / Большое на всех языках» [6, с. 63, 64].

Современная казахская литература в этом смысле является уникальным явлением. Она полноправно функционирует как на казахском, так и на русском языках. В монографии Б.У. Джолдасбековой отмечено, что современная литература Казахстана – это своеобразный синтез социокультурных реалий и основных тенденций казахской и русской литературы [1, с. 5].

Большая работа по систематизации и изучению русскоязычной литературы ведется казахскими исследователями постоянно. Об этом свидетельствует недавно изданная в Казахстане «Антология русскоязычной литературы Казахстана», где представлены имена многих авторов, творческие проекты которых успешно реализуются на обоих языках [2, с. 270].

Показательным в плане двуязычия является творчество талантливого казахского писателя Аслана Жаксылыкова, опубликовавшего на русском языке трилогию «Сны окаянных». Первая книга трилогии – «Поющие камни», опубликованная в 1997 г., положила начало циклу романов, затрагивающих экзистенциальную проблему творческого существования человека.

Центральной в романе «Поющие камни» является проблема взаимоотношений человека и природы. Ключевой образ романа – каменный окатыш, найденный главным героем романа, на котором природа четко выгравировала женский портрет и знак Инь-Ян, воспринимается как метафизическое послание природы человеку. В чем смысл этого послания? Возможно, в великой ответственности человека перед своим творческим даром? Является ли рождение человека звеном в цепочке биологических процессов, или это мучительная попытка природы выразить свой сокровенный замысел. Вопрос, который в разной степени тревожит всех героев романа, растворившихся, казалось бы, в быту житейской повседневности. Примечательна в этом контексте сцена, где старик-китаец, торгующий камнями, возвращает ценный окатыш своему постояльцу-бичу со словами: «За другой спрятанный камень я бы побил тебя. <...> Человек, нашедший такой камень, не может быть рабом. Сам Будда покровительствует ему». «Видимо... великий дракон просыпается...», – задумчиво добавляет старик [4, с. 68].

Последующие поступки старика-китайца видятся алогичными. Он моет, одевает, кормит своего постояльца, убирает за ним, воздает ему почести. Старик-китаец внезапно постигает свою долю ответственности перед творческой эманацией природы, открывшейся ему в человеке, которого горемычная судьба привела на порог его дома. Рефреном повторяющиеся слова мальчика, живущего рядом с семипалатинским военным полигоном («Мы росли и болели, болели и росли... <....> Когда хворь одолевала нас так, что мы не могли даже двигаться, мама принималась нас лечить мазию и настоями, приготовленными из местных трав. Она не знала, что травы тоже были отравлены») [4, с. 40, 41], – звучат обвинением разрушительной деятельности человека.

В концепции автора трилогии человек был избран природой для творческого созидания, а не разрушения, вне зависимости от того, касается это самого человека или окружающей его действительности. В романе очень интересно трактуется тема избранничества. Человек – избранник природы, он призван реализовать ее творческую мощь, ориентируясь на сформированную челове-

ством систему ценностей. Все духовные откровения – буддийские, мусульманские, христианские или иудейские – лишь развилка дорог, откуда начинается личностный путь развития человека.

Антиномия «эволюция – деструкция» так же, как и в «Поющих камнях», является стержневой в других романах трилогии «Сны окаянные», в «Другом океане», где в несколько ином ключе, но не менее содержательно, высказано писателем представление о человеке и его месте в мире. Следует отметить, что блестящее знание казахского и русского языков позволяет А. Жаксылыкову заниматься переводческой и научной деятельностью. Его научные исследования по древнетюркской письменности – безусловный вклад в развитие науки [5, с. 84].

Романы Аслана Жаксылыкова созвучны в определенной степени произведениям Юрия Домбровского – писателя, творческий путь которого тесно связан с Казахстаном. В центре практически всех произведений писателя – проблема творческой экзистенции, отмечают казахские литературоведы: «Ю.О. Домбровский принадлежал к тем писателям XX века, кто рассматривал искусство, культуру, способность к творчеству как важнейшие условия человеческого существования. Практически всю свою жизнь он писал о “ненужных вещах” в переломные эпохи – о преобразующей силе искусства, об умении творческой личности противостоять безвременью силой своего духа...» [3, с. 99].

В русскоязычной литературе Казахстана, особенно на современном этапе ее развития, много ярких и самобытных писателей. Русский читатель, к сожалению, незнаком с творчеством А. Жаксылыкова, Н. Веревокина, Б. Канапьянова, Г. Бельгера, чьи книги переводятся на многие языки мира и успешно издаются. Причин тому множество (просчеты издательств и т.п.), но русскоязычной литературой Казахстана надо заниматься не только казахским, но и российским литературоведом с тем, чтобы видеть в динамике литературный процесс. Справедливо утверждение современных казахских литературоведов: «Русскоязычная литература Казахстана представляет собой часть литературного процесса как Казахстана, так и России, и тесно связана с евразийской идеей» [2; 3].

Литература

1. Джолдасбекова Б.У. Русская литература Казахстана / Б.У. Джолдасбекова. – Алматы: «Казак университеті», 2008. – 358 с.
2. Джолдасбекова Б. Антология русскоязычной литературы Казахстана: монография / Б. Джолдасбекова, Н. Томанова, Ж. Баянбаева, А. Азизова, К. Таттимбетова. – Алматы: Казак университеті, 2014. – 272 с.
3. Джолдасбекова Б. Авторский дискурс прозы Ю.О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике / Б. Джолдасбекова, Н. Сарсекеева. – Алматы: Казак университеті, 2013. – 213 с.
4. Жаксылыков А. Ж. Сны окаянных: трилогия / А. Ж. Жаксылыков. – Алматы: ТОО «Алматинский издательский дом», 2006. – 526 с.
5. Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис / А.Ж. Жаксылыков. – Алматы: Казак университеті, 2013. – 362 с.
6. Сулейменов О. Избранное. – М: Художественная литература, 1986. – 430 с.

УДК 81.42

А.С. Мухина

Нижевартовск, Нижевартовский государственный университет

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ МОЛОДЕЖНОГО ЖУРНАЛА (на материале периодического издания для подростков «Маруся»)

Публицистический дискурс формируют тексты различной жанровой организации, созданные с учетом социально-психологических особенностей потенциальной аудитории. Частью этого дискурса является журналистика для подростков, цель которой – приобщить подрастающее поколение к интеллектуальному и духовному потенциалу общества, стать проводником в мир знаний и увлечений, помочь становлению гармоничной личности в современном мире.

Процессы становления и развития детской и юношеской журналистики уже были предметом анализа в работах А.М. Васневой, Д.А. Жуковой, И.В.Жилавской, О.М.Култышевой. Исследователи подробно останавливались на вопросах истории молодежных журналов, на роли СМИ в процессе формирования ценностных ориентиров в жизни молодого человека, на типологических особенностях детских и молодежных периодических изданий. Однако не все вопросы молодежных СМИ попали в поле зрения ученых, поэтому в рамках данной статьи мы рассмотрим набор речевых жанров, составляющих публицистического дискурса молодежного издания и создающих диало-

гическую ситуацию между автором и читательской аудиторией. Материалом для исследования послужит популярный журнал для девочек-подростков «Маруся».

При рассмотрении жанрового репертуара молодежного периодического издания мы опирались на теорию речевых жанров, согласно которой каждое высказывание автора, построенное по определенной модели и направленное на создание диалога, имеет своего адресата [см. работы М.М. Бахтина, В.В. Дементьева 2010, К.Ф. Седова 1999 и др.].

Журнал «Маруся» занимает особое место среди изданий познавательно-развлекательного типа. Тираж ежемесячного издания доходит до 20000 экземпляров. Его читательскую аудиторию составляют девочки-подростки среднего и старшего возраста. Журнал издается с 1991 года и состоит из следующих разделов: «Мода», «Стиль», «Зеркало», «Шоу», «Дом», «Чувства». Названия разделов обозначают те актуальные для современной женской аудитории темы, которые можно обсудить в кругу подруг и друзей. Каждый раздел имеет несколько рубрик, репертуар которых может незначительно меняться, каждый раз предлагая читателю обновленную структуру издания. Этот прием очень удобен, поскольку он помогает придать традиционной и узнаваемой форме эффект новизны.

Обложка периодического издания выполнена в соответствии с классическими канонами женского журнала: на первой странице фотография молодой девушки, активной читательницы, а в номере – подробное интервью, раскрывающее личность героини. Выбор фотомодели не случаен: это не просто красивая девушка, а личность, обладающая активной жизненной позицией, достижениями в творчестве или спорте. Органичное сочетание визуального образа с текстом интервью позволяет журналистам реализовать воспитательную функцию, то есть показать читательской аудитории возможную стратегию их жизни, продемонстрировать сферу увлечений и занятий, помочь реализовать свои возможности.

Обязательным атрибутом журнала стало «Слово редактора», в котором на суд читателя предлагается какая-либо проблема, мнение журналиста, обозначенное ключевым словом заголовочного комплекса, например, «Честное слово», «Весна приходит – люди головы теряют», «Зеленый маяк у зеленого моря». Такое начало формирует определенную модель личностной коммуникации с читателями, поскольку при обозначении автора указывается не только имя и фамилия, но и занимаемая в редакции должность, например, *Ольга Шальнева, ответственный редактор, редактор раздела «Чувства». Ирина Кузьмина, редактор раздела «Зеркало»*. Цель слова – задать тон всему номеру журнала, анонсировать важные материалы и заинтриговать потенциальную аудиторию читательниц. Особую роль в слове редактора играют речевые жанры, формирующие диалогическую ситуацию и заставляющие занять ответную позицию по отношению к высказыванию автора. Например, жанр пожелания становится финальным аккордом и оказывает положительное воздействие на читательскую аудиторию: «*Желаю вам, девчонки, чтобы приход весны ничем не омрачался и стал настоящим праздником!*».

Каждый раздел периодического издания состоит их журналистских материалов разных жанров, например, раздел «Мода» составляют советы по поводу популярных моделей одежды и аксессуаров. Например: «*Попробуй сделать самой яркой деталью своего гардероба колготки. Хорошо, если они будут перекликаться по цвету с какой-нибудь вещью в верхней части наряда*». Именно жанр совета позволяет журналисту занять коммуникативную позицию компетентного эксперта, предлагающего разные варианты построения внешнего образа, а не продавца, навязывающего какой-либо модный аксессуар. Кроме того, в этом разделе помещены материалы, созданные в диалоговом формате, когда на вопрос читательницы журналист публикует конкретное решение. Например, «*Родители купили мне дубленку ярко-рыжего цвета. Какого оттенка головной убор, шарф и варежки к ней подобрать? Чтобы подчеркнуть динамику и теплоту рыжего цвета, сочетай его с холодными синими, фиалковыми и лиловыми тонами*». Такой формат подачи материала создает диалоговую ситуацию, активно обозначая позицию как говорящего, так и слушающего.

Традиционным компонентом молодежного журнала стал психологический тест, позволяющий создать эффект интерактивности. Он вовлекает читателя в исследование своего внутреннего мира, заставляет задуматься над ситуациями в жизни, над отношением к друзьям и коллегам. Таким образом, журнал становится не только носителем информации о внешнем мире, а играет роль проводника в мир внутренний. Сам процесс написания теста – это способ активного взаимодействия с предметом, что является еще одним приемом привлечения внимания аудитории.

Следующий раздел – «Зеркало». Он посвящен одной из важных тем в жизни современной девушки – активному и здоровому образу жизни. Раздел имеет четкую рубрикацию: «Проверено на себе», «Двигайся», «Beauty-инфо», «Лицо с обложки», «Азбука красоты»; его структурные компоненты могут претерпевать незначительные изменения от номера к номеру.

В этом разделе печатаются комплексы упражнений с подробными инструкциями, фотографиями и советами по организации тренировок, например, материалы названы: «Пилатес: медленно, но верно», «Пять составляющих хорошей тренировки», «Спортивная зима для здоровья и ума». А также советы и рецепты по уходу за кожей лица и рук. Кроме того, помещена информация рекламного характера о новинках в области косметологии.

Раздел «Шоу» предлагает читательницам материалы о жизни зарубежных и российских актерах: «Джастин Бибер: 5 шагов к успеху», «Павел Кашин: «Люблю дождь», «Награда – то, что надо». Дополняют его рубрики «Почитай», «Послушай», «Посмотри» и «Поиграй», выполняющие роль навигатора в области современной литературы и музыки, компьютерных игр и кино. Предлагаемый анонс книги, фильма, компьютерной игры строится по определенной модели: две третьих объема занимает фрагментарное описание произведения, а одну треть – один из жанров, помогающих организовать диалог с аудиторией. Например, совет: «Кстати, пройдешь игру, обязательно прочитай книгу и посмотри наш шикарный фильм с Василием Ливановым (если до сих пор не успела это сделать)».

В разделе «Чувства» печатаются материалы, посвященные какой-либо психологической проблеме в жизни подростка, нередко они снабжены комментариями и советами психолога. В этот же раздел помещены письма или высказывания читательниц по какому-либо поводу, что является очень важным моментом для поддержания постоянного контакта с аудиторией журнала, когда читатель – не просто потребитель информации, а активный участник коммуникативного события.

Таким образом, дискурс молодежного издания формируют следующие речевые жанры: вопрос, совет, пожелание, предложение. Эти жанры создают диалогическую ситуацию, позволяют оказывать определенное воздействие на чувства, мысли и мировоззрение потенциальной аудитории и переключают монологическое высказывание в диалогический режим восприятия, поскольку каждый раз заставляют читателя занять ответную позицию.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. – М., 1996. – Т. 5.
2. Васнева А.М. Традиции православной культуры в детских литературно-художественных журналах России: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Васнева Антонина Михайловна. – М., 2006. – 179 с.
3. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010.
4. Жилавская И.В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодежной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / И.В. Жилавская ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; науч. рук. Л.Г. Свитич. – URL <http://www.mediascope.ru/node/38> (дата обращения: 24.01.2015).
5. Жукова Д.А. Влияние детской журналистики и СМИ на групповое и индивидуальное сознание детей: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11/ Д.А. Жукова ; Краснодар. ун-т МВД России ; науч. рук. М.Б. Маринов. – Краснодар, 2012. – 29 с.
6. Култышева О.М. Дореволюционная печать о Маяковском // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I. – С. 287–291.
7. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: Дис. ... докт. филол. Наук. – Саратов, 1999.

УДК 81.373.48

С.А. Никишина

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ПОРТРЕТ ЧИНОВНИКА СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА

По данным «Частотного словаря современного русского языка» слово *чиновник* входит в тысячу самых употребительных имен существительных русского языка (ранг частотности 698) [3]. Этимология лексемы прозрачна и связана с общеславянским существительным *чин*, исходное значение которого – «строй, действие, порядок», далее – «подчинение, определенное место в ряду» и «должность» [9, с. 365]. В.И. Даль указывает, что чиновник – служащий государю и жалованный чиномъ, оберъ- или штабъ-офицеръ, или генераль, хотя высшие чиновники более зовутся сановни-

ками [2, с. 605]. Словообразовательное гнездо включает разветвленную систему дериватов: *чиновный, чиновничий, чиновнический, чиновница, чинный, чиновлюбивый, чиновначальничать, чиновопчитание* и др.

Словарь Д.Н. Ушакова фиксирует не только устаревание многих лексем с корнем *-чин-*, но и их чуждый советской эпохе характер: *чиновник* (дореволюц., загр.), *чинопроизводство* (офиц., дореволюц.), *чинопочитание* (книжн., устар., теперь ирон.), *чиноначалие* (офиц. дореволюц., теперь ирон.), *чиновный* (устар.), *чиновничество* (дореволюц., загр.), *чиновница* (дореволюц., загр.). Отмечено и появление отрицательно-оценочной коннотации в семантике некоторых образований: *чинуша* (разг. презрит, и пренебр.), *чинодрал* (разг. презрит.) [8]. Очевидно, что появление этого компонента связано с развитием многозначности у существительного *чиновник*, зафиксированного как в основном значении, свойственном пассивному словарю: 1. Государственный служащий (дореволюц., загр.). *Крупный ч. Мелкий ч.*, так и в переносном, метафорическом, представленном в активном употреблении: 2. перен. Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (укор.) [8].

Отсутствие пометы *устарелое* в МАСе, в словаре С.И. Ожегова и Н.М. Шведовой, вышедших во второй половине и в конце XX века, не является подтверждением возвращения существительного *чиновник* в активный словарь, в самом толковании слова отражена связь с дореволюционными понятиями и реалиями: государственный служащий в дореволюционной России и в буржуазных странах [7]; в буржуазных странах и в России до революции: государственный служащий, имеющий чин, служебное звание [5].

Возврат слова *чиновник* в активный словарь зафиксирован в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» Г.Н. Складчиковской: служащий государственного аппарата, какого-л. ведомства, государственный служащий [6, с. 849], в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова: государственный служащий. *Ч. таможни. Полицейский ч. Мелкие чиновники* [1, с. 1480].

Таким образом, существительное *чиновник* можно считать словом, вернувшимся в активный обиход в связи с актуализацией обозначаемой им реалии. Кризисные явления и структурная перестройка на рубеже XX–XXI веков, потребовали увеличения количества госслужащих, что и привело к «победному шествию» этого существительного в русском языке, отраженному в частотной словаре: за полвека (1950-е – 2000-е) в публицистике частотность словоупотребления (с/у) лексемы *чиновник* возросла более чем в 3 раза (с 44,5 до 155, 2 с/у) [3].

Сегодня существительное *чиновник* не просто широкоупотребительное слово, оно включено в «Словарь модных слов» (2011). Характеризуя новый филологический термин *модное слово*, В. Новиков, в предисловии к словарю, отмечает: «Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, то и дело доносится из радиоприемника и телевизора. Оно все время держится на виду, порой отесняя своих более тихих собратьев» [4, с. 3]. Модное слово отражает современную языковую картину мира, за ним стоит некий сюжет или общественно-политическая проблема. В словарной статье, написанной в форме научно-художественного эссе, В. Новиков не без иронии, ссылаясь на СМИ, причисляет к чиновникам «всех, кто сидит в важных кабинетах и решает важные вопросы» [4, с. 234]. Оригинальность толкования, включающего намеренный повтор прилагательного *важный* и глагола *сидеть*, не добавляет уважения к чиновникам. Причина речевой моды на это слово, по В. Новикову, кроется в необходимости номинации, представляющей собой «краткое и безоценочное обозначение для государственных служащих, наделенных властными полномочиями». Но современные контексты употребления свидетельствуют о другом: отрицательная оценочность (навсегда?) «приросла» к слову [4, с. 234].

В рамках настоящей статьи мы предприняли попытку проанализировать характер сочетаемости существительного *чиновник* с именами прилагательными в современном газетном дискурсе с целью интерпретации номинативно-стилистического окружения лексемы *чиновник* с точки зрения оценочной экспликации. Выбор в качестве иллюстративного материала словосочетаний «имя прилагательное + имя существительное» продиктован тем обстоятельством, что в системе морфологических ресурсов русского языка имени прилагательному отводится видное место как категории, в семантике которой доминирует понятие качества и которая определяет имя существительное. Лексическое богатство прилагательных способствует реализации их изобразительно-выразительных возможностей. Кроме того, благодаря прилагательным объем понятия, выражае-

мого существительными, заметно сужается, значение предметного слова (существительного) конкретизируется.

В газетном дискурсе Национального корпуса русского языка [10] была произведена сплошная выборка словосочетаний «прилагательное+существительное» из первых 850-ти контекстов, содержащих лексему *чиновник*. С учетом повторений количество извлеченного языкового материала составляет около 160 единиц.

Частотность прилагательных представлена в порядке убывания: *высокопоставленный* (32), *бывший* (13), *федеральный* (8), *высокий* (7), *государственный* (6), *американский* (5), *кремлевский* (5), *правительственный* (5), *украинский* (4), *российский* (3), *спортивный* (3).

Продуктивность употребления имен прилагательных определенных тематических групп отражает предпочтения и приоритеты современной публицистики, в свою очередь, являющейся отражением доминантных социальных и политических реалий.

Самая продуктивная тематическая группа прилагательных, употребляющихся с существительным *чиновник*, включает в себя лексемы, **обозначающие ранг**: *высокопоставленный* (32), *федеральный* (8), *высокий* (7), *кремлевский* (5), *правительственный* (5), *городской* (2), *крупный* (2), *столичный* (2), *мелкий*, (*самый мелкий*), *главный*, *президентский*, *региональный*, *провинциальный*, *рядовой*. Синонимичны перечисленным и качественные прилагательные *видный*, *влиятельный*, *известный*.

Лидирующие позиции существительных именно этой тематической группы неслучайны: ранг – основное звено карьерной иерархии – дающий своему владельцу право на занятие ряда соответствующих ему должностей и являющийся для чиновника важной гарантией стабильности его положения, защитой от превратностей административной жизни. СМИ непроизвольно транслируют рангопочитание и чинопочитание, уважение к высокому статусу, смешанное со страхом перед ним, свойственные русскому человеку. Словосочетание *высокопоставленный чиновник* по частотности своего употребления в газетном дискурсе приближается к языковым единицам, имеющим устойчивый характер. Внимание масс-медиа к людям влиятельным объективно и закономерно, они часто попадают в поле зрения СМИ, оказываются в центре важных общественных событий, изложение которых обеспечивает изданию актуальность и сенсационность, рейтинг и востребованность.

Интерес СМИ к основным и проблемным направлениям внешней политики России, актуальным для общества, определяет продуктивность **тематической группы прилагательных с общим значением отношения к стране, территории**: *американский* (5), *украинский* (4), *российский* (3), *европейский* (2), *молдавский* (2), *белорусский*, *московский*, *киевский*, *крымский*, *ливийский*, *тайский*, *французский*, *швейцарский*, *экс-петербургский*.

Потребностями публицистического стиля, отличающегося информативностью и фактической конкретизацией, объясняется достаточно широкая **употребительность тематической группы прилагательных, обозначающих признак по отношению к сфере деятельности**: *спортивный* (3), *военный* (2), *милицейский* (2), *банковский*, *киношный*, «*культурный*», *морской*, *почтово-телеграфный*, *телевизионный*.

Часто чиновник в России ассоциируется с серой безликой массой, подтверждением этого являются словосочетания *среднестатистический* (3), *безымянный*, *неизвестный*, *средний*, *обычный* (чиновник).

В целом наблюдается явное преобладание словосочетаний, в состав которых входят относительные прилагательные, выполняющие в публицистическом стиле номинативно-информативную функцию, но в то же время отражающие актуальные ценностные приоритеты и их иерархию.

Оценочный характер имеют качественные прилагательные, сочетающиеся с существительным *чиновник*: *неприветливый*, *нерадивый*, *нечистый на руку*, причем некоторые из них, априори относящиеся к мелиоративной лексике, в контексте приобретают пейоративную (ироническую) аксиологию: *Геннадий Онищенко. Самый жалостливый чиновник недели. Главный государственный санитарный врач России в связи с аномальной жарой призвал работодателей подумать о введении удлиненного обеденного перерыва по примеру сиесты, существующей во многих странах с жарким климатом. Видимо, исходили из логики, что хороший чиновник должен быть зубастым — чтобы половчее и покрепче цапать чужие денежки* [10].

Чтобы понять, чем вызван интерес СМИ к бывшим чиновникам (частотность словосочетаний с этим прилагательным достаточно высока), необходимо обратиться к контекстам, отрицательно-

оценочный характер которых не вызывает сомнений: *Бывший чиновник обвиняется в превышении должностных полномочий. ... ближайшие 8 лет бывший чиновник проведет в исправительной колонии строгого режима. Бывший чиновник Росрезерва приговорен по статье «Мошенничество в особо крупном размере»* и под. [10]. Очевидно, СМИ решаются писать в таком контексте чаще о бывших, чем о действующих. Впрочем, в защиту масс-медиа следует сказать, что существует презумпция невиновности, которая и не позволяет бездоказательно обвинять человека.

Анализ иллюстративного материала показывает, что наблюдается доминирование отрицательно оценочных контекстов, создающих и тиражирующих негативные образы чиновника и чиновничества: *Чиновник вместе с милицейским начальником требовали три миллиона с директора сельхозпредприятия за общее покровительство. Есть хоть один чиновник в Чечне, который бы украл несколько миллиардов и сбежал?* и под. [10].

Таким образом, в газетном дискурсе семантика существительного *чиновник* отражает некую культурную экспликацию исторически сложившегося в России отрицательного, порой эмоционального отношения к государственным служащим, проявляющегося в характере контекстов и, реже, в сочетаемости с именами прилагательными. Этот «хвост» отрицательных коннотаций тянется за лексемой *чиновник* и сохраняется даже при изолированном ее употреблении. Поэтому единственным, на наш взгляд, безоценочным наименованием чиновника в современном русском языке является словосочетание *государственный служащий*.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000.
2. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Н-У. – М.: ТЕРРА, 1994.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 23.01.2015).
4. Новиков В. Словарь модных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
6. Складаревская Г.Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. IV. С-Я. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma467805.htm> (дата обращения 23.01.2015).
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 4: С-Ящурный. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush_abc/default.asp (дата обращения 23.01.2015).
9. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М., Прозерпина, 1994.

Источники языкового материала

10. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ruscorpota.ru/> (дата обращения 21.01.2015).

УДК 81.373.48

С.А. Никишина, И.В. Петрова

Нижевартовск, Нижевартовский государственный университет

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА? (о лексеме *счастье* в русском языке)

Эксперты ООН представили общественности рейтинг самых счастливых стран 2013 года, который составлялся с учетом шести основных факторов: валовой внутренний продукт на душу населения, свобода выбора, продолжительность жизни среднестатистического гражданина, уровень коррупции и щедрость жителей конкретной страны. Россия в списке их 156-ти стран занимает 68-е место. Попытаемся ответить на вопрос, как соотносятся эти невысокие показатели с представлениями русского человека о счастье, отраженными в нашем языке [5].

Предметом исследования в настоящей статье является эволюция семантической структуры слова *счастье*, являющегося, несомненно, одним из ключевых понятий в русской языковой картине мира. Согласно данным «Частотного словаря современного русского языка» (2009) эта лексема входит в тысячу частотных имен существительных, имеет высокий (303) ранг частотности, причем, несмотря на разные в российской истории времена, колебания частотности ее употребления

минимальны: указанные цифры отражают динамику частности, соответственно, в 1950–60 гг., 1970–80 гг., 1990–2000 гг. в художественной литературе (172.4–181.4–186, 6) и публицистике (188, 3–160, 7–153,5) [3].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, указано, что слово **счастье** происходит от украинского *щастя* ср. р.; цслав. *Съчастьнъ* «причастный», др.-чеш. *Ščěstie*, чеш. *Štěsti* «счастье», *Šťastny* «счастливей», славц. *št'astie št'astny*, польск. *Szczęście*.|| Праслав. * *szčęstbje* объясняют из **sz* – : др. – инд. *su* – «хороший» + * *čęstb* «часть», т.е. «хороший удел» (Бодуэн де Куртенэ, Stud. Br ůcknerowi 220 и сл.; Гуйер, - LF 46, 188 и сл; Френкель, Mél. Prdersen 444; Махек, ZfslPh 7, 378). По мнению Бернекера (1, 155), *счастье* – первонач. «доля, совместное участие» (:сѣ). Эта этимология несомненна для позднеслав. *съчастьнъ* «причастный» [10, 816].

Данные «Этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского и Т. А. Бобровой подтверждают, что лексема **счастье** характеризуется как общеславянское суф.-преф. производное (с помощью приставки *съ-* в значении «хороший» и суффикс *-иј-*) от *часть* (через «юс» малый). Буквально – «хорошая часть, доля» [11, с. 310].

Таким образом, существительное **счастье** имеет общеславянский характер и фонетические соответствия в славянских языках, акцентируется внимание на его префиксально-суффиксальной производности и подтверждается семантическая связь с существительным **часть**.

Обратимся теперь к данным толковых словарей, представленным в статье в прямом хронологическом порядке, с учетом времени их издания.

В «Толковом словаре живого великого русского языка» В.И. Даля у лексемы **счастье** (счастье, доля, пай) фиксируется значение «рок, судьба, часть и участь, доля. Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина, въ деле, не по расчету. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная несущая жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» [2, с. 372].

Как видим, В.И. Даль толкует слово подбором к нему синонимов, и в этом синонимическом ряду выделяются группы однокоренных синонимов, частотность которых помогает увидеть за значением слова концепт – «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [8, с. 43]. Количественно выделяются два синонимических ряда: первый включает лексемы, объединенные общей семьей случайности, неожиданности, некой данности и «незаслуженности» счастья (*рок, судьба, доля, случайность, неожиданность, удача*); второй – содержит слова с корнем *благ-* (*благоденствие, благополучие, блаженство*), *жела-* (*желанная, желанное*), *покой-* (*покой, покоит*) с актуализованным значением высшего удовольствия, наслаждения.

В толковых словарях, изданных в советскую эпоху, именно второе значение становится основным: **СЧАСТЬЕ**, я, мн. нет, ср. **1.** Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью. *И стала с счастьем народа цвезть радость в селах и градах*. Рылеев. *Свободу дайте мне, – найду я счастье сам!* Баратынский. **2.** Успех, удача (преимущ. случайная). *Солнце не вечно сияет, счастье не вечно везет*. Некрасов. *Не было бы счастья, да несчастье помогло*. Поговорка. *У него нет счастья в игре*. **3.** Участь, доля, судьба (простореч., обл.). *Всякому свое счастье*. Пословица. *Такое наше счастье, что на мосту с чайкой*. Поговорка. **4.** Им. п. **счастье** употр. также как сказуемое главного предложения в знач. очень хорошо, крайне приятно (разг.). *Да! счастье, у кого есть эдакий сынок*. Грибоедов. *С., что всё так удачно получилось* [9].

СЧАСТЬЕ, -я, ср. **1.** Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л. *Семейное счастье. Народное счастье. – Человек создан для счастья*. Короленко, Парадокс. *Знайте, что быть писателем в наши дни – великое счастье, ибо – Вас будет читать народ!*

2. Успех, удача. Счастье в игре. Военное счастье. Тяжелый год – сломил меня недуг, Беда застигла, – счастье изменило, – И не шадит меня ни враг, ни друг, И даже ты не пощадила! Н. Некрасов, Тяжелый год.

3. в знач. сказ. Хорошо, удачно. [Фамусов:] *Да! счастье, у кого есть эдакий сынок!* Грибоедов, Горе от ума.

4. *Прост.* Участь, доля, судьба. *Всякому свое счастье*. Поговорка [6, с. 320].

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представляет слово *счастье* в двух, наиболее частотных, значениях: 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. *С. созидания. Стремление к счастью. Семейное с.* 2. Успех, удача. *Во всем с. кому-нибудь. Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло* (посл.) [4, с. 783].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова существительное *счастье* представлено в четырех значениях: 1. Состояние высшей удовлетворенности жизнью чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо; внешнее проявление этого чувства. 2. Успех, удача. *Найти подкову – к счастью.* 3. Разг. Участь, доля, судьба. 4. В функц. сказ. (с придат. дополнит., с инф.) Хорошо, удачно. Попытаться счастьем. О попытке сделать что-либо, рассчитывая на успех [1, с. 1297].

Таким образом, значение, представленное у В.И. Даля в качестве основного (участь, доля, судьба), становится периферийным: в советскую эпоху с ее идеологией не надеются на счастье-удачу, счастье-судьбу, счастья нужно добиваться и заслуживать. Поэт Эдуард Асадов очень точно изобразил составляющие («симптомы») всеобщего советского счастья:

Еще есть такое мнение,
Что счастье – это горение:
Поиск, мечта, работа
И дерзкие крылья взлета!

Сочетаемость слова *счастье*, отраженная в «Словаре сочетаемости слов русского языка» (большое, огромное, великое, полное, трудное, истинное, настоящее, заслуженное, долгожданное, личное, материнское, семейное, человеческое, народное... *счастье*) [7, с. 683] подтверждает некую трудность, иногда даже «непосильность» счастья, которое представляется настолько тяжелым, что под его бременем можно упасть.

Чтобы определить тенденции дальнейшей семантической эволюции лексемы *счастье*, обратимся к данным газетного дискурса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), потому что именно публицистика наиболее чувствительна к изменениям в языке и в слове. Приводим без купюр первые пять словоупотреблений:

1) Раздавать метровые красавицы, которые росли по 5-7 лет на специальных делянках Дмитровского лесхоза, будут абсолютно бесплатно – всем желающим. Это акция «Возьми елку на **счастье!**» – её организуют Экологическое движение «ЭКА» и Рослесхоз. 2) Вот говорят: **счастье** тебя обязательно найдет – не пойму, или я так офигенно прячусь, либо оно меня так хреново ищет! 3) Потому я, кстати, увольняюсь: мне такое **счастье** за 14 тысяч не нужно. 4) И в жизни бывает все... И все же моя личная жизнь с Сашей – это большое **счастье**... 5) Душа и сердце говорят, Что ты ведь **счастье** мое! [12].

Отчетливо ощущается тенденция «очеловечения» счастья, представление о нем от эпической лозунговости переходит в нечто персональное, глубоко личное, интимное, нынешнее счастье очень индивидуально: 1) *Что такое счастье? Когда ты в мире сам с собой.* 2) *Муре (так назвали пришедшее счастье за желание мурлыкать в благодарность за ласку и человеческое внимание) купили лекарство от блох, лишая и глистов.* 3) *Это же счастье – произносить чеховский текст, погружаться в мир гения* [12].

Но при этом наблюдается явное преобладание контекстов, в которых счастье выступает как логос семейной гармонии: 1) Я поздравляю, что у вас **близнецы**. 2) **Это большое счастье!** 3) **Дети и семья — это счастье.** В этом мире единственное **настоящее счастье — счастливый брак.** 4) **Счастье, когда видишь таких любимых, ухоженных, умных и воспитанных деток** [12].

Значит ли это, что наше счастье «омещанивается»? Ведь со времени выхода повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» к одноименному словосочетанию приклеился отрицательно-оценочный (иронический) компонент, оно стало обозначать довольство жизнью без высоких целей, устремлений, заполненной мелкими, повседневными заботами. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести анализ большого массива словоупотреблений, в том числе и «недистиллированных» разговорных, и честно ответить на вопрос, что значит для русского человека высокая цель, коррелируется ли она с заботой о детях и близких людях?

Возвращаясь к данным НКРЯ, отмечаем очевидную продуктивность словоупотреблений, в которых существительное *счастье* употребляется в диахронически первичном значении «успех, удача»: 1) *В родную Самару не поехал, решил попытаться **счастье** в столице.* 2) *Любители компь-*

ютерных игр могут возрадоваться – им *счастье* привалило. 3) *На счастье* девчонки, в этот момент в подъезд вышла еще одна школьница [12].

Таким образом, концепт *счастье* в русской языковой картине мира претерпевает некоторые изменения, но пока еще рано говорить о его фундаментальной трансформации. Но понятно одно: в основе счастья человека и счастья страны лежат разные представления и критерии.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. Кузнецова С.А. – СПб., 2000.
2. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4: Н–У. – М.: ТЕРРА, 1994.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 23.01.2015).
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М., 1999.
5. Самые счастливые страны 2013. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://samoe-samaya.ru/goroda-i-strany/samye-schastlivye-strany-2013.html> (дата обращения 23.01.2015).
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. IV. С–Я. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma467805.htm> (дата обращения 28.12.2014).
7. Словарь сочетаемости слов русского языка Ок. 2500 словар. ст./ Гос. ин-т им. А.С. Пушкина; П.Н. Денисов, Н.К. Зеленова, Е.М. Конева и др.; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 3-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 2001.
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4: С – Яшурный. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush_abc/default.asp (дата обращения 28.12.2014).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.3 (М – С) / пер.с нем. и доп. Трубочева О.Н.; под ред. и с предисл. Ларина Б.А. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра-Азбука, 1996.
11. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М., Прозерпина, 1994.

Источники языкового материала

12. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 23.01.2015).

УДК 81

Е.А. Жесткова, К.Н. Стрижева

г. Арзамас, Арзамасский филиал

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

Из числа заимствованных русским языком слов в особенности значителен слой старославянизмов [1, с. 78–80]. Появление на Руси в XI в. переводов Евангелия на близкородственном и поэтому понятном старославянском языке, каждодневное употребление его в богослужебной сфере, широкое использование различных его фактов (особенно лексических и фразеологических) в художественной литературе и быту – все это определило огромную роль старославянского языка в обогащении, развитии и совершенствовании русского литературного языка. Многие элементы церковнославянской лексики и фразеологии прочно вошли в плоть и кровь нашего языка. Немало дал церковнославянский язык русскому литературному языку выразительно-образительных средств, афористики, экспрессивной риторики, различных художественных образов, форм и приемов, грамматических конструкций и способов текстообразования [6, с. 40].

Для воссоздания исторического колорита использовал старославянизмы А.И. Куприн в повести «Суламифь». К примеру: «Теплота твоей одежды благоухает лучше, чем мирра, лучше, чем нарда...», «Три раза в год возвращались в гавани его корабли: «Фарсис», ходивший по Средиземному морю, и «Хирам», ходивший по Черному морю...».

Примеры старославянизмов также легко найти в поэзии А. Блока: «И вспомнил я тебя пред аналоем...» [2, с. 254]; «Каким раденьям ты причастна, // Какою верой крещена...» [2, с. 209]; «Чтоб мои воспаленные взоры... [1, с. 216], С. Есенина «Воспою я тебя и гостя...» [4, с. 154]; «Если крикнет рать святая...» [4, с. 115].

Для придания возвышенности, торжественности произведению или его части старославянизмы использовал в своих стихотворениях Г.А. Державин, к примеру, в стихотворении «Памятник»: «О муза! Возгордись заслугой справедливой, // И презрит кто тебя, сама тех презирай...» [3, с. 371]; «Властителем и судиям»: «Приди, суди, карай лукавых // И будь един царем земли...» [3, с. 316], с целью выражения иронического отношения и создания комического эффекта их использовал М.Е. Салтыков-Щедрин («Просветит господь разум Иванушки пониманием и направит стоны его *постезе* господина исправника») и др.

В последние периоды развития русской литературы, в связи с демократизацией литературного языка, старославянизмы использовались все реже. И несмотря на это, они все чаще оказывались нужными, когда тот или иной писатель, по ходу развития своей творческой мысли, обращался к особенно величественным темам.

Таким образом, в произведениях художественной литературы заимствования-старославянизмы выступают в различных функциях в зависимости от времени написания, рода литературы, темы произведения, жанра, стратегии автора.

А.С. Пушкин – один из величайших реформаторов русского языка. Он завершил эволюцию литературного языка, используя достижения М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского и совершенствуя их. Вместе со своими современниками Н.М. Карамзиным и В.А. Жуковским он предпринял грандиозный труд по построению новой русской литературы.

Пушкин использует старославянизмы в своих сочинениях, которые осуществляют разные функции: формирование исторического колорита, возобновления библейского, классического колорита, пародирование, формирование смешного результата, использование с целью изучения характера героев, они придают тексту мелодичность, выражают настроение автора. Старославянизмы проявляли и проявляют огромное воздействие на образную целостность языка.

Старославянизмы, используемые А.С. Пушкиным в произведениях, можно классифицировать по двум признакам:

- 1) фонетическим;
- 2) деривационным.

Рассмотрим, как реализуются эти признаки старославянизмов в сказках Пушкина. И так, в тексте сказок нами выделены следующие фонетические старославянизмы.

1. Начальному о в русском слове один сопоставляется старославянское е в слове единый: «...*Рос на нем дубок единый*...» («Сказка о царе Салтане о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди.»); «Здравствуй, Балда – мужичок...», «Чтоб *впредь* не было никому горя...» («Сказка о попе и его работнике Балде»); «Старика старуха *забр*анила...», «*Забр*анила меня моя старуха...», «Ещё пуще старуха *бр*анится...»; «Здравствуй, барыня сударыня дворянка», «Здравствуй, грозная царица...!»; «Вкруг ее стоит грозная *стра*жа...», «А *пред* нею разбитое корыто...», «*Впредь* тебе, невежа, наука...» («Сказка о рыбаке и рыбке»); «Здравствуй, зеркальце! скажи...!»; «Своен*рав*на и ревнива...», «Н*раву* кроткого тако-го...», «Вкруг нее *стра*на пустая...», «И для милого *хра*нима...», «Черт ли *сла*дит с бабой гневной?...» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»); «Чтоб концы своих *владений*...», «*Охра*нять от нападений...», «*Возгла*шает воевода...», «Бродят кони их *сре*дь луга...» («Сказка о золотом петушке»); «Здравствуй, красная девица...», «Здравствуй, князь ты мой прекрасный...», «И желанная *стра*на...», «Мать с *мла*дцем спасена...», «Город новый *злато*главый...», «С *злато*главыми церквями...», «Видит, весь сияя в *злате*...», «Чистым серебром и *златом*...», «И останутся на *бре*ге...», «И очутятся на *бре*ге...», «И оставило на *бре*ге...», «Князь *пред* нею стал божиться...» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»).

Иногда в одной сказке в одном контексте встречаются несколько старославянизмов с неполногласными сочетаниями. К примеру: «Княжей шапкой, и *гла*вою// *Возгла*шает над собой; // И *сре*ди своей столицы», «*Град* на острове стоит // С *злато*главыми церквями» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»), «Страшный *вр*ед ему творя. // Чтоб концы своих *владений* // *Охра*нять от нападений, // Должен был он содержать // Многочисленную *ра*ть» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Начальному у в русском слове уг сопоставляется старославянское ю в слове юг: «Ждут бывало с *ю*га, – глядь, – Ан с востока лезет *ра*ть!» («Сказка о золотом петушке»).

Начальному е в старославянском слове единый соответствует о в русском один; встречается в сказке «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»: «Он лежал пустой равниной:// Рос на нем дубок единый».

Другим распространенным фонетическим признаком старославянизмов, часто встречающимся в сказках А.С. Пушкина, является сочетание жд на месте русского ж: «Между тем там приготовят мешок» («Сказка о попе и его работнике Балде»); «Между тем, как он далеко» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»).

Следующая фонетическая особенность старославянизмов – это сочетание жд на месте русского ж: «Но царевна молодая, Тихомолком расцветая, Между тем росла, росла, Поднялась – и расцвела...» и тут же: «В терему **меж** тем она...» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Словообразовательные старославянизмы также имеют место в сказках А.С. Пушкина. Отметим их наличие и характерные признаки, по которым они были определены нами во вторую группу вышеуказанной классификации.

Приставками из-, воз-, чрез-, низ-, пред-, пре- и пр.: «Как **взмолится** золотая рыбка» («Сказка о рыбаке и рыбке»); «Чего ты **взыскался**», «Тем ты и лоб от расплаты **избавишь**» («Сказка о попе и его работнике Балде»); «На него она **взглянула**, // Тяжелешенько **вздохнула**»; «**Восхищенья** не снесла»; «Братья в ту пору домой // **Возвращались** толпой»; «Им она не **прекословит**» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»); «**Возглашает** воевода»; «Говорит он в **восхищенье**»; «И **взвился**...»; «Царь, хоть был **встревожен** сильно» («Сказка о золотом петушке»); «Здравствуй, витязь мой **прекрасный**»; «**Возглашают** над собою» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»).

Достаточно часто встречаем в сказках Пушкина слова с суффиксами -ени(е), -ств(е), -ость, -знь, -ч(ий), -тв(а), -ащ- (-ящ-), – ущ- (-ющ-): «Негде, в тридевятом **царстве**, // В тридесятом **государстве**»; «Но под **старость** захотел»; «Чтоб концы своих **владений** // Охранять от **нападений**»; «Что и **жизнь** в такой тревоге»; «**Обратившись** на восток»; «Было ль, не было ль **сраженья**» («Сказка о золотом петушке»); «Мой могучий **избавитель**»; «Целый день **проведши** так» («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»); «В корыте много ль **корысти**?» («Сказка о рыбаке и рыбке»); «**Служителя** не слишком дорогого?»; «Вот, море кругом **обежавши**, Высунув язык, морду **поднявши**»; «А Балда приговаривал с **укоризной**: // Не гонялся бы ты, поп, за **дешевизной**»; «Беса старого **взяла** тут **унылость**. // Скажи, за что такая **немилость**?»; «**Попадья** говорит: Знаю **средство**, // Как удалить от нас такое **бедство**» («Сказка о попе и его работнике Балде»); «**Отходящую** ко сну»; «**Благодарствую**, – сказала»; «И для милого **хранима** – // Не досталось никому»; «В пояс низко **поклонилась**; // **Закрасневшись**...»; «И **взмолилась**: «**Жизнь** моя! // В чем, скажи, виновна я?» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Характерными для старославянизмов компонентами сложных слов бого-, благо-, сует-, зло-, добро-, еже-, чрево-: «**Царь скопца благодарит**...» («Сказка о золотом петушке»); «**Благодарствую**, – сказала»; «**Благодарствуй** за обед...»; «**Бог тебя благослови**...» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»); «**С ним одним она была добродушна, весела**» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»).

Следовательно, старославянизмы выполняют весьма существенную роль в формировании выразительности образов, поэтичности слога, реализуя при этом разные стилистические функции. Применяя старославянские слова, А.С. Пушкин основывается на том условии, что они будто играют своими тайными, второстепенными значениями, оттенками значения – то наиболее совокупными, то наиболее определенными. Они подчеркиваются либо приглушаются, окрашивают собой ближайшие слова и фразы, давая свободу фантазии читателя и одновременно устанавливая ему пределы.

Литература

1. Баландина Л.А. и др. Русский язык и культура речи / Баландина Л.А., Давидян Г.Р., Кураченкова Г.Ф., Симонова Е.П. – М., 2005. С. 78–80.
2. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку – М., 1959.
3. Войлова К.Л. Старославянский язык. – М.: Дрофа, 2003.
4. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965.

5. Гусев Д.А. Генезис представлений в понимании предназначения народного прикладного творчества в развитии сельского социума // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 11–4. – С. 895–898.
6. Жесткова Е. А. Мир детства в творческом сознании и художественной практике В.И. Даля // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4. – С. 70–74.
7. Жесткова Е.А. Работа над фразеологизмами на уроках русского языка в начальной школе как средство обогащения речи младших школьников // *Научный поиск*. – 2013. – № 4.1. – С. 36–38
8. Жесткова Е.А. Н.М. Карамзин и А.К. Толстой. К вопросу о художественном осмыслении исторической эпохи Иоанна Грозного // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки*. – 2013. – № 4. – С. 51–54.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 2.: Поэмы. Сказки. Драматические произведения. – С-Пб., 1993. – С. 441
10. Шанский Н. М. Роль старославянского языка в развитии русского языка // *Русский язык в школе*. – 1994. – № 4. – С. 40.

УДК 378

Ю.Б. Шагбанова

г. Казань, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»: ОПЫТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В современном образовательном пространстве студенты высшей школы вовлекаются в разные формы учебного процесса в связи с требованиями мобильного трудового рынка. Поэтому разнообразные форматы учебного процесса, так или иначе, направлены на развитие умений, приобретение научных знаний путем личного поиска информации, формирование активного интереса к творческому подходу в учебной работе.

В этом аспекте, проектная деятельность студентов является одним из активных форматов учебного процесса, в целом. Метод учебного проекта – это одна из личностно-ориентированных технологий, способ организации самостоятельной деятельности студентов, направленной на решение задач учебного процесса, интегрирующий в себе проблемный подход, групповые методы, исследовательские, поисковые методики [1].

В процессе проектной деятельности задача преподавателя – повести за собой студентов, научить студентов самостоятельному критическому мышлению, научить размышлять, опираясь на знания фактов, делать обоснованные выводы, принимать аргументированные решения, научить работать в команде, выполняя разные социальные роли [1].

В Казанском национальном исследовательском техническом университете им. А.Н. Туполева обучение бакалавров по направлению «Реклама и связи с общественностью» опирается на проектирование в рамках междисциплинарного подхода. Преподаватели ряда смежных дисциплин предлагают соответствующие темы, опираясь на требования заказчиков (к примеру, руководителей производственной практики). К примеру, в рамках двух дисциплин «Реклама и связи с общественностью на производстве» и «Связи с общественностью в формировании и развитии корпоративной культуры» студентам дается задание по разработке проекта, в котором должны сочетаться содержательные аспекты этих дисциплин.

Алгоритм выполнения задания строится по следующей схеме:

- осуществляется выбор темы междисциплинарного характера;
- определяется концептуальная направленность выбранной проблемы;
- формируется студенческая творческая группа для разработки проекта;
- задаются первые задачи для исследования;
- обсуждается общий план проекта.
- обсуждаются и принимаются решения о позиционировании результатов проекта. Возможные формы для этого – презентация проекта, оформление работы для участия в профессиональных конкурсах, олимпиадах, научных конференциях.

К примеру, тема одного из проектов звучит так: «Взаимодействие общественных молодежных организаций с рабочей молодежью». Свообразие данного проекта заключается в том, что анализ ситуации и постановка проблемы, связанная с низкой заинтересованностью рабочей молодежи в жизнедеятельности общественных молодежных организаций; отсутствием программ мотивации со

стороны общественных молодежных организаций для рабочей молодежи; недостаточностью мероприятий для привлечения рабочей молодежи в общественные молодежные организации, ставится студентами через рассмотрение корпоративной культуры общественных организаций г. Казани. Авторы аргументируют такой подход, исходя из того, что степень корпоративной культуры влияет на их мобильность, правильную приоритетность в работе с молодежью, в том числе и с рабочей.

Можно отметить еще один проект на тему: «Формирование и поддержка корпоративной культуры Международного аэропорта «Казань». Авторы проекта провели исследования: 1) Анализ сайтов конкурентов на наличие информации о корпоративной культуре. Были проанализированы четыре сайта: Международный аэропорт «Казань» (www.kazan.aero), аэропорт Пулково (www.pulkovoairport.ru), Международный аэропорт Шереметьево (www.svo.aer), Международный аэропорт Внуково (www.vnukovo.ru). В ходе данного анализа выявлены следующие проблемы: На сайте отсутствуют документы, регламентирующие корпоративную культуру Международного аэропорта «Казань»; Отсутствует информация о корпоративной культуре Международного аэропорта «Казань». 2) проведено экспертное интервью с Валеевой Динарой Марселевной – руководитель службы управления персоналом аэропорта. 3) Обзор публикаций в сети интернет о корпоративных мероприятиях Международного аэропорта «Казань» в СМИ (за декабрь 2014 г.). Через постановку проблемы в рамках данного проекта были предложены тактические действия: разработка структуры корпоративной газеты; разработка корпоративного кодекса; планирование мероприятий для повышения сплоченности коллектива. В целом, исследовательский подход влияет на правильность постановки проблемы и выбор тактических действий проекта.

Результативность данных проектов: после презентации студенческих проектов в рамках заявленных дисциплин, данные работы были подготовлены для участия в профессиональном Всероссийском конкурсе в области развития общественных связей «Хрустальный апельсин».

Важно также отметить еще одну направленность проектной деятельности студентов данного вуза по направлению «Реклама и связи с общественностью» – это подготовка проекта с последующей реализацией его на практике в рамках адаптационного процесса студентов первокурсников к учебной и внеучебной жизни. К примеру, студенты четвертого курса получили задание – подготовить проект по приобщению первокурсников к традициям студенческой жизни выпускающей кафедры «Истории и связей с общественностью» по данному направлению. Студенты создали творческую группу, распределили обязанности по следующим компонентам: сценарный блок, технический блок, оформительский дизайн, выступающие. Презентация прошла перед первым курсом с помощью мультимедийных технологий с дальнейшим обсуждением, просмотром видеосюжетов на заданную тему.

Таким образом, проектная деятельность студента повышает его познавательный, творческий и исследовательский потенциал, воспитывает чувства уважения к выбранной специальности. Сам преподаватель позиционируется не только как носитель готовых знаний, но и как организатор познавательной и исследовательской деятельности студентов. Кроме этого, студенты формируют такие умения, как организационно – рефлексивные: уметь планировать свою деятельность (ставить цель, составлять план), анализировать свою деятельность (выделять эффективные коммуникационные средства и технологии; сравнивать результаты с целями), оценивать свою и чужую познавательную и коммуникативную деятельность, психологическое состояние.

Литература

1. Тришкина В.М. Проектная деятельность как один из видов самостоятельной работы студентов колледжа// http://nsportal.ru/npo-spo/gumanitarnye_nauki/library/2013/06/26/proektnaya-deyatelnost-kak-odin-iz-vidov.

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ МЕТОДАХ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИМИДЖА В СМИ

В современном мире особую актуальность получают вопросы массовой политической коммуникации, составной частью которой является паблик рилейшнз, связи с общественностью, имиджелогия. Одним из главных аспектов обозначенной комплексной системы специфической коммуникативной деятельности является построение политического имиджа в средствах массовой коммуникации. Коммуникативные методы создания имиджа в СМИ могут быстро и эффективно донести необходимую установку к аудитории с помощью каналов массовой коммуникации.

Современная общественно-политическая ситуация требует от коммуникативных методик управления мнением продуцирования «уникального предложения для общества» вместе со специфичными методами воздействия на общественное мнение. Коммуникативные методы, которые направлены на создание имиджа, подлежат постоянной модернизации, поскольку эффективность их воздействия зависит от разнообразных факторов, среди них религиозные, культурные, социально-политические особенности общества.

В процессе научного познания было выяснено, что разработку научных основ функционирования коммуникативных методов на фундаментальной основе начали проводить в XX веке параллельно с началом основательного исследования имиджелогии, медиавлияния и паблик рилейшнз. В связи с внедрением магистерских научно-исследовательских программ по исследованию массовой коммуникации в США имиджелогия, медиавлияние и паблик рилейшнз получили наибольшее распространение именно в этой стране [1].

Было установлено, что в современной научной парадигме существуют разные мнения относительно определения исторического периода начала использования коммуникативных методов в политической деятельности. Поэтому точное время возникновения тех или иных коммуникативных методов в науке не определено. В таком контексте логичным является изучение некоторыми учеными коммуникативных методов в политической деятельности с момента появления первых PR-бюро, которые в XX веке выполняли функцию имиджевых агентств.

Стоит отметить, что история человечества связана с коммуникативным воздействием. Исходя из этого факта, западные ученые утверждают, что корни использования коммуникативных методов имиджелогии и паблик рилейшнз можно проследить еще в доантичном мире. А импульсом к модернизации процесса формирования общественного мнения можно считать научно-технологические революции, смены общественного устройства стран, внутренние и внешние войны.

Масштабные поиски эффективных коммуникаций и коммуникативных методов пропаганды, их тотальное использование как реального механизма для построения имиджа новой политической силы совпадают с началом национал-социалистического движения в Германии. Следующим шагом в становлении коммуникативных методов формирования имиджа в СМИ были 1933–1945 годы. Развитию методов коммуникативного воздействия на формирование имиджа способствовала научно-техническая революция, в частности, возникновение телевидения, а впоследствии – Интернет-сети.

В современной научной парадигме коммуникативные методы влияния на имидж упоминаются как часть массовой коммуникации, а также как составляющая PR. Это объясняется тем, что выбор коммуникативных методов и структура процесса их функционирования в коммуникативной среде связаны с систематическим воздействием на сознание индивида.

Качественные изменения в деле изучения влияния массовой коммуникации на сознание общества начались после Первой мировой войны. Среди высших учебных заведений, которые сделали весомый вклад в развитие мировых практик PR и имиджелогии, ученые выделяют Чикагский, Колумбийский и Йельский университеты.

Согласно логике нашего исследования важно подать определение коммуникативных методов формирования политического имиджа в средствах массовой коммуникации. Итак, под коммуникативными методами формирования политического имиджа в СМИ следует понимать систематические и последовательные действия, направленные на формирование в общественном сознании позитивного образа политического деятеля, партии, политической идеи и т.п. Коммуникативные методы построения политического имиджа в СМИ помогают достичь поставленных целей и реали-

зывать стратегические задачи, довести необходимую установку политической рекламы до адресата, повлиять на него и убедить, то есть сформировать общественное мнение.

В процессе исследования было выяснено, что существует множество вариантов классификаций коммуникативных методов построения политического имиджа в СМИ. Например, одни базируются на группировке по общим признакам, другие группируются по направлению воздействия (имиджевые и методы паблик рилейшнз); третьи – по способу восприятия органами чувств (визуальные, вербальные); четвертые – по цвету использования методов – «белые», «серые», «черные»; пятые – по методу воздействия (манипулятивные и простые); шестые – по каналам средств массовой коммуникации – печатные, телевизионные, радиационные, Internet, седьмые – вербальные коммуникативные методы, восьмые – визуальные (изобразительные) коммуникативные методы, девятые – текстурально-лингвографические коммуникативные методы, десятые – манипулятивные коммуникативные методы и др. [2]. Такой широкий спектр классификаций коммуникативных методов построения политического имиджа в СМИ обусловлен как комплексностью и сложностью самого понятия, так и спецификой дефиниции имидж. Основным критерием построения имиджа является стремление «запомниться». Многие из имиджмейкеров строят образ своих клиентов на эпатаже, желании «разозлить» и тем самым активизировать общественное мнение. PR – это создание образа, наука и искусство контактов и поддержания хороших отношений с общественностью, без которой не может обойтись ни одно лицо, причастное к политике, культуре, бизнесу и другим сферам общественно-политической жизни страны. В текстах политической коммуникации на сознание индивидов влияют как путем эксплуатации текущего имиджа, так и используя манипулятивный инструмент паблик рилейшнз. Таким образом, к имиджевым методам воздействия относится использование характеристик текущего имиджа для рекламы в плоскости политической коммуникации, что является основой для дальнейшей манипулятивной интерпретации.

Вербальный имидж подчеркивает природные характеристики «носителя» и действует в прямом и обратном направлениях воздействия. Описывая прямое влияние коммуникативных методов на имидж политика, необходимо обратить внимание на умение свободно владеть родным языком. Также известно, что на манеру разговаривать и на активный лексический запас влияет среда, в которой находится человек, в частности, профессия, образование, место проживания. И, наоборот, во время общения произношение и манера вести разговор дает большой массив информации о человеке [4].

«Обратное» влияние вербальных коммуникативных методов характеризуется тем, что вербальный имидж в своей основе – это «первичный» продукт, который корректируется инструментарием паблик рилейшнз. Среди методов «коррекции» отметим тренинги, которые скорректируют тембр голоса, убирают акцент, исправляют артикуляцию [4]. Важно отметить, что существуют черты, которые нельзя изменить. Это так называемая языковая харизма – совокупность логических, стилистических, грамматических, звуковых индивидуальных особенностей личности, которая создает определенный образ. Политик значительно облегчает задачу имиджмейкеров, если умеет метко и ярко описать ситуацию, запомниться, высказать мнение, заинтриговать публику. В этом случае он не нуждается в дополнительных рекламных мероприятиях.

Таким образом, вербальный имидж – это мнение, которое формируется о человеке на основе его языковой продукции. В таком контексте, лексический запас, произношение, интонация, грамотность, тональность и логическое построение фраз и структурных частей речи, смысловая наполненность, говор человека – это составляющие имиджа [3].

Согласно логики нашего исследования раскроем сущность понятия «изобразительные коммуникативные технологии построения политического имиджа». Итак, под этой дефиницией следует понимать совокупность средств, которые для создания имиджа политика дают о нем информацию путем визуализации его образа. К этой группе относятся фотографии, карикатуры, рисунки, видеоряд телевизионных программ. Изобразительные технологии позволяют политику стать узнаваемым для аудитории, которая, в свою очередь, с помощью фотографии или «живой» картинке узнает невербальную информацию. Например, по манере одеваться, жестикулировать, мимикой можно догадаться о психологические черты политика, которые невозможно скрыть даже после специальных имидж-тренингов.

К манипулятивным методам создания имиджа относятся элементы средств массовой информации, которые влияют на общественное сознание путем внушения. Известно, что телевидение имеет огромное влияние на сознание за счет ежедневного освещения событий, демонстрации специа-

лизированных документальных фильмов, политических ток-шоу и теледебатов, авторских имиджевых программ, проведение «горячих линий» с политиками, политических рекламных роликов. Не менее значимой плоскостью является пресса, а именно имиджевые статьи.

Интернет привлекает внимание пиарщиков доступностью большой аудитории, возможностью общаться в режиме on-line, выгодно продвигать персональные сайты и проводить массированные имиджевые кампании, в том числе и с применением «черного PR». Благодаря своим возможностям Интернет дает возможность создавать игры, суть которых подчеркивает положительные или отрицательные черты политика. В Интернет-пространстве в последнее время приобрели популярность баннеры, которые яркими заголовками привлекают внимание пользователей и переводят их на нужные гиперссылки. К сожалению, большинство баннерных заголовков несут в себе черты «черных» манипулятивных методов.

Коммуникативные методы под влиянием времени могут терять свою эффективность. Поэтому новые средства активизации коммуникативного воздействия постоянно обновляются, с учетом национальных, социальных и экономических условий. Стоит отметить, что современные коммуникативные технологии в публичных реляциях становятся мощнее и эффективнее.

В процессе научного познания было установлено, что в 90-х гг. XX века одной из особенностей предвыборной гонки стала массированная «мозговая атака» через средства массовой коммуникации. Коммуникативные PR и имиджевые методы были адаптированы отечественными учеными к особенностям местной ментальности. Как известно, приоритеты одной нации не всегда совпадают с приоритетами другой нации [1].

Таким образом, исследуя вопросы современной политической рекламы и коммуникативных методов, можно выделить тенденции развития политической рекламной коммуникации, а именно: масштабность политических кампаний; адресные обращения к различным слоям населения; охват политическими коммуникациями Интернет-пространства. В будущем политическая реклама будет выходить из позиций брендинга, то есть политический образ будет рекламироваться с позиций продвижения определенного бренда на политическом рынке.

Литература

1. Безбородова Ю.В. Социальные медиа: новый подход // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию высшего филологического образования в Ханты-Мансийском округе – Югре. – Нижневартовск. – 2013. – С. 108–111.
2. Белькова А. Е. Коммуникация в PR-деятельности: основные принципы и классификация материалов // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовский государственный университет. – 2014. – С. 260–261.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ. – 2008. – 288 с.
4. Калинина М.С. Типологизация коммуникативных стратегий политического общения // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Нижний Новгород. – 2011. – С. 99–107.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 378.14

М.Б. Баликаева

г. Тюмень, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ ПОСРЕДСТВОМ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ

Большим потенциалом для формирования профессиональной мобильности выпускника технического профиля обладает иностранный язык. Иностранный язык становится инструментом образования и профессиональной инженерной деятельности средством дальнейшего самообразования. В единстве процессы иноязычного самообразования и профессиональной подготовки образуют процесс иноязычного профессионального самообразования (далее ИПС), который должен быть направлен на формирование профессиональной мобильности (далее ПМ) будущего выпускника технического профиля. Формирование такого качества становится одной из приоритетных задач профессиональной подготовки современного инженера. В нашем исследовании мы остановимся на рассмотрении ПМ как результата ИПС, поскольку именно этот тип мобильности позволит решить проблему дефицита кадров на локальных рынках труда, возникший из-за несоответствия профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения. ПМ как результат ИПС способна обеспечить качество жизни индивида, определяя фундамент его личной независимости, самоуважения и благосостояния, дать больше свободы в выборе будущей профессии.

Исследование вопросов профессиональной подготовки будущих инженеров в вузе позволило установить, что понятие ПМ тесно связано с самообразованием (Меркулова Л.П.) [8], (Вотинцева В.М.) [4], конкурентоспособностью (Каплина С.Е.) [7], профессиональной компетентностью (Сахарова Н.С.) [10], и компетенциями (Байденко В.И.) [1].

Руководствуясь положениями современного профессионального образования и требованиями работодателей, мы выявили профессионально-значимые характеристики личности инженера, позволившие конкретизировать педагогическую сущность исследуемого понятия. Так, в структуре личности инженера выделяются профессионально-личностные качества, профессионально-значимые знания и опыт профессиональной деятельности (Горюнова Л.В.) [5].

К профессионально-личностным качествам будущего инженера, сопряженным с мобильностью, относятся: мотивация, способность к адаптации, предприимчивость, активность. Профессионально-значимые знания представлены усвоением способов использования современных технологий и иноязычных средств общения в профессиональной деятельности. Опыт профессиональной деятельности представлен навыками прогнозирования, самоуправления и самооценки. Соответственно, ПМ будущего инженера рассматривается как интегративное качество личности, характеризующееся информационной оперативностью в условиях глобализации экономики, быстрой адаптацией к изменениям в профессиональной инженерной и научно-технической деятельности, проявляющейся в готовности к самостоятельному принятию эффективных решений в ситуации выбора, прогнозированию их последствий, инициативностью в использовании языковых средств, способствующих успешной профессиональной коммуникации.

Определение системного подхода (Блауберг И.В. [2], Казаков Ю.В. [6] и др.) как основного в данном исследовании обусловлено, с одной стороны, спецификой процесса формирования ПМ будущего инженера посредством ИПС, которая характеризуется целостностью исследуемого процесса, где все компоненты находятся как в прямой, так и в обратной зависимости, с другой – значимостью исследуемого качества в структуре профессиональной мобильности будущего инженера. На основе системного подхода и анализа сущности ПМ будущего инженера нами определены компоненты исследуемого качества. Определению и обоснованию структуры ПМ будущего инженера, рассматриваемого в единстве взаимосвязанных компонентов: мотивационно-когнитивного, организационно-деятельностного и профессионально-коммуникативного способствовало обращение к работам Нужновой С.В. [9], Меркуловой Л.П. [8]. Первый компонент интегрирует мотива-

цию к выполнению профессиональной инженерной и научно-технической деятельности будущего инженера, осознание социальной значимости профессии инженера, знание профессиональных возможностей формирования ПМ и развития профессионального потенциала, владение научными знаниями в отрасли, умение анализировать факты и явления отечественной и зарубежной инженерии при помощи дифференцированной программы спецкурса «Формирование профессиональной мобильности будущих инженеров посредством иноязычного профессионального самообразования». Второй включает умение студента организовывать, структурировать иноязычную самообразовательную деятельность, прогнозировать результаты и последствия действий, направленных на решение конкретных инженерных задач и достижение профессиональных целей, способность организовывать деятельность группы по реализации конкретного профессионального проекта. Третий компонент характеризуется соблюдением правил и норм этики, принятых в данном отраслевом сообществе, способностью к быстрой адаптации в профессиональном коллективе, навыками иноязычного делового и профессионального общения в конкретных производственных ситуациях с использованием информационно-коммуникационных средств.

Поскольку развитие международных связей, создание совместных предприятий, интенсификация профессионального взаимодействия с зарубежными партнерами вызвали потребность в инженерах, обладающих ПМ и владеющих иностранным языком, мы предположили, что формирование содержательного наполнения каждого компонента исследуемого качества будет успешным при организации данного процесса в иноязычной профессионально-ориентированной среде. В нашем исследовании процесс ИПС заключается в направленности на формирование информационной, деятельностной, коммуникативной составляющих профессиональной подготовки будущего инженера. Соответственно, условия формирования ПМ будущего инженера обусловлены практико-ориентированным, междисциплинарным характером ИПС.

В этой связи нами определены следующие организационно-педагогические условия: профессионализация подготовки будущего инженера на основе интеграции элементов содержания профильных дисциплин и иностранного языка в учебной деятельности; формирование умений профессионального самоуправления средствами проектирования и решения квазипрофессиональных производственных задач на иностранном языке; формирование интерактивной квазипрофессиональной среды в обучении деловому общению, коллективной и групповой работе с использованием современных средств иноязычной коммуникации. Первое условие предполагает обогащение содержания обучения иностранному языку лексико-терминологическими единицами инженерной тематики, информационными текстами, диалогами, ситуациями производственной деятельности. Второе ориентировано на формирование навыков самоуправления будущего инженера в решении квазипрофессиональных задач. Значительная роль в реализации данного условия отводится созданию проблемных ситуаций профессионально-ориентированного характера, позволяющих зафиксировать этапы постановки и реализации цели. Третье условие реализуется в создании квазипрофессиональной среды, которая характеризуется образовательными условиями, максимально приближенными к профессиональной деятельности (Вербицкий А.А.) [3]. Усвоение знаний, формирование умений и опыта происходит в такой среде в тесной взаимосвязи с профессиональной инженерной деятельностью в ее предметном наполнении.

Формирование ПМ будущего инженера – процесс, требующий поэтапного, системного и целенаправленного осуществления. Соответственно, на основе приоритетного подхода нами разработана процессуальная модель формирования исследуемого качества посредством ИПС. Она интегрирует целевой, диагностико-проектировочный, мотивационно-стимулирующий, содержательный, организационно-деятельностный компоненты.

Литература

1. Байденко В.И. Болонский процесс Текст. / В.И. Байденко. – М.: Логос, 2004. – 208 с.
2. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 269 с.
3. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 206 с.
4. Вотинцева В.М. Интегрированное обучение иностранному языку как условие формирования профессиональной мобильности экономистов: автореф. дис...канд-та пед. наук: 13.00.08 / В.М. Вотинцева. – Чита, 2011. – 24с.
5. Горюнова Л.В. Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования в России : автореф. дис. д-ра. пед. наук : 13.00.08 / Л.В. Горюнова. – Ростов-на-Дону, 2006. – 45 с.

6. Казаков Ю.В. Системный подход к научно-исследовательской работе: учеб. пособие / Ю.В. Казаков. – Тольятти: ТГУ, 2010. – 53 с.
7. Каплина С.Е. Концептуальные и технологические основы формирования профессиональной мобильности будущих инженеров: автореф. дис. д-ра пед. наук: 13.00.08 / С.Е. Каплина. – Чебоксары, 2008. – 47 с.
8. Меркулова Л.П. Формирование профессиональной мобильности специалистов технического профиля средствами иностранного языка: дис. д-ра пед. наук: 13.00.08 / Л.П. Меркулова. – Самара, 2008. – 455 с.
9. Нужнова С.В. Формирование готовности к профессиональной мобильности // Высшее образование в России. 2009. – № 6. – С. 152–156.
10. Сахарова Н.С. Развитие иноязычной компетенции студентов университета: автореф. дис. д-ра пед. наук / Н.С. Сахарова. – Оренбург, 2004. – 41 с.

УДК 81

А.С. Балкунова, Э.М. Рянская

г. Нижневарттовск, МБОУ «Лицей»;

г. Нижневарттовск, Нижневарттовский государственный университет

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Объектом нашего исследования является языковая личность в Интернет-коммуникативном пространстве. Как известно, коммуникативная ситуация предусматривает взаимодействие как минимум двух языковых личностей – адресанта и адресата. Задавшись целью изучить некоторые особенности восприятия адресанта его коммуникантами, мы обратились к никнеймам. Имя пользователя несомненно оказывает влияние на идентификацию виртуальной языковой личности, в результате в коммуникативном пространстве предстает не реальная личность, а та, которую создают в своем воображении другие коммуниканты. Невозможность реального общения с виртуальным собеседником затрудняет получение истинной информации и побуждает к воображению, к созданию своего собственного образа виртуального собеседника. И, как показал ассоциативный эксперимент, именно особенности сетевого имени оказывают решающую роль в «дешифровке» скрывающейся за ним личности.

Восприятие как часть интерпретации коммуникативного знака зависит от многих составляющих – памяти, внимания, воображения, взаимодействия перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного личного опыта и т.д. Нельзя не учитывать и многие другие факторы, влияющие на восприятие. Н.С. Сергиева считает, что феномен ассоциативной связи определен культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным [7, с. 16].

Характер самого языкового кода также относится к одному из звеньев познавательного процесса. Первичной семиотической моделью является наименование по внешнему признаку [1, с. 44]. К фоносемантическим средствам языка относятся те, в самой звуковой субстанции которых имеются ярко выраженные прагматические характеристики и весьма размытая семантика [5, с. 267]. В.А. Пищальникова отмечает, что «фоносемантическое значение» возникает из ассоциативного сближения звуковых обликов слов и определенных чувственных представлений [3, с. 79].

Было установлено, что звуки обладают лингвистическим эмоционально-оценочным смыслом. Ряд исследователей, в том числе семантики и звуковой формы слов, отмечают свойства отдельных фонем или фоносинтагм выступать в качестве смылосозидающих [2; 3]. Среди подобных примеров-ассоциаций [a], [y], [и] – с большим или малым размером, [km] – с семантикой сжатия, сближения, удержания, присвоения, [kr] – с семантикой захвата, отделения: рус. *жму*, нем. *Kotzen* [1, с. 46–47]. О влиянии внешней и внутренней формы, звуков на восприятие смысла слов, об извлечении информации из случайного совпадения заимствований писали Й.Л. Вайсгербер и А.А. Потенба [6, с. 158–159].

Обратимся к некоторым результатам свободного ассоциативного эксперимента, одной из целей которого было выявить ассоциативные реакции респондентов на сетевое имя.

Предложенный никнейм *Vuffy* своим звуковым составом вызвал представление о большом размере: *огромный, медвежонок, тяжелый, громоздкая женщина, толстушка*. Данный пример показывает механизм развития образов от перцептивного восприятия (*огромный, громоздкий*) к эмоционально-оценочному (*громоздкая женщина, толстушка*). Подобное наблюдается при восприятии ника *Vul-bul*: звуковое восприятие (*вода, жидкость*) и оценка на основе ассоциативного восприя-

тия звука [у] – большой объем (*толстая девочка*). На основе созвучия возникла также реакция *Vuffy – Барби* и ассоциативный ряд *бабочка, ресницы, кокетка*.

Многие личные имена имеют определенные фонетические значения. В сетевом имени *кондрат* преобладают согласные звуки [к], [н], [д], [р], [т], отсюда ассоциаты *суровый, крепкий, мужик*. Никнейм ассоциируется также в первую очередь с *надежным, обязательным, деловым, строгим человеком, физически крепким, большим мужчиной*. Эти характеристики обязаны, скорее всего, форме имени. Полное имя свидетельствует и о взрослости его носителя. Поэтому среди возрастных категорий – *парень, мужчина, дед, старик*. О толкованиях антропонимов, связанных с характеристиками человека, писал, в частности, И.Л. Вайсгербер, отмечая, например, что в имени Клотильда слышится нечто прочное, солидное, надежное, в имени Лола – нечто безвольное [6, с. 156]. Обнаруживается и ассоциат-созвучие: *Кондрат – хандрит*. Носителю ника приписывают статус *студента, рабочего, военного, филолога, мастера на все руки*. Таким образом, прослеживается обобщенный образ основательного человека.

Связь между фонемами слова и положенным в основу номинации незвуковым признаком обозначаемого объекта называется звуковым символизмом [5, с. 267]. Звукосимволизм базируется в подсознании человека и основан на случайном сходстве свойств предметов и их звучаний [4, с. 326].

В восприятии никнеймов данное фоносемантическое средство занимает важное место. Поэтому *Vul-bul*, как и ожидалось, вызывает, прежде всего, представления, связанные с водой, с жидкостью. Это и сам звук воды (*музыкален*), и другие ее свойства (*парящий, прозрачный*), профессия (*водолаз, пловец, служил в Морфлоте*), *любитель газировки или пива*. Необычный никнейм воспринимается и позитивно, и негативно. «Водная» тема позволила создать образ *позитивного, озорного человечка, шутника, оптимиста, неунывающего, человека, который всегда на плаву*. Вместе с тем звуковая ассоциация «погружения в воду» вызывает противоположную картину – *совсем утон*. В результате метафорический образ порождает портрет *ненадежного, несерьезного, обманщика, безответственного человека*.

Не обошлось без влияния звуковой оболочки слова и в реакциях респондентов на имя *Boombastic*. В ассоциате *большая дама* наглядна роль звучащего слова в восприятии смысла. Необычность имени *Boombastic* и незнание этимологии слова вызывает разнообразные реакции, основанные на звуковых ассоциациях: *музыка, танцы, бумер* (созвучие по первому слогу), *жвачка* (сходство с элементом названия жевательной резинки Bubble Gum). В целом складывается образ, с одной стороны, подвижного, открытого в общении, паренька с характером, увлеченного музыкой, английским языком, с другой – не очень умного, вызывающего вида (*придурак, лентяй, выпендрожник, крутенький*, и даже *лопоухий*).

З.Д. Попова и И.А. Стернин приводят в своей работе [4, с. 305] описание результатов исследований Н.П. Бехтеревой, подтверждающих возникновение при восприятии в сознании человека специальных биоэлектрических кодов для каждого слова – паттернов, отражающих вначале акустические признаки слова (семантический код образуется позже). Представляется, что результатом первичного восприятия являются необычные ассоциаты к никнейму *вартовчанка*: *вартовчанка* (→ *тачанка*) → *Анка-пулеметчица*; *вартовчанка* → **в[а]рчливая, в[а]ровка** (созвучие начального элемента слов). Поскольку слова, близкие по звучанию, имеют похожие паттерны [там же], то может возникнуть и рифма по типу *кино – вино, цвет – свет, густой – пустой*: слово-стимул *РБИ-ЖИК* → ассоциат *чижик-пыжик, где ты был?*

Никнейм *Дюшес* вызвал у участников эксперимента ассоциации со сладостями и напитками и, соответственно, с детством или историческим прошлым. Если, например, *приторный, льстец* и другие негативные оценки, равно как и позитивные (*конфета*), возникли на основе вкусовых образов, то можно предположить, что в таких ассоциатах, как *весельчак, гламурная, оригинальный, интересная личность, модный*, проявляется реакция на звуковое оформление.

Весьма оригинальный никнейм *брюки* был выбран, очевидно, чтобы привлечь внимание. Участники эксперимента оценили оригинальность и юмор автора этого необычного сетевого имени: *шутник, забавный, оригинальный парень, смешиливость, творческая личность, молодой человек с чувством юмора, таких ников мало* и т.д. Часть респондентов выразила негативное отношение к такому имени и к его носителю: «*пустой*» человек, *отсутствие разума, без фантазии, без эмоций* и т.д. Но некоторые испытуемые обнаружили в сетевом имени «шифровку»: *брюнет с киви, брюнетка*, таким образом уловив некую связь между созвучными компонентами слов.

Итак, на формирование образа виртуальной языковой личности при восприятии сетевого имени, как свидетельствуют результаты анализа ассоциативных реакций на стимул-никнейм, может оказывать такой языковой фактор, как фоносемантика слова. К наиболее активным фоносемантическим средствам можно отнести звуко-символизм, созвучие, рифму.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
2. Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
3. Пищальникова В.А. Фоносемантическое содержание текста: тенденции и методы исследования [Текст] / В.А. Пищальникова // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 76–81.
4. Попова З.Д. Общее языкознание [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408 с.
5. Пузырев А.В. О классификации фоносемантических средств языка [Текст] / А.В. Пузырев // Challenges of information society and applied psycholinguistics: Proceedings of X International Society of Applied Psycholinguistics / Editors: N.V.Ufimtseva, A.A. Stepanova, D.V. Makhovikov, L.S. Zhukova. – М.: RUDN – Institute of Linguistics RAN – MIL, 2013. – S. 266–268.
6. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства [Текст] / О.А. Радченко. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 312 с.
7. Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.С. Сергиева. – М., 2009. – 42 с.

УДК 372.881.1, 378.147.34

Г.М. Махутова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Задача высшего образования заключается в формировании творческой личности, компетентного специалиста, способного к саморазвитию, самообразованию.

Современное общество требует конкурентоспособных специалистов, готовых общаться не только на базовом иностранном языке (ИЯ), но и находить и решать проблемы на профессиональном ИЯ по своей специальности.

Повышение качества иноязычной подготовки будущего специалиста возможно при условии внедрения активных методов в процесс обучения ИЯ, нацеленных на развитие творческой личности, способной самостоятельно мыслить и обобщать ранее полученные знания и умения для приобретения новых.

Только в условиях проблемного обучения возможно формирование активной творческой личности в процессе совместной творческой деятельности по постановке и решению проблем в социальной и профессиональной сферах.

Проблемное обучение, как известно, имеет диалогический характер. С помощью соответствующих методических приемов – постановка проблемных и информационных вопросов, выдвижение гипотез и их подтверждение или опровержение, обращение к студентам за помощью и др. преподаватель побуждает студентов к совместному размышлению, дискуссии, решению проблем в коммуникативных ситуациях.

Применение коммуникативных проблемных ситуаций на занятиях способствует взаимодействию всех участников в процессе их разрешения.

Систему проблемных ситуаций, где «...разрешение общей проблемы должно протекать в форме решения цепи соподчиненных проблем, вытекающих одна из другой...» [2, с. 281] можно представить многоуровневой многомерной. Каждая ступень и каждый уровень стимулирует определенный вид мышления (индивидуальное, диалогическое, групповое) [3, с. 11] и определенный вид общения (монолог, диалог, полилог). Проблемная ситуация приобретает разную степень сложности в зависимости от количества ступеней (по горизонтали) и уровней (по вертикали). [4, с. 59].

Чем сложнее структура проблемной ситуации, тем разнообразнее ее функции. Использование проблемных ситуаций в обучении иноязычному общению студентов подтвердило это положение. Можно проиллюстрировать нашими примерами разрешения проблемных ситуаций по теме «Гостиница-отель».

Проблемная ситуация № 1.

Структура: одномерная (одноступенчатая), одноуровневая.

Функция: стимулирует индивидуальное мышление и монологическое общение (общение с самим собой).

Формулировка: «Вы приезжаете в другой город на конференцию, хотите остановиться в гостинице, но не можете найти свободного номера. Вас нет в списке брони. Как Вы поступите в данной ситуации?» *Расскажите о вашем решении...* (далее следует монолог).

Проблемная ситуация № 2 (вытекает из проблемной ситуации № 1).

Структура: двухмерная (двухступенчатая), двухуровневая.

Функция: стимулирует диалогическое мышление и диалогическое общение.

Формулировка: совпадает с формулировкой проблемной ситуации № 1, но после решения проблемы в монологе, в котором студент описывает как именно он находит номер в гостинице, преподаватель ставит новую проблему... *Стоимость номера очень высокая. К кому Вы обратитесь, чтобы решить эту проблему?*... (после монолога студент переходит к диалогу, обращаясь к одному из студентов группы, который может быть менеджером отеля, руководителем группы, коллегой-участником той же конференции и т.д.)

Проблемная ситуация № 3 (вытекает из проблемной ситуации № 2).

Структура: многомерная (многоступенчатая), многоуровневая.

Функция: стимулирует групповое мышление и полилогическое общение.

Формулировка: совпадает с формулировкой проблемной ситуации № 2, но после решения проблемы в диалоге, в котором два студента решают, поставленную в проблемной ситуации № 2 проблему, преподаватель или сами студенты ставят все новые и новые проблемы...

Вы не можете открыть дверь ключом... В номере нет душа... Не работает телевизор, интернет, сотовая связь и т.д.

В процессе разрешения проблемных ситуаций на занятиях ИЯ осуществляется формирование и развитие: во-первых, творческого мышления – индивидуального, диалогического, группового; во-вторых, творческого иноязычного общения – монологического, диалогического, полилогического.

Поскольку творчество понимается нами, как и большинством ученых как процесс создания нового, постольку можно говорить о творческом мышлении в процессе постановки новых проблем, и творческом общении, в процессе которого не только решаются, но и ставятся новые проблемы в ходе разрешения проблемных ситуаций. Из чего следует, что проблемное обучение имеет поисковый характер, ориентирован на профессиональную сферу и обеспечивает четкие критерии оценки языковых компетенций.

Иноязычная коммуникативная компетентность формируется на стыке процессов непосредственного общения и усвоения опыта этого общения. Коммуникативные проблемные ситуации содержат в себе элементы неизвестного, новые знания, для добывания которых необходимо стимулирование мыслительного процесса, в ходе преодоления студентами интеллектуальных затруднений. «Если проблемная ситуация как психическое состояние интеллектуального, коммуникативного или духовного затруднения возникает, процессы развития мышления и речи ведут за собой функции управления, усвоения, контроля и воспитания» [1, с. 72] при взаимодействии в процессе проблемного диалога.

Литература

1. Ковалевская Е.В. Проблемное обучение: подход, метод, тип, система. Кн. 2. – М.: МНПИ, 2000. – 245 с.
2. Кудрявцев, Т.В. Психология технического мышления (процесс и способы решения технических задач) [Текст] / Т.В. Кудрявцев. – М.: Педагогика, 1975. – 304 с.
3. Матюшкин А.М. Психологическая структура и развитие познавательной активности (в индивидуальном, диалогическом и групповом мышлении). Вопросы психологии. – 1982. – № 4. – С. 5–17.
4. Махутова Г.М. Проблемные ситуации в обучении иноязычному общению студентов. [Текст]: дис... канд. пед. наук: 13.00.01 / Г.М. Махутова. – М., 2013. – 187с.

РОЛЬ ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Новое понимание целей обучения иностранному языку, переход от знаниево-центричной модели к компетентностной, быстрая деавтоматизация навыков и умений обучающихся, отсутствие естественной потребности в использовании иностранного языка за пределами вуза – все это заставляет педагога искать новые образовательные технологии, методы и приемы.

Проектная методика представляет обучающимся уникальную возможность взглянуть по-новому на учебный материал, с помощью Интернет-ресурсов пользоваться изучаемым иностранным языком в реальной жизни, улучшать свой уровень коммуникативной компетенции и ее составляющих, а для педагога – повышать эффективность урока и тем самым решать поставленные цели и задачи.

Ориентация на личность обучающегося определяет современную концепцию языкового образования. В области обучения иностранному языку (далее ИЯ) главной целью является *развитие профессиональной компетенции* и ряда ее составляющих, а также личности, способной эффективно осуществлять межкультурное общение во всех его сферах. Следовательно, в области овладения ИЯ необходим переход к продуктивным образовательным технологиям, которые ориентированы на самостоятельную деятельность обучающегося.

Профессиональная компетенция в области иноязычного образования может быть дополнена такими составляющими как коммуникативная, межкультурная и *информационная компетенция*, где последнюю можно трактовать как умение и готовность работать с массмедийными и мультимедийными текстами, способность их перерабатывать и создавать свой собственный продукт. Развитие профессиональной компетенции можно проследить на примере внедрения проектной методики.

Проектная методика имеет ряд преимуществ, так как позволяет применить *активные формы работы*, нацеленные на развитие профессиональной компетенции обучающегося:

- организация совместной деятельности обучающихся в малых группах;
- использование частично-поискового, проблемного метода;
- использование метода «мозговой атаки», «круглого стола»;
- использование личностно-ориентированного подхода;
- *идея взаимного обучения*, при котором участники группы берут на себя не только индивидуальную, но и групповую ответственность за решение проектных задач;
- включение информационно-коммуникативных технологий.

Остановимся подробно на использовании Интернет-проектов в обучении иностранному языку.

Обучать иностранному языку – это значит обучать общению, передаче и восприятию информации. Существуют три области, в которых применение ИКТ может вывести обучение иностранным языкам на новый уровень. Это коммуникация, информация и публикация. Коммуникация осуществляется с помощью электронной почты, огромные пласты информации заключены во всемирной паутине (World Wide Web), публикация может осуществляться путем создания собственной страницы в Интернете.

С дидактической точки зрения преимущество Интернета перед традиционными средствами обучения заключается прежде всего в доступности и актуальности аутентичных материалов, а также в облегчении и ускорении межнациональной коммуникации.

Интернет придает проекту большой динамизм, меняет его временные рамки. В ходе работы над проектами обучающиеся применяют и расширяют свои языковые знания, получают обширную страноведческую информацию, а значит развивают коммуникативную и межкультурную компетенцию.

Существует два вида проектов, планирование, проведение и результаты которых отличаются друг от друга: WWW – проекты и E-mail – проекты. Они могут пересекаться и дополнять друг друга.

В самом общем виде WWW – проекты рассчитаны на то, что обучающиеся получают задание, для выполнения которого им необходимо найти информацию в Интернете и представить затем результаты своего поиска.

Тема проекта может соответствовать учебной теме или быть совершенно независимой от тематики занятия. В любом случае она должна быть интересной для обучающихся и входить в общий контекст обучения языку.

Примерные темы таких проектов (для изучающих немецкий язык) могут затрагивать следующие задания:

- изучение информации о каком-либо городе/регионе;
- составление плана путешествия самолетом, поездом или другим транспортом по Германии и другим немецкоязычным странам;
- поиск и нахождение информации о немецких фирмах, их продуктах, о возможностях работы или учебы в Германии и т.д.

Чтобы провести проект, недостаточно сформулировать тему и обеспечить обучающимся возможность работать в Интернете. Преподаватель должен подготовить проведение проекта: сформировать группы, определить временные рамки проекта, продумать, какие материалы кроме Интернета могут использовать обучающиеся, найти и дать им необходимые адреса, выбрать оптимальную форму презентации результатов.

Проектная работа позволяет обеспечить условия для использования изучаемого языка в ситуациях реального межкультурного общения и тем самым реализовать и апробировать степень сформированности коммуникативной и межкультурной компетенции.

При использовании проектной методики необходимо соблюдать следующие *требования*:

- 1). Наличие значимой в творческом плане проблемы/ задачи, требующей интегрированного знания, поиска для ее решения;
- 2). Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов;
- 3). Самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность обучающихся;
- 4). Структурирование содержательной части проекта;
- 5). Использование исследовательских методов.

Содержание проектного задания по ИЯ ориентировано на личностно-значимую, познавательную мотивацию обучающегося и определяется ими самими в ходе обсуждения и с учетом реальных возможностей, и интересов участников группы.

Итак, проектная работа позволяет обеспечить условия для использования изучаемого языка в ситуациях реального межкультурного общения и тем самым реализовать и апробировать степень сформированности профессиональной компетенции.

УДК 378.14

В.А. Шакиев, Т.В. Исмагилова, В.С. Михайлов

г.Уфа, Уфимский государственный университет экономики и сервиса

ПОЗИТИВНЫЕ СТОРОНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕЖВУЗОВСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Позитивные стороны международного межвузовского сотрудничества можно рассмотреть на примере программ Университета «Синергия». Университет «Синергия» активно сотрудничает с ведущими иностранными вузами, успешно реализуя международные программы «двойных дипломов». «Двойной диплом» – это одно из самых актуальных на сегодняшний день направлений развития высшего образования. Подобные программы позволяют нашим студентам получить современное образование мирового уровня, подкрепленное дипломами сразу двух учебных заведений – Университета «Синергия» и одного из наших иностранных вузов-партнеров, а также повысить уровень владения иностранными языками, обеспечить доступ к богатым университетским библиотекам.

Программы «двойного диплома» – это часть Болонской декларации, принятой в 1999 году ведущими европейскими университетами, как манифест интеграции системы высшего образования и активного взаимодействия между учебными заведениями.

Большинство российских студентов хотели бы учиться за рубежом, но не могут себе этого позволить по ряду причин. Однако сегодня зарубежный диплом можно получить без выезда за рубеж, буквально в стенах родного вуза [1].

В настоящее время многие учебные учреждения Москвы и Санкт-Петербурга предоставляют студентам широкие возможности для участия в международных образовательных программах, проводимых совместно с европейскими и американскими партнерами – организациями, фондами, непосредственно самими учебными заведениями. Позитивные стороны международного межвузовского сотрудничества вполне очевидны – повышение уровня подготовки студентов, возникновение дополнительных перспектив трудоустройства (в том числе, в западных компаниях, организуемых стажировки), получение «двойных» дипломов [3].

Двойные дипломы в России развиваются как позитивное и прогрессивное явление. Встав на путь болонской системы образования, мы начинаем сотрудничать с иностранными учебными учреждениями на таком уровне, чтобы обучать студентов по единой согласованной программе, по окончании которой они получают один диплом с подписями ректоров и печатями двух вузов. В будущем это может быть и тройной (и даже более) диплом, в зависимости от количества партнеров.

В настоящий же момент чаще всего, когда говорят о программах «двойных дипломов», имеют в виду все-таки программы «двух дипломов». Это означает, что разрабатывается специальная программа для двух вузов, привлекаются иностранные преподаватели, обучение ведется на территории вузов-партнеров, а по окончании у студента есть право защитить диплом в любом из двух вузов, а если он защищается в двух, тогда он и получает именно два диплома. В иностранном вузе защита происходит, конечно, на иностранном языке [5].

Если речь идет о магистратуре, то в течение двух лет студенты и обучаются в своем родном вузе в России, и какую-то часть обучения проходят в иностранном вузе, стандартно – год здесь, год там.

На Западе после получения степени бакалавра студенты обычно сначала пробуют работать по профессии, получают опыт. И только после этого, лет в 27–30, осознав, что знаний действительно не хватает или что необходима дополнительная специализация, идут в магистратуру. Российские студенты магистранты значительно младше [4].

Участники и выпускники совместных программ получают хороший опыт общения в поликультурной среде и в международных компаниях, повышая тем самым собственную значимость на рынке труда [2].

Преимущества международных программ двойного диплома заключаются в том, что специалисты с высшим зарубежным образованием крайне востребованы в России, учеба в другой стране дает возможность приобрести уровень владения языком на уровне носителя, это полезный жизненный опыт. Знакомство с новой культурой, особенностями другого менталитета и иностранным подходом к рабочим вопросам позволяют по-новому взглянуть на многие вещи, эффективный способ вложения денег, повышение личной капитализации, экономия времени на получение второго образования [6].

Два диплома повышает конкурентоспособность их владельца на рынке труда, поэтому актуально рассмотреть программы «двойного диплома» Университета «Синергия»:

«Менеджмент в автомобильной индустрии и Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» – это бакалаврская программа «двойного диплома», которая проводится совместно с Московским автомобильно-дорожным государственным техническим университетом.

Срок обучения: 4 года параллельного обучения в Университете «Синергия» и в МАДИ

Особенности обучения: После года обучения на вечерней программе в университете «Синергия» по направлению «Менеджмент в автомобильной индустрии» студенты поступают на вечернюю программу «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» в Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет и параллельно продолжают обучение в университете Синергия уже на заочной форме.

Условия приема: обучающиеся по специальностям технического профиля сдают внутренние вступительные испытания в МФПУ Синергия.

Центр предпринимательства Strascheg (SCE) – институт Университета прикладных наук г. Мюнхена, Германия. В 2011 году Университет прикладных наук г. Мюнхена в числе двух других вузов Германии удостоился от немецкого федерального министерства экономики и технологического статуса предпринимательского вуза «EXIST Start-Up University».

В 2013 году подписано соглашение о создании в Политехническом университете Российско-Германского центра для инноваций и предпринимательства «Политех Strascheg». В соответствии с подписанным соглашением, на базе центра «Политех Strascheg» будут разрабатываться совместные образовательные программы с участием кафедры предпринимательства и коммерции – в частности, краткосрочная летняя школа по глобальному предпринимательству и магистерская программа двойных дипломов по технологическому предпринимательству.

«Мировая экономика с университетом Нортумбрия» – бакалаврская программа «двойного диплома», которая проводится совместно с английским университетом Нортумбрия (North Umbria University).

Срок обучения: 3 года в Университете «Синергия» (Россия) и 1 год в университете Нортумбрия (Англия).

Особенности обучения: Преподавание в рамках курса ведут известные российские и британские специалисты-практики в области экономики и финансов. Проводятся лекции, семинары, компьютерные деловые игры, проходит разбор практических ситуаций, самостоятельная работа.

Обучение в России ведется на русском языке, в Великобритании – на английском.

Условия приема: результаты ЕГЭ по математике, русскому языку, иностранному языку (или обществознанию) + дополнительное тестирование по английскому языку (уровень не ниже Intermediate).

«Мировая экономика с Пекинским Университетом международного бизнеса и экономики» – это бакалаврская программа «двойного диплома», которая проводится совместно с Пекинским Университетом международного бизнеса и экономики (University of International Business and Economics).

Развитие синергетического образования позволяет использовать преимущества программ двойных дипломов для формирования необходимых навыков при формировании навыков в сфере некоторых специальностей при развитии программ двойных дипломов и формировании производственных комплексов в рамках индустриальных парков и экспериментальных площадок.

Срок обучения: 2 года в Университете «Синергия» (Россия) и 2 года в Пекинском Университете международного бизнеса и экономики (Китай).

Особенности обучения заключаются в том, что после двухгодичного обучения в университете «Синергия» по направлению «Мировая экономика», студенты поступают на программу «Международная экономика и торговля» в Пекинский Университет международного бизнеса и экономики. Для тех, кто недостаточно владеет китайским языком, будет предоставлена возможность пройти языковую стажировку.

Условия приема: результаты ЕГЭ по математике, русскому языку, иностранному языку (или обществознанию) + дополнительное тестирование по китайскому языку

Можно рассмотреть предложенный нами пример, когда на кафедре предпринимательства и коммерции какого-либо университета большое внимание уделяется развитию международных связей. Во время обучения на кафедре студенты получают возможность прохождения краткосрочных стажировок в зарубежных вузах-партнерах. В течение всего процесса обучения на кафедре усилена языковая подготовка. Английский язык изучается 4 года, также два года факультативно изучается немецкий язык.

Семестровое включенное обучение предусмотрено на всех направлениях бакалавриата и магистратуры.

Студенты магистратуры имеют возможность получения двойных дипломов по следующим программам, таким как развитие международного бизнеса, международный маркетинг менеджмент, технологическое предпринимательство. Магистерская программа реализуется совместно с ESB Business School и University of Applied Sciences Upper Austria, первый год обучения – в российском университете, второй – в ESB Business School или в University of Applied Sciences Upper Austria, все занятия проводятся на английском языке, включено обучение английскому бизнес-языку.

Преподавание осуществляется ведущими российскими и зарубежными профессорами, а также экспертами из бизнеса, вместе с российскими студентами на программе учатся магистры из Европы, Азии, стран СНГ, методы обучения: лекции и семинары, презентации, мастер-классы приглашенных специалистов, разбор кейсов, компьютерная бизнес-симуляция, исследовательский проект.

Студент, успешно прошедший обучение по данной программе, получает Диплом магистра «Менеджмента» российского университета и Диплом магистра одного из вузов-партнеров.

Международными партнерами кафедры предпринимательства и коммерции являются следующие вузы:

ESB Business School университета города Ройтлингена в Баден-Вюртемберге.

В 2010 этот университет был награжден премией DAAD, как лучший международный университет. На протяжении уже многих лет ESB – бизнес-школа топ-класса в Германии, находящаяся на вершине немецких рейтингов (CHE, Wirtschaftswoche и др.).

С 2012 года кафедра предпринимательства и коммерции совместно с ESB Business School предлагает обучение по программе двух дипломов «International Marketing Management».

Университет прикладных наук Верхней Австрии (The University of Applied Sciences Upper Austria) – один из лидирующих Австрийских университетов, предлагающий международное, ориентированное на практику образование. Более подробная информация о программе предоставляется при ознакомлении с программами курсов.

Кафедра предпринимательства и коммерции совместно с School of Management University of Applied Sciences Upper Austria может проводить обучение по программе «International Business Development».

Литература

1. Аронов К.А. Административное право зарубежных стран. – М., 2013.
2. Алексеев Л.У. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 2013.
3. Аннерс Г.А. История европейского права. – М., 2013.
4. Ансель С.Г. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права / Отв. ред. В.А. Туманов. – М., 2013.
5. Апарова О.Р. Прецедент в современном английском праве и судебное правотворчество // Труды ВНИИСЗ. – 2012.
6. Байтин И.Т. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2013.

УДК 81'33

Л.В. Новикова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ПЕРЕВОД САЙТА КАК ВИД ПРОЕКТНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ

Проектная деятельность как значимая составляющая компетентностного подхода в образовании нашла достаточно широкое освещение, в большей степени на базе школьных проектов. Проектная работа в вузах, как правило, соотносится с научно-исследовательскими проектами, которые часто имеют достаточно опосредованные связи с реальными задачами, к решению которых должен быть подготовлен выпускник вуза. Реализация профессионально-ориентированных проектов как одной из форм обучения позволяет студентам приблизиться к профессиональной среде и оценить специфику, объемы выполняемой работы, преимущества и трудности выбранной профессии.

Освещаемый проект по переводу силами студентов сайта Общества содействия студентам Карлсруэ (Германия) дал широкий спектр наблюдений в области перевода и лингвокультурологии, которые в дальнейшем найдут свое отражение, однако в данной работе мы остановимся на организационных и методических аспектах.

Общества содействия студентам в Германии являются учреждениями публично-правового характера, предлагающими студенческому сообществу разнообразные услуги – от организации проживания и питания до помощи в получении стипендии, места для ребенка в детском саду или консультации в социальной, юридической, психологической сфере [4]. Как известно, немецкие вузы пользуются особой популярностью у студентов из других стран, что делает вопрос о языковой локализации сайтов вузов и их партнеров особенно актуальным. Таким образом, запрос на реализацию проекта основывается на производственной необходимости для заказчика, а не учебных планах, что повышает значимость конечного продукта в глазах участников и придает реализуемому проекту качественно иной, более высокий уровень.

В процессе осуществления проекта продолжительностью в шесть месяцев (февраль–июль 2014 г.) перевод сайта с немецкого на русский язык выполнялся студентами, изучающими немецкий язык как второй иностранный; участниками проекта являются 24 студента 3–5 курсов и три

преподавателя. В предложенный немецкой стороной формат (три студента-переводчика + преподаватель-координатор) были внесены коррективы: после оценки объема работы и с учетом уровня подготовки студентов по второму языку было принято решение привлечь максимальное количество студентов разных курсов.

Преимущество такого подхода заключается в возможности интегрировать проект в процесс реализации учебного плана и обучить большее количество студентов технологии работы с переводческой платформой. В нашем случае проект реализовывался в рамках практического курса перевода (4–5 курсы) и курса проектной работы – (3 курс), что позволило наполнить занятия по практическому переводу реальными производственными заданиями, а также на практике продемонстрировать принципы функционирования проектной деятельности.

Отметим, что при всех означенных выше плюсах такого полипредметного подхода, следует принимать во внимание многократное увеличение нагрузки на координатора проекта. Кроме того, большое количество участников придало особую актуальность вопросу о терминологическом единообразии всех фрагментов текста перевода, который в производственных условиях (бюро переводов) решается посредством использования систем класса Translation Memory, так называемых ТМ-инструментов типа TRADOS [5, с. 187]. В условиях описываемого проекта отсутствие доступа к таким системам стало осложняющим фактором, с одной стороны, потребовавшим коррекции временных рамок проекта в сторону увеличения, с другой стороны, приведшим к существенному возрастанию объема работы редактора/координатора. С точки зрения рентабельности технологии перевода данный момент следует безусловно рассматривать как отрицательный, тем не менее, в рамках обучающего проекта он позволил участникам в полной мере оценить значимость принципа единства терминологии и выработать оптимальную технологию подбора соответствий при коллективной работе над гипертекстами, а также самопроверки и сотрудничества при групповом анализе фрагментов перевода.

Такие черты проектной деятельности как ориентация на получение конкретного результата, регламентация срока достижения, предварительное планирование и программирование действий и результатов, одновременный мониторинг промежуточных результатов и коррекция действий, получение продукта проектной деятельности [2, с. 93], позволили успешно реализовать предложение немецких партнеров в рамках процесса обучения.

Особенно интересной и одновременно весьма сложной для участников проекта оказалась его техническая составляющая: освоение технологии работы с переводческой платформой Campus Red, доступ к которой был предоставлен немецкой стороной, потребовало значительного времени и усилий.

В этой части наибольшее затруднение у студентов вызвало графическое редактирование текстов перевода. Кроме того, при организации групповых форм размещения и рецензирования переводов возникали сбои в работе платформы ввиду одновременной работы на платформе большого количества переводчиков и недостаточной скорости доступа к сети Интернет, что неоднократно приводило к потере исправлений и повторному выполнению работы. Эта особенность привела к необходимости переформатировать условия совместных этапов работы и выполнять их первоначально в формате офлайн (электронном и бумажном), и вносить на платформу только окончательный вариант после неоднократной перекрестной проверки и редактирования.

Значительное время занял этап коррекции результатов, что обусловлено недостаточной степенью подготовленности к переводу студентов, а также таким фактором языковой локализации сайта, как регулярная актуализация размещаемых материалов. Так, на начальном этапе работы над проектом подлежащее переводу текстовое меню составляло 253 пункта («Организация питания», «Общежития», «Культурная жизнь студентов», «Международное сотрудничество», «Работа», «Финансы» и др.), на завершающем этапе – 311; в среднем пункт содержит от одного до 15 текстов. Однако, к примеру, каждый из пяти имеющихся на сайте указателей часто задаваемых вопросов по разным разделам – психологической помощи, предоставления жилья, вопросов организации работы Общества содействия студентам и др., – содержит от 50 до 200 вопросов и ответов [1]. Определенные затруднения у студентов вызвал перевод скрытого контента сайта, контекст к которому появляется только при выполнении различных функций на сайте – например, при размещении заявок [5].

Уточним, что перевод выполнялся на бесплатной основе, а вознаграждением за работу послужила поездка в Германию трех наиболее активных студентов и координатора проекта. Описывае-

мый проект можно считать в полной мере реализованным, полученный продукт деятельности размещен в свободном доступе на сайте Общества содействия студентам и представлен участниками проекта на конференции, однако мы не рассматриваем его как завершенный ввиду актуализации его отдельных материалов и необходимости их последующей языковой локализации, что позволяет и в дальнейшем использовать полученный продукт проектной деятельности в рамках учебных курсов.

Обобщая результаты интеграции реального переводческого задания в образовательный процесс отметим формирование долгосрочных партнерских академических связей в сфере международного сотрудничества, осязаемое повышение мотивация студентов, обучающихся в период подготовки и проведения проектов – даже не участвующих в проекте, а также преподавателей, получивших возможность расширить свои профессиональные компетенции. Особым бонусом для всех участников проекта стали навыки работы с переводческой платформой в режиме онлайн.

Кроме того, на системной основе формировались навыки подготовки и выполнения перевода и редактирования, поиска информации в специальной литературе и компьютерных сетях, а также планирования, программирования, моделирования, коррекции результатов проектной работы в рамках автономной и групповой деятельности, что способствует достижению требований стандарта по формированию у обучающихся общих и профессиональных компетенций.

Литература

1. Жилье в вопросах и ответах / Сайт Общества содействия студентам г. Карлсруэ // URL: <http://www.studentenwerk-karlsruhe.de/ru/wohnen/wohnungssuche/wohnen-abc/> / (дата обращения: 21.01.2015).
2. Поливанова К. Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя / К. Н. Поливанова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – С. 93.
3. Регистрация на сайте / Сайт Общества содействия студентам г. Карлсруэ // <https://www.studentenwerk-karlsruhe.de/ru/registrieren/?page=1> / (дата обращения: 21.01.2015).
4. Сайт Общества содействия студентам г. Карлсруэ // URL: <http://www.studentenwerk-karlsruhe.de/> / (дата обращения: 21.01.2015).
5. Семенов А.Л. Современные информационные технологии перевод: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / А.Л. Семенов. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 187.

УДК 81'373.2

О.В. Паньчак

*г. Горловка, Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»*

ОСОБЕННОСТИ НИКООБРАЗОВАНИЯ В ОБЗОРЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА Э. БЕНВЕНИСТА

В современной лингвистике уже доказано, что язык, развивающийся в пространстве и времени, является динамической системой. Динамика собственных имен (далее СИ) в дискурсе это подтверждает. Упорядочение хаоса, рассматриваемое как динамика языка, неразрывно связано с дискурсивной деятельностью человека.

Сам дискурс – комплексный объект с нечётко определяемым понятием в современной лингвистике. Основания дискурс-анализа были определены в работах американских лингвистов З. Харриса, Дж. Граймса, Р. Лонгейкра, Т. Гивона, У. Чейфа [3, с. 153–154].

Следует отметить, что определения дискурса вышесказанными учеными в равной степени применимы и к тексту, что явно свидетельствует о неоднозначности восприятия обоих понятий в тот период. Так, например, З. Харрис в статье «Дискурс-анализ», опубликованной в середине XX века, трактовал это понятие предельно просто, как последовательность высказываний, отрезок текста больший, чем предложение [4]. Признавалось, что текст и дискурс объединены взаимными иерархическими отношениями включения. Чёткое разграничение понятий дискурс и текст ввела французская школа дискурса в 1960-е годы (Э. Бенвенист, П. Шародо, М. Пешё, П. Серио и др.).

Одним из первых Э. Бенвенист придал слову дискурс терминологическое значение и определил его как «речь, присваиваемую говорящим» (*discours*) в противоположность «повествованию» (*récit*) или нарративу, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания. [2, с. 296]. Дискурс рассматривался как «функционирование языка в живом общении».

В своей работе мы опираемся на интерпретацию дискурса в концепции Э.Бенвениста, согласно которой дискурс – это «каждое выражение, предполагающее говорящего и слушающего, и в говорящем – намерение некоторым образом повлиять на слушающего» [5, с. 208–209]. Тогда наряду с дискурсом в языке присутствует то, что Э. Бенвенист определяет как нарратив – «умервщенный дискурс». При таком понимании, по мнению Е.Н.Белицкой, автора динамической теории собственных имен [1], динамику развития СИ следует рассматривать в рамках оппозиции дискурса с нарративом.

Указанные тезисы являются особенно важными для анализа семантики СИ, зависимой от чело- века и его интенций в гораздо большей степени, чем общая лексика. Так, этап имяприсвоения в бытовании СИ предполагает активное участие человека, дающего имя и, как следствие, упорядочивающего мир.

Таким образом, исследование процессов имяприсвоения в виртуальном мире Интернета может дать ответ на вопросы о сущности онимной номинации в дискурсе и нарративе. Особое место в виртуальном пространстве занимают социальные сети, блоги, форумы, которые служат для общения пользователей. Общаясь, люди пытаются адаптировать пространство сети под свою жизненную социальную реальность, то есть организовать порядок по аналогии с реальным миром. По этой причине они объединяются в сообщества по интересам, создают для себя желаемую жизненную легенду, заводят друзей, придумывают имена (ники).

В данной работе нас интересует динамика онимной номинации в виртуальном пространстве Интернета.

Принимая трактовку дискурса и нарратива предложенную Э.Бенвенистом, полагаем, что можно соположить дискурс с этапом имянаречения, а нарратив с этапом имяношения.

Так, дискурс предполагает говорящего в определенном пространстве и времени: «я-здесь-сейчас». В момент имянаречения также говорящий, фоноряд и объект номинации именем оказываются в одном пространстве и времени и между ними устанавливаются отношения прямого указания как результат интенции человека – автора номинации. На этом этапе, по мнению Е.Н. Белицкой [1], СИ функционально тождественны вокативам, поскольку эти структуры реализуются исключительно в ситуации, когда и говорящий, и слушающий, и его имя находятся в единых пространственно-временных рамках.

Процесс наречения ником, естественно, имеет свои особенности и отличия от наречения реальным именем. Во-первых, это самономинация, во-вторых, номинация в сети – это скорее технический момент, своеобразный пропуск на участие в виртуальной коммуникации. И зачастую пользователь спонтанно выбирает себе имя. Об этом свидетельствуют такие ники как, например, *12345*, *йцукен*, *йййййй* и под. Но функционально ники, как и другие СИ, предназначены для выделения уникального объекта и процесс наречения виртуальным ником происходит в том же режиме: «я-здесь-сейчас».

Следует отметить еще одну особенность виртуальных имен – это возможность их существования только в письменной речи, как, впрочем, и всех текстов при виртуальном общении. Но при этом Интернет-дискурс не перестает быть дискурсом в понимании этого термина Э. Бенвенистом. Ученый в своей работе «*Problèmes de linguistique générale*» говорит о необходимости рассмотрения дискурса в широком смысле: «Всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и наличие намерений у первого каким-то образом повлиять на другого – это прежде всего устные дискурсы (*discours oraux*) различной природы и уровней... Но это также и множество письменных, которые воспроизводят устные дискурсы или заимствуют из них цитаты: **переписка**, мемуары, пьесы... в общем, все жанры, когда кто-то обращается к кому-то или высказывается как говорящий» [6, с. 241–242].

Тексты, посредством которых виртуальные личности могут общаться друг с другом, создаются в условиях режима реального времени и подвержены влиянию спонтанной устной разговорной речи. Несмотря на письменное воспроизведение, речь Интернет-коммуникации обладает признаками разговорной: непринужденностью речевого акта, его неподготовленностью, непосредственным участием в нем партнеров. В таком, неизменном виде, мы и читаем эти тексты:

Провокатор: Все играли думаю в творение EA – NFS Carbon. Тык вот как-то всеравно было, а сейчас за чашкой кофэ захотелось узнать исполнителя трека, который играл в меню игры! У меня он называется просто «Main Menu». Гуглить не помогло, хотя не исключаю что плохо гуглил! Вобщем, кто знает исполнителя???

Ёлка ТигровАЯ: **Провокатор**, кажись, это «беспризорники». если не ошибаюсь в их названии. забейте в поисковик. (http://forums.kuban.ru/f1054/poisk_i_opoznanie-752149-4.html)

Из примера видно, что здесь виртуальное общение – это также спонтанная живая речь, где говорящий обращается к слушающему (в нашем случае пишущий к читающему), и где ник выступает в роли вокатива.

Согласно определению Бенвениста, дискурс включает в себя такие показатели: 1е, 2е лицо, преимущественно настоящее или будущее время, наречия: сегодня, завтра, вчера, сейчас, здесь, слова с оценочными, эмотивными или модальными семами.

Такие же показатели можно найти и в Интернет-дискурсе:

Bezhenka* : Это ЗАГОВОР! **Сергея** ну **ты** это **держишь!** **Я буду помнить твою** доброту! (<http://nvmedia.ru/talk/forum/index.php?showtopic=17&st=20>)

Елена Иванова: **Можно было бы** привлечь к какой-либо ответственности виртуального собеседника, который, например, оскорбил сильно, да несколько раз причем?

Ника: **дорогая Елена Ивановна!** **здесь** стоооолко нездоровых людей, что **надо** меньше обращать внимание на **всяких неадекватов**. (<http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4374590/>)

Дискурсу Бенвенист противопоставляет нарратив, то есть повествование (*récit*) или как он его еще называет «историческое повествование» (*l'histoire*), в котором отсутствует какая-либо референция к высказыванию и не обозначено присутствие лица; то есть нарратив полностью отвлечен от ситуации высказывания, от конкретного пространства и времени. «... здесь (в повествовании) никто не говорит; события как бы сами о себе рассказывают...» [6, с. 241]. Основными формальными показателями нарратива Бенвенист называет: 3е лицо, прошедшее время, наречия: там, в тот день, на следующий день и под.

Несмотря на такое противопоставление дискурса нарративу, эти две формы не существуют автономно и способны переходить друг в друга. Так, дискурс, отрываясь от конкретного пространства и времени, в результате трансцендентализации переходит в нарратив. Такой же переход можно наблюдать и на уровне СИ: от этапа имянаречения к этапу имяношения. На этапе использования имени при вторичном употреблении имени в других дискурсивных обстоятельствах присутствие объекта номинации в пространстве и времени говорения не является обязательным. Это статус СИ в пределах нарратива. Если дискурсивно организованную реальность языка условно можно представить как схему «я-здесь-сейчас», то нарратив – это иная пространственно-временную реальность, и она является вторичной по отношению к дискурсу и усеченной (в первую очередь, с точки зрения пространства и времени, а также участников) формой языковой организации. При этом переход вокатива в зону нарратива сопровождается большим количеством внешних факторов: от биологии и физиологии производства и восприятия звуковых последовательностей человеческого языка до влияния на эти процессы социо-культурных факторов.

В виртуальном мире Интернета также наблюдается такой процесс. По нашему мнению, здесь также этап имянаречения можно соположить с дискурсом, а этап имяношения – с нарративом. После регистрации пользователя на каком-либо сайте, то есть пройдя процесс имянаречения, его имя может начинать функционировать уже без обязательного присутствия автора и носителя имени, то есть говорящего. Отрываясь от ситуации, теряется связь между именем и лицом и тогда СИ перестает реагировать на пространство и время. Это этап имяношения.

Alisa-108: Девочки, пекла пирог Гагарина по рецепту от **Jelenka** давно на него «глаз положила!» Супер вкусно! (<http://povary.ru/forum/index.php?showtopic=1749>)

joot: ...euh...Dites...On peut rejouer???... en tous cas je me sens également proche des citations (donc des goûts?) de **Mimoune**, **Sunligh-s um** et un peu de mon voisin **Zorro26**...Salut! Joot 07 ;-)
(http://forums.france2.fr/france2/cinema/vos-meilleurs-films-sujet_1695_1.htm)

Как видно из примеров, о пользователях под никами *Jelenka*, *Mimoune*, *Sunligh-s um*, *Zorro26* говорится в 3-ем лице и их присутствие не обязательно для существования и функционирования их имен в данных высказываниях.

Таким образом, динамика онимной номинации предполагает два этапа функционирования имени – имянаречение и имяношение. Такие же этапы можно выделить и в функционировании ников (виртуальных имен), что является доказательством их лингвистического статуса. Проанализировав теорию дискурса Э.Бенвениста, мы соположили этап наделения именем с дискурсом, а «ношение имени» – с нарративом.

Литература

1. Белицкая Е.Н. Семантика онима (динамический аспект). – Горловка: Изд-во ГИИЯ ГВУЗ «ДГПУ», 2013. – 265 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика, 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
3. Дейк ван Т.А. Стратегии понимания связного // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 153–212.
4. Beaugrande R.-A. Introduction to Text Linguistics [Electronic resource]. Ed. – London: Longman, 1981. Mode of access: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.html Date of access: 17.09.2008
5. Benveniste Émile. Problems in general linguistics. Translated by Mary Elizabeth Meek. Coral Gables, Fla.: University of Miami Press, 1971. – viii, 317pp.
6. Benveniste Émile. Problèmes de linguistique générale. Paris, éditions. – Gallimard, 1966. – Т. 1. – 356 p.

УДК 8; 81-114.4

М.А. Степанова

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ: «СУВЕРЕНИТЕТ»

(на материале «Валдайской речи» президента РФ В.В. Путина 24.10.2014 г.)

Представляется, что для решения задач аксиологии, при всем многообразии собственно философских методов, неизбежным становится привлечение лингвистических методов, поскольку «все социальные, исторические и культурные ценности опосредуются в языке» [3, с. 14].

Одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики, безусловно, можно считать политическую лингвистику, в рамках которой изучается весь спектр языковой коммуникации в границах политического дискурса. В данной статье на материале конкретного публичного выступления Президента Российской Федерации рассматриваются вопросы актуализации определенных ценностных смыслов, способствующих активному структурированию аксиосферы российского общества.

К числу наиболее обсуждаемых в российском обществе выступлений В.В. Путина последнего времени, несомненно, можно отнести его «Валдайские речи». Напомним, что клуб «Валдай», созданный в сентябре 2004 года, получил свое название по месту проведения первой встречи-конференции – в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай. Дискуссионный клуб «Валдай» объединяет несколько сотен ведущих зарубежных политологов и экспертов, которые специализируются на исследованиях в области российской экономики и культурно-гуманитарной сферы. Тема заседания дискуссионного клуба в 2014г. была обозначена как «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?».

В своем выступлении на заседании «Валдайского клуба» в октябре 2014г. Президент РФ В.В. Путин четко выразил позицию относительно приоритетных траекторий развития России в современных условиях, когда «мир вступил в эпоху перемен и глубоких трансформаций» [2], неоднократно высказывая суждения о ценностной основе развития страны: «...я позволю себе высказать свои суждения по тем темам, которые вы так или иначе затрагивали в ходе дискуссий на этих встречах. <...> Прежде всего я имею в виду всеобщие дискуссии, разговор о будущем, о стратегии и ценностях, ценностной основе развития нашей страны...» (выделено нами – М.С.) [Ibid.].

В данном исследовании рассматривается процесс актуализации ценностных смыслов, реализуемых идеологемой «суверенитет».

В юридической практике понятие «суверенитет» используется в нескольких значениях [1]:

1. С. *государственный* – верховенство власти внутри страны и ее **независимость** во внешней сфере, т.е. **полнота** законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключая подчинение властям иностранных государств;
2. С. *национальный* – полновластие нации, ее политическая **свобода**, обладание **реальной возможностью** определять характер своей национальной жизни;
3. С. *народный* – полновластие народа, т.е. обладание социально-экономическими и политическими средствами для **реального участия** в управлении делами общества и государства (выделено нами – М.С.).

Казалось бы, по определению «суверенитет» означает «независимость», однако действующий Президент РФ ставит под сомнение тезис о политической свободе действий многих государств, имеющих статус суверенных:

В.В. Путин: Само понятие «национальный суверенитет» для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима [2].

(1) Вопрос о **содержании суверенитета** становится едва ли не главным для сохранения и упрочения мировой стабильности [Ibid.].

Политик выступает с глубоко ироничным комментарием относительно степени суверенности ведущих политических игроков, описывая, по сути, анекдотическую ситуацию:

(2) Что в Европе происходит? Я не буду сейчас страну называть, разговаривал с одним из своих бывших коллег из Восточной Европы. Он мне с гордостью говорит: «Вчера назначил начальника генерального штаба». Я так удивился: «Да? Какое такое достижение?» – «Ну а как же? Мы ни министра обороны, ни начальника генштаба без согласования с послом США не назначаем уже много лет». Я его спрашиваю: «Слушай, а за что же вы **продали свой суверенитет**? Объём инвестиций-то какой в вашу страну?» [Ibid.].

В противовес к, по существу, курьезной позиции европейских государств В.В. Путиным рассматривается ситуация в Азии:

(3) Там есть страны, которые действительно – таких стран в мире немного, – **реально пользуются своим суверенитетом**. Они им **дорожат** и никого к нему **не подпустят** [Ibid.].

Политик высказывает мнение о серьезном увеличении масштабов явления:

(4) <...> **борьба за независимость, суверенитет**, за разделение **разворачивается** <...> в том числе и в Судане, Палестине, курдский вопрос на Ближнем Востоке. Азия, Китай, Тибет, Гонконг – посмотрите, что сейчас происходит там. Кавказский вопрос, балканский вопрос, даже в центре Европы – Шотландия, Фландрия, баски, Каталония, Южный Тироль – этот вопрос является очень актуальным для всего мира, поэтому важно попытаться выработать способы разрешения этих проблем [Ibid.].

Ключевым принципом стабильности мировой политической системы политик считает взаимное уважение мнения всех сторон, соблюдение положений международного права, достигнутых договоренностей:

(5) Принципы очевидны. Каждое государство-участник должно **уважать права, связанные с суверенитетом** государства [Ibid.].

(6) Не имеют под собой основания и утверждения, что Россия пытается восстановить какую-то свою империю, **покушается на суверенитет** своих соседей. <...> **Уважая** интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы **учитывали**, и нашу позицию **уважали** [Ibid.].

(7) (о присоединении Крыма) Это не значит, что мы не **уважаем** в целом **суверенитет** Украинского государства. Мы это **уважаем** и намерены с **уважением** относиться к этому в будущем.

(8) Надо чётко определить, где пределы односторонних действий и где возникает потребность в многосторонних механизмах, в рамках совершенствования международного права **разрешить дилемму** между действиями международного сообщества **по обеспечению безопасности и прав человека** и **принципом национального суверенитета и невмешательства** во внутренние дела государств. [Ibid.].

Однако, по мнению политика, с сожалением приходится признать, что радикальным решением вопроса по сохранению собственной свободы и независимости преимущественно выступают активные действия государства:

Многие государства не видят других гарантий обеспечения суверенитета, кроме как обзавестись своей собственной бомбой [Ibid.].

Совершенно очевидным видится противопоставление основных ценностных установок, реализующихся в концептуальном поле, актуализатором которого является идеологема СУВЕРЕНИТЕТ: 1) уважать, дорожить, обеспечивать, гарантировать, вести борьбу (за), обеспечивать, (реально) пользоваться; 2) покушаться, продать.

Количественная представленность предикатов первой группы (7 единиц vs. 2 единицы во второй группе) позволяет говорить о преобладании в речи политика установки на сохранение ядер-

ных значений понятия «суверенитет», отказ от принятия «новых правил игры» (напомним тему заседания: «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?»), правил, которые подразумевают принципиальную подмену понятий, утрату смысловых, содержательных основ понятия «суверенитет» с сохранением только «звуковой» оболочки.

Таким образом, позиция главы российского государства четко транслирует базисную идеологическую установку, определяющую актуальные политические действия, не входящие в противоречие с фундаментальным определением понятия «суверенитет».

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 2003. – 704 с.
2. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (19 сентября 2013г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19243/work> (дата обращения: 21.01.2015).
3. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 145 с.

УДК 37.016

Д.Б. Тихонов
г. Арзамас, МБОУ СОШ № 1

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ПОРТФОЛИО КАК ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ И РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ ОДАРЕННОСТИ

Нормативной основой при определении объекта, содержания и методов оценки достижения требований федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения к результатам начального образования служат, во-первых, планируемые результаты освоения основной образовательной программы начального образования, во-вторых, совокупность требований к результатам освоения основных общеобразовательных программ, устанавливаемых федеральными государственными образовательными стандартами общего образования и направленных, в том числе, на индивидуальную оценку образовательных достижений школьника [7].

Таким образом, система оценки выходит за узкие рамки модели контроля качества образования и становится принципиально необходимым элементом модели обеспечения качества образования [3].

В этой связи видится необходимой разработка содержательной и критериальной основы внутренней оценки (оценки, осуществляемой учениками, педагогами, администрацией школы) в рамках системы оценки достижений планируемых результатов освоения ООП НОО, в том числе, по английскому языку в связи с профильной направленностью МБОУ СОШ № 1 г. Арзамаса Нижегородской области (школа с углубленным изучением английского языка). При этом наряду с традиционным четырехбалльным форматом оценивания, сформированным в рамках знаниевой парадигмы образования (а потому отражающим результат, но не процесс усвоения знаний), разрабатываемая система оценки в обязательном порядке предполагает использование накопительной системы оценивания – языкового портфолио как альтернативной формы оценивания индивидуальных достижений учащихся с целью организации личностно-ориентированного образовательного процесса в контексте компетентностно-деятельностного подхода к обучению английскому языку [6].

Выбранное направление исследования позволит компенсировать недостатки существующего оценочного формата: преобладание внешнего контроля, часто сопровождающегося санкциями; редкое использование методов самоконтроля, самокоррекции, самооценки; ориентированность проверки преимущественно на установление факта знаний и алгоритмических умений; недостаточное использование личностно-ориентированного и компетентностно-деятельностного подходов в процессе текущего контроля; «узость» и «жесткость» четырехбалльной оценочной шкалы, обедняющей диалог участников образовательного процесса, а также фактически отрицающей право ученика на ошибку в процессе поиска; лишаящей его возможности усваивать материал в своем темпе, собственной логике.

Анализ проблем, связанных с существующей системой оценивания иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, предопределил идею и замысел проводимого на базе школы совместно с АГПИ им. А.П. Гайдара (ныне – Арзамасский филиал ННГУ) с 2013 года эксперимен-

та, необходимым условием реализации которого становится осуществление компетентностного подхода в обучении английскому языку, ориентированного на формирование ключевых компетенций обучающихся в интеллектуальной, социальной, информационной и прочих сферах.

Идея эксперимента: разработать и реализовать ряд мер, направленных, с одной стороны, на изменения в системе оценки знаний, умений и навыков учащегося по английскому языку, с другой, – на изменение отношения учащегося к образовательному процессу в целом; использовать альтернативную технологию оценивания иноязычной коммуникативной компетенции в процессе обучения английскому языку.

Замысел эксперимента: создать проект папки индивидуальных достижений в изучении английского языка (языкового портфолио как инструмента оценки и самооценки учащегося в области изучения английского языка) для обучающихся, участников экспериментальной группы, с заданиями, таблицами для самооценки, оценочными листами, отражающими результаты учебной деятельности и внеурочной работы по английскому языку.

Цель эксперимента: внедрить языковой портфолио в педагогическую практику школы как компонент системы оценивания иноязычной коммуникативной компетенции учащегося.

Являясь альтернативным по отношению к традиционным формам способом оценивания, языковой портфолио позволяет разрешить проблемы, связанные с недостатками существующей системы оценивания образовательных результатов учащихся по английскому языку и призвано выполнить такие функции [8], как:

1. Диагностическая – фиксирует качественные изменения в личностном росте обучающегося в процессе освоения учебного предмета за определенный период времени.
2. Целеполагания – способствует поддержанию учебных целей.
3. Мотивационная – поощряет совместные результаты достижений учащегося, учителя, родителей при изучении английского языка.
4. Содержательная – раскрывает весь спектр выполняемых учащимся при изучении английского языка работ.
5. Развивающая – обеспечивает непрерывность процесса обучения.
6. Рейтинговая – демонстрирует диапазон навыков и умений учащегося.

Интегрированный подход к контролю коммуникативно-информационных, социокультурных и учебных умений на английском языке, обусловленный сочетанием в педагогической практике школы традиционной системы оценивания и языкового портфолио, обеспечит реальный переход от знаниецентричной (информационной) к компетентностной (деятельностной и ценностно-ориентированной) модели лингвистического образования.

Участвуя в работе над языковым портфолио обучающийся становится непосредственным участником определения целей овладения изучаемым языком, намечает ситуации, в которых ему необходим изучаемый язык; включается в проектирование конечного результата овладения английским языком, отвечая для себя на вопрос «Что я умею и что необходимо уметь для достижения той или иной цели овладения языком?»; совместно с учителем, родителями, своими товарищами отбирает наиболее приемлемые и эффективные формы и приемы обучения, соответствующие его интересам и индивидуальному стилю учебной деятельности; отслеживает процесс и успешность своего продвижения в овладении английским языком (что и как получается – не получается); оценивает свои реальные достижения (что конкретно я уже умею – мои сочинения, исследования, творческие работы, опыт общения, справочные материалы и т.п.); оценивает себя, определяет свою позицию [3].

Разработка и апробация языкового портфолио способствует поощрению активности и самостоятельности учеников; расширению возможностей обучения и самообучения английскому языку; развитию навыков рефлексивной, оценочной и самооценочной деятельности учащихся; формированию умения учиться – ставить цели, планировать и организовывать собственную учебную деятельность; индивидуализации англоязычного образования.

Языковой портфолио как компонент системы оценки достижений планируемых результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования призван обеспечить вовлеченность в оценочную деятельность не только педагогов, но и самих учащихся, а также позволяет осуществить длительный мониторинг образовательных достижений ученика и развития сферы его интересов на разных этапах обучения английскому языку.

Содержательный и критериальный потенциал портфолио позволяет реализовать основные функции универсальных учебных действий:

1. Обеспечение возможности для учащегося самостоятельно осуществлять деятельность учения, ставить учебные цели, искать и использовать необходимые средства и способы их достижения, контролировать и оценивать результаты деятельности.
2. Создание условий для гармоничного развития личности и ее самореализации на основе готовности к непрерывному образованию; обеспечение успешного усвоения знаний, формирование умений, навыков и компетенций в любой предметной области.

Практическая значимость внедрения языкового портфолио в систему оценивания уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся выражается в том, что, являясь инструментом оценки знаний, умений и навыков учащихся, портфолио, в то же время, выступает фактором оптимизации планируемых предметных, метапредметных, личностных результатов освоения программы по английскому языку на ступени начального образования.

Литература

1. Гусев Д.А. Генезис представлений в понимании предназначения народного прикладного творчества в развитии сельского социума // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 11–4. – С. 895–898.
2. Гусев Д.А. Познавательно исследовательская деятельность как средство амплификации детского развития // *Дошкольное воспитание*. – 2014. – № 7. – С. 104.
3. Жесткова Е.А. Формирование и развитие диалога культур при изучении иностранных языков // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 12.
4. Жесткова Е. А. Изучение профессионального самоопределения школьников // *Акмеология. Научно-практический журнал*. – 2014. – № 1–2. – С. 80–81.
5. Жесткова Е.А. Формирование навыков проектной и исследовательской деятельности в начальной школе // *Нижегородское образование*. – 2010. – № 4. – С. 136–141.
6. Жесткова Е. А. Лингвокультурологический и когнитивно-дискурсивный подходы в преподавании русского языка в полиэтнической школе // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – 2014. – № 2. – С. 77–81.
7. Стандарты второго поколения. Примерные программы по учебным предметам. Английский язык. 5–9 классы: проект. – М.: Просвещение, 2011.
8. Стандарты второго поколения. Фундаментальное ядро содержания образования. – М.: Просвещение, 2011.

УДК 378

М.П. Трофименко

г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

На сегодняшний день целью высшего образования является подготовка высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов, способных обеспечить социально-экономическое и культурное развитие нашей страны, а также способных принимать самостоятельные решения на производстве.

В свете современных требований к подготовке специалистов, особую актуальность приобретает формирование у студентов потребности к самообразованию, самостоятельности мышления, умения отстаивать свою точку зрения. Задача педагога высшей школы состоит не просто в передаче знаний студентам, но и организации самостоятельной работы студентов. Выпускники вуза должны обладать теоретическими знаниями, практическими навыками по выбранным направлениям обучения, готовностью к решению профессиональных задач в сфере профессиональной деятельности. Одним из основных профессиональных качеств специалистов во многих отраслях современного производства выступает знание иностранного языка (далее – ИЯ).

Согласно стандартам третьего поколения ФГОС ВПО владение иностранным языком является неотъемлемой частью профессиональной подготовки специалистов в вузе (квалификация выпускника – бакалавр). В стандартах прописаны общекультурные (далее – ОК) и общепрофессиональные компетенции (далее – ОПК), которые необходимо формировать и развивать в процессе освоения учебных дисциплин, в том числе и учебной дисциплины «Иностранный язык». Так, выпускник ВУЗа должен: обладать способностью к письменной, устной и электронной коммуникации на государственном языке и необходимым знанием иностранного языка (хороший английский язык) (ОК-11) (направление подготовки «230400.62 – Информационные системы и технологии»); вла-

деть одним из иностранных языков на уровне не ниже разговорного (ОК-9) (направление подготовки «100700.62-Торговое дело»); владеть одним из иностранных языков на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность (ОК-14) (направление подготовки «080200.62 – Менеджмент»); обладать способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5) (направление подготовки «21.03.02 – Землеустройство и кадастры»); быть готовым к использованию знания иностранного языка в профессиональной деятельности и в профессиональной коммуникации (ОК-13) (направление подготовки «030300.62 – Психология», профиль подготовки «Психология развития и образования»); владеть одним из иностранных языков на уровне профессионального общения (ОПК-5) (направление подготовки 050100.62 – «Педагогическое образование»); быть способным ориентироваться в основных этапах и процессах развития зарубежной литературы и журналистики, использовать этот опыт в профессиональной деятельности (ОПК-5) (направление подготовки 031300.62 – «Журналистика»); быть способным эффективно использовать иностранный язык в связи с профессиональными задачами (ОПК-18) (направление подготовки 031300.62 – «Журналистика») [4].

В современных условиях все чаще возникает потребность в специалистах, способных и готовых вступать в межличностные и деловые коммуникации с представителями других стран и способных решать профессиональные задачи в условиях иноязычного общения. На практике же основная масса выпускников неязыковых специальностей вузов показывает достаточно низкий уровень владения ИЯ и, как следствие, неготовность к использованию ИЯ в профессиональной деятельности, что иногда является препятствием при устройстве на работу в крупную компанию.

Итак, современная ситуация на рынке труда показывает, что ИЯ (английский) является не только обязательной дисциплиной учебного плана, но и важной составляющей конкурентоспособности выпускника. Традиционно, данная дисциплина относится к базовой части блока дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла ФГОС ВПО и является обязательной для изучения, для «общего развития» обучающегося. Конечный результат освоения дисциплины «*Иностранный язык*» предполагает:

- наличие языковой и коммуникативной компетенции, достаточной для дальнейшей учебной деятельности, для последующего изучения зарубежного опыта в определенной (профилирующей) области науки и техники, а также для осуществления деловых контактов на элементарном уровне;

- знание и умение грамотного использования в своей профессиональной деятельности лексики, владение лексическим минимумом (1200-2000 лексических единиц, то есть слов и словосочетаний, обладающих наибольшей частотностью и семантической ценностью), грамматическим минимумом, включающим грамматические структуры, необходимые для обучения устным и письменным формам общения;

- умение вести на иностранном языке беседу – диалог общего характера, соблюдать правила речевого этикета, читать литературу по специальности без словаря с целью поиска информации, переводить тексты по специальности со словарём, составлять аннотации, рефераты и деловые письма.

Зачастую, от уровня владения иностранным языком зависят возможности реализации молодого специалиста в своей профессии. Разработка курса дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах является одной из самых актуальных проблем современной методики.

К сожалению, на освоение дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах выделяется относительно небольшое количество часов, что снижает мотивацию студента к изучению данной дисциплины и эффективность работы студента на занятиях по иностранному языку. Многие студенты вынуждены изучать язык за пределами вуза, в учреждениях дополнительного образования.

Несмотря на это, преподаватель вуза должен эффективно использовать отведенное время на повышение языкового уровня студента. Это возможно при использовании коммуникативного подхода к обучению, являющегося самым распространенным на сегодняшний день [7]. Коммуникативный метод является основой современных учебников по иностранному языку на всех ступенях обучения. Таким образом, обучение английскому языку как иностранному должно быть направлено на решение коммуникативных задач, возникающих в процессе «живого» речевого общения. Одной из основных сфер коммуникации студента является его профессиональная сфера. Обучение

навыкам работы со специальной литературой является важнейшим элементом профессионализма и показателем высокого уровня готовности выпускника к профессиональной деятельности.

Объем и содержание учебного материала должен соответствовать социальным и профессиональным потребностям студентов. Дисциплину «Иностранный язык» студенты осваивают на 1-2 курсах обучения. На данном этапе у них еще не сформированы представления о необходимых профессиональных компетенциях. Поэтому тематика учебных текстов и вопросов для обсуждения подбирается преподавателем для решения учебных и будущих профессиональных задач.

Основным источником получения информации по специальности является один из видов речевой деятельности – чтение, заключающееся в работе с основными учебными текстами; дополнительными, аутентичными (статьи из газет и журналов, ресурсы Интернета); а также текстами для внеаудиторного чтения.

При работе с текстами основное внимание уделяется развитию следующих навыков и умений:

- чтение текста и перевод;
- нахождение основной мысли;
- деление текста на смысловые части и их озаглавливание;
- подбор соответствий (эквивалентов);
- составление вопросов к тексту и ответы на предложенные преподавателем вопросы;
- полное или краткое изложение прочитанного;
- высказывание собственного мнения и отношения по прочитанному;
- интерпретация идей автора;
- нахождение дополнительной информации по проблеме.

Однако следует отметить, что процесс обучения ИЯ ориентирован не только на чтение текстов по специальности, но и на развитие коммуникативных навыков в определенной ситуации профессиональной сферы. Профессионально-ориентированное общение предполагает взаимодействие представителей различных культур в сфере профессиональной коммуникации, направленное на успешное решение профессионально значимых для участников общения задач путем достижения взаимопонимания [1].

В современных условиях модернизации системы Российского образования все большее значение приобретают новые педагогические технологии, требующие внедрения интерактивных методов обучения в учебный процесс и способствующие активной роли обучающегося. Роль преподавателя заключается во внедрении в образовательный процесс интерактивных методов обучения, которые призваны обеспечивать интеграцию образования и науки с производством. Использование интерактивных методов в образовательном процессе побуждает и преподавателя, и обучающегося к творчеству, установлению обратной связи и доверительно-равных отношений.

В основе рабочей программы учебной дисциплины «Иностранный язык» для неязыковых факультетов нашего университета лежит программа «Иностранный язык для неязыковых вузов и факультетов» под общей редакцией С.Г. Тер-Минасовой, которая рассчитана на студентов, изучавших иностранный язык в школе, и достигших «уровня выживания», согласно общеевропейской шкале владения языком [6]. Программа рассчитана на 2–4 семестра изучения.

На занятиях по иностранному языку преподаватель должен обеспечить активное участие каждого обучающегося, стимулировать речевое общение и способствовать формированию устойчивого интереса к изучению иностранного языка. По мнению Полат Е.С. [3], решить эти задачи возможно посредством игровых методов обучения.

Игровые методы обучения используют различные способы мотивации:

- мотивы общения (стимулирование межличностного общения и укрепление отношений между учащимися);
- моральные мотивы (учащиеся отстаивают свою точку зрения, свои знания, свое отношение к деятельности);
- мотивы достижения цели [2, с. 202].

Наиболее распространенными педагогическими технологиями, используемыми преподавателями нашей кафедры в процессе обучения иностранным языкам, являются проблемное изложение материала, проблемные задачи, деловые игры, «круглый стол», «снежный ком», диалоги, полилоги.

В I семестре студенты овладевают навыками общения в бытовой и социально-культурной сферах. Обучающиеся изучают такие лексические темы, как «Моя семья», «Моя биография», «Мой

рабочий день», «Моя страна», «Страна изучаемого языка». Несмотря на общую тематику, в рамках каждой темы учитывается направление подготовки студентов. Например, при изучении темы «Моя биография» студент сообщает, почему он выбрал данное направление, круг своих интересов, в том числе, профессиональных. В качестве внеаудиторного чтения студентам, например, предлагаются тексты о выдающихся людях выбранного направления подготовки.

Во II семестре студенты работают с такими лексическими темами, как «Система высшего образования в России», «Система высшего образования за рубежом», «Иностранный язык как фактор успешной профессиональной деятельности», в основном, на профессионально-ориентированном материале.

Итак, в результате успешного овладения учебным материалом программы дисциплины, студенты овладевают навыками общения в бытовой, социально-культурной и профессионально-коммуникативной сферах общения на иностранном языке.

На втором курсе студенты изучают дисциплину «Иностранный язык в профессиональной сфере» или «Деловой иностранный». Обучение на занятиях проходит в интерактивной форме, предполагающей общение в диалоговой форме посредством моделирования реальных ситуаций профессионального общения. Такие формы обучения помогают студентам осознать сущность выбранной профессии, требования, предъявляемые к представителям профессии. Основными видами работы можно назвать следующие: обыгрывание коммуникативных ситуаций, обсуждения, дискуссии, ролевые игры, интервью, также используется метод проектов и презентации. Все эти активные методы обучения и виды работ на занятиях способствуют развитию самостоятельности студентов в процессе решения профессиональных задач.

Таким образом, использование разнообразных педагогических технологий методов обучения в процессе преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык» направлено на формирование у студентов умений и навыков профессионального общения на иностранном языке, что в дальнейшем способствует им стать востребованными высококвалифицированными специалистами в выбранной профессии.

Литература

1. Ионова А.М. Методика обучения профессионально-ориентированному устному общению студентов бакалавриата на основе лингвокультурологического подхода (направление подготовки 031900 «Международные отношения»). Автореф. дис... канд.пед.н. – М., 2012.
2. Малявская И.К. Интерактивные игры на уроках английского языка как средство введения лексического материала. Интерактивные инновационные методы обучения студентов иностранным языкам: материалы международной научно-практической конференции, 6–8 октября 2010г. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова» 2010. – С. 201–202.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. / Под ред. Е.С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия». 2002. – С. 12–13.
4. Осипова Н.Н., Соловьева Н.С., Трофименко М.П. [Текст] //European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 12. – Т. 1.
5. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (3 поколение) – <http://fgosvo.ru/>.
6. Тер-Минасова С.Г. Иностранный язык для неязыковых вузов и факультетов. Примерная программа [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://ed.dgu.ru/>.
7. Чеканова А.Э. Коммуникативный подход в методике развития словесно-логического мышления студентов при обучении английскому языку // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 23–26.

УДК 378.14

В.И. Трошкина

г. Самара, Самарский государственный институт культуры

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Формирование новой образовательной парадигмы в системе высшего образования России с неизбежностью вызывает как преобразование содержания, форм и средств обучения, так и соответствующие трансформации системы и содержания контроля качества обучения в новых условиях. При этом не исключается также изменение статуса конкретной дисциплины в системе подготовки бакалавра определенного направления / профиля или специалиста. Так, дисциплина «Ино-

странный язык», которая в условиях неязыкового вуза выступала как вспомогательная, являющаяся для будущего специалиста дополнительным средством овладения профессиональными знаниями и сведениями, отныне включена в базовую (обязательную) часть Гуманитарного, социального и экономического цикла (согласно ФГОС ВПО направлений бакалавриата) и, таким образом, превращается в самостоятельную базовую составляющую профессионального образования.

В связи с модернизацией системы профессионального образования в неязыковых вузах совершенствуется система обучения иностранным языкам в данном типе вузов: все большую актуальность приобретают интерактивные формы обучения, в основе которых лежит деятельностный подход к обучению, стремление к развитию интеллектуальных способностей обучающихся, критического мышления как конструктивной интеллектуальной деятельности, осмысленное восприятие информации и последующее ее усвоение [2]. При этом особый акцент делается на организации интерактивного обучения в контексте будущей профессиональной деятельности выпускников-бакалавров неязыкового вуза.

Такой подход к обучению определяет стратегии разработки программ обучения иностранному языку, постановку целей, выбор содержания обучения.

Анализ ФГОС третьего поколения для вузов культуры и искусств позволяет констатировать, что при освоении иностранного языка доминирующей является практическая цель, которая отражает установку общества на обучение и овладение языком как средством общения. В литературе последних лет речь идет также о стратегической цели обучения иностранным языкам, суть которой заключается в достижении такого уровня владения языком, который присущ носителю языка [2].

Формулируемые ФГОС компетенции, связанные с освоением иностранного языка, как цели изучения этой дисциплины определяют содержание, методы, средства, организационные формы обучения, т.е. лежат в основе программы обучения иностранному языку и УМК, позволяющего реализовать содержание этой программы. Программа обучения иностранному языку в неязыковом вузе должна способствовать не просто повышению исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, а формированию такого уровня коммуникативной компетенции, который был бы достаточным для решения коммуникативных задач в профессиональной деятельности, а также и для дальнейшего самообразования выпускника вуза.

Программа обучения иностранным языкам, реализуемая с 2011 г. в Самарском государственном институте культуры, направлена на реализацию общих для неязыковых вузов целевых установок:

- повышение уровня учебной автономии, способности к саморазвитию;
- развитие когнитивных и исследовательских умений;
- развитие информационной культуры;
- расширение кругозора и повышение общей культуры студентов;
- воспитание толерантности и уважения к культуре и духовным ценностям разных стран и народов [3, 5].

Уровень достижения обозначенных целей определяется уровнем сформированности языковой, речевой, социокультурной, информационной, профессиональной и общекультурной компетенций.

Комплексное формирование перечисленных компетенций происходит в процессе освоения учебного материала, предлагаемого программой, с помощью применяемых в процессе обучения образовательных технологий, базирующихся на принципах интерактивного обучения, предусматривающих «передачу инициативы учения от преподавателя к обучающемуся, взаимодействие обучающегося с учебной средой – источником усваиваемого опыта, побуждение обучающихся к самостоятельному поиску» [2, с. 94].

В ситуации с небольшим количеством аудиторных часов, отводимых на изучение иностранного языка в неязыковом вузе, возрастает роль самостоятельной работы обучающихся. В таком случае, как правило, основная часть заданий для самостоятельной работы предполагает использование информационных технологий – поиск информации в Интернет, ее последующая обработка с помощью прикладных программ и представление результата самостоятельной учебной деятельности в виде устного или письменного доклада / сообщения / реферата или презентации, выполненной в Power Point.

Объем и содержание учебного материала, предлагаемого на аудиторных занятиях, оказывает непосредственное влияние на формирование пакета заданий для самостоятельной работы. Самостоятельная работа должна быть логическим продолжением работы студента в аудитории и при-

звана не только развивать и закреплять полученные в аудитории навыки, но и создавать условия освоения необходимой дополнительной информации для решения задач, обозначенных программой обучения иностранному языку на данном этапе. В целом же развитие навыков самостоятельной работы при изучении иностранного языка будет способствовать формированию готовности выпускника вуза к непрерывному самообразованию.

Отличительной особенностью новых образовательных стандартов по сравнению с ГОС предыдущих поколений является то, что результатом образования является не объем полученных знаний, а комплекс сформированных компетенций, ориентированных на задачи будущей профессиональной деятельности выпускника и отвечающих запросам работодателей. Обновление содержания образования требует изменения контрольно-оценочной составляющей образовательного процесса. Основу этих изменений составляет компетентностный подход к оценке конечных результатов образования [1].

Задача оценивания компетенций в условиях реализации ФГОС ВПО третьего поколения решается путем создания фондов оценочных средств [4]. Под фондом оценочных средств понимается комплект методических и контрольных измерительных материалов, а также описаний форм и процедур, предназначенных для определения качества освоения студентом учебного материала и оценивания компетенций на разных стадиях обучения студентов. Он разрабатывается с учетом особенностей действующих основных образовательных программ (ООП) и является их неотъемлемой частью. При разработке комплекса оценочных средств в условиях введения ФГОС третьего поколения необходимо принимать во внимание то, что:

- оценочные средства должны быть разработаны для проверки качества формирования компетенций;
- оценочные средства должны быть не только действенным средством оценки, но и средством обучения.

Фонд оценочных средств предназначен для осуществления различных видов контроля на протяжении всего курса обучения.

Текущий контроль успеваемости осуществляется в течение семестра, в ходе повседневной учебной работы. Данный вид контроля стимулирует у студентов стремление к систематической самостоятельной работе по изучению дисциплины.

Текущий контроль знаний студентов осуществляется как устный опрос (групповой или индивидуальный); проверка выполнения письменных домашних заданий; проведение контрольных работ; тестирование (письменное или компьютерное); проведение тематических конференций (с последующим анализом и обсуждением); контроль самостоятельной работы студентов (в письменной или устной форме).

Рубежный контроль проводится при завершении работы над модулем и оценивает успешность усвоения данного модуля.

Промежуточная аттестация студентов по дисциплине осуществляется в виде зачета или экзамена по семестрам.

Промежуточная аттестация может проводиться по результатам текущего контроля (зачет или экзамен в рамках балльно-рейтинговой системы).

Итоговый контроль проводится в виде выпускного экзамена за весь курс обучения иностранному языку. Объектом контроля является уровень овладения компетенциями, определенными ФГОС и программой.

В соответствии с ФГОС ВПО фонды оценочных средств включают в себя типовые задания, контрольные работы, тесты и другие оценочные средства, позволяющие оценить знания, умения и уровень приобретенных компетенций. Комплект оценочных средств по дисциплине «Иностранный язык» должен соответствовать разделу рабочей программы дисциплины – «Содержание дисциплины» и включать тестовые задания и другие оценочные средства по конкретному разделу дисциплины. Каждое оценочное средство по теме должно обеспечивать проверку усвоения определенных элементов учебного материала [4]. В комплекте тестовых заданий используются различные формы тестовых заданий, а именно: выбор одного варианта ответа из предложенного множества, выбор нескольких верных вариантов ответа из предложенного множества, задания на установление соответствия, задание на установление правильной последовательности, задание на заполнение пропущенного ключевого слова (открытая форма задания) и т.д. [5].

В настоящее время разработаны новые методы для определения уровня формирования компетенций обучающихся, прошедших соответствующую подготовку. Наиболее распространенными из них являются стандартизированные тесты с дополнительным творческим заданием и рейтинговая система оценки. Поскольку в соответствии с компетентным подходом данный тест направлен на определение не только знаний / умений / навыков, но и компетенций, он не является полностью закрытым (не предполагает только выбор правильных вариантов ответа), но включает в себя творческое задание (перевод, реферирование текста). Стандартизированные тесты с творческим заданием могут проводиться на всех этапах обучения, то есть служить и для промежуточного, и для итогового контроля [7].

Применяемая в современных условиях модульно-рейтинговая система обучения – это метод, при котором учебный материал разделяется на логически завершенные части (модули), после изучения каждого из которых предусматривается аттестация в форме контрольной работы, теста, тематической конференции, ролевой / деловой игры и т.д. Работы оцениваются в баллах, сумма которых определяет рейтинг каждого обучающегося. Модульно-рейтинговая система подходит для оценки компетенции в силу того, что в баллах оцениваются не только знания и навыки обучающихся, но и их творческие возможности: активность, неординарность решений поставленных проблем, умения организовать группу для решения проблемы и т.д. Каждый модуль включает обязательные виды работ – практические занятия, домашние, индивидуальные работы, а также дополнительные работы по выбору (участие в олимпиаде, написание реферата, выступление на конференции, участие в НИРС, выполнение упражнений повышенной сложности, подготовка видеопрезентации). Существуют иные новейшие методы, например, кейс-метод, метод портфолио, метод развивающейся кооперации, метод проектов, деловая игра, которые сочетают в себе обучающие и контролирующие функции [6].

Обобщая изложенное выше, можно сказать, что для создания актуального фонда оценочных средств, который будет выполнять не только диагностические и прогностические функции, но и служить средством обучения и развития личности, необходимо провести большую подготовительную работу с использованием инновационных способов и средств оценки компетенций.

Литература

1. Звонников В.И. Контроль качества обучения при аттестации: компетентный подход [Текст] / В.И. Звонников, М.Б. Чельшкова. – М.: Университетская книга, Логос, 2009. – 272 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Текст] / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.
3. «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов: Примерная программа / Под рук. и под общей ред. С.Г. Тер-Минасовой. – М., 2009. – 23 с.
4. Кабанова Т.А. Компетентно-ориентированные оценочные средства: проблемы разработки и реализации в условиях перехода на ФГОС ВПО [Текст] / Т.А. Кабанова, В.А. Новиков. – М.: Высш. шк., 2010. – 359 с.
5. Кабанова Т.А. Тестирование в современном образовании [Текст] / Т.А. Кабанова, В.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 2010. – 381 с.
6. Компетентный подход. Реферативный бюллетень. Российский Государственный Гуманитарный университет. Управление двухуровневой системы подготовки и качества образования [Текст]. – М.: РГГУ, 2005. – 28 с.
7. О совершенствовании учебно-методической работы в высших учебных заведениях (версия с обновлениями ПетрГУ 1998, 2003) [Текст] // Инструктивное письмо № 32. – 22 октября 1982, Министерство высшего и среднего специального образования СССР. – М. – 52 с.